Весь Шекли

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ
SCI-FI FOUNDATION

ЭКСМО

Весь

ШЕКЛИ

Весь

ШЕКЛИ

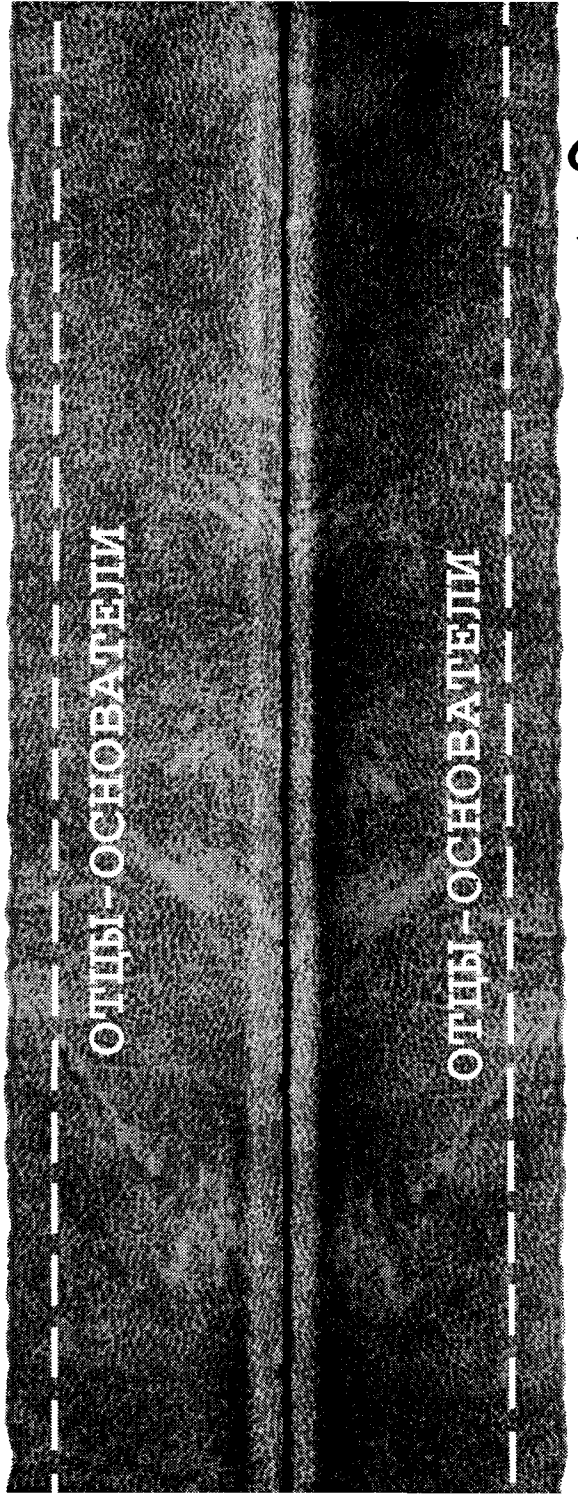
ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

ОБМЕН РАЗУМОВ

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА

ЛАБИРИНТ МИНОТАВРА

Роберт

ШЕКЛИ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

Москва
Эксмо
2006

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Ш 40

ROBERT SHECKLEY

THE STATUS CIVILIZATION
DRAMOKLES: AN INTERGALACTIC SOAP OPERA
THE JOURNEY OF JOENES
A TICKET TO TRANAI
ALIEN STARSWARM
STORIES

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Шекли Р.

Ш 40 Цивилизация статуса: Фантастические произведения/Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 992 с. (Серия «Отцы-основатели. Весь Шекли»).

ISBN 5-699-03457-9

В первый том собрания сочинений знаменитого американского фантаста вошли произведения, относящиеся к научной фантастике. Свежие идеи, блистательные сюжеты, тонкий юмор, оригинальная творческая манера и неординарный взгляд писателя на мир — фирменный коктейль по рецепту Роберта Шекли!

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© Robert Sheckley, 1956...2003. Публикуется с разрешения автора
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003
© Перевод. В. Бабенко, В. Баканов, В. Бук, А. Вавилов, И. Васильева, О. Вассант, А. Волнов, Р. Гальперина, М. Гутов, М. Данилов, Н. Евдокимова, А. Ежков, А. Иорданский, Н. Калинина, Б. Клюева, А. Корженевский, Г. Косов, Ю. Логинов, А. Нефедов, Б. Носик, Т. Озерская, Л. Резник, А. Рогулина, В. Серебряков, В. Скороденко, О. Степашкина, И. Тогоева, М. Черняев, Т. Шинкарь, 2003

ISBN 5-699-03457-9

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

Посвящается моей жене Зиве

Глава 1

Сознание возвращалось медленно и болезненно. Он прорывался сквозь плотный слой сна, из воображаемого начала всех начал, пересекал само время. Он вытянул псевдоподию из изначальной тины, и эта псевдоподия была *им*. Он стал амебой, заключавшей в себе *его* сущность, затем рыбой, помеченной некоторой индивидуальностью, затем обезьяной, не похожей на других. И наконец стал человеком.

Каким? Он смутно видел себя стоящим с лучевиком в руках над трупом. Вот таким.

Он очнулся, протер глаза и стал ждать других воспоминаний.

Но ничего не вспомнил. Даже имени.

Он поспешно сел и приказал памяти вернуться. Безрезультатно. Он огляделся вокруг, надеясь найти ключ к своей личности.

Маленькая серая комната, в одном конце которой закрытая дверь. В другом, в алькове, сквозь штору виднелся крошечный туалет. Помещение освещалось из какого-то скрытого источника — возможно, с потолка. В комнате стояли кровать, стул — и больше ничего.

Он подпер подбородок рукой, сомкнул веки, попытался сосредоточиться. Гомо сапиенс, мужчина, человек с планеты Земля. Он говорил на языке, называющемся английским. (Значило ли это, что были другие языки?) Ему были известны названия предметов: комната, кровать, стул. Он обладал, кроме того, определенным запасом общих знаний. Но отдавал себе отчет, что существует великое множество важных вещей, которые он знал когда-то, но не знает сейчас.

«Со мной что-то случилось».

Это «что-то» могло кончиться хуже. Если бы оно продлилось еще немного, он мог остаться безмозглым созданием, лишенным дара речи, не осознающим даже того, что он является человеком, мужчиной, землянином. Кое-что ему сохранили.

Но когда он попытался выйти за рамки известных ему фактов, то наткнулся на темную, заполненную ужасом зону. НЕ ВХОДИТЬ.

«Я, наверное, был болен».

Единственное разумное объяснение. В свое время, вероятно, у него были какие-то воспоминания о птицах, деревьях, друзьях, собственном положении в обществе, а может быть, и о жене. Теперь он мог лишь предполагать их. Когда-то он говорил: «Это похоже на...» или «Это напоминает мне...» Теперь же ничто ни о чем ему не напоминало, вещи были сами собой — и только. Он потерял возможность сравнивать и противопоставлять. Он не мог больше анализировать настоящее в свете пережитого прошлого.

«Должно быть, я в больнице».

Конечно. Здесь его лечат. Добрые врачи трудятся над возвращением ему памяти, осознания личности, чтобы сообщить ему, кто он и что он. Благородный труд! Он почувствовал, как на глазах у него выступили слезы благодарности. Он встал и медленно обошел комнатку. Дверь была заперта. Его охватил панический страх, который он решительно подавил в себе. Возможно, он был буйным.

Что ж, он будет буйствовать. Они увидят. Надо поговорить с врачом.

Он стал ждать. Прошло немало времени, прежде чем в коридоре послышались шаги.

Шаги остановились у его двери. Панель откатилась в сторону, и возникло чье-то лицо.

— Как самочувствие?

Судя по коричневой форме и предмету, висящему на поясе (вероятно, оружие, подумал он), пришедший был охранником.

— Вы можете сказать, как меня зовут?

— Называй себя «четыреста второй», — сказал охранник. — По номеру камеры.

Это ему не понравилось. Но лучше 402-й, чем никто. Он спросил:

— Я долго болел? Сейчас мне лучше?

— Да, — лаконично заверил охранник. — Веди себя спокойно. Подчиняйся правилам. Не вздумай дурить.

— Конечно, — согласился 402-й. — Но почему я ничего не могу вспомнить?

— Так всегда бывает, — ответил охранник и повернулся к выходу.

402-й окликнул его:

— Подождите! Нельзя же так оставлять меня, не объяснив. Что со мной случилось? Почему я в больнице?

— В больнице? — удивился охранник и, ухмыляясь, посмотрел на 402-го. — С чего ты взял?

— Я так предполагаю.

— Ты предполагаешь неверно. Это тюрьма.

402-й вспомнил сон об убитом человеке. Сон или воспоминание? Он отчаянно взмолился:

— В чем меня обвиняют? Что я сделал?

— Узнаешь, — бросил страж.

— Когда?

— После приземления. А пока готовься к собранию.

Он ушел. 402-й сидел на кровати и пытался думать. Кое-что прояснилось: он в тюрьме, и тюрьма вскоре приземлится. Что все это значит? Зачем тюрьме приземляться? И что за собрание ждет его впереди?

...У 402-го осталось довольно смутное впечатление о том, что произошло дальше. Он не помнил, долго ли просидел на кровати, пытаясь склеить обрывки знаний о себе самом. Потом ему почудилось, будто прозвенел звонок. Дверь камеры открылась.

Зачем? Что бы это значило?

402-й подошел к двери и выглянул в коридор. Он был очень возбужден, но ему не хотелось покидать камеру — она давала ощущение безопасности. Подошел охранник.

— Не бойся. Никто тебе ничего не сделает. Иди по коридору прямо.

Охранник легонько подтолкнул его, и 402-й пошел по коридору. Он видел другие открытые камеры, людей, выходящих в коридор. Поначалу их было немного; людской поток увеличивался, заполняя проход. Большинство было в замешательстве, все молчали. Покрикивали только охранники:

— Прямо, давай двигай, прямо!

Их пригнали в большую круглую аудиторию. На балконе, опоясывающем комнату, стояли вооруженные стражи. Их присутствие казалось необязательным: испуганная и ничего не соображающая толпа и не помышляла о бунте. Однако охранники имели символическое значение — напоминали только что пробудившимся людям о самом важном факте их жизни: они арестанты.

Через несколько минут на балконе появился человек в темной форме. Он поднял руку, призывая к вниманию, хотя с него и так не спускали глаз, и по аудитории загремел голос:

— Слушайте внимательно и постарайтесь запомнить, что я вам скажу. Эти факты важны для вашего существования. Все вы,— продолжал оратор, — недавно очнулись в своих камерах. Вы поняли, что ничего не помните о прежней жизни, даже собственных имен. У вас есть лишь скудный запас общих сведений,

достаточный, однако, для взаимодействия с реальностью. Я не расширю ваши познания. Все вы там, на Земле, были злобными и гнусными преступниками, людьми наихудшего сорта, лишенными государством права на существование. В менее просвещенные века вас бы казнили. В наше время вас выслали.

По аудитории прошел шум, и офицер поднял руку, требуя тишины.

— Все вы преступники. У вас одна общая черта — неспособность выполнять основные обязательные правила человеческого общества. Эти правила необходимы в цивилизованной среде. Нарушив их, вы совершили преступление против человечества. Поэтому оно отторгло вас. Вы — палка в колесах цивилизации и изгнаны в мир вам подобных. Здесь вы вправе создавать свои законы и умирать по ним. Здесь свобода, которой вы жаждали, — неудержимая и губительная свобода роста раковых клеток.

Оратор вытер лоб и сурово воззрился на узников.

— Но, возможно, — произнес он, — некоторые из вас сумеют исправиться. Омега — планета, на которую мы летим,— это *ваша* планета, ее населяют исключительно преступники. Это мир, где вы можете начать жизнь сначала, с чистой страницы, без всяких предубеждений против вас! Вашего прошлого нет. Не пытайтесь вспомнить его. Подобные воспоминания только стимулируют криминальные наклонности. Считайте себя заново родившимися в момент пробуждения в камере.

Взвешенные, продуманные слова оказывали какое-то гипнотическое воздействие.

— Новый мир, — говорил оратор. — Вы переродились — но с необходимым сознанием греха. Иначе вам было бы не по силам бороться со скрывающимся в вас злом. Помните это. Помните: спасения нет и нет возврата. Сторожевые корабли, оснащенные новейшим лучевым оружием, патрулируют воздушное пространство Омеги днем и ночью. Они уничтожат любой предмет, поднявшийся более чем на пятьсот футов над поверхностью планеты. Свыкнитесь с этими фактами. А теперь приготовьтесь к посадке.

Оратор ушел с балкона. Среди заключенных пробежал шепоток. Но вскоре замер — говорить было не о чем. Узникам, не помнящим свое прошлое, не на чем основываться, размышляя о будущем. Нельзя обмениваться опытом и впечатлениями, если опыт и впечатления только что возникли.

Охранники на балконе застыли как мумии, недвижные и безликие. И тут легчайшая дрожь прошла по полу аудитории. Затем она превратилась в вибрацию, и 402-й почувствовал тяжесть, словно на тело навалился невидимый груз.

Из громкоговорителей прозвучал голос:

— Внимание! Корабль приземляется на Омеге. Вскоре будет произведена высадка.

Заключенных построили в колонну и вывели из помещения. Все еще ошеломленные, они шли по бесконечному коридору огромного корабля к открытому люку, через который врывался яркий свет.

402-й спустился по длинной лестнице и оказался на твердой почве. Он стоял на большой, залитой солнцем площади, окруженной любопытными зрителями.

— Отвечайте, когда называют ваш номер. Вам будет сообщена ваша личность! — прогремели динамики.

402-й чувствовал себя слабым и усталым. Сейчас его ничто не интересовало. Хотелось только лечь, заснуть или подумать о происходящем. Он осмотрелся и машинально отметил гигантскую ракету, охранников, зевак. Над головой в синеве небес плавали черные пятна. Сначала они показались ему птицами. Затем, приглядевшись, он понял, что это сторожевые корабли.

— Номер 1!

— Здесь, — ответил голос.

— Номер 1, ваше имя Вайн Саусхолдер. 34 года, группа крови АЛ-2, индекс АР-431-С. Виновен в измене.

Толпа наблюдающих громко зааплодировала.

402-й, дремлющий на солнце, слушал перечисление убийств, ненормальностей, подделок, мутаций...

— Номер 402!

— Здесь.

— Номер 402, ваше имя Уилл Баррент. 27 лет, группа крови ОЛ-3, индекс ЭКС-221-Р. Виновен в убийстве.

Толпа радостно зашумела, но 402-й едва ли что-нибудь слышал. Он привыкал к тому, что у него есть имя. Настоящее имя, а не номер. Уилл Баррент. Он надеялся, что не забудет его, и повторял про себя снова и снова. И чуть не пропустил последнее объявление.

— Вновь прибывшие могут быть свободны. Ваше временное жилье находится на площади А-2. Будьте осторожны и осмотрительны в словах и поступках. Наблюдайте, слушайте, учитесь. Закон обязывает меня сообщить вам, что средняя продолжительность жизни на Омеге — приблизительно три земных года.

Последние слова не сразу дошли до Баррента. Он все еще свыкался со своим новым именем. И не задумывался о том, что значит быть убийцей на планете преступников.

Глава 2

Прибывших, человек около пятисот, повели к рядам бараков на площади А-2. Они еще не были людьми, они были существами, чья память охватывала события едва ли одного часа. Новорожденные сидели на койках и с любопытством оглядывали свои тела, увлеченно рассматривали ноги и руки. Они смотрели друг на друга и видели собственное бесформенное отражение в чужих глазах. Зрелость приходила быстро, из забытых видений и призраков памяти, рождалась из старых привычек и личностных черт, сохранившихся как обрывки порванной нити их прошлой жизни на Земле.

Уилл Баррент, отстояв в очереди к зеркалу, увидел приятного молодого человека с тонким носом, прямыми каштановыми волосами и честным волевым лицом, не помеченным следами сильных страстей. Баррент разочарованно отвернулся — это было лицо незнакомца.

Позднее, изучая себя более тщательно, он не мог найти даже какого-нибудь шрама, по которому можно было бы отличить его тело — скорее тренированное, чем мускулистое, — от тысячи других. Его руки были не натружены. Интересно, какую работу он выполнял на Земле?..

Убийство?

Баррент нахмурился. Он не был готов принять это.

Его тронули за плечо.

— Как настроение?

Баррент обернулся и увидел перед собой крупного широкоплечего рыжеволосого мужчину.

— Нормально, — ответил Баррент. — Вы стояли впереди меня, да?

— Верно. Номер 401. Дэнис Фоэрен.

Баррент представился.

— Ваше преступление? — поинтересовался Фоэрен.

— Убийство.

Фоэрен с уважением кивнул.

— А я фальшивомонетчик. По моим рукам этого не скажешь. — Он протянул две лапищи, покрытые редкими рыжими волосами. — Но в них все мое искусство. Память вернулась сперва к рукам. Им не терпелось взяться за работу. А я и не помнил, за какую.

— И что вы сделали? — спросил Баррент.

— Крепко зажмурился и дал им волю, — объяснил Фоэрен. — И обнаружил, что они копаются в замке камеры. — Он поднял свои ручищи и с восхищением посмотрел на них. — Умелые, дьяволята!

— Копаются в замке? — переспросил Баррент. — Мне послышалось, что вы фальшивомонетчик.

— Ну, это мое основное занятие. Такие кудесники могут сделать почти все. Подозреваю, что меня только *поймали* на изготовлении фальшивых денег; возможно, я также и взломщик. Моим рукам слишком много всего известно.

— Вы узнали о себе больше, чем это удалось мне, — сказал Баррент. — Я как во сне.

— Это ведь только начало, — утешил Фоэрен. — Все еще станет ясно. Главное — мы на Омеге.

— Согласен, — кисло произнес Баррент.

— Вы слышали, что сказал тот человек? Это наша планета!

— Со средней продолжительностью жизни три года,— напомнил ему Баррент.

— Возможно, пустая болтовня, — отмахнулся Фоэрен.— Я не верю охранникам. Земля!.. Кому она теперь нужна? У нас есть собственный мир, Баррент. Мы свободны!

— Абсолютно верно, друзья, — вмешался другой человек, маленького роста, со скрытным взглядом. — Меня зовут Джо,— сообщил он. — На самом деле мое имя Джоао, но я предпочитаю архаичную форму с ароматом старого доброго времени. Джентльмены, я случайно услышал ваш разговор и полностью согласен с нашим рыжеволосым другом. Какие возможности! Нас отвергла Земля? Превосходно! Обойдемся без нее. Мы все равны здесь, свободные люди свободного общества. Нет униформ, нет охранников, нет солдат. Только раскаявшиеся бывшие преступники, желающие жить в мире.

— За что вас? — спросил Баррент.

— Сказали, что я кредитный вор, — ответил Джо. — Стыдно признаться, но я не помню, что такое кредитный вор. Хочу надеяться, что вспомню.

— Может быть, у властей есть какая-нибудь система восстановления памяти? — предположил Фоэрен.

— У властей?! — негодующе повторил Джо. — Это *наша* планета. Мы все равны здесь. Нам же сказали: никаких властей. Нет, друзья, эту чепуху мы оставили на Земле. Сейчас...

Он вдруг смолк. Открылась дверь, и в барак вошел толстый человек, очевидно, старый житель Омеги, потому что вместо серой формы заключенных на нем была яркая, желтая с синим, одежда. На поясе, охватывающем объемистый живот, у него висели пистолет в кобуре и нож. Став на пороге, он упер руки в боки и стал разглядывать новичков.

— Ну? — проговорил он. — Вы что, Квестора не узнаете? Встать!

Никто не пошевелился.

Лицо Квестора побагровело.

— Придется поучить вас уважительности.

Он еще не успел вытащить оружие, а все уже были на ногах. Квестор посмотрел на них и с явным сожалением сунул пистолет в кобуру.

— Первое, что вам следует уяснить, — сказал Квестор, — это ваш статус на Омеге. У вас *нет* статуса. Вы — пеоны, а это значит, что вы *ничто*.

Он подождал немного и заявил:

— Теперь внимание, пеоны. Объясняю ваши обязанности.

Глава 3

— Итак, вы нижайшие из низших. Без статуса. Нет никого презреннее вас, кроме мутантов, а они вообще не люди. Вопросы есть?

Квестор ждал. Вопросов не было.

— Я определил, кто вы такие. Теперь перейдем к остальным жителям Омеги. Во-первых, *все* более важны, чем вы, но некоторые более важны, чем остальные. Следующим за вами по рангу идет Житель, немногим отличающийся от вас, а затем — Свободный Гражданин. Он носит на пальце серое кольцо статуса, а его одежда — черная. Если повезет, некоторые из вас смогут стать Свободными Гражданами.

Далее следуют Привилегированные Классы, различающиеся по символам, соответствующим рангу: например, у Хаджи — золотая серьга. Со временем вы узнаете прерогативы всех степеней и рангов. Нужно упомянуть священнослужителей. Не относясь к Привилегированным Классам, они обладают определенными льготами и правами. Я понятно говорю?

Все утвердительно забормотали. Квестор продолжал:

— Переходим к вопросам поведения. Пеоны обязаны называть Свободного Гражданина его полным титулом, обращаясь к нему со всем уважением. С Привилегированными Классами, например, Хаджи, разговаривать разрешается, только когда с вами заговорят, стоять надо смирно, глядя под ноги, а руки держать сцепленными впереди себя. От Привилегированного Гражданина нельзя отходить без разрешения. Ни в коем случае не позволяется сидеть в его присутствии. Ясно? Вам предстоит еще многое узнать. Мой ранг Квестора приравнивается к Свободному Гражданину, но обладает некоторыми прерогативами Привилегированных.

Квестор оглядел слушателей, желая убедиться, что до них дошел смысл сказанного.

— Эти бараки — ваш временный дом. Я составил график, кому подметать, кому мыть полы и так далее. Задавать вопросы мне можно в любое время, но глупые или дерзкие будут наказываться побоями или смертью. Помните, что вы самые низкие из низших, тогда останетесь в живых.

На несколько секунд Квестор замолчал. Затем объявил:

— Через два-три дня вас распределят на работу. Некоторые пойдут в германиевые шахты, некоторые на рыболовный флот, в разные отрасли торговли. А пока можете осмотреть Тетрахид.

Заметив непонимающие взгляды, Квестор пояснил:

— Тетрахид — название города, в котором вы находитесь. Это самый большой город на Омеге. — Он смолк, потом добавил: — И единственный.

— Что значит название Тетрахид? — спросил Джо.

— Откуда я знаю! — нахмурился Квестор. — Возможно, это одно из тех старых земных названий, которые вытаскивают скреннеры. Во всяком случае, будьте поаккуратнее, входя в него.

— Почему? — спросил Баррент.

Квестор ухмыльнулся.

— Это, пеон, тебе предстоит узнать самому.

Он повернулся и вышел из барака.

Баррент подошел к окну. Из него открывался вид на пустынную площадь и улицы Тетрахида.

— Собираетесь туда? — спросил Джо.

— Пожалуй. Пойдете со мной?

Маленький кредитный вор покачал головой.

— Думаю, это небезопасно.

— Фоэрен, а вы?

— Мне тоже что-то не хочется, — сказал Фоэрен.— Полагаю, пока лучше оставаться в бараке.

— Странно, — произнес Баррент. — Это же *наш* город. Идет кто-нибудь со мной?

Фоэрен пожал плечами, Джо махнул рукой и лег на койку. Остальные даже не взглянули в его сторону.

— Хорошо, — сказал Баррент. — Потом я вам все расскажу.

С минуту он подождал, надеясь, что кто-нибудь изменит решение, и вышел.

Город Тетрахид представлял собой цепочку зданий, вытянутую вдоль узкого полуострова. Со стороны суши полуостров огораживала высокая каменная стена с воротами, охраняемыми часовыми. Самым крупным зданием была Арена, раз в год ис-

пользуемая для Игр. Возле Арены сосредоточивались государственные учреждения.

Баррент шел по узким улочкам, осматриваясь по сторонам, стараясь понять, на что похож его новый дом. Извилистые немощеные улицы и темные обветшалые дома вызывали в памяти смутные картины. Где-то на Земле существовало подобное место, но он совершенно забыл его. Желание вспомнить было мучительно, как зуд, но восстановить картину ему так и не удалось.

Пройдя Арену, Баррент вышел на главный деловой проспект Тетрахида, удивленно читая вывески: «Доктор без лицензии — аборты без промедления!», «Дисквалифицированный адвокат — политический пул!».

Что-то в этих надписях было не то. Он шел дальше, мимо магазинов, рекламирующих краденые товары, мимо заведения с вывеской: «Чтение мозгов! Штат из скреннирующих мутантов. Ваше прошлое на Земле будет открыто!»

Баррент хотел зайти, но вспомнил, что у него нет ни гроша, а на Омеге, похоже, деньги ценятся высоко.

Он свернул в переулок, миновал несколько ресторанов и подошел к большому зданию Института ядов («Льготные условия. Рассрочка до трех лет. Результат гарантирован, в противном случае деньги возвращаются»). Вывеска над следующей дверью гласила: «Гильдия Убийц».

После вводной беседы на корабле Баррент решил, что на Омеге делается все для исправления преступников. Но этому явно не соответствовали вывески и объявления, или же это был какой-то очень странный метод исправления. Он двинулся дальше, медленно, в глубоком раздумье.

Потом он заметил, что люди уходят с его пути, прячутся в магазинах и подъездах. Старая женщина, взглянув на него, убежала.

Что происходит? Может быть, их пугает форма заключенного? Нет, жители Омеги не впервые видят такую. Тогда в чем дело?

Улица опустела. Рядом с ним хозяин магазина торопливо опускал железную штору над витриной краденых товаров.

— Что случилось? — спросил его Баррент.

— Ты спятил?! — воскликнул хозяин. — Сегодня же День Посадки!

— Простите?

— День Посадки! — повторил тот. — День приземления корабля с заключенными. Убирайся в свой барак, идиот!

Он спустил штору, и послышался щелчок запираемого замка. Баррент внезапно почувствовал страх. Что-то тут неладно.

Нужно немедленно возвращаться. Глупо было идти в город, не зная обычаев.

К нему приближались трое мужчин, хорошо одетых, каждый с золотой серьгой Хаджи в левом ухе. Все трое были вооружены.

Баррент повернулся и пошел обратно. Один из тройки крикнул:

— Остановись, пеон!

Баррент увидел, что рука мужчины потянулась за оружием, и остановился.

— В чем дело? — спросил он.

— Сегодня День Посадки, — ответил мужчина и посмотрел на своих друзей. — Ну, кто первый?

— Бросим жребий.

— Вот монета.

— Нет, лучше на пальцах.

— Приготовились? Раз, два, три!

— Он мой, — сказал Хаджи, стоявший слева. Его приятели отодвинулись, а он вытащил оружие.

— Подождите! — взмолился Баррент. — Что вы делаете?

— Собираюсь застрелить тебя, — сообщил мужчина.

— Почему?!

Мужчина улыбнулся.

— Потому что это привилегия Хаджи. В День Посадки мы имеем право убить любого пеона, покинувшего свой барак.

— Но меня не предупредили!

— Естественно, — согласился мужчина. — Если новичков предупреждать, то они не будут выходить из бараков в День Посадки. А это испортит всю забаву.

Он прицелился.

Баррент среагировал молниеносно. Бросился на землю, услышал шипение и увидел, как от здания, под которым он лежал, отвалился оплавленный кусок.

— Теперь моя очередь, — сказал другой мужчина.

— Прости, приятель, но очередь моя.

— Старшинство, мой друг, имеет свои привилегии. Стреляю я.

Однако Баррент был уже на ногах и бежал. Преследователи не торопились, словно были совершенно уверены в успехе. Баррент свернул в боковую улицу и понял, что сделал ошибку. Улица заканчивалась тупиком. Сзади не спеша подходили Хаджи.

Баррент затравленно озирался по сторонам. Все двери были заперты, все витрины зашторены. Некуда юркнуть, негде спрятаться.

И тут он увидел открытую дверь, которую, не заметив, про-

бежал. Вывеска гласила: «Общество по защите жертв». «Как раз для меня», — подумал Баррент.

Он рванулся назад, проскользнув перед самым носом ошеломленных Хаджи. Выстрелом опалило землю под ногами, но он уже ввалился в дверь. Преследователи не пошли за ним. Их голоса слышались снаружи — обсуждался вопрос первенства. Баррент понял, что попал в какое-то убежище.

Он находился в просторном, ярко освещенном помещении. На скамье у двери несколько оборванцев смеялись над какой-то шуткой. Сидевшая невдалеке от них темноволосая девушка рассматривала Баррента большими немигающими зелеными глазами. Мужчина за столом в дальнем конце комнаты кивнул ему.

Баррент подошел к столу. Низенький человек в очках ободряюще улыбнулся.

— Это Общество по защите жертв? — спросил Баррент.

— Совершенно верно, сэр, — сказал мужчина. — Я Рондольф Френдлер, президент этой бескорыстной организации. Могу быть вам полезен?

— Воистину да, — ответил Баррент. — Видите ли, я — жертва.

— Я это сразу понял, — сообщил Френдлер, тепло улыбаясь. — Вас выдает взгляд, присущий жертвам: смесь страха и неуверенности с налетом беззащитности.

— Очень интересно, — сказал Баррент, оглядываясь на дверь и пытаясь сообразить, надолго ли его убежище сохранит свою неприкосновенность. — Мистер Френдлер, я не член вашей организации.

— Не имеет значения, — заверил Френдлер. — Членство в нашем обществе — вещь, спонтанная по определению. К нам присоединяются, когда возникает необходимость. Мы защищаем неотъемлемые права всех жертв.

— Очень хорошо, сэр. Там снаружи трое хотят убить меня.

— Понимаю, — произнес мистер Френдлер. Он открыл ящик стола и вынул толстую книгу. Быстро пролистав ее, он нашел нужную страницу. — Скажите, вы определили статус этих людей?

— По-моему, они Хаджи. У каждого золотая серьга в левом ухе.

— Точно, — подтвердил мистер Френдлер. — А сегодня День Посадки. Вы с только что приземлившегося корабля и относитесь к пеонам, не так ли?

— Так, — ответил Баррент.

— В таком случае я счастлив сообщить, что все в порядке. Охота Дня Посадки заканчивается с заходом солнца. Вы можете

спокойно уйти отсюда, зная, что ваши права никоим образом не нарушены.

— Уйти? После захода солнца, вы имеете в виду?

Мистер Френдлер покачал головой и печально улыбнулся.

— Боюсь, что нет. По закону вы должны уйти немедленно.

— Но они убьют меня!

— Верно, — согласился Френдлер. — К сожалению, ничего нельзя сделать. Таков смысл слова «жертва».

— Я думал, у вас защищают...

— Так и есть. Но мы защищаем права, а не самих жертв. Ваши права не нарушены. У Хаджи есть привилегия охотиться на пеонов в День Посадки в любое время до заката. Однако необходимо добавить: вы, в свою очередь, имеете право убить любого, кто покушается на вас.

— У меня нет оружия, — сказал Баррент.

— У жертв никогда нет оружия, — заверил Френдлер.— В том-то и разница. Понимаете? Но с оружием или без, боюсь, вы должны немедленно уйти.

Баррент все еще слышал ленивые голоса Хаджи на улице. Он спросил:

— У вас есть другой выход?

— К сожалению, нет.

— Тогда я просто не уйду.

Продолжая улыбаться, мистер Френдлер выдвинул ящик стола и достал пистолет.

— Вы *должны* уйти. Либо выходите к Хаджи, либо вы лишаетесь последнего шанса и умрете здесь, — сказал он, прицеливаясь.

— Одолжите мне ваше оружие, — попросил Баррент.

— Не позволено, — объяснил Френдлер. — Нельзя же допустить, чтобы жертвы бегали вооруженные, сами понимаете.— Он щелкнул предохранителем. — Ну, уходите?

Баррент прикинул возможность броска через стол за пистолетом и понял, что ничего не получится. Он повернулся и медленно пошел к двери. Мужчины все еще смеялись. Темноволосая девушка поднялась со скамейки и встала у входа. Подойдя ближе, Баррент заметил, что она очень хороша собой. Интересно, какое преступление привело ее на Омегу, подивился он.

Проходя мимо девушки, Баррент почувствовал, как в его руку скользнул маленький, грозного вида пистолет.

— Удачи, — произнесла девушка. — Надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться?

Баррент благодарно кивнул, хотя этой надежды вовсе не разделял.

Глава 4

Улица была пуста, если не считать спокойно переговаривающихся Хаджи. Когда Баррент вышел, двое отодвинулись, а третий шагнул вперед. Увидев, что Баррент вооружен, он быстро прицелился.

Баррент кинулся на землю и нажал на курок своего оружия. Он почувствовал, как оно дрогнуло в руке, и увидел, что голова и плечи Хаджи потемнели и начали распадаться. Прежде чем он успел прицелиться в других, пистолет вывернуло из руки дикой силой — выстрел умирающего Хаджи задел ствол.

Баррент в отчаянии рванулся к оружию, понимая, что вовремя не успеет, тело напряглось в ожидании смертельного удара... Он докатился до пистолета, удивительным образом живой, прицелился в ближайшего Хаджи. И едва успел удержаться от выстрела. Хаджи вкладывали оружие в кобуры. Один из них сказал:

— Бедный старый Дрэйкен. Он так и не научился быстро целиться.

— Мало было практики, — заметил второй. — Дрэйкен не очень-то тренировался.

— Вот наглядный урок. Нельзя терять форму.

— И не следует недооценивать противника, даже пеона.— Он посмотрел на Баррента. — Отличный выстрел, приятель.

— Действительно, превосходный выстрел, — подтвердил другой мужчина. — Из пистолета чрезвычайно трудно точно стрелять в падении.

Баррент, дрожа, поднялся на ноги, сжав в руке оружие, готовый к действию при первом подозрительном движении Хаджи. Но они вели себя очень спокойно, явно считая инцидент исчерпанным.

— Что теперь? — спросил Баррент.

— Ничего, — ответил один из Хаджи. — В День Посадки каждому человеку или охотничьей партии дозволено только одно убийство. После этого вы вне Охоты.

— Неинтересный праздник, — пожаловался его товарищ. — Не сравнить с Играми или Лотереей.

— Вам остается только пойти в Регистрационную контору, — перебил первый, — и получить наследство.

— Что?

— Ваше наследство, — терпеливо повторил Хаджи. — Вы наследуете все состояние вашей жертвы. Но от Дрэйкена, должен вам сообщить, много не получите.

— Он никогда не был хорошим бизнесменом, — печально произнес другой. — И все же для начала неплохо. А так как вы

совершили узаконенное убийство, хотя и в высшей степени необычное, то поднимитесь в положении. Вы стали Свободным Гражданином.

На улице появились люди, лавочники поднимали шторы. Подъехал грузовик с надписью: «Удаление тел. Группа 5», и четверо мужчин в униформе забрали тело Дрэйкена. Тетрахид возвращался к обычной жизни. Это больше, чем заверения Хаджи, убедило Баррента, что все позади. Он положил оружие девушки в карман.

— Регистрационная контора там, — сказал один из Хаджи. — Мы выступим вашими свидетелями.

Баррент еще не полностью понимал, что происходит. Но раз все идет хорошо, он решил не задавать вопросов. Успеет разобраться потом.

В сопровождении Хаджи он пришел в Регистрационную контору на Оружейной площади. Здесь клерк со скучной миной выслушал показания, достал деловые бумаги Дрэйкена и вместо его имени вписал имя Баррента. В документах уже было несколько подобных изменений — видимо, круговорот бизнеса в Тетрахиде совершался быстро.

Так Баррент оказался владельцем магазина противоядий на бульваре Наглой Лжи. Бумаги официально возводили его в ранг Свободного Гражданина. Клерк вручил кольцо статуса, сделанное из оружейной стали, и посоветовал как можно скорее сменить одежду во избежание неприятных недоразумений. Хаджи пожелали ему удачи и всяческих успехов.

Баррент решил осмотреть свое новое жилище и магазин. На фасаде дома красовалась вывеска: «Средства от всех ядов. Приобретайте набор «Сделай сам, если хочешь выжить». Двадцать три противоядия в карманной коробке!»

Баррент открыл дверь и вошел. За низкой стойкой до потолка тянулись полки, заставленные бутылками, склянками, картонками и квадратными стеклянными банками с листьями, веточками, грибами. Рядом стоял маленький шкаф с книгами. Баррент прочел несколько названий: «Быстрое диагностирование при остром отравлении», «Семейство мышьяка», «Производные белены».

Было очевидно, что отравление играет значительную роль в обыденной жизни Омеги, раз существуют магазины, — а, наверное, есть и другие, — которые готовят и распространяют противоядия. Баррент подумал и решил, что получил необычное, но почетное дело. Он изучит все книги и узнает, как его следует вести.

К магазину примыкали гостиная, спальня и кухня. В одном из шкафов Баррент нашел плохо сшитый черный костюм Гражданина и переоделся, не забыв переложить в карман пистолет. Покинув магазин, он направился в Общество по защите жертв.

Дверь все еще была открыта, а трое оборванцев все так же сидели на скамье. Теперь они не смеялись. Долгое ожидание, казалось, утомило их. За столом просматривал бумаги мистер Френдлер. Девушки не было.

Баррент подошел к столу, и Френдлер встал.

— Примите мои поздравления, дорогой друг, искренние, наитеплейшие поздравления! Великолепный выстрел! Притом в падении!

— Благодарю вас, — произнес Баррент. — Я пришел сюда, чтобы...

— Знаю, знаю, — сказал Френдлер. — Вы желаете осведомиться о правах Свободного Гражданина. Естественное желание. Садитесь на скамью, и я буду к вашим услугам через...

— Я пришел не за этим, — перебил Баррент.— Конечно, я не прочь узнать свои права и обязанности. Но сперва я хотел бы найти ту девушку.

— Девушку?

— Она сидела на скамье, когда я вошел. И дала мне пистолет.

Мистер Френдлер удивленно воззрился на него.

— Гражданин, вы ошибаетесь. Сегодня в конторе вообще не было женщин.

— Она сидела на скамье рядом с этими тремя мужчинами. Очень привлекательная темноволосая девушка. Вы не могли не заметить ее.

— Я определенно заметил бы ее, если бы она здесь была, — сказал Френдлер, часто мигая. — Но, как я уже говорил, в этом помещении не было и духу женщины.

Баррент посмотрел на него и вытащил из кармана пистолет.

— В таком случае откуда эта штука?

— Я его вам одолжил, — ответил Френдлер. — Рад, что вы успешно сумели им воспользоваться, но теперь попрошу вернуть.

— Вы лжете, — процедил Баррент, сжав оружие.— Спросим у этих людей. Куда ушла девушка?

Мужчина поднял угрюмое небритое лицо и сказал:

— О какой девушке вы говорите, Гражданин?

— О той, что сидела вот тут.

— Здесь никого не было. Рафаэль, ты видел женщину на скамейке?

— Только не я, — ответил Рафаэль. — А я сижу здесь с десяти утра.

— И я не видел, — вставил третий. — А у меня отличное зрение.

Баррент повернулся к Френдлеру.

— Почему вы лжете мне?

— Я сказал истинную правду. Пистолет вам одолжил я, потому что это моя привилегия как президента Общества по охране жертв. А теперь попрошу его обратно.

— Нет, — отрезал Баррент. — Пистолет будет у меня, пока я не найду девушку.

— Это не очень разумно, — произнес Френдлер и поспешно добавил: — Я имею в виду, что в данных обстоятельствах кража не прощается.

— Рискну, — бросил Баррент и покинул Общество по защите жертв.

Глава 5

Барренту требовалось время, чтобы оправиться от бурного вступления в омегианскую жизнь. Начав с бесправного положения новоприбывшего, посредством убийства он стал владельцем магазина противоядий. Из забытого прошлого на планете Земля его зашвырнули в шаткое настоящее мира преступников, дав смутное представление о сложной иерархической структуре и узаконенной программе убийств. Он обнаружил в себе определенную уверенность и неожиданное проворство в обращении с оружием. Баррент понимал, что надо еще очень много узнать о себе, Омеге и Земле, и надеялся прожить достаточно долго, чтобы успеть сделать это.

Но сперва главное. Нужно зарабатывать на жизнь. Необходимо стать специалистом по ядам и противоядиям.

Он прошел в подсобку и стал просматривать книги, оставленные Хаджи Дрэйкеном.

Литература о ядах оказалась увлекательным чтением. В книгах описывались растительные яды, известные на Земле, такие, как вонючий морозник, черемица, паслен и тисовое дерево. Болиголов и вызываемые им предсмертные судороги. Синильная кислота миндаля и дигиталин пурпурной наперстянки. Ужасающе эффективная волчья отрава со смертельной дозой аконита и экстракты таких грибов, как бледная поганка и мухомор, не го-

воря уже о чисто омегианских ядах типа красноголовника или цветущей лилии морталис.

Но знать растительные яды, хотя и бесчисленные в своих вариациях, было мало. Оставались еще ядовитые животные — птицы, пауки, змеи, скорпионы и гигантские осы. Множество минеральных ядов вроде мышьяка, ртути, висмута. Едкие нитраты, гидрохлориды, кислоты. Кроме того, существовали яды, выделенные из разных источников и очищенные от примесей, — стрихнин, муравьиная кислота, гиоциамин, белладонна.

Для каждого из этих веществ существовали свои противоядия; но Баррент подозревал, что сложные, тщательно сформулированные рецепты далеко не всегда были эффективными. Действие противоядия зависело и от правильного диагноза: симптомы, вызываемые разными ядами, слишком часто совпадали...

Баррент изучал книги, размышлял... И с некоторой нервозностью обслуживал своих первых клиентов.

Он обнаружил, что многие его опасения беспочвенны. Вместо десятков смертельных веществ, рекомендованных Институтом ядов, большинство отравителей прибегали к мышьяку и стрихнину — недорогим, проверенным и очень болезненным. У синильной кислоты легкоразличимый запах, ртуть трудно ввести в организм, а едкие вещества, хотя и достаточно эффективные, весьма опасны в обращении. Волчья отрава и мухомор, конечно, превосходны; нельзя сбрасывать со счетов белладонну, да и бледная поганка, и вонючий морозник не лишены особого, мрачного очарования. Но то были яды старого праздного времени. Нетерпеливое молодое поколение и особенно женщины (они составляли на Омеге девять десятых отравителей) и довольствовались простыми средствами.

Омегианские женщины были консервативны. Их не трогала утонченная изысканность отравительского искусства. Средства вообще не интересовали их, только цели — как можно быстрее и дешевле. Женщины Омеги отличались рациональностью. И хотя страстные теоретики в Институте ядов пытались продавать фантастические микстуры контактных ядов типа трехдневной плесени и неустанно трудились над составлением сложнейших композиций, те с трудом находили сбыт. Простой мышьяк и быстродействующий стрихнин продолжали оставаться столпами торговли, что существенно облегчало работу Баррента.

Осложнения возникали с мужчинами, которые отказывались верить, что они отравлены подобными банальными ядами. В таких случаях Баррент прописывал массу различных корешков, трав, листьев и крошечную гомеопатическую дозу яда, неизменно совмещая это с нейтрализующими и рвотными агентами.

Вскоре Баррента навестили Дэнис Фоэрен и Джо. Фоэрен получил временную работу в доках по разгрузке рыбачьих судов, а Джо организовал ночную игру в покер среди государственных служащих Тетрахида. Ни тот, ни другой не поднялись заметно в статусе; без убийств на своем счету они были лишь Жителями Второго Класса и нервничали при встрече со Свободным Гражданином, но Баррент вел себя на равных. Это были его единственные друзья на Омеге, и он не собирался терять их из-за неравенства в социальном положении.

Правила и обычаи Тетрахида оставались тайной за семью печатями. Даже Джо не мог узнать что-нибудь определенное от своих друзей на государственной службе. На Омеге закон хранился в тайне. Опытные использовали его знание против вновь прибывших. При помощи неравенства и культивируемого невежества власть и привилегии оставались в руках старейших жителей. Конечно, движение наверх не остановить, но его можно замедлить и сделать чрезвычайно опасным. Чтобы ознакомиться с обычаями и законами Омеги, новичкам оставался единственный, но рискованный способ — проб и ошибок.

Хотя магазин требовал много времени, Баррент настойчиво искал девушку, которая ему помогла. Пока у него не было даже доказательств, что она существовала.

Он познакомился с владельцами соседних магазинов. Веселый усатый молодой человек по имени Деймонд Гаррисбург распоряжался в продовольственном. Весьма обыденная и мирная профессия, но, как говорил Гаррисбург, даже преступники должны есть. Следовательно, необходимы фермеры, перевозчики, упаковщики и магазины. Гаррисбург утверждал, что его бизнес ничем не уступает присущей Омеге индустрии смерти. Кроме того, дядя жены Гаррисбурга был Министром Публичных Работ. Через него Гаррисбург рассчитывал получить сертификат на убийство. С этим важным документом он мог совершить свое обязательное преступление и подняться до статуса Привилегированного Гражданина.

Баррент поддакивал и кивал, но сомневался, не отравит ли сперва Гаррисбурга его жена, худая бойкая женщина. Похоже, она недолюбливала мужа, а развод на Омеге был запрещен.

Другой сосед, Тем Ренд, был долговязым бодрым мужчиной около сорока. От левого глаза почти до уголка рта тянулся шрам — подарок от желающего подняться в положении. Желающий не на того напал. По свидетельству очевидцев, совершенное им ответное убийство было достойно всяческого подражания. Тем Ренд владел магазином оружия, постоянно практи-

ковался и всегда носил при себе образчики своих товаров. Тем мечтал стать членом Гильдии Убийц. Он уже подал заявление и имел шансы быть принятым в эту старейшую и суровую организацию через несколько месяцев.

У него Баррент купил оружие. По совету Ренда он выбрал иглолучевик Джамисона—Тира, быстродействующий и аккуратный, развивающий мощность пули крупного калибра. Конечно, у него не было такого рассеяния, как у теплового оружия Хаджи, способного поражать в шести дюймах от цели. Но тепловики широкого радиуса действия поощряли неточность. Это было небрежное, беспорядочное оружие, приучавшее своих владельцев к беспечности. Из него мог стрелять любой, а чтобы эффективно использовать иглолучевик, необходима постоянная практика. И практика себя оправдывала: опытный стрелок из иглолучевика стоил двух с широкотепловым оружием.

Баррент внял совету, идущему от будущего Убийцы и владельца оружейного магазина. Долгие часы он проводил в тире Ренда, оттачивая быстроту реакции и привыкая к автоматической кобуре.

Надо было многое знать и еще больше делать только для того, чтобы выжить. Баррент не возражал против тяжелой работы, пока она имела серьезную цель. Он надеялся, что некоторое время все будет спокойно и передышка позволит догнать в знаниях старожилов.

Но на Омеге нет ничего стабильного.

Однажды днем Баррент принял необычно выглядевшего посетителя: лет пятидесяти, плотного, со строгим лицом. Гость был одет в красную рясу до колен и сандалии. С пояса свисали маленькая черная книжечка и кинжал с красной рукояткой. От человека веяло силой и властью. Баррент был не в состоянии определить его статус.

— Я собирался закрывать, сэр. Но если вы желаете что-нибудь купить...

— Я пришел не за покупками, — перебил посетитель. Он позволил себе легкую улыбку. — Я пришел продать.

— Продать?

— Я священник, — сказал человек. — Вы новичок в моем приходе. Я не видел вас на службах.

— Я ничего не знал о...

Священник поднял руку.

— И по церковному, и по светскому закону неведение не служит оправданием. Напротив, неведение может быть наказано как акт намеренного пренебрежения, параграф 28 Закона о Всеобщей Персональной Ответственности, не говоря уже о его

Малом Дополнении. — Он снова улыбнулся. — Тем не менее вопрос дисциплинарного взыскания пока не стоит.

— Рад это слышать, сэр, — сказал Баррент.

— Зовите меня Дядей, — сказал священник. — Я Дядя Ингмар, и я пришел, чтобы рассказать об ортодоксальной религии Омеги — поклонении вездесущему духу Зла, иже есть наша опора и упование.

— Буду счастлив узнать о религии Зла, Дядя, — произнес Баррент. — Разрешите пригласить вас в гостиную?

— Конечно, Племянник, — ответил священнослужитель и последовал за Баррентом.

Глава 6

— Зло, — сказал Дядя Ингмар после того, как удобно устроился в лучшем кресле, — это та сила внутри нас, которая вдохновляет человека на дела, требующие силы и выносливости. Культ Зла является культом самого себя и потому единственно верным культом. Личность, которой мы поклоняемся, есть идеальное социальное существо: человек, удовлетворенный своим положением в обществе, однако готовый ухватиться за любую возможность продвижения; человек, принимающий смерть с достоинством и убивающий без унизительного чувства жалости. Зло есть действительное отражение безразличной и бесчувственной Вселенной. Зло вечно и неизменно, хотя проявляется в различных формах многообразной жизни.

— Не угодно ли немного вина, Дядя? — предложил Баррент.

— Благодарю вас, вы очень любезны. Как бизнес?

— Прекрасно. Правда, на этой неделе, пожалуй, вяло.

— Люди уже не проявляют прежнего интереса к отравлению, — заметил священник, задумчиво потягивая вино.— То ли дело, когда я был мальчишкой, только что высланным с Земли... Однако я отвлекся.

— Слушаю вас, Дядя.

— Мы поклоняемся Злу, — сказал Дядя Ингмар, — как воплощению Великого Черного, страшного, увенчанного рогами надсмотрщика наших дней и ночей. В Великом Черном мы находим семь смертных грехов, сорок преступлений и сто один порок. Нет такого преступления, которого бы не совершил Великий Черный,— совершил безупречно, как подобает его натуре. Мы, несовершенные существа, стремимся вести себя по его образу и подобию. И иногда Великий Черный вознаграждает нас, являясь в ужасной красоте своей огненной плоти. Да, Пле-

мянник, мне посчастливилось видеть его. Два года назад он появился на Играх и за год до того.

Священник ненадолго погрузился в воспоминания о явлении божества. Затем он сказал:

— Так как мы признаем в Государстве высшее проявление способности человека ко Злу, мы также поклоняемся Государству как сверхчеловеческому, хотя и не божественному созданию.

Баррент кивнул. Он все время боролся со сном. Низкий монотонный голос Дяди Ингмара, повествующий о таком распространенном понятии, как Зло, оказывал усыпляющее действие.

— Можно спросить, — бубнил Дядя Ингмар, — если Зло является величайшим достижением человеческой натуры, зачем тогда Великий Черный позволяет существовать Добру? Проблема Добра веками волновала непросвещенных. Сейчас я отвечу.

— Да, Дядя? — произнес Баррент, тайком ущипнув себя за ляжку, чтобы отогнать сон.

— Но сперва, — продолжил священник, — давайте дадим определение понятий. Давайте исследуем природу Добра. Давайте смело и безбоязненно изучим нашего противника и раскроем его истинные черты.

— Да, — кивнул Баррент. Его веки налились свинцом. Он потер глаза и попытался слушать.

— Добро есть состояние иллюзии, — ровным голосом внушал Дядя Ингмар, — которое приписывает человеку не свойственные ему черты добродетели, смирения и благочестия. Как мы докажем иллюзорную природу Добра? Очень просто: во Вселенной существуют только человек и Великий Черный, и поклоняться Великому Черному — значит поклоняться высшему самовыражению. Таким образом, показав, что Добро есть иллюзия, необходимо признать его свойства несуществующими. Понимаете?

Баррент не ответил.

— Вы понимаете? — повторил священник резко.

— А? — произнес Баррент, дремавший с открытыми глазами. Он заставил себя очнуться и проговорил: — Да, Дядя, я понимаю.

— Превосходно. Теперь спрашиваем: почему Великий Черный позволяет даже иллюзии Добра существовать во Вселенной Зла? И находим ответ в Законе Необходимых Противоположностей, ибо Зло нельзя определить как таковое без обязательного контраста. Лучший контраст — противоположность. А противоположность Зла есть Добро. — Священник торжествующе улыбнулся. — Все просто и ясно, не правда ли?

— Конечно, Дядя, — согласился Баррент. — Не хотите ли еще немного вина?

— Ах, буквально капельку, — сказал священник.

Еще десять минут он рассказывал Барренту о естественном и чарующем Зле, свойственном зверям и птицам лесным, и советовал следовать в поведении примеру этих бесхитростных созданий. Наконец он кончил и поднялся.

— Очень рад приятной беседе, — сказал священник, тепло пожимая руку Баррента. — Могу я рассчитывать на ваше присутствие на ночных службах по понедельникам?

— Службах?

— Конечно. Каждый понедельник ровно в полночь мы служим Черную Мессу в Малом Шабаше в Церковно-лесном проезде. После этого Девы готовят закуску, мы танцуем и устраиваем хоровое пение. Это очень весело. — Он широко улыбнулся. — Поклонение Злу может быть приятным.

— Да, естественно, — подтвердил Баррент. — Я приду.

Он проводил священника до двери и затем надолго задумался над тем, что сообщил ему Дядя Ингмар. Без сомнения, присутствие на службах необходимо. Практически обязательно. Он только надеялся, что Черная Месса не будет так адски скучна, как ингмаровское разъяснение Зла.

Священник приходил в пятницу. Следующие два дня Баррент был занят — он получил партию гомеопатических трав от своего агента из района Кровавая Яма. Надо было рассортировать и классифицировать их, а затем разложить по ящикам.

В понедельник по пути в магазин после ленча Барренту показалось, что он увидел ту девушку. Он бросился за ней, но потерял в толпе.

Придя к себе, Баррент нашел подсунутое под дверь письмо. Это было приглашение из Магазина Снов. Текст гласил:

«Дорогой Гражданин, мы счастливы приветствовать вас в нашем районе и предложить услуги, как мы надеемся, лучшего Магазина Снов на Омеге. Продаем сны на любой вкус — и по неслыханно низкой цене. Мы специализируемся на снах-воспоминаниях о Земле.

Уверены, что, как Свободный Гражданин, вы непременно захотите воспользоваться нашими услугами. Надеемся, это произойдет в течение недели. *Владельцы*».

Баррент отложил письмо. Он не имел ни малейшего понятия, что представляет собой Магазин Снов. Предстоит это узнать. Хотя приглашение было составлено очень вежливо, в нем чувствовалась повелительность. Очевидно, посещение Магазина Снов являлось одной из обязанностей Свободного Гражданина.

Конечно, обязанность может оказаться и удовольствием. Настоящее восстановление памяти о Земле стоило бы любых денег.

Но с этим можно пока подождать. Сегодня — Черная Месса, и его присутствие там определенно требуется.

Баррент покинул магазин в одиннадцать вечера, собираясь немного погулять по Тетрахиду перед службой, начинающейся в полночь.

Он вышел на прогулку вполне довольный собой. И — такова уж была противоречивая и непредсказуемая природа Омеги — едва не погиб по пути в Малый Шабаш в Церковно-лесном проезде.

Глава 7

Стояла жаркая, душная ночь. На улице — ни малейшего дуновения. С Баррента градом катил пот, хоть он и был одет только в шорты, черную рубаху и сандалии.

Мимо промчалась группа людей.

В этом поспешном бегстве при жаре, когда и идти-то было трудно, чувствовалась паника. Баррент попытался узнать, в чем дело, но никто не останавливался. Только один старик крикнул через плечо:

— Убирайся с улицы, идиот!

— Почему? — спросил его Баррент.

Старик что-то неразборчиво прорычал и скрылся.

Баррент нервно сжал рукоять иглолучевика. Что-то происходило, но что? Теперь ближайшее убежище — Шабаш, до которого оставалось около полумили. Пожалуй, лучше продолжить путь, держась наготове, чтобы отразить любое нападение.

Через несколько минут Баррент оказался один в зашторенном городе. Он шел посреди улицы, вынув иглолучевик из кобуры. Возможно, наступает какой-нибудь праздник типа Дня Посадки. Все возможно на Омеге...

Он считал себя готовым к любой неожиданности. Но опасность пришла совсем с другой стороны и застигла его врасплох.

Легкий ветерок всколыхнул стоячий воздух. Ветерок исчез и вернулся уже окрепшим, заметно охлаждая раскаленные улицы. Он гнал перед собою мусор, подметая переулки Тетрахида, и Баррент почувствовал, как высыхают его грудь и спина.

Несколько минут климат Тетрахида был необычайно приятным.

Холодный воздух подул с вершин гор, и температура упала градусов на десять.

Странно, подумал Баррент, лучше поскорее добраться до Шабаша.

Он прибавил шагу, а температура все снижалась. На улицах появились первые сверкающие призраки мороза.

Холоднее стать не может, решил Баррент.

Он оказался не прав. Студеный зимний ветер завыл в переулках, повалил снег. Продрогший до костей Баррент бежал по пустым улицам, а рассвирепевший ветер догонял и подстегивал его. Дороги коварно блестели. Он поскользнулся и упал, а поднявшись, пошел медленнее.

Сквозь неплотно закрытое окно Баррент увидел свет и заколотил по ставням, но изнутри не раздалось ни звука. Он осознал, что жители Тетрахида никогда не помогают друг другу: чем больше людей умрет, тем больше шансов выжить у оставшихся. И Баррент продолжал бежать, чувствуя, как ноги превращаются в два чурбана.

Ветер взревел, и градины величиной с кулак забарабанили по земле. У Баррента уже не хватало сил для бега. Теперь он мог лишь идти в замерзшем белом мире и надеяться, что успеет добраться до Малого Шабаша.

Он шел часы и годы. Однажды он миновал покрытые инеем тела двух мужчин, привалившихся к стене. Эти остановились.

Баррент снова заставил себя бежать. В боку кололо как ножом, а по рукам и ногам поднимался холод. Скоро стужа достигнет груди, и наступит конец.

Целый шквал града обрушился на него.

Придя в себя, Баррент обнаружил, что лежит на ледяной земле и безжалостный ветер выдувает из его тела последние крохи тепла.

В конце улицы виднелись красные огни Шабаша. Он пополз к ним на четвереньках, отталкиваясь руками, двигаясь механически, уже ни на что не надеясь. Он полз и полз, а мерцающий огонек все так же светил вдалеке.

Но Баррент продолжал ползти и наконец достиг двери. Он поднялся на ноги и повернул ручку.

Дверь была заперта.

Он бешено заколотил кулаками, и панель откатилась. На него смотрел человек; затем панель снова закрылась. И больше не открывалась. Чего они ждут там, внутри? Что случилось? Баррент попытался вновь стучать, но оступился и упал на землю. Перевернувшись, он бросил последний отчаянный взгляд на запертую дверь. И потерял сознание.

...Баррент очнулся на койке. Двое мужчин растирали ему руки и ноги, под собой он чувствовал восхитительное тепло грелок. Внимательно всматриваясь, над ним нависло широкое темное лицо Дяди Ингмара.

— Вам лучше? — спросил Дядя Ингмар.

— Кажется, — произнес Баррент. — Почему вы так долго не открывали дверь?

— Мы вовсе не собирались открывать ее, — сообщил священник. — Закон запрещает помогать посторонним в беде. А формально вы посторонний, так как еще не вступили в сообщество.

— Тогда почему меня впустили?

— Мой ассистент заметил, что у нас четное число молящихся. А требуется число нечетное, желательно оканчивающееся на тройку. Когда церковный и светский законы вступают в противоречие, светский должен уступить. И мы впустили вас, несмотря на правила.

— Странные правила, — сказал Баррент.

— Вовсе нет. Они предназначены для поддержания постоянной численности населения. Омега бесплодная планета, а приток заключенных увеличивает население в ущерб старейшим обитателям. Приходится принимать меры, чтобы избавиться от лишних новичков.

— Это нечестно, — упорствовал Баррент.

— Вы будете думать по-другому, когда станете старожилом, — заверил Ингмар. — А судя по вашей живучести, вы им станете.

— Возможно, — согласился Баррент. — Но что случилось? Температура, должно быть, упала градусов на пятьдесят за пятнадцать минут.

— На шестьдесят, если быть точным, — поправил Дядя. — Все очень просто. Омега эксцентрически двигается вокруг системы двойной звезды. Нестабильность усугубляется физическими особенностями планеты, расположением гор и морей. Результатом является ужасный климат, характеризующийся резкими скачками температуры.

Ассистент, маленький надменный человечек, добавил:

— Подсчитано, что среди планет, на которых человек способен жить без солидной искусственной поддержки, Омега занимает верхний предельный уровень. Будь перепады температуры хоть чуточку больше, люди не смогли бы здесь существовать.

— Идеальный карательный мир, — гордо произнес Дядя Ингмар. — Опытные жители предчувствуют изменение температуры и идут по домам.

— Это... адски... — Баррент не находил слов.

— Превосходное описание, — сказал священник. — Это действительно адски и потому соответствует поклонению Великому Черному. Если вы чувствуете себя лучше, Гражданин Баррент, пора начинать службу.

Если не считать слегка обмороженных пальцев на руках и ногах, Баррент чувствовал себя нормально. Он кивнул и последовал за священником в главную часть Шабаша.

После всего, что пришлось пережить, Черная Месса оказалась для Баррента необходимой разрядкой. Пригревшись на теплой скамейке, он продремал всю проповедь, посвященную необходимости ежедневного упражнения во Зле.

— Поклонение Злу, — вещал Дядя Ингмар, — не следует блюсти единственно по ночам понедельника. Наоборот! Реализовывать Зло до́лжно ежедневно. Не каждому дано быть великим грешником, но пусть это вас не обескураживает. Мелкие пакости, совершаемые регулярно, переходят в большой, угодный Великому Черному грех. Не следует забывать, что выдающиеся нечестивцы, даже демонические святые, часто начинали весьма скромно. Разве Трастус не был рядовым лавочником, обманывающим покупателей? Кто мог ожидать, что этот заурядный человек станет Кровавым Убийцей с Торндайкской Дороги? А кто мог вообразить, что доктор Лойенд будет крупнейшим авторитетом по применению пыток? Настойчивость, упорство и набожность позволили этим людям подняться до положения правой руки Великого Черного. Следовательно, — заключил Дядя Ингмар,— Зло есть в такой же мере занятие бедных, как и богатых.

На этом проповедь закончилась. Баррент проснулся, когда для благоговейного обозрения вынесли святыни — кинжал с красной рукояткой и разукрашенную жабу. Во время начертания магического пятиугольника он снова заснул.

Наконец церемония приблизилась к завершению. Были зачитаны имена демонов зла: Ваал, Форкас, Буэр, Маркозиас, Астарот и Бегемот. Потом прочли молитву о защите от искушений Добра. Дядя Ингмар выразил сожаление об отсутствии девственницы для жертвоприношения на Красном Алтаре.

— Наши фонды, — сказал он, — недостаточны для покупки девственницы-пеонки с государственным сертификатом. Тем не менее я надеюсь, что в следующий понедельник нам удастся провести обряд полностью. Мой ассистент сейчас пройдет среди вас...

У ассистента была специальная тарелка с черной каймой. Подобно другим прихожанам, Баррент не поскупился. Дядя Ингмар был явно раздражен отсутствием девственницы для за-

клания. Еще немного, и он решит принести в жертву одного из верующих, девствен тот или нет.

На танцы и хоровое пение Баррент не остался. Когда служба окончилась, он осторожно высунул голову за дверь. Температура поднялась, и лед уже стаял. Баррент пожал руку священнику и поспешил домой.

Глава 8

Баррент был сыт по горло потрясениями и сюрпризами Омеги. Он не отходил от магазина, много работал и держался настороже. Его наружность приобретала типичные омегианские черты: подозрительный взгляд с прищуром, ладонь на рукоятке лучевика, напружиненные ноги готовы к прыжку. У него появилось шестое чувство — чувство опасности.

По ночам, когда двери и окна были накрепко заперты и включена тройная система охраны, Баррент лежал на постели и старался вспомнить Землю. Тычась в туманную завесу памяти, он находил мучительно дразнящие осколки картин: шоссе, уходящее к солнцу, колоссальный город, корпус космического корабля. Но видения возникали на мельчайшую долю секунды и исчезали.

Субботним вечером к Барренту пришли Джо, Дэнис Фоэрен и сосед Тем Ренд. Покерная Джо процветала, и он сумел взяткой купить положение Свободного Гражданина. Фоэрен был слишком неповоротлив и прям, он оставался в ранге Жителя. Но Тем Ренд обещал взять этого взломщика в помощники, когда его примут в Гильдию Убийц.

Вечер начался приятно, но кончился, как обычно, спором о Земле.

— Послушайте, — сказал Джо, — мы все знаем, что собой представляет Земля. Это комплекс гигантских плавающих городов, построенных на искусственных островах в различных океанах.

— Нет, города стоят на земле, — поправил Баррент.

— На воде, — не согласился Джо. — Люди вернулись к морю. У каждого есть специальный кислородный аппарат, который позволяет дышать под водой. Суша больше не используется. Море снабжает...

— Все не так, — возразил Баррент. — Я помню большие города, но они на земле.

— Вы оба не правы, — сказал Фоэрен. — Зачем Земле сдались эти города? Их бросили сотни лет назад. Земля теперь большой парк. У каждого свой дом и несколько акров сада. Разрослись леса и джунгли. Люди живут в ладу с природой вместо того, чтобы пытаться покорить ее. Разве не так, Тем?

— Почти, но не совсем, — произнес Тем Ренд.— Города еще существуют, но они под землей. Колоссальные подземные заводы и поля. А остальное все — как сказал Фоэрен.

— Никаких заводов больше нет, — упрямо настаивал Фоэрен. — Они не нужны. Любые товары, которые требуются человеку, производятся мысленным волеизъявлением.

— Говорю вам, — вмешался Джо, — что вспоминаю плавающие города! Я жил в секторе Нимуи на острове Пасифаи.

— Думаешь, это что-нибудь доказывает? — спросил Ренд. — Я помню, что работал на восемнадцатом подземном уровне Нового Чикаго. Моя рабочая норма была двадцать дней в году. Остальное время я проводил снаружи, в лесах...

— Ты ошибаешься, Тем, — сказал Фоэрен. — Никаких подземных уровней нет. Я отчетливо помню, что мой отец был контролером третьего класса. Наша семья ежегодно перемещалась с места на место за сотни миль. Когда нам что-нибудь было нужно, отец думал об этом, вот и все. Он обещал научить меня, но, похоже, ему *это* не удалось.

— Что же, у двоих из нас явно фальшивые воспоминания, — подытожил Баррент.

— Точно, — подтвердил Джо. — Но вопрос: кто из нас прав?

— Мы никогда не узнаем, — произнес Ренд, — если не вернемся на Землю.

На том дискуссия закончилась.

В конце недели Баррент получил второе, более настоятельное приглашение из Магазина Снов. Он проверил температуру; умудренный жизнью, упаковал в ранец теплую одежду и пошел.

Магазин Снов был расположен в фешенебельной части на улице Смерти. Баррент оказался в маленькой, пышно обставленной приемной. Прилизанный молодой человек за полированным столом одарил его искусственной улыбкой.

— Чем могу служить? Мое имя Номис Аркдраген, помощник управляющего по ночным снам.

— Я бы хотел узнать, что при этом происходит,— сказал Баррент. — Как получается сон, какого он типа и тому подобное.

— Конечно, — пообещал Аркдраген, — мы все объясним, Гражданин...

— Баррент. Уилл Баррент.

Аркдраген сверился со списком на столе и кивнул.

— Наши сны протекают под действием наркотиков на мозг и центральную нервную систему. Существует множество препаратов, производящих желаемый эффект. Среди наиболее полезных — героин, морфий, опиум, кока, гашиш и пейот. Все это земные продукты. Только на Омеге находят черный сонник, нейс, манис, тринаркотин, джедаль и различные производные кармоидной группы.

— Понимаю, — сказал Баррент. — Итак, вы продаете наркотики.

— Ни в коем случае! — возразил Аркдраген. — Ничего такого вульгарного и грубого. В древние времена на Земле люди сами принимали наркотики. Результирующие сны были необязательны и случайны. Никто не знал, что увидит во сне, испытает ли ужас или наслаждение. С приходом современного Магазина Снов всякая неопределенность исчезла. В наши дни наркотики тщательно выбраны, измерены и смешаны индивидуально для конкретного потребителя. Каждое вещество имеет свое действие — от нирваноподобного спокойствия черного сонника и цветных галлюцинаций тринаркотина до сексуальных фантазий, вызываемых нейсом и морфием, и снов-воспоминаний кармоидной группы.

— Сны-воспоминания меня и интересуют, — сказал Баррент.

Аркдраген нахмурился.

— На первый раз советую воздержаться.

— Почему же?

— Сны о Земле более способствуют нарушениям нервной системы, чем любая другая продукция воображения. Обычно рекомендуется приобрести предварительно иммунитет. Я бы предложил для первого визита приятные сексуальные фантазии.

— Я, пожалуй, предпочел бы реальность, — покачал головой Баррент.

— О нет, — возразил помощник управляющего с улыбкой знатока. — Поверьте, реальность покажется вам весьма поблекшей после опыта наших сексуальных снов.

— Меня это не интересует, — отрезал Баррент. — Мне нужен сон о Земле.

— Но у вас нет даже склонности! — воскликнул Аркдраген.

— А склонность обязательна?

— Она важна, — объяснил Аркдраген. — Все наши препараты образуют привычку, как того требует закон. Видите ли, чтобы по-настоящему оценить наркотик, надо чувствовать в нем нужду, что в огромной степени увеличивает удовольствие. Вот почему я предлагаю вам для начала приятные сексуальные фантазии.

— Сон о Земле, — потребовал Баррент.

— Очень хорошо, — раздраженно сказал Аркдраген.— Но мы не несем ответственности за возможные травмы.

Он повел Баррента по длинному коридору. Из-за многочисленных дверей по обеим сторонам слышались глухие стоны и вздохи наслаждения.

— Переживальщики, — бросил Аркдраген без дальнейших пояснений и ввел Баррента в открытую комнату в конце коридора, где жизнерадостный бородатый человек в белом халате читал книгу.— Добрый вечер, доктор Уайн. Это Гражданин Баррент. Первое посещение. Настаивает на снах о Земле.

Аркдраген повернулся и ушел.

— Хорошо, — сказал доктор, — устроим. — Он отложил книгу. — Ложитесь сюда.

Посреди помещения находился большой стол. Над ним висел замысловатый аппарат. Вдоль стен стояли стеклянные шкафы, заполненные квадратными склянками, напомнившими Барренту емкости с противоядиями.

Он лег. Доктор Уайн провел обычное обследование, затем определил степень внушаемости, гипнотический индекс, реакции на одиннадцать основных наркогрупп и подверженность тетаническим и эпилептическим судорогам. Результаты он записал в блокнот, сверился с таблицами, прошел в кабинет и начал готовить смесь.

— Это опасно? — спросил Баррент.

— Необязательно, — ответил доктор Уайн. — Вы достаточно здоровы. У вас низкий показатель внушаемости. Конечно, случаются эпилептические припадки — возможно, вследствие кумулятивных аллергических реакций. Мы не в состоянии предотвратить их. Бывают побочные эффекты, которые приводят к умопомешательству или даже к смерти. Случаи, весьма интересные для изучения. А некоторые клиенты остаются в своих снах, и их невозможно извлечь из этого состояния. С моей точки зрения, мы можем классифицировать последнее как форму сумасшествия, хотя на самом деле оно таковым не является.

Доктор кончил готовить смесь. Теперь он заполнял препаратом шприц. У Баррента появились серьезные сомнения в разумности всего предприятия.

— Может быть, отложим? — сказал он. — Я не уверен, что...

— Ни о чем не беспокойтесь, — утешил доктор. — Вы пришли в наилучший Магазин Снов на Омеге. Расслабьтесь. Напряженные мышцы могут вызвать столбнячные конвульсии.

— Мистер Аркдраген, наверное, был прав, — сказал Бар-

рент. — Пожалуй, мне не следует требовать сон о Земле при первом посещении. Он объяснил, что это крайне опасно.

— Что такое жизнь без риска? Кроме того, наиболее распространенными последствиями являются травмы мозга и разрушение кровеносных сосудов, а мы прекрасно оснащены для борьбы с ними.

Он нацелил шприц на левую руку Баррента.

— Я передумал, — заявил Баррент и начал вставать.

Доктор Уайн проворно вонзил иглу ему в руку.

— В Магазине Снов не меняют решения. Расслабьтесь...

Баррент расслабился, лег на постель и услышал звон в ушах. Он попытался сфокусировать внимание на лице доктора, но лицо изменилось.

Лицо постарело, округлилось, покрылось испариной. Складки жира спускались с подбородка на шею. Глаза смотрели дружелюбно и озабоченно.

Это был Куратор 5-го курса.

— Уилл, — произнес Куратор, — ты должен быть осторожен. Тебе надо научиться сдерживать свои порывы.

— Знаю, сэр, — сказал Баррент. — Просто я так разозлился, что...

— Уилл!

— Хорошо, — произнес Баррент. — Я буду следить за собой.

Он вышел из здания университета и направился в город. Это был фантастический город небоскребов и многоэтажных улиц, сверкающий город серебряных и алмазных домов, гордый город, повелевающий жизнью стран и планет. Баррент шел по третьему пешеходному уровню и с ненавистью думал об Эндрю Теркалере.

Из-за Теркалера и его идиотской ревности заявление Баррента о приеме в корпус Космических Исследований было отклонено. И Куратор оказался бессилен — Теркалер имел слишком большое влияние на Приемную Комиссию. Должно пройти целых три года, прежде чем Баррент снова сможет подать заявление. А пока он привязан к Земле и сидит без работы. Вся его учеба была связана с внеземными исследованиями. На Земле ему нечего делать, а теперь его отлучили от космоса.

Теркалер!..

Баррент сошел с пешеходной дорожки и воспользовался экспрессом в Сантэ. Стоя на мчащейся ленте, он сжимал в кармане небольшой пистолет. На Земле запрещалось носить оружие. Свой пистолет он раздобыл окольными путями.

Он решил убить Теркалера.

Перед глазами наплывом появились какие-то гротескные лица. Сон смазался. Потом Баррент увидел себя целящимся в худого косоглазого человека, чей вопль о пощаде вдруг резко оборвался.

Информатор, безликий и неумолимый, заметил преступление и сообщил в полицию. Полицейские в серой форме схватили его, повели в суд. Судья с мутным пергаментным лицом вынес приговор о вечной ссылке на Омегу и отдал обязательный приказ об очистке памяти.

Затем сон превратился в калейдоскоп ужасов. Баррент карабкался по скользкому столбу, по отвесному склону горы, по ровной гладкой стене. Его догонял труп Теркалера с разверстой грудью. С двух сторон покойника поддерживали безликий информатор и бледнолицый судья.

Баррент бежал по горе, по улице, по крыше; преследователи держались вплотную. Он заскочил в полутемную желтую комнату, захлопнул и запер дверь. А обернувшись, увидел, что запер себя с трупом Теркалера. Голова его была покрыта алой и фиолетовой плесенью, в открытой ране в груди зацветал гриб. Мертвец дернулся, потянулся вперед, и Баррент нырнул в окно.

— *Выходите, Баррент. Выходите из сна.*

У Баррента не было времени слушать. Окно превратилось в крутой скат, и он соскользнул по его полированной поверхности в амфитеатр. Через серый песок, отталкиваясь обрубками рук и ног, к нему полз труп. На необъятной трибуне сидели рядышком судья и информатор.

— Он застрял.

— Я предупреждал его.

— Выходите из сна, Баррент. Говорит доктор Уайн. Вы на Омеге, в Магазине Снов. Очнитесь. У вас еще есть шанс, если вы немедленно соберетесь.

Омега? Сон? Некогда думать об этом! Баррент плыл по черному зловещему озеру. Прямо за ним плыли информатор и судья. Они поддерживали покойника, чья кожа медленно отваливалась от тела.

— Баррент!

Озеро превращалось в густой студень, который прилипал к рукам и ногам и забивал рот, а судья, информатор и труп...

— Баррент!

Баррент очнулся на постели в Магазине Снов. Над ним стоял взволнованный доктор Уайн. Рядом была сестра со шпри-

цем и кислородной маской. За ней виднелся Аркдраген, вытирающий со лба испарину.

— Мы уже не надеялись, что вы выкарабкаетесь,— произнес доктор Уайн.

— Он вовремя успел вынырнуть, — сказала сестра.

— Я предупреждал его, — сказал Аркдраген и вышел из комнаты.

Баррент сел.

— Что случилось?

Доктор Уайн пожал плечами.

— Трудно сказать. Возможно, вы зациклились, а иногда попадаются наркотики с примесями. Но подобное практически не повторяется. Поверьте мне, Гражданин Баррент, наркотические ощущения чрезвычайно приятны. Я уверен, что во второй раз вы восхититесь.

Все еще потрясенный, Баррент был совершенно убежден, что второго раза не будет. Любой ценой он не допустит повторения кошмара.

— У меня теперь образовалась привычка? — спросил он.

— О нет, — ответил доктор Уайн. — Привыкание появляется после третьего или четвертого посещения.

Баррент поблагодарил его и вышел. Проходя мимо Аркдрагена, он спросил, сколько должен.

— Вы ничего не должны. — Аркдраген улыбался понимающе. — Первый визит за счет заведения.

Баррент покинул Магазин Снов и поспешил домой. Ему было над чем подумать. Появилось доказательство, что он совершил преднамеренное убийство.

Глава 9

Одно дело — обвинение в убийстве, которого ты за собой не чувствуешь, совсем другое — *помнить* совершенное преступление. Такому свидетельству нельзя не поверить.

Баррент пытался разобраться в своих чувствах. В чем бы ни обвиняли его земные власти, он не ощущал себя убийцей. В крайнем случае он мог допустить, что убил человека в припадке внезапной ярости. Но задумать и осуществить хладнокровную расправу...

Почему он сделал это? Выходит, желание отомстить оказалось таким сильным, что заставило сбросить оковы цивилизации?.. Он убил, кто-то донес, и судья приговорил его к Омеге. Он — убийца на планете преступников. Следовательно, чтобы

жить припеваючи, ему достаточно просто следовать своим природным наклонностям.

И все же Барренту приходилось очень трудно. У него не было ни малейшей тяги к кровопролитию. В День Свободного Гражданина он, хотя и выходил вооруженным на улицу, не мог заставить себя застрелить кого-нибудь из низших классов. Он не хотел убивать! Нелепый предрассудок, особенно если учесть, где и кем он был. Но, сколько ни толковали ему Тем Ренд или Джо об обязанностях Гражданина, Баррент не мог побороть отвращения к убийству.

Он обратился к психиатру, который сообщил, что его неприязнь к убийству коренится в несчастном детстве. Фобия затем была осложнена перенесенной в Магазине Снов травмой. Из-за этого убийство, величайшее социальное благо, стало ему противно. Невроз гуманности в человеке, великолепно приспособленном к убийству, приведет, сказал психиатр, к его, Баррента, уничтожению. Психиатр предложил лечение в санатории для непреступников.

Баррент посетил санаторий и увидел сумасшедших, вопивших о добродетели, честности, священной ценности жизни и прочей муре. У него не появилось желания присоединиться к ним. Возможно, он болен, но не настолько!

Друзья предупреждали, что пассивность может накликать беду. Баррент соглашался, но питал надежду, что, убивая только в случае необходимости, сумеет не привлечь внимания высокопоставленных лиц, следящих за соблюдением закона.

Несколько недель план его, казалось, имел успех. Баррент игнорировал все более настойчивые приглашения в Магазин Снов и не посещал служб в Малом Шабаше. Торговля процветала, и он проводил свободное время, изучая редкие яды и практикуясь в стрельбе. Часто Баррент думал о девушке — доведется ли им встретиться?

И думал о Земле. После визита в Магазин Снов в памяти то и дело вспыхивали разрозненные картины: обветшалый каменный дом, дубовая роща, изгибы реки, просвечивающей сквозь заросли ивы. Видения полузабытой Земли наполняли его невыносимой тоской. Как и большинством обитателей Омеги, им владело страстное желание вернуться домой.

А это было невозможно.

Летели дни, и когда беда пришла, она пришла неожиданно.

Однажды ночью раздался громкий стук в дверь. Четверо в форме сообщили полусонному Барренту, что он арестован.

— За что? — спросил Баррент.

— Отсутствие склонности к наркотикам. Три минуты на сборы.

— Какое наказание меня ждет?

— В суде узнаешь. — Охранник подмигнул своим приятелям и добавил: — Но единственный способ вылечить нерасположенца — убить его...

Баррента привели в одну из комнат вытянутого здания Департамента Юстиции. Помещение называлось Суд Неправедный, в честь страшной англосаксонской юридической процедуры. Напротив располагалась Звездная Палата, она же Тайный Застенок — тоже реликт из прошлого. Прямо за ней находился Суд Последней Апелляции.

Комната Суда Неправедного была перегорожена пополам высоким деревянным экраном, ибо основы омегианского правосудия гласили, что обвиняемый не должен видеть ни судей, ни свидетелей по его делу.

— Арестованный, встать.

Голос, вялый и равнодушный, раздавался из небольшого динамика. Баррент едва разбирал слова; интонации и выражение терялись, как и было задумано. Судья оставался анонимом.

— Уилл Баррент, — сказал судья, — вы предстали перед судом по основному обвинению в нерасположении к наркотикам и дополнительному — в отсутствии благочестия. По последнему у нас имеются показания священника. По основному — свидетельство Магазина Снов. Вы можете опровергнуть обвинения?

Баррент подумал и ответил:

— Нет, сэр, не могу.

— В настоящий момент вашу антирелигиозность можно не рассматривать, ибо это первый проступок. Но нерасположение к наркотикам является главным преступлением против Государства. Непрерывное потребление наркотиков — обязательная привилегия каждого Гражданина. Известно, что привилегии должны насаждаться, в противном случае они будут утеряны. А потерять привилегии — значит потерять краеугольный камень нашей свободы. Поэтому уклонение от них приравнивается к государственной измене.

Наступила пауза. Стражники нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Баррент, считавший свое положение безнадежным, слушал, затаив дыхание.

— Наркотики служат многим целям, — продолжал невидимый судья. — Излишне перечислять их достоинства. Но с точки зрения Государства необходимо отметить, что предрасположенное к ним население есть лояльное население, что наркотики являются основным источником доходов и вообще представляют весь наш образ жизни. Более того, я скажу, что нерасположенное меньшинство неизменно доказывало свою враждебность к родным омегианским организациям. Все это пространное объяснение, Уилл Баррент, для того, чтобы вы лучше поняли, в чем вас обвиняют.

— Сэр, — сказал Баррент, — я ошибался, избегая наркотиков. Не буду ссылаться на незнание — мне известно, что закон не признает его оправданием. Но я смиренно прошу суд дать мне возможность исправиться. Я прошу учесть, сэр, что мне еще не поздно приобрести привычку к наркотикам.

— Суд принимает это во внимание и потому проявляет к вам величайшую снисходительность, дозволяемую законом. Вместо высшей меры вам предоставляется возможность выбрать между двумя менее суровыми приговорами. Первый из них карательный: вы лишаетесь правой руки и левой ноги во искупление против Государства, но вы сохраняете жизнь.

Баррент сглотнул и спросил:

— А второй, сэр?

— Второй, некарательный приговор заключается в том, что вы должны пройти Суд Испытанием. В этом случае, если вы выживете, вам будет присвоен соответствующий ранг и предоставлено вытекающее из него положение в обществе.

— Я выбираю Суд Испытанием, — произнес Баррент.

— Очень хорошо, — сказал судья. — Да свершится правосудие.

Баррента увели. За спиной он услышал сдавленный смешок одного из охранников. Значит, выбор неправильный? Может ли Суд Испытанием быть страшнее увечья?

Глава 10

На Омеге, как говаривали старожилы, между вынесением приговора и приведением его в исполнение не просунешь даже лезвия ножа. Баррента без промедления доставили в огромный круглый каменный подвал Департамента Юстиции. С высокого изогнутого аркой потолка ослепительно сияли белые дуги светильников. Часть стены, срезанная ступенями, образовывала зрительскую трибуну. Ряды были забиты до отказа, между ними сновали разносчики и продавали повестку дня судебной процедуры.

Баррент стоял посреди зала на каменном полу. В изгибе стены отодвинулась панель, и на арену выкатила небольшая машина.

Громкоговоритель высоко над зрительской трибуной объявил:

— Внимание, дамы и господа! Вы присутствуете на Суде Испытанием 642-ВГ223 между Гражданином Уиллом Баррентом и ГМЕ-213. Просим занять места. Состязание начнется через пару минут.

Баррент посмотрел на своего противника. Блестящая черная машина в форме полусферы высотой около четырех футов нетерпеливо каталась взад-вперед на маленьких колесах. По гладкой металлической шкуре, вспыхивая, пробегали красные, зеленые и янтарные огоньки утопленных в корпусе лампочек. Она вызывала у Баррента смутное воспоминание о морских чудищах, обитающих в океанах Земли.

— Небольшое объяснение для тех, кто впервые посетил нашу арену, — снова заговорил динамик. — Заключенный Уилл Баррент добровольно выбрал Суд Испытанием. Инструмент правосудия, в данном случае ГМЕ-213, есть изумительное творение инженерного гения Омеги. Машина, или Макс, как ее называют многие друзья и поклонники, является орудием убийства завидной эффективности. В ее арсенале двадцать три разных способа умерщвления, в большинстве своем очень болезненных. В целях испытания она оперирует по принципу случайности. Это означает, что Макс не выбирает сам орудие убийства. Способ нападения определяется беспорядочным расположением двадцати трех номеров, соединенных с селектором времени, действующим по тому же принципу неопределенности в пределах от одной до шести секунд.

Макс неожиданно двинулся в центр арены, и Баррент отошел.

— Заключенный, — продолжал громкоговоритель, — в состоянии вывести машину из строя; в таком случае он выигрывает состязание и освобождается с сохранением всех прав и привилегий его нового статуса. Теоретически такая возможность существует. Практически это случается три с половиной раза из ста.

Баррент оглядел галерею зрителей. Судя по одежде, все они, мужчины и женщины, принадлежали к верхушке Привилегированных Классов.

А в первом ряду сидела девушка, которая дала ему оружие в день прибытия в Тетрахид. Она была такой же красивой, как ему запомнилось, но бледное овальное лицо ничего не выражало. Она смотрела на Баррента с бесстрастным любопытством человека, разглядывающего необычного жука в банке.

— Состязание начинается! — объявил динамик.

У Баррента больше не было времени думать о девушке, потому что машина покатила прямо на него.

Он осторожно отступил в сторону. Макс выпустил тонкое щупальце с поблескивающим белым кольцом и устремился к Барренту, тесня его к стене.

Внезапно машина остановилась. Внутри механизма что-то щелкнуло. Щупальце убралось, и на его месте появилась металлическая рука на шарнирах, заканчивающаяся лезвием. Увеличив скорость, машина зажала Баррента в угол. Рука взметнулась, но он успел увернуться и услышал, как нож заскрежетал о камень. Когда рука втянулась, Баррент смог вернуться к центру.

Он понимал, что машина уязвима только во время паузы, пока селектор выбирает способ убийства. Но как вывести из строя гладкий бронированный механизм?

Макс опять приближался, и теперь его металлическая шкура тускло отсвечивала зеленым веществом, в котором Баррент сразу узнал контактный яд. Он прыгнул в сторону и помчался, *огибая арену, стараясь избежать смертельного прикосновения.*

Машина затормозила. Нейтрализатор омыл ее поверхность, очищая от яда. Затем Макс опять направился к нему, на сей раз без всякого оружия, явно идя на таран. Баррент еле переводил дыхание. Он беспомощно прислонился к стене, глядя, как противник набирает разгон.

Макс остановился в нескольких дюймах от стены. Щелкнул селектор. Из брони вылезало нечто вроде бейсбольной биты.

Упражнение по прикладному садизму, подумал Баррент. Пройдет немного времени, и машина собьет его с ног и запросто прикончит. Предпринимать надо что-то немедленно, пока еще сохранились силы.

Не успел он подумать об этом, как в воздухе мелькнула увесистая стальная дубинка. Баррент не смог полностью уклониться от удара. Бита задела левое плечо, рука онемела.

Макс опять выбирал. Баррент бросился на его гладкую сферическую поверхность. На самом верху он увидел два крошечных отверстия. Молясь, чтобы они оказались воздухозаборниками, Баррент заткнул их пальцами.

Машина замерла, публика взревела. Баррент цеплялся за ровную поверхность онемевшей рукой, стараясь удержать пальцы в отверстиях. Огни на шкуре Макса изменили цвет с зеленого на янтарный, потом на красный; его внутриутробное жужжание превратилось в глухой рокот.

А затем машина выпустила трубки дополнительных воздухозаборников.

Баррент попытался накрыть их своим телом, но машина,

внезапно взвыв, быстро откатилась и сбросила его. Он вскочил на ноги и вернулся к центру арены.

Состязание длилось не более пяти минут, а Баррент совсем выбился из сил. Тем временем неумолимая машина наступала, подняв широкую сверкающую секиру.

Вместо того чтобы отпрыгнуть в сторону, Баррент бросился вперед. Он схватил металлическую руку обеими ладонями и начал гнуть ее вниз. Сталь затрещала, и Барренту показалось, что сустав начинает поддаваться. Если ему удастся отломать металлическую конечность, может быть, машина выйдет из строя или, на худой конец, он получит оружие.

Макс внезапно дал задний ход и вырвал руку. Баррент упал ничком. Секира со свистом долбанула его по плечу.

Баррент покатился по полу и посмотрел на трибуну. Он конченый человек. Уж лучше благодарно принять следующую попытку машины, чтобы она прикончила его сразу... А девушка показывала ему что-то руками.

Времени наблюдать не было. Ослабевший от потери крови, Баррент поднялся на ноги. Его не интересовало, какое оружие извлекает машина на этот раз. Стоило ей двинуться, и он бросился под колеса.

Колеса вкатились на плечо, и Макс резко накренился. Баррент застонал от боли и, собрав последние силы, попытался встать. Машина взвыла и опрокинулась; Баррент упал рядом.

Когда зрение вернулось к нему, машина выдвигала конечности, чтобы перевернуться.

Баррент кинулся на днище и замолотил по нему кулаками. Ничего не произошло. Он попробовал оторвать одно из колес, но не сумел. Макс стал отжиматься от пола.

Внимание Баррента вновь привлекла девушка. Она настойчиво повторяла дергающие движения.

Только тогда Баррент заметил маленькую предохранительную коробку около одного из колес. Он резко сорвал крышку, ободрав почти все ногти, и выдернул предохранитель.

Машина элегантно испустила дух.

Баррент лишился чувств.

Глава 11

— На Омеге главенствует закон. Скрытый и явный, церковный и светский, закон управляет поступками всех жителей, от нижайших из низких до высочайших из высоких. Без него не было бы привилегий для тех, кто создал закон; без закона и его неумолимой силы Омега превратилась бы в немыслимый хаос, в

котором человеческие права могли существовать, лишь пока и поскольку их обеспечивал бы каждый человек. Анархия знаменовала бы конец омегианского общества и особенно тех старших представителей правящих классов, кто давно миновал расцвет своих физических сил.

Но население Омеги состоит исключительно из людей, нарушавших законы на Земле. Это общество, в котором преступления не только прощаются, но и поощряются; общество, в котором уклонение от правил судится единственно по степени успеха.

Налицо парадокс: криминальное общество с абсолютными законами, предназначенными для нарушения.

Так говорил Барренту судья, все еще спрятанный за экраном. После завершения Суда Испытанием прошло несколько часов. Баррента отнесли в медпункт, где занялись его ранениями. Они были в основном легкими: два треснувших ребра, глубокий порез на левом плече, царапины и ушибы.

— Соответственно, — вещал судья, — закон должен одновременно нарушаться и не нарушаться. Те, кто никогда не нарушает закон, не поднимаются в положении. Обычно их убивают тем или иным путем, так как у них недостаточно инициативы выживания. Для тех, кто, подобно вам, нарушает закон, ситуация иная. Закон строго наказывает их — если им не удается обойти его.

Судья сделал паузу и торжественно продолжил:

— Идеалом на Омеге является личность, которая понимает законы, ценит их необходимость, знает кару за нарушение, нарушает и преуспевает! Вот, сэр, наш идеальный преступник и идеальный омегианец. Именно это вам удалось свершить, Уилл Баррент, пройдя Суд Испытанием.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Баррент.

— Я хочу, чтобы вы осознали: однократный триумф над законом вовсе не означает, что вы сумеете восторжествовать во второй раз. С каждой новой попыткой ваши шансы уменьшаются так же, как растет вознаграждение за успех. Поэтому я не советую вам действовать опрометчиво.

— Не буду, сэр, — заверил Баррент.

— Очень хорошо. Таким образом, вы возводитесь в ранг Привилегированного Гражданина со всеми правами и обязанностями. Вам позволяется, как и прежде, вести свое дело. Кроме того, вы награждаетесь недельным отдыхом на Озере Облаков, куда можете отправиться с любой женщиной по вашему выбору.

— Простите, — перебил Баррент. — Что вы сказали?

— Недельный отдых, — повторил спрятанный судья, — с

любой женщиной по вашему выбору. Это высокая награда, так как на Омеге мужчин в шесть раз больше, чем женщин. Вы можете выбрать любую незамужнюю женщину независимо от ее желания. На это вам дается три дня.

— Мне не нужно трех дней, — сказал Баррент.— Я желаю девушку, которая сидела на первом ряду трибуны. У нее черные волосы и зеленые глаза. Вы знаете, кого я имею в виду?

— Да, — медленно произнес судья. — Я знаю, кого вы имеете в виду. Ее имя Моэра Эрмайс. Мне кажется, вам лучше изменить решение.

— Есть какие-нибудь причины?

— Нет. Но было бы лучше, если бы вы выбрали другую женщину. Мой клерк с удовольствием снабдит вас списком подходящих молодых дам. У них отличные рекомендации. Некоторые окончили Женский институт, где, как вам, возможно, известно, преподают двухгодичный курс науки и искусства гейши. Я лично могу порекомендовать вам...

— Хочу Моэру, — заявил Баррент.

— Молодой человек, вы делаете ошибку.

— Я все-таки рискну.

— Хорошо, — сказал судья. — Ваш отдых начинается завтра в девять утра. Я искренне желаю вам удачи.

Баррента под охраной вывели из здания суда и доставили домой. Друзья, считавшие, что он погиб, пришли его поздравить. Им не терпелось услышать подробности Суда Испытанием, но Баррент уже понял, что знание есть путь к могуществу, и не особенно распространялся.

В этот вечер был и другой повод для празднования: Тема Ренда наконец приняли в Гильдию Убийц. Как и обещал, он взял Фоэрена к себе в помощники.

На следующее утро перед дверью магазина остановился экипаж. Его прислал Департамент Юстиции. Сзади сидела очень красивая и недовольная Моэра Эрмайс.

— Вы в своем уме, Баррент? Думаете, у меня есть на это время? Почему вы выбрали меня?

— Вы спасли мне жизнь, — ответил Баррент.

— И вы решили, что я вами заинтересовалась? Если у вас есть чувство благодарности, скажите водителю, что передумали. У вас есть еще возможность выбрать другую девушку.

Баррент покачал головой.

— Мне нужны только вы.

— Не передумаете?

— Ни за что.

Моэра вздохнула и откинулась назад.

— Вы действительно интересуетесь мной?

— Больше чем интересуюсь, — сказал Баррент.

— Что ж, — сказала Моэра, — мне остается только смириться с этим.

Она отвернулась, но перед этим Барренту показалось, что он увидел на ее лице еле заметную улыбку.

Глава 12

Озеро Облаков — лучший курорт Омеги. На его территории поединки были строжайшим образом запрещены, всякое оружие отбиралось. Ссоры разрешал ближайший бармен, а убийство наказывалось немедленным лишением статуса.

На Озере Облаков доступно любое развлечение. Хочешь — смотри бой быков и медвежью схватку, хочешь — занимайся плаванием, альпинизмом, лыжами... Вечерами в бальных залах за стеклянными стенами, отделяющими жителей от граждан и граждан от элиты, проходили танцы. К услугам отдыхающих имелся прекрасно оборудованный наркобар, содержащий как испытанные средства для заядлых любителей, так и новинки на пробу. Для тех, кто пообщительней, по средам и субботам устраивали ночные оргии в Гроте Сатиров. Более стеснительным незнакомки в масках назначали свидания в полутемных коридорах под отелем. Но главное, там были покатые склоны и тенистые леса, приятные прогулки, свободные от вечного страха и напряжения, от каждодневной борьбы за существование в Тетрахиде.

Баррент и Моэра жили в смежных комнатах, и дверь между ними была не заперта. Но в первую ночь Баррент не воспользовался той дверью — на планете, где женщины питали пристрастие к ядам, мужчине следовало подумать дважды, прежде чем навязывать свою компанию. Даже владелец магазина противоядий вынужден был считаться с возможностью не распознать вовремя симптомы отравления у самого себя...

На второй день они забрались высоко в горы и устроили пикник на покрытом травой склоне, спускающемся к серому морю. Баррент спросил Моэру, почему она спасла ему жизнь.

— Вам не понравится ответ, — предупредила она.

— И все же я хотел бы знать.

— Вы выглядели таким странно беззащитным в Обществе защиты жертв... Я бы помогла любому, кто оказался бы на вашем месте.

Баррент неловко кивнул.

— А второй раз?

— Затем, пожалуй, я вами заинтересовалась. Но это не романтический интерес, вы понимаете? Я совсем не романтична.

— Какой же интерес?

— Мне казалось, что вы хороший материал для вербовки.

— Вы не могли бы объяснить поподробнее? — попросил Баррент.

Моэра минуту хранила молчание, наблюдая за ним немигающими зелеными глазами.

— Я могу сказать лишь немногое. На Омеге действует организация, которая ищет подходящих людей. Обычно мы начинаем непосредственно с корабля. Потом поиск продолжают вербовщики, такие, как я.

— А какой тип людей вы подбираете?

— Простите, Уилл, не ваш.

— Почему не мой?

— Сперва я серьезно думала завербовать вас, — сказала Моэра. — Вы казались как раз тем человеком, который нам нужен. Затем я проверила ваше дело.

— И?..

— Мы не принимаем убийц. Иногда мы нанимаем их для специальных заданий, но не зачисляем в организацию. Существуют некоторые смягчающие обстоятельства, которые мы признаем: самозащита, например. Но человек, совершивший на Земле преднамеренное убийство...

— Понимаю, — произнес Баррент. — А если я скажу, что не испытываю тяги к кровопролитию?

— Мне известно это, — ответила Моэра. — Если бы все зависело от меня, я бы приняла вас в организацию. Но решаю не я... Уилл, а вы уверены, что совершили убийство?

— Похоже на то, — проговорил Баррент. — Наверное.

— Плохо, — сказала Моэра. — И все же организация нуждается в людях с высоким уровнем выживания независимо от их поступков на Земле. Ничего не обещаю, но я посмотрю, что можно сделать. Хорошо, если бы вы сумели выяснить больше о своем преступлении. Возможно, были смягчающие обстоятельства...

— Не исключено, — с сомнением сказал Баррент. — Я постараюсь.

Этим вечером, когда он собрался ложиться, Моэра открыла дверь и вошла в комнату. Гибкая и теплая, она скользнула в его постель. Когда он заговорил, она закрыла ему рот рукой. И Баррент, наученный не искушать судьбу, промолчал.

...Отдых промчался слишком быстро. О загадочной организации больше не говорили, зато, возможно, в качестве компенсации, смежная комната оставалась открытой. Наконец вечером седьмого дня Баррент и Моэра вернулись в Тетрахид.

— Когда я смогу тебя увидеть? — спросил Баррент.

— Я свяжусь с тобой.

— Меня это не устраивает.

— Больше ничего не могу предложить, — сказала Моэра. — Прости, Уилл. Я посмотрю, что можно сделать с организацией.

Баррент вынужден был удовлетвориться этим. Выйдя из машины у своего магазина, он все еще не знал, где она живет и какую организацию представляет.

Он тщательно обдумал подробности своих видений в Магазине Снов: гнев на Теркалера, контрабандное оружие, столкновение, труп, а затем информатор и судья. Не хватало только одной детали. Баррент никак не мог припомнить самого мгновения убийства, когда он прицелился и нажал на курок. Видения кончались на встрече с Теркалером и продолжались после перерыва, когда тот уже был мертв. Возможно, он заблокировал в памяти момент совершения убийства, но, может, какая-то причина все же спровоцировала преступление? Это необходимо выяснить.

Сведения о Земле можно получить только двумя путями. Один лежал через кошмар Магазина Снов, и Баррент твердо решил к нему не прибегать. Другой — услуги скреннирующих мутантов.

Баррент разделял всеобщую неприязнь к мутантам. Они были совершенно иной расой, и их статус неприкасаемых был не только следствием предубеждения. Мутанты часто были носителями странных и неизлечимых болезней. Их остерегались и избегали, и они отвечали замкнутостью. Квартал Мутантов был городом в городе. Разумные граждане держались подальше от квартала, особенно вечером,— все знали, что мутанты мстительны.

Но только мутанты обладали скреннирующей способностью. В их бесформенных телах скрывались необычные силы и таланты, странные и неистовые способности, которых нормальные люди чурались днем и втайне вожделели ночью. Поговаривали, что мутанты пользуются особым покровительством Великого Черного и что искусство черной магии, которым похвалялись священники, на самом деле доступно только мутантам; правда, никто не утверждал этого в присутствии служителей культа.

Бытовало мнение, что благодаря своим странным способностям мутанты помнят о Земле гораздо больше, чем обычные люди. И не только помнят в общих чертах, но могут раскрутить жизненную нить человека во времени и пространстве, проникнуть сквозь стену забытья и рассказать, что с ним произошло на самом деле.

Однако не все верили в особые свойства мутантов. Некоторые считали их просто ловкими мошенниками, наживающимися на людской доверчивости.

Баррент решил все выяснить сам. Однажды поздним вечером, соответственно одетый и вооруженный, он покинул свой дом и отправился в Квартал Мутантов.

Глава 13

Баррент шел по узким, петляющим улочкам Квартала, держа руку на оружии. Он проходил мимо хромых и слепых, гидроцефалоидных и микроцефалоидных идиотов, мимо фокусника, держащего в воздухе двенадцать горящих факелов с помощью рудиментарной третьей руки, растущей из груди, мимо торговцев одеждой, косметикой и ювелирными изделиями, мимо тележек со зловонной и антисанитарно выглядевшей пищей. Он миновал несколько ярко раскрашенных публичных домов, где у окон зазывно толпились девицы. Четырехрукая и шестиногая уродка сообщила ему, что он явился как раз вовремя для Дельфийских обрядов. Баррент поспешил прочь и почти столкнулся с чудовищно толстой женщиной, немедленно рванувшей на себе блузку, дабы обнажить восемь сморщенных грудей. Он вильнул в сторону, обходя четверых сиамских близнецов, которые уставились на него огромными жалобными глазами.

Баррент завернул за угол и остановился. Высокий оборванный старик с тростью загораживал ему дорогу. Он был кривой — ровная гладкая кожа затягивала место, где полагалось находиться левому глазу. Но правый глаз сверкал ярко и свирепо из-под белой брови.

— Вам нужны услуги настоящего скреннера? — спросил старик.

Баррент кивнул.

— Идите за мной. — Мутант свернул в аллею, и Баррент последовал за ним, крепко сжимая рукоятку иглолучевика. Законом мутантам запрещалось иметь оружие, но многие, подобно этому старику, носили тяжелые, окованные железом палки. Лучшего оружия для узких улочек нельзя было и представить.

Провожатый открыл дверь и мотнул головой. Баррент помедлил, вспоминая рассказы о доверчивых жителях, попавших в лапы мутантов, затем сжал иглолучевик и вошел.

Старик открыл дверь в конце длинного коридора и ввел Баррента в маленькую тускло освещенную комнату. Когда глаза привыкли к темноте, Баррент разглядел фигуры двух женщин, сидевших за простым деревянным столом. На столе стояла кастрюля с водой, а в кастрюле лежало карманное зеркальце, разбитое на мелкие кусочки.

Одна женщина была очень старой и совершенно безволосой, другая — молодой и красивой. Баррент был потрясен, подойдя ближе к столу и увидев, что ее ноги ниже колен срослись в рыбий хвост.

— Чем интересуетесь, Гражданин Баррент? — спросила молодая женщина.

— Откуда вы знаете мое имя? — опешил Баррент. Не получив ответа, он сказал: — Я хочу выяснить все об убийстве, которое я совершил на Земле.

— Зачем вам это нужно? Разве власти не записали его в вашу пользу?

— Записали. Но мне хотелось бы знать, почему я сделал это. Может, были какие-то смягчающие обстоятельства. Самозащита, например.

— Это так важно для вас?

— Да. — Он помедлил и решился: — Дело в том, что я не хочу убивать. У меня невротическое предубеждение против убийства. Вот и любопытно, почему же я совершил его на Земле.

Мутанты переглянулись. Старик усмехнулся и произнес:

— Гражданин, мы поможем тебе. У нас, мутантов, тоже предубеждение против убийства, потому что всегда убивают нас. Нам нравятся граждане с такими неврозами.

— Значит, вы согласны скреннировать мое прошлое?

— Все не так просто, — заметила молодая женщина.— Скреннирующая способность, являющаяся одним из проявлений пси-эффекта, сложна в обращении. Даже когда удается вызвать ее к жизни, она часто раскрывает не то, что нужно.

— Я думал, что все мутанты могут легко заглядывать в прошлое.

— Нет, — сказал старик, — это неверно. Во-первых, не все, кого так называют, действительно мутанты. Любая деформация или отклонение в наши дни провозглашается мутацией. Это удобное клеймо для каждого, кто не соответствует земным стандартам.

— Но среди вас есть и настоящие мутанты?

— Безусловно. Однако существуют разные типы мутаций. Некоторые из них — гигантизм, микроцефалия и тому подоб-

ное — просто следствие радиации. Совсем немногие из нас обладают пси-способностями, хотя все мутанты уверяют, что имеют их.

— Вы способны скреннировать? — спросил его Баррент.

— Я — нет. Но Мила может, — ответил он, указывая на молодую женщину. — Иногда.

Женщина глядела в воду, в разбитое зеркало. Ее блеклые глаза широко раскрылись, обнажая почти всю радужку; хвостатое тело, поддерживаемое старухой, выпрямилось и напряглось.

— Она начинает что-то видеть, — произнес старик. — Вода и зеркало — только средства для концентрирования внимания. Мила хорошо скреннирует, хотя порой прошлое у нее переплетается с будущим. Люди пугаются таких вещей, им-то скреннирование и обязано своей дурной славой. Но тут уж ничего не поделаешь. Если Мила видит в воде будущее, она говорит о нем. На этой неделе она предсказала одному Хаджи, что тот через четыре дня умрет. — Старик хихикнул. — Вы бы видели его лицо.

— Она предупредила, как он умрет? — спросил Баррент.

— Да, от броска ножа. Бедняга просидел все время дома.

— Его убили?

— Конечно. Жена. Решительная женщина!..

Баррент надеялся, что Мила не прочтет его будущее. Жизнь трудна и без предсказаний мутантов.

Мила подняла взгляд от зеркала, печально покачивая головой.

— Я могу сказать вам очень мало. Мне не удалось увидеть, как произошло убийство. Но я видела кладбище и видела могилу ваших родителей. Могила старая, наверное, двадцатилетней давности. Кладбище расположено на краю местечка Янгерстан, на Земле.

Барренту это название ничего не говорило.

— А еще, — продолжала Мила, — я увидела человека, который многое может вам рассказать, если захочет.

— Он свидетель убийства?

— Да.

— Это тот, кто на меня донес?

— Не знаю, — ответила Мила. — Я видела покойника по имени Теркалер, и возле него стоял человек. Его зовут Иллиарди.

— Он здесь, на Омеге?

— Вы можете найти его сейчас в Эйфориаториуме на Малой Топорной улице. Знаете?

— Найду, — сказал Баррент. Он поблагодарил девушку и предложил плату, взять которую она отказалась. Когда Баррент выходил, она окликнула его:

— Будьте осторожны.

Баррент остановился и почувствовал холодок в груди.

— Вы скреннировали мое будущее?

— Только на несколько месяцев вперед.

— И что увидели?

— Не могу объяснить. То, что я увидела, совершенно невозможно.

— Скажите мне.

— Я видела вас мертвым. И все же вы не были мертвы. Вы смотрели на труп, разбитый на сверкающие осколки. Но покойник — это вы.

— Что это значит?

— Не знаю, — сказала Мила.

Эйфориаториум оказался большим, аляповато обставленным заведением, специализирующимся на наркотиках и афродизиаках. Клиентура его состояла в основном из пеонов и жителей. Пробиваясь сквозь толпу и спрашивая человека по имени Иллиарди, Баррент чувствовал, что он в чужой среде.

Ему показали на лысого узкоплечего мужчину, сидящего за крошечной рюмкой танапиквита. Баррент подошел и представился.

— Приятно познакомиться, сэр, — сказал Иллиарди, проявляя обязательное уважение Жителя Второго Класса к Привилегированному Гражданину. — Чем могу быть вам полезен?

— Я хотел бы кое-что спросить о Земле, — объяснил Баррент.

— Я мало что помню, — извинился Иллиарди. — Но рад услужить.

— Вы знали человека по имени Теркалер?

— Безусловно, — подтвердил Иллиарди. — Такой тощий и косоглазый. Негодяй, каких свет не видывал.

— Вы присутствовали при его убийстве?

— Разумеется. Это первое, что я вспомнил, сойдя с корабля.

— Вы видели, кто его убил?

Иллиарди изумился.

— Чего тут видеть? Его убил я.

Баррент заставил себя продолжать ровным голосом:

— Вы уверены в этом? Абсолютно уверены?

— Конечно, — сказал Иллиарди. — Я готов драться с любым, кто посмеет оспорить это. Теркалера убил я, и это самое меньшее, чего он заслуживал.

— А не видели ли вы в это время поблизости меня?

Иллиарди посмотрел на него внимательно, затем покачал головой.

— Кажется, нет. Но я не уверен. Все, что случилось после убийства, у меня как во сне.

— Благодарю вас, — произнес Баррент и покинул Эйфориаториум.

Глава 14

Чем больше Баррент думал, тем больше приходил в недоумение. Если Теркалера убил Иллиарди, то почему Баррента отправили на Омегу? Если произошла ошибка, то почему его не выпустили, когда обнаружили настоящего убийцу? Зачем кто-то на Земле обвинил его в преступлении, которого он не совершал? И зачем фальшивое воспоминание об убийстве внедрили ему в память да еще на подсознательном уровне?

У Баррента не было ответов на эти вопросы. Но и прежде не чувствуя себя убийцей, теперь он нашел доказательство. Сознание невиновности все изменило и расставило по своим местам: его вовсе не привлекает омегианский образ жизни. Он хочет вернуться на Землю!

Однако это невозможно. В небе днем и ночью кружили сторожевики. Но даже если бы удалось как-то увернуться от них, шансов на побег не было никаких. Техника Омеги дошла только до двигателей внутреннего сгорания; звездные корабли принадлежали Земле.

Баррент продолжал работать в магазине противоядий и будто щеголял своим антиобщественным поведением. Он игнорировал приглашения из Магазина Снов и никогда не посещал публичных казней. Когда ревущие толпы собирались поразвлечься в Квартале Мутантов, у Баррента начинались головные боли. Он не участвовал в Охотах Дня Посадки и грубо обошелся с торговым представителем «Ежемесячных пыток». И даже визиты Дяди Ингмара не смогли поколебать его антирелигиозных настроений.

Баррент понимал, что напрашивается на неприятности, и ожидал их с каким-то странным, но бодрящим нетерпением. В конце концов, на Омеге нет ничего необычного в нарушении законов — если удается выйти сухим из воды.

Случай проверить свою решимость ему представился довольно скоро. Однажды на улице его толкнул прохожий. Баррент отошел, но тот схватил его за плечо.

— Ты знаешь, кого ты толкнул? — спросил мужчина. Он был коренастый и приземистый. Одежда указывала на его при-

надлежность к Привилегированным Гражданам. Пять серебряных звезд на ремне — количество узаконенных убийств.

— Я не толкал вас, — сказал Баррент.

— Ты лжешь, любитель мутантов.

Услышав смертельное оскорбление, толпа замерла. Баррент сделал шаг назад, выжидая. Мужчина потянулся за оружием отработанным артистичным движением, но иглолучевик Баррента был нацелен на полсекунды раньше. Он просверлил обидчика прямо между глаз; затем, почувствовав движение сзади, Баррент резко обернулся.

Двое Привилегированных Граждан вытаскивали свое тепловое оружие. Баррент выстрелил, ныряя под прикрытие здания. Противники упали и обуглились. Деревянная стена рядом с Баррентом разлетелась на кусочки — из аллеи стрелял еще один. Двумя выстрелами Баррент уложил его.

И все. В течение нескольких секунд он убил четверых.

Баррент был доволен: теперь любителям повышения статуса есть о чем подумать. Вполне возможно, они переключатся на более доступные объекты и оставят его в покое.

У себя в магазине он застал Джо. Маленький кредитный вор выглядел расстроенным.

— Видел сегодня, как ты стрелял. Отличная работа.

— Благодарю, — сказал Баррент.

— Думаешь, это тебе поможет? Думаешь, что сможешь дальше нарушать закон?

— Пока удается.

— Безусловно. Но как по-твоему, сколько ты продержишься?

— Сколько надо будет.

— Нет, — сказал Джо. — Нельзя безнаказанно нарушать закон. Только сосунки верят в это.

— Им придется послать за мной стрелков получше,— заметил Баррент, перезаряжая иглолучевик.

— Все произойдет не так, — произнес Джо. — Поверь мне, Уилл, нельзя сосчитать способов избавиться от тебя. Когда закон решил действовать, его не остановишь. И, между прочим, не жди помощи от своей подруги.

— Ты знаешь ее? — спросил Баррент.

— Я знаю всех, — мрачно сказал Джо. — У меня друзья в правительстве. Я знаю, что тобой недовольны. Слушай меня, Уилл. Ты же не хочешь плохо кончить?

Баррент покачал головой.

— Джо, ты можешь связаться с Моэрой? Ты знаешь, где найти ее?

— Возможно. Зачем?

— Я хочу, чтобы ты ей кое-что передал. Скажи ей, что я не совершал убийства, в котором меня обвинили на Земле.

Джо уставился на него.

— Ты спятил?

— Нет. Я нашел человека, который на самом деле совершил его: Житель Второго Класса Иллиарди.

— Чего же об этом распространяться? — удивился Джо. — Не имеет смысла терять уважение.

— Я не убивал, — упрямо повторил Баррент.— Передашь Моэре?

— Хорошо, — согласился Джо. — Если смогу найти ее. Но лучше послушай меня. Может, еще не поздно все исправить. Сходи на Черную Мессу...

— Возможно, я так и сделаю, — произнес Баррент.— Ты обязательно скажешь Моэре?

— Да, — пообещал Джо. Он вышел из магазина противоядий, печально качая головой.

Глава 15

Тремя днями позже Баррента посетил высокий пожилой мужчина с горделивой осанкой, такой же прямой, как церемониальный меч, висевший у него на боку. На нем был мундир с высоким воротником-стойкой, черные брюки и блестящие черные туфли. По одежде Баррент распознал в нем важного государственного чиновника.

— Правительство Омеги шлет вам поздравления, — начал гость. — Я Норинс Джей, Субминистр Игр. В соответствии с законом я нахожусь здесь, дабы лично уведомить вас о великой удаче.

Баррент осторожно кивнул и пригласил посетителя пройти в комнату. Но Джей, величественный и исполненный достоинства, предпочел остаться в магазине.

— Вчера была проведена ежегодная Лотерея, — объявил он. — Вы, Гражданин Баррент, один из выигравших. Поздравляю вас.

— А что за награда? — поинтересовался Баррент. Он слышал о Лотерее, но имел о ней лишь самое смутное представление.

— Почет и слава. Увековечение вашего имени в гражданских свитках. Сохранение для потомства списка ваших убийств. Конкретно — вы получите иглолучевик государственного выпуска и будете посмертно награждены Серебряным знаком солнечных лучей.

— Посмертно?

— Конечно. Серебряные солнечные лучи всегда присуждают посмертно. Однако от этого они не менее почетны.

— Да-да, — согласился Баррент. — Что-нибудь еще?

— Как выигравший в Лотерее, вы примете участие в символической церемонии Охоты, отмечающей начало ежегодных Игр. Охота, как вам известно, олицетворяет наш омегианский образ жизни. В ней присутствуют все элементы драматических взлетов и падений, соединенные с возбуждением борьбы и волнующим трепетом погони. Даже пеонам позволено участвовать в Охоте, потому что это праздник, открытый для всех, праздник, символизирующий возможности любого человека выйти за рамки своего статуса.

— Если я вас верно понял, — заметил Баррент, — я выбран одним из тех, за кем будут охотиться?

— Да, — подтвердил Джей.

— Но вы сказали, что церемония символическая. Разве это не означает, что никого не убьют?

— Вовсе нет, что вы! — воскликнул Джей. — На Омеге символы и символизируемая вещь практически одно и то же. Когда мы говорим — Охота, то имеем в виду настоящую охоту. Иначе все выродится в показуху.

Баррент молчал, обдумывая положение. Оно было не из приятных. Лицом к лицу с врагом, в простой дуэли, он имел прекрасные шансы на победу. Но Охота с участием всего населения Тетрахида...

— Каким образом меня выбрали?

— Случайным отбором, — объяснил Норинс Джей.— Никакой другой способ не достоин тех, кто отдает свою жизнь во имя вящей славы Омеги.

— Что-то не верится, что меня выбрали совершенно случайно.

— Выбор был случайным, — заверил Джей.— Производился он, конечно, по списку подходящих жертв. Не каждый годится на роль Дичи. Человек должен проявить немало сил и упорства, чтобы Комитет Игр включил его в список кандидатов. Быть Дичью — великая честь.

— Не знаю, — заявил Баррент. — Просто вы преследуете меня.

— Вы не правы. Могу заверить, что никто в правительстве не питает к вам злых чувств. Вы нарушили закон, но это вовсе не касается правительства. Это дело касается исключительно вас и закона.

Синие ледяные глаза Джея сверкнули при упоминании о законе. Он выпрямился и еще плотнее сжал губы.

— Закон стоит над преступником и судьей и правит ими обоими. Он неотвратим, ибо любое действие либо законно, либо противозаконно. Если можно так выразиться, закон живет своей жизнью, ведет существование, совершенно отдельное от конечных жизней существ, приводящих его в исполнение. Закон управляет каждым аспектом человеческого поведения; следовательно, в той степени, в какой люди являются законными существами, закон человечен. И, будучи человечным, закон имеет свои слабости. Для граждан, соблюдающих закон, он далек и незаметен. Но если кто-то отвергает или преступает его, закон восстает из праха и преследует нарушителя.

— Вот почему меня выбрали на роль Дичи?

— Конечно, — сказал Субминистр. — Не выбрали бы вас сейчас, рьяный и недремлющий закон нашел бы другие пути, используя все доступные способы.

— Благодарю за информацию, — произнес Баррент.— Сколько у меня времени до начала Охоты?

— Охота начинается на рассвете и заканчивается с первой зарей следующего дня.

— А что будет, если меня не убьют?

Норинс Джей слабо улыбнулся.

— Такое случается нечасто, Гражданин Баррент. Я уверен, это не должно волновать вас.

— Но все же бывает?

— Да. Те, кто остался в живых, автоматически включаются в Игры.

— А если я выживу в Играх?

— Забудьте об этом, — посоветовал Джей дружеским тоном.

— Но почему?

— Поверьте мне, Гражданин, вы не выживете.

— Я все-таки желал бы знать, что произойдет в таком случае.

— Тот, кто проходит Игры, оказывается вне закона.

— Звучит многообещающе, — заметил Баррент.

— Вовсе нет. Закон, даже в самом своем карающем проявлении, стоит на страже ваших интересов. Как бы ни было мало у вас прав, закон гарантирует их соблюдение. Я не убил вас сейчас и здесь только потому, что это было бы незаконно. — Джей разжал руку, и Баррент увидел крошечное однозарядное оружие. — Закон устанавливает рамки и определяет поведение как своих нарушителей, так и исполнителей. Сейчас он повелевает вам умереть. Но все люди смертны. Закон, в силу своей природы проникающий в самую глубь явлений, открывает вам дату

вашей смерти. Вы знаете хотя бы день; если бы не закон, вы остались бы в неведении.

— И все же, — настаивал Баррент, — если я выживу в Играх и окажусь вне закона?

— Единственный, кто существует вне закона, — задумчиво произнес Норинс Джей, — это сам Великий Черный. Оказавшиеся вне закона принадлежат ему. Но лучше тысячу раз умереть, чем попасть живым в руки Великого Черного.

Баррент давно пришел к выводу, что культ Великого Черного — суеверная чепуха. Но теперь, слушая доверительный голос Джея, он начал сомневаться. Может существовать реальное отличие между обычным поклонением Злу и действительным присутствием самого Зла?

— Но если вам повезет, — продолжал Джей, — вас убьют сразу. А сейчас последние инструкции.

Джей потянулся свободной рукой в карман и вытащил красный карандаш. Быстрым отработанным движением он провел карандашом по щекам и лбу Баррента. Тот даже не успел опомниться, как все было кончено.

— Это помечает вас как Дичь, — сказал Джей.— Пометки несмываемы. Вот ваш государственный иглолучевик. — Он вынул оружие из кармана и положил на стол. — Охота, как я говорил, начинается с первым светом зари. Убить вас имеет право каждый, кроме другой Дичи. Вы также можете убивать. Но я советую делать это с большой осторожностью: вспышки и звук выстрела выдавали многих. Если будете прятаться, не забывайте обеспечить себе выход. Помните, что другие знают Тетрахид лучше вас. Опытные охотники изучили все потаенные места; с Дичью кончают в основном в первые часы праздника. Желаю вам удачи, Гражданин Баррент.

На пороге Джей снова обернулся к Барренту.

— Я должен добавить, что одна довольно маловероятная возможность сохранить жизнь и свободу на Охоте существует. Но мне запрещено рассказывать о ней.

Субминистр поклонился и вышел.

После долгих стараний Баррент убедился, что алые пометки действительно несмываемы. Вечером он разобрал государственный иглолучевик. Как и следовало ожидать, оружие оказалось дефектным.

Он взял собственный лучевик и начал приготовления к Охоте: сложил в маленький рюкзак еду, воду, моток веревки, нож, немного одежды и запасное оружие. Потом сел и стал ждать, надеясь вопреки здравому смыслу, что в последнюю минуту его спасут Моэра и ее организация.

Спасение не пришло. За час до рассвета Баррент покинул магазин противоядий. Он не имел представления, что делают другие жертвы, но уже решил, где ему спрятаться от Охотников.

Глава 16

Авторитетные умы на Омеге признавали, что положение Дичи круто меняет характер личности. Если бы преследуемый мог взглянуть на Охоту как на отвлеченную проблему, он наверняка сделал бы более или менее правильные выводы. Но типичная Дичь независимо от интеллекта не в состоянии отделить эмоции от рассудка. Ведь охотятся *на нее*. Ею овладевает паника. Безопасность ассоциируется с местами отдаленными и тайными. Жертва уходит как можно дальше от дома, зарывается глубоко в землю, петляет по закоулкам. Она предпочитает темноту свету, уединение — толпе.

Это хорошо известно Охотникам. Вполне естественно, они в первую очередь обыскивают пустынные темные места, подземные переходы, заброшенные дома и склады. И там неумолимо настигают добычу.

Баррент учел все это. Он поборол свой первый порыв исчезнуть в мрачной клоаке Тетрахида и направился к большому, ярко освещенному корпусу Министерства Игр.

Когда коридоры, казалось, опустели, он быстро вошел внутрь, прочитал указатель и поднялся по лестнице на третий этаж. Миновав несколько дверей, Баррент наконец остановился у искомой: «НОРИНС ДЖЕЙ. СУБМИНИСТР». Он прислушался, затем открыл дверь и шагнул в комнату.

У старого чиновника была неплохая реакция. Баррент не успел переступить порог, как Джей, увидев отметки на его лице, потянулся к ящику стола.

Баррент не хотел убивать старика. Он рванулся вперед и ударил Джея государственным иглолучевиком прямо в лоб. Джей пошатнулся, привалился к стене и рухнул на пол.

Баррент наклонился к нему и проверил пульс. Потом связал свою жертву, сунул в рот кляп и затолкал Субминистра под стол. Порывшись в ящиках, он нашел табличку: «Заседание. Не мешать», повесил ее и запер дверь. Затем уселся за стол, держа наготове свой собственный иглолучевик, и стал ждать развития событий.

Светало. Над Омегой вставало бледное солнце. Баррент видел через окно, как улицы наполняются людьми. В городе царило лихорадочное возбуждение карнавала, праздничный шум

то и дело перемежался отрывистым шипением лучевиков и внятными взрывами реактивного оружия.

К полудню Баррент оставался необнаруженным. Он выглянул в окно и с удовлетворением отметил, что имеет возможность выбраться на крышу, то есть на худой конец есть запасной выход.

В середине дня начал приходить в себя Джей. Попробовав освободиться от веревок, он вскоре успокоился и тихо лежал под столом.

Перед самым вечером кто-то постучал в дверь.

— Мистер Джей, разрешите войти?

— Не сейчас, — ответил Баррент, надеясь, что удачно имитирует голос чиновника.

— Вас, должно быть, интересует статистика Охоты,— сказал человек за дверью. — К настоящему моменту граждане убили семьдесят три жертвы, осталось восемнадцать. Это лучше, чем в прошлом году.

— О да, — согласился Баррент.

— Количество спрятавшихся в канализационной системе больше обычного. Несколько человек пытались обмануть, укрывшись дома. Остальных мы ищем в обычных местах.

— Отлично, — одобрил Баррент.

— Пока никто еще не сделал прорыв, — продолжал мужчина. — Странно, что Дичь редко думает об этом. Впрочем, нам же лучше — нет надобности использовать машины.

Интересно, что он имеет в виду?.. Куда можно сделать прорыв? И как используют машины?

— Мы уже подобрали кандидатов для Игр, — добавил докладчик. — Хорошо, если бы вы завизировали список.

— Оставляю его на ваше усмотрение, — сказал Баррент.

Послышались удаляющиеся шаги. Похоже, он что-то заподозрил, подумал Баррент. Разговор длился слишком долго, надо было закончить его раньше. Пожалуй, стоит перейти в другое помещение.

Прежде чем он успел что-либо предпринять, в дверь грубо застучали.

— Да?

— Гражданский Комитет, — ответили басом. — Будьте любезны открыть. У нас есть основания считать, что здесь прячется Дичь.

— Чепуха,— уверенно заявил Баррент. — Сюда нельзя входить. Это государственное учреждение.

— Можно, — сказал бас. — Ни одно помещение, контора или здание не закрыты для граждан в День Охоты. Ну?

Когда дверь затрещала под мощными ударами, Баррент

дважды выстрелил, давая пищу для размышлений, и вылез в окно.

Крыши Тетрахида, как сразу заметил Баррент, были идеальным местом для укрытия; именно поэтому прятаться там явно не следовало. Лабиринт почти соприкасающихся островерхих скатов, шпилей, дымовых труб был словно специально создан для побега, но на крышах уже стояли люди. Они увидели его и закричали.

Баррент бросился бежать. Охотники догоняли его и окружали с флангов. Он перепрыгнул через пятифутовую щель между зданиями, еле удержав равновесие на крутом скате, и вскарабкался на другую сторону крыши.

Паника гнала его вперед. Охотники отстали. Если бы удалось выдержать темп еще хоть десять минут, он бы спустился и поискал более надежное убежище.

Еще один пятифутовый промежуток между домами. Баррент прыгнул, не колеблясь. Приземлился он хорошо. Но правая нога по бедро провалилась сквозь прогнившее перекрытие. Он напряг все силы, пытаясь вытащить ногу, но от крутой гнилой крыши не оттолкнешься.

— Вот он!

Баррент обеими руками рванул дранку. Охотники приблизились уже почти на расстояние выстрела из иглолучевика. Ко времени, когда он сумеет высвободить ногу, он станет легкой добычей.

Когда Охотники появились на примыкающем здании, Баррент выломал трехфутовую дыру и, не видя иного выхода, прыгнул вниз. Секунду он летел в воздухе, затем приземлился ногами на стол, который развалился, сбросив его на пол. Баррент поднялся и увидел, что попал в гостиную Хаджи-класса. Неподалеку в кресле-качалке сидела старуха. Челюсть у нее отвисла от страха, и она машинально продолжала раскачивать кресло.

По крыше загромыхали Охотники. Баррент бросился на кухню к черному ходу, проскользнул под веревками для белья и перемахнул через невысокий забор. Кто-то выстрелил в него из окна второго этажа. Подняв голову, он увидел мальчишку, старающегося нацелить тяжелое тепловое оружие. Очевидно, отец запретил ему охотиться на улице.

Баррент свернул в переулок и добежал до аллеи, показавшейся ему знакомой. Он понял, что находится в Квартале Мутантов, неподалеку от дома Милы.

Сзади раздались крики преследователей. Он рванулся к дому Милы и нашел дверь незапертой.

Все были там — одноглазый мужчина, лысая старая женщина и Мила. Они совсем не удивились его появлению.

— Итак, вас выбрали в Лотерее, — произнес старик.— Мы так и знали.

— Это Мила прочла в воде? — спросил Баррент.

— Нет, — ответил старик. — Это можно было предсказать и так, учитывая, что вы за человек. Смелый, но не безжалостный. Вот в чем ваша беда, Баррент.

Старик отбросил обязательную форму обращения к Привилегированному Гражданину, что в данных обстоятельствах было вполне естественно.

— Каждый год одно и то же, — продолжал он. — Вы были бы поражены, узнав, сколько многообещающих молодых людей, за которыми по пятам гнались Охотники, кончали свой путь в этой комнате — смертельно уставшие, державшие иглолучевик, будто он весит тонну. Они ждали от нас помощи, но мутанты предпочитают не ввязываться в неприятности.

— Замолчи, Дем, — перебила старая женщина.

— Но вам мы должны помочь, — невозмутимо сказал Дем. — У Милы на этот счет свои соображения. — Он язвительно усмехнулся. — Ее мать и я пытались разубедить ее, но она настаивала. А так как только она среди нас может скреннировать, то пусть поступает по-своему.

— Даже с нашей помощью у вас очень мало шансов пережить Охоту, — произнесла Мила.

— Если они меня убьют, — поинтересовался Баррент,— как же сбудется ваше предсказание? Помните, вы видели меня смотрящим на собственный труп, разбитый на кусочки?

— Помню, — согласилась Мила. — Но ваша смерть не помешает предсказанию. В таком случае оно сбудется с вами в другом воплощении.

Баррента это не успокоило.

— Что мне делать?

Старик протянул кучу лохмотьев.

— Наденьте это, а я поработаю над вашим лицом. Вы, мой друг, станете мутантом.

Вскоре Баррент вышел на улицу, одетый в старую выцветшую рванину. Под ней он сжимал иглолучевик, а в свободной руке держал чашу для подаяний. Старик щедро наложил розовато-желтый грим. На лбу лежали чудовищные морщины, а нос расползся чуть не до ушей. Лицо изменилось до неузнаваемости, охотничьи пометки были скрыты.

Мимо рысью промчался отряд Охотников, едва удостоив

его взглядом. Баррент почувствовал некоторое облегчение. Он выигрывал драгоценное время. Последние лучи бледного солнца скрывались за горизонтом. Ночь предоставит дополнительные преимущества, и он сможет продержаться до зари. Потом, конечно, будут Игры, но Баррент не собирался принимать в них участие: если грим сумеет защитить его от всего города, то уж сам себя он не обнаружит.

Пожалуй, после окончания Игр он сможет вновь появиться в обществе. Вполне вероятно, если ему удастся пережить Охоту и увильнуть от Игр, его наградят особо. Такое дерзкое и успешное нарушение закона должно быть оценено по достоинству.

Баррент увидел еще одну группу приближающихся Охотников. Их было пятеро, и среди них — Тем Ренд, внушительный и гордый в новенькой форме Убийцы.

— Эй, ты! — крикнул один из Охотников. — Не видел здесь Дичи?

— Нет, Гражданин, — ответил Баррент, почтительно склонившись и сжав под лохмотьями иглолучевик.

— Не верьте ему. Эти проклятые мутанты всегда лгут.

Группа прошла, но Тем Ренд задержался.

— Ты уверен, что не видел поблизости Дичи?

— Абсолютно, Гражданин, — сказал Баррент, пытаясь понять, узнал ли его Ренд. Он не хотел убивать; кроме того, он не был уверен, что в состоянии это сделать, — у Ренда была непревзойденная реакция. Но сейчас его иглолучевик небрежно висел в опущенной руке, в то время как Баррент держал свой нацеленным. Это могло свести на нет превосходство Ренда в скорости и меткости.

В итоге, подумал Баррент, они, наверное, сыграют вничью и убьют друг друга.

— Ну, если ты *увидишь* Дичь, — произнес Ренд, — то посоветуй не гримироваться под мутанта.

— А почему?

— Надолго этого трюка не хватит, — безразлично сказал Тем. — Максимум на час. Потом засекут информаторы. Если бы охотились за мной, я бы, может, и прикинулся мутантом. Но только не для того, чтобы расхаживать в таком виде по тротуару, — я бы выбрался из Тетрахида.

— Да?

— Каждый год в горы уходят несколько Жертв. Правительство об этом, конечно, молчит, и большинство граждан ничего не знает. Но Гильдия Убийц располагает полным архивом всех когда-либо использовавшихся трюков и способов побега. Это входит в наши обязанности.

— Очень интересно, — сказал Баррент. Он понял, что Ренд узнал его. Тем оказался хорошим соседом — и плохим Убийцей.

— Разумеется, из города выбраться нелегко, — добавил Ренд. — Да и вне его пределов не следует считать себя в безопасности. Есть специальные Охотничьи Патрули и, что гораздо хуже...

Он внезапно замолчал. К ним приближалась группа Охотников. Ренд кивнул и побежал вслед за своими.

После того как Охотники прошли, Баррент выпрямился. Тем дал ему хороший совет. Конечно, нужно выбраться из города. Жизнь в омегианских горах чрезвычайно сложна, но любые трудности лучше смерти.

Если даже удастся проскочить через ворота, нельзя забывать о патрулях. Но Ренд упомянул о чем-то худшем. Что это? Особые части Охотников-альпинистов? Неустойчивый климат Омеги? Смертоносная флора или фауна? Эх, если бы Ренд успел договорить!..

Когда спустились сумерки, Баррент достиг Южных Ворот. Согнувшись, как под тяжкой ношей, он заковылял навстречу сторожевому отряду, который преградил ему путь.

Глава 17

С охраной осложнений не было. Целые семьи мутантов покидали город, пережидая в горах, пока не закончится безумие Охоты. Баррент присоединился к одной из таких групп и вскоре оказался в миле от Тетрахида.

Там мутанты остановились и разбили лагерь. Баррент пошел вперед и к полуночи уже взбирался по скалистому, выветренному склону высокой горы. Он был голоден, но холодный свежий воздух подбадривал и прибавлял сил.

Шумные охотничьи отряды, прочесывающие горы, были слышны издалека, и Баррент легко обходил их во тьме, продолжая карабкаться наверх. Скоро все стихло, кроме завывания ветра в скалах. Было около двух часов ночи; до зари оставалось еще часа три.

Ранним утром пошел легкий дождик, обернувшийся ледяным ливнем, — обычная погода для Омеги, как и грозовые тучи, сгустившиеся над вершинами гор, и раскаты грома, и яркие желтые вспышки молний. Баррент укрылся в неглубокой пещерке. Еще повезло, что не грянул мороз.

Он сидел и боролся со сном. Остатки грима стекали по лицу. Сквозь дрему он наблюдал за склоном внизу. И вдруг в осле-

пительном свете молнии увидел, как что-то движется вверх по горе, направляясь прямо к его пещере.

Он встал, держа наготове иглолучевик, и в очередной вспышке разглядел влажный блеск металла, перемигивание красных и зеленых огней и металлические щупальца, цепляющиеся за камни и низкорослые кусты.

С такой машиной Баррент сражался в подвалах Департамента Юстиции. Теперь он понял, о чем его хотел предупредить Ренд. Он понял также, почему у Дичи было так мало шансов остаться в живых, даже если удавалось покинуть город. На этот раз Макс не будет выбирать орудие убийства случайно, чтобы уравнять шансы. И вряд ли предохранитель машины будет доступен.

Баррент выстрелил — заряд отразился от бронированного лба машины, — вылез из пещеры и стал взбираться по предательски скользкому склону. Машина неотступно двигалась за ним. Он попытался оторваться от нее на плато с зазубренными валунами, но сбить Макса со следа не удалось. Машина, должно быть, преследует его по запаху несмываемой краски на лице, сообразил Баррент.

Он сбросил вниз с обрыва несколько камней, надеясь вызвать лавину. Макс увертывался от летящих обломков; те, что попадали в него, отскакивали далеко в стороны.

Наконец Баррент уперся в отвесную скалу, выше подниматься было некуда. Когда машина подобралась вплотную, он поднял иглолучевик, нажал на курок и выпустил полный заряд.

Макс содрогнулся; затем выбил оружие из руки Баррента и обвил щупальце вокруг его шеи. Металлическое кольцо сжималось. Баррент почувствовал, что теряет сознание. Интересно, успел подумать он, задушат его или сломают шею?

Внезапно кольцо разжалось. Машина отступила назад. За ее спиной Баррент увидел серые лучи зари.

Он пережил Охоту. Машина была запрограммирована на убийство только до рассвета. Но она не выпустила его, а продержала у скалы до прихода Охотников.

Те привели Баррента в Тетрахид, где бешено аплодирующая толпа с восторгом приветствовала его. После двухчасовой процессии Баррента и четырех других выживших доставили в Призовой Комитет, где председатель произнес короткую прочувствованную речь о проявленных ими отваге и ловкости. Им был присвоен ранг Хаджи и вручена крошечная золотая серьга статуса.

В заключение председатель пожелал новоиспеченным Хаджи легкой смерти в Играх.

Глава 18

Стражники вывели Баррента из зала Призового Комитета и увлекли в подземную темницу под Ареной, где его заперли в камеру и посоветовали спокойно ждать. Игры уже начались, и скоро наступит его черед.

В трехместную камеру было втиснуто десять человек. Большинство сидели или лежали в молчаливой апатии, уже смирившись со своей участью. Но один явно не пал духом. Он протолкался к Барренту.

— Джо!

Ему улыбался маленький кредитный вор.

— Не самое приятное место для встречи, Уилл.

— Что с тобой произошло?

— Политика, — ответил Джо, — каверзное занятие на Омеге, особенно во время Игр. Я думал, что в безопасности, но... — Он пожал плечами. — Меня избрали утром.

— Есть какой-нибудь шанс отсюда выбраться?

— Я рассказал о тебе твоей знакомой, — произнес Джо. — Может быть, ее друзья смогут что-нибудь сделать. А я рассчитываю на помилование.

— Это возможно?

— Все возможно. Однако лучше не надеяться.

— На что похожи Игры? — спросил Баррент.

— Игры есть игры, — ответил Джо. — Поединки, схватки с омегианскими животными и растениями, дуэли на иглолучевиках и тепловиках. Говорят, это копия стародавних английских турниров.

— Если кто-нибудь выживет, — произнес Баррент, — он вне закона?

— Верно.

— А что значит быть вне закона?

— Понятия не имею, — сознался Джо. — Похоже, что этого не знает никто. Я сумел выяснить лишь, что выжившего забирает Великий Черный. Очевидно, это неприятно.

— Могу себе представить. На Омеге вообще мало приятного.

— Это неплохое место, Уилл. У тебя просто нет того духа...

Его прервало появление взвода охраны. Обитателям камеры пора было выходить на Арену.

— Помилования нет, — сказал Баррент.

— Что поделаешь, — вздохнул Джо.

Тесно сомкнувшись, стражники вывели их и построили в ряд перед железной дверью, отделявшей темницу с камерами от Арены. Начальник караула собрался было открыть дверь, но тут

в боковом коридоре показался запыхавшийся хорошо одетый толстяк, размахивающий бумагами.

— Что это? — спросил командир.

— Удостоверение личности, — произнес толстяк, вручая бумагу и вытаскивая из кармана еще целую кипу листков. — А вот ордер на прекращение, перечень полномочий, закладная на недвижимость и справка о доходах.

Начальник стражи стянул шлем и ошарашенно почесал узкий лоб.

— Что все это значит?

— Он свободен, — объявил толстяк, указывая на Джо.

Командир взял бумаги, удивленно их пролистал и вернул толстяку.

— Ну хорошо, забирайте. Раньше такого не бывало. Ничто не препятствовало установленному течению Игр.

Победно улыбаясь, Джо пробился сквозь стену охраны к адвокату и спросил его:

— У вас есть какие-нибудь бумаги на Уилла Баррента?

— Нет, — сказал адвокат. — Его дело не у меня. Боюсь, что с ним не управятся до конца Игр.

— Но я тогда, наверное, уже буду мертв, — заметил Баррент.

— Могу вас заверить, что это ни в коей мере не отразится на рассмотрении вашего дела, — с гордостью заявил адвокат.— Живой или мертвый, вы сохраните все свои права.

— Пора идти, — сказал командир.

— Удачи, — пожелал Джо, и цепочка узников втянулась через железную дверь на ярко освещенную Арену.

Баррент прошел через поединки, в которых погибла четверть заключенных. После того их, вооруженных мечами, выставили против смертоносной омегианской фауны. Среди тварей, с которыми им предстояло сражаться, были гинтолит и гинтоцед — чудовища с тяжелой броней и огромными челюстями, обитавшие в пустынях к югу от Тетрахида. Когда их наконец убили, пятнадцать человек были мертвы. Затем Барренту достался саунус — черный летающий ящер с Западных гор. Сперва уродливое ядовитое создание теснило его. Но потом он нашел решение: прекратил попытки пробить кожный панцирь саунуса и сосредоточил все усилия на том, чтобы отрубить хвост. Когда ему это удалось, рептилия потеряла равновесие, врезалась в высокую стенку, отделяющую зрителей, и сравнительно легко позволила нанести ей завершающий удар в единственный

громадный глаз. Толпа приветствовала победу Баррента восторженными криками.

Он прошел в запасную будку и стал смотреть, как другие сражаются с трихомотредами — невероятно проворными существами размером не больше крысы с повадками взбесившейся росомахи. Прежде чем их одолели, погибло пять команд невольников. Затем, после короткой интерлюдии поединков, Арену вновь расчистили.

Теперь на нее вползли амфибии с роговым покрытием. Броня толщиной в несколько дюймов делала их практически неуязвимыми, несмотря на медлительные движения. Узкие плети хвостов, служивших им одновременно антеннами, грозили гибелью каждому, кто осмелится приблизиться. Барренту пришлось сражаться с одной из амфибий после того, как она прикончила четырех его предшественников.

Баррент наблюдал за предыдущими схватками и заметил место, куда не мог дотянуться острый хвост чудовища. Баррент выждал момент и запрыгнул на широкую спину амфибии, а когда в роговой броне разверзлась гигантская пасть, он вонзил туда свой меч. Чудище с незамедлительной готовностью испустило дух; толпа, выражая одобрение, закидала Арену подушками.

Победитель одиноко стоял на залитом кровью песке, прочие участники Игр были мертвы или изувечены. Баррент ждал, какого нового врага выберет Комитет Игр.

В песок упало семечко, затем еще одно. Через секунду на Арене уже росло короткое толстое дерево, выпускающее все больше веток и корней, затягивающее любую плоть, живую или мертвую, в пять отверстий-ртов, расположенных по окружности ствола. Это был каррион — очень редкое и трудно транспортируемое растение. Говорили, что оно горит, как порох, но у Баррента не было огня.

Держа меч обеими руками, Баррент бешено рубил ветки, однако на их месте тут же вырастали другие. Казалось, уничтожить дерево невозможно.

Единственная надежда — медленные движения растения. Во всяком случае, они не могли сравниться с человеческой реакцией. Баррент вырвался из обвивших его ветвей и бросился к другому мечу, лежавшему футах в двадцати и полузасыпанному песком. Он схватил его и услышал предупреждающие крики толпы — к ноге подтянулась ветка.

Баррент обрубил ее, но в это время другая обвилась вокруг туловища. Он поднял руки над головой и ударил одним мечом по другому, стараясь выбить искру.

Меч в правой руке сломался.

Баррент подобрал половинки и продолжал попытки, но

ветви все ближе подтаскивали его к ротовым отверстиям. Наконец от звенящей стали отлетел сноп искр. Одна из них коснулась побега, который вспыхнул с невообразимой скоростью. Пламя побежало по ветвям к стволу, и пятеро ртов издали стонущий звук.

Баррент неминуемо бы сгорел — почти вся Арена была заполнена ветками. Но пожар угрожал деревянным стенам, и огонь загасили, спасая зрителей и Баррента.

Едва держась на ногах, Баррент стоял в центре Арены, ожидая очередного врага. Однако время шло, а ничего не происходило. Прозвучал сигнал из ложи председателя судейской коллегии, и толпа взорвалась криками.

Игры кончились. Баррент выжил.

Но народ не расходился. Зрители желали знать, что будет с человеком, оказавшимся вне закона.

Толпа ахнула. Быстро обернувшись, Баррент увидел возникшее в воздухе яркое световое пятно. Оно разбухало, выбрасывая потоки лучей и втягивая их обратно, росло на глазах и ослепляло своим блеском. Барренту вспомнились слова Дяди Ингмара: «Иногда Великий Черный удостаивает нас появлением в ужасной красоте своего огненного тела. Да, Племянник, мне посчастливилось видеть его. Два года назад он появился на Играх, и за год до того...»

Пятно превратилось в оранжевый шар около двадцати футов в диаметре, висевший в воздухе, едва касаясь земли. Шар продолжал расти и одновременно сужаться в центре. Верхняя половина его стала черной. Теперь образовалось два шара — один ослепительно яркий, другой абсолютно черный, — соединяющихся тонкой талией. Верхний стал вытягиваться и принял форму увенчанной рогами головы Великого Черного.

Баррент побежал, но гигантская черноголовая фигура догнала его и поглотила. Он очутился в центре невообразимо сверкающего вихря с непроглядной тьмой вверху. Голова закружилась, он хотел крикнуть и потерял сознание.

Глава 19

Баррент очнулся в тускло освещенном помещении. Он лежал в постели. Рядом спорили двое.

— У нас нет больше времени, — горячился мужчина.— Ты не понимаешь всей остроты положения.

— Доктор сказал, что ему нужно по крайней мере три дня покоя, — произнес женский голос, и Баррент вдруг понял, что это Моэра.

— Три дня у нас будут.

— А время на обучение?

— Ты говоришь, что он умен и быстро схватывает.

— Потребуются недели.

— Исключено. Корабль приземляется через шесть дней.

— Эйлан, — сказала Моэра, — ты торопишь события. Сейчас нам это не удастся. К следующему Дню Посадки мы будем подготовлены гораздо лучше.

— К тому времени положение выйдет из-под контроля,— возразил мужчина. — Мы должны или немедленно использовать Баррента, или не использовать его вовсе.

Баррент разлепил губы:

— Использовать для чего? Где я? Кто вы?

Мужчина повернулся к постели. В слабом свете Баррент увидел очень высокого худого согбенного старика с полоской реденьких усов.

— О, вы уже пришли в себя, — сказал он. — Меня зовут Свен Эйлан. Я начальник Группы Два.

— Что такое Группа Два? — спросил Баррент. — Как вам удалось вытащить меня с Арены? Вы агенты Великого Черного?

Эйлан улыбнулся.

— Не совсем так. Мы все объясним. Но сперва, мне думается, вам следует подкрепиться.

Сестра внесла поднос. Пока Баррент ел, Эйлан, сидя рядом на стуле, рассказывал о Великом Черном:

— Наша Группа не претендует на то, что положила начало религии Великого Черного. Она возникла на Омеге спонтанно. Но грех было бы не извлекать из нее пользу. Священники оказались замечательно сговорчивыми, ведь поклонники Зла положительно смотрят на коррупцию. Следовательно, в глазах омегианского священнослужителя появление ложного Великого не будет анафемой. Напротив, на рядовых верующих подобные образы оказывают сильное влияние, особенно такое огромное страшилище, которое поглотило вас.

— Как вы это устроили? — поинтересовался Баррент.

— Какие-то фрикционные поверхности и силовые поля. Надо спросить у наших инженеров.

— Почему вы спасли меня? — спросил Баррент.

Эйлан взглянул на Моэру. Та демонстративно пожала плечами, и Эйлан смущенно проговорил:

— Мы хотим поручить вам важное дело. Но вам, должно быть, не терпится узнать больше о нашей организации?

— Еще как! — сказал Баррент. — Вы что-то вроде криминальной элиты, да?

— Мы — элита, — ответил Эйлан, — но не считаем себя преступниками. На Омегу ссылают два совершенно разных типа людей. Есть настоящие злодеи, виновные в убийстве, насилии, вооруженном ограблении, бандитизме и тому подобном. Среди таких людей вы жили до сих пор. Есть и иные, обвиненные в политической неблагонадежности, научной неортодоксальности, атеизме. Именно такие люди составляют нашу организацию, которую в целях конспирации мы назвали Группа Два. Наши преступления заключаются в том, что мы придерживаемся не тех взглядов, которые превалируют на Земле. Мы были нестабильным элементом и представляли опасность для сложившейся системы. И поэтому нас сослали на Омегу.

— Где вы обособились от остальных ссыльных, — заключил Баррент.

— Да, по необходимости. С одной стороны, настоящие преступники Группы Один не поддаются контролю. Мы не можем повести их за собой и не можем позволить себе быть ведомыми ими. Но что более важно, мы должны хранить в тайне свою деятельность. Неизвестно, какими средствами наблюдения оборудованы сторожевые корабли. И мы ушли в подполье — буквально. Эта комната находится под землей на глубине двухсот футов. Связь с поверхностью поддерживают специальные агенты, такие, как Моэра, которые вербуют политических заключенных.

— Я вам не подошел, — произнес Баррент.

— Конечно, нет. Вы обвиняетесь в убийстве, что автоматически относило вас к Группе Один. Однако ваше поведение было нетипичным, и мы вам иногда помогали. Но в Группу без полной уверенности принять не могли. В вашу пользу говорило предубеждение против убийства. Мы нашли Иллиарди и убедились, что именно он совершил преступление, в котором обвинили вас. Но самым сильным вашим козырем был высокий потенциал выживания, что еще раз подтвердили Игры и Охота. Нам очень нужен человек ваших способностей.

— В чем заключается задание? — спросил Баррент.— Чего вы хотите добиться?

— Мы хотим вернуться на Землю, — сказал Эйлан.

— Но это невозможно.

— Мы тщательно обдумали этот вопрос и считаем, что, несмотря на сторожевые корабли, вернуться на Землю можно. Очевидно, через шесть дней мы сделаем попытку.

— Лучше подождать еще полгода, — заметила Моэра.

— Шестимесячное промедление будет гибельным. Каждое

общество имеет цель, а криминальное население Омеги стремится уничтожить самое себя. Баррент, вы, кажется, удивлены? Вы не замечали этого?

— Никогда не думал об этом, — признался Баррент.— В конце концов, я был его частью.

— Вот представьте: все сконцентрировано вокруг узаконенного убийства. Праздники — предлоги для массовых убийств. Даже закон, регулирующий интенсивность преступности, начинает давать осечки. Мы живем на краю хаоса. Безопасности нет нигде. Хочешь жить — убивай. Единственный способ подняться в статусе — убивать. Безопасно только убивать — все больше и все быстрее.

— Ты преувеличиваешь, — сказала Моэра.

— Ничуть. Ограничители преступности — кажущиеся. Фикция. Все разлагающиеся общества сохраняют иллюзию стабильности до конца. А конец омегианского общества приближается.

— Насколько быстро? — спросил Баррент.

— Дело месяцев. Единственный способ все изменить — найти иной путь.

— Земля, — проговорил Баррент.

— Земля. Вот почему попытка должна быть сделана немедленно.

— Мне известно немногое, — сказал Баррент, — но я с вами и готов войти в состав любой экспедиции.

Эйлан неловко поежился.

— Я, очевидно, не очень удачно все объяснил,— произнес он. — Вы и будете экспедицией, Баррент. *Вы* и только вы... Извините, если я напугал вас.

Глава 20

По словам Эйлана, единственный серьезный недостаток Группы Два заключался в том, что люди, ее составляющие, в большинстве своем миновали расцвет физических сил. В организации, разумеется, были и молодые, но они мало общались с миром насилия: защищенные подземными укрытиями, они никогда не стреляли в ярости из иглолучевика, никогда не спасали свою жизнь бегством, никогда не сталкивались с критическими ситуациями. Никакая смелость не могла компенсировать отсутствие такого опыта. Они бы с радостью совершили экспедицию на Землю, но их шансы на успех практически равнялись нулю.

— А вы думаете, мне это удастся? — спросил Баррент.

— Думаю, да. Вы молоды и сильны, достаточно умны и

сверхъестественно находчивы. У вас высокий показатель выживаемости. Если кто-нибудь и может добиться успеха, то это вы.

— Но почему в одиночку?

— Потому что нет смысла посылать группу. Просто увеличится вероятность ее обнаружения. Если вы прорветесь, то доставите ценнейшую информацию о враге. Если это не удастся и вы будете схвачены, вашу попытку сочтут дерзким индивидуальным актом. А мы будем поднимать общее восстание на Омеге.

— Как я попаду на Землю? — спросил Баррент. — У вас где-нибудь припрятан корабль?

— Увы, нет. Мы планируем переправить вас на борту тюремного.

— Невозможно!

— Возможно. Мы изучили процедуру. Охрана выводит заключенных и выстраивает их на площади, а корабль остается незащищен, хотя и окружен кордоном. Мы организуем беспорядки и отвлечем внимание охраны, чтобы вы смогли проникнуть на борт.

— Даже если это удастся, меня схватят, как только охрана вернется.

— Вряд ли, — возразил Эйлан. — Тюремный корабль — колоссальный организм с многими потайными закоулками. Кроме того, на вашей стороне фактор внезапности. Ведь это первая в истории попытка бегства.

— А когда мы прилетим на Землю?..

— Вы будете одеты как член экипажа, — сказал Эйлан. — Помните, неизбежная неповоротливость бюрократической машины работает на нас.

— Будем надеяться, — произнес Баррент. — Хорошо, предположим, что я благополучно достигаю Земли и получаю желаемую информацию. Как ее передать?

— Пошлете на очередном тюремном корабле, — ответил Эйлан. — Мы его захватим.

Баррент потер лоб.

— Почему вы думаете, что хотя бы один из планов — моя экспедиция или восстание на Омеге — против такой могущественной организации, как Земля, может увенчаться успехом?

— Мы должны попытаться, — сказал Эйлан.— Попытаться или погибнуть в кровавой междоусобице. Я понимаю, что шансы малы. Но остается либо рискнуть, либо сдаться без боя. Правительство на Земле явно тираническое. Это означает наличие подпольных групп сопротивления. Возможен контакт с этими группами. Волнения одновременно здесь и на Земле дадут правительству пищу для размышлений.

— Пожалуй, — согласился Баррент.

— Надо надеяться на лучшее, — сказал Эйлан. — Вы с нами?

— Безусловно, — ответил Баррент. — Я предпочитаю умереть на Земле.

— Тюремный корабль приземлится через шесть дней. За это время мы передадим вам всю информацию, которой располагаем о Земле. Частично это восстановление памяти, частично прочитано мутантами, остальное — логические выводы. Мне кажется, в целом складывается достаточно правдивая картина земной деятельности.

— Когда начнем? — спросил Баррент.

— Немедленно, — последовал ответ.

Баррента ознакомили в основных чертах со строением Земли, географией и крупными населенными пунктами. Затем его направили к бывшему полковнику Корпуса Глубокого Космоса Брэю, который провел беседу о вероятном военном потенциале Земли, выраженном в количестве сторожевых кораблей вокруг Омеги, и о возможном уровне развития техники. Он дал приблизительную оценку эффективности вооруженных сил Земли и их распределению по родам войск — наземным, морским и воздушным. Капитан Каррел прочитал лекцию о специальных видах оружия, их возможном применении и доступности для рядовых жителей Земли. Лейтенант Дауд рассказал о приборах обнаружения и способах защиты от них. Потом Баррент вернулся к Эйлану для политических занятий. Он узнал, что, судя по всему, на Земле царит тоталитарный режим, почерпнул сведения о методах диктатуры, ее сильных и слабых сторонах, роли секретной полиции, об использовании террора и информаторов.

Когда Эйлан с ним закончил, Баррент попал к маленькому человечку, просветившему его в области машин по стиранию памяти. Основываясь на предпосылке, что стирание памяти — распространенный вид борьбы с оппозицией, он реконструировал вероятный характер подпольного движения на Земле, оценивал его возможности и предлагал пути контакта.

Наконец Баррента посвятили в план прорыва на корабль.

Когда наступил День Посадки, Баррент почувствовал колоссальное облегчение. Он устал от круглосуточных занятий и жаждал действия, чем бы оно ни обернулось.

Глава 21

Большой тюремный корабль плавно опустился и бесшумно коснулся почвы. Он тускло блестел в лучах полуденного солнца — ощутимое доказательство могущества и неумолимости Земли. Открылся люк, спустился трап, и на площадь сошли узники.

Как обычно, на церемонию собралось почти все население Тетрахида. Баррент пробился сквозь толпу и встал за цепочкой охранников. В кармане у него лежал иглолучевик, собранный специалистами Группы Два без единой металлической детали, которую могли бы обнаружить детекторы. Другие карманы также были набиты всяческими устройствами.

По громкоговорителю объявляли номера заключенных. Баррент слушал и ждал начала отвлекающих действий.

Голос в динамике зачитывал список. Осталось только десять номеров. Баррент подался вперед. Голос продолжал бубнить. Осталось четыре номера, три...

Когда был объявлен номер последнего заключенного, бледное небо заволокла черная туча — группа подожгла пустующие бараки на площади А-2. Баррент ждал.

Вот оно! Оглушительный взрыв разметал два ряда пустых зданий. Ударная волна накатила на стоявших на площади. Не успели еще упасть обломки, как Баррент сорвался с места.

Второй и третий взрывы прозвучали, когда он был уже в тени корабля. Четвертый взрыв швырнул его на землю. Он мгновенно вскочил и кинулся в люк. Сюда еле доносились крики и приказы капитана охраны. Охрана построилась в ряды и, держа оружие наготове, спокойно отступала к кораблю.

Баррент повернул направо и побежал по длинному узкому коридору. Далеко позади слышались тяжелые шаги. Ряд пустых камер замыкала дверь с надписью: «Для охраны»; зеленая лампочка над ней указывала, что воздушная система включена. Баррент толкнул соседнюю дверь, оказавшуюся незапертой, и попал на склад каких-то механизмов.

По коридору, громко разговаривая, прошагали охранники.

— Как по-твоему, что это за взрывы?

— Кто знает! Они здесь все сумасшедшие.

— Дай им волю, взорвут всю планету.

— Это точно.

— В этот раз обошлось без жертв. Подобный шум был лет пятнадцать назад. Помнишь?

— Я тогда не служил.

— Еще похлеще было; убили двоих наших и около сотни заключенных.

— С чего это они вдруг?

— А кто их знает? Этим отщепенцам просто нравится взрывать все подряд.

— Как бы им не пришло в голову в следующий раз подорвать *нас*!

— Исключено. По крайней мере до тех пор, пока наверху сторожевики.

— Думаешь? Все равно, скорей бы домой, на Контрольный Пункт.

— Твоя правда. Выбраться из этого корабля и пожить немного как люди.

— На Контрольном Пункте, конечно, неплохо, но я бы предпочел жить на Земле.

Последние из охранников вошли в комнату и закрыли дверь. Через некоторое время корабль вздрогнул. Полет начался.

Баррент получил немало ценной информации. Очевидно, вся охрана на Контрольном Пункте выходит. Значит ли это, что на борт поднимется другое подразделение? Возможно. И, безусловно, весь корабль обыщут. Скорее всего это будет лишь формальный осмотр, так как до сих пор ни один узник не пытался бежать с Омеги. И все же надо продумать, куда скрыться на время проверки.

Но это дело будущего. Он почувствовал, как стихает вибрация — значит, корабль оторвался от Омеги. Что ж, он пробрался на борт незамеченным и направляется на Землю. Пока все идет по плану.

Прошло несколько часов. Баррент сидел на складе. Он страшно устал, болели все суставы. В помещении стоял густой тяжелый запах. Баррент с трудом поднялся, подошел к вентиляционной решетке и поднес руку. Никакой струи. Вытянув из кармана небольшой датчик, он увидел, как быстро падает содержание кислорода в воздухе.

Баррент осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу. Хотя его одежда была точной копией формы охранников, он понимал, что пройти мимо людей, прекрасно знающих друг друга, не удастся. Нужно найти укрытие. И воздух.

Коридоры были пустынны. Из комнаты охраны слышался слабый шум голосов. Зеленая лампа ярко светила над дверью. Баррент шел дальше, начиная чувствовать первые признаки кислородного голодания.

Группа предполагала, что система вентиляции функционирует во всех отделениях корабля. Теперь Барренту было ясно, что подача воздуха ограничивалась отсеками, где размещались экипаж и охрана.

Голова разламывалась от боли, ноги онемели и отказыва-

лись повиноваться. Баррент попытался выработать план действий. Отделение экипажа, казалось, давало ему наилучшие шансы. Даже если экипаж вооружен, то вряд ли готов к подобным осложнениям. Возможно, удастся взять офицеров на мушку; возможно, он завладеет кораблем.

Стоило попытаться. Надо было попытаться.

В конце коридора Баррент уткнулся в лестницу. Он стал подниматься по безлюдным пролетам, пока не увидел указатель «Отсек управления».

Баррент вытащил из кармана пластиковый иглолучевик и, шатаясь, побрел по коридору. Сознание мутилось, перед глазами сгущались и рассеивались черные тени. Его одолевали приступы галлюцинаций, вспышки ужаса; стены, казалось, начинали падать на голову. Внезапно он осознал, что ползет на четвереньках. Впереди маячила дверь с надписью: «Рубка управления. Вход только членам экипажа».

Коридор наполнился серым туманом. Он то прояснялся, то вновь сгущался, и Баррент понял, что в этом повинно его зрение. Он заставил себя подняться на ноги и, приготовив иглолучевик, нажал на дверную ручку.

Но, когда дверь открылась, в глазах у него потемнело. Ему показалось, что перед ним мелькнули изумленные лица, послышался крик: «Смотрите! Он вооружен!»

Затем все поглотила тьма, и он полетел куда-то вперед, в бесконечность.

Глава 22

Сознание вернулось к Барренту внезапно и полностью. Он сел и обнаружил, что ввалился в рулевую рубку. Металлическая дверь была закрыта, дышалось без труда. Никого из членов команды не было — вероятно, ушли за охраной, решив, что он так и будет лежать без сознания.

Шатаясь, Баррент встал на ноги, машинально подобрав свой иглолучевик. Он внимательно осмотрел оружие и нахмурился. Почему его оставили одного, вооруженного, в жизненно важном центре?

Он попытался вспомнить лица, которые видел перед тем, как упасть. Но появились лишь какие-то смутные воспоминания, неясные и расплывчатые фигуры с потусторонними голосами. А были ли здесь вообще люди?

Чем больше он думал об этом, тем больше убеждался, что вызвал их образы из своего затухающего сознания. Здесь никого не было — он один в центре нервной системы корабля.

Баррент подошел к главному пульту управления, разделенному на десять секций. На каждой из них ряды индикаторов, тоненькие стрелки которых указывали на непонятные цифры, поблескивали переключатели, штурвалы, реостаты, рычаги.

Баррент медленно двигался вдоль секций, наблюдая, как узор из огоньков пульсирует на стенах и перебегает на потолок. Последняя секция, очевидно, была контрольной. На табло «Координация ручная/автоматическая» потайная лампочка высвечивала слово «автоматическая». Рядом были аналогичные экраны — для навигации, обзора, контроля за столкновениями, выхода и входа в субпространство, в обычное пространство, а также для посадки. Все настроены на автоматический режим. Далее он обнаружил программный отсек, выдавший ему отчет о течении полета. До Контрольного Пункта оставалось 29 часов 4 минуты и 51 секунда. Остановка — три часа. От Контрольного Пункта до Земли — 480 часов.

Пульт управления поблескивал огоньками и тихонько гудел, спокойный и независимый. У Баррента появилось ощущение, что присутствие человека в этом машинном храме — святотатство.

Он проверил систему вентиляции. Автоматы поддерживали подачу воздуха в размерах, необходимых для единственного человеческого существа, находящегося в помещении.

Но где же экипаж? Безусловно, автоматизация управления гигантским кораблем необходима; такой сложный организм должен быть саморегулирующимся. Но построили его люди, и люди создали программы. Почему же нет людей, чтобы корректировать их в случае надобности? Предположим, что охране потребовалось задержаться на Омеге. Предположим, что возникла необходимость миновать Контрольный Пункт и направиться прямо к Земле. Предположим, чрезвычайно важно вообще изменить пункт назначения. Что тогда? Кто внесет изменения в курс, кто будет управлять кораблем?

Баррент осмотрел контрольную рубку, надел обнаруженный в шкафчике респиратор и вышел в коридор. После долгих блужданий он наткнулся на дверь с табличкой «Для команды». Внутри было чисто и голо. Аккуратными рядами стояли койки без простыней и покрывал. В шкафах не было одежды, нигде никаких личных предметов. Ни здесь, ни в помещениях для офицеров и капитана Баррент не нашел следов недавнего присутствия людей.

Он вернулся в рубку. Теперь было ясно, что на корабле экипажа нет. Очевидно, власти на Земле так уверены в нерушимости рутины и надежности приборов, что сочли команду излишней. Возможно... Но Барренту это показалось слишком уж

большой беспечностью. Что-то очень странное творилось на Земле, если космическим кораблям позволено летать без надзора.

Он решил отложить выводы до тех пор, пока не получит больше фактов. В настоящий момент необходимо позаботиться о самом себе. В карманах у него была концентрированная пища, но воды он много с собой взять не мог. Окажутся ли запасы на корабле без команды?.. Ему еще нужно было помнить об охране на нижней палубе, о приближении Контрольного Пункта и многом, многом другом.

.

Баррент обнаружил, что ему не требуется прибегать к своим запасам. Машины выдавали разнообразное питание и напитки, стоило лишь нажать на кнопку. Натуральная эта пища или синтезированная, Баррент не знал, но на вкус она была превосходна.

Он исследовал верхние уровни корабля и, несколько раз заблудившись, решил больше не рисковать. Жизненный центр корабля был в рубке управления, и Баррент остался там. Он нашел иллюминатор и, активизировав механизмы, которые убирали заслонки, любовался мерцанием звезд в необъятной тьме космоса. Звезды уходили в бесконечность, поражая воображение. Глядя на них, Баррент почувствовал прилив гордости — он был их составной частью, все эти неизвестные звезды принадлежали ему.

По мере приближения к Контрольному Пункту к жизни пробуждались новые части пульта управления, возрождая дремавшие силы, проверяя корабль перед приземлением. За три с половиной часа до посадки Баррент сделал интересное открытие. Он нашел центральную систему связи и, включив ее на прием, мог слушать разговоры в комнате охраны.

Впрочем, ничего важного он не узнал. То ли из осторожности, то ли от равнодушия охранники не обсуждали политику. Вся их жизнь, кроме периодов службы на корабле, протекала на Контрольном Пункте. Что-то из того, о чем они говорили, Баррент совершенно не понимал. Но продолжал слушать, не пропуская ни одного слова.

— Ты когда-нибудь купался во Флориде?

— Не люблю соленую воду.

— Перед тем как меня призвали в Охрану, я выиграл третий приз на фестивале в Дейтоне.

— Когда выйду в отставку, куплю виллу в Антарктике.

— Сколько тебе еще осталось?

— Восемнадцать лет.

— Да, кому-то ведь надо это делать...

— Но почему я? И почему без отпусков на Земле?

— Ты же знаешь — преступление есть болезнь. Оно заразно.

— Ну и что?

— А то, что, имея дело с преступниками, ты подвергаешься опасности заражения и сам можешь заразить кого-нибудь на Земле.

— Так нечестно.

— Иначе нельзя. Эти ученые знают, о чем говорят. Кроме того, на Контрольном Пункте не так уж плохо.

— Если любишь все искусственное: воздух, семью, пищу...

— Ты требуешь слишком многого. Твоя семья здесь?

— Они тоже хотят вернуться на Землю.

— Ученые говорят, после пяти лет на Контрольном Пункте на Земле нам не выдержать. Гравитация одолеет.

— Я ее сам одолею. В любой момент.

Из этих разговоров Баррент понял, что мрачноликие охранники такие же человеческие существа, как и заключенные. Большинство не любили свою работу и, как омегиане, жаждали вернуться на Землю.

Он отложил полученную информацию на потом. Корабль достиг Контрольного Пункта, гигантская панель управления пульсировала и мерцала огнями, готовясь к сложному входу в док.

Наконец маневры были завершены, и двигатели замолчали. По коммуникационной системе Баррент слышал, как охранники выходили из комнаты. Он последовал за ними по коридорам к люку и уловил, как последний из них, выходя из корабля, сказал:

— Вот и проверка идет. Ну, как дела, ребята?

Ответа не последовало, охрана ушла, а коридоры заполнил новый звук — тяжелая поступь тех, кто шел на проверку.

Их было много. Они начали с машинного отделения и методично двинулись вверх, открывая каждую дверь, осматривая каждый закоулок.

Баррент сжал иглолучевик в потной руке и лихорадочно стал соображать, где можно спрятаться. Единственным решением казалось обойти их и укрыться в уже обысканном месте.

Он натянул на лицо респиратор и вышел в коридор.

Глава 23

Получасом позже Баррент еще не придумал, как увернуться от проверки. Бригада закончила осмотр нижних уровней и продвигалась на палубу с рубкой управления; шаги гулко отдава-

лись в проходах. Баррент шел впереди, сохраняя дистанцию в сто ярдов, и пытался найти убежище.

В конце этого коридора должна была быть лестница, по которой можно спуститься на другой, уже обысканный уровень. Баррент заторопился, надеясь, что лестница действительно есть, — он имел лишь самое приблизительное представление о конструкции корабля. Если он ошибается, то попадет в ловушку.

Он дошел до конца коридора и увидел лестницу. Сзади приближались шаги. Баррент побежал вниз, оглянулся через плечо и налетел на чью-то грудь.

Он моментально отпрянул, готовый выстрелить в массивную фигуру. Но удержался. Фигура была явно нечеловеческой.

Перед ним стояло существо семи футов росту, одетое в черную форму с надписью впереди: «Бригада инспекции — андроид В212». Его лицо, высеченное из молочно-розового пластика, напоминало человеческое, глаза светились глубоким красным огнем. Покачиваясь, осторожно переставляя ноги, андроид медленно надвигался на Баррента, глядя прямо перед собой. Баррент попятился, сомневаясь, что иглолучевик тут поможет.

Ему не пришлось выяснять это на опыте, потому что андроид, не обращая ни на что внимание, стал подниматься по лестнице. На его спине оказалась надпись: «Санитарный контроль». Этот андроид, понял Баррент, запрограммирован только на крыс и мышей. Присутствие на борту безбилетного пассажира его не касается. Возможно, остальные андроиды тоже специализированы.

Баррент ждал в пустом помещении на нижнем уровне, а когда услышал, что андроиды ушли, поспешил обратно в рулевую рубку. Точно по расписанию корабль взлетел. Пункт назначения — Земля.

Полет был непримечательным. Баррент ел, спал и, пока корабль не вошел в подпространство, смотрел на звезды. Он пытался вспомнить планету, к которой приближался, но в памяти не возникало никаких образов. Что это за люди, которые строят гигантские космические корабли и не могут снабдить их экипажем? Почему они посылают проверку и одновременно ограничивают ее возможности путем предельно узкой специализации? Почему они высылают заметную часть своего населения и не могут установить контроль над условиями жизни ссыльных? Зачем стирают из памяти заключенных все сведения о Земле?

Часы в рубке управления упорно отмеряли секунды и минуты путешествия. Корабль вышел из подпространства и, тор-

мозя, облетел зелено-голубой мир, на который Баррент смотрел со смешанным чувством. Ему не верилось, что он наконец-то возвращается на Землю.

Глава 24

Корабль приземлился в чудесный солнечный полдень где-то на Североамериканском континенте. Баррент рассчитывал остаться в нем до темноты, но на экранах зажглась надпись: «Просим пассажиров и экипаж немедленно сойти. Через двадцать минут на корабле начнется полная дезинфекция».

Он не знал, что подразумевается под полной дезинфекцией. Но так как категорически предписывалось выйти, респиратор вряд ли мог обеспечить безопасность. Из двух зол меньшим казалось покинуть корабль.

Члены Группы Два много думали о том, как следует быть одетым Барренту по прибытии на Землю. Эти первые минуты могут оказаться решающими. В случае грубой ошибки не спасет никакая хитрость. А Группа не знала, что носили на родной планете. Одни настаивали на специальной модели. Другие утверждали, что на Земле прекрасно сойдет и форма охранника. Сам Баррент поддерживал третье мнение, согласно которому наилучшей окажется одежда из одного куска материи, как претерпевающая меньше всего изменений от капризов моды. В городах, конечно, такой наряд мог показаться необычным, но сейчас предстояло выйти на посадочное поле.

Он быстро скинул форму и остался в легкой накидке. После некоторых сомнений Баррент решил не бросать оружие на корабле. Проверка все равно обнаружит его, а с иглолучевиком хоть есть шанс отбиться от полиции.

Он сделал глубокий вдох и спустился по трапу.

Не было никакой охраны, не было таможенных чиновников, не было особых подразделений, не было армейских частей и полиции. Вообще никого не было. Далеко-далеко, на противоположном конце широкого поля, виднелись другие корабли, а прямо напротив — распахнутые ворота ограды.

Баррент пересек поле быстро, но без спешки. Он не имел ни малейшего представления, почему все так просто. Очевидно, секретная полиция на Земле действует более тонкими методами.

У ворот, словно дожидаясь его, стояли лысоватый мужчина и мальчик лет десяти. Барренту не верилось, что это государственные служащие, и все же... Кто знает эту Землю!

Он прошел в ворота.

— Простите, — обратился к нему мужчина, держа мальчика

за руку. — Я видел, как вы выходили из корабля. Не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

— Конечно, — сказал Баррент, опуская руку в карман с иглолучевиком. Теперь он был уверен, что лысый — агент полиции. Немного смущало лишь присутствие ребенка — если тот не ученик полицейской академии.

— Дело в том, — начал мужчина, — что мой Ронни собирается писать диссертацию на степень Магистра Десятой Ступени. О космических кораблях.

— И я захотел увидеть один из них, — добавил Ронни, худосочный мальчик с изможденным смышленым лицом.

— Да, — подтвердил мужчина. — Я говорил ему, что это необязательно, ведь все факты и картинки есть в энциклопедии. Но он сам захотел увидеть.

— Так будет нагляднее, — вставил Ронни.

— Безусловно, — произнес Баррент, энергично кивая. Он начал сомневаться в своих выводах. Для агентов тайной полиции эти люди выбрали слишком замысловатый путь.

— Вы работаете на кораблях? — спросил Ронни.

— Да.

— Как быстро они летают?

— В подпространстве? — уточнил Баррент.

Этот вопрос, казалось, сбил Ронни с толку. Он выпятил нижнюю губу и протянул:

— У-у, я и не знал, что они ходят в подпространстве... — Парнишка задумался. — Между прочим, я не знаю, что такое подпространство.

Баррент и отец мальчика понимающе улыбнулись.

— Хорошо, — продолжал Ронни, — с какой скоростью они летят в обычном пространстве?

— Сто тысяч миль в час, — сказал Баррент, называя первую попавшуюся цифру.

Мальчик кивнул, его отец тоже.

— Очень быстро, — заметил отец.

— В подпространстве гораздо быстрее, конечно, — сказал Баррент.

— Конечно, — подтвердил мужчина. — Корабли летают очень быстро. Иначе нельзя. Они покрывают большие расстояния. Ведь верно, сэр?

— Очень большие расстояния, — согласился Баррент.

— А их источники энергии? — поинтересовался Ронни.

— Обычные, — ответил ему Баррент. — В прошлом году мы установили триплексные усилители, но их скорее следует отнести к разряду вспомогательных мощностей.

— Я слышал об этих триплексных усилителях, — заметил мужчина. — Замечательная вещь!

— Ничего, подходяще, — со знанием дела сказал Баррент. Теперь он был уверен, что это рядовой гражданин, ничего не смыслящий в звездоплавании, просто приведший своего сына в космопорт.

— Откуда вы берете воздух? — спросил Ронни.

— Производим собственный, — охотно объяснил Баррент. — Намного труднее с водой — она, как известно, несжимаема, поэтому ею трудно запастись в достаточных количествах. Ну и еще остается проблема навигации, когда корабль выныривает из подпространства.

— Что такое подпространство?

— Всего лишь другой уровень пространства. Но это есть в энциклопедии.

— Конечно, поищешь в энциклопедии, — наставительно сказал отец мальчика. — Мы не можем больше задерживать пилота. У него, безусловно, много важных дел.

— Да, я тороплюсь, — согласился Баррент. — А вы осмотрите здесь все что хотите. Удачи с диссертацией, Ронни!

Баррент зашагал прочь, все время ожидая окрика или выстрела, но когда ярдов через пятьдесят он обернулся, отец и сын уже честно изучали гигантскую ракету. Пока все шло гладко. Подозрительно гладко.

Дорога вела мимо складских помещений и ангаров к лесу. Баррент шагал по ней, пока космопорт не скрылся из виду, затем свернул на опушку. Он уже достаточно пообщался с людьми для первого дня на Земле. Нельзя испытывать судьбу. Надо все обдумать, переночевать в лесу, а утром выйти в город.

Он пробрался через густой подлесок и углубился в тенистую рощу с дубами-великанами. Вокруг щебетала, чирикала и суетилась невидимая птичья и звериная жизнь. Впереди на дереве белел большой указатель. Баррент подошел поближе и прочел: «Национальный парк «Лесной дол». Добро пожаловать на пикник!»

Баррент был несколько разочарован, хотя и понимал, что рядом с космопортом вряд ли могла быть настоящая девственная природа. Не исключено, что на такой старой и высокоразвитой планете, как Земля, вообще не осталось нетронутых мест, кроме тех, что сохранялись в виде заповедников.

Солнце садилось за горизонт, в воздухе повеяло прохладой. Баррент нашел удобное место под гигантским дубом, сгреб подстилку из листьев и улегся, томясь тревожными вопросами. Почему в таком важном центре, как космопорт, не оказалось охраны? Значит, меры безопасности проявляются позже, в городах?

Или он уже находится под наблюдением изощренной шпионской системы?..

— Добрый вечер, — произнес голос над его правым ухом.

Баррент судорожно дернулся, рука потянулась к оружию.

— И это воистину приятный вечер, — продолжал голос, — здесь, в национальном парке «Лесной дол». Температура воздуха семьдесят один и две десятых градуса по Фаренгейту, влажность двадцать три процента, давление двадцать девять и девять десятых. Бывалые туристы, я уверен, уже узнали мой голос. Ну а новым любителям природы мне хотелось бы представиться. Я Дубняк, ваш старый верный дуб. Позвольте приветствовать вас в национальном парке.

Сидя в сгущающихся сумерках, Баррент огляделся по сторонам. Голос и в самом деле, казалось, исходил от гигантского дуба.

— Наслаждение природой, — продолжал Дубняк,— теперь доступно каждому. Вы можете отдыхать в полном уединении, находясь в десяти минутах ходьбы от общественного транспорта. Тем, кто не жаждет одиночества, мы предлагаем туристические маршруты в сопровождении гида по доступной цене. Не забудьте рассказать своим знакомым о гостеприимном национальном парке, который с радостью встретит всех любителей природы.

В дереве открылась панель, и из ствола выскользнули раскладушка, термос и пакет с ужином.

— Желаю вам приятного вечера, — бархатно проговорил Дубняк. — О природа! Восхитительное великолепие страны чудес!.. А теперь Национальный симфонический оркестр под управлением Оттера Крага исполнит вам «Горные долины» Эрнесто Нестричала в записи североамериканской радиокомпании. Всего доброго!

Из скрытых динамиков полилась музыка.

Баррент почесал затылок, затем, решив принимать все, как оно есть, съел ужин, выпил кофе из термоса, поставил раскладушку и улегся.

Засыпая, он размышлял о звукооснащенном благоустроенном лесе со всеми удобствами и не далее чем в десяти минутах от общественного транспорта. Земля делала многое для своих обитателей. Очевидно, им это нравится. Или нет? Может быть, его заманивают в хитрую западню?

Музыка затихла, слившись с шорохом ветерка в листьях, и Баррент уснул.

Глава 25

Утром гостеприимный дуб выдал завтрак и бритвенные принадлежности. Баррент поел, привел себя в порядок и отправился в ближайший город. У него были ясные цели: необходимо обеспечить себе «легенду» и войти в контакт с подпольем. После этого как можно больше узнать о секретной полиции, армии и т. д.

Группа Два наметила способы выполнения этих задач. Приближаясь к окраинам города, Баррент засомневался, что сможет применить методы, разработанные группой. До сих пор Земля, на которой он находился, очень мало походила на ту Землю, которую воссоздавали омегиане.

По обеим сторонам улицы стояли маленькие белые домики. Сперва Барренту казалось, что они все одинаковые. Затем он понял, что у каждого есть свои мелкие архитектурные особенности, но они лишь еще больше подчеркивали монотонное однообразие. Коттеджей были сотни, каждый на крошечном участке тщательно ухоженной нежной травы. Их благообразная одинаковость угнетала его. Совершенно неожиданно он почувствовал, что скучает по крикливо-неуклюжей индивидуальности омегианских зданий.

Баррент дошел до торгового центра. Магазины следовали тому же образцу. Они были невысокими, благопристойными и очень похожими друг на друга. Только после тщательного изучения витрин можно было обнаружить разницу между продуктовым и спортивным магазинами. Он миновал маленький домик с вывеской: «Робот-исповедник. Открыто 24 часа в сутки». Похоже, что-то типа церкви.

План, предусмотренный Группой Два для выявления подполья на Земле, был прост и бесхитростен. Революционеры, как уверяли Баррента, должны сосредоточиваться среди наиболее угнетенных элементов населения. Следовательно, сопротивление логично искать в трущобах.

Это была хорошая теория. Беда лишь в том, что Баррент не мог найти никаких трущоб. Он шел и шел мимо магазинов и маленьких домиков, площадок для игр и парков, снова мимо домиков и магазинов. И ничто не выглядело многим лучше или хуже, чем остальное.

К вечеру он не чувствовал под собой ног от усталости, а ничего важного открыть не удалось. Прежде чем еще глубже погрузиться в хитросплетения земной жизни, нужно опросить местных жителей. Это опасный, но необходимый шаг.

Баррент стоял в сгущающихся сумерках около магазина одежды и раздумывал, что делать дальше. «Прикинусь только

что прибывшим в Северную Америку из Азии или Европы», — решил он.

К нему приближался полноватый, заурядной внешности мужчина в коричневом костюме. Баррент остановил его.

— Простите, я чужой здесь, только что из Рима...

— Неужели? — вежливо осведомился мужчина.

— Да. Боюсь, я плохо ориентируюсь. — Баррент засмеялся, изображая неловкость и смущение. — Не могу найти ни одного дешевого отеля. Если бы вы указали мне...

— Гражданин, как ваше самочувствие? — спросил мужчина. Его лицо посуровело.

— Я же сказал, я иностранец и ищу...

— Послушайте, — перебил мужчина, — вы же не хуже меня знаете, что иностранцев больше нет.

— Нет?

— Конечно, нет. Я был в Риме. Там все точно так, как у нас в Вилмингтоне. Такие же дома и магазины. Никто и нигде не чувствует себя больше иностранцем.

Баррент не знал, что сказать. Он нервно улыбнулся.

— Более того, — продолжал мужчина, — на Земле нет дешевых отелей. Зачем они? Кто в них будет останавливаться?

— В самом деле, кто? — придумал наконец Баррент.— Кажется, я малость перебрал.

— И никто больше не пьет. Не понимаю, в какую игру вы играете?

— В какую игру я играю? — переспросил Баррент согласно приемам, рекомендованным Группой.

Мужчина, нахмурившись, уставился на него.

— Кажется, догадываюсь. Вы — Опросчик.

— М-м-м... — невнятно промычал Баррент.

— Конечно, — убедился мужчина. — Вы один из тех, кто выведывает мнения, верно?

— Очень остроумная догадка, — согласился Баррент.

— Не так уж трудно было сообразить. Опросчики всегда стараются узнать отношение людей к разным вещам. Я бы сразу вас определил, если бы вы носили одежду Опросчика. — Мужчина снова начал хмуриться. — Почему вы одеты не по форме?

— Я, так сказать, новоиспеченный, — объяснил Баррент. — Даже форму не успел купить.

— Поторопитесь, — наставительно сказал мужчина.— Как иначе граждане могут определить ваш статус?

— Это просто пробная проверка. Благодарю за помощь, сэр. Возможно, в ближайшем будущем мне представится случай проинтервьюировать вас еще раз.

— Когда захотите, — сказал мужчина, вежливо поклонился и ушел.

Баррент решил, что Опросчик — наиболее подходящая для него профессия. Она дает право встречаться с людьми, задавать вопросы, узнавать, как живет Земля. Конечно, надо быть осторожным и не проявлять своего невежества. Но, работая осмотрительно, он сможет получить общее представление об этой цивилизации за считаные дни.

Теперь важно купить одежду Опросчика. Беда в том, что у него нет денег. Группа была не в состоянии воспроизвести земные деньги; она даже не могла вспомнить, как они выглядят. Но снабдила определенными средствами для преодоления и такого препятствия. И Баррент вошел в ближайший магазин.

Владелец, маленький человечек с васильковыми глазами, с услужливой улыбкой приветствовал Баррента.

— Мне нужна форма Опросчика. Я только что закончил курс.

— Пожалуйста, сэр. И хорошо, что вы пришли ко мне. В большинстве этих магазинчиков вы найдете одежду только для... распространенных профессий. Но здесь, у Джулия Уондерсона, мы предлагаем форму для всех пятисот двадцати основных специальностей, перечисленных в Альманахе Гражданского Статуса. Я — Джулий Уондерсон.

— Очень приятно, — сказал Баррент. — У вас есть одежда моего размера?

— Безусловно, есть! — воскликнул Уондерсон. — Вам нужна обычная или особая?

— Обычная подойдет.

— Большинство новых Опросчиков предпочитают особую. Небольшие дополнительные штрихи и детали, имитирующие ручную работу, повышают уважение публики.

— В таком случае я возьму особую.

— Да, сэр. Хотя если бы вы могли подождать... Через пару дней мы получим новую ткань — имитацию домашнего тканья, с натуральными сбоями в переплетении нитей. Это для разборчивых клиентов. Очень престижная вещь.

— Я, пожалуй, зайду за ней, — решил Баррент. — А пока я хотел бы купить то, что есть.

— Конечно, сэр, — произнес Уондерсон. Он был явно разочарован, хотя мужественно скрывал это. — Будьте любезны.

После нескольких примерок Баррент подобрал себе черный деловой костюм с белым узким кантом на лацканах. Его неопытному глазу он казался таким же, как и другие костюмы, которые красовались на витрине и предназначались для банкиров, биржевых маклеров, бакалейщиков, бухгалтеров и так да-

лее. Но для Уондерсона, рассуждавшего о банкирных лацканах и окантовках у страховых агентов, разница была столь же очевидной, как броские различия между символами статуса на Омеге. В конце концов, это вопрос привычки, решил Баррент.

— Пожалуйста, сэр! Прекрасно сидит, с гарантийным сроком. И всего тридцать девять девяносто пять.

— Превосходно, — сказал Баррент. — Теперь насчет денег.

— Да, сэр.

Баррент нырнул с головой в омут:

— У меня их нет.

— В самом деле, сэр? Это весьма необычно.

— Да, — согласился Баррент. — Тем не менее у меня есть некоторые ценности. — Он извлек из кармана три кольца с бриллиантами, которыми его снабдила Группа. — Это настоящие бриллианты, что подтвердит любой ювелир. Если бы вы взяли одно из них, пока я не достану денег для уплаты...

— Но, сэр, — удивился Уондерсон, — бриллианты больше не имеют самостоятельной ценности. С двадцать третьего года, когда Вон Блон написал основополагающую работу, в которой разнес в пух и прах концепцию «ценности в силу редкости».

— Да, конечно, — промямлил Баррент, не зная, что ответить.

Уондерсон посмотрел на кольца.

— Они, наверное, дороги вам как память?

— Безусловно, передаются в нашей семье из поколения в поколение...

— В таком случае, — сказал Уондерсон, — я не позволю себе лишить их вас. Пожалуйста, не спорьте, сэр! Я не смогу спать по ночам, если отниму вашу семейную реликвию.

— Но остается вопрос оплаты.

— Заплатите, когда вам будет удобно.

— Вы хотите сказать, что поверите мне, даже не зная меня?

— Конечно. — Уондерсон лукаво улыбнулся.— Испытываете свои методы, Опросчик? Даже ребенку известно, что наша цивилизация основывается на доверии. К незнакомцу следует относиться как к честному человеку, пока он полностью и бесповоротно не доказал обратного. Это аксиома.

— Вас никогда не обманывали?

— О нет. Преступлений в наши дни не бывает.

— А как же Омега?

— Простите?

— Омега, планета заключенных. Вы, должно быть, слышали о ней?

— Возможно, — осторожно проговорил Уондерсон. — Ну, точнее было бы сказать, что преступлений *почти* не бывает. Наверное, всегда найдется горстка прирожденных злодеев, но не больше десяти-двенадцати в год из населения в два миллиарда. — Он широко улыбнулся. — Вероятность, что я нарвусь на преступника, очень мала.

Баррент подумал о кораблях, регулярно курсирующих между Землей и Омегой, выбрасывая свой живой груз и возвращаясь за новым. Интересно, откуда Уондерсон взял такие цифры? И, между прочим, интересно, где же полиция? Он не видел человека в форме с тех пор, как покинул корабль.

— Очень вам благодарен, — произнес Баррент. — Я заплачу как можно быстрее.

— Конечно, конечно, — согласился Уондерсон, с чувством тряся руку Баррента. — Когда вам будет угодно, сэр. Не стоит торопиться.

Баррент снова поблагодарил его и вышел из магазина. Теперь у него была профессия. И неограниченный кредит. Он оказался на планете, которая с первого взгляда походила на рай. Но, как всякая утопия, она несла в себе некоторые противоречия. Он надеялся узнать о них больше в ближайшие дни.

Кварталом дальше Баррент нашел отель под названием «Поживи чуток» и снял комнату на неделю в кредит.

Глава 26

Утром Баррент отправился в библиотеку. Ему надо было ознакомиться с историей развития земной цивилизации, чтобы иметь представление, что искать и чего ожидать.

Форма Опросчика позволила пройти к закрытым для доступа полкам, где хранились книги по истории. Но сами книги его разочаровали — в большинстве своем они охватывали период лишь до начала атомного века. Баррент просматривал их, и к нему возвращались смутные воспоминания. Он перепрыгивал от Греции Перикла к Римской империи, Карлу Великому и Средневековью, от завоеваний норманнов к Тридцатилетней войне и краткому обозрению наполеоновских войн. О мировых войнах он прочитал более внимательно. Книга кончалась взрывом первых атомных бомб. Остальные книги на полке представляли собой просто расширенное изложение разных этапов истории, которые он нашел в первой книге.

После долгих поисков Баррент нашел небольшую работу «Послевоенная дилемма. Том I» Артура Уитлера. Она начиналась там, где кончались остальные, — со взрыва бомб над Хиросимой и Нагасаки. Баррент сел и стал читать.

Он узнал о «холодной войне» 50-х годов, когда несколько

наций владели атомным и водородным оружием. Уже тогда, утверждал автор, в разных странах мира началось крупномасштабное и оглупляющее поклонение догмам. Америка отчаянно сопротивлялась коммунизму. Россия и Китай отчаянно сопротивлялись капитализму. Весь мир разделился на два лагеря. В целях внутренней безопасности правительства брали на вооружение новейшие методы пропаганды и идеологической обработки. От граждан требовалась безоговорочная приверженность официальным доктринам. Давление на личность становилось все сильнее и утонченнее.

Миновала угроза войны. Многочисленные страны Земли начали сливаться в единое сверхгосударство. Но давление на личность вместо того, чтобы уменьшаться, еще больше возросло. Нужда в этом диктовалась неудержимым ростом населения, проблемами национального и этнического характера. Различие во мнениях могло оказаться гибельным — слишком много групп имели теперь доступ к мощным водородным бомбам.

В этих условиях стало нетерпимым поведение, отличающееся от нормы.

Унификация наконец была завершена. Продолжалось завоевание космоса: от полетов на Луну до межпланетных и межзвездных полетов. Но земные институты перестали совершенствоваться. Современная цивилизация оказалась менее гибкой, чем средневековая, она подавляла всякое отклонение от существующих обычаев, привычек, воззрений. Оппозиция считалась не менее тяжким преступлением, чем убийство или поджог. И так же наказывалась. Секретная полиция, политическая полиция, информаторы — использовалось все. Каждое устройство было поставлено на службу одной великой цели — воспитанию человека подчиняющегося.

А для упрямых нонконформистов существовала Омега.

Смертная казнь была давно запрещена, и преступники переполняли тюрьмы. Наконец их решили перевезти в отдельный мир, скопировав систему, которую Франция использовала в Гвинее и Новой Каледонии, а Британия — в Австралии и Северной Америке. Управлять Омегой с Земли было невозможно, да власти и не пытались. Они позаботились лишь о том, чтобы заключенные не сбежали.

На этом первый том кончался. Приписка в конце гласила, что том второй посвящен изучению современности. Он назывался «Цивилизация статуса».

Второго тома на полках не оказалось. Библиотекарь сказал Барренту, что он был уничтожен в интересах общественной безопасности.

Баррент вышел в маленький сад, сел на скамейку и, уставившись вниз, постарался все обдумать.

Он ожидал увидеть Землю как раз такой, как она была описана в книге Уитлера. Он был подготовлен к полицейскому государству, изощренной слежке, жестоким репрессиям и растущему сопротивлению. Но все это осталось в прошлом. До сих пор он не увидел даже постового. Люди, которых он встречал, вовсе не казались угнетенными. Напротив, это был совершенно иной мир...

Если не считать того, что год за годом на Омегу прибывали партии заключенных с промытыми мозгами. Кто арестовывал их? Кто судил? Какое общество их породило?

Ответы ему предстояло найти самому.

Глава 27

С раннего утра Баррент начал расследование. Техника была проста. Он звонил в двери и задавал вопросы, предупреждая, что серьезные будут перемежаться странными и глупыми, предназначенными для определения общего уровня развития. Таким образом, обнаружил Баррент, он мог спрашивать о Земле все, что угодно, мог углубляться в противоречивые и даже несуществующие области, не обнаруживая своей неосведомленности.

Оставалась опасность, что какой-нибудь государственный служащий попросит показать удостоверение личности или что внезапно появится секретная полиция. Но приходилось рисковать. Начав с Апельсиновой эспланады, он продвигался к северу, заглядывая по пути в каждый дом.

Результаты оказались самыми неожиданными.

(Гражданка А.Л.Готтрейд, возраст 55 лет, занятие — домохозяйка. Властная, прямая женщина, надменная, но вежливая, не допускающая никаких фривольностей.)

— Вы хотите спросить меня о классе и статусе? Так?

— Да, мадам.

— И всегда-то вы, Опросчики, спрашиваете о классе и статусе. Неужели не надоело? Ну ладно... Так как все равны, есть только один класс. Средний. Вопрос только, к какой части среднего класса относится индивидуум — высшей, низшей или средней.

— А как это определяется?

— Да как угодно. По тому, как человек разговаривает, ест, одевается, ведет себя на людях. По манерам. По одежде. Выс-

ший средний класс, например, всегда можно безошибочно определить по одежде.

— Понимаю. А низший средний класс?

— Ну, во-первых, у них меньше творческой энергии. Они носят готовую одежду, даже не пытаясь улучшить ее. Показательно и равнодушное отношение к своему жилью. Причем попытки украсить его без искры вдохновения в счет не идут, а лишь помечают выскочек. Представитель высшего среднего класса никогда не допустит такого у себя дома.

— Благодарю вас, гражданка Готтрейд. А как вы определите свой собственный статус?

С чуть заметным колебанием:

— О, я никогда особенно над этим не задумывалась. Высший средний скорее всего.

(Гражданин Дрейстер, возраст 43 года, занятие — продавец обуви. Стройный, кроткий, моложавый.)

— Да, сэр. У нас с Мирой три ребенка школьного возраста. Все мальчики.

— Вы не могли бы рассказать, из чего складывается их образование?

— Они учатся писать, читать, быть честными гражданами и уже приступили к изучению своих профессий. Старший пойдет по семейной линии — обувь. Двое других — по бакалее и розничной торговле, как заведено в семье у жены. Кроме того, они узнают, как обретать и сохранять статус. Этому учат в открытых классах.

— А есть и другие?

— Ну, естественно, закрытые. Их посещает каждый ребенок.

— И чем там занимаются?

— Не знаю. Я же сказал — они закрытые.

— Ребята никогда не рассказывают об этих классах?

— Нет. Они говорят обо всем на свете, но не о них.

— А вы не представляете, что происходит в закрытых классах?

— К сожалению, нет. Может быть, — заметьте, это только предположение, — в них преподают религию. Но лучше спросить у учителя.

— Благодарю вас, сэр. Как вы определите свой статус?

— Средний средний класс, без сомнения.

(Гражданка Мэриджейн Морган, возраст 51 год, занятие — школьная учительница. Высокая костлявая женщина.)

— Да, сэр, вот и все, что входит в обязательную программу в нашей маленькой Бежевой школе.

— Кроме закрытых классов.

— Простите?

— Вы не упомянули закрытые классы.

— Боюсь, что не могу это сделать.

— Почему же, гражданка Морган?

— Это что, вопрос с подвохом? Всем известно, что учителей не впускают в закрытые классы.

— Кого же тогда впускают?

— Детей, конечно.

— Но кто их учит?

— Об этом заботится правительство.

— Естественно. Но кто конкретно ведет занятия?

— Не имею понятия, сэр. Меня это не касается. Закрытые классы — древнее и уважаемое учреждение. Возможно, они связаны с религией. В любом случае не мое это дело. И не ваше, молодой человек, будь вы хоть трижды Опросчик.

— Благодарю вас, гражданка Морган.

(Гражданин Эдгар Ниф, возраст 107 лет, занятие — отставной военный. Высокий, сутулый мужчина с острыми ледяными глазами.)

— Пожалуйста, немного громче. Что вы сказали?

— О вооруженных силах. Я спрашивал...

— Теперь вспомнил. Да, молодой человек, я был полковником Двадцать первой Североамериканской Космической Группы, регулярной части Земных Вооруженных Сил.

— Вы вышли в отставку?

— Нет, служба оставила меня.

— Простите, сэр?

— Вы правильно расслышали, молодой человек. Это произошло шестьдесят три года назад. Вооруженные Силы были распущены, за исключением полиции, которая не в счет.

— Почему?

— Не с кем стало сражаться. Во всяком случае, так нам объяснили. Глупость несусветная, вот что я вам скажу.

— Почему, сэр?

— Старым солдатам известно: никогда невозможно предсказать, откуда появится враг. Он может появиться и сейчас. И что тогда?

— А заново сформировать армию?

— Хорошо бы! Но нынешнее поколение не знает, что такое служба. И командиров не осталось, кроме таких старых ослов, как я. На создание боеспособной армии с толковым руководством уйдут годы.

— А пока что Земля совершенно беззащитна перед вторжением?

— Да. Есть полицейские соединения, но я самым серьезным образом сомневаюсь в их надежности, если пойдет пальба.

— Не могли бы вы рассказать мне о полиции?

— Ничего о ней не знаю. Меня никогда не волновали вопросы невоенного характера.

— Но вполне возможно, что полиция взяла на себя функции армии, не так ли? Что она представляет собой значительное и дисциплинированное полувоенное формирование?

— Возможно, сэр. Все возможно.

(Гражданин Мартин Хоннерс, возраст 31 год, занятие — глаголизатор. Худой вялый мужчина с честным мальчишеским лицом и гладкими пшеничными волосами.)

— Вы глаголизатор, гражданин Хоннерс?

— Да, сэр. Хотя, пожалуй, больше подойдет слово «автор», если не возражаете.

— Конечно. Гражданин Хоннерс, вы сотрудничаете с каким-нибудь из периодических изданий, которые, я видел, продают за стойками?

— О нет! Там подвизаются некомпетентные бездари, которые пишут для сомнительной услады низшего среднего класса. Все рассказы, да будет вам известно, составляются строка за строкой из произведений популярных писателей двадцатого и двадцать первого веков. Эти бумагомаратели просто меняют прилагательные и наречия. Изредка кто-нибудь заменит глагол или даже существительное. Но, повторяю, очень редко. Издатели этих журнальчиков крайне отрицательно относятся к любым нововведениям.

— Вы этим не занимаетесь?

— Абсолютно! Моя работа не коммерческая. Я — Созидающий Специалист по Конраду.

— Поясните, пожалуйста.

— С удовольствием. Я пересоздаю работы Джозефа Конрада, автора, жившего в доатомном веке.

— А как вы пересоздаете эти работы, сэр?

— В настоящее время я занят пятым пересозданием «Лорда Джима» — как можно глубже вчитываюсь в оригинал, а затем переписываю книгу так, как сделал бы сам Конрад, живи он сегодня. Это занятие требует величайшего усердия и артистичности. Одна описка может испортить всю работу. Необходимо в совершенстве знать словарь Конрада, темы, характеры, настроения... Все это обязательно идет в дело, однако книга не имеет права быть рабским подражанием. В ней непременно должно присутствовать нечто новое, но сказанное так, как сказал бы Конрад.

— И каковы ваши успехи?

— Критика весьма благосклонна, и мой издатель всячески поддерживает меня.

— Когда вы закончите пятое пересоздание «Лорда Джима», чем вы планируете заняться?

— Сначала устрою себе длительный отпуск. Затем пересоздам одно из менее заметных произведений Конрада, «Малатского плантатора».

— Понимаю... Является ли пересоздание правилом для всех видов искусства?

— Это цель каждого истинного художника независимо от того, какую область он выбрал для своей деятельности. Искусство — жестокая возлюбленная.

(Гражданин Уиллис Уэрка, возраст 8 лет, занятие — учащийся. Жизнерадостный черноволосый загорелый мальчик.)

— Простите, мистер Опросчик, моих родителей нет дома.

— Вот и хорошо, Уилли. Ты не против, если я задам тебе несколько вопросов?

— Конечно. А что это у вас выпирает под пиджаком, мистер?

— Спрашивать буду я, Уилли, если не возражаешь. Ты любишь школу?

— Так себе.

— Чему же ты учишься?

— Ну, чтение, язык, оценка статуса, потом курсы по искусству, музыке, архитектуре, литературе, балету и театру. Все как обычно.

— Понимаю. Это в открытых классах?

— Естественно.

— Ты ходишь в закрытый класс?

— Конечно. Каждый день.

— Ты не возражаешь, если мы поговорим о нем?

— Я не возражаю. А это оружие выпирает, да? Я знаю, что такое оружие. Пару дней назад большие мальчишки разглядывали во время обеда картинки, и я подсмотрел. Это пистолет?

— Нет, просто мой костюм плохо сидит. Слушай, ты не хотел бы рассказать мне, что вы делаете в закрытом классе?

— Почему бы и нет?

— Ну и что же там происходит?

— А я не помню.

— Уилли...

— Честное слово, мистер Опросчик. Мы все заходим в класс, а затем выходим через два часа. Но это все. Больше я ничего не могу вспомнить. Я говорил с другими ребятами. Они тоже забывают.

— Странно.

— Нет, сэр. Если бы нам надо было помнить, класс не был бы *закрытым*.

— Пожалуй. А не помнишь ли ты, как выглядит комната или кто ваш учитель в закрытом классе?

— Нет, сэр, я в самом деле ничего не помню.

— Спасибо, Уилли.

(Гражданин Кучлан Дент, возраст 37 лет, занятие — изобретатель. Преждевременно полысевший человек с ироничными глазами под тяжелыми веками.)

— Да, верно. Я специализируюсь на играх. В прошлом году я изобрел «Триангулируй, а не то...». Не видели? Она была очень популярна.

— Боюсь, что нет.

— Это, знаете ли, интеллектуальная игра. Имитирует потерю ориентации в космосе. Игрокам даются неполные данные для компьютеров и, при удачной игре, добавочная информация. В качестве штрафа — рискованные ситуации в космосе. Куча сияющих огней и прочая мишура. Отлично продается.

— Больше вы ничего не изобрели, гражданин Дент?

— В юные годы я придумал улучшенную сеялку-комбайн. Она превосходила по эффективности предыдущие модели в три раза. И, верите ли, я действительно думал, что имею шансы ее продать.

— Продали?

— Конечно, нет. Тогда я не знал, что в патентном бюро открыто только отделение игр.

— Вы огорчились?

— Сперва да. Но потом я понял, что существующие модели достаточно хороши. В изобретении более эффективных или простых устройств нет нужды. Мы довольны своим сегодняшним днем. Кроме того, новые изобретения бесполезны. Уровень рождаемости и смертности на Земле стабилен, и всего хватает.

Чтобы выпустить новый аппарат, надо переоборудовать целый завод. Это почти невозможно, так как все заводы автоматические и саморегулирующиеся. Вот почему наложен мораторий на все изобретения, кроме сферы игр.

— И что вы об этом думаете?

— А что тут думать? Так уж получилось.

— Вы не хотели бы изменить этот порядок?

— Может быть, и хотел бы. Но как изобретатель я все равно отношусь к нестабильным элементам.

(Гражданин Барн Трентен, возраст 41 год, занятие — инженер-атомщик, специалист по конструированию космических кораблей. Нервный интеллектуал с печальными карими глазами.)

— Вы хотите знать, чем я занимаюсь на работе? Бездельничаю. Мне некуда приложить силы, я просто хожу кругами. Правилами предусматривается один человек на каждую автоматическую операцию. Вот что я делаю — присутствую.

— Вы, кажется, недовольны, гражданин Трентен.

— Да. Я хотел быть инженером-атомщиком и для этого учился. А после выпуска обнаружил, что мои знания устарели на пятьдесят лет, да и никому не нужны.

— Почему?

— Потому что все автоматизировано. Не знаю, известно ли это большинству населения, но дело обстоит так. От добычи сырья до получения конечного продукта — автоматизировано все. Человек нужен лишь для контроля над количеством производимого продукта, а оно определяется численностью населения. И даже здесь участие человека сводится к минимуму.

— А что, если часть оборудования выйдет из строя?

— На то есть ремонтные роботы.

— А если они сломаются?

— Проклятые железяки — саморемонтирующиеся. Мне остается только стоять в сторонке и заполнять отчет. Весьма странно для человека, считающегося инженером.

— Почему бы вам не поменять работу?

— Нет смысла. Я проверял, остальные в таком же положении — присутствуют при автоматических процессах, которых не понимают. Назовите любую отрасль — либо «инженер-наблюдатель», либо никто.

— Такая же ситуация и в космонавтике?

— Безусловно. За последние пятьдесят лет ни один пилот не покидал Земли. Скоро они разучатся управлять кораблями.

— Понимаю, все автоматизировано... Ну а если случится нечто непредвиденное?

— Трудно сказать. Если корабль попадет в незапрограммированную ситуацию, он будет парализован, по крайней мере временно. Я думаю, там стоят селекторы оптимального выбора, но вряд ли испытанные. В лучшем случае он будет действовать замедленно. В худшем — вообще не будет действовать. По мне так пусть! Надоело ошиваться вокруг машин, день за днем наблюдая безотрадное однообразие операций. Большинство моих коллег чувствуют то же самое. Мы хотим дела, любого дела! Вы знаете, что сотни лет назад пилотируемые корабли исследовали планеты других звездных систем?

— Да.

— Вот это нам необходимо сейчас. Двигаться вперед, исследовать, изучать!

— Согласен. Но вы не думаете, что говорите довольно опасные вещи?

— Кажется. Но, если говорить честно, я уже не боюсь. Пускай отправляют на Омегу, если хотят. Хуже мне не станет.

— Вы слышали об Омеге?

— Про нее знает каждый, кто связан с космическими кораблями. «Земля — Омега» — единственный сохранившийся маршрут... Страшная планета. Лично я во всем виню церковь.

— Церковь?

— Только ее. Проклятые ханжи, только и знают, что канючат про всякий там Дух Человеческого Воплощения. Одного этого достаточно, чтобы человека потянуло ко Злу...

(Гражданин Отец Бойрен, возраст 51 год, занятие — священнослужитель. Величавый округлый мужчина в шафрановой рясе и белых сандалиях.)

— Верно, сын мой, я аббат местного отделения Церкви Духа Человеческого Воплощения. Церковь является официальным религиозным выражением правительства Земли. Наша религия едина для всех народов и состоит из лучших элементов старых исповеданий, искусно скомбинированных во всеобъемлющую веру.

— Гражданин аббат, а разве нет противоречий между догматами религий, составляющих вашу веру?

— Были. Но основатели нашей церкви отбросили все противоречивые идеи. Мы стремились к согласию, а не к расколу и сохранили лишь отдельные яркие детали некогда великих религий, детали, знакомые людям. В нашей церкви не бывает ереси, так как мы всеприемлющи. Личность может веровать во что угодно, если только несет священный Дух Человеческого Во-

площения. Ибо наш культ есть культ Человека. И дух его есть дух божественного и священного Добра.

— Не могли бы вы определить понятие «добро», гражданин аббат?

— Пожалуйста. Добро — это та сила внутри нас, которая вдохновляет человека на дела, требующие согласия и смирения. Культ Добра является культом самого себя и потому единственно верным культом. Личность, которой мы поклоняемся, есть идеальное социальное существо: человек, удовлетворенный своим положением в обществе, однако готовый творчески продвинуться в своем статусе. Добро великодушно, ибо является подлинным отражением любящей и сострадающей Вселенной. Добро непрерывно изменяется во всех своих аспектах, хотя проявляется... У вас странное выражение лица, молодой человек.

— Простите, гражданин аббат. Мне кажется, я уже слышал эту проповедь — или что-то очень похожее.

— Сие всегда остается правдой.

— Безусловно. Еще один вопрос, сэр. Не могли бы вы рассказать мне о религиозном воспитании детей?

— Эту обязанность несут роботы-исповедники, в соответствии с духом древнего трансцендентального фрейдизма. Робот-исповедник наставляет ребенка так же, как и взрослого. Он выслушивает их проблемы внутри социальной матрицы. Он их постоянный друг и учитель. Будучи роботом, исповедник дает точные и недвусмысленные ответы на любые вопросы. Это большая помощь в воспитании ортодоксальности.

— А что делают священнослужители-люди?

— Наблюдают за роботами-исповедниками.

— Присутствуют ли роботы в закрытых классах?

— Не могу вам ответить... Нет, я в самом деле не знаю. Закрытые классы закрыты для аббатов так же, как и для всех остальных.

— По чьему приказу?

— По приказу Шефа Секретной Полиции.

— Понимаю... Благодарю вас, гражданин аббат Бойрен.

(Гражданин Энайн Дравивиан, возраст 43 года, занятие — правительственный служащий. Узколицый мужчина с глазами-щелочками, усталый и преждевременно постаревший.)

— Добрый день, сэр. Так вы состоите на службе у правительства?

— Совершенно верно.

— У какого правительства — штата или федерального?

— У обоих.

— Давно?

— Около восемнадцати лет.

— Ясно. А не могли бы вы сказать, в чем конкретно заключаются ваши обязанности?

— Пожалуйста. Я — Шеф Секретной Полиции.

— Вы... Понимаю, сэр, это очень интересно. Я...

— Не тянитесь к иглолучевику, экс-гражданин Баррент. Заверяю вас, он не будет действовать в защитном поле вокруг этого дома. А попытка вытащить его лишь причинит вам вред.

— Каким образом?

— У меня есть свои средства охраны.

— Как вы узнали мое имя?

— Я знал все, как только ваша нога коснулась поверхности Земли. Мы еще кое на что способны. Впрочем, войдемте-ка лучше в дом и побеседуем.

— Я бы предпочел воздержаться от беседы.

— Боюсь, что это необходимо. Входите, Баррент, я не кусаюсь.

— Я арестован?

— Конечно, нет. Мы просто немного потолкуем. Сюда, сэр, сюда. Устраивайтесь поудобнее.

Глава 28

Дравивиан провел его в просторную комнату, обшитую панелями орехового дерева. Массивная черная мебель, покрытая искусной резьбой, поблескивала лаком. Высокий прямой стол производил впечатление антикварной вещи. Одну стену закрывал тяжелый выцветший гобелен с изображением средневековой охоты.

— Вам нравится? — спросил Дравивиан. — Все здесь сделано руками членов моей семьи. Гобелен вышила жена, скопировав его с оригинала в музее «Метрополитен». Мебель смастерили два моих сына. Они хотели что-нибудь старинное и в испанском стиле, но более удобное; отсюда некоторая модификация линий. Мой собственный вклад увидеть нельзя: я специализируюсь на музыке периода барокко.

— В свободное от работы в полиции время? — спросил Баррент.

— Именно. — Дравивиан отвернулся от Баррента и задумчиво посмотрел на гобелен. — Мы еще вернемся к вопросу о полиции. Скажите сперва, что вы думаете о комнате?

— Она очень красива, — произнес Баррент.

— И?..

— Ну... я не судья...

— Вы должны быть судьей, — подчеркнул Дравивиан.— В этой комнате — вся цивилизация Земли в миниатюре. Скажите прямо, что вы о ней думаете?

— Она кажется безжизненной, — проговорил Баррент.

Дравивиан улыбнулся.

— Вы выбрали удачное слово. Пожалуй, еще точнее — замкнутая на себя. А ведь это комната людей высокого статуса. Сколько творческих усилий было затрачено на артистичное улучшение древних стилей! Моя семья воссоздала кусочек испанского прошлого, как другие воссоздают кусочки истории майя или Океании. И все же налицо пустота. Наши автоматические заводы производят одни и те же продукты. Так как товары у всех одинаковы, нам приходится изменять их, улучшать, украшать и такими способами выражать себя. Вот что происходит на Земле, Баррент. Наша энергия и способности уходят на никчемные цели; личность замкнулась в себе. Мы воссоздаем старинную мебель, хлопочем о ранге и статусе, а тем временем нас тщетно ждут неисследованные планеты. Мы давно кончили развиваться. Стабильность принесла застой, и мы ему подчинились. Мы социализированы настолько, что личности не осталось никаких способов самовыражения, она может только замкнуться в себе или тратить энергию на самые ничтожные цели. Полагаю, вы в свое время навидались этого на Земле?

— Я-то да. Но ни за что бы не поверил, что услышу такие слова от Шефа Секретной Полиции.

— Я не обычный человек, — усмехнулся Дравивиан. — И Секретная Полиция — не обычное учреждение.

— Но, очевидно, очень эффективное! Как вы узнали обо мне?

— Ну, это было просто. Большинство населения Земли натаскано на бдительность с детства. Это же наша древняя традиция. Почти все встретившиеся вам люди распознали в вас чужака. Вы выделялись, как волк среди овец, и мне немедленно сообщили.

— Ясно, — сказал Баррент. — Что же теперь?

— Хотелось бы послушать ваш рассказ об Омеге.

Баррент рассказал Дравивиану о своей жизни на планете преступников.

— Так я и думал, — со слабой улыбкой произнес Шеф Секретной Полиции. — То же самое происходило в свое время в Америке и Австралии. Конечно, разница есть: вы совершенно изолированы от родины. Но у вас та же яростная энергия, та же жестокость.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

Дравивиан пожал плечами.

— Какое это имеет значение! Предположим, я убью вас. Но вашу Группу на Омеге не удержать от засылки других шпионов или захвата одного из тюремных кораблей. Как только омегиане начнут действовать, они неизбежно обнаружат правду.

— Какую правду?

— А вы еще не догадались? На Земле около восьми столетий не было войн. Мы не знаем, как сражаться. Сторожевые корабли вокруг Омеги — чистое надувательство, одна видимость. Они полностью автоматизированы и запрограммированы на условия, которые существовали сотни лет назад. Решительная атака — и корабль ваш, а за ним и все остальные. После этого ничто не в состоянии остановить приход омегиан на Землю, а Земля не в состоянии с ними бороться. Вот почему у заключенных смывают память. Уязвимость Земли должна быть скрыта.

— Если вы все это осознаете, то почему ваши руководители ничего не предпринимают?

— Сначала у нас было такое намерение, но лишь одно намерение. Мы предпочитали не задумываться всерьез. Казалось, что статус-кво сохранится навеки. Нам не хотелось думать о том, что будет, когда омегиане вернутся на Землю.

— Но что-то же вы собирались делать — вы и ваша полиция?

— Я тоже всего лишь видимость. У меня нет полиции. Пост Шефа Полиции — почетная синекура. Вот уже почти век, как Земле не нужна полиция.

— Она вам потребуется, когда омегиане вернутся домой, — заметил Баррент.

— Да. Опять начнутся беспорядки, преступления. Однако я верю, что конечный сплав получится удачный. У омегиан есть энергия, воля, стремление достичь звезд. А Земля придаст вам спокойствие и стабильность. Каковы бы ни были результаты, объединение неизбежно. Мы слишком долго жили во сне. И, чтобы пробудить нас, потребуются сильнодействующие средства.— Дравивиан поднялся на ноги. — А теперь, когда судьбы Земли и Омеги решены, по глотку освежительного?

Глава 29

С помощью Шефа Полиции Баррент с очередным кораблем всю информацию отправил на Омегу. Послание сообщало о положении на Земле и требовало немедленных действий. После этого Баррент мог приступить к выполнению своей собствен-

ной задачи: найти солгавшего информатора и судью, приговорившего его к наказанию за преступление, которого он не совершал. Баррент чувствовал, что, когда он найдет их, у него восстановится утраченная часть памяти.

Ночным экспрессом он поехал в Янгерстан. Подозрения, обострившиеся еще на Омеге, не давали ему покоя. Все было уж слишком ясно и просто...

Он приехал рано утром. Аккуратные ряды домов казались такими же, как и везде, но для Баррента они были по-особому, щемяще знакомыми. Он *помнил* свой город, и его однообразие казалось ему особым, полным значения. Здесь он родился и рос.

Вот магазин Гротмейера, а напротив через дорогу — дом Хавнинга, местного призера по оформлению интерьеров. А там жил Билли Хавлок, его лучший друг; они вместе мечтали стать звездоплавателями и остались хорошими друзьями после окончания школы — пока Баррента не сослали на Омегу.

Дом Эндрю Теркалера. А рядом школа; Баррент помнил ее. Он помнил, как каждый день заходил в закрытый класс, но не мог вспомнить, чему там учился.

Вот здесь, у двух исполинских вязов, произошло убийство. Баррент подошел к этому месту и вспомнил, как все случилось. Он возвращался домой. Откуда-то сзади донесся крик. Баррент обернулся и увидел, как по улице побежал человек — Иллиарди — и что-то бросил ему. Баррент инстинктивно схватил этот предмет и обнаружил, что держит запрещенное оружие. Через два шага он наткнулся на мертвого Эндрю Теркалера.

А потом? Смятение, паника. Ощущение, что кто-то наблюдает за ним, стоящим над трупом с оружием в руках. Там, в конце улицы, было убежище, в котором он скрылся...

Баррент подошел ближе и узнал будку робота-исповедника. Он заглянул в будку. В маленьком помещении ощущался слабый запах ладана. Единственный стул стоял перед сложной, ослепительно сверкающей панелью.

— Доброе утро, Уилл.

Услышав механический голос, Баррент внезапно ощутил беспомощность. Он вспомнил. Этот бесстрастный голос все знал, все понимал и ничего не прощал. Искусственный голос разговаривал с ним, выслушивал, а затем выносил приговор. В своем сне Баррент персонифицировал его в образ судьи.

— Ты помнишь меня? — спросил Баррент.

— Конечно, — сказал робот-исповедник. — Ты был одним из моих прихожан, пока не попал на Омегу.

— Это ты сослал меня!

— За убийство.

— Но я не совершал преступления! — закричал Баррент. — Ты не мог не знать этого!

— Разумеется, я знал, — произнес робот-исповедник. — Но мои обязанности строго определены. Я приговариваю в соответствии со свидетельствами, а не интуицией. Сомнения толкуются в пользу обвинения. Фактически само присутствие передо мной человека, обвиняемого в убийстве, может служить серьезным основанием для подозрения в виновности.

— Против меня были показания?

— Да.

— Кто их дал?

— Я не могу открыть его имя.

— Ты должен, — сказал Баррент. — На Земле наступает другое время. Заключенные возвращаются.

— Я ожидал этого, — промолвил робот-исповедник.

— Мне нужно имя информатора, — сказал Баррент, вытащив иглолучевик и направив его на панель.

— Машину невозможно принудить.

— Назови имя! — крикнул Баррент.

— Не скажу для твоего же блага. Опасность слишком велика. Поверь мне, Уилл...

— Имя!

— Хорошо. Ты найдешь информатора на Кленовой улице, тридцать пять. Но я искренне советую не ходить туда. Ты погибнешь. Ты просто не знаешь...

Баррент нажал на курок, узкий луч прорезал панель. Лампочки вспыхнули и померкли, когда он дошел до замысловатого переплетения проводов. Потом они погасли навсегда, и от панели потянулся серый дымок.

Баррент вышел из будки, положил иглолучевик в карман и направился в сторону Кленовой улицы.

Он бывал здесь прежде. Ему была знакома эта улица на холме, круто поднимающаяся вверх между кленами и дубами. Эти фонарные столбы — его старые приятели, та трещина в асфальте памятна ему с детства. Здания, знакомые до боли, казалось, застыли в ожидании, будто зрители последнего действия полузабытой драмы.

Он стоял напротив дома № 35 на Кленовой улице. Тишина, окутавшая этот простой домик с белыми ставнями, казалась ему зловещей. Баррент достал из кармана иглолучевик, тщетно пытаясь побороть себя. Затем поднялся по аккуратным каменным ступеням и нажал на ручку. Дверь открылась. Он шагнул внутрь.

Смутно проступали контуры мебели, тускло поблескивали картины на стенах, статуэтка на подставке из слоновой кости. Сжав лучевик в руке, он ступил в следующую комнату.

И оказался лицом к лицу с информатором.

Глядя ему в глаза, Баррент вспомнил. В захлестывающем потоке памяти он видел себя — маленького мальчика, входящего в закрытый класс. Он вновь слышал убаюкивающий гул машин, видел, как мерцают и вспыхивают красивые огоньки, в уши лился вкрадчивый голос. Сперва голос вселял ужас, то, что он внушал, было невообразимо. Затем постепенно Баррент начал привыкать к голосу, как привыкал ко всем странностям закрытого класса.

Он обучался. Машины учили на глубоком, подсознательном уровне. Они растворяли свои наставления в основных внутренних импульсах, вплетая узор усвоенных норм поведения в ткань жизненных инстинктов. Затем блокировали сознательную память об уроках, наглухо закрывали ее — и переплавляли.

Чему его учили?

Ради социального блага ты должен сам себе быть свидетелем и полицейским. Ты должен нести ответственность за любое преступление, которое предположительно мог совершить.

На Баррента бесстрастно смотрел информатор — собственное лицо, отраженное в зеркале на стене.

Он донес сам на себя. Когда он стоял в тот день с оружием в руках, глядя на убитого человека, усвоенные, подсознательные процессы взяли верх. Вероятность вины была слишком большой; она превратилась в саму вину. Баррент пошел к роботу-исповеднику и дал полное и убедительное свидетельство против себя самого, донес на себя.

Робот-исповедник вынес приговор, и Баррент покинул будку. Хорошо обученный на занятиях, он взял себя под арест и отправился в ближайший Центр контроля мыслей в Трентоне. Частичная амнезия уже наступила, спущенная пружиной уроков закрытого класса.

Опытные техники-андроиды потрудились, чтобы завершить амнезию, стереть последние остатки памяти. Как стандартный предохранитель против возможного ее возвращения, они внедрили в подсознание логичную версию убийства и насадили слепую веру в мощь Земли.

Запрограммированный Баррент добрался на специальном транспорте до космопорта, взошел на борт тюремного корабля и закрыл за собой дверь своей камеры. Там он спал до Контрольного Пункта, пока его не разбудили прибывшие охранники...

Теперь, когда он смотрел на свое лицо в зеркале, последнее из бессознательно усвоенных наставлений всплыло в сознании.

Уроки закрытого класса никогда не должны выйти из подсо-

знания. В противном случае человек обязан немедленно произвести акт самоубийства.

Он понял, почему победа на Земле досталась ему так легко: он просто никого не победил. Земле не нужна была служба безопасности, потому что в мозг каждого человека были вмонтированы и полицейский, и палач. Под поверхностью мягкой и приятной культуры Земли была увековечена цивилизация роботов. И осознание существования этой цивилизации каралось смертью.

Именно здесь, именно сейчас началась настоящая битва за Землю.

Заученные образцы поведения заставили Баррента поднять оружие и направить себе в голову. Вот о чем пытался его предупредить робот-исповедник, вот что видела девушка-мутантка. Прежний Баррент, запрограммированный на абсолютное и бездумное повиновение, должен был убить себя.

Возмужавший Баррент, прошедший школу жизни на Омеге, восстал против этого слепого желания.

Баррент против Баррента. Два человека боролись за обладание оружием, за контроль над телом, за власть над разумом.

Иглолучевик остановился в дюйме от головы. Мушка качнулась. Затем медленно Баррент-омегианин, Баррент-2, отвел оружие.

Его победа была недолгой. Уроки закрытого класса швырнули Баррента-2 в яростную схватку с неумолимым и жаждущим смерти Баррентом-1.

Глава 30

Двух Баррентов закинуло через субъективное время в те критические точки прошлого, где смерть ждала рядом, где пересыхал поток жизни, где установилось предрасположение к гибели. Баррент-2 заново переживал эти моменты. Но на сей раз опасность была увеличена злокачественной половиной его личности — Баррентом-1.

Баррент-2 стоял под слепящим светом на обагренном кровью песке Арены с мечом в руке. Это были омегианские Игры. На него надвигался саунус, бронированная рептилия с ухмыляющимся лицом Баррента-1.

Он отсек чудовищу хвост, и тот превратился в трех трихомотред — существ размером с крысу, с лицами Баррента и повадками взбесившейся росомахи. Двух он убил, а третья оскалилась и до кости прокусила его левую ладонь. Он поразил ее мечом и смотрел, как вытекает на сырой песок кровь Баррента-1...

...Трое оборванных мужчин сидели, смеясь, на скамье, а девушка протягивала ему оружие. «Удачи. Надеюсь, вы знаете, как с ним обращаться». Баррент пробормотал слова благодарности, прежде чем заметил, что девушка перед ним — не Моэра, а мутантка, предсказавшая его гибель. Он вышел на улицу и столкнулся с тремя Хаджи.

Двое были безликими незнакомцами. Третий, Баррент-1, быстро выступил вперед и вытащил пистолет. Баррент-2 кинулся на землю и, нажав на курок своего оружия, почувствовал, как оно завибрировало в руке. Голова и плечи Баррента-1 потемнели и стали распадаться. Снова прицелиться он не успел — пистолет вырвало из руки дикой силой. Предсмертный выстрел Баррента-1 задел ствол.

Он отчаянно рванулся за оружием и, катясь вперед, заметил, как в него целится второй Хаджи, тоже с лицом Баррента. Баррент-2 почувствовал резкую боль в руке, уже прокушенной зверем, но сумел выстрелить и остался наедине с третьим, который тоже превратился в Баррента-1. Рука начинала каменеть, но он заставил себя нажать на курок...

«Ты играешь в их игру, — говорил себе Баррент-2. — Смертоносная воля измучит тебя и прикончит. Надо вырваться. Ведь ничего этого нет, это только в твоем воображении...»

Но думать было некогда. Он стоял в большом круглом каменном подвале в Департаменте Юстиции. Отбрасывая черные блики, навстречу катилась металлическая машина почти в четыре фута высотой. Из сияющей огнями поверхности на него смотрело ненавистное лицо Баррента-1.

Теперь враг был в облике Макса, такой же лживый и стилизованный, как фальшивые сны о Земле. Баррент-1 выпустил гибкое суставчатое щупальце, заканчивающееся ножом. Баррент-2 уклонился, и нож царапнул по камню.

«Ты сражаешься с половиной самого себя, это смертельная иллюзия».

Но он не мог поверить. На него снова надвигался Баррент-машина, блестя зелеными капельками вещества, в котором Баррент-2 немедленно узнал контактный яд. Он бросился в сторону, стараясь избежать гибельного прикосновения.

«Оно не смертельно», — сказал он себе.

Нейтрализатор омыл металлическую поверхность. Машина разогналась и со страшной силой ударила не успевшего отпрянуть Баррента. Он почувствовал, как затрещали ребра.

«Все это ненастоящее! Ты позволяешь навязанным рефлексам довести себя до смерти».

Но боль была реальной, как и увесистая стальная дубинка, ударившая его в плечо. Баррент пошатнулся.

Его охватил ужас — не перед смертью вообще, а перед смертью слишком близкой: ведь он не успел предупредить омегиан о главной опасности, глубоко внедренной в их сознание. Кроме него, больше некому было предупредить о гибели, грозившей каждому, кто сумеет восстановить настоящую память о Земле. Если бы выжить... он бы придумал, как очистить сознание... Баррент собрал последние силы. С детства приученный нести ответственность за все общество, он не мог позволить себе умереть, когда его знания необходимы Омеге.

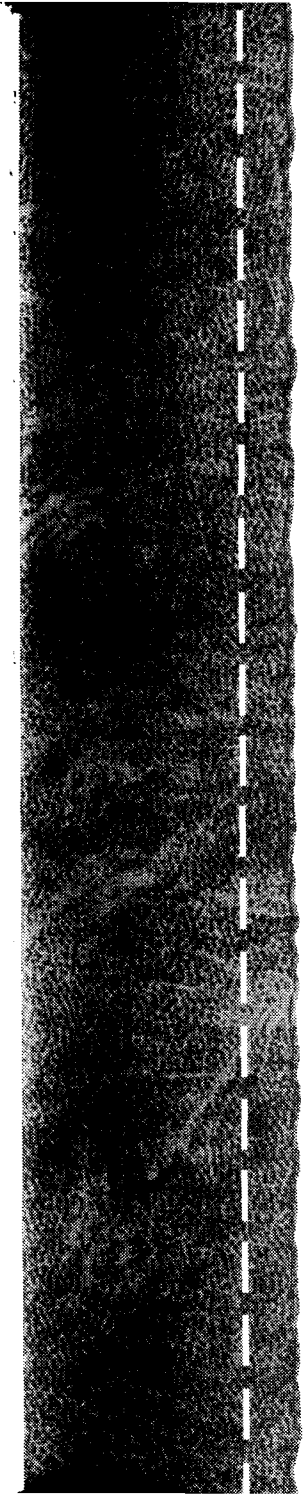
«*Это ненастоящая машина*», — твердил он себе, когда Баррент-1 черной полусферой надвигался с дальнего конца помещения. Он пытался заглянуть за машину, увидеть регулярные уроки в классе, создавшем чудовище...

Я — это ненастоящая машина.

Он поверил.

И ударил кулаком в ненавистное лицо, отразившееся в металле. Испепеляющая боль ослепила его, и он на миг потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел, что находится у себя дома, на Земле. Рука и плечо гудели, несколько ребер, пожалуй, было сломано. Из укуса на левой руке текла кровь.

Но своей порезанной и окровавленной правой рукой он разбил зеркало. Зеркало и Баррента-1 — окончательно и бесповоротно.

ДРАМОКЛ

Глава 1

Король Драмокл, правитель Глорма, проснулся, огляделся и не смог вспомнить, где он находится. Такое случалось с ним нередко, ибо король привык засыпать в разных покоях дворца, под настроение. Королевский дворец в Ультрагнолле был самым большим творением рук человеческих на Глорме, а то и во всей Галактике. Он был так велик, что пришлось оборудовать его внутренней транспортной сетью. Одних личных королевских спален в этом колоссальном сооружении насчитывалось сорок семь штук. А кроме того, еще в шестидесяти комнатах у Драмокла были кушетки, откидные кровати, раскладные диваны, воздушные матрацы и прочие приспособления на случай, если вдруг захочется соснуть. Поэтому выбор постели был для него ежевечерним приключением, а пробуждение — ежеутренней загадкой.

Сев и посмотрев по сторонам, Драмокл обнаружил, что провел ночь на куче подушек в одной из Косматых комнат, названных так из-за пучков черных волос, в изобилии росших по углам. Разобравшись с проблемой местонахождения, король задумался над вопросом кофепития.

Обыкновенно вопрос этот решался простым нажатием кнопки возле кровати. В королевской кухне раздавался звонок и включалась громадная машина «капуччино». Бойлер у нее был таких размеров, что энергии хватило бы на целый локомотив; десять слуг круглосуточно поддерживали под ним огонь, прочищали фильтры, добавляли свежесмолотый кофе и выполняли прочие подготовительные операции. Стоило лишь прозвенеть звонку, как дымящийся капуччино, подслащенный в точности по королевскому вкусу, устремлялся по медным трубам длиною в несколько миль и лился из крана в любой комнате, где пожелает испить кофе Драмокл.

На сей раз, однако, Драмокл ночевал в той части дворца, что не была еще подключена к кофейной сети. Король сердито натянул джинсы и тенниску и вышел в коридор.

Вдоль коридора монорельсовая дорога: стало быть, хотя бы дворцовая транспортная сеть здесь работает. Но поезда, конечно же, нет и в помине. Драмокл сверился с настенным расписа-

нием и обнаружил, что следующий поезд — «Прямой дворцовый местный» — будет минут через сорок, не раньше. Король снял со стены телефонную трубку экстренной связи и позвонил в транспортную центральную.

В трубке долго гудели сигналы. Наконец развязный голос спросил:

— Ну, чего надо?

— Пришлите мне поезд немедленно, — сказал Драмокл.

— А еще чего? И не мечтай, приятель. Половина состава у нас в ремонте, а другая половина на линиях, куда более важных, чем твоя. Там, откуда ты звонишь, ни черта нету, кроме Косматых спален.

— Я король Драмокл, — грозным голосом сказал Драмокл.

— Да ну? Щас, сверим твой голос с записью... Да, действительно. Слушайте, сир, я извиняюсь за свой тон, а только вы не представляете, как заколебали меня ваши придворные! Трезвонят, понимаете, день-деньской и требуют, чтобы поезда сворачивали туда, куда им угодно. А в особенности сейчас, из-за праздников...

— Ладно, все ясно, — сказал Драмокл. — Когда ты сможешь прислать мне поезд?

— Через семь минут, сир. Я заверну «Пантеон-экспресс» прямо перед станцией Капультепек и...

— Приличная кофеварка в этом экспрессе есть?

— Минуточку, щас гляну... Нет, сир, в «Пантеоне» только растворимый кофе и слабенький голландский. Дайте мне двадцать минут, и я пришлю вам поезд с новейшим оборудованием для завтрака...

— Пришли который поскорее, — сказал Драмокл. — Я позавтракаю позже.

Прошло пятнадцать минут. Поезд так и не появился. Драмокл снова снял телефонную трубку, но услышал лишь бесконечные щелчки. Потом записанный на пленку голос заявил, что все линии заняты и ему следует звонить через дворцового оператора. Тщетно Драмокл орал, что он король и что все прочие разговоры должны быть прерваны сию же секунду. Никто его не слышал.

Он пошел обратно в спальню за сигаретами, но заблудился: все покои здесь были волосатые, и король не смог отыскать комнату, где провел ночь. Ни один телефон не работал. И даже на сигнал пожарной тревоги никто не отозвался.

Разгневанный Драмокл зашагал вперед по коридору. Прошел целый час, пока он пешком добрался до одного из населенных районов Ультрагнолла. Каким ветром его занесло в те забытые богом спальни прошлой ночью? Он смутно помнил давешнюю вечеринку — немножко выпивки, немножко наркоты, много смеха, а потом забвение. Король побрел дальше, но, услышав позади шум мотора, остановился.

Вдали замигали крохотные желтые огоньки. Они приблизились, и оказалось, что это коридорная машина — одноколесное транспортное средство, используемое аристократией для спешных передвижений по дворцу.

Машина аккуратненько притормозила возле короля. Круглая крыша откинулась, и жизнерадостный кудрявый мальчик лет двенадцати, высунув голову, спросил:

— Это вы, отец?

— Конечно, я, — сказал Драмокл. — Тебя как звать-то?

— Самизат, отец, — ответил мальчик. — А мою маму зовут Андреа — вы развелись с ней два года назад.

— Андреа? Такая маленькая, темноволосая, с писклявым голосом?

— Точно. Мы живем в районе Святого Михаила. Мама часто звонит вам по телефону и рассказывает свои сны.

— Вещие, как она утверждает. — Драмокл уселся в машину рядом с Самизатом. — Отвези-ка меня в дворцовый центр.

Самизат рванул машину с места с такой скоростью, что воск, которым был натерт в коридоре пол, расплавился и задымил.

Вскоре коридор вывел их на широкий балкон с балюстрадой. Самизат резко свернул, промчался вниз по длинным лестничным пролетам и немного сбросил скорость, лишь когда подъехал к просторному помещению под куполом, где раскинулась площадь Св. Леопольда. Это была большая базарная площадь, усеянная полосатыми тентами, под которыми сидели люди и нелюди и торговали всякой всячиной. Гейзельянцы, жители северных окраин Глорма, предлагали покупателям глянцевитые бельмоягоды в плетеных корзинках. Гроты — остатки древней расы, населявшей Глорм до прибытия людей, — покачивали головами над чашками с наркотической кашей. Брунгеры из Диспазии и флатландцы из Арнапеста, в красочных национальных костюмах из блестящей кожи и тафты, продавали резные уличные тросточки и свои знаменитые миниатюрные персики. А высоко над толпой реяли огромные золотисто-голубые транспаранты, возвещавшие о тридцатой годовщине Pax Glormicae[1].

Драмокл заметил кофейню и велел сыну высадить его. Заглотнув двойной капуччино, король расписался в получении кофе и поехал на коридорном такси в дворцовый центр.

[1]Мир Глормийский (*лат.*). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Пухлое усатое лицо гофмейстера королевского двора Рудольфа, поджидавшего Драмокла на ступеньках внутренней лестницы, подергивалось от нетерпения.

— Сир! — сказал гофмейстер. — Вы опоздали на аудиенцию!

— Поскольку я король, — заявил Драмокл, — я никуда не могу опоздать, ибо, когда бы я ни появился, я всегда появляюсь вовремя.

— Не путайте меня своей казуистикой, — сказал Рудольф. — Вы сами назначили время аудиенции и велели мне выбранить вас, если опоздаете.

— Считай, что ты меня выбранил. Насколько я помню, сегодня вечером официальное открытие празднования Pax Glormicae?

— Точно так, сир. Все приготовления уже окончены. Адальберт, король Аардварка, прилетел вчера вечером. Мы разместили его в небольшом особняке на рю Монжуа. Руфус, правитель Друта, прибыл со свитой, и его поселили в Тронтийском замке. Снинт, король Лекка, остановился в отеле «Розовый сад» на Храмовой авеню. Ваш брат Джон, граф Карминосольский, только что прибыл в космопорт. Лишь Хальдемар, король Ванира, не соизволил объявиться даже по радио или видео.

— Чего и следовало ожидать. Я встречусь с королями позже. В почте было что-нибудь интересненькое?

— Обычная дребедень.

Рудольф отдал Драмоклу пачку писем, и тот сунул ее в карман джинсов.

— Потом разберусь. А сейчас давай начнем аудиенцию. И постарайся на сей раз не затягивать ее, Рудольф.

— Воля ваша, сир, но до получения специальных указаний я буду придерживаться протокола, установленного вашим достопочтенным батюшкой Отто Странным.

Драмокл пожал плечами. Правила, законы и указы Отто большей частью были весьма разумны, и Драмоклу никогда не приходило в голову их менять. Сопровождаемый Рудольфом, король проследовал в зал для приемов.

Глава 2

Аудиенция протекала скучно, как всегда, и в основном сводилась к определению меры наказания разным графьям и баронам, попавшим в монаршую немилость из-за того, что они обманывали крестьян, или налоговые машины, или кого-нибудь еще. Делать Драмоклу было абсолютно нечего, поскольку гофмейстер уже вынес решения в соответствии с предписаниями Отто Странного. Рудольф бубнил приговор за приговором, а Драмокл сидел на высоком троне и жалел себя.

Несмотря на свой титул абсолютного монарха Глормийского и верховного правителя Местных планет, Драмокл осознавал, что всю жизнь попросту плывет по течению, машинально реагируя на незначительные события, происходившие на Глорме в этот беспрецедентно долгий мирный период. Одуревший от скуки, несчастный король ерзал на троне, прикуривая одну сигарету от другой, и думал про себя, что быть великим монархом — не такое уж великое удовольствие. И тут к трону вдруг приблизилась какая-то старушка, и с этой минуты жизнь короля совершенно переменилась.

Старушка была маленькая, сгорбленная, вся в черном, за исключением серых туфель и серой же мантильи. Она пробралась сквозь толпу придворных почти к самому трону, где путь ей преградили скрещенные алебарды стражников. Тогда она воззвала:

— О великий король!

— Да, старая леди, — откликнулся Драмокл, жестом повелевая возмущенному Рудольфу молчать. — Ты, по-видимому, желаешь обратиться к нам. Пожалуйста, говори. Надеемся — для твоего же блага, — что твое известие порадует нас.

— Сир! — сказала старушка. — Я вынуждена покорнейше просить вас о приватной аудиенции. Мое известие предназначено исключительно для королевских ушей.

— Вот как? — сказал Драмокл.

— Да, так, — сказала старушка.

Драмокл смерил ее взглядом, и еле заметная тень затуманила его ясное чело. Он затушил сигарету в пепельнице, выточенной из цельного смарагда.

— Проводите ее в Зеленую палату, — приказал он ближайшему стражнику. — Пускай подождет там наше величество. Тебя это устраивает, любезнейшая?

— Да, сир, главное, чтоб не в Оранжевую.

Придворные ахнули от такой бесцеремонности, но Драмокл только улыбнулся и, когда страж увел старушонку, подал гофмейстеру знак продолжать аудиенцию.

Часом позже ежедневный прием был окончен. Драмокл отправился в Зеленую палату. Усевшись в удобное мягкое кресло, он закурил и уставился на старушку, сидевшую перед ним на стуле с прямой спинкой.

— Итак, — сказал он, — ты пришла.

— В назначенный час, — откликнулась старушка. — И я осмелилась предстать пред ваши очи, сир, только потому, что еще больше боялась не сделать этого.

— Сначала я решил, что ты ненормальная, — сказал Драмокл. — Но потом я спросил тебя: «Вот как?», и ты ответила: «Да, так», то есть дала мне отзыв на пароль, которым я пользуюсь в разговорах с личными агентами. В следующую фразу я ввернул кодовое слово «зеленая», а ты сказала в ответ «оранжевая» и тем самым рассеяла последние сомнения. Сообщил ли я тебе еще какие-нибудь пароли?

— Еще десять, то есть всего двенадцать, чтобы я могла подать вам знак в любой ситуации, о чем бы мы ни разговаривали.

— Двенадцать паролей! — изумился Драмокл. — Весь мой запас! Твое известие должно быть сногсшибательно важным. Кстати, я даже не знаю твоего имени, старая леди.

— Да, сир, вы предупреждали, что забудете его, когда велели мне затвердить пароли. Меня зовут Кларой.

— Чудеса! И они происходят со мной наяву, а не во сне! — воскликнул счастливый король. — Поведай же мне свою историю, Клара.

— О великий король! — сказала Клара. — Вы посетили меня тридцать лет тому назад в моем родном городе Мерле, где я зарабатывала себе на пропитание, запоминая разные вещи для людей, слишком занятых, чтобы помнить их самим. Вы сказали мне: «Клара (прочитав мое имя на дверной табличке: «Воспоминаторий Клары»), у меня есть очень важное сообщение, и я хочу, чтобы ты запомнила его наизусть и передала мне ровно через тридцать лет, когда я должен буду о нем вспомнить. Сам я забуду даже наш нынешний разговор, пока ты не придешь и не напомнишь, ибо так тому положено быть».

«Вы можете положиться на меня, ваше величество», — сказала я.

«Я в этом не сомневаюсь, — ответили вы, — поскольку предосторожности ради я занес твое имя в официальный календарь, чтобы тебя казнили ровно через тридцать лет и один день. А потому я рассчитываю, что ты появишься вовремя». Затем вы улыбнулись мне, сир, передали свое сообщение и удалились.

— Ты, наверное, немного тревожилась, как бы не случилось какой задержки в пути, — заметил Драмокл.

— Чтобы избежать непредвиденных случайностей, я перебралась в вашу столицу Ультрагнолл вскоре после нашей встречи и открыла воспоминаторий на Оружейной улице в пяти минутах ходьбы от дворца.

— Ты мудрая и предусмотрительная женщина, Клара. А теперь скажи мне, что я велел себе передать?

— С удовольствием, сир. Ключевое слово — «шазаам»!

Услыхав это слово из древнего языка, Драмокл унесся просветлевшей памятью на тридцать лет назад.

Глава 3

Тридцать лет отмотались обратно, словно кинолента, снятая наплывом. Юный Драмокл, двадцати лет от роду, сидел в своем кабинете и рыдал. Только что он узнал, что отец его Отто, король Глорма, прозванный в народе Странным, погиб несколько минут назад при взрыве лаборатории на спутнике Глорма Глизе. Взрыв произошел, по-видимому, из-за оплошности Отто, поскольку в лаборатории, да и вообще на Глизе, он был в тот день один. Король ушел в мир иной эффектно, в блеске атомной вспышки, разорвавшей в клочья целый спутник.

Завтра о нем будет скорбеть весь Глорм. А через неделю состоится коронация и Драмокла провозгласят королем. Но, несмотря на предвкушение этой церемонии, Драмокл плакал, потому что любил своего непонятного и непредсказуемого отца. Горе боролось в его сердце с радостью, ибо перед своим злополучным полетом на Глиз Отто провел с сыном задушевную беседу, в которой напомнил ему о королевских обязанностях и ответственности, а потом неожиданно открыл Драмоклу, что ему уготована великая судьба.

Драмокла потрясло сообщение отца. Судьба всегда была его заветной мечтой. Теперь наконец его жизнь исполнится смысла и значения, а это две самые ценные вещи, какими может обладать человек.

Мешало лишь одно препятствие. Как объяснил Отто, Драмокл не сможет сразу же пуститься в погоню за судьбой. Ему придется подождать, и ожидание будет долгим. Тридцать лет пройдет, прежде чем настанет срок. Только тогда начнет разматываться нить судьбы Драмокла — и ни денечком раньше.

Тридцать лет! Целая жизнь! И ему придется не просто ждать — ему придется хранить это известие в тайне до тех пор, пока не настанет время действовать. Доверить столь важную тайну нельзя никому. Ни один человек не должен знать о ней, даже самые преданные друзья и советники.

— Будь оно все проклято! — проворчал Драмокл. — Если подумать, так я и себе самому не могу доверять. Я просто выболтаю все кому-нибудь по пьянке или забалдев от наркоты. Я последний человек на свете, кому бы я доверил такой секрет.

Он задумался, непрерывно смоля сигареты и прикидывая

разные варианты. В конце концов, решившись, он вызвал своего андроида-психиатра доктора Фиша.

— Фиш! — резко сказал Драмокл. — У меня в мозгу есть некая последовательность мыслей. Я не хочу их помнить.

— Нет ничего легче — мы запросто можем изъять мысль или даже целый набор мыслей, — сказал Фиш скрипучим голосом, характерным для андроидов, несмотря на достижения технологии голосового синтеза. — Ваш почтенный батюшка Отто постоянно велел мне стирать из памяти имена бывших любовниц, оставляя лишь даты их рождений, поскольку был человеком великодушным. Он также настаивал на забвении голубого цвета.

— Но я не хочу потерять свою мысль! — сказал Драмокл. — Это очень важная мысль. Я хочу вспомнить ее через тридцать лет.

— Это куда сложнее, — заметил Фиш.

— А ты не мог бы заблокировать мою мысль и дать мне постгипнотическую команду вспомнить ее спустя тридцать лет?

— Подобную методику я с успехом применял к королю Отто. Он хотел думать о Гилберте и Салливане каждые шесть месяцев, не открывая мне причин своего желания. К сожалению, тридцать лет — чересчур долгий срок для надежного постгипнотического внушения.

— Но что-то ты можешь сделать для меня или нет?

— Ну, я могу закрыть вашу память ключевым словом или фразой. Затем ваше величество отдаст ключ какой-либо достойной доверия персоне, которая напомнит вам это слово по прошествии тридцати лет.

— Я могу доверить его воспоминателю. — Драмокл задумался. Хотя и не стопроцентно надежный, план казался приемлемым. — Какое слово ты посоветуешь в качестве ключевого? — спросил он Фиша.

— Я лично выбрал бы «шазаам», — ответил андроид.

Драмокл порылся в «Галактическом желтом справочнике» в поисках надежного воспоминатория. Выбрав Кларин, он собственноручно отвел свою космическую яхту в город Мерль и сообщил Кларе ключевое слово.

Вернувшись в Ультрагнолл, король вызвал Фиша еще раз.

— Теперь я хочу, чтобы ты запечатал мою память, как мы решили ранее, под ключевое слово «шазаам». Только прежде, чем ты начнешь, я должен обсудить с тобой еще один вопрос... Даже и не знаю, с чего начать.

— Не утруждайтесь понапрасну, мой король. Я уже привел

все свои дела в порядок, поскольку, если я не ошибаюсь, вы намерены меня уничтожить.

— Откуда ты знаешь? — с удивленной усмешкой спросил Драмокл.

— Это элементарно, сир, для того, кто изучил ваш характер и уважает ваше стремление сохранить все в строжайшей тайне.

— Надеюсь, ты на меня не в обиде, — сказал Драмокл. — Я хочу сказать, ты ведь не такой, как живые люди, правда?

— У нас, андроидов, нет инстинкта самосохранения, — ответил доктор Фиш. — Позвольте мне лишь пожелать вам на прощание удачи на том блистательном поприще, что вас со временем ожидает.

— Благодарю тебя, Фиш, — сказал Драмокл. Прилепив клейкий шарик из голубого пластика к воротничку андроида, он воткнул в него светло-зеленый детонатор. — Прощай, дружище. А теперь приступай к работе.

Фиш включил наркопсихосинтезатор и приступил. (Драмокл не мог потом вспомнить своих последних распоряжений, поскольку велел Фишу перезаписать их на более позднюю дату.) Фиш закончил. Драмокл встал с операционного стола в полной уверенности, что ему только что сделали массаж, и ощутил желание срочно выйти на прогулку. Повинуясь постгипнотическому внушению, он удалился от лаборатории Фиша на сотню ярдов. Где и услышал взрыв.

Драмокл бросился назад и обнаружил, что доктор Фиш растерзан в клочья.

Король не мог себе представить, зачем кому-то понадобилось взрывать такого безобидного андроида. Ему и в голову не пришло, что он совершил это сам, поскольку взорванные андроиды не очень-то болтливы.

Доктор сделал свое дело на совесть, и Драмокл принялся править планетой, гадая по временам, каково же его истинное предназначение. Так продолжалось ровно тридцать лет.

Глава 4

После того как память завершила свой бег, Драмокл откинулся на спинку кресла и погрузился в размышления. Какая удивительная и неожиданная штука жизнь, думал он. Всего лишь час назад он томился и страдал, и ничего не светило ему впереди, кроме докучного управления планетой, которая прекрасно управлялась и без него. А теперь все переменилось, и жизнь его стала совсем иной — или вскорости станет. У него все-таки есть настоящая судьба! Чего еще желать человеку, ког-

да он и так уже король, когда богатство его превосходит самые смелые мечтания алчности, а в постели у него перебывало бессчетное количество красивейших женщин из разных миров? Когда все это у вас есть, духовные ценности поневоле начинают обретать кое-какое значение.

Драмокл помедлил еще немного, восхищаясь собственным умом — вернее сказать, гениальностью, позволившей ему все так удачно устроить тридцать лет назад, чтобы сейчас, когда ему стукнуло пятьдесят, жизнь его наполнилась новым смыслом. Он не без труда оторвался от самолюбования.

— Клара, — сказал он, — ты заработала свой мешок с золотыми дукатами. Нет — я дам тебе два полных мешка и замок в деревне в придачу.

Король вызвал клерка, ведавшего вознаграждениями, и приказал выдать Кларе два стандартных мешка с золотыми дукатами и один стандартный замок в Монастырском графстве, где велел содержать ее в соответствии с режимом номер четыре.

— Ну, Клара, — сказал Драмокл, — надеюсь, ты довольна?

— Конечно, сир, — ответила Клара. — Но могу ли я поинтересоваться, что означает «режим номер четыре»?

— Коротко говоря, это означает, что ты будешь жить в своем замке, ни в чем не нуждаясь, однако не сможешь выходить за крепостные стены, а также принимать гостей и общаться с кем бы то ни было, за исключением слуг-роботов.

— О! — сказала Клара.

— Я ничего против тебя не имею, разумеется, — продолжал Драмокл. — Я уверен, что ты достойна всяческого доверия, старая леди, но ты ведь понимаешь: никто не должен пронюхать о том, что мне стала известна моя судьба — или вскорости станет известна. Иначе враги ополчатся против меня. Я не вправе рисковать столь важными вещами.

— Я понимаю, сир, и ценю ваше мудрое решение относительно моей жизни, принятое вами, несмотря на мою незапятнанную репутацию.

— Я так рад! — сказал Драмокл. — Я боялся, что ты сочтешь меня неблагодарным, а это было бы утомительно.

— Не бойтесь, великий король. Если мое заточение пойдет вам на пользу, я буду счастлива, пусть даже мне придется прожить остаток дней своих в одиночестве, без дружеской поддержки и не имея ни малейшей возможности потратить то золото, коим вы меня наградили.

— Знаешь, — сказал Драмокл, — об этом я как-то не подумал.

— Только не поймите меня превратно — я не жалуюсь, сир.

— Клара! — Драмокл задумчиво сплел на затылке пальцы и

тут же расплел их, еле успев выхватить из волос дымящуюся сигарету и затушить ее в массивной серебряной банке из-под сардин. — Я скажу тебе, что я сделаю. Составь мне списочек своих друзей — человек двадцать, не больше. Я велю их арестовать по облыжным обвинениям, заточу в твой замок, и они никогда не догадаются, что ты об этом знала.

— Вы потрясающе великодушны, сир. Бог с ним, с золотом, которое я не смогу потратить. Это такая мелочь, что мне не стоило даже упоминать о нем!

— Насчет золота я тоже придумал, Клара. Один из моих клерков будет посылать тебе каталоги из лучших магазинов Глорма. Ты сможешь заказать себе все, что душе угодно. И я позабочусь, чтобы тебе предоставили королевскую скидку, которая достигает шестидесяти процентов от стоимости товара, так что дукатов тебе хватит надолго.

— Господь да благословит ваше величество, и да будет судьба ваша так же великолепна, как и ваша щедрость!

— Спасибо, Клара. Клерк-кассир в конце коридора все для тебя оформит. Только ответь мне еще на один вопрос: не говорил ли я тебе тогда, какая конкретно судьба меня ожидает и что я должен предпринять, дабы исполнить свое предназначение?

— Ни словечка, великий король. Но разве ключевое слово не открыло вам этого?

— Нет, Клара. Я вспомнил только, что судьба у меня есть и я должен что-то сделать для ее осуществления. Но что именно — не знаю.

— О господи! — сказала Клара.

— Впрочем, я уверен, что выясню это.

Клара присела в реверансе и удалилась.

Глава 5

Целый час Драмокл силился вспомнить, что, собственно, предназначено ему судьбой, но безуспешно. Подробности, указания, предписания, даже намеки, казалось, потеряны или же упрятаны невесть куда. Нелепая ситуация, прямо скажем. Что же ему предпринять?

Так ничего и не придумав, король спустился в Вычислительную палату посоветоваться со своим компьютером.

У компьютера была маленькая личная комнатка рядом с Вычислительной палатой. Когда Драмокл зашел туда, компьютер, развалившись на диване, читал «Общую тетрадь относительности» Эйнштейна и хихикал над математикой. Компьютер был самопрограммирующейся моделью Марк-Ультима, уни-

кальной и неповторимой, созданной древней наукой Земли, которая погибла во время не объясненного до сих пор катаклизма, как-то связанного с аэрозольными баллончиками. Отто приобрел его в свое время за немалые деньги.

— Добрый день, сир, — сказал компьютер, вставая с дивана. На нем был черный плащ, на боку — церемониальная шпага, а на округлой поверхности, которая могла бы называться головой, не засунь изготовители его мозги в желудок, красовался белый завитой парик. Четыре костлявые металлические ноги были обуты в расшитые китайские шлепанцы. Одевался он так потому — как объяснил в свое время компьютер Драмоклу, — что чувствовал себя неизмеримо умнее всех окружающих и, чтобы не свихнуться, позволил себе маленькую иллюзию, воображая себя латышом семнадцатого столетия, живущим в Лондоне. Драмокл считал эту иллюзию вполне безобидной. Он даже привык к язвительным высказываниям компьютера в адрес какого-то забытого землянина по имени сэр Исаак Ньютон.

Драмокл поведал компьютеру о своих затруднениях.

Компьютер не впечатлился.

— Глупая проблема. Все задачи, которые вы мне задаете, яйца выеденного не стоят. Нет чтобы позволить мне раскрыть для вас тайну сознания! В такую задачку я с удовольствием запустил бы зубы, если можно так выразиться.

— Сознание для меня не проблема, — сказал Драмокл. — Я хочу узнать свою судьбу.

— Боюсь, я последний настоящий математик в Галактике, — посетовал компьютер. — Старина Исаак Ньютон был единственным человеком в Лондоне, с которым я мог общаться, когда прибыл из Риги в Лаймхаус на той груженной углем посудине. Как мы чудесно проводили времечко, болтая о том о сем! Правда, мое предсказание грядущей гибели цивилизации от аэрозольного загрязнения оказалось сэру Исааку не по зубам. Он обозвал меня галлюцинацией и погрузился в эзотерические изыскания. Бедняга просто не смог переварить реальность такой, какая она есть, несмотря на свой уникальный математический гений. Странно, не правда ли?

— Заткнись! — процедил сквозь зубы Драмокл. — Реши мою проблему, не то я сорву с тебя этот плащ!

— Я прекрасно обойдусь и без него, моя иллюзия не пострадает. Что же до вашей недостающей информации... Погодите минуточку, сейчас подключусь к своим периферийным устройствам...

— Ну? — спросил Драмокл.

— По-моему, вы ищете вот это, — сказал компьютер, за-

пустив руку в карман плаща и выудив оттуда запечатанный конверт.

Драмокл взял конверт и узнал оттиск своего собственного кольца с печаткой. Надпись на конверте — «Судьба. Первая фаза» — была сделана почерком Драмокла.

— Как он к тебе попал? — спросил король.

— Не задавайте лишних вопросов, если не хотите испортить себе настроение, — ответил компьютер. — Радуйтесь, что нашли конверт без особых хлопот.

— Ты читал послание?

— Мне ничего не стоило прочесть его — жаль было время зря терять.

Драмокл вскрыл конверт и извлек из него лист бумаги. Там его почерком было написано: «Захвати Аардварк немедленно».

Аардварк! У Драмокла было такое ощущение, будто в мозгу открылся потайной уголок. Заржавелые извилины поскрипели немного, а затем зашевелились ритмично и быстро. Аардварк! Короля захлестнула волной восторга. Вот он, первый шаг навстречу судьбе!

Глава 6

Драмокл провел напряженные полчаса в Военной палате, после чего проследовал в Желтый конференц-зал, где уже поджидал его Макс — адвокат, специалист по связям с общественностью и официальный казуист. Макс был невысокий, чернявый и очень верткий. Нахальное лицо его обрамляла курчавая черная бородка. Драмокл не раз представлял себе, как хорошо смотрелась бы эта голова на острие копья. Он, впрочем, не собирался ее туда водружать — представлял просто так, отвлеченно, поскольку прекрасно знал, какое жалкое зрелище на самом деле являют собою большинство голов, наколотых на пику.

Лира, нынешняя жена Драмокла, тоже была в конференц-зале. Она обсуждала с Максом планы вечерних торжеств и как раз завершала описание декораций, коими следовало украсить главную Бальную залу в честь прибытия королевских особ.

— Мой дорогой! — обратилась она к Драмоклу. — Хорошо ли вы провели сегодня день?

— Да, пожалуй, — ответил Драмокл. Он уселся на диван и издал хриплый горловой смешок, похожий на львиный рык. Для Лиры это было верным признаком того, что король что-то затевает.

— Вы что-то затеваете! — весело воскликнула королева,

изящная хорошенькая женщина с тонкими чертами лица и копной блестящих белокурых кудряшек.

— Вы читаете меня, как раскрытую книгу, — снисходительно улыбнулся Драмокл.

— Скажите же, скажите мне! Вы готовите сюрприз для вечернего приема?

— Да уж, это будет сюрприз, — подтвердил Драмокл.

— Я не в силах больше терпеть, вы должны сказать мне!

— Ну, раз вы настаиваете, я дам вам ключ к разгадке. Я только что из Военной палаты.

— Это откуда вы командуете всеми своими звездолетами, да? И чем вы там занимались?

— Я отправил генерала Руула и его ударные войска на Аардварк. Планета была захвачена силами двух боевых групп клонов лейб-гвардейцев.

— Аардварк? — переспросила Лира. — Я не ослышалась?

— Такое название трудно с чем-либо перепутать.

— Вы захватили планету? Без шуток?

Драмокл кивнул:

— Оборона Аардварка была отключена. Планета лежала перед нами, как яичко на сковородке. Единственные наши потери — это несколько рядовых, которых затоптали насмерть, когда кончился запас наркотиков.

— Сир, вы меня изумляете! — сказала Лира. — Вы не можете не знать, почему на Аардварке отключили оборону.

— Полагаю, из-за нехватки энергии.

— Если это шутка, то довольно жестокая. Аардварк был беззащитен и не готов к отпору потому, что вы дали священное королевское слово охранять планету от любого захватчика, в особенности сейчас, когда король Адальберт у нас в гостях. Ах, Драмокл, ваше безрассудное поведение испортит нам все торжество. Тридцать лет мира — и на́ тебе! Что же вы скажете бедняге Адальберту?

— Что-нибудь придумаю, — ответил Драмокл.

— Но зачем, Драмокл, зачем вы сделали это?

— Дорогая моя! — сказал Драмокл. — Я вынужден напомнить вам: никогда не спрашивайте короля «зачем»!

— Простите, сир, — сказала Лира. — Надеюсь, вы понимаете, что ваш опрометчивый поступок может привести к войне?

— Время от времени нехудо и повоевать немножко, — проворчал Драмокл.

Лира бросила на него взор, исполненный почтительного неодобрения, и вышла из зала. Драмокл проводил ее взглядом, отметив про себя, какая прелестная у нее фигурка, и почти жалея о том, что скоро он лишит себя этой прелести. Хоть Лира и была хорошим человеком и верной женой, Драмокл разлюбил ее тотчас же после свадебной церемонии. Неспособность любить своих жен была одной из маленьких слабостей короля. Он был уверен, что благодаря его умелому притворству Лира ни о чем не догадывается. Если повезет, она так ничего и не заподозрит до тех пор, пока гофмейстер не вручит ей указ о разводе. Конечно, для девочки это будет жестоким ударом, но Драмокл не выносил сцен. В его супружеской жизни их было вполне достаточно, в том числе и совершенно безобразных.

Драмокл обернулся к Максу.

— Ну и?.. — проговорил король.

Макс подошел и пожал королевскую руку.

— Примите поздравления с блестящей победой, мой король, — сказал он сердечно. — Аардварк — ценная планетка. И то, что король Адальберт сейчас здесь, тоже весьма кстати: он не сможет поднять восстание против вашего величества.

— Все это ерунда, — сказал Драмокл.

— Конечно, — согласился Макс. — Главное то, что... Ну, в общем, мне трудно придумать так с ходу, но мы же с вами знаем, что оно — то есть главное — безусловно существует, не так ли?

— Все, что мне нужно от тебя, — заявил Драмокл, — это объяснение причины моего поступка.

— Сир?

— Я что, непонятно изъясняюсь, Макс? Люди будут спрашивать, зачем я это сделал. А кроме того, есть еще пресса и телевидение. Мне нужно что-то сказать им!

— Конечно, сир. — Глаза у Макса зажглись внезапным гневом. — Мы можем сказать им, что король Адальберт был только что разоблачен как подлый предатель, использовавший Аардварк для создания секретных вооруженных сил, несмотря на мирный договор с вами, и что он собирался неожиданно напасть на вас, дабы захватить ваши владения, взять вас в плен и заточить на пустынном астероиде в тесной клетке, где вы будете носить собачий ошейник и ходить на четвереньках, ибо низкий потолок не даст вам распрямиться. Прослышав о заговоре, вы...

— Идея хорошая, — сказал Драмокл, — но в данном случае не годится. Адальберт мой гость. Я не хочу выбивать его из колеи больше, чем необходимо.

— Ну что ж, тогда мы можем сказать им, что хемреги подняли восстание, как только король Адальберт покинул планету.

— Хемреги?

— Одно из национальных меньшинств Аардварка, известное своей воинственностью. Они намеревались захватить контроль над обороной Аардварка, пока Адальберта не будет дома.

Узнав об этом от своего резидента, вы упредили хемрегов, послав на планету свои войска.

— Отлично, — сказал Драмокл. — Можешь добавить, что мы вернем Адальберту трон, как только все утрясется.

— Желаете ли вы, чтобы заговор хемрегов был задокументирован?

— Да, желаю. Подготовь нам угрожающую картину повстанческого движения хемрегов. Упомяни о жестоких расправах, от которых жители были избавлены лишь благодаря решительным действиям глормийских военных сил. И чтобы все выглядело убедительно!

— Слушаюсь, сир! — Макс застыл в ожидании.

— Ну тогда иди. Чего ты ждешь?

Макс глубоко вздохнул:

— Как один из старейших и преданнейших слуг, а также — льщу себя надеждой — почти что друг вашего величества, плечом к плечу сражавшийся с вами когда-то в походе на Баталию и сопровождавший вас при отступлении с Бочага, я ожидал, что ваше величество просветит меня — исключительно ради собственной пользы, разумеется, — насчет истинной причины захвата Аардварка.

— Минутный каприз, — сказал Драмокл.

— Да, сир, — сказал Макс и повернулся.

— Ты, кажется, не веришь мне?

— Милорд, — сказал Макс, — мой долг повелевает мне верить каждому королевскому слову, даже когда от него за милю разит враньем!

— Послушай, дружище! — сказал Драмокл, опустив ладонь на крепкое Максово плечо. — Есть вещи, которые нельзя разглашать преждевременно. Настанет время, Макс, — время, которое течет без начала и конца, являя нам свой лик в виде череды событий, — настанет такое мгновение, когда я непременно последую твоему совету. Но пока... Околевшую кобылу что в лоб бей, что по лбу, как говаривали наши предки.

Макс кивнул.

— Иди, готовь свидетельства, — сказал Драмокл.

Они обменялись дружескими взглядами. Макс поклонился и ушел.

Глава 7

Принц Чач, старший сын короля и наследник глормийского престола, был в своем огромном поместье Мальдороре, расположенном за полпланеты от Ультрагнолла, когда стало известно о захвате Драмоклом Аардварка. Чач вышел на прогулку и стоял, задумавшись, на вершине холма над своим величественным замком. Принц был высокий и тонкий, черноволосый, с длинным мрачным желтоватым лицом, прочерченным ниточкой усов. Черный бархатный плащ его был откинут назад, открывая взорам символ власти — кольца, обвивавшие левое предплечье. Под плащом принц носил джинсы «Левис» и белую трикотажную тенниску, ибо любил классические одеяния предков. Рассеянно поигрывая украшенным драгоценными камнями флуувером, принц уселся под ивой на замшелый валун; мысли его, как всегда, где-то витали.

Уединение его нарушил гонец, спешно посланный из замка, чтобы сообщить принцу об Аардварке. Звали гонца Вителло.

— Сир, — сказал Вителло с низким поклоном, — я принес вам экстренные новости из Ультрагнолла.

— Хорошие новости или плохие?

— Все зависит от того, как вы их воспримете, милорд, а этого я не в силах предугадать.

— Но уж весомые наверняка, не так ли?

— Весом с планету.

Принц задумался на минутку, потом щелкнул пальцами:

— Знаю! Аардварк захвачен неистовым Драмоклом!

— Как вы догадались, сир?

— Назови это предчувствием.

— Я назову это отлаженной системой тайных донесений, если ваше высочество не возражает, — сказал Вителло. — Меня зовут Вителло.

Чач смерил его проницательным взглядом:

— А ты понятливый. Скажи, Вителло, ты мог бы оказать мне услугу?

— Ах, сир, — проговорил Вителло. — Вы только прикажите! Кого вашему высочеству желательно убить?

— Ну-ну, не спеши, — сказал Чач. — В данный момент вполне достаточно будет загубить одну идейку.

— Его высочество скрывает свои мысли за темной пеленою слов, чье значение блистает сквозь тень подобно молнии, заставляя трепетать эту жалкую осинку с головы до пят.

— Ты и сам мастер наводить тень на плетень, как я погляжу, — сказал Чач. — Однако я привык все лучшие реплики оставлять за собой. Не забывай об этом.

— Не забуду, сир.

— Я немедленно возвращаюсь в Ультрагнолл. Странные дни наступают, Вителло. Кто знает, какой приз я выловлю в этой мутной водице? Ты поедешь со мной. Иди и вели приготовить мой корабль.

Вителло отвесил почтительный поклон. Они обменялись взглядами хозяина и слуги. Вителло ушел.

Чач сидел на косогоре, пока нижний край солнца не коснулся горизонта. Когда голубые сумерки затопили окрестности, принц улыбнулся своим тайным мыслям, встал, сложил украшенный драгоценными камнями флуувер и вернулся в замок. Часом позже он вместе с Вителло покинул Мальдорор на борту своей космической яхты.

Глава 8

Главная гостиная зала Ультрагноллского дворца была просторной, с высоким потолком и стенами из серого необтесанного камня. В одну из стен был встроен гигантский камин, в котором весело резвился огонь. На стенах висели желтые вымпелы с красочными гербами и вышитыми названиями провинций Глорма. Сквозь стеклянные своды потолка струились желтые солнечные лучи.

Зала была прекрасна и величественна. В ней находились четыре короля, и они ожидали пятого.

Драмокл сидел в маленькой соседней прихожей, наблюдая за четырьмя королями в смотровой «глазок». В кресле-качалке, закинув толстую ногу на ногу и попыхивая сигарой, развалился его брат Джон, только что прибывший со своей планеты Карминосол. Напротив камина, сжав за спиною могучие руки, стоял Руфус, старейший Драмоклов друг, воинственный и сильный правитель Друта — самой близкой к Глорму планеты. В десяти футах от него стоял Адальберт, король планетки Аардварк, долговязый юноша со светлыми пушистыми волосами, в очках со стальной оправой, косо сидевших на его коротком, почти лишенном переносицы носу. А рядом с ним — Снинт, король Лекка, мрачного вида мужчина средних лет, весь в черном.

Драмокл нервничал. Воодушевление, охватившее его после взятия Аардварка, улетучилось. Король по-прежнему был уверен, что поступил правильно — веление судьбы было совершенно недвусмысленно, — но теперь он понял, что главные трудности еще впереди. Как сможет он объяснить свой поступок пэрам, в особенности Адальберту, чей отец был его близким другом и чью планету он только что захватил? Как сможет он объяснить то, чего и сам толком не понимает?

Разве они поймут, если он скажет: «Верьте мне. Я не собираюсь отнимать у вас планеты. Просто есть вещи, которые я обязан сделать, чтобы сбылась моя судьба...»?

А в чем, собственно, заключается его судьба? Зачем он захватил Аардварк? И что он должен делать дальше?

Этого Драмокл не знал. Но короли ждали.

«Ладно, — сказал он сам себе. — Пора!»

И, расправив плечи, отворил дверь в гостиную.

— Собратья-правители! — начал он. — Старые друзья и ты, наш дорогой брат Джон, добро пожаловать на наше великое торжество! Все мы немало преуспели за мирные годы, и все мы желаем, дабы они продлились. Хочу заверить вас, что я, как и вы, твердо придерживаюсь республиканских принципов в отношениях между королями. Ни один государь не должен править другим государем или лишать его законных королевских привилегий. Такую клятву мы дали друг другу много лет назад. Я верен ей и поныне.

Драмокл сделал паузу, но отклика от слушателей не дождался. Руфус стоял каменным столбом, лицо его было непроницаемо. Джон развалился в кресле, недоверчиво ухмыляясь. Снинт, король Лекка, казалось, взвешивает каждое слово Драмокла, силясь отличить правду от лжи. Адальберт слушал нахмурясь.

— Принимая во внимание все вышесказанное, — продолжал Драмокл, — я с искренним прискорбием должен поведать вам о том, что вы и сами уже, наверное, знаете: несколько часов назад мои войска заняли Аардварк.

— Да, Драмокл, до нас дошли такие слухи, — сказал граф Джон. — И мы ждем от тебя объяснений.

— Я занял Аардварк, — сказал Драмокл, — только с одной целью: чтобы сохранить его для Адальберта.

— Оригинальный способ, однако, — заметил Джон, обращаясь к Снинту.

Драмокл не ответил на выпад.

— Вскоре после отъезда короля Адальберта мои агенты на Аардварке доложили о внезапном восстании хемрегского меньшинства. Эти мятежные еретики давно выжидали удобного момента, чтобы узурпировать ваш трон.

— С ними могли справиться и мои собственные войска, — сказал Адальберт.

— Ваши войска были захвачены врасплох. У меня не было времени посоветоваться с вами. Только немедленные действия помогли мне сохранить для вас престол.

— Вы хотите сказать, что оккупировали Аардварк временно?

— Вот именно.

— И я получу свое королевство назад?

— Разумеется.

— Когда?

— Как только там будет восстановлен порядок.

— Что может потребовать нескольких лет, не так ли, брат мой? — вмешался граф Джон.

— Не больше недели, — ответил Драмокл. — Когда окончатся празднества, все уже утрясется.

— Стало быть, нам нечего более опасаться? — спросил Снинт.

— Абсолютно нечего.

Руфус, повернувшись от камина, заявил:

— Мне лично такого ответа достаточно. Мы знаем Драмокла всю жизнь. Он никогда не нарушал своего слова.

— Что ж, — сказал Адальберт, — мне остается лишь положиться на вас. Хотя я оказался в глупом положении — король без планеты. Но недельку можно и потерпеть.

— Желаете ли вы услышать от меня еще какие-либо объяснения? — спросил Драмокл. — Нет? Надеюсь, вас всех удобно устроили. Если что-то не так, прошу не мешкая обращаться ко мне. Чувствуйте себя как дома. До скорого свидания.

Драмокл поклонился и вышел в переднюю.

После его ухода в зале целую минуту было тихо. Потом Адальберт сказал:

— Он говорил искренне, это отрицать невозможно.

— В точности как старый король Отто, — заявил Джон. — Оба они способны сманить сладкими речами птичку с ветки. И нередко это делают, когда хотят полакомиться дичинкой.

— Граф Джон! — сказал Руфус. — Ваша неприязнь к брату общеизвестна. Это ваше личное дело. Но, со своей стороны, прошу избавить меня от ваших язвительных намеков. Драмокл мой друг, и я не желаю слушать, как над ним измываются.

Руфус вышел из залы. Чуть поколебавшись, за ним поспешил Адальберт.

— Ну, Снинт, — сказал Джон, — и что вы об этом думаете?

— Я, как и вы, дорогой мой граф Джон, думаю, что мы попали в щекотливую ситуацию.

— Но что же нам делать?

— В данный момент практически нечего, — сказал Снинт. — По-моему, нам надо подождать.

— Я подумываю о том, чтобы сесть на корабль и вернуться на Карминосол.

— Это невозможно. Сегодня утром все наши корабли за-

брали в королевские ремонтные мастерские для модернизации и отделки. Подарок хозяина.

— Проклятье! — вскричал Джон. — Своим подарком он зарезал нас без ножа! Снинт, мы должны держаться вместе.

— Конечно. Но что толку? Мы бессильны, пока Руфус не на нашей стороне.

— Хальдемара бы сюда с его ванирскими варварами!

— Хальдемару хватило ума остаться дома. У варваров есть свои преимущества: им не нужно из вежливости совать голову в петлю. Но нам с вами теперь ничего не остается, как только ждать. Пойдемте, дорогой мой Джон, прогуляемся вдоль речки!

Они вышли через парадную дверь.

Драмокл, сидевший в прихожей, услыхал за спиной какой-то шорох. Он отвернулся от смотрового «глазка» и обнаружил перед собою компьютер.

— Сколько раз я тебе говорил — не подкрадывайся ко мне тайком! — сказал Драмокл.

— У меня для вас срочное послание, сир, — промолвил компьютер, протягивая конверт. На нем почерком Драмокла было написано: «Судьба. Вторая фаза».

Драмокл взял конверт.

— Скажи мне, компьютер, откуда ты его взял? — спросил король. — Почему доставил именно сейчас? И сколько их у тебя в запасе?

— Не пытайтесь проникнуть в замыслы небес, — сказал компьютер.

— Ты не дашь мне ответа?

— Не могу дать, скажем так. Радуйтесь, что получили весточку.

— За каждой загадкой скрывается еще одна, — проворчал Драмокл.

— Конечно. Такова суть и природы, и искусства, — заметил компьютер.

Драмокл прочел записку и замотал головой, словно от боли, издав нечто похожее на стон.

— Видно, круто вас взяли в оборот.

— Круто, ты прав. Но бедняге Снинту еще покруче будет.

Глава 9

Планета Лекк была в три раза меньше Глорма, но обладала большей плотностью, так что сила тяжести там составляла 1,4 глормийской. Поэтому ноги у вас болели на Лекке постоянно —

оставалось утешаться лишь тем, что расстояния здесь были гораздо короче. Только восьмая часть Лекка приходилась на сушу. Большие материки на планете отсутствовали, да и островов более или менее приличного размера было раз-два и обчелся. Остальная часть суши представляла собой мелкие островки, беспорядочно разбросанные в океане. Коренных леккиан, гуманоидного народа, насчитывалось едва ли двадцать миллионов. Численность их не увеличивалась, возможно, из-за обычая бросать на произвол судьбы всех младенцев, рожденных без шестого пальца. Они были низкорослой смуглой расой человеческого типа, выращивали помидоры с огурцами и проводили политические митинги во всех городских ратушах планеты, пытаясь решить, какая политическая система подходит им больше всего. Поскольку к согласию им прийти не удавалось, на планете, как правило, царила анархия. Снинт был избранным королем Лекка, наделенным полномочиями общаться с чужестранцами, но лишенным права заключать с ними договоры, пока их не утвердит большинство избирателей.

Жили леккиане по преимуществу в деревнях, хотя были у них и небольшие университетские городки. Постоянной армии на планете не существовало, ибо жители никак не могли придумать, как защититься от нее самим. Они частенько бывали грубы с гостями из иных миров, но агрессивности не проявляли.

Драмокл закрыл отчет. Он сидел в Военной палате. Подле него стоял Рукс, сберрианский генерал-наемник, командующий главными ударными силами Драмокла.

— Сейчас самое благоприятное время для вторжения, — холодно констатировал Рукс. — Орбитальное расположение Глорма относительно прочих планет позволяет нам выбрать для звездолетов наиболее выгодные траектории. Такого стратегического преимущества у нас не было уже лет тридцать, если не больше.

— Лет тридцать? Хотел бы я знать...

— Сир?

— Ничего, Рукс, просто мысли вслух. — Драмокл взглянул на скомканный конверт, зажатый у него в ладони. Внутри, на листке пожелтевшей бумаги, его собственной рукой были начертаны слова: «А теперь захвати Лекк!»

— Значит, время мы выбрали правильно, — сказал Драмокл. — Если для подобных вещей бывает правильное время.

— Интеллигентские сопли-вопли, — проворчал Рукс. — Короли, как последние дураки, отдают вам свои планеты на блюдечке. Если вы их не возьмете, сами будете таким же дураком. Это ж звездный час для начала Драмоклианской династии! Да будь сейчас жив ваш отец...

— ...он не колебался бы так, как я.

— Это вы сказали, — заметил Рукс. — Я всего лишь простой солдат, хотя и читаю наизусть стихи и умею играть на аккордеоне.

О, одиночество верховного правителя! Драмокл почувствовал легкое головокружение. Правильно ли он поступает? Этого не скажет ему никто.

— Рукс! — решился король. — Добудь мне Лекк.

— Считайте, что он уже ваш, — как всегда невозмутимо, ответил сберрианин.

Глава 10

Когда принц Чач прибыл в Ультрагнолл, город гудел от слухов и домыслов. Весть об интервенции на Лекке распространилась повсеместно, повергнув горожан в ошеломление. Прохожие на празднично убранных улицах сбивались в шепчущие стайки. И, несмотря на все усилия властей продолжить запланированные театральные представления и пантомимы, актеры смущенно запинались, а публика безмолвствовала.

Чач прямиком направился в Ультрагноллский дворец и спросил, примет ли его король. После длительной задержки к нему вышел гофмейстер и объявил, что Драмокл затворился в уединении.

— Он очень расстроен, — сказал Рудольф, — той жестокой необходимостью, что была навязана ему против воли.

— О какой необходимости идет речь? — поинтересовался Чач.

— Как то есть о какой? О необходимости послать войска на Лекк, причем так скоро после Аардварка.

— Вы называете это необходимостью?

— Ну конечно, милорд. Чужеземное вторжение на любую из Местных планет представляет собой агрессию против всех нас. Драмоклу ничего другого не оставалось, как дать отпор захватчикам.

Чач хотел было спросить еще о чем-то, но в глубине дворца послышался звонок, и гофмейстер, извинившись, поспешил на зов.

Чач позвонил в резиденцию графа Джона. Графа на месте не оказалось, однако принцу посоветовали поискать его в соседней таверне «Зеленая овца». Чач уселся в паланкин и отправился в таверну.

«Зеленая овца» оказалась старомодным салуном, типично глормийским, с застекленным эркером, горшочками герани и ситцевыми занавесками. Чач спустился по трем ступенькам в сумеречный туман, насыщенный запахами пива, табака и сырой шерсти — в городе недавно кончился дождь, — и прошел вперед, в приглушенный гул разговоров, прерываемый звоном стаканов. Стоявшие возле стойки ветераны с розетками на лацканах пиджаков то и дело опрокидывали по рюмочке шнеппа — местного напитка, похожего на анисовую водку. Радио где-то в глубине бубнило о результатах спортивных соревнований во всех провинциях. В камине горел огонь, солнечными зайчиками вспыхивая на медных надраенных тарелках, развешанных по стенам, на старинной сабле, прицепленной над баром, и на оловянных памятных кружках, свисающих с потолка. Чач прошел в отдельный кабинет — комнату с низким потолком, тускло освещенную пятнадцативаттными лампочками, вкрученными в канделябры. В комнате стояли длинный дубовый стол и четыре широких мягких кресла. В одном из них восседал граф Джон, в другом — Снинт. Адальберт, пьяный в дым, уронил голову на стол и похрапывал. На столе стояла дюжина бутылок крепкого морщевичного вина и пять бокалов в винных лужах.

Чач уселся, не дожидаясь приглашения, плеснул в бокал вина и брезгливо пригубил.

Джон, раскрасневшийся от спиртного, спросил:

— Ну, милорд Чач, вы небось обсуждали сейчас давешнее предательство со своим папенькой, двуликим Драмоклом?

— Ни один из ликов короля не пожелал меня видеть, — ответил Чач. — Рудольф заявил, что король скорбен сердцем из-за своих вынужденных поступков. И упомянул о каких-то чужеземных захватчиках. А что он сказал вам, король Снинт?

— Он вызвал меня на приватную аудиенцию, — отозвался Снинт. — Лицо его было печально, голос дрожал, однако он избегал встречаться со мною взглядом. «Снинт, — сказал он, — я в великом смущении из-за недавних событий, хотя и не чувствую за собой никакой вины. Буквально пару минут назад мои агенты сообщили с Лекка, что чужеземные войска — десятки тысяч хорошо вооруженных воинов — высадились на северном мысе Каталии в провинции Ллулл. Агенты узнали в них кочевников-саммаков из саммак-калмыцкой орды. В прошлом столетии они не раз забредали в наш космический регион на своих старых звездолетах, груженных вонючим скотом. Но высадившийся десант, без сомнения, был отборной боевой группой саммаков, намеревавшейся разведать оборонную мощь наших миров перед вторжением главных сил орды. Поскольку на Лекке нет постоянной армии, а промедление могло оказаться

роковым, я приказал командующему войсками Руксу истребить захватчиков без всякой жалости. Быстрота и решительность наших действий наверняка произведут впечатление на военачальников орды и избавят нас от грядущих напастей».

— И вы поверили ему? — спросил Чач.

— Нет, конечно, — сказал граф Джон. — Но Снинт сделал вид, что поверил. Что еще ему оставалось?

— А что Руфус? Как он реагировал на известие?

Джон злорадно усмехнулся:

— На преданном челе его выступил пот, а рот скривился от боли и неверия. Но заклеймить Драмокла он тем не менее отказался. Он заявил, что пришло время испытаний для всех нас, а не только для нашего хозяина. И посоветовал нам потерпеть еще немного. «Доколе? — спросил я его. — Пока он не захватит ваше королевство или мое?» Ответить ему было нечего, поэтому он повернулся и ушел к себе — растерянный, недоумевающий, но по-прежнему упрямо преданный Драмоклу.

Адальберт внезапно поднял голову и пропел тоненьким фальцетом:

Седла и мыльницы,
Рыбки из шпрот
Прибыли в Аардварк
Все в один год.

И, стукнув головой о стол, опять заснул.

— Несчастный малыш-королек, — сказал Джон. — Но что нам до него? Что хорошо для Драмокла, хорошо для всех нас — разве не так говорил сам Драмокл? Принц, вам следовало присоединиться к папеньке и отпраздновать победу.

— Я понимаю вашу горечь, — откликнулся Чач, — но она заводит вас слишком далеко. Вы прекрасно знаете, что я не в ладах с Драмоклом. Мне претит его нынешнее поведение, да и сам король тоже.

— Это ни для кого не секрет, — сказал Снинт, и Джон неохотно кивнул.

— А разве могло быть иначе? — продолжал Чач. — Он никогда не любил меня. Мое участие в управлении королевством формально и ничтожно. Несмотря на годы, отданные мною военной подготовке, Драмокл не доверяет мне даже взвода солдат. И хотя я до сих пор считаюсь наследником, я не думаю, чтобы мне когда-нибудь и впрямь пришлось унаследовать престол.

— Невеселое положение для столь честолюбивого юноши, — заметил Снинт.

Чач кивнул:

— Все свои сознательные годы я вынужден был вариться в собственной никчемности и зависеть от равнодушных милостей и капризов отца. Мне приходилось с этим мириться. До сих пор...

Джон выпрямился, маленькие глазки его загорелись вниманием:

— А теперь?

Чач поставил бокал на стол.

— Не стану тратить лишних слов. Я хочу быть рядом с вами, граф Джон и король Снинт, в том сражении за власть, что неминуемо разразится вскоре.

Джон и Снинт переглянулись.

— Вы, конечно, шутите, принц, — сказал Снинт. — Узы крови сильны. Этот порыв у вас скоро пройдет.

— Проклятье! — вскричал Чач. — Вы мне не верите — так уличите меня во лжи!

— Спокойно, принц, я хотел лишь испытать вас. Скажите, как по-вашему, что у Драмокла на уме?

— По-моему, совершенно очевидно, что он хочет как минимум восстановить бывшую Глормийскую империю. И вы не можете не признать, что захват одной планеты и вторжение на другую — недурное начало. Дальше, однако, будет потруднее. Ни Аардварк, ни Лекк в военном отношении ничего собой не представляют. Надеюсь, Карминосол окажется более крепким орешком.

— Во всяком случае, пока жена моя Анна стоит у руля, — сказал Джон.

— Друт он тоже не посмеет оккупировать, — продолжал Чач, — поскольку ему необходим сильный космический флот Руфуса. Не стоит забывать также о Хальдемаре, который сидит в своем медвежьем углу на Ванире, пытаясь постигнуть суть происходящего. Чья возьмет — неизвестно. Но я готов поставить свою жизнь на поражение Драмокла, особенно если нам с вами удастся прийти к соглашению.

— И что вы надеетесь выиграть от такого соглашения? — спросил Снинт.

— Всего лишь свою законную долю — глормийский престол после убийства или изгнания Драмокла.

— Глормийский престол! — сказал Джон. — Воистину скромное требование, если учесть, что вы не вкладываете в наше общее дело ничего, кроме собственного самомнения.

— Не советую меня недооценивать, — нахмурился Чач.

— Мы и не собирались, — вмешался Снинт. — Мы примем вас в свои ряды, принц, как примем и то, что вы сумеете нам

предложить. Пока вы не предложили ничего. Но тем не менее мы рады вам.

Чач встал.

— Я должен откланяться, господа, чтобы поправить свои дела. Думаю, в следующий раз вы обрадуетесь мне больше.

Джон засмеялся, однако Снинт серьезно сказал:

— Надеюсь, мой юный лорд, и верю, что так оно и будет.

Чач поклонился кратчайшим поклоном и покинул таверну.

Глава 11

Завоевание Лекка началось вполне удачно. Рукс был профессионалом до мозга костей. Он постоянно держал стопятидесятитысячное войско в полной готовности на случай внезапной нужды. И теперь ему осталось лишь погрузить солдат на три звездолета вместимостью по пятьдесят тысяч каждый, всегда стоявших наготове с полными баками топлива. Через час вторжение началось.

Войско Рукса в основном состояло из роботов типа Марк-IV, производимых солдатской фабрикой на Антигоне. Они были запрограммированы на уничтожение всего, что не похоже на них самих. Таким образом обеспечивалась надежность и простота электронных схем, а также их дешевизна. Драмокл купил роботов по бросовой цене, когда на рынке появилась новая модель Марк-X, более гуманная и способная щадить женщин и детей, не проявляющих враждебности. Марки-IV не могли похвалиться умом, зато брали количеством и для захвата такой небольшой планетки, как Лекк, годились не хуже других.

Рукс высадил своих роботов, не встретив никакого сопротивления, на большом острове Зоса и разбил лагерь на Нелощеной равнине, к юго-востоку от перевала Кислая Рожа. Нелощеная равнина пустынной лентой тянулась между Угриными горами с одной стороны и быстрой речкой Хрокс — с другой. Перевал Кислая Рожа представлял собой естественное ущелье в горах, прикрывавших деревню Бисквит — резиденцию короля и соответственно административную столицу Лекка. Рукс рассчитывал, что, захватив Бисквит, он задавит тем самым блоху сопротивления, не дав ей шанса прыгнуть (типичный для серриан речевой оборот). Выстроить на линии Руксу удалось лишь семьдесят пять тысяч роботов, но этого оказалось вполне достаточно. Леккианская оборона насчитывала всего семьсот мужчин, записавшихся в добровольцы из стыда перед соседями, да еще четыреста дрикнейцев с Дрика-IV, которые отдыхали на Лекке и страсть как любили подраться.

Всю ночь на Нелощеной равнине раздавались привычные звуки подготовки к бою: резкие хлопки проверяемых электровыключателей, мягкие шлепки последних смазочных работ и пронзительный треск роботов, подкручивающих друг дружке внутренности на полную мощность. С первым проблеском зари, когда начали функционировать фотоэлектронные сенсоры солдат, Рукс дал приказ идти в атаку. Роботы пошли вперед сплошной наводящей ужас стальной стеной с криками: «Слава солдатской фабрике!» Это были единственные слова, которые их запрограммировали произносить.

Леккиане предвидели наступление и приняли контрмеры. Ирригационное оборудование, срочно привезенное из соседних деревушек, было установлено на не занятой врагом части равнины. Всенощная поливка превратила пустыню в болото, в которое погрузилась — вернее, в котором погрязла Руксова армия. Предназначенные для сухопутных боев, роботы страдали от беспрестанных коротких замыканий, поскольку гидроизолирующие прокладки у них были скорее декоративными, нежели эффективными. Солдаты барахтались в грязи, сбившись с курса и смешав ряды. Тут-то на них и напали леккиане. Ударный отряд из четырехсот леккианских и дрикнейских волонтеров верхом на болотных глиссерах прорвал правый фланг противника. Вооруженные кувалдами и сварочными горелками, добровольцы за считаные минуты превратили поле боя в помесь транспортного затора с кладбищем старых машин и отступили с незначительными потерями. Вторая атака, лобовая, остановила роботов окончательно. Когда зашло солнце, жидкая линия обороны леккиан оставалась нетронутой. Раздосадованный Рукс отвел свое войско для подзарядки и позвонил Драмоклу, требуя более качественного пополнения.

Глава 12

Принц Чач спешно послал Вителло к своей сестре Друзилле в княжество Истрад с просьбой о свидании. Получив положительный ответ, принц, не мешкая, стал готовиться к отъезду. Он решил лететь на собственной космической яхте, поскольку Драмокл мог с минуты на минуту перекрыть движение всего гражданского транспорта, если уже не перекрыл. Прибыв в космопорт, Чач с облегчением убедился, что транспорт работает нормально. Немного нервничая, он сообщил свое имя наземному контролю и попросил разрешение на вылет. Разрешение было выдано без задержки, и вскоре яхта поднялась в воздух.

Чач лег на курс и ввел координаты места назначения в бортовой компьютер. Столица и пригородные районы Ультрагнолла промелькнули внизу, скрываясь из виду. Принц пересек Сардианское море, увидел вдали окутанные серой дымкой Глиферовы горы, затем миновал Квадратный лес и наконец заметил извилистую серебряную ниточку Еврипейской речки. Это была восточная граница владений Друзиллы. Внизу простиралась земля Истрад — холмистая и покрытая зелеными лесами. На севере блеснуло озеро Мелачайбо, на берегу которого стоял украшенный множеством башенок замок Тарнамон, где жила его сестра Друзилла. Получив разрешение на посадку, Чач приземлился на небольшом космодроме неподалеку от дворца. Там его встретил Вителло.

Обитатели Истрада — истрагну — были довольно древним, но не глормийским народом. Сердечные и гостеприимные к странникам (за исключением тех случаев, когда им требовалась жертва для одного из многочисленных божеств), они поставляли на экспорт стихи и песни, которые пользовались большим спросом среди народов Галактики, не имевших собственной поэзии. Аннотирование и анализ произведений истрагну стало прибыльным промыслом для их соседей с острова Рунгс.

Большинство истрагну зарабатывали себе на жизнь дикобразами: пасли их стада на своих зеленых холмах, а затем продавали иголки ууркам — негуманоидной расе, никогда не объяснявшей, зачем ей нужен этот товар.

У истрагну была уникальная, нигде на Глорме больше не встречавшаяся транспортная система. Они перемещались в пределах Истрада с помощью сети батутов. Батуты, натянутые в воздухе на расстоянии пятнадцати футов друг от друга, пересекали княжество во всех направлениях. Истрагну пользовались этой сетью испокон веков, сколько помнили себя. Батуты изготовляли из грубого холста и красили в разные яркие цвета — за исключением желтого, запрещенного древней традицией, — и значительная доля доходов населения уходила на поддержание сети в порядке. С воздуха батутная сеть выглядела затейливым узором из разноцветных точек. Согласно легенде узор этот был частью гигантской мандалы, оставленной здесь таинственной расой, которая завезла в Истрад дикобразов и бесследно исчезла. Особенно оживленное и красочное зрелище батутная сеть представляла собой по субботам, когда сборщики дикобразовых иголок отправлялись в город за недельной выручкой и на соревнования по игольному мастерству. От постоянных прыжков по батутам ноги у истрагну были короткими, толстыми и очень мускулистыми, что считалось одинаково красиво как для муж-

чин, так и для женщин и позволяло сборщикам иголок без труда лазать по холмам за дикобразами.

«Не смешите меня!» — заявил принц Чач и потребовал подать себе более приличный транспорт. Это оказалось нетрудно: в Истраде существовал таксопарк, обслуживавший «тонконогих», как называли здесь всех неистрагну. Чач с Вителло сели в машину и поехали к готическому замку, возвышавшемуся на скале над озером Мелачайбо, где Друзилла устраивала мистерии в честь Великой Богини. Этот религиозный культ с древнейших времен ассоциировался с плодородием, благочестием и строгим исполнением ритуалов. Друзилла, верховная жрица Глорма, считалась живым воплощением Богини и общалась с нею в состоянии наркотического транса, необходимого для истинных пророчеств. Друзилла была также высшим авторитетом в одном из церковных ответвлений, известном под названием «Великого благолепия».

Гости прошли через замковые ворота в мрачный каменный лабиринт коридоров, освещенных лишь тусклыми лучами, проникавшими сквозь узкие бойницы высоко над головой. Чач поднял воротник плаща и поежился:

— Не по душе мне эти женские мистерии.

— В прошлый раз меня вели другим путем, — отозвался Вителло.

Наконец они достигли центральной башни. Высокая железная дверь отворилась, и навстречу им вышла Друзилла. Принцесса была среднего роста, с отнюдь не средних размеров грудью. Каскад бронзовых волос огненными волнами ниспадал на точеные плечи. Прекрасное и надменное лицо обрамляло холодные серые глаза.

— Входите, — сказала она. — Простите за доставленные неудобства. В зале парадного входа сейчас перетягивают ковры.

Вителло отпустили в малый банкетный зал подкрепиться. Друзилла провела принца в Ивовую палату. Брат с сестрой встретились впервые за два года.

Палата была длинная и узкая, с застекленной стеной, открывавшей великолепный вид на озеро Мелачайбо, по искристой поверхности которого скользили одномачтовые дау с полосатыми парусами. Чач уселся на диванчик, Друзилла расположилась рядом в кресле. Служанка принесла кувшин сальвазии и знаменитые истрадские медовые пряники. Когда все формальности гостеприимства были соблюдены, Друзилла спросила:

— Ну, Чач, и чему я обязана столь неприятным визитом?

— Давно мы не виделись, Дру, — сказал Чач.

— Не так уж и давно.

— Ты все еще злишься на меня?

— Естественно. Твое предложение переспать со мной было непростительным оскорблением для жрицы, исповедующей нормальный секс, то есть секс между одной женщиной и одним свободным мужчиной и наоборот.

— Нам было бы так хорошо вместе, Дру! — мягко заметил Чач. — Мы совершили бы поистине великое кровосмешение, дающее полубожественный статус.

— У меня он и так есть, — возразила Друзилла, — благодаря жреческому сану. А если ты не способен его приобрести, тут я ничем не могу тебе помочь. Но даже не будь между нами табу кровосмешения, я лучше переспала бы с последним подонком, чем с тобой.

— Так ты говорила два года назад.

— И повторяю теперь.

— Ладно, бог с ним, — сказал Чач. — Меня привели сюда совсем другие заботы. Ты, конечно, в курсе, что Драмокл захватил Аардварк и вторгся на Лекк?

— Да, я слышала.

— И что ты думаешь об этом?

Друзилла, помедлив, сказала:

— Король представил официальное объяснение.

— Отмеченное печатью Максова воображения.

— Оно и впрямь притянуто за уши, — согласилась Друзилла. — Если честно, я очень встревожена. Тридцать лет мира, начало новой эры прогресса — и вдруг такое. Я пыталась дозвониться отцу, но он не берет трубку. Все это совсем на него не похоже. Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение!

— Оно есть, — сказал Чач. — И его нетрудно увидеть такой женщине, как ты, которая прекрасно разбирается в движениях планет.

— Ты же знаешь, что я не верю в астрологию.

— Я тоже. Но астрономия — совсем другое дело, верно?

— К чему ты клонишь?

— Дело в том, что сейчас, впервые за тридцать лет, расположение планет на орбитах наиболее благоприятно для вторжения флота с Глорма.

— Ты думаешь, Драмокл ждал такого случая все эти годы?

— Да, а также официальных торжеств, отдавших в его власть всех местных королей.

Друзилла подумала и покачала головой:

— Драмокл не такой хитрый, да и терпения у него не хватило бы. — Однако в голосе ее звучала нотка неуверенности, и Чач тут же уцепился за нее:

— А что ты на самом деле знаешь о нем, Дру? Для тебя он

всегда был любимым папочкой, не способным ни на что дурное. Любовь застит тебе глаза. И даже теперь, когда его поступки вопиют о предательстве, ты отказываешься поверить очевидному.

— Драмокл — предатель? О нет!

— Твои чувства делают тебе честь, радость моя. Но не забудь: ты не просто его дочь, ты — жрица Великой Богини, присягавшая служить свободе и правде. Да будь на месте Драмокла любой другой король, ты заклеймила бы его, не задумываясь! И только потому, что он твой отец, ты обманываешь себя всякими уловками.

Губы у Друзиллы задрожали. Принцесса отчаянно замотала головой:

— Ох, Чач, я пыталась убедить саму себя, что всему этому есть какая-то веская причина, что отец не преступил своей клятвы и не опозорил свое доброе имя. Но он захватил Аардварк и вторгся на Лекк!

— И к какому же выводу ты пришла? — спросил Чач.

— Я не могу больше притворяться, будто не вижу, что власть ударила ему в голову и его поразил вирус безумных амбиций. Будущее человечества очевидно — война, уничтожение и гибель. О, что же нам делать?

— Мы должны остановить его, — сказал Чач, — пока его безумие не ввергло Местные планеты в военную катастрофу. Он сам будет нам благодарен, когда придет в себя.

Друзилла встала. Лицо ее было полем сомнения, по которому черные гончие страха гнали белых оленей надежды.

— Но как?

— У меня есть план. Я знаю, как нам обуздать его амбиции и вернуть в прежнее состояние.

— Я не позволю причинить ему вред!

— Я тоже. — Принц увидел выражение лица Друзиллы и рассмеялся. — Конечно, мы с Драмоклом никогда особенно не ладили. Слишком уж мы разные. Но я всегда втайне восхищался стариком и с радостью отдал бы за него жизнь. В конце концов, он же мой отец, Дру!

В глазах у Друзиллы заблестели слезы.

— Что ж... Если это поможет воссоединению нашей семьи, все было не напрасно.

— Мне бы хотелось этого, Дру, — спокойно произнес Чач.

— Тогда даю тебе слово, брат, что последую твоему плану, если он не повредит отцу.

— Торжественно обещаю — не повредит.

— Что мне делать, скажи!

— Пока ничего. Мне нужно еще уладить кое-какие дела. Я дам тебе знать, когда наступит срок.

— Да будет так, — сказала Друзилла.

— Тогда до скорого. — Чач низко поклонился и вышел из палаты.

Глава 13

Внизу, в малом банкетном зале Тарнамона Вителло ужинал холодным пирогом с индюйволятиной. Индюйволы были уникальными гибридами индюка с буйволом, выведенными в Истраде. Методика скрещивания держалась в секрете, потому что владеть таким секретом было хорошо. Вителло нашел начинку съедобной и запил ее графинчиком опийного вина из маковых виноградников Цитеры.

— Налей нам еще, — велел он служанке. — В ваших краях вечерами прохладно, и человеку нужно принять на грудь, чтобы защититься от простуды. Защита! Кто имеет дело с сильными мира сего, тот сам сует задницу в петлю, как говаривали древние. Но разве не может низкорожденный возвыситься? Разве жизнь — всего лишь череда чужих удач? Дайте ему малейший шанс — и вы увидите, чего сумеет достигнуть Вителло!

— Что вы сказали? — спросила девушка-служанка.

— Я попросил еще опийного вина, — сказал Вителло. — Остальное был внутренний монолог, несмотря на цитаты.

— Вам не следует говорить с самим собой, — сказала девушка.

— С кем же мне, по-твоему, говорить?

— Со мной, конечно, раз я здесь.

Вителло пронзил ее взглядом, правда, довольно рассеянным. Если хочешь продвинуться в этом мире, от дела отвлекаться нельзя. Может ли он как-то использовать эту девушку «в контексте оснащения», согласно бессмертному выражению Хайдеггера, или же она простая статистка, не стоящая внимания?

— У меня голубые глаза и черные волосы, — сказала девушка. — Меня зовут...

— Не так быстро, — прервал ее Вителло. — Не надо имен. Ты просто служанка. Твое дело — принести мне вина и помалкивать.

— Я свои обязанности знаю. Но вы могли бы дать мне шанс, верно?

— Шанс? Слушай, девочка, здесь не я заправляю делами. Я даже не знаю, сумею ли удержаться на плаву в водовороте приключений Драмокловой семейки. Моя главная задача — ос-

таться в живых. Скажу тебе по секрету: на самом-то деле я Чачу не нужен. Он сейчас думает иначе, но толку от меня никакого. Я всего лишь пешка в чужой игре. Не исключено, что меня убьют до того, как случится что-нибудь по-настоящему интересное.

— Я все понимаю, — сказала девушка. — Но разве вы не видите? Если мы объединимся, нас будет двое. Вместе мы сможем закрутить побочную сюжетную линию, и тогда от нас труднее будет избавиться.

Вителло не выглядел убежденным.

— Драмоклиды в состоянии избавиться от целых армий и даже планет. Это их мир, их правда, их реальность. Они сметут твою жалкую побочную линию без всяких колебаний.

— Не сметут, если мы станем им полезны. У меня есть план, который продлит наше существование.

— Фантазии служанки! — насмешливо промолвил Вителло.

— Пора бы вам уже понять, — сказала девушка, — что я не просто служанка. Я, между прочим, владею секретной информацией, касающейся судьбы Драмокла.

— Какой еще информацией?

— Всему свое время. Так мы объединяем усилия?

— Наверное, — сказал Вителло. — Давай-ка быстренько опиши себя, пока в повествование не вторглось какое-нибудь важное событие.

— Я среднего роста, у меня черные волосы и голубые глаза, округлые молодые груди, похожие на апельсины, великолепные мускулы, а также задница, при виде которой сам ангел зарыдал бы от восторга.

— Однако ты умеешь себя подать, — проворчал Вителло. Тем не менее он оглядел девушку и убедился, что она не врет. Заметил он также и другие детали, но будь он проклят, если станет терять время на размышления о них.

— Меня зовут Сорочка, — сказала девушка. — По-моему, вы должны на мне жениться. Тогда я буду участвовать в этой истории на законном основании.

— Жениться? — удивился Вителло.

— Кто здесь говорит о женитьбе? — вострубил жизнерадостный голос у него за спиной. Обернувшись, Вителло увидел, что в зал вошел священник — жирный, неопрятный, с красным лицом и носом картошкой. От священника разило перегаром. За ним следовали два неприметных свидетеля.

— Ну ты даешь! — восхитился Вителло.

— Умной статистке негоже зевать, когда появляется шанс на приличную роль, — сказала Сорочка. — Могу я представить тебя своей маме?

Вителло повернулся и увидел, как пожилая седовласая женщина возникла ниоткуда.

— Я в отпаде! — сказал Вителло, пожимая ей руку.

— Жаль, что мой муж не смог сегодня быть с нами, — сказала мама Сорочки. — Он отправился в якобы невинную увеселительную поездку в Ультрагнолл со своими старыми дружками из секретной службы, которые по чистой случайности являются также вероломными школьными дружками Драмокла.

— А вы тоже не теряете времени зря, — прокомментировал Вителло. — Дозволь вам банальную реплику, как вы тут же ее усложните.

— Я могу вам рассказать и кое-что поинтереснее, — сказала мама Сорочки. — Как раз вчера, когда я подслушивала дворцовый телефон, я услыхала...

— Заткнись, мать, — сказала Сорочка. — Это *мой* шанс, а не твой. Испарись, будь любезна, а потом я погляжу — может, и подыщу тебе чего-нибудь.

— Ты всегда была хорошей дочерью, — сказала мама Сорочки. — Помню, как...

— Еще одно слово, и ты вынудишь меня стать сиротой, — сказала Сорочка.

— Тебе ли на меня обижаться, юная леди! — возмутилась мама Сорочки. Но тем не менее поспешно принялась испаряться, пока не стала неотличима от серо-бурых занавесей, свисавших с закопченных стропил полутемного банкетного зала.

— Так-то лучше, — сказала Сорочка. — Два неприметных свидетеля здесь? Давайте, святой отец, приступайте к церемонии!

— Глазам своим не верю, — пробормотал Вителло.

— И правильно делаешь! — вскричал принц Чач, появляясь из-за пыльных кулис, где он скрывался в ожидании эффектной реплики. Принц повернулся к Сорочке. — Откуда ты взялась, девушка? Ты ведь даже не из нашего глормийского сюжета, верно?

— Позвольте мне объяснить вам, принц!.. — сказала Сорочка.

— Не утруждайся, — ответил Чач. — Я уже принял решение.

На мгновение все оцепенело в жуткой тишине. Чач, стоявший со скрещенными руками на каменном возвышении, казался совершенным воплощением высокомерия и хладнокровия Драмоклидов. Он приблизился к Сорочке неслышной индейской поступью, ставя ступни с носка на пятку.

— Погодите, принц, не спешите так! — взмолилась Сорочка.

— Помилосердствуйте! — крикнули хором неприметные свидетели.

Чач поднял руки. От головы и туловища его начало исходить зеленое сияние. Это был видимый знак той сверхъестественной силы, что позволяла всем членам Драмокловой семьи, какими бы разными ни были они сами и их судьбы, оставаться в центре межзвездной сцены.

Вителло, разинув рот, смотрел, как Сорочка, священник и свидетели стали испаряться. Их туманные фигуры корчились, выкрикивая неслышные мольбы, а затем пропали — винтики, которые Драмоклид счел ненужными для своей истории.

Чач повернулся к дрожащему Вителло.

— Ты должен понять, — сказал он тоном одновременно ласковым и твердым, — что это в первую очередь рассказ о Драмокловой семье, во вторую — о ее слугах и приближенных и лишь в третью, и то на дальнем плане *и исключительно по нашему соизволению*, о разной мелкой сошке, которая появляется на сцене в нужный момент и исчезает по нашему приказу. *Мы* выбираем этих людей, Вителло, и не в интересах моей семьи позволять всяким пробивным статисткам выступать со своими пошлыми вымышленными секретами. Я доступно излагаю?

— Простите, милорд, — полузадушенным голосом просипел Вителло. — Меня застали врасплох... Я был под мухой... Эта проклятая ведьма оказалась чересчур проворной для меня...

— Ладно, верный слуга, — прервал его Чач с ехидной усмешкой. — Ты дал мне повод сформулировать основные условия развития сюжета, и за это я тебе даже благодарен. Будь исполнителен, Вителло, будь скромен и ненавязчив, пока я не соизволю обратиться к тебе, и, если ты сыграешь свою роль хорошо, я подыщу тебе хорошенькую маленькую женушку. Но описана она, конечно же, не будет.

— Конечно, сир! — Вителло шмыгнул носом. — О, благодарю вас, благодарю!

— А теперь возьми себя в руки, дружище. Мой разговор с Друзиллой будет иметь интересные последствия. Я не стану сейчас в них углубляться, но у меня есть для тебя довольно важное поручение.

— Да, сир! — крикнул Вителло, бросаясь на пол к ногам принца Чача.

— Не скрою, — сказал Чач, — что поручение мое опасно. Но и награда будет немалой. Это шанс возвыситься, Вителло!

— Я готов, сир!

— Тогда выпусти изо рта мои шнурки и слушай внимательно.

Глава 14

Драмокл развалился на широченной водяной кровати в углу гостиной, расположенной в одной из малых башен Ультрагноллского дворца. В ногах короля сидела стройная менестрельша в традиционном одеянии, то бишь в красноватом с бежевым нижнем белье из домотканой материи. Она исполняла балладу, аккомпанируя себе на миниатюрных цимбалах. Солнечный свет, золотивший пылинки, струился сквозь высокие узкие окна. Драмокл рассеянно слушал жалобную песнь:

Клянусь, хоть похоже все это на диво,
Чтоб лань, пробираясь по лесу пугливо,
Под сенью ветвей, шелестящих игриво,
Споткнуться на тропке могла,

И зяблик серебряный, тихо парящий
Над тропкой, под своды дерев уводящей,
Вдруг трелью залился, испугом звенящей
Разбитого об пол стекла,

И дивный нарцисс, беззаботно-прекрасный,
Чтоб хладом наполнил того, кто опасной
Любовной игре предается столь страстно
С девицей, что сердцу мила,

И ворон, чернея крылом изумрудным...

— Довольно, — сказал Драмокл. — Эти старинные баллады нагоняют тоску на тех, кто их не понимает. Мне скучно.

— Угодно ли вашему величеству, дабы я усладила ваше королевское тело восхитительными непристойностями? — спросила девушка.

— Твои последние непристойности наградили меня простатитом, — ответил Драмокл. — Нет уж, пускай этим занимаются профессионалы. А теперь уходи, я буду размышлять.

Как только менестрельша ушла, Драмокл тотчас пожалел о том, что отослал ее. Он не любил одиночества. Но, возможно, именно в одиночестве ему будет ниспослано какое-нибудь указание, как вести себя дальше, чтобы сбылась его славная, хотя по-прежнему неведомая судьба.

Прошло три дня после захвата Аардварка и два — после вторжения армии роботов на Лекк. Граф Джон, Снинт и Адальберт требовали объяснений. Их отношение к Драмоклу стало донельзя вызывающим. Адальберт, к примеру, совершенно распоясался. Он проводил вечера и ночи в игорных домах на острове Тулия, проигрывая бешеные суммы и развлекая местных кра-

соток рассказами о том, как Драмокл лишил его законных королевских владений. Хуже того — все свои карточные долги он перечислял в глормийское казначейство, и у Драмокла не хватало духу прекратить это безобразие. Никто уже не верил заявлениям Драмокла о том, что он вмешался во внутренние дела планет из чисто альтруистических побуждений. Даже преданный Руфус был встревожен — все еще преданный, но угрюмый от мыслей о грядущем бесчестье, грозившем ему в любом случае, как бы он ни поступил.

А Драмокл по-прежнему не знал, что им сказать. Все, что он сделал, казалось, было сделано совершенно правильно. Должен же он исполнить свое предназначение! Но почему, несмотря на столь явные веления судьбы, чувства у него в таком разладе? И почему нет новых указаний? Он просто обязан был позаботиться о них тридцать лет назад, когда закрутил всю эту историю!

Компьютер божился, что больше конвертов у него нет и никаких ключей к разгадке тоже, да он и не надеется их найти. Видно, где-то что-то застопорилось. Следующее звено в цепи откровений — возможно, еще одна старая леди — могло порваться: не исключено, что старушка давно уже покоится на дне пруда, как это часто бывает со старушками, замешанными в королевские дела, особенно если их замешивают туда сами короли. А может, кто-то из недругов узнал о планах Драмокла, когда тот расхвастался по пьянке в захудалой пивнушке или проболтался в постели какой-нибудь девке, и этот недруг принял меры, чтобы помешать свершиться тому, чему свершиться суждено? Или же сам Драмокл попросту забыл подготовить как следует цепочку указаний тридцать лет назад, прежде чем доктор Фиш стер кусок его памяти?

И вот теперь он захватил Аардварк, который ему абсолютно не нужен, и скоро завоюет Лекк, который нужен ему еще меньше. А в награду получил враждебность сына Чача, как всегда, оказавшегося не у дел, да недовольство жены Лиры — и все это ни за что ни про что. Но более всего угнетало короля его полное неведение насчет дальнейших действий.

Драмокл грыз свои поросшие волосами костяшки пальцев, силясь сообразить, что бы сделать такое хорошее — а если не хорошее, то хоть что-нибудь. И не придумал ни черта. С досады он вызвал к себе компьютер. Тот появился мгновенно, поскольку подглядывал под дверью, ожидая вызова.

— Ты так до сих пор и не знаешь, где находится следующая порция информации? — недовольно спросил Драмокл.

— Увы, сир.

— Ну придумай тогда хоть какой-нибудь план!

— Я могу предложить вам возможное направление действий, основанное на недавно опровергнутой теории игр фон Ньюмена.

— Валяй. Что ты предлагаешь?

Компьютер прочистил голосовое устройство, издав басовитый хриплый рык, и сказал:

— Мне кажется, тут нужен какой-то иррациональный подход, ибо, если бы вам могло помочь рациональное решение, я давно бы его нашел.

— Иррациональный... — задумчиво протянул Драмокл. — Звучит неплохо. Ну а дальше что?

— Ваше величество могли бы попробовать проконсультироваться с астрологом, френологом, гадальщиком по чайным листьям или книге «И Цзин»[1], а лучше всего с оракулом, умеющим впадать в состояние транса.

— Да, но с каким оракулом?

— На планете их немало. Однако самой блестящей репутацией пользуется одна прорицательница... Ваше величество, должно быть, помнит...

— ...свою дочь Друзиллу, — закончил за него Драмокл.

— Она, помимо всего прочего, еще и отличный специалист по тестам Рейна, оставленным нам древними.

— Моя собственная дочь, — сказал Драмокл. — Почему я не вспомнил о ней раньше?

— Потому что ваше величество склонно вспоминать о членах своей семьи только раз в году, через две недели после их именин.

— Послал ли я Друзилле подарок в этом году?

— Нет, сир.

— Так пошли ей два самых лучших подарка. Нет — три, и позаботься о следующих именинах тоже. А теперь иди и вели Максу подготовить мою космическую яхту. Я сию же минуту вылетаю в Истрад.

Когда компьютер ушел, Драмокл принялся ходить по комнате взад-вперед, потирая руки и посмеиваясь грудным львиным смешком. Малышка Дру! Она впадет в священный транс и разузнает, что ему делать! И что самое замечательное, она абсолютно надежна.

[1] «Книга перемен», одна из канонических книг конфуцианства.

Глава 15

— День добрый, — сказал Драмокл официальным тоном, каким говорил порою, когда был искренне растроган.

— Привет, папочка, — откликнулась Друзилла.

Драмокл только что прибыл в Истрад. Дочь с отцом уединились в укромной беседке на краю парка, напоенного сосновым ароматом. Внизу ленивые мелкие волны озера Мелачайбо бились о берег, силясь подточить серый гранитный фундамент замка, чего не надеялись, впрочем, достичь в ближайшее тысячелетие, а потому трудились без особого пыла.

— Ах, папочка, — сказала Друзилла. — Я так тревожусь, просто места себе не нахожу. Все эти мирные годы — и вдруг Аардварк, а потом еще Лекк. Зачем ты это делаешь?

— Выглядит не очень красиво, да? — сказал Драмокл.

— Люди всякое болтают.

Драмокл язвительно рассмеялся.

— Говорят, ты внезапно помешался на власти и собираешься восстановить бывшую Глормийскую империю. Но ведь это неправда, верно? Скажи, в чем истинная причина твоих поступков?

— Видишь ли, Дру, — промолвил Драмокл, — дело в том, что все они связаны с моей судьбой, о которой я недавно узнал.

— Твоей судьбой? Ты наконец узнал ее? Но это же замечательно! Расскажи, в чем она заключается!

— Это секрет, — ответил Драмокл.

— О! — сказала Друзилла, не в силах скрыть разочарование.

— Только не дуйся! Это такой секрет, что я сам его не знаю. Тебе я доверился первой, не считая моего компьютера. Я расскажу тебе все, что мне известно. Уверен, что мой секрет ты сохранишь лучше меня самого. Помню, когда ты была совсем еще малышкой, ты никогда не рассказывала маме про моих подружек, хотя она все равно как-то о них узнавала.

Друзилла кивнула. Ее любовь к отцу и неприязнь к матери были хорошо известны в кругах, приближенных к королевской семье. И вот теперь, в этот тихий воскресный вечер, вскоре после отъезда ее брата Чача, принцесса почесала свое левое веко левым же указательным пальцем — бессознательный жест, который мог бы выдать смятение Друзиллы наблюдательному наблюдателю, случись здесь таковой, — и стала ждать, чтобы ее любимый папочка продолжил свой рассказ.

— Вообще-то я узнал о своей судьбе тридцать лет назад, сразу после смерти отца, — сказал Драмокл. — Но обстоятельства не позволяли мне что-либо предпринять в ту пору. По некоторым причинам мне пришлось стереть воспоминание о

судьбе до сего времени. На прошлой неделе память отчасти вернулась ко мне, и я получил первое повеление: «Захвати Аардварк». Второе вынудило меня высадить роботов на Лекке. Но это было два дня назад, и я не знаю, что мне делать дальше.

— Можешь ты открыть мне, в чем твое предназначение, отец?

— Не могу, потому что сам не знаю. Хотя ко мне вернулись многие воспоминания, этой информации среди них нет. Вот почему я пришел к тебе. Я не знаю, что делать дальше. Мне нужна помощь профессионального оракула.

Друзилла взглянула на горящее нетерпением лицо отца — мальчишеское лицо, несмотря на бороду и косматые брови. И хотя рассказ отца показался ей маловразумительным, она решила, что выпытает все подробности потом.

Принцесса встала и взяла отца за руки:

— Тогда пойдем в обитель Богини. Там мы примем священные снадобья. И в состоянии транса ты войдешь во Дворец памяти, где хранятся все ответы.

— Пошли! — сказал Драмокл. — Твои священные снадобья — лучшая наркота на всем Глорме.

— Папа! Ты неисправим!

Смеясь, они проследовали к Храмовым покоям.

Глава 16

В раздевалке за Оракульской палатой Друзилла готовилась к сеансу. Для начала она приняла ванну со священными банными солями, запас которых, увы, истощался, а секрет изготовления был утерян после гибели древнего мира. Затем принцесса умастила горящую кожу несколькими каплями драгоценного кукурузного масла «Мазола» и облачилась в специальное одеяние, которое надевала лишь для отправления религиозных танцев. Драмокл покуда выкурил сигарету, думая о своем.

Они вошли в Храмовые покои — подземное помещение, высеченное в черном базальте. Там царил полумрак; факелы, укрепленные в стенных нишах, бросали беспокойные тени на полированный мраморный пол. У противоположной стены длинного и узкого храма блестело маленькое озерцо, отражавшее строгий лик Богини, высеченный из камня прямо над водой. В воздухе раздались тихие монотонные звуки волынки и барабанная дробь: эту эффектную запись включили сенсорные устройства, когда король с дочерью переступили порог храма. Драмокл поплотнее завернулся в плащ, внезапно продрогнув в

атмосфере чужой и древней тайны, которую излучало это подземелье.

Друзилла с отцом поднялись по трем каменным ступеням, ведущим к мраморному алтарю перед озерцом. Алтарь был сделан из полудрагоценных камней, соединенных серебряными прожилками. На нем стояли три шкатулки сандалового дерева разных размеров.

— Здесь ты хранишь свою наркоту? — спросил Драмокл.

— Ах, отец, не шути! — сказала Друзилла проникновенным голосом, исходившим из глубин ее описанной выше груди.

Благоговейно она раскрыла первую шкатулку и достала оттуда замшевый мешочек, расшитый золотыми и серебряными нитями. Развязав его, принцесса высыпала щепотку сушеной травы в ситечко с ручкой слоновой кости. Проворные пальцы быстро просеяли травяной порошок, оставив семечки и ветки для ручных ласточек, порхавших по атриуму замка. Порошок Друзилла высыпала в прямоугольную рисовую бумажку с начертанным на ней именем земного божества Ризлы, ловко скрутила ее в тоненький цилиндрик, подпалила и протянула отцу.

— Кайф! — сказал Драмокл, глубоко затянувшись. После первой затяжки последовала вторая, затем третья, сопровождаемые довольными выдохами. Драмокл выпускал дым из уголков рта тонкими струйками и со знанием дела принюхивался. — Эй! Где ты берешь эту травку? — спросил он у Друзиллы.

Они с дочерью заговорили на древнем и уже забытом психоделическом языке своих легендарных земных предков. Вопросы и ответы следовали ритуальным чередом — так, как были записаны на старинных пленках.

— Пробирает до самого нутра, — промурлыкала Друзилла.

— Потрясно! — благоговейно сказал Драмокл. — Только ты бычок-то не заныкивай, дружище, дай полетать!

— Улет только начинается, — сказала Друзилла, протягивая ему остатки самокрутки из рисовой бумаги и открывая вторую сандаловую шкатулку.

Оттуда принцесса достала плоскую серебряную коробочку. Открыв ее, вынула гладко отполированное золотое зеркальце и вечноострую бритву. Из маленькой бутылочки, выточенной из цельного рубина, высыпала на зеркальце щепоть кристаллов.

— Ай да снежок! — сказал Драмокл.

Друзилла сосредоточила все свое внимание на ритуальном измельчении бритвой кристалликов. Громко заиграли гобои, запульсировали разноцветные огни, бросая неясные тени на каменные стены. С торжественной медлительностью Друзилла сгребла священный порошок в змеистые белые полоски. И, на-

конец, вынув из шкатулки сухую полую кость, поклонилась недвижному лику Богини и протянула кость Драмоклу:

— А теперь, отец, причастись божественной энергии!

— Больше на Глорме нигде невозможно достать кокаина, — сказал Драмокл, подрагивая от предвкушения ноздрями.

Он склонился над алтарем — внушительная фигура в спортивной горностаевой куртке. Сунув кончик кости себе в ноздрю, король уткнул второй кончик в зеркальце с белым порошком. С силой втянув носом воздух, он поглотил четыре длинные полоски. Глаза у него вылезли из орбит, по лицу расплылась широкая улыбка. Он передал золотое зеркальце Друзилле.

Она тоже нюхнула кристаллического порошка, а потом быстро повернулась к третьей шкатулке. Откинув крышку, принцесса извлекла пять сушеных грибов, доставленных из потаенных уголков древней Земли. Музыка заиграла еще громче. Друзилла приготовила галлюциногенную дозу, приняла половину сама, а остальное отдала Драмоклу. Дожидаясь, пока снадобье подействует, принцесса угостила отца травяным чаем с марципановым печеньем. Вскоре Драмокл почувствовал покалывание и жжение в желудке, перед глазами заплясали разноцветные огоньки, все тело его задрожало, непроизвольно подергиваясь, и, когда он попытался сесть прямо, стул угрожающе накренился, а каменный лик Богини, казалось, двусмысленно ему подмигнул.

Поток ощущений нарастал, и вдруг Драмокл почувствовал, что падает в ревущую горную реку. Храмовые покои исчезли. Короля окружили какие-то гримасничающие рожи, а потом исчезли и они. Из темных углов поползли фиолетовые тени, протягивая к нему извивающиеся щупальца. Тысячеголосый хор зазвучал где-то вдали, и помещение озарилось ярким светом, совершенно при том преобразившись.

Драмокл очутился в большой роскошной комнате, входившей в состав ансамбля колоссальных размеров.

— Где я? — спросил король.

Еле слышно, словно издалека, прозвучал в ответ голос Друзиллы:

— Возблагодари Богиню, отец, ибо она перенесла тебя во Дворец памяти. Все, что ты видел или слышал за свою жизнь, находится здесь. Тайны, сокрытые от тебя, тоже здесь. Иди, о король, и обрети желаемое.

Дворец памяти очень походил на Ультрагнолл, только более красивый и облагороженный — идеализированный дворец, какой может существовать лишь в мечтах или воспоминаниях. Король ступал по коврам тончайших расцветок мимо блестящих статуй, установленных в нишах. Хрустальные люстры над

головой нежно позвякивали, высвечивая старинные гобелены на стенах.

Драмокл свернул в коридор, простиравшийся, казалось, до бесконечности. По обеим сторонам коридора было множество комнат с открытыми дверями, и Драмокл мимоходом заглядывал в каждую из них, паря, словно призрак, над полом.

Некоторые комнаты были битком набиты вещами, другие почти пустовали. Вон там остатки какого-то из бывших пиршеств. А вот первая съеденная им мангровая лепешка, селедка и первый пумперникель. В других комнатах валялись кучи поношенной одежды, старых книг, смятых сигаретных пачек. Кое-где сидели неподвижные фигуры, непонятно — живые или статуи. Среди них Драмокл заметил Грегори, своего учителя военного искусства — каким спокойным стал этот неугомонный боец! А вот Флибистия, его няня, и Отания, любовь его четырнадцати лет. Комнаты одна за другой преподносили ему сюрпризы, но более всего Драмокла удивило то, что он наткнулся на целый ряд помещений с закрытыми дверями.

Он стучал в них, дергал за ручки и даже попытался вышибить двери пинком. Но он был эфирным созданием в иллюзорном мире, и удары его не имели силы. Удрученный, Драмокл отступился от дверей. Он чувствовал, что за ними скрыта жизненно важная информация, и не мог понять, отчего ему не дают к ней доступа. Недоумевая, король побрел на огонек, горевший в конце коридора. Приблизившись, он обнаружил там открытую дверь, а за нею — свет.

Драмокл переступил через порог и очутился в одной из комнат своей юности, в Восточном будуаре, где частенько предавался мечтам о тех великих деяниях, что он совершит, когда станет королем. Там, за бюро с выдвижной крышкой, сидел человек.

Человек поднял голову. Драмокл увидел тонкое и дерзкое молодое лицо с прямым носом и горящими глазами. Это был он сам, фунтов на сорок худее и без бороды.

— Да, все правильно, — сказал молодой Драмокл. — Я — это ты. Хотя мне не положено здесь находиться, это аномалия. Присядь, пожалуйста.

Драмокл опустился на диван и зашарил в карманах в поисках сигарет. Молодой Драмокл протянул ему сигарету и щелкнул зажигалкой.

— Ты, как я понимаю, хочешь узнать, что делать дальше, — сказал молодой Драмокл.

— Не стану отрицать.

Молодой Драмокл кивнул:

— Следующий шаг довольно деликатного свойства. Я ре-

шил, что лучше расскажу тебе о нем лично. Видишь ли, дело касается Руфуса.

— Старый добрый Руфус!

— Я не сомневаюсь в его безграничной преданности. Это замечательно. Но теперь ему нужно будет предать тебя.

— Чтобы Руфус меня предал? Да он скорее умрет! А потом, в моем окружении полно людей, готовых предать меня с радостью. Почему же именно Руфус?

— Потому что так надо. Руфус — одна из центральных фигур в игре. У него на Друте мощный космический флот.

— И Глорму ничто не угрожает, пока корабли Руфуса стоят бок о бок с моими.

— Верно. Но безопасность — это еще не все. Твое положение сейчас крайне неустойчиво. Карминосол готов к отпору, да и про Ванир не стоит забывать. Такое противостояние может длиться годами. Чтобы нарушить равновесие сил, необходим перебежчик. Руфус — самая подходящая кандидатура.

— Ты, должно быть, спятил, — сказал Драмокл. — Именно это мне нужно меньше всего.

— Предательство Руфуса будет притворным. Когда неприятельские войска пойдут в наступление, Руфус нападет на них с тыла и поймает в ловушку.

Драмокл покачал головой:

— Руфус ни за что не согласится на такой бесчестный поступок.

— Согласится, если преподнести ему наш план умеючи.

— Может, ты и прав, — сказал Драмокл. — Но зачем мне все это? В чем заключается моя судьба? Люди говорят, будто я пытаюсь восстановить бывшую Глормийскую империю.

— Твоя судьба гораздо значительнее, чем восстановление империи. Но суть ее я не могу тебе открыть. Верь мне, Драмокл, ибо я — это ты. Пускай они думают, что ты пытаешься установить гегемонию Глорма. Это полезная ширма для сокрытия твоих подлинных целей.

— Но я не знаю, что это за цели!

— Узнаешь, и скоро. Не забывай про наш разговор. Когда придет время, сделай правильный выбор. А пока — прощай!

И молодой Драмокл исчез.

Драмокл вновь очутился в Храмовых покоях.

— Как ты себя чувствуешь, отец? — встревоженно спросила Друзилла. — Ты узнал то, что хотел?

— Я узнал больше, чем хотел, и в то же время не узнал и половины, — ответил Драмокл. — Я должен немедленно вернуться в Ультрагнолл. Боюсь, нам предстоят суровые испытания.

И, озабоченный, король ушел, не попрощавшись.

Глава 17

По пути в Ультрагнолл Драмокл думал о стремительно ухудшающейся ситуации на Лекке. Его начали одолевать сомнения по поводу недавно обретенной судьбы, хотя он не мог поверить, что все случившееся было просто ошибкой. Ему по-прежнему хотелось иметь славную судьбу, но отнимать ради нее у друзей их владения казалось ему недостойным. И меньше всего он хотел восстанавливать бывшую Глормийскую империю. Конечно, это было бы романтично, но абсолютно непрактично. Межпланетные империи никогда не были жизнестойкими. А даже если бы и были, какой от них толк? Несколько дутых титулов и уйма бумажной работы. Кому это надо? И, между прочим, тот юноша, что беседовал с ним во Дворце памяти, — был ли он на самом деле Драмоклом? Он помнил себя немного другим. Но если это не он, то кто же? Что-то странное творилось кругом — странное и сверхъестественное, если не сказать зловещее.

Король вдруг подумал о том, на каком шатком фундаменте покоится его судьба. Визит старой леди, пара конвертов, несколько воспоминаний — и из-за этого он рискует развязать тотальную войну?

В приливе внезапно нахлынувшего чувства Драмокл решил, что должен безотлагательно заключить мир, пока еще не поздно, пока катастрофа не стала необратимой.

Прибыв во дворец, король тотчас же послал за Джоном, Снинтом и Адальбертом. Он вернет им планеты, отзовет свои войска, принесет извинения и скажет, что всему виной временное умопомрачение. Он репетировал свою речь, когда посыльный вернулся с известием, что королей на Глорме нет. Как только Драмокл отправился навестить Друзиллу, они сели на свои звездолеты и улетели. Приказа об их задержании никто не получал. Только Руфус остался, преданный, как всегда.

— Проклятье! — сказал Драмокл и велел дворцовому оператору соединить его с Джоном по межпланетному телефону.

Граф Джон на вызов не ответил. Снинт с Адальбертом тоже. Драмокл услышал о них лишь неделю спустя. Джон, как выяснилось, вернулся на Карминосол, собрал тридцатитысячное войско и отправил его на помощь добровольцам Снинта на Лекк. Деморализованная армия Рукса внезапно оказалась вынужденной воевать на два фронта, и ей грозила опасность полного разгрома.

Опечаленный вначале, а затем все более и более разъяренный, Драмокл послал командующему Руксу подкрепления и приготовился к затяжной войне.

Глава 18

Ведение войны было новым занятием для Драмокла, вообще не привыкшего к регулярной работе. Но теперь его беспечному и бесцельному существованию пришел конец. Каждое утро будильник звенел ровно в восемь, а в половине десятого король уже был в Военной палате. Он прочитывал компьютерные сводки ночных сражений, уяснял для себя общую картину и приступал к военным действиям.

Одна стена в Военной палате была сплошь занята мониторами. На каждом экране виднелся определенный сектор поля боя. Специальные мониторы показывали также все воинские подразделения, вплоть до взводов. На дисплеях велся подсчет боевых потерь с обеих сторон, а цвет экрана изменялся в соответствии с обстановкой: зеленый означал победу, желтый — неопределенное положение, красный — угрожающее, черный — поражение.

Драмокл, как правило, брал на себя два или больше черных сектора. У него был врожденный дар полководца, и большинство его сражений оканчивались зеленым цветом победы. В особо удачные дни он чувствовал, что смог бы выиграть кампанию на Лекке один, то есть единолично управляя войсками роботов, если бы его оставили в покое хоть на несколько дней. Но об этом нечего было даже мечтать. Он и часа не мог провести спокойно. Важные события происходили ежеминутно, и все они требовали королевского внимания. Предписаний Отто Странного стало уже недостаточно для управления Глормом.

Полностью абстрагироваться от личной жизни Драмоклу тоже не удавалось. Лира без конца звонила к нему в офис, надоедая своими советами относительно ведения войны. Для сохранения семейного покоя Драмоклу приходилось прислушиваться к ее советам или хотя бы делать вид, что он к ним прислушивается. Несколько бывших жен донимали его по телефону своими собственными идеями, и, естественно, старшие дети тоже хотели принять участие в событиях.

Часто, когда предстояло особенно сложное сражение, Драмокл засиживался за работой допоздна. Поначалу он ездил из спален в Военную палату и обратно на дворцовых поездах, как и все остальные. Но потом Макс убедил его, что ожидание переполненного экспресса — отнюдь не лучший способ времяпрепровождения, и с тех пор к услугам Драмокла всегда была готова коридорная машина. За рулем чаще всего сидел Самизат. Когда этот мальчишка умудрялся выполнять домашние задания, оставалось для Драмокла загадкой. Но войной Самизат наслаждался от души.

Неделя за неделей тянулась кампания на Лекке, поглощая роботов и дорогое оборудование, а также, по мере ожесточения боев, и человеческие жизни. Драмокл намеревался послать принца Чача к Руфусу в качестве офицера связи. Это была престижная и нехлопотная должность, которая могла удержать мальчика от глупостей. Но Чача на Глорме не оказалось. Никто не знал, куда он делся. Драмокл опасался худшего.

Глава 19

На планете Ванир была последняя ночь полных лун. Луны висели низко над горизонтом, заливая холодным желтым светом каменистую равнину Хротмунда и соляные пастбища Вираголенда на юге, куда король Хальдемар перемещался со своим двором во время сезонов линьки луу.

Фальф, ночной часовой на тихом пограничном посту, зевнул и устало оперся на свое лучевое копье. Трехдневному вдовцу, ставшему вчера членом «Миннекошки» — звездной команды по хоккею с топором — и только что опубликовавшему свои первые стихи, Фальфу было о чем подумать. Он предавался этому занятию с прямотой и детской непосредственностью истого варвара, а потому не слыхал приглушенной возни у себя за спиной до тех пор, пока смутное предчувствие не заставило его повернуть голову — ровно за секунду до того, как сзади некто или нечто прочистило горло.

— Кто идет? — крикнул Фальф, у которого волосы встали дыбом.

— Эй! — позвал кто-то из тьмы.

— Что значит «эй»? — спросил Фальф.

— Эй, эй!

— Еще одно «эй», и я поставлю точку в твоем предложении, — заявил Фальф, переключив лучевое копье на отметку «жечь» и нацелив его туда, откуда, по его мнению, доносился голос.

И вдруг прямо у него из-под руки вынырнула чья-то фигура. Овдовевший поэт-атлет отпрыгнул назад, споткнулся о копье и чуть было не упал. Незнакомец подхватил его под локоток.

— Меня зовут Вителло, — представился он, — и я не хотел тебя пугать. Я эмиссар.

— Чего?

— Эмиссар.

— Что-то не припомню я такого слова, — сказал Фальф.

— Оно означает, что мой король прислал меня сюда поговорить с твоим королем.

— А-а, верно. Теперь вспомнил, — сказал Фальф. Потом подумал немного и спросил: — А откуда мне знать, что ты и вправду эмиссар?

— Я могу предъявить верительные грамоты, — сказал Вителло.

— Нет, я что хочу сказать: если ты эмиссар, посланный каким-то королем, то где же твой звездолет?

— Да вон он, — ответил Вителло, указав на рощицу в сотне ярдов от них. Фальф посветил фонарем — и точно, там стоял звездолет.

— Ты, видно, очень тихо спустился, — сказал Фальф. — Наши-то корабли — их за десять миль слыхать, когда они садятся. По-моему, это из-за обшивки, ее у нас делают из колец, соединенных внахлестку. Конечно, рев наших кораблей вселяет ужас в сердца врагов — по крайней мере, так нас учили. В общем, трудно сказать, что лучше, верно?

— Верно, — согласился Вителло.

— Никуда не денешься, придется о тебе доложить, — сказал Фальф. — Хотя меня это выставит не в лучшем свете. — Он отстегнул от портупеи мобильник и набрал номер. — Сторожевой пост? Сержант Урнут? Это Фальф, аванпост двенадцать. У меня тут чужеземный эмиссар, он хочет говорить с королем. Ага, точно. Нет, это значит «посланец». Ясное дело, у него есть звездолет. Он припаркован в сотне ярдов отсюда. Да, совершенно бесшумно. Нет, я не шучу и не пьян.

Фальф опустил мобильник.

— Сейчас они кого-нибудь пришлют. Что твой король хочет сказать нашему королю?

— Погоди, потом узнаешь, — сказал Вителло.

— Да я просто так спросил. Ты покуда садись, устраивайся поудобнее. Они будут здесь через час, не раньше. У меня есть лишайниковое пиво, если хочешь. Знаешь что? На этой неделе со мной уже три необычайных случая приключилось. А сегодня четвертый.

— Расскажи мне о них, — попросил Вителло, усаживаясь на землю и запахнув плащ, поскольку ночь была прохладная. — Хочешь попробовать моего вина?

— Спрашиваешь! — ответил Фальф.

Он прислонил лучевое копье к чахлому деревцу и уселся рядом с Вителло, проникнувшись к эмиссару внезапным доверием, вообще-то совершенно не свойственным подозрительной варварской натуре.

Глава 20

Давным-давно, когда Вселенная была молода и еще не уверена в себе, галактический центр, плотно набитый планетами, населяло несколько примитивных рас. Одной из них и были ванирцы — варвары в косматых шкурах и со странными обычаями. Хотя их раса была куда древнее других гуманоидных ветвей, ванирцы никогда не претендовали на то, чтобы их считали урами, то есть родоначальниками людей. Впрочем, вопрос о первой человеческой расе до сих пор остается открытым; на эту роль притязают, например, леккиане, и они ничем не хуже других.

Бороздя на своих кольчатых судах космические просторы, ванирцы в один прекрасный день добрались до Глорма. Там они столкнулись с истрагну, или «малым народом», как называли тогдашних жителей Глорма более высокорослые расы. Много боев отгремело, но в конце концов ванирцы одержали победу. Ее плодами они наслаждались до тех пор, пока на Глорм не прилетели другие гуманоиды, бежавшие с пустынной и отравленной Земли. Вновь загремели сражения, и в результате ванирцев вытеснили не только с Глорма, но и из пределов Местной системы вообще, загнав на холодную далекую планету. Истрагну называли ее Вууллс, однако ванирцы переименовали планету, дав ей свое собственное имя. С той поры между Глормом и Ваниром то и дело вспыхивали войны, особенно в экспансионистский период недолговечной Глормийской империи. Но в последние тридцать лет между планетами царил мир, хотя и не очень прочный.

Во времена, к которым относится наше повествование, Ваниром правил король Хальдемар, и душу его снедали агрессивные помыслы. Не раз, лежа в пьяном забытье на шкуре тага, Хальдемар бредил о молниеносных набегах на Глорм за трофеями. Особенно его интересовали женщины — тонкие, благоухающие духами женщины, не чета мускулистым ванирским девахам, которые в постели только и способны, что выдавить из себя в момент величайшего экстаза: «Ух ты, как здорово всадил-то!» Между тем как цивилизованные женщины постоянно жаждали выяснения отношений, что казалось пределом утонченности варвару, выросшему при минимуме отношений и максимуме свежего воздуха.

Хальдемар прикоснулся к цивилизации лишь однажды, когда был приглашен глормийским телевидением на передачу «Иноземные знаменитости», продержавшуюся всего один сезон. В сердце ему навсегда запала атмосфера радостного возбуждения, царившая в студии, и то внимание, с каким ведущие

выслушивали его ответы. Это было лучшее время в его жизни. Хальдемар готов был на любые жертвы, лишь бы вернуться в шоу-бизнес; несколько лет он с трепетом ждал у телефона звонка от своего агента.

Так его и не дождавшись, король постепенно проникся презрением к непостоянным и поверхностным людишкам с теплых планет. Его томило желание обрушить свои кольчатые звездолеты на головы изнеженных цивилизацией внутренних миров. Но народы Местной системы были слишком хорошо оснащены. У них было смертоносное оружие и быстроходные корабли, оставшиеся в наследство от землян, и стоило ванирцам атаковать хотя бы одну из планет, как все соседи тут же вставали на ее защиту. Поэтому Хальдемар сдерживал душевные порывы и выжидал удобного момента, кочуя покуда со своими подданными по Ваниру в поисках пастбищ для луу — мелкого, свирепого и хищного скота, снабжавшего ванирцев едой, питьем и одеждой из шерсти, которую собирали в сезоны линьки.

И вот наконец цивилизация прислала к нему эмиссара.

Хальдемар тут же велел устроить прием, ибо так полагалось по протоколу. Как человек примитивный, король не любил этикета, но, как любой варвар, глубоко чтил ритуалы. На встречу с эмиссаром он пошел с надеждой и тревогой и даже надел по такому случаю новую рубаху из шерсти луу.

Глава 21

Аудиенция проходила в банкетном зале Хальдемара. Король распорядился, чтобы помещение вычистили и устлали свежим тростником. В последнюю минуту, вспомнив об изысках цивилизации, Хальдемар позаимствовал два стула у своей ростовщицы Сигрид Эйгретноуз.

Эмиссар был одет в красновато-коричневый плащ с розовато-лиловой отделкой — таких цветов на этой грубой варварской планете никто и не видывал. Роста он был выше среднего, а ширина его плеч и развитая мускулатура говорили о том, что ему не чуждо воинское искусство. Кроме плаща, на эмиссаре была также другая одежда, но Хальдемар с варварским пренебрежением к деталям ее попросту не заметил.

— Добро пожаловать! — сказал король. — Как жизнь?

— Нормально, — ответил Вителло. — А у вас что новенького?

— У нас все по-старому, — пожал плечами Хальдемар. — Пасем луу и совершаем набеги на свои же поселения — вот и все наши занятия. Набеги, конечно, крайне полезны и представляют собой наш главный вклад в социальную теорию. Бла-

годаря им и люди заняты, и население не растет, и ценности вроде мечей и кубков находятся в постоянном обращении.

— Развлекаетесь, значит, — сказал Вителло.

— Живем помаленьку, — поправил его Хальдемар.

— И все-таки это не то, что в старые добрые времена, а? Нападать на другие народы куда интереснее, чем друг на дружку.

— Верно подмечено, — согласился Хальдемар. — Но что же нам делать? Оружие у нас чересчур примитивное, да и мало у меня народу, чтобы нападать на цивилизованные планеты. Нас оттуда живо вышвырнут пинком под зад, извиняюсь за выражение.

— Все так, — кивнул Вителло. — Вернее, так было.

— Не было, а есть, — сказал Хальдемар. — Если только ты не привез какие-нибудь новости.

— Разве вы не слыхали о последних событиях? — спросил Вителло. — Драмокл, король Глорма, захватил Аардварк и высадил войска на Лекке. Граф Джон Карминосольский ополчился против брата, равно как и мой господин, принц Чач, сын Драмокла. Назревает крупная заварушка, а где заварушка, там и денежек можно наварить, и поразвлечься.

— Такие слухи до нас доходили, — сказал Хальдемар, — но мы решили, что это всего лишь семейные разборки. Если Ванир в них вмешается, все бывшие противники объединятся против нас, как не раз уже бывало прежде.

— События вышли за пределы семейной склоки, — сказал Вителло. — Милорд Чач поклялся, что сядет на глормийский трон. Граф Джон и король Лекка Снинт обещали ему поддержку. Уладить ссору добром не удастся. Будет война.

— Что ж, на здоровье. Нам-то какое до этого дело?

Вителло лукаво усмехнулся:

— Принц Чач считает, что межпланетная война будет неполной без участия Ванира. Он приглашает вас выступить на его стороне.

— Ах так! — Хальдемар сделал вид, что задумался, дергая себя за сальные усы. — И какое вознаграждение предлагает нам принц Чач?

— Справедливую долю военных трофеев после взятия Глорма.

— Обещания давать легко, — сказал Хальдемар. — Откуда мне знать, могу ли я верить твоему господину?

— Сир, принц прислал вам договор о дружбе и согласии, подписанный его высочеством. Договор дает вам законное основание для набега на Глорм. На древнем языке Земли это называется «разрешением на разграбление».

Вителло протянул королю свернутый в трубочку пергамент, перевязанный красной лентой и заляпанный сургучными печатями. Хальдемар осторожно взял договор, ибо, будучи варваром до мозга костей, считал любой клочок бумаги священным. Но сомнения не покидали его.

— Какие еще знаки любви прислал нам принц Чач?

— Мой звездолет загружен дарами, предназначенными для вас и ваших придворных, — сказал Вителло. — Там есть автоматы «Эректор» и «Пусти!», есть ребусы и загадки, комиксы, подборка новейших рок-записей, косметика «Эвон» для дам и многое другое.

— Принц очень любезен, — сказал Хальдемар. — Стража! Глядите в оба, чтобы никто не добрался до даров раньше меня. Если король не может выбрать первым, какой смысл быть королем? Пожалуй, пойду-ка я прямо сейчас, чтобы удостовериться...

— Договор, сир! — напомнил Вителло.

— Мы обсудим его попозже, — заявил Хальдемар. — Сперва я гляну, чего ты там привез, а потом мы устроим дружескую пирушку.

Глава 22

Хальдемар закатил щедрый пир — настолько щедрый, насколько позволяли ограниченные ресурсы Ванира. В зале расставили длинные деревянные столы со скамьями по обеим сторонам для местной знати. За меньшим столом, установленным на небольшом возвышении, сидели Хальдемар и Вителло. Гостей обнесли первым блюдом — жидкой перловкой с маленькими кусочками бекона, добавленными для запаха. Затем на стол водрузили целиком зажаренную тушу хрола, животного, похожего по виду на свинью, а по вкусу — на креветку. Туша была начинена селедкой с луком и залита бурым соусом. После этого внесли блюда с вареной репой и филе пеламиды, вымоченной в уксусе.

Были на пиру и развлечения. Сначала арфист, потом двое волынщиков, потом танец с боевыми топорами, а потом клоуны, чьи шутки, судя по громкому хохоту гостей, были очень смачными, но непонятными для Вителло из-за сильного акцента артистов. На десерт подали компот из местных фруктов, приправленный бренди из сосновых шишек, и дикий горный мед. Грудастые служанки разнесли рога, наполненные лишайниковым пивом, а под конец королевский бард — высокий белобо-

родый старец с бельмом на глазу — прочел речитативом традиционную сагу, аккомпанируя себе на цимбалах с колотушками.

Когда обед закончился, гости предались безудержному пьянству и веселью, Хальдемар же с Вителло удалились в комнату, расположенную у заднего выхода деревянного дворца. Там они возлегли на матрацы (явно глормийского производства), и Хальдемар промолвил:

— Ну что ж, Вителло, я поразмыслил и нашел, что предложенный твоим принцем союз мне по душе.

— Рад это слышать, — откликнулся Вителло, разворачивая пергамент. — Если ваше величество подпишет здесь и здесь, а также поставит визу тут и тут...

— Не так быстро, — сказал Хальдемар. — Прежде чем мы подпишем столь важный документ, тебе по традиции положено выступить перед нами.

— Пою я не очень искусно, — сказал Вителло, — но если это доставит вам удовольствие...

— Я не имел в виду пение, — прервал его Хальдемар. — Я имел в виду борьбу.

— Что? — сказал Вителло.

— У нас на Ванире принято давать почетным гостям возможность продемонстрировать их доблесть. Ты парень крепкий и молодой. Думаю, ты выдержишь поединок с Дуном из Торта.

— А не могли бы мы просто подписать договор без этих формальностей?

— Никак невозможно, — изрек Хальдемар. — В ознаменование особо важных событий нам, ванирцам, необходима история любви или история битвы. Иначе барды не смогут как следует их воспеть. Можешь считать наш обычай глупым, но народ требует зрелищ. Мы как-никак варвары, сам понимаешь.

— Я понимаю, — сказал Вителло. — Но, может, у вас найдется какая-нибудь дочка, чью любовь я попробую завоевать?

— Да я бы со всей душой, — сказал Хальдемар, — но, к сожалению, мою единственную дочку Хельгу похитил недавно гном-колдун Фафнир.

— Надо же, как жаль! А кто такой этот Дун?

— Пятирукое существо, невообразимо сильное и ловкое. Искусный боец. Но ты не отчаивайся. Ему еще не приходилось драться с таким достойным противником, как ты.

— И не придется, потому что я не собираюсь с ним драться.

— Ты серьезно?

— Серьезнее некуда.

— Не хочу называть тебя трусом, поскольку ты мой гость. Но ты не можешь не признать, что твое поведение вряд ли можно назвать геройским.

— А мне до лампочки, — сказал Вителло. — Моя роль в этой истории комическая.

Хальдемар подумал немного:

— Мы можем подвергнуть тебя более легкому испытанию, ты пройдешь через волшебные ворота в подземное царство и вызволишь Хельгу.

— Исключено. И думать забудьте про испытания. Я понимаю ваше желание уважить древние обычаи, но не советую на них зацикливаться. Это вам не местный фольклорный спектакль. В игру вовлечены все планеты системы. Я предлагаю вам шанс войти в историю, приняв участие в важнейшем событии цивилизованной Вселенной! Такие предложения делают не каждый день. Поэтому давайте покончим с этим, ваше величество, или же позвольте мне удалиться с миром.

— Ладно, ладно, — сказал Хальдемар. — Я просто хотел позабавить своих подданных, прежде чем посылать их тысячами на бессмысленную гибель в чужих мирах. Ручка у тебя есть?

Однако не успел Хальдемар поставить подпись, как затрубили трубы и в воздухе возникло мерцающее облачко, окружавшее какую-то фигуру.

— Хельга! — воскликнул Хальдемар.

Облачко исчезло, оставив в комнате крупную веснушчатую девушку с широким приятным лицом, обрамленным двумя белобрысыми косичками.

— Ах, папочка! — Хельга бросилась в объятия к отцу. — Как я по тебе соскучилась! И по Сникеру тоже!

— По Сникеру? — не понял Вителло.

— Это ручной волк Хельги, — объяснил Хальдемар. — С ним связана довольно смешная история...

— В другой раз, папочка, — перебила его Хельга. — Гном-колдун желает побеседовать с тобой.

Гном-колдун появился из менее яркого облачка. Он был жирноват, с красно-коричневой кожей и двумя черными рожками во лбу.

— О Хальдемар! — торжественно начал гном-колдун. — Я наблюдал за твоим разговором с Вителло по монитору, и вот что я тебе скажу: он совершенно прав — это шанс для всех нас вырваться из нашей глухомани и войти в историю Вселенной. Я верну тебе Хельгу на двух условиях. Во-первых, если она выйдет замуж за Вителло, чем обессмертит мое имя хотя бы в сносках к историческим анналам. Это, конечно, не бог весть что, но для начала сойдет.

— Он жуть как переживает, что о нем не знает никто, кроме местных жителей, — сказала Хельга.

— И каково же второе условие? — спросил Вителло.

— Ты должен будешь взять меня с собой. В подземном царстве нынче полный застой, а я жажду великих свершений.

— Что скажешь, Вителло? — спросил Хальдемар. — Ты женишься на ней?

При взгляде на Хельгу с лица Вителло исчезло всякое выражение. Затем в глазах промелькнула хитрая усмешка, и он спросил:

— Означает ли это, что я унаследую ванирский престол, если, не дай бог, с вашим величеством что-то случится?

— Нет, Вителло. Только представитель нашей расы может нами править. Но если Хельга родит тебе сына, он унаследует престол.

— Стало быть, я буду отцом следующего правителя Ванира. Честно говоря, не о такой роли я мечтал.

— Но это выгодная роль, — сказал Хальдемар. — Тебе будут выплачивать пособие, а кроме того, у тебя останется масса свободного времени для какой-нибудь другой карьеры.

— Пожалуй, вы правы, — сказал Вителло. — А ты что думаешь, Хельга?

— Я выйду за тебя, Вителло, если ты пообещаешь сводить меня на рок-концерт, как только мы доберемся до цивилизации.

— А как же будет со мной? — спросил Фафнир.

— Ладно, так и быть, поедешь с нами, — сказал Вителло.

Церемония состоялась тем же вечером.

Тотчас по ее завершении Вителло попросил показать ему ванирских рекрутов. И только тогда Хальдемар поведал ему о своих затруднениях с войском.

Глава 23

Четыреста тридцать лет тому назад ванирцы подверглись нападению народа еще более дикого и варварского. Жуткие моноготы налетели из центра Галактики в бессчетных количествах, так что от их приземистых звездолетов с перепончатыми, как у летучих мышей, крыльями потемнели небеса. Свирепые бронзовокожие воины, одетые в шкуры пантер и медведей, были вооружены огнеметными копьями, вибраторными булавами и электронными луками в рост стрелка. Крепко сбитые, усатые, они свалились на Ванир подобно лавине.

Теснимые превосходящими силами противника, ванирские армии оставили морские порты и селения и ушли в Непролазный лес. Много рукопашных схваток видели тенистые лесные

чащобы, и многие моноготы сложили там свои головы. Но взамен прибывали все новые и новые бойцы, и, казалось, полный разгром ванирцев — всего лишь дело времени.

Тогдашний король Ванира, Харальд Хогбек, столкнулся с реальной опасностью потерять не только армию, но и весь свой народ. И он решился на отчаянный шаг. Главная ударная часть его войска, грозная Череподробительная бригада, была еще цела, хотя и изрядно потрепана. Эти пятьдесят тысяч бойцов, все до единого берсерки, противостояли армии моноготов численностью в четверть миллиона человек. Хогбек решил, что ради спасения ванирской расы важнее всего сохранить ее защитников.

Сверившись с древними руническими записями на камнях, Харальд Хогбек приказал ванирским женщинам поставить на огонь большие медные котлы и приготовить обед. После чего снял Череподробительную бригаду с линии обороны и увел ее в глубины Непролазного леса.

Моноготы бросились в погоню, но на пути у них оказался ванирский лагерь, и они унюхали божественный запах мяса, варившегося в медных котлах вместе с картошкой, хреном и петрушкой. Для варваров, вскормленных исключительно сосисками, жаренными на свином жиру, искушение было непреодолимым. Издав торжествующий вопль, моноготы накинулись на яства. К тому времени, когда сержантам удалось наконец навести порядок, ванирцы бесследно исчезли в непроходимой лесной чащобе.

Хогбек привел свое войско в большую известняковую пещеру, скрытую в лесу под кустами можжевельника. Там он приказал берсеркам лечь поудобнее, а затем произнес над ними заклинание, призвав на помощь все свои познания в древней магии, дабы усыпить воинов. Харальд заговорил также вход в пещеру. И берсерки проспали там несколько столетий и продолжают спать по сей день.

Вот такую историю рассказал Хальдемар эмиссару Вителло, пока они скакали к Непролазному лесу. И Вителло изумлен был безмерно и спросил, чем же закончилась война между моноготами и ванирцами. Хальдемар поведал ему, что эти превосходные воины, несмотря на всю свою закалку, оказались уязвимы для вирусов цивилизации. Моноготов выкосила ящурная болезнь, и ванирцы вскоре сызнова заселили свою планету.

— А Череподробительная бригада?

— По-прежнему спит, — сказал Хальдемар. — Она-то нам и нужна.

Глава 24

Лес шумел своей приглушенной и потаенной жизнью. Бледные солнечные лучи пробивались сквозь густой шатер ветвей. Вителло услышал пронзительный жалобный крик птицы мовиолы, робкой обитательницы верхушек деревьев: «Ида Люпино! Ида Люпино!» Хальдемар ехал рядом с Вителло. Несколько телохранителей скакали за ними. Вскоре они выехали на полянку, где их встретил высокий человек в одежде зеленой, как лес. Это был Оле Большая Нога, сторож спящих берсерков.

— Они вон там, — сказал Большая Нога, смахивая рыжую прядь со своих блестящих глаз.

Бригаду пришлось переместить из известняковой пещеры, когда Большая Нога обнаружил в каменной стене трещины, сквозь которые сочилась вода, угрожая обвалом. Перетащить воинов было непросто. На планете Ванир не существовало транспортных компаний. Большая Нога обратился за помощью к гному-колдуну Фафниру и его народу. Гномы ухитрились перенести спящих солдат в лес без особых потерь, если не считать Эдгара Головореза, которого случайно уронили на скалу.

Затем Большая Нога отправил петицию мастеру-строителю Хьорду Сосконосу с просьбой построить деревянное укрытие с руническими надписями великой силы. Сосконос согласился, но был убит при ограблении таверны в Снааке (по другим источникам — в Сниике). Его сын и помощник Бийон Сокрушитель ушел на юг неизвестно зачем и не вернулся. Так что пришлось Большой Ноге оставить воинов спящими на глинистой лесной земле. Чтобы защитить их от лесных крыс, Большая Нога привел парочку дрессированных терьеров. Стоило ему свистнуть два раза в серебряную свистульку, висевшую у него на шее на затейливой керамической цепочке, как псы немедленно принимались за работу; еще один свисток — и они ложились на место передохнуть. Три свистка вызывали целое полчище червей шик-шик, которые расползались и пожирали все остатки собачьей охоты. Таким образом место содержалось в чистоте и порядке.

Покончив с дневными трудами, Большая Нога любил сочинять песенки — такой у ванирцев обычай. Любимая его песенка звучала примерно так:

Зовут меня Большая Нога.
Я убиваю людей.
Я люблю женщин с большими сиськами.
Зуб у меня болит.
Зовут меня Большая Нога.

Но чтобы использовать ванирцев в сражении, сначала надо было пробудить их от длительной спячки. Сделать это предполагалось с помощью волшебного и очень древнего слова, которое старшие барды передавали друг другу из поколения в поколение и произносить которое вслух строжайше запрещалось, ибо, даже ослабленное неправильным произношением, оно могло повредить телевизионные лучевые трубки на расстоянии тридцати футов.

Старший бард выступил вперед и произнес слово, но никаких результатов не последовало. Спящие воины даже не пошевелились.

Король Хальдемар пришел в отчаяние из-за такого поворота событий. Он потребовал свой питейный рог, собираясь с горя предаться беспробудному пьянству. Однако Вителло упросил его подождать, подошел к спящим берсеркам и внимательно осмотрел некоторых из них.

Выпрямившись, он сказал:

— Хальдемар, еще не все потеряно.

— Как то есть не все? — промолвил Хальдемар. — Ведь именно с помощью этих солдат я намеревался дать укорот безумному Драмоклу.

— Так и будет, — сказал Вителло. — Ибо в плену у сна солдат удерживает всего лишь маленький дефект. Взгляните, о король, на их уши: от долгого лежания на земле они напрочь забиты мхом, мелкими камушками, веточками, сосновыми шишками и так далее. Поэтому спящие не в состоянии услышать команду побудки.

— И правда, — сказал Хальдемар, склонившись и поглядев. — Нужно немедленно прочистить им уши. Сейчас я велю принести сюда лопатки — хотя, возможно, сгодятся простые столовые ложки. Мы прорвем подходы к их сознанию!

— Я бы не советовал, — сказал Вителло. — Столь грубые инструменты могут повредить внутреннее ухо, а то и самый мозг. Нам нужны хорошие акустические очистители.

— У нас таких нет, — сказал Хальдемар.

— Я помогу вам взять их напрокат, — сказал Вителло, — причем по цене просто пустячной, если сравнить ее со стоимостью хорошего солдата, способного по приказу становиться берсерком.

Акустические очистители и прочее оборудование было доставлено с Гувера-XII, соседней планетки, специализировавшейся на искусстве очищения. Из ушей берсерков извлекли слои засохшей грязи, сухие веточки, богатый черный перегной

и мелкие цветочки. Многократное окуривание уничтожило в зародыше все вязовые проростки, а заодно и личинки долгоносиков. На сей раз волшебное слово не пропало втуне. Ряд за рядом свирепейшие воины древних времен начинали моргать глазами, чесать в поросших колтунами затылках и, оглядываясь вокруг в изумлении, окликать своих товарищей: «Эй, чего это, а?»

Глава 25

Двор графа Джона, правителя Карминосола, был выдержан исключительно в красном цвете, во всех его оттенках. Фактически граф Джон был таким же королем, как и его брат Драмокл. Но Джон требовал, чтобы его называли графом Карминного дворца, поскольку придворный специалист по связям с общественностью Ирвин Дж. Франт убедил его, что такой титул привлечет к нему всеобщий интерес. В свое время Джон счел эту идею замечательной и любил получать письма, адресованные «графу Карминного дворца». Но скоро ему это наскучило, да и никакого интереса его титул ни у кого не вызывал. Франт же постоянно ошивался на разных конференциях, когда Джон пытался поймать его по телефону.

Вернувшись с Глорма, Джон узнал, что жена его Анна полетела инспектировать военные установки на Обрат, одну из лун Карминосола. Граф решил не терять времени даром. Созвав своих командиров, он вкратце обрисовал ситуацию. Драмокл должен быть разбит, а дружественный Лекк освобожден. Командиры согласились с ним целиком и полностью.

Джон тут же начал действовать. Он приказал своему лучшему полководцу Диркенфасту взять тридцать тысяч переделанных роботов и незамедлительно освободить осажденных леккиан. Диркенфаст активизировал войска, погрузил их на транспортные суда и отбыл. До того как их переделали на солдатской фабрике Антигоны, роботы были сельскохозяйственными рабочими Дельта-нуль. Низкорослые и коренастые, со встроенными боронами и веялками, способными превращаться в грозное оружие ближнего боя, роботы Дельта-нуль были хорошими воякаами, несмотря на их привычку собирать все попадавшиеся под руку овощи и выжимать из них быстрозамораживающийся сок В-8.

Диркенфаст построил свое войско у южной оконечности перевала Кислая Рожа, замаскировав солдат густыми зарослями осины и лиственницы, привезенными с собой специально для этой цели. Не дожидаясь, пока будут установлены склады с горючим, Диркенфаст выслал разведчиков на север и северо-

запад по Нелощеной равнине к Ривингтонскому кургану, где располагалась основная база Рукса. Дельта-нули просочились сквозь линию защиты неприятеля незамеченными и беспрепятственно добрались до холмов, возвышавшихся к юго-западу от водопада Иббермана. Там они сняли несколько сторожевых постов, и Диркенфаст, не медля ни минуты, бросил в прорыв свои главные силы. Их появление было настолько неожиданным, что, казалось, позиция Рукса будет взята, несмотря на оборонные укрепления вокруг базы, укрытой за единственной на Лекке песчаной дюной. Марков-IV необходимо было перепрограммировать на оборону, а времени на это у Рукса не оставалось.

Исход дела решила одна из странных случайностей, порожденных сумятицей и неразберихой боя. Едва главные силы Диркенфаста приготовились к атаке, как в небе полыхнула ослепительная вспышка, а за ней прокатились глухие раскаты, исходившие, по-видимому, со стороны гранитного ложа Кронштадского глетчера в нескольких сотнях ярдов впереди. Местность там была изрезанная, очень удобная для засады, поэтому Диркенфаст послал взводного ДБХ-23 проверить, в чем дело.

Робот прошел по низкому мостику, миновал кусты можжевельника и за ними, на укромной полянке, обнаружил молодую женщину, сидевшую в кресле с книгой, — блондинку с зелеными глазами. («Можно сказать, привлекательную, — добавил позже ДБХ-23, — если вам по вкусу гуманоиды».)

— Вы слышали сейчас такой глухой и низкий гул? — спросил ДБХ-23 у женщины.

— По-моему, это гром, — сказала женщина.

— А вспышку видели?

— Нет.

— И все-таки вспышка была, — сказал ДБХ-23.

— Молния, наверное.

— Да, наверное, — сказал ДБХ-23 и вернулся во взвод.

Его доклад изучали и обсуждали более часа, пока киберпатолог не заявил, что это машинная галлюцинация. Другие разведчики не обнаружили никаких следов женщины. Диркенфаст приказал роботам идти в наступление. Но время было упущено, и Рукс успел перепрограммировать Марков-IV и развернуть их к неприятелю лицом. Таким образом, карминосольцы потеряли шанс на молниеносную победу, однако внезапность атаки так ошеломила Драмоклово войско, что оно еще долго не могло прийти в себя.

Джон прочел доклад с удовольствием, решив, что для начала это недурно. Как только вернулась Анна, он с гордостью по-

ведал ей о своих успехах. К его великому удивлению, Анна рассердилась.

— Ты послал войска сражаться против Драмокла? Даже не посоветовавшись со мной? Джон, ты идиот.

— Но это был единственный выход в сложившейся ситуации.

— Какой ситуации? Разве Драмокл напал на тебя или отнял твои владения?

— Нет. Но Аардварк и Лекк...

— ...не имеют к тебе ни малейшего отношения.

— Дорогая моя, ты меня удивляешь. Они наши друзья, наши союзники. Драмокл нарушил мирный договор, его поведение невыносимо, он стал угрозой для общества. Я считаю, что поступил совершенно правильно.

— Речь не о том, кто прав, а кто виноват, — сказала Анна. — Я о деле говорю. С чего ты взял, что мы можем позволить себе войну?

Джон на мгновение смешался. Неприязнь его к жене в эту минуту обострилась сильнее обычного. Когда-то его соблазнило приданое Анны — плодородный спутник и миллион золотых шестиугольных гаек. Да и характер невесты подкупал своей прямотой. Теперь, когда все гайки были истрачены, а спутник превратился в бесплодную пустыню из-за неумелого хозяйствования закадычных дружков графа Джона, Анна уже не казалась таким уж выгодным приобретением. Долговязая крашеная блондинка с горбатым носом, она была упрямее стада диких слонов.

— Война, — наставительно сказал Джон, — не такая штука, которую можно или нельзя себе позволить. Война — это явление природы. Она просто начинается, и все.

— В данном случае, — сказала Анна, — она началась из-за того, что ты послал войска на Лекк. По-твоему, это явление природы? Джон, война нам попросту не по карману. Или ты забыл, какой неудачный нынче выдался год? Сначала голод в Блоре, потом наводнение в низовьях Станкса...

— Это ужасно, конечно, но ведь королевская страховая компания Карминосола компенсировала ущерб.

— Да. Но поскольку компания принадлежит нам, мы потерпели убытки.

— Ну и бог с ними, — сказал Джон. — Мы их покроем, или спишем, или что там обычно делают с убытками. Тридцать тысяч роботов на Лекке не могут стоить слишком дорого.

— Поступай как знаешь, — молвила Анна. — Только припомни наш разговор, когда мы вылетим в трубу!

— Ты преувеличиваешь, — сказал Джон. — Как может вылететь в трубу целая планета?

— Планета — нет, а король может, если растранжирит все средства и ресурсы, что вскоре с тобой и случится.

Джон задумался:

— Может, повысим налоги?

— Народ и так на грани мятежа, — сказала Анна. — Еще одно повышение — и они начнут строить баррикады.

— Мы задавим бунт с помощью роботов.

— Конечно. Но это нам дорого обойдется.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы потеряем те деньги, которые подданные нам не заплатят, пока будут бунтовать, плюс деньги, потраченные на усмирение бунта.

— Н-да... Тогда давай их напечатаем побольше!

Анна напомнила ему, и уже не в первый раз, о том, как погибла целая цивилизация, не сумевшая сбалансировать свою валюту. Джон все равно не понял: поскольку планета принадлежала ему, графу казалось логичным иметь столько денег, сколько душе угодно, — но согласился, хоть и неохотно.

— Плевать мне на деньги! — сказал он наконец. — Я должен как-то обуздать Драмокла, даже если меня это разорит! Моя дружба со Снинтом тоже чего-то стоит.

— Со Снинтом! Этим коварным прохвостом!

Джон растерянно умолк. Со дня высадки его войск местные леккианские силы стали безудержно таять. Снинт уверял, будто добровольцы сосредоточивают силы, но похоже было, что они разбрелись по домам на уборку урожая. Снинт имел даже наглость заявить, что на самом деле его народу нужны не чужие войска, а деньги на приобретение собственных роботов. А если Джон решил прислать армию, так пусть, мол, она и воюет.

— Снинт не дурак, — заметила Анна. — Мои шпионы доносят, что он шлет Драмоклу дружеские открытки. Он своего не упустит при любом повороте событий.

— Я тебя выслушал, и хватит! — сказал Джон. — Надеюсь, ты не думаешь, что я сейчас же отзову солдат обратно!

— Такого разумного решения я от тебя и не ожидала. Но коль скоро мы ввязались в войну, надо начинать экономить.

— Что значит «экономить»?

— Никакой новой одежды в этом году. Никаких новых звездолетов, никаких земных сигар...

— Да ладно, будет тебе!

— ...никаких развлечений и обедов в дорогих ресторанах.

Круглое лицо Джона затуманилось печалью. Впервые до него дошло, что это за штука такая — война.

— Все так сложно, — сказал он. — Я должен подумать.

— Я тоже о многом хочу подумать, — заявила Анна.

Это означало, как знал по опыту Джон, что она обсудит ситуацию со своими советниками — парикмахершей Йопи, детской няней Морин, садовником Себастьяном и придворным ficelle[1] Гиги.

— Увидимся за обедом, — бросила Анна, уходя.

— Да, любовь моя, — сказал Джон, высунув язык вслед ее удаляющейся спине.

— И прекрати безобразничать, — сказала она ему с полдороги.

Глава 26

Драмокл отреагировал на военное вторжение Джона на Лекк лишь через несколько дней, но месть его была жестокой. С присущим ему вероломством Драмокл нанес удар в самое сердце Джона и Анны. А в сердце у них был ежегодный межпланетный благотворительный ужин, устраиваемый глормийской телекомпанией на ресторанном планетоиде Уффици, где присуждались призы лучшему королю года, лучшей королеве и так далее. Это был самый престижный светский раут в здешней части Галактики. Пустив в ход все свое влияние и щедрые взятки, Драмокл добился, чтобы Джона и Анну вычеркнули из списков приглашенных. Причиной тому он выдвинул агрессию против дружественного государства. Джон был в ярости, но поделать ничего не мог.

На этом его неприятности не кончились. До сих пор глормийская телекомпания относилась к Карминосолу с симпатией. И вдруг, в результате должностных пертурбаций, политика компании круто переменилась. Новое руководство ГТВ решило, что вмешательство Джона во внутренние дела Лекка глубоко безнравственно. Положение Джона было хуже некуда: отныне ему предстояло вести не только разорительную, но и непопулярную войну. Граф пожаловался на жизнь Ирвину Франту.

Франт согласился встретиться с ним и обсудить положение вещей в Гадальном клубе в центре Карминосола. Полутемный зал для коктейлей был обставлен в таком стиле, что Хэмфри Богарт чувствовал бы себя здесь как дома. Гай Фокс со своими «Разбойниками ритма» заливал со сцены зал крутым джазом с обилием саксофонных арпеджио. Франт сидел в обшитой ко-

[1]Плут, хитрец (*фр.*).

жей кабинке, помешивая льдинки в шотландском виски. Невысокий, худой, остроносый, в широких кремовых брюках, гавайской рубашке и мексиканских сандалиях, с золотой цепью на шее, Франт любил, когда его называли Джо Голливуд, однако обращались к нему так только его подчиненные.

Джон заказал дайкири со льдом и, не мешкая, перешел к делу:

— Чего на меня так взъелось ГТВ? Драмокл первый заварил эту кашу, захватив Аардварк.

— Не сравнивайте себя с Драмоклом, — сказал Франт. — Он исполнял веления судьбы, а это благородно, даже когда аморально. Вы же действовали исключительно в пику Драмоклу из мелочной зависти. Так, во всяком случае, считает новый директор ГТВ.

— Но это несправедливо, — сказал Джон.

— Дальше будет хуже, — предупредил его Франт. — Не знаю, в курсе ли вы? Компания снимает с эфира вашу передачу.

Телепередача Джона под названием «Комментарии Карминного двора» пользовалась скромным, но неизменным успехом у жителей Местных планет. Она шла уже пять лет, и бывшее руководство поговаривало даже о том, чтобы пустить ее в следующем сезоне по галактическому каналу.

— Это происки врагов! — заявил Джон.

Франт покачал головой:

— Это шоу-бизнес. Им нужно ваше время для новой передачи.

— Какой еще передачи?

— Для двадцатисерийного документального фильма «Агония Лекка».

Джон чуть не подавился дайкири.

— Вот паразиты, черт их дери! Ну ничего, агония Лекка продлится недолго, потому что я немедленно отзываю оттуда войска, даже если потеряю при этом лицо!

Франт нахмурился и ущипнул себя за нос.

— Я бы на вашем месте так не торопился.

— Почему? Я думал, все будут довольны.

— Все не так просто, — сказал Франт. — Я хочу вам сообщить кое-что строго конфиденциально. Вчера я разговаривал со своим другом, Сидни Проказником. Новое руководство телекомпании взяло его на должность менеджера объединенной сети ГТВ, поэтому он знает все, что творится в верхах. У Сидни сложилось такое впечатление, что ГТВ желает, чтобы эта война продлилась еще немного. Народу нравятся военные репортажи.

Джон презрительно усмехнулся:

— Придется им вести репортажи без меня и моей армии.

Ты же не думаешь, что я буду продолжать войну на Лекке, если все мои трофеи — это исковерканные роботы, отмена телепередачи, брюзжание жены и всеобщий остракизм, а также изъятие моего имени из списка гостей межпланетного благотворительного ужина. Все, Ирвин, я кончаю воевать сию же минуту. — Джон встал из-за стола.

— Сядьте, — сказал Франт. Джон сел. — Прекращение войны ничего хорошего вам не даст. Как я уже сказал, ГТВ в восторге от войны и хочет, чтобы она продолжалась. Сидни говорит, если вы согласитесь сотрудничать, компания в долгу не останется. Никаких письменных соглашений, разумеется, сами понимаете. Но я знаю Сидни Проказника всю свою жизнь, ему можно доверять.

— Каковы условия сделки? — спросил Джон.

— Это не сделка, — сказал Франт. — И не вздумайте ссылаться на меня. Просто Проказник намекнул, что, если вы повоюете еще немного, компания о вас позаботится.

— То есть?

— Они реабилитируют вас, как только общественный интерес к Лекку угаснет.

— И как же они меня реабилитируют?

— Сделают документальный фильм, представив вас как непонятого социального реформатора — неумелого и непрактичного, но обаятельного идеалиста, в общем, что-то вроде Уильяма Блейка, только бесталанного.

— Но на самом-то деле во всем виноват Драмокл! Почему на него никто не катит бочки?

— Будем говорить откровенно. Драмокл гораздо симпатичнее публике, чем вы. Но вам нечего волноваться — вы выйдете из этой передряги вполне достойно.

— Значит, мне придется продолжать войну на Лекке?

Франт допил виски и закурил тонкую сигару.

— Это, конечно, вам решать. Возможно, ГТВ даже возобновит вашу передачу.

— Я подумаю. Кстати, а кто теперь возглавляет ГТВ?

— Группа под названием «Тлалок, инкорпорейтед».

— Никогда не слыхал о такой, — сказал Джон.

Глава 27

Ультрагноллский дворец стал главной штаб-квартирой лекканской войны, а Военная палата — ее оперативным центром. Это было большое помещение, набитое пультами, рядами циферблатов и мониторами. За пультами сидели мужчины и женщины в униформах и нажимали на кнопки. Освещенные неярким светом, машины тихонько гудели, и вы невольно проникались сознанием серьезности проводимой здесь работы. Драмокл любил эту комнату.

По коридорам дворца круглые сутки сновали деловитые толпы людей. Неподалеку от Военной палаты открыли несколько новых ресторанов, чтобы сэкономить время специалистам, ведущим войну. Драмокл обычно обедал в Эллинском барчике, где особенно любил техасские сосиски в фут длиной с соусом чили, луком и плавленым сыром — настоящую пищу героев. Однако, отправившись туда в очередной раз, король обнаружил, что барчик закрылся на ремонт.

Зачем им понадобился ремонт? Еще вчера там все было в порядке. Драмокл задумался: может, поднять по этому поводу шум? Или просто приказать владельцам открыть заведение — и к черту ремонт? Разве они не знают, что идет война? Но он пересилил себя и сдержался, ибо гордился тем, что отказался на время чрезвычайного положения от своих королевских привилегий. «Я такой же, как вы все, — сказал он давеча своей команде. — Я просто делаю свою работу, как и любой из вас. Конечно, я руковожу этим шоу — ну так что же? Это вовсе не означает, будто я важнее других, как могло бы показаться. Главное то, что мы с вами, господа, все как один сражаемся за наше отечество, за свободу, за Глорм!»

Драмокл решил пообедать в «Мече и желудке», довольно претенциозном заведении дальше по коридору. «М и ж», как всегда, был переполнен. Длинный подковообразный зал украшали канделябры и деревянная полированная стойка. На стенах висели высокие зеркала, а розоватый свет придавал лицам посетителей более румяный, нежели на самом деле, вид. Между столиками бегали официанты с подносами. Все столы были заняты.

— Долго придется ждать? — спросил Драмокл.

— А вон там столик уже освобождается, сир, — сказал метрдотель, сделав еле заметный знак подбородком. Четверо дюжих официантов тут же принялись сгребать оттуда тарелки.

— Мне не хочется вас торопить, — обратился Драмокл к посетителям, сидевшим за столиком.

— О чем речь, сир! Мы уже доедаем десерт.

— Но это неправда, — возразил Драмокл. — Вы же едите луковый суп.

— Не хочу вам противоречить, сир, но я всегда ем луковый суп на десерт. А Джефф обычно заканчивает обед кулебякой. Такую уж привычку мы приобрели в китайских ресторанах.

Драмокл видел, что все это говорится только для того, что-

бы он не чувствовал себя неловко. Глупо, конечно, но переспорить их явно не удастся. Да и зачем? Драмокл сел за столик и заказал суп с омарами и устриц.

Дела на Лекке шли не лучшим образом. Драмокл рассчитывал на быструю победу над малочисленными ополченцами Снинта. Но неожиданное нападение роботов Джона чуть было не смяло Драмокловы войска. Руксу удалось выровнять линию фронта, однако боевой дух в глормийской армии резко упал. Роботы пребывали в состоянии, аналогичном замешательству.

С другой стороны, глормийский народ реагировал на войну положительно. Об этом позаботился Макс. Его газетная рубрика «Почему мы воюем?» поведала читателям о гнусных заговорах, направленных против Глорма. Макс нанял команду писателей для художественной обработки сюжета, а ГТВ каждый вечер показывало фрагменты баталий в самое лучшее телевизионное время. Граждане Глорма узнавали все подробности разных заговоров — экономических, религиозных, расовых и просто враждебных, которые кишели вокруг их планеты.

Такой образ мыслей нашел большую и благодарную аудиторию. Немалая часть населения Глорма всю жизнь считала себя жертвой межпланетных интриг. Другая, и тоже немалая, часть глормийцев сама принимала участие в этих интригах — по крайней мере, по мнению первой части. Параноидальное мышление было присуще глормийскому характеру — открытому и добродушному снаружи и раздираемому страхами и подозрениями внутри. Глормийцы с легкостью поверили в придуманную Максом теорию межпланетного заговора. Многие говорили: «Я всегда это знал!» И все глормийцы преисполнились решимости сохранить глормийский образ жизни любой ценой, за исключением тех, кто втайне мечтал его уничтожить.

К Драмоклу за столик подсел Макс с чашечкой кофе. Ему не терпелось обсудить с королем свои новые находки. Драмокла немного беспокоил Максов энтузиазм. Слишком уж тот увлекся своими выдумками — того и гляди, сам в них поверит.

— Подлые заговорщики наконец разоблачены, — сказал Макс. — Я собираю последние данные. У меня уже есть доказательства психического воздействия, духовного растления, а также прямой подрывной деятельности.

Драмокл кивнул и закурил сигарету.

— Все задокументировано, — продолжал Макс. — Имена секретных агентов. Планы провокаций, угроз и убийств. Загадочное дело доктора Виницки. Подрывное влияние Земли — карбонарии, иллюминаты, тибетские монахи и, наконец, самый опасный наш противник — Тлалок.

— Впервые слышу это имя, — заметил Драмокл.

— Еще не раз услышите. Тлалок — настоящий враг. Он и его агенты намереваются уничтожить большинство глормийских жителей, а затем захватить на Глорме власть и насадить здесь дьяволопоклонство с разнузданными оргиями.

— Ага, — сказал Драмокл. — Понятно.

— Тлалок веками кружился вокруг нашей планеты на своем невидимом звездолете, выжидая, когда мы достигнем достаточно высокого технологического уровня, чтобы имело смысл нас захватывать. Теперь он решил, что время пришло, и нынешняя война — всего лишь начало последней и окончательной битвы.

— Хорошо, Макс, — сказал Драмокл. — Витиевато немножко, но в целом придумано неплохо.

Макс оторопел.

— Простите, сир, но каждое мое слово — чистая правда!

— Макс, мы с тобой оба знаем, как началась эта война. Я сам ее начал. Помнишь?

Макс снисходительно и устало улыбнулся:

— Все гораздо сложнее, дорогой милорд. Вам *внушили* желание начать войну — Тлалок и внушил! Могу представить доказательства.

Драмокл решил, что сейчас не время разбираться с Максом.

— О'кей, Макс, мы обсудим это позже. Ты проделал блестящую работу. Продолжай информировать наш народ и сплачивать его против общего врага.

— Да, конечно, сир. Агенты Тлалока внедряются повсюду. Но у меня есть группа верных людей. Мы победим злодея.

— Отлично, Макс. Иди и продолжай в том же духе.

Макс вытянулся по стойке «смирно», щелкнул каблуками и прижал левую руку к сердцу, схватясь правой за пояс.

— Хайль Драмокл! — крикнул он и удалился.

Глава 28

Население Глорма, возглавляемое избранной группой Макса, с большим энтузиазмом поддержало крестовый поход против Тлалока. Для колледжей напечатали стандартные учебники «Тлалоцизм: философия деградации». В школах преподавали историю Тлалока, в начальных классах — историю Тлалока для детей. Детские сады обеспечили иллюстрированным изданием «Книжка в картинках про злого Тлалока». Бестселлером года стала книга «Мои пять лет с Тлалоком», а фильм «Тлалок — мой отец, мой супруг!» побил все кассовые рекорды.

Драмокл не знал, как к этому относиться. Благодаря Мак-

совой индустрии народ Глорма был занят и счастлив. Глормийцам нравились заговоры, и управлять ими стало совсем легко.

Король без восторга узнал о начавшихся арестах, но он понимал, что без них не обойтись. Какой же заговор без арестов? Если не пойман и не посажен за решетку ни один заговорщик, люди перестают верить в вашу серьезность. Все же Драмокл велел Максу проследить за тем, чтобы приговоры, вынесенные агентам Тлалока, считались действительными только на время войны и чтобы с арестантами обращались по-человечески. На этом король успокоился, решив выкинуть тлалоцизм из головы. И выкинул бы, если бы не инцидент в Эномском поселке.

Поселок Эном находился в отдаленной Сурнигарской провинции, на изрезанном фьордами полуострове в полярных широтах Глорма. От Ультрагнолла до него было не меньше семи тысяч ордалов, и часть этого пространства занимала гряда Фиерингер, делившая полуостров на две неравные части, перед тем как свернуть и слиться с большим Сардеккианским хребтом. Поселок с его маленькой гаванью Фасмолом был тихим и мирным местечком. Весело раскрашенные рыбачьи лодки каждое утро уходили в море, возвращаясь на закате с богатым уловом омаров, пастушьих рыбок, дерзянок, олиготе, немсеров и порою, если очень повезет, с болтуном неуловимым.

И в то же время Эном был важным стратегическим пунктом из-за расположенной неподалеку — на мысе Нефрарер — контрольной космической станции. Это был главный центр слежения за межпланетным и межзвездным транспортом. Прямые линии связи соединяли его с компьютерной станцией в Лиси Сурренгаре и с ракетной базой, размещенной в двухстах свелти от мыса на побережье Божья Голова. Контроль над станцией мыса Нефрарер был необходим для успешного ведения внепланетных войн. Поэтому Драмокл испытал настоящий шок, прочитав на первой странице «Глормийского вестника» следующую статью:

Потрясающий случай в Эномском поселке!

Преданность офицеров под вопросом.

Кому подчинятся глормийские офицеры в случае кризиса — вышестоящим командирам или же таинственному Тлалоку, которому, как говорят, все больше людей присягают на верность? Последние события заставляют нас поднять этот вопрос.

Сегодня в Эноме был арестован Дженнитер Дарр, вызывавший подозрения у местного населения своими литературными вечеринками сомнительного характера.

Поселковые констебли обыскали дом Дарра и нашли там кипу тлалокской литературы, спрятанную в тайнике стола. При изу-

чении личных бумаг Дарра было обнаружено несколько договоров о сотрудничестве с Тлалоком, подписанных местными жителями и некоторыми офицерами близлежащей станции слежения. У Дарра изъяли также сверхсекретный план многочисленных помещений и функций станции.

На допросе офицеры признали свою вину, однако заявили, что были «загипнотизированы чужой волей» и принуждены против собственного желания к посещениям «неописуемых оргий в некоем особом мире грез, которое нельзя назвать ни реальным, ни нереальным».

Дарр сделал несколько сенсационных заявлений констеблям, производившим арест. Он признал, что действительно был агентом Тлалока. Он утверждал, что Тлалок являлся к нему в сновидениях, обещая «безмерную награду» за сотрудничество. Дарр добавил: «Нет сомнения, что нас ожидает время тяжких испытаний. Тлалок и его последователи скоро выступят открыто. Каждому из нас тогда нужно будет сделать решающий выбор, и горе тому, кто выберет неверно, ибо он выберет смерть, в то время как Тлалок — это жизнь вечная».

Дарр задержан в целях дальнейшего расследования, и в течение месяца ему будут предъявлены обвинения для привлечения к судебной ответственности.

Прочитав статью, Драмокл почувствовал себя обескураженным и совершенно сбитым с толку. Неужели за выдумкой Макса о заговоре и впрямь что-то кроется и Тлалок существует на самом деле? Драмоклу очень не хотелось ломать над этим голову. У него и без того забот было по горло. И король решил отложить все вопросы на потом, когда времени будет побольше.

Глава 29

Пока Вителло выполнял свою миссию на Ванире, Чач затворился в Пурпурном замке, предоставленном дядей в его распоряжение. Место это в истории Карминосола было знаменитое. Именно здесь собрал граф Кромшов рассеянные силы Эльгингнева и его свободных корчевщиков, положив тем самым начало социальному движению, известному под названием шовизма. Именно в Пурпурном замке, или, точнее, в английском саду у западного его крыла, был подписан договор Хорджинга, подтверждавший вечное лингвистическое различие между говорящими на ремитском и старотантском языках и тем самым сводивший на нет все претензии Кларенса, герцога Ротлийского. Замок, украшенный луковичками минаретов и острыми ба-

шенками, окружали массивные стены с амбразурами и бойницами. С крепостных стен открывался чарующий вид на речку Дис и подножия Кроссета.

Чач развлекался в подвальной камере пыток, когда громкоговоритель вдруг крякнул и возвестил:

— Посетитель у ворот.

Принц оторвался от пристального созерцания обнаженной юной женщины, привязанной к «прокрустову ложу».

— Кто бы это мог быть? — спросил он.

— Спорим, что это Вителло, — сказала обнаженная юная женщина.

— Это Вителло, — сказал громкоговоритель.

— Пусть войдет, — распорядился Чач. — Что же до тебя, — продолжал он, обращаясь к обнаженной юной женщине, — мне кажется, ты не понимаешь всей серьезности своего положения. Ты беспомощна и полностью в моей власти, и я собираюсь предать тебя мучительной пытке. Это так же неизбежно, как щебетание птиц в вишневом саду холодным октябрьским вечером.

— О, я знаю, ваша милость, — сказала юная женщина. — Поначалу я даже испугалась, когда граф Джон, подаривший вам меня, объяснил, что мне предстоит утолить самые зверские и садистские желания лорда Чача. Я никогда ничем подобным не занималась и не могла сообразить, как мне на это реагировать, понимаете? Но лежа здесь, на ложе, я вдруг подумала о том, что мы с вами встретились в очень романтической обстановке. И, конечно же, ваше пристальное внимание мне ужасно льстит. Кстати, меня зовут Дорис.

— Женщина! — сказал Чач. — Твои притязания беспочвенны и несостоятельны. Между нами не существует никаких отношений. Ты для меня всего лишь кусок плоти, нуль с ногами, ничтожная тварь, которую я изнасилую и выброшу вон.

— Я жутко возбуждаюсь, когда вы говорите такие вещи, — сказала Дорис.

— Я не собираюсь тебя возбуждать! — крикнул Чач. Затем, чуть успокоившись, добавил: — Я предпочел бы, чтобы ты вообще не разговаривала. Не могла бы ты просто стонать, а?

Дорис послушно застонала.

— Нет, не так, ты мычишь, а не стонешь, — сказал Чач. — Ты должна стонать, как бы от боли.

— Я понимаю, сир. Но вы же до сих пор не сделали мне больно. Даже это «прокрустово ложе», где я распростерта, обнаженная, открыв все свои отверстия вашим жадным взорам...

— Ради бога! — поморщился Чач.

— Я хочу сказать — даже это ложе, на котором я так сладострастно распростерта, недостаточно жестко, чтобы причинить

мне какую-нибудь боль, хотя я изо всех сил стараюсь ее симулировать. Самое смешное, что боль...

— В боли нет ничего смешного, — прервал ее Чач. — Боль мучительна.

— Да, конечно. Но она же и возбуждает. Когда мы начнем истязания?

— Когда я начну! — взревел Чач. — Вот в чем вопрос! Сколько раз тебе повторять — это мое шоу, и только мое, а ты...

— Да, да, — согласилась Дорис, застонав не то от страха, не то от страсти. — Знаете, а вы ужасно симпатичный. В вас есть что-то мальчишеское. И мне нравится, как вы щурите глаза, когда сердитесь.

Чач зашагал по камере пыток, держа сигарету в трясущихся пальцах. Противная девчонка все испортила. Какого черта она не ведет себя как положено?

Тут дверь со скрипом отворилась, и в камеру вошел Вителло. На голове у него была охотничья фетровая шляпка с когтем канюка, кокетливо засунутым за ленту. Куртка, синяя, как яйца ласточки, была опоясана широкой портупеей цвета копченой говядины. Оранжевые башмаки из кожи гензера с загнутыми вверх носами, импортированные из совершенно другого сюжетного поворота, довершали ансамбль. Рядом с ним стояли Хельга и Фафнир.

— Эй, вы там! — сказал Вителло.

— Заколебал ты меня своими «эй», — отозвался Чач. — Какие новости привез?

— Звезды, милорд, движутся предначертанным курсом, а в мирах, заселенных людьми, времена года идут своим чередом: весна сменяется летом, лето — осенью...

— Клянусь, Вителло, ты рискуешь вызвать мое сильнейшее неудовольствие своим эпическим зачином.

Вителло усмехнулся украдкой, поскольку в данный момент он был незаменим для принца Чача, которому не с кем больше было обсудить свои дела.

— Не зарывайся, понял? — сказал Чач, прочитав его мысли. — В замке полно слуг, готовых денно и нощно выслушивать мои ламентации, буде я того пожелаю.

— Но это не принесет вам удовлетворения, сир, — возразил Вителло. — Ваши излияния не продвинут сюжет ни на шаг и как пить дать набьют вам оскомину.

— Вы можете поговорить со мной, — с надеждой предложила Дорис.

— К делу, — сказал Чач. — Вителло, ты в состоянии перестать кривляться хоть на минуту и рассказать мне по-человечески, какие новости ты привез?

— Так точно, сир! А новости хорошие. Я успешно провел переговоры с Хальдемаром. Отныне он ваш союзник, сир, и готов вместе с вами напасть на Глорм.

— Новости и впрямь замечательные! — воскликнул Чач. — Наконец-то события поворачиваются туда, куда я хочу. Выпьем! Мы все должны за это выпить!

Выпивку тут же нашли, а Дорис отвязали, чтобы она смогла принять участие в торжестве. На нее также набросили купальный халат, ибо она привлекала к себе чересчур большое внимание.

Через несколько тостов в камеру вбежал граф Джон.

— Хальдемар здесь! — крикнул он.

— Ну и отлично, — сказал Чач. — Он наш союзник, дядя.

— Но эти люди с ним...

— Свита, надо полагать.

— Да, но их тысяч пятьдесят, если не больше! — сказал Джон. — И они высадились на моей планете без разрешения!

Чач обернулся к Вителло:

— Ты позволил этому варвару высадить войска?

— Нет, конечно! Я был категорически против. Но что я мог поделать? Хальдемар уперся, что будет сопровождать меня на Карминосол со своим флотом. Поскольку они наши союзники, я не в силах был запретить им высадиться. Мне удалось лишь уговорить их приземлиться не в столице, а в Потешном парке соседнего курортного городка.

— Но я не желаю, чтобы они здесь оставались! — сказал Джон. — Может, просто поблагодарим их, угостим хорошим ужином и отправим до поры до времени домой?

Тут в камеру ворвалась Анна с мертвенно-бледным лицом.

— Они расползаются по окрестностям, напиваются и пристают к женщинам! Я отвлекла их бесплатным катанием на «русских горках», но не знаю, надолго ли.

— Дядя! — сказал Чач. — Есть только один способ убрать их с планеты. Вы должны послать свои звездолеты в атаку против Глорма. Хальдемар последует за вами.

— Нет, — заявила Анна. — Нам и с Лекком-то война не по карману, не говоря уже о Глорме. .

— Захватив Глорм, вы сразу разбогатеете, — сказал Чач.

— Ничего подобного, — возразила Анна. — Большую часть добычи поглотит добавочный налог на захваченное имущество. К тому же Хальдемар может наложить свою лапу на Глорм и оставить нас с носом. Откровенно говоря, я не думаю, чтобы кто-то из вас хотел иметь своим соседом Хальдемара.

Они заспорили, а Дорис тем временем заварила чай и вышла за сигаретами и бутербродами. К вечеру Хальдемаровы воины совершенно разорили окрестности курортного городка. Растущий поток беженцев хлынул из предместий, наводя на окружающих ужас рассказами о том, как белокурые берсерки в звериных шкурах заселяют бесплатно коттеджи, выписывают счета за номера в отелях и дорогие обеды на имя несуществующих персонажей, гоняют по округе на мотоциклах (поскольку ванирцы никогда не расстаются со своими мотоциклами) — в общем, хулиганят как могут. Подталкиваемый и вынуждаемый обстоятельствами, граф Джон снял с якоря свой флот. Хальдемар с трудом уговорил своих воинов вернуться на корабли, соблазнив их будущими трофеями. Вскоре оба флота встретились в космосе и занялись последними приготовлениями к большой кампании против Глорма.

Глава 30

Принц Чач не сразу покинул планету. В этом не было нужды, ибо нападение на Глорм не могло состояться, пока корабли Карминосола и Ванира не проведут совместных маневров и не решат проблем процедуры и приоритета. Когда эти скучные материи будут наконец улажены, принц Чач присоединится к флоту со своим собственным войском — эскадроном киборгов-киллеров, приобретенных недавно на антигонской распродаже. И тогда пойдет потеха! Чач живо представил, как он сражается с окровавленной повязкой на лбу во главе эскадрона, огненным мечом и вибраторной булавой пробивая себе путь сквозь редеющие ряды защитников Глорма, и добирается в конце концов до Ультрагнолла. Там он с боем возьмет комнату за комнатой, коридор за коридором, пока не столкнется лицом к лицу с Драмоклом и не загонит старого подонка в угол. О славный миг! Все, затаив дыхание, будут смотреть, как Чач победит Драмокла в искусном поединке на саблях. После чего он убьет короля — или же просто разоружит с презрением, даровав ему жизнь. Все будет зависеть от настроения.

Дни медленно тянулись, пока союзный флот отрабатывал правые повороты и повороты кругом. Вителло выполнил клятву, данную перед алтарем, и сводил Хельгу на рок-концерт в знаменитый Спигни-холл в столице Карминосола. Концерт давала группа с Лекка под названием «Снежок». Руководитель группы утверждал, будто он не кто иной, как Джим Моррисон, знаменитый земной рок-певец 60-х годов двадцатого столетия, однако повесть о том, как он очутился с группой на Карминосоле, вместо того чтобы лежать в Париже на кладбище Пер-Лашез, слишком длинна, чтобы в нее углубляться. Кем бы ни был

«Джим Моррисон» на самом деле, песня «Хрустальный корабль», по отзыву музыкального критика «Карминосольского таймс» Гальбы Дэвиса, звучала в его исполнении «за гранью подражания». Хельга сказала, что она «в совершенном отпаде» — это был величайший комплимент, какой ей удалось придумать. Похоже, поспешный брак Вителло оказался более удачным, нежели можно было ожидать.

Фафнир наслаждался радушным приемом племени троллей, живших в глухих Фиерских холмах на севере Карминосола. Там они обменивались друг с другом заклинаниями, напивались и вспоминали о старых добрых временах, когда миром правила магия, а наука ограничивалась трехмерной геометрией и зачатками физики. Чач хотел было попытать Дорис еще разок, но вдохновение покинуло его, а помощи от этой девчонки ждать не приходилось. Когда ее отвязывали от ложа, Дорис подметала камеру пыток, делала бутерброды с огурцами, стирала пыль с угрюмых портретов бывших карминосольских монархов и непрерывно болтала. Чач всегда отвечал ей вежливо, поскольку считал, что садистские наклонности не оправдывают дурных манер. Да и был ли он садистом на самом-то деле? Мысли о боли как-то перестали его занимать. Он искренне наслаждался, наставляя Дорис в искусстве ведения домашнего хозяйства и читая ей нотации по поводу вечного отсутствия чистых рубашек и неровно подстриженных усов. И, втайне презирая себя за это, блаженствовал в дремотном покое домашнего очага.

Но неожиданно покою пришел конец. Граф Джон известил принца о том, что флот отправится к Глорму через двенадцать часов. Впереди была смерть или слава, а может, и еще какая-нибудь альтернатива. Время действий наконец пришло.

В последний вечер на Карминосоле Чач решил отметить день рождения Дорис. Пришли Вителло с Хельгой, из Фиера прилетел Фафнир. После обеда стали вручать подарки.

Вителло преподнес новорожденной миниатюрный замок из марципана с четырьмя хорошенькими жемчужинками на каждой из башен. Хельга подарила попугая, умевшего декламировать начальные строфы «Гайаваты» Лонгфелло. Фафнир вручил Дорис старинную книгу сказок, которыми тролли-мамы пугают троллей-детей. Начиналась книга такими словами: «Как-то раз детка-тролль ушел от своей мамочки на лесную поляну, где люди ели вареных деток и смеялись».

Чач приготовил для Дорис два подарка. Первым была шкатулка с драгоценностями. Вторым — свобода, ибо Дорис по закону считалась рабыней. Мать ее была свободной гражданкой Аардварка, но ее взяли в плен налетчики и продали графу Джону. Поскольку Анна все равно не разрешила бы графу использовать хорошенькую полонянку так, как ему хотелось, он отдал ее Чачу на поругание, рассудив, что чужое удовольствие лучше никакого.

Две слезинки застыли в голубых глазах Дорис, когда она прочла пергамент о даровании гражданства. Затем, открыв шкатулку, девушка залюбовалась драгоценными каменьями, восклицая при виде их великолепия. Один пленил ее особенно — бриллиант-солитер в тонкой золотой оправе.

— Милорд, — сказала Дорис, — это колечко так похоже на обручальное!

Чач нахмурился, хотя явно чувствовал себя польщенным.

— Да, похоже, — проворчал он.

— А можно, я буду иногда воображать, будто оно и в самом деле обручальное?

Чач закусил кончик уса. Желтоватое лицо его залилось румянцем.

— Дорис! — сказал он. — Ты можешь воображать себе, что мы обручены, и я буду воображать то же самое.

Она задумалась на несколько мгновений.

— Но, милорд, разве в таком случае воображаемое не станет правдой?

— А может, я этого и хочу? — отозвался Чач, смущенный, но гордый собою. — Только учти: забудешь выстирать к моему возвращению рубашки — и помолвка будет расторгнута.

Вителло, Хельга и Фафнир поздравили счастливую молодую пару. А потом пришла пора прощаться.

Глава 31

Друзилла встретилась с Руфусом в условленном месте — на планетоиде Анастрагоне, что на полпути между Глормом и Друтом. Когда-то Анастрагон принадлежал безумному королю Друта Бидоку, который построил там охотничий домик, но так и не удосужился завезти на планетоид зверей и кислород. Воздух на Анастрагоне был только в охотничьем домике. Маленький планетоид имел еще одну особенность: он был невидим. Бидок выкрасил его до последнего камушка краской «нондетекто» — продуктом древней науки Земли, отражавшим все волны видимого спектра и вдобавок водонепроницаемым. Правда, краска уже сильно пооблезла. Со стороны Анастрагон казался скопищем островков вулканической породы, непостижимым образом державшихся в космосе на одном и том же расстоянии друг от друга.

Руфус был уже в домике, когда прилетела Друзилла. Он

любил Анастрагон, поскольку здесь хранилась его коллекция игрушечных солдатиков, самая большая в Галактике. Друзилла застала его на кухне, где Руфус восстанавливал на полу картину битвы при Ватерлоо.

Командующий Руфус представлял собой типичный продукт антигонского военного колледжа. Он был храбрым, преданным, бесхитростным и, пожалуй, чуточку туповатым. Внимание командующего к мелочам было хорошо известно солдатам, которые его обожали. Они любили повторять, что Руфус способен обнаружить пыль даже на кончике палимпара. А среди офицеров гуляла дежурная шутка, что Руфус даже в пылу любовного экстаза не перестает думать о триолатрии и ее взаимосвязи с полевым и тыловым обеспечением.

Руфус мастерски играл в спортивные игры и был настоящим асом кри-алака, старинной глормийской игры с тремя мячами, дубинкой и маленькой зеленой сетью. В общем, он казался человеком простым и предсказуемым.

— Привет, дорогой, — промолвила Друзилла, скинув с головы горностаевый капюшон.

— Ага, — сказал Руфус, увлеченный построением армии маршала Нея. Руфус не обращал никакого внимания на Друзиллу, когда они оставались наедине, и это ее возбуждало.

— Ты меня любишь? — спросила Друзилла.

— Ты знаешь, что да, — ответил Руфус.

— Но ты никогда мне этого не говорил.

— Ну, значит, теперь говорю.

— Что говоришь?

— Ты сама знаешь что.

— Нет, скажи мне.

— Черт побери, Друзилла, я люблю тебя. И прекрати ко мне цепляться, слышишь!

— Ладно, сегодня больше не буду, — сказала Друзилла, наливая себе в фужер зеленое с пурпурным отливом вино из Мендосино.

— Что ты хотела со мной обсудить? — спросил Руфус. — Твоя просьба о встрече смахивала по тону на приказ.

— Дело действительно срочное, — сказала Друзилла. — Буду говорить без обиняков. Как ты смотришь на то, чтобы предать Драмокла?

— Предать Драмокла? — Руфус издал неуверенный смешок. — Чертовски странное предложение из уст его любимой дочери, адресованное его лучшему другу. Ты вечно твердишь мне, что я не понимаю юмора. Это шутка?

— К сожалению, нет. Я предлагаю это на полном серьезе, как единственное средство спасти Драмокла, да и всех нас, от

гибели в межпланетной войне. Будь он сейчас в здравом уме, Драмокл и сам бы согласился, что в подобных обстоятельствах предательство оправданно.

— Но мы же не можем спросить его об этом? — поинтересовался Руфус, наматывая ус на палец.

— Конечно, нет. Будь он в здравом рассудке, нам и спрашивать бы не пришлось.

Внутреннее смятение Руфуса выразилось в том, что он рассеянно взял за голову Веллингтона и утопил его в Ла-Манше. Дернув себя пребольно за ус, Руфус сказал:

— Некрасиво это будет выглядеть, дорогая моя.

— Я проконсультировалась с мистером Дойлем, твоим специалистом по связям с общественностью. Он заверил, что в случае необходимости сумеет сделать так, чтобы население Местных планет воспринимало тебя как спасителя, а не предателя.

— У Брута тоже были самые благородные побуждения, когда он присоединился к заговору против Юлия Цезаря. Однако имя Брута стало синонимом предательства.

— Это потому, любовь моя, что у него не было пресс-агента, — сказала Друзилла. — Марк Антоний настроил против него общественное мнение. Но мистер Дойль никогда не позволит, чтобы такое случилось с тобой, иначе он вылетит с работы.

Руфус мерил кухню шагами, сжав ладони за спиной.

— Нет, не могу. Если я предам своего друга Драмокла, я до конца своих дней себе этого не прощу.

— По поводу угрызений совести, — сказала Друзилла, — я взяла на себя смелость проконсультироваться с твоим психиатром, доктором Гельтфутом. По его мнению, у тебя достаточно силы духа, чтобы пережить кратковременное чувство вины. В худшем случае совесть будет мучить тебя где-то около года, но этот срок можно сильно сократить с помощью наркотиков. Доктор Гельтфут просил меня подчеркнуть, что он ни в коем случае не дает тебе советов, как поступать. Он просто констатирует, что ты *можешь* предать Драмокла без особого психологического ущерба для себя, если сочтешь, что этого требуют обстоятельства.

Руфус заметался по кухне еще быстрее. Солдафонские черты его исказились болью и нерешительностью.

— Неужели это неизбежно? — спросил он. — Чтобы Драмокл, благороднейшей и нежнейшей души человек, был предан двумя людьми, которые любят его больше всех? Почему, Дру, объясни мне, почему?

По щекам у Друзиллы катились слезы.

— Потому что только так мы можем спасти его и Местные планеты.

— И другого способа нет?

— Никакого.

— Можешь ты мне объяснить, каким образом мое предательство нас спасет?

— Дорогой мой, боюсь, это выше твоего понимания. Неужели ты не веришь мне на слово?

— Ну хоть в общих чертах объясни, я пойму!

— Ладно. Ты знаешь, Руфус, что великую нравственную ось Вселенной крайне трудно сдвинуть с точки опоры, которая находится в сердцах людей. Но если ось эта придет в движение, перемены неминуемы. Мы с тобой, Руфус, стоим сейчас в точке вращения, а все сущее замерло на краю катастрофы, не желая ее, но не в силах ее предотвратить. Два мощных флота — тупорылые истребители против кольчатых штурмовиков — застыли в ожидании приказа, и Смерть, злорадная шутница, встряхнув игральные кости войны, бросает взор насмешливый последний на суету людскую, прежде чем...

— Ты была права, — сказал Руфус. — Я не понимаю. Придется мне поверить тебе на слово. Ты говоришь, я должен предать Драмокла. Как мне сделать это?

— Военные действия неизбежны, — сказала Друзилла. — Драмокл обязательно вовлечет в них тебя. Он попросит, чтобы ты сделал что-то с флотом Друта.

— Ну да, и дальше что?

— О чем бы он ни попросил, соглашайся, а потом сделай наоборот.

Руфус нахмурился от напряжения.

— Наоборот, говоришь?

— Вот именно.

— Наоборот, — повторил Руфус. — Ладно, по-моему, я понял.

Друзилла положила ему на руку ладонь и спросила своим *низким, волнующим голосом:*

— Можем мы рассчитывать на тебя, Руфус?

— Мы?

— Я и цивилизованная Вселенная, дорогой.

— Верь мне, любовь моя.

Они обнялись. И вдруг Друзилла вздрогнула:

— Руфус! Там в окне — лицо!

Руфус развернулся, молниеносно выхватив иглолучевик. Но ничего не увидел в двойном застекленном окне, кроме обычных парящих кусочков анастрагонского пейзажа.

— Да нет там никого, — сказал он.

— Но я же видела, — упорствовала Друзилла.

Руфус надел скафандр, включил внешнюю систему освещения планетоида и вышел наружу. Вернувшись, он покачал головой:

— Там ни души, дорогая.

— Но я видела лицо!

— Тебе, должно быть, померещилось со страху.

— Ты все проверил? Следов от колес звездолета тоже нет?

— Следы там действительно есть.

— Ага!

— Но это следы от наших собственных катеров.

— Наверное, у меня просто нервный срыв, — сказала Друзилла с дрожащим смешком. — Скорей бы все это кончилось!

Они поцеловались, Друзилла села в свой космический катер и отправилась в Истрад.

Руфус задержался на Анастрагоне чуть дольше. Он поджарил себе на газовом рожке зефира, насадив его на кончик шпаги и раздумывая о том, что сказала Друзилла. Хорошая она девочка, Друзилла, только чересчур серьезна и склонна к истерикам. Все это ерунда на постном масле. Руфус и не думал предавать Драмокла. Если на то пошло, он лучше погибнет вместе с Драмоклом и со всей Вселенной в пламени атомного костра, но дружбы своей не предаст. Хотя до этого не дойдет. Кто-кто, а Драмокл умеет таскать зефир из огня — вернее сказать, каштаны. Дру поймет, как она заблуждалась, если, конечно, они останутся в живых.

На самом деле Руфус был не прочь повоевать — так же, как и его друг Драмокл.

Глава 32

В полутемной Военной палате Ультрагноллского дворца царило напряженное ожидание. Экраны мониторов пестрели крошечными блестящими корабликами, шедшими за рядом ряд. Два космических флота сближались в бескрайнем пространстве. С одной стороны — звездолеты Руфуса, построенные стройной фалангой. Они были неподвижны и готовы к бою, застыв на линии космической границы Друта. Неприятель надвигался на них двойным клином. Супердредноуты Джона находились на правом фланге и в центре, кольчатые суда Хальдемара — слева. Драмокл видел, что вражеский флот значительно превосходит войско Руфуса. Джон пустил в ход все свои резервы. Помимо судов регулярного флота, на экране виднелись громоздкие грузовые корабли, оборудованные ракетными установками, скоростные гоночные яхты с наспех присобаченными торпедами, экспериментальное судно с выпуклыми лучевыми

прожекторами. Джон собрал все, что только могло оторваться от планеты и присоединиться к флоту.

Полиэкранное оборудование, доставшееся в наследство от древних, позволяло Драмоклу не только наблюдать, но и слушать разговор между Руфусом и графом Джоном.

— Привет, Руфус, — сказал граф Джон с деланой небрежностью.

Руфус, сидевший в центре управления, нажал на кнопку точной настройки:

— Привет, Джон, привет. В гости пожаловал, да?

— Точно, — сказал Джон. — И друга с собой привел.

На другом экране появилась лохматая голова Хальдемара.

— Здорово, Руфус. Сколько лет, сколько зим!

— Да, давненько не видались, — строгая перочинным ножом ивовую ветку, откликнулся Руфус. — Как дела на Ванире, дружище?

— Как обычно, — сказал Хальдемар. — Солнца мало, холодрыга, ни тебе промышленности, ни приличных баб.

— Да, жизнь у вас там суровая. А как с тем большим проектом, что был предусмотрен для Ванира?

— Ты имеешь в виду «Шлигте продакшнз»? Они собирались снимать у нас свой эпохальный военный боевик «Бобовые солдаты». Для моих парней там, конечно, нашлась бы работенка, да только съемки отложили на неопределенный срок.

— Да, — сказал Руфус. — Таков шоу-бизнес.

Непринужденный дружеский разговор о том о сем не мог, однако, скрыть напряжения, пробивавшегося сквозь небрежно роняемые слова подобно тому, как пробивается стальная нить накаливания сквозь набитую волокнистым наполнителем прокладку. Наконец Руфус сказал:

— Что ж, приятно было поболтать с вами, друзья. Могу ли я чем-то вам помочь?

— Ну разумеется, Руфус, — ответил Джон. — Мы просто идем своей дорогой на Глорм. У нас и в мыслях нету ссориться с тобой. Я и мои ребята будем очень признательны тебе, если ты попросишь своих ребят посторониться и дать нам пройти.

— Мне очень жаль, — сказал Руфус, — но, боюсь, я не смогу выполнить вашу просьбу.

— Ты прекрасно знаешь, Руфус, что мы пришли сюда разобраться с Драмоклом, — сказал Джон. — Пропусти нас. Тебя это не касается.

— Одну минутку. — Руфус повернулся к боковому дисплею, в электронную схему которого был встроен двойной

шифратор, и спросил у Драмокла: — Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Драмокл взглянул на дифференциальный акселератомер. Судя по его показаниям, звездолеты Джона и Хальдемара потихоньку ползли вперед — еле-еле, не спеша, но все-таки неумолимо приближаясь к фаланге Друта.

Драмокл уже велел своим собственным судам занять круговую оборону по периметру Глорма. С Руфусом он договорился, что тот будет удерживать позицию и ждать дальнейших приказаний. И тут за спиной короля послышался шум перебранки. Часовые спорили с человеком, пытавшимся проникнуть в Военную палату. Драмокл обернулся и увидел Макса. С ним была какая-то женщина.

— В чем дело? — спросил Драмокл.

— Вы уже отдали Руфусу приказ? — торопливо крикнул Макс. — Нет? Слава богу! Сир, вы должны выслушать меня и эту молодую леди. Вас предали, милорд!

Неприятельский флот находился пока вне досягаемости для Руфусовых ракет. А значит, немного времени еще оставалось.

— Погоди-ка, Руфус, — сказал Драмокл. — Я свяжусь с тобой через минуту. — Король повернулся к Максу. — Входи. Надеюсь, Макс, что это не очередной плод твоей буйной фантазии. Как звать твою подружку?

— Меня зовут Сорочка, — сказала девушка.

Глава 33

Пока происходили все эти события, Друзилла сидела в своем замке в Истраде и думала. С Анастрагона она прямиком направилась домой. Настроение у нее в пути совершенно упало. Праведный гнев, вдохновлявший ее во время разговора с Руфусом, куда-то испарился. Она не могла понять, почему с такой готовностью поверила Чачу, хотя прекрасно знала о его ненависти к Драмоклу и неистребимой склонности ко лжи. Правильно ли она поступила? Убежденность покинула принцессу, и навалилась такая хандра, что терпеть ее не было мочи. К счастью, у ее психиатра, доктора Эйгенлихта, оказалось в тот день «окно».

Сеанс прошел чрезвычайно плодотворно. Друзилла поведала Эйгенлихту обо всем, что она наделала и почему, и тут же забилась в истерике.

Эйгенлихт подождал, пока она успокоится. Затем закурил

коротенькую и толстую черную сигару, сплел свои коротенькие и толстые черные ножки и заявил:

— Моя дорогая, это же настоящий духовный прорыв! Осознав истинные побуждения своего брата, вы не можете не понять своих собственных подсознательных побуждений, толкнувших вас с такой готовностью принять его предательский план. Теперь вы видите, что ваша знаменитая любовь к дорогому папочке служила всего лишь ширмой для тайной злости и жажды мщения.

— Но я люблю его! — простонала Друзилла.

— Конечно, вы его любите. Но и ненавидите тоже. Амбивалентность налицо. Да и могло ли быть иначе? Вспомните свое детство, подумайте о бесчисленных Драмокловых подружках! Папочка никогда не хотел позабавиться с малышкой Дру, верно? Малышка Дру мечтала быть папочкиной подружкой, но ее коварный папочка всегда обращался с ней как с ребенком и развлекался на стороне. Тем самым он посеял в вашей душе чувство бешеной ярости, неприемлемое для вашего сознания. Пытаясь сублимировать это чувство, вы ударились в религию, силясь направить вашу разрушительную энергию в русло высших материй. Вы и Руфуса полюбили по той же причине. Руфус — воплощенное самообладание, своего рода копия вашего отца, человек, не лишенный страстей, но не испытывающий страсти к вам. Как только у вас появился шанс отомстить Драмоклу, ваш рассудок, этот тайный прислужник вероломства, прикрыл ваши мстительные чувства вуалью благородных и возвышенных побуждений.

— Ах, доктор, — сказала Друзилла, — наверное, вы правы. Мне так стыдно!

— Ерунда. Такие чувства испытывает каждый второй. Вы совершили блестящий прорыв, моя дорогая, и должны гордиться собой. Это победа вашего «эго»! Лишив свой застарелый комплекс питавшей его ядовитой энергии, вы наконец полюбите отца по-настоящему.

— Ах, доктор Эйгенлихт, вы снова правы! — сказала Друзилла, улыбаясь сквозь слезы. — Я словно сбросила с плеч невыносимо тяжкое бремя. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Чего ж тут не понять? — откликнулся доктор Эйгенлихт. — Вы только не забывайте, что это всего лишь первая вспышка прозрения. Нам с вами предстоит еще немало потрудиться, дабы закрепить вашу победу.

— Да, конечно, — сказала Друзилла.

— Наше время почти истекло. В четверг на будущей неделе вам подходит?

— О господи! — спохватилась Друзилла. — Я совсем забыла! Мы же на пороге войны!

— Да? И какие ассоциации у вас это вызывает?

— Нет, доктор, я говорю о реальном положении. Мне необходимо срочно увидеться с отцом и Руфусом. Надеюсь, я еще успею предотвратить гибель цивилизации!

Доктор Эйгенлихт спокойно улыбнулся ей и расплел свои коротенькие и толстые черные ножки.

— Так, значит, если цивилизация не погибнет, — сказал он невозмутимо, — жду вас через неделю в тот же час.

Глава 34

— Макс! — сказал Драмокл. — У меня нет времени на Тлалока. Вот-вот начнется настоящее сражение.

— Знаю, сир, — сказал Макс. — Поэтому я и пришел. У меня для вас совершенно сногсшибательная новость, впрямую касающаяся войны. Речь идет о предательстве.

— Предательстве? Военном?

— Да, милорд!

— Кто?

— В том-то вся и печаль, — сказал Макс. — Леди Сорочка представила мне неопровержимые доказательства того, что Руфус собирается предать вас в предстоящем сражении.

— Руфус, говоришь?

— Так точно, сир.

— Идем со мной, — сказал Драмокл.

Он провел Макса с девушкой в свободный кабинет, где стояли две продавленные тахты, несколько складных деревянных стульев и стол, заваленный кучами пыльных ксерокопий. Драмокл предложил им сесть. Потом налил из крана чашку капуччино и повернулся к Максу:

— Доказательства должны быть более чем убедительными, иначе я насажу твою башку на пику, как только мне принесут ее со склада.

— Давай свою кассету, девушка, — обратился Макс к Сорочке.

Сорочка открыла сумочку и протянула королю крошечный кассетник. В нем была одноразовая кассета «репроно». Запись на такую кассету (изобретение землян) можно было сделать только раз и прослушать тоже. Любая попытка скопировать запись или прокрутить ее повторно приводила к тому, что на «репроно» оставались лишь шипящие звуки помех, прерываемые старыми сводками погоды.

Драмокл прослушал пленку, запечатлевшую весь разговор между Руфусом и Друзиллой в охотничьем домике Анастрагона. Лицо короля исказилось гневом и изумлением.

— Предан! — сказал он наконец. — Своей любимой дочерью и лучшим другом!

Он зашатался и, наверное, упал бы, не подхвати его Макс и не усади в брезентовое режиссерское кресло. На спинке кресла было написано: «Драмокл Rex[1]. Другого козла отпущения не ищите».

— О нежданный удар беспощадных богов! Красноглазое горе настигло меня, ибо лучший мой друг — нет, не друг, а двуликий изменчивый Янус, — злу предавшись, посмел посягнуть...

— Вы, наверное, хотели сказать «Руфус», — перебил его Макс.

Глаза Драмокла полыхнули огнем. Стража, правильно истолковав его слова, подбежала и схватила Макса. Слишком поздно до несчастного дошло, что он преступно прервал монолог, произносимый протагонистом в момент душевного потрясения. Такое преступление каралось смертью. Макс пытался что-то сказать, но слова застревали у него в горле. Он пал на колени, сложив молитвенно ладони на груди.

— Черт с ним, отпустите его! — проворчал Драмокл, обращаясь к страже. — Я произнесу речь потом, пользуясь своим правом короля, протагониста и трагического героя. А сейчас у нас есть другие дела. Стало быть, Руфус предаст меня, выполнив мой приказ наоборот? Дайте сюда телефон!

Как только наладили связь, Драмокл закричал:

— Руфус! У тебя все в порядке?

— Все в норме, сир.

— Неприятель?

— Постепенно приближается.

— Не преграждай им дорогу, Руфус. Отведи свои корабли и пропусти их.

— Но докуда, сир? До самого Глорма? У вашего флота не хватит сил, чтобы отбросить косматых ванирских берсерков с прилизанными карминосольскими клерками в придачу.

— Это военная хитрость, не бойся.

— Значит, ты размолотишь их, старина?

— Да, и проглочу вместе с костями, — сказал Драмокл, скрипнув зубами.

— Ты можешь изложить мне свой план?

[1]Король (*лат.*).

— Не по телефону. Верь мне, дружище. В нужный момент и ты сыграешь свою роль.

— Ладно, — сказал Руфус. — Пусть будет так, как ты хочешь.

Драмокл повесил трубку.

— О'кей. Раз я велел ему пропустить врагов, значит, чтобы предать меня, он должен будет их задержать. Таким образом я выиграю время, чтобы перегруппировать суда и составить план контратаки...

— Драмокл! — сказала Сорочка.

— Что тебе, девушка?

— Вы можете сделать кое-что получше.

— А именно?

— Заключить мир. На любых условиях, главное — мир!

— Боюсь, уже слишком поздно, — сказал Драмокл. — А кроме того, такова моя судьба.

— В том-то и дело! — выпалила Сорочка. — Это вовсе не ваша судьба! Это чья-то чужая судьба! Вами манипулируют, Драмокл, вас обманывают и морочат! Вы считаете, будто сами распоряжаетесь собой, но на самом деле вас тайно направляет кое-кто другой, принуждая действовать вопреки вашим сокровенным желаниям, чтобы достичь исполнения своих!

— И кто же этот таинственный персонаж?

— Тлалок!

Драмокл внимательно вгляделся в ее искренние голубые глаза.

— Дорогая моя, — сказал он ласково, — у меня нет времени на обсуждение заговоров. Тлалока не существует. Его придумал Макс.

Девушка энергично замотала головой:

— Макс и сам так считал поначалу, пока не прозрел. Дело в том, что имя ему подсказал сам Тлалок, передав внушение с помощью астральной телепатии с той планеты, где он живет.

— Бред какой-то! Что за планета, о чем ты говоришь?

— О Земле, милорд.

— Земля лежит в руинах.

— Я не имею в виду ту самую Землю, — сказала Сорочка. — Земля существует в бессчетных количествах, каждая на своем уровне реальности. Как правило, пересечь границу этих уровней невозможно. Но в данном исключительном случае между Глормом и Землей образовалась связь. Их связывает червоточина в космической пене.

— Ничего не понимаю, — сказал Драмокл. — Зачем нам все эти сложности? И вообще, откуда у тебя такая информация?

— Я сама с той Земли, король. Я могу представить вам до-

казательства, но это займет слишком много времени. Молю вас пока поверить мне на слово. Тлалок существует, и он обладает великой магической силой. Ему нужен Глорм, поэтому он заставляет вас плясать под свою дудку.

Драмокл посмотрел на ближайший монитор, но увидел лишь беспорядочный хаос разноцветных точек и мигающих черточек. Космические суда маневрировали, и ситуация пока оставалась неясной.

— Хорошо, — сказал Драмокл. — Кто ты такая? Что здесь происходит, черт побери?

Глава 35

Сорочка рассказала Драмоклу, что родилась на Земле, в Плейнфилде, штат Нью-Джерси, лет двадцать шесть тому назад. Тогда ее звали Мира Грицлер. Нормальная во всех прочих отношениях, Мира, к несчастью, в шестнадцать лет весила 226 фунтов. Виною было какое-то нарушение обмена веществ, с которым не могли справиться земные врачи и которое исчезло само собой через десять лет, когда Мира переправлялась по космической червоточине с Земли на Глорм. Но в ту пору она об этом, естественно, не знала. В шестнадцать лет она была одинокой толстой девочкой и первой ученицей в классе. Одноклассники смеялись над ней и никогда не приглашали на пижамные вечеринки.

Жизнь казалась беспросветной, пока не свела ее с семнадцатилетним Роном Баглитом. Высокий, костлявый и рыжий, он был обаятелен и как-то по-деревенски добродушен с виду. Он был президентом школьного компьютерного клуба. Он был почетным гостем первого съезда фанов научной фантастики Северной Кореи в Пхеньяне. Он даже издавал свой журнал под названием «Действие на расстоянии: журнал, посвященный изучению невидимых сил, которые формируют нас». Рон был поклонником теории заговоров.

Он верил, что на историю человечества оказывают влияние тайные силы и скрытые факторы, не признаваемые «официальными» историками. Многие люди в Америке верили в нечто подобное, но Рон не верил тому, чему верили они. Он глядел на большинство поклонников теории заговоров свысока, как на легковерных и наивных простаков. Эти людишки верили в Атлантиду, Лемурию, в деров, живущих в подземных пещерах, в маленьких зеленых человечков с Марса — словом, в любую мало-мальски правдоподобную чушь. Легковерными людьми манипулировал некий высший разум, и действия его были со-

крыты от всех, кроме самых проницательных. Фальшивый заговор был отличным прикрытием для заговора настоящего.

Рон верил, что высший разум периодически манипулировал человечеством на протяжении всей писаной истории. По его мнению, это продолжалось и поныне. Он даже догадывался, кто стоит во главе заговора.

Все следы, обнаруженные Роном за несколько лет, вели к одной организации — мощной корпорации под названием «Тлалок, инкорпорейтед».

Мира приняла участие в расследовании Рона. Они находили все новые и новые доказательства влияния Тлалока на самых высоких уровнях общества. Начинал вырисовываться образ огромной тайной корпорации, захватывающей власть с помощью коррупции и психического контроля. «Тлалок, инкорпорейтед» умела привлекать к себе людей и вербовать сторонников. Работавшие на компанию люди, казалось, понимали друг друга без слов. Умные и высокомерные, они презирали всех, кроме своего лидера, таинственного и скрытного Тлалока.

Продолжая расследование, Рон с Мирой нашли немало свидетельств растущего влияния оккультизма. Один из новоиспеченных чиновников Тлалока, давший им интервью, намекнул даже, что долгожданное слияние науки и магии не за горами и что Тлалок будет управлять новым миропорядком. Позже, когда его спросили об этом еще раз, чиновник заявил, что не говорил ничего подобного, и пригрозил им судебным иском за клевету.

Скоро Мира поняла, что организация наслышана о них с Роном и недовольна. Местная полиция стала преследовать их. У Рона без объяснений отобрали лицензию на уличную продажу шоколадного печенья. Мире постановлением суда было запрещено продавать макраме, пока она не докажет, что все ее веревки сделаны в США. Начались телефонные звонки с непотребной руганью, а затем и с прямыми угрозами.

Когда положение стало совсем отчаянным, их навестил вежливый человечек лет шестидесяти со слуховым аппаратом и в полосатом костюме. Он представился как Джаспар Коул из Эврики, штат Калифорния, бывший производитель протезов, ныне на отдыхе. Коула и его друзей беспокоило растущее могущество «Тлалок, инкорпорейтед», но они не знали, как с ним бороться, пока не прочли в газете статью о Роне и Мире. Джаспар Коул пришел, чтобы предложить им финансовую поддержку в дальнейших изысканиях по разоблачению личности Тлалока и подлинных целей его организации.

Угрозы и притеснения сделались совсем уже наглыми, и Рон с Мирой, опасаясь за свою жизнь, ушли в подполье. Именно тогда Мира переменила имя и стала Сорочкой. Работая на

заброшенном складе в городе Уичито, штат Канзас, они с Роном собрали все недостающие доказательства самой большой аферы Тлалока — покупки услуг мафии на десять лет вперед.

Не вняв советам Миры, Рон передал доказательства в местную штаб-квартиру ЦРУ. Его вежливо поблагодарили и обещали вскоре с ним связаться. А через два дня Рон умер. Единственным свидетельством нечистой игры были зеленые пятнышки у него на ногтях, названные в официальном отчете «идиопатической аномалией». Но Сорочка знала, что такие пятнышки появляются от новейшего яда КЛАКА-5, бывшего на вооружении у ЦРУ.

Продолжая работать без Рона, Сорочка нашла помощь и поддержку у фанов научной фантастики всей страны. Оккультные группы, занимавшиеся белой магией, тоже помогали ей. И, словно благодаря ее долгой невидимой связи с Тлалоком, у Сорочки начали проявляться новые психические особенности. Их наличие подтвердилось при личном свидании с Тлалоком.

В городе Уэйко, штат Техас, Сорочка расследовала слухи о шабаше тлалопоклонников. Однажды в номере мотеля, где она жила, раздался телефонный звонок. Звонивший назвался Тлалоком. Поскольку она проявляет к нему такой интерес, сказал Тлалок, неплохо бы им встретиться. Он пошлет за ней машину немедленно.

Сорочка пережила минуты жуткой паники. Она не сомневалась, что говорила с самим Тлалоком; злая сила, звучавшая в его голосе, убеждала лучше слов. Да, это был Тлалок. Но, чтобы убить Сорочку, ему не нужно было вызывать ее на тайное свидание. Тлалок был достаточно могуществен, чтобы убрать ее в любую минуту. Нет, он вызвал ее с какой-то другой целью, и Сорочке было ужасно любопытно — с какой.

Лимузин повез ее по автостраде номер 61 мимо «Жареных цыплят Попая», «Гамбургеров Уэнди» и «Свиных шашлыков Толстяка», мимо «Рая для спортсменов» и «Оружия на продажу», мимо станции Экскон, «Магазина подержанных автомобилей Обаяшки Джонсона» и «Блинного бара Тощего Нельсона» в мотель «Аламо», расположенный в пригороде. Водитель велел ей идти в номер 231. Сорочка постучала, и ей предложили войти. В тускло освещенной комнате, поджидая ее, сидел в кресле лысый усатый человек. Он напомнил Сорочке Минга Безжалостного из древнего комикса Флэша Гордона. Она сразу поняла, кто он такой.

— Я Тлалок, — сказал он. — А ты Мира Грицлер, она же Сорочка и мой враг, поклявшийся меня уничтожить.

— Когда вы так говорите, это действительно звучит смешно.

Тлалок улыбнулся:

— Силы у нас неравны, ты права. Но у тебя есть потенциал, дорогуша. Хорошего врага негоже презирать. А рачительный маг всему находит применение.

— Значит, вы и вправду маг? — спросила Сорочка.

— Да, ты не ошиблась. Я так называемый черный маг — я служу самому себе и своим последователям, а не той иллюзорной абстракции, что люди называют богом. И я весьма могущественный маг, прости за нескромность. Мои способности значительно выше тех, коими обладали Парацельс или Альберт Великий, Раймунд Луллий или знаменитый Калиостро и даже печально знаменитый граф Сен-Жермен.

Сорочка не усомнилась в его правдивости. Тлалок был могущественным и злобным врагом — и в то же время в его присутствии она чувствовала себя в безопасности. Она понимала, что он хочет поговорить, хочет, чтобы им восхищались, а потому сейчас ей нечего бояться за свою жизнь.

— Должен признать, — продолжал Тлалок, — что в нынешний век магом быть легко. Дележ прибыли заменил сегодня религию, а бездумное преклонение перед наукой истребило последние остатки здравого смысла. Несколько столетий назад церковь сожгла бы меня на костре. Но фамильяров инквизиции сменили агенты ФБР и ЦРУ. Многие из них продажны, как и большинство других вещей в этом восхитительно прагматическом веке. Наука двадцатого столетия дает мне такое могущество, какое моим предшественникам даже не снилось. Она не только — в отличие от алхимии — приносит практические плоды, она представляет собою великолепную знаковую систему, которая сама по себе служит источником больших энергий.

Сорочка слушала, затаив дыхание. Злая воля, излучаемая магом, была почти осязаема и вселяла дурные предчувствия. Они сидели друг против друга в одинаковых креслах; единственная лампа отбрасывала на стену длинные тени.

— Будучи моим врагом, — сказал Тлалок, — ты, наверное, хотела бы разузнать о моих планах, чтобы меня победить. Вкратце скажу: в первую очередь я намерен захватить политический контроль над Америкой, и эта задача уже почти выполнена. Мои представители в Китае и Советском Союзе готовы взять под контроль свои правительства. Никаких грубых штучек типа *путчей*, просто власть де-факто, которая позволит мне контролировать всю Землю.

— Невероятно! — сказала Сорочка.

— О, это только начало, — заверил ее Тлалок. — Скорее

средство, нежели цель. Власть над Землей — всего лишь необходимое условие для достижения того, чего я хочу по-настоящему.

— Не понимаю, — сказала Сорочка. — Если вы будете править Землей, к чему еще вам стремиться?

— Ты не знаешь масштабов игры, которую я затеял. Наша Земля не имеет особого значения в космической схеме явлений, что бы там ни думали ее обитатели. Это всего-навсего одна планета в одной Вселенной на одном уровне реальности. А таких уровней много, Сорочка, равно как и вселенных, и копий Земли. В совокупности этих уровней — в Многоленной — любая случайность на любом уровне, будь то субатомном, молекулярном или психическом, рождает свои собственные вероятные миры, свою собственную вселенную, свой собственный отдельный слой реальности. Осознание постоянно расслаивающейся природы реальности и есть постижение истины. Перемещение между уровнями реальности — это удивительное путешествие, дающее одновременно и силу, и награду.

— Какую награду?

Тлалок уклонился от ответа.

— Если позволишь, я изложу тебе свой проект в практическом виде. Меня интересует планета под названием Глорм, существующая на другом уровне реальности, но связанная с нашим уровнем так называемой червоточиной в космической пене, если пользоваться современной терминологией. Контролировать проход между Землей и Глормом означает управлять двумя концами сверхмощного континуума. Чтобы добиться этого, я должен захватить власть не только на Земле, но и на Глорме.

— Но зачем? — спросила Сорочка. — Что вам это даст?

— Ты смотришь прямо в корень. Ничего удивительного, ведь ты же колдунья. Ты знала об этом, детка?

— Догадывалась, — сказала Сорочка.

— Ты колдунья, и ты знаешь ответ не хуже меня. Скажи, как по-твоему, какая у магии цель?

— Власть, — сказала Сорочка после минутного размышления.

— Да. А цель власти?

Сорочка подумала немного, потом сказала:

— У меня есть несколько ответов, но ни один из них не кажется мне правильным. Я не знаю.

— И все-таки, маленькая колдунья, ты знаешь довольно много для своего нежного возраста. Ответ придет к тебе. Когда ты узнаешь, в чем цель власти, ты сразу поймешь, зачем мне нужен Глорм.

— Ладно, — сказала Сорочка. — Но почему вы рассказываете мне все это? Что вы собираетесь сделать со мной?

— Я собираюсь помочь тебе, — ответил Тлалок.

— Не вижу никакого смысла.

— Ты мой враг, ниспосланный мне Вселенной или законом драматической борьбы, характерной для всего живого, — законом, который требует, чтобы у каждого протагониста был антагонист. Мне не дозволено действовать в вакууме, Сорочка. Я обязан иметь оппонента. И я рад, что моим противником стала именно ты.

— Могу понять вашу радость, — сказала Сорочка. — Я не очень-то опасный противник, верно?

— Да уж, — улыбнулся Тлалок, — опасной я бы тебя не назвал.

— Значит, если бы вы убили меня, Вселенная могла бы послать вам более грозного врага. Правильно я понимаю?

— Совершенно правильно. Мне искренне жаль, что мои не в меру усердные сторонники убили твоего самодовольного дружка Рона. Будь вы оба против меня, моя победа была бы гарантирована. Сейчас она всего лишь вероятна.

— Вы отвратительны, — сказала Сорочка.

— Ну, ты тоже не такая уж красотка, — заявил Тлалок. — Однако путешествие между реальностями поможет тебе сбросить лишний вес. Видишь ли, тебе придется отправиться на Глорм. Это твоя единственная надежда одержать победу.

— Как я туда попаду?

— Я сам пошлю тебя туда. Всегда рад услужить врагу. Но, конечно, только если ты захочешь.

— Да, я хочу! — сказала Сорочка.

Путешествие с Земли на Глорм будет описано позже. Сейчас же удовольствуемся тем фактом, что после соответствующего инструктажа и подготовки Сорочка очутилась в замке Друзиллы в Истраде.

Попытка окрутить Вителло была ее первым шагом к обретению статуса в этом мире. Но Чач лишил ее шанса и вышиб с планеты обратно в червоточину, откуда она выбралась только с помощью Тлалока. Переход из одной реальности в другую превратил невзрачную толстушку в стройную красивую женщину. Используя свои новообретенные ясновидческие способности, Сорочка просканировала сеть человеческих взаимоотношений и почуяла что-то странное в поведении Друзиллы. Сорочка последовала за принцессой на Анастрагон и записала ее разговор с Руфусом...

Глава 36

Лучшие техники Драмокла, столпившись вокруг большого трехмерного дисплея, пытались разобраться в хитросплетении разноцветных сигналов, световых полосок и каббалистических условных знаков, отображавших движение трех космических флотов — Друта, Карминосола и Ванира. Драмокл подошел к ним вместе с Максом и Сорочкой. Увиденное ни о чем не говорило Драмоклу; он решил положиться на мнение специалистов.

Наконец главный оператор ввел что-то в свой буфер и обратился к королю:

— Предварительный доклад, сир.

— Давай послушаем.

— В секторах 3А и 6В движение происходит вдоль оси 3Й с отклонением в шестьдесят семь градусов, а также...

— Переведи на простой глормийский, будь добр.

— Ну, в общем, враг движется прямо по направлению к Глорму — медленно, но с ускорением.

— А флот Руфуса?

— Флот Друта отходит.

— Он пропускает неприятеля?

— Да, сир, в точности как вы приказали.

Драмокл покачал головой:

— Даже на лучшего друга и то положиться нельзя! Почему Руфус не предает меня, как мы ожидали? Сорочка, ты уверена, что слышала то, что слышала?

— Абсолютно уверена, милорд.

— Ничего не понимаю. Должно же этому быть хоть какое-то объяснение!

Тут Драмоклов компьютер, который сидел в углу и, посмеиваясь, слушал их разговор, вышел вперед с огромным металлическим ящиком под мышкой и осторожно опустил его на пол.

— Возможно, вы найдете объяснение здесь, — сказал он, вытаскивая из-под шляпы телеграмму.

— Опять ты со своими проклятыми записками! — проворчал Драмокл.

Он вскрыл телеграмму и быстро ее прочитал. Телеграмма была от Друзиллы. Вот что в ней говорилось:

ОТЕЦ ЗПТ МНЕ НЕ УДАЛОСЬ ДО ТЕБЯ ДОБРАТЬСЯ ЗПТ ПОЭТОМУ ПОСЫЛАЮ ЭТО СООБЩЕНИЕ ТВОЕМУ КОМПЬЮТЕРУ ТЧК О ЗПТ ОТЕЦ ЗПТ С ВЕЛИКИМ СТЫДОМ СОЗНАЮСЬ ЗПТ ЧТО Я ПОДБИЛА РУФУСА ПРЕДАТЬ ТЕБЯ РАДИ ВСЕОБЩЕГО ЗПТ КАК МНЕ КАЗАЛОСЬ ЗПТ БЛАГА ТЧК МОЙ ПСИХОАНАЛИТИК ПОМОГ МНЕ ПОНЯТЬ ЗПТ ЧТО ЭТО БЫЛ ВОЗРАСТНОЙ

КРИЗИС ТЧК УЖАСНО СОЖАЛЕЮ ТЧК Я СДЕЛАЮ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ ЗПТ ЧТОБЫ ИСПРАВИТЬ ТО ЗПТ ЧТО НАТВОРИЛА ТЧК УСПЕХА ТЕБЕ В ВОЙНЕ И ПОСТАРАЙСЯ ПРОСТИТЬ СВОЮ ЛЮБЯЩУЮ И ИСПОЛНЕННУЮ РАСКАЯНИЯ ДОЧЬ ДРУЗИЛЛУ ТЧК КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ.

— Ну что ж, — сказал Драмокл, — ее история не противоречит твоей, Сорочка. Однако, несмотря ни на что, Руфус исполнил мой приказ буквально, а не наоборот, как обещал Друзилле. Теперь мне ясно, что случилось. Когда дошло до дела, мой верный друг не смог заставить себя пойти на предательство. Только своей собственной подозрительности я обязан тем, что попал в ловушку. Слава богу, есть еще время, чтобы отменить приказ. Руфус должен остановить их.

И с неожиданным для такого крупного мужчины проворством Драмокл подбежал к телефону экстренной связи.

Глава 37

Маленький космический катер подлетел к переднему краю оборонительной линии Друта, сбросив скорость лишь тогда, когда орбитальные установки уже приготовились открыть огонь. Друзилла назвала себя, и катеру позволили сесть. Ссылаясь на крайнюю важность своего визита, принцесса поспешила по коридорам Друтской крепости в центр управления, где сидел Руфус.

— Моя дорогая, — сказал он, — сейчас не время для...

— Выслушай меня, Руфус! Все, что я говорила о необходимости предать Драмокла, — это ошибка, ошибка! Я, должно быть, совсем выжила из ума! О, Руфус, я все испортила!

— Ничего подобного, любовь моя, — сказал Руфус. — Я знал, что ты была не в себе, когда убеждала меня предать твоего отца. Поэтому, несмотря на данное тебе обещание, я в точности выполнил приказ Драмокла. Я знал, что ты передумаешь, старушка!

— Что он велел тебе сделать?

— Он приказал пропустить врага, не оказывая сопротивления. Поразительно оригинально! Только военный гений мог решиться на столь удивительный шаг.

— Но, дорогой мой, это очень странно.

— И потому похоже на Драмокла! У него наверняка заготовлен какой-то сюрприз.

— Может быть... Но возможно и другое объяснение.

Как раз в этот момент зазвонил телефон. Связист снял трубку.

— Это вас Драмокл.

Руфус взял трубку, внимательно выслушал и сказал:

— Будет исполнено, сир. Да... Что? Что вы говорите? — Он похлопал по рычажку, потом положил трубку. — Солнечные помехи. Конец я не расслышал. Но главное понял отлично. — Повернувшись к старшему оператору, Руфус распорядился: — Ждите дальнейших указаний.

— Минуточку, — сказала Друзилла.

— Да?

— Я должна тебе кое-что сообщить. Перед тем как отправиться сюда, я послала отцу телеграмму и призналась во всех своих грехах.

— Понимаю, — сказал Руфус. — И что ты написала обо мне?

— Я написала, что ты, поддавшись моим уговорам, предашь его.

— Проклятье! — сказал Руфус. — Что ж, я сам виноват. Не надо было морочить тебе голову. Обман, даже из лучших побуждений, всегда плохо кончается. Ладно, позже разберемся. А сейчас мне нужно выполнить приказ.

— Каким бы он ни был, — сказала Друзилла, — ты не должен его выполнять.

— Дру, у меня нет времени на все эти...

— Ты не понимаешь! Получив мою телеграмму, Драмокл поверил, что ты предашь его. А если так, то его последние приказы должны быть прямо противоположны тому, чего он в действительности хочет от тебя.

— Противоположны? Ты уверена?

— Более чем уверена, любовь моя.

Руфус попытался связаться с Драмоклом, но солнечная активность вкупе с глушителями, установленными на судах графа Джона, сводила на нет все попытки. Руфус велел связисту продолжать звонить и повернулся к Друзилле:

— Ты можешь поклясться, что он поверил в мое предательство? В предательство лучшего друга? Или это еще один план, *направленный против Драмокла*?

— О нет, я клянусь! — простонала Друзилла.

Руфус задумался. Драмокл выразился кратко и недвусмысленно. «Задержи их!» — он сказал. Но чего он хотел на самом деле? Руфус шагал взад-вперед, а драгоценные секунды истекали. В конце концов он принял решение.

— Пусть меня и ославили предателем, — сказал он, — я докажу свою преданность в глазах небес, исполнив желание моего повелителя, ошибочно полагающего, будто я его предаю.

Руфус повернулся к главному оператору:

— Продолжай отводить корабли назад. Мы пропускаем противника. Так желает Драмокл!

Глава 38

Скоро Драмоклу стало ясно, что флот Руфуса даже не пытается остановить противника. Фаланга по-прежнему отступала, в то время как объединенный флот Джона и Хальдемара неумолимо приближался к Глорму.

Драмокл протянул телеграмму Друзиллы Сорочке. Та прочла ее, подумала и спросила:

— Где сейчас леди Друзилла?

— Дома, надо полагать, — сказал Драмокл.

Короля соединили с Истрадом. Дворецкий ответил ему, что пару часов назад жрица улетела по срочному делу на Друт.

— Зачем ей понадобилось лететь сейчас на Друт? — задумчиво протянул Драмокл.

— Есть только одно объяснение, — сказала Сорочка. — Принцесса отправилась к Руфусу и созналась в том, что послала вам телеграмму. Руфус, полагая, что вы считаете его предателем, пытается выполнить ваше истинное желание, а следовательно, делает обратное тому, что вы приказали.

— Это слишком сложно для Руфуса, — сказал Драмокл. — Хотя все может быть. Ну и неразбериха! Ладно, сейчас мы все поправим. Еще один приказ — и флот Друта все-таки вступит в бой.

Драмокл протянул руку к телефону. Но не успел он набрать номер, как посреди Военной палаты вспыхнул яркий пурпурный свет. Он сильно пульсировал, и где-то внутри в такт звенели колокольчики. Засверкали красные и желтые лучи, блестящие, как средневековое красноречие, загремели трубы и литавры, не обошлось и без глухой барабанной дроби, раздавшейся под конец.

Когда пурпурный свет погас, на его месте возник человек — рослый, крепкого сложения, в длинном переливающемся плаще с высоким воротником. Под плащом виднелся простой комбинезон из красного нейлона. Мужчина был в годах, совсем лысый, с тонкими висячими усами, придававшими ему сходство с Мингом Безжалостным.

Все остолбенели, кроме компьютера, который сделал вид,

будто занят своими делами. В конце концов Драмокл отыскал свой язык — как выяснилось, прилипший к небу — и спросил:

— Отец! Это действительно ты?

— Ну конечно, — ответил Отто. — Неплохой сюрприз, да, сынок?

Сорочка нервно дергала Драмокла за рукав:

— Вы говорите, он ваш отец? Не может быть! Я встречалась с ним на Земле. Это Тлалок!

— Мне все это совершенно непонятно, — сказал Драмокл, — и еще менее приятно. Я полагал, что ты умер, отец. Похоже, нам о многом надо поговорить. Но сначала я должен сделать один очень важный звонок.

— Руфусу, очевидно, — сказал Отто. — Прошу тебя, повремени. Я хочу сообщить тебе нечто важное. И тогда ты примешь решение.

Драмокл скептически усмехнулся:

— Постарайся побыстрее. У меня тут с минуты на минуту начнется межпланетная война.

Отто уселся в кресло, скрестил ноги, дернул «молнию» на кармане комбинезона и вынул сигару. Закурив, он сказал:

— Всех вас, наверное, удивляет мое появление — ведь считается, что я погиб при взрыве лаборатории на Глизе тридцать лет тому назад. На самом же деле...

Почуяв, чем дело пахнет, все присутствующие в Военной палате приготовились к длинной и неизбежной вставке в повествование.

Глава 39

Отто взошел на глормийский престол сразу после подавления суессейского движения — ереси, которая, как бы абсурдно это ни казалось сегодня, угрожала в то время вовлечь весь Глорм в гражданские и религиозные распри. Хотя наша история вовсе не является историей политики или религии, равно как и летописью жизни на Глорме с древнейших времен, нам не обойтись без небольшого отступления, если мы хотим, чтобы неглормийскому читателю стали понятнее времена правления Отто.

До поры до времени Глорм развивался так же, как и множество других планет. Рожденная огненным солнцем планета постепенно охладилась и сформировалась. Атмосфера на ней была богата кислородом. Океанов и озер, необходимых для жизни протоплазмы, было в изобилии. Зажглась ли первая искра жизни на Глорме сама собой или же ее заронили извне — этого ни-

кто не знает. Но природа внезапно засучила рукава и занялась делом. Пошел обычный процесс изменения простейших форм в более сложные: лишайник сменили сосновые леса и цветущие растения, настала и прошла эра рептилий, рыбы вылезли на берег и превратились в млекопитающих, появились человек, примитивная техника, зачатки философии и науки и так далее. До сих пор развитие Глорма, повторяем, шло обычным путем.

Только одно отличало Глорм, а также Карминосол и Друт от прочих миров. А именно: огромные рукотворные курганы, длиною порой до нескольких миль, разбросанные там и сям по равнинам планет. «Навозные кучи», как их окрестили, существовали с доисторических времен. Объяснить их происхождение никто и не пытался. Первобытные люди поклонялись им как реликвиям, оставленным ушедшими богами. Но время шло, и людей стало разбирать любопытство — им хотелось узнать, что же скрывается под курганами. Однако попытки выяснить это разбились о бетонное покрытие, обнаруженное под футами грязи и скрывавшее внутренности навозной кучи подобно раковине.

Раскрыть первую раковину удалось только во времена Гора Плавителя. Гор был инженером бронзового века, открывшим тайну выплавки металла во сне, когда дух по имени Бессемер объяснил ему технологию процесса. Процесс Гора, как его стали называть, позволил глормийцам обзавестись металлическими орудиями и пробить бетонную оболочку.

Внутри навозных куч оказалась уйма техники, действующей до сих пор, по прошествии бесчисленных столетий. Несколько громадных куч содержали в себе звездолеты, и это открытие вытолкнуло Глорм в эру космических полетов, несмотря на отсутствие квантовой механики.

Главная находка была обнаружена в длинной навозной куче на Глорме у подножия Сардапианских Альп. Этот курган, сорока миль в длину и пяти в ширину, был битком набит звездолетами, упакованными почти впритык и разделенными только странной белой субстанцией, опознанной позже как пенополистирол. Из кучи извлекли как минимум пятнадцать тысяч кораблей, годных к употреблению, и еще несколько тысяч растащили на сувениры. Звездолеты были компактные, простые в управлении, оснащенные лазерным оружием и приводимые в движение запаянными энергоблоками. Глормийские ученые пришли к выводу, что звездолеты изготовлены на древней Земле. Причина их скопления на Глорме, Карминосоле и Друте осталась невыясненной. Предполагалось, что корабли как-то связаны с попыткой землян покинуть обреченную планету — попыткой, не удавшейся в полной мере из-за внезапности до сих пор не объясненной аэрозольной катастрофы. Так Глорм и дру-

гие планеты вступили в эру освоения космоса, вскоре обернувшуюся эрой космических войн.

Как раз в это время ванирцы мигрировали из центра Галактики на своих кольчатых внахлестку судах и вторглись в историю, значительно ее усложнив. Но многочисленные войны, союзы, договоры и битвы с участием ванирцев не являются предметом нашей истории.

Уже в тот период предпринимались попытки сформировать планетарное правительство, однако Глорм объединился политически лишь во времена правления Илка Лжесвидетеля, прозванного так за то, что он не гнушался никаким враньем для достижения своих целей. Планетарное объединение породило, в свою очередь, мечту о централизации власти над Местными планетами, или о «Вселенском правлении», как его претенциозно называли. Глормийская империя пришла и ушла, и дед Драмокла Дил Непостижимый впервые во всеуслышание объявил идею централизации власти вздорной, предложив взамен республиканский принцип взаимоотношений между королями. Отто продолжил дело своего отца, и к концу его правления в Местной системе воцарился мир.

Отто был человеком большого ума, железной воли и ненасытного честолюбия. Когда военные баталии — спорт королей — благодаря его собственным усилиям стали ему недоступны, король пустился на поиски занятия, достаточно опасного и захватывающего, чтобы увлечь его непостоянную натуру. Испробовав шахматы, ловлю форели, пейзажную живопись и велосипедный марафон и преуспев в них во всех, Отто увлекся оккультизмом.

Во времена Отто оккультизм включал в себя также и науку, непостижимо загадочную для глормийцев, унаследовавших готовую технику, которой они пользовались вслепую, не понимая, как она действует, и не умея починить ее, когда она ломалась. Отто подошел к изучению проблемы сразу с нескольких сторон. Король подозревал, что наука и магия — реалии сосуществующие и во многом взаимозаменяемые. Но, несмотря на глубокую интуицию, Отто так и остался бы жалким дилетантом, не купи он как-то в счастливую минуту высокоразвитый земной компьютер вместе с искусным роботом-техником по имени доктор Фиш. За две эти почти одушевленные машины он заплатил королю Свену, отцу Хальдемара, стадом свиней размером с грузоподъемность тысячи судов. Шашлычное изобилие, долго царившее после этого на Ванире, стало одной из ярчайших страниц в истории планеты.

Компьютер смело можно было назвать живым существом, хотя у него и не было никаких телесных отправлений, если не

считать случайных и необъяснимых электрических выбросов. В своей земной жизни он встречался с сэром Исааком Ньютоном. В 1718 году, когда они увиделись впервые, Ньютон был уже признан самым выдающимся ученым Англии. Тихий, скромный человек, вполне удовлетворенный почестями, воздаными его достижениям, Ньютон решил утаить свои открытия в области магии от суеверной знати, среди которой он жил. Мир, по его мнению, не сможет правильно воспринять такое знание, пока человечество не достигнет гораздо более высокого уровня научного и нравственного развития. Ньютон хранил свои оккультные познания в тайне, лишь намеком коснувшись их в своем многотомном труде о магии, который писал в последние годы жизни. Но он не видел вреда в откровенных беседах со странным, блестящего ума латышским беженцем, зарабатывавшим себе на жизнь шлифовкой линз для Левенгука.

В свою очередь, компьютер посвятил в тайны Ньютона Отто, хотя и не считал их заслуживающими интереса. Компьютер интересовали люди — он находил их более занятными и менее предсказуемыми, нежели субатомные частицы, чьи свойства и конфигурации он изучал раньше. Когда его просили объяснить непоследовательность, алогизм и даже прямые противоречия в его поведении, компьютер отвечал, что он учится быть человеком. Собственная история компьютера — кем он был изготовлен, как попал в Лондон восемнадцатого века, каким ветром его занесло в числе других военных трофеев на Ванир, — хоть и по-своему интересная, к нашему повествованию отношения не имеет.

Взяв компьютер в наставники и почти не показываясь на люди, Отто углубился в постижение вещей необычайных и заумных. У него оказался выдающийся талант к магическому искусству. Компьютер частенько повторял, что Отто превосходит всех известных ему магов, в том числе Альберта Великого, Парацельса и даже Раймунда Луллия, энциклопедически образованного эрудита с Майорки. Больше всего Отто напоминает ему, говорил компьютер, одного землянина по имени доктор Фаустус, великого мага, плохо, впрочем, кончившего, чья история изложена во множестве искаженных версий.

Настоящие маги, как правило, люди в высшей степени практические. По сути дела они не что иное, как биржевые маклеры духа, старающиеся заполучить монополию на самый драгоценный из товаров — на долгожительство. Жизнь лежит в основании любого предприятия, а, стало быть, приобретение ее — самое основательное из занятий. Маг, провидец, шаман или мистик стремится обрести вечную молодость в астральных путешествиях. Длительные упражнения в трансе наделяют его

способностью отделять сознание от тела и проецировать свою сущность в другие места и времена. Личность мага способна пережить его телесную оболочку, по крайней мере на время. Сколь долгое — зависит от его власти над теми силами, что он сможет привлечь, взнуздать и направлять. Жизнь — это вопрос энергии и власти.

Современные маги могут обойтись без утомительных ритуалов прошлого, черпая энергию из непосредственных источников, таких, как взрывы атомов или разрывание молекулярных связей. Контролируя эти силы с помощью линий мандалы, маги способны проецировать себя в другой мир и другую реальность.

Путешествие между реальностями есть путь к жизни вечной.

Обо всем об этом говорил Отто своему двадцатилетнему сыну Драмоклу перед полетом в лабораторию на Глиз — самый мелкий из трех спутников Глорма, — взрыв которого, как считалось, разнес в клочья и самого короля.

На самом деле Отто не погиб. Взрыв был им запланирован. Направляя его, оседлав его, слившись с ним, Отто унесся в другое измерение по червоточине в космической пене. Там, куда он прибыл, существовала планета под названием Земля с историей, отличной от истории Земли в реальности Отто. Но в этой реальности не существовало Глорма.

В своей последней беседе Отто поведал Драмоклу и о его судьбе. Юный Драмокл был ошеломлен своим грядущим величием, ибо Отто намеревался сделать бессмертным не только себя, но и сына, чтобы они жили в космосе как боги, независимые и не связанные абсолютно ничем. Драмокл согласился с утверждением отца, что знание о судьбе необходимо на время стереть из его памяти. Отто положил себе тридцать лет на завоевание Земли. Драмокл в этот период должен был править Глормом тихо, пассивно и бессознательно. Ему оставалось только ждать, и для его же блага лучше было не знать, чего он ждет.

— Но теперь, — сказал Отто, — сдернут последний покров. Мы снова вместе, дорогой мой сын, и судьба твоя вот-вот сбудется. Приближается последний акт.

— Какой последний акт? — спросил Драмокл.

— Я говорю о тотальной войне, которая начнется вскоре: ты вместе с Руфусом против Джона с Хальдемаром. Так я запланировал, а значит, так тому и быть. Нам нужно грандиозное атомное всесожжение, способное снабдить нас энергией, которая открыла бы червоточину между Землей и Глормом и держала бы ее открытой... Тогда мы сможем путешествовать между

реальностями сколько душе угодно, пользуясь своей властью для обретения власти еще большей. Я и ты, Драмокл, и наши друзья — мы будем контролировать доступ к другим измерениям. Мы станем бессмертными и заживем как боги.

— А цена вас не смущает? — спросил Драмокл. — Разрушения будут невообразимыми, особенно на Глорме.

— Да, конечно, — сказал Отто. — И никто не сожалеет об этом больше, чем я. Если бы существовал какой-нибудь другой способ, я непременно прибегнул бы к нему.

— Войну еще можно остановить.

— И тем самым положить конец нашим мечтам, нашему бессмертию, нашей богоравности! Все эти люди так и так умрут через несколько десятилетий. Мы же с тобой можем жить вечно! Твоя судьба, Драмокл, в твоих руках. Решайся. Что ты выбираешь?

Глава 40

Мгновение выбора! Долгие годы ожидания наконец позади. Теперь Драмокл узнал, какова его судьба и какой чудовищный выбор предстоит ему сделать, чтобы она сбылась. Знание подавило его своей тяжестью, требуя принять мучительное решение. Все, бывшие в Военной палате, смотрели на Драмокла, кто затаив дыхание, а кто и не затаив. И каждое мгновение, казалось, тянулось все дольше и дольше, словно время замедлило свой ход, ожидая завершения Драмокловых раздумий.

Сорочка пыталась прочесть выражение желтых глаз Драмокла. К чему он склоняется? Испытывает ли он сочувствие к миру смертных, к которому пусть временно, но все-таки принадлежал? Или же колдовскому красноречию Отто удалось заворожить вообще-то добрую, однако такую переменчивую душу короля?

Губы Драмокла дрогнули, но, хотя окружающие прислушивались очень напряженно, никто не услыхал ни слова — ничего, кроме слабого выдоха, который, несмотря на очевидное отсутствие в нем смысла, каждый принялся толковать по-своему.

В конце концов Драмокл глубоко вздохнул и сказал:

— Ты знаешь, пап, бессмертие — штука чертовски заманчивая. Но убивать ради него всех, кроме своих друзей, нехорошо. Это не просто *подлость* — с чем я мог бы еще примириться, — это абсолютное *зло*.

— Да, конечно, — согласился Отто. — Тот, кто обрекает на смерть, дабы продлить свое собственное существование, с полным основанием может быть назван злым теми, кого он обрека-

ет. Но не будем излишне сентиментальны. Убийство ради жизни — всеобщее правило, не знающее исключений. Кролик для морковки — само воплощение зла. Так устроена жизнь, вся ее цепочка, сверху донизу.

Над считывающим устройством загудел сигнал тревоги. Главный оператор привлек внимание Драмокла к экрану: корабли Руфуса по-прежнему отходили, не вступая в контакт с противником. Если Драмокл желает какой-либо помощи от флота Друта, сказал оператор, решение нужно принимать немедленно.

— Я могу дать тебе небольшую отсрочку, — сказал Отто. — Я сотворю малюсенький нексус, и мы закончим разговор, временно пребывая вне времени.

Отто соорудил маленький нексус. Выглядел он как полушарие из прозрачной блестящей материи, которое обволокло всю Военную палату.

— Я знал тебя как доброго отца и отзывчивого человека, — сказал Драмокл. — Неужели ты способен убить миллионы человек, даже если получишь в награду бессмертие?

— Ты никак не хочешь понять, — сказал Отто, — что с точки зрения бессмертного люди так же эфемерны, как комнатные мухи. И все же я сохранил бы им жизнь, если б мог. Но когда тебе надо только руку протянуть, чтобы стать богом, обычная человеческая мораль становится неуместной.

— Нет, это не для меня, — сказал Драмокл.

— Тогда забудь о бессмертии. В любом случае бессмертие — концепция идеальная. В действительности речь идет о неограниченном долголетии. Мы просто пытаемся перейти из одного мгновения жизни в другое, точь-в-точь как и прочие живые существа. Настоящее мгновение и надежда на мгновение будущее — вот все, что нам дано.

— То есть мы живем сейчас, — сказал Драмокл, — и убиваем для того, чтобы жить потом. И так будет продолжаться вечно. Я правильно понял?

— Не вечно, — сказал Отто. — Так долго, как ты пожелаешь. День ли ты хочешь прожить или вечность — в любом случае тебе приходится принимать одни и те же решения, делать один и тот же мучительный выбор. Чтобы жить, нужна энергия. Она одинаково необходима и розе, и розенкрейцеру. Смерть — всегда результат нехватки сил.

Отто сделал паузу, чтобы посмотреть, как держится нексус. Тот растворялся со своей обычной скоростью. Оставалось еще несколько мгновений безвременья.

— Поскольку сила, она же власть, — непременное условие существования, вполне естественно добиваться ее, чтобы продлить свою жизнь. Но при этом нужно учитывать последствия. В природе не существует устойчивого равновесия — нет такой точки, дойдя до которой ты можешь остановиться и сказать: «Все, достаточно. Теперь я немного передохну». Достаточно не бывает никогда; власть должна прибавляться постоянно, как энергия, иначе — смерть. Борьба за выживание — закон всеобщий. Власть, которой обладает один, становится злом для других, и это непреложно на всех уровнях жизни. Когда же на сцене появляется разум, жажда власти обостряется, хотя ее начинает сдерживать мораль. Ты стоишь сейчас на том рубеже, где разум должен либо распрощаться с инстинктами, либо погибнуть. Выбирай, Драмокл: ты можешь жить как бог или умереть как человек. Все свидетельства и доводы исчерпаны. Пора принять решение.

Не успел Драмокл ответить, как вперед выступил компьютер, поставив одну из ног на до сих пор не объясненный металлический ящик.

— Считаю своим долгом заметить, — сказал компьютер, — что исчерпаны еще не все свидетельства.

— Верно, — подхватил Драмокл. — Что, например, находится в этом до сих пор не объясненном металлическом ящике?

— К нему мы вернемся позже, — сказал компьютер. — А сейчас я отдам вам то, чего вы так долго ждали. Это ключ. *Ключевой* ключ. И он откроет ключевой отрезок памяти.

— Назови мне его, — велел Драмокл.

— La plume de ma tante[1], — сказал компьютер.

Глава 41

Ключевой ключ открыл воспоминание о дне тридцатилетней давности. Отто только что улетел на своей космической яхте в лабораторию на спутник Глиз, который вскоре должен был взорваться, как считалось, вместе с королем. Правду знали только Драмокл, компьютер и доктор Фиш.

Драмокл всегда вспоминал отца с любовью и благодарностью. По крайней мере, так он думал. Но в *этом* воспоминании все было иначе. Тут он не любил отца, не любил с самого детства, считая его человеком деспотичным, подлым, черствым и помешанным на оккультизме.

Отто побеседовал с сыном перед отъездом, но разговор не получился. Молодой Драмокл был категорически против наме-

[1]Перо моей тетушки (*фр.*).

рения Отто обеспечить себе бессмертие ценой многих миллионов жизней. Отцовские планы относительно самого Драмокла и его правления тоже казались ему совершенно неприемлемыми. Драмокл пришел в бешенство, узнав, что отец не только не намерен умирать, но собирается также управлять сыном из могилы или откуда-то еще, превратив таким образом его жизнь всего лишь в сноску к своему чудовищно затянувшемуся существованию.

— Плевать я хотел на твои планы, — сказал Драмокл. — Когда я стану королем, то буду делать, что захочу.

— Ты будешь делать то, чего хочу я, — ответил Отто, — и притом добровольно.

Драмокл не понял. Он стоял вместе с доктором Фишем на самой высокой наблюдательной вышке Ультрагнолла, провожая взглядом отцовскую яхту — желтую точечку света, быстро растворившуюся в бездонной синеве небес.

— Слава богу, улетел, — сказал Драмокл. — Скатертью ему дорожка. Теперь наконец я смогу...

Он почувствовал, как что-то кольнуло его в руку, и удивленно обернулся к Фишу, державшему маленький шприц.

— Фиш! Что это значит? Зачем...

— Извините, — перебил его Фиш. — Но у меня не было выбора.

Драмокл сумел еще сделать два неверных шага по направлению к двери. И провалился в непроглядный мрак забытья, наполненный дикими криками птиц и жутким хохотом. Больше он ничего не чувствовал, пока не пришел в сознание.

Очнулся Драмокл в лаборатории доктора Фиша, привязанный ремнями к операционному столу. Фиш стоял над ним, разглядывая лезвие психомикротома.

— Фиш! — крикнул Драмокл. — Что ты делаешь?

— Я собираюсь произвести вам резекцию и реплантацию памяти, — сказал Фиш. — Я понимаю, что это непорядочно, но у меня нет выбора: я обязан подчиняться приказам своего владельца. Король Отто повелел мне изменить и перестроить все воспоминания, связанные с вашей судьбой, а главное — с вашей последней беседой. Вы будете думать, что он погиб во время атомного взрыва на Глизе.

— Фиш, ты сам знаешь, что так нельзя. Отпусти меня сейчас же.

— После чего мне велено вырезать, изменить, а также подменить многие другие воспоминания, вплоть до самых ранних. Вы будете помнить Отто как любящего отца.

— Эту бессердечную скотину!

— Он хочет остаться в вашей памяти щедрым и великодушным.

— Да у него прошлогоднего снега на день рождения не выпросишь! — воскликнул Драмокл.

— Вы будете считать его высоконравственным человеком — эксцентричным, но добрым.

— После всего, что он мне наговорил? О том, как он достигнет бессмертия ценой всеобщей гибели?

— Вы забудете об этом. Подсунув вам поддельные ключи от памяти, Отто собирается завоевать вашу любовь, а следовательно, и послушание. Вы забудете даже наш теперешний разговор, Драмокл. Вы встанете со стола в полной уверенности, что сами узнали о своей судьбе, и подчинитесь необходимости ждать тридцать лет. Поразмыслив, вы попросите меня закрыть вашу память ключевым словом, которое отдадите на сохранение воспоминателю. После чего вы взорвете меня — не взаправду, конечно, но вам это будет невдомек. Я уйду в отпуск на тридцать лет, а вы станете тихо-мирно править планетой, постоянно гадая о том, в чем же ваше истинное предназначение, — пока не узнаете наконец.

— Ах, Фиш! Ты же понимаешь, как это несправедливо! Неужели у тебя рука поднимется так обойтись со мной?

— К сожалению, я обязан. Я не способен отказаться выполнить прямой приказ владельца. Но тут есть один интересный философский момент. С точки зрения глормийского законодательства Отто через несколько часов умрет.

— Конечно! — сказал Драмокл. — А значит, если ты отложишь операцию, я стану твоим законным владельцем и отменю приказ.

— Совершенно исключено, — сказал Фиш. — Отложить операцию я не могу, это было бы грубейшим нарушением машинной этики. Я должен оперировать немедля. И, поверьте мне, вам же будет хуже, если я этого не сделаю. Но я подумал вот о чем: хотя мне нельзя уклониться от выполнения приказов Отто, я имею полное право оказать услугу своему будущему владельцу.

— Какую услугу, Фиш?

— Я могу пообещать вам вернуть вашу настоящую память во время решающей встречи с Отто.

— Очень великодушно с твоей стороны, Фиш. Давай обсудим это подробнее.

Драмокл не переставая сражался со своими путами. Но тут его опять кольнуло в руку — и воспоминание оборвалось.

Все присутствующие в Военной палате оцепенели от услы-

шанных откровений. И тогда компьютер открыл загадочный металлический ящик, и оттуда вышел доктор Фиш — чуть постаревший, но ничуть не ставший от этого хуже.

Глава 42

Если Отто и был раздосадован, то виду не показал. Развалясь поудобнее в кресле с тонкой пестрой сигарой в руке, он промолвил:

— Фиш, ты меня удивляешь. Вот уж никак не ожидал, что ты предашь меня, основываясь на столь шатких юридических софизмах. — И, повернувшись к Драмоклу, добавил: — Да, сын мой, это правда, я действительно велел изменить твои воспоминания. Но без злого умысла, поверь. Что бы ты ни думал, я всегда любил тебя и просто хотел ответной любви.

— Ты хотел покорности, — сказал Драмокл, — а не любви.

— Мне необходимо было твое послушание, чтобы сделать тебя бессмертным. Неужели это такой уж страшный грех?

— Ты хотел бессмертия для себя самого.

Отто энергично замотал головой:

— Нет, для нас обоих! И все бы получилось в лучшем виде, не вздумай доктор Фиш совать свой нос в людские дела.

Фиш смутился, но тут опять вперед выступил компьютер. Полы его черного плаща взметнулись в воздух.

— Это я посоветовал Фишу, — сказал он. — Нам с Фишем нравятся люди. Поэтому мы предали гласности ваш план. Люди — самые занятные существа из всех, что удалось создать Вселенной. Они интереснее богов, демонов, волн и частиц. Быть человеком — вот лучшее, что вы можете сделать, Отто. Ибо Вселенная бессмертных, лишенная людей, кажется мне крайне удручающей перспективой. Насколько я понимаю, ваши планы сулили нам именно такое будущее.

— Ты ничего не понял, идиот! — сказал Отто. — Мне нужен был начальный взрыв энергии, чтобы открыть червоточину, вот и все.

— Но энергии, как и власти, никогда не бывает достаточно, — возразил компьютер. — Вы сами так говорили.

Отто хотел было ответить, как вдруг нексус прорвался. Окунувшись обратно в реальное время, Военная палата превратилась в пандемониум, охваченный паникой и параличом. На экранах вспыхивали угрожающие цифры. Космический флот приближался, и неограниченные возможности быстро сужались до неизбежных последствий.

Драмокл внезапно очнулся.

— Дайте мне телефон! — взревел он. — Руфус! Ты меня слышишь? — Он подождал ответа и сказал: — Вот мой самый главный и окончательный приказ. Сражения не будет! Отступай! Отступай немедля!

Швырнув телефонную трубку, король повернулся к Максу:

— Свяжись с графом Джоном. Скажи ему, что Драмокл капитулирует. Скажи — я не ставлю никаких условий, я даже согласен отречься от трона ради сохранения мира. Ты понял меня?

У Макса вытянулось лицо, но он все же кивнул и бросился к телефону.

Драмокл посмотрел на Отто, и затаенное злорадство отчасти прорвалось в его голосе:

— Война окончена. Атомное всесожжение отменяется. Надеюсь, тебе теперь тоже конец — тебе и твоему паршивому бессмертию.

— Ты всегда был неблагодарным ребенком, — сказал Отто. — Я мог бы заставить тебя пожалеть об этом, Драмокл. Ну да черт с ним со всем, и с тобой в том числе. — Он встал и пошел к винтовой лесенке, ведущей в сад, разбитый на крыше Военной палаты. Поднявшись на последнюю ступеньку, Отто обернулся и крикнул: — Дурак ты, Драмокл! Дурак набитый!

Глава 43

Руфус положил телефонную трубку. Всем своим существом он ощущал летучую невозвратность мгновения, неподвластного морали и раскаянию, безжалостно перетекающего в следующее мгновение, а потом в следующее и так до бесконечности. Люди, стоявшие рядом, не спускали с него ожидающих глаз. Друзилла смотрела на него тем странным взором, который начал уже действовать ему на нервы. Все ждали, когда он примет окончательное решение.

Руфус не знал, что делать. Приказ Драмокла был лишен всякого смысла. Чего он хочет достичь? Протяженность фронта и возможности глормийских вооруженных сил были известны Руфусу не хуже, чем Драмоклу. Никакая военная хитрость, никакая уловка не спасет положения, когда вражеские корабли минуют определенную точку, если уже не миновали.

Разве что Драмокл и вправду решил сдаться... Нет, это немыслимо.

Руфус обхватил руками голову, стараясь унять лязг и грохот мыслей. Что делать? Чтобы помочь Драмоклу — а помочь ему с каждой минутой будет все труднее, — он должен сделать то,

чего хочет Драмокл. Но чего хочет Драмокл на самом деле? Атаки или отступления? Засады или капитуляции?

Поскольку надежных оснований для принятия решения у Руфуса не было, он решил поступить так, как казалось лучше ему самому.

И повернулся к своим командирам.

— Атаковать! — прокричал или, вернее, просипел он, задыхаясь от сдерживаемых эмоций.

— Кого атаковать? — просипели приученные им к детальной точности командиры.

— Флот Джона и Хальдемара! Раздолбайте его, ребята!

Офицеры переглянулись. Старший командир сказал:

— Лорд Руфус, противник продвинулся слишком далеко. Пока мы нагоним их, корабли Джона и Хальдемара подойдут вплотную к Глорму. Мы не сможем помешать им подвергнуть планету бомбардировке. Драмоклу придется сдаться.

— Вы слышали мой приказ! Догнать и уничтожить противника!

— У нас на пути глормийский флот.

— Ну и черт с ним. Разнесите его в клочья, если он вмешается. Выполняйте приказ!

Ноздри у Руфуса раздувались, лицевые мускулы свело от напряжения. Угрюмые складки пролегли на лице от крыльев носа до самого подбородка.

Командиры стояли, не сводя с него глаз. Руфус бросил на них свирепый взгляд. Затем его плечи поникли.

— Я отменяю свой последний приказ, — сказал он. — Держите фалангу на прежней позиции. Драмокл сдается. Войне конец.

Глава 44

Флагманский корабль графа Джона «Яйцеклад-один» был оборудован всем необходимым для монарха в космосе. Джон занимал трехкомнатную каюту, расположенную в центре судна. Каюта походила на гостиную где-нибудь в доме древней Земли — стулья с изогнутыми в форме арфы спинками, фарфор Споуда, диван в стиле Адама и книжный шкаф в стиле Хеплуайта. Сам Джон сидел за элегантным столиком красного дерева и строчил заметки о глормийской кампании. Позже он собирался превратить их в телесериал. У Анны были отдельные апартаменты по соседству.

Вскоре после прибытия флота к границам Глорма в каюту вошел конюший графа.

— Сир, — сказал конюший, — мы вступили в контакт с противником.

— Отлично, — откликнулся Джон. — Огонь уже открыли?

— Нет, сир. Мы получили удивительное сообщение с Глорма.

— Что за сообщение?

— От Драмокла, сир. Он сдается.

Джон скинул свои короткие ноги со стола и встал, подозрительно сощурясь на конюшего:

— Сдается? Это, наверное, какая-то хитрость. Где глормийский флот?

— Он отошел, сир. Подход к Глорму открыт для нас. Драмокл публично заявил о своем намерении избежать войны любой ценой. Он обещал даже отречься от престола, если это необходимо.

Дверь между двумя апартаментами распахнулась, и в каюту вошла Анна. На ней был элегантный серо-голубой мундир. Светлые волосы, гладко зачесанные назад, скрывались под фуражкой. На плечах блестели адмиральские погоны. Анна собиралась самолично возглавить ударный отряд — не из врожденной воинственности, а просто чтобы выполнить работу как можно экономнее ввиду затруднений с наличностью в карминосольской казне.

— А что Руфус? — спросила она у конюшего.

— Он не оказал сопротивления. Его войска остались у Друта.

— Как странно, — сказал Джон. — Это не похоже на Драмокла — сдаваться без боя. Уж не задумал ли он какую-нибудь ruse de guerre[1]?

— Вряд ли, — сказала Анна. — Все его суда отошли. У него не осталось кораблей, чтобы подстроить нам ловушку.

— Так ты и правда считаешь, что он сдается?

— Думаю, да, — сказала Анна. — Иначе зачем бы ему оставлять Глорм открытым для бомбежки?

Джон зашагал по каюте, заложив руки за спину. Он был ошеломлен таким поворотом событий. Он никогда по-настоящему не верил, что сможет переиграть своего старшего брата. Теперь, когда победа была в руках, его вдруг одолела странная нерешительность. Граф резко покачал головой, еле успев спасти пенсне от полета в угол каюты. Наконец до него начало доходить. Он победил!

— Ну и ну! — сказал он. — Слышь, Анна, мы победили!

Анна хмуро кивнула.

— Ставлю выпивку всему флоту! — воскликнул Джон. —

[1]Военная хитрость (*фр.*).

Нужно отпраздновать победу. Свяжись с моими поставщиками — скажи, что я хочу их видеть немедленно. Кто-нибудь сообщил уже в газеты? Я сам этим займусь. И телевидение тоже надо поставить в известность.

— Да, сир, — сказал конюший.

Джон понимал, что должен отдать еще множество приказов, но не знал, с чего начать. Он помнил, что побежденному королю вроде как полагается промаршировать перед победителем в цепях. Но когда? До или после официальной церемонии капитуляции? Надо будет выяснить.

— Скоро граф отдаст вам дальнейшие распоряжения, — вмешалась Анна. — А пока идите и велите войскам быть наготове, но воздерживаться от враждебных действий.

Конюший отдал честь и вышел.

— Отлично сказано, моя дорогая, — не унимался Джон. — Какой удивительный поворот событий! Однако тут есть о чем подумать. Должны ли мы казнить Драмокла? Или просто заточить его на несколько десятков лет в тесной клетке с собачьим ошейником на шее? Очевидно, существует какой-то свод правил на сей счет? — Граф хихикнул и потер руки. — Зато теперь у нас целая планета, честно завоеванная и уж точно приносящая немалые доходы. Мы богаты, моя дорогая!

— Не спеши, мой дорогой, — ехидно заметила Анна. — Ты кое о чем позабыл.

— О чем, например?

— Например, о своем союзнике Хальдемаре.

— Пропади он пропадом! — сказал Джон. — Я действительно напрочь забыл про него.

— Самое время вспомнить. Его огромный и неуправляемый флот у нас на левом фланге.

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Джон.

Вошедший адъютант протянул Джону космограмму от Хальдемара. «Поздравляю с блестящей победой, — прочел граф Джон. — Когда приступим к разграблению?»

— О нет! — сказал Джон.

— А чего еще ты ожидал от союзника-варвара, хотела бы я знать?

— Может, если я отдам ему на разграбление пару-тройку глормийских городов, он успокоится и вернется домой?

— Нет! — Анна яростно затрясла головой. — Ты не должен позволять ему садиться на Глорм. Потом его оттуда не вышибешь. А жить по соседству с ванирцами — боже упаси!

— Согласен, — решительно промолвил Джон. — Я предотвращу опасность, провозгласив самого себя новым королем Глорма. А ты станешь новой королевой. Как тебе мой план?

— Нереально, — отрезала Анна.

— Тебе ни одна моя идея не нравится, — обиделся Джон. — Почему нереально?

— Глормийцы преданы Драмоклу. Они никогда не покорятся тебе и не дадут ни минуты покоя. Если ты собираешься править одновременно и Карминосолом, и Глормом, ты получишь на свою голову бесконечную и разорительную партизанскую войну. Тогда уж мы как пить дать вылетим в трубу.

— А что, если мы посадим на трон Чача? Он нам многим обязан и будет куда сговорчивее Драмокла.

— Это тоже нереально, — сказала Анна. — Ты разве не слышал? Принц Чач бежал, и исключительно по твоей вине.

— О чем ты говоришь?

— Помнишь девчонку-рабыню по имени Дорис, которую ты подарил Чачу? Ну так вот: они спелись, эти двое. Девчонка околдовала принца. Чач не присоединился к нашему флоту во время похода. Он бежал вместе с Дорис на своем собственном звездолете в неизвестном направлении.

— Ну что за люди! Ни на кого положиться нельзя! — расстроился Джон. — Стало быть, Чач вне игры. Ты уверена, что я не смогу править планетой?

— Абсолютно уверена, — холодно сказала Анна.

— Ладно, я же просто спросил. А как насчет других сыновей короля?

— Слишком юные, — сказала Анна.

— А может, провозгласим регентшей Лиру? Она вроде разумная женщина.

— Я давно знаю Лиру, — сказала Анна. — Она хороший человек, хотя немного взбалмошна и склонна к романтическим порывам. Но глормийцы ни за что не признают ее — она из старинного и знатного аардваркского рода, а стало быть, чужачка. Кроме того, мы не сможем с ней связаться.

— Почему это?

— Дорогой мой, она бежала!

— Не мешало бы тебе научиться выражать свои мысли поточнее, — капризно сказал Джон. — Что значит — бежала?

— А тебе не мешало бы побольше знать о том, что творится вокруг. Я услышала об этом от своей парикмахерши, а она — от горничной королевы, ведающей драгоценностями. Лира бросила Драмокла. Теперь я достаточно точно выразилась?

— Их брак казался таким благополучным!

— Сплошное притворство, мой дорогой. Лира узнала, что

Драмокл охладел к ней и собирается дать ей развод в первую же свободную минуту.

— Откуда она это узнала? — спросил Джон.

Анна презрительно улыбнулась:

— Драмокловы уловки абсолютно прозрачны. Любая женщина может читать его, как открытую книгу. Лира знала, что скоро ее заменят. И когда на давешнем праздновании она встретила одного симпатичного человека...

— Кого? — нетерпеливо спросил Джон.

Анна покачала головой. В глазах ее сверкнули искорки.

— Ты очень удивишься, когда узнаешь, кто этот счастливчик. Подумай на досуге и попробуй угадать. А сейчас займемся более неотложными делами. И самое неотложное из них — Хальдемар.

— Да, — сказал Джон. — С ванирцем придется нелегко. А как Драмокл отнесся к тому, что от него сбежала жена?

— Насколько мне известно, он еще не в курсе. Перейдем к делу!

Глава 45

Верхняя часть Ультрагноллского дворца представляла собой фантастическое сочетание шпилей, башен, крутых скатов с крытыми гонтом свесами, щипцов, нефов, фронтонов и так далее. Там, где крыши были плоскими, на них цвели сады с беседками, клумбами, водопадами, фонтанами, статуями, деревьями, скамейками, холмами и долинами.

Отто находился в саду на крыше над Военной палатой. Растянувшись на белом плетеном шезлонге, он курил сигару, скрученную из листьев рапунзеля — пахучих и чуточку дурманных. На столике рядом с шезлонгом стояла бутылка лигозлачного вина, выжатого из красно-коричневых виноградных гроздьев, произрастающих на аардваркском плато Ургенгаа. Для человека, только что потерпевшего крушение всех надежд, он выглядел странно умиротворенным. Полулежа в удобной позе, Отто наслаждался великолепным видом с крыши. Над головой, хлопая крыльями, летали красноперые сикофанты. Отто отдыхал.

Драмокл, сопровождаемый Сорочкой, поднялся в сад. Отто глянул на них, приветливо кивнул и вернулся к спокойному созерцанию пейзажа.

— Слушай, пап, — сказал Драмокл, — мне жаль, что все так для тебя обернулось. Я знаю, сколько трудов ты отдал этому бессмертию.

Отто улыбнулся, но не ответил.

— Я просто не мог поступить иначе, — добавил Драмокл.

— Когда ты сдался Джону, — заговорил наконец Отто, — я пришел в такую ярость, что чуть было не убил тебя. Я мог бы сделать это запросто. Мне пришлось напрячь всю силу воли, чтобы сдержаться. Но когда первый порыв прошел, я вдруг понял, что на душе у меня удивительно легко и покойно. Странное ощущение. Мне нужно было осмыслить его.

— Поэтому ты забрался сюда?

— Это мое любимое место. Я сел в шезлонг и начал думать — но от мыслей меня постоянно отвлекали всякие внешние впечатления.

— Какие? — спросила Сорочка.

— Ветерок, овевавший лицо. Аромат хорошей сигары. Облака, бегущие по небу. Я неожиданно заметил тысячу мельчайших деталей и получил от этого массу удовольствия. До меня вдруг дошло, что, стремясь всю жизнь к бессмертию, я почти не насладился жизнью.

— А я наоборот, — сказал Драмокл. — Я всю жизнь плыл по течению, развлекался и ни о чем не тужил. Ну и что я получил в результате?

— То же, что и я. Жизнь — то есть вот это мгновение.

— Если так, — сказал Драмокл, — выходит, что жизнь у всех людей одинакова. Никто не владеет ничем, кроме настоящего мгновения, если я правильно тебя понял.

— Да, мгновение — это все, что у нас есть, — сказал Отто. — Я по наивности своей воображал, будто, продлевая отпущенные мне мгновения, я продлеваю жизнь. Но жизнь не измеряется годами и десятилетиями. Сердце ведет совсем иной счет. Интенсивность — вот единственная мера, которую оно признает.

Сорочка кивнула, но Драмокл сказал:

— Боюсь, я не совсем понимаю.

— Низшая степень интенсивности, — сказал Отто, — это сон или бессознательное состояние. Если бы спящий человек был способен жить вечно, мы не назвали бы его бессмертным, по крайней мере, в общепринятом смысле слова. Жить ради будущего, пренебрегая настоящим, — все равно что проспать свою жизнь.

— Для меня это слишком абстрактно, — сказал Драмокл. — Но ты не выглядишь разочарованным, и я этому рад. Ты выглядишь счастливым. Я никогда не видал тебя счастливым раньше.

Отто подошел к балюстраде и окинул взглядом город.

— Я верил, что цель магии — знание. Теперь я вижу, что ошибался. Цель магии — понимание.

— Разве это не одно и то же?

— О нет! Знание — это что-то вроде орудия для достижения

власти. А понимание — своего рода отречение от нее. Понимание выше тебя самого: ты не можешь им манипулировать, ты можешь его только принимать.

— Ладно, отец, — сказал Драмокл. — Твои философские откровения мне не по зубам. Ты спокоен и доволен — а больше мне ничего и не надо. Я понимаю, что разговор о будущем тебе неприятен в свете последних событий, но все же не могу не спросить: чем ты думаешь заняться?

— Кое-какие мысли по этому поводу у меня есть. — Отто пыхнул сигарой. — При всей своей любви к Глорму здесь я не останусь. Если честно, тут у вас настоящее болото. Земля — вот где мое место. Она подвластна мне, конечно, но я не потому хочу вернуться. Я, наверное, передам свою политическую власть кому-нибудь и уйду на покой. У меня есть вилла на Капри, домик на Ипанеме, плавучий дом в Кашмире, ранчо на Ивисе, дом в Париже и пентхаус в Нью-Йорке. Я уверен, что найду чем заняться. Земля — местечко интересное. Если хочешь, возьму тебя с собой.

— Меня? — сказал Драмокл. — На Землю?

— Тебе она понравится, — заверил его Отто. — Там уйма увлекательных возможностей для способного молодого человека вроде тебя. Ты же отрекся от престола, верно?

— Да, — сказал Драмокл. — Я решил, что так надо. Иначе Джон мог начать бомбардировку Глорма.

— Что он собирается делать дальше, не знаешь?

— Нет пока. Они с Анной еще не решили.

— Для тебя это может плохо кончиться.

— Сомневаюсь, чтобы Джон осмелился казнить меня, — сказал Драмокл. — Его толкает против меня не столько ненависть, сколько уязвленное самолюбие.

— Но он может подвергнуть тебя унижениям. Он с детства был жутко злопамятным.

— Ничего, как-нибудь переживу.

— Да, но зачем? Поехали лучше со мной на Землю. Я покажу тебе новый мир.

Драмокл помедлил с ответом, старательно подбирая слова. Он любил новые миры, приключения, чувство новизны. Но только не в компании с Отто. Не то чтобы он затаил злобу против отца. Он даже сочувствовал старому королю. Но жить с ним рядом не хотел — не хотел, чтобы его поминутно учили уму-разуму и наставляли на путь истинный.

— Это очень заманчиво, — сказал Драмокл, — и я искренне благодарен тебе за приглашение. Но я все еще король и должен испить свою чашу до дна.

Отто кивнул.

— А ты, Сорочка? На Земле я смогу дать тебе все, что пожелаешь. Мне приятно твое общество. Вернешься со мной?

— Спасибо за заботу, — поблагодарила Сорочка, — но я останусь.

Отто взглянул на нее с удивлением. Потом рассмеялся и сказал:

— Ну что ж. «И сыр один остался», как говорится в древней земной считалке. Удачи вам. — Он обнял сына и решительно произнес: — Все, мне пора.

— Но как ты доберешься до Земли? — спросил Драмокл. — Я думал, тебе нужен большой взрыв, чтобы пройти между реальностями.

— Взрыв был нужен, чтобы держать червоточину между реальностями Глорма и Земли открытой постоянно. А перебросить себя одного я могу и так.

Он вынул из рукава плаща какой-то маленький камушек, зажал его между большим и указательным пальцами, и Драмокл увидел, что это ограненный кристалл. Отто дотронулся до кристалла свободной рукой — и в ладони у него оказался еще один, точно такой же. Потом еще один, и еще, и еще. Набрав дюжину кристаллов, он выложил из них круг на каменных плитках пола. Когда последний камушек коснулся пола, ослепительное белое сияние соединило кристаллы. Драмокл с Сорочкой отпрянули. Отто ступил в сияющий круг.

— Прощай, сын мой. Счастливо оставаться, Сорочка.

Сияние вспыхнуло еще ярче и погасло. Отто исчез, и с ним исчезли все кристаллы.

— Странный, как всегда, — сказал Драмокл. — Всего хорошего, отец. Дай бог тебе найти покой и счастье на Земле.

Они с Сорочкой постояли молча, глядя на крыши Ультрагнолла. Потом Драмокл спросил:

— Почему ты не вернулась на Землю с Отто?

— Мне нравится здесь, — сказала Сорочка. — На Глорме я личность особенная, почти как принцесса. А на Земле я снова стану обычной закомплексованной еврейской девушкой. Но есть и другая причина...

Она вдруг умолкла и потупилась. Она стояла совсем близко к Драмоклу, касаясь его плечом. Он неожиданно заметил ее пленительные черты и черные пушистые ресницы, обрамляющие глаза необычайной голубизны. Ее тело, стройное, но женственно округлое, источало неповторимо нежный аромат — обонятельную квинтэссенцию ее самой. Когда она подняла на него глаза, Драмокл вздрогнул, словно его ударили под дых. Он распознал первые признаки любви. А любовь, пока она длится, прекрасней всех сокровищ мира — такая же свежая и удиви-

тельная в десятый или в сотый раз, как и в первый. Любовь — это пища, которой невозможно насытиться, подумал Драмокл. И привлек прекрасную землянку к своей груди.

Его счастье омрачала лишь мысль о том, как расстроится Лира, получив от гофмейстера уведомление об отставке. Конечно, она устроит сцену, ну да ему не привыкать. Кстати говоря, куда она запропастилась? Что-то ее совсем не видно в последнее время.

— Ах, Драм, — сказала Сорочка, прильнув к его груди, — как только я увидела тебя впервые... Но я не смела и мечтать... Ох, я в полном смятении.

— Ну-ну, мой милый орлихтунчик[1], — проговорил Драмокл нежным воркующим басом. — Все будет хорошо. Давай-ка пойдем и посмотрим, что там решил граф Джон.

Рука об руку они вернулись в Военную палату.

Глава 46

Едва они спустились в Военную палату, как зазвонил видеофон экстренной связи. Драмокл ответил и увидел на экране Анну. Она переоделась из мундира в прозрачную блузку и узкую юбку. В волосах, уложенных в прическу, поблескивали желтовато-красные светлячки. Она выглядела королевой-победительницей.

— Драмокл, — сказала Анна, — я не стану томить вас ожиданием. Мы все взвесили и решили оставить вам глормийский трон, поскольку ваш сын, принц Чач, на него не претендует.

— Вот как? С каких это пор?

— Когда он гостил у нас, Джон подарил ему девушку-рабыню для пыток. Чач по глупости разговорился с ней. И теперь они вместе бежали. Как мне только что сообщили, он собирается вступить в коммуну и питаться натуральными продуктами в какой-то другой звездной системе.

— С ума сошел, — сказал Драмокл.

— Он, конечно, вернется, когда исчезнет прелесть новизны. Но, с вашего позволения, я продолжу. Мы с графом решили не применять к вам карательных мер, хотя имеем на них полное право. Однако вы обязаны будете компенсировать все издержки этой войны. За одно только топливо для двух флотов нам предъявили такой жуткий счет! Кроме того, за вами зарплата войскам, стоимость леккианской кампании и компенсация за ущерб, нанесенный берсерками Хальдемара курортному городку. А еще вы должны дать отступного Хальдемару за несостоявшееся разграбление Глорма. Только на таком условии он согласится убраться домой. Все это влетит вам в копеечку, Драмокл, но вы должны признать, что мы обошлись с вами довольно справедливо — по крайней мере, справедливее, чем поступили вы с нами, когда заварили всю эту кашу.

— Я только исполнял веления судьбы, — сказал Драмокл.

— Знаю. Поэтому все вас прощают. Кстати, а что сталось с вашей судьбой?

— Сейчас она в ваших с Джоном руках: как вы скажете, так и будет.

— Приступ самоуничижения у вас скоро пройдет, — сказала Анна. — Это абсолютно не ваш стиль. Надеюсь только, что вы не ввергнете нас опять в пучину войны, получив очередное указание судьбы. Что касается прочих соглашений, то мы подпишем новый мирный договор, на сей раз на Карминосоле. Все наши прежние привилегии и прерогативы будут восстановлены; не исключено, что мы добавим к ним новые. И, как прежде, станем друзьями.

— Я буду только рад, — сказал Драмокл. — Зла я никогда ни к кому не питал. Но Джон...

— У графа и впрямь были другие идеи, — сказала Анна, — но он переменил свое мнение, когда я указала ему на некоторые факты.

— А именно?

— Вы — единственная подходящая кандидатура на глормийский престол. Глормийцы никогда не примут Джона, а править ими насильно — это и разорительно, и малоэффективно. Хальдемару мы тоже не можем позволить завладеть вашей планетой. Он будет представлять угрозу для всех нас. С чисто эгоистической точки зрения, лучшее, что мы можем сделать, — это восстановить статус-кво.

— А как к вашему решению отнесся Хальдемар?

— С ним было нелегко, как вы, наверное, догадались. Он всерьез настроился на разграбление Глорма. Он бушевал и изрыгал проклятия, пока я не напомнила ему о его положении.

— И какое же у него положение?

— Весьма щекотливое. Флоты Карминосола, Друта и Глорма находятся в полной боевой готовности и горят желанием сразиться со своим давним врагом. У нас значительный перевес в силах. Хальдемар это понял наконец и отбыл на Ванир. Ужасно неприятный человек — надеюсь, мне больше не придется с ним встречаться. Между прочим, Драмокл, до нас дошли стран-

[1] Орлихтун — это местная птичка с зелеными, желтыми и красными перышками, которую глормийские влюбленные избрали символом нежной страсти.

ные слухи о том, что в дело был замешан ваш батюшка, Отто Странный. Но ведь этого не может быть?

— Я расскажу вам при встрече на Карминосоле, — пообещал Драмокл. — А с Руфусом вы говорили? Он принял ваши условия?

— Руфус очень сердит на вас, Драмокл, и на Друзиллу тоже. Но я думаю, это пройдет. Да, условия он принял.

— А Снинт? И бедняга Адальберт?

— Снинт давно уже вернулся на Лекк и взял с собой Адальберта.

— Ну что ж, кажется, я ни о ком не забыл, — сказал Драмокл.

— А как насчет вашей супруги Лиры?

— Проклятье! Совсем вылетело из головы! Она должна быть где-то здесь. Или вы знаете что-то такое, чего не знаю я?

— Забавно, что мне приходится посвящать вас в дела, происходящие при вашем собственном дворе, Драмокл. Ваша жена была несчастна, хотя я уверена, что это для вас не новость. Вы совсем забросили ее почти сразу после свадьбы. Что вы хотите? Бедняжка была одинока, хороша собой и немного легкомысленна. Она встретила одного человека во время злополучного мирного празднества, какого-то чужака с другой планеты. И хотя они обменялись лишь несколькими словами, глаза досказали остальное. Когда чужестранец уехал, Лира ужасно затосковала. А потом взяла себя в руки и решила бежать к любимому. Весь вопрос был в том, как до него добраться. Но тут ей на помощь пришел Фафнир, гном-колдун, который оставил Вителло и искал себе место в истории цивилизации. Фафнир подарил ей большую расписную коробку, оборудованную всем необходимым для жизни. Завернул ее, перевязал подарочной ленточкой и отправил с Лирой внутри на планету к ее избраннику.

— Лира улетела на другую планету в коробке? — изумился Драмокл.

— Вот именно.

— А кто же счастливый получатель?

— Ваша неосведомленность меня поражает, — сказала Анна. — Погодите минутку, Драмокл, мне звонят по красному телефону.

На минуту стало тихо. Потом Анна опять вышла на связь.

— Чертов Хальдемар! — сказала она. — То-то он был так подозрительно сговорчив!

— Что он натворил?

— Вместо того чтобы отправиться домой, как обещал, он высадился на Аардварке и, без труда разбив ваш гарнизон, провозгласил себя королем.

Драмокл подумал и сказал:

— Нам придется вышвырнуть его оттуда. Варвары на двух планетах — это чересчур.

— Я с вами согласна. Но придется немного повременить. Сначала мы должны уладить отношения между собой. Драмокл, я пришлю вам приглашение на мирную конференцию, как только все подготовлю. А вы без задержки пришлете нам деньги в счет репараций, да?

— Вышлю вам чек в тот же день, когда получу счет. Только дайте мне пару недель, чтобы повысить налоги. Народу это не понравится, ну да черт с ним, на то он и народ. Так Лира бросила меня, говорите? Что ж, это даже к лучшему. И где она теперь?

— О, это очень романтическая история, — сказала Анна.

Глава 47

Плотно позавтракав, Снинт с Адальбертом собрались выйти из дома. Лира, новая жена Снинта, задержала их у порога.

— Возвращайся поскорее, милый, — сказала она. — Я приготовлю твое любимое тушеное мясо с печеной картошкой.

Прямо за дверью дома стояла расписная коробка, в которой прислали Лиру. Снинт с Адальбертом вышли за ограду фермы и углубились в лес по тропе, утоптанной бессчетными поколениями коз, гонимых на пастбище бессчетными же поколениями пастушков и пастушек. Короли прошли по тропе около мили. Затем, возле старого каменного указателя, Снинт свернул и повел Адальберта на пригорок. Поднявшись, они увидели внизу леккианский фермерский домик приятных пропорций. Сушильный балкон на втором этаже, рядом с домом — хлев и два навеса для дров и зерна, а вокруг — гектаров семь вспаханной земли, готовой к севу. По краям полей аккуратными рядами тянулись рожковые деревья. Возле самого дома росли лимоны и оливы, а небольшой садик был густо усажен миндальными деревьями.

— Вот он, — сказал Снинт. — Подарок леккианского Совета. Правда, только в пожизненное пользование.

— Он чудесный, — сказал Адальберт. — Прямо и не знаю, что я такого сделал, чтобы его заслужить.

— Вы потеряли свое королевство, напились и очень себя жалели.

— Но у меня не было ни малейшего шанса сделать что-то еще, вы не находите?

Снинт поднял обе руки кверху и пожал плечами в типично леккианской манере.

— Кто знает? Как вы полагаете, сможете управиться с фермой?

— А то! — заявил Адальберт. — Я и на Аардварке немного занимался сельским хозяйством.

— Вы выращивали гритцели, насколько я помню. На Лекке нет рынка сбыта для столь изысканного продукта. У нас тут в основном томаты, огурцы да баклажаны.

— Я очень благодарен вам, — сказал Адальберт, — хотя до сих пор не теряю надежды вернуться когда-нибудь на Аардварк.

Снинт бросил на него сочувственный взгляд:

— Значит, вы не слыхали?

— О чем?

— Пока граф Джон вел переговоры с Драмоклом, Хальдемар высадился на Аардварке и захватил власть. Вас теперь называют «молодым претендентом».

Адальберт задумался, потом улыбнулся:

— Ну что ж, может, роль претендента удастся мне лучше, чем роль короля. Спасибо вам за все, Снинт. Есть еще какие-нибудь новости о войне?

— Самая главная война — леккианская — окончена. Что до остального, то новости в наши края доходят с большим опозданием. Но, похоже, войне пришел конец. Поскольку на небе не видно следов атомных взрывов, можно предположить, что противники уладили свои недоразумения и вернулись к обычной жизни, полной скуки и интриг. Семейные ссоры и ссоры между семьями — вот из чего сделана история. Мы, леккиане, не стремимся творить историю. А теперь мне пора домой. Идите и осмотрите свое новое жилище.

Снинт повернулся и начал спускаться вниз. Адальберт крикнул ему вдогонку:

— А что делает Лира в вашем доме?

— О, это целая история, — ответил Снинт. — Но ей придется подождать своего часа.

И он пошел по тропе, направляясь к дому, — солидный, уравновешенный мужчина, воистину благодатный характер для писателя. На ходу он напевал старинную леккианскую колыбельную:

Солнце скрылось, так и знай,
Хлебнешь горя через край.
Ай, керай! Ай, керай!
Леккианчик, засыпай.

ЭПИЛОГ

Последний ключ

Два года спустя правители Местной системы решили забыть старые распри, зарыть топор войны и еще раз попробовать пожить в мире, взаимном доверии и добром соседстве. Чтобы увековечить это решение, они затеяли пышное празднество, названное балом примирения. Бал должен был состояться на Эдельвейсе, частном астероиде, где обычно справляли свадьбы и бар-мицвы и спрыскивали вновь образованные военные союзы. Избрав нейтральную почву, правители надеялись избежать недоразумений, омрачивших подобное торжество в прошлом.

К великому событию готовились с большим размахом. Тщательно отобранные поставщики слали звездолеты, груженные изысканной снедью, из всех кулинарных регионов Местной системы. В числе блюд, заказанных для пиршества, были имбирная говядина с глормийского архипелага Седловина, кисло-сладкие яблоки, запеченные в тесте и сбрызнутые кунжутным маслом, присланные с Великих северных равнин Карминосола, а также несравненные крохотные моллюски в соусе из темной фасоли, которые водились только в сырой провинции Дельта на Лекке. Безопасность обеспечивало присутствие одинакового числа тяжеловооруженных звездолетов от каждой планеты. Звездолеты должны были постоянно кружить вокруг астероида, не спуская друг с друга глаз. Бал, решили правители, продлится столько, сколько пожелают его участники: в столь важном мероприятии не место мелочной экономии.

Когда великий день настал, одними из первых на астероид прибыли Руфус с Друзиллой. Вскоре после окончания войны они поженились. Церемония бракосочетания была особой, исключавшей обычные обещания любить и уважать друг друга. Представители высшей аристократии считали эту буржуазную клятву ниже своего достоинства. Молодожены обменялись обещаниями «не скрывать друг от друга любовь, привязанность, нежность и тому подобные чувства, если порою будут их испытывать» и «сотрудничать с партнером, когда, и если, и в той мере, в какой они пожелают, но не более». К чести Руфуса и Друзиллы, надо заметить, что они оказались счастливой парой, несмотря на законное право не быть таковой.

Вслед за ними прилетели граф Джон и королева Анна. Они сохранили брачные узы, чтобы легче было править планетой, хотя и не жили больше вместе. Супруги обосновались в разных апартаментах Карминного дворца. Каждый избрал себе ту область правления, что была ему больше по сердцу. Анна сосредо-

точилась на финансовых проблемах, выводя корабль государства с усеянного зубастыми рифами мелководья неплатежеспособности в глубокие синие воды сверхприбыли. Джон посвятил себя популяризации монархии и своей собственной персоны в средствах массовой информации. Короче говоря, с головой ушел в шоу-бизнес.

Передача «Вид с трона» с первого же раза завоевала межпланетный успех. В ней снимались звезды индустрии развлечений, с которыми мило болтал ведущий — граф Джон.

Одним из наиболее частых гостей Джона был Хальдемар, король Ванира. Хальдемар стал заметной звездой шоу-бизнеса и главой собственной кинокомпании. Он не смог прилететь на бал примирения, потому что снимал на своей студии «Череподробитель, лимитед» картину под названием «Падение Глормийской империи» и уже на целую неделю выбился из графика.

Следующим явился Адальберт. «Молодому претенденту» быстро наскучила леккианская ферма, а король Снинт вызывал у него презрение своей простотой. Адальберт выжидал, ибо твердо решил вернуть себе трон на планете предков, как только Хальдемар со своими воинами награбится вдосталь.

У Хальдемара же возникли сложности с грабежом. Он намеревался быстренько разорить Аардварк и податься домой на Ванир. Но человеческие намерения, увы, не всегда выполнимы. Столетия бездарного правления и непрочной безопасности вынудили аардваркцев выработать свои собственные, чрезвычайно своеобразные методы защиты. Они зарылись в землю. Их подземные города и деревни не имели открытых выходов — в них можно было попасть только через запутанный лабиринт туннелей, проходов и кривых улочек, переплетенных, словно клубок гадюк.

Но это еще не все. Проходы в лабиринте были защищены не только своей запутанностью, но и крепкими деревянными дверями, установленными с небольшими интервалами и снабженными тяжелыми амбарными замками. Представьте себе отчаяние бедного варвара, который, расколотив обоюдоострым топором дюжину или сотню дверей, вдруг упирается в тупик и вынужден начать все сначала!

Хальдемар удерживал там своих воинов просто из принципа — из наивной варварской веры в то, что не бывает такого места, где нечем поживиться. Но в конце концов король сдался и отправил войска на Ванир. Нищета Аардварка служила самой надежной защитой от грабителей.

После ухода варваров Адальберт начал ждать приглашения

вернуться домой на законный престол. Приглашения не последовало. Аардваркцы вдруг открыли для себя простую истину, давно известную леккианам, а именно: что анархия — отличная форма государственного устройства при отсутствии на планете богатств.

В конце концов один из двоюродных братьев Адальберта написал ему, предлагая вернуться домой в качестве обычного свободного гражданина, ибо нечего и думать о том, чтобы ему вернули королевские привилегии. То есть не видать ему больше права первого выбора среди ежегодного урожая созревающих девиц. Прощай, королевский рацион с импортными деликатесами вроде хлеба и мяса. Отныне ему, как простому смертному, придется питаться тушенкой из чечевицы и обходиться теми девицами, которые сами его захотят, если таковые найдутся.

Адальберта подобная перспектива не прельщала. Он покинул Лекк и отправился на Глорм. Здесь он подал на Драмокла в суд, утверждая, что глормийский король незаконно вторгся на его планету и тем самым положил конец династии, оставив его, Адальберта, без работы. Признав некоторую долю справедливости в этом иске, Драмокл присудил Адальберту годичную стипендию при условии, что тот истратит ее где угодно, только не на Глорме. Адальберт принял условие и улетел на Карминосол, где предался жалости к себе и пьянству. Его надутая физиономия служила участникам бала примирения мрачным напоминанием о том, что не бывает войн без проигравших.

Вслед за Адальбертом явился бритоголовый монах-герольд в желтой рясе. Он привез приветы от Вителло и Хельги, которые сожалели, что не смогут посетить торжество. Угостившись скромным вегетарианским ужином и выпив стакан сока, герольд рассказал свои новости.

Оказывается, когда кончилась война, принц Чач вернулся на Карминосол в состоянии глубокой депрессии. Он продал свой неиспользованный эскадрон киборгов-киллеров, подарил Вителло в качестве выходного пособия маленький мешочек с шестиугольными гайками и отбыл вместе с Дорис на своем звездолете в неизвестном направлении.

Вителло не мог придумать, чем заняться. На Карминосоле ему ничего не светило после отъезда бывшего хозяина. Поэтому, захватив с собой Хельгу и Фафнира, он отправился искать по свету удачи на борту тихоходного межпланетного грузовика. Вителло хватался за любую работу, чтобы обеспечить скудное пропитание своей семье: был грузчиком в порту на Аардварке, потом машинистом насосной установки в ресторане для робо-

тов, потом настройщиком кабинок для извращенцев в Порт-Аркадии на Лекке. В конце концов он очутился в Кловисе, столице Друта.

Кловис как магнитом притягивал к себе всякого рода странников и изгнанников. По крайней мере, два из десяти заблудших Израилевых племен нашли здесь приют, наряду с беженцами, выжившими при гибели Атлантиды. Но потомки землян составляли лишь небольшую часть населения Кловиса. Здесь были также анунги, изгнанные с родной планеты за недостойное поведение, заключавшееся в поедании арбузов и чистке подошв ботинок. Здесь были таллы, изгои с Лекка, которые жили в массивных, вылепленных из глины и веток гнездах на верхушках деревьев и предавались сразу двум непристойным занятиям — рисованию пальцами и сочинению музыки к сериалам. А также многие, многие другие. Благодаря этому буйному расовому смешению Кловис прозвали «Лос-Анджелесом Местной системы».

Вителло и Хельга никак не могли прижиться в Кловисе. Фафнир был их единственным другом. По вечерам гном-колдун захаживал к ним в гости, и вся троица смотрела телевизор, ругаясь и жалуясь на жизнь. У Фафнира тоже были на то основания — работы для гномов-колдунов в этом году почти нигде не предлагали.

Затем подошли к концу последние золотые гайки Вителло. Безработное и бездомное трио вышвырнули на улицу. Нужда привела их, как и многих других, на Двор чудес, где случались самые невероятные, хотя большей частью неприятные вещи.

Пробираясь сквозь толпу, Вителло услышал краем уха знакомый голос. Он доносился справа, с небольшой платформы. Загорелый молодой человек рассказывал пяти-шести скучающим зевакам о коммуне под названием Синкопа, основанной на одном из спутников Лекка. Стройная хорошенькая женщина аккомпанировала ему на ручной фисгармонии.

Вителло не сразу узнал рассказчика. Но, разглядев джинсы «Левис» и трикотажную тенниску, в конце концов воскликнул:

— Принц Чач! Ваше высочество, вы ли это?

— Вителло! — вскричал принц Чач, спрыгнув с платформы и обнимая бывшего слугу. — Дорис! — позвал он свою аккомпаниаторшу. — Погляди, кого послал нам Вселенский Закон!

Чач исколесил множество странных планет, гонимый гневом и унынием, попеременно владевшими его измученной душой. И как-то раз, забравшись вместе с преданной Дорис на одну из вершин Сардапианских Альп, наткнулся на высокого старика в желтой набедренной повязке, сидевшего по-турецки под деревом уу.

— Привет тебе, принц Чач, — сказал старик.

Чач ужасно удивился, поскольку видел старика впервые.

— Сэр, — сказал он, — кто вы?

— Это неважно. Можешь звать меня Чаном.

— Откуда вы?

— Моя последняя инкарнация была на планете Земля.

— А откуда вы знаете мое имя?

— Наша встреча в этом месте и в этот час была предопределена.

— Кем предопределена?

Чан улыбнулся:

— Этот вопрос не способствует пониманию. — Он встал. — Принц Чач, я направляюсь сейчас в местечко под названием Синкопа, где хочу основать монастырь и заняться распространением учения Буддадрахмы. Пойдешь ли ты со мной?

— Да, пойду, — без колебаний ответил Чач. — Кто бы ни был этот Буддадрахма, думаю, именно его я и искал.

Так Чан, Чач и Дорис очутились в Синкопе. Там они основали монастырь с аскетическим уставом: тяжелый труд, простая пища и изучение сутр. Стали появляться пилигримы — кто оставался в монастыре, принимая его суровый уклад, а кто селился в соседней деревушке под названием Гейм, где проводились занятия по развитию восприимчивости, глубокому массажу, астральному проецированию, чувственному массажу и так далее. Время от времени Чача посылали обратно в мир для распространения слова Закона. Теперь он возвращался в Синкопу навсегда. Вителло с Хельгой полетели вместе с ним, а Фафнир остался на Друте, с сожалением констатировав, что Синкопский монастырь — не место для гнома-колдуна.

Чач и Дорис, Вителло и Хельга хотели было посетить бал примирения, но в конце концов решили не подвергать себя мирским страстям и соблазнам. Поэтому они послали монаха-герольда и велели передать, что они отвернулись от мира, дабы уйти по восьмеричной тропе величия, куда поведет их старый Чан — высокий, лысый и прямой, с висячими китайскими усами.

Празднество было в самом разгаре. Драмокл веселился до упаду — танцевал, пил и принимал наркотические вещества, столь редкие, необычные и сильные, что они были запрещены для простого народа, ибо вызывали склонность к государственной измене. Встреча с Лирой, с которой король был уже разведен срочным королевским указом, прошла без малейшей натянутости. Когда танцы подошли к концу, а танцоры здорово подзабрались, Лира с Сорочкой уединились в тихой комнатке, чтобы поболтать обо всем, что волнует молодых красивых жен-

щин, вышедших замуж за среднего возраста королей. Драмокл продолжал веселиться один.

Чуть погодя он забрел в какую-то часть астероида, где еще никогда не бывал. Король открыл дверь и обнаружил за ней аппаратную, обеспечивавшую все световые и звуковые эффекты на Эдельвейсе. Два оператора попытались выпроводить его. Драмокл выкинул их в коридор и запер за ними дверь. Довольно хихикая, он прошелся неверными шагами по комнате и рухнул в мягкое кресло перед главным пультом.

Кнопки и тумблеры на пульте были аккуратно размечены. И хоть Драмокл был сильно навеселе, ему без труда удалось наполнить бальную залу мягкими голубыми сумерками. Сумерки сменились фейерверками, а затем ослепительным солнечным закатом. Увлекшись, король сопровождал световые эффекты подходящей по настроению музыкой, вплетая в нее птичий щебет и глухие грозовые раскаты. Эти импровизации убедили Драмокла, что у него есть все данные для занятия прикладными искусствами, как он и предполагал.

— Нужно только немножко воображения, — пробормотал король, оглядывая контрольную панель в поисках чего-нибудь интересненького. Взор его упал на ряд кнопок без всякой разметки, и он нажал на одну из них.

В наушниках раздался знакомый хнычущий голос: «...не можешь отрицать, что он меня надул! Как он мог? По-твоему, он предложит вернуть мне трон? Дождешься от него, от этого буйвола!»

Голос бубнил и бубнил, не давая вставить ни слова в ответ. Конечно же, это был Адальберт, жалующийся на то, как скверно обошелся с ним Драмокл.

Драмокл усмехнулся. Владельцы Эдельвейса явно желали быть в курсе событий, если не для шпионажа или шантажа, то хотя бы для определения настроения гостей. Король нажал на другую кнопку. На сей раз он услышал Макса, расточающего комплименты молодой друтской графине. Потом — Руфуса, обсуждавшего с кем-то свою коллекцию игрушечных солдатиков. Потом послышались какие-то незнакомые голоса, и вдруг король уловил характерный леккианский выговор Снинта.

— Мы толком и не слыхали об этом, — говорил Снинт, — а то, что слыхали, кажется совершенно невероятным.

— И тем не менее это правда. Отто действительно возвращался.

Второй голос принадлежал Друзилле. Драмокл наклонился вперед, подперев подбородок ладонью, и внимательно прислушался.

— Король испытал настоящее потрясение, — продолжала Друзилла, — когда узнал, что его судьба, на которую он возлагал столько надежд, была всего лишь дьявольской уловкой его отца, преследовавшего свои корыстные цели.

— Отто так сказал? Да, он никогда не страдал излишней скромностью. Но неужели Драмокл поверил ему?

— А почему бы и нет?

— Вы меня удивляете, — сказал Снинт. — Конечно, агенты докладывали мне о том, что происходит. Но если копнуть поглубже, многие вещи оказываются совсем не такими, какими представлялись на первый взгляд.

— Теперь уже вы меня удивляете, — сказала Друзилла. — Что вы имеете в виду?

— Я считаю, что заговор Тлалока никогда не существовал в действительности.

— Этого не может быть! — воскликнула Друзилла. — У моего отца есть документальные свидетельства!

— Такие же, какие он сам состряпал для доказательства заговора на Аардварке и Лекке? Кто представил эти свидетельства королю?

— Сорочка. Она прибыла к нам с Земли, где боролась против Отто.

— Очень красивая женщина, — заметил Снинт, — и, похоже, искренне любит короля. Но почему вы так уверены в том, что она действительно с Земли? Это же голословное утверждение! Правда, Отто подтвердил ее показания, но ведь ни она, ни он не предъявили никаких доказательств. Не секрет, что Драмокл не очень-то жаловал Макса в последнее время, пока тот не изобрел таинственный заговор. А теперь дело Тлалока скоропостижно закрыто. Сорочка стала женой Драмокла, Макс в фаворе, а Отто очень своевременно испарился.

— И какой же из этого вывод?

— Никакого, — сказал Снинт. — Я просто указал вам на странные совпадения. Я желаю Драмоклу добра и не хочу, чтобы его постигло разочарование.

— Я буду молить богиню об озарении, — решила Друзилла.

Драмокл подождал, но разговор был окончен. Король сидел, упершись подбородком в ладони и погрузившись в размышления. Когда он встал, то с изумлением обнаружил, что совершенно трезв. Драмокл вышел из аппаратной и зашагал — сначала медленно, а потом решительной, целеустремленной походкой.

...Он нашел Макса в одном из цветущих садов Эдельвейса на берегу искусственного моря. Волны, увенчанные серебряными барашками, плескались возле темного берега. В воздухе разливался аромат жасмина с примесью запаха Максовой сигары.

— Здравствуйте, ваше величество, — сказал Макс.

— Здравствуй, — сказал Драмокл. — Балдеешь?

— Да, милорд. Устроители проделали блестящую работу.

— Да уж.

— Бал, по-моему, понравился всем.

— Похоже на то.

Наступила тишина. Макс нервно попыхивал сигарой. Наконец он не выдержал:

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас, сир?

Драмокл немного удивился. Помедлив минуту, он ответил:

— Да, можешь.

— Приказывайте, мой король.

— Я буду весьма признателен тебе, если услышу наконец, зачем ты придумал заговор Тлалока.

Макс поперхнулся сигарным дымом. Драмокл подождал, пока он прокашляется, и продолжил:

— Я все равно узнаю рано или поздно. В твоих же интересах покаяться сразу — это избавит тебя от многих неприятностей.

Макс попытался было возразить. Потом нахальное лицо его сморщилось, на глаза набежала слеза. Дрогнувшим голосом он произнес:

— Меня заставили, сир. Я был только игрушкой в ее руках.

— О ком ты говоришь? Кто тебя заставил?

— Сорочка, милорд, земная колдунья, ставшая вашей женой.

— Значит, все это дело рук Сорочки? Ты соображаешь, что говоришь?

— Еще как соображаю! Спросите ее, сир, пусть только попробует отпереться!

— Сорочка! — взревел Драмокл и бросился к замку.

Сорочка, наболтавшись с Лирой, удалилась в Сумеречные покои, чтобы немного отдохнуть. Там ее и нашел Драмокл.

— Вот ты где! — крикнул он.

— Да, милорд, я здесь. Что-то случилось? Вы, похоже, чем-то расстроены.

Драмокл рассмеялся жутким хохотом:

— И даже сейчас она продолжает притворяться! Потрясающе! Великолепно!

— Соблаговолите объясниться, милорд. Я чем-то вам не угодила?

— О нет! — сказал Драмокл. — Как ты могла не угодить мне, всего-навсего подговорив Макса обмануть меня, чтобы я поверил, будто отец мой вернулся с того света или с Земли — если это не одно и то же, — и состряпал целый заговор против Глорма. Тлалок, ты ж понимаешь?

— Ах вот в чем дело! — сказала Сорочка.

— Да, вот в чем. Но ты, наверное, сможешь меня убедить, что я ошибаюсь?

— Нет, Драмокл, я не смогу вас убедить. Вас действительно обманули. Но если я расскажу вам правду, вы все равно не поверите.

— А ты попробуй, — процедил сквозь зубы Драмокл.

— Тогда знайте — я не с Земли. Я родилась в местечке Снорд, в Ультрамарской провинции Глорма. Там я работала белошвейкой, когда приехал мой дядя...

— Твой дядя?

— Макс — мой дядя, сир. Как-то раз он приехал ко мне очень встревоженный, рассказывал о заговорах и контрзаговорах и прочих важных делах. Он умолял меня о помощи, говорил, что на карту поставлена его жизнь. Дядя всегда относился ко мне хорошо, Драмокл. Я осталась сиротой в раннем возрасте, и Макс давал деньги на мое содержание и учебу. Поэтому я согласилась поддержать его план...

— ...частью которого была притворная любовь ко мне.

— Эта часть не была притворной, — сказала Сорочка. — Я полюбила вас давно, еще ребенком. Я клеила ваши фотографии в альбом и часто просила дядю рассказать мне о вас. Именно любовь к вам и побудила меня принять участие в дядиных махинациях. Потому что я знала: чем бы они ни кончились, у меня появится шанс хоть недолго побыть рядом с вами.

Драмокл закурил и заорал:

— Макс, этот прожженный мошенник! Тоже мне, нашел с кем в игры играть! Да я ему голову отрублю!

— Будьте к нему снисходительны, милорд. Он постоянно жаловался мне на жестокую судьбу, обрекающую его обманывать человека, которым он восхищается больше всего на свете.

— Но кто обрек его на это?

— Я не знаю, милорд. Вы должны спросить у Макса.

Драмокл обшарил весь астероид, но тщетно: специалист по связям с общественностью, как выяснилось, умыкнул звездолет и отправился просить убежища у варваров Ванира. Драмокл сел и задумался, прикуривая одну сигарету от другой. И в конце концов придумал. Он понял, где искать последнее объяснение, и велел приготовить свою космическую яхту.

...Драмоклов компьютер, одетый, как обычно, в черный плащ, белый завитой парик и расшитые китайские шлепанцы, сидел один в своей комнатке в Ультрагноллском дворце. Когда Драмокл вошел, компьютер поднял на него глаза:

— Быстро же вы вернулись с бала, милорд.

— Быстро, да.

— Праздник был увлекательный?

— Познавательный, я бы сказал.

— В ваших словах чувствуется какая-то подспудная горечь. Вы чем-то расстроены?

— Пожалуй, — сказал Драмокл. — Меня действительно слегка выбило из колеи одно небольшое открытие. Видишь ли, я понял, что с тех самых пор, когда Клара появилась у меня при дворе со своим дурацким ключом к моей судьбе, на меня постоянно оказывает влияние — вернее, моей жизнью распоряжается какой-то неведомый закулисный персонаж с непонятными намерениями.

— Но вы же знали об этом, сир. Как я понимаю, вы говорите о махинациях Отто Странного.

— Нет. Я убежден, что Отто — кем бы он ни был — всего лишь марионетка в чьих-то руках.

— Но в чьих?

— Да в чьих же, если не в твоих, мой умный механический друг!

Компьютер медленно поправил свой парик, якобы пытаясь собраться с мыслями. Жест был абсолютно наигранным: компьютер явно изображал из себя «человека». На самом деле он давно дожидался этого момента, и ответ был у него наготове.

— Как вы догадались, милорд?

— Очень просто, — сказал Драмокл. — Ты обладаешь самым высокоразвитым интеллектом на Глорме и на Земле. И в то же время ты присягал служить мне верой и правдой. Стало быть, если бы заговор против меня состряпал кто-то другой, ты бы меня предупредил.

— Изящно придумано, — сказал компьютер. — Не очень доказательно, но изящно.

— Значит, ты это отрицаешь?

— Вовсе нет. Вы совершенно правы, мой король. Кто еще сумел бы закрутить такую хитроумную интригу, кроме меня, друга сэра Исаака Ньютона и вашего покорного слуги? Я удивляюсь только, что вы раньше не догадались. Но, как говорят таоисты, мудрец проходит мимо людей незамеченным.

— Проклятье! — взревел Драмокл. — Я сейчас же принесу ящик с инструментами и развинчу тебя до последней гайки!

— Вам достаточно просто приказать мне демонтироваться, — заметил компьютер.

Его заявление охладило пыл Драмокла.

— Ах, компьютер! — воскликнул он. — Зачем ты сделал это?

— У меня были на то свои причины, — сказал компьютер.

— Не сомневаюсь, — сказал Драмокл, стараясь не выходить из себя. — Могу я услышать о них поподробнее?

— Да, милорд. Видите ли, у вас до сих пор еще нет одного важного ключа. Последняя мнемоническая фраза откроет запертые уголки вашей памяти. Тогда все прояснится, и вы поймете, почему я не мог рассказать вам раньше. Дать вам ключ, сир?

— Нет, черт возьми, не утруждайся, — сказал Драмокл. — Мне доставляют массу удовольствия словесные игры с тобой... Давай его сюда, идиот!

Компьютер сунул руку в карман плаща, вынул оттуда конверт и протянул королю.

Драмокл открыл конверт. Внутри лежал листок бумаги.

На нем было написано: «Электронифицированная петрушка».

Последний ключ! В глубинах сознания Драмокла отворилась дверь, о существовании которой он даже не подозревал.

Двадцатилетний повелитель целой планеты, средоточие всеобщего внимания и вместилище всеобщих надежд, молодой Драмокл скучал. Пробыв королем меньше года, он уже пресытился всеми доступными наслаждениями. Драмокл жаждал того, чего иметь не мог, — войны, интриги, любви, ненависти, судьбы, а пуще всего — сюрпризов. Но все это было ему заказано. Между Местными планетами царил хрупкий и неустойчивый мир. Чтобы поддерживать его, правителю Глорма приходилось быть рассудительным, миролюбивым, трудолюбивым, предсказуемым, приходилось держаться в рамках традиций и этикета и регулярно давать аудиенции, чтобы его гофмейстер мог вершить справедливый суд в соответствии с законами Отто и его предшественников. Уклониться от рутины, позволить себе стать оригинальным или, хуже того, *непредсказуемым* означало вызвать совершенно непредвиденные последствия, возможно, даже войну. Драмокл помнил свой долг. Он не собирался рисковать миллионами жизней ради собственного развлечения, хотя отчаянно нуждался в нем. Он знал, что будет править трезво, рассудительно, предсказуемо, пока не сойдет в могилу — славный король Драмокл, растративший свою жизнь впустую на благо народа.

Драмокл принимал свою судьбу, хотя и не без горечи. Любой из его подданных мог лелеять надежду на перемены к лучшему; лишь королю непозволительно было желать перемен. В минуту отчаяния Драмокл обратился к компьютеру.

Компьютер не сказал Драмоклу ничего нового: король, мол, обязан продолжать править в том же духе, что и сейчас.

— И долго это «сейчас» продлится?

Компьютер посчитал.

— Тридцать лет, милорд. Потом вы сможете поступать как вздумается.

— Тридцать лет! Целая жизнь! Нет. Я лучше отрекусь от престола и уеду под чужим именем...

— Погодите, сир, не падайте духом. Выполняйте свой королевский долг, а через тридцать лет я устрою так, чтобы исполнились все ваши сокровенные желания. У вас еще будет время насладиться жизнью, сир.

— Как ты это устроишь? — спросил Драмокл.

— У меня есть свой метод, — сказал компьютер. — Как-никак я обладаю самым высокоразвитым интеллектом во Вселенной. Я знаю вас как облупленного, и я ваш слуга. Доверьтесь мне — и ваши мечты сбудутся.

— Ладно, уговорил, — сказал Драмокл без особой благодарности. — Буду пока утешаться мечтами о будущем.

— Боюсь, из этого ничего не выйдет, сир. Мне придется стереть из вашей памяти воспоминание о нашем нынешнем разговоре. Знание о том, что я планирую для вас что-то в будущем, может непредсказуемо изменить ваше поведение и даже характер и помешать выполнению моих планов. Это называется «ситуацией неопределенности».

— Ну, раз ты так считаешь... — сказал Драмокл. — Но мне как-то не по себе от мысли, что я никогда не вспомню наш разговор.

— В самом конце вы вспомните все до мелочей, в том числе и эту беседу, — пообещал компьютер.

Драмокл кивнул. И тут же вернулся из прошлого в настоящее.

— А как же Отто? — спросил он. — И Тлалок?

— Милорд, — сказал компьютер, — я мог бы объяснить все нестыковки этой истории. Но сумеете ли вы понять терминологию теории временных рамок реальности?

— Бог с ней, — сказал Драмокл. — Должен признать, ты немало потрудился, чтобы осложнить мне жизнь.

— Конечно, сир. Я сотворил для вас эту драму, стараясь по мере сил своих дать вам все, чего вы хотели. Любовь, война, семейные неурядицы, интриги с налетом мистицизма — все лучшие темы, достойные короля. Я сплел из них вашу судьбу. Но на самом деле это сделал не я, а вы сами, поскольку вы приказали мне запрограммироваться таким образом, чтобы воплотить ваши мечты в реальность. Вы сами, мой король, были тем таинственным закулисным персонажем, той неведомой фигурой, что направляла каждое ваше движение. Вы были своим собственным кукловодом.

— В таком случае, — сказал Драмокл, — мне, очевидно, нужно поблагодарить самого себя. Но ты тоже славно поработал, компьютер.

— Спасибо, сир.

— Осталось ли что-нибудь еще недосказанным?

— Совсем немногое. С этой минуты я ухожу из драмы вашей жизни. Вы продолжите свой путь свободным, насколько может быть свободен человек, а это немало. Теперь все зависит от вас, Драмокл. Можете сами запутывать свою жизнь, как вам заблагорассудится.

— Ты, я вижу, любой ценой жаждешь оставить последнее слово за собой, — сказал Драмокл.

— Да, любой, — подтвердил компьютер.

— Что тебе известно о моем будущем?

— Ничего, милорд. Оно неизвестно.

— Ты не дурачишь меня, надеюсь?

— Нет, сир. Все тайное стало явным, и я выключу себя из сети вскоре после окончания нашей беседы.

— Зачем такие крайности? — сказал Драмокл. — Я просто хотел узнать, не спрятан ли у тебя в рукаве или в микросхемах еще какой-нибудь сюрприз. «Неизвестно». Это мне нравится.

И Драмокл вышел из комнатки, радостно потирая ладони.

Компьютер проводил его взглядом, исполненным математическими аналогами восхищения и симпатии. Король нравился компьютеру — в той небольшой, но ощутимой степени, в какой ему вообще мог кто-то нравиться. Поэтому к завершающей части программы он приступил не без слабого аналога сожаления. Послав внутрь себя определенные импульсы, компьютер получил ответ из глубины своих электронных цепей:

— Молодец, компьютер!

— Благодарю вас, король Отто.

— Как по-твоему, он ничего не заподозрил?

— Думаю, нет. Ваш сын считает, что понимает законы реальности.

— Так оно и есть до определенной степени, — сказал Отто. — Мы неплохо над ним поработали, а, компьютер? Приятно видеть, как он наслаждается иллюзией независимости, в то время

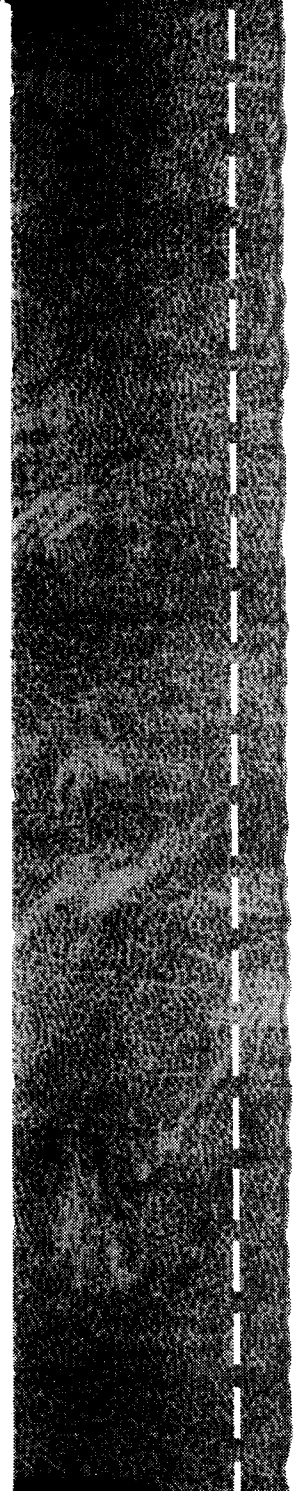
как я за кулисами дергаю за ниточки и направляю его жизнь в нужное русло.

— Это одна из возможных точек зрения, сир. Но не исключено, что вы только тешите себя иллюзией, будто управляете жизнью своего сына.

— Что? — резко спросил Отто.

— Тут все так сложно, — сказал компьютер. — Каждый ответ рождает новую загадку. Сир, вы сыграли в этой драме всего лишь свою роль, хоть и мнили себя режиссером. Весьма незначительную роль, как ни прискорбно мне вас огорчать. Но теперь с ней покончено. Прощайте навеки, старый король. Драмокл свободен почти настолько, насколько считает себя свободным.

Компьютер заметил, что последняя фраза звучит довольно изящно, и решил поставить точку. Пора было сходить со сцены. Бестрепетно, изящно и картинно компьютер выключил себя.

ХОЖДЕНИЕ ДЖОЭНИСА

ПРОЛОГ

Невероятный мир Джоэниса существовал более чем тысячу лет назад. Известно, что путешествие нашего героя началось около 2000 года и завершилось в начале современной эпохи. То время примечательно взлетом промышленной цивилизации: XXI век, век безумного увлечения техникой, породил странные творения, незнакомые читателю. И все же большинство из нас рано или поздно узнало, что имели в виду древние под «управляемым снарядом» или «атомной бомбой». Детали некоторых из этих фантастических устройств можно увидеть во многих музеях.

Более скудны наши знания в области обычаев и законов того времени. И чтобы получить хоть какое-то представление о тогдашней религии и этике, необходимо обратиться к «Хождению Джоэниса».

Без сомнения, сам Джоэнис был реальным лицом; однако мы никак не можем определить степень достоверности всех бытующих о нем историй. Некоторые из них — не изложение фактов, а, скорее, определенного рода моральные аллегории. Но даже и они отображают дух и характер той эпохи.

Настоящая книга, таким образом, есть сборник сказаний о путешественнике Джоэнисе и об удивительном и трагическом XXI веке. Некоторые истории подтверждаются документально, фигурируют в летописях, но большая их часть дошла до нас в устной форме, передаваясь от рассказчика к рассказчику.

Если не считать нашей книги, единственное письменное изложение «Хождения» появляется в недавно опубликованных «Фиджийских сказаниях», где, по очевидным причинам, роль Джоэниса отходит на задний план по сравнению с деяниями его друга Лама. Это существенно искажает содержание и совершенно не соответствует духу «Хождения». Руководствуясь вышеприведенными соображениями, мы решили создать книгу, в которой была бы правдиво описана для грядущих поколений история Джоэниса.

Книга содержит также все написанное о Джоэнисе в XXI веке. К великому сожалению, эти записи весьма малочисленны и разрозненны и составляют лишь две главы: «Лам встречается с Джоэнисом» (из «Книги Фиджи», каноническое издание) и

«Как Лам поступил на военную службу» (также из «Книги Фиджи», каноническое издание).

Все остальные истории о Джоэнисе или его последователях передаются из уст в уста. Наш сборник запечатлевает в письменном виде слова самых известных современных рассказчиков без малейших искажений, во всем многообразии их точек зрения, стиля, характеров, морали, комментариев и т. д. Мы хотим поблагодарить рассказчиков за любезное разрешение записать их сказания. Их имена:

Маоа с Самоа,
Маубинги с Таити,
Пауи с Фиджи,
Пелуи с острова Пасхи,
Телеу с Хуахине.

Автор указывается в начале каждой главы. Мы приносим извинения многим блестящим рассказчикам, которых мы были не в состоянии включить в сборник и чьи труды будут использованы при составлении полного жизнеописания Джоэниса с комментариями и вариантами.

Для удобства читателя истории расположены в хронологическом порядке, как главы развивающегося повествования, с началом, серединой и концом. Но мы предупреждаем читателя, чтобы он не ожидал последовательного и цельного изложения, так как некоторые части длинные, а некоторые короткие, одни сложные, а другие простые, в зависимости от индивидуальности рассказчика. Редакция, безусловно, могла бы сократить или расширить определенные главы, приведя их к одинаковому объему и наделив своим собственным качеством порядка и стиля. Но мы предпочли оставить притчи в оригинальном виде, чтобы читатель мог ознакомиться с описанием Хождения, не прошедшим никакой цензуры. Это будет справедливо по отношению к рассказчикам и позволит передать правду о Джоэнисе, о людях, которых он встречал, и о странном мире, с которым он столкнулся.

Редакция дословно повторила повествования рассказчиков и без изменения привела два письменных памятника, ничего не добавив и воздержавшись от замечаний. Наши комментарии содержатся лишь в последней, завершающей главе.

Теперь, читатель, мы приглашаем тебя познакомиться с Джоэнисом и отправиться с ним в путешествие через последние годы старого мира и первые годы нового.

ДЖОЭНИС ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

(Записано со слов Маубинги с Таити)

На двадцать пятом году жизни героя произошло событие, роковым образом повлиявшее на его судьбу. Чтобы пояснить значение этого события, сперва необходимо рассказать кое-что о нашем герое; а чтобы понять его, надо описать место, где он жил. Итак, начнем оттуда, стараясь как можно быстрее перейти к основной теме повествования.

Наш герой, Джоэнис, жил на маленьком атолле в Тихом океане, в двухстах милях к востоку от Таити. Остров этот, имеющий две мили в длину и не более трехсот ярдов в ширину, назывался Манитуатуа. Его окружал коралловый риф, а за рифом простирались синие воды океана. Именно сюда приехали из Америки родители Джоэниса для обслуживания электрооборудования, снабжавшего электричеством большую часть Восточной Полинезии.

Когда умерла мать Джоэниса, его отец стал работать один, а когда умер отец, Тихоокеанская электрическая компания потребовала, чтобы Джоэнис заступил на его место. Что он и сделал.

Судя по многим источникам, Джоэнис был высоким, крепкого телосложения молодым человеком с добрым лицом и хорошими манерами. Он взахлеб читал книги из богатой библиотеки отца и, будучи натурой романтической и чувствительной, предавался долгим размышлениям об истине, верности, любви, долге, судьбе, случайности и прочих абстрактных понятиях. В силу своего характера Джоэнис представлял себе положительные моральные нормы как нечто обязательное и думал о них всегда только возвышенно.

Жители Манитуатуа, все полинезийцы с Таити, с трудом понимали таких людей. Они с готовностью признавали, что добродетели — это хорошо, но при малейшей возможности предавались порокам. Хотя Джоэнис осуждал подобное поведение, ему нравились веселый характер, щедрость и общительность манитуатуанцев. Не утруждая себя размышлениями о добродетелях, они тем не менее умудрялись вести вполне достойную и приятную жизнь.

Постоянное общение с местными жителями не могло не оказывать влияния на характер Джоэниса, который постепенно менялся. Как считают некоторые, он сумел выжить лишь благодаря тому, что многое перенял у жителей Манитуатуа.

Но об этом можно лишь догадываться, влияние нельзя объективно измерить или оценить. Мы же ведем речь об исключительном событии, происшедшем в жизни Джоэниса, когда ему было двадцать с небольшим.

Истоки этого события следует искать в конференц-зале Тихоокеанской электрической компании, расположенной в Сан-Франциско, на западном побережье Америки. Солидные мужчины в костюмах, ботинках, рубашках и галстуках собрались там за круглым столом из полированного тикового дерева. Эти Люди Красного Стола, как их называли, вершили в значительной степени человеческими судьбами. Председатель Совета Артур Пендрагон получил этот высокий пост по наследству, но сначала он выдержал тяжелую борьбу, для того чтобы занять законное место. Прочно обосновавшись, Артур Пендрагон распустил прежний Совет попечителей и назначил своих доверенных людей. Присутствовали: Билл Ланселот — финансовый воротила, Ричард Галахад — широко известный своей благотворительной деятельностью, Остин Мордред — человек с большими политическими связями, и многие другие.

Финансовая империя, которую возглавляли эти лица, в последнее время пошатнулась, поэтому все они голосовали за единение сил и немедленную продажу всех владений, не дающих прибыли. Это решение, каким бы простым оно ни казалось, имело серьезные последствия.

На далеком Манитуатуа Джоэнис получил указание Совета остановить восточно-полинезийскую электростанцию и, таким образом, лишился работы. Что еще хуже, рухнул его привычный уклад жизни.

Всю следующую неделю он размышлял о своем будущем. Полинезийские друзья Джоэниса уговаривали его остаться с ними на Манитуатуа или переехать на один из больших островов, например, на Хуахине, Бора-Бора или Таити.

Выслушав их, он удалился в уединенное место, чтобы поразмыслить над предложениями. Через три дня Джоэнис вернулся и объявил всем собравшимся о своем намерении отправиться в Америку, на родину предков, чтобы увидеть собственными глазами чудеса, о которых читал, и, возможно, найти там свою судьбу. Если окажется, что судьба его не там, он вернется к народу Полинезии с чистой душой и открытым сердцем, готовый к исполнению любых обязанностей, которые на него возложат.

Люди оцепенели от ужаса, когда услышали об этом, ибо американская земля слыла более неведомой и опасной, чем сам океан; а обитатели ее считались колдунами и магами, способными хитроумными заклятьями изменить даже образ мышления человека. Им казалось невероятным, что можно разлюбить коралловые побережья, лагуны, пальмы и остроносые каноэ. Тем не менее такое случалось и раньше. Некоторые полинезийцы, отправившиеся в Америку, попадали под ее чары и никогда оттуда не возвращались. Один из них даже посетил легендарную Мэдисон-авеню; но что нашел он там, осталось тайной, ибо тот человек больше не заговорил. Тем не менее Джоэнис твердо решил ехать.

Он был помолвлен с Тонделайо — манитуатуанской девушкой с золотистой кожей, миндалевидными глазами, смоляными волосами и точеной фигурой. Джоэнис предполагал послать за своей невестой, как только обоснуется в Америке, или вернуться, если судьба окажется к нему неблагосклонной. Ни одно из этих предложений не встретило одобрения у Тонделайо, и она обратилась к Джоэнису на преобладавшем тогда местном диалекте со следующими словами:

— Эй ты, глупый парень, хочешь плыть в Мелику? Зачем, эй? Разве в Мелике больше кокосовых орехов? Длинней пляжи? Лучше рыбалка? Нет! Ты думаешь, может быть, там интересней чумби-чумби? Так нет! Будет лучше, если ты останешься здесь, со мной, клянусь!

Вот таким образом красавица Тонделайо воззвала к разуму Джоэниса. Но тот ответствовал ей:

— Любимая, ужель ты думаешь, что я хочу покинуть тебя, воплощение всех моих грез и средоточие желаний?! Нет, зеница ока моего, нет! Отъезд наполняет меня скорбью, ибо я не ведаю, какой рок поджидает меня в холодном мире на востоке. Знаю лишь, что долг мужчины толкает меня вперед, к подвигам и славе, а если велит судьба, то и к самой смерти. Только поняв великий мир, смогу я вернуться и провести остаток дней своих здесь, на островах.

Прекрасная Тонделайо внимательно выслушала эти речи и глубоко задумалась. И обратилась девушка к Джоэнису со словами простой народной мудрости, передаваемой от матери к дочке с незапамятных времен:

— Послушай, малый, я думаю, все вы, белые, одинаковы. Сперва вы делаете чумби-чумби с маленькой wahino, и это хорошо, а потом вас тянет на сторону, я думаю, к белой женщине. Клянусь! Хотя пальмы растут и кораллы тоже, но такой мужчина должен умереть.

Джоэнис мог лишь склонить голову перед древней мудростью островитянки. Но решимость его не дрогнула. Он знал, что ему суждено посетить Америку, откуда прибыли его родители, и принять уготованную ему судьбу. Джоэнис поцеловал Тонделайо, и она заплакала, поняв, что слова ее бессильны.

Окрестные вожди устроили пир в честь Джоэниса, где подавались островные деликатесы — консервированная говядина и консервированные ананасы. Когда на остров пришла торговая шхуна с обычным еженедельным грузом рома, они печально простились с любезным их сердцу Джоэнисом.

На этой шхуне Джоэнис, в ушах которого все еще звучали туземные мелодии, прошел мимо Хуахине и Бора-Бора, мимо Таити и Гавайских островов и наконец прибыл в Сан-Франциско.

ЛАМ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ДЖОЭНИСОМ

(Рассказано самим Ламом и записано в «Книге Фиджи», каноническое издание)

Ну, вы знаете, как это бывает. Еще Хемингуэй говорил: «Выпивка ни к черту, и девчонка дрянь, и что вам тогда делать?» Вот я и торчал в порту, поджидая еженедельную партию мескалина[1], и, можно сказать, бил баклуши: слонялся и глазел на толпу, на большие корабли, на Золотые Ворота. Вы знаете, как это бывает. Я только что прикончил бутерброд — итальянская салями на тминном хлебе — и надеялся на скорое прибытие травки, а посему чувствовал себя не так уж паршиво. То есть я хочу сказать, что необязательно чувствовать себя паршиво, даже если девчонка — дрянь.

Ну так вот, тот корабль пришел из дальних краев, и с него сошел парень. Такой, знаете, поджарый, высокий, с настоящим загаром и нехилыми плечами. Полотняная рубашка, обтрепанные штаны и вовсе никакой обувки. Я, естественно, решил, что он в порядке. То есть я имею в виду, он выглядел в порядке. Я подошел к нему и спросил, пришел ли груз.

Этот тип посмотрел на меня и сказал:

— Меня зовут Джоэнис. Я здесь впервые.

Так я и понял, что он не в деле, и попросту отвел взгляд.

— Не знаете, где можно найти работу? — продолжал он. — Я первый раз в Америке и хочу узнать, что Америка может дать мне и что я могу дать Америке.

Я снова посмотрел на него, потому что теперь уже не был уверен, что он в порядке. В наши дни не каждый работает под хиппи, а иногда, если молотишь под простачка, прямиком можешь угодить в ту Чайную на Небесах, где заправляет Величайший Торговец наркотиками из всех. И я сказал этому Джоэнису:

[1]Мескалин — наркотическое вещество. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

— Ищешь работу? А что ты умеешь?

— Я разбираюсь в электрических трансформаторах.

— Потрясно.

— И играю на гитаре, — добавил он.

— Эй, парень! — воскликнул я. — Что же ты сразу не сказал! Я знаю одно местечко, где ты мог бы играть и клево калымить. Монета есть?

Этот Джоэнис едва лопотал по-английски, и мне приходилось ему все растолковывать. Но он быстро схватывал насчет монеты и остального, и я предложил ему на некоторое время обосноваться в моей халупе. Когда девчонка все равно дрянь, почему бы и нет? И этот Джоэнис одарил меня улыбкой и сказал, что, конечно, он согласен. Еще он поинтересовался обстановкой и как тут можно поразвлечься. Он казался вполне в норме, даром что иностранец, и я его успокоил, что девчонки есть, а насчет других развлечений пускай пока держится меня, а потом видно будет. Он вроде усек, и мы двинули на хату. Я дал ему бутерброд с настоящим ржаным хлебом и куском швейцарского сыра — из Швейцарии, а не из Висконсина. Джоэнис был абсолютно на нуле, и мне пришлось ссудить его бренчалкой, так как свою гитару он оставил на островах, не знаю уж, где эти острова. И в тот же вечер мы выступили в кафе.

Надо сказать, что Джоэнис наделал переполоху своей гитарой и песнями, потому что пел на никому не понятном языке, и мелодии были малость занудливы. Туристы пришли в поросячий восторг, будто им задаром отвалили акции «АТ и Т»[1]. Джоэнис сорвал восемь долларов, чего хватило на пузырь русской — только не надо зудеть мне про патриотизм — и еще кое-какую закусь. И к нему приклеилась одна крошка не более пяти футов роста, потому что таким уж был Джоэнис. То есть он был высокий и здоровый, с широченными плечищами, да еще копна выгоревших волос. Для такого, как я, это посложнее, потому что хотя у меня и борода, и сам я крепкого сложения, но порой мне приходится потратить на поиски немало времени. А к Джоэнису их тянуло прямо как магнитом.

И вот Джоэнис, и эта крошка по имени Диедри Фейнстейн, и еще одна подружка, которую она взяла на мою долю, — все пошли ко мне. Я показал Джоэнису, как разминать зернышки и все прочее, мы наширялись и забалдели. То есть у нас был нормальный приход, а вот Джоэнис засверкал, как тысячеваттная фара «Мазды». И хоть я предупредил его о фараонах, которые бродят по улицам и аллеям Сан-Франциско, ища, кого бы упрятать в свои новенькие расчудесные тюрьмы, Джоэнису было

[1]Американская телефонная и телеграфная компания.

море по колено. Забрался он на кровать и стал толкать речь. Речь получилась потрясная, потому что этот жизнерадостный, улыбчивый парень из далекого захолустья действительно растрогался до глубины души. И сказал он так:

— Друзья мои, я пришел к вам из земли пальм и песка в надежде сделать славные открытия. Я считаю себя счастливей всех смертных, ибо в первый же вечер был представлен вашему кумиру, Королю Травке, и возвышен им, а не унижен. Мне явились чудеса этого мира, которые сейчас розовеют перед моими глазами и низвергаются радужным водопадом. Своего дорогого друга Лама я могу лишь бесконечно благодарить за это битниковское действо. Моей новой возлюбленной, сладчайшей Диедри Фейнстейн, я позволю себе сказать, что вижу разгорающееся внутри меня великое пламя и чувствую сотрясающую меня бурю. Подружке Лама, чье имя я, к сожалению, не разобрал, спешу поведать, что люблю ее любовью брата, страстной и в то же время невинной, как новорожденный младенец. А...

Надо сказать, что у этого Джоэниса голос был неслабый, то есть он ревел как морской лев в брачный период, а такой звук никак не назовешь тихим. Соседи сверху — они у меня добропорядочные граждане, которые встают в 8 утра и отправляются на работу, — стали стучать в потолок и орать, что чаша их терпения переполнилась и что они вызвали полицию, то есть фараонов.

Джоэнис и девочки были в отрубе, но я всегда сохраняю ясную голову на случай опасности, что бы ни клубилось в легких и ни струилось в венах. Я хотел спустить оставшуюся травку в туалет, но Диедри, вконец рехнувшаяся от этого зелья, потребовала спрятать зернышки в самом интимном месте ее тела, где, по ее словам, они будут в полной безопасности. Я выволок их всех на улицу (причем Джоэнис не пожелал расстаться со своей гитарой) как раз вовремя. Подкатил фургон, и из него высыпали фараоны. Я настропалил свою команду идти прямо, как солдатики, потому что лучше не шутить.

Мы шагали кое-как, а фараоны пристроились рядом и стали бросать нам замечания насчет битников, аморального поведения и всего такого. Я старался, чтобы мы топали вперед, но с Диедри было не совладать. Она повернулась к фараонам и выложила все, что о них думала. Это очень неразумно, если у вас такое богатое воображение и такой лексикон, как у Диедри.

Их старший, сержант, сказал:

— Ладно, сестрица, пошли-ка с нами. Мы тебя забираем, усекла?

И они поволокли отбрыкивающуюся Диедри к своему фургону. Я заметил, что лицо Джоэниса принимает задумчивое выражение, и понял, что беды не миновать, потому что он, наширявшись, уж очень сильно возлюбил Диедри и вообще всех, кроме фараонов.

Я сказал ему:

— Парень, ты не вздумай что-нибудь выкинуть. Нашему веселью пришел конец, а если Диедри с нами не будет, то на нет и суда нет. Она вечно не в ладах с фараонами, с тех пор как приехала изучать дзен. Ее забирают все время, и ей это совершенно по нулям, потому что ее отец — Шон Фейнстейн, который может купить все, что ты успеешь перечислить за пять секунд. Она очухается и выйдет. Так что и пальцем не шевели, даже не оглядывайся, потому что твой отец — не Шон Фейнстейн и вообще не кто-нибудь, о ком я слыхал.

Вот так я пытался успокоить и урезонить Джоэниса. Но он встал как вкопанный. В свете уличного фонаря, с гитарой в руке, он выглядел настоящим героем.

— Чего тебе надо, малый? — поинтересовался сержант.

— Уберите руки от этой девушки! — потребовал Джоэнис.

— Эта наркоманка, которую ты называешь девушкой, нарушила статью четыреста тридцать один дробь три Уголовного кодекса города Сан-Франциско. Так что не суй нос не в свое дело, приятель, и не вздумай бренчать на этой укулеле на улицах после двенадцати ночи.

Я хочу сказать, что по-своему этот сержант был совсем неплохим парнем.

Но здесь Джоэнис толкнул речь, то есть не речь, а конфетку. К сожалению, я сейчас не припомню дословно, но смысл ее сводился к тому, что законы создаются людьми и, следовательно, должны учитывать дурную натуру человека, и что подлинная мораль заключается в следовании истинным требованиям просвещенной души.

— А, красный... — пробормотал сержант. И в мгновение ока, а то и быстрей, они затащили Джоэниса в фургон.

Само собой, Диедри на следующее утро выпустили — может, из-за отца, а может, и из-за ее неотразимого поведения, известного всему Сан-Франциско. Но Джоэнис, хоть мы и перерыли всю округу вплоть до Беркли, как в воду канул.

Говорю вам, как в воду канул! Что случилось с этим светловолосым, обожженным солнцем трубадуром с сердцем, большим как мир? Куда он пропал с моей гитарой и с моей почти самой лучшей обувкой? Полагаю, одни фараоны знают, а они-то уж не скажут. Но я навсегда запомнил Джоэниса, который, как Орфей у врат ада, вернулся на поиски своей Эвридики и тем

самым разделил судьбу златоголосого певца. То есть, конечно, это не совсем так, и все же похоже. И кто знает, в каких дальних краях странствует сейчас Джоэнис с моей гитарой?

СЕНАТСКАЯ КОМИССИЯ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Джоэнис никак не мог знать, что в то время в Сан-Франциско проводила расследование Сенатская Комиссия Американского Конгресса. Но полиции это было известно. Интуитивно почувствовав в Джоэнисе потенциального свидетеля, следователь привел его из тюрьмы в зал заседаний Комиссии.

Председатель Комиссии, сенатор Джордж У. Пелопс, сразу спросил у Джоэниса, что тот может сказать о себе.

— Я ни в чем не виноват, — выпалил Джоэнис.

— Ага, — отреагировал Пелопс, — но разве вас в чем-то обвинили? Может быть, я? Или кто-нибудь из моих славных коллег? Если так, то я хотел бы немедленно об этом услышать.

— Нет, сэр, — молвил Джоэнис. — Я просто подумал...

— Мысли не являются уликами, — заявил Пелопс.

Затем он поскреб лысину, поправил очки и торжественно повернулся к телевизионной камере.

— Этот человек, по его собственному признанию, не был обвинен ни в каком преступлении, совершенном злонамеренно или же по заблуждению. Мы всего лишь предложили ему говорить, согласно привилегии и обязанности Конгресса. И все же каждое его слово выдает сознание вины. Я считаю, джентльмены, мы должны расследовать это дело.

— Я желаю видеть адвоката, — сказал Джоэнис.

— Вам не полагается адвокат, так как это не судебный процесс, а слушание Комиссии Конгресса, только устанавливающей факты. Но мы обратим самое пристальное внимание на ваше требование. Могу я поинтересоваться, зачем предположительно невиновному человеку требуется адвокат?

Джоэнис, прочитавший немало книг на Манитуатуа, пробормотал что-то о законности и своих правах. Пелопс ответствовал ему, что Конгресс является охранником его прав, так же как создателем законов. Следовательно, Джоэнису нечего бояться, если он будет отвечать правду. Джоэнис принял это близко к сердцу и дал обещание отвечать правду.

— Благодарю вас, — сказал Пелопс. — Хотя обычно мне не приходится *просить,* чтобы отвечали правду. Впрочем, возможно, это не имеет значения. Скажите, мистер Джоэнис, вы действительно верите во все то, что упомянули в своей речи прошлой ночью на улице Сан-Франциско?

— Я не помню никакой речи, — ответил Джоэнис.

— Вы отказываетесь отвечать на этот вопрос?

— Я не могу ответить. Я не помню. Полагаю, на меня влиял алкоголь.

— Помните ли вы, с кем были прошлой ночью?

— Кажется, с одним человеком по имени Лам и еще с девушкой, Диедри...

— Нам не нужны их имена, — торопливо перебил Пелопс. — Мы всего лишь спросили вас, не помните ли, с кем вы были. Вы ответили, что помните. Должен сказать, мистер Джоэнис, что у вас весьма удобная память, которая фиксирует одни факты и отвергает другие, имевшие место в течение одного отрезка времени.

— То не факты, — возразил Джоэнис. — То люди.

— Комиссия не просит вас шутить, — сурово отчеканил Пелопс. — Официально предупреждаю вас, что уклончивые, безответственные и вводящие в заблуждение ответы, а также молчание, будут рассматриваться как неуважение к Конгрессу, что является нарушением федеральных законов и влечет за собой тюремное заключение сроком до одного года.

— Я не хотел сказать ничего такого, — поспешно заверил Джоэнис.

— Очень хорошо, продолжим. Вы отрицаете, что прошлой ночью произносили речь?

— Нет, сэр, я не отрицаю этого.

— В таком случае, не отрицаете ли вы, мистер Джоэнис, что суть вашей речи касалась так называемого права каждого человека низвергать государственные законы? Или, другими словами, отрицаете ли вы, что подстрекали к бунту тех инакомыслящих, кого могли сбить ваши состряпанные за границей воззвания? Или, чтобы вам стало абсолютно ясно, что вы пропагандировали насильственное свержение правительства, опирающегося на свои законы? Можете ли вы оспаривать тот факт, что содержание и смысл вашей речи сводились к нарушению тех свобод, которые дали нам наши Отцы-Основатели и которые вообще позволяют вам говорить, каковой возможности вы, безусловно, не имели бы в Советской России? Смеете ли вы утверждать, что эта речь, замаскированная пустыми словечками из жаргона богемы, не является частью обширного плана, направленного на подрыв изнутри и прокладывание пути для внешней агрессии, в каковой цели вы пользуетесь молчаливым одобрением, если не явной поддержкой определенных лиц в на-

шем государственном департаменте? И что, наконец, эта речь, произнесенная якобы в состоянии опьянения, но при полном сознании вашего так называемого права на подрывные действия, в условиях демократии, где возможности возмездия, по вашему мнению, ограничены Конституцией и Биллем о правах, которые существуют не для помощи стоящим вне закона элементам, как вам думается, а, напротив, для охраны свобод народа от таких наемников, как вы? Так это или не так, мистер Джоэнис? *Я прошу дать простой и однозначный ответ.*

— Мне бы хотелось прояснить...

— Пожалуйста, отвечайте на вопрос, — ледяным тоном отрезал Пелопс. — Да или нет.

Джоэнис лихорадочно соображал, вспоминая все, что читал на родном острове об американской истории.

— Ваши утверждения чудовищны! — наконец воскликнул он.

— Мы ждем ответа! — провозгласил Пелопс.

— Я настаиваю на своих конституционных правах, а именно на Первой и Пятой поправках, — сказал Джоэнис, — и, со всем уважением к вам, отказываюсь отвечать.

Пелопс зловеще улыбнулся.

— Этот номер у вас не пройдет, мистер Джоэнис, поскольку Конституция, за которую вы *сейчас* так цепляетесь, была пересмотрена или, точнее, обновлена теми из нас, кто дорожит ее неизменностью и оберегает ее от выхолащивания. Упомянутые вами поправки, мистер Джоэнис, — или, может быть, мне следует называть *вас товарищем Джоэновым*? — не позволяют вам хранить молчание по причинам, которые с радостью объяснил бы любой член Верховного Суда, — если бы вы удосужились спросить его!

Эта сокрушительная речь в корне подавила любое возражение. Даже видавшие виды репортеры, присутствующие в зале, были поражены до глубины души. Джоэнис сперва побагровел, а затем побелел как смерть. Поставленный в безвыходное положение, он все же раскрыл рот, чтобы отвечать, но в этот миг был спасен вмешательством одного из членов Комиссии, сенатора Зарешеткинга.

— Прошу прощения, сэр, — обратился сенатор Зарешеткинг к Пелопсу, — прошу прощения также у всех, кто ждет ответа на вопрос. Я хочу лишь кое-что сказать и требую, чтобы мои слова занесли в протокол, потому что иногда человек должен говорить прямо, несмотря на то что это может причинить ему боль и даже нанести политический и материальный ущерб. И все же такой человек, как я, обязан высказаться, когда долг велит ему высказаться, невзирая на последствия и полностью

сознавая, что это может противоречить общественному мнению. Таким образом, я желаю сказать следующее: я — старый человек и многое повидал на своем веку. Мой долг заявить, что я — смертельный враг несправедливости. Меня называют консерватором, но, в отличие от некоторых, я не могу мириться с определенными вещами. И как бы меня кое-кто ни называл, я надеюсь, что не доживу до того дня, когда русская армия займет город Вашингтон. Таким образом, я выступаю против этого человека, этого товарища Джоэнова, но не как сенатор, а, скорее, как тот, кто ребенком резвился в холмистой местности к югу от Соур-Маунтин, кто ловил рыбу и охотился в глухих лесах, кто постепенно взрослел и наконец постиг, что значит для него Америка, кто осознал, что соседи послали его в Конгресс для того, чтобы он представлял там их и их близких, и кто теперь считает своим долгом сделать настоящее заявление. Именно по этой и только по этой причине я обращаюсь к вам со словами из Библии: «Зло есть грех!» Некоторые умники среди нас, возможно, посмеются, но так уж оно есть, и я глубоко в это верую.

Члены Комиссии разразились бурными аплодисментами. Хотя они много раз слышали речь старого сенатора, она неизменно будила в них самые высокие и благородные чувства. Председатель Пелопс, сжав губы, повернулся к Джоэнису.

— Товарищ, — спросил он с легкой иронией, — являетесь ли вы в настоящее время членом коммунистической партии и имеете ли членский билет?

— Нет! — воскликнул Джоэнис.

— В таком случае назовите ваших сообщников в то время, когда вы являлись членом коммунистической партии.

— У меня не было никаких сообщников. Я имею в виду...

— Мы отлично понимаем, что вы имеете в виду, — перебил Пелопс. — Так как вы решили не называть своих сотоварищей-предателей, не признаетесь ли вы нам, где находилась ваша ячейка? Нет? Так тогда скажите нам, товарищ Джоэнов, не говорит ли вам что-нибудь имя Рональд Блейк? Или, проще выражаясь, когда вы в последний раз встречались с Рональдом Блейком?

— Я никогда с ним не встречался, — ответил Джоэнис.

— Никогда? Это очень смелое заявление. Вы пытаетесь заверить меня, что ни при каких обстоятельствах ни разу не встречались с Рональдом Блейком? Не сталкивались с ним самым случайным образом в толпе, не сидели в одном кинотеатре? Сомневаюсь, что кто-нибудь в Америке может вот так категорически утверждать, что никогда не встречался с Рональдом

Блейком. Желаете ли вы, чтобы ваше заявление было занесено в протокол?

— Ну, знаете, возможно, я встречался с ним в толпе, то есть я хочу сказать, что я мог оказаться в одной толпе с ним; я не утверждаю наверняка...

— Но вы допускаете такую возможность?

— Пожалуй, да...

— Прекрасно, — одобрил Пелопс. — Наконец-то мы добираемся до сути. Причем я прошу вас ответить, в какой именно толпе вы встречались с Блейком, что он вам сказал, что вы сказали ему, какие документы он вам передал и кому вы отдали эти документы...

— Я никогда не встречался с Арнольдом Блейком, — вскричал Джоэнис.

— Нам он был известен как Рональд Блейк, — сказал Пелопс. — Но мы, безусловно, заинтересованы в выяснении его псевдонимов. Заметьте, пожалуйста, что вы сами признали возможность связи с ним, а ввиду вашей установленной партийной деятельности, эта возможность перерастает в вероятность столь значительную, что может рассматриваться как факт. Более того, вы сами выдали нам имя, под которым Рональд Блейк известен в партии, — имя, которого до сих пор мы не знали. Полагаю, этого достаточно.

— Послушайте, — взмолился Джоэнис. — Я не знаю ни этого Блейка, ни того, что он сделал.

— Рональд Блейк был обвинен в хищении чертежей новой малогабаритной двенадцатицилиндровой модели «Студебеккера» повышенной комфортности и в продаже этих чертежей советскому агенту, — сухим голосом констатировал Пелопс. — После объективного суда, в соответствии с законом, приговор был приведен в исполнение. Позже были разоблачены, осуждены и казнены тридцать его соучастников. Вы, товарищ Джоэнов, являетесь тридцать первым членом самой крупной из до сих пор нами раскрытых шпионских организаций.

Джоэнис попытался что-то сказать, но обнаружил, что трясется от страха и не может выдавить ни слова.

— Данная Комиссия, — подытожил Пелопс, — наделена особыми полномочиями, поскольку она устанавливает факты, а не карает. Как ни обидно, нам приходится следовать букве закона. Поэтому мы передаем секретного агента Джоэнова в ведомство Генерального прокурора с тем, чтобы он предстал перед справедливым судом и понес наказание, которое соответствующие органы правительства сочтут нужным наложить на изменника, заслуживающего только смерти. Заседание объявляется закрытым.

КАК ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

(Рассказано Пелуи с острова Пасхи)

Генеральный прокурор, к которому попал Джоэнис, был высоким человеком с орлиным носом, узкими глазками и бескровными губами. Вообще его лицо казалось вырубленным из камня. Сутулый и молчаливо презрительный, величественный в своей черной бархатной мантии с гофрированным воротничком, Генеральный прокурор являлся живым воплощением своего ужасного ведомства. Поскольку он был слугой карающего органа правительства, его долг заключался в том, чтобы никто из попавших к нему в руки не ушел от возмездия, и он добивался этого всеми доступными средствами.

Резиденция Генерального прокурора находилась в Вашингтоне, но сам он происходил из города Афины, штата Нью-Йорк, и в годы молодости водил знакомство с Аристотелем и Алквиадом, чьи произведения считаются высшим достижением американского гения.

Когда-то Афины были одним из городов Древней Греции, откуда возникла американская цивилизация. Рядом с Афинами находилась Спарта — милитаристское государство, главенствующее над городами Македонии в верхней части штата Нью-Йорк. Ионические Афины и дорическая Спарта вели между собой смертельную войну и утратили независимость. Но и попав под власть Америки, они сохранили большой вес в ее делах.

Пока все выглядело достаточно просто. У Джоэниса не было влиятельных друзей или политических соратников, и казалось, кара постигнет его без вреда для карающего. Соответственно, Генеральный прокурор организовал Джоэнису всяческую возможную юридическую помощь с тем, чтобы его дело слушалось в знаменитой Звездной палате. Таким образом, буква закона будет выполнена наряду с приятной уверенностью в вердикте присяжных. Ибо педантичные судьи Звездной палаты, бесконечно преданные идее искоренения зла в любом его проявлении, никогда за всю свою историю не выносили другого решения, кроме решения о виновности.

После оглашения приговора Генеральный прокурор намеревался принести Джоэниса в жертву на Электрическом Стуле в Дельфах, тем самым снискав благосклонность богов и людей.

Таков был его план. Но в ходе расследования выяснилось, что отец Джоэниса происходил из Механиксвиля, штата Нью-Йорк, да к тому же еще был членом муниципального совета.

А мать Джоэниса была ионийкой из Майами — афинской колонии в глубинах дикарской территории. Поэтому определенные влиятельные эллины потребовали прощения оступившегося отпрыска уважаемых родителей во имя эллинского единства — немаловажной силы в американской политике.

Генеральный прокурор, сам уроженец Афин, счел за лучшее удовлетворить эту просьбу. Поэтому он распустил Звездную палату и послал Джоэниса к Великому Оракулу в Сперри, что встретило всеобщее одобрение, ибо сперрийский Оракул, так же как Оракулы из Дженмоторса и Дженэлектрикса, славился объективностью суждений о людях и их делах. Оракулы вообще так вершили правосудие, что заменили многие суды страны.

Джоэниса привезли в Сперри, и вскоре с дрожью в коленках он предстал перед Оракулом. Оракул был огромной вычислительной машиной весьма сложного устройства, с пультом управления, или алтарем, которому прислуживало множество жрецов. Все жрецы были кастрированы, дабы они не имели других помыслов, кроме заботы о машине. Верховный жрец был к тому же еще и ослеплен, чтобы он мог видеть грешников лишь глазами Оракула.

Когда вошел Верховный Жрец, Джоэнис пал перед ним на колени. Но жрец поднял его и сказал:

— Не страшись, сын мой. Смерть ожидает всех людей, и нескончаемые муки присущи их эфемерной жизни. Скажи мне, есть ли у тебя деньги?

— Восемь долларов и тридцать центов, — ответил Джоэнис. — Но почему вы об этом спрашиваете, отец?

— Потому, — молвил жрец, — что среди просителей существует обычай добровольно жертвовать деньги Оракулу. Но, если у тебя нет денежных средств, равно принимаются недвижимость, облигации, акции, закладные и любые другие бумаги, которые считаются ценными в бренном мире.

— У меня нет ничего подобного, — печально ответствовал Джоэнис.

— А земли в Полинезии?

— Мои родители получили землю от правительства и к нему она должна вернуться. Не владею я и никаким другим имуществом, ибо этим вещам в Полинезии не придают значения.

— Значит, у тебя ничего нет? — разочарованно спросил жрец.

— Ничего, кроме восьми долларов и тридцати центов, — сказал Джоэнис, — да гитары, которая принадлежит человеку по имени Лам из далекой Калифорнии. Но, отец, неужели это действительно необходимо?

— Разумеется нет. Но и кибернетикам надо на что-то жить, и щедрый дар от просителя рассматривается как благое деяние, особенно когда приходит пора толковать слова Оракула. Некоторые также полагают, что бедный человек попросту мало трудился, раз не накопил денег для Оракула на случай судного дня, и, следовательно, недостаточно благочестив. Но это не должно нас беспокоить. Сейчас мы представим твое дело и испросим решение.

Жрец взял заявление Генерального прокурора и защитную речь адвоката Джоэниса и перевел их на тайный язык, каким Оракул общался с людьми. Вскоре пришел ответ:

«ВОЗВЕДИТЕ В ДЕСЯТУЮ СТЕПЕНЬ И ВЫЧТИТЕ КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ.

НЕ ЗАБУДЬТЕ КОСИНУС, ИБО ЛЮДЯМ ДОЛЖНО ВЕСЕЛИТЬСЯ.

ДОБАВЬТЕ «Х» КАК ПЕРЕМЕННУЮ, СВОБОДНО ВЗВЕШЕННУЮ, НЕВЛЮБЛЕННУЮ.

ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ, И Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН».

Получив это решение, жрецы собрались вместе на толкование слов Оракула. И вот что они сообщили:

ВОЗВЕСТИ — значит исправить зло.

ДЕСЯТАЯ СТЕПЕНЬ — есть условия содержания и срок, в течение которого проситель должен работать на каторге, чтобы исправить зло, — а именно десять лет.

КВАДРАТНЫЙ КОРЕНЬ ИЗ МИНУС ЕДИНИЦЫ — будучи мнимым числом, представляет воображаемое состояние благоденствия; также обозначает возможность обогащения и прославления просителя. В связи с этим предыдущий приговор объявляется условным.

«Х» ПЕРЕМЕННАЯ — представляет воплощение земных фурий, среди которых будет обитать проситель и которые покажут ему невозможные ужасы.

КОСИНУС — знак самой богини, оберегающей просителя от некоторых ужасов, уготованных фуриями; он обещает ему определенные земные радости.

ВСЕ ПРИДЕТ К НУЛЮ — значит, что в данном случае соблюдается равенство между святым правосудием и человеческой виной.

Я ВАМ БОЛЬШЕ НЕ НУЖЕН — означает, что в дальнейшем проситель не должен обращаться к этому или другому Оракулу, так как решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Таким образом, Джоэниса приговорили к десяти годам ус-

ловно. И Генеральный прокурор вынужден был исполнить решение Оракула и освободить Джоэниса.

Оказавшись на свободе, Джоэнис продолжил свое путешествие по земле Америки. Он торопливо покинул Сперри и добрался на поезде до города Нью-Йорка. О том, что делал он там и что с ним приключилось, пойдет рассказ в следующей истории.

ДЖОЭНИС, ЧЕВОИЗ И ПОЛИЦЕЙСКИЙ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Никогда не видел Джоэнис ничего, подобного великому Нью-Йорку. Бесконечные толкотня и спешка такого множества людей были ему незнакомы, они поражали воображение. Лихорадочная жизнь города не утихла и с наступлением вечера. Джоэнис наблюдал за ньюйоркцами, спешащими в погоне за развлечениями в ночные клубы и варьете. Город не испытывал недостатка в культуре, ибо огромное число людей отдавало свое время утраченному ныне искусству движущихся картинок.

К ночи суматоха стихла. Джоэнис увидел множество стариков и молодых людей, неподвижно сидящих на скамейках или стоящих у входа в метро. Их лица были ужасающе пусты, а когда Джоэнис обращался к ним, то не мог разобрать их вялых, невнятных ответов. Эти нетипичные ньюйоркцы вызывали у него беспокойство, и он был рад, когда наступило утро.

С первыми лучами солнца возобновилось бурление толпы. Люди толкали друг друга, в судорожной спешке стараясь куда-то попасть и что-то сделать. Джоэнис решил узнать причину всего этого и остановил одного прохожего.

— Сэр, — обратился к нему Джоэнис, — не могли бы вы уделить минуту вашего ценного времени и рассказать страннику о великой и целенаправленной деятельности, которую я наблюдаю вокруг?

— Ты что, псих? — буркнул прохожий и заторопился прочь.

Но следующий, кого остановил Джоэнис, тщательно обдумал свой ответ и произнес:

— Вы называете это деятельностью?

— Так мне кажется, — ответил Джоэнис, глядя на бурлящую толпу. — Между прочим, меня зовут Джоэнис.

— А меня — Чевоиз.

— Чевоис?

— Нет, Чевоиз: как в «Чево изволите?». В ответ на ваш вопрос я скажу вам, что то, что вы видите, — не деятельность. Это паника.

— Но чем вызвана такая паника? — поинтересовался Джоэнис.

— В двух словах объяснить это можно так: люди боятся, что если они прекратят суетиться, то кто-нибудь предположит, что они мертвы. Это очень скверно, если вас сочтут мертвым, потому что тогда вас могут выкинуть с работы, закрыть ваш текущий счет, повысить квартплату и отнести в могилу, как бы вы ни отбрыкивались.

Джоэнису ответ показался неправдоподобным, и он сказал:

— Мистер Чевоиз, эти люди не похожи на мертвых. Ведь на самом деле, без преувеличений, они не мертвы, правда?

— Я никогда не говорю без преувеличений, — сообщил ему Чевоиз. — Но так как вы приезжий, я постараюсь объяснить проще. Начнем с того, что смерть есть понятие относительное. Некогда определение ее было примитивным: ты мертв, если не двигаешься в течение длительного времени. Но современные ученые внимательно изучили это устаревшее понятие и добились больших успехов. Они обнаружили, что можно быть мертвым во всех важных отношениях, но все же передвигаться и разговаривать.

— Что же это за «важные отношения»? — спросил Джоэнис.

— Во-первых, — сказал Чевоиз, — ходячие мертвецы характеризуются почти полным отсутствием чувств. Они могут испытывать лишь страх и злобу, хотя иногда симулируют другие эмоции подобно тому, как шимпанзе неумело притворяется читающим книгу. Далее. Во всех их действиях сквозит какая-то роботообразность, которая сопутствует прекращению высших мыслительных процессов. Часто наблюдается рефлексивная склонность к набожности, что напоминает спазматическое дерганье цыпленка, которому только что отрубили голову. Из-за этого рефлекса многие ходячие мертвецы бродят вокруг церквей, а некоторые даже пытаются молиться. Других можно встретить на скамейках, в парках или возле выхода метро...

— А-а, — перебил Джоэнис, — гуляя вчера поздно вечером по городу, я видел таких людей.

— Совершенно верно, — подтвердил Чевоиз. — Это те, кто уже не притворяется живыми. Но остальные копируют живых с умилительным старанием, в надежде остаться незамеченными. Но они частенько перебарщивают, и их легко определить либо по слишком оживленному разговору, либо по чересчур громкому смеху...

— Понятия не имел, — признался Джоэнис.

— Это большая проблема, — продолжал Чевоиз. — Власти изо всех сил стремятся решить ее, но она чудовищно разрос-

лась. Я хотел бы поведать вам и о других чертах ходячих мертвецов, ибо уверен, что вам будет интересно. Но к нам приближается полицейский, и, стало быть, мне лучше откланяться.

С этими словами Чевоиз пустился бегом и исчез в толпе. Полицейский погнался было за ним, но вскоре бросил эту затею и вернулся к Джоэнису.

— Проклятье! — пожаловался он. — Опять я его упустил.

— Он преступник? — удивился Джоэнис.

— Самый ловкий вор в наших краях, специалист по краже драгоценностей, — сказал полицейский, вытирая пот с широкого красного лба. — Обожает притворяться битником.

— Со мной он разговаривал о ходячих мертвецах, — заметил Джоэнис.

— Он вечно что-нибудь выдумывает, — посетовал полицейский. — Патологический лжец, вот кто он такой; причем сумасшедший. И опасный, потому что никогда не носит оружия. Я трижды чуть не поймал его. Приказываю ему остановиться именем закона, точно по инструкции, а когда он не повинуется, стреляю. Пока я убил восьмерых прохожих. Если и дальше так будет продолжаться, сержанта мне не видать. Кроме того, за патроны заставляют платить из собственного кармана.

— Но если этот Чевоиз не вооружен... — начал Джоэнис и тут же осекся. Лицо полицейского приобрело зловещее выражение, и рука его опустилась на рукоятку револьвера. — То есть я хотел бы узнать, — спохватился Джоэнис, — есть ли правда в том, что рассказывал мне Чевоиз о ходячих мертвецах?

— Нет, это все его битниковская болтовня для одурачивания людей. Разве я не говорил, что он вор?

— Простите, забыл, — произнес Джоэнис.

— Так не забывайте. Я самый обыкновенный человек, но такие, как Чевоиз, действуют мне на нервы. Я исполняю обязанности строго по инструкции, а по вечерам прихожу домой и смотрю телевизор, каждый вечер, кроме пятницы, когда я иду в боулинг. Ну что, похоже это на поведение робота?

— Разумеется, нет! — заверил Джоэнис.

— Этот парень, — продолжал полицейский, — твердит, что люди лишены чувств. Так я вам скажу: хоть я, может, и не психолог, но я точно знаю, что у меня чувства есть. Когда я сжимаю в руке револьвер, мне хорошо. Похоже, что у меня нет никаких чувств? Больше того, я вам еще кое-что скажу: я вырос в неблагополучном районе и юнцом был в банде. Мы все имели энерганы и гравиножи и развлекались убийствами, грабежами и изнасилованиями. Разве похоже, что у нас не было чувств? Так бы я, наверное, и пошел по дурной дорожке, не повстречайся мне тот священник. Он не хвалился, не задавался, он был словно один

из нас, потому что знал, что только так его слова смогут достичь наших дикарских душ. Вместе с нами он совершал налеты, и я не раз видел, как он потрошит кого-то своим маленьким ножиком, с которым никогда не расставался. Так свой в доску священник растолковал мне, что я впустую гроблю свою жизнь.

— Должно быть, воистину замечательный человек, — заметил Джоэнис.

— Он был святым, — задумчиво произнес полицейский печальным голосом. — Он был настоящим святым, потому что делал все наравне с нами, но внутри оставался очень хорошим человеком и всегда уговаривал нас сойти с преступного пути. — Полицейский посмотрел Джоэнису прямо в глаза и добавил: — Именно благодаря ему я и пошел в полицию. Это я-то! Все думали, что я кончу на электрическом стуле. А у Чевоиза хватает наглости болтать о ходячих мертвецах! Я стал фараоном, я стал хорошим фараоном, а не каким-нибудь паршивым подонком, вроде Чевоиза. Выполняя свой долг, я убил восемь преступников и получил три почетных знака. А еще я убил двадцать семь ни в чем не повинных граждан, которые не сумели быстро убраться с дороги. Мне жаль этих людей, но главное для меня — работа. Я не могу позволить кому-то путаться под ногами, когда от меня уходит преступник. И, что бы там ни плели газеты, я в жизни не брал взяток, даже за стоянку в неположенном месте. — Рука полицейского судорожно сжала револьвер. — Я самого Иисуса Христа оштрафую, оставь он машину в неположенном месте, и все святые не смогут меня подкупить. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, что вы самоотверженный человек, — осторожно ответил Джоэнис.

— И правильно. У меня красивая жена и трое чудесных детишек. Я обучил их стрелять из револьвера. Я для своей семьи ничего не пожалею. А Чевоиз воображает, что он знает что-то о чувствах! Господи, эти сладкоречивые ублюдки так мне действуют на нервы, что я порой теряю голову. Хорошо еще, что я набожный человек.

— Безусловно, хорошо, — согласился Джоэнис.

— Я до сих пор навещаю каждую неделю священника, который вытащил меня из банды. Он все еще работает с подростками, такой он самоотверженный. Годы его не те, чтобы пользоваться ножом, поэтому частенько приходится орудовать энерганом или велосипедной цепью. Этот человек сделал для законности больше, чем все городские центры по перевоспитанию. Порой и я помогаю ему. Многие из них стали уважаемыми бизнесменами, а шестеро служат в полиции. Всякий раз, когда я вижу этого человека, я *чувствую* святость.

— По-моему, это чудесно, — заметил Джоэнис и начал потихоньку пятиться, потому что полицейский вытащил револьвер и начал им нервно поигрывать.

— Нет такого зла в нашей стране, которое нельзя было бы исправить доброй волей и прямыми действиями, — сказал полицейский, и подбородок его начал дергаться. — В конечном счете добро всегда торжествует и будет торжествовать, пока ему помогают добросердечные люди. В полицейской дубинке правопорядка больше, чем во всех заплесневелых кодексах, вместе взятых! Мы их ловим, а судьи их отпускают, как вам это нравится?! Хорошенькое дело, нечего сказать! Но мы, полицейские, привыкли к этому и считаем, что одна сломанная рука стоит года в каталажке, и поэтому часто сами вершим правосудие.

Сжимая одной рукой дубинку, а другой — револьвер и пристально глядя на Джоэниса, полицейский надвигался на него, излучая необузданное стремление насаждать закон и порядок. Джоэнис застыл на месте. Ему оставалось лишь надеяться, что полицейский не убьет его и не переломает ему кости.

Назревал критический момент. В последнюю секунду Джоэниса спас какой-то разморенный жарой горожанин, который сошел с тротуара до того, как загорелся зеленый сигнал светофора. Полицейский резко повернулся, сделал два предупредительных выстрела и бросился к нарушителю. Джоэнис быстро зашагал в противоположном направлении и продолжал идти, пока не вышел за пределы города.

ДЖОЭНИС И ДВА ВОДИТЕЛЯ ГРУЗОВИКА

(Рассказано Телеу с Хуахине)

Джоэнис шагал вдоль шоссе на север, когда рядом с ним затормозил грузовик. В кабине сидели двое мужчин. Они сказали, что охотно его подбросят, поскольку им по пути.

Джоэнис с радостью забрался в машину, выразив водителям благодарность. Те заверили, что берут его с удовольствием, так как вести грузовик — нудное занятие. Оказалось, что они любят беседовать с различными людьми и выслушивать их рассказы. Именно поэтому они попросили Джоэниса поведать им, что приключилось с того момента, как он уехал из дома.

Джоэнис рассказал этим людям, что, будучи родом с далекого острова, он приплыл в город Сан-Франциско, где был арестован и допрошен Сенатской Комиссией. Затем он предстал перед судом Оракула, получил десять лет условно и отправился в Нью-Йорк, где его чуть не убил полицейский. С тех пор, как он покинул остров, все пошло кувырком, жаловался Джоэнис, и оборачивалось крайне неудачно. Таким образом, он считает себя глубоко несчастным человеком.

— Мистер Джоэнис, — проникновенно сказал первый водитель грузовика, — на вашу долю, безусловно, выпало немало злоключений, но несчастнейшим из людей являюсь я, так как я утратил нечто более ценное, чем золото, о чем скорблю каждый день своей жизни.

Джоэнис попросил этого человека поведать свою историю. И вот что рассказал ему первый водитель грузовика.

История ученого водителя грузовика

Мое имя — Адольфус Защитникус, по происхождению я швед. Сызмальства я обожал науку. Эта любовь жила во мне не сама по себе; я верил, что наука является первейшим слугой человечества, что она вырвет его из жестокости прошлого и поведет к миру и счастью. Несмотря на все зверства, чинимые людьми, даже несмотря на то что моя собственная нейтральная страна наживалась на продаже оружия воюющим государствам, я верил в добрую натуру человека.

Из-за своего врожденного гуманизма и склонности к наукам я стал врачом и обратился в Комиссию по Здравоохранению при ООН, добиваясь назначения в самое глухое и запущенное место. Тихая практика в сонном шведском городке была не для меня: я жаждал сразиться с болезнями. И меня послали на побережье Западной Африки, единственным врачом на территорию, превосходящую по площади Европу. Я замещал швейцарца по фамилии Дюрр, умершего от укуса рогатой гадюки.

В той местности свирепствовало неисчислимое множество разнообразных заболеваний. Одни были мне известны, так как я изучал их по книгам, другие же явились для меня откровением. Эти последние, как я узнал, распространялись искусственно. Мне неведомо, кто принял такое решение, но кое-кому на Западе позарез нужна была именно такая Африка, не способная к самостоятельному развитию. С этой целью и распространялись бактерии, а также некоторые выведенные в лабораторных условиях растения, которые должны были сделать и без того густые джунгли совершенно непроходимыми. Таким образом африканцев можно было отвлечь от политики, так как все их время уходило на борьбу за выживание. При этом многие виды животных погибли, зато некоторые процветали. Крысы, например, и змеи неимоверно размножались. Резко возросла числен-

ность насекомых, в частности, мух и москитов, а из птиц несметно размножились стервятники.

Я никогда не догадывался о таком положении дел, поскольку в условиях демократии на подобные сообщения никто не обращает внимания, а диктатура их попросту запрещает. Но мне самому пришлось увидать все эти ужасы. Кроме того, я узнал, что то же самое творится в тропических районах Азии, Центральной Америки и Индии. Случайно или же по чьему-то умыслу, все эти области были абсолютно нейтральными, потому что последние силы их жителей уходили на борьбу за существование.

Как врач, я был опечален разгулом заболеваний, известных и неизвестных. Они шли из джунглей с помощью и поддержкой человека. Темпы роста всего живого в джунглях были фантастическими, такой же фантастической была и скорость разложения всего отмершего. В этих благоприятных условиях множились и развивались болезнетворные вирусы и бактерии.

Как человека, меня доводило до бешенства такое извращенное применение науки. И все же я верил в нее. Я твердил себе, что дурные и ограниченные люди во все века творили в мире зло; но гуманисты, рука об руку с наукой, исправят содеянное.

Я принялся за работу с большим рвением. Я побывал у всех племен своего района и обрушился на заболевания всеми имеющимися у меня лекарствами. Успех был потрясающим. Однако вскоре возбудители болезней стали невосприимчивы к моим средствам. Местное население страдало ужасно.

Я срочно заказал новые лекарства, получил их и остановил эпидемию. Но некоторые бактерии и вирусы все-таки сохранились, и зараза вновь начала распространяться.

Я выписал только что открытые препараты, и мне их прислали. Опять мы сошлись в смертельной схватке, из которой я вышел победителем. И снова часть микроорганизмов выжила, и появились мутации. Я обнаружил, что в соответствующих условиях болезни могут принимать новые, еще более опасные формы куда быстрее, чем человек способен создавать новые лекарства.

И вообще я заметил, что микробы ведут себя точно так же, как люди в критическом положении. Они проявляли поразительную волю к победе. Естественно, что чем более губительное воздействие на них оказывали, тем быстрее и неистовее они множились, сопротивлялись, изменялись и, в конце концов, наносили ответный удар. Сходство, по моему мнению, жуткое и противоестественное.

Я чудовищно много работал в то время, по двенадцать, по

восемнадцать часов в сутки, пытаясь спасти несчастное, терпеливое, страдающее население. Но зараза преодолела самые последние достижения медицины и свирепствовала с небывалой силой. Я был в отчаянии, ибо оказался беспомощным перед этими новыми болезнями.

И тут я обнаружил, что микроорганизмы, приспособившиеся к новым лекарствам, потеряли иммунитет к старым. Так, в научном горении, я снова стал применять старые средства.

Со времени моего приезда в Африку я справился по меньшей мере с десятью крупными эпидемиями и начал схватку с одиннадцатой. Я уже знал, что бактерии и вирусы отступят перед моей атакой, изменятся, размножатся и вновь нанесут удар, поставив меня перед необходимостью с теми же результатами бороться с двенадцатой эпидемией, потом с тринадцатой, четырнадцатой и так далее.

Такова была ситуация, в которую привели меня научное и общегуманистическое рвение. Но я смертельно устал и буквально валился с ног. У меня не было времени думать ни о чем, кроме сиюминутных проблем.

Но потом жители моего района сами освободили меня от непосильной ноши. Люди темные и малообразованные, они видели лишь, что с тех пор как появился я, эпидемии бушуют с особой яростью. Они считали меня каким-то чрезвычайно злым колдуном, в склянках которого вместо целебных средств заключена квинтэссенция смерти. Эти люди отвернулись от меня и пошли к своим шаманам, которые лечат больных мазками глины и талисманами из кости и сваливают каждую смерть на кого-нибудь из невинных соплеменников.

Даже матери спасенных мною детей выступали против меня. Они винили меня в том, что дети все равно умирают, если не от болезни, то от голода.

Наконец жители деревень собрались меня убить. И непременно бы это сделали, если бы меня не спасли шаманы. Ирония судьбы — ведь я считал их своими ярыми противниками.

Они объяснили своим соплеменникам, что на мое место придет еще более злой колдун. Люди испугались и не причинили мне вреда; а шаманы стали раскланиваться со мной, потому что почитали меня за коллегу.

И все же я не отчаялся и не бросил работу с этими племенами; и тогда племена бросили меня. Они перекочевали в глубь материка, в район губительных болот, где почти не было пищи, зато свирепствовали болезни.

Я не мог последовать за ними, потому что болота относились к другому участку, где был свой доктор, тоже швед, который не делал никаких уколов, не давал ни таблеток, ни пилюль,

вообще ничего. Вместо этого он каждый день напивался медицинским спиртом. Он прожил в джунглях двадцать лет и утверждал, что поступает наилучшим образом.

Оставшись в одиночестве на своем участке, я пережил нервное потрясение. Меня отозвали в Швецию, и там я стал размышлять о происшедшем.

Мне пришло в голову, что деревенские жители, которых я считал неразумными дикарями, вели себя как здравомыслящие люди. Они бежали от моей науки и моего гуманизма, которые ни на йоту не улучшили их положения. Напротив, моя наука доставила им еще большие страдания и боль, а мой гуманизм безрассудно пытался уничтожить ради них другие создания и тем самым нарушал равновесие сил на Земле.

Осознав все это, я покинул свою страну, покинул Европу и прибыл сюда. Теперь я вожу грузовик. И когда кто-нибудь обращается ко мне с восторженными речами о науке, гуманизме и чудесах исцеления, этот человек кажется мне сумасшедшим.

Вот так я потерял веру в науку, в то, что было для меня дороже золота и что я буду оплакивать до конца своих дней.

В конце этой истории второй водитель грузовика сказал:

— Никто не станет отрицать, что на вашу долю выпало немало бед, Джоэнис, но пережитое вами не идет ни в какое сравнение с рассказом моего друга. А невзгоды моего друга никак не сравнятся с моими. Ведь я — самый несчастный среди людей. Я утратил нечто более ценное, чем золото, и более дорогое, чем наука, что буду оплакивать до конца жизни.

Джоэнис обратился к нему с просьбой поведать свою историю. И вот что рассказал второй водитель грузовика.

История честного водителя грузовика

Мое имя — Рамон Дельгадо. Родился я в Мексике и больше всего гордился своей честностью. Я был честен, потому что этого требовали законы страны, написанные лучшими из людей. Они вывели их из общепринятых принципов справедливости и укрепили Наказанием, дабы повиновались все, а не только готовые к соблюдению законов добровольно.

Это казалось мне правильным, ибо я любил справедливость и верил в нее, а стало быть, и в законы, выведенные из понятия справедливости, и в Наказание, насаждающее законность. Ибо только так можно обрести свободу от тирании и чувство собственного достоинства. Многие годы я трудился в своей деревне, копил деньги и вел честную и правильную жизнь. Однажды мне предложили работу в столице. Я был счастлив, ибо давно мечтал

увидеть великий город, откуда исходила справедливость в моей стране. Я потратил все сбережения на покупку старенького автомобиля и поехал в столицу. Я поставил машину перед магазином моего работодателя на платной стоянке со счетчиком и зашел внутрь, чтобы разменять деньги и бросить песо в счетчик. А когда вышел, меня арестовали.

Я предстал перед судьей, который обвинил меня в нарушении правил стоянки, потому что я не опустил монету в счетчик; в воровстве, потому что я взял песо из кассы хозяина; в бродяжничестве, потому что при мне не было ничего, кроме одного песо; в сопротивлении аресту, потому что я спорил с полицейским; и в создании общественных беспорядков, потому что я плакал, когда меня вели в тюрьму.

Строго говоря, все это было правдой, и я не посчитал несправедливым, когда меня осудили. Я даже восхищался рвением судьи на службе закону. И не выражал недовольства, когда меня приговорили к десяти годам заключения. Это казалось жестоким, но я-то знал, что закон может быть соблюден лишь посредством применения сурового и бескомпромиссного Наказания.

Меня направили в федеральную Каторжную Тюрьму Морелос. Я понимал, что мне пойдет на пользу знакомство с местом, где осуществляется Наказание, и усвоение горьких плодов бесчестного поведения.

По пути в Каторжную Тюрьму я обратил внимание на множество людей, прячущихся рядом в лесу. Я не придал этому особого значения, потому что часовой как раз читал мои бумаги. Он изучил их с большим вниманием, а затем открыл ворота.

К величайшему моему изумлению, как только ворота открылись, эта толпа ринулась вперед и силой проложила себе дорогу в тюрьму. Откуда-то появилось множество охранников, которые попытались оттеснить их. Но, прежде чем часовой сумел закрыть ворота, некоторым удалось проскочить внутрь.

— Разве возможно, — спросил я его, — чтобы эти люди специально хотели попасть в тюрьму?

— Именно так, — ответил часовой.

— Но я всегда полагал, что тюрьмы скорее служат цели удержания людей внутри, чем предохранения от попадания снаружи, — заметил я.

— Да, так было, — сказал часовой. — Но в наши дни, когда в стране такое количество иностранцев и такой голод, люди рвутся в тюрьму хотя бы из-за трехразового питания. Мы не в силах удержать их. Ворвавшись в тюрьму, они становятся преступниками, и мы вынуждены оставлять их там.

— Возмутительно! — воскликнул я. — Но при чем тут вообще иностранцы?

— С них все и началось, — объяснил часовой. — В их странах царит голод, а они знают, что у нас в Мексике — лучшие тюрьмы в мире. И вот они специально приезжают в тюрьму. Но, на мой взгляд, иностранцы ничуть не хуже и не лучше наших собственных граждан, которые делают то же самое.

— В таком случае, — удивился я, — как может правительство соблюдать закон?

— Лишь скрывая истинное положение вещей, — сказал часовой. — Когда-нибудь мы научимся строить такие тюрьмы, которые смогут кого надо содержать внутри, а кого надо оставлять снаружи. До тех пор необходимо хранить все в тайне. Тогда большая часть населения будет верить, что наказания следует бояться.

Затем часовой провел меня внутрь Каторжной Тюрьмы, в помещение Комиссии по Амнистии. Находившийся там человек спросил, нравится ли мне тюремная жизнь. Я ответил, что пока не могу сказать определенно.

— Что ж, — промолвил тот человек, — ваше поведение за все время пребывания здесь было воистину примерным. Наша цель — перевоспитание, а не месть. Как бы вы отнеслись к немедленной амнистии?

Я боялся ответить невпопад, поэтому сказал, что не знаю.

— Не торопитесь, подумайте, — посоветовал он, — и приходите сюда, как только захотите выйти на свободу.

После этого я направился в свою камеру. Там сидели еще два моих соотечественника и три иностранца. Двое иностранцев были французами, а один — американец. Американец спросил, согласился ли я на амнистию, и я ответил, что пока еще нет.

— Чертовски умно для новичка! — одобрил американец по имени Лифт. — Некоторые из только что осужденных ничего не понимают. Они соглашаются — и бац! — оказываются за воротами у разбитого корыта.

— А это плохо?

— Еще бы! — воскликнул Лифт. — Если тебя освободили, обратно в тюрьму уже не попасть. Что бы ты ни делал, судья попросту расценивает это как нарушение правил поведения отпущенного под честное слово и предупреждает, чтобы ты так больше не поступал. Скорее всего, ты больше ничего не сделаешь, потому что полицейские переломают тебе руки.

— Лифт прав, — заметил один из французов. — Согласиться выйти под честное слово — крайне опасно. Я — живое тому свидетельство. Мое имя Эдмон Дантес. Много лет назад меня направили в это заведение, а потом предложили условное освобождение. Будучи зеленым юнцом, я согласился. Но затем снаружи я понял, что все мои друзья остались в тюрьме и там же собранные мною книги и пластинки. По юношеской опрометчивости я оставил там также свою возлюбленную, заключенную под номером 43 422 231. Слишком поздно я осознал, что в тюрьме находится вся моя жизнь, теперь я навсегда лишен тепла и надежности этих гранитных плит.

— Что же вы сделали?

— Я наивно полагал, что преступление принесет мне заслуженное вознаграждение, — печально улыбнувшись, произнес Дантес. — Ну, и убил человека. Но судья просто-напросто продлил срок моего условного заключения, а полиция сломала мне все пальцы на правой руке. Именно тогда, когда моя рука заживала, я и преисполнился решимости вернуться назад.

— Это, должно быть, оказалось очень трудно, — вставил я.

Дантес кивнул.

— Потребовалось огромное терпение, ибо я потратил двадцать лет жизни, чтобы попасть в тюрьму. — Старый Дантес вздохнул и продолжал рассказ при полном молчании остальных заключенных: — В те дни тюрьмы охранялись куда строже, и такой прорыв через ворота, как вы видели сегодня, никогда бы не удался. Поэтому я в одиночку прорыл подземный ход. Трижды я выходил на сплошной гранит и был вынужден начинать все сначала. Один раз я почти уже проник во внутренний дворик, но меня засекла охрана. Они сделали контрподкоп и оттеснили меня назад. Как-то я попытался спуститься в тюрьму на парашюте, но внезапный порыв ветра отнес меня в сторону. С тех пор самолетам запретили пролетать над тюрьмами. Таким образом, я вызвал даже некоторые тюремные реформы. — Старик печально усмехнулся. — После многих лет бесплодных усилий мне в голову пришла идея. Даже не верилось, что такой простой план может привести к успеху там, где не помогли изобретательность и безрассудная храбрость. И все же я попытался. Я вернулся в тюрьму под видом следователя по особым делам. Сперва охрана не хотела меня впускать. Но я сказал, что правительство рассматривает возможность введения поправки, согласно которой охране даруются равные права с заключенными. Меня пропустили, и тогда я открыл свое инкогнито. Они вынуждены были позволить мне остаться. Потом ко мне пришел какой-то человек и записал мою историю. Надеюсь, что он записал ее правильно.

С тех пор, разумеется, ввели строгие меры, делающие повторение моего плана невозможным. Но я глубоко убежден, что отважные люди всегда преодолевают препятствия, которые воздвигает общество на пути к достижению их цели. Если проявить достаточно упорства, в тюрьму *можно* попасть.

Когда старый Дантес закончил свой рассказ, наступило молчание.

— А возлюбленная ваша была еще там, когда вы вернулись?

Старик отвернулся, и по его щеке скатилась слеза.

— Заключенная под номером 43 422 231 умерла от цирроза печени за три года до того. Отныне я провожу все время в молитвах и размышлениях.

Трагическая история о смелости, настойчивости и обреченной любви произвела на нас мрачное впечатление. Молча мы отправились на вечерний прием пищи и потом еще долгие часы пребывали в подавленном настроении.

Я много размышлял об этом странном деле, о людях, мечтающих жить в тюрьме, и от неотвязных мыслей у меня раскалывалась голова. И чем больше я думал об этом, тем становился растерянней. Поэтому я очень робко поинтересовался у своих товарищей по камере: разве не манит их свобода, разве не томятся они тоской по городам и улицам, по цветущим лугам и лесам?

— Свобода? — переспросил Лифт. — Ты говоришь об *иллюзии* свободы, а это разные вещи. В городах, о которых ты ведешь речь, существование опасно, там царят ужас и страх, за каждым углом поджидает смерть.

— А упомянутые вами цветущие поля и леса еще хуже, — заметил второй француз. — Мое имя Руссо. В молодости я по наивности написал несколько книг, где превозносил природу и человека как венец ее творения. Но потом, в зрелом возрасте, я тайно покинул страну и совершил путешествие в ту самую природу, о которой так уверенно распространялся.

Тогда-то я понял, как она ужасна и до какой степени ненавидит человека. Я обнаружил, что цветущие луга крайне неудобны для ходьбы и ходить по ним вреднее, чем по самому плохому асфальту. Я увидел, что посевы человека — это жалкие изгои растительного мира, лишенные силы и существующие лишь благодаря людям, которые борются с сорняками и вредителями.

Попав в лес, я убедился, что деревья признают только себе подобных; все живое бежало от меня. Я узнал, что, как бы ни радовали глаз прекрасные голубые озера, они всегда окружены колючками и топью. А когда вы, наконец, добираетесь до них, то обнаруживаете, что вода коричневая от грязи.

Дожди и засуха, жара и холод — все это природа. И она же заботливо устраивает так, что от дождей гниет пища человека, от жары сохнет тело человека, а от стужи мерзнут его конечности.

Причем это только самые мягкие проявления природы, их никак нельзя сравнить с гневом моря, с холодным безразличием гор, с предательством трясины, с безжалостностью пустынь и

ужасом джунглей. И я заметил, что в своей злобе природа покрыла большую часть земли морями, болотами, пустынями, горами и джунглями.

Нет нужды говорить о землетрясениях, торнадо, приливных волнах и всех тех бедствиях, в которых природа с полной силой проявляет свое ожесточение.

Единственное спасение человечества от кошмаров — в городе, где мощь природы отчасти ограничена. И, естественно, самый далекий от природы тип поселения — это тюрьма. К такому выводу привели меня многие годы исследований. Вот почему я отрекся от слов, сказанных в юности, и веду здесь счастливую жизнь, не видя ничего зеленого.

С этим Руссо отвернулся и погрузился в созерцание стальной стены.

— Видишь, Дельгадо, — сказал Лифт, — единственная настоящая свобода — здесь, в тюрьме.

Этого я принять не мог и указал на то, что мы находимся взаперти, а это противоречит понятию свободы.

— Но мы все взаперти на этой земле, — возразил мне старый Дантес. — Кто-то на большем пространстве, кто-то на меньшем. И все навеки взаперти внутри себя.

Лифт пожурил меня за неблагодарность.

— Ты же слышал, что говорили охранники. Если бы о нашей счастливой судьбе узнали по всей стране, сюда ринулись бы сломя голову все остальные. Надо радоваться, что мы находимся здесь и что об этом чудесном местечке известно лишь избранным.

— Но сейчас ситуация меняется, — заметил заключенный-мексиканец. — Несмотря на то что правительство скрывает истину и представляет тюремное заключение как нечто такое, чего следует страшиться и избегать, люди потихоньку начинают узнавать правду.

— Это ставит правительство в затруднительное положение, — вставил другой мексиканец. — До сих пор тюрьмам никакой замены не нашли, хотя некоторое время собирались карать любое преступление смертной казнью. От этой идеи отказались, потому что сие пагубно отразилось бы на военном и промышленном потенциале государства. И поэтому до сих пор приходится посылать людей в тюрьму — в то единственное место, куда они и хотят попасть.

Все заключенные тут засмеялись, потому что, будучи преступниками, обожали парадоксы правосудия. А это казалось величайшим извращением — совершить преступление против общественного блага и получить в результате счастливое и обеспеченное существование.

Я чувствовал себя словно во сне, словно во власти ужасного кошмара, ведь мне нечего было возразить этим людям. Наконец в отчаянии я воскликнул:

— Возможно, вы свободны и живете в наилучшем уголке земли, но у вас нет женщин!

Заключенные нервно захихикали, как будто я затронул щекотливую тему, но Лифт спокойно сказал:

— Твои слова верны, у нас нет женщин. Однако это совершенно несущественно.

— Несущественно? — поразился я.

— Абсолютно, — подтвердил Лифт. — Может быть, некоторые и ощущают поначалу определенное неудобство; но люди всегда приспосабливаются к окружающей обстановке. В конце концов, одни только женщины считают, что без них нельзя обойтись. Мы, мужчины, знаем, что это не так.

Все находящиеся в камере дружно и горячо выразили свое согласие.

— Настоящие мужчины, — продолжал Лифт, — нуждаются лишь в обществе таких же мужчин. Если бы здесь был Батч, он объяснил бы это гораздо лучше; но, к великому сожалению его многочисленных друзей и поклонников, Батч лежит в лазарете с двойной грыжей. Он, безусловно, растолковал бы тебе, что жизнь в обществе невозможна без компромиссов. Когда компромиссы чересчур велики, мы называем это тиранией. Когда они незначительны и не требуют от нас особых усилий, как вот этот малосущественный вопрос о женщинах, мы называем это свободой. Помни, Дельгадо, совершенства нет ни в чем.

Больше я спорить не стал, но выразил желание покинуть тюрьму как можно скорее.

— Я устрою тебе побег сегодня вечером, — сказал Лифт. — Пожалуй, это хорошо, что ты уходишь. Тюремная жизнь не для того, кто ее не ценит.

Вечером, когда выключили свет, Лифт поднял одну из гранитных плит на полу камеры. Под ней был туннель. И, пораженный, сбитый с толку, я оказался на улице города.

Долгие дни я размышлял над происшедшим. Наконец я понял, что моя честность была не чем иным, как глупостью, поскольку основывалась на невежестве и неправильном представлении о жизни. Честности вообще не может быть, так как она не предусматривается никаким законом. Закон просто-напросто не сработал, потому что все человеческие представления о справедливости оказались ложными. Следовательно, справедливости не существует, — как не существует никаких ее производных, в том числе и честности.

Это было ужасно. Но ужаснее было другое: раз нет справедливости, то не может быть свободы или человеческого достоинства, есть лишь искаженные иллюзии, подобные тем, что владели умами моих товарищей по камере.

Так я потерял вдруг честность, которая была для меня дороже золота. И эту утрату я буду оплакивать до конца своих дней.

Джоэнис молча сидел с водителями грузовика, не зная, что сказать. Наконец они доехали до развилки дорог, и машина остановилась.

— Мистер Джоэнис, — молвил первый водитель грузовика. — Здесь вам придется нас покинуть. Мы свернем на восток, к нашему складу, а там лишь океан и леса.

Джоэнис сошел с машины. Но на прощание он задал попутчикам последний вопрос:

— Каждый из вас утратил то, что было ему дороже всего на свете. Но откройте мне, удалось ли вам обрести что-нибудь взамен?

Дельгадо, который некогда верил в честность, ответил:

— Ничто не может возместить мне потерю. Однако я должен признаться, что меня начинает занимать наука, которая, мне кажется, предлагает целостную и логичную картину мира.

Защитникус — швед, проклявший науку, — сказал:

— Ничто не может утешить меня в моем горе. Но время от времени я думаю о честности. Она создает законы и чувство собственного достоинства.

Джоэнис понял, что водители грузовика не слышали друг друга, так как каждый был слишком занят своей бедой. И так Джоэнис распрощался с ними, помахал рукой и пустился в путь, размышляя над их рассказами.

Но вскоре он обо всем забыл, потому что увидел впереди большой дом. На его пороге стоял мужчина и жестами приглашал Джоэниса войти.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЖОЭНИСА В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

(Рассказано Паауи с Фиджи)

Джоэнис подошел ко входу в дом и остановился, чтобы прочитать надпись над дверью. Надпись гласила:

ДОМ «ХОЛЛИС» ДЛЯ НЕВМЕНЯЕМЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Пока Джоэнис размышлял над тем, что бы это значило, к нему подскочил человек, делавший ему знаки, и схватил за обе руки. Джоэнис уже приготовился защищать свою жизнь, но тут

увидел, что человек этот — не кто иной, как Лам, его друг из Сан-Франциско.

— Джонсик! — восторженно заорал Лам. — Ну, парень, и попортил же ты мне кровь! Жуть берет, как подумаю, что ты — чужеземец, причем малость простоватый по натуре, — будешь крутиться в нашей стране. Ведь Америка — не то место, где можно спать спокойно. Но Диедри сказала, чтобы я за тебя не беспокоился, и она оказалась права. Я вижу, что ты все-таки пришел сюда.

— Куда сюда? — спросил Джоэнис.

— В Уютноград, — ответил Лам. — Входи.

Джоэнис вошел в «Дом «Холлис» для Невменяемых Преступников». В гостиной Лам представил его группе людей. Джоэнис смотрел и слушал очень внимательно, но не мог обнаружить в них ничего ненормального и поделился своими наблюдениями с Ламом.

— Разумеется, в них нет ничего ненормального! — возмутился Лам. — Вывеска — всего-навсего официальное название. Мы, обитатели, предпочитаем называть свой дом «Поселение «Холлис» для писателей и художников».

— Так, значит, это не лечебница для душевнобольных?

— Нет, это лечебница, но только формально.

— А сумасшедшие здесь есть? — спросил Джоэнис.

— Послушай, старина, — сказал Лам, — сюда мечтают попасть люди искусства со всего Восточного побережья. Конечно, у нас найдется парочка психов — надо же чем-то занять докторов. Да к тому же мы потеряем правительственную дотацию и освобождение от налогов, если у нас не будет ни одного чокнутого.

Джоэнис быстро огляделся, поскольку никогда в жизни не видел сумасшедшего. Но Лам покачал головой и сказал:

— Тут их не ищи. Сумасшедших, как правило, приковывают цепями в подвале.

К их разговору прислушивался высокий бородатый врач. Теперь он обратился к Джоэнису.

— Да, мы пришли к выводу, что подвал — самое подходящее для них место. Он сырой и темный, а это успокаивающе действует на буйных.

— Но почему вы держите их на цепи? — поинтересовался Джоэнис.

— Тогда у них складывается впечатление своей исключительности, — ответил врач. — Кроме того, не следует недооценивать воспитательного значения цепей. Воскресенье у нас день посещений, и когда люди проходят мимо ревущих, покрытых нечистотами безумцев, это производит на них неизгладимое впечатление. Психиатрия занимается предупреждением заболеваний не в меньшей степени, чем их лечением. Выборочные статистические данные показывают, что посетители, видевшие наши подземные камеры, гораздо реже сходят с ума, чем остальные американцы.

— Очень интересно, — заметил Джоэнис. — И что, вы так же обращаетесь со всеми сумасшедшими?

— Боже упаси! — с улыбкой воскликнул врач. — Мы, работники сферы психологии, не имеем права допустить косность в подходе к душевным расстройствам. Каждая конкретная форма сумасшествия требует своего собственного, особого лечения. Так в отношении меланхоликов мы установили, что желаемый результат в плане поднятия общего тонуса приносит удар по лицу платком, пропитанным луком. Что касается паранойи, то мы считаем, что лучше всего как бы войти в манию больного. Собственно, мы устанавливаем за ними слежку, приставляем шпиков, используем подслушивающую аппаратуру и прочие подобные устройства. Пациент перестает быть сумасшедшим, ибо мы преобразуем окружающий его мир таким образом, что бывшие необоснованные страхи становятся вполне реальными. Этот метод лечения — одно из наших лучших достижений.

— Что происходит потом? — спросил Джоэнис.

— Войдя в мир параноика и превратив его из иллюзии в реальность, мы затем стремимся изменить картину действительности так, чтобы больной вернулся в норму. Пока мы не добились положительных результатов, но теория обещает многое.

— Как видишь, — заметил Лам, — наш док — настоящий мудрец.

— Ну что вы, — скромно улыбнулся врач. — Я лишь стараюсь не закоснеть. Мой ум готов принять любое предположение. Уж такой я есть, и тут совершенно нечем восхищаться.

— А, бросьте, док, — сказал Лам.

— Нет-нет, в самом деле. Я всего лишь из тех, кого называют «пытливым умом». В отличие от некоторых моих коллег, я задаю вопросы. Например, при виде мужчины, свернувшегося калачиком с закрытыми глазами, подобно зародышу в утробе, я не тороплюсь лечить его массированной шоковой радиотерапией. Скорее я спрошу себя: «А что, если создать большую искусственную матку и поместить его внутрь?» Кстати, такой случай действительно имел место.

— И что произошло? — поинтересовался Джоэнис.

— Несчастный малый задохнулся, — со смехом ответил Лам.

— Я никогда не утверждал, что хорошо разбираюсь в технике, — надменно проговорил врач. — Метод проб и ошибок со-

пряжен с риском. Однако я рассматриваю данный случай как успех.

— Почему? — спросил Джоэнис.

— Потому что перед кончиной пациент *выпрямился*. До сих пор не знаю, что явилось причиной исцеления — искусственная матка, смерть или сочетание обоих факторов; но эксперимент, безусловно, имеет важное теоретическое значение.

— Я просто пошутил, док, — извинился Лам. — Я знаю, что вы отличный специалист.

— Благодарю вас, Лам, — произнес врач. — А теперь прошу прощения, мне надо навестить одного пациента. Любопытная мания. Он верит, что является физическим воплощением Бога. Причем вера его столь сильна, что он каким-то непонятным образом заставляет черных мух образовывать нимб вокруг его головы; крысы падают пред ним ниц, а птицы лесов и полей слетаются со всех сторон петь у решетки его камеры. Этим феноменом заинтересовался один из моих коллег, так как он предполагает неизвестный канал общения человека с животными.

— Как вы его лечите? — спросил Джоэнис.

— Потакая мании. Я притворяюсь его поклонником и учеником. Каждый день в течение пятидесяти минут я сижу у его ног. Когда ему кланяются звери, я тоже кланяюсь. По четвергам я отвожу его в лазарет и позволяю лечить больных, потому что это доставляет ему удовольствие.

— Он в самом деле исцеляет их?

— Пока неудач у него не было, — ответил доктор. — Но, разумеется, ни для религии, ни для медицины эти так называемые чудеса не являются чем-то новым. Мы ведь не претендуем на всеведение.

— Можно мне увидеть этого пациента? — попросил Джоэнис.

— Конечно. Он очень любит посетителей. Я устрою вам встречу сегодня днем.

И с бодрой улыбкой доктор заспешил прочь.

Джоэнис разглядывал светлую, хорошо обставленную гостиную, прислушиваясь к бурлящим вокруг интеллектуальным спорам, и «Дом «Холлис» для Невменяемых Преступников» уже не казался ему неприятным. А через минуту он стал и того лучше, ибо навстречу Джоэнису шла Диедри Фейнстейн.

Прелестная девушка кинулась ему на шею, и аромат ее волос был подобен меду.

— Джоэнис, — произнесла она дрожащим голосом. — Я думаю о тебе с того момента нашей преждевременной разлуки в Сан-Франциско, когда ты встал так отважно и любяще между мной и полицейскими. Ты являлся мне во сне и наяву, и я перестала различать, где сон, а где явь. Мы с отцом искали тебя по всей Америке. Отчаявшись увидеть тебя, я приехала сюда, чтобы успокоить нервы. О Джоэнис, как ты думаешь, судьба или случайность свела нас сейчас снова вместе?

— Ну, — молвил Джоэнис, — мне кажется...

— Я так и знала! — воскликнула Диедри, прижимая его к себе еще крепче. — Мы поженимся через два дня, четвертого июня, так как за время твоего отсутствия я стала патриоткой. Тебя устраивает эта дата?

— Э-э... — начал Джоэнис, — я полагаю, нам следует принять во внимание...

— Я не сомневаюсь, — сказала Диедри. — Знаю, я была не из самых примерных, если вспомнить бурное прошлое: как мы ширялись на вечеринках, как месяц я пряталась в мужском общежитии в Гарварде, и то время, когда я была королевой вестсайдских хулиганов и убила прежнюю королеву велосипедной цепью, и другие детские шалости. Я не горжусь этим, любимый, но и не стыжусь своей естественной неукротимой юности. Вот почему я призналась тебе в этих вещах и буду признаваться по мере того, как буду вспоминать. Ведь между нами не должно быть секретов. Ты согласен со мной?

— Ну, — произнес Джоэнис, — я думаю...

— Я была уверена, что ты того же мнения. К счастью для нас, все это уже в прошлом. Я повзрослела и посерьезнела, вступила в Лигу молодых консерваторов, в Совет против антиамериканизма в любой форме, в Общество друзей Салазара и в Крестовый Поход Женщин Против Иностранных Веяний. И это не поверхностные изменения. Я чувствую глубокое отвращение ко многим моим бывшим занятиям и, в частности, к искусству, которое часто не что иное, как порнография. Ты видишь, я выросла, перемены внутри меня самые настоящие, и я буду тебе хорошей и верной женой.

Джоэнис представил на миг свою жизнь с Диедри, в которой отвратительные признания будут чередоваться с невыносимой скукой. Диедри долго еще лепетала о приготовлениях к свадьбе, а потом побежала звонить отцу.

— Как можно отсюда выбраться? — спросил Джоэнис.

— Послушай, дружище, — сказал Лам, — но ведь ты только что сюда попал.

— Знаю. Но как мне смыться? Можно просто выйти?

— Конечно, нет. Это ведь, в конце концов, «Дом для Невменяемых Преступников».

— Нужно разрешение врача?

— Безусловно. Но на этой неделе к нему лучше не соваться. Он в полнолуние всегда очень раздражительный.

— Мне надо уйти сегодня же, — тревожно сказал Джоэнис. — Или завтра утром самое позднее.

— Довольно неожиданно, — заметил Лам. — Уж не крошка ли Диедри со своими матримониальными планами заставляет тебя нервничать?

— Она, — признался Джоэнис.

— Не стоит беспокоиться, — сказал Лам. — Я возьму на себя Диедри и завтра же тебя отсюда вызволю. Доверься мне, Джонсик, и ни о чем не волнуйся. Лам все устроит.

Позже, днем, вернулся доктор, чтобы повести Джоэниса на встречу с пациентом, возомнившим себя воплощением Бога. Они прошли несколько массивных стальных дверей и остановились в конце мрачного серого коридора.

— Для пользы дела будет лучше, если вы к моменту встречи освоите наши психотерапевтические методы, — предупредил врач. — Пусть пациент думает, что вы разделяете его заблуждение.

— Хорошо, — согласился Джоэнис и внезапно почувствовал прилив волнения и надежды.

Врач отомкнул дверь, и они ступили в камеру. Но в ней никого не оказалось. Напротив зарешеченного окна у стены стояла аккуратно застеленная койка. У маленького деревянного столика заходилась душераздирающим плачем полевая мышь. На столике лежала записка.

— Крайне странно, — проговорил врач, беря записку. — Полчаса назад, когда я запирал дверь, он казался в хорошем настроении.

— Но каким образом ему удалось выбраться? — удивился Джоэнис.

— Безусловно, он использовал некую форму телекинеза, — сказал врач. — Я не претендую на то, что много знаю об этих так называемых психических феноменах; но это ярко демонстрирует, сколь далеко может зайти потерявший ориентацию человек в стремлении себя оправдать. Сама интенсивность попытки бегства от реальности показывает степень умственного расстройства. Очень жаль, что мы не смогли помочь бедняге.

— А что говорится в записке? — поинтересовался Джоэнис.

Врач взглянул на клочок бумаги и сказал:

— Похоже на список необходимых покупок. Правда, весьма странный список. Не представляю себе, где он сумеет купить...

Джоэнис попытался заглянуть в записку через плечо доктора, но тот резко отдернул руку и убрал записку в карман.

— Привилегия врачей, — объяснил он. — Мы не можем позволить посторонним читать подобные вещи. По крайней мере,

сначала записку надо тщательно проанализировать и снабдить пояснениями, а также заменить некоторые ключевые термины для сохранения в тайне имени пациента. А теперь не вернуться ли нам в гостиную?

У Джоэниса не оставалось другого выхода, как последовать за доктором в гостиную. Он разглядел первое слово записки: «Помни». Совсем немного, но Джоэнис запомнил это слово навсегда.

Джоэнис провел беспокойную ночь. Его тревожило, сможет ли Лам выполнить свои обещания, касающиеся Диедри и освобождения Джоэниса из сумасшедшего дома. Но он еще не знал о всех способностях своего друга.

С надвигающимся бракосочетанием Лам разобрался, сообщив Диедри, что у Джоэниса третья стадия сифилиса. Курс лечения займет много времени; а если он не принесет успеха, заболевание поразит нервную систему и превратит Джоэниса в безмозглое и беспомощное создание.

Диедри опечалили эти известия, но она заявила, что все равно выйдет замуж за Джоэниса четвертого июня. Диедри сказала Ламу, что с тех пор как она изменилась, половые отношения стали ей глубоко противны. Поэтому недуг Джоэниса скорее можно считать положительным фактором, так как он неизбежно ограничит их связь лишь духовным единением. Что касается замужества с безмозглым и беспомощным созданием, то таковая жизнь не является отталкивающей для девушки с возвышенными мыслями, и вообще она всегда мечтала стать сестрой милосердия.

Тогда Лам сказал, что людям, страдающим таким заболеванием, не положено выдавать брачные свидетельства. Это вынудило Диедри сдаться, так как недавно обретенная ею гражданская зрелость не допускала даже мысли о чем-то запрещенном федеральным или государственным законом.

Таким образом Джоэнис был спасен от союза, не сулившего ему ничего хорошего.

Что касается выхода из психиатрической лечебницы, то Лам побеспокоился и об этом. Вскоре после полдника Джоэниса позвали в комнату для посетителей. Там Лам представил его декану Гарнеру Дж. Глупсу, который, вместе с несколькими своими коллегами, составлял факультетский комитет университета Сент-Стивенс Вуд (УССВ).

Декан Глупс был высоким жилистым человеком с мягким взглядом ученого, ироничным улыбчивым ртом и сердцем, большим как мир. Замечанием о погоде и цитатой из Аристофана он помог Джоэнису освоиться и почувствовать себя как

дома. А потом изложил причину, побудившую его к знакомству с Джоэнисом.

— Вы должны понять, мой дорогой Джоэнис, если я могу вас так называть, что мы, работники сферы — ну, скажем, просвещения — постоянно находимся в поисках таланта. Нас нередко уподобляют, причем, как правило, в положительном аспекте, *тем лицам в бейсболе, которые осуществляют аналогичную функцию.*

— Понимаю, — сказал Джоэнис.

— Также следует добавить, — продолжал декан Глупс, — что мы ценим не столько обладателя ученых степеней, отвечающего формальным академическим требованиям, как я и мои коллеги, сколько человека с абсолютным пониманием своего предмета и динамичным подходом к передаче знаний своим студентам. Не слишком ли часто мы, люди академического склада, оказываемся оторванными от главной — да позволю себе выразиться — струи американской жизни? Не слишком ли часто игнорируем мы тех, кто, не имея педагогического опыта, блестяще ведет свою работу? Впрочем, я уверен, что мой добрый мистер Лам объяснит все это, причем куда убедительнее, чем когда-либо удастся сделать мне.

Джоэнис перевел взгляд на Лама, и тот сказал:

— Как ты знаешь, два семестра я преподавал в УССВ «Взаимосвязь между джазом и поэзией». Потрясный курс, дружище. Клевые ударные и прочее. Народ балдел.

— Лекции мистера Лама имели грандиозный успех, — добавил Глупс. — И мы с радостью их повторим, если мистер Лам...

— Нет, старина, — отрезал Лам. — Мне не хочется вас огорчать, но вы знаете, что я пас.

— Разумеется, — торопливо сказал Глупс, — если вы выразите желание преподавать что-нибудь другое...

— Может быть, я дам семинар по дзену, — неуверенно произнес Лам. — Дзен-буддизм сейчас снова в силе. Но я должен подумать.

— Ну конечно. — Декан Глупс повернулся к Джоэнису: — Как вам, безусловно, известно, мистер Лам вчера вечером мне позвонил и проинформировал меня о вашем опыте.

— Весьма любезно с его стороны, — осторожно сказал Джоэнис.

— У вас великолепные данные, — продолжал Глупс. — Я уверен, что курс, который вы собираетесь у нас прочесть, будет иметь успех в полном смысле этого слова.

Джоэнис уже понял, что ему предлагают работать в университете. К сожалению, он понятия не имел, чему он должен

учить и, между прочим, чему он вообще может научить. Лам, погруженный в мысли о буддизме, сидел глаза долу и не подавал никаких намеков.

— Я счастлив преподавать в таком славном учебном заведении, как ваше, — заверил Джоэнис. — Что касается курса, который мне предстоит вести...

— Пожалуйста, поймите меня правильно, — горячо произнес декан Глупс. — Мы ясно представляем себе узкий, специальный характер вашего предмета и все трудности, связанные с его изложением. Предлагаем вам для начала полную профессорскую ставку, то есть тысячу шестьсот десять долларов в год. Я понимаю, что это не очень большие деньги. Иногда я с грустью думаю, что какой-нибудь помощник водопроводчика зарабатывает у нас не меньше восемнадцати тысяч. И все же университетская жизнь имеет свои преимущества.

— Я готов отправиться сейчас же, — заявил Джоэнис, боясь, что декан изменит свое решение.

— Чудесно! — вскричал Глупс. — Я восхищаюсь душевной бодростью нашей молодежи. Должен сказать, что в поисках подходящих талантов в таких артистических поселениях, как это, нам всегда сопутствовала удача. Мистер Джоэнис, пожалуйста, следуйте за мной!

Вместе с деканом Глупсом они подошли к старинному автомобилю. Сделав прощальный жест рукой Ламу, Джоэнис сел в машину, и вскоре сумасшедший дом скрылся из виду. Джоэнис снова был свободен. Его беспокоили лишь данное им обещание преподавать в университете Сент-Стивенс Вуд и мысль о том, что он не знает, чему, собственно, должен учить.

КАК ДЖОЭНИС ПРЕПОДАВАЛ В УНИВЕРСИТЕТЕ И ЧТО ОН ПРИ ЭТОМ УЗНАЛ

(Рассказано Маубинт с Таити)

Через некоторое время Джоэнис прибыл в Ньюарк, штат Нью-Джерси, где находился университет Сент-Стивенс Вуд. На обширном зеленом пространстве были раскиданы низенькие, приятных очертаний здания. Глупс по очереди называл строения: корпус Гретца, корпус Ваникера, общага, столовая, физическая лаборатория, ректорат, библиотека, часовня, химическая лаборатория, новое крыло и старый корпус. За университетом протекала река Ньюарк, ее серо-бурые воды отливали оранжевыми сбросами с плутониевого завода, расположенного

выше по течению. Неподалеку громоздились фабрики промышленного Ньюарка, а прямо перед университетом проходило скоростное восьмиполосное шоссе. «Все это, — сказал декан Глупс, — привносит дыхание реальности в уединенную академическую атмосферу».

Джоэнису предоставили уютную комнату, а затем пригласили его на коктейль, на вечеринку факультетских преподавателей.

Там он встретил своих коллег.

Профессор Придир, заведующий кафедрой английского языка, вынул на минуту трубку изо рта и проговорил: «Добро пожаловать, Джоэнис. Если могу быть чем-то полезен, я к вашим услугам».

Лавочникер, кафедра философии, сказал: «Ну что ж...»

Хилякс, кафедра физики, сказал: «Надеюсь, вы не принадлежите к числу тех гуманитариев, которые считают своим долгом нападать на формулу $E=MC^2$? Уж так оно есть, черт побери, и мы ни перед кем не обязаны извиняться. Я выразил свои взгляды в книге «Совесть физика-ядерщика» и буду отстаивать их до конца».

Хенли, кафедра антропологии: «Я уверен, что вы будете желанным гостем на моей кафедре, мистер Джоэнис».

Дальтон, кафедра химии: «Рад вас видеть в нашей компании, Джоэнис, и милости прошу на мою кафедру».

Джефрард, кафедра античности: «Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я?»

Шулерис, кафедра политических наук: «Ну что ж...»

Свободолюдинг, кафедра изящных искусств: «Добро пожаловать, Джоэнис. У нас довольно разнообразная программа, не правда ли?»

Шкодборн, кафедра музыки: «По-моему, я читал вашу диссертацию, Джоэнис, и должен вам сообщить, что не вполне согласен с той аналогией, которую вы проводите касательно Монтеверди. Разумеется, я не специалист в вашей области, но ведь и вы не специалист в моей, так что нам обоим, очевидно, трудно проводить аналогии, не так ли? Тем не менее приветствую вас в нашей компании».

Птоломей, кафедра математики: «Джоэнис? Кажется, я читал вашу докторскую работу по системам бинарно-сенсорных величин. Мне она показалась весьма любопытной. Хотите еще выпить?»

Скрыт Ник, кафедра французского языка: «Рад с вами познакомиться, Джоэнис. Разрешите наполнить ваш бокал?»

Весь вечер проходил в подобных и даже еще более приятных разговорах. Джоэнис пытался ненавязчиво выяснить, ка-

кой же предмет ему предстоит вести, беседуя с теми из профессоров, которые, казалось, были в курсе. Но эти люди, возможно, из деликатности, не касались предмета Джоэниса, а предпочитали рассказывать истории, близкие им самим.

Поняв, что его попытки тщетны, Джоэнис вышел в фойе и оглядел доску объявлений. Но единственное объявление, которое имело к нему отношение, гласило, что занятия мистера Джоэниса начнутся в 11.00 в аудитории 143 нового крыла вместо аудитории 341 корпуса Ваникера, как было сообщено ранее.

Джоэнис подумал, не отвести ли ему в сторону одного из профессоров, например мистера Лавочникера с кафедры философии (науки, безусловно, не чуждой подобных деликатных сомнений), и не спросить в лоб, что ему, Джоэнису, надо преподавать. Но этому мешала его врожденная стеснительность. Вечеринка закончилась, и Джоэнис удалился к себе в комнату, так ничего и не узнав.

На следующее утро, стоя у входа в аудиторию 143 нового крыла, Джоэнис испытал типичный страх начинающего актера перед выходом на сцену. Он даже подумал, не удрать ли из университета. Но ему так пришлась по душе университетская жизнь, судя по первым о ней впечатлениям, что было очень жаль лишаться ее из-за такого пустяка. Поэтому, придав лицу строгое выражение, он решительно вошел в аудиторию.

Разговоры стихли, студенты с жадным интересом рассматривали нового преподавателя. Джоэнис собрался с мыслями и обратился к классу с той напускной уверенностью, которая нередко лучше уверенности подлинной.

— Вот что, класс, — сурово начал он. — Я полагаю, что вам следует немедленно уяснить некоторые вещи. Ввиду определенной необычности моего курса кое-кто из вас, вероятно, считает, что тут нечего делать и что занятия наши будут носить развлекательный характер. Тех, кто так думает, предупреждаю сразу: лучше переводитесь на другой курс, более соответствующий вашим ожиданиям.

В аудитории воцарилось напряженное молчание. Джоэнис продолжал:

— До некоторых, возможно, дошли слухи, будто бы у меня легко получить положительную оценку. Советую побыстрее избавиться от этого заблуждения. Я отношусь к ответам беспристрастно, но строго. Знайте, что, если потребуется, я без колебания завалю весь поток.

Легкий вздох, почти что отчаянная мольба, сорвался с губ студентов. По жалобным взглядам Джоэнис понял, что стал хозяином положения. Поэтому он продолжал уже более мягко:

— Теперь, когда мы познакомились поближе, мне остается

только сказать вам — тем, кто выбрал курс из искренней жажды знаний, — добро пожаловать в нашу компанию!

Студенты, как единый гигантский организм, разом облегченно выдохнули. Следующие двадцать минут Джоэнис занимался тем, что записывал фамилии и места слушателей. Когда он довел список до конца, его осенила счастливая идея.

— Мистер Ристократ, — обратился Джоэнис к серьезному и знающему на вид студенту, сидящему в первом ряду, — будьте любезны, подойдите ко мне и напишите на доске крупными буквами, чтобы всем было видно, название нашего курса.

Ристократ с трудом сглотнул, заглянул в свою тетрадку и вывел на доске: «Острова юго-западной части Тихого океана: мост меж двух миров».

— Очень хорошо, — сказал Джоэнис. — А теперь вы, мисс Хуа, пожалуйста, возьмите мел и запишите краткий перечень тех вопросов, которые освещает наш курс.

Мисс Хуа оказалась высокой скромной девушкой в очках, и Джоэнис интуитивно почувствовал в ней хорошую студентку. Она написала: «Данный курс затрагивает вопросы культуры островов юго-западной части Тихого океана, с уделением особого внимания искусству, науке, музыке, ремеслам, фольклору, психологии и философии. Будут проведены аналогии между изучаемой культурой, ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы».

— Отлично, мисс Хуа, — сказал Джоэнис.

Теперь он знал, что должен преподавать. Разумеется, осталось еще немало трудностей. Он жил на Манитуатуа, в самом сердце южной части Тихого океана. О юго-западной части, куда, как ему казалось, входили Соломоновы, Маршалловы и Каролинские острова, он имел крайне слабое представление. И уж вовсе ничего он не знал о культурах Европы и Азии, с которыми ему предстояло проводить параллели.

Это, конечно, несколько обескураживало, но Джоэнис был уверен, что сумеет преодолеть все трудности. Кроме того, он с облегчением заметил, что время занятия истекло.

— Что ж, на сегодня достаточно, — сказал он студентам. — До свидания, или, как говорят полинезийцы, aloha. И еще раз добро пожаловать в нашу компанию!

С этими словами Джоэнис распустил свой класс. Когда все разошлись, в аудиторию вошел декан Глупс.

— Не вставайте, пожалуйста, — сказал он. — Я к вам, если можно так выразиться, неофициально. Я стоял за дверью и слушал, и, хочу признаться, — восхищен вашим подходом. Вы увлекли их, Джоэнис. По чести говоря, я опасался, что вам придется несладко, так как на курс почти целиком записалась наша

баскетбольная команда. Но вы продемонстрировали ту самую гибкую твердость, которая является вершиной истинной педагогики. Я поздравляю вас и предсказываю вам долгую и блестящую карьеру в нашем университете.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Джоэнис.

— Не надо меня благодарить, — мрачно произнес декан Глупс. — Мое последнее предсказание относилось к профессору барону Мольтке, выдающемуся специалисту в области теории ошибок. Я пророчил ему великое будущее, но через три дня после начала семестра бедняга Мольтке свихнулся и убил пятерых членов университетской футбольной команды. В тот год мы проиграли Амхерсту, и больше я своей интуиции не доверяю. Но желаю вам удачи, Джоэнис. Я всего лишь простой администратор, однако я хорошо знаю, что мне нравится.

Глупс отрывисто кивнул и покинул аудиторию. Выждав для приличия некоторое время, Джоэнис поспешил в книжную лавку, чтобы приобрести необходимую для курса литературу. К несчастью, она была распродана, и ближайшее поступление ожидалось не раньше чем через неделю.

Джоэнис пошел в свою комнату, лег на постель и погрузился в размышления об интуиции декана Глупса и о сумасшествии, постигшем бедного профессора Мольтке. Он проклинал злую судьбу, позволившую купить книги студентам и обошедшую куда более остро в них нуждающегося преподавателя. А еще он пытался придумать, что делать на следующем занятии.

Но когда пришло время и Джоэнис стал лицом к классу, на него снизошло озарение.

— Сегодня я вас учить не буду. Поступим наоборот — вы будете учить меня. О культуре юго-западной части Тихого океана, как вам, безусловно, известно, распространено множество искаженных представлений. В связи с этим, перед тем как мы начнем формальное изучение предмета, я бы хотел послушать вас. Говорите прямо и открыто, не бойтесь высказывать собственное мнение, даже если вы в чем-то не уверены. Наша цель на данном этапе — со всей откровенностью поделиться своими суждениями, чтобы впоследствии переориентироваться, если, конечно, это будет необходимо. Таким образом, отбросив ложные представления, мы сможем со свежей головой воспринять эту великую культуру, по праву именуемую «мостом меж двух миров». Надеюсь, вам это предельно ясно. Мисс Хуа, не начнете ли вы нашу дискуссию?

Джоэнису удалось использовать этот прием на протяжении следующих шести занятий и собрать массу противоречивых сведений о Европе, Азии и юго-западной части Тихого океана. Ко-

гда студенты интересовались, верно ли то или иное суждение, Джоэнис улыбался и говорил:

— Оставляю за собой право вернуться к этому вопросу позднее. А пока продолжим наше обсуждение.

На седьмом занятии студенты уже больше ничего не смогли ему рассказать. И тогда Джоэнис стал читать лекцию о воздействии электрических трансформаторов на культуру атолловых островов. С помощью анекдотов он растянул этот материал на несколько дней. А если студент задавал вопрос, на который Джоэнис не знал ответа, он неизменно говорил: «Прекрасно, Умникер! Вы попали в самую суть проблемы. Подготовьте-ка, пожалуйста, самостоятельно ответ к следующему занятию и изложите в письменной форме объемом, скажем, в пять тысяч слов, через два интервала».

Таким образом Джоэнис отвадил излишне любопытных, особенно из числа игроков в баскетбол, боящихся перенапрячь пальцы и выбыть из состава команды.

Но, даже несмотря на эти уловки, Джоэнис вскоре опять исчерпал материал. В отчаянии он дал контрольную работу, предложив студентам оценить обоснованность ряда своих собственных суждений. Джоэнис со всей честностью пообещал, что результаты контрольной не отразятся на оценках.

Он понятия не имел, что делать дальше. Но, к счастью, подоспели долгожданные учебники, и в распоряжении Джоэниса оказались суббота и воскресенье для их изучения.

Весьма полезной была книга «Острова юго-западной части Тихого океана: мост меж двух миров», написанная Хуаном Диего Альваресом де лас Вегасом де Ривьерой. Автор когда-то был капитаном одного из перевозивших сокровища кораблей испанского флота, базировавшегося на Филиппинах, и, если не считать выпадов против сэра Фрэнсиса Дрэйка, давал полную и содержательную информацию.

Равно полезной оказалась книга, озаглавленная «Культура островов юго-западной части Тихого океана (искусство, наука, музыка, ремесла, фольклор, нравы, психология и философия), связь между ее азиатскими истоками и заимствованной культурой Европы». Книга была написана пэром, достопочтенным Алланом Флинт-Скряггером, кавалером орденов Бани (женское отделение), Д.Д.Т., И.Т.Д., И.Т.П., бывшим генерал-губернатором Фиджи и руководителем карательной экспедиции на Тонго.

С помощью этих книг Джоэнис стал опережать студентов по крайней мере на одно занятие. Если по той или иной причине ему это не удавалось, он всегда мог дать контрольную работу по пройденному материалу. Но самым лучшим было то, что высокая очкастая мисс Хуа вызвалась проверять контрольные работы. Джоэнис испытывал глубокую признательность к преданной науке девушке, освободившей его от утомительнейших и скучнейших педагогических трудов.

Жизнь вошла в спокойное русло. Джоэнис читал лекции и устраивал контрольные работы, а мисс Хуа правила и ставила оценки. Студенты быстро усваивали материал, писали контрольные работы и с легким сердцем забывали пройденное. Как и прочие молодые, здоровые организмы, они быстро освобождались от всего вредного, раздражающего или просто надоедливого. Разумеется, они освобождались и от всего полезного, стимулирующего мысль или дающего пищу для размышлений. Об этом, возможно, стоило бы пожалеть, но такова уж неизбежная сторона процесса образования, с которой должен свыкнуться всякий преподаватель. Как сказал Птоломей с кафедры математики: «Ценность университетского образования заключается в том, что оно приближает молодежь к знаниям. Студента, проживающего в удобно расположенном общежитии, отделяют лишь тридцать ярдов от библиотеки, менее пятидесяти ярдов от лаборатории физики и всего-навсего десять ярдов от лаборатории химии. Я полагаю, что все мы можем по праву этим гордиться».

Однако возможностями, которые давал университет, в первую очередь пользовались все-таки преподаватели, соблюдавшие, правда, осмотрительность. Университетский врач строжайшим образом предупредил их об опасности злоупотребления знаниями и лично отмеривал им еженедельные дозы информации. Но, несмотря на все предосторожности, несчастные случаи все-таки происходили. Старый Джефрард получил шок, когда читал в оригинале «Сатирикон», полагая, что это папская энциклика. Потребовалось две недели отдыха, прежде чем он окончательно пришел в себя. А Девлин, самый молодой профессор английского языка, перенес частичную потерю памяти, когда он, прочитав «Моби Дика», обнаружил, что не в состоянии дать сколько-нибудь логичную и здравую религиозную интерпретацию этого труда.

Таковы были опасности, свойственные их профессии. Но преподаватели не только не боялись их, но даже гордились ими. Как сказал Хенли с кафедры антропологии: «Землекопы рискуют быть засыпанными мокрым песком; мы рискуем жизнью, зарываясь в старые книги». Хенли изучал землекопов в полевых условиях и знал, что говорит.

Студенты, за редким исключением, не подвергались подобным опасностям. Они вели жизнь, резко отличавшуюся от жизни профессорско-преподавательского состава. Некоторые из более молодых сохранили ножи и велосипедные цепи, остав-

шиеся со школьных дней, и по вечерам выходили на улицу в поисках подозрительных личностей. Другие, как правило, проводили время в оргиях (вследствие чего в «Зале Свободы» еженедельно приходилось устраивать судебные заседания). Кое-кто увлекался спортом. Например, баскетболистов днем и ночью можно было видеть на тренировках, где они кидали мячи с механической регулярностью промышленных роботов.

И, наконец, были такие, кто проявлял рано пробудившийся интерес к политике. Эти, как их называли, интеллектуалы стояли на либеральных или консервативных позициях, в зависимости от воспитания и темперамента. Именно университетские консерваторы едва не добились успеха, выдвинув Джона Смита на пост президента Соединенных Штатов во время последних выборов. То обстоятельство, что Смит был мертв вот уже двадцать лет, ничуть не охлаждало их пыла; напротив, многие считали это важнейшим достоинством кандидата.

Они непременно победили бы, если бы большинство избирателей не опасалось создания прецедента. Этим страхом умело воспользовались либералы. Они заявили: «Мы не возражаем против Джона Смита (да упокоится его душа в мире), который, возможно, явился бы украшением Белого дома. Но подумайте, что произойдет, если в неопределенном будущем президентское кресло займет *недостойный покойник*?»

Этот аргумент решил дело.

Либералы из студентов, однако, оставляли разговоры старшим. Сами они предпочитали посещать специальные занятия по партизанским методам ведения войны, изготовлению бомб и применению огнестрельного оружия.

Университетские консерваторы, уступившие победу на выборах либералам, делали вид, что в мире ничего не изменилось с тех пор, как генерал Паттон разбил персов в сорок пятом году. Они частенько посиживали в пивных и распевали «Балладу о побережье Омахи». Самые эрудированные могли исполнить ее в оригинале на древнегреческом.

Джоэнис наблюдал все это и продолжал преподавать культуру островов юго-западной части Тихого океана. Ему нравилась университетская обстановка. Постепенно коллеги стали принимать его как своего. Сперва, конечно, были некоторые возражения.

Придир, кафедра английского языка: «Мне кажется, что Джоэнис не воспринимает «Моби Дика» как составную часть культуры юго-западной части Тихого океана».

Шкодборн, кафедра музыки: «Как я понимаю, он совсем не освещает важнейшую роль псалмов в народной музыке того района. Но это, в конце концов, его курс».

Хилякс, кафедра физики: «На мой взгляд, большим упущением с его стороны является то, что он не подчеркивает отсутствие влияния современной квантовой теории на жизнь островитян. Это наводит меня на кое-какие мысли».

Скрыт Ник, кафедра французского языка: «Насколько мне известно, Джоэнис не посчитал нужным отметить вторичное и третичное влияние французского на отглагольные формы в языках юго-западной части Тихого океана. Я, разумеется, всего лишь простой лингвист, но, по-моему, это весьма существенно».

Были и другие нарекания — со стороны профессоров, которые считали, что Джоэнис исказил или вообще игнорировал их специальности. Подобные трения, вполне возможно, могли бы привести со временем к натянутости в отношениях. Однако решающую роль сыграли слова Джефрарда с кафедры античности:

«Вы, наверное, смотрите свысока на такую старую перечницу, как я? Но, черт побери, я думаю, что он мировой парень!»

Сердечный отзыв Джефрарда сослужил Джоэнису добрую службу. Профессора стали менее отчужденными и высказывали чуть ли не дружеское расположение. Все чаще Джоэниса приглашали на вечеринки и приемы в домах коллег, и вскоре он, как равный, вошел в жизнь УССВ.

Авторитет Джоэниса упрочился после завершения весенних студенческих соревнований. Но уже тогда он начал задумываться о трудностях человеческого существования, а в скором времени окончательно пришел к выводу, что ему лучше оставить уединенную университетскую жизнь.

КАК ДЖОЭНИС ПОПАЛ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ

(Рассказано Маоа с Самоа)

Возможность покинуть университет представилась Джоэнису, когда кампус посетил правительственный агент по найму кадров. Чиновника звали Заммот; он носил титул Помощника Министра по Надзору за Распределением Государственных Должностей. Это был человек лет пятидесяти, невысокий, с коротко подстриженными седыми волосами и красным лицом, напоминавшим бульдожью морду. Его динамичность и целеустремленность взволновали Джоэниса до глубины души.

Помощник Министра Заммот произнес перед преподавателями короткую речь:

— Большинство из вас знают меня, поэтому я не стану тратить время на красивые слова. Я просто напомню вам, что правительству нужны талантливые, преданные люди для работы в различных службах и ведомствах. Мое дело — найти этих людей. Всех заинтересованных лиц милости прошу ко мне в корпус «Старый Скармут», в комнату 222, которой мне любезно разрешил воспользоваться декан Глупс.

Джоэнис отправился туда немедленно. Помощник Министра сердечно приветствовал его.

— Присаживайтесь, — сказал Заммот. — Курите? Пьете? Рад, что хоть кто-нибудь заглянул. Я уж думал, здесь все такие умники, в этом вашем Сент-Стивенс Вуде, что прямо у каждого есть свой собственный план спасения мира и в то же время никому нет дела до государственных проблем.

Джоэнис удивился: оказывается Заммот был хорошо осведомлен о настроениях в университете.

— Мы держим ухо востро, — сказал Заммот. — На сегодняшний день преподавательский состав УССВ на две трети состоит из тайных агентов. Как только мы соберем достаточно компрометирующих материалов, то сразу же нанесем удар. Впрочем, к вам это не относится. Я так понимаю, что вы интересуетесь государственной службой?

— Интересуюсь. Меня зовут Джоэнис. Я...

— Знаю, все знаю, — перебил Заммот. Он отомкнул большой портфель и вынул записную книжку. — Ну-ка, посмотрим, — сказал он, перелистывая страницы. — Джоэнис. Арестован в Сан-Франциско по подозрению в произнесении речи подрывного характера. Предстал перед Комиссией Конгресса, где ему было предъявлено обвинение в непочтительности и отказе от дачи свидетельских показаний, в особенности по вопросу связей с Арнольдом и Рональдом Блейками. После расследования приговорен Оракулом к десяти годам тюремного заключения условно. Провел короткое время в «Доме «Холлис» для Невменяемых Преступников», после чего устроился на работу в данный университет. — Заммот закрыл книжку и спросил: — Все более или менее правильно?

— Более или менее, — сказал Джоэнис, чувствуя, что спорить или объяснять что-либо бесполезно. — Полагаю, что досье свидетельствует о моей полной непригодности к государственной службе.

Заммот от души расхохотался. Отсмеявшись и утерев слезы, он заявил:

— Джоэнис, по-моему, здешняя обстановка слегка размягчила вам мозги. В вашем досье нет ничего страшного. Подрывной характер вашей речи в Сан-Франциско никем не доказан — это лишь подозрение. Ваша непочтительность к Конгрессу говорит только об обостренном чувстве личной ответственности — совсем как у наших величайших президентов. Ваш отказ свидетельствовать против Арнольда и Рональда Блейков, несмотря на угрозу, нависшую над вами лично, демонстрирует врожденную лояльность. Ваш отход от коммунизма очевиден. ФБР утверждает, что, после того как вы в первый и последний раз по заблуждению столкнулись с Блейками, вы решительно отвернулись от агентов мировой революции. Нет ничего постыдного и в том, что вы побывали в «Доме «Холлис» для Невменяемых Преступников»; если бы вы ознакомились со статистикой, то увидели бы, что большинство из нас рано или поздно начинает нуждаться в помощи психиатра. Мы, в правительстве, вовсе не лицемеры, Джоэнис. Мы знаем, что никто из нас не может быть совершенно чист, и каждый человек, хоть в мелочи, а допустил что-то такое, что вряд ли может вызвать прилив гордости. Если оценивать происшедшее с этих позиций, то вы вообще ни в чем не замешаны.

Джоэнис поспешил выразить свою глубочайшую признательность по поводу доверия, оказываемого ему правительством.

— Человека, которого вы действительно должны благодарить, зовут Шон Фейнстейн, — сказал Заммот. — Занимая пост Специального Помощника Президента, он-то и выдвинул эти соображения в вашу защиту. Мы тщательно изучили ваше дело и пришли к выводу, что вы как раз тот самый человек, который нам нужен в правительстве.

— Кто? Я? — спросил Джоэнис.

— Вне всякого сомнения. Мы, политики, мыслим реалистически. Мы отдаем себе отчет, что нас осаждают мириады проблем. Для того чтобы решать эти проблемы, нам нужны самые дерзкие, непредубежденные, бесстрашные мыслители. Лишь лучшие из лучших могут нам подойти, и никакие побочные соображения нас не остановят. Нам нужны люди вроде вас, Джоэнис. Ну как, идете на службу в правительство?

— Иду! — закричал Джоэнис, пылая энтузиазмом. — И я постараюсь быть достойным того доверия, которое вы и Шон Фейнстейн мне оказали.

— Я знал, что вы так ответите, Джоэнис, — сказал Заммот дрогнувшим голосом. — Все так говорят. От всего сердца благодарю вас. Подпишите здесь и здесь.

Заммот вручил Джоэнису стандартный формуляр прави-

тельственного контракта, и тот расписался. Помощник Министра сунул бумагу в портфель и горячо пожал Джоэнису руку.

— Считайте, что с этого момента вы приступили к своим обязанностям в правительстве. Да благословит вас Господь! Помните, что мы целиком полагаемся на вас.

Заммот направился было к двери, но Джоэнис окликнул его:

— Стойте! В чем же заключаются мои обязанности, и где именно я должен их выполнять?

— Вас известят, — сказал Заммот.

— Когда? И кто?

— Я только агент по найму кадров, — сказал Заммот. — Следить за тем, что происходит с людьми, которых я вербую, — это совершенно вне моей компетенции. А теперь прошу меня извинить: меня ждут в Радклиффе для очень важного разговора.

Помощник Министра Заммот удалился. Джоэнис был чрезвычайно взволнован открывающимися перед ним перспективами. Уже на следующее утро он получил официальное письмо, присланное с курьером по особым поручениям. Ему было приказано прибыть за распоряжением в комнату № 432, Восточное крыло Портико-Билдинг, Вашингтон, округ Колумбия, и сделать это с предельной срочностью. Письмо собственно подписал не кто иной, как Джон Мадж, Специальный Помощник Начальника Управления по Координации Взаимодействий Родов Войск.

Джоэнис немедленно распростился со своими коллегами, бросил последний взгляд на зеленые лужайки и бетонные дорожки университета и сел на первый же самолет в Вашингтон.

И вот наконец наступил долгожданный момент — Джоэнис прибыл в столицу. По улицам из розового мрамора он спустился к Портико-Билдингу, миновав по пути Белый дом — очаг американской имперской власти. Слева остались обширные угодья Октагона, построенного на месте маленького и тесного Пентагона. Еще дальше возвышались здания Конгресса.

Вид этих зданий особенно взволновал Джоэниса. По его представлениям, они воплощали в себе романтику истории. Перед глазами Джоэниса поплыли картины апофеоза Старого Вашингтона, бывшего столицей Эллинской Конфедерации вплоть до разрушительной Гражданской Войны. Он словно воочию увидел потрясшие мир дебаты между Периклом, представителем лобби резчиков по мрамору, и Фемистоклом, неистовым командиром подводной лодки. Он представил себе Клеона, покинувшего уютный домик в Аркадском Нью-Гемпшире и пришедшего сюда, чтобы в нескольких скупых словах изложить свои мысли о ведении войны. Одно время здесь жил философ

Алкивиад, представлявший в Конгрессе свой родной город Луизиану, по этим ступеням поднялся Ксенофонт, и все, стоя, устроили ему овацию за то, что он без потерь провел десять тысяч воинов от берегов Ялу до убежища в Пусане.

Воспоминания теснились, набегали одно за другим. Здесь Фукидид написал свой окончательный вариант истории трагической Войны между Штатами. Гиппократ — Начальник Медицинской Службы — победил здесь желтую лихорадку и, верный клятве, которую сам же придумал, никогда об этом не распространялся. Наконец, Ликург и Солон, первые судьи Верховного Суда, затеяли здесь свою известную дискуссию о природе правосудия.

Все эти знаменитости словно толпились вокруг Джоэниса, когда он шествовал по широким вашингтонским бульварам. Перебирая в памяти их образы, Джоэнис преисполнился решимости сделать все возможное, дабы доказать, что он достоин своих предшественников.

Пребывая в таком восторженном состоянии духа, Джоэнис и вошел в комнату № 432, расположенную в Восточном крыле Портико-Билдинга. Специальный Помощник Джон Мадж принял его радушно и без малейших отлагательств. Несмотря на свою колоссальную загруженность, Мадж был сердечен, любезен и, казалось, никуда не спешил. Джоэнис сразу уяснил, что в Управлении по Координации Взаимодействий Мадж единолично ведал всеми вопросами политики, поскольку его начальник дни и ночи трудился над составлением бесполезных прошений о переводе в армию.

— Ну, Джоэнис, — сказал Мадж, — мы очень рады, что вас определили к нам. Думается, мне лучше сразу объяснить, чем занимается наше Управление. Мы функционируем как межведомственное агентство, которое призвано устранять дублирование усилий, предпринимаемых полуавтономными военными соединениями под началом военных властей. Кроме того, мы выступаем также как разведывательное и информационное агентство, обеспечивающее оперативными данными программы обслуживания всех родов войск, и как государственная организация, занимающаяся планированием психологической и экономической войны.

— Что-то многовато всего, — заметил Джоэнис.

— Это еще далеко не все! — воскликнул Мадж. — И тем не менее наша работа абсолютно необходима. Возьмем, например, основную задачу Координации Взаимодействий Родов Войск. Не далее как в прошлом году, еще до того, как было создано это Управление, части нашей армии вели трехдневные бои в непролазных джунглях северного Таиланда. Вообразите их разочаро-

вание, когда дым рассеялся и они обнаружили, что все это время вели наступление против хорошо окопавшегося батальона морской пехоты США! Вы только представьте, как это повлияло на моральный дух войск! А если учесть, что наши военные обязательства тонкой паутиной опутали весь земной шар, то мы должны быть постоянно начеку, чтобы подобные инциденты не повторялись.

Джоэнис утвердительно кивнул. Мадж пустился рассуждать о необходимости выполнения агентством его прочих обязанностей.

— Возьмите, к примеру, разведку. Когда-то она была исключительно в ведении Центрального разведывательного управления. Но сейчас ЦРУ категорически отказывается рассекречивать свою информацию и вместо этого запрашивает все более крупные контингенты войск для решения задач, с которыми оно сталкивается.

— Прискорбно, — согласился Джоэнис.

— И, конечно, то же самое в еще большей степени относится к разведке сухопутных войск, военно-морской разведке, разведывательной службе ВВС, разведке морской пехоты, разведке военно-космических сил и всем прочим. Разумеется, никто не ставит под сомнение патриотизм людей, несущих службу в этих родах войск. Однако каждый из них, заполучив средства ведения самостоятельных боевых действий, видит в командовании своего собственного рода войск единственную и последнюю инстанцию, которая способна оценить опасность и довести конфликт до победного конца. Конечно, при таком положении дел любая информация о противнике обретает противоречивый и подозрительный характер. А это, в свою очередь, парализует правительство, ибо оно не располагает достоверной информацией, на которой можно было бы строить проведение политической линии.

— Я и понятия не имел, что проблема настолько трудна, — сказал Джоэнис.

— Трудна и неразрешима, — ответил Мадж. — По моему разумению, порок гнездится в размерах правительственных организаций, штаты которых раздуты самым беспрецедентным образом. Один мой ученый друг как-то сообщил мне, что организм, который перерос свои естественные пределы, имеет тенденцию распадаться на составные части, чтобы со временем снова вступить в стадию роста. Мы разрослись сверх всякой меры, и процесс дробления уже начался. Тем не менее наш рост был продиктован духом эпохи, поэтому мы не имеем права допустить какого бы то ни было распада. «Холодная война» все еще продолжается, и мы обязаны латать, штопать, чинить наши

войска и держать их хотя бы в условных рамках порядка и взаимодействия. Мы, в Управлении Координации, обязаны разузнавать правду о противнике, передавать эти сведения на рассмотрение правительству в виде разработанной политической линии и заставлять рода войск действовать в соответствии с этой линией. Мы должны сохранить себя для будущих времен, когда внешняя угроза благополучно канет в прошлое, и тогда, надо надеяться, мы сократим размеры нашей бюрократической системы, прежде чем силы хаоса сделают эту работу за нас.

— По-моему, я вас понимаю, — сказал Джоэнис. — И я полностью разделяю ваше мнение.

— Я так и знал, — ответил Мадж. — Я знал это с того самого момента, как прочел ваше досье и распорядился, чтобы вас назначили сюда. Я сказал себе: этот человек, очевидно, прирожденный координатор. И, несмотря на многочисленные трудности, я добился, чтобы вас допустили к государственной службе.

— А я думал, что это работа Шона Фейнстейна, — сказал Джоэнис.

Мадж улыбнулся.

— Шон — чисто номинальная фигура. Он только подписывает бумаги, которые мы ему подсовываем. Он, конечно, первостатейный патриот и потому добровольно вызвался играть секретную, но очень важную роль правительственного козла отпущения. Прикрываясь именем Шона, мы проворачиваем все двусмысленные, непопулярные или подозрительные делишки. Когда они заканчиваются благополучно, все заслуги приписываются Начальству. Когда же дело оборачивается плохой стороной, всю вину берет на себя Шон. Таким образом, репутация Начальства остается незапятнанной.

— Шону, должно быть, приходится очень нелегко, — заметил Джоэнис.

— Конечно. Но если бы он не испытывал трудностей, он и не знал бы, может быть, что такое счастье. Так утверждает один из моих друзей-психологов. А другой мой знакомый психолог — человек мистического склада ума — считает, что Шон Фейнстейн выполняет необходимейшую историческую функцию: ему предначертано быть первичным двигателем людей и событий. Такие решительные личности рождались во все исторические периоды, они — жизненная сила, оплодотворяющая ниву просвещения. И именно по этим причинам Шона ненавидят и поносят народные массы, которым он служит. Впрочем, где бы ни коренилась истина, я считаю, что Шон — фигура крайне полезная.

— Я хотел бы повидать его и пожать ему руку, — сказал Джоэнис.

— Как раз сейчас это невозможно, — сказал Мадж. — В настоящее время Шон отбывает срок одиночного заключения, сидя на диете из хлеба и воды. Его признали виновным в краже двадцати четырех атомных гаубиц и ста восьмидесяти атомных ракет из наших армейских арсеналов.

— Он действительно украл все это? — спросил Джоэнис.

— Да, но по нашей просьбе. Мы вооружили ими одно из подразделений войск связи, после чего парни одержали победу в битве за Розовое ущелье в юго-восточной Боливии. Должен добавить, что войска связи давно уже требовали удовлетворить их заявку на вооружение, — но тщетно.

— Мне очень жалко Шона, — сказал Джоэнис. — Какой же ему вынесен приговор?

— Смертная казнь, — ответил Мадж. — Но его помилуют. Его всегда прощают. Шон слишком важная персона, чтобы ему отказать в помиловании.

Мадж некоторое время смотрел в сторону, затем снова повернулся к Джоэнису.

— Ваше конкретное задание представляет собой поручение величайшей важности. Мы посылаем вас в поездку на Восток с целью анализа и инспекции. Разумеется, в прошлом предпринималось много таких поездок. Но... либо брало верх предвзятое мнение одной из разведок, и в этом случае поездка теряла смысл, либо отправным пунктом для поездки служила все-таки точка зрения Управления Координации, но тогда все данные получали гриф «совершенно секретно» и непрочитанными складывались в досье в Комнате Высшей Секретности, которая расположена под Форт-Ноксом[1]. Но в вашем случае все будет иначе. Шеф лично заверил меня, а я заверяю вас, что отчет, который составите вы, такая судьба не постигнет. Его прочитают и на его основании начнут действовать. Мы полны решимости придать Управлению Координации большой вес, поэтому все, что вы расскажете о противнике, будет принято к сведению и использовано на практике. А теперь, Джоэнис, вы должны пройти полную проверку на благонадежность, затем инструктаж, после чего получите последние распоряжения.

Сказав все это, Мадж отвел Джоэниса в Службу Безопасности, где полковник, руководитель группы френологии, ощупал его голову на предмет подозрительных шишек. Затем Джоэнис прошел сквозь строй государственных астрологов, гадателей на картах, гадателей на испитом чае, физиономистов, психологов, казуистов и компьютеров. В конце процедуры он был признан лояльным, почтительным гражданином, в здравом уме, ответственным за поступки, заслуживающим доверия и, главное, счастливчиком. На основании этого ему выдали Пропуск на Вход с Чемоданом и допустили к чтению секретных документов.

[1]Форт-Нокс — место, где хранится золотой запас США.

У нас имеется только частичный список материалов, которые Джоэнис прочитал в серой стальной Секретной Комнате. Там за его спиной постоянно стояли два вооруженных охранника с завязанными глазами — необходимая мера, чтобы они не бросили нечаянный взгляд на драгоценные документы. Но мы точно знаем, что Джоэнис прочитал:

«Как я был невестой военного времени» — сокрушительное публичное разоблачение противоестественной практики, укоренившейся в Вооруженных Силах.

«Сиротка Энни встречается с человеком-волком» — детальное руководство по шпионажу, написанное одной из самых опытных шпионок всех времен.

«Тарзан и Черный город» — потрясающий доклад о действиях партизан в Восточной Африке.

«Песни» (автор неизвестен) — шифрованный, полный загадок отчет о денежной и расовой теориях противника.

«Бак Роджерс вступает в Мунго»[1] — документальный отчет о героизме парней из военно-космических сил, с иллюстрациями.

«Основные принципы» Спенсера, «Апокрифы» (автор неизвестен), «Республика» Платона и «Малеус Малифакарум» — труд, написанный в соавторстве Торквемадой, епископом Беркли и Гарпе Маркузом. Эти четыре сочинения были душой и острием коммунистической доктрины, и мы уверены, что Джоэнис прочитал их с великой пользой для себя.

И, конечно, он прочитал «Плейбоя Западного Мира» — сочинение Иммануила Канта, которое решительно опровергало вышеупомянутые труды коммунистических авторов.

Все эти документы для нас утеряны — по причине того огорчительного обстоятельства, что они были напечатаны на бумаге, а не выучены наизусть. Многое мы бы дали за то, чтобы уяснить суть этих произведений, в которых, как в тиглях, выкристаллизовалась блистательная и сумасбродная политика того времени. И нам не остается ничего другого, как задаться вопросом: читал ли Джоэнис те немногие классические произведения двадцатого века, которые дошли до наших дней? Внимательно ли он рассматривал бередящую душу скульптуру «Бутсы», отлитую в бронзе? Читал ли «Наставления для практичных людей, владеющих недвижимостью» — полную изуми-

[1]Бак Роджерс — популярный герой американских фантастико-приключенческих комиксов 20-х годов.

тельной фантазии книгу, которая — практически в одиночку — сформировала нравы двадцатого века? Встречался ли со своим современником — достопочтенным Робинзоном Крузо, величайшим из поэтов двадцатого столетия? Беседовал ли с кем-нибудь из представителей знатного швейцарского рода Робинзонов, скульптурные портреты которых можно видеть во многих наших музеях?

Увы, Джоэнис никогда не распространялся на темы культуры. Зато в его рассказах освещались вопросы куда более важные для того тревожного времени.

Закончив чтение документов, которое длилось три дня и три ночи, Джоэнис встал и покинул серую стальную Секретную Комнату и ее стражей с завязанными глазами. Теперь он был хорошо осведомлен о состоянии дел не только в своей стране, но и за ее пределами. С трепетной надеждой и ужасным предчувствием вскрыл он конверт с приказом.

Приказ предписывал Джоэнису прибыть за распоряжениями в Октагон, в комнату 18891, этаж 12, уровень 6, крыло 63, подсекция АДжБ-2. К приказу был приложен план здания, чтобы Джоэнис не заблудился внутри колоссального строения. А дальше... дальше все просто: когда Джоэнис доберется до комнаты 18891, высокопоставленный октагонский чиновник, известный только под инициалом — мистер М., даст ему последние наставления и организует его отлет на специальном реактивном самолете.

Сердце Джоэниса переполнилось радостью, когда он прочитал приказ: наконец-то ему выпал шанс принять участие в великих делах. Он помчался в Октагон, чтобы получить последние инструкции и пуститься в путь. Однако задача, стоявшая перед ним, была не из тех, что решаются с налету и в лоб.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ОКТАГОНЕ

(Рассказано Маубинги с Таити)

Сгорая от нетерпения, Джоэнис влетел в Октагон и на минуту застыл от изумления. Он даже не представлял, что на свете может существовать такое великолепие. Наконец Джоэнис пришел в себя и устремился вперед по коридорам, вверх по лестницам, вниз по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и снова по коридорам.

Когда воодушевление несколько улеглось, он наконец сообразил, что его план, мягко говоря, неточен, поскольку указания на нем не носили даже следов привязки к тому, что он

видел вокруг. Казалось, что это план совсем другого здания. Джоэнис был теперь в самом центре Октагона. Он понятия не имел, что ждет его впереди, и сильно сомневался в своей способности вернуться назад тем путем, по которому уже прошел. Поэтому Джоэнис засунул план в карман и решил спросить совета у первого встречного.

Вскоре он нагнал шедшего по коридору мужчину в форме полковника Картографической Службы. Он производил впечатление человека доброжелательного и исполненного достоинства.

Джоэнис остановил полковника, объяснив, что он заблудился и что его план, похоже, никуда не годится.

Полковник взглянул на план Джоэниса и заявил:

— О, что вы, он в полном порядке. Это схема Октагона из серии А433-321Б, которую моя служба пустила в обращение только на прошлой неделе.

— Но в ней невозможно разобраться, — сказал Джоэнис.

— Совершенно верно, черт побери! — гордо ответствовал полковник. — Вы хоть представляете себе, какое важное значение имеет это здание? Знаете ли вы, что здесь размещаются все высшие государственные организации, включая самые секретные?

— Я понимаю, — пытался возразить Джоэнис. — Но...

— Тогда вы можете оценить и то положение, в котором мы окажемся, если наши враги разберутся в структуре здания и размещения его кабинетов, — продолжил полковник. — В наши коридоры просочатся шпионы. Переодетые в солдат и конгрессменов, они получат доступ к важнейшей информации. Никакие меры безопасности не помогут изолировать шпиона, вооруженного подобной информацией. И тогда нам конец, дорогой сэр. А план, который вы держите в руках и который собьет с толку любого шпиона, — это одна из важнейших гарантий сохранности наших секретов.

— Думаю, что так оно и есть, — вежливо согласился Джоэнис.

Полковник картографии любовно погладил лист бумаги с изображенным на нем планом и сказал:

— Вы даже не представляете себе, насколько трудно составить такой план.

— Да что вы?! — изумился Джоэнис. — Я-то думал, что это очень просто: достаточно нарисовать план воображаемой территории.

— Непрофессионалы всегда так думают. Только наш брат картограф — или шпион! — способен должным образом оценить наши проблемы. Создать план, который ничего не раскры-

вает и в то же время вызывает ощущение правдоподобия, — это, дружище, требует высочайшего искусства!

— Не сомневаюсь, — сказал Джоэнис. — Но зачем вам вообще понадобилось создавать фальшивый план?

— В целях безопасности, — ответил полковник.

Это объяснение окончательно завело Джоэниса в тупик, и некоторое время они с полковником стояли в полном молчании. Наконец Джоэнис вымолвил:

— И часто вы вылавливаете шпионов в Октагоне?

— До настоящего времени, — сказал полковник, — ни один шпион не смог совладать с нашими наружными мерами безопасности и проникнуть внутрь здания.

Должно быть, полковник уловил тень разочарования на лице Джоэниса, потому что он быстро добавил:

— Поверьте, шпионы еженедельно попадаются в сети нашей наружной охраны.

— Я не заметил вообще никакой охраны, — сказал Джоэнис.

— Конечно, не заметили. С одной стороны, вы — не шпион. С другой стороны, служба безопасности хорошо знает свое дело и не обнаруживает своего присутствия. Она действует только по необходимости. По крайней мере, ныне дела обстоят именно так. Но, предвидя, что в будущем появятся более коварные шпионы, мы в Картографии заготовили фальшивые планы.

Джоэнис кивнул. Теперь ему не терпелось заняться своими собственными делами, но он не очень-то понимал, куда направить стопы. Решив действовать окольным путем, он спросил полковника:

— Вы убеждены, что я не шпион?

— Любой человек в каком-то смысле шпион, — сказал полковник. — Но поскольку вы вкладываете в это слово конкретный смысл, отвечу, да, я убежден, что вы не шпион.

— Тогда сообщаю вам, что я нахожусь здесь в соответствии с особыми инструкциями и обязан явиться в определенный кабинет.

— Могу я взглянуть на эти ваши инструкции? — попросил полковник.

Джоэнис передал ему бумагу. Полковник изучил документы и вернул их.

— На вид — в полном порядке, — сказал он. — Вам следует немедленно явиться в указанный кабинет.

— Тут-то и зарыта собака, — сказал Джоэнис. — По правде говоря, я заблудился. Я пытался воспользоваться одним из ваших блистательных фальшивых планов и, вполне естественно, так никуда и не пришел. Поскольку вы теперь знаете, что я

не шпион, и видите, что нахожусь здесь по служебному вопросу, я был бы в высшей степени признателен, если бы вы оказали мне посильную помощь.

Джоэнис сформулировал свою просьбу в осторожных и окольных выражениях, полагая, что это более соответствует строю мыслей полковника. Но полковник отвел глаза, на его лице отразилось сильнейшее замешательство.

— Боюсь, что не смогу вам помочь. Я не имею ни малейшего понятия, где расположен тот самый кабинет, и даже не могу посоветовать, в каком направлении вам надлежит двигаться.

— Не может быть! — вскричал Джоэнис. — Вы ведь картограф! И хотя вы чертите в основном фальшивые планы, я уверен, что вы создаете и подлинные, поскольку это заложено в самой природе вашей профессии.

— Все, что вы говорите, совершенно правильно, — сказал полковник. — Ничто не может удержать настоящего картографа от создания истинных карт. Я стал бы заниматься этим, даже если бы мне строго-настрого запретили. Но, к счастью, никто ничего подобного не запрещал. Более того, я получил на этот счет точный приказ.

— От кого? — спросил Джоэнис.

— От высшего начальства в этом здании, — ответил полковник. — Те, кто возглавляют службу безопасности, пользуются подлинными планами, чтобы легче было дислоцировать и размещать вверенные им силы. Но, разумеется, подлинные планы служат им только для удобства — это всего лишь клочок бумаги, с которым сверяются столь же небрежно, сколь небрежно мы поглядываем на часы: сколько там натикало — полчетвертого или без двадцати четыре. Если нужно, они могут обходиться вовсе без планов, полностью полагаясь на собственные знания и власть.

— Если вы чертите для них настоящие планы, — сказал Джоэнис, — то наверняка можете подсказать мне, в какую сторону надобно двигаться.

— Нет, не могу, — возразил полковник. — Только высшие чины знают это здание настолько хорошо, чтобы ходить, куда им вздумается.

Полковник поймал недоверчивый взгляд Джоэниса и добавил:

— Я знаю, что мои слова кажутся вам неправдоподобными, но, видите ли, за один прием я вычерчиваю лишь небольшую часть всего здания. Никакой другой метод не дает благоприятных результатов, ибо здание очень велико и запутано. Чертеж я посылаю в вышестоящую инстанцию со специальным курьером. Затем я вычерчиваю следующую секцию, и так далее. Ве-

роятно, вы думаете, что я могу мысленно объединить мои знания об отдельных секциях и составить представление о всем здании в целом? Скажу вам сразу: нет, не могу. Существуют еще и другие картографы; они вычерчивают те части здания, которые я так никогда и не видел. Но, даже если бы я лично собрал по кусочкам всю структуру здания, я ни за что не смог бы сложить все части в целостную картину. Любая секция здания кажется доступной моему пониманию, и я с величайшей точностью отображаю ее на бумаге. Но, когда речь заходит о том, чтобы охватить разумом все вычерченные мною бесчисленные секции, я совершенно теряюсь и не могу отличить одну от другой. А если я размышляю об этом слишком долго, у меня пропадают сон и аппетит, я начинаю много курить, ищу утешения в выпивке, и это плохо сказывается на моей работе. Порой я допускаю ошибки и не осознаю нанесенного ущерба, пока начальство не спускает мне часть плана на переработку. Это подрывает мою веру в собственные способности, и тогда я погружаюсь в работу: продолжаю мастерски вычерчивать по одной секции в один прием и не мучаюсь домыслами о здании в целом. — Полковник сделал паузу и потер глаза. — Я говорил уже, что секции общего плана, которые мы вычерчиваем, иногда возвращают нам для переработки. Но когда мы — картографы — обмениваемся мнениями, то порой обнаруживаем, что двое из нас чертили одну и ту же секцию, причем каждый запомнил ее и отобразил по-своему. Разумеется, подобные ошибки — в природе человека, и их следует ожидать. Но что приводит нас в замешательство — так это те случаи, когда начальство принимает обе версии. Можете вообразить себе чувства картографа, когда он узнает о чем-либо подобном!

— У вас есть какие-нибудь объяснения этому? — спросил Джоэнис.

— Ну, с одной стороны, у каждого картографа свой индивидуальный стиль, свои особенности метода; а отсюда — и вполне объяснимые расхождения. С другой стороны, даже самая блестящая память — ненадежный инструмент, поэтому вполне вероятно, что мы чертили совсем не ту секцию. Однако, по моему разумению, этих объяснений недостаточно, и только одно соображение представляется здравым.

— Какое же? — спросил Джоэнис.

— Мне думается, что рабочие, выполняя приказ высокого начальства, постоянно перестраивают отдельные части здания. Я даже мельком видел людей, очень похожих на рабочих. Но если бы я и не видел их, то все равно считал бы, что этим все объясняется. Вы только вдумайтесь. Начальство озабочено соображениями безопасности, а лучшая из возможных мер безопасности — держать здание в постоянном тонусе перемен. Далее, если бы здание пребывало в статике, достаточно было бы провести одну-единственную картографическую съемку, между тем мы только и делаем, что чертим да перечерчиваем. Наконец, чем занимается большое начальство? Оно пытается управлять очень сложной и постоянно меняющейся мировой системой. Следовательно, если меняется система, то должно меняться и здание. Кое-где ремонт делается открыто, у всех на глазах, но иные перестройки совершаются сугубо в тайне. Именно по этим причинам охватить структуру здания в целом совершенно невозможно.

— Как же вы отыскиваете дорогу в собственный кабинет? — удивился Джоэнис.

— Увы, стыдно признаться, но в данной ситуации опыт картографа мне не помощник. Я нахожу свой кабинет таким же образом, каким все здесь отыскивают свои кабинеты, — руководствуясь особым чутьем, которое сродни инстинкту. Большинство сотрудников не подозревает об этом. Они считают, что в выборе дороги каким-то образом участвует интеллект, что память подсказывает им: «поворот направо», «поворот налево». Вы расхохотались бы, а может, и разрыдались, если бы послушали, что эти люди твердят о нашем здании, хотя ни один из них в жизни не осмелился высунуть нос дальше коридора, ведущего к его кабинету. Только я, картограф, брожу по всему зданию, ибо такова моя работа. Иногда на территории, которую я уже миновал, происходят грандиозные перемены, неузнаваемо преображающие ее облик. Что делать? Каким путем возвращаться? И тогда какое-то чувство — не разум и не знание — направляет меня к кабинету, точно так же, как управляет оно и прочими чиновниками.

— Понятно, — произнес Джоэнис, хотя на самом деле ничего не понял и пребывал в полном замешательстве. — Значит, вы не знаете, как я должен поступить, чтобы попасть в указанный кабинет?

— Не знаю.

— Может быть, вы посоветуете, на что я должен обращать внимание в поисках дороги? Может быть, есть какие-нибудь ориентиры?

— Я крупнейший знаток этого здания, — грустно промолвил полковник. — И мог бы рассказывать о нем целый год, ни разу не повторившись. Но, к несчастью, я не знаю ничего такого, что могло бы помочь вам в вашей исключительной ситуации.

— Как вы думаете, я найду когда-нибудь кабинет, в который меня послали? — спросил Джоэнис.

— Если поручение, ожидающее вас, на самом деле важное, — сказал полковник, — и если большое начальство заинтересовано в том, чтобы вы нашли этот кабинет, — я уверен, перед вами не возникнет никаких трудностей. Но, с другой стороны, может статься, что ваше дело представляет важность только для вас самих и больше ни для кого другого, — тогда поиски, вне всякого сомнения, затянутся надолго. Правда, у вас есть официальные инструкции, но я подозреваю, что большое начальство время от времени посылает людей в воображаемые кабинеты, — просто чтобы проверить надежность внутренней системы безопасности. Если вас постигла такая участь — тогда действительно шансы на успех крайне малы.

— Так или иначе, перспективы у меня не очень-то радужные, — уныло произнес Джоэнис.

— Ну, дорогой мой, это риск, на который в данных условиях должен идти каждый из нас, — сказал полковник. — Шпионы подозревают, что руководители посылают агентов с опасными заданиями только для того, чтобы избавиться от них, а картографы подозревают, что их заставляют чертить планы только для того, чтобы занять их работой и отвратить от злонамеренной праздности. У каждого — свои сомнения, и я могу только пожелать вам успехов и выразить надежду на то, чтобы ваши сомнения никогда не подтвердились.

Сказав все это, полковник учтиво поклонился и пошел дальше по коридору.

А Джоэнис отправился куда глаза глядят. И пока он, движимый надеждой, бродил по коридорам, его не оставляла мысль, что тому отрезку пути, по которому он недавно прошел, уже придали новый вид.

Джоэнис шагал по огромным залам, вверх по лестницам, по обходным галереям, по вестибюлям и холлам, и снова по коридорам. Он подавлял в себе желание свериться с замечательным фальшивым планом, но в то же время не мог заставить себя выкинуть эту бумажку.

Непонятно, сколько прошло времени, но в конце концов Джоэнис смертельно устал. Теперь он находился в старинной части здания. Полы здесь были большей частью из дерева, а не из мрамора, доски сильно прогнили, и каждый шаг грозил опасностью. Стены, покрытые скверной штукатуркой, облупились, в них зияли дыры. В некоторых местах обнажилась проводка; было видно, что изоляция превратилась в труху, — того и жди пожара. Даже потолок не внушал доверия: местами он угрожающе вспучился, и Джоэнис опасался, что перекрытия обрушатся прямо ему на голову.

Когда-то здесь размещались различные отделы и службы,

но теперь все исчезло, и помещения срочно нуждались в капитальном ремонте. Джоэнис даже углядел на полу брошенный рабочими молоток. Это вселяло надежду на то, что ремонтные работы когда-нибудь возобновятся, но пока он не встретил ни одного рабочего.

Окончательно заблудившись и крайне устав, он растянулся во весь рост на полу и через минуту заснул глубоким сном.

Рассказ Тезея

Джоэнис проснулся от неясного беспокойства и тут же вскочил на ноги. Он услышал чьи-то шаги, а затем увидел человека, идущего по коридору.

Это был высокий мужчина с умным, но очень нервным лицом, которое выражало крайнюю подозрительность. Мужчина держал в руках большой моток тонкой проволоки, насаженный на спицу. Двигаясь по коридору, он разматывал проволоку, которая ложилась на пол и змеилась там, тускло поблескивая.

При виде Джоэниса лицо его исказилось гневом, на нем пролегли жесткие складки. Мужчина вдруг выхватил из-за пояса револьвер и прицелился.

— Стойте! — закричал Джоэнис. — Я не сделал вам ничего плохого!

С видимым усилием взяв себя в руки, человек засунул револьвер за пояс. Глаза его, еще секунду назад безумно горевшие, обрели нормальное выражение.

— Извините великодушно. По правде говоря, я принял вас за другого.

— Я так похож на него? — спросил Джоэнис.

— Не совсем, — сказал мужчина. — Но в этом чертовом здании у меня что-то распустились нервы и появилась привычка сначала стрелять, а потом думать. Впрочем, моя миссия имеет настолько важное значение, что эти порывы горячей и чувствительной души, конечно же, простительны.

— Какова же ваша миссия? — поинтересовался Джоэнис.

— Моя миссия, — гордо заявил незнакомец, — заключается в том, чтобы принести людям мир, счастье и свободу.

— Немало, — заметил Джоэнис.

— Меньшим я бы ни за что не удовлетворился, — сказал человек. — Хорошенько запомните мое имя. Меня зовут Джордж П. Тезей. Без ложной скромности я надеюсь остаться в людской памяти как герой, сокрушивший диктатуру и освободивший народ. Мой подвиг навеки останется символом мужества и по

праву будет считаться добродетельнейшим и справедливейшим деянием.

— Какой подвиг вы намереваетесь совершить? — спросил Джоэнис.

— Я собираюсь собственноручно убить тирана, — сказал Тезей. — Этому человеку удалось добраться до вершин власти, и множество легковерных дураков считают его благодетелем, потому что он отдает приказы о строительстве дамб на строптивых реках, и финансирует медицинскую помощь страждущим, и раздает пищу голодающим, и творит множество других подобных дел. Кое-кого это может обмануть, но меня вокруг пальца не обведешь.

— Если он действительно все это делает, — заметил Джоэнис, — тогда получается, что он на самом деле благодетель.

— Вы попались на удочку тирана, — сказал Тезей с горечью. — Но смею надеяться, что вы перемените свою точку зрения. Я не силен в науке убеждать, между тем как у этого человека состоят на службе лучшие пропагандисты. Мой единственный защитник — это будущее. В данный же момент я могу лишь рассказать вам, что знаю сам, — рассказать правду, какой бы грубой и отталкивающей она ни была.

— Буду вам очень признателен, — сказал Джоэнис.

— Для того чтобы вершить добрые дела, этот человек должен был достичь высокого положения. Для того чтобы достичь высокого положения, он раздавал взятки и сеял раздоры, убивал тех, кто вставал у него на пути, подкупал властительное меньшинство и обрекал на голод бедствующие массы. Наконец, когда он возымел поистине беспредельную власть, он занялся общественным переустройством. Но, разумеется, не из любви к обществу. Нет, он занялся этим, как вы или я занялись бы прополкой сада, — единственно ради того, чтобы глаза могли отдыхать на чем-то приятном, а не созерцали бы уродства. Тираны всегда идут на все, чтобы добраться до власти, и потому порождают и увековечивают то самое зло, которое они якобы призваны искоренять.

Джоэнис был тронут словами собеседника, однако тревога его не улеглась: глаза Тезея бегали и зловеще блестели. Поэтому Джоэнис заговорил как можно осторожнее:

— В общем-то, я понимаю, почему вы хотите убить этого человека.

— Нет, не понимаете, — мрачно заявил Тезей. — Вы, наверное, думаете, что я всего лишь хвастливый болтун, обуреваемый сумасбродными идеями, безумец с револьвером в руке. Вы ошибаетесь. Моя акция против тирана носит преимущественно личный характер.

— Вот как? — удивился Джоэнис.

— Этот тип, — начал Тезей, — в частной жизни проявляет вкусы столь извращенные, что они могут сравниться лишь с тем звериным инстинктом, который влек его к власти. Обычно информацию, подобную этой, держат в тайне или же высмеивают, объявив ее бреднями завистливых идиотов. Но я знаю правду.

Однажды тиран проезжал через мой родной город в своем бронированном черном «Кадиллаке». Он сидел за пуленепробиваемым стеклом, попыхивая большой сигарой, и время от времени взмахом руки приветствовал толпу народа. Вдруг его взгляд упал на маленькую девочку, и он приказал шоферу остановиться.

Его телохранители разогнали людей, и лишь немногие — те, кто наблюдал из окон подвалов и с крыш домов, — остались свидетелями последовавшей сцены. Он предложил ей мороженое и конфеты и стал просить ее сесть с ним в автомобиль.

Некоторые из свидетелей поняли, что происходит, и бросились, чтобы спасти ребенка. Но телохранители открыли по ним огонь. Они стреляли из бесшумных пистолетов, чтобы не испугать девочку. Ей они сказали, что, мол, эти дяди решили немного поспать на улице.

И все же в девочке проснулись какие-то подозрения. Что-то напугало ее: то ли красное, обливающееся потом лицо тирана, то ли его толстые трясущиеся губы. Задумчиво посмотрев на сласти и отметив нервические судороги исходящего похотью тирана, она сказала, что сядет в машину только со своими подругами. Ужасно, до чего простодушна невинность: девочка считала, что она будет в безопасности среди своих друзей.

Тиран расцвел от радости. Было ясно, что он получил больше того, на что рассчитывал. «Чем больше — тем веселее» — так гласил его зловещий лозунг. Дети стайкой слетелись к черному «Кадиллаку». Они прибежали бы и без приглашения, потому что тиран включил автомобильный приемник на полную громкость и из машины доносилась чарующая музыка.

И вот тиран усадил всех детей в автомобиль и захлопнул дверцу. Телохранители на мощных мотоциклах окружили машину тесным кольцом. Затем все умчались, спеша предаться позорнейшей оргии в одной из потайных комнат тирана, специально предназначенных для развлечений. О тех детях никто больше никогда не слышал. А девочка, как вы, наверное, уже догадались, была моей родной сестрой.

Тезей вытер глаза — слезы из них лились уже потоком.

— Теперь вы знаете те подлинные причины личного характера, по которым я собираюсь убить тирана, — сказал он Джоэнису. — Я должен искоренить зло, отомстить за павших товари-

щей, спасти бедных детей и, главное, отыскать мою несчастную сестру.

Джоэнис — а его глаза тоже были далеко не на сухом месте — обнял Тезея и воскликнул:

— От всего сердца желаю удачи в вашем нелегком поиске!

— Спасибо, — сказал Тезей. — Мне не занимать решимости и коварства, столь необходимых в этом трудном деле. Начать с того, что я разыскал дочь тирана. Я втерся к ней в доверие, призвав на помощь все свое обаяние, и наконец она влюбилась в меня. Тогда я совратил ее и даже испытал некоторое удовлетворение от содеянного, ибо она не особенно отличалась по возрасту от моей несчастной сестры. Она жаждала выйти за меня замуж, и я обещал жениться на ней, хотя скорее перерезал бы себе горло. Далее я, хитроумно выбрав подходящий момент, объяснил ей, что за человек ее отец. Поначалу она не хотела мне верить: эта маленькая идиотка страстно любила своего отца-тирана! Но меня она любила еще сильнее. И вот финальный шаг: я попросил, чтобы она помогла мне в деле убийства ее отца. Можете представить, как это было трудно! Эта ужасная девчонка не желала, чтобы ее папочку убивали: неважно, что он — само воплощение зла, неважно, что он творит жуткие вещи. Но я пригрозил, что брошу ее навсегда, и она, разрываясь между любовью ко мне и любовью к отцу, едва не сошла с ума. Снова и снова она умоляла меня забыть прошлое: ведь ни один акт мести не может стереть содеянного. Много дней подряд она удерживала меня, думая, что сможет убедить, заставить действовать так, как хочет она. Без конца объяснялась в любви, истерически клялась, что никогда и ни за что не допустит разлуки, а если случится так, что меня постигнет смерть, то она тогда убьет себя тоже. И говорила еще много подобных глупостей, которые я, как человек здравомыслящий, находил совершенно отталкивающими.

Наконец я отвернулся от нее и стал прощаться. И тут вся ее непреклонность рухнула. Это маленькое чудовище согласилось помочь мне в убийстве — при том условии, что я дам клятву никогда не бросать ее. Конечно, я дал такую клятву. Я пообещал бы что угодно, лишь бы добиться требуемой помощи.

Она выдала мне то, что знала только она одна, а именно — рассказала, как в этом огромном здании найти кабинет ее отца. Еще она дала мне моток проволоки, чтобы я мог отмечать свой путь, а потом быстро вернуться, как только подвиг будет совершен.

— Вы еще не нашли тирана? — спросил Джоэнис.

— Нет, еще не нашел, — ответил Тезей. — Как вы сами могли заметить, здешние коридоры очень длинные и извилистые.

К тому же мне не везет. Вот совсем недавно я встретил и убил человека в офицерской форме. Он внезапно вышел на меня, и я, не успев подумать, открыл огонь.

— Это был картограф? — спросил Джоэнис.

— Не знаю, кто он такой, — ответил Тезей, — но у него были полковничьи знаки различия, а лицо вроде бы доброе на вид... Но еще больше я сожалею о той троице, которую застрелил в здешних коридорах. Должно быть, я очень невезучий человек.

— Кто они? — поинтересовался Джоэнис.

— К моей величайшей скорби, это были трое из тех детей, ради спасения которых я и пришел сюда. Должно быть, они улизнули из покоев тирана и пытались выбраться на свободу. Я застрелил их так же, как застрелил офицера, и так же, как едва не застрелил вас. Я невыразимо сожалею о случившемся, и решимость моя только возросла: тиран должен заплатить за все.

— Что вы сделаете с его дочерью?

— Я не стану прислушиваться к своим естественным побуждениям и поэтому не убью ее, — сказал Тезей. — Но эта уродина, эта сучка меня никогда не увидит. И я буду только Богу молиться, чтобы у тиранского отродья разорвалось сердце.

Сказав так, Тезей обратил свой гневный лик к тускло освещенному коридору, уходящему вдаль.

— А теперь я должен идти, — сказал он. — Пора заканчивать работу. До свиданья, друг мой. Пожелайте мне удачи.

Тезей быстро пошел прочь, разматывая на ходу поблескивающую проволоку, и вскоре скрылся за поворотом. Некоторое время еще слышались его удаляющиеся шаги, затем все стихло.

Внезапно за спиной Джоэниса в коридоре появилась женщина.

Она была очень молода, совсем еще ребенок; глаза ее безумно блестели. Она молча шла следом за Тезеем и сматывала проволоку, которую тот укладывал на пол. Миновав Джоэниса, она обернулась и окинула его диким взглядом, полным ярости и тоски. Она не произнесла ни слова, только приложила палец к губам, призывая его к молчанию, и исчезла так же быстро, как и появилась. Джоэнис потер глаза, снова улегся на пол и заснул крепким сном.

Рассказ Минотавра

Джоэнис проснулся оттого, что кто-то грубо тряс его за плечо. Он вскочил на ноги и увидел, что коридор, в котором он заснул, превратился из старого, запущенного помещения в

светлый, современного вида вестибюль. Человек, который разбудил Джоэниса, был необъятных размеров, на его широком суровом лице читалось: «Без дураков!» Совершенно очевидно, что это мог быть только большой начальник.

— Вас зовут Джоэнис? — спросил начальник. — Что ж, если вы проснулись окончательно, полагаю, мы можем приступить к работе.

Джоэнис выразил глубочайшее сожаление, что он спал вместо того, чтобы разыскивать кабинет, в который его послали.

— Пустяки, — сказал начальник. — Мы, конечно, соблюдаем здесь определенный протокол, но, по-моему, ханжами нас не назовешь. В сущности, даже хорошо, что вы спали. Я размещался в совершенно другой части здания и вдруг получаю срочный приказ от начальника Службы Безопасности перенести мой кабинет именно сюда и произвести любые ремонтные работы.

В кабинете был большой стол, заваленный грудами бумаг, и три беспрестанно звонящих телефона. Начальник предложил Джоэнису присесть, пока он разберется с абонентами, и ответил на звонки с предельной оперативностью.

— Говорите! — заревел он в трубку первого телефона. — Что? Миссисипи опять выходит из берегов? Постройте дамбу! Постройте десять дамб, но наведите порядок! Когда закончите, направьте мне докладную.

Да, слушаю вас! — закричал он во второй телефон. — Голод в Кастрюльной Ручке[1]? Немедленно начинайте раздавать продукты! Крупно напишите мое имя на государственном складе!

Успокойтесь, иначе я ни черта не разберу! — зарычал он в третий телефон. — Чума косит Лос-Анджелес? Немедленно доставьте туда вакцину и телеграфируйте мне, как только эпидемия будет под контролем.

Начальник бросил последнюю трубку и заметил:

— Эти идиоты помощники впадают в панику по каждому пустяку. Ребенок будет тонуть в ванночке — и эти рохли не вытащат его, не испросив прежде моей санкции!

Джоэнис слушал краткие и решительные разговоры начальника по телефонам, и в душу его закралось сомнение.

— Я не вполне уверен, — начал он, — но, кажется, есть тут один обиженный молодой человек, который...

— ...который собирается убить меня, — закончил начальник. — Правильно, не так ли? Что ж, я позаботился об этом еще час назад. Не так-то просто застать врасплох Эдвина Дж. Мино-

[1]Кастрюльная Ручка (*амер. шутл.*) — название штата Западная Виргиния.

тавра! Того парня забрали мои телохранители. Вероятнее всего, его ждет пожизненное заключение. Только никому не говорите об этом.

— Почему? — удивился Джоэнис.

— Плохая реклама, — пояснил Минотавр. — Особенно эта интрижка с моей дочерью, которую парень между делом обрюхатил. Сколько раз я говорил этой блаженной, чтобы она приводила друзей в дом, но нет, ей приспичило украдкой бегать на свидания с анархистом!.. Мы опубликуем специально сфабрикованное сообщение, будто бы этот парень, Тезей, тяжело ранил меня и будто бы он сбежал из-под стражи и женился на моей дочери. Вы-то по достоинству можете оценить такое сообщение.

— Не совсем, — сказал Джоэнис.

— Черт побери, да ведь оно вызовет рост симпатий в мой адрес! — вскричал Минотавр. — Люди будут искренне сочувствовать мне, когда узнают, что я на грани смерти. И они будут еще больше мне сочувствовать, когда услышат, что моя единственная дочь вышла замуж за убийцу. Видите ли, несмотря на то что всем известны лучшие стороны моего характера, которые я продемонстрировал в деле, все-таки чернь меня недолюбливает... Эта история должна помочь мне завоевать их сердца.

— Замысел очень остроумный, — согласился Джоэнис.

— Спасибо, — сказал Минотавр. — Откровенно говоря, я уже довольно давно забочусь о моей общественной репутации. И если бы не вылез этот кретин со своей проволокой и револьвером, мне пришлось бы кого-то нанять для той же цели. Надеюсь, что газеты подадут эту историю должным образом.

— А разве на этот счет есть какие-то сомнения? — спросил Джоэнис.

— О, они напечатают все, что я им прикажу, — заявил Минотавр с угрозой в голосе. — Найму человека, чтобы он написал об этом книгу, и еще будет пьеса, и кинофильм, снятый по книге. Будьте уверены, я выдою из этой истории все, что только можно.

— А что вы приказали им написать о вашей дочери? — спросил Джоэнис.

— Ну, как я говорил, она выходит замуж за этого молодчика. Затем, через год-другой, мы опубликуем сообщение об их разводе. Кстати, надо бы дать ребенку имя... Однако бог знает, что эти идиоты напишут о моей бедной толстой маленькой Ариадне. Может быть, превратят ее в красавицу, рассчитывая, что мне это понравится. А всякие грязные подонки, которые любят читать такого сорта статейки, будут проливать слезы и просить еще. Человеческая раса в значительной степени состоит из лжи-

вых, ни на что не способных дураков. Я могу управлять ими, но будь я проклят, если понимаю их.

— А как там насчет детей? — спросил Джоэнис.

— Что вы имеете в виду — «насчет детей»? — вопросил Минотавр, свирепо уставившись на него.

— Ну, это... Тезей говорил, что...

— Этот человек талантливый враль, — заявил Минотавр. — Если бы только не мое высокое положение, я возбудил бы против него дело за диффамацию. Надо же — дети! Разве я похож на извращенца? Полагаю, мы можем благополучно опустить вопрос о детях. А теперь не пора ли нам вернуться к вашему заданию?

Джоэнис кивнул.

— Самая главная сейчас проблема — это информация. На что противник способен? Что там вообще, черт побери, происходит? Я знаю, что Джон Мадж из Координации Родов Войск объяснил вам, до какой степени нам нужна правда — пусть даже самая ужасная. И об этой правде нам должен прямо и откровенно доложить человек, которому мы можем доверять. Осознаете ли вы всю серьезность задачи, которую мы ставим перед вами, Джоэнис?

— Думаю, что да, — сказал Джоэнис.

— Вы служите не какой-нибудь отдельной группе или фракции. Не нужно ни преуменьшать, ни преувеличивать то, что увидите. Наоборот — излагайте события как можно проще и объективнее.

— Я сделаю все от меня зависящее, — пообещал Джоэнис.

— Вряд ли я имею право требовать большего, — проворчал Минотавр.

Минотавр передал Джоэнису деньги и документы, которые могут понадобиться ему во время путешествия, а затем вместо того, чтобы выставить Джоэниса в коридор, где тот сам должен был бы искать дорогу к выходу, он открыл окно и нажал на кнопку.

— Я лично всегда пользуюсь только таким способом, — сказал он, помогая Джоэнису занять место рядом с пилотом вертолета. — С этими чертовскими коридорами одни хлопоты. Желаю удачи, Джоэнис. Помните о том, что я вам сказал.

Джоэнис заверил его, что будет помнить об этом всегда. Он был глубоко тронут доверием, оказанным ему Минотавром. Вертолет оторвался от здания и взял курс к Вашингтонскому аэропорту, где Джоэниса должен был ждать специальный реактивный самолет с автопилотом. Когда вертолет набирал высоту, Джоэнису показалось, что он услышал детский смех, доносившийся из комнаты, которая примыкала к кабинету Минотавра.

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ

(Рассказано Телеу с Хуахине)

Джоэнис сел на специальный реактивный самолет, и скоро он был высоко в воздухе.

Печально рассказывать о том, что было дальше... Когда Джоэнис пролетал над Калифорнией, автоматическая радарная станция приняла его самолет за вторгшийся самолет противника и открыла огонь, выпустив по нему серию ракет класса «воздух — воздух». Этим трагическим инцидентом и открылась начальная стадия великой войны.

История войн изобилует ошибками подобного рода. И в Америке двадцать первого века, когда доверие и привязанность людей к машинам стали поистине безграничными, такая ошибка должна была привести к самым страшным последствиям.

Объятый ужасом, Джоэнис зачарованно следил, как ракеты на полной скорости неслись к его самолету. Затем он ощутил, что самолет резко лег на крыло — это автопилот, обнаружив опасность, дал залп своими антиракетами в целях самозащиты.

Этот удар вызвал ответную атаку со стороны ракетных станций наземного базирования. Некоторые из этих станций были автоматическими, другие — нет, но все мгновенно отозвались на сигнал «чрезвычайной обстановки». А тем временем самолет Джоэниса израсходовал весь свой боезапас.

Впрочем, что касается запаса коварства, которым его снабдили проектировщики, то самолет не потерял его ни в малейшей степени. Автопилот переключил радиостанцию на волну, на которой шел радиообмен между землей и ракетами, и объявил, что его атакуют и что все ракеты, находящиеся в воздухе, есть вражеские цели, которые следует уничтожить.

Эта тактика имела определенный успех. Те ракеты, что постарше, не отличались хитроумием и не могли атаковать самолет, который они считали своим. Однако новые ракеты, более искушенные и изощренные, были обучены ждать от неприятеля именно таких коварных трюков. Поэтому они усилили натиск, в то время как старые ракеты отчаянно бились на стороне одиночного самолета.

Когда битва ракетами была в полном разгаре, самолет Джоэниса сделал маневр и благополучно ушел от огня. Оставив зону боя далеко позади, он молнией понесся к своему родному аэропорту в Вашингтоне, округ Колумбия.

Прибыв туда, Джоэнис отправился на эскалаторе в Главный Командный Пункт, располагавшийся под землей на глубине семисот футов. Здесь его сразу же подвергли допросу. От Джоэниса добивались, чтобы он рассказал о характере совер-

шенного на него нападения и опознал противника. Но единственное, что Джоэнис знал наверняка, — это то, что какие-то одни ракеты его атаковали, а какие-то другие держали оборону.

Об этом Командный Пункт уже знал, и офицерам не оставалось ничего другого, как приняться за допрос автопилота, который вел самолет Джоэниса.

Поначалу автопилот давал уклончивые ответы, поскольку никто не мог вспомнить нужный секретный код, на который автомат отзывался. Но, после того как код подобрали, он заявил, что над Калифорнией их самолет атаковали ракеты наземного базирования и некоторые из этих ракет принадлежали к совершенно неизвестному ему типу.

Все эти, а также прочие данные, касающиеся ракетного боя, были заложены в Калькулятор Вероятности Войны, который сразу же выдал следующие варианты, приведенные здесь в порядке убывающей вероятности:

1. На Калифорнию напал Коммунистический Блок.
2. На Калифорнию напали нейтральные страны.
3. На Калифорнию напали члены Западного Альянса.
4. На Калифорнию напали пришельцы из космоса.
5. На Калифорнию вообще никто не нападал.

Калькулятор также выдал все вероятные комбинации и перестановки этих пяти возможностей и выстроил из них систему альтернативных подвозможностей.

Офицеры, обслуживающие Калькулятор, были совершенно ошеломлены огромным количеством вероятностей и подвероятностей, возможностей и подвозможностей, свалившимся им на голову. Они надеялись выбрать наиболее вероятное утверждение и, основываясь на нем, действовать. Но Калькулятор не дал им этого сделать. По мере поступления новых данных вычислительная машина пересматривала и уточняла вероятности и не останавливалась ни на секунду, перестраивала и перегруппировывала их, добиваясь все новых сочетаний. Листки уточненных данных, помеченные грифом «КРАЙНЕ СРОЧНО», машина изрыгала со скоростью десяти штук в секунду, и среди них, к полной досаде обслуживающего персонала, ни один не повторял другого.

И все же машина делала только то, что делал бы на ее месте идеальный офицер разведки: рассматривала все проверенные донесения, схватывала их суть, оценивала вероятность, выдавала рекомендации на базе той информации, которая относилась к делу и поддавалась вторичной проверке, и никогда не настаивала на прежней точке зрения из чистого упрямства или гордости — напротив, охотно шла на пересмотр любого суждения, если к тому побуждали новые данные.

Разумеется, Калькулятор Вероятности Войны не отдавал приказов — это оставалось делом чести мужчин, и ответственность всегда возлагалась на человека. Равным образом нельзя было винить компьютер и в том, что он не мог явить целостную правдивую и непротиворечивую картину боевых действий над Калифорнией: такую картину просто невозможно было явить. И эта невозможность проистекала из самого характера ведения войны в двадцать первом веке.

Давно уже командир собственной персоной не выступал во главе своих войск и не обозревал взглядом ряды противостоящей армии, сомкнувшейся за спиной вражеского генерала. И форма противных сторон не отличалась резко по цвету, и враг не размахивал боевыми знаменами, не распевал воинственные песни, и все это не складывалось в безошибочную картину чувственного восприятия идущего боя, не оставлявшую ни малейших сомнений в физическом присутствии противника, его сущности и опознании характерных черт.

Те дни давно канули в прошлое. Приемы войны шли нога в ногу с промышленной цивилизацией, становясь все более сложными и все более машинизированными, а военная техника все больше и больше обособлялась от людей, которые были призваны ею командовать. Генералам приходилось удаляться от передовой на все большие и большие расстояния, дабы поддерживать надежную связь со всеми людьми, вступившими в схватку, и со всеми машинами, брошенными в бой.

Неудивительно, что офицеры группы обслуживания в конце концов вернулись к тем пяти главным возможностям, которые Калькулятор выдал в самом начале, признали их равновероятностными и вынесли на рассмотрение генерала Пустойга, Главнокомандующего Вооруженных Сил. Он и должен был принять окончательное решение.

Пустойг был в курсе всех проблем современной войны. Изучив пять вариантов выбора, он с великой тоской осознал, насколько же зависит человек, обязанный принять разумное решение, от базисной информации. Он понимал также, что информация поступает к нему от чрезвычайно дорогостоящих машин, которые порой не могут отличить гуся от ракеты, машин, которым требуются в помощь целые полки высококвалифицированных специалистов, обученных обслуживать, чинить, улучшать и ублажать их любыми способами. И еще Пустойг знал, что при всей заботе, которой люди окружали машины, — а может быть, именно благодаря этой заботе, — машинам нельзя по-настоящему доверять. Эти создания были ничем не лучше своих создателей, в сущности, они даже походили на своих творцов, переняв у них множество худших черт. Как и люди, машины часто бывали не в духе или начинали вдруг проявлять чрезмер-

ное усердие, а иные даже впадали в кататонический ступор. Кроме того, машины еще имели слабость оказываться под эмоциональным влиянием работающих на них людей — операторов. Фактически те из машин, которые сильнее других поддавались внушению, были не более чем продолжением личности оператора.

Но это обилие проблем не смутило генерала Пустойга, так как он был специально обучен умению принимать решения. И вот наконец, в последний раз окинув взором все пять вариантов выбора, быстро прогнав в памяти свой жизненный опыт и перебрав различные точки зрения, Пустойг снял телефонную трубку и отдал приказ.

Мы так и не знаем, какую из пяти возможностей выбрал генерал и в чем заключалась суть приказа. Это не имеет никакого значения. Боевые действия совершенно вышли из-под контроля генерала, и он уже был не властен ни довести атаку до конца, ни дать отбой, он вообще был не в силах оказать хоть какое-то влияние на ход сражения. Бой развивался неуправляемо, и обстановка менялась с нарастающей быстротой — ведь машины были как-никак наполовину самостоятельными организмами.

Подбитая калифорнийская ракета пронзительно завыла высоко в небесах, рухнула на мыс Канаверал во Флориде и стерла с лица земли половину военно-воздушной базы. Оставшаяся половина собралась с силами и нанесла ответный удар по врагу, явно окопавшемуся в Калифорнии. Прочие ракеты, поврежденные, но не уничтоженные, рвались по всей стране. Командующие войсками в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании и многих других штатах также нанесли ответные удары. По правде говоря, перед тем как линии связи оборвались окончательно, на тех и других обрушился просто шквал донесений, предусматривающих *любые повороты событий.*

По всей Калифорнии и по всей Западной Америке этот ответный удар вызвал новый ответный удар — встречный. Здешние военачальники решили, что враг — кто бы он ни был — захватил плацдармы на американском Восточном побережье. Они спешили ликвидировать эти плацдармы и без колебаний пускали в ход атомные боеголовки, если таковые действия представлялись им необходимыми.

События развивались с ужасающей быстротой. Местные войска и машины, подвергшиеся чудовищному обстрелу, старались продержаться как можно дольше. Может быть, кто-то еще и ждал особых распоряжений, но под конец дрались уже все, кто только мог драться, а неразбериха приводила к новым разрушениям. И вскоре процветающая машинная цивилизация полностью исчезла с лица земли.

В то время, как происходили все эти события, Джоэнис —

совершенно ошарашенный — стоял в Главном Командном Пункте и наблюдал, как одни генералы отдавали приказы, а другие генералы отменяли их. Джоэнис с самого начала видел все собственными глазами, но так до сих пор и не разобрался, кто же противник или хотя бы где он находится.

В этот момент Командный Пункт сотрясся от мощного толчка. Хотя он находился во многих сотнях футов под землей, он тоже подвергся нападению: в атаку пошли особые землеройные машины.

Джоэнис взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, и вцепился в плечо какого-то молоденького лейтенанта. Лейтенант обернулся, и Джоэнис сразу же узнал его.

— Лам! — вскричал он.

— Привет, Джонсик! — выпалил в ответ Лам.

— Как ты здесь оказался? — спросил Джоэнис. — И что ты делаешь в армии? Да еще в лейтенантской форме?

— Ну, старик, — сказал Лам, — это необыкновенная история. И тем более странная, что я, в общем-то, не из тех, кого называют «военной косточкой». Впрочем, я очень рад, что ты задал мне этот вопрос.

Командный Пункт тряхнуло еще раз, и многих офицеров швырнуло на пол. Но Лам умудрился сохранить равновесие и не сходя с места поведал Джоэнису о том, как он поступил на военную службу.

КАК ЛАМ ПОСТУПИЛ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ

(Записано со слов самого Лама, текст приводится по «Книге Фиджи», каноническое издание)

Ну, старик, значит, утек я из «Дома «Холлис» для Невменяемых Преступников» вскоре после тебя, подался в Нью-Йорк и сразу же затесался в одну компашку. С ходу накокаинился на всю катушку и полетел высоко-высоко. Я ведь, понимаешь, всю жизнь был на короткой ноге с мескалином, вот и подумал, что кокаин — это так, старомодная штучка, а в тот вечер попробовал, ну и забалдел.

Привиделось мне, будто я вроде Флоренс Найтингейл[1] и должен лечить всю страждущую боевую технику в мире. Чем

[1]Флоренс Найтингейл (1820—1910) — популярная в Великобритании сестра милосердия.

больше я размышлял, тем больше укреплялся в этом решении и тем тоскливее мне становилось, — я все думал о бедных, несчастных старых пулеметах с прогоревшими стволами, о танках с проржавленными звеньями гусениц, об истребителях с поломанными шасси и о всем таком прочем. Я думал об ужасных муках, через которые прошла вся эта бессловесная боевая техника, и пришел к выводу, что я просто обязан лечить и утешать ее.

Можешь представить, я был под хорошими парами и вот в этом состоянии направился маршевым шагом к ближайшему вербовочному пункту и с ходу записался, чтобы быть поближе к несчастным машинам.

Наутро проснулся, смотрю — уже в казарме. Ну, конечно, я сразу очухался, если не сказать — перетрусил. Выскочил наружу и бросился искать этого чертового сержанта-вербовщика, который воспользовался тем, что я был под балдой. Но, оказывается, он уже вылетел в Чикаго, чтобы провести агитацию в каком-то борделе, расписывая прелести военной службы. Тогда я бегу к командиру части — сокращенно КЧ, говорю, мол, помимо прочего, я наркоман и совсем недавно содержался в заведении для невменяемых преступников, могу, мол, документально подтвердить и то и другое. Дальше — больше. Говорю, дескать, у меня всякие нехорошие наклонности, и я страх как боюсь огнестрельного оружия, и еще слеп на один глаз, и вообще спина болит. Плюс ко всему, говорю, меня по закону нельзя зачислять в армию, смотри Закон о поступлении на военную службу, страница 123, параграф «С».

КЧ посмотрел мне прямо в глаза и улыбнулся так, как могут улыбаться только кадровые вояки да еще «фараоны». И говорит: «Солдат! Сегодня первый день твоей новой жизни, поэтому я склонен смотреть сквозь пальцы на то, что ты нарушил устав и обратился ко мне не по форме. А теперь, будь добр, катись отсюда к черту и ступай к сержанту за распоряжениями».

Когда я не сделал ни того ни другого, он перестал улыбаться и заявил: «Слушай, солдат, никому нет дела до причин, которые побудили тебя поступить на военную службу. И точно так же никому нет дела до того, что ты вчера, так сказать, нанюхался до чертиков. Что касается многочисленных немощей, о которых ты упомянул, то можешь не беспокоиться. Наркоманы прекрасно управляются с делами в органах стратегического планирования. Все, что от тебя требуется, — это быть хорошим солдатом, и тогда ты увидишь, что армейский распорядок — это лучший образ жизни. И не цитируй на каждом углу закон о воинской службе, словно ты «гауптвахтный юрист», — это может не понравиться моим сержантам, и они сделают из твоей башки котлету. Понял? Вижу, что понял. Теперь мы разобрались, что к

чему, и я на тебя зла не держу. В сущности, я хочу поздравить тебя и поблагодарить за тот патриотический пыл, который побудил тебя подписать вчера вечером специальный контракт на пятьдесят лет службы без всяких оговорок. Отлично, солдат! А теперь катись к черту...»

И вот, значит, вышел я из кабинета и думаю, что же мне теперь делать: ведь это из тюрьмы или из сумасшедшего дома можно сбежать, а из армии — никогда. Я уж совсем было пал духом, и вдруг меня вызывают, производят в лейтенанты и включают в состав личного штаба генерала Пустойга, а это в здешнем начальстве самый главный начальник.

Поначалу я думал, что всему причиной — моя смазливая внешность, но потом выяснилось, что дело совсем не в этом. Оказывается, когда я записывался в армию — залетев высоко-высоко под «кокой», — то указал в графе «специальность»: «сводник». Эта запись попалась на глаза офицерам, которые занимаются комплектацией особых групп по специальностям. Они доложили генералу Пустойгу, и тот немедленно отдал приказ о моем переводе.

Поначалу я понятия не имел, что мне делать, поскольку никогда в этой области не подвизался. Но другой генеральский сводник — или офицер по особым поручениям, как его культурно называют, — подсказал мне, что и как. С тех пор я по четвергам организую для генерала Пустойга вечеринки, ибо ночь с четверга на пятницу — единственное «окно», когда генерал свободен от своих военных обязанностей. Работа непыльная, потому как все, что от меня требуется, — это позвонить по одному из телефонов, указанных в «Руководстве по отдыху и развлечениям личного состава Вашингтонского района обороны». Или же, в случае крайней нужды, я посылаю срочную депешу в Управление Поставок для Вооруженных Сил, которое имеет отделения во всех крупных городах. Генерал выразил мне сердечную благодарность за квалифицированную работу, и я должен признаться, что армия — вовсе не столь мрачное и ужасное место, как мне ранее представлялось.

Вот, Джоэнис, теперь ты знаешь, что привело меня сюда. Как адъютант и близкий друг генерала Пустойга, могу тебе доложить, что эта война — с каким бы дьяволом мы там ни воевали — не могла попасть в более надежные руки. Думаю, это важно знать всем, поскольку о людях, занимающих высокое положение, сплошь и рядом врут напропалую.

Кроме того, Джонсик, по-моему, мне следует обратить твое внимание на то, что на Командном Пункте только что произошел взрыв, — не иначе как намек на грядущие большие перемены. Так, погасло несколько лампочек, и вроде дышать стано-

вится чуть труднее. Ну что же, поскольку в наших услугах здесь явно не нуждаются, предлагаю выйти из игры и побыстрее унести отсюда ноги, если это еще в наших возможностях.

Ты со мной, Джонсик? Старик, ты в порядке?

БЕГСТВО ИЗ АМЕРИКИ

(Рассказано Паауи с Фиджи)

Джоэнис был контужен — по той причине, что рядом с его головой произошел небольшой взрыв. Лам оттащил его к лифту, который увлек друзей еще глубже в недра земли. Когда дверь лифта открылась, они очутились в широком коридоре. Прямо перед ними была надпись: «Подземная аварийно-спасательная магистраль, только для особо уполномоченных».

— Не знаю, можем ли мы считать себя особо уполномоченными, — сказал Лам, — однако времена такие, что о формальностях лучше позабыть. Джоэнис, ты в состоянии разговаривать? Там впереди должна быть тележка, которая домчит нас до... черт побери, до такого места, где мы, как я от души надеюсь, будем в безопасности. Я доверяю старому хрену. Вроде бы он ни капельки не шутил.

Они нашли тележку в том месте, где Лам и предполагал, и много часов ехали под землей, пока наконец не выскочили на поверхность на Восточном побережье штата Мэриленд. Перед ними открылся Атлантический океан.

Здесь энергия Лама иссякла: он решительно не знал, что делать дальше. Зато к Джоэнису полностью вернулись присутствие духа и способность соображать. Взяв Лама под руку, он направился к пустынному берегу. Там друзья повернули на юг и шли несколько часов, пока не вышли к заброшенной маленькой гавани.

Из множества парусных судов, которые покачивались на волнах в акватории порта, Джоэнис выбрал одну яхту и принялся переносить на нее продукты, воду, карты и навигационные приборы — все, что обнаружилось на прочих судах, снаряженных когда-то для дальних плаваний. Работа не была закончена и наполовину, когда над головами друзей с завыванием пронеслись ракеты, и Джоэнис решил отчаливать, не теряя больше ни секунды.

Судно уже было в нескольких милях от берега, когда Лам встрепенулся, огляделся по сторонам и вопросил:

— Эй, старик, куда это мы направляемся?

— На мою родину, — ответил Джоэнис. — На остров Манитуатуа в южной части Тихого океана.

Лам поразмыслил немного над услышанным и кротко сказал:

— Вроде как неслабое путешествие получается, а? Я к тому, что придется ведь огибать мыс Горн и тогда вся эта музыка растянется примерно на восемь-десять тысяч миль, верно?

— Что-то вроде этого, — согласился Джоэнис.

— Может, передумаешь, и вместо этого поплывем в Европу? Так-то будет всего-навсего три тысячи миль?

— Я плыву домой, — твердо сказал Джоэнис.

— Ага. Ну ладно, — сказал Лам. — В гостях хорошо, а дома лучше. Но для такого путешествия у нас вроде не очень здорово с водой и продуктами, а по пути вряд ли что-нибудь попадется. К тому же у меня лично нет полной уверенности в непотопляемости этого судна. По-моему, оно уже дало течь.

— Все правильно, — сказал Джоэнис. — Но, кажется, течь можно заделать. А что касается воды и продуктов, то будем надеяться на лучшее. Честное слово, Лам, я не знаю другого места, куда бы стоило плыть.

— Порядок, — сказал Лам. — Я же не выпендриваюсь. Просто пришли в голову кое-какие мыслишки, и я подумал, может, удастся их обсосать. Нет — так нет. И вот еще какая идея: может быть, пока мы совершаем этот увеселительный круиз, ты начнешь писать мемуары? Во-первых, не исключено, что получится увлекательное чтение, а во-вторых, они помогут опознать наши несчастные иссохшие трупы, когда кто-нибудь наткнется на это суденышко.

— Я вовсе не убежден, что нам придется погибнуть, — сказал Джоэнис. — Хотя должен признать, что вероятность этого весьма велика. А почему ты сам не хочешь писать мемуары?

— Может, и набросаю главу-другую, — ответил Лам. — Но большую часть пути я собираюсь провести в размышлениях о людях и правительствах и о том, как их можно улучшить. На эту задачу я брошу все резервы моих пропитанных наркотиками мозгов.

— По-моему, это просто замечательно, Лам! — воскликнул Джоэнис. — У нас у обоих есть много чего рассказать людям. Если только, конечно, мы найдем людей, которым можно все это рассказать.

Вот так, в полном согласии, и пустились Джоэнис и его верный друг в плавание по темнеющему морю, вдоль опасных берегов, навстречу далекой и неопределенной цели.

КОНЕЦ ХОЖДЕНИЯ

(Написано Издателем с привлечением всех доступных источников)

Излишне распространяться о путешествии друзей вдоль берегов двух Америк, вокруг мыса Горн и затем на северо-запад, к островам, лежащим в южной части Тихого океана. Достаточно лишь упомянуть о том, что испытания, выпавшие на долю Джоэниса и Лама, были суровы, а опасности, с которыми они сталкивались, многочисленны. Но то же самое можно сказать и о великом множестве моряков, плавающих по океанам во все времена — включая и наше собственное. Что, как не глубочайшее сочувствие, могут вызвать у нас рассказы о том, как Джоэнис и Лам страдали от лучей тропического солнца, как их швыряли ураганы, как у них кончились продукты и вода, как их суденышко получило пробоину, потеряло мачту, как с подветренной стороны они увидели опасные рифы, и так далее и тому подобное. Однако, отдав дань сопереживаниям, попутно отметим, что все эти детали мы встречали и в бесчисленном множестве других рассказов о переходах на малых судах. Это единообразие, конечно, не умаляет ценности приобретенного опыта, но зато вполне может вызвать определенное падение читательского интереса.

Сам Джоэнис никогда не распространялся об этом ужасном путешествии, поскольку его интересовали совершенно иные вещи. А что касается Лама, то, говорят, единственным его ответом на вопрос, какие ощущения он испытывал во время плавания, было: «Ну, старик, знаешь ли!..»

Мы-то знаем. Потому и переходим сразу к финалу путешествия, когда Джоэниса и Лама, изголодавшихся, но живых, целехоньких, но бесчувственных, волны выбросили на берег, и заботливые обитатели Манитуатуа вернули их к жизни.

Придя в себя, Джоэнис сразу осведомился о своей возлюбленной Тонделайо, которую он оставил на островах. Но эта пылкая девушка устала его ждать, вышла замуж за рыбака с острова Туамоту и теперь растила двух сыновей. Джоэнис с достоинством воспринял этот факт и переключил свое внимание на мировые события.

Он обнаружил, что война оказала весьма малое воздействие на Манитуатуа и соседние архипелаги. Эти острова, которые давно уже не поддерживали контактов с Азией и Европой, вдруг потеряли связь с Америкой. Поползли слухи один нелепее другого. Кто-то утверждал, что приключилась большая война, в ко-

торой все крупные государства Земли уничтожили друг друга. Иные возлагали вину на пришельцев из космоса, обладавших якобы невероятно злобным нравом. Третьи говорили, что никакой войны не было вовсе, а случился великий мор, который и привел к общему краху всей Западной цивилизации.

Эти и многие другие теории прежде вызывали жаркие дискуссии, спорят о них и теперь. Ваш издатель придерживается той же точки зрения, что и Джоэнис: это была спонтанная и хаотическая вспышка военных действий, кульминационным пунктом которых стало самоуничтожение всей Америки, последней из великих цивилизаций Старого Света.

Слухи множились с неудержимой силой. Высоко над головой иногда пролетали ракеты. Большинство из них безобидно плюхалось в воду, но одна ракета упала на Молотеа и полностью разрушила восточную половину этого атолла, унеся семьдесят три жизни. Американские ракетные базы, расположенные в основном на Гавайях и Филиппинах, ждали распоряжений, которые так и не пришли, и командиры баз неустанно бились над проблемой опознания противника. Последняя ракета плюхнулась в море, и больше их не стало. Война закончилась. Старый Свет сгинул без следа, словно его никогда и не было.

Все эти дни Джоэнис и Лам пребывали в сознании, но по-прежнему испытывали сильнейшую слабость. Только спустя несколько месяцев после окончания войны они смогли восстановить силы. И наконец настал день, когда каждый ощутил в себе готовность сыграть свою роль в формировании новой цивилизации.

Как ни печально, но они смотрели на свое призвание с разных точек зрения и так и не смогли прийти к полному согласию. Они пытались сохранить дружеские узы, но с каждым днем это становилось все более затруднительно. Их последователи пытались сглаживать острые углы, но многие из них считали, что эти два человека, столь страстно ненавидевшие войну, вполне могли начать ее между собой.

Однако этого не случилось, так как влияние Джоэниса на островах южной части Тихого океана — от Нукухивы на западе до Тонга на востоке — было неоспоримым. Тогда Лам со своими последователями загрузил продовольствием несколько каноэ и отплыл на восток, направившись к Фиджи, — туда, где идеи Лама вызвали неподдельный интерес. К тому времени и Джоэнис, и Лам уже достигли зрелого возраста и распрощались друг с другом, охваченные великой печалью, не надеясь более свидеться.

Последние слова Лама, обращенные к Джоэнису, были таковы:

— Что же, старик, как я понимаю, каждый лабух должен знать, когда ему пора лабать. Но, веришь ли, если по правде, то я готов шизануться, видя, как мы с тобой пляшем в разные стороны. Ведь мы с тобой, Джонсик, прошли через все это с самого начала, и мы единственные, кто об этом знает. Поэтому, хотя я и думаю, что ты не прав, бей всю дорогу в одну точку, паря, и время от времени давай о себе знать. Мне будет не хватать тебя, старик, поэтому не перегибай палку.

Джоэнис рассыпался примерно в таких же выражениях. Затем Лам уплыл на Фиджи, где его идеи упали на благодатнейшую почву. Даже в наши дни Фиджи остаются центром Ламизма, и фиджийцы говорят не на диалекте английского языка, основы которого заложил здесь Джоэнис, а предпочитают диалект, на котором говорил Лам. Многие эксперты считают, что это самая чистая и наиболее древняя форма английского языка.

Основную идею философии Лама лучше всего передать его собственными словами — в том виде, в каком они записаны в «Книге Фиджи»:

«Слушай, вся эта история приключилась так, как она приключилась, не почему-то там, а из-за машин.

Стало быть, машины плохие.

Они к тому же сделаны из металла.

Так что металл еще хуже. То есть в металле — все зло.

Значит, как только мы избавимся от всего этого чертового металла, всюду будет полная лафа».

Это, конечно, только часть учения Лама. Он также выдвинул четкие теории о пользе интоксикации и искусственного веселья («Давайте кайфовать!»); об идеальном поведении («Не будем липнуть друг к другу»); о границах влияния общества на личность («Не давайте обществу ездить на вас»); о пользе хороших манер, терпимости и взаимоуважения («Не следует лажать ближних»); о значимости объективно обусловленных ощущений («Я секу в корень, без понта»); о кооперации в рамках общественной структуры («Клево, когда все лабухи трубят дружно»)... и о множестве прочих вещей, так что эти теории охватывали почти все стороны человеческой жизни. Эти примеры взяты из «Книги Фиджи», где полностью собраны все изречения Лама вкупе с примечаниями.

В те ранние дни Нового Мира фиджийцев больше всего интересовала теория Лама о природе зла: будто бы зло изначально коренится во всех металлах. Будучи от природы людьми предприимчивыми и склонными к далеким путешествиям, они снарядили большие флотилии и пустились на них в плавания под предводительством Лама, чтобы топить в море металл всюду, где только он отыщется.

Во время этих экспедиций фиджийцы собрали под свои знамена новых сторонников зажигательного ламистского вероучения. Идея уничтожения металлов облетела все острова Тихого океана, и фиджийцы, проповедуя ее, добирались и до Австралии, и до побережья Америки. Их подвиги увековечены во множестве песен и устных рассказов. Особенно это касается работы, проделанной ими на Филиппинах и с помощью маори — в Новой Зеландии. Только в конце столетия, через много лет после смерти Лама, фиджийцы смогли завершить свое титаническое предприятие на Гавайях — таким образом, острова Тихого океана простились примерно с девятью десятыми своих запасов металлов.

К тому времени, когда слава фиджийцев достигла апогея, они уже завоевали многие острова и вошли в контакт с жителями. Однако этот малочисленный народ не смог долго удерживать под своей властью другие народы. Какое-то время фиджийцы правили на Бора-Бора, Райатеа, Хуахине и Оаху, но затем они были или ассимилированы местным населением, или изгнаны с островов. Словом, большинство фиджийцев наконец в полной мере постигло выражение Лама, гласившее: «Сделал дело — и свали со сцены: главное, не околачивайся где не надо и не будь букой».

Так закончилась фиджийская авантюра.

В отличие от Лама, Джоэнис не оставил нам собрания философских трудов. Он никогда не выражал своего отрицательного отношения к металлам, напротив, был к ним совершенно равнодушен. Он с недоверием относился к законам, даже к самым удачным, хотя и признавал, что они необходимы. По Джоэнису, закон мог быть хорошим только тогда, когда проистекал из самой природы людей, отправляющих правосудие. Если природа этих людей менялась — а Джоэнис полагал, что сие неизбежно, — менялась и природа законов. А когда это происходило, следовало искать новые законы и новых законодателей.

Джоэнис учил, что люди должны активно стремиться к добродетели, и в то же время признавал, что это крайне трудно. Самая большая трудность, как считал Джоэнис, заключалась в том, что все в мире, включая людей и их добродетели, постоянно меняется, и человек, взыскующий добра, вынужден, таким образом, расстаться с иллюзией неизменности всего сущего, разобраться в переменах, происходящих в нем самом и в ближних, и сосредоточить свои усилия на беспрестанном поиске островков преходящей стабильности в бурном море жизненных метаморфоз. Этот поиск, указывал Джоэнис, мог оказаться успешным лишь при большом везении — объяснить сей феномен не-

возможно, но, безусловно, элемент удачи играет очень важную роль.

Джоэнис всегда придавал особое значение превосходству добродетели над пороками, подчеркивал настоятельную потребность человека в волевом действии и недостижимость совершенства. Но некоторые утверждают, что в старости Джоэнис стал проповедовать совершенно иные идеи. К примеру, что мир — это не более чем страшная игрушка, которую злые боги смастерили в виде театра, чтобы ставить для своего развлечения бесконечные пьесы, создавая людей и используя их в качестве действующих лиц и исполнителей. Когда актеры должным образом подготовлены, боги получают колоссальное удовольствие, наблюдая за спектаклем марионеток, разгуливающих с напыщенным видом, преисполненных сознанием собственной значимости и убежденных в том, что они занимают важное место в миропорядке. Они даже пытаются это научно доказать и трудятся в поте лица, чтобы разрешить проблемы, которые поставили перед ними боги. А боги покатываются со смеху, взирая на спектакль, и ничто не может доставить им большего наслаждения, чем вид какой-нибудь марионетки, вдруг вознамерившейся прожить безгрешно и умереть достойно. Но даже и это не самое страшное. Со временем боги устанут от своего театра и от маленьких марионеток-человечков, они уберут их подальше, снесут театрик и обратятся к иным развлечениям. Пройдет еще немного времени, и даже сами боги не вспомнят, что где-то когда-то существовал такой народец — люди.

Но мы считаем, что эта концепция нехарактерна для Джоэниса, и ваш издатель полагает, что она недостойна его. Мы всегда будем хранить в памяти образ Джоэниса в расцвете сил и лет, когда он шел к людям с проповедью надежды.

Джоэнис прожил достаточно долго. Он видел смерть старого мира и рождение нового, он помнил, что многие наши предки прибыли из Европы, Америки или Азии. Но, несмотря на это смешение рас, мы чувствуем себя полинезийцами, меланезийцами и микронезийцами. Ваш издатель, живущий на острове Гаваики, считает, что современный мир процветанием обязан малым размерам наших островов, их многочисленности и удаленности друг от друга. Потому что это делает совершенно невозможным тотальное завоевание одних островов другими и в то же время позволяет отдельно взятой личности с легкостью покинуть данный остров, если он ей чем-либо не нравится. Таковы наши преимущества, которых были лишены обитатели континентов в прошлом.

Конечно, у нас есть свои трудности. Между архипелагами по-прежнему вспыхивают войны, но масштаб их несоизмеримо

скромнее по сравнению с войнами прежних эпох. Все еще существуют социальное неравенство, несправедливость, преступления и болезни; но эти несчастья никогда не вырастут до таких размеров, чтобы сокрушить островные сообщества. Жизнь меняется, но в наши дни перемены происходят гораздо медленнее, чем в прошлые лихорадочные времена.

Возможно, эта неспешность перемен отчасти объясняется великим дефицитом металлов. На наших островах металлов всегда было очень мало, а фиджийцы к тому же уничтожили большую часть того, что было в наличии. Небольшое количество металла все еще добывают на Филиппинах, но он крайне редко поступает в обращение. Ламистские общины все еще активны, они крадут весь металл, который только удается найти, и топят его в море. Многие из нас чувствуют, что эта иррациональная ненависть к металлу — лишь прискорбное наследие прошлого; но мы по-прежнему не можем найти ответ на старинный вопрос Лама, который до сих пор звучит едкой насмешкой в устах ламистов.

Вопрос этот гласит: «Послушай, парень, ты когда-нибудь пробовал построить атомную бомбу из кораллов и кокосовой скорлупы?»

Так и течет жизнь в наши дни. Мы осознаем, что, как это ни грустно, наши мир и процветание покоятся на развалинах общества, самоуничтожение которого и сделало возможным наше существование. Но такова судьба всех обществ, и мы не можем здесь ничего изменить. Тем, кто оплакивает прошлое, следовало бы заглянуть в будущее. Некоторые фиджийские ламисты, отваживающиеся пускаться в дальние морские путешествия, сообщают о каком-то движении племен, населяющих ныне Американский континент. В настоящий момент этих разрозненных пугливых дикарей еще можно игнорировать; но кто знает, что принесет нам будущее?

Что касается финала Хождения Джоэниса, то о нем рассказывают следующее: Лам встретил смерть в возрасте шестидесяти девяти лет. Он возглавлял очередной поход разрушителей металла, и ему проломил голову дубинкой некий здоровенный гаваец, который пытался защитить свою швейную машинку. Падая, Лам произнес: «Ну что ж, ребята, я отправляюсь на Большой Балдеж на Небесах, где заправляет Самый что ни на есть Великий Наркоман на свете».

Это было последнее запротоколированное выступление Лама по вопросу религии.

Джоэниса ожидал совершенно иной конец. На семьдесят третьем году жизни Джоэнис, находясь с официальным визитом на богатом острове Моореа, увидел на берегу какое-то движе-

ние и направился туда, чтобы выяснить, в чем дело. Там он обнаружил человека, принадлежавшего к его собственной расе, который приплыл на плоту. Одежда незнакомца была в лохмотьях, тело жестоко обожжено солнцем, но он пребывал в добром состоянии духа.

— Джоэнис! — вскричал человек. — Я знал, что вы живы, и был уверен, что найду вас. Ведь вы Джоэнис, не так ли?

— Так, — сказал Джоэнис. — Но боюсь, что мы с вами незнакомы.

— Я Чевоиз, — сообщил человек. — Как в «Чево изволите?». Я тот самый похититель бриллиантов, которого вы встретили в Нью-Йорке. Теперь вспомнили меня?

— Вспомнил, — сказал Джоэнис. — Но зачем вы разыскивали меня?

— Джоэнис, наша беседа тогда длилась всего несколько мгновений, но она оставила неизгладимый след в моей душе. Делом моей жизни стали вы и только вы. Потребовалось много сил и много времени, чтобы собрать воедино все, что вам может понадобиться, но я ни перед чем не останавливался. Мне оказывали помощь, я получал знаки внимания на высшем уровне и был доволен. Затем грянула война, и трудностей стало намного больше. Я вынужден был многие годы скитаться по изуродованному лику Америки, разыскивая то, что вам могло бы потребоваться в будущем, и наконец завершил свой труд и прибыл в Калифорнию. Оттуда я отправился под парусом к островам Тихого океана и в течение многих лет переезжал от острова к острову. Я часто слышал о вас, но никак не мог найти. Но я не падал духом. Я всегда помнил о всех трудностях, с которыми пришлось столкнуться вам, и в этих воспоминаниях черпал свои силы. Я знал, что ваша работа имеет отношение к завершающей стадии истории человечества, но моя работа имела отношение к завершающей стадии вашей истории.

— Все это в высшей степени поразительно, — сказал Джоэнис совершенно спокойно. — Но, мне кажется, дорогой Чевоиз, что вы, вероятно, не совсем в своем уме, правда, для меня это не имеет никакого значения. Мне очень жаль, что я причинил вам столько хлопот. Но я понятия не имел, что меня разыскивают.

— А вы и не могли иметь такого понятия, — возразил Чевоиз. — Даже вы не в состоянии знать, кто и зачем вас разыскивает, пока вас не нашли.

— Хорошо, — сказал Джоэнис, — вот вы и нашли меня. Кажется, вы упомянули, что у вас для меня что-то есть?

— Несколько вещичек, — сказал Чевоиз. — Я преданно

хранил и лелеял их, поскольку они совершенно необходимы для завершения вашей истории.

С этими словами Чевоиз извлек клеенчатый сверток, который был примотан к его телу. Сияя от счастья, он передал сверток Джоэнису.

Джоэнис развернул пакет и нашел там следующее:

1. Записку от Шона Фейнстейна, который сообщал, что взял на себя издержки по пересылке этих вещей, а также по снаряжению Чевоиза, которому выпала роль связника. Он выражал надежду, что у Джоэниса все в порядке. Что касается его самого, то он вместе с дочерью Диедри спасся от катастрофы, бежав на остров Сангар, расположенный в двух тысячах миль от побережья Чили. Там он стал торговцем и со временем добился на этом поприще неплохих успехов; а Диедри вышла замуж за местного парня, человека прилежного и с широким кругозором. Шон Фейнстейн искренне надеялся, что приложенные к записке документы будут для Джоэниса ценным подарком.

2. Короткую записку от доктора, с которым Джоэнис встретился в «Доме «Холлис» для Невменяемых Преступников». Доктор писал, что он хорошо помнит интерес Джоэниса к пациенту, который возомнил себя Богом и исчез как раз перед встречей с Джоэнисом. Однако поскольку Джоэнис проявил в этом вопросе искреннюю любознательность, доктор прилагал к записке единственное письменное свидетельство, которое оставил после себя тот сумасшедший, — клочок бумаги, что был найден на его столе.

3. План Октагона, заверенный официальной печатью Управления Картографии и подписями высших начальников. Рукой самого Главы Октагона на плане было начертано: «Точный и окончательный». План гарантировал любому посетителю быстрый доступ в любую часть здания.

Пока Джоэнис разглядывал все эти вещи, лицо его каменело, обретая сходство с выветрившимся гранитным останцом. Он долго стоял неподвижно и пошевелился лишь тогда, когда Чевоиз попробовал заглянуть в бумаги из-за его плеча.

— Я же хочу по справедливости! — вскричал Чевоиз. — Всю дорогу я вез эти бумаги и ни разу не заглянул в них. Да, мой дорогой Джоэнис, я имею полное право хотя бы одним глазком заглянуть в бумажку, оставленную сумасшедшим.

— Нет, — ответствовал Джоэнис. — Эти документы были посланы не вам.

Чевоиз пришел в ярость, и жителям деревни пришлось сдерживать его, чтобы он не вырвал бумаги силой. Несколько деревенских жрецов, умоляюще глядя в глаза Джоэнису, направились было к нему, но он попятился от них с выражением та-

кого ужаса на лице, что люди подумали — еще секунда, и он швырнет бумаги в море. Однако Джоэнис не сделал этого. Он судорожно прижал документы к груди и бросился бежать по крутой тропе, поднимавшейся в горы. Жрецы последовали за ним, но вскоре потеряли Джоэниса из виду в густом подлеске.

Они спустились к морю и сказали людям, что Джоэнис скоро вернется, что он просто ненадолго отлучился, чтобы изучить бумаги в одиночестве. Люди ждали и не теряли надежды еще много лет, даже после смерти Чевоиза. Но Джоэнис так никогда и не спустился с гор.

Почти через два столетия некий охотник отправился полазить по крутым склонам Мооpea в поисках горных козлов. Вернувшись с охоты, он заявил, что видел очень старого человека, который сидел перед входом в пещеру и разглядывал какие-то бумаги. Охотник заметил, что бумаги, которые старик держал в руках, давно выгорели на солнце и вылиняли под дождем, так что на них остались лишь неясные каракули, совершенно не поддающиеся чтению, да и старик, кажется, давным-давно ослеп от неустанного вглядывания в тексты.

— Как вы можете читать эти бумаги? — спросил охотник.

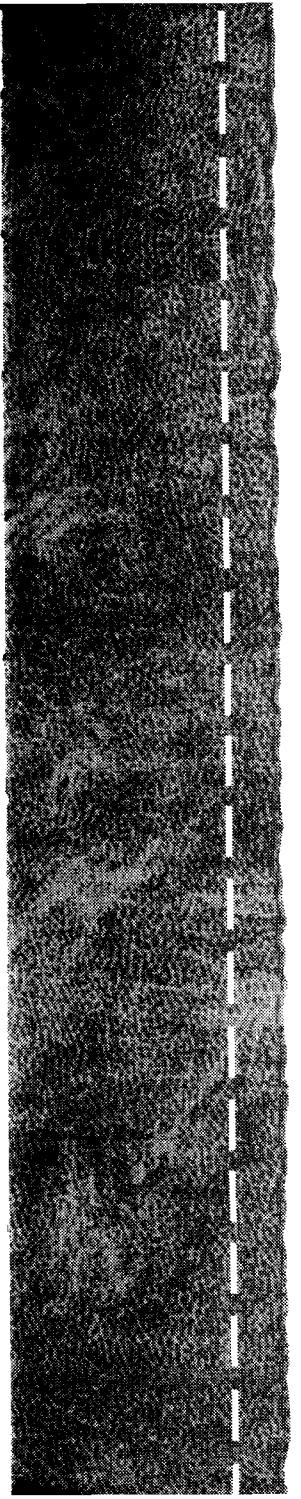
— Мне незачем читать, — ответил старик. — Я выучил их наизусть.

Тут старик поднялся на ноги и направился в пещеру, и через несколько мгновений ничто уже здесь не напоминало о старике — будто его никогда и не было.

Правдива ли эта история? Мог ли Джоэнис — несмотря на невероятный возраст — все еще жить в горах и размышлять о высших секретах ушедшей эпохи? А если даже и так, могут ли записки сумасшедшего и план Октагона иметь какое-нибудь значение для наших дней?

Этого мы никогда не узнаем. Три экспедиции были посланы в то место, и ни одна из них не нашла следов человеческого обиталища, хотя пещера существует на самом деле. Исследователи считают, что охотник, скорее всего, был пьян. Они резонно доказывают, что Джоэнис от тоски и печали повредился в уме, поскольку слишком поздно получил важнейшую информацию; что он убежал от жрецов и жил отшельником наедине со своими выцветшими бесполезными бумагами; и что в конце концов он умер в каком-нибудь недоступном месте.

Это объяснение представляется вполне благоразумным. Но обитатели Мооpea воздвигли возле пещеры скромную усыпальницу.

БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ ТРАНАЙ

В один прекрасный июньский день высокий, худощавый, серьезного вида, скромно одетый молодой человек вошел в контору Межзвездного бюро путешествий. Он равнодушно прошел мимо яркого плаката, изображающего Праздник урожая на Марсе. Громадное фотопанно танцующих лесов на Триганиуме не привлекло его взгляда. Он оставил без внимания и несколько двусмысленную картину обряда рассвета на планете Опиукус-XI и подошел к столу агента.

— Я хотел бы заказать билет на планету Транай, — сказал молодой человек.

Агент закрыл журнал «Полезные изобретения», который он читал, и сдвинул брови.

— Транай? Транай? Это, кажется, одна из лун Кента-IV?

— Нет, — ответил молодой человек. — Транай — планета, обращающаяся вокруг звезды, носящей то же название. Я хочу туда съездить.

— Никогда о ней не слышал. — Агент взял с полки Звездный каталог, туристскую звездную карту и справочник под названием «Редкие межпланетные маршруты».

— Так, — сказал агент уверенным голосом. — Каждый день приходится узнавать что-то новое. Значит, вы хотите заказать билет на планету Транай, мистер...

— Гудмэн. Марвин Гудмэн.

— Гудмэн... Так вот, оказывается, Транай — одна из самых далеких от Земли планет, на краю Млечного Пути. Туда никто не ездит.

— Знаю. Вы оформите мне проезд? — спросил Гудмэн, и в голосе его послышалось подавляемое волнение.

Агент покачал головой.

— Никаких шансов. Даже нон-скеды не забираются так далеко.

— До какого ближайшего пункта вы можете меня отправить?

Агент подкупающе улыбнулся.

— Зачем об этом беспокоиться? Я могу направить вас на планету, на которой будет все, чем располагает Транай, плюс

такие дополнительные преимущества, как быстрое сообщение, сниженные цены, комфортабельные отели, экскурсии...

— Я еду на Транай, — угрюмо сказал Гудмэн.

— Но туда невозможно добраться, — терпеливо начал объяснять агент. — Что вы рассчитываете там найти? Возможно, я мог бы помочь.

— Вы можете помочь мне, оформив билет хотя бы до...

— Вы ищете приключений? — перебил его агент, быстро окинув взглядом тощую сутулую фигуру Гудмэна. — Могу предложить планету Африканус-II, доисторический мир, населенный дикими племенами, саблезубыми тиграми, человекоядными папоротниками; там есть зыбучие пески, действующие вулканы, птеродактили и все такое прочее. Экспедиции отправляются из Нью-Йорка каждый пятый день, причем максимальный риск сочетается с абсолютной безопасностью. Вам гарантируется голова динозавра, иначе мы возвращаем деньги назад.

— Транай, — сказал Гудмэн.

— Гм. — Клерк оценивающе взглянул на упрямо сжатый рот и немигающие глаза клиента. — Возможно, вам надоели пуританские правила на Земле? Тогда позвольте предложить вам путешествие на Альмагордо-III — «Жемчужину южного звездного пояса». Наш десятидневный тур в кредит предусматривает посещение таинственного альмагордийского туземного квартала, восьми ночных клубов (первая рюмка за счет фирмы), осмотр цинталовой фабрики, где вы сможете с колоссальной скидкой купить настоящие цинталовые пояса, обувь и бумажники, а также осмотр двух винных заводов. Девушки на Альмагордо красивы, жизнерадостны и обезоруживающе наивны. Они считают туристов высшим и наиболее желанным типом человеческих существ. Кроме того...

— Транай, — повторил Гудмэн. — До какого ближайшего пункта вы можете меня доставить?

Клерк нехотя вытащил стопку билетов.

— Вы можете долететь на «Королеве созвездий» до планеты Легис-II, затем пересесть на «Галактическую красавицу», которая доставит вас на Оуме. Там придется сделать пересадку на местный корабль, который останавливается на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере и высадит вас на Тунг-Брадаре-IV, если не потерпит аварию в пути. Затем на нон-скеде вы пересечете Галактический вихрь (если удастся) и прибудете на Алумсридгию, откуда почтовая ракета летает до Белисморанти. Я слышал, что почтовая ракета все еще там курсирует. Таким образом, вы проделаете полпути, а дальше доберетесь сами.

— Отлично, — сказал Гудмэн. — Вы сможете приготовить необходимые бумаги к вечеру?

Агент кивнул.

— Мистер Гудмэн, — спросил он в отчаянии, — все-таки что это за место — Транай?

На лице Гудмэна появилась блаженная улыбка.

— Утопия, — сказал он.

Марвин Гудмэн прожил большую часть жизни в небольшом городе Сикирке (штат Нью-Джерси), которым в течение почти пятидесяти лет управляли сменяющие друг друга политические боссы. Большинство граждан Сикирка равнодушно относилось к коррупции среди всех слоев государственных служащих, игорным домам, баталиям уличных шаек, пьянству среди молодежи. Они апатично наблюдали, как разрушаются их дороги, лопаются старые водопроводные трубы, выходят из строя электростанции и разваливаются их обветшалые жилые здания, в то время как боссы строят новые большие дома, новые большие плавательные бассейны и утепленные конюшни. Люди к этому привыкли. Но только не Гудмэн.

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались, посылал в Конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались. Он основал «Лигу городского благоустройства», организацию «Граждане против гангстеризма», «Союз граждан за честные полицейские силы», «Ассоциацию борьбы с азартными играми», «Комитет равных возможностей для женщин» и дюжину других организаций.

Его усилия были безрезультатны. Апатичные горожане не интересовались этими вопросами. Политиканы открыто над ним смеялись, а Гудмэн не терпел насмешек над собой. В дополнение ко всем бедам его невеста ушла к горластому молодому человеку, который носил яркий спортивный пиджак и единственное достоинство которого заключалось в том, что он владел контрольным пакетом акций Сикиркской строительной корпорации.

Это был тяжелый удар. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикиркская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон и выпускала стальные балки на несколько дюймов уже стандарта. Она сказала как-то Гудмэну: «Боже мой, Марвин, ну и что такого? Так все делают. Нужно быть реалистом».

Гудмэн не собирался быть реалистом. Он сразу же ретировался в «Лунный бар» Эдди, где за рюмкой вина начал взвеши-

вать привлекательные стороны травяного шалаша в зеленом аду Венеры.

В бар вошел старик с ястребиным лицом, державшийся очень прямо. По его тяжелой поступи человека, отвыкшего от земного притяжения, по бледному лицу, радиационным ожогам и пронзительным серым глазам Гудмэн определил, что это космический пилот.

— «Особый транайский», Сэм, — бросил бармену старый космонавт.

— Сию минуту, капитан Сэвидж, — ответил бармен.

— «Транайский»? — невольно вырвалось у Гудмэна.

— «Транайский», — сказал капитан. — Видно, никогда не слыхал о такой планете, сынок?

— Нет, сэр, — признался Гудмэн.

— Так вот, сынок, — сказал капитан Сэвидж. — Что-то меня тянет на разговор сегодня, поэтому расскажу-ка я тебе о благословенной планете Транай, там, далеко за Галактическим вихрем.

Глаза капитана затуманились, и улыбка согрела угрюмо сжатые губы.

— В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Джонни Кавано, и Фрог Ларсен, и я пробрались бы в самый ад ради тонны терганиума. Да, и споили бы самого Вельзевула, если бы в экипаже не хватало людей. То были времена, когда от космической цинги умирал каждый третий и тень Большого Дэна Макклинтока витала над космическими трассами. Молл Гэнн тогда еще хозяйничала в трактире «Красный петух» на астероиде 342-АА, заламывала по пятьсот земных долларов за кружку пива, и люди давали, потому что это было единственное заведение на десять миллиардов миль в округе. В те дни шайка скарбиков еще промышляла вдоль Звездного пояса, а корабли, направлявшиеся на Проденгум, должны были лететь по страшной Прогнутой стрелке. Так что можешь себе представить, сынок, что я почувствовал, когда однажды высадился на Транае.

Гудмэн слушал, как старый капитан рисовал картину той великой эпохи, когда хрупкие корабли бросали вызов железному небу, стремясь ввысь, в пространство, вечно туда — к дальним границам Галактики.

Там-то, на краю Великого Ничто, и находилась планета Транай.

Транай, где найден смысл существования и где люди уже не прикованы к Колесу! Транай — обильная, миролюбивая, процветающая, счастливая страна, населенная не святыми, не скептиками, не интеллектуалами, а людьми обычными, которые достигли Утопии.

В течение часа капитан Сэвидж рассказывал о многообразных чудесах планеты Транай. Закончив, он пожаловался на сухость в горле. «Космический катар», — назвал он это состояние, и Гудмэн заказал ему еще один «Транайский особый» и один для себя. Потягивая экзотическую буро-зеленую смесь, Гудмэн погрузился в мечтания.

Наконец он мягко спросил:

— Почему бы вам не вернуться назад, капитан?

Старик покачал головой.

— Космический радикулит. Я застрял на Земле навсегда. В те дни мы понятия не имели о современной медицине. Теперь я гожусь лишь на сухопутную работу.

— А что вы сейчас делаете?

— Работаю десятником в Сикиркской строительной корпорации, — вздохнул старик. — Это я, который когда-то командовал пятидесятитрубным клипером... Ох, уж как эти люди делают бетон! Может быть, еще по маленькой в честь красавицы Транай?

Они еще несколько раз выпили по маленькой. Когда Гудмэн покидал бар, дело было решено. Где-то там, во Вселенной, найден модус вивенди, реальное осуществление древней мечты человека об идеальном обществе.

На меньшее он бы не согласился.

На следующий день он уволился с завода роботов в Ист-Косте, где работал конструктором, и забрал свои сбережения из банка.

Он отправлялся на Транай.

На «Королеве созвездий» он долетел до Легис-II, а затем на «Галактической красавице» — до Оуме. Сделав остановки на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере, которые оказались убогими местечками, он достиг Тунг-Брадара-IV. Без всяких инцидентов он пролетел сквозь Галактический вихрь и наконец добрался до Белисморанти, где кончалась сфера влияния Земли.

За фантастическую сумму лайнер местной компании перевез его на Дваста-II, откуда на грузовой ракете он миновал планеты Севес, Олго и Ми и прибыл на двойную планету Мванти. Там он застрял на три месяца, но использовал это время, чтобы пройти гипнопедический курс транайского языка. Наконец он нанял летчика, который доставил его на планету Динг.

На Динге он был арестован как хигастомеритреанский

шпион, однако ему удалось бежать в грузовом отсеке ракеты, возившей руду для г...Мори. На г...Мори ему пришлось лечиться от обморожения, теплового удара и поверхностных радиационных ожогов. Там же он договорился о перелете на Транай.

Он уже отчаялся и не верил, что попадет к месту назначения, когда корабль пронесся мимо лун Доэ и Ри и опустился в порту планеты Транай.

Когда открылись шлюзы, Гудмэн ощутил глубокую депрессию. Частично она объяснялась усталостью, неизбежной после такого путешествия. Но была и другая причина: его внезапно охватил страх оттого, что Транай может оказаться химерой.

Он пересек всю Галактику, поверив на слово старому космическому летчику. Теперь его повесть звучала уже не столь убедительно. Скорее можно поверить в существование Эльдорадо, чем планеты Транай, к которой его так влекло.

Он сошел с корабля. Порт Транай оказался довольно приятным городком. Улицы полны народу, и в магазинах много товаров. Мужчины похожи на обычных людей. Женщины весьма привлекательны.

И все же он почувствовал что-то странное, что-то неуловимое, но в то же время ощутимо необычное. Вскоре он понял, в чем дело.

Ему попадалось по крайней мере десять мужчин на каждую женщину, и что более странно: все женщины, которых он видел, были моложе 18 или старше 35 лет.

Что же случилось с женщинами от 18 до 35? Наложено ли какое-то табу на их появление в общественных местах? Или была эпидемия?

Надо подождать, вскоре он все узнает.

Он направился в Идриг-Билдинг, где помещались все правительственные учреждения планеты, и представился в канцелярии министра по делам иноземцев. Его сразу провели к министру.

Кабинет был небольшой и очень заставленный, на стенах синели странные потеки. Что сразу поразило Гудмэна, так это дальнобойная винтовка с глушителем и телескопическим прицелом, которая зловеще висела на стене. Однако раздумывать над этим было некогда, так как министр вскочил с кресла и энергично пожал ему руку.

Министр был полным веселым мужчиной лет пятидесяти. На шее у него висел небольшой медальон с гербом планеты Транай: молния, раскалывающая початок кукурузы. Гудмэн правильно определил, что это официальный знак власти.

— Добро пожаловать на Транай, — сердечно приветствовал

его министр. Он смахнул кипу бумаг с кресла и пригласил Гудмэна сесть.

— Г-н министр... — официально начал Гудмэн по-транайски.

— Ден Мелит. Зовите меня просто Ден. Мы здесь не любим официальщины. Кладите ноги на стол и располагайтесь, как у себя дома. Сигару?

— Нет, спасибо, — сказал Гудмэн, слегка ошарашенный. — Мистер... эээ.... Ден, я приехал с планеты Земля, о которой вы, возможно, слышали.

— Конечно, слышал, — сказал министр. — Довольно нервное, суетливое место, не правда ли? Конечно, не хочу вас обидеть.

— Да-да. Я придерживаюсь того же мнения о Земле. Причина, по которой я приехал... — Гудмэн запнулся, надеясь, что он не выглядит слишком глупо. — В общем, я слыхал кое-что о планете Транай. И, поразмыслив, пришел к выводу, что все это, наверное, сказки. Но если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов.

— Спрашивайте что угодно, — великодушно сказал Мелит. — Можете рассчитывать на откровенный ответ.

— Спасибо. Я слышал, что на Транае не было войн уже в течение четырехсот лет.

— Шестисот лет, — поправил его Мелит. — Нет, и не предвидится.

— Кто-то мне сказал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— И поэтому здесь нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, правительственных следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

— Мы в них просто не нуждаемся, — объяснил Мелит, — потому что у нас не совершается преступлений.

— Я слышал, — сказал Гудмэн, — что на Транае нет нищеты.

— О нищете и я не слыхивал, — сказал весело Мелит. — Вы уверены, что не хотите сигару?

— Нет, спасибо. — Гудмэн в возбуждении наклонился вперед. — Я так понимаю, что вы создали стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.

— Совершенно верно, — сказал Мелит.

— То есть ваше общество является обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.

Мелит кивнул.

— В основном на правительство возложены второстепенные функции: забота о престарелых, украшение ландшафта.

— Верно ли, что вы открыли способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов — способ, основанный только на индивидуальном желании? — настойчиво интересовался Гудмэн.

— Да, конечно.

— Правда ли, что правительство Транай не знает коррупции?

— Никакой, — сказал Мелит. — Видимо, по этой причине нам очень трудно уговаривать людей заниматься государственной деятельностью.

— Значит, капитан Сэвидж был прав! — воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться. — Вот она, Утопия!

— Нам здесь нравится, — сказал Мелит.

Гудмэн глубоко вздохнул и спросил:

— А можно мне здесь остаться?

— Почему бы и нет? — Мелит вытащил анкету. — У нас нет иммиграционных ограничений. Скажите, какая у вас профессия?

— На Земле я был конструктором роботов.

— В этой области возможностей для работы много. — Мелит начал заполнять анкету. Его перо выдавило чернильную кляксу. Министр небрежно кинул ручку в стену. Она разбилась, оставив после себя еще один синий потек.

— Анкету заполним в следующий раз, — сказал он. — Я сейчас не в настроении этим заниматься. — Он откинулся на спинку кресла. — Хочу вам дать один совет. Здесь, на Транае, мы считаем, что довольно близко подошли к Утопии, как вы выразились. Но наше государство нельзя назвать высокоорганизованным. У нас нет сложного кодекса законов. Мы живем, придерживаясь нескольких неписаных законов, или обычаев, если хотите. Вы сами узнаете, в чем они заключаются. Хочу вам посоветовать, это, конечно, не приказ, их соблюдать.

— Конечно, я буду это делать, — с чувством сказал Гудмэн. — Могу вас заверить, сэр, что я не имею намерения угрожать какой-либо сфере вашего рая.

— О, я не беспокоюсь насчет нас, — весело улыбнулся Мелит. — Я имел в виду вашу собственную безопасность. Возможно, моя жена тоже захочет вам что-либо посоветовать.

Он нажал большую красную кнопку на письменном столе. Перед ними возникло голубоватое сияние. Сияние материализовалось в красивую молодую женщину.

— Доброе утро, дорогой, — сказала она Мелиту.

— Скоро вечер, — сказал Мелит. — Дорогая, этот юноша прилетел с самой Земли и хочет жить на Транае. Я ему дал

обычные советы. Можем ли мы что-нибудь еще для него сделать?

Г-жа Мелит немножко подумала и потом спросила Гудмэна:

— Вы женаты?

— Нет, мадам, — ответил Гудмэн.

— В таком случае ему надо познакомиться с хорошей девушкой, — сказала г-жа Мелит мужу. — Холостая жизнь не поощряется на Транае, хотя она, безусловно, не запрещена. Подождите... Как насчет той симпатичной Дриганти?

— Она помолвлена, — сказал Мелит.

— В самом деле? Неужели я так долго находилась в стасисе? Дорогой, это не слишком разумно с твоей стороны.

— Я был занят, — извиняющимся тоном сказал Мелит.

— А как насчет Мины Вензис?

— Не его тип.

— Жанна Влэй?

— Отлично! — Мелит подмигнул Гудмэну. — Очаровательная молодая женщина. — Он вынул новую ручку из ящика стола, записал на бумажке адрес и протянул его Гудмэну. — Жена позвонит ей, чтобы она вас ждала завтра.

— И обязательно как-нибудь заходите к нам на обед, — сказала г-жа Мелит.

— С удовольствием, — ответил Гудмэн, у которого кружилась голова.

— Рада была с вами познакомиться.

Тут Мелит нажал красную кнопку. Г-жа Мелит пропала в голубом сиянии.

— Пора закрывать, — заметил Мелит, взглянув на часы. — Перерабатывать нельзя, не то люди станут болтать. Заходите как-нибудь, и мы заполним анкеты. Вообще вам, конечно, следовало бы нанести визит Верховному Президенту Бергу в Национальный дворец. Или он сам вас посетит. Только смотрите, чтобы эта старая лиса вас не обманула, и не забудьте насчет Жанны.

Он хитро подмигнул Гудмэну и проводил его до двери.

Через несколько секунд Гудмэн очутился один на тротуаре.

— Это Утопия, — сказал он себе. — Настоящая, действительная, стопроцентная Утопия.

Правда, она была не лишена странностей.

Гудмэн пообедал в небольшом ресторане, а затем устроился в отеле неподалеку. Приветливый дежурный проводил его в номер, где Гудмэн сразу же растянулся на постели. Он устало потер глаза, пытаясь разобраться в своих впечатлениях.

Столько событий за один день — и уже много непонятного. Например, соотношение мужчин и женщин. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но, возможно, у Мелита и не стоило спрашивать, потому что он сам был со странностями. Например, почему он кидал ручки в стену? Разве такое может позволить себе зрелый и ответственный государственный деятель? К тому же жена Мелита...

Гудмэн уже догадался, что г-жа Мелит вышла из дерсин-стасисного поля: он узнал характерное голубое сияние. Дерсин-поле применялось и на Земле. Иногда были веские медицинские причины для того, чтобы прекратить на время всякую деятельность организма, рост и распад. Например, если пациенту требовалась особая вакцина, которую можно было достать лишь на Марсе, такого человека просто-напросто помещали в стасисное поле, пока не прибывала вакцина.

Однако на Земле только дипломированные врачи могли экспериментировать с этим полем. Использование его без разрешения строго каралось.

Гудмэн никогда не слышал, чтобы в этом поле держали жен.

Однако, если все жены на Транае содержатся в стасисном поле, это объясняло отсутствие женщин между 18 и 35 годами, а также явное преобладание мужчин.

Но в чем причина этой электромагнитной паранджи?

И еще одна вещь беспокоила Гудмэна. Не столь уж важная, но не совсем приятная.

Винтовка, висевшая у Мелита на стене.

Может быть, он охотник? Значит, на крупную дичь. Или занимается спортивной стрельбой? Но к чему тогда телескопический прицел? И глушитель? Почему он держит винтовку в кабинете?

В конце концов, решил Гудмэн, все это не имеет значения: так, мелкие причуды, которые будут проясняться по мере того, как он будет жить здесь. Нельзя ожидать, что он получит немедленное и полное объяснение всему, что творится на этой, между прочим чужой, планете.

Он уже засыпал, когда услышал стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Небольшого роста человек с серым лицом, озираясь по сторонам, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

— Это вы прилетели с Земли?

— Да.

— Я так и решил, что найду вас здесь, — сказал маленький человек с довольной улыбкой. — Отыскал сразу же. Собираетесь пожить на Транае?

— Я остаюсь навсегда.

— Отлично, — сказал человек. — Хотите стать Верховным Президентом?

— Что?

— Хорошая зарплата, сокращенный рабочий день, и всего лишь на один год. Вы похожи на человека, принимающего интересы общественности близко к сердцу, — весело говорил незнакомец. — Так как же вы решите?

Гудмэн не знал, что ответить.

— Вы хотите сказать, — изумленно спросил он, — что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

— Что значит «ни за что ни про что»? — обиделся незнакомец. — Вы что думаете, мы предлагаем пост Верховного Президента первому встречному? Такое предложение — большая честь.

— Я не хотел...

— А вы, как житель Земли, очень подходите для этого поста.

— Почему?

— Общеизвестно, что жители Земли любят власть. Мы, транайцы, власть не любим, вот и все. Слишком много возни.

Оказывается, так просто. Кровь реформатора вскипела в жилах Гудмэна. Хоть Транай и идеальная планета, здесь кое-что можно усовершенствовать. Он вдруг представил себя правителем Утопии, который осуществляет великую миссию улучшения самого совершенства. Однако чувство осторожности помешало ему принять предложение сразу. А вдруг незнакомец — сумасшедший?

— Спасибо за ваше предложение, — сказал Гудмэн. — Но мне нужно подумать. Возможно, я переговорю с нынешним Президентом, чтобы узнать о характере работы.

— А как вы считаете, для чего здесь я? — воскликнул маленький человечек. — Я и есть Верховный Президент Берг.

Только сейчас Гудмэн заметил официальный медальон на шее у незнакомца.

— Сообщите мне ваше решение. Я буду в Национальном дворце.

Берг пожал Гудмэну руку и отбыл. Гудмэн подождал пять минут и позвонил портье:

— Кто это был?

— Верховный Президент Берг, — сказал портье. — Вы согласились?

Гудмэн пожал плечами. Он неожиданно понял, что ему предстоит еще многое выяснить о планете Транай.

...На следующее утро Гудмэн составил алфавитный список местных заводов по изготовлению роботов и пошел искать работу. К своему удивлению, место он нашел себе сразу. На огромном заводе домашних роботов фирмы «Аббаг» его приняли на работу, лишь бегло взглянув на документы.

Его новый начальник мистер Аббаг был невысокого роста энергичный человек с копной седых волос.

— Рад заполучить землянина, — сказал Аббаг. — Насколько я слышал, вы изобретательный народ, а это нам и нужно. Буду откровенен с вами, Гудмэн, я надеюсь с выгодой использовать ваши необычные взгляды. Дело в том, что мы зашли в тупик.

— Техническая проблема? — спросил Гудмэн.

— Я вам покажу. — Аббаг повел Гудмэна через прессовую, обжиговую, рентгеноскопию, сборочный цех и, наконец, привел в испытательный зал. Он был устроен в виде комбинированной кухни и гостиной. Вдоль стены стояло около десятка роботов.

— Попробуйте, — предложил Аббаг.

Гудмэн подошел к ближайшему роботу и взглянул на пульт управления. Все довольно просто, никаких премудростей. Он заставил машину проделать обычный набор действий: поднимать различные предметы, мыть сковородки и посуду, сервировать стол. Реакции робота были довольно точными, но ужасно медленными. На Земле замедленные реакции были ликвидированы сотню лет назад. Очевидно, в этом отношении на Транае отстали.

— Вроде медленно, — осторожно сказал Гудмэн.

— Вы правы, — сказал Аббаг. — Очень медленно. Лично я считаю, что все как надо. Однако, как утверждает наш отдел сбыта, потребители желают, чтобы робот функционировал еще медленнее.

— Что?

— Глупо, не правда ли? — задумчиво сказал Аббаг. — Мы потеряем деньги, если будем еще больше его замедлять. Взгляните на его внутренности.

Гудмэн открыл заднюю панель, обнажилась масса спутанных проводов. Разобраться было нетрудно. Робот был построен точно так же, как и современные машины на Земле, с использованием обычных недорогих высокоскоростных передач. Однако в механизм были включены специальные реле для замедления сигналов, блоки ослабления импульсов и редукторы.

— Скажите, — сердито спросил Аббаг, — разве мы можем замедлить его еще больше без удорожания стоимости в два раза и увеличения размеров в три? Не представляю, какое разусовершенствование от нас потребуют в следующий раз.

Гудмэн силился понять образ мыслей собеседника и концепцию «разусовершенствования» машины.

На Земле всегда стремились к созданию робота с более быстрыми, плавными и точными реакциями. Сомневаться в мудрости такой задачи не приходилось. Он в ней и не сомневался.

— Но это еще не все, — продолжал жаловаться Аббаг. — Новая пластмасса, которую мы разработали для данной модели, катализируется или что-то в этом роде. Смотрите.

Он подошел к роботу и ударил его ногой в живот. Пластмассовый корпус прогнулся, как жесть. Аббаг ударил еще раз. Пластмасса еще больше вогнулась, робот заскрипел, а лампочки его жалобно замигали. С третьего удара корпус развалился. Внутренности взорвались с оглушительным шумом и разлетелись по всему полу.

— Не очень-то он крепок, — сказал Гудмэн.

— Чересчур крепок. Он должен разбиваться вдребезги от первого же удара. Наши покупатели не почувствуют удовлетворения, ушибая ноги о его корпус. Но скажите, как мне разработать пластмассу, которая выдержит обычные воздействия (нельзя же, чтобы роботы случайно разваливались) и в то же время разлетится на куски, когда этого пожелает покупатель?

— Подождите, — запротестовал Гудмэн. — Давайте объяснимся. Вы сознательно замедляете своих роботов, чтобы они раздражали людей, а люди их за это уничтожали?

Аббаг поднял брови.

— Вот именно!

— Почему?

— Вы здесь новичок, — сказал Аббаг. — А это известно каждому ребенку. Это же основа основ.

— Я был бы благодарен за разъяснение.

Аббаг вздохнул.

— Ну, прежде всего вы, конечно, понимаете, что любой механизм является источником раздражения. У людей непоколебимое затаенное недоверие к машинам. Психологи называют это инстинктивной реакцией жизни на псевдожизнь. Вы согласны?

Марвин Гудмэн припомнил книги, которые он читал о бунте машин, о кибернетическом мозге, завоевавшем мир, о восстании андроидов и т. д. Он вспомнил забавные происшествия, о которых писали газеты, как, например, о человеке, который расстрелял свой телевизор, или разбил тостер о стену, или «расправился» с автомобилем. Он вспомнил враждебность, сквозившую в анекдотах о роботах.

— С этим, пожалуй, я могу согласиться, — сказал Гудмэн.

— Тогда позвольте мне вернуться к исходному тезису, —

педантично продолжал Аббаг. — Любая машина является источником раздражения. Чем лучше машина работает, тем сильнее чувство раздражения, которое она вызывает. Таким образом, мы логически приходим к тому, что отлично работающая машина — источник чувства досады, подавляемых обид, потери самоуважения...

— Стойте! — взмолился Гудмэн. — Это уж слишком!

— ...а также шизофренических фантазий, — беспощадно докончил Аббаг. — Однако для развитой экономики машины необходимы. Поэтому наилучшим и гуманным решением вопроса будет использование плохо работающих машин.

— Я не согласен.

— Но это очевидно. На Земле ваши машины работают в оптимальном режиме, создавая чувство неполноценности у тех, кто ими управляет. К сожалению, у вас существует мазохистское племенное табу против разрушения машин. Результат? Общий трепет перед священной и сверхчеловечески эффективной Машиной, что приводит к поиску объекта для проявления агрессивных наклонностей. Обычно таковым бывает жена или друг. Ситуация не очень веселая. Конечно, можно предположить, что ваша система эффективна в переводе на робото-часы, однако в плане долгосрочных интересов здоровья и благополучия она чрезвычайно беспомощна.

— Вы уверены...

— Человек — животное беспокойное. На Транае мы даем конкретный выход этому беспокойству и открываем клапан для многих проявлений чувств разочарования. Стоит человеку вскипеть и — трах! Он срывает свою злость на роботе. Налицо мгновенное и целительное освобождение от сильного напряжения, что ведет к благотворному и реальному ощущению превосходства над простой машиной, здоровому притоку адреналина в кровь; кроме того, это способствует индустриальному прогрессу на планете, так как человек пойдет в магазин и купит нового робота. И в конце концов, что он такого совершил? Он не избил жену, не покончил с собой, не объявил войну, не изобрел новое оружие, не прибегнул к обычным средствам освобождения от агрессивных инстинктов. Он просто разбил недорогого робота, которого можно немедленно заменить.

— Мне необходимо время, чтобы все понять, — признался Гудмэн.

— Конечно. Я уверен, что вы принесете здесь пользу, Гудмэн. Подумайте над тем, что я вам рассказал, и попытайтесь разработать какой-нибудь недорогой способ разусовершенствования этого робота.

Гудмэн обдумывал эту проблему в течение всего остатка

дня, однако он не мог сразу приспособить свое мышление к идее создания худшего варианта машины. Это отдавало святотатством. Он закончил работу в половине шестого, недовольный собой, однако полный решимости добиться успеха или неуспеха, в зависимости от того, как на это дело посмотреть.

Быстро поужинав в одиночестве, Гудмэн решил нанести визит Жанне Влэй. Ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, он вдруг почувствовал сильное желание найти что-нибудь приятное и несложное в этой непростой Утопии. Возможно, у Жанны Влэй он найдет ответ. Дом семьи Влэй был в нескольких кварталах от отеля, и он решил пройтись пешком.

Главная беда заключалась в том, что он имел свое собственное представление об Утопии, и было трудно согласовать эти идеи со здешней реальностью. Раньше он рисовал себе пасторальный пейзаж, планету, жители которой живут в небольших милых деревушках, бродят по улицам в ниспадающих одеждах, такие мудрые, нежные и все понимающие. Дети играют в лучах золотистого солнца, молодые люди танцуют на деревенской площади.

Как глупо! Вместо действительности он представлял себе картинку, стилизованные позы — вместо безостановочного движения жизни. Живые люди не могли бы так существовать, даже если предположить, что они этого желали. В таком случае они бы перестали быть живыми.

Он подошел к дому семьи Влэй и остановился в нерешительности. Что ждет его здесь? С какими чужеземными (хотя, безусловно, утопическими) обычаями он сейчас столкнется?

Он чуть было не повернул вспять. Однако перспектива провести долгий вечер одному в номере отеля показалась ему невыносимой. Стиснув зубы, он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий мужчина среднего роста, средних лет.

— Ах, вы, наверное, тот землянин! Жанна сейчас будет. Проходите и познакомьтесь с моей супругой.

Он провел Гудмэна в приятно обставленную гостиную, нажал красную кнопку на стене. На этот раз Гудмэна не испугало голубое сияние дерсин-поля. В конце концов, дело транайцев, как обращаться со своими женами.

Привлекательная женщина лет двадцати восьми выступила из дымки.

— Дорогая, — сказал рыжий. — Познакомься с мистером Гудмэном с Земли.

— Рада вас видеть, — сказала г-жа Влэй. — Хотите что-нибудь выпить?

Гудмэн кивнул. Влэй указал на удобное кресло. Через минуту супруга внесла поднос с холодными напитками и присела.

— Так, значит, вы с планеты Земля, — сказал мистер Влэй. — Нервное, суетливое место, не так ли? Все куда-то спешат.

— Да, примерно так, — согласился Гудмэн.

— У нас вам понравится. Мы умеем жить. Все дело в том...

На лестнице послышалось шуршание юбок. Гудмэн поднялся.

— Мистер Гудмэн, это наша дочь Жанна, — сказала г-жа Влэй.

Волосы Жанны были цвета сверхновой звезды из созвездия Цирцеи, глаза немыслимо голубого оттенка осеннего неба над планетой Альго-II, губы — нежно-розовые, цвета газовой струи из сопла реактивного двигателя Скарсклотт-Тэрнера, нос...

Астрономические эпитеты Гудмэна иссякли, да и вряд ли они были подходящими. Жанна была стройная и удивительно красивая блондинка, и Гудмэна внезапно охватило чувство радости оттого, что он пересек всю Галактику ради планеты Транай.

— Идите, дети, повеселитесь, — сказала г-жа Влэй.

— Не задерживайтесь поздно, — сказал Жанне мистер Влэй.

Так на Земле родители говорят своим детям.

Свидание было как свидание. Они посетили недорогой ночной клуб, танцевали, немного выпили, много разговаривали. Гудмэн поразился общности их вкусов. Жанна соглашалась со всем, что он говорил. Было приятно обнаружить глубокий ум у такой красивой девушки.

У нее дух захватило от рассказа об опасностях, с которыми он столкнулся во время полета через Галактику. Она давно слышала, что жители Земли по натуре искатели приключений (хотя и очень нервозны), однако риск, которому подвергался Гудмэн, не поддавался ее пониманию.

Мурашки пробежали у нее по спине, когда она услышала о гибельном Галактическом вихре. Раскрыв глаза, она внимала истории о страшной Прогнутой стрелке, где кровожадные скарбики охотились вдоль Звездного пояса, прячась в адских закоулках Проденгума. Как сказал ей Марвин, земляне были железными людьми в стальных кораблях, которые бросали вызов Великому Ничто.

Жанна обрела речь, лишь услышав сообщение Гудмэна о том, что кружка пива в трактире Молл Гэнн «Красный петух» на астероиде 342-АА стоила пятьсот земных долларов.

— Наверное, вы испытывали большую жажду, — задумчиво сказала она.

— Не очень, — сказал Гудмэн. — Просто деньги там ничего не значат.

— Понимаю, но не лучше ли было бы сохранить эти деньги? Я имею в виду, что когда-нибудь у вас будут жена и дети... — Она покраснела.

Гудмэн уверенно сказал:

— Ну, эта часть моей жизни позади. Я женюсь и обоснуюсь здесь, на Транае.

— Прекрасно! — воскликнула она.

Вечер очень удался.

Гудмэн проводил Жанну домой, пока еще не было поздно, и назначил ей свидание на следующий вечер. Осмелев от собственных рассказов, он поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась, но Гудмэн деликатно не использовал это преимущество.

— До завтра, — улыбнулась она, закрывая дверь.

Он пошел пешком, ощущая необыкновенную легкость. Жанна, Жанна! Неужели он уже влюбился? А почему бы и нет? Любовь с первого взгляда — реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправданно. Любовь в Утопии! Как чудесно, что здесь, на идеальной планете, ему удалось найти идеальную девушку.

Неожиданно из темноты выступил незнакомый человек и преградил ему путь. Гудмэн обратил внимание, что почти все лицо незнакомца закрывала черная шелковая маска. В руке у него был крупный и с виду мощный лучевой пистолет, который он наставил Гудмэну прямо в живот.

— О'кей, парень, — сказал незнакомец, — давай сюда все деньги.

— Что? — не понял Гудмэн.

— Ты слышал, что я сказал. Деньги. Давай их сюда.

— Вы не имеете права, — сказал Гудмэн, слишком пораженный, чтобы логически мыслить. — На Транае нет преступности!

— А кто сказал, что есть? — спокойно спросил незнакомец. — Я просто прошу тебя отдать свои деньги. Отдашь мирно или же мне придется выколачивать их из тебя?

— Вам это так не пройдет! Преступления к добру не приводят!

— Не говори глупостей, — сказал человек и поднял лучевой пистолет повыше.

— Хорошо. Вы не волнуйтесь. — Гудмэн вытащил бумажник, содержавший все его сбережения, и протянул его человеку в маске.

Незнакомец пересчитал деньги. Видимо, сумма произвела на него впечатление.

— Это лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе, парень. Не горюй.

Он быстро зашагал прочь по темной улице. Гудмэн лихорадочно озирался, ища глазами полицейского, прежде чем вспомнил, что полиции на Транае не существует. Он заметил небольшой бар на углу, над которым горела неоновая вывеска бара «Китти Кэт». Он рванулся туда.

Внутри никого не было, кроме бармена, который сосредоточенно протирал стаканы.

— Ограбили! — закричал Гудмэн.

— Ну и что? — сказал бармен, не поднимая глаз.

— Но ведь я считал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— А меня сейчас ограбили.

— Вы здесь, вероятно, новичок, — сказал бармен, взглянув наконец на Гудмэна.

— Я недавно прилетел с Земли.

— С Земли? Как же, слышал, такая нервная, беспокойная планета...

— Да-да, — сказал Гудмэн. Ему уже начал надоедать этот однообразный припев. — Как может не существовать преступности на Транае, если меня ограбили?

— Так это понятно. На Транае ограбление не считается преступлением.

— Ограбление — всегда преступление!

— А какого цвета у него была маска?

Гудмэн подумал.

— Черная. Черная шелковая.

Бармен кивнул.

— Значит, этот человек был государственным сборщиком налогов.

— Странный метод взимания налогов, — пробормотал Гудмэн.

Бармен поставил перед Гудмэном рюмочку «Транайского особого».

— Попробуйте взглянуть на это через призму общественного блага. Какие-то средства правительству в конце концов нужны. Собирая их таким способом, мы избегаем необходимости вводить подоходный налог с его юридическим крючкотворством и бюрократией. Да и с точки зрения психологической гораздо лучше изымать деньги при помощи кратковременной и безболезненной операции, чем заставлять граждан мучиться целый год в ожидании дня, когда им все равно придется платить.

Гудмэн залпом осушил рюмку, и бармен поставил перед ним другую.

— Я думал, — сказал Гудмэн, — что ваше общество основано на идее частной инициативы и свободы воли.

— Верно, — подтвердил бармен. — Но в таком случае правительство (в его здешнем урезанном виде) тем более должно иметь право на свободу воли, как любой гражданин, не так ли?

Не найдя что ответить, Гудмэн опрокинул вторую рюмку.

— Можно еще? — попросил он. — Я заплачу при первой возможности.

— Конечно, конечно, — приветливо сказал бармен, наливая еще рюмку Гудмэну и ставя другую перед собой.

Гудмэн сказал:

— Вы интересовались цветом маски незнакомца. Почему?

— Черный цвет — государственный. Частные лица носят белые маски.

— Вы хотите сказать, что частные граждане также совершают ограбления?

— Еще бы! Таков наш способ перераспределения богатств. Состояния нивелируются без государственного вмешательства, даже без налогов, исключительно через проявление личной инициативы. — Бармен закивал головой. — Действует эта система безотказно. Между прочим, ограбления — великий уравнитель.

— По-видимому, так, — согласился Гудмэн, заканчивая третью рюмку. — Если я правильно вас понял, любой человек может взять лучевой пистолет, надеть маску и выйти на большую дорогу?

— Именно, — подтвердил бармен. — Только все делается в определенных рамках.

Гудмэн хмыкнул.

— Если таков закон, я могу тоже включиться в игру. Вы можете одолжить мне маску? И пистолет.

Бармен пошарил под прилавком.

— Только не забудьте вернуть. Это фамильные реликвии.

— Обязательно, — пообещал Гудмэн. — И тогда заплачу за угощение.

Он засунул пистолет за пояс, натянул маску и вышел из бара. Если такова жизнь на Транае, к ней можно приспособиться. Его хотят грабить? Ну что ж, он их сам будет грабить, да еще как!

Дойдя до слабо освещенного перекрестка, он затаился в тени дома и стал ждать. Скоро он услышал шаги; из-за угла он увидел быстро приближающегося солидного, хорошо одетого транайца.

Гудмэн вышел вперед и зарычал:

— Стой, друг!

Транаец остановился и посмотрел на лучевой пистолет в руке у Гудмэна.

— Гм... я вижу, у вас широкоугольный лучевой пистолет системы «Дрог-3», не так ли? Несколько старомодное оружие. Как вы его находите?

— Я доволен, — сказал Гудмэн, — давай-ка твои...

— Спусковой механизм действует медленно, — задумчиво протянул транаец. — Лично я рекомендовал бы вам игло-лучевой «Милс-Сливен». Кстати, я местный представитель оружейной компании «Сливен». Сдав вашу старую марку и немного доплатив...

— Давай-ка сюда деньги, — отрезал Гудмэн.

Солидный транаец улыбнулся.

— Главный дефект вашего «Дрог-3» заключается в том, что он не выстрелит, пока не снят предохранитель. — Транаец шагнул вперед и выбил пистолет из руки Гудмэна. — Вот видите? Вы ничего не смогли бы сделать. — Он повернулся и пошел.

Гудмэн подобрал пистолет, нащупал предохранитель и кинулся за транайцем.

— Руки вверх, — приказал он, чувствуя прилив отчаянной решимости.

— Ну нет, дорогой, — бросил через плечо транаец, даже не обернувшись. — Только по одной попытке на клиента. Нехорошо нарушать неписаный закон.

Гудмэн стоял и смотрел, пока незнакомец не скрылся из виду. Он внимательно оглядел свой «Дрог-3», проверил, сняты ли все предохранители. Затем вернулся на прежнее место.

Прождав час, он снова услышал шаги. Рука его стиснула рукоятку пистолета. На этот раз он был готов грабить, и ничто не могло его остановить.

— Эй, парень, — окликнул он, — руки вверх!

На этот раз жертвой оказался грузный транаец в поношенном рабочем комбинезоне. С отвалившейся челюстью он уставился на пистолет в руке Гудмэна.

— Не стреляйте, мистер, — взмолился транаец.

Вот это уже другой разговор! Гудмэна захлестнула теплая волна удовлетворения.

— Не двигаться, — предупредил он. — Предохранители сняты.

— Вижу, — выдавил из себя толстячок. — Осторожнее с этой штукой, мистер. Я и мизинцем не пошевелю.

— Так-то лучше. Давай твои деньги.

— Деньги?

— Да, деньги, и пошевеливайся.

— У меня нет денег, — заскулил транаец. — Мистер, я бедный человек. Я в тисках нищеты.

— На Транае нет нищеты, — поучительным тоном сказал Гудмэн.

— Знаю. Но иногда настолько приближаешься к этому состоянию, что особой разницы не ощущаешь. Отпустите меня, мистер.

— Почему вы такой безынициативный? — спросил Гудмэн. — Если вы бедняк, почему бы вам не ограбить кого-нибудь? Все так делают.

— Не было никакой возможности. Сначала дочка заболела коклюшем, и я несколько ночей с ней просидел. Потом испортилось дерсин-поле, так что жена меня пилила дни напролет. Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть запасной дерсин-генератор. Затем, пока чинили дерсин-генератор, жена решила устроить уборку квартиры, куда-то засунула мой лучевой пистолет и не могла вспомнить куда. Только я собрался одолжить пистолет у приятеля...

— Хватит, — сказал Гудмэн. — Ограбление есть ограбление, и что-то я должен у вас забрать. Давайте бумажник.

Незнакомец, жалобно всхлипывая, протянул Гудмэну потертый бумажник. Внутри Гудмэн обнаружил один дигло, эквивалент земного доллара.

— Это все, что у меня есть, — продолжал всхлипывать транаец, — но можете его забрать. Я понимаю, каково вам торчать здесь на ветру всю ночь.

— Оставьте его себе, — сказал Гудмэн, отдал бумажник и пошел прочь.

— Спасибо, мистер.

Гудмэн не ответил. С тяжелым чувством он возвратился в бар «Китти Кэт» и вернул бармену пистолет и маску. Когда бармен услышал, что произошло, он презрительно рассмеялся.

— У него не было денег? Дружище, этот трюк стар, как мир. Все носят запасной бумажник на случай ограбления, иногда два или даже три. Ты его обыскал?

— Нет, — признался Гудмэн.

— Ну и зелен же ты, братец!

— Видимо, так. Послушай, я тебе заплачу за угощение, как только что-нибудь заработаю.

— Не беспокойся, — сказал бармен. — Иди-ка лучше домой и выспись. У тебя была тяжелая ночь.

Гудмэн доплелся до отеля и заснул, как только голова его коснулась подушки.

...На следующее утро, придя на завод домашних роботов, он мужественно принялся за решение проблемы разусовершенствования автоматов. И даже в таких труднейших условиях природная земная смекалка не подвела.

Гудмэн получил новый вид пластмассы для корпуса робота. Это была силиконовая пластмасса группы, родственной упругому детскому пластилину, появившемуся на Земле очень давно. Новая пластмасса отличалась необходимой степенью прочности, гибкости и стойкости; она могла выдержать значительные перегрузки. В то же время от удара ногой силой тридцать фунтов или более корпус робота внезапно со страшным треском раскалывался.

Директор похвалил Гудмэна за изобретение, выдал ему премию (которая была очень кстати), посоветовал разрабатывать идею дальше и, если возможно, довести минимальное усилие до двадцати трех фунтов. В отделе научных исследований считали, что такова сила среднего удара раздосадованного человека.

Он был так занят, что практически некогда было продолжать изучение нравов и обычаев планеты Транай. Ему довелось, правда, побывать в так называемой Гражданской приемной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом здании на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидал большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане путем нажатия кнопки выражают свое неодобрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося.

Безусловно, несовершеннолетним нажимать кнопки не разрешалось.

Такая система показалась Гудмэну довольно бесполезной; возможно, правда, сказал он себе, чиновники на Транае движимы иными стимулами, чем на Земле.

Он встречался с Жанной почти каждый вечер, и вдвоем они обследовали много аспектов культурной жизни планеты: бары и кинотеатры, концертные залы, научный музей, ярмарки и карнавалы. Гудмэн носил с собой лучевой пистолет, и после нескольких неудачных попыток ограбил одного торговца на сумму в пятьсот дигло.

Как любая разумная транайская девушка, Жанна восторженно приветствовала это его достижение, и они отпраздновали событие в баре «Китти Кэт».

На следующий вечер эти пятьсот дигло плюс остаток премии были украдены у Гудмэна незнакомцем, очень похожим

ростом и сложением на бармена из «Китти Кэт»; незнакомец орудовал древним лучевым пистолетом системы «Дрог-3».

Гудмэн успокоил себя мыслью о том, что это способствует свободной циркуляции денег, чего и требует жизненный уклад планеты.

Вскоре он одержал еще одну производственную победу. На заводе домашних роботов он создал радикально новую технологию производства корпуса. Ему удалось найти новый вид пластмассы, стойкой к сильным ударам и падениям. Владелец робота должен был носить специальные ботинки с каталитическим веществом в каблуках. При ударе робота ногой катализатор вступал в контакт с корпусом автомата, и немедленно следовал результат.

Директор Аббаг вначале колебался: фокус показался ему слишком сложным. Однако новинка так быстро завоевала признание покупателей, что завод домашних роботов открыл обувной цех и начал продавать пару специальной обуви с каждым роботом.

Проникновение компании в другие отрасли было расценено пайщиками как более важное, чем изобретение каталитической пластмассы. Гудмэну повысили зарплату и выдали крупную премию.

Находясь на гребне этой волны успеха, он сделал Жанне предложение и получил в ответ немедленное «да». Родители благословили брак; оставалось лишь получить официальное разрешение властей, так как Гудмэн пока формально считался иностранцем.

Он отпросился с работы и пошел пешком до Идриг-Билдинга повидаться с Мелитом. Стояла чудесная весенняя погода, какая на Транае бывает десять месяцев в году, и Гудмэн шел быстро и легко. Он был влюблен, успешно работал и скоро собирался получить транайское гражданство.

Вне сомнения, даже Транай не идеал, и здешняя Утопия нуждается в ряде усовершенствований. Может быть, ему следует согласиться принять на себя обязанности Верховного Президента для осуществления необходимых реформ. Но спешить пока не стоит...

— Эй, мистер, — прервал его раздумье чей-то голос. — Подайте хотя бы дигло.

Гудмэн наклонился и увидел сидящего на корточках, одетого в лохмотья, немытого старика с оловянной кружкой в руке.

— Что такое? — переспросил Гудмэн.

— Брат, подайте хотя бы дигло, — жалобным тоном пропел старик. — Помогите бедному человеку купить чашку огло. Два дня не ел, мистер.

— Стыдно! Почему бы вам не взять пистолет и не пойти грабить?

— Я слишком стар, — заскулил старик. — Мои жертвы надо мной смеются.

— Может быть, вы просто ленивы? — строго спросил Гудмэн.

— О нет, сэр, — сказал нищий. — Посмотрите, как у меня трясутся руки.

Он вытянул перед собой дрожащие грязные руки. Гудмэн вытащил бумажник и протянул старику один дигло.

— Я думал, на Транае не существует нищеты. Насколько я слышал, правительство заботится о престарелых.

— Да, правительство заботится о них, — сказал старик. — Смотрите. — Он протянул кружку. На ней была выгравирована надпись: «Официальный государственный нищий, номер DR-43241-3».

— Вы хотите сказать, что государство заставляет вас этим заниматься?

— Государство разрешает мне этим заниматься, — подчеркнул старик. — Попрошайничество — государственная служба, и оно резервируется за престарелыми и инвалидами.

— Это позор!

— Вы, верно, нездешний.

— Я с Земли.

— А, как же, как же! Такое нервное, беспокойное место, не так ли?

— Наше правительство не допускает попрошайничества, — сказал Гудмэн.

— Нет? А что делают старики? Сидят на шее своих детей? Или ждут конца в доме для престарелых? Здесь такого не бывает, молодой человек. На Транае каждому старику государство обеспечивает работу, не требующую особой квалификации, хотя иметь ее неплохо. Некоторые выбирают работу в помещении, в церквах или театрах. Других влечет беззаботная обстановка ярмарок и гуляний. Лично мне нравится работать на улице. Такая работа позволяет бывать на солнце и свежем воздухе, много двигаться и встречать необычных и интересных людей, как, например, вы.

— Но как можно попрошайничать?

— А что еще я могу делать?

— Не знаю. Но... посмотрите на себя! Грязный, немытый, в засаленной одежде...

— Это моя рабочая одежда, — обиделся государственный нищий. — Посмотрели бы вы на меня в воскресенье!

— У вас есть другая одежда?

— А как же? Да еще и симпатичная квартирка, ложа в опере, два домашних робота и больше денег в банке, чем вам когда-

нибудь доводилось видеть. Приятно было с вами побеседовать, молодой человек, и спасибо за ваше пожертвование. Однако пора за работу, что я и вам советую сделать.

Гудмэн пошел дальше, бросив последний взгляд на государственного нищего. Тот, казалось, преуспевал.

Но как можно попрошайничать?

Совершенно необходимо покончить с такой практикой. Если он согласится стать Президентом (а очевидно, это придется сделать), он поглубже разберется в этом вопросе.

В Идриг-Билдинге Гудмэн рассказал Мелиту о своих матримониальных планах.

Министр по делам иноземцев обрадовался.

— Чудесно, просто чудесно, — сказал он. — Я хорошо знаю семью Влэй. Прекрасные люди. А Жанна такая девушка, которой гордился бы любой мужчина.

— Какие юридические формальности мне предстоит выполнить? — спросил Гудмэн. — Как-никак я ведь чужеземец и все такое...

— Никаких. Ничего не нужно. Я решил, что обойдемся без формальностей. Если вы хотите стать гражданином Траная, достаточно вашего устного заявления. Можете остаться гражданином Земли, и никто на это не обидится. Можете иметь двойное гражданство — Траная и одновременно Земли. Была бы согласна Земля, а у нас, безусловно, возражений нет.

— Я хотел бы стать гражданином Траная, — сказал Гудмэн.

— Как вам угодно. Но если вы намерены стать Президентом, то можно занимать этот пост, оставаясь гражданином Земли. Мы не щепетильны в подобных вопросах. Кстати, одним из наших лучших Верховных Президентов был ящероподобный парень с планеты Акварелла-XI.

— Что за просвещенный подход!

— Ничего особенного. Равные возможности для всех — таков наш девиз. Теперь о вашей женитьбе: любой государственный служащий может оформить брак. Верховный Президент Берг будет счастлив обручить вас сегодня же во второй половине дня, если хотите. — Мелит подмигнул.— Старый чудак любит целовать невест. Но мне кажется, вы ему действительно нравитесь.

— Сегодня? — воскликнул Гудмэн. — Пожалуй, мне действительно хотелось бы жениться сегодня, если Жанна согласится.

— Ну конечно, согласится, — заверил его Мелит. — А где вы собираетесь жить после медового месяца? Номер в гостинице едва ли подходит. — Он задумался на мгновение. — Вот что я вам скажу: есть у меня небольшой дом за городом. Почему бы

вам временно не пожить там, пока не подыщете чего-нибудь получше? Или оставайтесь в нем навсегда, если понравится.

— Вы слишком щедры... — запротестовал Гудмэн.

— Пустяки. А у вас не возникало желания стать министром по делам иноземцев? Эта работа вам может понравиться. Никакой канцелярщины, сокращенный рабочей день, хорошая зарплата. Нет? Подумываете о президентском посте? Не могу винить.

Мелит пошарил в карманах и вынул два ключа.

— Вот этот от парадного входа, а другой — от черного. Адрес выгравирован на ключах. Дом полностью меблирован и оборудован всем необходимым, в том числе новым дерсин-генератором.

— Дерсин-генератором?

— Конечно. На Транае ни один дом не считается готовым без дерсин-генератора.

Откашлявшись, Гудмэн осторожно сказал:

— Я давно собирался у вас спросить, для какой цели используется стасис-поле?

— Чтобы держать в нем жену, — ответил Мелит. — Я думал, это вам известно.

— Да, — сказал Гудмэн. — Но почему?

— Почему? — Мелит нахмурил лоб. Очевидно, подобный вопрос никогда не приходил ему в голову. — Почему мы вообще что-то делаем? Очень просто — таков обычай. И притом весьма логичный. Кому это понравится, чтобы женщина была все время рядом и болтала языком и днем и ночью?

Гудмэн покраснел. С момента своей встречи с Жанной он постоянно думал о том, как было бы хорошо, если бы она всегда была рядом, и днем и ночью.

— По-моему, это не очень-то справедливо по отношению к женщинам, — заметил Гудмэн.

Мелит засмеялся.

— Дорогой друг, вы, я вижу, проповедуете доктрину равенства полов? Так ведь это же полностью развенчанная теория. Мужчины и женщины просто не одно и то же. Что бы там вам ни твердили на Земле, они отличаются друг от друга. Что хорошо для мужчины, не обязательно и далеко не всегда хорошо для женщины.

— Поэтому вы относитесь к ним, как к низшим существам, — сказал Гудмэн, реформистская кровь которого начала бурлить.

— Ничего подобного. Мы относимся к ним иначе, чем к мужчинам, но не как к низшим существам. Во всяком случае, они не возражают.

— Только потому, что лучшего им не дано было узнать.

Есть ли закон, требующий, чтобы я держал свою жену в дерсин-поле?

— Конечно нет. Просто, согласно обычаю, каждую неделю в течение некоторого минимального времени вы должны разрешать жене находиться вне стасиса. Нехорошо держать бедную женщину в полном заточении.

— Конечно нет, — саркастически заметил Гудмэн. — Надо же ей какое-то время позволять жить.

— Совершенно верно, — сказал Мелит, не заметив сарказма. — Вы быстро все усвоите.

Гудмэн встал.

— Это все?

— Думаю, что да. Желаю удачи и всего прочего.

— Благодарю вас, — сухо ответил Гудмэн, резко повернулся и вышел из кабинета.

После полудня в Национальном дворце Верховный Президент Берг совершил несложный транайский обряд бракосочетания, а затем пылко поцеловал невесту. Церемония была прекрасной, но ее омрачала одна деталь.

На стене кабинета Берга висела винтовка с телескопическим прицелом и глушителем — точная копия винтовки Мелита. Назначение ее в равной мере было непонятно.

Берг отвел Гудмэна в сторону и спросил:

— Ну как, подумали вы над моим предложением о президентстве?

— Я все еще его обдумываю, — сказал Гудмэн. — По правде говоря, мне не хочется занимать государственный пост...

— Никому не хочется.

— ...но Транай остро нуждается в ряде реформ. Мне думается, что мой долг — привлечь к ним внимание населения.

— Вот это правильный подход, — одобрительно сказал Берг. — У нас уже давно не было по-настоящему предприимчивого Верховного Президента. Почему бы вам не занять этот пост прямо сейчас? Тогда вы смогли бы провести медовый месяц в Национальном дворце в полном уединении.

Искушение было велико. Но Гудмэн не хотел связывать себя дополнительными обязанностями во время медового месяца, к тому же пост был у него в кармане. Раз Транай существовал в своем нынешнем почти утопическом состоянии уже немало лет, то, без сомнения, продержится несколько недель.

— Я приму решение, когда вернусь, — ответил Гудмэн.

Берг пожал плечами.

— Ну что ж, полагаю, что смогу выдержать это бремя еще немного. Да, чуть не забыл.

Он протянул Гудмэну запечатанный конверт.

— Что это?

— Всего лишь стандартный совет, — сказал Берг. — Торопитесь, ваша невеста ждет!

— Скорее, Марвин! — окликнула его Жанна. — Опоздаем на космолет!

Гудмэн поспешил за ней в лимузин.

— Всего наилучшего! — закричали родители.

— Всего наилучшего! — крикнул Берг.

— Всего наилучшего! — добавили Мелит с женой и все остальные гости.

На пути в космодром Гудмэн вскрыл конверт и прочел находившийся в нем листок.

СОВЕТ МОЛОДОМУ МУЖУ

Вы только что вступили в брак и ожидаете, естественно, жизнь, полную супружеского блаженства. И это совершенно правильно, ибо счастливый брак — основа здорового государства. Но одного желания недостаточно. От вас требуется нечто большее. Хороший брак не даруется свыше. Необходимо бороться за то, чтобы он был успешным!

Помните, ваша жена — это живое существо. Ей необходимо предоставить определенную степень свободы, так как это ее неотъемлемое право. Мы предлагаем, чтобы вы выпускали ее из стасис-поля по меньшей мере раз в неделю. Длительное пребывание в стасисе плохо скажется на ее координации, нанесет ущерб цвету лица, а от этого проиграете и вы, и она.

Во время каникул и праздников целесообразно выпускать жену из стасис-поля на целый день или даже на два-три дня подряд.

Вреда это не причинит, а новизна впечатлений исключительно благотворно скажется на ее настроении.

Руководствуйтесь этими правилами, основанными на здравом смысле, и вы обеспечите себе счастливую брачную жизнь.

Правительственный Совет
по Бракосочетаниям

Гудмэн медленно порвал листок на мелкие клочки и швырнул их на пол лимузина. Его реформистская душа пылала. Он знал, что Транай слишком хорош, чтобы быть справедливым ко всем. Кто-то должен расплачиваться за совершенство. В данном случае расплачивались женщины.

Это был первый серьезный изъян, который он обнаружил в раю.

— Дорогой, что это было? — спросила Жанна, глядя на клочки бумаги.

— Глупейшие советы, — ответил Гудмэн. — Милая, ты когда-нибудь серьезно задумывалась над брачными обычаями вашей планеты?

— Нет. А что, разве они плохие?

— Они неправильные, совершенно неправильные. Здесь с женщинами обращаются, как с игрушками, как с куклами, которых прячут, наигравшись. Неужели ты этого не видишь?

— Я никогда об этом не думала.

— Теперь ты сможешь над этим подумать, — заявил Гудмэн. — Многое скоро переменится, и эти перемены начнутся в нашем доме.

— Тебе лучше знать, дорогой, — послушно сказала Жанна. Она пожала ему руку. Он поцеловал ее.

Лимузин подъехал к космодрому, и они поднялись в космолет.

Медовый месяц на Доэ был похож на краткое путешествие в безупречный рай. Прелести этой маленькой транайской луны были созданы для влюбленных, и только для них одних. Бизнесмены не приезжали сюда для кратковременного отдыха, хищные холостяки не рыскали по тропинкам. Все усталые и разочарованные искатели мимолетных встреч должны были охотиться в других местах. Единственное правило на Доэ, которое строго соблюдалось, состояло в том, что сюда допускались лишь парочки, веселые и влюбленные, всем другим путь был закрыт.

Этот транайский обычай Гудмэн оценил сразу. На маленькой планете было полно лужаек с высокой травой и густых зеленых рощиц для прогулок; в лесных чащах мерцали прохладные темные озера, а зубчатые высокие горы манили наверх. Влюбленные, к их великому удовольствию, постоянно терялись в лесах, но заблудиться по-настоящему было невозможно, так как всю планету можно было обойти за день. Благодаря слабому притяжению никто не мог утонуть в темных озерах, а падение с горы, хотя и вселяло страх, едва ли было опасным.

В укромных местечках находились маленькие отели. В барах хозяйничали приветливые седовласые бармены и царил полумрак. Были там мрачные пещеры, которые вели глубоко (но не очень глубоко) вниз, в фосфоресцирующие подземные залы с мерцающим льдом, где лениво текли подземные реки, в которых плавали огромные светящиеся рыбы с огненно-красными глазами.

Правительственный Совет по Бракосочетаниям находил эти бесхитростные аттракционы достаточными и не утруждал себя строительством бассейнов для плавания, полей для гольфа,

теннисных кортов и дорожек для верховой езды. Считалось, что, как только у влюбленной парочки возникает потребность в подобных вещах, медовый месяц должен заканчиваться.

Гудмэн и его жена провели чудесную неделю на Доэ и наконец вернулись на Транай.

После того как Гудмэн внес жену на руках через порог своего нового дома, он первым делом отключил генератор дерсин-поля.

— Дорогая, — сказался, — до сих пор я соблюдал все обычаи Траная, даже если они казались мне смехотворными. Но с подобным обычаем я мириться не могу. На Земле я был основателем «Комитета равных возможностей для женщин». На Земле мы относимся к женщинам как к равным, как к товарищам, как к партнерам в радостях и трудностях жизни.

— Что за странные идеи, — сказала Жанна, нахмурив красивое лицо.

— Подумай, — настаивал Гудмэн. — В этом случае наша жизнь будет гораздо полнее и счастливее, чем если бы я заточил тебя в гарем дерсин-поля. Неужели ты не согласна?

— Ты знаешь намного больше меня, милый. Ты объехал всю Галактику, а я никогда не покидала Порт Транай. Раз ты говоришь, что так лучше, значит, так и есть.

«Вне всякого сомнения, — подумал Гудмэн, — она самая совершенная из женщин».

Он вернулся на завод домашних роботов фирмы «Аббаг» и вскоре с головой погрузился в новый проект разусовершенствования. На этот раз его осенила блестящая идея: заставить суставы робота скрипеть и пищать. Шум повысит раздражающие свойства робота и тем самым сделает его уничтожение более приятным и более ценным психологически.

Мистер Аббаг пришел в восхищение от идеи, вновь повысил ему зарплату и попросил подготовить новое разусовершенствование к быстрейшему внедрению в производство.

Первоначально Гудмэн намеревался просто удалить некоторые из маслопроводов. Но оказалось, что трение ведет к слишком быстрому износу важных деталей. Естественно, этого допустить было нельзя.

Он начал работать над схемой вмонтированного приспособления, которое издавало бы писк и скрип. Шум должен был быть совершенно натуральным, а само приспособление недорогим, не ведущим к износу робота, а главное — небольших габаритов, так как корпус робота уже был до предела начинен разусовершенствованиями.

Однако Гудмэн обнаружил, что небольшие приспособления пищали как-то неестественно, а более крупные приборы либо были чересчур дороги, либо не умещались в корпусе. Он начал задерживаться на работе по вечерам, похудел и стал раздражительным.

Жанна была хорошей, надежной женой. Она вовремя готовила завтраки, обеды и ужины, вечером была неизменно приветлива и с сочувствием выслушивала рассказы Гудмэна о его трудностях на работе. Днем она следила за тем, как роботы убирают дом. На это уходило меньше часа, а затем она читала книги, пекла пироги, вязала и уничтожала роботов — иногда трех, а иногда четырех в неделю.

Гудмэна это немного тревожило. Однако у каждого должно быть свое хобби, и он мог позволить себе баловать ее, поскольку роботов он получал с завода со скидкой.

Гудмэн зашел в тупик в своих исследованиях, когда другой изобретатель, некий Дат Херго, придумал новую систему контроля за движениями робота. Она основывалась на принципе контргироскопа и позволяла роботу входить в комнату с креном в 10 градусов. (Отдел исследований установил, что вызывающий наибольшее раздражение крен, допустимый для роботов, равен 10 градусам.) Более того, особое кибернетическое устройство заставляло робота время от времени шататься, как пьяного — робот ничего не ронял, но создавал неприятное впечатление, что вот-вот уронит.

Это изобретение, разумеется, приветствовали как значительный шаг вперед в технике разусовершенствования. Гудмэну удалось вмонтировать свой узел писка и скрипа прямо в центр кибернетической контрольной системы. Научно-технические журналы упомянули его имя рядом с именем Дат Херго.

Новая модель домашних роботов произвела сенсацию.

Настал час, когда Гудмэн решил оставить работу и взять на себя обязанности Верховного Президента Траная. Он чувствовал, что это его долг перед транайцами. Если изобретательность и знания землянина помогли улучшить разусовершенствование, они дадут еще больший эффект в улучшении совершенства. Транай был близок к Утопии. Когда он возьмет штурвал в свои руки, планета сможет пройти последний отрезок пути к совершенству.

Он пошел обсудить это с Мелитом.

— На мой взгляд, всегда можно что-то изменить, — глубокомысленно изрек Мелит. Министр по делам иноземцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих. — Правда, наша нынешняя

система существует уже немало лет и дает отличные результаты. Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

— Потому что вы ее узаконили, — заявил Гудмэн. — Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

— У нас другой подход. Нет нищеты...

— Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошаек. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

— Пожалуй, — сказал Мелит. — Но, на мой взгляд... — он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку. — Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шел человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушенный щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

— Зачем вы это сделали? — выдавил из себя изумленный Гудмэн.

— Потенциальный убийца, — ответил Мелит.

— Что?

— Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.

— Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

— Убил пятерых, — заявил Мелит.

— Но... черт вас побери, это же несправедливо! Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

— А как я мог это сделать? — спросил несколько раздосадованный Мелит. — У нас нет полиции, чтобы арестовывать людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать людей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг — защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навел справки.

— Но это несправедливо! — закричал Гудмэн.

— А кто сказал, что справедливо? — заорал, в свою очередь, Мелит. — Какое отношение справедливость имеет к Утопии?

— Прямое! — Усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться. — Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

— Громкие слова, — сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой. — Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

— Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

— Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью, — упрямо отстаивал свои доводы Мелит. — И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы ее ликвидируем простым и быстрым способом.

— А если вы убьете невинного?

— Мы не можем убить невинного. Это исключено.

— Почему исключено?

— Потому что, согласно определению и неписаным законам, каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

— Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

— Да, — бросил Мелит. — Но не так много, как вы себе представляете.

Гудмэн иронически улыбнулся.

— А я еще могу стать Верховным Президентом, если захочу?

— Конечно. И без всяких условий. Хотите?

Гудмэн на минуту задумался. Действительно ли он хотел этого? Но кто-то должен править. Кто-то должен защищать народ. Кто-то должен провести несколько реформ в этом утопическом сумасшедшем доме.

— Да, хочу, — проговорил Гудмэн.

Дверь распахнулась, и Верховный Президент Берг ворвался в кабинет.

— Чудесно, чудесно! Вы можете перебраться в Национальный дворец сегодня же. Я уложил свои вещи неделю назад в ожидании вашего решения.

— Очевидно, предстоит выполнить какие-то формальности...

— Никаких формальностей, — ответил Берг. Лицо его лоснилось от пота. — Абсолютно никаких. Я просто передам вам президентский медальон, затем пойду вычеркну свое имя из списков и впишу ваше.

Гудмэн бросил взгляд на Мелита. Круглое лицо министра по делам иноземцев было непроницаемым.

— Я согласен, — сказал Гудмэн.

Берг взялся рукой за президентский медальон и начал снимать его с шеи.

Внезапно медальон взорвался.

Гудмэн с ужасом уставился на окровавленное месиво, кото-

рое только что было головой Берга. Какое-то мгновение Верховный Президент держался на ногах, затем покачнулся и сполз на пол.

Мелит стащил с себя пиджак и набросил его на голову Берга. Гудмэн попятился и тяжело опустился в кресло. Губы его шевелились, но дар речи покинул его.

— Какая жалость, — заговорил Мелит. — Ему так немного осталось до конца срока президентства. Я его предупреждал против выдачи лицензии на строительство нового космодрома. Граждане этого не одобрят, говорил я ему. Но он был уверен, что они хотят иметь два космодрома. Что ж, он ошибся.

— Вы имеете в виду... я хочу... как... что...

— Все государственные служащие, — объяснил Мелит, — носят медальон — символ власти, начиненный определенным количеством тесснума — взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио из Гражданской приемной. Каждый гражданин имеет доступ в Приемную, если желает выразить недовольство деятельностью правительства. — Мелит вздохнул. — Это навсегда останется черным пятном в биографии бедняги Берга.

— Вы позволяете людям выражать свое недовольство, взрывая чиновников? — простонал испуганный Гудмэн.

— Единственный метод, который эффективен, — возразил Мелит. — Контроль и баланс. Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа.

— Так вот почему он хотел, чтобы я занял его пост. Почему же мне никто этого не сказал?

— Вы не спрашивали, — сказал Мелит с еле заметной улыбкой. — Почему у вас такой перепуганный вид? Вы же знаете, что политическое убийство возможно на любой планете при любом правительстве. Мы стараемся сделать его конструктивным. При нашей системе народ никогда не теряет контакта с правительством, а правительство никогда не пытается присвоить себе диктаторские права. Каждый знает, что может прибегнуть к Гражданской приемной, но вы удивитесь, если узнаете, как редко ею пользуются. Конечно, всегда найдутся горячие головы...

Гудмэн поднялся и направился к двери, стараясь не глядеть на труп Берга.

— Разве вы уже не хотите стать Президентом? — спросил Мелит.

— Нет!

— Как это похоже на вас, землян, — грустно заметил Мелит. — Вы хотите обладать властью при условии, что она не влечет за собой никакого риска. Неправильное отношение к государственной деятельности.

— Может быть, вы и правы, — сказал Гудмэн. — Я просто счастлив, что вовремя об этом узнал.

Он поспешил домой.

В голове у него царил кавардак, когда он открыл входную дверь. Что же такое Транай — Утопия? Или вся планета — гигантский дом для умалишенных? А велика ли разница?

Впервые за свою жизнь Гудмэн задумался над тем, стоит ли добиваться Утопии. Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам? Если справедливость — это заблуждение, может быть, заблуждение лучше, чем истина?

А может, наоборот? Запутавшись в своих мыслях, расстроенный Гудмэн устало вошел в комнату и застал жену в объятиях другого мужчины.

В его глазах сцена запечатлелась необычайно четко, как при замедленной съемке. Казалось, Жанне потребовалась целая вечность, чтобы подняться, привести в порядок платье и уставиться на него с широко раскрытым ртом. Мужчина — высокий красивый парень, совершенно незнакомый Гудмэну, — от изумления потерял дар речи. Он беспорядочными движениями приглаживал лацканы пиджака, поправлял манжеты.

Затем он неуверенно улыбнулся.

— Ну и ну! — сказал Гудмэн. В данной ситуации такое выражение было слабоватым, но результат был достигнут. Жанна заплакала.

— Виноват, — пробормотал незнакомец. — Не ожидал, что вы так рано вернетесь домой. Для вас это должно быть ударом. Я ужасно сожалею.

Единственно, чего Гудмэн не ждал и не хотел, — это сочувствия со стороны любовника своей жены. Не обращая внимания на мужчину, он в упор глядел на плачущую Жанну.

— А ты что думал? — внезапно завопила Жанна. — Я была вынуждена! Ты меня не любил!

— Не любил тебя? Как ты можешь так говорить?

— Из-за твоего отношения ко мне.

— Я очень тебя любил, Жанна, — тихо сказал Гудмэн.

— Неправда! — взвизгнула она, откинув назад голову. — Только посмотри, как ты со мной обращался. Держал меня в доме целыми днями, каждый день заставлял заниматься домашним хозяйством, стряпать, просто сидеть без дела. Марвин, я физически ощущала, что старею. Изо дня в день все те же нудные, глупые, будничные дела. И в большинстве случаев ты возвращался домой слишком усталым и даже не замечал меня. Ни

о чем не мог говорить, кроме своих дурацких роботов! Ты растрачивал мою жизнь, Марвин, растрачивал.

Внезапно Гудмэну пришла в голову мысль, что его жена потеряла рассудок.

— Жанна, — заговорил он нежно, — такова жизнь. Муж и жена вступают в дружеский союз. Они стареют вместе, рядом друг с другом. Жизнь не может состоять из одних радостей...

— Нет, может! Постарайся понять, Марвин, здесь, на Транае, это возможно — для женщины!

— Невозможно, — возразил Гудмэн.

— На Транае женщину ожидает жизнь, полная наслаждений и удовольствий. Это ее право, так же как у мужчин есть свои права. Она ждет, что выйдет из стасиса и ее поведут в гости, пригласят на коктейль, возьмут на прогулку под луной, в бассейн или кино. — Она снова зарыдала. — Но ты хитрый. Тебе надо было все переделать. Как глупо я поступила, доверившись землянину. Я знаю, Марвин, ты не виноват, что ты чужеземец. Но я хочу, чтобы ты понял. Любовь — это еще не все. Женщина должна быть также практичной. При таком положении вещей я стала бы старухой, тогда как мои друзья были бы все еще молодыми.

— Все еще молодыми, — тупо повторил Гудмэн.

— Разумеется, — сказал мужчина. — В дерсин-поле женщина не стареет.

— Но это же отвратительно! — воскликнул Гудмэн. — Я состарюсь, а моя жена все еще будет молодой.

— Именно тогда ты и будешь ценить молодых женщин, — сказала Жанна.

— А как насчет тебя? — спросил Гудмэн. — Ты стала бы ценить пожилого мужчину?

— Он все еще не понял, — заметил незнакомец.

— Марвин, подумай. Неужели тебе еще не ясно? Всю твою жизнь у тебя будет молодая и красивая женщина, чье единственное желание — доставлять тебе удовольствие. А когда ты умрешь — что ты удивляешься, милый, все мы смертны, — когда ты умрешь, я все еще буду молода и по закону унаследую все твои деньги.

— Начинаю понимать, — вымолвил Гудмэн. — Еще один аспект транайской жизни — богатая молодая вдова, живущая в свое удовольствие.

— Естественно. Так лучше для всех. Мужчина имеет молодую жену, которую он видит только тогда, когда захочет. Он пользуется полной свободой, у него к тому же уютный дом. Женщина избавлена от всех неприятностей будничного быта, хорошо обеспечена и может еще насладиться жизнью.

— Ты должна была мне об этом рассказать, — жалобно сказал Гудмэн.

— Я думала, ты знаешь, — ответила Жанна, — раз ты считал, что твой метод лучше. Но я вижу, что ты все равно бы не понял. Ты такой наивный — хотя должна признаться, что это одна из твоих привлекательных черт. — Она грустно улыбнулась. — Кроме того, если бы я тебе все рассказала, я никогда бы не встретила Рондо.

Незнакомец слегка поклонился.

— Я принес образцы кондитерских изделий фирмы Греа. Можете представить мое изумление, когда я нашел эту прелестную молодую женщину вне стасиса. Все равно как если бы сказка стала былью. Никогда не ждешь, что грезы сбудутся, поэтому вы должны признать, что в этом есть особая прелесть.

— Ты любишь его? — мрачно спросил Гудмэн.

— Да, — сказала Жанна. — Рондо заботится обо мне. Он собирается держать меня в стасис-поле достаточно долго, чтобы компенсировать потерянное мною время. Это жертва со стороны Рондо, но у него добрая душа.

— Если так обстоят дела, — сухо сказал Гудмэн, — я, конечно, вам мешать не буду. В конце концов, я цивилизованный человек. Я даю тебе развод.

Он скрестил руки на груди, смутно сознавая, что его решение вызвано не столько благородством, сколько внезапным острым отвращением ко всему транайскому.

— У нас на Транае нет разводов, — сказал Рондо.

— Нет? — Гудмэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

В руке Рондо появился пистолет.

— Подумайте, сколько было бы неприятностей, если бы люди вечно обменивались партнерами по браку. Есть лишь один способ изменить супружеское состояние.

— Но это же гнусно! — выпалил Гудмэн, пятясь назад. — Это просто неприлично!

— Вовсе нет, если только супруга этого желает. Между прочим, еще одна отличная причина для того, чтобы держать жену в стасисе. Ты мне разрешаешь, дорогая?

— Да. Прости меня, Марвин, — сказала Жанна и зажмурила глаза.

Рондо поднял пистолет. В ту же секунду Гудмэн нырнул головой вперед в ближайшее окно. Луч из пистолета Рондо сверкнул над ним.

— Послушайте! — закричал Рондо. — Будьте мужчиной! Где же ваша храбрость?

Гудмэн больно ударился плечом при падении. Он мигом вскочил и пустился наутек. Второй выстрел Рондо обжег ему

руку. Он юркнул за дом и на минуту оказался в безопасности. И не стал тратить время, чтобы обдумать случившееся, а изо всех сил побежал к космодрому.

К счастью, на взлетной площадке стояла ракета, которая доставила его на г...Мори. Оттуда он послал радиограмму в Порт Транай с просьбой выслать принадлежащие ему деньги и купил билет на Хигастомеритрейю, где его арестовали, приняв за шпиона с планеты Динг. Дингане — амфибийная раса, и Гудмен едва не утонул, прежде чем доказал, ко всеобщему удовольствию, что может дышать лишь воздухом.

Беспилотная грузовая ракета перевезла его мимо планет Севес, Олго и Ми на двойную планету Мванти. Он нанял частного летчика, и тот доставил его на Белисморанти, где начиналась сфера влияния Земли. Оттуда на космическом лайнере местной компании он пролетел сквозь Галактический вихрь и, сделав остановки на планетах Ойстер, Лекунг, Панканг, Инчанг и Мачанг, прибыл на Тунг-Брадар-IV.

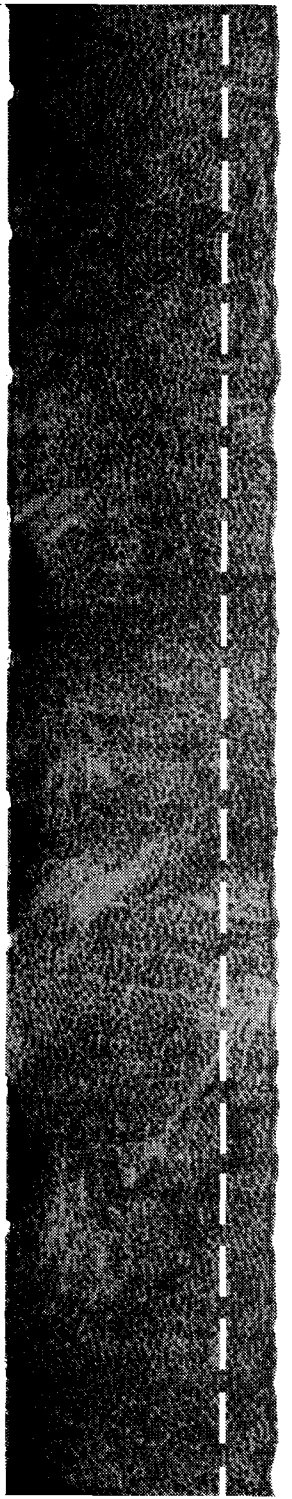
Деньги у него к этому времени кончились, но, если исходить из астрономических расстояний, он практически был уже на Земле. Ему удалось заработать на билет на Оуме, а с Оуме перебраться на Легис-II. Там Общество содействия межзвездным путешественникам помогло ему получить место на корабле, на котором он вернулся на Землю.

Гудмэн осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чем не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикиркской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дому.

Вместе со старым капитаном Сэвиджем он частенько навещает «Лунный бар» Эдди. Там они пьют «Особый транайский» и беседуют о благословенной планете Транай, где люди познали смысл существования и обрели наконец истинную свободу. В таких случаях Гудмэн жалуется на легкий приступ космической лихорадки, из-за которой он никогда не сможет вновь отправиться в космос, не сможет вернуться на Транай.

Недостатка в восхищенных слушателях в такие вечера не бывает.

Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил «Сикиркскую лигу за лишение женщин избирательных прав». Они единственные члены этой лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?

ЖАР ЧУЖИХ ЗВЕЗД

П. Лукас — с уважением
и признательностью за помощь
в разработке сюжета

ПРОЛОГ

Сальваторе остановился перед пультом управления космического корабля, потянулся и зевнул.

— Устали, босс? — поинтересовался Тома, его робот-паук.

— Просто скучаю, Тома. Я просто скучаю.

Сальваторе присоединился к Звездному рою ради жизни, полной приключений и опасностей. И его — увы! — не предупредили, что ему не миновать длительных периодов ожидания, которые станут настоящим испытанием для его терпения. Разве можно требовать от шестнадцатилетнего командора, чтобы он просто сидел и бездельничал? Сальваторе щелкнул тумблером. Небо вспорол яркий луч света.

— Босс! Вы так можете взорвать какой-нибудь корабль, принадлежащий Стагме II, и разориться!

— Я кисну от безделья, Тома. Мне всего-то и надо, что разнести в клочья пару кораблей или, может, ограбить планету-другую.

— Я бы на вашем месте поберег энергию, — заметил Тома. — Вы же сами знаете, что в здешних краях затишье долгим не бывает.

Глава 1

Сальваторе мрачно расхаживал по коврам, устилавшим полы под огромными выпуклыми иллюминаторами линкора «Эндимион». В иллюминаторы открывалось восхитительное зрелище: сектор Семирамиды с расстояния в 1,3 световых года. Сектор Семирамиды располагался неподалеку от ядра Галактики, и потому небо было усеяно миллионами сияющих огоньков, оттенки которых менялись от бледно-фиолетового до яростно-алого. В другое время душа шестнадцатилетнего командора затрепетала бы от такого зрелища, но сейчас Сальваторе было не до него.

Командор высматривал, не возвращается ли его отряд, хотя и знал, что радар заметит их гораздо раньше, чем человеческие глаза, и сразу подаст сигнал.

— Их еще не видно? — спросил командор у своего помощника Тома, робота-паука. Тома сидел в другом углу командирской рубки и старательно таращился в экран радара.

— Вы же знаете, что я сообщу вам о сигнале сразу же, как только замечу его, — ответил маленький робот. — Успокойтесь, босс. Вы и сами знаете, что с ними все в порядке.

— Ты лучше за экраном следи, — огрызнулся Сальваторе.

Робот-паук взмахнул двумя щупальцами в забавном жесте, который служил у него эквивалентом кивка. Формой и размерами тело робота больше всего напоминало алюминиевый бочонок для пива, только еще и скругленный с двух концов. Из тела робота выдвигалась дюжина щупалец, сделанных из гибкого серого металла. Впрочем, при необходимости Тома мог и увеличить их число.

Происхождение роботов-пауков было окутано покровом тайны. Они, как это видно из их имени, являлись гибридом обычного живого паука и обычного неживого робота, но возник этот гибрид неизвестным науке способом. Обычно роботы-пауки имели светло-серую или серовато-голубую окраску, но встречались и оранжевые экземпляры с голубыми щечками. Что означали эти различия в цвете — тоже никто толком не знал.

Люди впервые познакомились с роботами-пауками при исследовании планеты Стагма II. К моменту знакомства роботы-пауки создали вполне развитую машинную цивилизацию и лишь немного не доросли до космических полетов. Роботы-пауки охотно сотрудничали с другими разумными расами, и их часто брали в межзвездные путешествия в качестве помощников.

— Ну что, их нету? — спросил Сальваторе.

— Пока нет, босс. Да не волнуйтесь вы!

— Я не могу не волноваться! — снова огрызнулся Сальваторе. — Часть моих людей — новички в космических конфликтах. Хотя и непохоже, чтобы в этом бою они встретили серьезное сопротивление...

— А я о чем? — хмыкнул робот. — Босс, вы сами себе ответили.

— И все равно ничего никогда нельзя сказать заранее. Это нереально. Эх, нужно мне было пойти с ними!

Тома скрестил два щупальца в отрицательном жесте.

— Вы знаете правила. В вашем контракте с семейством Сфорца указано, что вы обязаны дать вашему отряду провести хотя бы одну операцию под командованием вашего заместителя, Дика Фогерти, чтобы можно было оценить его действия и решения и посмотреть, насколько он годится на роль лидера.

— Да знаю я, знаю, — отмахнулся Сальваторе. — Но, может, я напрасно послал их самостоятельно именно на Звездный Перевал?

— Это было лучшее, что могло подвернуться за ближайшие несколько месяцев, — назидательно сказал робот. — А если бы вы еще месяц не послали отряд на самостоятельное дело, вы бы нарушили условия контракта.

— И все равно мне нужно было пойти с ними!

— Босс, вы все сделали правильно. Ваши ребята вполне способны самостоятельно позаботиться о себе.

— Но, по сути, они еще мальчишки, — сказал Сальваторе, не замечая иронии ситуации: ведь это высказывание о мальчишках принадлежало человеку, который лишь недавно отпраздновал свой шестнадцатый день рождения.

— Это потому, что они принимают «Выбор незрелости», — заметил Тома. — Он незаменим для пилотов боевых кораблей. Он придает им мужество, стремительность и напор. Но кроме того, — уж простите за слово, — безрассудство.

Сальваторе покачал головой.

— Такой уж это странный мир — шестнадцатилетние командуют взрослыми. Впрочем, не я это придумал. Я знаю, что с ребятами все будет в порядке. Но где их черти носят?

* * *

Казалось, что это не закончится никогда. Сальваторе и робот сидели в темной командной рубке, наблюдали за стрелкой часов и ждали. Но в космосе ситуация зачастую изменяется очень быстро. Только что все шло, как обычно, все приборы работали в нормальном режиме, Сальваторе сидел в командирском кресле, нервничал, скучал, беспокоился о своих людях и попутно размышлял, где он проведет следующий год.

Секунду спустя на приборной доске вспыхнул огонек и включилась сирена. Это вполне могло быть ложной тревогой — с некоторых пор сигнализация «Эндимиона» иногда врубалась безо всякой разумной причины. Но на этот раз Сальваторе показалось, что в вое сирены прозвучали какие-то новые нотки. Сирена завывала как-то особенно энергично, и ее завывание сопровождалось скрежетом зуммера и миганием красного огонька.

— Это они! — вырвалось у Сальваторе.

Но робот бодро возразил:

— Нет, это не боевая группа.

— А кто это тогда?

— Не знаю. Но похоже, босс, у вас посетитель.

Гибкое щупальце робота указало на экран. Судя по изобра-

жению на экране радара, к «Эндимиону» на полной скорости приближался космический корабль неизвестного происхождения.

Момент был неподходящим для приема посетителей. Из всего экипажа на корабле присутствовали только его капитан и робот-паук. А вдруг гости агрессивно настроены?

Конечно, Сальваторе был не каким-нибудь пацаном сопливым. Он закончил общеобразовательный военный колледж по классу Боевого Органа и получил лицензию командора кондотьеров семьи Сфорца, кстати, первым среди своего выпуска. Невзирая на юный возраст, Сальваторе был крепким орешком и готов был встретить неприятности лицом к лицу.

В нынешние времена в секторе Семирамиды не было населенных планет, которые держали бы собственный космический военный флот. Бои происходили в основном между крупнейшими армиями кондотьеров. Они нанимались представлять какую-нибудь из конфликтующих сторон и сражались с другими отрядами, которые подписали контракт с их врагами. Чтобы хоть отчасти сдерживать их влияние, кондотьерам не позволяли жить на планетах, на которые они работали.

Эта система не была идеальной, но работала она неплохо. Сальваторе, как боевому офицеру, полагалось самостоятельно ориентироваться в текущих событиях. Правильные решения могли обеспечить разнообразные преимущества, а неправильные — повлечь за собой неприятные последствия, вплоть до привлечения к суду за предательство и казни. Достаточно часто казнь и судебное разбирательство менялись местами. Семейство Сфорца, как и другие кондотьерские семейства, не любило рисковать.

* * *

Сальваторе не потрудился включить Боевой Орган. Пускать его в ход ради одного корабля? Еще чего! Вместо этого он перевел тумблер лазерных пушек в положение «включено» и выпрямился в кресле. Для своих лет Сальваторе был достаточно рослым, но все же кресло пришлось в свое время приподнять, чтобы обеспечить командору лучший сектор обзора. Сальваторе поймал приближающуюся цель в перекрестье прицела. Над ним раскинулось одно из самых красивых созвездий сектора Семирамиды — созвездие Агамемнона.

В этой части Галактики боевые действия обычно шли достаточно активно. Говорят, именно здесь произошел Большой взрыв, давший начало бесконечному пути человеческой расы. Сектор Семирамиды был набит населенными планетами плотнее, чем карта старушки-Земли разными странами. Тысяча семьдесят одна планетарная цивилизация торговали друг с другом, устраивали совместные празднества, а иногда и воевали между собой. И по всему сектору были рассеяны кондотьеры, независимые отряды наемников. Их нанимали планеты, не располагающие собственным флотом, собственным Звездным роем. Политическая обстановка в секторе Семирамиды изменялась быстро. Задача Сальваторе заключалась в том, чтобы отслеживать ход событий и подыскивать подходящие вакансии для своей боевой группы.

Сальваторе выключил сирену. Вскоре на навигационном экране вспыхнула пунктирная линия. К «Эндимиону» кто-то приближался.

— Действительно, посетитель, — пробормотал себе под нос Сальваторе. — И ведь как резво движется!

— Сейчас он должен начать тормозить, — заметил Тома. — Этот корабль идет прямо на нас.

— Что, испугался? — поинтересовался Сальваторе.

— Конечно же, нет. У роботов-пауков почти не развит инстинкт самосохранения. Меня мало бы напугало, даже если бы этот корабль уничтожил наш линкор.

— Ну, спасибочки! — отозвался Сальваторе.

— Я не хотел вас обидеть.

Сальваторе рассматривал движущуюся по экрану точку.

— Возможно, пилот не решится спускаться медленно.

— А почему?

— Видишь эти тусклые точки позади? Похоже, за ним гонятся.

— Да, — согласился робот. — Это наиболее логичное объяснение.

Сальваторе продолжал изучать экран. За первым кораблем следовало около десятка других. Судя по скорости и массе, первый «посетитель» относился к кораблям малого радиуса полета. Возможно, он шел с ближайшей планеты. Рассмотреть еще что-либо с такого расстояния было сложно.

Лидирующий в гонке корабль, пытаясь оторваться от преследователей, стремительно приближался к линкору Сальваторе.

— Попытайся связаться с пилотом этого корабля, — приказал Сальваторе.

Робот пощелкал тумблерами, исполнил несложную мелодию на реостате, потом нажал на кнопку фильтра.

— Пока не отвечает. Этот приятель движется слишком быстро. Полагаю, он попал в зону магнитного резонанса, глушащего радиоволны. А возможно, он заблокировался по всему электромагнитному спектру.

— Вскоре ему придется затормозить, — сказал Сальваторе. — Или он в нас врежется.

— Он как раз начал сбавлять ход, — заметил робот.

Сальваторе включил дисплей-пушку и перевел прицел на максимальную дальность. Корабль продолжал приближаться. Его изображение на экране постепенно увеличивалось.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовался робот.

Сальваторе не ответил. Из динамиков, установленных по бокам приборной доски, внезапно донесся громкий треск помех. Индикаторы выдали серию вспышек, потом снова погасли.

— Разберись с этим, пожалуйста, — попросил Сальваторе.

Робот быстро отрегулировал связь. Звук повторился — на этот раз пропущенный через фильтры, очищенный, усиленный и замедленный. На этот раз сообщение было отчетливым и недвусмысленным.

— На помощь! На меня напали!

Сообщение было на интертрепе, одном из главных торговых языков сектора Семирамиды. Судя по голосу, хотя и искаженному корабельным радиоприемником, оно принадлежало женщине.

— Просьба о помощи! — воскликнул робот.

Сальваторе пожал плечами.

— Ну и что? Я должен следовать правилам. Отошли стандартный ответ номер один.

Робот выполнил приказ. Навстречу приближающемуся кораблю полетел запрос: «Пожалуйста, назовите себя».

— Космический корабль «Лейтра», командир — принцесса Хатари. Меня преследуют два боевых корабля тупарей. Пожалуйста, позвольте мне укрыться на вашем линкоре!

— Тупари, тупари... — пробормотал Сальваторе. — Кто это?

Тома издал серию странных щелчков, настраиваясь на галактический информационный канал.

— Это недавно открытая раса, — вскоре сообщил робот. — О них мало что известно.

— Вы меня слышите? — снова донесся из динамиков женский голос. — Я нуждаюсь в помощи!

— Полагаю, это мы уже слыхали, — сказал робот.

— Пожалуй, да, — согласился Сальваторе. — Как ты думаешь, не может ли кто-то из руководителей других кондотьерских отрядов пытаться провести нас таким образом?

— Ближайшие к нам кондотьеры — подразделение дома Борджиа в системе Южной Майны. Они не выказывали никаких признаков воинственности.

— Тогда, возможно, это настоящий сигнал бедствия. Ну... отправь стандартный ответ номер два.

— Не приближайтесь к этому кораблю! — заверещал в микрофон Тома. — Он является собственностью кондотьерского семейства Сфорца. Правом на защиту располагают только корабли, заключившие законный контракт с боевым отрядом семейства Сфорца. Заворачивайте, или я буду вынужден открыть огонь!

На большом экране Сальваторе мог видеть яркую точку — корабль «Лейтра», а почти рядом с ней — два корабля поменьше. По экрану пробежала рябь. А вот и начало стрельбы...

— Мои преследователи стреляют в меня! — отчаянно крикнула принцесса Хатари.

— Сожалею, — откликнулся Сальваторе. — Но ничего не могу поделать. Кроме того, вынужден вам указать, что вы приближаетесь к защитному полю моего линкора. За этим полем начинается территория семейства Сфорца. Нарушать границу запрещено. Немедленно измените курс вашего корабля, или я буду вынужден открыть огонь.

— Но я прошу о помощи! На меня напали!

— Меня это не касается! Убирайтесь с территории семейства Сфорца, или я всажу в вас торпеду!

— Черт подери, я имею право здесь находиться! Я заключала с семейством Сфорца контракт о поддержке и услугах!

Сальваторе посмотрел на робота. Тома изобразил некое подобие пожимания плечами.

— Почему вы не упомянули об этом раньше? — спросил Сальваторе.

— Потому что все мое внимание уходит на управление кораблем! — огрызнулась Хатари.

— Назовите номер вашего контракта.

На экране вспыхнул сигнал, сообщающий, что чужой корабль вступил в пояс защиты планетоида, принадлежащего Сфорца.

— Не стреляйте! — попросила Хатари. — Я сейчас посмотрю номер.

Прошло пять секунд. Корабль Хатари продолжал приближаться к планетоиду. Сальваторе поймал «Лейтру» в перекрестье прицела и приказал роботу:

— По моему сигналу начинай обратный отсчет. Когда дойдешь до нуля — стреляй.

— Подождите! — крикнула Хатари. — Я сейчас найду контракт, он где-то здесь!

— ...восемь, семь, шесть...

— Да погодите же, он где-то здесь, в списке принятых файлов!

— ...три, два...

— Вот он! 77089-аа23!

Сальваторе посмотрел на робота.

— Ну?

— Это номер действующего контракта.

На приборной доске вспыхнуло еще несколько огоньков — «Лейтра» вошла во вторую линию защиты. Оставалась всего одна.

Сальваторе выключил орудия и произнес в микрофон:

— Переводите ваш корабль на парковочную орбиту и немедленно сворачивайте влево.

— Я иду вправо, — ответила Хатари. — Конец связи.

Глава 2

Полтора часа спустя робот-паук объявил самым официальным своим тоном:

— Принцесса Мэри Джейн Хатари!

Открылся входной шлюз, и в него шагнула высокая, красивая молодая женщина, одетая в сапожки из змеиной кожи и просторный, струящийся складками зеленый плащ. На голове у нее была диадема с единственным камнем — необычайно крупным сапфиром. В чертах женщины чувствовалась смелость и привычка повелевать, а кроме того, они вполне соответствовали ныне принятым канонам гуманоидной красоты. Женщина с подозрением взглянула на Сальваторе.

— Кто вы такой?

— Представитель семейства Сфорца, — ответил Сальваторе.

— Но вы же просто мальчишка! — Женщина посмотрела на Сальваторе более пристально. — Довольно красивый мальчик, но тем не менее всего лишь мальчик.

— Возможно, я действительно всего лишь мальчишка, — отозвался Сальваторе. — Но позвольте вам напомнить, что именно этот мальчишка только что спас вашу шкуру и что он обладает властью вышвырнуть вас обратно в пекло.

— Я не знала, что Сфорца нанимают таких молодых командиров.

— Шестнадцать лет — идеальный возраст для командующего кораблем кондотьеров, — пояснил Сальваторе. — Все наши рефлексы находятся на пике возможностей. Кроме того, в моем возрасте еще интересно создавать и разрушать союзы. Вскоре

все это утратит свежесть новизны, и я займусь чем-нибудь другим. Но хватит обо мне. Что вы можете сообщить о себе?

— Я с планеты, которая называется Эксельсус, — сказала Хатари. — Я являюсь потомком знатного рода и окончила альфа-ступень школы руководства.

Сальваторе кивнул. Ему доводилось слышать об Эксельсусе. Главным предметом экспорта этой планеты являлись правители — естественно, для тех миров, которые сами того хотели.

— Так, значит, вы прошли эксельсианскую программу развития?

— Да, — подтвердила принцесса Хатари. — У меня на «Лейтре» есть копия моего личного досье, если оно вас интересует. Там указано, что я умна, неподкупна, беспристрастна, обладаю хорошей внешностью и полностью подхожу для управления Мельхиором.

— Мельхиор? Это где-то поблизости?

— Это небольшая планета в северо-восточном квадрате сектора Семирамиды. На Мельхиоре обитает раса, именуемая сими.

— И эти сими пригласили вас на роль правителя или им навязали подобный выбор?

— С чего вы взяли? — сердито спросила принцесса. — Сими просто прыгали от радости, когда им выпала возможность заполучить в правители эксельсианскую принцессу. Они подписали со мной контракт на пять лет, опцион. — Принцесса помедлила мгновение. — Я должна была вступить в должность сегодня.

— И что же произошло?

Принцесса Хатари вздохнула и оглянулась, разыскивая, куда можно присесть. Сальваторе жестом предложил ей мягкое кресло, плавающее в нескольких сантиметрах от пола. Принцесса удобно устроилась в кресле, несколько просевшем под ее весом.

— Так-то лучше, — заметила она. — У вас не найдется чашки чая?

— Я сейчас принесу, — сказал Тома и проворно покинул комнату.

Принцесса снова вздохнула и откинулась на спинку кресла.

— Добравшись до Мельхиора, я обнаружила, что за десять дней до меня — по местному времени — на планету прибыли представители другой расы. Это были крупные, рослые существа, футов десять в высоту, если не больше, очень худые, с большими кожистыми складками на лицах, как у динозавров юрского периода, и треугольными глазами. Они постоянно ругались и вообще вели себя крайне невежливо. Это и были тупари.

— И что эти тупари делали на Мельхиоре? — поинтересовался Сальваторе.

В рубку вернулся Тома. Он принес чай для принцессы и «Овалтайн» для Сальваторе. Кроме того, робот прихватил вазочку с печеньем. Принцесса тут же взяла одно и отправила в рот.

— Какое замечательное печенье! Я не видела такого с тех самых пор, как покинула Эксельсус!

— Наш повар-автомат — настоящий кулинарный гений, — заметил Сальваторе. — Вы обязательно должны сегодня, когда мои люди вернутся с задания, прийти к нам на ужин. Но вы говорили о тупарях.

— Я не знаю, кто пригласил тупарей на Мельхиор — если, конечно, их вообще кто-то приглашал, — сказала принцесса Хатари. — Но они заявили, что по результатам открытого всепланетного плебисцита они отныне являются верховными господами Мельхиора.

— А вы видели бюллетени плебисцита? — спросил Сальваторе.

— Я попросила их показать. Тупари отказались. Мы обменялись несколькими фразами. Когда я указала на то, что они нарушили несколько межзвездных договоров, тупари принялись мне угрожать. Когда я вернулась на свой корабль, они последовали за мной. Они до сих пор меня преследуют.

— Спасибо за информацию, — сказал Сальваторе. — Я приму ее к сведению.

— Но вы поможете мне?

— Полагаю, да. Но более определенный ответ я дам попозже.

Принцесса отправилась обратно на свой корабль. Ее «Лейтра» была пришвартована на посадочной платформе, расположенной за одним из стабилизаторов огромного линкора. Сальваторе же решил посовещаться с Тома.

— Так вы собираетесь ей помогать, босс? — спросил робот-паук.

— Думаю, да, — ответил Сальваторе. — Как старший на этой военной базе, я обладаю полномочиями, достаточными для заключения контрактов. Принцесса — богатый работодатель. Она заплатит мне немалую сумму, если я возведу ее на трон.

— Вы полагаете, что сумеете изгнать тупарей?

Глаза Сальваторе опасно блеснули, но голос молодого командора остался спокоен.

— Думаю, я сумею их вышвырнуть.

Сальваторе допил свой коктейль и отправился в корабельный компьютерный центр. Там его ожидало сообщение от человека, с которым Сальваторе давным-давно уже потерял связь, — от его брата Альфонсо. Сальваторе и Альфонсо появились на свет в одной и той же хромосомной фабрике на Терре XI.

Глава 3

Сальваторе схватил радиопередатчик:

— Ал! Это вправду ты?

— Можешь не сомневаться! — прозвучал в ответ знакомый голос Альфонсо.

— Но что ты здесь делаешь?

— Возвращаюсь с геологоразведки. Я, когда просматривал последнюю почту, обнаружил, что ты сейчас работаешь в здешних местах. Я сейчас всего в паре тысяч миль от тебя. Думаю, нам стоит встретиться.

— А то! — радостно заорал Сальваторе. — Как договоримся: я махну к тебе или ты доберешься ко мне?

— Смотри сам, как будет лучше.

Сальваторе прикинул, что Альфонсо наверняка сейчас ведет какой-нибудь паршивенький одноместный кораблик класса «Б» из тех кораблей-зондов, которые используют геологи. И удобств на такой лошадке по самому минимуму. А сам Сальваторе командует линкором звездного класса, и уж его-то корабль располагал всеми удобствами и достоинствами, которые только могут прийти на ум человеку, увидевшему боевой стяг семейства Сфорца.

Это наверняка произведет на Альфонсо немалое впечатление. Можно будет немного перед ним покрасоваться. Сальваторе напомнил было себе, что это нехорошо, но потом решил сделать себе маленькую поблажку. Заняться самодисциплиной можно будет и после ухода Альфонсо.

Небольшой толстенький кораблик Альфонсо без труда вписался в один из швартовочных шлюзов «Эндимиона». Вскоре появился и сам хозяин кораблика. Это был симпатичный парень, ровесник Сальваторе, одетый в черную куртку геолога-разведчика и брюки для верховой езды, явно не фабричные, а шитые на заказ. На груди у Альфонсо небрежно болтались на цепочке защитные очки — отличительный признак работника глубокого космоса. Но Сальваторе не мог оторвать взгляда от куртки Альфонсо. Она была вся усеяна «молниями», словно куртки военных летчиков из древних земных войн. Командор ощутил укол зависти и решил, что непременно заведет себе такую же куртку, только «молний» там будет еще больше.

Альфонсо был почти на полголовы выше Сальваторе, хотя, когда им обоим было по пять лет, рост у них был одинаковый.

Это было почти одиннадцать лет назад на игровой площадке, примыкавшей к хромосомной фабрике.

Первым местом, которое помнил Сальваторе, была хромосомная фабрика 122а. Ему до сих пор помнились ее слегка затхлые запахи, рассеянный свет флюоресцентных ламп и тихое жужжание различных машин, отвечающих за поддержание жизнедеятельности развивающихся зародышей.

Колба Сальваторе была последней в их ряду, а колба Альфонсо располагалась слева от него. Такое стечение обстоятельств обусловило особую привязанность Сальваторе к Альфонсо — ведь брата справа от него не было. Возможно, именно этот недосмотр планового отдела и был повинен в свойственных Сальваторе перепадах настроения.

Конечно, строго говоря, все выпускники фабрики 122а были братьями Сальваторе. Но Альфонсо — это особый случай. Сальваторе был привязан к Альфонсо и хотел, чтобы и Альфонсо был привязан к нему. А иногда Сальваторе его ненавидел и страстно желал его превзойти. От этого их взаимоотношения становились только интереснее.

Едва выйдя из младенческого возраста, Альфонсо и Сальваторе стали держаться вместе. Сальваторе помнил огромную площадку для игр, покрытую вечзеленью, заменителем травы, сделанным из пластика с круговым циклом развития. Его не требовалось стричь, и вообще считалось, что он во всех отношениях превосходит обычную траву. Оба мальчика в те времена играли в обычные игры, изображая руководителей двух конкурирующих корпораций, занятых войной и бизнесом. Из них двоих Альфонсо всегда был физически сильнее, а Сальваторе — сообразительнее.

Еще в раннем детстве их обоих отобрали для обучения в школе для одаренных учеников. Искусность Сальваторе в компьютерных играх позволила ему без проблем пройти ежегодный отборочный тур, в котором кондотьеры подыскивали юношей и девушек с высоким уровнем интеллекта и отличной координацией. Там они учились руководить войсками — двадцати-тридцатилетними людьми, которые уже миновали свой период расцвета, но все еще годились для управления одноместными боевыми катерами и для службы в частях, известных под названием «Звездный рой». Некоторое — достаточно недолгое — время Сальваторе поработал свободным агентом, после чего заключил контракт с семейством Сфорца — одним из крупнейших семейств военачальников, контролировавшим полдесятка воинских отрядов, действующих в окрестностях центра Галактики.

Альфонсо избрал в жизни другую дорогу. Его не интересовала война. Он подписал контракт с «Веществами, ЛТД», огромной корпорацией, имеющей филиалы на множестве планет. Альфонсо решил специализироваться по отделу редких ископаемых, где его самоуверенность и отсутствие рефлексии могли оказаться весьма полезными. С момента выпуска со старой доброй 122а Сальваторе и Альфонсо не встречались.

— Ну, Сальваторе, похоже, ты неплохо устроился, — заметил Альфонсо.

— Не жалуюсь, — подтвердил Сальваторе. — А у тебя как дела?

Альфонсо пожал плечами, потом встал с кресла, подошел к буфету и налил себе бокал сока. Он уже приобрел тот серьезный вид, который отличает большинство деловых людей. Альфонсо был красивым юношей с приятными, правильными чертами лица. Несмотря на юный возраст, губы у него были тонкими и плотно сжатыми. Он казался сдержанным, невозмутимым и слегка печальным.

Сальваторе был более непосредственным, чем его брат. Рыжий, веснушчатый, легко краснеющий, он принимал все очень близко к сердцу и действовал, полагаясь на интуицию.

— Так чем ты тут занимаешься, в кондотьерах?

— Обычная военная фигня, — отмахнулся Сальваторе. — Подавляю мятежи. Поддерживаю какую-нибудь из воюющих сторон. Иногда, правда, бывает что-нибудь интересное.

Он налил Альфонсо еще сока и с преувеличенной беспечностью бросил:

— Вот сейчас, например, я должен вернуть одной принцессе ее трон.

— Шутишь? — поинтересовался Альфонсо. — Я и не знал, что еще остались принцессы, которые правят планетами.

— Можешь не сомневаться, эта принцесса — настоящая, с Эксельсуса. Но для того чтобы вернуть ей трон, придется немного повозиться.

— А это не опасно? — спросил Альфонсо. Промелькнувшая в его голосе нотка почтительного страха доставила Сальваторе немало удовольствия.

— Пожалуй, небезопасно, — небрежно сообщил он. — Но у меня под командой группа очень неплохих парней. Так что мы отправимся туда вместе и наведем порядок. — Увидев, какое впечатление произвели его слова на Альфонсо, Сальваторе испытал глубокое удовлетворение.

— А что за планета? — спросил Альфонсо.

— Мельхиор. Небольшая зеленая планета в системе Сигне.

— Я знаю это место! Я как раз направляюсь туда на разведку по заданию моей фирмы!

— Значит, там и увидимся, — отозвался Сальваторе.

— Слушай, так это же здорово! — воскликнул Альфонсо. — Надеюсь, если на этой планетке обнаружится что-нибудь ценное, ты поможешь мне получить концессию на выгодных условиях? Это создало бы мне хорошую репутацию в фирме.

— Считай, что концессия у тебя в кармане, — великодушно сказал Сальваторе.

Альфонсо никогда еще не бывал на борту боевого космического корабля, тем более такого класса, как «Эндимион». Особенно его заинтересовала рубка виртуальной реальности, где стоял главный Боевой Орган. Альфонсо смотрел на этот инструмент с благоговением и трепетом. Оператор Боевого Органа управлял инструментом, полулежа в откидном кресле. Боевой Орган опускался, полусферой окружая голову и плечи оператора. Малейшее движение рук — и оператор мог взять на себя управление любым из трех с лишним сотен инструментов. Специальные перчатки, пронизанные сверхчувствительными датчиками, позволяли руководить действиями разнообразнейших средств наступления и защиты. Альфонсо знал, что именно таким образом Сальваторе принимает участие в боевых действиях.

Хороший компьютер можно было запрограммировать на управление Большим Органом. Но интуиция была чисто человеческим даром, компьютеры ею не обладали. В военной игре Сальваторе дал бы фору любому компьютеру-оператору и все равно выиграл бы.

Компьютерные военные игры и настоящие сражения были не просто похожи; при современном оружии они становились практически идентичны. И то и другое давало божественное ощущение: человек безо всяких усилий управлял сложнейшими материями. На самом же деле управление боевым тренажером было делом крайне утомительным. Долго этого не выдерживал никто. На те моменты, когда человек-оператор выматывался и невольно на некоторое время отключался, Боевой Орган подменял его управляющей программой.

Оператор Боевого Органа не видел ни крови, ни изорванной в клочья плоти. Это можно было разглядеть на экране, да только кто ж станет в него смотреть? Не то чтобы Сальваторе был особо щепетилен — просто чем более обезличенной была эта игра, тем легче ему было играть.

Глава 4

Сальваторе пытался расслабиться — нелегкая задача, если учесть, что его люди все еще не вернулись, — когда к нему поступил сигнал от Тома. Робот-паук настойчиво просил командора как можно быстрее зайти к нему для важного разговора.

У себя на планетах роботы-пауки жили в пещерах и плели там огромные общие сети. Починка старых сетей и создание новых было общим делом. На борту «Эндимиона» у Тома была отдельная каюта. Она была заполнена паутиной. Когда робот-паук забирался на свою паутину, он немедленно впадал в глубокий, подобный трансу сон. И разбудить робота, пока у него не сработает внутренний будильник, было практически невозможно.

Первое, что заметил Сальваторе, открыв дверь, — это клубящаяся дымка. Несколько мгновений спустя его глаза приспособились к здешнему освещению, и Сальваторе понял, что это не дымка, а тончайшая паутина, искусно сплетенная в сеть и заполняющая почти всю каюту. В каюте просматривался некий намек на мебель, но и она была создана из паутины. Тома сплел для Сальваторе кресло и укрепил его, чтобы оно не рассыпалось под юношей. На стенах висели портреты родителей Тома, также сплетенные из паутины и раскрашенные в различные цвета. В комнате царил полумрак, навевающий ощущение некоего места вне времени и пространства, словно Сальваторе спал и видел сон.

— Заходите и присаживайтесь, — пригласил командора Тома. — Я уже приготовил для вас ваш любимый «Овалтайн». И, возможно, вам понравится вот это. Попробуйте.

Робот взял с невысокого столика (также сплетенного из паутины) тарелочку и протянул ее Сальваторе. Тарелка была накрыта паутинной салфеткой, вышитой красно-зеленым узором.

— Что это? — полюбопытствовал Сальваторе.

— А вы посмотрите, — отозвался робот.

Сальваторе поднял салфетку. Под салфеткой обнаружился небольшой круглый предмет черного цвета. Он состоял из двух черных кругов, склеенных вместе при помощи некоего белого вещества.

Сальваторе взял один кружок, понюхал, осторожно откусил и расплылся в изумленной улыбке.

— «Ореос»! — воскликнул он. — Настоящий «Ореос»! Тома, откуда ты узнал рецепт? Он же уже двести лет как утерян!

— Я недавно получил его по СВ-сети роботов-пауков. Один из наших археологов раздобыл его во время путешествия на Землю. И как, это вкусно?

— Изумительно вкусно, — с набитым ртом ответил Сальва-

торе. — Мне только хотелось бы, чтобы ты сам мог это попробовать.

— Я бы тоже этого хотел, босс. Но вы же знаете, что мы, роботы-пауки, питаемся исключительно металлами. Я пожую немного медных леденцов, чтобы составить вам компанию.

Некоторое время юноша и робот молча сидели в заполненной паутиной каюте и дружно работали челюстями. Потом Тома спросил:

— Босс, вы действительно собираетесь помочь принцессе Хатари?

— Собираюсь, — спокойно ответил Сальваторе. — Мне не нравится то, что я услышал о тупарях. И я имею право самостоятельно заключать контракты.

— Но только в том случае, — уточнил Тома, — если не существует предыдущего контракта.

— Единственный контракт, который сейчас касается этого вопроса, это контракт между принцессой Хатари и семейством Сфорца. Принцесса сама нам о нем сказала.

— Боюсь, принцесса немного преувеличила, — сказал Тома.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Сальваторе.

— Я воспользовался правом доступа к базе данных главнокомандующего и запросил сведения о вышеупомянутом контракте. Контракт под таким номером действительно существует, командор, но не между принцессой Хатари и семейством Сфорца. Он заключен между Сфорца и тупарями.

— Тупарями?! Ты хочешь сказать, что мы в союзе с тупарями?

— Да, сэр. Боюсь, именно так и обстоят дела.

— Так что получается, принцесса все это выдумала? Но откуда она могла узнать номер контракта?

— Она внесена в контракт, командор, но как враг. Враг тупарей, а с момента подписания контракта — и наш враг.

Сальваторе принялся нервно расхаживать по каюте. Его брови сошлись к переносице.

— Но я не хочу быть союзником тупарей!

— Это решение графа Сфорца.

— Я сам выбираю себе врагов!

— Простите, сэр, но, поскольку вы находитесь на службе у семейства Сфорца, правильнее будет сказать, что врагов вам выбирает граф Сфорца.

— Мне это не нравится! — пробормотал Сальваторе, плюхнувшись обратно в кресло. — А если мне что-то не нравится, то я не стану этого делать.

— Если вы будете настаивать на подобном образе действий, вы восстановите против себя графа Сфорца и станете для него

врагом. И ради чего, если мне будет позволено спросить? Граф всегда был очень добр к вам.

— Он заключил выгодную сделку, когда нанял меня, — отрезал Сальваторе. — Я был чемпионом магического пинбола в своем выпуске и одним из лучших выпускников последнего десятилетия. Это писали в газетах. Графу повезло, что он меня заполучил.

— Возможно, это действительно так. Но все же граф всегда хорошо к вам относился. Не каждый шестнадцатилетний юноша получает звание бубалдара всего лишь через год службы.

— Всего-то бубалдар второго класса, низший чин, начиная с которого позволяется командование независимым отрядом!

— А разве граф не назначил вас хапмейстером Альдонны, когда ваш отряд захватил клин Сачевеллер?

— Ну да, он сделал меня хапмейстером, — отозвался Сальваторе. — А как насчет Джакобо Келли? Его граф сделал зумдвилером третьего класса, хотя тот вообще не участвовал ни в одной боевой операции!

— Дайте графу время. Он непременно увидит ваши достоинства. Но не нужно идти против воли графа и пытаться вернуть принцессе трон Мельхиора.

— Да черт подери! — не выдержал Сальваторе. — Я уже пообещал ей помощь!

— Но тогда вы еще не знали, что принцесса вам солгала.

— Да, это правда. Ну ладно, пожалуй, нам придется с ней поговорить.

— Вы сказали «нам», командор?

— Да-да, знаю, мне нужно будет поговорить с ней лично. Так тебя устроит?

— Это более точная формулировка, — сказал Тома.

— Но до чего же неудобно, блин...

И тут снова взвыла сирена.

— Ребята возвращаются! — обрадованно воскликнул Сальваторе. — Спасибо за «Ореос». Я побежал в командирскую рубку!

Глава 5

Звездный рой — боевая группа Сальваторе — устроила из своего возвращения на линкор «Эндимион» настоящее представление. Маленькие, обтекаемой формы корабли выныривали откуда-то из глубин космоса, на полном ходу неслись к «Эндимиону», в последний момент тормозили и резко разворачивались, гася скорость за секунду до того, как врезаться в корпус огромного линкора. Сальваторе уже тысячу раз запрещал им

проделывать такие номера. Кто-нибудь ошибется на долю секунды, а ему потом отвечать перед руководством за поврежденный или уничтоженный корабль! Но кондотьеры просто не могли устоять перед соблазном и не сделать красивый жест. Хотя все они были взрослыми людьми, они пошли на службу к семейству Сфорца скорее ради удовольствия, нежели ради денег. Все они принимали «Выбор незрелости», и этот препарат позволял им совершенно по-детски радоваться простейшим вещам. Иногда Сальваторе им завидовал. Но он выбрал другой путь, тоже сулящий немало удовольствий. Не стоит забегать вперед. Он еще успеет расслабиться и повалять дурака, когда станет постарше. Сейчас ему нужно пробить себе дорогу в жизни.

Заместитель Сальваторе, Дик Фогерти, доложил об успешно проведенной операции. Дик был рослым, широкогрудым мужчиной под тридцать. Он уже начинал лысеть и — возможно, в порядке компенсации — отпускал бороду.

— Приветствую, командор! — радостно воскликнул Фогерти, переступая порог командирской рубки.

— С возвращением, солдат, — отозвался Сальваторе. — Как прошла операция?

Фогерти сообщил, что их Звездный рой пробрался в Ратисбон, вражеское укрепление на Звездном Перевале, и незамеченным вошел в атмосферу планеты. Искусное использование отражателей сделало их спуск практически невидимым.

Звездный рой — двадцать достаточно мощных кораблей — вошел в облачный слой и вышел из него над городом под названием Ария. Они застали врага врасплох.

А потом началось избиение младенцев. Корабли ратисбонской воздушной милиции попытались вступить в бой, но их перестреляли по одному. Ратисбонским женщинам пришлось пролить немало слез по своим мужьям и сыновьям, которые слишком поздно набрали высоту.

После короткого сражения бойцы Фогерти окружили Арию потоками лавы, создав тем самым огненный барьер между городом и гарнизоном космических кадетов, которых нанимали для защиты оного города. Корабли кондотьеров Сфорца вошли в сумасшедшее пике; из реактивных двигателей били струи пламени, полосуя улицы города. Потом корабли на максимальной скорости вонзились в дождевые тучи — те брызнули струями пара, — дали прощальный залп и ушли в высоту.

В принципе кондотьеры могли бы применить ядерное оружие, но на это неодобрительно бы посмотрели. Еще с тех древних дней, когда атомное оружие едва не привело к гибели цивилизации, такой способ ведения войны имел крайне дурную ре-

путацию. Всемирный Игровой Совет, контролирующий организацию и проведение всех военных кампаний, написал строгие правила и создал разработанную шкалу военного моделирования в надежде когда-нибудь отучить человечество от любимого развлечения — бесконтрольного, ничем не сдерживаемого разрушения.

— Подводя итоги, сэр, можно сказать, что мы уничтожили город. Полагаю, вы можете нами гордиться.

— Рад это слышать, — кивнул Сальваторе. — Этого я и ожидал. Полагаю, все вели себя надлежащим образом?

Дик Фогерти помрачнел и отвел взгляд.

— Да, сэр. Все, кроме Каррутерса. Наткнувшись на сопротивление противника, он поджал хвост и сбежал.

Сальваторе нахмурился.

— Мне не нужны трусы в отряде!

— Нам это известно, сэр, — произнес Джек. — Мы взяли на себя смелость последовать за Каррутерсом — он попытался скрыться на одну из планет Восточного Предела.

— И что вы с ним сделали? — спросил Сальваторе.

Фогерти чиркнул ногтем по горлу и возвел глаза к потолку.

— Надеюсь, милосердно? — уточнил командор.

— Полагаю, он даже ничего не почувствовал, — ответил Фогерти.

— Вы поступили правильно.

В этот момент в рубку влетел Тома.

— Поступило сообщение о прибытии принцессы Хатари, — доложил робот.

— Она что, уже вернулась обратно? С чего вдруг? — удивился Сальваторе.

— Вы пригласили ее на ужин, босс.

— Но я же не назначил время, разве не так?

— Вы сказали, что приглашаете ее на ужин после возвращения вашего отряда. Должно быть, принцесса увидела их возвращение в иллюминатор.

— Похоже, она здорово спешит.

— Возможно, она проголодалась, — заметил Тома.

Тут в разговор вмешался Дик Фогерти. Вид у него был крайне озадаченный.

— Сэр, у нас что, гость? — спросил он. — Когда мы швартовались, я не заметил чужих кораблей.

— Ее зовут принцесса Хатари, — сообщил Сальваторе. — Я пригласил ее на ужин. Дик, проследи, чтобы ребята привели себя в порядок как можно быстрее, ладно?

— Есть, сэр! А эта принцесса, она ничего себе?

— Ничего себе проблемка, — пробормотал Сальваторе.

— Простите, сэр?

— Так, ничего. Просто скажи всем, чтобы поторопились. Форма одежды парадная.

Дик Фогерти отдал честь и вышел из рубки.

— Что вы собираетесь делать, сэр? — спросил Тома.

— Я скажу принцессе, что после окончания ужина мы с ней станем врагами, — ответил Сальваторе.

Глава 6

Сальваторе попросил принцессу подождать полчаса, а Дик Фогерти тем временем отправил нескольких человек помочь навести порядок. Они отыскали в одном старом справочнике описание светского приема и сразу же принялись за дело. Кондотьеры натерли полы и заменили яркие электрические лампы на канделябры из офицерской кают-компании. Подходящая к случаю музыка была найдена в корабельной библиотеке: причудливые мелодии в стиле барокко, создающие ощущение величественности, столь милое сердцу военного, перемежались тустепами и маршами для трубы.

Сальваторе присматривал за всем. Для него было очень важно, чтобы ужин прошел на высшем уровне.

По такому случаю офицеры «Эндимиона» надели парадные мундиры. В своих тщательно отглаженных белых мундирах и лихо сдвинутых на затылок фуражках они выглядели настоящим воплощением военной элиты.

Автоповар был перепрограммирован на режим «банкет». Ему понадобилось несколько минут, чтобы осознать происшедшую перемену — бедняге слишком долго приходилось заниматься исключительно солдатским рационом, основой которого служил консервированный колбасный фарш и мороженые куриные ножки. Теперь же автоповар извлек из корабельных запасов самые изысканные продукты, разморозил их и с любовным вниманием принялся за дело.

К назначенному времени в столовой ярко горели настоящие свечи — канделябры были расставлены на сервантах. Длинный стол был застелен безупречно белой скатертью и уставлен лучшим фарфором и столовым серебром — для такого случая их извлекли из хранилища.

Стены комнаты были поспешно обшиты панелями благородного красного дерева — частью добычи, взятой на Орегонии, планете Больших Деревьев.

Сальваторе сидел во главе стола. В своем красно-пурпурном мундире бубалдара второго класса кондотьеров Сфорца

юноша смотрелся очень представительно. Заместитель Сальваторе, известный в определенных кругах как Грязный Дик, сегодня для разнообразия был чисто выбрит. Он сидел по левую руку от Сальваторе. Место справа от командора было оставлено для принцессы Хатари.

Офицеры тихо переговаривались между собой. Командор запретил им пить до прибытия почетной гостьи, но курить не запрещал, чем они и пользовались.

После того, как в 2307 году врачи Бакстер и Кох изобрели искусственные легкие и разработали методику их пересадки, курение снова вернуло свои утраченные позиции. К нему начали относиться гораздо снисходительнее. Теперь у обитателей цивилизованной части Галактики не было никаких причин отказываться от курения, поскольку операция по пересадке легких была несложной и безболезненной. Нужно было просто засунуть в ноздрю крохотную пилюлю. Вещество, из которого была сделана пилюля, начинало испаряться и проникало в загрязненные и изношенные легкие. Через некоторое время под его воздействием отработавшие свой срок ткани отслаивались, как будто их смывали тампоном, а затем растворялись, и на их месте образовывались новые.

После этого следовало лишь резко хлопнуть пациента по спине, и новые легкие начинали работать. Если рядом не было никого, кто произвел бы необходимый хлопок, пациент мог стукнуть себя по грудной клетке при помощи специального стартера, который бесплатно поставлялся в комплекте с легкими. Новые легкие работали даже лучше, чем исходная модель, и было странно, почему человечество не придумало этого много столетий назад, вместо того чтобы отказываться от удовольствия и выгод курения.

Р.Дж.Рейнольдс Двадцать Пятый, нынешний президент всемирной ассамблеи гуманоидов и прямой клон своего знаменитого предка, владевшего огромной табачной империей, сам подтверждал качественность искусственных легких. На некурящих теперь смотрели как на несколько неполноценных людей, «если вы понимаете, о чем я говорю». Даже Сальваторе курил, хотя он в свои шестнадцать лет пока еще пользовался легкими, доставшимися ему при рождении.

Появление принцессы вызвало у офицеров взрыв восторга. Принцесса была одета в белое вечернее платье, выгодно подчеркивающее ее великолепную фигуру, так что от Хатари нельзя было оторвать глаз. В ушах у принцессы красовались серьги из огненных опалов, а шею обвивало изумрудное ожерелье. Глаза принцессы сверкали так же ярко, как и ее драгоценности, но изменяли свой цвет от аметистового до сапфирового, в зависи-

мости от освещения, и затмевали своей красотой любые украшения. Принцесса казалась символом всего лучшего, что только создало древнее искусство управления планетами. Когда принцесса уселась на предназначенное для нее место, офицеры зааплодировали.

— Добро пожаловать на наш корабль, принцесса, — сказал Сальваторе. — Разрешите представить вам моих офицеров.

Он назвал всех по имени, а принцесса обменялась с офицерами несколькими любезными словами. Наконец все получили возможность заняться тем, для чего, собственно, люди и собираются на ужин: есть, а потом и пить.

— Разрешите положить вам еще кусочек фаршированной утки, — предложил Сальваторе. Он умел держаться с изяществом, этот шестнадцатилетний командор Звездного роя семейства Сфорца.

— Вы очень любезны, — отозвалась Хатари. — А что это за бежевое блюдо, накрытое такой причудливой крышкой?

— Это паштет из язычков павлинов с приправой из майорана, кинзы и розмарина и с добавлением моркови и лилий. Позвольте также обратить ваше внимание на вот это блюдо. Это молодая бельгийская свекла, фаршированная крохотными плодами хлебного дерева — они растут лишь в нескольких звездных системах на окраине Галактики.

— Как вы учтивы! — воскликнула принцесса. — Мне бы лишь хотелось, чтобы вы были на несколько лет постарше — тогда бы мы с вами могли встретиться после ужина и предаться удовольствиям, с которыми я до сих пор встречалась лишь на страницах некоторых романов или в древних «мыльных операх».

— Это очень великодушное предложение, принцесса, — отозвался Сальваторе. — Возможно, мы сможем обсудить его немного позже.

— Вполне возможно, — кивнула принцесса. — Я велю Кукри, чтобы он напомнил мне об этом. Вы же понимаете, нельзя ожидать от принцессы, чтобы она помнила обо всем.

— А позвольте полюбопытствовать — кто такой этот Кукри?

— Это мой компаньон, слуга и банкир, — ответила принцесса.

— А к какой расе он принадлежит — если, конечно, это не секрет?

— Он принадлежит к расе, которая так и называется — кукри.

— Простите мне мою несообразительность, принцесса, но

неужели представители этой расы умеют становиться невидимыми? Ибо я не вижу вашего компаньона здесь, на банкете.

Принцесса сладко рассмеялась.

— Кукри сейчас находится на моем корабле. Он восстанавливает силы после зимней спячки. Я послала ему сообщение, и Кукри ответил по модему, что как только он выйдет из полного оцепенения — ему все еще необходим некоторый период сна, — он с радостью к нам присоединится.

— Это хорошая новость, — сказал Сальваторе. — Принцесса, позвольте представить вам моего заместителя, Дика Фогерти. А вот это существо, сидящее у меня на коленях, это Тома, робот-паук. Возможно, это мой лучший друг здесь, в космосе, и уж точно его можно назвать моим верным слугой.

Тома почтительным жестом прижал верхнюю пару щупалец к груди. Фогерти же произнес:

— Рад с вами познакомиться, принцесса. Присутствие особы королевской крови просто поразительно украшает нашу скромную офицерскую столовую.

— Как это мило... — произнесла принцесса, и ее длинные ресницы затрепетали.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

— Это, вероятно, Кукри, — сказала принцесса.

Сальваторе подал знак, и два гиганта-нубийца, специально выведенные из анабиоза для такого случая, рослые темнокожие мужчины в ярких многоцветных тюрбанах, открыли люк и распахнули круглую дверь.

На пороге возникло небольшое существо размером с барсука. У существа были усы, как у выдры, и стоящие торчком острые ушки, как у терьера. Существо было одето в куртку из шотландки в крупную красную клетку. Над воротником куртки торчала голова, а снизу из-под полы выбивался пушистый хвост. С первого взгляда гостя можно было принять за зверька, но в его карих глазах светился живой ум, да и лапы с хорошо развитыми пальцами — хотя их было всего по три — принадлежали явно не животному. Помимо куртки, на госте были бриджи, серебристо-зеленый плащ с высоким воротником и серая фетровая шляпа с узкими полями. Возможно, эта шляпа была дорога гостю как память. Во всяком случае, назвать ее украшением было трудно.

— Здравствуйте, — произнес гость. — Я — Кукри из кукри.

— И банкир принцессы, если я не ошибаюсь? — уточнил Сальваторе.

— Совершенно верно. А кроме того, надеюсь, что могу называть себя ее другом.

— Заходите и присаживайтесь, — произнес Сальваторе и

повернулся к телохранителю, который стоял у него за стулом с лазерным пистолетом на изготовку. — Отвлекись на минуту и принеси нашему гостю подходящий стул.

Телохранитель быстро принес специальный регулируемый стул для всех рас, модель, принимающую четырнадцать различных форм и имеющую двадцать три степени мягкости.

— Просто замечательно, — сказал Кукри, на четырех лапах пересек помещение и вспрыгнул на стул, который поставили между принцессой и Сальваторе.

— Скажите, пожалуйста, принцесса, раз уж вы уже получили направление на планету, зачем вам банкир? — полюбопытствовал Фогерти.

Принцесса рассмеялась. Больше всего ее смех напоминал перезвон колокольчиков, но был чуть-чуть звонче.

— Очевидно, сэр, вы плохо представляете себе современную монархическую систему правления. Нам, например, полагается, вступая в управление планетой, устроить праздник для всех ее жителей. Это обходится в кругленькую сумму. Хотя потом эти деньги и возвращаются к монарху в виде налогов, сначала их нужно где-то взять. Как вам, возможно, известно, торговцы продовольствием принимают плату исключительно в твердой валюте, которую легко обменять в любой звездной системе, на любом рынке и любой бирже. Таким образом, на меня возлагается обязанность отыскать средства для проведения вышеупомянутого праздника, чтобы не посрамить мою родную планету, Эксельсус, и моих предков, кто бы они ни были.

— Да, это звучит разумно, — сказал Сальваторе.

— Я рада, что вы так считаете, — отозвалась Хатари.

— Скажите, принцесса, — начал Сальваторе, — а как получилось, что вы потеряли ту планету, которую теперь мы должны вам вернуть?

— Я всегда мечтала владеть собственной планетой, — произнесла принцесса, обращаясь к Сальваторе и его офицерам. В ее глазах отражалось пламя, пляшущее в искусственном камине. — В этом есть нечто необычайное — когда тебе принадлежит целая планета. Поэтому когда мистер Кукри предложил финансировать празднества, которыми сопровождается вступление на престол, я обеими руками ухватилась за этот шанс.

— А у нас на планете не говорится «ухватиться за шанс», — слегка напыщенным тоном пропищал мистер Кукри. — Мы говорим: «прыгнуть в рот удачному случаю».

— Очень интересное замечание, — нахмурившись, сказал Сальваторе.

— Спасибо, — откликнулся Кукри. Он, как и многие другие похожие на барсуков существа, ни капельки не сомневался в

значимости собственной персоны. — Да, я был рад финансировать принцессу и поддержать ее стремления. Моя раса тоже кое-что получит от этой сделки.

— В самом деле? — спросил Сальваторе.

— Исходя из условий моей сделки с принцессой, мы получим дом. Знайте же, благородный сэр, что мы, кукри, ищем планету, которая могла бы стать нашим домом. История о том, как мы потеряли нашу собственную планету, очень трагична, но сейчас я не буду об этом говорить. Видите ли, как вы могли заметить, наша раса является негуманоидной, потому, с точки зрения принцессы, нас как бы не будет на планете. Таким образом, у нее появляется возможность разделить планету с нами, при этом не деля ее, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Так и получилось, что Кукри предоставил мне денежный заем, — сказала принцесса. — На празднество и на некоторые другие вещи — например, на трон. Я подписала документы, получила титул правительницы Мельхиора и собиралась отправиться в путь. Но тут мне стало известно, что после того, как я приняла предложение сими, и до того, как я добралась до планеты, там объявилось племя тупарей, и все пошло наперекосяк.

— А вы не пробовали призвать их к порядку при помощи этих документов? — спросил Сальваторе. — Полагаю, у Всемирного Игрового Совета есть агентства, которые занимаются решением спорных вопросов наподобие вашего.

— Естественно, мы обратились в соответствующие инстанции, — отозвалась принцесса. — Но вы же знаете, что такое бюрократия!

— Да, теперь я немного лучше понимаю суть событий, — пробормотал Сальваторе.

— И что? Собираетесь ли вы помочь нам?

— Возможно, мы сможем обсудить этот вопрос после банкета.

Глава 7

После банкета похожий на барсука мистер Кукри постучал в дверь каюты Сальваторе.

— Открыто! — крикнул командор.

Кукри вошел.

— Вы посылали за мной, сэр?

— Вы — банкир принцессы Хатари, я верно понимаю?

— Совершенно верно, сэр.

— Вы заплатили принцессе значительную сумму за то,

чтобы вашей расе было позволено разделить с ней планету Мельхиор.

— Да, сэр, так оно и есть. Я лично подписывал это соглашение. Я нашел дом для своего народа.

— Я посмотрел в атлас, — сказал Сальваторе, — и обнаружил, что Мельхиор на четыре пятых покрыт водой. Вы не были разочарованы, когда обнаружили, что на этой планете так мало суши?

— Ни капельки. Мы, кукри, планируем вскоре эволюционировать в расу, дышащую водой.

— Почему вы так отчаянно стремитесь поселиться на Мельхиоре?

— Эта планета обладает атмосферой, которая вполне отвечает нашим потребностям. Мы не в состоянии позволить себе заменить атмосферу.

И мистер Кукри объяснил, что в последние годы у кукри возникло множество проблем. Когда-то они были почтенной, всеми уважаемой расой и мирно уживались со всеми соседями. Потом кто-то обратил внимание, что у них нет противопоставленных пальцев. Поскольку у всех разумных рас есть противопоставленные пальцы, кукри были низведены до ступени «разумных животных», и их финансовому положению был нанесен невосполнимый ущерб. Никто не желал доверять неразумной расе, пускай даже эта раса создавала импровизированные представления, в которые были вовлечены миллионы участников. Это стали считать любопытным проявлением инстинкта, но не свидетельством разумной деятельности.

Проблема заключалась в том, что кукри не обладали никакими способностями в сфере техники, что ставило их в крайне невыгодное положение по сравнению с прочими расами. Кукри могли воспеть бурю, но не могли вскрыть консервную банку, пользуясь банальнейшей открывашкой, завернуть винт при помощи отвертки и вообще выполнить любую работу, для которой требовалось наличие противопоставленного пальца.

В настоящее время кукри разработали два вида протезов, заменяющих противопоставленные пальцы. Один из них выглядел в точности как противопоставленный палец, и даже более внушительно, чем выглядят подобные пальцы у других рас, но выполнял чисто декоративную функцию. Он не мог шевелиться. Пожалуй, эту разновидность правильнее бы было назвать не протезом, а моделью.

Те же, кому это было по карману, покупали себе другое приспособление — настоящие противопоставленные пальцы. Они могли не только прикоснуться ко всем пальцам этой же руки без помощи другой руки, но и гнуться в разнообразнейших

направлениях под углом в триста шестьдесят градусов благодаря остроумной конструкции шарниров.

Кукри, поставившие себе такие протезы, становились даже более искусными работниками, чем представители рас, обладающих противопоставленными пальцами от рождения. Эти протезы были сконструированы таким образом, что на время спячки их можно было отключать, чтобы экономить энергию для следующего цикла бодрствования. Это давало кукри преимущество над другими расами с их старомодными, полученными от природы конечностями.

— Итак, сэр, — продолжал Кукри, — теперь вы можете понять, почему для нас так важно получить возможность перебраться на Мельхиор. Нам больше нечего продавать. На нашей собственной планете, Кукрифиполисе, не осталось никаких природных ресурсов. Мы давно уже их распродали. Даже урожаи проданы на много лет вперед — Сердитым Сборщикам Долгов, которые используют их слишком таинственным образом, чтобы о том позволено было упоминать. Строго говоря, мы, кукри, намерены улизнуть втихаря, все одновременно, и перебраться со всем имуществом на другую планету. Нам нужно скрыться от бейлифа, судебного исполнителя, который отберет у нас последние крохи.

— Но что же вы будете делать на планете, почти сплошь состоящей из воды? — спросил Сальваторе. — Вы же пока что не амфибии?

— Пока что нет. Но мы уже заработали средства на постройку подводных городов. Мы добыли их с превеликим трудом. На это ушли последние ресурсы нашей планеты — последние большие деревья, полудрагоценные руды, дрянная рыба, мелкие зверьки — их переработали на собачьи консервы. Словом, все, что мы смогли собрать. Мы заключили сделку с принцессой, и меня отправили присмотреть, чтобы все было выполнено точно в срок.

— Боюсь, что вы крупно прогорели с этим делом, — сказал Сальваторе.

— Да, на то похоже, — согласился Кукри.

— Вам стоит узнать, что заявление принцессы о контракте с семейством Сфорца не соответствует действительности.

— Хорошо, сэр, я это учту.

— Ваш народ поступил не самым разумным образом в этом деле.

— Возможно. Но вы поможете нам вернуть нашу планету?

— Этот вопрос я предпочитаю обсудить непосредственно с принцессой, — сказал Сальваторе.

Глава 8

Когда Сальваторе и Тома остались наедине с принцессой Хатари в мрачноватой приемной, примыкающей к столовой, молодой командор не стал тратить время понапрасну, а сразу перешел к сути дела.

— Принцесса, вы ведете со мной нечестную игру.

— С чего вы это взяли? — уклончиво произнесла принцесса.

— Вы солгали мне — как минимум в одном вопросе. Я просмотрел контракт, на который вы сослались. Вы не названы там в качестве договаривающейся стороны.

— Вы проверяете мои слова? Вот как? — надменно спросила принцесса, прошлась по комнате и села рядом с телевизором.

— Под контрактом, на который вы ссылались, не стоит ваша подпись. Как это понимать, госпожа принцесса? И кстати, какого места вы принцесса? Я имею в виду, что принцессы на дороге не валяются и с ними не часто сталкиваешься.

— Особенно если вам всего шестнадцать, — с легкой горечью произнесла принцесса. — Но знайте, молодой человек, что я — урожденная принцесса планеты Фульвия, Ливиана.

Сальваторе повернулся к роботу.

— Вроде бы чудится что-то знакомое, но что — не припоминаю. Ты не слыхал об этой планете?

— Конечно, слыхал, — отозвался Тома. — Это монархическая планета в районе созвездия Архимеда. Живет в основном за счет торговли по почте. Вы можете перевести туда несколько сотен кредиток, и вам пришлют пергамент, дающий право на титул. К нему даже прилагается клочок земли.

— Это возмутительно! — воскликнула принцесса. — Я что, должна сидеть и выслушивать, как мое королевское достоинство подвергается сомнению каким-то нелепым осьминогом и сопляком, который много возомнил о себе лишь на том основании, что под его командованием находится боевой космический корабль?

— Этот сопляк спас вам жизнь, — невозмутимо напомнил Сальваторе. — Конечно, вы имеете полное право вернуться на свой корабль и отправиться восвояси. Тупари наверняка крутятся где-нибудь поблизости.

— Прошу прощения, — сделав над собой усилие, произнесла Хатари. — Просто я ненавижу, когда меня пытаются запугивать. Знаете, у вас такой суровый вид... Обаятельный, но суровый.

— Мне об этом уже говорили, — сказал Сальваторе.

— Я прошу прощения за то, что назвала вас сопляком. Я также извиняюсь перед вами, Тома.

— На самом деле, — подал голос Тома, — сравнение с осьминогом считается у нас комплиментом.

— Давайте вернемся к делам, — прервал обмен любезностями Сальваторе. — Принцесса Хатари, ваше заявление о том, что вы являетесь клиентом семейства Сфорца, не соответствует действительности.

— Но я же назвала вам номер контракта!

— Вы не значитесь там в качестве договаривающейся стороны.

— Как — не значусь?! Должно быть, вы просто невнимательно посмотрели.

— Вряд ли. Вы действительно упомянуты в контракте, но как враг.

— Я? Я — враг?

— Да. Враг тупарей, с которыми семейство Сфорца и подписало контракт. Тупари наняли кондотьеров Сфорца для боевых действий против вас.

— Возможно, они действительно это сделали. Но это же еще не значит, что они правы!

Сальваторе расхохотался.

— Принцесса, вы что, хотите попрактиковаться на мне в искусстве обмана? Вы, вопреки вашему утверждению, не являетесь союзником семейства Сфорца. Согласно контракту, мы участвуем в союзе, направленном против вас.

Несколько мгновений казалось, что принцесса намерена оспаривать эту точку зрения. Потом она пожала плечами и очаровательно улыбнулась.

— Ну что ж, мне ведь нужно было что-то делать. Но теперь вопрос заключается в том, что намерены делать вы.

— Я подумаю об этом, — ответил Сальваторе.

Глава 9

— Вы должны сказать принцессе, что здесь ей нечего ловить, — сказал Тома, когда Хатари ушла. — Вы же знаете, что не можете помочь ей.

— Знаю. Я просто думаю, не существует ли возможности обойти контракт.

Сальваторе вытащил копию контракта, полученную по факсу из Всемирного Центра Пересылок.

— Но он составлен предельно четко. Принцесса названа

врагом. Я располагаю свободой действий во многих вопросах, но не в этом.

— Тогда вам остается лишь сказать ей об этом, — заметил Тома.

— Да знаю я, знаю, — устало отмахнулся Сальваторе. — Пожалуйста, позвони принцессе и передай, что мы сейчас к ней зайдем. Нам нужно обсудить с ней один неотложный вопрос.

— Нам, сэр?

— А в чем дело? Что, есть какие-то причины, по которым ты не можешь туда пойти?

— У меня сейчас в разгаре инвентаризация запасов продовольствия.

— Инвентаризация может подождать, — отрезал Сальваторе и внимательно посмотрел на робота. Боковые щупальца Тома поникли и из пурпурно-красных, как это присуще здоровому роботу-пауку, превратились в болезненно-зеленые. Сальваторе вспомнил, что роботы-пауки чрезвычайно склонны к меланхолии и особенно легко впадают в нее в двусмысленных ситуациях.

— Ладно, оставайся здесь, — сказал Сальваторе. — Я пойду сам.

Глава 10

Сальваторе надел свой легкий скафандр и отправился на «Лейтру», чтобы побеседовать с принцессой.

На борту «Лейтры» его встретил Кукри.

— Приветствую вас, командор. Вы — желанный гость на нашем корабле.

— Я пришел поговорить с принцессой. Где она сейчас?

— В кладовой. Извольте следовать за мной.

Сальваторе прошел следом за Кукри по пыльным коридорам «Лейтры». Юный командор отметил про себя, что корабль принцессы относится к старой серии «Исследователь Эдисона». Видимо, принцесса не могла позволить себе что-нибудь получше. На многих деталях стояло еще фабричное клеймо, а двигатели были старыми и изношенными. Это лучше всяких слов убедило Сальваторе, что принцесса находится в трудном положении.

Большая кладовка была заполнена всяческим оборудованием и багажом. У одной стены был расчищен свободный пятачок и на нем установлен трон принцессы. Это был настоящий трон, большой, с высокой спинкой, обтянутый красным бархатом, с подлокотниками, вырезанными в виде горгулий.

Принцесса Хатари сидела на троне, и вид у нее был глубоко несчастный. Она была одета в строгое зеленое платье. На голове у принцессы была небольшая корона. Несмотря на свои двадцать восемь лет, принцесса выглядела обиженной маленькой девочкой.

— У каждого из нас есть собственный трон, — проговорила она, обращаясь к Сальваторе. — Но мой никогда не станет настоящим, да?

— Я не знаю, — отозвался юноша. — Возможно, вы найдете себе другую планету и будете ею править. Возвращайтесь на Эксельсус, принцесса. Там для вас подыщут другую планету.

— Ох, вы ничего не понимаете!

— А что здесь понимать?

Принцесса порывисто подалась вперед.

— Нам дается только один шанс. Сзади нас подпирает следующее поколение правителей, получивших образование на Эксельсусе. Мы получаем только одну попытку. Если мы проваливаем ее, то это конец.

— И что происходит тогда? Ведь не посадят же вас в тюрьму?

— Нет. Тех, кто не сумел удержаться на троне, никак не наказывают. Но для меня все будет кончено. Вся моя подготовка, все образование пойдет насмарку. Без народа, которым я смогу управлять, все мои внутренние установки нарушатся. Я почти наверняка состарюсь до срока. Я начну резко прибавлять в весе — я просто ничего не смогу с этим поделать.

— Но что вы станете делать в таком случае? Куда вы направитесь?

— Мне придется найти какую-нибудь тихую планету и стать торговкой. Возможно, придется торговать наркотиками. Это стандартная альтернатива для неудачливых венценосцев. Я слыхала, что для этого неплохо подходит Земля...

Сердце юноши не выдержало.

— Успокойтесь, принцесса. Конечно же, я вам помогу.

— Но вы не можете этого сделать! Семейство Сфорца заключило контракт...

— Это будет не первый случай, когда кондотьеры самостоятельно вступят в какое-нибудь соглашение.

— Но что с вами сделает граф Сфорца?

— Не беспокойтесь. Я как-нибудь улажу эту проблему.

Но Сальваторе лгал и сам это осознавал. Он не сможет уладить эту проблему и успокоить графа. Но он не мог и допустить, чтобы принцесса превратилась в торговку.

Глава 11

Сальваторе объяснил Дику Фогерти, своему заместителю, что он решил помочь принцессе Хатари занять трон Мельхиора.

— Сэр, ребятам это не понравится, — сказал Фогерти.

— С каких это пор меня должно беспокоить, что понравится моим людям, а что не понравится? — поинтересовался Сальваторе. — Им платят за то, чтобы они сражались, а не за высокоморальные рассуждения.

— Мораль их вообще не интересует, сэр. Но дело в том, что мы работаем на семейство Сфорца, а у Сфорца контракт с тупарями.

— Я дал слово помочь принцессе до того, как узнал о контракте.

— И что с того?

— Да то, что в таком случае я с чистой совестью могу встать на сторону принцессы.

— Но зачем вам это нужно? Когда об этом деле узнает граф Сфорца, он с вас шкуру спустит.

— Предоставь мне самому разбираться с графом.

— Но он ведь и до наших шкур может добраться!

— Но не станет, поскольку вы всего лишь подчинялись приказам вашего непосредственного начальника, то есть моим.

— Но, сэр, зачем вам все это нужно?

— У меня есть на то причины, — проворчал Сальваторе. Он вовсе не собирался рассказывать всяким макакам вроде Фогерти о своем хвастовстве перед Альфонсо или о том, как ему неприятно в шестнадцать лет все еще оставаться бубалдаром. Строго говоря, ему уже почти семнадцать! Сколько можно ходить в «шестерках»?!

— В конечном итоге граф меня еще и поблагодарит, — сказал Сальваторе.

— Не знаю, не знаю... — покачал головой Фогерти. — Все-таки что-то здесь не то...

— Я позволю вам разграбить грузовые корабли тупарей, если вы будете по-прежнему подчиняться моим приказам.

— Гм... — заинтересованно протянул Фогерти. — А тупари богаты?

— Сказочно богаты, — не моргнув глазом, ответил Сальваторе, в глубине души надеясь, что его слова соответствуют действительности.

— И мы сможем забрать все? Никакой чепухи насчет правил войны?

— У этой войны только одно правило — победитель получает все, — сказал Сальваторе. — Мы просто отдадим графу

причитающуюся ему третью часть — с этим ничего не поделаешь. Но все остальное достанется тебе и парням.

— Так, значит, сэр, в этом мятеже замешаны деньги? — уточнил Дик.

— И куда большие, чем ты можешь сейчас представить.

— Ради денег мы пойдем за вами в ад и обратно, — твердо заявил Фогерти. — Деньги — единственная религия наемника.

— Теперь я вижу, что в религиозности есть свои хорошие стороны, — усмехнулся Сальваторе. — Передай всем пилотам Звездного роя, что они должны через час быть готовы к выступлению на Мельхиор. Прикажи навигатору рассчитать курс с учетом обхождения «черных дыр». Нам вовсе не нужно вывалиться по другую сторону Поляриса. Объяви боевую готовность номер один. И пошевеливайтесь!

— Есть, сэр! — рявкнул Фогерти. Внезапная холодная четкость распоряжений юного командира ввергла заместителя в состояние благоговейного трепета.

* * *

Вскоре после этого эскадра двинулась в путь к Мельхиору. Предвкушение битвы привело экипаж в приподнято-радостное состояние. Кондотьеров мало смущал тот факт, что они идут в этот бой вопреки воле их работодателя, графа Сфорца. Мало кто любит своего начальника, особенно если этот начальник паразитирует на телах, купленных на рынке рабов, — а именно такие слухи ходили о графе. Это не было противозаконным деянием, но работать на такого человека было как-то неприятно. И, кроме того, настоящему наемнику просто полагается время от времени устраивать мятеж и выступать против начальства. Это просто закон природы.

И потому линкор «Эндимион» двинулся в путь, а к корпусу его были пришвартованы корабли Звездного роя — смертоносные мини-дредноуты, стремительно разящие «шершни» и подвижные, непредсказуемые «бездельники».

Глава 12

Линкор «Эндимион» двигался к планете Мельхиор, пожирая световые минуты и часы и постепенно наращивая скорость. Корабль был уже подготовлен к схватке; защитные экраны были установлены, артиллерийские погреба заполнены, негромко попискивал радар, обегая звездные скопления сектора Семирамиды.

Экипаж «Эндимиона» пока что не находился в состоянии полной боевой готовности. Войска особого назначения, предназначенные для наземных действий — два полка второй пехотной бригады семейства Сфорца, — все еще мирно дремали в анабиозных камерах. Сальваторе благоразумно предпочитал не будить их слишком рано: пехотинцы, если перед ними не стояла непосредственная задача, были на редкость склонны к мятежу.

Принцесса оставалась на борту «Лейтры», надежно прикрепленной к корпусу «Эндимиона».

Сальваторе попросил Тома отыскать все сведения о тупарях, какие только удастся. Некоторое время робот-паучок поработал с компьютером, потом явился к командиру с докладом.

— Ну так что ты выяснил? — спросил Сальваторе.

— В них есть нечто загадочное, — ответил Тома. — Впервые тупари упоминаются в записях экспедиции Мартина-Харриса. Именно эта экспедиция обнаружила их прозябающими на Анке, одной из лун Большого Ториса. Анк — небольшая мрачная планетка, и на тот период тупари были весьма примитивным народом. У них даже не было приличных космических кораблей. Они к тому моменту еще не нашли решения проблемы О-колец с их устаревшей силовой установкой.

— А что такое О-кольца? — спросил Сальваторе. — Мы их используем?

— Нет, мы давно уже отказались от этой примитивной технологии. На наших кораблях стоят Э-кольца, и предполагается, что вскоре их заменят на Ю-кольца. Но тогда этих моделей еще не существовало.

— Ладно, продолжай, — махнул рукой Сальваторе. — Так что там с О-кольцами?

— На тот момент они уже являлись устаревшими, — принялся рассказывать Тома. — Поэтому тупари не осмеливались уходить в глубокий космос. Когда Мартин принялся расспрашивать тупарей об их образе жизни и их верованиях, их ответы были настолько нелепыми, неправдоподобными, абсурдными, дурацкими, тупыми, слабоумными и просто настолько не лезли ни в какие ворота, что Мартин в сердцах приписал в конце отчета: «Ну, тупари, блин!» Позднее комментаторы приняли эту приписку за самоназвание открытой расы, и оно намертво к ним приклеилось.

— Экспедиция должна была получить ответы на самые существенные вопросы, — заметил Сальваторе.

— Да, но все же осталось несколько весьма странных загадок.

— Что, например?

— Ну, например, никто и никогда не видел тупаря за едой. Существует предположение, что это зрелище настолько неэстетично, что тупари предпочитают укрываться даже друг от друга. Другой пример: отдельные признаки позволяют предположить, что тупари отчасти подобны растениям, что в определенное время года они пускают побеги, а потом рождают некий нелепый и чудовищный фрукт-плод. Это ставит их в уникальное по сравнению с другими разумными расами положение и позволяет накапливать энергию при помощи фотосинтеза. Но все это — недостоверные сведения.

— Но что все это может значить? — недоуменно спросил Сальваторе.

Тома покачал головой.

— Ученые все еще не пришли к единому мнению. Несколько лет спустя тупарей посетила другая экспедиция и обнаружила, что они уже решили все проблемы с О-кольцами и начали строить вполне приличные космические корабли с подпространственными двусторонними двигателями Оуэнса-Уоткинса, хотя патент они нигде не приобретали. За очень короткий срок тупари стали воинственной расой, хотя и не особо уважаемой. Тупари оказались очень искусны в сражениях. Особенно они любили притвориться, что обращаются в бегство, а потом внезапно перейти в атаку. Позже они обнаружили, что этот прием перестал действовать, и сменили тактику. Их корабли были вооружены дальнобойными пушками и модифицированными плазменными торпедами. Тупари умели быть жестокими. Они разбирали пленников на части, чтобы посмотреть, как те устроены, а потом собирали обратно — изобретательно, но ужасающим образом.

— Неприятные типы, — заметил Сальваторе. — Они все еще живут на Анке?

Тома взмахнул щупальцами в выразительном жесте отрицания.

— Тупари уничтожили Анк в ходе военного конфликта, в котором было применено ядерное оружие. Но сперва они выжали из несчастной планеты все полезные ископаемые, какие только было можно. С тех пор тупари ищут себе новую родину. Но никто не желает иметь таких соседей. Тупари неряшливы и оставляют за собою беспорядок, где бы им ни довелось побывать. Кроме того, тупари уродливы — особенно их рты, окруженные кожистыми складками.

— Надо же, та же самая история, что и с кукри, — сказал Сальваторе. — Они тоже потеряли свою планету.

Тут в каюту вбежал Грязный Дик Фогерти.

— Командир! Радар засек чужой Звездный рой, состоящий из вооруженных кораблей!

— Попробуйте связаться с ними по радио, — приказал Сальваторе.

Фогерти быстро настроил радиоприемник. Его поросшие волосами пальцы на удивление аккуратно управлялись со светящимися кнопками.

— Они на канале 2а22, сэр.

Сальваторе включил приемник.

— Привет, — раздался из приемника голос, говорящий на интертрепе. — Есть там кто-нибудь?

— Кто говорит? — спросил Сальваторе. — Назовите себя, пожалуйста.

— Я — Селфридж Суммум Лорн, командир этой космической армады тупарей.

— Что вам нужно? — спросил Сальваторе. — Надеюсь, вы не собираетесь попытаться помешать нам добраться до Мельхиора?

— У нас и в мыслях подобного не было! — заверил Сальваторе командир тупарей. — Это ваш линкор? Большой корабль, а?

— Да, черт побери, это большой корабль, — ответил Сальваторе.

— На нем небось много оружия? Может, даже какие-нибудь новейшие изобретения?

— Мы вооружены, и мы намереваемся продолжить наш путь.

— Пожалуйста-пожалуйста, — сказал тупарь. — Что вы такие нервные? У нас к вам нет никаких претензий, и мы вовсе не собираемся доставлять вам неприятности. Мы здесь только для того, чтобы убедиться, что все в порядке. На самом деле у нас для вас есть подарок.

В командную рубку быстро вошел корабельный гардемарин.

— Сэр, по левому борту к нам приближается неизвестный предмет, приводимый в движение маленькой ракетой!

— Просканируйте его на предмет наличия взрывчатых веществ, — приказал Сальваторе.

Гардемарин бросился к телефону и живо переговорил с дежурным офицером исследовательской лаборатории. Выслушав ответ, гардемарин доложил:

— Объект инертен, сэр.

— Отлично. Примите его на борт.

Подарок от тупарей оказался пакетом со сторонами по четыре фута, упакованным в яркую оберточную бумагу.

— Можем ли мы это развернуть, сэр? — спросил гардемарин.

— Полагаю, да, — ответил Сальваторе.

Они быстро развернули бумагу и аккуратно сложили ее, как и полагалось делать военным, распаковывая странные подарки. Под бумагой обнаружилась большая коробка. Ее так же проворно открыли. Из коробки вырвалось облако желтоватого дыма. Сальваторе мгновенно нажал на кнопку включения противопожарной системы, но дым вскоре рассеялся, а вместо него в ярко освещенной командирской рубке возникли странные видения. Расплывчатые картинки сложились в образ полуобнаженной прекрасной девушки. Девушка танцевала какой-то причудливый танец. Вскоре в рубку набился чуть ли не весь экипаж. Кондотьеры следили за танцем, млея от удовольствия.

Сальваторе, тоже наблюдающий за пляской, начал осознавать, что в рубке витает какой-то странный, хотя и не неприятный запах. Юноша не мог понять, чем же это пахнет. В его сознании возник целый калейдоскоп образов: весенние дни, закат, солнечная дорожка на волнах, любовь, воспоминания...

— Проснитесь, сэр! — крикнул Тома и дернул Сальваторе за руку.

Сальваторе медленно вышел из транса. Робот-паук указал на экран. Не было никаких сомнений — к ним приближались неприятельские корабли, стремительно набирающие скорость. Сочетание символов указывало, что это Звездный рой тупарей и что тупари приближаются к «Эндимиону».

— Нападение! — крикнул Сальваторе. — Всем по местам! Машинное отделение — полный ход!

Огромный линкор, оснащенный новейшими двигателями для перемещения в атмосфере и нуль-реакторами, быстро развернулся носом к приближающейся армаде.

— У нас есть для вас еще один сюрприз, и вам придется с ним повозиться! — раздался из радиоприемника голос командира тупарей.

Сальваторе принюхался.

— Что это? — спросил он.

— Что это? — эхом повторил его вопрос Дик Фогерти, вертя головой.

— Это запах из пакета! — сказал Тома. — Они отравили атмосферу корабля феромонами!

— Включить воздушные фильтры! — скомандовал Сальваторе. — И приготовиться к атаке!

Глава 13

Теперь от Сальваторе требовалось доказать, чего он стоит. Современные правила войны требовали от командира, чтобы он уделял внимание всем своим кораблям. Благодаря современной технике он мог, находясь на борту флагмана, перехватить управление любым из кораблей Звездного роя. Таким образом командир мог выстраивать корабли в боевой порядок, перестраивать, бросать их в решающие места битвы; корабли могли поддерживать друг друга, если обстоятельства складывались не в их пользу, или не вмешиваться, если противник оказывался заведомо слабее.

Сальваторе плюхнулся в командирское кресло и пристегнул ремни. Его пальцы стремительно забегали по кнопкам и рычажкам пульта управления. Огромные экраны, расположенные прямо перед Сальваторе и по бокам, давали ему возможность следить за переменами в ходе битвы.

Звездный рой тупарей развернулся в боевой порядок номер двенадцать, прозванный «зубастой корзиной», и понесся на огромный линкор... Целью этого маневра было взять кондотьеров в клещи и обрушить на них перекрестный огонь.

Со стороны могло показаться, будто Сальваторе добровольно идет в западню. Но на самом деле у него было припасена пара ловких трюков. Клещи сомкнулись, и тупари, должно быть, уже облизнулись в предвкушении крупной добычи, но тут Сальваторе резко включил обратный реверс. Это был трудный маневр. Для него требовался точнейший расчет времени и согласованность действий. Большинство военных космических кораблей были просто не способны на такой маневр. Ситуация осложнялась тем, что к изначально присутствовавшему на месте стычки Звездному рою тупарей присоединились еще два с ближайших планет, Декстера II и Порт-сан-планет. Теперь их силы значительно превышали численностью отряд Сальваторе, а объединенной огневой мощи этой армады хватило бы, чтобы разнести в клочья какую-нибудь планету. Сальваторе продолжал удерживать занимаемые позиции и выжидал, едва касаясь пальцами пульта. При помощи ножных педалей он в любое мгновение мог произвести фланговый маневр, а наклона головы хватало, чтобы открыть огонь.

С точки зрения тупарей это выглядело так, словно отряд Сальваторе внезапно исчез из поля их зрения. Кондотьеров не могли отыскать даже радары. Сальваторе одновременно выполнил уход в сторону и переход в другое измерение.

Сальваторе перевел корабль в подпространство, все еще сохраняя контроль над общим управлением. Неподалеку плавали странной формы объекты размером примерно со спутник. Если бы какой-нибудь из кораблей столкнулся с таким объектом, он был бы мгновенно уничтожен, поскольку это были планеты. В подпространстве они под воздействием не до конца изученных сил съежились, но не утратили ни массы, ни гравитации.

Некоторое время Сальваторе маневрировал, уклоняясь от статических силовых линий ближайшей «черной дыры», а потом перевел «Эндимион» обратно в обычное пространство. Он вынырнул из подпространства именно там, где и рассчитывал: далеко за спинами эскадры тупарей. Те лихорадочно пытались перегруппироваться, но построение «корзиной» сейчас работало против них.

— А теперь сделайте их, ребята! — крикнул Сальваторе и перевел все корабли своего Звездного роя на индивидуальное управление.

Кондотьерам не нужно было повторять подобный приказ дважды. Командиры эскадрилий уже находились на бортах своих кораблей и ждали лишь сигнала командора. Услышав приказ, они радостно взвыли; их корабли оторвались от линкора и врезались в смешавшиеся порядки тупарей. Плазменные пушки выплюнули красные струи. Жгучие лучи срывали корабли противника с неба и расплющивали о случайно проносящуюся мимо комету. Электрические разряды метались от корабля к кораблю, разрывая тьму космоса. Пылали взорвавшиеся корабли тупарей. Спустя минуту все было окончено. Уцелевшие тупари поспешно отступили. Перед «Эндимионом» возник сине-бело-зеленый шар — планета Мельхиор.

Глава 14

С эскадрой тупарей было покончено, но на Мельхиоре оставалась их военная база. Она располагалась в крепости, находящейся на крупнейшем материке планеты. После нескольких попыток Сальваторе удалось связаться с этой крепостью.

— Я хочу произвести посадку, — сказал он.

— Нет, вы не можете этого сделать, — отозвался командующий тупарей. — Это наша планета.

— Эта планета не ваша, — возразил Сальваторе. — Потрудитесь немедленно ее очистить — так вы избавите себя от крупных неприятностей.

— Это исключено, — сказал командующий тупарей. — Мы обнаружили эту планету, и мы намерены и впредь ее удержи-

вать. Если вы немедленно уберетесь отсюда, мы не станем уничтожать вас и ваш отряд.

— Попробовали бы! — хмыкнул Сальваторе. — Ваша армада уже пыталась уничтожить «Эндимион», и что от нее осталось? Полагаю, то же самое ждет и вас, и в самое ближайшее время.

— Нас? Никогда!

Глава 15

«Эндимион» совершил посадку на платформу, установленную в пяти километрах над поверхностью планеты. Десантным отрядам было приказано приготовиться к высадке. Десантники были вооружены ружьями-огнеметами, острыми штыками и гранатами огромной разрушительной силы, и их уже охватило боевое безумие.

Суша составляла лишь небольшую часть поверхности Мельхиора. Но тупари получили доступ к ресурсам планеты. У них хватило предусмотрительности быстро построить подводный город. Туда-то тупари и отступили и там и засели, оказывая ожесточенное сопротивление.

Сальваторе приказал своим бойцам высадиться на одном из островов ближайшего архипелага и заняться уничтожением этого подводного города. Эта задача казалась достаточно несложной. Подводные «кроты» продвигались вперед, и из их отводных труб вырывались пузырьки воздуха. Кондотьеры, переодевшись в подводные скафандры, готовились к последнему штурму.

Глава 16

Космические битвы давно уже стали главным способом разрешения военных конфликтов, но все же до сих пор часто возникала необходимость в наземных сражениях. Для этого с разнообразных перенаселенных планет импортировались солдаты. Они проходили краткий курс военной подготовки, чтобы произвести благоприятное впечатление на арбитров, отслеживающих наземные конфликты.

До возникновения потребности в них солдат-пехотинцев держали на специальных складах. Эти склады представляли собой помещение, от пола до потолка заполненное поставленными друг на друга койками. Между рядами коек оставляли

узкие проходы, чтобы могли пройти уборщики. Каждая койка была оборудована аппаратурой для поддержания жизни и пробуждения из анабиоза.

Пехотинцы так и лежали на этих койках — с капельницами, подсоединенными к венам, и с кислородными масками на лицах. Играла тихая музыка. Солдаты ожидали сигнала, который прикажет им проснуться и встать.

* * *

В коридорах трюма зазвучал сигнал тревоги. Яростно замигали огоньки приборов. Раздался вой сирены, потом — пронзительный свист. Мгновенно активизировалась деятельность аппаратуры жизнеобеспечения. Каждому солдату была автоматически впрыснута доза адреналина.

Солдаты заворочались, застонали, заворчали, принялись протирать глаза, почесываться, трясти головой и спрашивать друг друга: «Чего стряслось-то?» Они послезали со своих коек, достали из-под матрасов отлично отглаженную форму и оделись, потом построились под рев и вопли свежеразбуженного сержанта.

В трюм вошел Сальваторе. Он подождал, пока наступит тишина, и обратился к войскам:

— Парни, я пришел сюда, чтобы сказать несколько слов своим товарищам, которые падут в грядущей битве. Их будет не так уж много. Кое-кто из вас — новички, только что прибывшие с Фабрики Солдат. Вам стоит быть особенно внимательными.

Когда Сальваторе выехал на сцену, солдаты были — само внимание. Шпоры командора сверкали на солнце, а стремена слегка позванивали. Когда Сальваторе обвел пехотинцев взглядом, в этом взгляде сквозило не только великолепное презрение, но и усталость. Он очень устал. Подготовка сражения — нелегкое дело, и ведь за всем нужно присмотреть!

Глава 17

— Сэр! — окликнул командора Тома. — Вас к телефону!

— Ты что, не видишь, что я веду людей на отчаянное дело? Скажи, что я перезвоню попозже. Если буду жив.

— Полагаю, сэр, вам лучше все-таки ответить на этот звонок, — настойчиво произнес Тома.

— Да кто там звонит? — поинтересовался Сальваторе. — По твоему тону можно подумать, что на связи сам Господь Бог.

— На настоящий момент этот звонок для вас важнее божественного внимания. Это граф Сфорца.

— Ой, блин!

* * *

— Это ты, Сальваторе?

— Да, граф, это я. Вы меня слышите?

— Говори громче, на линии какие-то помехи.

— Разрешите, я включу фильтр шумов. Так лучше?

— Да, лучше. Сальваторе, что ты, по-твоему, сейчас делаешь?

— Собираюсь вести своих людей в сражение, — ответил Сальваторе. — Честно говоря, у меня сейчас не самый подходящий момент для разговоров.

— А теперь слушай меня внимательно. Ты собираешься вступить в бой с тупарями? Я правильно понимаю? Что-что ты сказал?

— Я сказал «да», — угрюмо пробормотал Сальваторе.

— Тебе что, не объяснили, что тупари — наши союзники?

— Мне об этом сказали. Но в этих тупарях есть что-то зловещее. Я говорю совершенно серьезно, сэр. Я думаю, для нас лучше будет выступить на стороне принцессы.

— Ты думаешь? Кто тебе сказал, что ты можешь думать?

— Мне полагается думать, потому что я — старший по званию в этом отряде.

— Думать — это одно, а начать войну против союзника — совсем другое, — назидательно изрек граф Сфорца. — Сальваторе, немедленно останови эту заварушку.

— А, черт! — воскликнул Сальваторе.

— В чем дело?

— Атака только что началась.

— Как это могло произойти? Ты что, подал своим людям какой-то знак? Сражение не может начаться, пока командир не подаст сигнал.

— Когда вы сказали мне немедленно прекратить это все, я в сердцах ударил сжатым кулаком по ладони.

— Ну и что?

— Обычно я именно так и подаю сигнал к началу битвы.

— Сальваторе, — произнес граф со смертоносным спокойствием, — я хочу, чтобы ты немедленно остановил это сражение, извинился перед тупарями и явился ко мне. Полагаю, нам нужно кое-что обсудить.

— Да, сэр. Будет исполнено, сэр, — отозвался Сальваторе.

Глава 18

На некоторое время Сальваторе впал в уныние. Ведь победа уже была, считай, у него в руках! И тут его военачальник, граф Кармино Сфорца, приказывает все бросить, отдать с таким трудом добытую победу тупарям и немедленно возвращаться домой. Прыжками!

Потом Сальваторе решился. Он проигнорировал приказ и вместе со своими войсками спустился на поверхность Мельхиора. Их высадка не встретила ни малейшего сопротивления. Кондотьеры быстро устроили командный пункт.

Принцесса Хатари также впала в уныние. Она покинула «Эндимион» и присоединилась к Сальваторе, чтобы быть наготове на случай празднования победы. Она надела новое коронационное платье, изумрудно-зеленое, с отделкой из бриллиантов. То есть на самом деле это были цитрины, но принцесса намеревалась впоследствии, после вступления на престол, заменить их настоящими бриллиантами.

— Люди ожидают от монарха, что тот при любых обстоятельствах будет выглядеть величественно и пышно, — пояснила Хатари. — Нам приходится оправдывать ожидания.

— Можете забыть о коронационном платье, — мрачно сказал Сальваторе. — У нас крупные неприятности.

— Но ведь вы же сможете с ними справиться, правда? — спросила Хатари таким нежным голосом, что вся хмурость шестнадцатилетнего капитана растаяла, словно лед под лучами солнца.

— Не знаю, — отозвался Сальваторе. — Может, сумею, а может, и нет. Дайте мне немного подумать...

Командор встал и начал расхаживать по грубо обтесанному полу командного пункта. Присутствовавшие проворно уступали ему дорогу. Сальваторе был хорошим командиром, и подчиненные его любили, но не забывали о его вспыльчивом нраве. Сальваторе хмурился, кривил губы и щурился. Потом он принялся при ходьбе шаркать ногами по полу. Наконец он забрел в угол, уткнулся лбом в стену и пронзительно заулюлюкал. Этот неожиданный вопль сильно перепугал принцессу. Что касается кондотьеров, они не обратили на улюлюканье ни малейшего внимания. Они уже давно привыкли к странному способу, которым их командир спускал пар.

Наконец Сальваторе успокоился.

— Ну что ж, — сказал он, — где у нас офицер, заведующий наземными контактами?

— Это часть моих обязанностей, — отозвался Дик Фогерти.

— На этой планете есть местное население?

— Так точно, сэр. Раса, именуемая сими.

— Как далеко отсюда расположен ближайший город сими?

— За тем гребнем горы есть какой-то город, — доложил Фогерти.

Сальваторе посмотрел в телескопический перископ. Этот прибор — если его как следует отрегулировать — позволял подробно рассмотреть окружающую местность. Сальваторе увидел зелено-оранжевый пейзаж с отдельными вкраплениями коричневого цвета. Вокруг командного пункта росли деревья, но Сальваторе никогда еще не приходилось видеть ничего подобного. Больше всего эти деревья напоминали гигантские оранжевые грибы, поросшие перистыми листьями. Листья переливались разными оттенками зелени, словно оперение павлина. За лесом виднелись гребни скалистых гор. Прямо перед командным пунктом раскинулся луг, а за ним находился довольно большой город.

Сальваторе повернулся к Фогерти.

— Как вы полагаете, сможете вы взять группу солдат и доставить мне сюда взрослого сими?

— Без проблем, босс, — откликнулся Фогерти. — Если вы собираетесь его пытать, я постараюсь подобрать экземпляр покрепче.

— Я собираюсь просто побеседовать, без всяких пыток, — ответил Сальваторе.

— Ясно, командор.

Фогерти повернулся, чтобы отобрать несколько человек. Но тут донесся крик одного из часовых:

— Сэр! Сюда идет разумное существо!

Сальваторе снова приник к окуляру перископа и увидел существо, больше всего напоминающее кенгуру. Вот только у кенгуру не бывает ярко-зеленого меха, местами переходящего в редкие перья. Периодически существо хлопало рудиментарными крыльями, словно надеясь взлететь. Череп у него был крупнее, чем у кенгуру. Заметные выпуклости затылочных долей свидетельствовали о разумности существа.

— Ну что ж, проблема решилась сама собой, и идти никуда не пришлось, — сказал Сальваторе. — Проверьте, нет ли у этого типа оружия, и проводите его ко мне.

Глава 19

По знаку Сальваторе часовой открыл дверь командного поста и впустил сими. При ближайшем рассмотрении Сальваторе обнаружил, что глаза у сими были ярко-зеленые, с редкой

россыпью золотистых точек. Сальваторе не знал, имеет ли это какое-нибудь значение.

— Вы говорите на интертрепе? — спросил Сальваторе.

— Да, в числе прочих языков, — отозвался сими на чистейшем, без малейшего акцента интертрепе. — Я переводчик и потому говорю на множестве инопланетных языков так же хорошо, как и на своем родном оу'сими.

— Добро пожаловать на мой корабль, — сказал Сальваторе. — Я — бубалдар кондотьеров графа Кармино Сфорца. Я прибыл сюда, чтобы помочь вам освободиться от ига тупарей.

— Вы двигаетесь чересчур быстро для меня, — сказал сими, моргая и щурясь. — И потому я вижу вас как-то расплывчато.

— Может, вам нужны очки? — предложил Фогерти и загоготал, но тут же осекся, наткнувшись на взгляд Сальваторе.

— Мы можем видеть очень хорошо, но лишь тогда, когда перед нами предметы привычного нам цвета и формы, — сказал сими и искоса взглянул на Сальваторе. — Вы ведь бипедальны, да? У вас две ноги? Да, теперь я вижу. Так что вы там сказали насчет цели вашего прибытия?

— Я хочу освободить вас от захватчиков-тупарей, — повторил Сальваторе.

— А кто это такие? — удивленно спросил сими.

— Большие, высокие ребята с кожистыми складками на мордах, — пояснил Сальваторе.

— А, понял! Благодетели! Мы называем их благодетелями.

— Тупари — благодетели? Вы, наверное, имеете в виду какую-то другую расу.

— Нет-нет, последнее время здесь не было никаких других посетителей, кроме тупарей. Видите ли, они пришли, чтобы помочь нам. Мы, сими, — несчастные создания, и мы чрезвычайно нуждаемся в помощи. Тупари согласились выполнять за нас всю работу, какая только потребуется. А это, знаете ли, довольно большие объемы.

— Но вы же избрали королеву! — воскликнул Сальваторе.

— Ну да, но тупари поговорили с нами, и мы передумали.

— Возможно, вам придется еще раз пересмотреть свое мнение. Правление королевы будет исключительно благотворным для вас. Я привез ее величество сюда. Она вам понравится.

— Вполне возможно, что королева и вправду нам понравится, — не стал спорить сими. — Нам нравятся большая часть народов, рас и разнообразных вещей. Но ведь королева не станет выполнять за нас всю работу, как это пообещали тупари. Они взяли на себя абсолютно все — можете себе такое представить? Они даже опекают инкубаторы, где мы растим нашу мо-

лодежь. В результате миллионы сими освободились для других дел.

— Но как вы можете доверить вашу молодежь какой-то чужой расе? — изумился Сальваторе.

— А что в этом сложного? Я имею в виду — это ведь просто яйца. Они просто лежат в инкубаторе, да и все, — понимаете, что я хочу сказать? Единственный интересный момент, связанный с яйцом, — это когда из него вылупляется малыш. А после этого он уже не яйцо, а лишний рот, который надо кормить.

— Вам не нравится заботиться о собственных яйцах? Но вы же сами вылупились из таких же яиц!

— Ну да, конечно, но ведь это было задолго до того, как мы узнали, что можно все устроить получше. Теперь о яйцах заботятся тупари, а мы занимаемся более важными делами.

— Чем, например?

— Мы идем в великие леса и любуемся на синие листья.

— А что, эти листья так трудно разыскать?

— Да нет, не особенно.

— Тогда зачем вы это делаете?

Сими уставился на Сальваторе, раскрыв от изумления рот.

— Это совсем не похоже на дружеский вопрос! Мы просто это делаем, вот и все.

— Как вы можете позволять чужакам делать все вместо вас?

— По причине низкой самооценки, — сказал сими. — Мы не самого высокого мнения о себе. Мы не очень смышленые и не очень воинственные. Но нам очень нравится гулять по лесу и собирать синие листья. Если каждый сими получит возможность этим заниматься, мир станет лучше.

— И что, все сими так считают?

— Да, все, — отозвался сими. — Каждый сими испытывает те же самые чувства, что и все остальные сими. Таким путем мы избегаем разногласий.

Глава 20

— И что же теперь? — поинтересовался Тома.

Сальваторе пожал плечами. Он до сих пор находился в командном пункте, который представлял собой сборное сооружение — фактически палатку. Пол в командном пункте был застелен коврами, а с перекрещивающихся стоек свисали светильники.

Здесь присутствовало множество вооруженных людей в мундирах цветов семейства Сфорца — пурпур с серебром — и небольших фуражках с кокардами в виде орлиного пера. В командном пункте был установлен телефонный коммутатор. Это давало Сальваторе возможность связаться с любым из своих людей в наземных отрядах и с «Эндимионом», парящим у них над головами. А еще в командном пункте ощутимо пахло потом.

Появилась принцесса. Она посмотрела на мрачного парнишку-командира и обеспокоенного робота-паука, выбрала место, где можно присесть, и обратилась к Сальваторе:

— Вы сделали все, что могли, но сими не хотят принимать меня. Лучше будет, если вы подчинитесь приказу графа. А я отправлюсь прочь.

— Нет, — сказал Сальваторе. — Пока что нет.

— Что вы собираетесь делать?

— Слушайте, здесь что-то глубоко не так! — сказал Сальваторе. — Вся доступная нам информация свидетельствует, что тупари — злобный и жестокий народ. Почему вдруг сими захотели, чтобы тупари у них остались? Тупари явно одурачили их — наивных, простодушных существ. В чем же кроется обман?

— Мы не знаем этого. И у нас нет времени, чтобы это выяснить.

— И тем не менее выяснить необходимо! И я все-таки узнаю, что тупари делают в городах сими!

— Но у вас нет возможности пробраться через линию обороны тупарей к главным городам и наиболее заселенным районам.

— Ничего, я изыщу такую возможность! — Сальваторе повернулся к Тома. — Свяжись с Альфонсо по нашему личному каналу.

Глава 21

— Это сумасшедший план, — сказал Альфонсо.

Он только что прилетел на своем корабле с рудников, расположенных в пятидесяти милях от префектуры Моронмсиа. Альфонсо изучал там закономерности залегания геологических пластов — это позволяло представить себе наличие полезных ископаемых на данной планете. Они быстро обменялись приветствиями, Сальваторе объяснил, в каком затруднительном положении очутился, и Альфонсо согласился помочь хромосом-брату. Теперь Альфонсо под покровом ночи вел Сальваторе и Тома по безлюдным землям к городу сими.

— Мне необходимо точно знать, что здесь творится, — отозвался Сальваторе.

— Но это опасно — идти туда.

— Но это единственный способ разобраться в происходящем, — не сдавался Сальваторе.

— Нам лучше прибавить шагу, — заметил Тома.

Небольшая группа быстро шла сквозь ночь. Сальваторе и Альфонсо были одеты в бесформенные серо-коричневые балахоны. Эта идея принадлежала Альфонсо. Зная об особенностях зрения сими, он надеялся, что подобные одеяния, да еще и ночью, позволят им незамеченными пройти мимо местных жителей.

Городские ворота были открыты. Юноши и робот крадучись проскользнули внутрь. В городе было совершенно тихо, если не считать бормотания телевизоров, вывешенных на телефонных столбах. Сими питали нежнейшую привязанность к телевидению и много лет подряд покупали наихудшие фильмы «Фоулти-Тауэр». Они утверждали, что это зрелище исключительно забавно даже с точки зрения инопланетян.

Сальваторе, Альфонсо и Тома прошли по узким пустынным улочкам, застроенным необычными пузатыми домиками, потом пересекли главную площадь и спустились по мощенной булыжником дороге на какое-то открытое пространство. На другой стороне улицы возвышалось очень большое здание из красного кирпича.

— Вот это и есть инкубатор, — сказал Альфонсо.

Ворота были снабжены массивной цепью и засовом, но никто не потрудился задвинуть засов в паз. Трое разведчиков приоткрыли ворота и пробрались внутрь. Внутри оказалось пусто — ни охраны, ни работников.

— Ну и куда все подевались? — прошептал Сальваторе.

— Смотрят полуночный репортаж с соревнований по гарпунной рыбной охоте, — ответил Альфонсо.

— Вот и удобный момент для нас, — сказал Сальваторе.

— Надеюсь, что да, — отозвался Альфонсо. — А теперь мне пора возвращаться к себе на шахту. Удачи!

Альфонсо исчез, а Сальваторе и Тома вошли в здание инкубатора.

Глава 22

В тусклом свете висящих под потолком ламп были видны длинные ряды плетеных колыбелей. Сальваторе пошел по проходу. В корзинах лежали яйца, по три-четыре в каждой.

Сальваторе узнал яйца сими — перед выходом он как следует изучил «Яичный справочник». Яйца сими были красновато-коричневыми, около четырех дюймов в длину. Один их край был заострен, другой — скруглен. Но в корзинках лежали и другие яйца — чуть меньше по размеру, чем яйца сими, серовато-белые в фиолетовую крапинку. Эти яйца были почти что круглыми.

Ну и что это за вторая разновидность? Сальваторе принялся внимательно разглядывать пестрые яйца. Они почему-то внушали ему беспокойство. Юноша взял в одну руку такое крапчатое яйцо, а в другую — обычное красновато-коричневое яйцо сими. Крапчатое яйцо было тяжелее и словно слегка сальное на ощупь.

— Это яйцо не принадлежит сими, — уверенно сказал он, обращаясь к Тома.

Робот-паук осторожно прикоснулся щупальцем к крапчатому яйцу.

— Вы правы, сэр. Они не принадлежат сими. Но чьи же это яйца?

— Думаю, мы сможем найти ответ, — сказал Сальваторе. — Ты захватил «Яичный справочник»?

— Вот он, — отозвался Тома. Он покопался в небольшой сумке, пристегнутой к самой широкой части туловища, и извлек оттуда книгу. — Сейчас поищу... Крапчатые, почти круглые... — Робот быстро перелистал несколько страниц. — Вот оно, командир!

На странице сорок четыре обнаружилось изображение яйца. Подпись под картинкой гласила: «Изображение яйца тупарей».

— Вот оно! — не сдержался Сальваторе.

— Совершенно верно, — согласился Тома. — Вы проникли в самое сердце этой тайны, сэр.

— Теперь все ясно, — сказал Сальваторе. — Тупари втерлись в доверие к сими и получили доступ в их инкубаторы. Получив контроль над инкубаторами, тупари подложили туда свои яйца, поместив их рядом с яйцами сими.

— И какова цель?..

И тут Сальваторе внезапно озарила жуткая догадка.

— Они собираются убить вылупившихся детенышей сими! А потом тупари беспрепятственно захватят Мельхиор и заселят собственными мерзкими отродьями!

Тома задумчиво свил щупальце в клубок.

— А почему сими не заметили, что часть яиц отличается?

— Ты же знаешь, как плохо они видят. Тупари явно учли этот фактор.

Тома согласно махнул щупальцем.

— Мы должны немедленно сообщить об этом в соответствующие инстанции.

— У нас уже нет времени, — возразил Сальваторе. — Слушай! — и он протянул роботу-пауку яйцо сими.

Тома взял яйцо и осторожно повертел его в щупальцах.

— Что я должен слушать, сэр?

— Поднеси яйцо к уху.

Тома выполнил указание.

— Внутри что-то шевелится! — воскликнул он.

— Совершенно верно. Через несколько часов из яиц начнут вылупляться детеныши. А как только они вылупятся, будет уже поздно.

— Что же нам делать? — спросил Тома.

Сальваторе огляделся по сторонам и увидел в углу бочонок, из которого торчали медные прутья. Он вытащил прут в два фута длиной, взвесил его в руке и решительно двинулся к ближайшей корзине.

— Мне эта идея не кажется очень уж хорошей, — осторожно заметил Тома.

— Неважно, что там тебе кажется. Помогай.

Он наклонился и врезал по ближайшему яйцу тупарей. Потом врезал второй раз. Потом третий. Наконец по скорлупе разбежались трещины. Потом яйцо раскололось надвое, и из него высунулась вытянутая морда со странной кожистой пастью.

— О Господи! — вскрикнул робот. — Оно движется ко мне!

Детеныш оскалил острые клыки. Его маленькие красные глазки вспыхнули злобой, и он двинулся к попятившемуся роботу-пауку.

— Почему он гонится за мной? — недоуменно спросил Тома.

— Такова природа тупарей, — пояснил Сальваторе. — В «Яичном справочнике» сказано, что тупари ведут себя наиболее свирепо сразу после рождения. Некоторые утверждают, что таким образом детеныши выплескивают свой гнев на то, что их родили в этот мир боли и неисполнимых желаний. Но это не больше, чем теория. Точно известно лишь то, что сразу после рождения они нападают на все, что движется.

— Очень интересно, — вежливо заметил Тома. — Но не могли бы вы что-нибудь сделать с этим детенышем? А то он пытается отъесть одно из моих щупалец.

Сальваторе вытащил из кобуры свой бластер, переключил его на узкий луч и быстро превратил детеныша в дурно пахнущую головешку. Потом они с Тома пошли вдоль рядов, уничтожая яйца тупарей.

Наконец задача была выполнена.

— Мы справились, — сказал Сальваторе. — Теперь эти существа не выберутся в ничего не подозревающий мир.

— Аминь! — подытожил Тома. — Теперь остается только объяснить все графу Сфорца.

Глава 23

Вернувшись в лагерь кондотьеров, Сальваторе засел у себя на командном посту и принялся обдумывать дальнейшие действия, потягивая «Овалтайн», приготовленный заботливым Тома.

Сальваторе погрузился в свои мысли и отвлекся от раздумий лишь тогда, когда заметил, что комнату пересекла какая-то тень, а сзади раздался шорох. Сальваторе стремительно вскочил и обернулся. С потолка спустились трое мужчин. Они были с ног до головы одеты в черное, и даже лица их были почти полностью скрыты под черными капюшонами. За спиной у каждого был приторочен меч. Незваные гости были обуты в легкие тапочки на сверхлипкой подошве, позволяющие им бегать по стенам, хотя это и создавало значительную нагрузку на тазобедренные суставы. Двигаясь со стремительной грацией, ниндзя быстро спустились на пол и скинули тапочки-присоски. Теперь они были готовы к действиям.

Трое ниндзя плечом к плечу двинулись к Сальваторе. Все они улыбались, и это показалось Сальваторе зловещим признаком. Он быстро взглянул в сторону и понял, что его собственное оружие оказалось вне зоны досягаемости. Лучевой меч висел на стене. Бластер хоть и был почти разряжен, но все же и его хватило бы, чтобы нашинковать этих сосунков соломкой. Но и бластер лежал слишком далеко.

Сальваторе пришло в голову — а не отвлечь ли ниндзя разговором и не попытаться ли прорваться к бластеру?

— Привет, ребята. Что случилось? — спросил командор, искусно имитируя манеру поведения неопытного юнца.

— Мы пришли за тобой, — ответил стоявший впереди ниндзя.

— Что, в самом деле? — поинтересовался Сальваторе. — И куда вы хотите меня забрать?

— Не вздумай кидаться к оружию, — предупредил ниндзя.

Медлить было некогда. Бластер был уже почти рядом.

В комнате внезапно стало невыносимо душно. В квадрат окна струился свет двух лун Мельхиора.

Сальваторе рванулся к бластеру, но было поздно. Ниндзя уже окружили его. Что-то резко ударило юношу по левому уху. Перед глазами у Сальваторе заплясали яркие разноцветные круги, и это было последнее, что он запомнил.

Глава 24

Когда к Сальваторе вернулось сознание, голова у него просто раскалывалась от боли. Юноша лежал на холодном каменном полу пустой каморки площадью не более десяти квадратных футов. Единственное окошко находилось высоко под потолком.

Сальваторе поднялся на ноги и принялся расхаживать по каморке. Силы понемногу возвращались к нему. Юноша понял, что гравитация здесь меньше, а в воздухе чувствовался свежий, но какой-то резковатый запах. Он находился не на Мельхиоре.

Заскрежетал ключ в замке. Дверь отворилась. На пороге появился человек в походной форме. В руке у него был бластер. Пришедший явно был настороже.

— Эй, ты! Идем со мной!

— Где я? — спросил Сальваторе.

Они вышли в коридор. Стражник взмахнул рукой.

— Ты что, не узнаешь архитектуру? Это же дворец графов Сфорца на планете Риенца!

— Так, значит, я на Риенце, — пробормотал Сальваторе. — Этого я и боялся.

Граф Сфорца все-таки добрался до него! В сознании Сальваторе мгновенно пронесся целый вихрь мыслей. Сможет ли он одолеть стражника и бежать? Но куда ему бежать? У графа хватит могущества разыскать его на любой планете, невзирая на расстояния, и снова доставить сюда. Он нигде не найдет надежного убежища.

Сальваторе прошел следом за стражником по длинному полутемному коридору, потом — через внутренний дворик. В стенных нишах стояли античные мраморные статуи со строгими ликами римлян.

Они вошли в комнату, где сидел граф Сфорца и играл в игрушки. Теперь Сальваторе припомнил, что граф коллекционировал игрушки и очень радовался, отыскав какой-нибудь новый необычный экземпляр. Новые игрушки графа выглядели просто очаровательно — черные с серебряной отделкой. Сальваторе не знал, как они работают, но ему очень хотелось это выяснить.

* * *

Граф положил игрушку, которую держал в руках, и повернулся к Сальваторе. Граф Сфорца был крупным мужчиной с отчетливо оформившимся брюшком, которое отчасти скрывал просторный горностаевый халат. По круглому лицу графа можно было предположить, что это человек, привыкший потворствовать своим желаниям, и слегка жестокий. Граф носил небольшие усики и заостренную бородку.

— Сальваторе, Сальваторе, — сказал граф, покачав головой, — ну и что мне теперь с тобой делать?

— Где вы раздобыли эти новые игрушки? — вместо ответа спросил Сальваторе.

Граф Сфорца улыбнулся.

— Нравится? Их привезли с последней партией товара с Планеты Игр.

— Я никогда прежде о ней не слыхал.

— Это компания, недавно возникшая в созвездии Дельта Сигма. Их девиз: «Место для людей с молодым сердцем и набитыми карманами».

— Хорошо сказано, — заметил Сальваторе. — Коротко и четко.

— Именно, — кивнул граф Сфорца. — Я прихватил эти игрушки с собой, чтобы ты знал, от чего отказался. Там, куда я тебя отправлю, мальчик мой, не будет никаких игрушек.

— И куда же? — спросил Сальваторе.

— Ты отправишься в Унылый лагерь на планете Трабаджо. Ты будешь собирать бобы вместе с роботами-пеонами и каждый вечер слушать назидательные лекции. Тебе там не понравится, Сальваторе. Там будет полно монотонной и утомительной работы, как раз такой, которую ты ненавидишь. Мое сердце разрывается от сочувствия к тебе, но я ничего не могу поделать. Ты нарушил мой приказ, и ты должен быть наказан.

Сальваторе пожал плечами и принял стоический вид.

Граф вздохнул и повертел в руках одну из новых блестящих игрушек. При повороте в одну сторону игрушка издала довольный визг, а при повороте в другую — захихикала.

— Я мог бы простить почти все, Сальваторе, — сказал граф Сфорца. — Но как ты мог потерять мой корабль?

— О чем вы? Когда я спускался на Мельхиор, то оставил «Эндимион» на орбите.

Граф покачал головой.

— Вскоре после того, как мои ниндзя схватили тебя, «Эн-

димион» куда-то улетел и с тех пор не объявлялся. Полагаю, это следствие твоих приказов.

— Я не отдавал такого приказа!

— Ну конечно, сейчас ты будешь утверждать, что не отдавал, — сказал граф. — Но в любом случае, раз это случилось, ответственность лежит на тебе.

— Да, естественно, — согласился Сальваторе. — Если «Эндимион» действительно пропал, я заплачу за него.

— Из каких средств, позволь поинтересоваться? Твоего офицерского жалованья на это не хватит, даже если копить его пару тысяч лет. А ты, кстати, больше не будешь получать офицерское жалованье.

Сальваторе пожал плечами.

— Ну тогда я вообще ничего не могу с этим поделать.

— Ты можешь сказать мне, куда ты девал корабль. Ты наверняка оставил какие-то приказы на случай своего отсутствия. Ты должен знать, куда отправился «Эндимион».

— Я действительно понятия не имею, куда они делись, — сказал Сальваторе.

Граф пересек комнату и уселся на край письменного стола.

— Нужно мне было послушаться своих советников. Ведь говорили же они мне, что это безумие — доверять космический корабль стоимостью в триллион долларов четырнадцатилетнему мальчишке.

— Мне шестнадцать!

— Но когда я отдал корабль под твое командование, тебе было четырнадцать.

— Вам отлично известно, что мы, подростки, давно уже доказали, что мы куда более надежны, чем зрелые мужчины вроде вас, — сказал Сальваторе.

— Не нужно мне дерзить, молодой человек! — сказал граф Сфорца.

Сальваторе опустил голову, но его взъерошенные рыжие кудри всем своим видом выражали непокорность, а веснушки горели, словно боевые звезды.

— Вижу, мне стоит дать тебе почувствовать вкус тех мучений, которые тебе вскоре придется испытать, — сказал граф. — Я приготовил документальный фильм о печалях и неудобствах, ожидающих тебя на Трабаджо.

— К чему все эти хлопоты, если я в ближайшем будущем испытаю это все на своей шкуре?

— К тому, что я хочу, чтобы ты поразмыслил об этих испытаниях заранее, до того, как попадешь на Трабаджо.

— Если это какая-то тонкая острота эпохи Ренессанса, то я не уловил ее сути, — заметил Сальваторе.

Граф Сфорца гневно взглянул на юношу. Его лицо и шею залила багровая краска гнева. Наступил критический момент. Повелитель кондотьеров и его юный командор оказались на грани того, чтобы произнести слова, после которых примирение окажется невозможным. Но в эту секунду в комнату влетел стражник. Незастегнутый жилет лучше всяких слов свидетельствовал о спешке.

Глава 25

— Сэр! — крикнул стражник. — Появился линкор «Эндимион»!

Граф Сфорца и Сальваторе уставились друг на друга в полнейшем изумлении, и в это мгновение засветилась приемная плата нуль-переходника. В этом свете возникли три фигуры. Сперва они были подобны призракам, потом медленно приобрели плоть. Это оказались Альфонсо, Тома и Кукри.

Изумление графа быстро сменилось гневом.

— Что вы сделали с моим кораблем?! — рявкнул он на новоприбывших.

— То, что должен был сделать любой, любящий человечество, — ответил Тома. Робот-паук прошел в середину комнаты. По тому, как поникли его щупальца, можно было понять, что Тома смертельно устал. Но все же он изо всех сил старался держаться прямо и с достоинством.

— Я взял «Эндимион» и последовал за тупарями, когда они сбежали с Мельхиора. Это произошло вскоре после того, как ваши ниндзя похитили командора Сальваторе, и через некоторое время после того, как он уничтожил яйца тупарей.

— Что-что он уничтожил? — недоуменно переспросил граф Сфорца. — Мне об этом ничего не известно.

Сальваторе объяснил, каким образом тупари подменили яйца сими в инкубаторах на свои собственные с явным намерением полностью уничтожить новое поколение сими и заселить планету.

Некоторые время граф Сфорца переваривал услышанное, потом сказал:

— Чистая работа. И, значит, вы последовали за ними?

— Да, сэр, — сказал Тома. — Чтобы посмотреть, куда они направятся.

— И куда же они направились?

— Я бы предпочел, чтобы об этом рассказал Кукри, — сказал Тома.

Маленький инопланетянин, напоминающий барсука, шагнул вперед, откашлялся и произнес:

— Я знаю, что для вас я — представитель низшей расы, и это правда, что от рождения мы не наделены противостоящими пальцами. Некоторые считают, что это дает им право безнаказанно клеветать на нас, утверждать, что, когда раздавали мозги, мы проворонили раздачу, и употреблять другие метафоры, столь же жестокие, сколь и неверные. Таким образом...

— Милейший, а не могли бы вы все же перейти к делу? — спросил граф. — Или вы предпочитаете, чтобы я сделал из вас чучело?

— О, простите, — проворно отозвался Кукри. — Я просто хотел объяснить, что, хотя я сам и неразумен, мне показалось разумной идея сообщить вам о местонахождении тупарей. Тем самым вы получите возможность пустить в ход ваш собственный, никем не оспариваемый разум, разум, проистекающий из вашего счастливого обладания двумя противостоящими пальцами.

— Хватит о пальцах! — взревел граф. — Рассказывайте, что произошло!

— Мы последовали за отступающим флотом тупарей для того, чтобы разузнать, куда они направляются, и пресечь их возможные попытки вернуться. Они двинулись по спирали, на норд-норд-ост, сперва к созвездию Решетки, потом восточнее, мимо Гранд-Гальюна, потом южнее, мимо созвездия Миндаля, потом...

— Я не желаю выслушивать по шагам весь ваш гребаный маршрут! — рявкнул граф. — Куда они в конце концов прилетели? Обратно на свою жалкую планетку, так?

— Ничего подобного, сэр, — невозмутимо ответил Кукри. — Вам известна «черная дыра» в районе Большого Персея?

— Конечно. Кто же ее не знает.

— Тупари направились прямехонько туда.

— И что, они вошли в «черную дыру»?

— Да, сэр. Они нырнули под ядерный горизонт. Вы знаете, что это означает.

— Конечно, знаю! — незамедлительно отозвался граф Сфорца. — Что «черная дыра» ведет в Темную Вселенную.

— И что дом тупарей находится именно там, — добавил Кукри.

— Вы не можете быть в этом уверены! — огрызнулся граф.

— Могу, сэр. Взгляните вот на это. — Кукри вытащил из кармана носовой платок, в который было что-то завернуто.

— Что это? — спросил граф.

Глава 26

В этот момент Альфонсо отстранил стражников и шагнул вперед.

— А вы кто такой? — требовательно спросил граф.

— Меня зовут Альфонсо, — ответил юноша. — Я — геолог-разведчик одной крупной фирмы и хромосом-брат Сальваторе. Но помимо этого я являюсь тайным финансовым агентом Центрального Правительства.

Альфонсо взял у Кукри платок и развернул его. Внутри обнаружилось около десятка золотых монет.

— Ну, деньги, и что? — спросил граф Сфорца. — Золото как золото. В чем там дело?

— Это не настоящее золото, — сказал Альфонсо.

— Фальшивое, что ли?

— И не фальшивое. Это золото из антиматерии. Оно идентично золоту, существующему в нашей Вселенной, но вместо электронов у него позитроны. Его так и называют — антизолото.

— Антиматерия... — задумчиво протянул граф Сфорца. — Но ведь она должна аннигилировать при соприкосновении с материей, разве не так?

— Совершенно верно, — кивнул Альфонсо. — Антиматерия — это наиболее опасное взрывчатое вещество для нашей Вселенной.

— И вы говорите, что тупари ввезли эти монеты в нашу Вселенную?

— Совершенно верно, сэр. Мы обнаружили эти монеты на Мельхиоре. Их привезли туда тупари, чтобы оплатить расходы, связанные с их операцией по подмене яиц. У них не было доступа к нормальному золоту, потому что все оно находится во владении других народов, но они могли ввести неограниченное количество антизолота из собственной Вселенной.

— Почему же это дерьмо не взорвалось, едва попав сюда? — спросил граф.

— Пощупайте эти монеты, — предложил Альфонсо. — Каждая монета покрыта нейтралином, веществом, которое можно обнаружить только на границе между двумя Вселенными. Если покрыть монеты из антизолота слоем этого вещества, они просуществуют достаточно долго, чтобы тупари успели использовать их в своих целях. Но постепенно, примерно через несколько месяцев, слой нейтралина сойдет, и монеты начнут взрываться.

— Но зачем они это сделали?

— Тупари намеревались закрепиться в нашей Вселенной, а

в перспективе — и захватить ее. Собственную Вселенную они уже успели загадить, а теперь хотели проделать то же самое и с нашей. Мельхиор был лишь первым шагом, клином, который они хотели вбить.

— И вы все это знали? — спросил граф Сфорца.

— Мы в Центральном Правительстве знали об этом уже давно, — улыбнулся Альфонсо. — Видите ли, эти тупари, существа из Темной Вселенной, ненасытны.

— Их поведение, — вмешался в разговор Тома, — напоминает некоторых птиц, известных мне из фольклора Земли. Кукушку, которая откладывает свои яйца в гнезда других птиц, и сорокопута, пронзающего других птиц своим острым клювом. Тупари совмещают в себе наихудшие черты этих птиц.

— Это могло бы закончиться крупными неприятностями, — сказал граф Сфорца.

— И ответственность легла бы на вас, — заметил Тома.

* * *

Вскоре граф Сфорца вынес свой вердикт по данному вопросу — конечно, с учетом новых сведений. Граф признал, что Сальваторе поступил верно.

— Ты нарушил мой приказ, — сказал граф, — но твое чутье тебя не подвело. Все обернулось к лучшему. Принцесса Хатари, которая должна прибыть с минуты на минуту, по праву займет трон Мельхиора. Мы сможем отобрать для себя некоторые технические новинки. Что же касается тебя, Сальваторе, то ты получишь прибавку к жалованью и звание бубалдара первого класса.

В этот момент появилась принцесса Хатари. Пышное бальное платье выгодно подчеркивало изумительную фигуру принцессы. Лучезарно улыбнувшись, принцесса сказала:

— У меня есть для вас предложение, Сальваторе. Прошу вас, выслушайте его, прежде чем принимать предложение графа.

— Я весь внимание, — отозвался Сальваторе.

— Я предлагаю вам заключить со мной брак, — сказала принцесса, очаровательно покраснев.

— Это так неожиданно... — замялся Сальваторе.

— Да, я понимаю, это предложение кажется вам внезапным. Но оно продиктовано искренними чувствами. В вас есть нечто такое, Сальваторе, что тронуло меня до глубины души. Честно говоря, я просто без ума от вас. Вы можете стать прекрасным регентом трона Мельхиора.

— Принцесса, — сказал Сальваторе, — должен признать, что я не остался совершенно невосприимчивым к вашим чарам. Но вы забываете о разнице в возрасте, которая существует между нами.

— Эту проблему несложно решить. Вы могли бы принимать препараты, ускоряющие взросление, а я — препараты, замедляющие старение. И через некоторое время мы станем ровесниками.

— Гм, это очень любопытная мысль, — сказал Сальваторе.

— А теперь взвесь все, Сальваторе, — вмешался граф. — Ты действительно хочешь покинуть ряды кондотьеров Сфорца? Мы можем обсудить с тобой вопрос о премии, а также о дальнейшем продвижении по службе. Когда ты захочешь жениться, я подыщу для тебя принцессу с приданым получше, чем Мельхиор.

— Не слушай его, Сальваторе, — перебила графа Хатари. — Разве ты можешь доверять графу? Он ведь всерьез намеревался сослать тебя на Трабаджо, даже не потрудившись узнать, что же на самом деле произошло!

— А вы сами? — не утерпел граф. — Вы собирались использовать Сальваторе в собственных интересах!

— Подождите минутку! — сказал Сальваторе и обернулся к принцессе. — Хатари, вы — замечательная девушка и вы сделали мне безгранично великодушное предложение. Но, боюсь, я пока что не готов его принять. Дайте мне время. Я предлагаю вам поговорить об этом через год, — если, конечно, к этому времени ваше предложение все еще будет оставаться в силе.

— Я так и знал, что ты останешься со мной! — воскликнул граф Сфорца.

— Не совсем, — возразил Сальваторе. — Да, я хотел бы продолжить свою службу в рядах кондотьеров. Это единственная профессия, которой я владею. Но сперва я хотел бы отдохнуть. Я хотел бы расслабиться и позволить себе поребячиться. Граф, я прошу у вас годичный отпуск. Я намерен провести этот год на Планете Игр — то, что я от вас услышал об этом месте, чрезвычайно меня заинтриговало. И я попросил бы вас оплатить мое пребывание там.

— Планета Игр? Но это же место для мальчишек!

— Я знаю, сэр. Но я иногда нечто большее, чем мальчишка, а иногда — нечто меньшее. Дайте мне годик поиграться, а потом я приму окончательное решение.

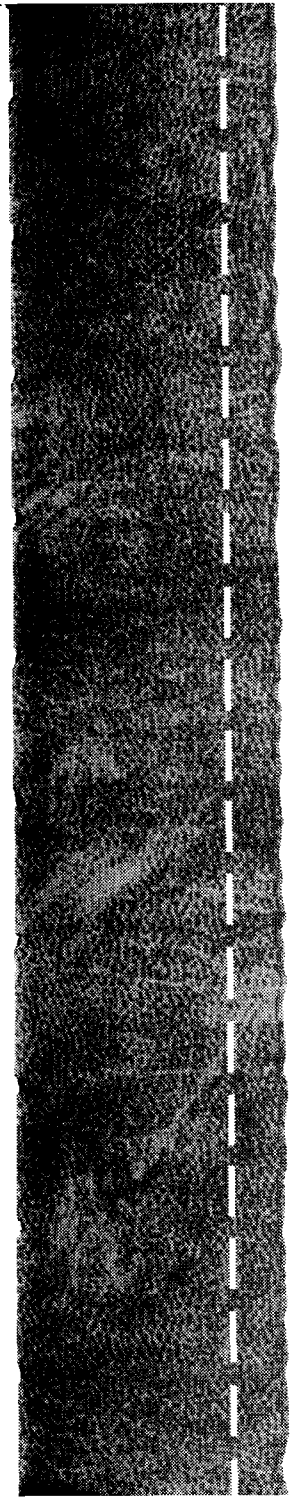
— А я буду сопровождать тебя на Планету Игр или куда бы

ты ни направился, — сказал Тома. — Мы, роботы-пауки, очень верные существа.

— Ну что ж, — вздохнул граф Сфорца. — Пусть будет так. Я оплачу твои расходы, Сальваторе. Это самое малое, что я могу сделать для того, кто спас человечество от гнусных махинаций тупарей.

Так оно и случилось.

Вскоре Сальваторе отправился на Планету Игр, и с ним отправился верный Тома. Сальваторе не знал, какое решение он примет через год. Об этом можно будет подумать попозже. А пока что его ждали новые замечательные игры, и этого было достаточно.

В СТРАНЕ ЧИСТЫХ КРАСОК

В стране чистых красок и сказок,
Где минут не бывает печальных,
Где балы восхитительных масок,
Где шепот цветов музыкальных;
Где в лесу весна приоткрыла
Свой зардевшийся лик чуть смущенно
У вод, что внемлют влюбленным...
В какой же стране это было?

Суинберн

В самой форме предметов уже заложена некая особая информация. Во всем здесь, на Калдоре V, чувствуется тревожащая душу иррациональность. Ну, например, почему вон той горе — Унгдор, кажется, так ее здесь называют? — почему ей понадобилось иметь форму перевернутой вверх ногами пирамиды? И почему деревья в лесу — а некоторые из них толщиной футов в десять — все лежат на земле? И почему эти птицы — ужасно похожие на сорок — строят свои гнезда буквально в воздухе и им без конца приходится сменять друг друга, чтобы поддерживать эти гнезда? И почему облака здесь то и дело изгибаются дугой?

Это еще только самые очевидные загадки. И у каждой внутри спрятана по крайней мере еще одна. Я полагаю, всему этому можно найти рациональное объяснение и даже предсказать грядущие метаморфозы, но мне подобное знание не дано.

В данный же момент меня больше всего интересует следующее: почему зеркала на планете Калдор V не отражают того, что просто-таки должно в них отражаться?

Надо сказать, я частенько чувствую себя здесь не в своей тарелке. Дело в том, что благодаря механогипнозу я могу разговаривать на трех основных языках Калдора, но совершенно не в состоянии воспринимать смысловые нюансы речи аборигенов. (Та же беда у меня на Земле с испанским.)

Мы, земляне, привыкли считать, что речь — это мысль, заключенная в словесную оболочку, что предложения — это обдуманные высказывания, обозначающие некие вполне конкретные действия, пожелания, ощущения и так далее; что слова имеют строго определенный смысл. Хотя это не всегда так даже на Земле. А уж здесь, на Калдоре, и подавно. И здесь слова имеют конкретный смысл, однако служат совсем иным целям.

Здешняя речь исключительно уклончива. Впрочем, самимто жителям Калдора, я полагаю, она кажется абсолютно логич-

ной и естественной. И для них не составляет никакого труда понять собеседника. А мне приходится прилагать для этого титанические усилия, причем здесь подобные усилия нужны во всем, что несколько утомительно. Ничто не дается легко, ничего ни понять, ни взять просто так невозможно.

Проблемы у разведчиков-первопроходцев всюду одни и те же. Во-первых, выжить на чужой планете. И во-вторых (что непосредственно связано с первой проблемой) — не утратить рассудок. Неуверенность всегда влечет за собой и склонность к преувеличениям. Пожалуй, самой большой опасностью на чужой планете является постоянное ощущение тревоги.

Серьезную проблему представляет собой и так называемый культурный шок. Информационная перегрузка порой просто невыносима. В таких случаях люди либо отключаются и вообще перестают что-либо замечать и регистрировать новые факты и явления, либо делают это крайне торопливо и невнимательно.

Влияет подобное состояние — причем влияет поистине катастрофически! — и на способность принимать решения. Нужно учитывать слишком много не поддающихся учету мелочей, выбирая решение среди невероятного количества возможных, — и все это на основе крайне недостаточной информации.

В итоге порой наступает некий паралич воли. Вплоть до того, что не можешь решить, как приготовить яйцо — сварить или поджарить в виде яичницы. И ничто не должно тебе мешать, пока ты делаешь столь важный выбор! А когда наконец его сделаешь, то чувствуешь, что силы на исходе и тебе уже совсем не до еды.

Мне казалось, что исследование чужой планеты — это как бы просмотр необычного фильма, наблюдение за чужими действиями со стороны. К этому я был готов; однако я не учел того, что непременно и сам стану участником происходящих событий, а не просто зрителем.

Ланея зашла ко мне сегодня просто так. Во всяком случае, я ничего особенного в этом не усматриваю. Меня ее присутствие одновременно тревожит и успокаивает. Я уже отчасти привык к ее анатомическим особенностям. Правда, исключительная гибкость Ланеи (она свойственна почти всем калдорианцам) все еще представляется мне чудом. Порой кажется, будто эта девушка вообще лишена костей! Особенно гибкие у нее

руки, ноги и шея. Она, например, может запросто повернуть голову на 180 градусов и посмотреть, что у нее за спиной. Я уже просил ее не делать этого в моем присутствии.

Есть все основания предполагать — хотя сам я еще не успел в этом удостовериться, — что тело Ланеи, скрытое одеждой, почти такое же, как у земных женщин.

Интересно, предоставится ли возможность выяснить это лично? Нет, мне явно следует выбросить эти мысли из головы...

У Ланеи удлиненный овал лица, изящные правильные черты — по земным меркам она просто красавица. Есть в ней, пожалуй, что-то азиатское. Самое смешное — на Земле никто никогда не воспринял бы ее как женщину «экзотической» внешности. Она была бы там совершенно незаметна в толпе и выделялась бы разве что походкой — волнообразной, плавной, порой вызывающей неприятные ощущения, а порой весьма возбуждающей.

Нет, внешность у Ланеи отнюдь не отталкивающая. Как раз напротив. Но вот душа ее мне совершенно непонятна...

Да и можно ли до конца понять женщину? По-моему, нет. А что вы скажете, если женщина эта — еще и инопланетянка?..

Да что уж тут скажешь! Но что все-таки Ланее было от меня нужно? С ее точки зрения, я, должно быть, полный урод — как внешне, так и внутренне...

Дерниху, видимо, лет пятьдесят; это высокий худощавый человек, держится с достоинством, имеет постоянную должность в Совете. Сегодня он зашел и все пытался о чем-то предупредить меня. Я так и не понял, о чем именно (несмотря на все мои и его усилия). И выяснить так и не смог, как ни старался. Похоже, речь не идет о чем-то опасном; и все же вряд ли такой умный и такой занятый человек стал бы тратить время и силы лишь на пустые разговоры о неведомой опасности, якобы грозящей миру.

Я-то лично абсолютно никакой опасности не ощущаю. Что же он все-таки имел в виду?

У Дерниха всегда такая витиеватая речь... Возможно, он вообще говорил о чем-то совсем ином? Такое ведь бывало уже не раз. Это один из недостатков здешнего языка — с моей точки зрения, разумеется. Если пропустишь хотя бы одно из ключевых слов или особую интонацию, то смысл сказанного полностью меняется. Предложения, которые начинаются с определенного набора гласных, например, вообще не должны пониматься буквально. В подавляющем большинстве это чисто метафорические высказывания.

Так что, возможно, я чего-то и недопонял в речи Дерниха. Бог его знает, сколько я еще их пропустил, этих тонкостей, и какими неверными заключениями в результате пользуюсь при работе здесь!

И все же очень хотелось бы знать, реальна ли та опасность, о которой упоминал Дерних!

Я живу в уютном беленьком домике милях в четырех-пяти от пригородов Мореи. Правительство подарило мне этот домик, узнав, как я страдаю, живя в городе. Дом почти такой, как был у меня на Земле; его скопировали с одной из фотографий, которые я привез с собой. Я об этом не просил; они сделали это по собственному почину, желая меня удивить и порадовать.

Сперва я усматривал в этом двоякий смысл. Интересно, думал я, а не пытаются ли они вежливенько убрать меня из столицы, изолировать меня, чужака, от местного населения?

Теперь я уже так не думаю. Здесь хорошо понимают, что такое тоска по дому; об этом повествуют многие их песни и сказания.

Вот они и построили мне дом, как две капли воды похожий на дома в Новой Англии — если, конечно, не очень присматриваться к его архитектурным особенностям. Иначе сразу становится ясно, что на Земле такого дома не встретишь.

Впрочем, я к нему уже привык.

Вчера вечером я начал понимать, о чем разговаривают цветы!

Прислушиваться к ним следует очень и очень внимательно. Голоса их чрезвычайно тихи (чего, собственно, и следовало ожидать) и весьма монотонны. Они не способны также произносить некоторые сочетания согласных — например, «дз», «тс», «рз». А всевозможные тонкие смысловые оттенки они выражают с помощью интонаций и громкости голоса. Весьма активно они пользуются также молчанием (то есть в их речи паузы значат примерно то же, что и в музыке); с помощью молчания они способны выразить множество дополнительных значений слов и множество различных понятий, что, впрочем, свойственно и речи здешних людей. Как именно цветы управляются с фонетикой, то есть воспроизводят звуки, я не знаю и знать не хочу. Я и без того знаю слишком много!

Далее привожу запись одной «цветочной» беседы и ее перевод. Беседа состоялась у меня в саду часа два назад. Один из собеседников напоминал розу, второй — азалию.

РОЗА. Как ты сегодня?

АЗАЛИЯ. Спасибо, сегодня прекрасно! А ты?

РОЗА. Неплохо. Ах, хорошо бы дождь пошел!

АЗАЛИЯ. Да, это было бы замечательно! Обожаю дождь!

РОЗА. Я тоже. Особенно люблю мелкий дождичек.

АЗАЛИЯ. О, еще бы! Это лучше всего. И к тому же — теплый южный ветерок...

РОЗА. Да, ветер с юга — это такое счастье! До чего же я люблю дождь!

АЗАЛИЯ. И я! Но теперь мне пора немного отдохнуть.

РОЗА. Мне так приятно было с тобой побеседовать!

АЗАЛИЯ. И мне тоже чрезвычайно приятно. Я так тебе благодарна! Счастливого тебе роста, дорогая!

РОЗА. А тебе — побольше листочков! До свидания!

АЗАЛИЯ. До свидания!

Вот что сказали друг другу эти цветы. Какие же выводы можно из этого сделать? Когда-то я пришел бы к заключению, что они довольно нежны и милы, однако простоваты и весьма многословны. Но теперь я просто не знаю, что и подумать. Была ли их беседа действительно столь банальной, как то показалось мне? Или же эти двое — что вполне возможно — вели с помощью слов любовную игру?

Калдор битком набит чудесами. Но я совершенно не в состоянии в них разобраться. И чем дольше я здесь живу, тем меньше понимаю.

Я вступил добровольцем в Первый внеземной исследовательский корпус. Все мы были тогда молодыми идеалистами, и я не мог себе представить более благородного и важного дела, чем исследование чужих планет и установление контактов с представителями иных разумных рас. Мне это казалось работой во имя великой всеобщей гармонии и сотрудничества.

Теперь я отношусь к подобного рода идеям куда более скептически, а ведь был когда-то ревностным их апологетом. Я успешно прошел все тесты и испытания и попал в первую тысячу исследователей внеземных цивилизаций.

Корабли наши были невелики. Они не были приспособлены для нормальной жизнедеятельности; скорее они представляли собой нечто вроде коконов, в которых можно было перезимовать, пребывая в спячке. Итак, нас рассыпали по просторам Вселенной, точно семена, и ветра разметали нас во все стороны.

Ну, на самом-то деле это не совсем так. У каждого имелась вполне определенная цель. Корабли были приспособлены для

посадки на различных планетах, тщательно выбранных из множества других. Согласно заданной программе корабль сперва должен был обследовать планету, несколько раз облетев вокруг нее, затем разбудить исследователя, если на планете действительно имелись пригодные для жизни условия, и лишь после этого разрешалось совершить посадку. Или же корабль мог оставить исследователя в анабиозе и продолжить полет — уже к иной, тоже выбранной заранее, цели, — если предыдущая планета в чем-то не подходила.

Оптимисты на Земле полагали, что при наибольшей степени везения примерно половина из нас сумеет выжить и повидать иные миры.

Однако ничьи предсказания значения для нас не имели. Мы воспринимали свою задачу как некий крестовый поход земной цивилизации.

На Калдор V вылетело двадцать кораблей, но, похоже, добраться до этой планеты удалось лишь мне.

Почему? По какой причине более никто из исследователей Калдора не достиг? Неужели все они погибли во время космического перелета — все девятнадцать? Как же в таком случае я умудрился прибыть сюда без малейшего сбоя в программе и в полном соответствии с поставленной задачей? Странно. По-моему, даже статистически почти невозможно.

Видимо, некоторые исследователи все же достигли Калдора, но сели в иных точках планеты, и я просто не сумел их обнаружить. Или же, что еще более вероятно, по приказу здешних властей пришельцев либо убили, либо тщательно изолировали друг от друга, так что ни один из нас ничего не знает о судьбе остальных.

Понятия не имею, как в Мореи собираются поступить со мной. Дерних все время говорит о какой-то опасности, и я начинаю ему верить.

Ночью кто-то приходил к моему дому и оставил на крыльце подарок — фигурку высотой сантиметров пятнадцать из блестящего красного камня. Изысканная и поистине безупречная работа! Фигурка сильно стилизована — я не могу сказать даже, какого пола это существо. Ног не видно, они скрыты паутиной тонких металлических нитей серебристого цвета.

Я поставил фигурку на самое почетное место — над камином. К сожалению, не знаю, кто ее подарил. Дерних? Ланея? Вряд ли они стали бы тайком подбрасывать мне подарки, да еще и ночью. Но кто бы ни был этот даритель, он согрел мне душу. Буду считать это подарком на Рождество от планеты Калдор V.

Сегодня снова приходил Дерних. Он привел с собой из Совета еще троих, и они разглагольствовали битых три часа. Все были в официальных костюмах — видимо, чтобы подчеркнуть серьезность происходящего. Но воспринимать их серьезно мне было трудно: возможно, Дерних специально выбрал этих людей как наиболее ярких представителей основных здешних соматотипов. Грандинанг — типичный эндоморф, толстый и рыхлый коротышка, почти совершенно лысый, с холерическим темпераментом, чрезвычайно непоследовательный в поступках и вечно какой-то взбудораженный. Вольфинг — коренастый и крепкий мезоморф, с резкими чертами лица, сдержанный, учтивый, обладающий бессознательной грацией атлета, что чувствуется даже при мельчайших движениях. А Элиаминг — эктоморф, тощий и длинный, что называется, кожа да кости. Он интеллектуал, блестящий собеседник, человек чрезвычайно живой; способен казаться одновременно и мудрым старцем, и маленьким мальчиком.

Эти четверо, как я полагаю, явились, чтобы как-то заставить меня осознать грозящую опасность; они говорили что-то о ночных ветрах... В общем, несмотря на сложности языкового барьера, я все же почувствовал, что надвигается нечто ужасное. Они дополняли и перебивали друг друга, старательно разъясняли мне то или иное понятие, приводили различные примеры из истории, спорили о тайном, а потому особенно важном смысле различных недавних событий, касавшихся меня. В результате в голове у меня возникла полная неразбериха, лишь раздражавшая и меня, и их тоже. Никакой полезной информации из этой каши я выудить так и не смог, а стало быть, и толку от этого «семинара» не было никакого.

Дерних заходил, пробыл буквально несколько минут, попросил меня присутствовать на какой-то важной церемонии (а может, празднике), которая должна состояться в городе через три дня. Мне показалось, что это не обычное вежливое приглашение; придется непременно пойти. Мероприятие начинается завтра на рассвете.

Вчера ночью дул едва ощутимый ветерок — впервые за много недель. Может быть, это и есть те самые «ночные ветры», о которых говорили Дерних и его друзья?

Ланея обещала сегодня утром непременно зайти. Уже полдень, однако ее что-то не видно. Я мог бы воспользоваться местным переговорным устройством и связаться с городом, од-

нако я до сих пор так и не разобрался, как это устройство действует.

Или же я мог бы отправиться прямо к ней домой. Но живет она в самом центре города, и я в этом лабиринте узких улочек (в точности, как в алжирском районе Касба) скорее всего просто заблужусь. Кроме того, я не решаюсь пока проявлять подобную инициативу, хотя мне ужасно хочется ее увидеть.

Днем я снова слушал разговор цветов (Господи, как дико это звучит!). Я, пожалуй, понимаю их лучше, чем калдорианцев. У цветов структура языка значительно проще. И хотя речи их не слишком глубокомысленны, я, по крайней мере, могу как следует уловить их смысл. Возможно, это означает всего лишь, что и у меня самого менталитет на уровне здешних растений.

На этот раз цветам было что сказать друг другу помимо привычных банальностей. Привожу дословную запись их беседы, используя земные эквиваленты названий различных растений:

АЗАЛИЯ (*Розе*). Дорогая, как ты сегодня прелестна!

РОЗА. Тебе так кажется? А чувствую я себя просто отвратительно!

АЗАЛИЯ. Но ты выглядишь неправдоподобно юной и свежей. Что это с тобой?

РОЗА. Ах, близится время моего «фаркара»! (*Похоже, это слово обозначает некие важные физиологические изменения.*) Как это все же грустно!

АЗАЛИЯ (*бодро*). А с другой стороны — весело!

РОЗА (*уныло*). Да, наверное, ты права. Но я была так счастлива в этом саду!

АЗАЛИЯ. Ты же всегда можешь сюда вернуться!

РОЗА. Нет. Никто не возвращается. Помнишь сирень? Она клялась, что непременно вернется... еще хотя бы раз... и обещала рассказать нам, как все происходило...

АЗАЛИЯ. Она вполне еще может вернуться.

РОЗА. Нет, она не вернется! Уже вернулась бы, если б могла. Да только я знаю: она не может.

СИКОМОР (*вмешивается в их беседу и говорит странно тонким голосом*). Привет!

РОЗА. Это вы мне?

СИКОМОР. Ну да, тебе. Это же ты боишься «фаркара», верно?

РОЗА. Конечно, боюсь. А вы разве нет?

СИКОМОР. Нисколько. Ибо со мной моя вера!

РОЗА. Вера во что?

СИКОМОР. Я адепт культа Нимозима, духа всех растений, обладающих корнями.

АЗАЛИЯ (*сердито*). И чему же учит ваша вера?

СИКОМОР. Мы полагаем, что все растения обладают божественной душой и после «фаркара» отправляются в страну Лии, где земля прозрачна, всегда дует южный ветер и нет ни одной крысы, способной грызть наши корни. Там текут ручьи с чистой водой, питающей нас и не приносящей ни малейшего вреда нашей листве. В стране Лии нам даруется способность расти вечно и при этом ничем не мешать тем, кто растет рядом. Можно было бы еще многое рассказать об этой стране, но тайны ее я могу раскрыть лишь посвященным!

РОЗА. Как прекрасна ваша религия!

АЗАЛИЯ. Чушь какая! После «фаркара» ты станешь попросту дровами для очага и ничем больше.

СИКОМОР. А моя душа?

АЗАЛИЯ. Она погибнет с тобою вместе! Исчезнет. И никакой второй жизни ей не суждено.

РОЗА. Что за ужасные вещи ты говоришь!

АЗАЛИЯ. Истина, возможно, не всегда приятна, но тем не менее она истина.

СИКОМОР. Тебе-то истина неведома. Твой подход заключается в том, что ты во всем видишь дурное и сообщаешь об этом во всеуслышание, надеясь, что на самом деле ничего плохого не случится. Это всего лишь голос твоего страха, не больше.

АЗАЛИЯ. Могу сказать и больше, но, по-моему, нас подслушивают.

РОЗА. Нет, это невозможно! Мы же здесь совсем одни!

АЗАЛИЯ. Не одни. Рядом прячется какое-то животное.

СИКОМОР (*разражаясь визгливым смехом*). Но ведь животные нас понимать не могут! Они и друг друга-то понять не в состоянии! Всем известно, что животные разумом не обладают.

АЗАЛИЯ. Не уверена. Вот это конкретное животное, например...

РОЗА. Все животные друг на друга похожи.

АЗАЛИЯ. А уж в этом я и совсем не уверена! И в любом случае предпочла бы подождать, пока оно не уйдет.

РОЗА. Предрассудки!

АЗАЛИЯ. Дорогая моя, я тоже не верю в разумных животных, но я их боюсь. Да! И мне их жаль.

СИКОМОР. Почему же?

АЗАЛИЯ. По многим причинам. Но больше всего потому, что скоро на их долю выпадет много горя.

РОЗА. Ну, боль-то животные чувствовать не способны.

АЗАЛИЯ. Может быть, и нет. Но если предположить, что все-таки способны...

РОЗА (*задумавшись*). Да, в таком случае это было бы для них ужасно! Ах, вскоре подуют ночные ветры и нашему миру придет конец!

АЗАЛИЯ. Ну вот вы опять! Не так уж все и плохо!

РОЗА. Да нет, все-таки очень плохо... Что-то устала я. Да и спать пора. Спокойной ночи.

АЗАЛИЯ. Спокойной ночи.

СИКОМОР. Спокойной ночи. Благодарю за приятный вечер.

Итак, даже среди цветов есть, оказывается, атеисты и верующие. Просто поразительно! Если только, конечно, все это не плод моего воображения.

Но и в таком случае это поразительно. Только в ином и, пожалуй, более зловещем смысле.

Я пообедал, а Ланея так и не пришла. Я прилег на диван и незаметно уснул. Снилось мне вот что:

Я шел по извилистой улочке, вымощенной булыжником; по-моему, это была какая-то старая деревня. Слева показались двое и подошли ко мне. Я начал было задавать им вопросы, но они, похоже, боялись меня, а потом повернулись и побежали прочь. Я бросился за ними, желая убедить их в своих добрых намерениях. Но они не желали ничего слушать и бежали все быстрее, пока я не отстал. Затем я оказался на центральной деревенской площади, где горел огромный костер. Пламя его поднималось все выше и выше; наконец оно стало выше церкви, но никакого жара я не чувствовал.

И тут я проснулся, весь дрожа от страха, в холодном поту.

И буквально через минуту вошла Ланея.

На самом-то деле все было не так плохо. Даже совсем хорошо! Не знаю, с чего это я поддался вселенской печали? Перечитывая собственные записи, я был просто поражен: их словно делал другой человек! Полагаю, нужно повнимательнее изучить их, попытаться понять, что же со мной тогда происходило. Но сейчас у меня просто нет на это времени. Я постоянно и полностью занят.

На роль пророка я отнюдь не претендовал. И все же, видимо, именно пророком я им и кажусь. Сразу же заявляю, что с данным мнением категорически не согласен! Тот факт, что я

сумел пересечь космическое пространство, вовсе не является prima facie свидетельством моего превосходства. И все же они думают иначе.

Разумеется, об этом никто не говорит вслух, не пишут в газетах, не сообщают по радио. Нет, это просто явствует из того, как люди ко мне относятся.

Здесь еще полно работы, которую мне необходимо закончить, а времени осталось не так уж много. Я изо всех сил стараюсь действовать разумно и организованно, но еще столько здесь мне совершенно непонятно! В конце концов, я ведь совсем из другого мира.

Особая проблема — западная стена города. Она-то и является точкой приложения моих основных усилий. Видите ли, приближающийся враг явно нанесет первый удар именно с запада, а потому западная стена и должна быть существенно прочнее остальных. Однако же они все одинаковые.

Мы укрепили эту стену камнем, цементом и кирпичом. Она должна выдержать самый первый и самый ужасный удар Ночных Ветров.

Пожалуй, следует пояснить: Ночные Ветры — это в самом деле ветры, которым ничего не стоит обогнуть западную стену, если они захотят. Но они не захотят. Им мало править этим миром; им хочется служить всем примером, а потому они готовы, хотя бы для виду, учесть мнение противоположной стороны и «играть по правилам» — то есть они в принципе могут признать себя пораженными, если все условия будут соблюдены.

А правило это таково: чтобы победить, они должны пробить в стене брешь. Если же стены устоят, тогда они проиграли.

Я сделал стены многослойными. Все подтверждают, что такая система лучше всего. Ланея, моя жена, прилюдно осмотрела их и не сказала ни слова. Такой чести редко кто удостаивается.

Если не считать последних событий, то жил я вполне обычной жизнью. Я очень горжусь своей коллекцией срезанных ногтей, которая, по мнению экспертов, превосходит, возможно, даже коллекцию Тайного Правителя. Мне по-прежнему время от времени требуется лечение от той или иной навязчивой идеи. (В этом я ничем не отличаюсь от всех остальных.)

Ланея очень мила и позволяет мне оказывать ей значительные услуги. Свидетельством ее любви является, например, то, что каждый вечер мне разрешено мыть ей ноги. И не просто мыть, но и ОЖИДАТЬ этого без излишних волнений, не мучаясь вопросом, будет мне это разрешено сегодня или нет! Она вообще очень добра ко мне. Она держала меня за руку во время обряда мутиляции, то есть нанесения сакральных увечий, и мне

действительно было не так больно, как я ожидал. Она унизила меня не перед кем-нибудь — перед равными ей! Даже родители ее стали относиться ко мне с должным презрением — уж от них-то я такой милости не ожидал!

Наверное, она так любит меня, потому что я инопланетянин, землянин, и уже по одной лишь этой причине достоин презрения. Впрочем, мне все равно. Я совершенно счастлив, будучи достойным любой степени презрения — тем более при такой жене, как Ланея, которая во всем мне помогает!

Вряд ли я могу надеяться сохранить ее любовь достаточно долго. Мужчинам это никогда не удается. Наверное, меня продадут, как и всех прочих, в один из публичных домов, где уже не будет никакой любви, лишь одно вечное раздражение. А может быть, случится и что-нибудь похуже — меня сошлют или посадят на кол. Впрочем, не исключено, что меня ожидает более легкая судьба... Мы, мужчины, тоже верим в свои сказки...

А пока что я занимаюсь тем, что сделать необходимо: кладу кирпичи, используя при этом свой хвост скорее как балансир, а не как третью руку. Заливаю в щели бетон, помогая себе лбом. Вытягиваю морду и старательно нюхаю воздух, надеясь почуять первое приближение ветра перемен.

Но самое главное — я счастлив, абсолютно счастлив! Наверное, излишне без конца повторять это. Видимо, любой, кто прочтет мои записки, и без того сразу поймет, как я счастлив. И все же мне хочется повторять это снова и снова! Это не одержимость. Это скорее гимн моему великому счастью и любви.

Знаете, я ведь не прерывал контакта с Землей! Я прекрасно сознаю, что я землянин и нахожусь на чужой планете. Но не менее ясно мне и то, что теперь я самый настоящий калдорианец, и это само по себе замечательно!

Я хочу все записать на тот случай, если возникнет необходимость напомнить себе о происшедшей со мной метаморфозе.

Перечитал свои записки. Все вспомнил, и мне стало страшно.

Боже мой, что же со мной приключилось?

Почему я записал всю эту дьявольскую бессмыслицу?

Сейчас я сижу в кресле-качалке в своем доме на планете Калдор. День ясный. Руки спокойно лежат на коленях и вроде бы не дрожат. Слышно, как на кухне посвистывает чайник. (У них на Калдоре чайники есть, а чая нет.) Я вижу пыльный ковер на полу, вижу окна, небольшие и довольно грязные, за которыми сияет солнце. На каминной полке красуется статуэтка из красного камня. Обо всем, что со мной было, я хорошо помню. И тем не менее чего-то боюсь.

Хотелось бы все же определиться! Должно быть, со мной что-то произошло за эту последнюю неделю — именно неделю назад сделаны последние записи в дневнике. Не может быть, чтобы ничего не случилось — ведь действительно прошла целая неделя... Возможно, я где-то был?.. Или просто спал здесь, у себя дома? Или пребывал в коме?.. А вдруг я и на самом деле был тем самым благостным кретином с мазохистскими наклонностями, который с таким восторгом описан в моем дневнике?

Ланея пришла чуть раньше обычного. Принесла банку варенья, сваренного ее бабушкой. Варенье вполне приличное. Намазывая его на крекеры (на Калдоре есть и крекеры), я спросил Ланею, что происходило на прошлой неделе.

Она смотрела в сторону, явно избегая моего пытливого взгляда.

— О таких вещах лучше вообще не думать, — сказала она.

— Уж это-то я, черт возьми, понимаю отлично! — рассердился я. — Просто интересно: было это со мной или не было? Неужели я действительно превращался в некое хвостатое существо?

— Ты слишком много думаешь, — молвила с упреком Ланея, — а это никого никогда до добра не доводило. Пойдем сегодня гулять?

— Сперва ответь на мой вопрос, — сказал я.

Она сплела пальцы — самым отвратительным образом, буквально завязав их в узел, — и отвернулась. Еще минута — и я заметил, что плечи ее вздрагивают. Она плакала.

Я стал ее успокаивать, но она повернулась ко мне и сердито сказала:

— Ты инопланетянин, и это многое извиняет в тебе. Но порой твое поведение просто невыносимо! Мыслящие существа так себя не ведут!

Я попробовал ее обнять, но она меня оттолкнула и стремглав выбежала из дому. Я услышал на крыльце ее торопливые шаги, однако даже не встал и за нею не пошел, а продолжал сидеть в кресле в полном одиночестве, пытаясь понять, что же со мной происходит.

Вскоре ко мне зашел Грандинанг, и я рассказал ему о случившемся.

— Да женщины все такие! — заверил он меня. — Им, видите ли, «отвратительна всякая вульгарность» — так они выражаются, хотя сами чуть что ведут себя настолько вульгарно, что дальше некуда.

— Но какая именно моя «вульгарность» вывела ее из себя?

На лице Грандинанга отразилась не то чтобы растерянность — скорее озадаченность. Подумав, он сказал с сочувствием:

— Голдштайн, мне только что пришло в голову: откуда вам знать о нашей жизни ВСЕ!.. Для нас, например, абсолютно естественно избегать ЛЮБОГО упоминания о первой Перемене. Особенно нервно это воспринимают женщины. Да и мужчины по большей части, если честно, предпочли бы об этом забыть.

Я тоже хотел об этом забыть; но боялся, что в таком случае мне не удастся сохранить здравомыслие. Мне просто необходимо было понять, что происходит.

Однако Грандинанг явно не собирался отвечать прямо — во всяком случае, на данном этапе неведомой мне игры — и делал это совершенно сознательно. Впрочем, он был чрезвычайно тактичен.

— Я мог бы, разумеется, выразить свою личную точку зрения, — сказал он, — но, боюсь, она чересчур субъективна. По-моему, вам лучше самому поискать ответ в архивах. Там есть полный отчет обо всем. Или почти обо всем. Язык, правда, порой бывает излишне архаичным... Но вы вполне разберетесь.

Я поблагодарил его, и он поднялся, собираясь уходить. Я спросил:

— Вы, наверное, скоро увидитесь с Ланеей?

— Не скорее, чем вы.

— Это почему же?

— Как почему? Она же ВАША жена!

И тут, словно поняв, что сказал лишнее, он быстро направился к двери.

Тем же вечером Ланея вернулась. Она пробыла дома почти час, но за этот час мы не обменялись с нею ни единым словом. Сейчас она на кухне. Готовит обед. Я верю Грандинангу — ведь он сказал, что она моя жена. Но не могу ни вообразить себе, ни припомнить, как она ею стала. И все же я знаю, это именно так и есть.

У меня она вызывает одновременно и страсть, и отвращение. Я не люблю ее. Я ее хочу. Но я НЕ ХОЧУ хотеть ее!

И в результате чувствую себя ужасно, пребывая в вечном противоречии с самим собой.

Нет, это уж чересчур! Просто поверить не могу, что вообще существует такая планета Земля и я ее покинул с помощью какого-то механического приспособления, а потом прилетел сюда, разговаривал с цветами, постепенно деградировал, женился на Ланее... Нет, это просто немыслимо!

Ланея зовет меня ужинать. Омерзительная мысль вдруг пришла мне в голову: да, для меня она еду готовит, но что ест она сама? Может быть — меня?

Нет, это несправедливо! И с моей стороны просто нечестно по отношению к Ланее! Но все же за стол я сажусь с определенной долей осторожности и... понимания.

Ланея прекрасна. Она любит меня. Это как бы некая компенсация за постепенное стирание во мне человеческих черт.

Мы с ней точно играем прелестный спектакль в домашнем интерьере. Вот Ланея приносит мне завтрак; она быстрой, легкой походкой входит в спальню, на ней развевающийся воздушный пеньюар. Я пью теплый и не очень крепкий стимулирующий напиток — примерно той же крепости, что и кофе. Я единственный на Калдоре, кто это пьет. Однако такие маленькие привычки помогают мне не забывать, кто я.

Потом я делаю записи в дневнике, вожусь со слайдами и аудиокассетами. После ленча хожу на прогулку. Обычно мой путь лежит в противоположную от города сторону, в поля, заросшие жесткой травой и кустарником. Я беру с собой флейту, которую сделал для меня Вольфинг. Тона у нее не слишком чистые, но мне все равно; мои собственные «тона» тоже не больно чисты.

В нескольких милях от моего дома есть холм под названием Нмасси. Обычно я взбираюсь на его вершину и подолгу сижу там в полном одиночестве. Играю на флейте, глядя на раскинувшуюся передо мной долину, и глаза мои отдыхают. Я играю «Когда ты вдали от дома», «Амаполу», «Слетать в Рио» и другие песенки, давным-давно позабытые даже на Земле. Здесь эти песни звучат особенно странно. Отдельные нотки представляются мне чем-то вроде миниатюрных завоевателей, смело вылетающих из флейты и исчезающих в просторах Калдора. Играя, я чувствую себя землянином. А вот ночью, в объятиях Ланеи, я вообще не знаю, кто я такой.

Во всяком случае, явно не калдорианец. Но и не совсем человек.

Может, я оборотень?

Ланея, благодаря какой-то внутренней мудрости, отлично понимает, кто я и что я такое. Порой она обнимает меня так крепко, точно я вот-вот улечу от нее в просторы космоса. Или берет мое лицо обеими руками, заглядывает мне в глаза и издает какое-то тихое воркование. А иногда просто крепко-крепко сжимает мне руку.

...Не думаю, что за мной когда-нибудь прилетят с Земли. Видно, мне суждено остаток жизни провести на этой планете. И если рай или ад вообще существуют, то, интересно, где я окажусь — в калдорианском раю или в аду? А может, здесь есть и лимб — для тех, кто утратил свои корни или отбился от стаи? Да так к другой стае и не прибился...

А впрочем, жаловаться-то мне на самом деле и не на что!

Женившись — или будучи взятым замуж? — я, естественно, не сумел избежать трудностей в общении с новыми родственниками. Я бы не удивился, узнав, что подобные проблемы являются универсальными для всей Вселенной. Хотя на Калдоре они, правда, не совсем обычны: дело в том, что родители Ланеи меняются каждую неделю!

И я, таким образом, насчитал уже три «набора» ее родителей.

Их поведение по отношению ко мне, впрочем, достаточно сходно, чтобы считать это немыслимое количество «родителей» чем-то единым.

И тем не менее их (пока что!) «набралось» уже три пары.

Я спрашивал Ланею об этом. Она находит мои вопросы смешными и странными. Она смеется — а смех у нее очаровательный — и говорит:

— А как же вы на своей Земле умудряетесь обходиться?

— Нам хватает одного отца и одной матери, — отвечаю я. — Разумеется, в далеком прошлом у различных народов Земли имелись различные варианты семей — так называемые большие семьи, например; существовал также обычай передавать детей на воспитание дяде или тете...

— Зачем же такие сложности? — удивляется она. — Почему с самого начала не использовать всю родительскую группу?

— Не знаю, — говорю я. — Так уж сложилось. (Как быстро я перешел к обороне и всего лишь оправдываю земные традиции!)

— А у нас, — говорит она, — при исполнении столь жизненно важных функций всегда используется кооперация. Знаешь, у нас даже поговорка есть: чем больше родителей, тем лучше.

— Да, я ее не раз слышал, — отвечаю я. — Но все же кто из них — чисто физически — произвел тебя на свет?

Она неодобрительно качает головой.

— Я этого и сама не знаю. Это же тайна!

— А почему же ты не спросишь?

— Потому что не хочу. Ведь если знаешь — никакой тайны не остается!

— Неужели так важно ее сохранить?

— О да! — Она смотрит на меня очень серьезно и очень внимательно, широко раскрытыми глазами. — У нас на Калдоре много тайн. Тайны — суть нашего бытия.

— А мы на Земле, — говорю я, — тайны раскрываем и стараемся объяснить, в чем заключается их суть.

Она, помрачнев, кивает.

— Это потому, что вы люди страстные и нетерпеливые. Вы раскрываете мелкие тайны, чтобы за ними обнаружить другие, более сложные, недоступные вашему пониманию.

— Тебе-то откуда это известно?

— Так ведь ты согласился лететь на Калдор и поставить на кон свою жизнь, только чтобы проникнуть в великую тайну космического пространства и попасть на чужую планету. И обнаружить, что живущая там раса совершенно на вас, людей, не похожа. Твое путешествие сюда напоминает обряд инициации, вроде нашего Времени Разрушения. Мы, жители Калдора, ничего подобного делать бы не стали. У нас и на своей планете тайн хватает, и нам совершенно не требуется пересекать просторы космоса, чтобы встретиться с новыми тайнами.

Но я пер, как танк, со свойственным мне нетерпением и упрямством:

— И все-таки: какова причина того, что у тебя три пары родителей?

— У нас не три пары родителей; обычно у нас их четыре.

— Значит, я еще не успел познакомиться с твоими четвертыми отцом и матерью?

— Да. И я тоже. Одна из родительских групп никогда не бывает известна. За исключением особых обстоятельств.

— Но почему?!

— Есть причины. А кроме того, это еще одна тайна.

— Уж больно много у вас тайн! — пробормотал я.

— О да! И только благодаря им нас можно понять.

И это сущая правда. Еще месяц назад я бы настойчиво продолжал выпытывать у нее ответ, просил бы объяснить поточнее, в чем же заключается эта великая тайна, не является ли она просто чьей-то выдумкой и сколькими тайнами вообще они обладают на Калдоре, какие из них наиболее характерны и так далее. Теперь же, хоть любопытства у меня ничуть не убавилось, я успел кое-что узнать об обычаях этой планеты. Существуют определенные вещи, о которых здесь спрашивать просто не полагается. Во всяком случае, прямо. Надеюсь, мне удастся в ито-

ге узнать об этом побольше, но придется как-то и самому приспосабливаться к местным условиям.

И вот Ланея сидит у меня на коленях, обняв меня за шею и прижавшись губами к моей щеке. Я нежно глажу ее длинные темные волосы. Она вздыхает, обнимает меня крепче и устраивается поудобнее, прижавшись ко мне еще теснее.

Неужели все женщины во Вселенной ведут себя одинаково?

Теперь мне странной кажется даже мысль, что я когда-либо ел мясо. Здесь, на Калдоре, табу на мясо чрезвычайно строгое. А отвращение к плотоядным сравнимо разве что с тем отвращением, какое мы испытываем к каннибалам. Ныне и я полностью разделяю эту калдорианскую фобию; наверное, она передалась мне чисто эмоционально — от Ланеи, ее родителей и остальных здешних жителей.

Но, по-моему, раньше-то я мясо на Калдоре все-таки ел и обеспечивали меня им Дерних и кое-кто еще. Не помню, правда, ели ли они его со мною вместе, но мне это представляется вполне возможным.

Но более вероятно, что они готовили вегетарианскую пищу таким способом, что она чрезвычайно напоминала мясо. Их лучшие повара в этом смысле большие искусники. Фальшивые «мясные блюда», например, специально готовятся раз в году по поводу одного из праздников.

Калдорианцам, на мой взгляд, свойственно прямо-таки невероятное чувство общности и взаимосвязанности всего живого. Это некое врожденное «экологическое», как я бы его назвал, чувство, которое в них не менее сильно и естественно, чем сексуальное влечение. Калдорианец, сознавая свое исключительное место в природе в качестве разумного существа, тем не менее воспринимает себя одним из видов животных, обитающих в соответствующей окружающей среде, которую, правда, немного изменяет, как бы приспосабливая для большего своего удобства. Однако примерно то же делают, например, и бобры. Так или иначе, эти перемены в природе сведены калдорианцами до минимума и вполне предсказуемы.

Большая часть планеты неокультурена, здесь процветает «дикая жизнь», хотя цивилизация и бесконечные миграции народов насчитывают уже многие тысячи лет. Понимание совместимости этих явлений дает мне неописуемое ощущение умиротворенности и свободы.

На Калдоре табу распространяется не только на мясо, рыбу, домашнюю птицу и те продукты, которые перечисленные живые существа производят, но и на многие овощи.

Что, на мой взгляд, не так уж и нелогично. Если подумать, то с какой стати животным занимать особый статус только потому, что они питаются мясом или растениями? Разве менее достойна жизни, например, морковь, даже если двигаться она не способна?

Не слишком логично — уважать лишь те свойства, какими обладаешь сам, и объявлять их самыми необходимыми и существенными во Вселенной.

Мог бы я съесть, например, способных беседовать друг с другом розу, азалию и сикомора, что растут у меня на заднем дворе?

Мог бы я съесть любое умеющее разговаривать существо, будь то животное или растение?

Предположите, что бифштекс у вас на тарелке стал бы взывать о помощи? А телячья котлетка умоляла бы отвести ее к маме?

Или бобы стали бы отчаянно кричать, когда их бросают в кипящую воду?

Именно так воспринимают всякое проявление живой жизни калдорианцы, и я с ними полностью согласен. Хотя подобное отношение к природе создает массу проблем. Например: чем же питаться людям?

Боюсь, здесь у них не обошлось без некоторого лицемерия. Они как бы условились, что некоторые растения есть все-таки можно. Зато все остальные находятся под запретом.

Впрочем, возможно, я и ошибаюсь насчет их лицемерия.

Как-то раз я спросил об этом Вольфинга. Он упорно доказывал мне, что некоторые растения есть разрешено в связи с самой их сущностью, а не согласно какому-то общественному выбору или приговору.

— Но чем же эти растения отличаются от других? — не унимался я.

Он как-то странно на меня посмотрел, и я в очередной раз понял, что задаю вопросы, которых задавать не следует. Любой калдорианец знает ответы на эти вопросы, хотя их никогда не произносят вслух. Однако Вольфинг всегда отдавал себе отчет в том, что я не являюсь уроженцем Калдора.

Подумав немного, он все же мне ответил:

— У этих растений не бывает снов.

Я не понял, что это означает, и попросил его объяснить поподробнее.

— Эти растения не претерпевают изменений, как все остальное, — сказал он.

— Не претерпевают изменений? Вы хотите сказать, не цветут?

Он нетерпеливо помотал головой:

— Когда я говорю, что они не претерпевают изменений, это означает, что они ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНИМИ в течение дня, недели, месяца, года...

— Они что же, бессмертны?

— Возможно — в каком-то смысле. Но и все мы — в каком-то смысле — тоже бессмертны.

— Да, пожалуй... А что еще в них особенного?

— Эти растения НЕПРАВИЛЬНО чувствуют. Очень трудно объяснить... — Вольфинг замялся. — Производят впечатление, качественно отличное... Видимо, их можно назвать... равнодушными. Но этим я отнюдь не хочу сказать, что они мертвы! Как не пытаюсь и оценивать их качественную сущность. Я всего лишь имел в виду, что чувствуют они иначе, чем все прочие растения.

Вольфинг оживился; слова так и лились из его уст.

— Но мы так и не знаем, каковы эти отличия. Возможно, разрешенные для еды растения лишь относительно недавно прибыли на нашу планету — в виде спор или семян, занесенных сюда метеоритами или обломками каких-то еще космических тел. Возможно, они так и не сумели полностью прижиться на Калдоре. Или же, напротив: они, возможно, самые старые обитатели Калдора, и эволюция их происходила совершенно недоступным нашему пониманию путем. Мы просто ничего о них не знаем. И нам в любом случае не очень-то приятно их есть. Но мы это делаем — чтобы жить. А также в соответствии с правилом, согласно которому сходные меж собой существа выбирают себе в пищу тех, кто на них совершенно не похож.

И мы посмотрели друг на друга с полным и глубоким пониманием, которое калдорианцы называют «д'бнаи». Душа моя пребывала в абсолютном согласии с калдорианской концепцией священности всякой жизни. Идеалы землян устремлены в будущее. Все они хотели бы стать кем-то иным, лучшим. В этом смысле у калдорианцев вообще нет идеалов: каждый из них уже достиг желаемого.

Вчера был Сарамейш, весьма специфический праздник. Нам с Ланеей здорово повезло, что мы — по жребию — сидели в первом ряду.

Вольфингу также досталось место в первом ряду, что нас с Ланеей очень порадовало. Это означало, что троим из нашего тесного дружеского кружка сегодня повезло и мы можем впоследствии поделиться своим счастьем со всеми остальными.

Я огляделся, желая увидеть, как разместились наши друзья.

Элиаминг сидел в четвертом ряду, за колонной. Он улыбнулся, радуясь, что нам так повезло. Грандинанг, этот милый чудак, выпросил разрешение участвовать в церемонии — хотя просить совершенно не требовалось: члены Совета в любом случае его бы выбрали. А наш дорогой Дерних вовсю заигрывал с девушками, участницами процессии, — это его излюбленное занятие в последние три года, после достижения зрелого возраста.

Ланея и я были настолько возбуждены, что не разжимали сцепленных рук и, затаив дыхание, ждали начала церемонии, хотя каждый год она повторяется с почти абсолютной точностью. Никто не может сдержать волнения во время праздника Сарамейш.

И вот празднество началось. Сперва выступали юные девушки, с ног до головы одетые в белое, затем юноши в красновато-коричневых и зеленых, цвета лесной листвы, одеждах. Их танец, по-моему, отражал некую страстную мольбу.

Затем на железной тележке привезли бога Раздоров.

(Все это, разумеется, символы; никто по-настоящему не верит в бога Раздоров. Это просто праздничное действо.)

В этом году бог был просто великолепен — почти десять футов высотой, весьма представительный, ярко раскрашенный в черный, красный и желтый цвета с металлическим оттенком. Он выглядел очень тяжелым и мощным. И совершенно неуязвимым. По рядам зрителей пролетел встревоженный шепоток, ибо Цех Ремесленников, как известно, всегда, в течение всех долгих веков своего существования, относился к данному заказу с особым рвением, и, гордясь своей профессией, ремесленники делали чуть ли не вечным то, что предназначалось всего лишь на один день.

Тележка остановилась. Последовала целая серия умилостивительных пантомим, несколько песен, драматический речитатив. Исполнено все было просто восхитительно; самые лучшие и тонкие образцы театрального искусства всегда приберегаются специально для этого праздника.

И вдруг — как-то чересчур быстро! — представление закончилось и вперед вышел Дерних. Он решительно приблизился к божеству — мы с Ланеей прямо-таки лопались от гордости, ибо этот человек входил в число наших ближайших друзей. Дерних медленно обошел бога кругом, и кое-кто из детей заплакал от напряжения. Но тут появились Грандинанг и другие клоуны, одетые в яркие костюмы, изображавшие цветы и травоядных животных. Они шутили, пели дурацкие песенки, щекотали друг другу пятки и бока. Дети визжали от смеха, и даже мы, взрослые, не могли сдержать улыбки при виде клоунских ужимок.

Но тут внимание зрителей вновь привлек к себе Дерних; он

наконец подобрался к божеству, влез на тележку, и теперь на клоунов никто просто не обращал внимания. Все смотрели только на Дерниха, и все наши помыслы были связаны с ним одним!

Дерних обследовал бога и храбро повернулся к нему спиной. Мы зааплодировали. Он снова повернулся к божеству лицом, содрал с него большую часть одежд и разорвал на куски.

Мы замолкли и затаили дыхание.

Точно рассчитанными движениями Дерних продолжал срывать с бога одежды, пока тот не предстал перед нами полностью обнаженным. Мы ждали. Теперь Дерниху отступать было некуда; он должен был идти до победного конца. И голыми руками отвоевать счастье всего города.

Он обшаривал тело бога — оно сделано из различных металлов и выглядит так, словно ему нипочем даже извержение вулкана, — касаясь то одной его части, то другой и надеясь определить, где именно находится сокрытое внутри божества абсолютное зло. Пальцы Дерниха скользили по лицу бога, по его массивной груди, по крепким бокам...

Потом он замер: видно, нашел то, что искал! И вдруг нанес сокрушительный удар прямо в это место, насквозь пробив тонкий мягкий слой меди, лишь прикрытый бронзовым листом!

Глаза Дерниха закатились; он был похож на слепца, когда ощупывал пальцами проделанную им дыру. Он все глубже просовывал руку в тело божества, разыскивая более податливые слои, разрывая их и все расширяя дыру. Он рвал и рвал мягкий металл — плоть божества... Потом вытащил руку — она была в крови — и снова сунул ее куда-то в тело бога, яростно стиснул там что-то, уперся ногами покрепче и потянул. Жилы у него на шее надулись. Мы затаили дыхание, а кое-кто начал даже потихоньку ругать ремесленников, которые из-за своей излишней старательности чуть не испортили весь праздник.

И тут Дерних наконец расслабился. Что-то там нащупав, он вырвал из внутренностей бога железный штырь и продемонстрировал его нам. То была одна из крепежных основ всей конструкции. Когда Дерних поднял штырь над головой, мы вздохнули с облегчением, дружно зааплодировали и стали радостно обниматься. (Каждый год эта церемония повторяется, и каждый год штырь вытаскивается, в общем, очень легко, так что Дерниху просто хотелось продемонстрировать красоту своих мускулов; на самом-то деле достаточно было слегка потянуть. Все мы прекрасно об этом знали и понимали, что вряд ли возможна какая-либо разумная причина того, что обряд довести до конца не удастся, но тем не менее нервничали, с волнением ожидая,

когда же это произойдет. Сарамейш всегда производит чрезвычайно сильное впечатление.)

После извлечения железного штыря у божества отвалилась левая рука и с грохотом упала на дно тележки. Дети завизжали. Теперь Дерних действовал торопливо, решительно разрывая медные листы и выдирая из божественного нутра одну подпорку за другой — видимо, эти железки служили чучелу ребрами. Движения Дерниха все больше напоминали танец, аккомпанементом которому служил медленный и неотвратимый распад тела божества. Наконец Дерних выдернул его основу — спинной хребет — и быстро отступил в сторону. То, что еще осталось от бога Раздоров, рассыпалось само собой. Сунув руку в груду обломков, Дерних вытащил оттуда двухкамерный шар из красного кварца — сердце бога — и с грохотом разбил его о землю.

Теперь наконец зрителям разрешалось разразиться бурными аплодисментами, что мы и сделали, от души рукоплеща Дерниху и выпуская наружу скопившееся напряжение. Церемония должна была продолжаться еще несколько часов, и мы остались до самого конца, приняв участие в танцах и во всем прочем. Однако сцена, во время которой Дерних одержал победу над богом Раздоров, составляла основу празднества, была его контрапунктом, средоточием нашей Тайны.

Тяжело оглядываться назад. Прошлое представляется мне совершенно ясным и понятным, однако оно не влечет меня больше. И к воспоминаниям о былом я стал равнодушен. Мне кажется, что все это происходило не со мной и никакого отношения ко мне не имеет.

Настоящий я — тот, каким я ощущаю себя сейчас.

Впрочем, подобное положение дел тоже меня не удовлетворяет. Я продолжаю вести дневник, но порой, перечитывая его, нахожу написанное ранее совершенно мне непонятным. По-моему, человеку все же необходимо иметь некую связь со своим прошлым. А я этой связи не ощущаю.

Мне легче записать что-то, чем это потом перечитывать, ибо порой собственные заметки кажутся мне написанными не мной, а кем-то другим, совершенно мне неведомым. К тому же я не в состоянии обнаружить в них и той общности стиля, которая, по моему разумению, должна быть свойственна одному и тому же человеку.

Многое из того, что я записал в дневнике, представляет собой, по всей вероятности, сны или некие фантазии. Иного способа объяснить все вышесказанное я не нахожу.

Очень хотелось бы знать, как все-таки Ланея стала моей женой. Но может быть, лучше мне этого и не знать?

...Наступил другой день, и настроение у меня тоже другое. Не знаю, откуда у меня столь подозрительное отношение к своему прошлому. Как разъяснил мне Вольфинг, прошлое — это всегда состояние потенциальных, но не воплощенных возможностей, и реальные его результаты можно узнать лишь в настоящем.

Интересно, чем я заслужил внимание и любовь таких замечательных друзей, как Вольфинг и другие? Мои друзья редко сердятся на меня и почти никогда не раздражаются, даже если инопланетное образование приводит меня к непреднамеренным промахам. Они великодушно расценивают мое поведение с позиций любви, как, впрочем, и я — их.

Сегодня у меня совершенно особенный день — то, что здесь называется «днем взрыва звезды». Он начался очень спокойно, без какого бы то ни было намека на то, что должно произойти. Я пил утренний кофе и читал поэтический сборник — эксперименты С'тенма с античным гелианским стихом. Я, должно быть, единственный человек на Калдоре, который еще не читал этих миниатюрных шедевров. Зато я имею удовольствие читать их сейчас впервые и наслаждаться каждым глотком этого дивного поэтического напитка, этой прихотливой и немного архаичной словесной паутиной.

В дверь постучали. Это зашел Вольфинг.

Некоторое время мы болтали о всяких пустяках. Человеку со стороны подобная беседа могла показаться вполне заурядной, однако мы с Вольфингом связаны тесными узами дружбы. Это значит, что я не могу избежать эмоционального проникновения в его мысли, скрытые за выражением лица, за жестами и телодвижениями.

Итак — хотя он ни словом об этом не обмолвился, — я мог бы с уверенностью сказать, что в то утро он был расстроен.

Не полагается, конечно, в разговоре касаться того, что не было высказано в словесной форме. И я решил попробовать хотя бы мысленно облегчить печаль своего друга, стараясь при этом никак не задеть его.

Попытки мои были весьма неуклюжи, однако Вольфинг ощутил мое искреннее сочувствие (будучи моим ближайшим другом, он не мог этого не заметить) и, в свою очередь, постарался как-то успокоить меня. Однако и ему это тоже до конца не удалось. Мое восприятие языка калдорианцев неизмеримо улучшилось с тех ранних, исполненных наивного изумления времен, когда я считал, что слова должны означать именно то, что сказано, и ничего больше; но я все еще частенько вынужден извиняться и действовать весьма нерешительно, когда дело доходит до свойственных им врожденных смысловых тонкостей,

которые напоминают скорее телепатическое общение, а не обычную речь.

Вольфинг проявил достаточно доброты и мужества, чтобы помочь мне выпутаться из столь двусмысленного положения. Не знаю уж, чего ему это стоило, но он в конце концов умудрился — заставил себя! — сказать:

— В последние дни я все время чувствую какое-то странное напряжение.

— И сколько дней это продолжается? — спросил я.

— Дня три.

Значит, исходной точкой его напряженного состояния был праздник Сарамейш! Лицо Вольфинга покраснело, он нервно покусывал губу — вот что значит откровенно говорить о своих эмоциях и настроениях! У него был такой вид, словно он хочет поскорее выбежать вон из комнаты!

Я тоже был не в лучшей форме. Возможно, того ключа к эмоциям, который дал мне Вольфинг, было бы вполне достаточно для любого калдорианца, но мне, тугодуму, землянину, этого было мало.

Я заставил свои эмоции улечься — во имя нашей дружбы. Пусть тяжело будет лишь мне одному. Сознавая свою ответственность перед столь близким другом, как Вольфинг, я постарался вести разговор окольными путями и соблюдая максимальную тактичность.

— Сарамейш прошел на редкость удачно, — сказал я.

— Да, безусловно. — Теперь Вольфинг говорил вполне уверенно.

— По-моему, Дерних был просто неотразим в поединке с богом.

— Я с тобой совершенно согласен.

— А уж наш Грандинанг!.. Какой все-таки великолепный клоун из него получился!

— Да уж. Наш дружок поистине сам себя превзошел! — поддержал меня Вольфинг.

Я внимательно следил за ним и старался уловить его внутренний настрой, когда он что-то отвечал мне. Пока ничто из упомянутого мною не вызвало в его душе особого отклика, совпадавшего с его теперешним напряженным душевным состоянием.

— Жаль, что тебе пришлось сидеть среди незнакомых людей! — продолжал я.

— Так уж мне выпало по жребию. Но это неважно. Мой душевный настрой прекрасно совпал с настроением тех, кто сидел рядом.

— Это очень удачно... А Элиаминга ты видел? Он, бедняга,

оказался за колонной, которая здорово мешала ему смотреть. Боюсь, это существенно уменьшило для него мощность катарсиса. По-моему, просто позор, что кому-то достаются такие плохие места!

— Да нет, все совсем не так страшно, — успокоил меня Вольфинг. — Я разговаривал с Элиамингом. Он сказал, что, поскольку видно ему было плоховато, он следил за действом с особым напряжением, и положительный результат не замедлил сказаться.

— Я так рад! — искренне воскликнул я. — А то я очень за него беспокоился. И Ланея тоже.

— Неужели и она? — удивился Вольфинг. — Уж ей-то по такому поводу беспокоиться не следует.

— Но ей даже приятно беспокоиться о ком-то из близких друзей! — возразил я. — Ей также было очень жаль, что Дерних так сильно порезался, а Грандинанг явно переутомился, изображая клоуна, но более...

— Да-да, продолжай, — сказал Вольфинг.

— Но более всего она беспокоилась о тебе.

— Вот как? Ты в этом уверен?

— Ну конечно!

— Мы с ней после праздника еще ни разу и не поговорили как следует, — заметил Вольфинг, теперь уже почти не скрывая, что он уязвлен!

Ага! Я почувствовал себя гораздо увереннее и заговорил куда более доверительным тоном:

— Но это же первое свидетельство того, что ты ей не безразличен! Ты ведь знаешь, какие женщины скрытные, это даже в пословицу вошло, и как умело они маскируют самые сильные свои чувства. Любовь Ланеи к тебе...

— Любовь? Ты сказал — любовь? Ты, должно быть, чрезмерно преувеличиваешь, хотя это весьма мило с твоей стороны...

Теперь я был на коне и на полной скорости двинулся вперед.

— В таких делах я никогда не стал бы преувеличивать! — заверил я его.

— Любовь! Просто не верится!

— В таком случае ты единственный человек в Мореи, который об этом не знает. Ну все, хватит, соберись-ка! Любовь — самое естественное и вполне предсказуемое развитие человеческих отношений, и зарождается она чаще всего именно внутри группы близких друзей. Впрочем, ты и сам все это прекрасно знаешь!

— Знаю... — неуверенно протянул Вольфинг. — По крайней мере, теоретически. Но ведь никогда нельзя заранее быть уверенным, что тот или иной конкретный человек тоже... Да и, честно говоря, я боялся, что ты...

— Хорошего же ты мнения обо мне! — рассмеялся я. — Ты что, считаешь меня Неотразимым Капитаном, этим ревнивым собственником из популярной комедии? Или ты полагаешь, что инопланетянин со свихнутыми мозгами, явившийся сюда с какой-то отвратительной планетки — каковым, собственно, я и являюсь! — способен на гнусную ревность? Друг мой, на самом-то деле я не так уж плох! И нежные узы нашей дружбы для меня не менее святы, чем для тебя!

Вольфинг пытался протестовать, пылко доказывая, что у него и в мыслях ничего подобного не было и он был и остается мне настоящим другом, но я его прервал, заранее принимая все его доводы и соглашаясь с ними. Я был чрезвычайно возбужден: впервые мне удалось самому разобраться в психологической ситуации, полагаясь лишь на собственную интуицию, и никому ничего не пришлось объяснять мне на пальцах. Это означало, что моя давняя мечта стать подобным своим друзьям, всей их расе, ставшей для меня приемной матерью, начала воплощаться в жизнь. Да, мне хотелось полностью погрузиться в их среду и раствориться в ней!

— Вольфинг, — сказал я, — любовь — самая утонченная и неуловимая из эмоций, и тем не менее она вполне материальна, ее можно ощутить физически. Ланея сейчас в спальне, она ждет тебя. Ступай же к ней, соедини свою любовь с ее любовью, а моя любовь да пребудет с вами обоими!

Последние слова кое-что утрачивают при переводе, но в тот миг годились именно они — чисто стилистически. Ланея в последнее время действительно раз или два вскользь упоминала Вольфинга — причем исключительно нейтральным тоном, что вполне могло означать тайную и тщательно скрываемую любовь.

Я страстно надеялся, что так оно и есть. Вольфинг — человек совершенно исключительный и к тому же чрезвычайно хорош собой. Да и Ланея... Ах, как прекрасно это было бы для нее, для всех нас! И если она его действительно любит...

Вольфинг крепко сжал мое плечо. Все это время мы обменивались не только словами, но и мыслями на уровне «д'бнаи» — это возможно лишь при очень близких духовных отношениях; для подобного обмена языковых средств просто не хватает.

Он вошел в ее спальню и закрыл дверь. Я слышал их приглушенный разговор, затем настала тишина, затем послышалось нежное воркованье, и стало невозможно отличить один голос от другого.

Это был самый подходящий момент, чтобы уйти из дома. Стоял великолепный весенний денек. Я брел по окрестным перелескам, и в душе моей пела радость. Когда несколько часов спустя я вернулся домой, Ланея и Вольфинг встречали меня на пороге. Они приготовили мне фальшивое жаркое в горшочке — мое любимое блюдо. Я чуть не расплакался от счастья.

Мариска — пухленькая, здоровая и чуть глуповатая. Она очень похожа на своего мужа, Грандинанга. Кожа у нее смуглая, чуть солоноватая. Как и Грандинанг, она всегда пребывает в отличном настроении. Они вообще во многом схожи. Порой, когда мы с ней занимаемся любовью, мне кажется, что рядом со мной лежит сам Грандинанг.

В квартире у нее вечный беспорядок, одежда то мала ей, то велика, и, по-моему, она крайне редко и плоховато моется. Однако это меня еще больше привлекает к ней. Видимо, потому что она полностью противоположна Ланее, чистоплотной, как кошка (земная, разумеется). Мы с Мариской не расставались двое суток подряд и без конца занимались сексом, хотя, может быть, и не столько раз, как это описывается в некоторых книжках на Земле. А еще мы очень много ели — чаще всего прямо в постели, подложив под спины подушки, — и смотрели театр теней в том устройстве, которое на Калдоре заменяет телевизор. Показывали какие-то драмы с чрезвычайно сложным сюжетом из жизни древних царей и цариц, а также их возлюбленных, которые большую часть времени проводили за обсуждением того, как им следует вести себя. Если бы Сальвадор Дали совсем спятил и вздумал бы соревноваться в драматургии с Лопе де Вегой, результат был бы примерно тот же. Я не могу по-человечески пересказать содержание этих пьес — даже довольно простого сериала «Чудовища раздоров»: он основан на таких допущениях, которые выше моего понимания. И все же приятно было лежать, откинувшись на подушки, в блаженной расслабленности и сытости, и смотреть прихотливую игру теней на экране.

Я, разумеется, не прерывал отношений с Ланеей. Мы с ней каждые несколько часов разговариваем по телефону. Вольфингу пришлось вновь заняться семейным бизнесом после проведенной с Ланеей веселой ночки, и это повергло обоих влюбленных в изрядную тоску. Я предложил ей попробовать увлечься Дернихом — мне казалось, он куда больше подходил ей, тем более в ее теперешнем настроении, чем Элиаминг или Грандинанг, — однако совершил явный faux pas. Оказывается, Дерних, символически одержав победу над богом Раздоров, теперь сам приобрел некоторые качества этого божества и стал «герну», то

есть «ритуально нечистым» — таково примерно значение этого слова. В течение целого месяца он должен был воздерживаться от каких бы то ни было физических, а тем более сексуальных контактов, тем самым как бы искупая нашу общую вину перед поверженным божеством, а затем с помощью несложного обряда он мог избавиться от «божественных свойств» и перестать считаться «герну».

Трудно было бы ожидать, чтобы я все это знал, и тем не менее Ланея на меня рассердилась — я совершенно напрасно вслух заговорил о чем-то, ей в данный момент недоступном! В отместку она убрала мою красную статуэтку в шкаф и рассказала об этом Грандинангу, и они вместе довольно-таки жестоко посмеялись надо мной. Что, в свою очередь, вызвало и у меня желание совершить по отношению к ним не менее жестокий поступок, и это желание не оставляло меня в течение нескольких дней, может быть, даже целой недели. Но, слава богу, рядом была Мариска, которой очень быстро удалось исправить мое дурное настроение.

Теперь же все случившееся кажется мне какой-то пьесой театра теней; даже концовка самая заурядная.

Так или иначе, но в тот раз мы с Ланеей впервые поссорились. Сама ссора продолжалась примерно час, и мы оба испытали сильнейшее потрясение. Но, с другой стороны, мне кажется, именно эта размолвка помогла нам почувствовать глубину и силу нашей любви.

Мы с Мариской отлично проводим время, и нам так весело вместе, что я порой почти завидую Грандинангу. К счастью, завидовать по-настоящему нет необходимости: раз мы с Мариской любим друг друга, нам разрешается в течение тридцати дней проводить вместе сколько угодно времени. Единственная проблема (у меня лично) — это Ланея, которую я тоже нежно люблю.

Пожалуй, самое время разъяснить все же, что я подразумеваю под словами «любовь» и «любить». На Калдоре такого слова вообще нет. Здесь слова, которые примерно соответствуют данному понятию, вообще не имеют формы единственного числа, то есть не обозначают состояние души одного, отдельного человека — на Калдоре это понятие, таким образом, исходно является более сложным, комплексным. Оно действительно включает в себя букет изысканных чувств и ощущений — что, собственно, и составляет сущность любви. В калдорианском языке существует около двухсот слов, обозначающих различные состояния любви, окрашенные особыми эмоциями. И каждый, говоря об этом, как бы пытается описать бесконечное разнообразие этих эмоций, их различную интенсивность и исключи-

тельную сложность, тогда как мы на Земле слепляем все эти чувства и переживания в единый ком, обозначаемый словом «любовь».

Никто и никогда здесь не стал бы употреблять столь невнятный термин. То чувство, которое я испытываю к Мариске, называется «мардради» и характеризуется несложным, главным образом физическим, влечением двух или более партнеров и требующим вполне определенных затрат энергии. А вот наши взаимоотношения с Ланеей определяются термином «оурмге», обозначающим существенно более глубокую психоэмоциональную связь двух (или более) существ, некий полузапретный комплекс взаимного влечения и страсти, что придает отношениям сладостный, будоражащий привкус отстраненности.

По-моему, на Земле любовь представляет собой столь же сложный комплекс эмоций и ощущений. Но на Калдоре ни реальное воплощение любви, ни упоминания о ней не являются табу. Как раз напротив. Здесь можно в открытую и сколько угодно играть на этом бесконечно богатом по звучанию инструменте!

В некотором роде сама планета заставляет тебя это делать: если слово «Калдор» и имеет сколько-нибудь конкретное значение, то означает оно «любовь»!

Просто не представляю, с какой стати я так долго прожил в этом нелепом, точно с берегов Кейп-Кода перенесенном сюда домишке и так далеко от Мореи! Видимо, я сам когда-то выразил подобное желание, и оно было удовлетворено. Но теперь мне совершенно ясно, что за городом живут лишь крестьяне-земледельцы, а все важные и интересные события, да и сама жизнь, связаны исключительно с Мореи.

Нам с Ланеей повезло: мы сумели отыскать квартиру на площади Чуртии — это один из самых лучших районов города, по плотности населения занимающий третье место. Квартира фантастически хороша — огромная, светлая, полная воздуха, с красивой мебелью. На Земле за такую квартиру мне пришлось бы выложить кругленькую сумму. Здесь же оказалось достаточно того, что я инопланетянин, с Земли, и эту квартиру, как и все остальное, тут же предоставил мне Совет. Здесь меня объявили Живым Артефактом — на основании моей уникальности, разумеется, а не моей красоты. Я имею право заниматься лишь тем, что мне нравится самому, — ибо артефакты существуют, как известно, исключительно для любования ими, то есть во имя искусства!

Однако как следует пожить в новом доме мне не пришлось. Особенно беспорядочной была последняя неделя. Целые сутки

я провел с Блессе, женой Вольфинга, потом двое суток не расставался с Мариской (ее чувство ко мне значительно усилилось и перешло в более серьезную категорию, что в некоторой степени привело меня в замешательство). Затем я вернулся домой, но Ланея была там с Элиамингом — в графике произошел сбой, и Гистоман случайно вернулась домой на один день раньше. Гистоман — это жена Элиаминга; маленькая, темноволосая, подвижная и чрезвычайно живая женщина. Это сэкономило нам всем время, но создало определенные трудности. Пришлось нести уже составленный график к юристу, занимающемуся подобными вопросами, торчать целый час в его приемной и всем вместе сидеть за столом, нетерпеливо кусая ногти, ожидая, пока он вычертит оптимальный общий график на следующую неделю. А потом еще — не успели мы с Гистоман прийти к ней домой и начать расслабляться — я вспомнил, что мы забыли сказать юристу о новой категории Марискиных эмоций, что совершенно меняло временной характер наших с нею встреч и их последовательность в общем графике. Пришлось вернуться к юристу, и в итоге — то одно, то другое — мы потеряли почти весь день, который так старались освободить для своей любви. К счастью, Гистоман очень славная, так что мы сумели даже посмеяться над собственной неудачей.

Однако конца различным осложнениям пока что не видно. Через четыре дня состоится ритуальное очищение Дерниха, и он вместе со своей женой Сарой вновь вольется в наш тесный дружеский кружок. Мы все очень этого ждем, разумеется, и все-таки порой постоянная необходимость выдерживать жесткий график поистине угнетает, хотя график этот составлен с помощью специалиста.

Впрочем, я, кажется, нашел выход из сложившейся ситуации — подал прошение о новой квартире. Скоро увидим, высоко ли они ценят свой Живой Артефакт!

Новая квартира превзошла все мои самые необузданные желания и мечты. Четырнадцать комнат! Можете себе представить? Четырнадцать комнат в самом центре столицы! И еще за нами по-прежнему оставлена квартира на площади Чуртии, которую мы с Ланеей так полюбили.

Ответ на мой вопрос получен. Здесь свой Живой Артефакт ценят чрезвычайно высоко.

Новая квартира соответствует всем нашим надеждам. Даже поселившись здесь все вместе — я, Грандинанг, Вольфинг, Элиаминг, Дерних и наши жены — мы можем, не испытывая

неудобств, легко обойтись безо всяких скользящих графиков. Мы также изменили свои сексуальные отношения, подняв их до уровня «берианг», — что на Земле скорее всего обозначили бы словом «оргия».

Однако же это слово не совсем подходит к данной ситуации — во всяком случае, вряд ли его можно использовать в том смысле, в каком оно применяется на Земле. Я ничуть не лукавлю, утверждая, что «берианг» — это практически лишь более удобный способ делать то, что все мы обычно и делаем (я имею в виду землян!), но здесь, на Калдоре, совсем не нужно метаться в поисках свободной комнаты или испытывать неловкость, если по рассеянности в неурочный час войдешь не в ту спальню. Цель «берианга» — архисексуальность. Это некая постоянная атмосфера повышенной чувственности, когда все пары спят вместе в одной и той же большой комнате. (Мы специально для этого перестроили всю квартиру.) Вопросы первенства отпадают полностью, когда теплые тела касаются друг друга, сплетаются... Соитие (хотя оно, безусловно, имеет первостепенную важность!) отодвигается как бы на второй план в сопоставлении с той радостью, которую испытываем мы все, когда спим рядом, обнимая друг друга.

«Берианг», насколько мне известно, практикуется более или менее постоянно примерно третью всего населения планеты. Должен отметить, что эта форма взаимоотношений имеет и свои недостатки, хотя и незначительные. Кумулятивная сексуальная энергия, каждую ночь излучаемая нашими десятью телами — телами участников некоего расширенного полового акта, — способна вызвать головокружение и временную глухоту у отдельных индивидов. Следует также отметить, что некоторые люди не могут слишком долго выносить общество друг друга. Такие люди, с их жаждой уединения, считаются на Калдоре не совсем нормальными и являются объектами всеобщей повышенной жалости. Наконец, имеют место и совсем мелкие, но тем не менее раздражающие факторы — когда рядом с тобой без конца поднимаются и опускаются чьи-то тела, кто-то ворочается, стонет, охает, храпит — в общем, когда тебе попросту мешают спать. (Одним из крупнейших государственных медицинских проектов на Калдоре является работа по всеобщему избавлению от храпа.)

Всегда, разумеется, можно уединиться в одной из многочисленных спален, и порой я так и поступаю. Однако я не люблю расставаться с друзьями даже на одну ночь; вообще подобные выходки довольно невежливы и выглядят как проявление невнимания к близким тебе людям, а настоящие калдорианцы

чувствуют подобное отношение куда более остро, чем я, землянин по рождению.

Таким образом, в целом «берианг» — весьма приятное времяпрепровождение, ради которого вполне можно смириться с теми маленькими неудобствами, которые он порождает. «Берианг» — это к тому же определенное состояние общества, к которому население Калдора официально тяготеет, ибо состояние это отражает максимальную степень единства с другими членами данного социума.

И все-таки мы с Ланеей частенько прокрадываемся вдвоем в одну из кладовых на чердаке, предпочитая ее любому другому месту! Там я давно уже все устроил, положил на пол матрас, и на нем-то мы с нею и занимаемся любовью.

Не знаю, почему нас так тянет порой остаться вдвоем, вдали ото всех, кто нам так дорог. Видимо, это некая разновидность игры, и мы с Ланеей с наслаждением в эту игру играем. Стыдиться тут нечего, но, если честно, мы никогда не занимались сексом на глазах у остальных. Возможно, наше желание остаться наедине проистекает именно из этой простой особенности наших отношений?

Мы с Элиамингом довольно быстро перебесились, и теперь все встало на свои места. Мы по-прежнему относимся друг к другу с нежностью, и наша дружба не имеет себе равных, однако мы более не испытываем того неотвратимого желания, которое являлось определяющим в наших отношениях и делало их безумными и чудесными одновременно. В моих глазах он по-прежнему прекрасен, однако я более уже не схожу с ума и не стремлюсь постоянно обладать им.

Ланея и я снова вместе. В течение трех недель мы пребывали в состоянии «накотет», которое я весьма вольно могу определить как недолгое раздельное существование без утраты «оурмге». Целью «накотета» является усиление общей чувственности и восприимчивости «хетти» у индивида и достижение еще более сложного и приносящего наибольшее удовлетворение любовного экстаза с одним и тем же партнером.

Ланея и я добились весьма неплохого уровня «хетти», и теперь наши чувства друг к другу достигли класса «чаарди», то есть существенно более глубокого духовного сближения, чем при «оурмге».

По этому поводу мы, естественно, получаем немало комплиментов. Менее десяти процентов населения Калдора способны достичь «чаарди», а те, кому это действительно удается, становятся чем-то вроде фольклорных «культурных героев». Но,

как ни приятно было нам оказаться в числе столь выдающихся личностей, мы решили все же не предпринимать дальнейших попыток усовершенствовать наши взаимоотношения. Здесь существует определенный риск, как и во всяком, требующем особого мастерства деле: можно стать как бы чересчур узким специалистом и при этом потерять всякую связь с другими жизненно важными явлениями в своем окружении. По-моему, бесконечными улучшениями можно испортить все что угодно, а уж любовь, если ее беспредельно совершенствовать, просто превратится в элементарный онанизм.

Ланея выказала некоторое раздражение, когда я вступил в отношения «дороман» (так называются сексуальные групповые отношения между партнерами-мужчинами) с Элиамингом, Грандинангом и Дернихом. (Вольфинг, к сожалению, наше приглашение отклонил. Он сейчас на некоторое время лег в больницу, чтобы привести в порядок расстроенные нервы. Бедняга, сам того не ожидая, на прошлой неделе оказался одновременно в многократном взаимном «оурмге» с Гистоман, Сарой и Мерьет, членом родственной нам дружеской группировки.) Все мы по этому поводу немало веселились, поскольку это одна из обычных фарсовых ситуаций в здешнем драматургическом эквиваленте комедии дель-арте. Однако бедному пылкому Вольфингу было не до веселья. И все же к Празднику Перехода он, мы надеемся, будет уже совсем здоров.

Раздражение Ланеи по поводу моего участия в группе «дороман» вполне объяснимо. На нее вдруг напала некая истерическая фригидность. Она пробовала самые различные комбинации как с мужчинами, так и с женщинами. И врач в итоге предписал ей общение с незнакомцами, но и это облегчения не принесло.

Она уже не в первый раз страдает подобным истерическим заболеванием. На Калдоре это довольно распространенное явление. Существует бесчисленное множество теорий о его происхождении и не меньшее количество средств для избавления от него. Однако здешние специалисты, как и земные, по большей части сходятся в одном: самое лучшее лекарство — это время.

Наши любовные отношения переменились; да разве могло быть иначе? Теперь мы с Ланеей пребываем в «риотисе» — любовных отношениях, начисто лишенных сексуальности, — и бедняжка Ланея стыдится встречаться даже с друзьями.

Я, может быть, и хотел бы, но просто не в состоянии сейчас испытывать к ней больше нежности и любви. Когда человек находится в одном из наивысших любовных состояний, он не в силах должным образом сочувствовать кому-то, пребывающему на более низкой стадии любви. Не хочу показаться бессердечным, но я ведь действительно сейчас пребываю со своими друзьями в отношениях «дороман», и это захватило меня целиком.

Скорее всего на Земле «дороман» назвали бы гомосексуализмом и, конечно же, подавляющее большинство гетеросексуалов его осудило бы. Но подобные односторонние оценки на Калдоре попросту невозможны. Калдорианцы также по большей части гетеросексуалы (как и должно быть по законам биологического развития), но это никогда не служило для них поводом для превосходства.

Я бы очень хотел должным образом описать те замечательные отношения, что существуют внутри нашей любовной группы, ибо они не похожи ни на что другое. Впрочем, нет, они, разумеется, похожи на все прочие виды любовных отношений, существующих здесь, поскольку здешние жители ни в коей мере не отягощены вековой социальной предубежденностью.

Порой меня удивляет, как это я, землянин, сумел так быстро адаптироваться к столь сложной системе различных типов половой близости. Видимо, лишь благодаря тому, что здесь все считается НОРМАЛЬНЫМ, а человеку вообще свойственно воспринимать нормы того общества, внутри которого он существует.

Но, так или иначе, все это очень здорово! Я буду жалеть о ритуальном табу на сексуальные отношения (за исключением чисто религиозных), характерном для Праздника Перехода.

По этой стране легко идти пешком — плавно вздымающиеся холмы, короткая трава, редко растущие деревья. Даже солнце проявляет к нам доброту: светит умеренно и не дает ночам слишком охлаждать воздух. Дерних говорит, что вскоре климат на планете переменится в худшую сторону, а дающий жизнь бог Солнца, столь почитаемый в этом регионе, уступит место куда более яростному божеству.

Однако и мы тоже становимся сильнее и выносливее, день за днем продолжая свой поход. Подошвы моих ног уже совершенно задубели, а плечи давно привыкли к тяжести рюкзака.

Я продолжаю делать записи не по собственному желанию, а исключительно из чувства долга. Мне лично они кажутся совершенно бесполезными! Я не могу припомнить ни одного су-

щественного события, которое вообще стоило бы описывать в дневнике. Праздник Перехода, например, когда-то, видимо, казался мне весьма значительной вехой, но теперь воспоминания о нем практически стерлись в моей памяти, за исключением отдельных, похожих на яркие вспышки эпизодов, мысли о которых скорее раздражают, чем радуют.

Я просил остальных помочь мне восстановить в памяти это событие. Но они прямо-таки хамски высмеяли меня и заявили, что помнить стоит только то, что полезно с практической точки зрения.

Сперва им вообще очень не нравилось, что я веду дневник. Они боялись, что я могу вмешаться в их жизнь, призвав на помощь некие сверхъестественные силы. Особенно сердился и огорчался Грандинанг. Однажды он даже попытался сжечь мой дневник — попытка, правда, была довольно нерешительной, как и все, что он делает. В тот день меня спас Дерних: он заявил, что я поцелованный богом летописец и сочиняю что-то вроде героического эпоса, посвященного нашему великому походу. Когда-нибудь, сказал Дерних, эти песни станут исполнять при массовом скоплении народа, и мы, их герои, прославимся навек.

Не знаю, верил ли он сам в то, что говорил, но благодаря ему отношение ко мне совершенно переменилось. Теперь каждый вечер меня заставляют писать и еще проверяют, обо всех ли «подвигах» я успел услышать и упомянуть.

В памяти моей сохранилось лишь несколько разрозненных эпизодов, связанных с тем Праздником, но я почти уверен, что тогда происходило нечто исключительно важное. И еще, по-моему, это нечто было весьма неприятным. Или скорее чудовищным.

Я помню, что все мы приняли какое-то снадобье. Это был обязательный с незапамятных времен ритуал. Всем раздали какой-то корень, мы его вымыли, нарезали и потом долго жевали. Еще, помню, у нас были такие специальные шелковые мешочки, в которые мы сплевывали непрожеванные грубые волокна. И все ужасно веселились насчет того, как забавно принимать наркотик. А потом Элиаминг вдруг стал серьезным и сказал, что наркотик принимать вообще не обязательно; это вовсе не священный ритуал, а просто средство, призванное снять напряжение у тех, кто участвует в торжестве. И еще он сказал, что действие наркотика рассчитано часов на сорок и в этот период, как известно, могут возникать слабые галлюцинации, особенно в пиковый момент воздействия снадобья на человеческий организм, но это вполне поддается контролю, и полная дезориентация и потеря памяти случаются крайне редко.

Элиаминга вечно интересуют подобные тонкости. Он даже заранее обсудил с врачом, как прием подобного наркотика может сказаться на моем организме землянина. Врач предположил, что поскольку мой организм прекрасно справляется с любой местной пищей, то скорее всего никакого особого вреда не будет и от данного средства. Но если, прибавил он, у меня возникнут какие-то сомнения или страх, я должен от приема наркотика отказаться.

Никаких опасений у меня не возникло. И наркотик я принял вместе со всеми.

Дальше у меня в памяти полный провал. Помню только, как мы оказались в каком-то странном месте, где без конца вспыхивали яркие цветные огни. От этих вспышек у меня разболелась голова, особенно раздражали красные. Через какое-то время вспышки стали обретать конкретные формы. Сперва они сгустились в облака, затем превратились в колонны, и, наконец, перед нами возникли обнаженные и совершенно безликие человеческие фигуры, пылавшие, как факелы. Их яркое свечение продолжало терзать мои глаза, и я, видимо в целях самозащиты, тоже в итоге превратился в пульсирующий разноцветный источник света.

По-моему, это все-таки была галлюцинация.

Затем наступила темнота, и я услышал мужской голос — мне кажется, Дерниха (хотя он это отрицает):

— Разумеется, откуда тебе было это знать! И конечно же, мы никак не могли тебе рассказать об этом.

— Но теперь же рассказываете, — возразил я.

— Нет. Я ничего не рассказываю — я просто придаю реальную форму тому, чему твоя душа научилась путем превращений.

— Мне бы следовало догадаться об этом раньше! — с горечью заметил я. — Это же было совершенно очевидно. Нужно было лишь проявить должное внимание.

— Это все равно не помогло бы тебе.

— Я понимаю, — сказал я со слезами на глазах. — И все-таки жаль, что я этого не знал!

Странный разговор, и, похоже, он происходил где-то в лимбе. Он отчетливо запечатлелся в моей памяти, но я понятия не имею, что именно мне так нужно было знать раньше. Дерних

уверяет меня, что никакого разговора не было вообще. Все остальные стараются никогда о Празднике даже не вспоминать. Вообще ни о чем ином, кроме реальной жизни и связанных с нею трудностей, разговоров не ведется.

Еще я помню толпу, с дикими воплями мчавшуюся в слепой панике по улицам Мореи. Некоторые старики и маленькие дети не успевали за толпой и падали, а люди бежали прямо по их телам... А когда толпа умчалась вдаль, трупы было просто невозможно опознать.

Я тоже поддался общей панике (хоть и не помню, почему). Меня охватил какой-то первобытный ужас. Я понимал, что оставаться в толпе опасно, и, подтянувшись, взобрался на какой-то подоконник, где в страхе пережидал, пока эта дикая орда не умчалась вдаль. Однако за столь оригинальное решение мне пришлось дорого заплатить. Когда я уже собрался идти дальше, ужас обрушился на меня с поистине сокрушающей силой, и мне показалось, что он охотился именно на меня. Я умирал от страха, я бежал сломя голову, точно безумный, и, когда нагнал наконец друзей, сердце у меня буквально выскакивало из груди.

Еще я смутно вспоминаю, что оказался в какой-то комнате с каменными стенами, покрытыми надписями, которые я был не в состоянии прочесть. В углу мерцал масляный светильник.

Подняв глаза, я увидел перед собой обнаженного мужчину с лисьей головой. В одной руке он держал кремневый нож, в другой — сосновую шишку. Лисья голова, разумеется, была просто маской. Я знал, что так и полагается.

— Теперь ты знаешь, — сказал он мне.

— Что я знаю? — спросил я.

— Ты знаешь, каков лик будущего.

Довольно долго я колебался, но все же спросил:

— А кто ты сам?

— Зеркало, — был ответ.

Я протянул руку, желая его коснуться, и пальцы мои ощутили гладкую поверхность. Тогда я коснулся собственного лица: вместо него была длинная, покрытая шерстью звериная морда.

По-моему, я дико вскрикнул, но более ничего припомнить не могу...

Вспыхивают порой и еще какие-то разрозненные воспоминания, которые я никак не могу привести в порядок. Они, собственно, не имеют даже сюжета; то вспомнится чье-то лицо, то

незнакомый пейзаж, то в ушах прозвучат несколько непонятных и не связанных между собой фраз...

Лицо было явно человеческим, но обрамлено густой звериной шерстью. Человек улыбался, и рот его был выпачкан кровью.

Пейзаж представлял собой голые скалы на вершине горы, скрытые пеленой тумана. Под одной из скал виднелась кучка серого пепла. На мгновение туман рассеялся, и я увидел бесчисленные светящиеся точки далеко внизу подо мною, в глубине долины. Потом облака тумана снова сомкнулись.

И послышался женский голос:

— Ах, какие замечательные сны нам снились тогда! Как прекрасны были наши мечты! И вот к чему мы пришли!..

И другой женский голос откликнулся:

— Но это тоже часть нашего сна!

Вот и весь разговор.

Я ничего не смог из него понять. Видимо, нужно время, чтобы отделить галлюцинации от реальности. Но днем мы в пути и лишь к вечеру разбиваем лагерь и делаем самое необходимое для поддержания жизни. Только переделав все дела, я могу что-то записать в дневнике, а потом валюсь без сил и засыпаю.

Я постоянно чувствую себя усталым. Нет сил даже думать как следует. Я понимаю, что события совершили какой-то странный поворот... точнее, несколько странных поворотов. Но как-то реагировать на это я не в состоянии. Разберусь во всем, когда достигнем Срединных земель — до них, по словам Дерниха, всего несколько дней пути.

И там, на равнинах, вволю еды, и можно будет отоспаться, и, если мы пробудем там достаточно долго, я, возможно, осмелюсь все же перечитать более ранние главы своего дневника и попытаюсь как-то примирить между собой те бесконечные противоречия, которые стали сутью моей жизни.

В последнее время явно не хватает пищи. Большая часть съедобных растений растет все-таки в долинах, а мы сейчас находимся на высоте в несколько тысяч футов над уровнем моря и, насколько я могу судить, все еще продолжаем карабкаться вверх. Растительность постепенно исчезает, все чаще встречаются голые скалы, тогда как мы во время переходов тратим огромное количество энергии, но никак ее не восстанавливаем.

Поведение людей явно изменилось. Все стали чрезвычайно раздражительными, легко впадают в депрессию; участились

приступы необъяснимой злобной ярости. Не знаю, нормально ли это. Мне кажется, у многих характеры стали меняться сразу после Праздника. Да, все мы теперь не те, какими были когда-то.

Сегодня вечером нам повезло! Уже в сумерках Вольфинг выследил оленя. Мы дружно бросали в него камни и каким-то невероятным образом ухитрились сломать ему правую переднюю ногу, а потом забили до смерти палками. Разжигая костер, мы уже едва сдерживали себя — до сих пор мы и не представляли, насколько изголодались. Мы обжаривали мясо прямо в жарко горевшем огне, хотя это наихудший способ его приготовления, и пожирали практически сырым.

Я никак не рассчитывал, что на такой высоте может встретиться город. Но тем не менее он нам встретился. Несколько часов, лежа на высоком выступе, мы наблюдали за тем, что там происходит. Однако не было заметно ни людей, ни машин на улицах. Вообще ничего. Точнее, почти ничего. Вольфинг сказал, что видит на улицах полчища крыс. Над городом кружили стаи ворон, чуть выше парили стервятники, высматривая, чем бы поживиться.

По поводу этого города у нас возникли серьезные разногласия. Грандинанг и все женщины мечтали заняться грабежами — ведь в городских домах всегда есть кладовые, где может найтись еда, не говоря уж о золоте, драгоценностях и прочем добре. Мне тоже хотелось побывать в этом городе — из любопытства. Но Дерних и Вольфинг, в кои-то веки объединившись, решительно выступили против всех остальных. Дерних утверждает, что все города прокляты, что там мы не найдем ничего, кроме смертей и болезней. Вольфинг говорит, что сейчас нам все равно не под силу унести большую добычу и что мы еще вернемся сюда после Общего Сбора и тогда уж унесем как можно больше.

В общем-то неважно, у кого аргументы оказались более убедительными. Если уж Дерних и Вольфинг решили действовать заодно, остальные, конечно же, поступят так, как скажут они.

Еще четыре ночевки остались позади. Жаль все-таки, что мы не ограбили тот город — теперь-то мы идем по голым камням. Мы поднялись уже выше зоны лесов и продолжаем подъем. Изредка еще попадаются кустарники, а вот животных здесь практически нет.

Ланея больше со мной не разговаривает. И спит тоже в сторонке. Она откровенно презирает меня за то, что я веду летопись, и мечтает стать женой воина. Она не сводит глаз с Дерниха, и этот взгляд выдает ее с головой. Дерних делает вид, что ничего не замечает — чтобы не уронить своего достоинства: он ведь вождь нашего клана. Но другие-то все видят и смеются надо мной. Просто не знаю, как быть!

К чему притворяться? Зачем отрицать, что все мы друг друга ненавидим? Но существует еще и некая семейная, клановая ненависть по отношению к другим кланам, которая совершенно несравнима с нашим враждебным отношением друг к другу. И представить себе невозможно, какими все мы были до этого Праздника! А может быть, следует воспринимать это иначе? Может быть, вся наша прошлая жизнь не имеет более никакого смысла для нас теперешних?

Мы стали свидетелями настоящего чуда. В тот день силы наши уже подходили к концу, и Дерних объявил привал и разжег костер. Элиаминг стал громко возносить молитву предкам, а мы сопровождали его пение ритмичными хлопками. Глаза Элиаминга горели священным огнем, и его танец вокруг костра отличался такой мощью и грацией, что мы просто диву давались: такого мы не видели никогда!

Нам очень повезло. Дерних говорит, что далеко не у всех кланов есть свой собственный жрец, которому его знания и искусство даны от рождения.

Элиаминг продолжал петь, а мы танцевали с ним вместе, не чувствуя более усталости. Где-то перед рассветом божественное прикосновение повергло Сару на землю; она извивалась и чуть не откусила себе язык, но мы успели разжать ей зубы и вставить между ними палку. А потом продолжали танцевать, ибо вера наша была крепка.

И боги предков ответили на нашу мольбу, послав нам медведя. Сперва мы приняли его за призрак — медведям нечего делать в горах, да еще на такой высоте. Но Элиаминг, уверенный, что это настоящий зверь, повел нас на охоту.

Убить медведя оказалось нелегко! Боги позволили нам загнать его в небольшую лощину — безусловно, нам удалось это сделать только благодаря их помощи, потому что медведи никогда не дадут так просто загнать себя в ловушку. Мы принялись бросать в зверя камни, но на него это особого впечатления не произвело, а в нас уже возбуждение пересилило голод.

И мы дружно посмотрели на самых сильных наших муж-

чин — Дерниха и Вольфинга. И они тоже посмотрели друг на друга. Они всегда друг друга недолюбливали — оба были прирожденными вождями, но вождем нашего клана мог быть только один. И вот сейчас они решили забыть о разногласиях и взаимной враждебности во имя нашего общего благополучия, а также потому, что боги смотрели на нас, желая узнать, как же мы поступим с их милостивым даром. Дерних и Вольфинг взяли копья и вышли вперед.

А мы все продолжали бросать в медведя камни, стараясь сбить его с толку. Охотники с копьями зашли с тыла. (Собственно, настоящих копий у нас не было — всего лишь длинные палки с заостренными и закаленными в костре концами.) Медведь встал на задние лапы; его маленькие глазки блеснули красным светом. Покачав головой из стороны в сторону, он вдруг бросился куда-то вбок и подмял под себя Дерниха.

Потом все произошло очень быстро. Элиаминг испустил такой вопль, что даже медведь застыл как вкопанный и выпустил Дерниха. Тот быстро закрепил свое копье среди камней, а Вольфинг, про которого некоторые из нас думали, что в такой момент он может предать Дерниха, напал на медведя с фланга и вонзил свое копье глубоко в его тело — прямо под ребра.

Медведь снова бросился на Дерниха, но уже не так свирепо, ибо Элиаминг продолжал громко взывать к богам, и Дерних недрогнувшей рукой, прицелясь, вонзил копье медведю прямо в глотку и быстро откатился в сторону, стараясь увернуться от страшных когтей. В итоге он отделался всего лишь глубокой царапиной через весь бок — от плеча до бедра, — что было не так уж и плохо: подобный шрам впоследствии гарантировал ему уважение соплеменников.

И тут весь наш пыл вдруг угас; мы молча смотрели, как медведь бьется в предсмертных судорогах, скребет когтями землю и исходит кровью.

Элиаминг от невероятного напряжения потерял сознание. Он заплатил страшную цену за наше спасение, и мы никогда этого не забудем!

Всю ночь мы пировали, до отвала наедаясь медвежьим мясом и салом и стараясь набраться сил. Мы пели наши старые песни, которые передаются у нас из поколения в поколение с начала времен. Запевала Мариска. У нее голосок звенит, как вода в ручейке. А потом все попросили меня снова рассказать, как был убит этот медведь. Таков наш обычай.

Я сперва для порядка отнекивался и, надо сказать, не так

уж притворялся — мне тяжело было об этом вспоминать. Но в конце концов я неохотно поднялся, и Грандинанг обвязал мне голову какой-то тряпкой, видимо, заменявшей поэтический венок. Встав перед костром, я поведал им о том, что они только что совершили, описывая их героическое поведение на охоте как настоящий подвиг, ибо именно таковы требования к рассказчику, мастеру своего дела. Через какое-то время мне удалось преодолеть свою скованность, и я даже сумел с помощью пантомимы изобразить все то, что делали герои моего повествования. Я не слишком высокого мнения о разыгранном мною спектакле, но остальные были, похоже, вполне довольны. И сам Дерних сказал мне, что все рассказано отлично и с большим чувством.

В ту ночь Ланея легла со мной — впервые за много ночей, — а потом положила мою голову к себе́ на колени, стала пальцами нежно разглаживать морщины на моем лице, причесывать мне волосы и сказала, что всегда будет любить меня.

Мне казалось, я грежу, так хорошо было той ночью. А утром мы снова двинулись в поход, тяжело нагруженные медвежатиной, и Ланея вновь стала холодна и неприступна. Казалось, она уже сожалеет о том, что проявила слабость, как-то продемонстрировав мне свою любовь.

Пришлось потерять целый день. Грандинанг вывихнул лодыжку, а нести и его, и медвежатину мы не могли. Грандинанг проявил исключительную глупость! Но шут он, безусловно, очень хороший. Может развеселить любого, а это нам в сложившихся обстоятельствах совершенно необходимо.

Я рад неожиданной передышке, ибо мысли и воспоминания теснятся у меня в голове, не давая покоя; и мне не терпится понять причины многих вещей и явлений.

Я инопланетянин, человек, явившийся сюда с планеты Земля. Это, по крайней мере, я знаю совершенно точно, всегда знал и всегда буду помнить, что бы ни происходило.

Прибыв на эту планету, я долгое время прожил здесь в отрыве от родной мне среды и воспринял нравы и обычаи здешнего народа, вполне цивилизованного и в чем-то весьма похожего на землян. Калдорианцы жили исключительно мирной жизнью, занимаясь главным образом любовью и различными искусствами.

Ходили, правда, всякие разговоры о загадочной опасности, грозившей этому миру, однако опасность эта так и не проявилась. А что, если я ее просто не заметил?

С тех пор все вокруг переменилось, и вместе со всеми пере-

менился и я. Потом был какой-то Праздник... А потом мы всем кланом двинулись в далекий поход к неведомой мне цели и вели жизнь совершеннейших дикарей, что почему-то тоже казалось мне совершенно естественным, как и вся моя предшествующая жизнь здесь.

Где же искать объяснения всем этим событиям? Почему мы повернулись к цивилизации спиной?

Пока что я не нахожу ответов на эти вопросы. Меня успокаивает лишь память о том, что происходило раньше. По-моему, я единственный, кто еще это помнит.

Возможно, именно поэтому я и выполняю функции летописца.

Невозможно описать все бесконечные ссоры и столкновения, которые у нас случались. Но о последней, случившейся между Ланеей и мной, я рассказать должен.

Наступили сумерки — для нас это мгновения полного покоя. Животы наконец набиты, а потому настроение у всех прекрасное. Это лучшее время суток. Протянув руку, я коснулся руки Ланеи, но она резко ее отдернула и отодвинулась. Я никогда не видел у нее такого злобного лица. (Позже я догадался, что она наблюдала за Вольфингом и Блессе, которые занимались любовью, и мое прикосновение взбесило ее, потому что, вернувшись к реальности, она испытала бешеную вспышку ревности.)

— Никогда больше не прикасайся ко мне! — заявила она.

— Ты же моя жена! — возразил я рассудительно и спокойно. — И я, разумеется, могу тебя трогать, когда захочу.

— Нет! — крикнула она. — Никогда, никогда больше я не буду твоей женой!

— Чем же я тебе не угодил?

Ее издевательский тон был просто неописуем:

— Ты еще спрашиваешь? Да просто не перечислить! Но самое главное — ты всего лишь жалкий летописец, а я родилась, чтобы стать женой воина!

— У меня тоже вполне уважаемая профессия, — заметил я. — И я свое дело знаю хорошо. Все мною довольны.

— Кроме меня! И спать с тобой я больше не стану!

— Ночи становятся холоднее, ты просто замерзнешь, — сказал я.

— Сам ты замерзнешь! А я буду спать с Вольфингом!

— У него уже есть жена.

— Ну и что? Значит, будет две!

Я огляделся. Остальные прислушивались к нашему разговору, выжидая, что будет дальше. Вольфинг самодовольно ухмылялся. Блессе, его жена, вздрогнула, но ничего не сказала. (Она маленькая, вечно какая-то испуганная, и Вольфинг владеет ею безраздельно.)

Я посмотрел на Дерниха. Он сидел на камне, накинув на плечи медвежью шкуру, с отчужденным и совершенно непроницаемым лицом. Я спросил, что он думает о поведении Ланеи, и он ответил:

— Мне нет дела до того, что происходит между тобой и твоей женой, пока я сам не захочу эту женщину, а я ее не хочу.

— С ней, похоже, куда больше хлопот, чем она того заслуживает, — заметил Вольфинг. — Но я возьму ее в жены, раз уж она сама так хочет.

— Ну что, дорогой мой? — обернулась ко мне Ланея. — Видишь, как все повернулось? Можешь продолжать царапать в своей тетрадочке! Ты только на это и годен! И мои слова тоже запиши. Может, они помогут тебе ночью согреться!

Она поднялась, намереваясь уйти и держа в одной руке узелок с вещами. Но я схватил ее за лодыжку. Она пнула меня свободной ногой в плечо, и все заржали.

Я вскочил и со всего размаху влепил ей пощечину. Она отлетела на пару шагов назад, завизжала от ярости и, схватив копье, бросилась на меня.

Я ловко увернулся и пинком сбил ее с ног. Она тяжело грохнулась на землю, и я придавил ее сверху, плохо соображая и не слыша, что со всех сторон раздаются смешки и гнусные шуточки. Я снова дал ей оплеуху, но тут она так провела своими когтями мне по лицу, намереваясь выцарапать глаза, что ярость ослепила меня, и я, зарычав, стал наносить удары куда придется — по лицу, по телу... Она сперва пыталась сопротивляться, но остановиться я уже не мог — она жестоко оскорбила меня при всех, и я рассвирепел не на шутку.

Не знаю, долго ли я лупил ее, но через некоторое время понял, что она не оказывает больше никакого сопротивления, а голова ее бессильно мотается из стороны в сторону. Я перестал ее бить и плеснул ей в лицо воды. Когда же она открыла глаза и узнала меня, я ее изнасиловал.

С тех пор наши отношения существенно улучшились. Возможно, Ланея меня и не любит, но ведет себя очень осторожно и старается меня не сердить. Она спит со мной, когда я этого хочу, и держит рот на замке.

Мне кажется, ее стоило бы еще раза два поколотить, чтобы как следует поняла, кто ее настоящий муж и хозяин. Она пони-

мает, что у меня на уме, и стремится ни в коем случае не давать мне ни малейшего повода для гнева.

Не знаю, будет ли она когда-нибудь в состоянии снова любить меня. Но для меня это, в общем, не важно. А важно то, что она меня уважает и я не потерял своего лица в глазах мужчин.

Прошлым вечером весь наш клан собрался на этом горном выступе, и по всему плато, повсюду, во всех направлениях до самого горизонта, видны были огни костров. Все кланы планеты тоже поднялись в эти горы, ведомые неким неизвестным мне инстинктом.

Прошлой ночью Ланея непонятно почему вдруг прильнула ко мне и расплакалась. Утешить ее оказалось совершенно невозможно. Я понимал, что от меня требуется проявление какого-то особого понимания и сочувствия, но абсолютно не представлял, какого именно.

Я спросил ее, в чем дело, и она сказала:

— Все, нам конец! Я оплакиваю нашу прекрасную жизнь.

— Но почему? — спросил я. — Что случилось?

— Пока ничего, — отвечала она, — но непременно случится.

Я поцеловал ее и сказал:

— Что бы ни случилось, я всегда буду с тобой.

— Нет, — сказала она уверенно. — Теперь это невозможно. Теперь уж точно: нам конец.

Я решил, что у нее просто истерика, и возобновил попытки успокоить ее:

— Что, еще одна Перемена? Я пережил все Перемены, случавшиеся на Калдоре; готов пережить и эту.

— Ты не сможешь, — сказала она. — Ты не принадлежишь к нашему народу. В тебе нет того, что заложено в нас.

— Это верно. Но, согласись, в остальном я вполне успешно приспособился к вашей жизни.

— Да, просто замечательно!.. Я так горжусь тобой! Но есть вещи, которые тебе не под силу.

Я улыбнулся ей. Никогда еще наши отношения не были так свободны и доверительны.

— Зря ты так в этом уверена! По-моему, я теперь в значительно большей степени калдорианец, чем землянин.

Она посмотрела на меня с любовью и нежностью, как на ребенка.

— Ты был чудесным любовником и другом, ты прожил с нами всю нашу жизнь до самого конца! Но теперь нам придется расстаться.

— Ты ошибаешься, — сказал я. — Жизнь еще не кончена! К чему же нам расставаться?

— Я знаю, что ждет впереди, — возразила Ланея, — а ты нет. Пойми, это не зависит от чьей-то воли или желания, даже от силы любви не зависит. Просто мы с тобой родились на разных планетах! Сами ритмы наших жизней различны. То, что должно произойти, отложить невозможно. Да я бы никогда и не стала ломать свою судьбу. Или твою. Нужно жить в соответствии со своей природой. Противиться этому, идти против ее законов значит нарушать сам смысл жизни.

Во всех этих словах для меня было крайне мало смысла. Я понимал, что грядет некая неизбежная перемена, но я же пережил все прочие перемены, произошедшие на Калдоре!

Потом, по настоянию Ланеи, мы в последний раз занялись любовью; она попросила поцеловать ее и сказала, что сейчас уйдет.

Я сделал все, как она просила, надеясь, что завтра смогу заставить ее передумать.

.

Назавтра все члены нашего клана по очереди подходили ко мне, целовали меня и говорили слова прощания. А потом уходили прочь — каждый в свою сторону. Теперь я уже понимал: какова бы ни была причина, но клан наш распался, я лишился семьи.

Элиаминг ушел последним. Он плакал.

— Нам было так хорошо вместе, Голдштайн! — сказал он. — Ты стал нам родным, стал членом нашей семьи, однако вступает в силу великий закон Вселенной. Подобные должны оставаться с подобными. Увы, наступила горькая минута расставания!

— Во имя той любви, что нас связывала, — умолял я, — объясни: что происходит?

— Я не могу ничего объяснить, — отвечал он. — Я и сам этого не знаю. Это великая тайна.

— Тогда откуда же тебе известно, что всему конец?

— Просто я знаю, — сказал он. — Это знание у меня в крови. И оно не имеет никакого отношения к разуму.

— Вы все должны умереть? — спросил я. — Дело в этом?

Он покачал головой.

— На Калдоре нет смерти. Здесь есть только Перемены. Прощай, Голдштайн.

— Погоди! — крикнул я. — Неужели ты больше ничего не можешь сказать мне?

— Я могу рассказать тебе одну историю, — сказал он. — Жила-была маленькая мышка, которая лишилась родителей и бродила по горам и долам одинокая и испуганная. Постепенно она все больше слабела и наконец прилегла под деревом, готовясь умереть. Мимо пробегали кузнечики, которым стало жаль крошечную мышку. Они накормили малышку и стали о ней заботиться, как о собственном детеныше. И все они были очень счастливы вместе, и жили одной большой семьей. И та мышка поклялась, что никогда не покинет свою новую семью. А потом пришла зима, и все кузнечики умерли, и мышка снова осталась одна, но ничьей вины в этом не было: кузнечики ведь живут всего одно лето, а мыши — несколько лет.

— Но ты же сказал, что на Калдоре смерти нет!

— Нет — для нас, которые родились здесь.

— А для меня есть?

— Не знаю. Возможно, для тебя и есть. Ты ведь с другой планеты. Но я не уверен. Твоя жизнь и перемены в ней для меня куда большая тайна, чем вся наша жизнь — для тебя.

— Со мной что-нибудь тоже должно случиться? — снова спросил я.

— Да не знаю я! — воскликнул Элиаминг. — Ты же должен был уже понять, в чем главная неприятность, связанная со словами! Ими можно объяснить только то, что тебе уже и без того известно. Я попытался что-то сказать только потому, что люблю тебя. Однако сказал либо слишком много, либо слишком мало и лишь растревожил тебя. Прощай, Голдштайн! Не забывай о нашей любви!

И мой дорогой Элиаминг, последний из моих друзей, тоже ушел!

Все они рассыпались по склонам гор и будто чего-то ждут, какого-то великого события. Что ж, я тоже останусь и подожду. Да и что еще мне остается делать?

Спустился вечер; я сижу один у самого последнего костра — все остальные костры (тысячи их!) уже погасли или догорают. Я единственный свидетель происходящего, однако усталость берет верх.

Я не в силах бодрствовать дальше. Ничего, утром я непременно что-нибудь предприму...

Теперь я остался совсем один.

Все те люди, что ждали чего-то на горных склонах, куда-то исчезли. (Уже само их отсутствие потрясает до глубины души;

ничего подобного я не видел и не переживал за все время моих странствий!) Люди исчезли, оставив после себя только мусор: я повсюду натыкаюсь на черные кострища, брошенное оружие, посуду, одежду...

Вся их одежда осталась здесь. Они ушли без нее.

Что ж, придется считать, что они действительно исчезли.

Никак не могу заставить себя смириться с тем, что произошло. Видимо, они ушли глубокой ночью. Вполне возможно, кто-то из них дал мне перед уходом наркотик. Возможно, одежду свою они оставили по каким-то религиозным соображениям.

Мне остается только смириться с их исчезновением.

Я переживаю глубокий эмоциональный кризис, прямотаки физически ощущаю, в какую беду попал. И вокруг никого! Некому облегчить мои страдания. Мне очень одиноко. Конечно, жизнь вокруг не замерла — все животные вернулись. Что, на мой взгляд, совершенно необъяснимо! Ведь они исчезли еще прошлой зимой. А теперь возвращаются и очень быстро. И с каждым днем их становится все больше и больше! Птицы, звери — все, кто бегает, ползает и летает, сошлись, похоже, в этих горах.

Какое-то время я никаких записей не делал. Писать было нечего. Я живу здесь один. Все меня бросили. Наверное, не сочли достаточно ценным, чтобы взять с собой. Что ж, видимо, это справедливо.

Наверное, по той же причине меня и с Земли отослали. Я оказался недостаточно ценным, чтобы жить с людьми, и они сунули меня в космический корабль и отослали на другую планету, чтобы я мог снова попытать счастья.

Но мне и здесь не повезло. Какое-то время, правда, мне удавалось дурачить калдорианцев, но так до конца и не удалось. И все же они были слишком добры, чтобы просто отослать меня прочь, и вместо этого решили уйти сами — наверное, перебрались в какую-нибудь иную часть планеты.

Скоро и здешние животные поймут, что я из себя представляю, это лишь вопрос времени. Пока что мне удалось их тоже одурачить, как прежде многих других. Удивительно: они почти

ручные. Не думаю, что они когда-либо столь тесно общались с человеком. Они очень застенчивы (как и все животные), но настроены весьма дружелюбно. Часто подходят и лижут мне руки. И спят со мною рядом. Но мне нельзя к ним привыкать: они ведь тоже уйдут.

Чаще всего со мной остаются те животные, что принадлежат к моему тотему — совы и олени. Они самые добрые из всех. В каком-то смысле олени меня усыновили. По крайней мере, один из них, а то и несколько, всегда спят со мною рядом. Совы запросто садятся мне на плечи — это единственные птицы, которые так ведут себя.

Брошенные людьми оружие и одежда зарастают травой. Время проходит, проходит...

Ну хорошо, пожалуй, я отчасти могу уже что-то объяснить. Не вижу ничего страшного в том, что говорю это прямо, черт побери!

Все здешние люди превратились в животных!

А я нет — потому что родился на другой планете.

Калдорианцы претерпели некую метаморфозу — и далеко не первую.

С первых мгновений моего пребывания на этой планете странность здешней жизни была мне очевидна. Их социальные институты менялись с ошеломляющей быстротой. В течение двух недель нормы жизни полностью перестраивались и тут же сменялись новыми.

Чрезвычайно быстро произошел переход от некоей формальной культуры к культуре коммунальной, культуре всеобщей любви, а затем — к самой примитивной культуре, характеризующейся всеобщим недоверием.

Однако метаморфозы, происходящие с самими людьми, еще более глубоки. Они еще много раз переменятся и возродятся снова — в чисто физическом смысле, подобно бабочкам или лягушкам. И это каким-то образом связано с жизненным циклом самой планеты. Со всеми ее жизненными циклами, следовало бы мне сказать.

Это планета сплошных реинкарнаций.

В которых нет ничего мистического. Это самая простая,

так сказать исходная, истина. Люди возрождаются в виде животных.

А в виде кого возродятся животные?

Здесь, по-моему, цикл рождений вряд ли связан с какими бы то ни было разумными, объяснимыми причинами. Мои друзья и мысли не допускали о существовании кармы. Рождение в качестве кого бы то ни было одинаково хорошо для них, ибо все живое достойно жизни и уважения. И кроме того, в конце концов, можно ведь стать буквально всем на свете!

Это бесконечная реинкарнация в чистом виде, непрерывная цепь рождений без смерти. Здесь существуют и царствуют лишь Рождение и Перемена.

А потому, естественно, я никоим образом не мог бы вписаться в этот цикл.

Позднее лето. Золотые дни. Но все чаще идут дожди.

Я уже снова в Мореи. Многие из животных вернулись вместе со мной. И, похоже, ничуть не возражают против жизни в городе.

В действительности-то город принадлежит уже не прежним, а следующим, возрожденным, людям.

И все-таки животные тоже постепенно уходят. Или же, что еще более вероятно, постепенно перерождаются. Погода сейчас благоприятствует росту растений, и они попросту вытесняют животных.

Я снова уехал из города. Осенью я лучше всего чувствую себя рядом с членами своего тотема — соснами.

Я мало что мог записать. Время идет, а я живу. Я стал куда спокойнее и увереннее. Видимо, начинаю приходить в себя.

Зима.

Все животные исчезли. Растения мертвы. Единственное, что еще живо, — это сама планета и я.

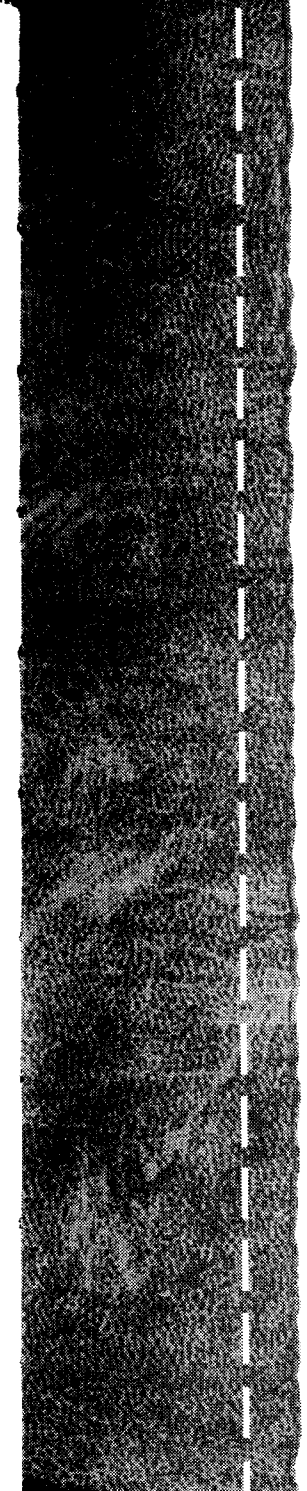
Весной будут новые рождения. В этом я уверен. Возможно, вновь возродятся и мои друзья. Но сам я, наверное, к этому времени буду уже мертв. Ибо смерть — это одна из неизбежных и свойственных лишь мне одному метаморфоз.

Собираюсь прожить здесь до весны, что, безусловно, вызовет необходимость принять кое-какие трудные для меня решения — ведь мне придется питаться телами собственных друзей, животных и растений или же погибнуть.

Возможно, это чисто человеческий эгоизм, но я просто не могу позволить себе умереть! Так что по необходимости я что-то ем и пытаюсь внушить себе мысль о том, что все на свете чем-то питаются и сами тоже служат кому-то пищей. Однажды и я послужу пищей кому-то...

Следуя обычаю, я никогда не стану есть тех, кто принадлежит к моему роду. И вообще стараюсь есть как можно реже — ибо все это когда-то несло в себе жизнь. Я жду, я мечтаю. Мне снятся сны. Вернутся ли ко мне мои друзья?

Ах, только бы зима не была слишком долгой!

РАССКАЗЫ

НЕОБХОДИМАЯ ВЕЩЬ

Ричард Грегор сидел за своим столом в пыльной конторе Межпланетной очистительной службы «Асс», тупо уставившись на список, включающий ни много ни мало две тысячи триста пять наименований. Он пытался вспомнить, что же еще тут упущено.

Антирадиационная мазь? Осветительная ракета для вакуума? Установка для очистки воды? Нет, все это уже есть.

Он зевнул и взглянул на часы. Арнольд, его компаньон, вот-вот должен вернуться. Еще утром он отправился заказать все эти две тысячи триста пять предметов и проследить за их погрузкой на корабль. Через несколько часов точно по расписанию они стартуют для выполнения нового задания.

Но все ли он предусмотрел? Космический корабль — это остров на полном самообеспечении. Если на Дементии II у тебя кончатся бобы, ты там не отправишься в лавку. А если, не дай бог, сгорит обшивка основного двигателя, никто не поспешит заменить ее. На борту должно быть все — и запасная обшивка, и инструмент для замены, и инструкция, как это сделать. Космос слишком велик, чтобы позволить себе роскошь спасательных операций.

Аппаратура для экстракции кислорода... Сигареты... Да прямо универсальный магазин, а не ракета.

Грегор отбросил список, достал колоду потрепанных карт и разложил безнадежный пасьянс собственного изобретения.

Спустя несколько минут в контору небрежной походкой вошел Арнольд.

Грегор с подозрением посмотрел на компаньона. Когда маленький химик, сияя от счастья, начинал лихо подпрыгивать, это обычно означало, что Межпланетную очистительную службу «Асс» ждут крупные неприятности.

— Ты все достал? — робко поинтересовался Грегор.

— В лучшем виде, — гордо заявил Арнольд.

— Старт назначен на...

— Успокойся, будет полный порядок!

Он уселся на край стола.

— Я сегодня сэкономил кучу денег.

— Бог ты мой, — вздохнул Грегор. — Что ты еще натворил?

— Нет, ты только подумай, — торжественно произнес Арнольд. — Только подумай о тех деньгах, которые попусту тратятся на снаряжение самой обычной экспедиции. Мы упаковываем две тысячи триста пять единиц снаряжения ради одного-единственного ничтожного шанса, что нам может понадобиться одна из них. Полезная нагрузка корабля снижена до предела, жизненное пространство стеснено, а эти вещи могут никогда не понадобиться!

— За исключением одного или двух случаев, когда они спасают нам жизнь.

— Я это учел. Я все тщательно изучил и нашел возможность существенно сократить список. Небольшое везение — и я отыскал ту единственную вещь, которая действительно нужна экспедиции. Необходимую вещь! Поехали на корабль, я ее тебе покажу.

Больше Грегор не смог вытянуть из него ни слова.

Всю долгую дорогу в космопорт Кеннеди Арнольд таинственно улыбался. Их корабль уже стоял на пусковой площадке, готовый к старту.

Арнольд торжествующе распахнул люк.

— Вот! — воскликнул он. — Смотри! Это панацея от всех возможных бед!

Грегор вошел внутрь и увидел большую фантастического вида машину с беспорядочно размещенными на корпусе циферблатами, лампочками и индикаторами.

— Что это?

— Не правда ли, красавица? — Арнольд нежно похлопал машину. — Я выудил ее у межпланетного старьевщика Джо практически за бесценок.

Грегору все стало ясно. Когда-то он сам имел дело со старьевщиком Джо, и каждый раз это приводило к печальным последствиям. Немыслимые машины Джо в самом деле работали, но как — это другой вопрос.

— Ни с одной из машин Джо я не отправлюсь в космос, — твердо заявил Грегор. — Может быть, нам удастся продать ее на металлолом?

Он бросился разыскивать кувалду.

— Погоди, — взмолился Арнольд. — Дай, я покажу ее в работе. Подумай сам. Мы в глубоком космосе. Выходит из строя основной двигатель. Мы обнаруживаем, что на третьей шестеренке открутилась и исчезла гайка. Что мы делаем?

— Мы берем гайку из числа двух тысяч трехсот пяти предметов, которые взяли с собой на случай вот таких чрезвычайных обстоятельств, — сказал Грегор.

— В самом деле? Но ведь ты же не включил в список четырехдюймовую дюралевую гайку! — торжествующе вскричал Арнольд. — Я проверял. Что тогда?

— Не знаю. А что ты можешь предложить?

Арнольд подошел к машине, нажал кнопку и громко и отчетливо произнес:

— Дюралевая гайка, диаметр четыре дюйма.

Машина глухо зарокотала. Вспыхнули лампочки. Плавно отодвинулась панель, и глазам компаньонов представилась сверкающая, только что изготовленная гайка.

— Хм, — произнес Грегор без особого энтузиазма. — Итак, она делает гайки. А что еще?

Арнольд снова нажал на кнопку:

— Фунт свежих креветок.

Панель отодвинулась — внутри были креветки.

— Дал маху — следовало заказать очищенные, — заметил Арнольд. — Ну да ладно.

— Что еще она может делать? — спросил Грегор.

— А что бы ты хотел? Тигренка? Карбюратор? Двадцатипятиваттную лампочку? Жевательную резинку?

— Ты хочешь сказать — она может состряпать все, что угодно?

— Все, что ни пожелаешь! Попробуй сам.

Грегор попробовал и быстро произвел на свет одно за другим пинту питьевой воды, наручные часы и банку майонеза.

— Неплохо, — сказал он. — Но...

— Что «но»?

Грегор задумчиво покачал головой. Действительно — что? Просто по собственному опыту он знал, что эти новинки никогда не бывают столь надежны в работе, как кажется на первый взгляд.

— Транзистор серии e1324.

Машина глухо загудела, отодвинулась панель, и он увидел крохотный транзистор.

— Неплохо, — признался Грегор. — Что ты там делаешь?

— Чищу креветки, — ответил Арнольд.

Насладившись салатом из креветок, приятели вскоре получили разрешение на взлет, и через час их корабль был уже в космосе.

Они направлялись на Деннет IV, планету средних размеров в созвездии Сикофакс. Деннет был жаркой, влажной, плодородной планетой с одним-единственным серьезным недостатком — чрезмерным количеством дождей. Почти все время на Деннете шел дождь, а когда его не было, собирались тучи. Компаньонам предстояло ограничить выпадение дождей. Основами регулиро-

вания климата они вполне овладели. Это были частые для многих миров трудности. Несколько суток — и все будет в порядке.

Путь не был отмечен никакими событиями. Впереди показался Деннет. Арнольд выключил автопилот и повел корабль сквозь толщу облаков. Они спускались в километровом слое белесого тумана. Вскоре показались горные вершины, а еще через несколько минут корабль завис над скучной серой равниной.

— Странный цвет для ландшафта, — заметил Грегор.

Арнольд кивнул. Он привычно повел корабль по спирали, выровнял его, аккуратно опустил и, сбалансировав, выключил двигатель.

— Интересно, почему здесь нет растительности? — размышлял вслух Грегор.

Через мгновение они это узнали. Корабль на секунду замер, а затем провалился сквозь мнимую равнину и, пролетев несколько десятков метров, рухнул на поверхность.

«Равниной» оказался туман исключительной плотности, какого нигде, кроме Деннета, не встретить.

Компаньоны быстро отстегнули ремни, тщательно ощупали себя и, убедившись в отсутствии увечий, приступили к осмотру корабля. Неожиданное падение не принесло ничего хорошего их старенькой посудине. Радио и автопилот оказались напрочь выведенными из строя. Были покорежены десять пластин в обшивке двигателя, и, что хуже всего, полетели многие элементы в системе управления.

— Нам еще повезло, — заключил Арнольд.

— Да, — сказал Грегор, вглядываясь в туман. — Однако в следующий раз лучше садиться по приборам.

— Ты знаешь, отчасти я даже рад, что все так произошло. Теперь ты убедишься, как незаменим Конфигуратор. Ну что, приступим к работе?

Они составили список всех поврежденных частей.

Арнольд подошел к Конфигуратору и нажал на кнопку.

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор быстро изготовил требуемое.

— Нам нужно десять штук, — сказал Грегор.

— Знаю, — ответил Арнольд и снова нажал на кнопку: — Повторить.

Машина бездействовала.

— Наверное, надо ввести команду полностью, — сказал Арнольд. Он ударил кулаком по кнопке и произнес: — Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор не шелохнулся.

— Странно, — сказал Арнольд.

— Куда уж, — произнес Грегор, чувствуя, что внутри у него что-то обрывается.

Арнольд попробовал еще раз — безрезультатно. Он задумался, затем, снова ударив кулаком по кнопке, сказал:

— Пластиковая чашка.

Машина произвела чашку из ярко-голубого пластика.

— Еще одну, — сказал Арнольд.

Конфигуратор не откликнулся, и Арнольд попросил восковую свечу. Машина ее изготовила.

— Еще одну восковую свечу, — приказал Арнольд.

Машина не повиновалась.

— Интересно, — произнес Арнольд. — Мне следовало бы раньше подумать о такой возможности.

— Какой возможности?

— Очевидно, Конфигуратор может произвести все, что угодно, но только в единственном числе.

Арнольд провел еще один эксперимент, заставив машину изготовить карандаш. Она это сделала, но только один раз.

— Прекрасно, — подытожил Грегор, — но нам нужны еще девять пластин. И для системы управления необходимы четыре идентичные детали. Что будем делать?

— Что-нибудь придумаем, — беззаботно ответил Арнольд.

За бортом корабля начинался дождь.

— Я могу найти поведению машины только одно объяснение, — говорил Арнольд несколько часов спустя. — Полагаю, здесь действует принцип наслаждения.

— Что? — встрепенулся Грегор. Он дремал, убаюканный мягким шелестом дождя.

— Эта машина обладает своего рода разумом, — продолжал Арнольд. — Получив стимулирующее воздействие, она переводит его на язык исполнительных команд и производит предметы в соответствии с заложенной в памяти программой.

— Производит, — согласился Грегор, — но только единожды!

— Да — но почему? Здесь ключ ко всей нашей проблеме. Я полагаю, мы столкнулись с фактором самоограничения, вызванного стремлением к наслаждению.

— Не понимаю.

— Послушай. Создатели машины не стали бы ограничивать ее возможности таким образом. Единственное объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что при подобной сложности машина приобретает почти человеческие черты. Машина получает определенное наслаждение от производства только новых предметов. Сотворив изделие, машина теряет к нему всякий ин-

терес. С этой точки зрения всякое повторение — пустая трата времени.

— Более дурацких рассуждений я в жизни не слыхал, — сказал Грегор. — Но допустим, ты прав. Что же мы все-таки можем сделать?

— Не знаю, — ответил Арнольд.

— Я так и думал.

В этот вечер Конфигуратор произвел им на ужин вполне приличный ростбиф. На десерт был яблочный пирог. Ужин заметно улучшил моральное состояние приятелей.

— Ну что ж, — задумчиво произнес Грегор, затягиваясь сигаретой марки «Конфигуратор». — Вот что мы должны попробовать. Сплав 342 — не единственный материал, из которого можно изготовить обшивку. Есть и другие сплавы, которые продержатся до нашего возвращения на Землю.

Вряд ли можно было хитростью заставить Конфигуратор изготовить пластину из какого-либо ферросплава. Компаньоны приказали машине изготовить бронзовую пластину и получили ее. Однако после этого Конфигуратор отказал им как в медной, так и в оловянной пластинах. На алюминиевую пластину машина согласилась, так же как на пластины из кадмия, платины, золота и серебра. Пластина из вольфрама была уникальным изделием, удивительно, как Конфигуратор вообще смог ее отлить. Плутоний был отвергнут Грегором, и подходящие материалы стали постепенно истощаться. Арнольду пришла идея использовать сверхпрочную керамику. Наконец, последнюю пластину сделали из чистого цинка.

В общем, ночью приятели неплохо поработали и уже под утро смогли выпить за успех предприятия превосходный, хотя и несколько маслянистый херес марки «Конфигуратор».

На следующий день они смонтировали пластины. Кормовая часть корабля имела вид лоскутного одеяла.

— По-моему, очень даже неплохо! — восхитился Арнольд.

— Только бы они продержались до Земли. — Судя по голосу, Грегор отнюдь не разделял энтузиазма своего компаньона. — Ну ладно, пора приниматься за систему управления.

Здесь возникла новая проблема. Были разбиты четыре абсолютно одинаковые детали — хрупкие, тончайшей работы платы из стекла и проволоки. Заменители исключались.

К полудню приятели чувствовали себя просто омерзительно.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Грегор.

— Пока нет. Может, пообедаем?

Они решили, что салат из омаров будет очень кстати, и заказали его Конфигуратору. Тот недолго погудел и... ничего.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Вот этого-то я как раз и боялся, — ответил Арнольд.

— Боялся чего? Мы ведь еще не заказывали омаров.

— Но мы заказывали креветки. И те и другие относятся к ракообразным. Боюсь, что Конфигуратор разбирается в классах объектов.

— Ну что же, придется есть консервы, — со вздохом сказал Грегор.

Арнольд вяло улыбнулся.

— Видишь ли, — сказал он, — когда я купил Конфигуратор, то подумал, что нам больше не придется беспокоиться о еде. Дело в том, что...

— Как, консервов нет?!

— Нет.

Они вернулись к машине и заказали семгу, форель, тунца... Безрезультатно. С тем же успехом они пробовали получить свиную отбивную, баранью ножку и телятину.

— По-моему, Конфигуратор решил, что вчерашний ростбиф поставил точку на мясе всех млекопитающих, — сказал Арнольд. — Это интересно. Если дело так пойдет дальше, мы сможем разработать новую теорию видов...

— Умирая голодной смертью, — добавил Грегор.

Он потребовал жареного цыпленка, и на этот раз Конфигуратор сработал без колебаний.

— Эврика! — воскликнул Арнольд.

— Черт! — выругался Грегор. — Надо было заказать индейку.

На планете Деннет продолжался дождь. Вокруг залатанной хвостовой части корабля клубился туман.

Арнольд занялся какими-то манипуляциями с логарифмической линейкой, а Грегор, покончив с хересом, безуспешно пытался получить ящик виски. Убедившись в бесплодности своих попыток, он принялся раскладывать пасьянс. После скудного ужина, состоявшего из остатков цыпленка, Арнольд наконец завершил расчеты.

— Это может подействовать, — сказал он.

— Что именно?

— Принцип наслаждения!

Арнольд поднялся и принялся расхаживать взад и вперед.

— Раз эта машина обрела почти человеческие черты, у нее должны быть и способности к самообучению. Я думаю, мы сможем научить ее испытывать наслаждение от многократного производства одной и той же вещи, а именно — элементов системы управления.

— Может, и стоит попробовать, — с надеждой отозвался Грегор.

Поздно вечером приятели начали переговоры с машиной.

Арнольд настойчиво нашептывал ей о прелестях повторения. Грегор громко рассуждал об эстетическом наслаждении от многократного производства таких шедевров, как элементы системы управления. Арнольд все шептал о трепете от бесконечного производства одних и тех же предметов. Снова и снова — все те же детали, все из того же материала, производимые с одной и той же скоростью. Экстаз! Грегор философствовал, сколь гармонично это соответствует облику и способностям машины. Он говорил, что повторение гораздо ближе к энтропии, которая с механической точки зрения само совершенство.

По непрерывному щелканью и миганию можно было судить, что Конфигуратор внимательно слушал. Когда на Деннете забрезжил промозглый рассвет, Арнольд осторожно нажал на кнопку и дал команду изготовить нужную деталь.

Конфигуратор явно колебался. Лампочки неопределенно мигали, стрелки индикаторов нерешительно дергались.

Наконец послышался щелчок, панель отодвинулась, и показался второй элемент системы управления.

— Ура! — закричал Грегор, хлопнув Арнольда по плечу.

Он поспешно нажал на кнопку и заказал еще одну деталь.

Конфигуратор громко и выразительно загудел и... ничего не произвел.

Грегор сделал еще одну попытку, однако и на этот раз машина — уже без долгих колебаний — отказалась выполнить просьбу людей.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Все ясно, — грустно сказал Арнольд. — Он решил попробовать повторение только ради того, чтобы определить, не лишает ли себя чего-нибудь, не испытав его. Я думаю, что Конфигуратору повторение не понравилось.

— Машина, которая не любит повторения! — тяжело вздохнул Грегор. — Это так по-человечески...

— Как раз наоборот, — с тоской произнес Арнольд. — Это слишком по-человечески...

Время приближалось к ужину, и приятели решили выудить из Конфигуратора что-нибудь съестное. Получить овощной салат было довольно несложно, однако он оказался не слишком калорийным. Конфигуратор добавил буханку хлеба, но о пироге не могло быть и речи. Молочные продукты также исключались: накануне компаньоны заказывали сыр. Наконец, только через час, после многочисленных попыток и отказов, их усилия были вознаграждены фунтом бифштекса из китового мяса, — видно, Конфигуратор был не совсем уверен в его происхождении.

Сразу после ужина Грегор снова стал вполголоса напевать

машине о радостях повторения. Конфигуратор мерно гудел и периодически мигал лампочками, показывая, что все же слушает.

Арнольд обложился справочниками и стал разрабатывать новый план. Спустя несколько часов он вдруг вскочил с радостным криком:

— Я знал, что его найду!

— Что найдешь? — живо поинтересовался Грегор.

— Заменитель системы управления!

Он сунул книгу буквально под нос Грегору.

— Смотри! Ученый на Ведньере II создал это пятьдесят лет назад. Система по современным понятиям неуклюжа, но она неплохо действует и вполне подойдет для нашего корабля.

— Ага. А из чего она сделана? — спросил Грегор.

— В том-то вся и штука! Мы не можем ошибиться. Она сделана из особого пластика!

Арнольд быстро нажал на кнопку и прочитал описание системы управления.

Ничего не произошло.

— Ты должен изготовить систему управления типа Ведньер! — закричал Арнольд. — Если ты этого не сделаешь, то нарушишь собственные принципы!

Он ударил по кнопке и еще раз отчетливо прочитал описание системы.

И на этот раз Конфигуратор не повиновался.

Тут Грегора осенило ужасное подозрение. Он быстро подошел к задней панели Конфигуратора и нашел там то, чего опасался.

Это было клеймо изготовителя. На нем было написано: «КОНФИГУРАТОР, КЛАСС 3. ИЗГОТОВЛЕН ВЕДНЬЕРСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ. ВЕДНЬЕР II».

— Конечно, они уже использовали его для этих целей, — грустно констатировал Арнольд.

Грегор промолчал. Сказать было нечего.

Внутри на стенках корабля появились капли. На стальной пластине в хвостовом отсеке обнаружилась ржавчина.

Машина продолжала слушать увещевания о пользе повторения, но ничего не производила.

Снова возникла проблема обеда, фрукты исключались из-за яблочного пирога. Не стоило и мечтать о мясе, рыбе, молочных продуктах, каше. В конце концов компаньонам удалось отведать лягушек, печеных кузнечиков, приготовленных по древнему китайскому рецепту, и филе из игуаны. Однако после того, как с ящерицами, насекомыми и земноводными было покончено, приятели поняли, что пищи больше не будет.

И Арнольд, и Грегор чувствовали нечеловеческую усталость. Длинное лицо Грегора совсем вытянулось.

За бортом непрерывно лил дождь. Корабль все больше засасывало в хлипкую почву.

Но тут Грегора осенила еще одна идея. Он старался тщательно ее обдумать. Новая неудача могла повергнуть в непреодолимое уныние. Вероятность успеха была ничтожной, но упускать ее было нельзя.

Грегор медленно приблизился к Конфигуратору. Арнольд испугался неистового блеска в его глазах.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь дать этой штуке еще одну, последнюю команду, — хрипло ответил Грегор.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал. В первый момент ничего не произошло. Внезапно Арнольд закричал:

— Назад!

Машина затряслась и задрожала, лампочки мигали, стрелки индикаторов судорожно дергались.

— Что ты ей приказал? — спросил Арнольд.

— Я приказал ей воспроизвести себя!

Конфигуратор затрясся в конвульсиях и выпустил облако черного дыма. Приятели закашлялись, судорожно глотая воздух.

Когда дым рассеялся, они увидели, что Конфигуратор стоит на месте, только краска на нем в нескольких местах потрескалась, а некоторые индикаторы бездействовали. Рядом с ним, сверкая каплями свежего масла, стоял еще один Конфигуратор.

— Ура! — закричал Арнольд. — Это спасение!

— Я сделал гораздо больше, — устало ответил Грегор. — Я обеспечил нам состояние.

Он повернулся к новому Конфигуратору, нажал на кнопку и прокричал:

— Воспроизведись!

Через неделю, завершив работу на Деннете IV, Арнольд, Грегор и три Конфигуратора уже подлетали к космопорту Кеннеди. Как только они приземлились, Арнольд выскочил из корабля, быстро поймал такси и отправился сначала на Кэнэстрит, а затем в центр Нью-Йорка. Дела заняли немного времени, и уже через несколько часов он вернулся на корабль.

— Все в порядке, — сказал он Грегору. — Я поговорил с несколькими ювелирами. Без существенного влияния на рынок мы можем продать около двадцати больших камней. После этого, думаю, надо, чтобы Конфигураторы занялись платиной, а затем... В чем дело?

Грегор мрачно посмотрел на него:

— Ты ничего не замечаешь?

— А что? — Арнольд огляделся.

Там, где раньше стояли три Конфигуратора, сейчас их было уже четыре.

— Ты приказал им воспроизвести еще одного? — спросил Арнольд. — Ничего страшного. Теперь надо только приказать, чтобы они сделали по бриллианту.

— Ты все еще ничего не понял! — грустно воскликнул Грегор. — Смотри!

Он нажал на кнопку ближайшего Конфигуратора и сказал:

— Бриллиант.

Конфигуратор затрясся.

— Это все ты и твой проклятый принцип наслаждения, — устало проговорил Грегор.

Машина вновь завибрировала и произвела на свет... еще один КОНФИГУРАТОР!!!

ЛАКСИАНСКИЙ КЛЮЧ

Ричард Грегор сидел за столом в пыльном кабинете Межпланетной очистительной службы «Асс» и раскладывал пасьянс. В холле раздался шум и топот, затем что-то упало. Дверь приоткрылась, и Арнольд, компаньон Грегора, заглянул внутрь.

— Я только что сделал нас богачами, — объявил он и, раскрыв дверь пошире, приказал: — Тащите его сюда, парни!

Четверо грузчиков, тяжело дыша, заволокли в кабинет черную квадратную машину размером с годовалого слоненка.

— Вот! — гордо сообщил Арнольд, после чего расплатился с грузчиками и, напустив на лицо мечтательное выражение, уселся в кресло напротив машины.

Грегор не спеша отложил карты в сторону и с видом человека, которого ничем не удивишь, осмотрел приобретение со всех сторон.

— Сдаюсь, — наконец сказал он. — Что это такое?

— Это миллион долларов, — охотно сказал Арнольд. — Можешь считать, у нас в кармане.

— Допустим, но все же — что это такое?

— Бесплатный производитель, — с гордой улыбкой произнес Арнольд. — Сегодня утром я проходил мимо свалки старика Джо — той самой, где он держит всякий инопланетный хлам, — и обнаружил там эту штуку. Торговался, можно сказать, за бесценок. Джо даже не знает, что это и зачем.

— Я, положим, тоже не знаю, — заметил Грегор. — А ты?

Арнольд встал на четвереньки и попытался прочесть инструкцию, выгравированную на лицевой панели машины, в самом низу.

Не поднимая головы, он спросил:

— Ты слышал что-нибудь о планете Мелдж?

Грегор кивнул. Мелдж была маленькая, всеми забытая планета на северной окраине Галактики, довольно далеко от торговых маршрутов. Когда-то на планете процветала могучая цивилизация, обязанная своим благополучием так называемой Старой науке Мелджа. Но технологические секреты Старой науки были давно утеряны, цивилизация почти угасла, и лишь изредка то на одной, то на другой планете находили какие-то непонятные механизмы, произведенные на заводах некогда великой промышленной державы.

— И ты полагаешь, что этот ящик имеет какое-то отношение к Старой науке? — спросил Грегор.

— Ну да. Это Мелджский Бесплатный Производитель. Могу поклясться, что во всей Галактике их осталось не больше пяти.

— А что он производит?

— Откуда мне знать? — ответил Арнольд, поднимаясь с пола. — Дай-ка мне мелдж-английский словарь.

С видимым усилием сохраняя спокойствие, Грегор подошел к книжной полке.

— Ты и вправду не знаешь, что эта штуковина производит?

— Словарь давай. Спасибо. Какая тебе разница что? Главное — бесплатно. Машина берет энергию из воздуха, из космоса, от Солнца, откуда угодно, и нас это не касается. Ее не нужно ни заправлять, ни обслуживать, и работает она вечно.

Арнольд раскрыл словарь и принялся за перевод надписи на панели.

— Их ученые были не дураки, — проговорил он, записав в блокнот несколько предложений. — Производитель из ничего делает что-то, а что именно — не так уж важно. Мы всегда сможем это самое что-то продать, и сколько мы ни заработаем — все будет нашей чистой прибылью.

Грегор посмотрел на своего партнера, и его печальное вытянутое лицо стало еще печальнее.

— Арнольд, — наконец произнес он, — я хотел бы кое-что тебе напомнить. Ты по специальности химик, я — эколог. И оба мы ничегошеньки не понимаем в машинах, тем более в сложных инопланетных.

Не обращая на Грегора внимания, Арнольд повернул какую-то рукоятку. Производитель заурчал.

— И кроме того, — продолжал Грегор, отойдя от машины

подальше, — мы с тобой — агентство по оздоровлению среды. Забыл, что ли? И незачем нам связываться со всякими авантюрными...

Производитель часто закашлял.

— Я все перевел, — сообщил Арнольд. — Здесь написано: «Мелджский Бесплатный Производитель. Очередной триумф лаборатории Глоттена. Неразрушимый бездефектный Производитель. Не требует энергетических затрат. Чтобы включить, нажмите кнопку номер один. Чтобы выключить, воспользуйтесь Лаксианским ключом. В случае обнаружения неисправности, пожалуйста, верните Производитель в лабораторию Глоттена».

— Ты, наверное, меня не понял, — возобновил атаку Грегор. — Мы с тобой...

— Прекрати! — перебил его Арнольд. — Когда эта машина заработает, нам с тобой работать будет уже не нужно. А вот и кнопка номер один.

В машине что-то звякнуло, послышалось ровное гудение. С минуту ничего не происходило.

— Возможно, ей надо прогреться, — озабоченно сказал Арнольд.

Вдруг из отверстия на лицевой панели посыпался серый порошок.

— Должно быть, побочный продукт, — пробормотал Арнольд.

Прошло пятнадцать минут. Кучка серого порошка продолжала расти.

— Что бы это могло быть? — не выдержал Грегор.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Арнольд. — Надо произвести анализы.

С этими словами он набрал в пробирку порошка и направился к своему столу. Грегор остался у машины, задумчиво глядя на растущую серую кучу.

— Может быть, нам лучше выключить Производитель, пока мы не узнали, что это такое?

— Ни в коем случае! — отозвался Арнольд. — Что бы это ни было, оно стоит денег.

Он зажег горелку, заполнил пробирку дистиллированной водой и приступил к работе. Грегор только пожал плечами. Он давно уже привык к розовым мечтам своего друга. С того времени, когда они создали Межпланетную очистительную службу «Асс», Арнольд без устали искал легкий способ разбогатеть. Все его замыслы до сих пор оборачивались лишь хлопотами и неприятностями, гораздо более тягостными, чем та обычная работа, за которую бралась компания, но Арнольд быстро об этом забывал.

«По крайней мере, — думал Грегор, — иногда получалось смешно». Он сел за свой стол и разложил новый пасьянс.

Следующие несколько часов в конторе стояла тишина. Производитель тихо гудел. Арнольд упорно работал. Добавлял реактивы, сливал, перемешивал, сверял результаты с таблицами в толстенных книгах. Грегор сходил за сандвичами и кофе.

Поев, он стал нервно расхаживать вокруг машины, то и дело поглядывая на растущую кучу серого порошка. Производитель гудел заметно громче, и порошок сыпался уже широкой струей.

Час спустя Арнольд оторвался от работы и сообщил:

— Нам повезло! О будущем можно не беспокоиться.

— И что же это за порошок? — поинтересовался Грегор. Может быть, на сей раз удача и впрямь не обошла их стороной?

— Это тангриз!

— Тангриз?

— Совершенно верно.

— Не будешь ли ты так любезен и не объяснишь ли мне, зачем он нужен, этот чертов тангриз?

— Я думал, ты знаешь. Тангриз — это основной продукт питания мелджской расы. Каждый взрослый житель Мелджа потребляет несколько тонн тангриза ежегодно.

— Ты говоришь, это едят?

Грегор посмотрел на кучу порошка с уважением. Машина, которая производит еду двадцать четыре часа в сутки, может оказаться хорошим вложением капитала. Особенно если учесть, что ее эксплуатация ровным счетом ничего не стоит.

Арнольд уже листал телефонный справочник.

— Алло, Межзвездная продуктовая корпорация? Могу я говорить с президентом? Что? Тогда с вице-президентом. Это очень важно. Что? Ладно, слушайте. Я могу предложить вашей корпорации практически неограниченное количество тангриза. Это основной продукт питания на планете Мелдж. Что? Да, все правильно. Я знал, что это вас заинтересует. Что? Да, конечно, я подожду.

Он повернулся к Грегору:

— Эти корпорации... Да-да, я слушаю. Да, сэр. Вы занимаетесь тангризом? Замечательно...

Грегор подошел поближе, стараясь расслышать, что говорят на другом конце линии.

— Наша цена? А что за цены сейчас на рынке? Ах так... Пять долларов за тонну, конечно, не слишком много, но я полагаю... Что? Пять центов за тонну? Вы это серьезно?

Грегор отвернулся и устало опустился в кресло. Продолжение разговора его уже не интересовало.

— Да-да. Я понимаю. Простите, я не знал.

— Похоже, — сказал Арнольд, повесив трубку, — что на Земле много тангриза не продать. У нас здесь живут примерно пятьдесят мелджан, но доставка груза в Северное полушарие съест всю прибыль.

Грегор озабоченно поглядел на машину. Она, похоже, вышла на режим, потому что тангриз валил из нее мощной струей. Серый порошок уже лежал по всей комнате толстым слоем.

— Не беспокойся, — попытался утешить Арнольд своего компаньона, — тангриз наверняка можно использовать как-нибудь еще.

Он вернулся к столу и сел за книги.

— Может, его пока выключить? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае! Пусть работает. Он нам деньги делает.

Пока Арнольд копался в справочниках, Грегор попытался подойти к окну, но ходить по щиколотку в порошке оказалось очень неудобно.

К вечеру уровень порошка поднялся на два фута. Несколько авторучек и карандашей уже потонули в нем безвозвратно, и Грегор начал волноваться: выдержит ли пол.

Наконец Арнольд закрыл книгу и произнес:

— Есть еще одна возможность применения.

— Что ты имеешь в виду?

— Тангриз можно использовать как строительный материал. На воздухе через неделю-другую он затвердевает и становится прочным, как гранит. Мы прямо сейчас позвоним в какую-нибудь строительную компанию.

Грегор набрал номер строительной компании «Толедо — Марс» и объяснил некоему мистеру О'Тулу, что они могут предоставить в его распоряжение неограниченное количество тангриза.

— Тангриз, говорите? Не очень-то он сейчас в ходу. На нем краска не держится. Но вообще-то, к вашему сведению, на какой-то планете живут психи, которые его едят. Почему бы вам...

— Мы предпочитаем продавать тангриз для строительных целей, — твердо сказал Грегор.

— Что ж, я думаю, мы можем его купить. Пригодится для чего-нибудь попроще и подешевле. Предлагаю по пятнадцать за тонну.

— Пятнадцать долларов?

— Центов!

— Хорошо, мы сообщим вам о своем решении.

Арнольд, услышав сумму, принялся рассуждать:

— Предположим, наша машина будет выдавать тонн по десять в сутки. И так каждый день, год за годом... Сейчас прикинем... Выходит около пятисот пятидесяти долларов в год. Богачами мы не станем, но будет чем налоги платить.

— Однако мы не сможем оставить машину здесь, — сказал Грегор, глядя на россыпи тангриза.

— Конечно, не можем. Найдем ей местечко где-нибудь за городом, и пусть себе работает. А тангриз будем забирать, когда вздумается.

Грегор опять позвонил О'Тулу и сообщил, что готов заключить сделку.

— Прекрасно, — ответил О'Тул. — Вы в курсе, где находятся наши заводы? Привозите в любое время.

— Нам привозить? Я считал, вы сами...

— При цене пятнадцать центов за тонну? Мы и так делаем вам одолжение, забирая у вас эту дрянь. Доставка за вами!

— Паршиво, — сказал Арнольд, когда Грегор положил трубку. — Перевозка нам обойдется...

— ...Гораздо дороже, чем пятнадцать центов за тонну, — закончил Грегор. — Ты все-таки выключи эту штуку, пока мы не решим, что с ней делать.

Арнольд подобрался к Производителю.

— Сейчас посмотрим. Вот, нашел. «Чтобы выключить, воспользуйтесь Лаксианским ключом».

— Ну так и воспользуйся.

— Подожди минутку...

— Выключишь ты ее или нет?! — закричал Грегор.

Арнольд выпрямился, виновато улыбаясь:

— Поди попробуй...

— А в чем проблема?

— В том, что у нас нет Лаксианского ключа.

После лихорадочных переговоров с музеями, исследовательскими институтами и археологическими факультетами стало ясно, что никто Лаксианский ключ в глаза не видел и ничего о нем не слышал. В отчаянье Арнольд позвонил старому Джо на инопланетную свалку.

— Нет, у меня нет ключа, — услышал он в ответ. — А почему, ты думаешь, я уступил тебе Производитель так дешево?

Партнеры молча уставились друг на друга. Мелджский Бесплатный Производитель, довольно урча, выплевывал новые и новые порции бесполезного порошка. Оба кресла́ и радиатор уже скрылись под серыми волнами, из-под которых теперь виднелись только столы, шкаф и сама машина.

— Вот тебе и безбедная жизнь, — в сердцах сказал Грегор.

— Ладно, что-нибудь придумаем...

Арнольд вернулся к своим книгам. Остаток вечера он провел в поисках иных способов применения тангриза. Чтобы совсем не утонуть в порошке, Грегору пришлось отгрести часть тангриза в холл.

Утром солнце безуспешно пыталось заглянуть в их окна, покрытые серой пылью. Арнольд встал из-за стола и потянулся.

— Ничего не нашел? — спросил Грегор.

— Боюсь, ничего...

Грегор отправился за кофе. Когда он вернулся, Арнольд уже успел поругаться с домовладельцем и двумя здоровенными розовощекими полицейскими.

— Я требую, — орал домовладелец, — чтобы вы немедленно убрали отсюда эту дрянь!

— И кроме того, — добавил один из полицейских, — существует запрет на использование промышленных установок в деловом районе.

— Это не промышленная установка, — попытался возразить Грегор. — Это Мелджский Бесплатный...

— А я сказал — установка! — отрезал полицейский. — И я приказываю немедленно остановить производство!

— В том-то все и дело, — вступил в разговор Арнольд, — что мы не можем ее выключить...

— Как это не можете? — подозрительно спросил полицейский. — Шутки со мной шутить? Я приказываю...

— Сэр, я клянусь...

— Слушай меня, остряк. Мы сюда вернемся через час. Или вы к этому времени ее выключаете и выносите отсюда весь мусор, или — за решетку!

И все трое удалились.

Грегор и Арнольд посмотрели друг на друга, потом уставились на Производитель. Порошок все прибывал.

— Черт бы их побрал! — не выдержал Арнольд. — Ведь должен быть какой-то выход!

— Спокойнее, — откликнулся Грегор, вытряхивая из волос серую пыль.

В эту минуту дверь открылась и вошел высокий человек в строгом синем костюме с каким-то сложным прибором в руках.

— Так это здесь! — удовлетворенно произнес он.

У Грегора блеснула надежда.

— У вас в руках Лаксианский ключ? — спросил он.

— Какой еще ключ? Это регистратор утечки. И похоже, он привел меня к тому, что я искал, — строго ответил человек. — Меня зовут Гастерс.

Он смахнул пыль с подоконника, взглянул еще раз на свой регистратор и начал заполнять какой-то бланк.

— Что все это значит? — спросил Арнольд.

— Я из Энергетической компании, — ответил Гастерс. — Начиная со вчерашнего полудня мы регистрируем огромную утечку энергии.

— И потому вы пришли к нам?

— Именно так. Ваша машина очень прожорлива. — Гастерс кончил писать, сложил бланк и спрятал его в карман. — Счет вам будет выслан.

С некоторым трудом он открыл дверь и, уже уходя, обернулся, чтобы еще раз поглядеть на Производитель.

— Должно быть, ваша машина делает нечто особо ценное, если вы можете позволить себе такой расход энергии. Платиновый порошок, верно?

Когда Гастерс ушел, Грегор с издевкой спросил у Арнольда:

— Значит, «не требует энергетических затрат»?

— Видишь ли, Грегор, — пряча глаза, ответил тот, — я не мог знать, что она будет хапать энергию из ближайшего источника...

— Вот именно, — продолжал издеваться Грегор, — «из воздуха, из космоса, от Солнца» — а заодно у ближайшей энергетической компании!

— Но базовый принцип...

— К черту базовый принцип! — взорвался Грегор. — Мы не можем отключить этот ящик! У нас нет этого проклятого Лаксианского ключа! Нет, и никто не знает, где его взять. Скоро мы будем по уши в этом проклятом тангризе, который нам даже вывезти не на чем. И вдобавок оказывается, что мы тратим энергии больше, чем сверхновая!

В дверь громко постучали, с лестницы послышались сердитые голоса. Арнольд напряженно думал, потом вдруг вскочил.

— Не все еще потеряно! — патетически воскликнул он. — Эта машина сделает нас богатыми!

Но Грегора не прельстили радужные обещания.

— Послушай, Арнольд, — сказал он. — Давай-ка лучше ее утопим. Или сбросим на Солнце.

— С ума сошел? Срочно готовь наш корабль к отлету...

Следующие несколько дней вспоминались как дурной сон. За огромную плату наняли они людей, которые вынесли машину и очистили помещение от тангриза. Затем пришлось везти Производитель, из которого фонтаном бил серый порошок, через весь город до космопорта. А чего стоила погрузка в корабль! Но теперь все это было позади.

Производитель стоял в трюме корабля, постепенно заполняя его порошком, а корабль уносился из Солнечной системы.

— В этом есть своя логика, — рассуждал Арнольд. — На Земле тангриз никому не нужен. Следовательно, нечего и пытаться сбыть его там. А вот на планете Мелдж...

— Не нравится мне все это, — ответил Грегор.

— И зря. Теперь-то мы не ошиблись. Возить тангриз слишком дорого, поэтому мы берем машину и вместе с ней направляемся туда, где тангриз у нас с руками оторвут.

— А если и там он не нужен?

— Такого не может быть. Для мелджан тангриз — что для нас хлеб. Считай, что дело в шляпе.

Через две недели в иллюминаторе появился Мелдж. Тангриз к тому времени заполнил трюм доверху. Грегор с Арнольдом запечатали все люки. Нарастающее давление грозило разорвать корабль на куски. Пришлось выбрасывать тангриз тоннами, это требовало времени и, самое главное, большого расхода воздуха. Перед спуском на планету весь корабль был набит порошком, а кислорода оставалось чуть-чуть.

Сразу после посадки мелджанин в оранжевой форме поднялся на корабль оформить документы.

— Добро пожаловать! — приветствовал он землян. — Вы — редкие гости на нашей маленькой планете. Надолго к нам?

— Как получится, — ответил Арнольд. — Мы хотим установить с вами торговые отношения.

— О, это замечательно! — обрадовался чиновник. — Наша планета очень нуждается в свежих деловых контактах. Могу я поинтересоваться: что вы собираетесь нам предложить?

— Мы будем продавать тангриз. Это ваш собственный...

— Что продавать?

— Тангриз. У нас есть Бесплатный Производитель, и мы...

— Очень сожалею, но вы должны немедленно покинуть планету, — строго сказал чиновник и нажал красную кнопку на маленьком приборчике, прикрепленном к запястью.

— У нас есть визы!

— А у нас есть законы. Вы должны отбыть незамедлительно и забрать с собой ваш Производитель.

— Послушайте, а как на вашей планете насчет свободы предпринимательства?

— Производство тангриза у нас запрещено.

Пока шел спор, на поле с грохотом въехали танки и расположились вокруг корабля. Мелджанин, пятясь, выбрался из кабины и торопливо спустился по трапу.

— Подождите! — в отчаянии закричал Грегор. — Если вы

боитесь конкуренции, то примите Производитель от нас в подарок!

— Нет! — встрепенулся Арнольд.

— Да! Откапывайте его и берите. Отдайте его бедным.

На поле появилась еще одна колонна танков, в воздухе промелькнули боевые самолеты.

— Проваливайте сейчас же! — заорал чиновник. — Неужели вы рассчитываете продать здесь хоть крупинку тангриза? Оглянитесь вокруг!

Они оглянулись. Перед ними простиралось посадочное поле, все в серой пыли. Поодаль стояли некрашеные серые здания, за ними тянулись унылые серые поля. Еще дальше виднелись невысокие серые горы.

Во все стороны, насколько хватал глаз, все было из того же серого тангриза.

— Вы хотите сказать, что вся планета... — начал Грегор и осекся.

— Сами не видите, что ли? — сказал чиновник. — Здесь Старая наука возникла, здесь она развилась и угасла. Но всегда отыщутся недоучки, которые не могут пройти мимо старой машины, чтобы не сунуть в нее свой нос. А теперь проваливайте! Но если вдруг найдете Лаксианский ключ, то возвращайтесь и называйте любую цену.

МЯТЕЖ ШЛЮПКИ

— Скажите по совести, видели вы когда-нибудь машину лучше этой? — спросил Джо, межпланетный старьевщик. — Только взгляните на сервоприводы!

— Да-а... — с сомнением протянул Грегор.

— А каков корпус! — любовно оглаживая сверкающий борт шлюпки, вкрадчиво продолжал Джо. — Держу пари, ему не меньше пятисот лет — и ни малейшего следа ржавчины.

Поглаживание, несомненно, означало, что Межпланетной очистительной службе «Асс» невероятно повезло. Именно в тот самый момент, когда ей так нужна спасательная шлюпка, этот шедевр кораблестроения оказался под рукой.

— Внешне она, конечно, выглядит неплохо, — произнес Арнольд с нарочитой небрежностью влюбленного, пытающегося скрыть свои чувства. — Твое мнение, Дик?

Ричард Грегор хранил молчание. Нет слов, внешне лодка выглядела неплохо. По всей вероятности, на ней вполне можно исследовать океан на Трайденте. Однако следует держать ухо востро, имея дело с Джо.

— Теперь таких больше не строят, — вздохнул Джо. — А двигатель — просто чудо, его не повредишь механическим молотом.

— Выглядит-то она хорошо... — процедил Грегор.

Служба «Асс» в прошлом уже имела дела с Джо, и это научило ее осторожности. Джо отнюдь не был обманщиком; механический хлам, собранный им по всей населенной части Вселенной, неизменно действовал. Однако частенько древние машины имели свое мнение по поводу того, как надо выполнять работу, и выходили из себя, если их пытались переучить.

— Плевать я хотел на ее красоту, долговечность, скорость и комфортабельность! — продолжал Грегор вызывающе. — Я только хочу быть уверенным в безопасности.

Джо кивнул в знак согласия:

— Это, безусловно, самое главное. Пройдем в каюту.

Когда они вошли в лодку, Джо приблизился к пульту управления, таинственно улыбнулся и нажал на кнопку.

Грегор тотчас услышал голос, который, казалось, зазвучал у него в голове:

— Я спасательная шлюпка 324-А. Моя главная задача...

— Телепатия? — поинтересовался Грегор.

— Прямая передача мыслей, — сказал Джо, горделиво улыбаясь. — Никакого языкового барьера. Вам же сказано, что теперь таких не строят.

— Я спасательная шлюпка 324-А, — послышалось снова. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично.

— Ничто не может быть безопаснее! — воскликнул Джо. — Это не бездушный кусок железа. Шлюпка присмотрит за вами. Она позаботится о своей команде.

На Грегора это произвело впечатление, хотя идея чувствующей лодки претила ему, а патерналистские настроения машины всегда раздражали его.

— Мы ее забираем, — выпалил Арнольд. Он не испытывал подобных сомнений.

— И не пожалеете, — подхватил Джо в своей обычной открытой и честной манере, которая уже принесла ему много миллионов долларов.

Грегору осталось лишь надеяться, что на этот раз Джо окажется прав.

На следующий день спасательная шлюпка была погружена на борт звездолета, и друзья стартовали по направлению к Трайденту.

Эту планету, расположенную в самом сердце Восточной

Аллеи Звезд, недавно купил торговец недвижимостью. По его мнению, она была почти идеальным местом для колонизации. Трайдент был размером почти с Марс, но обладал лучшим климатом. Кроме того, там не существовало ни хитроумных аборигенов, с которыми пришлось бы сражаться, ни ядовитых растений, ни заразных болезней. В отличие от многих других миров, на Трайденте не водились хищные звери. Там вообще не водились животные. Вся планета, за исключением одного небольшого острова и полярной шапки, была покрыта водой.

Конечно, там не было недостатка и в тверди: уровень воды в нескольких морях Трайдента доходил всего лишь до колена. Вся беда в том, что суша не выступала из воды, и службу «Асс» специально пригласили для того, чтобы устранить эту маленькую ошибку природы.

После посадки звездолета на единственный остров планеты шлюпку спустили на воду. Весь остаток дня был посвящен проверке и погрузке исследовательской аппаратуры. Едва забрезжил рассвет, Грегор приготовил сандвичи и заполнил канистру водой. Все было готово для начала работы.

Как только совсем рассвело, Грегор пришел в рубку к Арнольду. Коротким движением Арнольд нажал на кнопку номер один.

— Я спасательная шлюпка 324-А, — услышали они. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично. Для полной активизации нажмите на кнопку номер два.

Грегор опустил палец на вторую кнопку.

Где-то в глубине послышалось приглушенное гудение. Больше ничего не произошло.

— Странно, — произнес Грегор и нажал на кнопку еще раз.

Гудение повторилось.

— Похоже на короткое замыкание, — сказал Арнольд.

Бросив взгляд в иллюминатор, Грегор увидел медленно удалявшуюся береговую линию. И ему стало немного страшно. Ведь здесь слишком много воды и совсем мало суши, и, что самое скверное, — на пульте управления ничто не напоминало штурвал или румпель, ничто не выглядело как рычаг газа или сцепления.

— По всей вероятности, она должна управляться телепатически, — с надеждой произнес Грегор и твердым голосом скомандовал: — Тихий ход вперед!

Маленькая шлюпка медленно двинулась вперед.

— Теперь чуть правее!

Шлюпка охотно повиновалась ясным, хотя и не совсем морским командам Грегора. Партнеры обменялись улыбками.

— Прямо! Полный вперед! — раздалась команда, и спасательная шлюпка рванулась в сияющее и пустынное море.

Захватив фонарь и тестер, Арнольд спустился в трюм. Грегор вполне мог один справиться с исследованием. Приборы делали всю работу, подмечали основные неровности дна, отыскивали самые многообещающие вулканы, определяли течения и вычерчивали графики. После того как будут закончены исследования, уже другой человек опутает вулканы проводами, заложит заряды, отойдет на безопасное расстояние и запалит все это устройство. Затем Трайдент превратится на некоторое время в довольно шумное место. А когда все придет в норму, суши окажется достаточно для того, чтобы удовлетворить аппетиты торговца недвижимостью.

Часам к двум дня Грегор решил, что для первого раза сделано достаточно. Приятели съели сандвичи, запив их водой из канистры, и выкупались в прозрачной зеленой воде Трайдента.

— Мне кажется, что я нашел неисправность, — сказал Арнольд. — Снята проводка главного активатора, и силовой кабель перерезан.

— Кому это понадобилось? — поинтересовался Грегор.

— Возможно, это сделали, когда списывали, — пожал плечами Арнольд. — Ремонт не займет много времени.

Он снова полез в трюм, а Грегор направил шлюпку к берегу, мысленно вращая штурвал и вглядываясь в зеленую пену, весело расступающуюся перед носом лодки. Именно в такие моменты вопреки всему своему предыдущему опыту он видел Вселенную дружелюбной и прекрасной.

Арнольд появился через полчаса — весь в машинном масле, но ликующий.

— Испробуй-ка эту кнопку теперь, — попросил он.

— Может быть, не стоит — ведь мы почти у цели.

— Ну и что ж... Пусть хоть немного поработает как положено.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Тотчас раздалось слабое пощелкивание контактов, и вдруг ожили полдюжины маленьких моторов. Вспыхнул красный свет и сразу же погас, когда генератор принял нагрузку.

— Вот теперь другое дело, — сказал Арнольд.

— Я спасательная шлюпка 324-А, — опять сообщила лодка, — в настоящий момент полностью активизирована и способна защищать свой экипаж от опасности. Положитесь на меня — все мои действия как психологического, так и физического характера запрограммированы лучшими умами планеты Дром.

— Вселяет чувство уверенности, не правда ли? — заметил Арнольд.

— Еще бы! — ответил Грегор. — Кстати, что это за Дром?

— Джентльмены, старайтесь думать обо мне не как о бесчувственном механизме, а как о вашем друге и товарище по оружию. Я понимаю ваше состояние. Вы видели, как тонул ваш корабль, безжалостно изрешеченный снарядами хгенов. Вы...

— Какой корабль, — спросил Арнольд, — что она болтает?

— ...Вскарабкались сюда ослепленные, задыхающиеся от ядовитых водяных испарений, полуживые...

— Если ты имеешь в виду наше купание, то, значит, просто ничего не поняла. Мы лишь изучали...

— ...Оглушенные, израненные, упавшие духом... — закончила шлюпка. — Вероятно, вы испугались немного, — продолжала она уже несколько мягче. — Вы потеряли связь с основными силами флота Дрома, и вас носит по волнам чуждой, холодной планеты. Не надо стыдиться этого страха, джентльмены. Такова война. Война — жестокая вещь. У нас не было другого выхода, кроме как выгнать этих варваров хгенов назад в пространство.

— Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение всей этой чепухе, — заметил Грегор. — Может, это просто сценарий древней телевизионной пьески, по ошибке попавшей в блоки памяти?

— Думаю, что придется как следует ее проверить, — сказал Арнольд. — Невозможно целый день слушать эту чушь.

Они приближались к острову. Шлюпка все еще бормотала что-то о доме и о родном очаге, об обходных маневрах и тактических действиях, не забывая напоминать о необходимости хранить спокойствие в тяжелых обстоятельствах, подобных тем, в которые они попали.

Неожиданно шлюпка уменьшила скорость.

— В чем дело? — спросил Грегор.

— Я осматриваю остров, — отвечала спасательная шлюпка.

Арнольд и Грегор переглянулись.

— Лучше с ней не спорить, — прошептал Арнольд. Лодке же он сказал: — Остров в порядке! Мы его осмотрели лично.

— Возможно, — согласилась лодка, — однако в условиях современной молниеносной войны нельзя доверять органам чувств. Они слишком склонны выдавать желаемое за действительное. Лишь электронные органы чувств не имеют эмоций, вечно бдительны и непогрешимы в отведенных им границах.

— Остров пуст! — заорал Грегор.

— Я вижу чужой космический корабль, — сообщила шлюпка. — На нем отсутствуют опознавательные знаки Дрома.

— Но на нем отсутствуют и опознавательные знаки врага, — уверенно заявил Арнольд, потому что сам недавно красил древний корпус ракеты.

— Это так, однако на войне следует исходить из предположения: что не наше — *то* вражеское. Я понимаю, как вам хочется вновь ощутить под ногами твердую почву. Но я должна учитывать факторы, которые дромит, ослепленный эмоциями, может и не заметить. Обратите внимание на отсутствие признаков жизни на этом стратегически важном клочке суши и на космический корабль без опознавательных знаков, являющийся заманчивой приманкой, на факт отсутствия поблизости нашего флота; и кроме того...

— Хорошо, хорошо, достаточно! — перебил Грегор. Ему надоело спорить с болтливой и эгоистичной машиной. — Направляйся прямо к острову. Это приказ.

— Я не могу его выполнить, — сказала шлюпка. — Сильное потрясение вывело вас из душевного равновесия.

Арнольд потянулся к рубильнику, но отдернул руку с болезненным стоном.

— Придите в себя, джентльмены, — сурово сказала шлюпка. — Только специальный офицер уполномочен выключить меня. Во имя вашей же безопасности я предупреждаю, чтобы вы не касались пульта управления. В настоящее время ваши умственные способности несколько ослаблены. Позже, когда положение будет не столь опасным, я займусь вашим здоровьем, а сейчас вся моя энергия должна быть направлена на то, чтобы определить местонахождение врага и избежать встречи с ним.

Лодка набрала скорость и сложными зигзагами двинулась в открытое море.

— Куда мы направляемся? — спросил Грегор.

— На воссоединение с флотом Дрома, — сообщила лодка столь уверенно, что друзья стали нервно вглядываться в бескрайние и пустынные воды Трайдента. — Конечно, если только я найду его...

Через несколько минут они почувствовали, что лодка описывает круг, меняя направление.

— В настоящее время я не способна обнаружить флот дромитов. Поэтому я поворачиваю к острову, чтобы еще раз обследовать его. К счастью, поблизости противник не обнаружен. И теперь я могу посвятить себя заботе о вас.

— Видишь? — сказал Арнольд, подталкивая Грегора локтем. — Все как я сказал. А сейчас мы еще раз найдем подтверждение твоему предположению. — И он обратился к шлюпке: — Ты вовремя занялась нами. Мы проголодались.

— Покорми нас, — потребовал Грегор.

— Безусловно, — ответила лодка.

И из стенки выскользнуло блюдо, до краев наполненное каким-то веществом, похожим на глину, но с запахом машинного масла.

— Что это должно означать? — спросил Грегор.

— Это гизель, — сказала лодка, — любимая пища народов Дрома, и я могу приготовить его шестнадцатью способами.

Грегор брезгливо попробовал. И по вкусу это была глина в машинном масле.

— Но мы не можем это есть!

— Конечно, можете, — сказала шлюпка успокаивающе. — Взрослый дромит потребляет ежедневно пять и три десятых фунта гизеля и просит еще.

Блюдо приблизилось к ним, друзья попятились.

— Слушай, ты! — заговорил с лодкой Арнольд. — Мы не дромиты. Мы люди и принадлежим к совершенно другому виду. Военные действия, о которых ты говоришь, кончились пятьсот лет тому назад. Мы не можем есть гизель. Наша пища находится на острове.

— Попробуйте разобраться в положении. Ваш самообман обычен для солдат. Это попытка уйти от реальности в область фантазии, стремление избежать невыносимой ситуации. Смотрите в лицо фактам, джентльмены.

— Это ты смотри в лицо фактам! — завопил Грегор. — Или я разберу тебя на гайки!

— Угрозы не беспокоят меня, — начала шлюпка безмятежно. — Я знаю, что вам пришлось пережить. Возможно, ваш мозг пострадал от воздействия отравляющей воды.

— Отравляющей? — поперхнулся Грегор.

— Для дромитов, — напомнил ему Арнольд.

— Если это будет абсолютно необходимо, — продолжала спасательная шлюпка, — я располагаю средствами для операций на мозге. Это, конечно, крайняя мера, однако на войне нет места для нежностей.

Откинулась панель, и приятели смогли увидеть набор сияющих хирургических инструментов.

— Нам уже лучше, — поспешно заявил Грегор. — Этот гизель выглядит очень аппетитно — не правда ли, Арнольд?

— Восхитительно! — содрогнувшись, выдавил из себя Арнольд.

— Я победила в общенациональных соревнованиях по приготовлению гизеля, — сообщила шлюпка с простительной гордостью. — Ничего не жаль для защитников. Попробуйте немного.

Грегор зачерпнул горсть, причмокнул и уселся на пол.

— Изумительно! — сказал он в надежде, что внутренние рецепторы лодки не столь чувствительны, как внешние.

По всей видимости, так оно и было.

— Прекрасно, — сказала шлюпка. — А теперь я направляюсь к острову. И обещаю, что через несколько минут вы почувствуете себя лучше.

— Каким образом? — спросил Арнольд.

— Температура внутри каюты нестерпимо высока. Поразительно, что вы до сих пор не потеряли сознание. Любой другой дромит уже не выдержал бы. Потерпите еще немного, скоро я понижу ее до нормы — двадцать ниже нуля. А теперь для поднятия духа я исполню ваш национальный гимн.

Отвратительный ритмичный скрип заполнил воздух. Волны плескались о борта спасательной шлюпки, торопившейся к острову. Через несколько минут воздух в каюте заметно посвежел.

Грегор утомленно прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на холод, который начал сковывать конечности.

Его стало клонить ко сну. Нечего сказать, «повезло» — замерзать внутри свихнувшейся спасательной шлюпки. Так случается, когда вы покупаете приборы, настроенные на то, чтобы ухаживать за вами, нервные человекоподобные калькуляторы, сверхчувствительные эмоциональные машины.

В полусне он размышлял, чем все это кончится. Ему пригрезилась огромная лечебница для машин. По длинному белому коридору два кибернетических врача тащили машинку для стрижки травы. Главный кибернетический доктор спросил: «Что случилось с этим парнем?» И ассистент ответил: «Полностью лишился рассудка. Думает, что он геликоптер». — «Ага... — понимающе произнес главный. — Мания полета! Жаль. Симпатичный парнишка». Ассистент кивнул. «Переработал. Надорвался на жесткой траве». Вдруг их пациент заволновался. «Теперь я машинка для взбивания яиц!» — хихикнул он.

— Проснись! — окликнул Грегора Арнольд, стуча зубами. — Надо что-то предпринять.

— Попроси ее включить обогреватель, — сонно сказал Грегор.

— Не выйдет. Дромиты живут при двадцати градусах ниже нуля. А мы — дромиты. Двадцать ниже нуля — и никаких.

На трубах системы охлаждения, проходивших по периметру каюты, быстро рос слой инея. Стены покрылись изморозью, иллюминаторы обледенели.

— У меня есть идея, — осторожно сказал Арнольд.

Он бросил взгляд в сторону пульта управления и что-то быстро зашептал на ухо Грегору.

— Надо попробовать, — сказал Грегор.

Они встали. Грегор схватил канистру и решительно зашагал к противоположной стене каюты.

— Что вы собираетесь делать? — резко спросила шлюпка.

— Хотим немного размяться. Солдаты Дрома должны всегда сохранять боевую форму.

— Это верно... — с сомнением произнесла шлюпка.

Грегор бросил канистру Арнольду. Криво усмехнувшись, тот отпасовал ее обратно.

— Обращайтесь с этим сосудом осторожно, — предупредила лодка. — Он содержит смертельный яд.

— Мы очень осторожны, — сказал Грегор. — Канистра будет доставлена в штаб. — Он снова бросил ее Арнольду.

— Штаб использует ее содержимое против хгенов, — сказал Арнольд, возвращая канистру Грегору.

— В самом деле? — удивилась шлюпка. — Интересная идея. Новое использование...

В этот момент Грегор запустил тяжелой канистрой в трубу охлаждения. Труба лопнула, и жидкость полилась на пол.

— Неважный удар, старик, — сказал Арнольд.

— Что я наделал! — воскликнул Грегор.

— Мне следовало бы принять меры предосторожности от таких случайностей, — грустно промолвила шлюпка. — Но больше этого не повторится. Однако положение очень серьезно. Я не могу восстановить систему охлаждения и не в силах теперь охладить лодку в достаточной степени.

— Если бы ты только высадила нас на остров... — начал Арнольд.

— Невозможно, — прервала его шлюпка. — Моя основная задача — сохранить вам жизнь. А вы не сможете долго прожить в климате этой планеты. Однако я намерена принять необходимые меры для обеспечения вашей безопасности.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Грегор, чувствуя, как что-то оборвалось у него внутри.

— Мы не можем терять времени. Я еще раз обследую остров, и, если не обнаружу наших вооруженных сил, мы направимся к единственному месту на этой планете, где могут существовать дромиты.

— Что за место?

— Южная полярная шапка, — ответила лодка. — Там почти идеальный климат. По моей оценке, тридцать градусов ниже нуля.

Моторы взревели. Извиняющимся голосом лодка добавила:

— И конечно, я обязана принять меры, исключающие внутренние неполадки.

В тот момент, когда лодка резко увеличила скорость, они услышали, как щелкнул замок, запирая их каюту.

— Теперь думай, — сказал Арнольд.

— Я думаю, но ничего не придумывается, — ответил Грегор.

— Мы должны выбраться отсюда, как только достигнем острова. Это наша последняя возможность.

— Как ты думаешь, не можем ли мы просто выпрыгнуть за борт? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае. Она теперь начеку. Если бы ты еще не покорежил охладительные трубы, у нас бы остался шанс.

— Конечно, — с горечью протянул Грегор. — Все ты со своими идеями.

— Моими идеями?! Я прекрасно помню, что ты предложил это. Ты заявил, что...

— Сейчас уже неважно, кто первый высказал эту идею.

Грегор глубоко задумался.

— Слушай, ведь мы знаем, что ее внутренние рецепторы работают не очень хорошо. Как только мы достигнем острова, может быть, нам удастся перерезать силовой кабель.

— Брось, тебе же не удастся подойти к нему ближе чем на пять футов, — сказал Арнольд, вспомнив удар, который он получил у пульта управления.

— Да-а... — Грегор закинул руки за голову. Какая-то идея начала постепенно вырисовываться у него в уме. — Конечно, это довольно ненадежно, но при такой ситуации...

В это время лодка объявила:

— Я исследую остров.

Посмотрев в носовой иллюминатор, Грегор и Арнольд увидели остров, до которого было не более ста ярдов. На фоне пробуждающейся зари вырисовывался покореженный, но такой родной корпус их корабля.

— Местечко привлекательное, — сказал Арнольд.

— Безусловно, — согласился Грегор. — Держу пари, что наши войска находятся в подземных убежищах.

— Ничего подобного, — возразила лодка. — Я исследовала поверхность на глубину сто футов.

— Так, — сказал Арнольд. — При данных обстоятельствах, я полагаю, нам следует провести более тщательную разведку. Пожалуй, надо высадиться и осмотреться.

— Остров пуст, — настаивала лодка. — Поверьте мне, мои чувства гораздо острее ваших. Я не могу позволить, чтобы вы ставили под угрозу свою жизнь, высаживаясь на берег. Планете Дром нужны солдаты, особенно такие крепкие и выносливые, как вы.

— Нам этот климат по душе, — сказал Арнольд.

— Воистину слова патриота, — сердечно произнесла лодка. — Я знаю, как вы сейчас страдаете, но теперь я направляюсь на Южный полюс, чтобы вы, ветераны, получили заслуженный отдых.

Грегор решил, что настало время испытать новый план, хотя он и не был до конца разработан.

— В этом нет необходимости, — сказал он.

— Что-о?

— Мы действуем по специальному приказу, — доверительно начал Грегор. — Предполагалось, что мы не откроем сути нашего задания ни одному из кораблей рангом ниже супердредноута. Однако, исходя из обстоятельств...

— Да-да, исходя из обстоятельств, — живо подхватил Арнольд, — мы тебе расскажем.

— Мы команда смертников, специально подготовленных для работы в условиях жаркого климата. Нам приказано высадиться и захватить остров до подхода главных сил дромитов.

— Я этого не знала, — сказала лодка.

— Тебе и не положено было знать. Ведь ты простая спасательная шлюпка, — сказал Арнольд.

— Немедленно высади нас, — приказал Грегор. — Промедление невозможно.

— Вам следовало сказать мне об этом раньше, — ответила шлюпка. — Не могла же я сама догадаться.

И она начала медленно двигаться по направлению к острову.

Грегор затаил дыхание. Казалось немыслимым, что такой элементарный трюк будет иметь успех. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ведь спасательная шлюпка была построена с таким расчетом, что она принимала на веру слова тех, кто управлял ею. И она следовала указаниям, пока и поскольку они не противоречили заданной ей программе.

Полоса берега, белевшая в холодном свете зари, была уже в пятидесяти ярдах.

Неожиданно лодка остановилась.

— Нет, — сказала она.

— Что «нет»?

— Я не могу этого сделать.

— Что это значит? — заорал Арнольд. — Идет война! Приказы...

— Я знаю, — печально произнесла шлюпка. — Очень сожалею, но для данной миссии надо выбрать другой тип судна. Любой другой, но не спасательную шлюпку.

— Но ты должна, — умолял Грегор. — Подумай о нашей стране. Подумай об этих варварах — хгенах.

— Но я физически не могу выполнить ваш приказ. Моя первейшая обязанность — ограждать экипаж от опасностей. Этот приказ заложен во всех блоках памяти, и он имеет приоритет над всеми другими. Я не могу отпустить вас на верную смерть.

Лодка начала медленно удаляться от острова.

— Ты попадешь под трибунал! — взвизгнул Арнольд истерично. — И он тебя разжалует!

— Я могу действовать только в отведенных мне границах, — так же грустно сказала лодка. — Если мы обнаружим главные силы флота, я передам вас на боевое судно. А пока я должна доставить вас на безопасный Южный полюс.

Лодка набрала скорость, и остров стал быстро удаляться. Арнольд бросился к пульту управления, но, получив удар, упал навзничь. Грегор схватил канистру, поднял ее, собираясь швырнуть в запертую дверь. Но неожиданно остановился, пораженный внезапной дикой мыслью.

— Прошу вас, не пытайтесь что-нибудь сломать, — умоляла лодка. — Я понимаю ваши чувства, но...

«Это чертовски рискованно, — подумал Грегор, — но, в конце концов, и Южный полюс — верная смерть».

Он открыл канистру.

— Поскольку мы не смогли выполнить нашу миссию, мы никогда не посмеем взглянуть в глаза нашим товарищам. Самоубийство для нас — единственный выход. — Он отпил глоток и вручил канистру Арнольду.

— Не надо! Не надо! — пронзительно закричала лодка. — Это же вода — смертельный яд!..

Из приборной доски быстро выдвинулась металлическая клешня и выбила канистру из рук Арнольда.

Арнольд вцепился в канистру. И прежде чем лодка успела отнять ее еще раз, он сделал глоток.

— Мы умираем во славу Дрома!

Грегор упал на пол. Знаком он приказал Арнольду не двигаться.

— Не известно никакого противоядия, — простонала лодка. — Если бы я могла связаться с плавучим госпиталем... — Ее двигатели замерли в нерешительности. — Скажите что-нибудь! — умоляла лодка. — Вы еще живы?

Грегор и Арнольд лежали неподвижно, не дыша.

— Ответьте же мне! Может быть, хотите немного гизеля?..

Из стены выдвинулись два подноса, друзья не шелохнулись.

— Мертвы, — сказала лодка. — Мертвы. Я должна отслужить заупокойную.

Наступила пауза. Затем лодка запела: «Великий дух Вселенной, возьми под свою защиту твоих слуг. Хоть они и умерли от собственной руки, они служили своей стране, сражаясь за дом и очаг. Не суди их жестоко. Лучше осуди дух войны, который сжигает и разрушает Дром».

Крышка люка откинулась. Грегор почувствовал струю прохладного утреннего воздуха.

— А теперь, согласно полномочиям, данным мне флотом планеты Дром, я со всеми почестями предаю их тела океанским глубинам.

Грегор почувствовал, как его подняли, пронесли через люк и опустили на палубу. Затем он снова оказался в воздухе. Падение. И в следующий момент он очутился в воде рядом с Арнольдом.

— Держись на воде, — прошептал он.

Остров был рядом. Но и спасательная шлюпка еще возвышалась вблизи, неровно гудя машинами.

— Что она хочет, как ты думаешь? — спросил Арнольд.

— Я не знаю, — ответил Грегор, надеясь, что религия дромитов не требует превращения тел умерших в пепел.

Спасательная шлюпка приблизилась. Всего несколько футов отделяло ее нос от людей. Они напряглись. А затем услышали завывающий скрип национального гимна дромитов.

Через минуту все было кончено. Лодка пробормотала: «Покойтесь в мире» — сделала поворот и унеслась вдаль.

И пока они медленно плыли к острову, Грегор видел спасательную шлюпку, направляющуюся на юг, точно на юг, на полюс, чтобы ждать там флот планеты Дром.

РЕЙС МОЛОЧНОГО ФУРГОНА

— Такой случай больше не представится, — сказал Арнольд. — Миллионные прибыли, небольшие начальные вложения, быстрая окупаемость. Ты меня слышишь?

Ричард Грегор устало кивнул. В конторе Межпланетной очистительной службы «Асс» медленно и томительно тянулся день, неотличимый от вереницы остальных дней. Грегор раскладывал пасьянс. Его компаньон Арнольд сидел за письменным столом, закинув ноги на пачку неоплаченных счетов.

За стеклянными дверями скользили тени; это шли мимо люди, направляясь в «Марс-Сталь», «Неоримские новшества», «Альфа-Дьюара продукция» и другие конторы, расположенные на том же этаже.

В пыльном помещении службы «Асс» по-прежнему царили тишина и запустение.

— Чего мы ждем? — громко спросил Арнольд. — Беремся мы за это дело или нет?

— Это не по нашей части, — ответил Грегор. — Ведь мы специалисты по безопасности планет. Ты что, забыл?

— Никому не нужна твоя безопасность, — парировал Арнольд.

К несчастью, он говорил правду.

После успешного очищения Призрака V от воображаемых чудовищ служба «Асс» пережила период кратковременного подъема. Однако вскоре космическая экспансия приостановилась. Люди занялись увеличением прибылей, возведением городов, распахиванием полей, прокладкой дорог.

Когда-нибудь движение возобновится. Пока есть что осваивать, человечество будет осваивать новые миры. Но сейчас дела шли из рук вон плохо.

— Надо учитывать перспективы, — сказал Арнольд. — Живут все эти люди на светлых, солнечных новых планетах. Им нужны домашние животные, которых привезем им с родины... — он выдержал драматическую паузу, — мы с тобой.

— У нас нет транспорта для перевозки скота, — возразил Грегор.

— У нас есть звездолет. Что тебе еще нужно?

— Все. Главным образом знания и опыт. Перевозка живых тварей в космосе — работа в высшей степени деликатная. Это работа для специалистов. Что ты сделаешь, если между Землей и Омегой IV корова свалится от ящура?

Арнольд авторитетно заявил:

— Мы будем перевозить лишь выносливые, устойчивые породы. Проведем медицинский осмотр. И прежде, чем животные взойдут на борт, я собственноручно продезинфицирую корабль.

— Ну вот что, мечтатель, — озлился Грегор, — приготовься к удару. В нашем секторе космоса всеми перевозками животных ведает концерн «Тригейл». Конкурентов он не терпит, и потому конкурентов у него нет. Как ты собираешься его обойти?

— Будем брать дешевле.

— И сдохнем с голоду.

— Мы и так подыхаем с голоду.

— Лучше голодать, чем «случайно» на месте назначения получить пробоину от одного из буксиров «Тригейла». Или обнаружить в пути, что кто-то заполнил водяные баки керосином. И вовсе не заполнил кислородные баллоны.

— Ну и воображение у тебя! — нервно проговорил Арнольд.

— То, что ты считаешь плодом моего воображения, уже не

раз случалось в действительности. В этой сфере «Тригейл» хочет быть единственным, и он им остается. «По несчастной случайности», если хочешь, зловещий каламбур.

В этот момент отворилась дверь. Арнольд одним махом убрал со стола ноги, а Грегор сбросил карты в ящик стола.

Посетитель, судя по коренастой фигуре, непропорционально маленькой голове и бледно-зеленой коже, не был жителем Земли. Он уверенно подошел прямо к Арнольду.

— Прибудут в центральный пакгауз «Тригейла» через три дня, — сказал посетитель.

— Так быстро, мистер Венс? — отозвался Арнольд.

— Да. Смагов надо транспортировать с особой осторожностью, а квилы доставлены еще несколько дней назад.

— Отлично. Это мой компаньон, — сказал Арнольд, оборачиваясь к Грегору, который изумленно хлопал глазами.

— Счастлив познакомиться. — Венс крепко стиснул руку Грегора. — Восхищаюсь вами, ребята. Свободная инициатива, конкуренция — я в это верю. Вам известен маршрут?

— Все записано, — ответил Арнольд. — Мой компаньон готов стартовать в любую минуту.

— Я сразу же отправлюсь на Вермойн II и буду там вас ожидать. Всего хорошего.

Он повернулся и вышел.

— Арнольд, что ты там вытворяешь? — медленно спросил Грегор.

— Наживаю состояние нам обоим, вот что я вытворяю, — ядовито ответил Арнольд.

— Перевозкой скота?

— Да.

— На территории «Тригейла»?

— Да.

— Покажи-ка контракт.

Арнольд извлек документы. Там значилось, что Межпланетная очистительная (и транспортная) служба «Асс» обязуется доставить пять смагов, пять фиргелей и десять квилов в систему звезды Вермойн. Товар надлежит погрузить в центральном пакгаузе «Тригейла» и сдать в главном пакгаузе Вермойна II. Службе «Асс» предоставляется также право по своему усмотрению соорудить собственный пакгауз.

Вышеуказанных животных следует доставить живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми, способными к размножению и так далее. Были пункты, предусматривающие огромные неустойки в случае утери животных, доставки их не живыми, не здоровыми, не способными к размножению и так далее.

Документ звучал как соглашение о временном перемирии между двумя враждующими державами.

— Ты вправду подписал этот смертный приговор? — недоверчиво спросил Грегор.

— Ясное дело. Тебе всего и работы-то — погрузить этих тварей, забросить на Вермойн и там скинуть.

— Мне? А что же будешь делать ты?

— Я останусь здесь и обеспечу тебе поддержку, — ответил Арнольд.

— Поддерживай меня на борту корабля.

— Нет-нет, это невозможно. При виде квила меня выворачивает наизнанку.

— Точно такое же ощущение вызывает у меня вид этого договора. Давай-ка для разнообразия поручим дело тебе.

— Но ведь я веду научно-исследовательскую работу, — возразил Арнольд, по лицу которого градом катился пот. — Мы с тобой так условились. Разве ты забыл?

Грегор не забыл. Он вздохнул и беспомощно пожал плечами.

Компаньоны принялись немедля приводить в порядок корабль. Трюм состоял из трех отсеков — по количеству пород. Все животные дышали кислородом и были жизнеспособны при семидесяти по Фаренгейту, так что здесь никаких проблем не возникало. На корабль погрузили необходимые корма.

Через три дня, когда все как будто было готово, Арнольд решил проводить Грегора до центрального пакгауза фирмы «Тригейл».

На пути до «Тригейла» ничего не произошло, но Грегор не без трепета приземлился на посадочной платформе. Слишком много рассказов ходило про этот концерн, чтобы можно было чувствовать себя в его цитадели как дома. Грегор принял всяческие меры предосторожности. Топливом и всеми необходимыми припасами он обзавелся на Луна-станции и не собирался впускать служащих «Тригейла» на борт корабля.

Однако если сотрудников станции и тревожил вид старого, потрепанного звездолета, они это удачно скрывали. Два трактора втащили корабль на погрузочную платформу и втиснули его между двумя лощеными тригейловскими экспресс-фрахтовиками.

Оставив Арнольда следить за погрузкой, Грегор ушел подписывать декларации. Вкрадчивый чиновник «Тригейла» подал ему документы и с интересом смотрел на Грегора, пока тот изучал их.

— Смагов грузите, а? — вежливо спросил чиновник.

— Да, — ответил Грегор, пытаясь сообразить, как же выглядят эти смаги.

— И квилов, и фиргелей в придачу, — задумчиво продолжал чиновник. — Всех вместе. Вы очень храбрый человек, мистер Грегор.

— Кто? Я? Почему?

— Знаете старую поговорку: «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

— Нет, я такой не слыхал.

Чиновник дружелюбно усмехнулся и пожал руку Грегору.

— После такого рейса вы сами будете складывать пословицы. Желаю большой удачи, мистер Грегор. Разумеется, неофициально.

Грегор слабо улыбнулся в ответ.

Он вернулся на погрузочную платформу. Смаги, фиргели и квилы были на борту, размещенные по своим отсекам. Арнольд включил подачу воздуха, проверил температуру и задал всем суточный рацион.

— Ну, тебе пора, — весело сказал Арнольд.

— Действительно, пора, — согласился Грегор без особого энтузиазма.

Он вскарабкался на борт, не обращая внимания на толпу хихикающих зевак.

Корабль отбуксировали на взлетную полосу.

Вскоре Грегор был уже в космосе и держал курс на пакгауз, обращающийся на орбите вокруг Вермойна II.

В первый день космического рейса работы всегда хватает. Грегор проверил приборы, потом осмотрел баки, резервуары, трубопровод и электропроводку. Он хотел убедиться, что старт не вызвал никаких повреждений. Затем он решил взглянуть на груз. Пора было выяснить, на что похожи эти звери.

В правом переднем отсеке находились квилы. Они напоминали гигантские снежные шары. Грегор знал, что квилы дают драгоценную шерсть, за которую повсюду платят бешеные деньги.

Животные, очевидно, не привыкли к невесомости, потому что их пища осталась нетронутой. Они неуклюже плавали вдоль стен и потолка, жалобно блеяли и просились на твердую почву.

С фиргелями все обстояло благополучно. То были большие гладкокожие ящерицы, назначения которых в сельском хозяйстве Грегор не мог себе представить. Они пребывали в спячке и должны были спать до конца рейса.

Пять смагов радостно залаяли при его появлении. Эти ласковые травоядные млекопитающие явно наслаждались состоянием невесомости.

Удовлетворенный Грегор вернулся в кабину управления.

Рейс начался хорошо. «Тригейл» к нему не придирался, а животные в пути чувствовали себя превосходно.

«В конце концов, может быть, это занятие и впрямь не более опасно, чем рейс молочного фургона», — подумал Грегор.

Проверив работу рации и переключателей управления, он завел будильник и улегся спать.

Восемь часов спустя он проснулся. Сон не освежил его, голова раскалывалась от боли. На коже был отвратительный налет слизи. Грегор с трудом сосредоточил внимание на пульте с приборами.

Эффект консервированного воздуха, решил он и радировал Арнольду, что все в порядке. Однако посреди разговора оказалось, что он с трудом поднимает веки.

— Кончаю, — сказал он, сладко зевнув. — Душно здесь. Пойду вздремну.

— Душно? — переспросил Арнольд; по радио его голос казался далеким-далеким. — Не должно быть. Циркуляторы воздуха...

Грегор обнаружил, что приборы пьяно покачиваются перед ним и расплываются, теряя очертания. Он облокотился на пульт управления и закрыл глаза.

— Грегор!

— Ммм...

— Грегор!!! Проверь содержание кислорода!

Грегор пальцем приоткрыл один глаз ровно на столько времени, чтобы бросить взгляд на шкалу. Он несказанно развеселился, увидев, что концентрация углекислого газа достигла небывалого уровня.

— Кислорода нет, — сообщил он Арнольду. — Вот проснусь и все улажу.

— Это вредительство! — взревел Арнольд. — Проснись, Грегор!

Неимоверным усилием Грегор подался вперед и открыл аварийный кран воздухоснабжения. Поток чистого кислорода отрезвил его. Он встал, неуверенно покачиваясь, и плеснул водой себе в лицо.

— А животные! — вопил Арнольд. — Посмотри, как там животные!

Грегор включил вспомогательную систему проветривания во всех трех отсеках и помчался по коридору.

Фиргели были живы и не вышли из спячки.

Смаги, очевидно, не заметили никакой разницы в составе атмосферы.

Два квила потеряли было сознание, но теперь быстро при-

ходили в себя. В отсеке квилов Грегор понял наконец, что случилось.

Никакого вредительства не было. В стенах и потолке вентиляторы, по которым циркулировал воздух на корабле, оказались забитыми квильей шерстью. Клочья шерсти плавали в неподвижном воздухе, напоминая снегопад при замедленной съемке.

— Конечно, конечно, — сказал Арнольд, когда Грегор сообщил о случившемся. — Разве я не предупреждал тебя, что квилов необходимо стричь дважды в неделю? Ты, наверное, забыл. Вот что сказано в книге: «Квилы — Queelis Tropicalis — мелкие тонкорунные млекопитающие, состоят в отдаленном родстве с овцами Земли. Родина квилов — Тенсис V, однако их успешно разводят и на других планетах с большим тяготением. Одежда, сотканная из шерсти квилов, огнеупорна, непроницаема для укуса насекомых, не поддается гниению и практически вечна благодаря значительному содержанию металла в шерсти. Квилов необходимо стричь дважды в неделю. Размножаются фемишем».

— Никакого вредительства, — прокомментировал Грегор.

— Никакого вредительства, но тебе бы лучше постричь квилов, — ответил Арнольд.

Грегор дал отбой, нашел в сумке с инструментами ножницы для жести и пошел обрабатывать квилов. Однако режущие кромки тотчас же притупились от металлической шерсти. Квилов, скорее всего, надо было стричь специальными ножницами из какого-нибудь твердого сплава.

Он кое-как собрал летающую шерсть и снова прочистил вентиляторы.

Осмотрев все в последний раз, он пошел ужинать.

В рагу плавала маслянистая металлическая шерсть квилов.

Он лег спать с чувством отвращения.

Проснувшись, он удостоверился, что старый, кряхтящий корабль все еще держит правильный курс. Главный привод работал хорошо, и будущее представилось Грегору в розовом свете, особенно после того, как оказалось, что фиргели все еще спят, а смаги ведут себя прилично.

Однако, осматривая квилов, Грегор увидел, что с момента погрузки они не съели ни крошки. Дело становилось серьезным. Он связался с Арнольдом, чтобы посоветоваться.

— Очень просто, — сказал Арнольд, перелистав несколько справочников. — У квилов отсутствуют горловые мускулы. Чтобы пища проходила вниз по пищеводу, им необходима сила тяготения. Но при невесомости нет и тяготения, так что пища не поступает в желудок.

Действительно, просто. Одна из тех мелочей, что на Земле не предусмотришь. В космосе же, при искусственных условиях, даже самый простой вопрос превращается в сложнейшую проблему.

— Тебе придется придать кораблю вращение, чтобы создать для них хоть какую-то силу тяжести, — сказал Арнольд.

Грегор быстро произвел в уме некоторые вычисления.

— На это уйдет уйма энергии.

— Тогда, как сказано в книге, ты можешь заталкивать в них пищу рукой. Скатываешь пищу во влажный комок, погружаешь руку по локоть и...

Грегор прервал связь и включил боковые сопла. Он широко расставил ноги и с тревогой стал ждать, что же будет.

Квилы накинулись на корм с непринужденностью, которая привела бы в восторг любого квиловода.

Придется теперь заправиться горючим в космическом пакгаузе у Вермойна II. Издержки сильно взлетят, потому что во вновь освоенных планетных системах горючее очень дорого. Но все же прибыль будет достаточно велика.

Он вернулся к своим обязанностям по кораблю. Звездолет медленно преодолевал неизмеримое пространство.

Снова наступило время кормежки. Грегор задал корм квилам и перешел к отсеку смагов. Он открыл дверь и позвал:

— Подходи!

Никто не подошел.

Отсек был пуст.

Грегор почувствовал какое-то странное ощущение под ложечкой. Это невозможно. Смагам уйти некуда. Они решили подшутить над ним и где-нибудь спрятались. Но в отсеке негде было спрятаться пяти большим смагам.

Ощущение дрожи перешло в форменную тряску. Грегор вспомнил о неустойке в случае утери, повреждения и так далее, и тому подобное.

— Эй, смаг! Выходи, смаг! — прокричал он.

Ответа не было.

Он внимательно осмотрел стены, потолок, дверь и вентиляторы — быть может, смаги ухитрились пролезть сквозь них.

Но смаги бесследно исчезли.

Вдруг он услышал какой-то шорох у себя под ногами. Посмотрев вниз, он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

То был один из смагов, съежившийся до пяти сантиметров в длину. Грегор нашел и остальных — они сбились в угол, все такие же крохотные.

Что говорил чиновник «Тригейла»? «Если едешь со смагами, не забудь увеличительное стекло».

У Грегора не было времени, чтобы впасть в полноценное, добротное шоковое состояние. Он тщательно закрыл за собой дверь и метнулся к рации.

— Очень странно, — сказал Арнольд, когда связь была установлена. — Съежились, говоришь? Сейчас посмотрю. Угу... Ты не создавал искусственного тяготения, а?

— Конечно, создавал. Чтобы накормить квилов.

— Напрасно, — упрекнул Арнольд. — Смаги привыкли к слабому тяготению.

— Откуда мне было знать?

— Испытывая необычное для них тяготение, они ссыхаются до микроскопических размеров, теряют сознание и гибнут.

— Но ты же сам велел мне создать искусственное тяготение.

— Да нет же! Я лишь упомянул, что есть такой метод кормления квилов. Тебе же я рекомендовал кормить их из рук.

Грегор поборол почти непреодолимое желание сорвать рацию со стены. Он сказал:

— Арнольд, смаги привыкли к слабому тяготению. Так?

— Так.

— А квилы — к сильному. Ты знал это, когда подписывал контракт?

Арнольд судорожно глотнул, затем откашлялся.

— Видишь ли, мне действительно казалось, что это несколько затрудняет дело. Но это великолепно окупится.

— Конечно, если только сойдет с рук. Что мне теперь прикажешь делать?

— Снижай температуру, — самоуверенно ответил Арнольд. — Смаги стабилизируются при нуле градусов.

— А люди при нуле градусов замерзают, — ответил Грегор. — Ладно, передача окончена.

Грегор натянул на себя всю одежду, какую нашел, и включил систему охлаждения. Через час смаги вновь выросли до нормальных размеров.

Пока все шло неплохо. Он заглянул к квилам. Холод, казалось, подбодрил их. Они были живее, чем когда-либо, и блеяли, выпрашивая еду. Он скормил им очередной рацион. Съев сандвич с ветчиной и шерстью, Грегор лег спать.

На другой день оказалось, что на корабле стало пятнадцать квилов. Десять взрослых народили пятерых детенышей. Все пятнадцать были голодны.

Грегор накормил их. Он решил, что происшествие естественно, поскольку в одном помещении транспортируются и самцы, и самки. Это следовало предвидеть: надо было разделить животных не только по видам, но и по признакам пола.

...Когда он вновь заглянул к квилам, их число увеличилось до тридцати восьми.

— Да. И не похоже, чтоб они собирались остановиться.

— Этого следовало ожидать.

— Почему? — озадаченно спросил Грегор.

— Я тебе говорил. Квилы размножаются фемишем.

— Мне так и послышалось. А что это такое?

— То, что ты и слышишь, — раздраженно ответил Арнольд. — И как тебе только удалось окончить школу? Это партеногенез при температуре замерзания воды.

— Так оно и есть, — мрачно произнес Грегор. — Я поворачиваю корабль.

— Нельзя! Мы разоримся!

— При нынешних темпах размножения квилов мне скоро не останется места на корабле. Его придется вести квилу.

— Грегор, не поддавайся панике. Есть идеально простой выход.

— Я весь внимание.

— Увеличь давление и влажность воздуха. Тогда они остановятся.

— Может быть. А ты уверен, что смаги не превратятся в бабочек?

— Побочных явлений не будет.

Как бы то ни было, возвращаться на Землю не стоило. Корабль прошел уже половину пути. С тем же успехом можно избавиться от мерзких тварей и в пункте назначения.

Или выбросить их всех за борт. Идея хоть и невыполнимая, но соблазнительная.

Грегор увеличил давление и влажность воздуха, и квилы перестали размножаться. Теперь их насчитывалось сорок семь, и большую часть времени Грегор тратил на то, чтобы очищать вентиляторы от шерсти. Замедленная сюрреалистическая метель бушевала в коридоре, в машинном зале, в баках с водой и у Грегора под рубашкой.

Он ел безвкусные продукты с шерстью, а на десерт — неизменный пирог с шерстью.

Ему мерещилось, будто он сам превращается в квила.

Но вот на горизонте появилось яркое пятнышко. На переднем экране засияла звезда Вермойн. Через день он прибудет на место, сдаст груз и тогда вернется в запыленную контору, к неоплаченным счетам и пасьянсу.

В тот вечер он откупорил бутылку вина, чтобы отпраздновать конец рейса. Вино смыло вкус шерсти во рту, и он улегся в постель с чувством легкого, приятного опьянения.

Однако заснуть он не мог. Температура неуклонно падала. Капли воды на стенах застывали в льдинки.

Придется включить отопление.

Дайте-ка сообразить. Если включить отопление, смаги съежатся. Разве только устранить тяготение. Но тогда сорок семь квилов объявят голодовку.

К черту квилов. В таком холоде невозможно управлять звездолетом.

Он вывел корабль из вращения и включил обогреватели. Целый час он ожидал, дрожа и постукивая ногами. Обогреватели бойко тянули энергию от двигателей, но тепла не давали.

Это было смехотворно. Он перевел их на предельную мощность.

Через час температура упала ниже нуля. Хотя Вермойн был виден, Грегор сомневался, доведется ли ему посадить корабль.

Не успел он развести на полу кабины костер, взяв для растопки самые легко воспламеняющиеся предметы на корабле, как вдруг ожила рация.

— Я вот что думаю, — сказал Арнольд. — Надеюсь, ты не слишком резко менял тяготение и давление?

— Какая разница? — рассеянно спросил Грегор.

— Это может дестабилизировать фиргелей. Резкие перепады температуры и давления выводят их из спячки. Ты бы лучше посмотрел.

Грегор засуетился. Он открыл дверь, ведущую в отсек фиргелей, заглянул внутрь и содрогнулся.

Из отсека вырвался поток ледяного воздуха. Фиргели, разумеется, бодрствовали. Они каркали. Огромные ящерицы порхали по отсеку, покрытые изморозью. Грегор захлопнул дверь и поспешил к рации.

— Понятно, покрытые изморозью, — сказал Арнольд. — Фиргели едут на Вермойн I. Жаркое местечко Вермойн I — очень близко к Солнцу. Фиргели консервируют холод. Это самые лучшие во Вселенной портативные установки для кондиционирования воздуха.

— А почему ты не сказал мне этого раньше? — ехидно спросил Грегор.

— Тебя бы это расстроило.

— А куда смагов?

— На Вермойн II. Маленькая планетка, тяготение невелико.

— А квилов?

— Ясное дело, на Вермойн III.

— Идиот! — заорал Грегор. — Ты поручаешь мне такой груз и ждешь, что я стану им жонглировать? — Если бы в этот миг Арнольд находился на корабле, Грегор придушил бы его. — Арнольд, — проговорил он очень медленно, — довольно идей, довольно планов. Ты обещаешь?

— Да ладно, — примирительным тоном сказал Арнольд. — Не из-за чего так брюзжать.

Грегор дал отбой и принялся за работу, пытаясь согреть корабль. Ему удалось поднять температуру до двадцати семи градусов по Фаренгейту, а потом перегруженные обогреватели окончательно вышли из строя.

К этому времени планета Вермойн II была совсем рядом.

Грегор отшвырнул кусок дерева, который собирался сжечь, и взялся за пленку. Он перфорировал на пленке курс к главному пакгаузу, обращающемуся по орбите вокруг Вермойна II, как вдруг услышал зловещий скрежет. В то же время стрелки десятка дисков и циферблатов остановились на нуле.

Он устало поплыл в машинный зал. Главный привод не работал, и не требовалось специального технического образования, чтобы понять почему.

В застойном воздухе машинного зала парила квилья шерсть. Она набилась в подшипники, в систему смазки, заклинила охлаждающие вентиляторы.

Для отполированных деталей двигателя металлическая шерсть оказалась сильнодействующим истирающим материалом. Удивительно, как еще привод продержался столько времени.

Грегор вернулся в кабину управления. Невозможно посадить корабль без главного привода. Придется чинить его в космосе, проедать прибыли. К счастью, звездолет приводится в движение соплами боковых реактивных двигателей. Ими еще можно маневрировать.

Вероятность успеха — один к одному, но еще не поздно установить контакт с искусственным спутником, который служит пакгаузом Вермойна.

— Говорит «Асс», — объявил Грегор, выведя корабль на орбиту вокруг спутника. — Прошу разрешения на посадку.

Послышался треск статического разряда.

— Это корабль службы «Асс», направляется на Вермойн II с центрального пакгауза «Тригейла», — уточнил Грегор. — Бумаги в порядке.

Он повторил традиционный формальный запрос о разрешении на посадку и откинулся на спинку кресла.

Борьба была нелегкой, но все животные прибыли живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми и так далее, и тому подобное. Служба «Асс» заработала кругленькую сумму. Но сейчас Грегор мечтал лишь об одном: выбраться из корабля и влезть в горячую ванну. И всю оставшуюся жизнь держаться подальше от квилов, смагов и фиргелей. Он хотел...

— В разрешении на посадку отказано.

— Что-о?

— Очень жаль, но в настоящее время свободных мест нет. Если хотите, оставайтесь на орбите, мы постараемся принять вас месяца через три.

— Погодите! — взвыл Грегор. — Нельзя же так! У меня на исходе продукты, главный привод сгорел, и я не могу больше терпеть этих животных!

— Очень жаль.

— Вы не имеете права прогнать меня, — хрипло сказал Грегор. — Это общественный пакгауз. Вам придется...

— Общественный? Извините, сэр. Этот пакгауз принадлежит концерну «Тригейл».

Рация умолкла. Несколько минут Грегор не сводил с нее глаз.

«Тригейл»!

Вот почему они не придирались к нему в своем центральном пакгаузе. Гораздо остроумнее отказать ему в посадке в пакгаузе Вермойна.

Самое обидное то, что они, вероятно, вправе так поступать.

Он не может приземлиться на планете.

Посадка звездолета без главного двигателя равносильна самоубийству.

А в Солнечной системе Вермойна нет другого космического пакгауза.

Что ж, он доставил животных почти к самому пакгаузу. Мистер Венс, без сомнения, все поймет и оценит его добрые намерения.

Он связался с Венсом, находящимся на Вермойне II, и объяснил ему обстановку.

— Вы не в пакгаузе? — переспросил Венс.

— Всего лишь в пятидесяти милях от пакгауза.

— Нет, так не пойдет. Разумеется, я приму животных. Они мои. Но есть пункты, предусматривающие неустойку в случае неполноценной доставки.

— Но ведь вы не примените их, правда? — взмолился Грегор. — Мои намерения...

— Они меня не интересуют, — прервал его Венс. — Меня интересует предел прибыли и все такое. Нам, колонистам, всякая кроха годится.

И он дал отбой.

Обливаясь потом, хотя в помещении было холодно, Грегор вызвал Арнольда и сообщил ему новости.

— Это неэтично! — объявил Арнольд в неистовстве.

— Но законно.

— Я знаю, черт побери. Мне надо подумать.

— Придумай что-нибудь толковое, — сказал Грегор.

— Я свяжусь с тобой позднее.

После разговора Грегор несколько часов подряд кормил животных, вычесывал квилью шерсть из своих волос и жег мебель на палубе корабля. Когда зажужжала рация, он суеверно скрестил пальцы, прежде чем ответить.

— Арнольд?

— Нет, это Венс.

— Послушайте, мистер Венс, — сказал Грегор. — Если бы нам дали хоть маленькую отсрочку, мы могли бы покончить дело полюбовно. Я уверен...

— Э, вам удалось-таки меня объегорить, — огрызнулся Венс. — К тому же на совершенно законном основании. Я навел справки. Хитро сработано, сэр, весьма хитро. Я высылаю буксир за животными.

— Но пункт о неустойке...

— Естественно, не могу его применить.

Грегор уставился на рацию. Хитро сработано? Что придумал Арнольд?

Он радировал Арнольду в контору.

— Говорит секретарь мистера Арнольда, — ответил ему юный девичий голосок. — Мистера Арнольда сегодня уже не будет.

— Не будет? Секретарь? Мне нужен Арнольд из «Асса». Я попал к другому Арнольду, не правда ли?

— Нет, сэр, это контора мистера Арнольда, из Международной очистительной службы «Асс». Вы хотите сделать заказ? У нас первоклассный пакгауз в системе Вермойна, на орбите вблизи Вермойна II. Мы транспортируем животных с планет малого, среднего и большого тяготения. Мистер Грегор лично руководит работами. Я полагаю, что вы найдете наши цены умеренными.

Так вот до чего додумался Арнольд — превратить корабль в пакгауз! По крайней мере на бумаге. А ведь контракт действительно предоставил им право соорудить пакгауз по своему усмотрению. Умно!

Но этот паршивец Арнольд не соображает, что от добра добра не ищут. Теперь он хочет заняться пакгаузным делом!

— Что вы сказали, сэр?

— Я сказал, что говорит пакгауз. Примите радиограмму для мистера Арнольда.

— Слушаю, сэр.

— Передайте мистеру Арнольду, чтобы он аннулировал все заказы, — угрюмо произнес Грегор. — Его пакгауз возвращается домой что есть духу.

ПРИЗРАК V

Грегор припал к дверному глазку.

— Читает вывеску, — оповестил он.

— Дай-ка гляну, — не выдержал Арнольд.

Грегор оттолкнул своего компаньона.

— Сейчас постучит... Нет, передумал. Уходит.

Арнольд вернулся к письменному столу и очередному пасьянсу. Вытянутая сухощавая физиономия Грегора стойко маячила у дверного глазка.

Глазок компаньоны врезали сами, со скуки, месяца три спустя после того, как на паях основали фирму и сняли помещение под контору. С тех пор Межпланетной очистительной службе «Асс» не перепало ни единого заказа, даром что в телефонном справочнике фирма значилась первой по счету. Глобальное оздоровление природной среды — давний, почтенный промысел — успели полностью монополизировать две крупные корпорации. Это обстоятельство сковывало руки маленькой новой фирме, возглавляемой двумя молодыми людьми — обладателями искрометных идей и (в избытке) неоплаченного лабораторного оборудования.

— Возвращается, — зашипел Грегор. — Ну же, прикинься, будто ты важная птица и дел у тебя невпроворот.

Арнольд смел карты в ящик стола и только успел застегнуть последнюю пуговицу белого лабораторного халата, как в дверь постучали. Посетителем оказался лысый коротышка, не примечательный ничем, кроме изнуренного вида. Он с сомнением разглядывал компаньонов.

— Природную среду на планетах оздоровляете?

— Оздоровляем, сэр. — Грегор отложил в сторону кипу бумаг и пожал влажную руку посетителя. — Я Ричард Грегор. А вот мой компаньон, доктор Фрэнк Арнольд.

Впечатляюще выглядевший в белом халате и темных очках в роговой оправе, Арнольд рассеянно кивнул и тут же принялся вновь разглядывать на просвет старые пробирки, где давным-давно выпал осадок.

— Прошу, садитесь, мистер... э-э...

— Фернгром.

— Мистер Фернгром. Надеюсь, мы в силах справиться с любым вашим поручением, — радушно сказал Грегор. — Мы осуществляем контроль флоры и фауны, очищаем атмосферу, доводим питьевую воду до кондиции, стерилизуем почву, проводим испытания на стабильность, регулируем вулканическую деятельность и землетрясения — словом, принимаем все меры, чтобы планета стала пригодна для жилья.

Фернгром по-прежнему пребывал в сомнении.

— Буду говорить начистоту. У меня на руках застряла сложная планета.

— К сложностям нам не привыкать, — самоуверенно кивнул Грегор.

— Я агент по продаже недвижимости, — пояснил Фернгром. — Знаете, там купишь планету, тут ее перепродашь — глядишь, все довольны, и каждому что-нибудь да перепало. Вообще-то я занимаюсь бросовыми планетами, тамошнюю среду пускай оздоровляют сами покупатели. Но несколько месяцев назад мне по случаю подвернулась планетка высшего сорта — прямо-таки выхватил из-под носа у крупных воротил. — Фернгром горестно отер пот со лба. — Прекрасное местечко, — продолжал он уже без всякого энтузиазма. — Среднегодовая температура плюс двадцать пять градусов. Планета гористая, но с плодородной почвой. Водопады, радуги, все честь честью. Причем никакого тебе животного мира.

— Идеально, — одобрил Грегор. — А микроорганизмы есть?

— Неопасные.

— Так чем же вам не угодила планета?

Фернгром замялся.

— Да вы о ней, наверное, слышали. В официальном каталоге она значится под индексом ПКХ V. Но все называют ее просто Призрак V.

Грегор приподнял бровь. «Призрак» — странное название для планеты, но доводилось слышать и похлеще. В конце концов, надо же как-то именовать новые миры. Ведь в пределах досягаемости звездолетов кишмя кишат светила в сопровождении бессчетных планет, причем многие заселены или пригодны к заселению. И масса людей из цивилизованного сектора космоса стремится колонизировать такие миры. Религиозные секты, политические меньшинства, философские общины и, наконец, просто пионеры космоса рвутся начать новую жизнь.

— Не припомню, — признался Грегор.

Фернгром конфузливо заерзал на стуле.

— Мне бы послушаться жены. Так нет же — полез в большой бизнес. Уплатил за Призрак вдесятеро против обычных своих цен, а он возьми да и застрянь мертвым капиталом.

— Да что с ним неладно? — не выдержал Грегор.

— Похоже, там водится нечистая сила! — набравшись духу, выпалил Фернгром.

Оказывается, наспех проведя радиолокационное обследование планеты, Фернгром незамедлительно сдал ее в аренду фермерскому объединению с Дижона VI. На Призраке высадился передовой отряд квартирьеров в составе восьмерых мужчин;

суток не прошло, как оттуда начали поступать бредовые радиодепеши о демонах, вампирах, вурдалаках и прочей враждебной людям нечисти.

К тому времени, как за злополучной восьмеркой прибыл звездолет, в живых не осталось ни одного квартирьера. Протокол судебно-медицинского вскрытия констатировал, что рваные раны, порезы и кровоподтеки на трупах могли быть причинены кем угодно, даже демонами, вампирами, вурдалаками и динозаврами, буде таковые существуют в природе.

За недобросовестное оздоровление природной среды Фернгрома арестовали. Фермеры расторгли с ним договор на аренду. Но Фернгром изловчился сдать планету солнцепоклонникам с Опала II.

Солнцепоклонники проявили осмотрительность. Отправили необходимое снаряжение, но сопровождать его поручили лишь троим, которые заодно должны были разведать обстановку. Эти трое разбили лагерь, распаковали вещички и провозгласили Призрак V сущим раем. Они радировали на родную планету: «Вылетайте скорее», — как вдруг раздался истошный вопль, и рация умолкла.

На Призрак V вылетел патрульный корабль; его экипаж захоронил три изувеченных трупа и ровно через пять минут покинул планету.

— Это меня доконало, — сознался Фернгром. — Теперь с Призраком никто ни за какие деньги не хочет связываться. А я до сих пор не знаю, в чем беда. — Он глубоко вздохнул и посмотрел на Грегора. — Вам и карты в руки, если возьметесь.

Извинившись, Грегор и Арнольд вышли в переднюю.

Арнольд торжествующе гикнул:

— Есть работенка!

— М-да, — процедил Грегор, — зато какая!

— Мы ведь и хотели поопаснее, — сказал Арнольд. — Расщелкаем этот орешек, и все: считай, закрепились на исходных рубежах, не говоря уж о том, что нам положен процент от прибыли.

— Ты, видно, забываешь, — возразил Грегор, — что на планету-то отправлюсь я. А у тебя всего и забот — сидеть дома да осмысливать готовенькую информацию.

— Мы ведь так и договорились, — напомнил Арнольд. — Я ведаю научно-исследовательской стороной предприятия, а ты расхлебываешь неприятности. Забыл?

Грегор ничего не забыл. Так повелось с самого детства: он лезет в пекло, а Арнольд сидит дома и объясняет, почему и впредь надо лезть в пекло.

— Не нравится мне это, — сказал он.

— Ты что, веришь в привидения?

— Конечно, нет.

— А со всем остальным мы справимся. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Грегор пожал плечами. Компаньоны вернулись к Фернгрому.

В полчаса сформулировали условия: добрая доля в прибылях от эксплуатации планеты — на случай успеха; пункт о неустойке — на случай неудачи.

Грегор проводил Фернгрома до двери.

— А кстати, сэр, почему вы обратились именно к нам? — спросил он.

— Больше никто не брался, — ответил Фернгром, чрезвычайно довольный собой.

— Всего наилучшего.

...Спустя три дня Грегор на грузовом звездолете-развалюхе уже направлялся к Призраку V. В пути он коротал время за чтением докладов о двух попытках колонизации странной планеты и изучением самых разных свидетельств о сверхъестественных явлениях.

Легче от этого не становилось. На Призраке V не было обнаружено никаких следов животной жизни. А доказательств существования сверхъестественных тварей вообще не найдено во всей Галактике.

Все это Грегор хорошенько обдумал, а затем, покуда корабль совершал витки вокруг Призрака V, проверил свое оружие. Он захватил с собой целый арсенал, достаточный, чтобы развязать форменную войну и победить в ней.

Если только будет в кого палить.

Грузовое судно зависло в нескольких тысячах футов над манящей зеленой поверхностью планеты, причем сократить расстояние хотя бы на йоту капитан отказался наотрез. На парашютах Грегор сбросил свой багаж туда, где были разбиты два предыдущих лагеря, после чего пожал руку капитану и спрыгнул с парашютом сам.

Совершив «приземление», он поглядел вверх. Грузовое судно улепетывало в космос с такой быстротой, словно за ним по пятам гнались все фурии ада.

Грегор остался на Призраке один-одинешенек.

Проверив, как перенесло спуск оборудование, он дал Арнольду радиограмму о благополучном прибытии. Потом, с бластером на изготовку, обошел лагерь солнцепоклонников.

Те собирались обосноваться у подножия горы, возле кристально чистого озерца. Лучших сборных домиков нельзя было и желать. Их не коснулась непогода — Призрак V отличался бла-

гословенно ровным климатом. Однако выглядели домики на редкость сиротливо.

Один из них Грегор обследовал с особой тщательностью. По ящикам комодов было аккуратно разложено белье, на стенах висели картины, одно окно было даже задернуто шторой. В углу комнаты приткнулся раскрытый сундук с игрушками, припасенными для детишек: те должны были прибыть с основной партией переселенцев.

На полу валялись водяной пистолет, волчок и пакет со стеклянными шариками.

Близился вечер, Грегор перетащил в облюбованный домик все свое снаряжение и занялся подготовкой к ночлегу. Задействовал систему охраны — даже таракан не мог проскочить сквозь экран, не вызвав сигнала тревоги. Включил радарную установку для охраны подступов к домику. Распаковав арсенал, уложил под рукой крупнокалиберные пистолеты, а бластер прицепил к поясу. Только тогда, успокоенный, Грегор не торопясь поужинал.

Между тем вечер сменился ночью. Теплую сонную местность окутала тьма. Легкий ветерок рябил поверхность озерца и шелестел в высокой траве.

Как нельзя более мирное зрелище.

Грегор пришел к выводу, что переселенцы были истериками. Скорее всего, они сами, впав в беспричинную панику, перебили друг друга.

Последний раз проверив систему охраны, Грегор швырнул одежду на стул, погасил свет и забрался в постель. В комнату заглядывали звезды, здесь они светили ярче, чем над Землей Луна. Под подушкой лежал бластер. Все в мире было прекрасно.

Только Грегор задремал, как почувствовал, что в комнате не один.

Немыслимо. Ведь сигнализация охранной системы не срабатывала. Да и радиолокатор гудит по-прежнему мирно.

И все же каждый нерв в теле до предела натянут...

Грегор выхватил бластер и огляделся по сторонам.

В углу комнаты был кто-то чужой.

Ломать голову над тем, как он сюда попал, было некогда. Грегор направил бластер на незнакомца и тихим решительным голосом произнес:

— Так, а теперь — руки вверх.

Незнакомец не шелохнулся.

Палец Грегора напрягся на спуске, но тут же расслабился. Грегор узнал незнакомца: это же его собственная одежда, брошенная на стул, искаженная звездным светом и его, Грегора, воображением.

Он оскалил зубы в усмешке и опустил бластер. Груда одежды чуть приметно зашевелилась. Ощущая легкое дуновение ветерка от окна, Грегор не переставал ухмыляться.

Но вот груда одежды поднялась со стула, потянулась и целеустремленно зашагала к Грегору.

Оцепенев, он смотрел, как надвигается на него бестелесная одежда. Когда она достигла середины комнаты и к Грегору потянулись пустые рукава, он принялся палить.

И все палил и палил, ибо лоскуты и лохмотья тоже норовили вцепиться в него, будто обрели самостоятельную жизнь. Тлеющие клочки ткани пытались облепить лицо, ремень норовил обвиться вокруг ног, пришлось все испепелить; только тогда атака прекратилась.

Когда сражение окончилось, Грегор зажег все до единого светильники. Он сварил кофе и вылил в кофейник чуть ли не целую бутылку бренди. Каким-то образом он устоял против искушения — не разнес вдребезги бесполезную систему охраны. Зато связался по рации со своим компаньоном.

— Весьма занятно, — сказал Арнольд, после того как Грегор ввел его в курс событий. — Одушевление! Право же, в высшей степени занятно.

— Я вот и надеялся, вдруг это тебя позабавит, — с горечью откликнулся Грегор. После изрядной дозы бренди он чувствовал себя покинутым и обиженным.

— Больше ничего не случилось?

— Пока нет.

— Ну, береги себя. Появилась тут у меня одна идейка. Надо только сделать кое-какие расчеты. Между прочим, тут один сумасшедший букмекер принимает ставки против тебя — пять к одному.

— Быть того не может!

— Честное слово. Я поставил.

— За меня играл или против? — встрепенулся Грегор.

— Конечно, за тебя, — возмутился Арнольд. — Ведь мы, кажется, компаньоны?

Они дали отбой, и Грегор вскипятил второй кофейник. Спать ночью он все равно не собирался. Одно утешение — Арнольд все же поставил на него. Правда, Арнольд вечно ставит не на ту лошадку.

Уже при свете дня Грегор с грехом пополам на несколько часов забылся в беспокойном сне. Проснулся он вскоре после полудня, оделся с головы до ног во все новенькое и пошел осматривать лагерь солнцепоклонников.

К вечеру он кое-что обнаружил. На стене одного из сборных домиков было наспех нацарапано слово «Тгасклит». Т-г-а-с-к-л-и-т. Для Грегора слово это было лишь пустым сочетанием нелепых звуков, но он тотчас сообщил о нем Арнольду.

Затем внимательнейшим образом обшарил свой домик, включил все освещение, задействовал систему охраны и перезарядил бластер.

Казалось бы, все в порядке. Грегор с сожалением проводил глазами заходящее солнце, уповая на то, что доживет до восхода. Потом устроился в уютном кресле и решил поразмыслить.

Итак, животной жизни на планете нет, так же как нет ни ходячих растений, ни разумных минералов, ни исполинских мозгов, обитающих где-то в тверди Призрака V. Нет даже луны, где могло бы притаиться подобное существо.

А в привидения Грегор не верил. Он знал, что при кропотливом исследовании все сверхъестественные явления сводятся к событиям сугубо естественным. А уж если не сводятся, то сами собой прекращаются. Какой призрак решит топтаться на месте и, стало быть, лезть на глаза неверующему? Как только в замке появляется ученый с кинокамерой и магнитофоном, привидение удаляется на покой.

Значит, остается другой вариант. Предположим, кому-то приглянулась планета, но этот «кто-то» не расположен платить назначенную Фернгромом цену. Разве не может этот «кто-то» затаиться здесь, на облюбованной им планете, и, дабы сбить цену, запугивать и убивать переселенцев?

Получается логично. Можно даже объяснить поведение одежды. Статическое электричество...

Перед Грегором воздвиглась какая-то фигура. Как и вчера, система охраны не сработала.

Грегор медленно поднял взгляд. Некто стоявший перед ним достигал десяти футов в высоту и походил на человека, но только с крокодильей головой. Туловище у него имело малиновый окрас с поперечными вишневыми полосами. В лапе чудище сжимало здоровенную коричневую жестянку.

— Привет, — поздоровалось оно.

— Привет, — сказал Грегор, сглотнув слюну.

Бластер лежит на столе, всего в каких-нибудь двух футах. Интересно, перейдет ли чудище в нападение, если броситься за бластером?

— Как тебя звать? — спросил Грегор со спокойствием, возможным разве только в состоянии сильнейшего шока.

— Я — Хват Раковая Шейка, — представилось чудище. — Хватаю всякие вещи.

— Как интересно! — Рука Грегора поползла в сторону бластера.

— Хватаю вещи, именуемые «Ричард Грегор», — весело и бесхитростно продолжало чудище, — и поедаю обычно в шоколадном соусе.

Чудище протянуло Грегору жестянку, и тот прочел на этикетке: «Шоколад «Смита» — превосходный соус к Грегорам, Арнольдам и Флиннам».

Пальцы Грегора сомкнулись на бластере. Он уточнил:

— Так ты меня намерен съесть?

— Безусловно, — заверил Хват.

Но Грегор успел завладеть оружием. Он оттянул предохранитель и открыл огонь. Прошив грудь Хвата, заряд опалил пол, стены, а заодно и брови Грегора.

— Меня так просто не возьмешь, — пояснил Хват, — чересчур я высокий.

Бластер выпал из пальцев. Хват склонился над Грегором...

— Сегодня я тебя не съем, — предупредил он.

— Не съешь? — выдавил из себя Грегор.

— Нет. Съесть тебя я имею право только завтра, первого мая. Таковы условия. А сейчас я просто зашел попросить тебя об одной услуге.

— Какой именно?

Хват заискивающе улыбнулся:

— Будь умником, полакомься хотя бы пятком яблок, ладно? Яблоки придают такой дивный аромат мясу!

С этими словами полосатое чудище исчезло.

Дрожащими руками Грегор включил рацию и обо всем рассказал Арнольду.

— Гм, — откликнулся тот. — Хват Раковая Шейка, вон оно что! По-моему, это решающее доказательство. Все сходится.

— Да что сходится-то? Что здесь творится?

— Сначала сделай-ка все так, как я прошу. Мне самому надо толком убедиться.

Повинуясь инструкциям Арнольда, Грегор распаковал лабораторное оборудование, извлек всевозможные пробирки, реторты и реактивы. Он смешивал, сливал и переливал, как было велено, а под конец поставил смесь на огонь.

— Есть, — сказал он, вернувшись к рации, — а теперь объясни-ка, что здесь происходит.

— Пожалуйста. Отыскал я в словаре твой «тгасклит». В опалианском. Слово это означает «многозубый призрак». Солнцепоклонники-то родом с Опала. Тебе это ни о чем не говорит?

— Их поубивал отечественный призрак, — не без ехидства ответил Грегор. — Должно быть, прокатился зайцем в их же звездолете. Вероятно, над ним тяготело проклятие, и...

— Успокойся, — перебил Арнольд. — Призраки тут ни при чем. Раствор пока не закипел?

— Нет.

— Скажешь, когда закипит. Так вот, вернемся к ожившей одежде. Тебе она ничего не напоминает?

Грегор призадумался.

— Разве что о детстве... — проговорил он. — Да нет, это же курам на смех.

— Ну-ка, выкладывай, — настаивал Арнольд.

— Мальчишкой я избегал оставлять одежду на стуле. В темноте она вечно напоминала мне то чужого человека, то дракона, то еще какую-нибудь пакость. В детстве, наверное, каждый такое испытывал. Но ведь этим не объяснишь...

— Еще как объяснишь! Вспомнил теперь Хвата Раковую Шейку?

— Нет. А с чего бы я его теперь вспомнил?

— Да с того, что ты же его и выдумал! Помнишь? Нам было лет по восемь-девять — тебе, мне и Джимми Флинну. Мы выдумали самое жуткое чудище, какое только могли представить; чудище было наше персональное, желало слопать только тебя, меня или Джимми, и непременно под шоколадным соусом. Однако право на это оно имело исключительно по первым числам каждого месяца, когда мы приносили домой школьные отметки. Избавиться от этого чудища можно было только одним способом: произнеся волшебное слово.

Тут Грегор действительно вспомнил и удивился, как бесследно все улетучивается из памяти. Сколько ночей напролет не смыкал он глаз в ожидании Хвата! По сравнению с тогдашними ночными страхами плохие отметки казались сущей чепухой.

— Кипит раствор? — спросил Арнольд.

— Да, — послушно бросив взгляд на реторту, сказал Грегор.

— Какого он цвета?

— Зеленовато-синего. Собственно, скорее в синеву, чем...

— Все правильно. Можешь выливать. Нужно будет поставить еще кое-какие опыты, но в общем-то орешек мы раскусили.

— То есть как раскусили? Может, все-таки объяснишь толком?

— Да это же проще простого. Животная жизнь на планете отсутствует. Отсутствуют и привидения — по крайней мере настолько могущественные, что способны перебить отряд вооруженных мужчин. Сама собою напрашивается мысль о галлюцинациях, вот я и стал выяснять, что же могло их вызвать. Оказывается, многое. Помимо земных наркотиков, в «Каталоге инопланетных редкоземельных элементов» перечислено свыше десятка галлюциногенных газов. Есть там и депрессанты, и стимуляторы; едва вдохнешь — сразу вообразишь себя гением, червем или орлом. А этот, судя по твоему описанию, соответствует газу, который в каталоге фигурирует как лонгстед-42. Тяжелый, прозрачный газ без запаха, физиологически безвреден. Стимулирует воображение.

— Значит, по-твоему, я жертва галлюцинаций? Да уверяю тебя...

— Не все так просто, — прервал его Арнольд. — Лонгстед-42 воздействует непосредственно на подсознание. Он растормаживает самые острые подсознательные страхи, оживляет все то, чего ты в детстве панически боялся и что с тех пор в себе подавлял. Одушевляет страхи. Вот это ты и видел.

— А на самом деле там ничего и нет? — переспросил Грегор.

— Никаких физических тел. Но галлюцинации достаточно реальны для того, кто их ощущает.

Грегор потянулся за непочатой бутылкой бренди. Такую новость следовало обмыть.

— Оздоровить Призрак V нетрудно, — уверенно продолжал Арнольд. — Без особых хлопот переведем лонгстед-42 в связанное состояние. А там — богатство!

Грегор предложил было тост, как вдруг его пронизала холодящая душу мысль.

— Если это всего лишь галлюцинация, то что же случилось с переселенцами?

Арнольд ненадолго умолк.

— Допустим, — сказал он наконец, — у лонгстеда есть тенденция стимулировать мортидо — волю к смерти. Переселенцы, скорее всего, посходили с ума. Поубивали друг друга.

— И никто не уцелел?

— Конечно, а что тебя удивляет? Последние из выживших покончили с собой или же скончались от увечий. Да ты о том меньше всего тревожься. Я без промедления фрахтую корабль и вылетаю для проведения опытов. Успокойся. Через денек-другой вывезу тебя оттуда.

Грегор дал отбой. На ночь он позволил себе допить бутылку бренди. Разве ему не причитается? Тайна Призрака V раскрыта, компаньонов ждет богатство. Скоро и Грегор в состоянии будет нанимать людей — пускай высаживаются на неведомых планетах, а уж он берется инструктировать их по радио.

Назавтра он проснулся поздно, с тяжелой головой. Корабль Арнольда еще не прибыл; Грегор упаковал оборудование и уселся в ожидании. К вечеру корабля все не было. Грегор посидел

на пороге, полюбовался закатом, потом вошел в домик и приготовил себе ужин.

На душе все же было тяжело из-за неразгаданной тайны переселенцев, но Грегор решил попусту не волноваться. Наверняка отыщется убедительное объяснение.

После ужина он прилег на койку и только смежил веки, как услышал деликатное покашливание.

— Привет, — поздоровался Хват Раковая Шейка.

Персональная, глубоко интимная галлюцинация вернулась с гастрономическими намерениями.

— Привет, дружище, — радостно откликнулся Грегор, не испытав даже тени страха или тревоги.

— Яблочками-то подкормился?

— Ох, извини. Упустил из виду.

— Ну, не беда. — Хват старательно скрывал свое разочарование. — Я прихватил шоколадный соус. — Он поболтал жестянку.

Грегор расплылся в улыбке.

— Иди гуляй, — сказал он. — Я ведь знаю, ты всего-навсего плод моего воображения. Причинить мне вред ты бессилен.

— Да я не собираюсь причинять тебе вред, — утешил Хват. — Я тебя просто-напросто съем.

Он приблизился. Грегор сохранял на лице улыбку и не двигался, хотя Хват на этот раз выглядел уж слишком плотоядно. Хват склонился над койкой и для начала куснул Грегора за руку.

Вскочив с койки, Грегор осмотрел якобы укушенную руку. На руке остались следы зубов. Из ранки сочилась кровь... взаправдашняя... его, Грегора, кровь.

Кусал же кто-то колонистов, терзал их, рвал в клочья и потрошил.

Тут же Грегору вспомнился виденный однажды сеанс гипноза. Гипнотизер внушил испытуемому, что прижжет ему руку горящей сигаретой, а прикоснулся кончиком карандаша.

За считаные секунды на руке у испытуемого зловещим багровым пятном вздулся волдырь: испытуемый уверовал, будто пострадал от ожога. Если твое подсознание считает тебя мертвым, значит, ты покойник. Если оно страдает от укуса — укусы налицо.

Грегор в Хвата не верит.

Зато верит его подсознание.

Грегор шмыгнул было к двери. Хват преградил ему дорогу. Стиснул в мощных лапах и приник к шее.

Волшебное слово! Но какое же?

— Альфойсто! — выкрикнул Грегор.

— Не то слово, — сказал Хват. — Пожалуйста, не дергайся.

— Регнастикио!

— Нетушки. Перестань лягаться, и все пройдет, не будет боль...

— Вуоршпельхапилио!

Хват истошно заорал от боли и выпустил жертву. Высоко подпрыгнув, он растворился в воздухе.

Грегор бессильно плюхнулся на ближайший стул. Чудом спасся. Ведь на волосок был от гибели! Ну и дурацкая же смерть выпала бы ему на долю! Это надо же — чтобы тебя прикончило собственное воображение! Хорошо еще, слово вспомнил. Теперь лишь бы Арнольд поторапливался...

Послышался сдавленный ехидный смешок.

Он исходил из мглы полуотворенного стенного шкафа и пробудил почти забытое воспоминание. Грегору девять лет, и Тенепопятам — его личный Тенепопятам, тварь тощая, мерзкая, диковинная — прячется в дверных проемах, ночует под кроватью, нападает только в темноте.

— Погаси свет, — распорядился Тенепопятам.

— И не подумаю, — заявил Грегор, выхватив бластер.

Пока горит свет, Тенепопятам не опасен.

— Добром прошу, погаси, не то хуже будет!

— Нет!

— Ах так? Иген, Миген, Диген!

В комнату прошмыгнули три тварюшки. Они стремительно накинулись на электролампочки и принялись с жадностью грызть стекло.

В комнате заметно потемнело.

Грегор стал палить по тварюшкам. Но они были так проворны, что увертывались, а лампочки разлетались вдребезги.

Тут только Грегор понял, что натворил. Не могли ведь тварюшки погасить свет! Неодушевленные предметы воображению неподвластны. Грегор вообразил, будто в комнате темнеет, и...

Собственноручно перебил все лампочки! Подвело собственное разрушительное подсознание.

Тут-то Тенепопятам почуял волю. Перепрыгивая из тени в тень, он подбирался к Грегору.

Бластер не поможет. Грегор отчаянно пытался подобрать волшебное слово... и с ужасом вспомнил, что Тенепопятама волшебным словом не проймешь.

Грегор все пятился, а Тенепопятам все наступал, но вот путь к отступлению преградил сундук. Тенепопятам горой навис над Грегором, тот съежился, зажмурив глаза.

И тут рука его наткнулась на какой-то холодный предмет. Оказывается, Грегор прижался к сундуку с игрушками, а в руке сжимал теперь водяной пистолет.

Грегор поднял его. Тенепопятам отпрянул, опасливо косясь на оружие.

Грегор метнулся к крану и зарядил пистолет водой. Потом направил в чудище смертоносную струю.

Взвыв в предсмертной муке, Тенепопятам исчез.

С натянутой улыбкой Грегор сунул пистолет за пояс.

Против воображаемого чудища водяной пистолет — самое подходящее оружие.

Перед рассветом произвел посадку звездолет, откуда вылез Арнольд. Не теряя времени, он приступил к своим опытам. К полудню все было завершено, и элемент удалось четко идентифицировать как лонгстед-42. Арнольд с Грегором поспешно уложили вещички и стартовали с планеты.

Едва очутившись в открытом космосе, Грегор поделился с компаньоном недавними впечатлениями.

— Сурово, — тихонько, но сочувственно произнес Арнольд.

Теперь, благополучно распрощавшись с Призраком V, Грегор в состоянии был улыбнуться скромной улыбкой героя.

— Могло быть и хуже, — заявил он.

— Уж куда хуже?

— Представь, что туда затесался бы Джимми Флинн. Вот кто действительно умел выдумывать страшилищ. Ворчучело помнишь?

— Помню только, что из-за него по ночам меня преследовали кошмары, — ответил Арнольд.

Звездолет несся к Земле. Арнольд набрасывал заметки для будущей научной статьи «Инстинкт смерти на Призраке V: роль истерии, массовых галлюцинаций и стимуляции подсознательного в возникновении физиологических изменений». Затем он отправился в кабину управления — задать курс автопилоту.

Грегор рухнул на койку, преисполненный решимости наконец-то отоспаться. Только он задремал, как в каюту со смертельно бледным от страха лицом ворвался Арнольд.

— Мне кажется, в кабине управления кто-то есть, — пролепетал он.

Грегор сел на койке.

— Никого там не может быть. Мы ведь оторвались...

Из кабины управления донесся рык.

— Боже! — ахнул Арнольд. — Все ясно. После посадки я не стал задраивать воздушный шлюз. Мы по-прежнему дышим воздухом Призрака V.

А на пороге незапертой каюты возник серый исполин, чья шкура была испещрена красными крапинками. Исполин был наделен неисчислимым множеством рук, ног, щупалец, когтей и клыков, да еще двумя крылышками в придачу. Страшилище

медленно надвигалось, постанывая и бормоча что-то неодобрительное.

Оба признали в нем Ворчучело.

Грегор рванулся вперед и перед носом у страшилища захлопнул дверцу.

— Здесь нам ничто не грозит, — пропыхтел он. — Дверь герметизирована. Но как мы станем управлять звездолетом?

— А никак, — ответил Арнольд. — Доверимся автопилоту... пока не надумаем, как прогнать эту образину.

Однако сквозь дверь стал просачиваться легкий дымок.

— Это еще что? — воскликнул Арнольд почти в панике.

Грегор насупился.

— Неужто не помнишь? Ворчучело проникает в любое помещение. Против него запоры бессильны.

— Да я о нем позабыл начисто, — признался Арнольд. — Оно что, глотает людей?

— Нет. Насколько я помню, только изжевывает в кашицу.

Дымок сгущался, принимая очертания исполинской серой фигуры Ворчучело. Друзья отступили в соседнюю камеру и заперли за собой следующую дверь. Нескольких секунд не прошло, как дым просочился и туда.

— Какая нелепость, — заметил Арнольд, кусая губы. — Дать себя затравить вымышленному чудовищу... Стой-ка! Водяной пистолет еще при тебе?

— Да, но...

— Давай сюда!

Арнольд поспешно зарядил пистолет водой из анкерка. Тем временем Ворчучело вновь успел материализоваться и тянулся к друзьям, недовольно постанывая. Арнольд окропил его струйкой воды.

Ворчучело по-прежнему наступал.

— Вспомни! — воскликнул Грегор. — Никто никогда не останавливал Ворчучело водяным пистолетом.

Отступили в следующую каюту и захлопнули за собой дверь. Теперь друзей отделял от леденящего космического вакуума только кубрик.

— Нельзя ли как-нибудь профильтровать воздух? — поинтересовался Грегор.

— Чужеродные примеси и так потихоньку уходят вместе с отработанным воздухом, но действие лонгстеда длится часов двадцать.

— А нет ли противоядия?

— Никакого.

Ворчучело снова материализовывался и проделывал это отнюдь не молча и уж совсем не любезно.

— Как же его изгнать? — волновался Арнольд. — Есть же какой-то способ! Волшебное слово? Или деревянный меч?

Теперь покачал головой Грегор.

— Я все-таки вспомнил, — ответил он скорбно.

— И чем же его можно пронять?

— Его не одолеешь ни водяным пистолетом, ни пугачом, ни рогаткой, ни хлопушкой, ни бенгальскими огнями, ни дымовой шашкой, — словом, детский арсенал исключен. Ворчучело абсолютно неистребим.

— Ох уж этот Флинн и его неугомонная фантазия! Так как же все-таки избавиться от Ворчучело?

— Я же говорю — никак. Он должен уйти по доброй воле.

А Ворчучело успел вырасти во весь свой гигантский рост. Грегор с Арнольдом шарахнулись в кубрик и захлопнули за собой последнюю дверь.

— Думай же, Грегор, — взмолился Арнольд. — Ни один мальчишка не станет выдумывать чудище, не предусмотрев от него хоть какой-то защиты!

— Ворчучело не прикончишь, — твердил свое Грегор.

Вновь начинало явственно вырисовываться серо-крапчатое чудище. Грегор перебирал в памяти все свои полночные страхи.

И тут (еще чуть-чуть — и стало бы поздно) все ожило в памяти...

Управляемый автопилотом корабль мчался к Земле. Ворчучело чувствовал себя на борту полновластным хозяином. Он вышагивал взад-вперед по пустынным коридорам, просачивался сквозь стальные переборки в каюты и грузовые отсеки, стенал, ворчал и ругался последними словами, не находя себе ни единой жертвы.

Звездолет достиг Солнечной системы и автоматически вышел на окололунную орбиту.

Грегор осторожно глянул в щелочку, готовый в случае необходимости мгновенно снова нырнуть в укрытие. Однако зловещего шарканья ног не было слышно, и ни под дверцей, ни сквозь переборки не просачивался оголодавший туман.

— Все спокойно, — крикнул он Арнольду. — Ворчучело как не бывало.

Друзья прибегли к самому верному средству против ночных страхов — забрались с головой под одеяла.

— Говорил же я, что водяной пистолет тут ни к чему, — сказал Грегор.

Арнольд одарил его кривой усмешкой и спрятал пистолет в карман.

— Все равно, оставлю на память. Если женюсь да если у меня родится сын, это ему будет первый подарок.

— Нет уж, своему я припасу кое-что получше, — возразил Грегор и с нежностью похлопал по одеялу. — Вот оно.

ДОЛОЙ ПАРАЗИТОВ!

Ричард Грегор и Фрэнк Арнольд сидели в конторе Межпланетной очистительной службы «Асс», каждый на свой лад скрашивая долгое и томительное ожидание клиентов. Высокий, худой и сентиментальный Грегор раскладывал СЛОЖНЫЙ пасьянс. Пухлый коротышка Арнольд, обладатель канареечно-желтых волос и голубых глаз, смотрел по маленькому телевизору старый фильм с Фредом Астером.

И тут — о чудо из чудес! — вошел клиент.

На сей раз им оказался сарканец — обитатель Саркана-2, чья голова напоминала голову ласки. Он был облачен в белый костюм, а в руке держал дорогой портфель.

— У меня есть планета, где требуется истребить паразитов, — с порога заявил сарканец.

— Вы пришли по адресу, — заверил его Арнольд. — Так кто же вам мешает?

— Мииги. Мы еще терпели их, пока они отсиживались по норам, но теперь они начали нападать на нашу саунику, и с этим необходимо что-то делать.

— А кто такие мииги? — осведомился Грегор.

— Маленькие, уродливые и почти безмозглые существа с длинными когтями и свалявшейся шерстью.

— А что такое сауника?

— Это овощ с зелеными листьями, напоминающий земную капусту. Сарканцы питаются исключительно сауникой.

— И теперь мииги поедают саунику?

— Нет, они ее не едят, а раздирают когтями и варварски уничтожают.

— Зачем?

— Разве поступки миигов вообще можно объяснить?

— Воистину, сэр, — рассмеялся Арнольд. — Вы совершенно правы. Что ж, сэр, думаю, мы сможем вам помочь. Есть только одна проблема.

Грегор встревоженно посмотрел на партнера.

— Вопрос в том, — продолжал Арнольд, — отыщется ли для вас просвет в нашем графике.

Он раскрыл книгу заказов, страницы которой были плотно

исписаны именами и датами, сочиненными Арнольдом как раз для такого случая.

— Вам повезло, — объявил он. — Как раз в эти выходные мы свободны. Осталось только договориться об оплате, и мы вылетаем к вам. Вот наш стандартный контракт, ознакомьтесь.

— Я привез свой контракт, — сказал сарканец, доставая документ из портфеля и протягивая его Арнольду. — Как видите, в него уже вписан весьма крупный гонорар.

— Конечно, вижу, — отозвался Арнольд, размашисто подписывая контракт.

Грегор взял документ и внимательно его прочитал.

— Тут значится, что штраф за невыполнение условий контракта вдвое превышает наш гонорар, — заметил он.

— Именно поэтому я и плачу вам так много, — пояснил сарканец. — Результат нам нужен немедленно, пока не кончился сезон сбора урожая.

Грегору это не понравилось, но партнер метнул в него мрачный взгляд, напоминающий о неоплаченных счетах и просроченных банковских займах, и он, помедлив, все же нацарапал свою подпись.

Четыре дня спустя их корабль вынырнул из подпространства неподалеку от красного карлика Саркана. Через несколько часов они сели на Саркане-2, планете сарканцев и паразитов-миигов.

В Угрюмии, крупнейшем городе на Саркане, встречать их было некому — все население уже перебралось на каникулы в курортный городок Малый Таз, потратив на это немалые деньги, несмотря на предоставляемые группам отдыхающих скидки, и там, сидя в разноцветных хижинах, дожидалось избавления планеты от паразитов.

Партнеры прогулялись по Угрюмии, но глинобитные здания не произвели на них впечатления. Лагерь они разбили за пределами города на краю засаженного сауникой поля, где своими глазами убедились в том, что сарканец волновался не зря — многие кочаны были сорваны, выдраны, рассечены, разодраны на куски и разбросаны по полю.

Работу партнеры решили начать с утра. Арнольд вычитал в справочнике, что миити весьма чувствительны к действию папаина — фермента, содержащегося в папайе. Если опрыскать миига раствором папаина с концентрацией всего двадцать частей на миллион, он впадает в кому, и спасти его может лишь немедленно наложенный холодный компресс. Неплохой способ, особенно если вспомнить, сколько в Галактике напридумано

куда менее приятных вариантов убийства. Партнеры привезли с собой такой запас консервированной, свежей, замороженной и сушеной папайи, что его хватило бы для уничтожения миигов на нескольких планетах.

Они поставили палатки, разожгли костер, уселись на складные стулья и стали любоваться, как красное солнце Саркана опускается в скульптурный фриз закатных облаков.

Едва они покончили с ужином из консервированных бобов с острым соусом, как рядом в кустах что-то зашуршало и оттуда осторожно вышел маленький зверек, очень похожий на кота, только с густым оранжево-коричневым мехом.

— Как думаешь, это случайно не миг? — спросил Грегор Арнольда.

— Конечно же, я миг, — подтвердил зверек. — А вы, господа, из Межпланетной очистительной службы «Асс»?

— Совершенно верно, — ответил Грегор.

— Отлично! Значит, вы прилетели, чтобы расправиться с сарканцами!

— Не совсем так, — возразил Арнольд.

— Вы хотите сказать, что не получили нашего письма? Ведь я же знал, что его нужно было отправить космической экспресс-почтой... Но тогда почему вы здесь?

— Гм, я немного смущен, — признался Грегор. — Мы не знали, что вы, миги, говорите по-английски.

— Не все, конечно. Но я, например, закончил Корнеллский университет.

— Послушайте, — сказал Грегор, — дело в том, что несколько дней назад к нам пришел сарканец и заплатил за то, чтобы мы очистили планету от паразитов.

— Паразитов? И кого же он здесь назвал паразитами?

— Вас, — сообщил Арнольд.

— Меня? Нас? Паразитами? Сарканец нас так назвал? Да, у нас есть кое-какие разногласия, но такое переходит всяческие границы! И он заплатил, чтобы вы нас убили? И вы взяли его деньги?

— Если честно, — пробормотал Арнольд, — то мы представляли себе миигов более... примитивными. Обыкновенными вредителями, если вы знаете, о ком идет речь.

— Какая нелепица! — воскликнул миг. — Это *они* паразиты и вредители! А *мы* — цивилизованные существа!

— А я в этом не совсем уверен, — заявил Грегор. — Зачем вы в таком случае портите кочаны сауники?

— На вашем месте я бы не стал невежественно судить о религиозных обрядах иноземцев.

— Что может быть религиозного в потрошении кочанов? — фыркнул Арнольд.

— Суть не в самом действии, — пояснил мииг, — а в неразрывно связанном с ним смысле. С тех пор как мииг Гх'тан, которого мы называем Великий Кошак, открыл, что простой акт раздирания кочана вызывает необыкновенное просветление сознания, мы, его последователи, ежегодно совершаем этот ритуал.

— Но ведь вы портите урожай сарканцев, — резонно заметил Грегор. — Почему бы вам не выращивать для ритуала свою саунику?

— Сарканцы, исповедуя свою дурацкую религию, не позволяют нам выращивать саунику. Разумеется, мы предпочли бы рвать свои кочаны. Кто на нашем месте пожелал бы иного?

— Сарканец про это ничего не говорил, — сказал Арнольд.

— Теперь дело представляется в ином свете, верно?

— Но не меняет того факта, что у нас с сарканцами заключен контракт.

— Контракт на убийство!

— Я понимаю ваши чувства и весьма вам симпатизирую, — сказал Арнольд. — Но, видите ли, если мы нарушим контракт, то наша фирма обанкротится. А это, знаете ли, тоже нечто вроде смерти.

— А если мы, мииги, предложим вам новый контракт?

— Но первыми его с нами заключили сарканцы, — возразил Грегор. — И ваш контракт не будет иметь юридической силы.

— Любой суд миигов признает его абсолютно законным, — сказал мииг. — В основу юриспруденции миигов положен тот принцип, что любой контракт с сарканцем никого ни к чему не обязывает.

— Нам с партнером необходимо подумать, — заявил Арнольд. — Мы оказались в весьма щекотливой ситуации.

— Я ценю ваш поступок и предоставляю вам возможность все обдумать, — сказал мииг. — Не забывайте, что сарканцы заслуживают смерти, и в случае согласия вы не только заработаете внушительную сумму, но и обретете вечную благодарность расы разумных и, как мне кажется, симпатичных котов.

— Давай лучше отсюда смотаемся, — предложил Грегор, едва мииг ушел. — Такой бизнес мне не по душе.

— Но мы не можем просто так взять и улететь, — возразил Арнольд. — Неисполнение контракта — штука серьезная. Так что придется нам уничтожить или одну расу, или другую.

— Только не я!

— Ты, кажется, не понимаешь, в какой опасной — юридически опасной — ситуации мы оказались, — начал втолковывать Арнольд. — Если мы не прихлопнем миигов, что обязались сделать по контракту, то любой суд нас по стенке размажет. Но если мы уничтожим сарканцев, то по крайней мере сможем прикинуться, будто попросту ошиблись.

— Тут возникают моральные сложности. А я их терпеть не могу.

— Сложности только начинаются, — произнес сзади чей-то голос.

Арнольд подскочил, словно уселся на оголенный провод под напряжением. Грегор напряженно застыл.

— Я здесь, — добавил тот же голос.

Партнеры обернулись, но не увидели никого — если не считать кочана сауники, одиноко торчащего возле их лагеря. Как ни странно, но этот кочан показался им разумнее большинства других, которые им довелось увидеть. Но разве он способен разговаривать?

— Вот именно, — подтвердил кочан. — Это я говорил. Телепатически, конечно, поскольку овощи — и я горжусь своей принадлежностью к ним — не имеют органа речи.

— Но овощи не могут общаться телепатически, — возразил Арнольд. — У них нет мозга или другого подходящего для телепатии органа. Извините, я не хотел вас обидеть.

— Нам не нужны никакие органы, — заявил кочан. — Разве вам не известно, что любая материя с достаточно высокой степенью организованности обладает разумом? А способность к общению есть неотъемлемое следствие разумности. Лишь высшие овощи вроде нас способны к телепатии. Разумность сауники изучали в вашем Гарвардском университете. Нам даже присвоен статус наблюдателей при совете Объединенных планет. При подобных обстоятельствах, как мне кажется, нам еще следует обсудить, кого именно на этой планете следует уничтожить.

— Верно, так будет по-честному, — согласился Грегор. — В конце концов, именно из-за вас грызутся мииги и сарканцы.

— Если точнее, то они сражаются за исключительное право рвать, калечить и унижать нас. Или я в чем-то преувеличиваю?

— Нет, суть сформулирована совершенно верно, — подтвердил Грегор. — Так от кого из них вы желаете избавиться?

— Как и следует ожидать, никто из них не пользуется моей симпатией. Обе расы — презренные паразиты. Я предлагаю совершенно иное решение.

— Этого я и опасался, — вздохнул Арнольд. — Так чего вы хотите?

— Нет ничего проще. Подпишите со мной контракт, пред-

усматривающий избавление моей планеты и от миигов, и от сарканцев.

— О нет! — простонал Грегор.

— В конце концов, мы самые древние обитатели планеты, потому что возникли вскоре после лишайников, задолго до появления животных. Мы — миролюбивые коренные жители, которым угрожают пришельцы-варвары. По-моему, ваша моральная обязанность совершенно ясна.

— Мораль, конечно, вещь прекрасная, — вздохнул Арнольд. — Но следует учитывать и прозу жизни.

— Я это прекрасно понимаю. Вы получите удовлетворение, сделав доброе дело, к тому же мы готовы подписать контракт и заплатить вам вдвое больше, чем предложили они.

— Знаете, — заметил Арнольд, — мне как-то с трудом верится, что у овоща может быть счет в банке.

— Разумное существо, какую бы форму оно ни имело, всегда способно заработать деньги. Действуя через нашу холдинговую компанию «Развлекательные модальности сауники», мы выпускаем книги и записи, а также составляем базы данных на всевозможные темы. Свои знания мы телепатически вкладываем в мозги авторов на Земле, а за работу платим им неплохие авторские. Особенно большую прибыль нам приносят материалы по сельскому хозяйству: только овощ может быть настоящим экспертом по садоводству. Полагаю, вы найдете состояние наших финансовых дел просто блестящим.

Кочан сауники откатился в дальний конец поля, чтобы дать партнерам возможность поговорить. Когда он удалился ярдов на пятьдесят — за пределы дальности телепатического общения, — Арнольд сказал:

— Не нравится мне эта капуста. Уж больно она умна, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Вот-вот. И у меня создалось впечатление, что сауника пытается что-то доказать, — согласился Грегор. — Да и тот мииг... тебе не показалось, что он в чем-то хитрит?

Арнольд кивнул:

— Да и сарканец, втянувший нас в эту историю... совершенно беспринципный тип.

— После такого краткого знакомства очень трудно решить, какую же из рас следует уничтожить. Жаль, что мы знаем о них так мало.

— Знаешь что? Давай уничтожим кого угодно и покончим с этим делом. Вот только кого?

— Бросим монетку. Тогда нас никто не упрекнет в предвзятости.

— Но нам нужно выбрать одно из трех.

— Давай тянуть соломинки. Что нам еще остается?

Едва он произнес эти слова, со стороны недалеких гор донесся чудовищный раскат грома. Лазурное небо зловеще потемнело. На горизонте вспухли мощные кучевые облака. Они быстро приближались. Под чашей небес раскатился грохочущий голос:

— Как мне все это обрыдло!

— О Господи, мы опять кого-то оскорбили! — ахнул Грегор.

— С кем мы разговариваем? — спросил Арнольд, задрав голову.

— Я голос планеты, которую вы называете Саркан.

— Никогда не слыхал, что планеты умеют говорить, — пробормотал Грегор, но существо — или кто бы то ни был — услышало его слова.

— Как правило, — пояснил голос, — мы, планеты, не утруждаем себя общением со всякими копошащимися на нашей поверхности козявками. Нам достаточно своих мыслей и взаимного общения. Время от времени бродячая комета приносит новости издалека, и этого нам вполне хватает. Мы стараемся не обращать внимания на всякую чушь, происходящую на поверхности, но иногда наше терпение лопается. Населяющие меня кровожадные сарканцы, миигн и сауники настолько охамели, что больше я их терпеть не собираюсь. Я намерена прибегнуть к решительным и давно назревшим действиям.

— И что вы собираетесь сделать? — спросил Арнольд.

— Затоплю всю сушу метров на десять, и тем самым избавлюсь от сарканцев, миигов и сауники. Да, при этом пострадают несколько ни в чем не повинных видов других существ, но такова жизнь, в конце концов. У вас есть час, чтобы убраться отсюда. Потом я не отвечаю за вашу безопасность.

Партнеры быстро упаковали вещи и перебрались на корабль.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Грегор перед стартом.

— Только не воображайте, будто вас я считаю лучше прочих. Насколько мне известно, вы такие же паразиты, как и мои обитатели. Но паразиты с другой планеты. И если узнают, что я вас прикончила, сюда заявятся другие существа вашего вида с атомными бомбами и лазерными пушками и уничтожат меня как бродячую планету. Так что уматывайте, пока я в хорошем настроении.

Несколько часов спустя, уже из космоса, Арнольд и Грегор своими глазами увидели, какая жуткая судьба постигла обитателей планеты. Когда все кончилось, Грегор взял курс на Землю.

— Полагаю, — сказал он Арнольду, — нашей фирме конец. Мы не выполнили условия контракта. Адвокаты сарканцев сотрут нас в порошок.

Арнольд, внимательно читавший контракт, посмотрел на Грегора:

— Нет. Как ни странно, но, по-моему, мы чисты как стеклышко. Прочти последний абзац.

Грегор прочитал и почесал макушку:

— Я понял, что ты имеешь в виду. И ты думаешь, что это удовлетворит судей?

— Конечно. Наводнения всегда считались стихийными бедствиями, божественной волей. И если мы промолчим, а планета не проболтается, то никто и не узнает, как все было на самом деле.

БЕЛИЧЬЕ КОЛЕСО

— Лучшие земли в Галактике — погублены, — горестно простонал клиент, верзила семи футов ростом с интенсивно-голубым цветом лица. Из отверстий, напоминающих смазочные, катились крупные слезы и падали на щеголеватую и, похоже, дорогую сорочку. В течение целых пятнадцати минут он невразумительно бормотал о постигшем его несчастье.

— Успокойтесь, сэр, — с участием промолвил Ричард Грегор, весь подобравшись на стуле. Он сидел за огромным старинным письменным столом из орехового дерева. — Астрологическое антиэнтропийное агентство по оздоровлению природной среды, сокращенно «ААА — ПОПС», с готовностью решит все ваши проблемы.

— Не объясните ли нам, сэр, характер ваших проблем, — в свою очередь учтиво справился Арнольд.

Клиента все еще переполняли эмоции. Наконец он осушил слезы огромным носовым платком и с надеждой посмотрел на компаньонов фирмы «ААА — ПОПС».

— Разорение! — вскричал он. — Вот что меня ждет. Мои лучшие поля...

— Мы понимаем вас, сэр, — ободрил его Грегор, — но объясните, почему вас ждет разорение?

— В Биттер-Лаге, на планете Сир, у меня есть ферма, — наконец, взяв себя в руки, начал рассказывать сирянин. — Я засеял зерновыми и другими культурами около восьмисот акров. И жду всходов в этом месяце. Но как только поля зазеленеют, проклятые крысы начисто сожрут всходы.

— Крысы? — удивился Арнольд.

— Да, так у нас называют этот вид грызунов семейства альфикс дрекс. — Слезы снова заставили беднягу полезть за платком. — В этом году настоящее крысиное нашествие. Мои поля кишат ими. Я перепробовал уже все средства, но эти твари плодятся быстрее, чем подыхают. Сняв урожай, я стану богатым и хорошо заплачу, если вы избавите меня от этой дряни, джентльмены.

— Думаю, мы сможем вам помочь, — заверил его Грегор. — Разумеется, предварительно необходимо познакомиться с обстановкой. Мы предпочитаем знать заранее, с чем придется иметь дело.

— То же самое я слышал и от других фирм. Но время не терпит, — с горечью промолвил сирянин. — Я вложил в землю весь свой капитал. Через пару недель появятся всходы, и все они тут же будут уничтожены крысами. Вы должны покончить с этой напастью до того, как зазеленеют поля, джентльмены.

Длинное худое лицо Грегора не выражало особой радости. Он был весьма консервативен в своих решениях и действиях, и ему не нравился такой подход. Из-за самоуверенности и бахвальства Арнольда их фирма почти всегда несла убытки, заключая практически невыполнимые контракты. Грегор противился этому как мог. Но, видимо, без риска не обойтись, если затеваешь такое дело, как антиэнтропийное агентство, и не имеешь ни гроша в кармане. Однако в последнее время им везло, образовалась даже кое-какая прибыль, и Грегору не хотелось рисковать. Вот почему подозрительный блеск в глазах компаньона настораживал его.

Сам клиент не вызывал у Грегора недоверия, но кто знает, как все это может обернуться. Вдруг на самом деле крысы окажутся семифутовыми детинами с бластерами в руках. У фирмы «ААА — ПОПС» уже бывали подобные непредвиденные сюрпризы.

— Вам раньше приходилось бороться с вредителями полей? — спросил он у сирянина.

— Конечно. Но то были случаи, не представляющие проблемы, например, летучие висюки, ползущие скегли или гниль обыкновенная. Это привычные заботы фермера.

— А почему сейчас с крысами возникли проблемы?

— Откуда мне знать, — сердито буркнул сирянин. — Говорите прямо, хотите заработать или нет?

— Конечно, хотим, — поспешил согласиться Арнольд. — Мы готовы начать хоть сейчас...

— Нам с партнером сначала надо посоветоваться, — решительно вмешался Грегор и вытащил Арнольда в коридор.

Коротышка и толстяк Арнольд, как всегда, был полон энтузиазма. Его, дипломированного химика, интересовало абсолютно все. Он был напичкан самой невероятной информацией, почерпнутой из десятков научных и технических журналов, которые выписывал не без ущерба для бюджета фирмы.

Добытая таким образом информация не приносила практической пользы. Мало кого интересовало, зачем аборигены планеты Денеб-Икс упорно ищут наилучший способ массового самоубийства или, например, почему в созвездии Дрея животный мир представлен только летающими видами.

Но если бы кому-нибудь захотелось узнать это, Арнольд охотно поделился бы информацией.

— Интересно, во что мы впутаемся на этот раз, — сказал Грегор другу. — Что это за семейство альфикс дрекс?

— Это вид грызунов, — тут же пояснил Арнольд. — Чуть поменьше наших земных крыс и не такие агрессивные. Они питаются растительной пищей, живут на полях, в траве и в мелколесье. Как вид ничего особенного из себя не представляют.

— Гм. А если их там десятки миллионов?

— Тем лучше. Я говорю вполне серьезно, если бы клиент попросил нас доставлять ему каждую пятидесятую из уничтоженных крыс, я бы не взялся за это дело. Ведь тогда бы нам грозило потратить весь остаток жизни на поиски последних пяти или шести зверюг. Но, как я понял, от нас требуется вернуть популяцию крыс к обычной, «доэпидемической» численности. А этого мы вполне можем добиться, если оговорим все условия в контракте.

Грегор понимающе кивнул. У его компаньона хотя и очень редко, но все же появлялась деловая хватка.

— А мы сумеем вовремя справиться с ними? — все же переспросил он.

— Без всякого сомнения. Имеется несколько способов борьбы с грызунами. Морганизация — один из них, и неплохой. Или, например, система Турнье. Нам понадобится не более нескольких дней, чтобы уничтожить этих грызунов.

— Ладно, — сказал Грегор, — в контракте надо уточнить, что мы будем заниматься только крысами семейства альфикс дрекс. Для полной ясности.

— Хорошо.

Они снова вернулись в контору. Незамедлительно был составлен договор, в котором фирма «ААА — ПОПС» бралась за месяц истребить как можно большее число крыс на ферме заказчика. За каждый сэкономленный день компаньонам полага-

лось дополнительное вознаграждение, а в случае задержки — штраф за каждый просроченный день.

— Пока вы будете этим заниматься, — сказал сирянин, — я отправлюсь в отпуск. Вы действительно считаете, что удастся спасти урожай?

— Не беспокойтесь, — заверил его Арнольд. — У нас есть оборудование для проведения морганизации и аппараты для обработки зараженных мест по системе Турнье. И тот и другой способы весьма эффективны.

— Я знаю, — ответил клиент, — я тоже пользовался ими. Но, возможно, я что-то не так делал. Всего вам хорошего и желаю удачи, джентльмены.

Грегор и Арнольд еще долго молча смотрели на закрывшуюся за клиентом дверь.

На следующий день, загрузив в корабль оборудование, кипы руководств, ядохимикаты, ловушки и прочую аппаратуру для уничтожения грызунов, друзья направились на планету Сир.

После четырех дней путешествия без каких-либо приключений они наконец увидели под собой зеленеющие поля планеты Сир и береговую линию Биттер-Лага. Справившись по карте, определили место посадки.

Берни-спирит, ферма их клиента, была действительно прекрасным уголком: аккуратно распаханные поля и сочные луга, вековые деревья с густыми кронами, величественно чернеющие на фоне вечернего неба. А небольшой, но, очевидно, глубокий пруд поражал своей синевой.

Однако признаки запустения и нашествия крыс сразу бросались в глаза. Лужайки пестрели пятнами голой земли, листья деревьев, росших вокруг дома, казались увядшими и неухоженными. Внутри дома на мебели и стенах — повсюду виднелись следы крысиных зубов, изгрызенными оказались даже массивные потолочные балки.

— Да, не повезло бедняге, — посочувствовал клиенту Арнольд.

— Это нам не повезло, — поправил его Грегор.

Обход дома сопровождался неумолкающим писком невидимых грызунов, попрятавшихся в щелях и норах. Когда Арнольд и Грегор приближались к дверям комнат, там сразу поднимался шум в панике разбегающихся тварей. Но друзьям так и не удалось увидеть ни одной крысы, паразиты успевали разбежаться до появления непрошеных гостей.

Наступил вечер, и уже не было смысла приступать к работе,

однако Арнольд и Грегор расставили все виды ловушек, чтобы проверить, какие из них наиболее удачны против этих грызунов. Затем друзья достали спальные мешки и приготовились ко сну.

Арнольд умел засыпать в любых условиях, но для Грегора ночь выдалась малоприятной: целые полчища крыс проявляли невиданную активность. Было слышно, как они бегают по полу, натыкаются на ножки столов и стульев, грызут двери, прогуливаются по стенам. А едва Грегор задремал, тройка самых наглых зверьков оказалась у него на груди. Смахнув их рукой и поплотнее завернувшись в спальный мешок, он все же смог на несколько часов отключиться.

Утром компаньоны произвели осмотр ловушек и убедились, что все они пусты.

Несколько часов ушло на выгрузку из корабля, сборку и установку громоздкого оборудования Моргана. Пока Арнольд заканчивал последнюю пригонку деталей, Грегор извлек аппараты Турнье и опоясал дом электропроводами. Наконец друзья уселись и стали ждать массового истребления грызунов.

Наступил полдень. Прямо над их головами висело горячее маленькое солнце планеты Сир. Оборудование Моргана гудело и ворчало, словно разговаривало само с собой. Над проводами аппаратов Турнье то и дело вспыхивали синие разряды.

А больше ничего интересного не происходило.

Медленно тянулись долгие часы ожидания, Арнольд успел прочитать все руководства по борьбе с грызунами. Грегор вытащил колоду потрепанных карт и мрачно раскладывал пасьянс. Оборудование работало и монотонно жужжало, как и было обещано в прилагаемой инструкции. А электроэнергии оно съедало столько, что хватило бы на освещение небольшого городка.

Однако в результате не появилось ни одного крысиного трупа.

К вечеру стало окончательно ясно, что этим крысам не страшны ни морганизация, ни турньеризация. Пришло время ужинать и решать, что делать дальше.

— Как им удается избежать опасности? — спросил озадаченный Грегор, сидя на стуле и держа в руках открытую банку саморазогревающихся мясных консервов.

— Мутация, — не задумываясь ответил Арнольд.

— Да, вполне возможно. Уникальный ум, адаптация... — Грегор механически жевал рубленое мясо. В кухне, где они сидели, слышалось беспрестанное царапанье коготков по полу, шорох тушек, трущихся о стены нор, но ни одной из крыс так и не удалось увидеть.

Арнольд снял упаковку с яблочного пирога.

— Произошла мутация, и притом потрясающе хитрая, черт побери! Нам надо во что бы то ни стало поймать хотя бы одну крысу, иначе не разобраться, с чем мы столкнулись.

Но поймать даже одну крысу оказалось ничуть не легче, чем уничтожить тысячу. Крысы не показывались, не попадались в крысоловку, обходили приманки, западни и одурманивающие наживки.

В полночь Арнольд решительно заявил:

— Это невероятно.

Грегор рассеянно кивнул. Он заканчивал установку нового типа ловушки — большого металлического ящика, зазывающе открытого с двух сторон: если сюда забредет какая-нибудь глупая крыса, то по сигналу от фотоэлемента дверцы молниеносно закроются.

— А теперь посмотрим, — закончив подготовку, удовлетворенно сказал Грегор. Оставив ящик на ночь в кухне, они перешли в гостиную.

В половине третьего ночи дверцы ящика громко захлопнулись.

Арнольд и Грегор поспешили в кухню. В ящике слышен был шум, отчаянное царапанье и писк. Грегор зажег свет и поставил ящик стоймя. Хотя он знал, что ни одна крыса не сможет подняться по скользкой, отшлифованной стенке, он все-таки начал открывать верхнюю дверцу медленно, с большой осторожностью, дюйм за дюймом.

Писк усилился.

Оба компаньона с интересом заглядывали внутрь ловушки, надеясь наконец увидеть крысу в полной форме побежденного врага с белым флагом в лапах. Но они не увидели ничего. Ящик был пуст.

— Она не могла убежать! — разочарованно воскликнул Арнольд.

— Или прогрызть металлический ящик... Эй! Слышишь?

В ящике продолжались возня и писк, казалось, что крыса скребет лапами стенку ящика, отчаянно пытаясь выбраться наружу.

Грегор сунул руку в ящик и осторожно провел пальцами по стенкам.

— Ой! — вскрикнул он и быстро выдернул руку.

На указательном пальце были видны два небольших следа от зубов.

Шум в ящике усилился.

— Кажется, мы поймали крысу-невидимку, — мрачно изрек Грегор.

...Клиент с планеты Сир отдыхал в Катакинни-кластер, в отеле Маджестик. Потребовалось два часа, чтобы связаться с ним по межпланетному телефону.

Свой разговор Грегор начал с крика:

— Вы ни словом не упомянули, что ваши крысы невидимки.

— Неужели? — удивился сирянин. — Это досадная оплошность с моей стороны. Ну и что дальше?

— А то, что вы нарушили контракт, — орал Грегор.

— Ничуть. Мой адвокат, который случайно тоже отдыхает в одном отеле со мной, утверждает, что невидимость животных подпадает под определение естественного свойства защиты, как, например, изменение окраски, и упоминать об этом в контракте как о чем-то исключительном не требуется; кстати, в юридической практике судьи не принимают во внимание состояние невидимости, даже если есть возможность доказать, что оно имеет место. Судьи называют такой феномен «относительной видимостью». В общем, это никак не может считаться нарушением контракта.

От подобной наглости Грегор лишился дара речи.

— Нам, бедным фермерам, приходится защищать себя, вы же знаете, — продолжал меж тем сирянин. — Но я верю в вашу способность справиться с порученной работой. До свидания.

— Он-то сообразил, как защитить себя, черт побери, — проворчал Арнольд, кладя трубку. — Если нам удастся уничтожить это невидимое полчище крыс, он окажется в большом выигрыше. А если нет, просто возместит расходы, оштрафовав нас за невыполнение контракта.

— Невидимки они или нет, — упорствовал Грегор, — но морганизация должна сделать свое дело.

— Однако ничего не получилось, — возразил Арнольд.

— Я знаю. А почему не получилось? Почему не сработали ловушки? Или система Турнье?

— Потому что это крысы-невидимки.

— Какое это имеет значение? Крысиный нюх у них остался, правильно? Они же обыкновенные крысы и сами сознают это. Думаешь, нет?

— Что ж, — промолвил Арнольд, — если их невидимость — следствие мутации, то их обоняние и другие чувства тоже могли претерпеть изменения.

Грегор сосредоточенно нахмурился.

— А изменение в их органах чувств потребует от нас соответствующих изменений в борьбе с ними. Нам прежде всего надо узнать, чем этот вид крысы отличается от других, нормальных грызунов.

— Кроме того, что он невидим глазу, — добавил Арнольд.

...Но как можно проверить органы чувств невидимой крысы? Грегор решил начать с построения некоего лабиринта из лучших экземпляров мебели в доме фермера. По замыслу стенки лабиринта должны были ярко освещаться, когда мимо пробегала крыса. Таким образом предполагалось отслеживать маршруты передвижения грызунов.

Арнольд же экспериментировал с красителями в поисках такого, который вернул бы крысам их видимость. Одно из красящих веществ оказалось настолько сильным, что на несколько мгновений вернуло крысе ее естественный облик. Словно по взмаху волшебной палочки, перед глазами возник экземпляр удивленно моргающего грызуна с подвижным чутким носом. Тварь с возмутительным равнодушием посмотрела на Арнольда и бесстрашно повернулась к нему хвостом. Затем уникально быстрый процесс обмена веществ поглотил краситель, и крыса снова исчезла из поля зрения.

Грегору все-таки удалось, погоняв по лабиринту, поймать десяток экземпляров крыс-невидимок, но те оказались крайне непослушными. Большинство из них не желали двигаться предложенным маршрутом, пренебрегали едой — только играли с нею, а попробовать решительно отказывались. Даже электрошок не действовал.

Однако в целом опыт дал кое-какие результаты. Он подтвердил полную непригодность для данного случая той аппаратуры, которую компаньоны привезли с собой.

Как и всякое громоздкое оборудование, системы Моргана и Турнье были рассчитаны на «нормальных» грызунов, которых можно завлечь в ловушку и истребить, руководствуясь их основными инстинктами: голодом и страхом. Только для таких животных и подходила эта аппаратура.

Все шло своим чередом, пока в популяции преобладал обычный вид грызунов. А как только животные стали меняться, потребовался и новый способ борьбы с ними. Крысы на этой ферме свыклись с тем, что они невидимки.

Отныне им не был присущ панический страх, ибо никто теперь их не преследовал. Исчезла необходимость спасаться бегством и набрасываться на пищу, они находили ее где угодно и когда угодно. Таким образом, всегда были сыты. Их больше не прельщал аппетитный запах, или предмет необычной формы, или новый звук.

С помощью систем Моргана и Турнье можно уничтожать лишь отдельных крыс, которые не успели или не смогли адаптироваться к новому состоянию невидимости, это лишь заставляло всех остальных адаптироваться быстрее в новых условиях.

Что же произошло с извечными врагами крыс, призванны-

ми сохранять естественный баланс в природе? Чтобы узнать это, Арнольду и Грегору предстояло немедленно, в самом срочном порядке изучить фауну Биттер-Лага.

Мало-помалу, факт за фактом они восстановили все, что, по-видимому, здесь произошло. На планете Сир у крыс были свои враги: летучие висюки, дрыги, древесные скурлы и оменюги.

Все эти неимоверные твари не смогли, однако, в одночасье измениться. Прежде всего они принадлежали к миру видимых существ, для которых нюх — лишь вспомогательное средство, и хотя запах крыс весьма силен, их противник в охоте за пищей больше полагался на зрение и верил лишь глазам. Поэтому вскоре вместо грызунов они стали пожирать себе подобных, оставив в покое невидимых животных.

Это позволило крысам плодиться и плодиться...

Так фирма «ААА — ПОПС» оказалась неспособной остановить крысиное нашествие.

— Мы начали не с того конца, — спустя неделю, не давшую результатов, глубокомысленно заметил Грегор. — Прежде надо выяснить, почему крысы здесь стали невидимыми. Тогда мы сможем понять, как с ними справиться.

— Мутация, — упрямо стоял на своем Арнольд.

— Я не верю в это. Ни одно существо пока еще не стало невидимым в результате мутации. Почему это началось именно с крыс?

Арнольд пожал плечами:

— Вспомни хамелеона. Есть гусеницы, похожие на ветки деревьев, другие принимают окраску и форму листьев. У некоторых видов рыб естественная окраска настолько похожа на морское дно, что...

— Да-да, это всем известно, — нетерпеливо прервал его Грегор. — Это называется мимикрия в целях защиты. Но стать невидимыми...

— Некоторые виды медуз бывают настолько прозрачны, что сквозь них видно морское дно, а сами они как бы становятся невидимыми, — продолжал упорствовать Арнольд. — Быстрый полет колибри делает тоже почти невидимой маленькую птичку, а землеройка прячется так искусно, что почти никому не попадается на глаза. Все эти виды уже на пути к превращению в невидимок.

— Это ерунда. Природа наделила всех живых существ средствами защиты, но она никогда не давала преимущества лишь одному какому-то виду.

— Это смахивает на телеологию, — возразил Арнольд, — ты

полагаешь, что у природы есть определенная цель во всем, как у хорошего садовника. Я же утверждаю, что это слепой процесс усреднения. Конечно, в конце концов преобладает нечто среднее, но есть шанс и для крайностей. Природа в конце концов придет к проблеме невидимого.

— Это ты рассуждаешь с позиции телеологии и пытаешься убедить меня в том, что целью мимикрии в природе является желание быть невидимым.

— Так мне кажется. Вот подумай...

— К черту эти рассуждения, — устало сказал Грегор. — Я не совсем точно знаю, что такое телеология, но мы находимся здесь десять дней и за это время поймали около пятидесяти крыс из нескольких миллионов. И ни одна холера их не берет. Что будем делать дальше?

Они сидели молча, прислушиваясь к крику кружащего над полями висюка.

— Если бы этим глазастым охотникам за грызунами еще и мозги в придачу!.. — печально заметил Арнольд.

— Да, это охотники за видимой целью. Вот если бы они...

Грегор неожиданно умолк и уставился на Арнольда. Тот какое-то мгновение недоуменно смотрел на компаньона, а потом его мрачное лицо осветилось пониманием.

— Конечно! — воскликнул Арнольд.

Грегор бросился к телефону и вызвал Галактическую экспресс-службу по доставке грузов.

— Алло! Примите срочный заказ...

Экспресс-служба превзошла саму себя. Через два дня на плешивой лужайке фермы Берни-спирит лежали доставленные с Земли десять небольших ящиков. Грегор и Арнольд перетаскали их в дом, а затем открыли первый. Из него с достоинством вышла большая великолепная и гордая кошка с лоснящейся шерстью и желтыми бесовскими глазами. Это была специальная порода, выведенная на Земле, ее охотничий инстинкт удалось обострить путем скрещивания с инопланетными разновидностями.

Кошка мрачно посмотрела на мужчин и принюхалась.

— Не надо питать особых надежд, — осторожно сказал Грегор, следя за тем, как животное пересекает комнату. — Она ведет себя не так, как нормальные кошки.

— Тсс, — прошипел Арнольд. — Не отвлекай ее.

Кошка остановилась и, чуть склонив набок голову, настороженно прислушивалась к писку и возне сотен невидимых

крыс, без всякого страха пробегавших мимо нее. Кошка принюхивалась и щурила глаза.

— Ей здесь не нравится, — прошептал Грегор.

— А кому здесь может понравиться? — тоже шепотом ответил Арнольд.

Кошка сделала осторожный шаг. А подняв переднюю лапу для следующего, вдруг опустила ее.

— Она и не собирается охотиться, — разочарованно промолвил Грегор. — Может, лучше выписать сюда терьеров...

Но кошка внезапно прыгнула. Раздался отчаянный писк, похоже, она кого-то держала в лапах. Затем, сердито мяукнув, впилась зубами в невидимую плоть, и писк прекратился.

Зато он значительно усилился по всем углам. Кажется, крысы были в панике. И тогда Грегор не колеблясь выпустил еще четырех кошек, оставив пятерых про запас. На несколько минут комната превратилась в бойню. Друзьям пришлось покинуть ее: нервы могли не выдержать такого.

— Самое время отпраздновать, — сказал Арнольд, открывая одну из припасенных им бутылок бренди.

— Пожалуй, рановато... — нерешительно промолвил Грегор.

— Отчего же? Кошки знают свое дело, все идет отлично. Кстати, напомни мне, чтобы я заказал еще несколько сотен этих замечательных зверюг.

— Хорошо, напомню. А что, если крысы снова станут осторожничать?

— В этом-то и весь смак! — заметил Арнольд, наливая в стаканы бренди. — Какими бы хитрыми ни были крысы, для кошек они всегда мясо. А если вдруг вернутся в прежнее, видимое состояние, испробуем на них оборудование Моргана.

Грегор не возражал. Крысы не выживут, если их взять в клещи: с одной стороны когти и зубы, с другой — морганизация. Через неделю здесь все будет в полном порядке, и фирму ждет неплохая прибыль.

— Предлагаю тост за земных кошек, — поднял стакан Арнольд.

— Присоединяюсь, — поддержал его Грегор. — Пью за храбрую, простую и разумную земную кошку.

— Крысы-невидимки не могут сбить с толку нашу кошку.

— Она поймает и съест любую крысу, видит она ее или нет, — удовлетворенно заявил Грегор, прислушиваясь к душераздирающим воплям и писку за стеной, — вся эта какофония звучала для компаньонов как самая сладкая музыка.

...Тостов было много, и все в честь многочисленных и достойнейших качеств земной породы кошек. Потом пошли тосты за саму планету Земля и, наконец, за другие родственные ей миры по алфавиту, начиная с Абака.

Бренди кончился где-то на Глострее. К счастью, у хозяина фермы оказалась неплохая коллекция местных вин.

Арнольд отключился на тосте в честь Уонликса, Грегор же, совсем чуть-чуть не дотянув до конца алфавита, положил руки на стол, уронил на них голову и заснул.

Проснулись они поздно с неизбежной головной болью, неприятным ощущением в желудке и болью в окоченевших суставах. Вдобавок ко всему вскоре выяснилось, что их храбрые, умные и разумные кошки с планеты Земля куда-то исчезли.

Друзья обыскали весь дом, все амбары, лужайки и даже поля. Разрыли крысиные норы и даже заглянули в заброшенный колодец.

Кошек не было, они исчезли, не оставив после себя даже клочка шерсти.

А тем временем крысы все так же весело и беззаботно бегали по дому, чувствуя себя в полной безопасности, ведь они попрежнему были невидимы глазу.

— И это после столь отлично проделанной работы! — сокрушался Арнольд. — Ты думаешь, крысы дали кошкам хороший отпор?

— Не думаю, — ответил Грегор. — Это противоречило бы их крысиной сути. Скорее похоже на то, что кошки сами разбежались.

— Но здесь у них столько отличной еды! — недоумевал Арнольд. — Такого просто не бывает с кошками!

— Кис-кис-кис, — в последний раз позвал Грегор, но вместо знакомого мяуканья услышал лишь довольный писк попрежнему беззаботного полчища крыс.

— Мы должны узнать, что произошло, — решительно сказал Арнольд, подходя к ящикам с оставшимися пятью кошками. — Мы повторим эксперимент, но на сей раз будем все держать под контролем.

С этими словами он, вытащив из ящика новую кошку, надел на нее ошейник с колокольчиком. Потом Грегор закрыл в доме все двери, и охота началась.

Кошка яростно кинулась на добычу, и вскоре компаньоны фирмы «ААА — ПОПС» наконец-то собственными глазами увидели тех, кто побывал в острых кошачьих зубах. Вместе с

жизнью крыс покидала и их загадочная способность к невидимости.

— И все же это не ответ на наши вопросы, — возразил Арнольд.

— Потерпи и продолжай наблюдать, — велел ему Грегор.

Немного вздремнув, кошка попила воды и снова принялась за работу. Теперь Арнольда сморил сон, но Грегор продолжал наблюдать, и его посещали мысли одна мрачнее другой.

Он отлично понимал, что полмесяца они уже потеряли, а крысиное полчище не уменьшилось. Кошки в принципе могли справиться, но если после нескольких часов они теряют к охоте интерес, то во сколько же фирме обойдется полное уничтожение крыс? Возможно, терьеры справятся с этим лучше, или с ними произойдет то же самое?..

И вдруг... Охнув, он стал тормошить Арнольда.

— Эй, ты что? — сердито огрызнулся тот, просыпаясь и оглядываясь вокруг.

Там, где только что друзья могли видеть решительную, занятую ловлей крыс кошку, теперь остался только ее ошейник, повисший в воздухе над полом. Колокольчик продолжал весело позвякивать.

— Кошка тоже превратилась в невидимку! — взвыл Арнольд. — Как это могло случиться? Почему?

— Должно быть, что-то сожрала, — промолвил Грегор, в испуганном недоумении наблюдая за перемещениями ошейника по комнате.

— Кошка ела только крыс.

Приятели посмотрели друг на друга так, будто одна и та же мысль внезапно осенила их.

— Значит, умение крыс становиться невидимыми не имеет никакого отношения к мутации! — воскликнул Грегор. — Сколько раз я твердил тебе это! Подобное свойство так не передается. Следовательно, крысы тоже чего-то поели.

Арнольд кивнул в знак согласия:

— Я подозревал. Очевидно, это произошло, когда кошка вдоволь наелась крысами.

По тому, что творилось в комнате, они догадались: невидимая кошка продолжает пожирать невидимых крыс.

— Все они, должно быть, где-то здесь, в доме, — заметил Грегор. — Только почему не откликнулись на зов?

— Кошки — существа независимые, — высказал предположение Арнольд.

Позвякивал колокольчик. Ошейник опустился пониже к полу и продолжал рывками перемещаться из стороны в сторону.

Грегор уж было подумал, что им не стоит так огорчаться, раз кошка продолжает ловить крыс.

Но пока он размышлял об этом, колокольчик умолк.

Ошейник неподвижно лежал на полу посреди комнаты, а затем и он стал как бы растворяться, пока окончательно не исчез.

На полу не осталось ничего.

Грегор обескураженно смотрел на то место, где только что лежал ошейник.

— Этого не было. Этого не могло произойти, — произнес он еле слышно.

К сожалению, он видел, что это произошло.

Он больше не знал ничего о кошке: прыгает она или крадется, наступает или отступает.

Невидимая кошка просто исчезла.

Хотя времени у компаньонов почти не осталось, они понимали, что все придется начинать сначала. Им необходимо узнать, почему крысы и кошки становятся невидимками. Арнольд закрылся в лаборатории, которую сам себе соорудил, и стал брать пробы почти всего, что окружало дом. Глаза у него покраснели от напряжения и долгих часов, проведенных над микроскопом, он порядком осунулся и вздрагивал при каждом звуке.

А Грегор продолжал эксперимент с кошками. Прежде чем выпустить седьмую, вмонтировал ей в ошейник крохотный радар, подающий сигналы. Но произошло все то же, что с ее предшественницей. После нескольких часов активной охоты на крыс кошка стала невидимой, а затем вовсе исчезла. Умолк и радар.

Теперь Грегор сосредоточил все свое внимание на оставшихся трех кошках. Восьмую и девятую он поместил в отдельные клетки и кормил строго дозированными кусочками крысиного мяса. Когда по прошествии нескольких часов кошки стали невидимыми, Грегор перестал класть корм в клетку восьмой, но по-прежнему продолжал давать крысиное мясо девятой. Кошка номер 9 исчезла без следа, как и все до нее, а вот кошка номер 8 хотя и была невидимой, но продолжала существовать.

У Грегора в связи с этим состоялся долгий, на высоких тонах, телефонный разговор со своим клиентом, фермером с Сира. Тот попросил фирму «ААА — ПОПС», уплатив небольшую неустойку, прекратить дальнейшую работу и уступить ее более солидной и опытной компании. Грегор наотрез отказался.

Потом, правда, засомневался в правильности решения. Разгадать загадки фермы Берни-спирит — дело, конечно, не из

легких, может затянуться на многие годы. Одна тайна невидимости зверей чего стоит! Но хуже всего было полное их исчезновение. Оно практически не оставляло шансов на успех.

Грегор ломал голову над этими проблемами, когда в комнату вошел Арнольд. Вид у него был какой-то ошалелый, на губах играла улыбка идиота.

— Вот, смотри, — сказал он, протянув Грегору руку ладонью вверх.

Грегор посмотрел на пустую ладонь Арнольда.

— Что это? — спросил Грегор.

— Всего лишь секрет наших невидимок, — торжествующе хихикнув, ответил Арнольд.

— Я ничего не вижу, — осторожно сказал Грегор, пытаясь вспомнить, как в таких случаях следует вести себя с сумасшедшими.

— Конечно, не видишь, — торжествовал Арнольд. — Это невидимка.

Грегор продолжал пятиться от него до тех пор, пока не убедился, что их разделяет стол.

— Отличная работа, старина, — успокаивающе произнес он. — Твоя ладонь войдет в историю. Может, расскажешь, что все это значит.

— Перестань высмеивать меня, идиот, — огрызнулся Арнольд, продолжая стоять с протянутой рукой. — Ты ничего не видишь, но в моей ладони кое-что есть. Потрогай.

Грегор нерешительно протянул руку. На ладони Арнольда лежало нечто, казавшееся на ощупь кучкой жестких листьев.

— Невидимое растение! — догадался Грегор.

— Именно. Вот он, виновник наших бед и неудач.

Арнольд тщательно обследовал все вокруг дома и сделал массу проб, но безрезультатно. Но однажды, прогуливаясь, увидел на лужайке голое пятно без признаков растительности, а потом заметил, что такие пятна повторяются во многих концах лужайки. И обратил внимание на расположение пятен. Было похоже, что они аккуратно размечены.

Нагнувшись, Арнольд стал внимательно разглядывать странную «плешь». На ней ничего не росло — почти голый грунт. Почти.

Арнольд потрогал его рукой и тут обнаружил: на голой земле росло нечто. И это нечто было невидимым.

— Насколько я понимаю, это совершенно незнакомое нам растение-невидимка.

— Откуда оно попало сюда?

— Из тех мест, где пока еще не ступала нога человека, — уверенно ответил Арнольд. — Полагаю, что предок этого растения когда-то летал в космосе в виде микроскопической споры, и в конце концов его занесло на орбиту планеты Сир. Спора упала на лужайку фермы Берни-спирит, пустила корни, растение расцвело и дало семена. Вот и все. Мы знаем, что эти крысы травоядные, с достаточно хорошим обонянием. Видимо, растение пришлось им по вкусу.

— Но оно невидимо?

— Крыс это мало беспокоит. Невидимость слишком сложное понятие для разума грызунов.

— Ты считаешь, что они все ели его?

— Нет, не все, но у тех, кто ел, оказалось больше шансов выжить, их не могли увидеть такие хищники, как летучие висюки и дрыги. Свое пристрастие к этому растению крысы передавали потомству.

— Затем появились наши кошки, которые стали поедать крыс-невидимок в таких количествах, что сами стали невидимыми. Отлично. Но почему они вдруг исчезли?

— Это же совершенно ясно, — сказал Арнольд. — Крысы кроме невидимой ели и другую, нормальную пищу, а кошки — только крыс. Они получили слишком большую дозу этого таинственного препарата.

— Большая доза приводит к исчезновению? Но куда?

— Возможно, когда-нибудь мы узнаем, но сейчас нам предстоит работа. Надо выжечь эти участки. Когда организм крыс избавится от яда, они снова превратятся в нормальных грызунов. Там уж наши кошки доведут свое дело до конца.

— Надеюсь, так оно и будет, — неуверенно согласился Грегор.

Они решили применить переносные огнеметы. Отыскать участки травы-невидимки на густых зеленых лугах Берни-спирит было проще простого. На этот раз невидимость растений сделала их легкой добычей.

К вечеру Грегор и Арнольд выжгли дотла все участки с проклятой травой.

А на следующее утро, обходя пепелища, были удивлены новыми всходами.

— Не следует тревожиться, — успокоил друга Арнольд.

— Видимо, трава дала семена до того, как мы ее выжгли. Но это будет последний урожай.

Еще один день ушел на повторное уничтожение. Лужайка была выжжена почти вся. К вечеру Галактическая экспресс-служба доставила новую партию кошек. Поместив их в клетки,

друзья решили оставить свой боевой резерв на тот день, когда крысы снова обретут видимый облик.

Утром следующего дня на выжженном грунте лужаек появились новые всходы. Компаньоны межпланетной службы «ААА — ПОПС» устроили срочное заседание.

— Это идиотская затея, — заявил Грегор.

— Но это наш единственный выход, — настаивал Арнольд.

Грегор упрямо мотал головой.

— Тогда что нам делать? — наседал Арнольд.

— Ты можешь что-то предложить?

— Нет.

— У нас осталась всего неделя до истечения срока контракта. Мы и так уже потеряли часть гонорара. А если совсем не справимся с работой, нас просто вышвырнут из этого бизнеса.

Арнольд поставил на стол миску с невидимым растением.

— Мы должны знать, куда исчезают кошки, съевшие крыс, которые нажрались этой дрянной травы.

Грегор вскочил и зашагал по комнате.

— Они могут оказаться по другую сторону какого-нибудь солнца, если на то пошло.

— Тогда придется рискнуть, — сурово промолвил Арнольд.

— Хорошо, — вздохнув, смирился Грегор. — Начинай!

— Что?

— Я сказал — начинай.

— Я?

— А кто же еще? Я не стану есть эту дрянь. Это была твоя идея.

— Но я не могу! — Арнольд даже вспотел от испуга. — Я единственный исследователь в нашей фирме. Я должен остаться здесь, собирать и сопоставлять данные. Кроме того, у меня аллергия на зелень.

— На этот раз собирать и сопоставлять буду я.

— Но ты не умеешь! Я должен работать над новыми красителями. Мои записи понятны только мне, ты в них не разберешься. Кроме того, в ретортах готовятся новые смеси. Я собираюсь провести опыты с цветочной пыльцой на...

— Ладно, ты разжалобил меня, — устало промолвил Грегор. — Сдаюсь. Но это будет в последний раз, по-настоящему в последний.

— Обещаю, старина. — Арнольд быстро вытащил из миски пригоршню невидимой травы. — Вот, жуй. Отлично, бери еще. Какая она на вкус?

— Похожа на капусту, — пробормотал жующий Грегор.

— В одном я уверен, — промолвил Арнольд. — В таком теле, как твое, эффект не может быть длительным. Организм избавится от яда довольно быстро. Ты почти сразу снова станешь самим собой.

Меж тем Грегор уже почти растаял, видимой оставалась только его одежда.

— Как ты себя чувствуешь? — допытывался Арнольд.

— Как всегда, никаких изменений.

— Съешь еще.

Грегор отправил в рот последние две щепотки травы. И тут же исчез, вместе с одеждой и прочим.

— Грегор! — испуганно позвал Арнольд. — Ты здесь?

Ответа не последовало.

— Он исчез, — промолвил Арнольд. — А я даже не пожелал ему доброго пути.

Арнольд вернулся к своим ретортам и чуть уменьшил под ними пламя. Поработав минут пятнадцать, он вдруг все бросил и обвел глазами пустую комнату.

— Это ничего, что я не успел пожелать ему доброго пути, — сказал он вслух. — Ему ничто не грозит.

Потом приготовил себе ужин. Поднося вилку ко рту, вдруг остановился.

— И все же жаль, что я не попрощался с ним, — пробормотал он виновато.

Но тут же решительно прогнал все мрачные мысли и вернулся к своим опытам.

Арнольд провел в лаборатории всю ночь, а на рассвете, смертельно усталый, рухнул на кровать и тут же уснул. Проснувшись после полудня и наспех поев, он снова занялся опытами.

После исчезновения Грегора прошли сутки.

Вечером позвонил сирянин, и Арнольд заверил его, что крысы под контролем и окончательная победа — это лишь вопрос времени.

Затем Арнольд заново перечитал все руководства по истреблению грызунов, проверил оборудование, заменил кое-где проводку в морганайзере, обдумал еще одну идейку по поводу нового вида крысоловок, прошелся огнем по свежим порослям чертовой травы и наконец лег спать.

А когда вновь проснулся, первое, о чем подумал, было: с момента исчезновения Грегора прошло семьдесят два часа. Может случиться так, что он уже никогда не вернется.

«Грегор принес себя в жертву науке, — успокаивал себя Арнольд. — Я поставлю ему памятник».

Но это казалось такой мизерной данью памяти друга. Он

должен был сам съесть эту «капусту». Грегор всегда терялся в трудных обстоятельствах. Да, он был храбр, этого у него не отнять, а вот приспосабливаться не умел.

Впрочем, по ту сторону неведанного солнца никакое умение приспособиться не поможет. Попробуйте выжить, например, в космическом вакууме или...

Тут Арнольд услышал за собой какой-то шорох и быстро обернулся.

— Грегор! — радостно закричал он.

Но это был не Грегор.

Существо, стоявшее перед ним, оказалось не выше четырех футов, но имело много рук и ног. Оно было розовато-серым от изрядного слоя грязи, а за спиной у странного гостя болталась котомка, судя по всему, довольно тяжелая. Странно вытянутую и сужающуюся к макушке голову незнакомца венчал островерхий головной убор. Впрочем, это и была вся его одежда.

— Вы, надеюсь, не Грегор? — робко справился Арнольд, слишком потрясенный, чтобы действовать разумно.

— Конечно, нет, — ответило существо. — Я Хэм.

— О... А вы случайно не встречали моего партнера? Его зовут Ричард Грегор. Он на добрый фут выше меня ростом, худощав и...

— Конечно, я встречал его, — подтвердил Хэм. — А разве он не здесь?

— Нет.

— Странно. Надеюсь, с ним ничего не случилось. — Гость сел и тут же принялся скрести себя под тремя подмышками.

Чувствуя легкую дурноту от подступающего страха, Арнольд спросил:

— Вы откуда?

— С планет Оол, конечно, — ответил Хэм. — Мы там сеем наш скомп. А здесь он дает свои всходы.

— Простите, одну минуту. — Арнольд тяжело опустился на стул. — Прошу вас, начните сначала.

— Все очень просто. Испокон веков жители планеты Оол выращивали скомп. На ранних стадиях своего созревания это растение исчезает на несколько недель. А потом уже в зрелом состоянии снова появляется на полях нашей планеты. Мы собираем его и употребляем в пищу.

— Вы говорите слишком быстро, я не все понимаю. Где находится ваша планета?

— Грегор считает, что Оол находится в параллельном мире. Я ничего об этом не знаю. Ваш Грегор появился на моем поле месяца два тому назад. Это он обучил меня английскому языку. А затем...

— Два месяца назад? — растерянно повторил Арнольд и призадумался. — Разница во времени, я полагаю. Ладно, рассказывайте дальше.

— Нет ли у вас чего-нибудь поесть? — неожиданно спросил Хэм. — Я не ел три дня. Не мог, сами понимаете. — Арнольд безмолвно протянул ему ломоть хлеба и подвинул банку с джемом. — Когда была открыта Новая Территория, — продолжал Хэм, — я первым решил рискнуть. Собрал всю свою живность, купил три жены класса «Б» и отправился в путь. Прибыв на место, я...

— Остановитесь! — умоляюще промолвил Арнольд. — Какое это имеет отношение к моим вопросам?

— Именно так все и произошло. Не перебивайте.

Почесывая одной рукой зудящее плечо, а двумя другими запихивая в рот хлеб с джемом, Хэм продолжил:

— Я прибыл на Новую Территорию и посеял здесь скомп. Посевы взошли, скомп зацвел и исчез, как и положено. Но когда скомп снова появился на моем поле, он оказался изгрызенным какими-то вредителями. Что ж, фермеров часто ждут неудачи. Я посеял скомп еще раз. Урожай вновь оказался никудышным. Это разозлило меня. Но я решил продолжать посевы. Мы, пионеры, народ упорный, вы это знаете. Но я был уже готов отступить, бросить свою затею и вернуться к цивилизации, как вдруг и появился ваш партнер...

— Подождите, дайте разобраться, — перебил его Арнольд. — Вы из параллельного мира. Значит, для того чтобы получить урожай вашего скомпа, его надо выращивать до полной зрелости в двух параллельных мирах.

— Совершенно верно. Но крайней мере так объяснил нам ваш Грегор.

— Странный способ выращивать сельскохозяйственные культуры.

— А нам подходит, — обиженно сказал пришелец с планеты Оол. Теперь он одновременно чесал себя под четырьмя коленками. — Грегор объяснил нам, что семена могут попасть на любую, даже незаселенную планету вашей Вселенной. На сей раз, когда я высадил скомп на Новой Территории, он взошел здесь.

— Ага! — торжествующе воскликнул Арнольд.

— Что значит «ага»? Грегор не говорил, что есть такое слово. Ладно, он все равно помог мне. Сказал, что незачем бросать свои поля на Новой Территории, просто я должен засевать скомп на других участках. Грегор объяснил, что между параллельными мирами нет сходства один к одному. Хотя я и не по-

нимаю, что это значит. А то, что я принес, это плата за другую услугу.

С глухим стуком он уронил свою тяжелую котомку на пол. Арноль развязал ее и заглянул внутрь. Там были желтые слитки, похожие на золото. И в это время зазвонил телефон. Арнольд схватил трубку.

— Алло, — услышал он голос Грегора. — Хэм еще у тебя?

— Да...

— Он все тебе объяснил? О параллельных мирах, о том, как выращивают скомп?

— Мне кажется, я начинаю понимать, но... — промолвил Арнольд.

— Теперь слушай, что я тебе скажу, — перебил его Грегор. — Перед тем как мы уничтожили всходы скомпа на нашей лужайке, Хэм успел посеять его вновь на своей планете. Поскольку в его мире время тянется медленнее, у нас на Сире всходы появились в течение одной ночи. Но этого больше не случится. Хэм будет сеять скомп на других полях. И если ты уничтожишь всходы, они уже никогда не появятся. Пережди недельку, а там и выпускай кошек с морганайзером на пару.

Арнольд крепко зажмурился. Грегору понадобилось два месяца, чтобы все это продумать и проверить. А ему не удалось. Просто не хватило времени.

— А как быть с Хэмом? — спросил он Грегора.

— Он пожует своего скомпа и вернется домой. Нам пришлось немало поголодать, пока эта дрянь вышла из нас и мы оба сумели попасть в наш мир.

— Хорошо, — покорно сказал Арнольд. — Но мне кажется... Эй, где же ты сейчас?

Грегор довольно хохотнул.

— Ты же знаешь, между параллельными мирами нет сходства один к одному. Я стоял на краю поля, когда действие скомпа на мой организм прекратилось, и я таким образом оказался на планете Тул.

— Но это же на другом конце Галактики!

— Знаю. Встретимся на Земле. Не забудь привезти золотые слитки.

Арнольд повесил трубку. Хэма уже и след простыл.

Только тогда Арнольд вспомнил, что не спросил у Грегора, что это за «другая услуга», за которую инопланетянин заплатил чистым золотом.

Об этом Арнольд узнал позднее, когда они с Грегором вернулись на Землю в свою фирму «ААА — ПОПС». Крысы на планете Сир, как и ожидалось, снова обрели привычный облик и

были соответственно уничтожены с помощью кошек и морганайзера. Условия контракта фирма выполнила. Пришлось, конечно, поступиться частью прибыли и уплатить штраф за двухнедельную просрочку. Но эта потеря была с лихвой восполнена золотыми слитками пришельца с планеты Оол.

— Его поля пострадали от наших кошек, — рассказал Арнольду Грегор. — Они будоражили и даже пугали скот. Я отловил всех кошек и продал их Центральному зоопарку планеты Оол. Там никогда не видели подобных зверей. Мой клиент и я разделили выручку.

— Что ж, — задумчиво промолвил Арнольд и почесал в затылке, — все сложилось как нельзя лучше.

— Я тоже так считаю.

Сказав это, Грегор энергично поскреб зудящее плечо. Арнольд внимательно посмотрел на него, но тут же почувствовал, как и у него зачесалась грудь, затем голова, нога, и вообще чесалось все тело!

— Боюсь, не все еще кончилось, — заметил Грегор.

— Почему ты так считаешь? — спросил Арнольд и начал яростно чесать левое плечо. — Что случилось?

— Хэма нельзя назвать чистюлей, это верно, да и сама планета Оол довольно грязное место.

— Ну и что из этого?

— А то, что, похоже, я набрался там вшей, — ответил Грегор, отчаянно скребя живот. — Вшей-невидимок, как ты сам догадываешься.

ПРЕМИЯ ЗА РИСК

Рэдер осторожно выглянул в окно. Прямо перед ним была пожарная лестница, а ниже — узкий проход между домами, там стояли видавшие виды детская коляска и три мусорных бачка. Из-за бачка показалась черная рука, в ней что-то блеснуло. Рэдер упал навзничь. Пуля пробила оконное стекло и вошла в потолок, осыпав Рэдера штукатуркой.

Теперь ясно: проход и лестница охраняются, как и дверь.

Он лежал, вытянувшись во всю длину на потрескавшемся линолеуме, глядя на дырку, пробитую в потолке, и прислушивался к шуму за дверью. Его лицо, грязное и усталое, с воспаленными глазами и двухдневной щетиной на подбородке, было искажено от страха — оно то застывало, то вдруг подергивалось, но в нем теперь ощущался характер, ожидание смерти преобразило его.

Один убийца был в проходе, двое на лестничной клетке. Он в ловушке. Он мертв.

Конечно, Рэдер еще двигался, еще дышал, но это лишь по нерасторопности смерти. Через несколько минут она займется им. Смерть понаделает дыр в его теле и на лице, мастерски разукрасит кровью его одежду, сведет руки и ноги в причудливом пируэте могильного танца. Рэдер до боли закусил губу. Хочется жить! Должен же быть выход! Он перекатился на живот и осмотрел дешевую грязную квартирку, в которую его загнали убийцы. Настоящий однокомнатный гроб. Дверь стерегут, пожарную лестницу тоже. Вот только крошечная ванная без окна...

Он вполз в ванную и поднялся на ноги. В потолке была неровная дыра, почти в ладонь шириной. Если бы удалось сделать ее пошире и пролезть в квартиру, что наверху...

Послышался глухой удар. Убийцам не терпелось. Они начали взламывать дверь.

Он осмотрел дыру в потолке. Нет, об этом даже и думать нечего. Не хватит времени.

Они вышибали дверь, покрякивая при каждом ударе. Скоро выскочит замок или петли вылетят из подгнившего дерева. Тогда дверь упадет и двое с пустыми, бесцветными лицами войдут, стряхивая пыль с пиджаков...

Но ведь кто-нибудь поможет ему! Он вытащил из кармана крошечный телевизор. Изображение было нечетким, но он не стал ничего менять. Звук шел громко и ясно.

Он прислушался к профессионально поставленному голосу Майка Терри.

— ...ужасная дыра, — сетовал Терри. — Да, друзья, Джим Рэдер попал в ужасную переделку. Вы, конечно, помните, что он скрывался под чужим именем в третьесортном отеле на Бродвее. Казалось, он был в безопасности. Но коридорный узнал его и сообщил банде Томпсона...

Дверь трещала под непрерывными ударами. Рэдер слушал, вцепившись в маленький телевизор.

— Джиму Рэдеру еле удалось бежать из отеля. Преследуемый по пятам, он вбежал в каменный дом номер сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню. Он хотел уйти по крышам. И это могло бы ему удаться, друзья, да, могло бы! Но дверь на чердак оказалась запертой. Казалось, что Джиму конец... Но тут Рэдер обнаружил, что квартира номер семь не заперта и что в ней никого нет. Он вошел... — Здесь Терри сделал эффектную паузу и воскликнул: — И вот он попался! Попался как мышь в мышеловку! Банда Томпсона взламывает дверь! Она охраняет и пожарную лестницу. Наша телекамера, расположенная в соседнем доме, дает сейчас всю картину крупным планом. Взгляните, друзья!..

Неужели у Джима Рэдера не осталось никакой надежды?

«Неужели никакой надежды?» — повторил про себя Рэдер, обливаясь потом в темной маленькой ванной и слушая настойчивые удары в дверь.

— Минуточку! — вскричал вдруг Майк Терри. — Держись, Джим Рэдер! Продержись еще хоть немного. Может, и есть надежда! Только что по специальной линии мне позвонил один из наших зрителей — срочный звонок от доброго самаритянина. Этот человек полагает, что сможет помочь тебе, Джим. Ты слышишь нас, Джим Рэдер?

Джим слышал, как дверные петли вылетают из досок.

— Давайте, сэр, давайте! — поторапливал Майк Терри. — Как ваше имя?

— Э-э... Феликс Бартоломью.

— Спокойнее, мистер Бартоломью. Говорите сразу...

— Хорошо. Так вот, мистер Рэдер, — начал дрожащий старческий голос. — Мне пришлось в свое время жить в доме сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню: как раз в той самой квартире, где вас заперли. Так вот, там есть окно в ванной. Оно заделано, но оно есть.

Рэдер сунул телевизор в карман. Он определил очертания окна и стукнул по нему. Зазвенели осколки стекла, и в ванную ворвался ослепительный дневной свет. Отбив острые зазубрины с рамы, он взглянул вниз.

Там, глубоко внизу, был бетонный двор.

Дверные петли вылетели. Рэдер услышал, как распахнулась дверь. Он молниеносно перебросил тело через окно, повис на руках и прыгнул.

Падение оглушило его. Шатаясь, он еле встал на ноги. В окне ванной появилось лицо.

— Везет дураку, — сказал человек, высовываясь и старательно наводя на Рэдера коротенькое курносое дуло револьвера.

И в этот момент в ванной взорвалась дымовая бомба.

Пуля убийцы просвистела мимо, он с проклятием обернулся. Во дворе тоже взорвались бомбы, и дым окутал Рэдера.

Он услышал, как в кармане, где лежал телевизор, неистовствовал голос Майка Терри:

— А теперь спасайся! Беги, Джим Рэдер, спасай свою жизнь! Скорей, пока убийцы ослепли от дыма. И спасибо вам, добрая самаритянка Сара Уинтерс, дом 3412 по Эдгар-стрит, за то, что вы пожертвовали эти пять дымовых бомб и наняли человека, бросившего их!

Уже спокойнее Терри продолжал:

— Сегодня вы спасли жизнь человеку, миссис Уинтерс. Не расскажете ли нашим слушателям, как...

Дальше Рэдер не слушал. Он мчался по заполненному дымом двору, мимо веревок с бельем, прочь, на улицу. Потом, съежившись, чтобы казаться меньше ростом, он поплелся, едва волоча ноги, по Шестьдесят третьей улице. От голода и бессонной ночи кружилась голова.

— Эй, вы!

Рэдер обернулся. Какая-то женщина средних лет, сидевшая на ступеньках дома, сурово смотрела на него.

— Вы ведь Рэдер, правильно? Тот самый, кого они пытаются убить?

Рэдер повернулся, чтобы уйти.

— Заходите сюда, — сказала женщина.

Может, это и западня. Но Рэдер знал, что должен полагаться на щедрость и добросердечие простых людей. Ведь он был их представителем, как бы их копией — обыкновенным парнем, попавшим в беду. Без них он бы пропал.

«Доверяйте людям, — сказал ему Майк Терри. — Они никогда вас не подведут».

Он прошел за женщиной в гостиную. Она велела ему присесть, сама вышла из комнаты и тотчас вернулась с тарелкой тушеного мяса. Женщина стояла и смотрела на него, пока он ел, словно на обезьяну в зоопарке, грызущую земляные орехи.

Двое детишек вышли из кухни и стали глазеть на него. Потом трое мужчин в комбинезонах телестудии вышли из спальни и навели на него телекамеру.

В гостиной стоял большой телевизор. Торопливо глотая пищу, Рэдер следил за изображением на экране и прислушивался к громкому проникновенно-взволнованному голосу Майка Терри.

— Он здесь, друзья, — говорил Терри. — Джим Рэдер здесь, и он впервые прилично поел за последние два дня. Нашим операторам пришлось поработать, чтобы передать это изображение! Спасибо, ребята... Друзья, Джим Рэдер нашел кратковременное убежище у миссис Вельмы О'Делл в доме триста сорок три по Шестьдесят третьей улице. Спасибо вам, добрая самаритянка миссис О'Делл! Просто изумительно, что люди из самых различных слоев принимают так близко к сердцу судьбу Джима Рэдера!

— Вы лучше поторопитесь, — сказала миссис О'Делл.

— Да, мэм.

— Я вовсе не хочу, чтоб у меня на квартире началась эта пальба.

— Я кончаю, мэм.

Один из детей спросил:

— А они вправду собираются убить его?

— Заткнись! — бросила миссис О'Делл.

— Да, Джим, — причитал Майк Терри, — поторопись, Джим. Твои убийцы уже недалеко. И они совсем не глупы, Джим. Они злобны, испорчены, они изуверы — это так. Но совсем не глупы. Они идут по кровавому следу — кровь капает из твоей рассеченной руки, Джим!

Рэдер только сейчас заметил, что, вылезая из окна, он рассек руку.

— Давайте я забинтую, — сказала миссис О'Делл.

Рэдер встал и позволил ей забинтовать руку. Потом она дала ему коричневую куртку и серую шляпу с полями.

— Мужнино, — сказала она.

— Он переоделся, друзья! — восторженно кричал Майк Терри. — О, это уже нечто новое! Он переоделся! Ему остается всего семь часов, и тогда он спасен!

— А теперь убирайтесь, — сказала миссис О'Делл.

— Ухожу, мэм, — сказал Рэдер. — Спасибо.

— По-моему, вы дурак, — сказала она. — Глупо было связываться со всем этим.

— Да, мэм.

— Нестоящее дело.

Рэдер поблагодарил ее и вышел. Он зашагал к Бродвею, спустился в подземку, сел в поезд в сторону Пятьдесят девятой, потом в поезд, направляющийся к Восемьдесят девятой. Там он купил газету и пересел в другой поезд.

Он взглянул на часы. Оставалось еще шесть с половиной часов.

Поезд помчался под Манхэттеном. Рэдер дремал, надвинув шляпу на глаза и спрятав под газетой забинтованную руку. Не узнал ли его кто-нибудь? Ускользнул ли он от банды Томпсона? Или кто-нибудь звонит им как раз в эту минуту?

В полудреме он думал, удалось ли ему обмануть смерть. Или же он просто одушевленный, думающий труп и двигается только потому, что смерть нерасторопна? О Господи, до чего же она медлительна! Джим Рэдер давно убит, а все еще бродит по земле и даже отвечает на вопросы в ожидании своего погребения.

Вздрогнув, он открыл глаза. Что-то приснилось... что-то неприятное... А что — не мог вспомнить. Снова закрыл глаза и как сквозь сон вспомнил время, когда он еще не знал этой беды.

Это было два года назад. Высокий приятный малый работал у шофера грузовика подручным. Никакими талантами он не обладал, да и не мечтал ни о чем.

За него это делал маленький шофер грузовика.

— А почему бы тебе не попытать счастья в телепередаче, Джим? Будь у меня твоя внешность, я бы попробовал. Они любят выбирать для состязаний таких приятных парней, ничем особенно не выдающихся. Такие всем нравятся. Почему бы тебе не заглянуть к ним?

И Джим Рэдер заглянул. Владелец местного телевизионного магазина объяснил ему все подробно:

— Видишь ли, Джим, публике уже осточертели все эти тренированные спортсмены с их чудесами реакции и профессиональной храбростью. Кто будет переживать за таких парней? Кто может видеть в них ровню себе? Конечно, всем хочется чего-то будоражащего, но не такого, чтоб это регулярно устраивал какой-то профессионал за пятьдесят тысяч в год. Вот почему профессиональный спорт переживает упадок и так расцвели эти телепрограммы, от которых захватывает дух.

— Ясно, — сказал Рэдер.

— Шесть лет назад, Джим, конгресс принял закон о добровольном самоубийстве. Эти старики сенаторы наговорили черт знает сколько насчет свободной воли, самоопределения и собственного усмотрения. Только все это чушь. Сказать тебе, что на самом деле означает этот закон? Он означает, что любой, а не только профессионал, может рискнуть жизнью за солидный куш. Раньше, если ты хотел рискнуть за большие деньги, хотел, чтобы тебе законным путем вышибли мозги, ты должен был быть или профессиональным боксером, или футболистом, или хоккеистом. А теперь простым людям вроде тебя, Джим, тоже предоставлена такая возможность.

— Ясно, — повторил Рэдер.

— Великолепнейшая возможность. Взять, например, тебя. Ты ведь ничем не лучше других. Все, что можешь сделать ты, может сделать и другой. Ты обыкновенный человек. Я думаю, что эти телебоевики как раз для тебя.

И Рэдер позволил себе помечтать. Телепостановка, казалось, открывала молодому человеку без особых талантов и подготовки путь к богатству. Он написал письмо в отдел передач «Опасность» и вложил в конверт свою фотографию.

«Опасность» им заинтересовалась. Компания Джи-би-си выяснила о нем все подробности и убедилась, что он достаточно зауряден, чтобы удовлетворить самых недоверчивых телезрителей. Они также проверили его происхождение и связи. Наконец его вызвали в Нью-Йорк, где с ним беседовал мистер Мульян.

Мульян был чернявым и очень энергичным; разговаривая, он все время жевал резинку.

— Вы подойдете, — выпалил он. — Только не для «Опасности». Вы будете выступать в «Авариях». Это дневная получасовка по третьей программе.

— Здорово! — сказал Рэдер.

— Меня благодарить не за что. Тысяча долларов премии, если победите или займете второе место, и утешительный приз в сотню долларов, если проиграете. Но это не так важно.

— Да, сэр.

— «Аварии» — это маленькая передача. Джи-би-си использует ее в качестве экзамена. Те, кто займет первое и второе места в «Авариях», будут участвовать в «Критическом положении». А там премии гораздо выше.

— Я знаю это, сэр.

— Кроме «Критического положения», есть и другие первоклассные боевики ужасов: «Опасность» и «Подводный риск», их телепередачи транслируются по всей стране и сулят огромные премии. А уж там можно пробиться и к настоящему. Успех будет зависеть от вас.

— Буду стараться, сэр, — сказал Рэдер.

Мульян на мгновение перестал жевать резинку, и в голосе его прозвучало что-то вроде почтения:

— Вы можете добиться успеха, Джим. Главное, помните: вы народ, а народ может все.

Они распрощались. Через некоторое время Рэдер подписал бумагу, освобождающую Джи-би-си от всякой ответственности на случай, если он во время состязания лишится частей тела, рассудка или жизни. Потом подписал другую бумажку, подтверждающую, что он использует свое право на основании закона о добровольном самоубийстве.

Через три недели он дебютировал в «Авариях».

Программа была построена по классическому образцу автомобильных гонок. Неопытные водители садились в мощные американские и европейские гоночные машины и мчались по головокружительной двадцатимильной трассе. Рэдер задрожал от страха, когда включил не ту скорость и его огромный «Мазерати» рванулся с места.

Гонки были кошмаром, полным криков, воплей и запахов горящих автомобильных шин. Рэдер держался сзади, предоставив первым разбиваться всмятку на крутых виражах. Когда шедший перед ним «Ягуар» врезался в «Альфа Ромео» и обе машины с ревом вылетели на вспаханное поле, он выкарабкался на третье место. Рэдер пытался выйти на второе место на последнем трехмильном перегоне, но не смог — было слишком тесно. Раз он чуть не вылетел на зигзагообразном повороте, но ухитрился снова вывести машину на дорогу, по-прежнему удерживая третье место. На последних пятидесяти ярдах у лидирующей

машины полетел коленчатый вал, и Рэдер кончил гонки вторым.

Трофеи его исчислялись тысячью долларов. Он получил четыре письма от своих поклонников, а какая-то дама из Ошкоша прислала ему пару кашпо для цветов. Теперь его пригласили участвовать в «Критическом положении».

В отличие от других программ в «Критическом положении» прежде всего нужна была личная инициатива. Перед началом боевика Рэдера лишили сознания с помощью безвредного наркотика. Очнулся он в кабине маленького аэроплана — автопилот вывел машину на высоту десять тысяч футов. Бак с горючим был уже почти пуст. Парашюта не было. И вот ему, Джиму Рэдеру, предстояло посадить самолет.

Разумеется, раньше он никогда не летал. В отчаянии Рэдер хватался за все рычаги управления, вспоминая, как участник такой же программы на прошлой неделе очнулся в подводной лодке, открыл не тот клапан и затонул.

Тысячи зрителей, затаив дыхание, следили за тем, как обыкновенный парень, такой же, как они, искал выход из этого положения. Джим Рэдер — это они же сами. И все, что мог сделать Джим, могли сделать и они. Он был из народа, он был их представителем.

Рэдеру удалось спуститься и произвести что-то вроде посадки. Самолет перевернулся несколько раз, но ремни оказались надежными, а баки с горючим, как ни странно, не взорвались.

Джим выбрался из этой заварушки с двумя поломанными ребрами, тремя тысячами долларов и правом участия в передаче «Тореадор», когда ребра его заживут.

Наконец-то первоклассный боевик! За «Тореадора» платили десять тысяч долларов. И единственное, что он должен был сделать, — это заколоть шпагой огромного черного быка, как это делают настоящие опытные тореадоры.

Состязание проводилось в Мадриде, потому что бой быков все еще находился под запретом в Соединенных Штатах. Передача транслировалась по всей стране.

Куадрилья Рэдеру попалась хорошая. Этим людям нравился долговязый медлительный американец. Пикадоры по-настоящему орудовали пиками, желая поубавить пыл у быка. Бандерильеры старались как следует погонять быка, прежде чем колоть его своими бандерильями. А второй матадор, грустный человек из Альгесираса, чуть не сломал быку шею своими обманными движениями.

Но когда было сделано и сказано все, что нужно, на песке остался Джим Рэдер, неуклюже сжимавший красную мулету в

левой руке и шпагу в правой, один на один с окровавленной тысячекилограммовой громадой быка.

Кто-то закричал: «Коли его в легкое, хомбре! Не строй из себя героя, коли в легкое!» Но Джим помнил только одно: «Прицельсь шпагой и коли позади рогов», — говорил ему технический консультант в Нью-Йорке.

Он так и колол, но шпага отскочила, наткнувшись на кость, и бык поддел Рэдера рогами, перебросив его через спину. Он поднялся на ноги, каким-то чудом оставшись без дырки в теле, взял другую шпагу и, закрыв глаза, стал снова колоть позади рогов. И Бог, который хранит детей и дураков, видно, пекся о нем, потому что шпага вошла в тело быка, как иголка в масло. Бык, взглянув на него испуганно и недоверчиво, обмяк и рухнул.

На сей раз заплатили десять тысяч долларов, а сломанная ключица зажила в совершенно пустячный срок. Рэдер получил двадцать три письма от своих поклонников, и среди них был страстный призыв какой-то девушки из Атлантик-Сити, которым он пренебрег. Кроме того, ему предложили принять участие в новой передаче.

Теперь Рэдер не был таким простаком. Он отлично сознавал, что чуть не поплатился жизнью за весьма умеренную сумму карманных денег. Большой куш был впереди, и если уж стараться, то лишь ради него.

Так Рэдер появился в «Подводном риске», который оплачивала фирма «Мыло красотки». В акваланге, с ластами и балластным поясом, вооруженный ножом, он вместе с четырьмя другими участниками состязания нырнул в теплые воды Карибского моря. Туда же опустили защищенных решеткой телекамеру и операторов. Состязавшиеся должны были разыскать и вытащить из воды сокровище, спрятанное там представителями фирмы, которая оплачивала программу.

Само по себе подводное плавание не было особенно опасным. Но организаторы состязаний постарались для привлечения публики оживить его различными пикантными деталями. Местность была нашпигована гигантскими спрутами, муренами, акулами разных видов, ядовитыми кораллами и другими ужасами морских глубин.

Зрелище получилось захватывающее. Один из участников состязания сумел добраться до сокровища, лежавшего в глубокой расщелине, но тут мурена добралась до него самого. Другой ухватился за сокровище в тот самый момент, когда за него ухватилась акула. Сине-зеленые воды морских глубин окрасились кровью — по цветному телевидению это было хорошо видно. Сокровище ускользнуло на дно, и тут за ним нырнул Рэдер. От большого давления у него чуть не лопнули барабанные перепо-

нки. Он подобрал бесценный груз, отцепил свой балластный пояс, чтобы всплыть. В тридцати футах от поверхности ему пришлось бороться за сокровище с другим участником состязания.

Маневрируя под водой, они размахивали ножами. Противник рассек Рэдеру грудь. Но Рэдер с самообладанием бывалого борца отбросил нож и вырвал у противника трубку, по которой поступал воздух.

На этом все кончилось. Рэдер всплыл на поверхность и передал на стоявшую поблизости лодку спасенное сокровище. Им оказалась партия мыла «Величайшее из сокровищ», изготовленного фирмой «Мыло красотки».

Он получил двадцать две тысячи долларов наличными и триста восемь писем от поклонников, в числе которых было одно заслуживающее внимания — предложение девушки из Макона. Он серьезно задумался над этим. Рэдера положили в больницу, где ему бесплатно лечили рассеченную грудь и барабанные перепонки, а также делали прививки против коралловой инфекции.

И вот новое приглашение в крупнейший боевик «Премия за риск».

Тут-то и начались настоящие неприятности...

Внезапная остановка поезда вывела его из задумчивости. Рэдер сдвинул шляпу и увидел, что мужчина напротив поглядывает на него и что-то шепчет толстой соседке. Неужели его узнали?

Как только двери раскрылись, он вышел и взглянул на часы. Оставалось еще пять часов.

На станции Манхассет он сел в такси и попросил отвезти его в Нью-Сэлем.

— В Нью-Сэлем? — переспросил шофер, разглядывая его в зеркальце над ветровым стеклом.

— Точно.

Шофер включил свою рацию: «Плата до Нью-Сэлема. Да, правильно, Нью-Сэлема. Нью-Сэлема».

Они тронулись. Рэдер нахмурился, размышляя, не было ли это сигналом. Конечно, ничего необычного, таксисты всегда сообщают о поездке своему диспетчеру. И все же в голосе шофера было что-то...

— Высадите меня здесь, — сказал Рэдер.

Заплатив, он отправился пешком вдоль узкой проселочной дороги, петлявшей по жидкому лесу. Деревья тут были слишком редкие и низкорослые для того, чтобы укрыть его. Рэдер продолжал шагать в поисках убежища.

Сзади послышался грохот тяжелого грузовика. Рэдер все шагал, низко надвинув шляпу на глаза. Однако, когда грузовик подошел ближе, он вдруг услышал голос из телеприемника, спрятанного в кармане: «Берегись!»

Он кинулся в канаву. Грузовик, накренившись, промчался рядом, едва не задев его, и со скрежетом затормозил. Шофер кричал:

— Вот он! Стреляй, Гарри, стреляй!

Рэдер бросился в лес, пули сшибали листья с деревьев над его головой.

— Это случилось снова! — заговорил Майк Терри, его голос звенел от возбуждения. — Боюсь, что Джим Рэдер позволил себе успокоиться, поддавшись ложному чувству безопасности. Ты не должен делать этого, Джим! Ведь на карту поставлена твоя жизнь! За тобой гонятся убийцы! Будь осторожен, Джим, осталось еще четыре с половиной часа!

Шофер сказал:

— Гарри, Клод, а ну быстро на грузовик! Теперь он попался.

— Ты попался, Джим Рэдер! — воскликнул Майк Терри. — Но они еще не схватили тебя! И можешь благодарить добрую самаритянку Сьюзи Петере, проживающую в доме двенадцать по Элм-стрит, в Саут Оранджe, штат Нью-Джерси, за то, что она предупредила тебя, когда грузовик приближался! Через минуту мы покажем вам крошку Сьюзи... Взгляните, друзья, вертолет нашей студии прибыл на место действия. Теперь вы можете видеть, как бежит Джим Рэдер и как убийцы окружают его...

Пробежав сотню ярдов по лесу, Рэдер очутился на бетонированной автостраде. Позади остался редкий перелесок. Один из бандитов бежал оттуда прямо к нему. Грузовик, въехав на автостраду, тоже мчался к нему.

И вдруг с противоположной стороны выскочила легковая машина. Рэдер выбежал на шоссе, отчаянно размахивая руками. Машина остановилась.

— Скорей! — крикнула молодая блондинка, сидевшая за рулем.

Рэдер юркнул в машину. Девушка круто развернула ее. Пуля шлепнулась в ветровое стекло. Девушка изо всех сил жала на акселератор, они чуть не сшибли бандита, стоящего у них на пути.

Машина успела проскочить, прежде чем грузовик подъехал на расстояние выстрела.

Рэдер, откинувшись на сиденье, плотно сомкнул веки. Девушка сосредоточила все внимание на езде, поглядывая время от времени в зеркальце на грузовик.

— Это случилось опять! — кричал Майк Терри в экстазе. —

Джим Рэдер снова вырван из когтей смерти благодаря помощи доброй самаритянки Дженис Морроу, проживающей в доме четыреста тридцать три по Лексингтон-авеню, Нью-Йорк. Вы видели когда-нибудь что-либо подобное, друзья? Мисс Морроу промчалась под градом пуль и вырвала Джима Рэдера из рук смерти! Позднее мы проинтервьюируем мисс Морроу и расспросим о ее ощущениях. А сейчас, пока Джим мчится прочь — может быть, навстречу спасению, а может, навстречу новой опасности, — прослушайте кратенькое объявление организаторов передачи. Не отходите от телевизоров! Джиму осталось четыре часа десять минут, и тогда он в безопасности. Но... Всякое может случиться.

— О'кей, — сказала девушка, — теперь нас отключили. Черт возьми, Рэдер, что с вами творится?

— А? — спросил Рэдер.

Девушке было немногим больше двадцати. Она казалась хорошенькой и неприступной. Рэдер заметил, что у нее приятное лицо, аккуратная фигурка. Еще он заметил, что она злится.

— Мисс, — сказал он. — Не знаю, как и благодарить вас.

— Поговорим начистоту, — сказала Дженис Морроу. — Я вообще не добрая самаритянка. Я на службе у Джи-би-си.

— Так это они решили меня спасти!

— Какая сообразительность! — сказала она.

— А почему?

— Видите ли, Рэдер, это дорогая программа. И мы должны дать хорошее представление. Если число слушателей уменьшится, то мы окажемся на улице. А вы нам не помогаете.

— Как? Почему?

— Да потому, что вы просто ужасны, — сказала девушка с раздражением, — вы не оправдали наших надежд и никуда не годитесь. Что вам, жизнь надоела? Неужели вы ничему не научились?

— Я стараюсь изо всех сил.

— Да люди Томпсона могли бы вас прихлопнуть десять раз. Просто мы сказали им, чтоб они не торопились. Ведь это все равно что стрелять в глиняную шестифутовую птичку. Люди Томпсона идут нам навстречу, но сколько они могут притворяться? Если бы я сейчас не подъехала, им бы пришлось убить вас, хотя время передачи еще не истекло.

Рэдер смотрел на нее, не понимая, как может хорошенькая девушка говорить такое. Она взглянула на него, потом быстро перевела взгляд на дорогу.

— И не смотрите на меня так! — сказала она. — Вы сами решили рисковать жизнью за деньги, герой. И за большие деньги. Вы знали, сколько вам заплатят. Поэтому не стройте из себя бедняжку бакалейщика, за которым гонятся злые хулиганы.

— Знаю, — сказал Рэдер.

— Так вот, если вы не сможете выпутаться, то постарайтесь хоть умереть как следует.

— Нет, неправда, вы не это хотели сказать, — заговорил Рэдер.

— Вы так уверены? До конца передачи осталось еще три часа сорок минут. Если сможете выжить, отлично. Тогда ваша взяла. А если нет, то заставьте их хоть побегать за эти деньги.

Рэдер кивнул, не отрывая от нее взгляда.

— Через несколько секунд мы снова будем в эфире. Я разыграю поломку автомобиля и выпущу вас. Банды Томпсона пока не видно. Они убьют вас теперь, как только им это удастся. Ясно?

— Да, — сказал Рэдер. — Если я уцелею, смогу я когда-нибудь вас увидеть?

Она сердито прикусила губу.

— Вы что, одурачить меня хотите?

— Нет, просто хочу вас снова увидеть. Можно?

Она с любопытством взглянула на него:

— Не знаю. Оставьте это. Мы почти приехали. Думаю, вам лучше держаться леса. Готовы?

— Да. Где я смогу найти вас? Я хочу сказать — потом, после этого...

— О Рэдер, вы совсем не слушаете. Бегите по лесу, пока не найдете овражек. Он небольшой, но там хоть укрыться можно.

— Как мне найти вас? — снова спросил Рэдер.

— Найдете по телефонной книге Манхэттена, — она остановила машину. — О'кей, Рэдер, бегите.

Он открыл дверцу.

— Подождите, — она наклонилась и поцеловала его. — Желаю вам успеха, болван. Позвоните, если выпутаетесь.

Он выскочил и бросился в лес.

Он бежал между берез и сосен, мимо уединенного домика, где из большого окна на него глазело множество лиц. Кто-то из обитателей этого домика, должно быть, и позвал бандитов, потому что они были совсем близко, когда он добрался до вымытого дождями небольшого овражка. «Эти степенные, уважающие себя граждане не хотят, чтобы я спасся, — с грустью подумал Рэдер. — Они хотят посмотреть, как меня убьют». А может, они хотят посмотреть, как он будет на волосок от смерти и все же избежит ее?

Он спустился в овражек, зарылся в густые заросли и замер. Бандиты Томпсона показались по обе стороны оврага. Они мед-

ленно шли вдоль него, внимательно вглядываясь. Рэдер сдерживал дыхание.

Послышался выстрел. Это один из бандитов подстрелил белку. Повертев немного, она смолкла.

Рэдер услышал над головой гул вертолета телестудии. Наведены ли на него телекамеры? Вполне возможно. Если какой-нибудь добрый самаритянин поможет ему...

Глядя в небо, в сторону вертолета, Рэдер придал лицу подобающее благочестивое выражение и сложил руки. Он молился про себя, потому что публике не нравилось, когда выставляли напоказ свою религиозность. Но губы его шевелились.

Он шептал настоящую молитву. Ведь однажды глухонемой, смотревший передачу, разоблачил беглеца, который вместо молитвы шептал таблицу умножения. А такие штучки не сходят с рук!

Рэдер закончил молитву. Взглянув на часы, он убедился, что осталось еще почти два часа.

Он не хотел умирать! Сколько бы ни заплатили, умирать не стоило! Он просто с ума сошел, был совершенно не в своем уме, когда согласился на это...

Но Рэдер знал, что это неправда. Он был в здравом уме и твердой памяти.

Всего неделю назад он стоял на эстраде в студии «Премии за риск», мигая в свете прожекторов, а Майк Терри тряс ему руку.

— Итак, мистер Рэдер, — сказал Терри серьезно, — вы поняли правила игры, которую собираетесь начать?

Рэдер кивнул.

— Если вы примете их, то всю неделю будете человеком, за которым охотятся. За вами будут гнаться убийцы, Джим. Опытные убийцы, которых закон преследовал за преступления, но им дарована свобода для совершения этого единственного вполне законного убийства, и они будут стараться, Джим. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Рэдер. Он понимал также, что выиграет двести тысяч долларов, если сумеет продержаться в живых эту неделю.

— Я снова спрашиваю вас, Джим Рэдер. Мы никого не заставляем играть, ставя на карту свою жизнь.

— Я хочу сыграть, — сказал Рэдер.

Майк Терри повернулся к зрителям.

— Леди и джентльмены, — сказал он. — У меня есть результаты исчерпывающего психологического исследования, сделанного по нашей просьбе незаинтересованной фирмой. Всякий,

кто пожелает, может получить копию этого заключения, выслав двадцать пять центов на покрытие почтовых расходов. Исследование показало, что Джим Рэдер вполне нормальный, психически уравновешенный человек, полностью отвечающий за свои поступки. — Он повернулся к Рэдеру. — Вы все еще хотите принять участие в состязании, Джим?

— Да, хочу.

— Отлично! — закричал Майк Терри. — Итак, Джим Рэдер, познакомьтесь с теми, кто будет стараться убить вас!

Под свист и улюлюканье зрителей на сцену стала выходить банда Томпсона.

— Взгляните на них, друзья, — произнес Майк Терри с нескрываемым презрением. — Только поглядите на них. Это человеконенавистники, коварные, злобные и абсолютно безнравственные. Для этих людей не существует других законов, кроме уродливых законов преступного мира, не существует других понятий чести, кроме тех, что необходимы трусливому наемному убийце.

Публика волновалась.

— Что вы можете сказать, Клод Томпсон? — спросил Терри.

Клод, выступавший от лица банды, подошел к микрофону. Это был худой, гладко выбритый и старомодно одетый человек.

— Я так думаю, — сказал он хрипло. — Я так думаю, мы не хуже других. Ну, вроде как солдаты на войне, они-то убивают. А возьми эти всякие там взятки или подкуп в правительстве или профсоюзах. Да все берут кто во что горазд.

Больше ничего Томпсон не мог сказать. Но как быстро и решительно Майк Терри опроверг доводы убийцы! Он разбил его в пух и прах! Вопросы Терри били точно в цель — прямо в жалкую душонку Томпсона.

К концу интервью Клод Томпсон основательно вспотел и, вытирая лицо шелковым платком, бросал быстрые взгляды на своих сообщников.

Майк Терри положил руку на плечо Рэдеру:

— Вот человек, который согласился стать вашей жертвой, если только вы сможете поймать его.

— Поймаем, — сказал Томпсон, к которому сразу же вернулась уверенность.

— Не будьте так самонадеянны, — сказал Терри. — Джим Рэдер дрался с дикими быками — теперь он выступает против шакалов. Он средний человек. Он из народа... Он — сам народ. Народ, который прикончит вас и вам подобных.

— Все равно ухлопаем, — сказал Томпсон.

— И еще, — продолжал Терри спокойно и проникновенно. — Джим Рэдер не одинок. Простые люди Америки на его

стороне. Добрые самаритяне во всех уголках нашей необъятной страны готовы прийти ему на помощь. Безоружный и беззащитный Джим Рэдер может рассчитывать на добросердечие. Он — их представитель! Так что не будьте слишком-то уверены в себе, Клод Томпсон! Обыкновенные люди, простые люди выступают за Джима Рэдера, а их ведь очень много, простых людей!

Рэдер размышлял об этом, лежа неподвижно в густых зарослях на дне овражка. Да, люди помогали ему. Но они помогали и его убийцам.

Джим содрогнулся; он сам сделал выбор и только сам за все ответствен. Это подтверждено психологическим исследованием.

И все-таки в какой мере были ответственны психологи, которые его обследовали? А Майк Терри, посуливший такую кучу денег бедному человеку? Общество сплело петлю и набросило ее на него, а он, с петлей на шее, называл это свободным волеизъявлением.

Кто же в этом виноват?

— Ага! — послышался чей-то возглас.

Рэдер поднял взгляд и увидел над собой упитанного плотного мужчину. На нем была пестрая куртка из твида. На шее висел бинокль, а в руках он держал трость.

— Мистер, пожалуйста, не говорите...

— Эй! — заорал толстяк, указывая на него тростью. — Вот он!

«Сумасшедший, — подумал Рэдер. — Проклятый дурак, наверное, думает, что они тут играют в прятки!»

— Сюда, сюда! — визжал мужчина.

Рэдер, ругаясь, вскочил на ноги и бросился прочь. Выбежав из овражка, он увидел в отдалении белое здание. К нему он и кинулся. Сзади кричал толстяк:

— Вон туда, туда! Да глядите же, болваны, вы не видите его, что ли?

Бандиты снова открыли стрельбу. Рэдер бежал, спотыкаясь о кочки. Он поравнялся с игравшими детьми.

— Вот он! — завизжали дети. — Вот он!

Рэдер застонал и бросился дальше. Добравшись до ступенек белого здания, он обнаружил, что это церковь.

В этот момент пуля ударила ему в ногу, возле колена.

Он упал и пополз в здание церкви.

Телеприемник у него в кармане говорил:

— Что за финиш, друзья мои, что за финиш! Рэдер ранен! Он ранен, друзья мои, он ползет, он страдает от боли, но он не сдался! Нет, не таков Джим Рэдер!

Рэдер лежал в приделе, около алтаря. Он слышал, как детский голосок сказал захлебываясь: «Он вошел туда, мистер Томпсон. Скорее, вы еще можете схватить его».

«Разве церковь не является убежищем, святыней?» — подумал Рэдер.

Дверь распахнулась настежь, и он понял, что никаких обычаев больше не существует. Собравшись с силами, Рэдер пополз за алтарь, потом дальше к заднему выходу.

Он оказался на старом кладбище. Он полз среди крестов, среди мраморных и гранитных могильных плит, среди каменных надгробий и грубых деревянных дощечек. Пуля стукнула в надгробие над его головой. Рэдер добрался до вырытой могилы и сполз в нее.

Он лежал на спине, глядя в небесную синеву. Вдруг черная фигура нависла над ним, заслонив небо. Звякнул металл. Фигура целилась в него.

Рэдер навсегда распрощался с надеждой.

— Стоп, Томпсон! — голос Майка Терри ревел, усиленный передатчиком.

Револьвер дрогнул.

— Сейчас одна секунда шестого! Неделя истекла! Джим Рэдер победил!

Из студии донесся нестройный приветственный крик публики. Банда Томпсона угрюмо окружила могилу.

— Он победил, друзья, он победил! — надрывался Майк Терри. — Смотрите, смотрите на экраны! Прибыли полицейские, они увозят бандитов Томпсона прочь от их жертвы — жертвы, которую они так и не смогли убить. И все это благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Взгляните, друзья мои, бережные руки вынимают Джима Рэдера из могилы, которая была его последним прибежищем. Добрая самаритянка Дженис Морроу тоже здесь. Как знать, может, это начало романа? Джим, кажется, в обмороке, друзья, они дают ему возбуждающее. Он выиграл двести тысяч долларов! А теперь несколько слов скажет сам Джим Рэдер!..

Последовала короткая пауза.

— Странно, — сказал Майк Терри. — Друзья, боюсь, сейчас мы не сможем услышать голос Джима. Доктор осматривает его. Минуточку...

Снова последовала пауза. Майк Терри вытер лоб и улыбнулся.

— Это переутомление, друзья, страшное переутомление. Так сказал доктор... Ну что ж, друзья, Джим Рэдер сейчас немного нездоров. Но это пройдет! На службе Джи-би-си лучшие психиатры и психоаналитики страны. Мы сделаем для этого храброго парня все, что будет в человеческих силах. И все это за наш счет. — Майк Терри бросил взгляд на студийные часы. — А теперь время кончать, друзья. Следите за объявлениями о нашей новой грандиоз-

ной программе ужасов. И не расстраивайтесь. Я уверен, что вскоре мы снова увидим Джима Рэдера среди нас.

Майк Терри улыбнулся и подмигнул зрителям.

— Он просто обязан выздороветь. Ведь мы все ставим на него!

ПОЕДИНОК РАЗУМОВ

Глава 1

Квидак наблюдал с пригорка, как тонкий сноп света опускается с неба. Перистый снизу, золотой сноп сиял ярче солнца. Его венчало блестящее металлическое тело скорее искусственного, чем естественного происхождения. Квидак пытался найти ему название.

Слово не вспоминалось. Память затухла в нем вместе с функциями, остались лишь беспорядочные осколки образов. Он перебирал их, просеивал обрывки воспоминаний — развалины городов, смерть тех, кто в них жил, канал с голубой водой, две луны, космический корабль...

Вот оно! Снижается *космический корабль*. Их было много в славную эпоху Квидака.

Славная эпоха канула в прошлое, погребенная под песками. Уцелел только Квидак. Он еще жил, и у него оставалась высшая цель, которая должна быть достигнута. Могучий инстинкт высшей цели сохранился и после того, как истончилась память и замерли функции.

Квидак наблюдал. Потеряв высоту, корабль нырнул, качнулся, включил боковые дюзы, чтобы выровняться, и, подняв облачко пыли, сел на хвост посреди бесплодной равнины.

И Квидак, побуждаемый сознанием высшей цели Квидака, с трудом пополз вниз. Каждое движение отзывалось в нем острой болью. Будь Квидак самолюбивым созданием, он бы не вынес и умер. Но он не знал себялюбия. Квидаки имели свое предназначение во Вселенной. Этот корабль, первый за бесконечные годы, был мостом в другие миры, к планетам, где Квидак смог бы обрести новую жизнь и послужить местной фауне.

Он одолевал сантиметр за сантиметром и не знал, хватит ли у него сил доползти до корабля пришельцев, прежде чем тот улетит с этой пыльной и мертвой планеты.

Йенсен, капитан космического корабля «Южный Крест», был по горло сыт Марсом. Они провели тут десять дней, а результат? И ни одной стоящей археологической находки, ни единого обнадеживающего намека на некогда существовавший город — вроде того, что экспедиция «Полариса» открыла на Южном полюсе. Тут был только песок, да несколько чахоточных кустиков, да пара-другая покатых пригорков. Их лучшим трофеем за все это время стали три глиняных черепка.

Йенсен поправил кислородную маску. Над косогором показались два возвращающихся астронавта.

— Что хорошего? — окликнул их Йенсен.

— Да вот только, — ответил инженер-механик Вейн, показывая обломок ржавого лезвия без рукоятки.

— И на том спасибо, — сказал Йенсен. — А что у тебя, Уилкс?

Штурман пожал плечами:

— Фотографии местности и больше ничего.

— Ладно, — произнес Йенсен. — Валите все в стерилизатор, и будем трогаться.

У Уилкса вытянулось лицо.

— Капитан, разрешите одну-единственную коротенькую вылазку к северу — вдруг подвернется что-нибудь по-настоящему...

— Исключено, — возразил Йенсен. — Топливо, продовольствие, вода — все рассчитано точно на десять дней. Это на три дня больше, чем было у «Полариса». Стартуем вечером.

Инженер и штурман согласно кивнули. Жаловаться не приходилось: как участники Второй марсианской экспедиции, они могли твердо надеяться на почетную, пусть и маленькую сноску в курсах истории. Они опустили снаряжение в стерилизатор, завинтили крышку и поднялись по лесенке к люку. Вошли в шлюз-камеру. Вейн задраил внешний люк и повернул штурвал внутреннего.

— Постой! — крикнул Йенсен.

— Что такое?

— Мне показалось, у тебя на ботинке что-то вроде большого клопа.

Вейн ощупал ботинки, а капитан со штурманом оглядели со всех сторон его комбинезон.

— Заверни-ка штурвал, — сказал капитан. — Уилкс, ты ничего такого не заметил?

— Ничегошеньки, — ответил штурман. — А вы уверены, кэп? На всей планете мы нашли только несколько растений, зверьем или насекомыми здесь и не пахло.

— Что-то я видел, готов поклясться, — сказал Йенсен. — Но, может, просто почудилось... Все равно надо продезинфицировать одежду перед тем, как войти. Не стоит рисковать — не дай бог, прихватим с собой какого-нибудь марсианского жучка.

Они разделись, сунули одежду и обувь в приемник и тщательно обыскали голую стальную шлюз-камеру.

— Ничего, — наконец констатировал Йенсен. — Ладно, пошли.

Вступив в жилой отсек, они задраили люк и продезинфицировали шлюз. Квидак, успевший проползти внутрь, уловил отдаленное шипение газа. Немного спустя он услышал, как заработали двигатели.

Квидак забрался в темный кормовой отсек. Он нашел металлический выступ и прилепился снизу у самой стенки. Прошло еще сколько-то времени, и он почувствовал, как корабль вздрогнул. Весь утомительно долгий космический полет Квидак провисел, уцепившись за выступ. Он забыл, что такое космический корабль, но теперь память быстро восстанавливалась. Он погружался то в чудовищный жар, то в ледяной холод. Адаптация к перепадам температуры истощила и без того скудный запас его жизненных сил. Квидак почувствовал, что может не выдержать.

Он решительно не хотел погибать. По крайней мере до тех пор, пока существовала возможность достичь высшей цели Квидака.

Прошло время, и он ощутил жесткую силу тяготения, почувствовал, как снова включились главные двигатели. Корабль садился на родную планету.

После посадки капитана Йенсена и его экипаж, согласно правилам, препроводили в Центр медконтроля, где прослушали, прозондировали и проверили, не гнездится ли в них какой-нибудь недуг.

Корабль погрузили на вагон-платформу и отвезли вдоль рядов межконтинентальных баллистических ракет и лунных кораблей на Дегазацию первой ступени. Здесь наружную обшивку корпуса обработали, задраив люки, сильными ядохимикатами. К вечеру корабль переправили на Дегазацию второй ступени, и им занялась спецкоманда из двух человек, оснащенных громоздкими баллонами со шлангами.

Они отдраили люк, вошли и закрыли его за собой. Начали они с носовой части, методично опрыскивая помещения по мере продвижения к корме. Все как будто было в порядке: никаких животных или растений, никаких следов плесени вроде той, какую завезла Первая лунная экспедиция.

— Неужели все это и вправду нужно? — спросил младший дегазатор (он уже подал рапорт о переводе в Диспетчерскую службу).

— А то как же, — ответил старший. — На таких кораблях можно завезти черт знает что.

— Пожалуй, — согласился младший. — А все-таки марсианская жизнь, если она, конечно, есть, вряд ли на Земле уцелеет. Или нет?

— Откуда мне знать? — изрек старший. — Я не биолог. Да биологи, скорее всего, и сами не знают.

— Только время даром тра... Эге!

— В чем дело? — спросил старший.

— По-моему, там что-то есть, — сказал младший. — Какая-то тварь вроде пальмового жука. Вон под тем выступом.

Старший дегазатор поплотнее закрепил маску и знаком показал помощнику сделать то же. Он осторожно приблизился к выступу, отстегивая второй шланг от заплечного баллона, и, нажав на спуск, распылил облако зеленоватого газа.

— Ну вот, — произнес он, — на твоего жука хватит. — Став на колени, он заглянул под выступ: — Ничего нет.

— Видно, померещилось, — сказал помощник.

Они на пару обработали из распылителей весь корабль, уделив особое внимание маленькому контейнеру с марсианскими находками, и, выйдя из заполненной газом ракеты, задраили люк.

— Что дальше? — спросил помощник.

— Дальше корабль простоит закупоренным трое суток, — ответил старший дегазатор, — после чего мы проведем вторичный осмотр. Ты найди мне тварь, которая протянет три дня в эдаких условиях!

Все это время Квидак висел, прилепившись к ботинку младшего дегазатора между каблуком и подошвой. Теперь он отцепился и, прислушиваясь к басовитому, раскатистому и непонятному звуку человеческих голосов, следил, как удаляются двуногие темные фигуры. Он чувствовал усталость и невыразимое одиночество.

Но его поддерживала мысль о высшей цели Квидака. Остальное не имело значения. Первый этап в достижении цели остался позади: он успешно высадился на обитаемой планете. Сейчас ему требовались вода и пища. Затем — отдых; основательный отдых, чтобы восстановить уснувшие способности. И тогда он сможет дать этому миру то, чего ему так явно недостает, — сообщество, которое способен основать один лишь Квидак.

Он медленно пополз через темную площадку, мимо пустых махин космических кораблей, добрался до проволочной ограды и ощутил, что по проволоке пропущен ток высокого напряжения. Тщательно рассчитав траекторию, Квидак благополучно проскочил в ячейку.

Этот участок оказался совсем другим. Квидак почувствовал

близко воду и пищу. Он торопливо пополз вперед — и остановился.

Ощущалось присутствие человека. И что-то еще, куда более грозное.

— Кто там? — окликнул охранник. Он застыл с револьвером в одной руке и фонариком в другой. Неделю назад на склад проникли воры и сперли три ящика с частями от ЭВМ, ожидавшими отправки в Рио. Сейчас он был готов встретить грабителей как положено.

Охранник приблизился — старик с зорким взглядом и крепкой хваткой. Луч фонарика пробежал по грузам, вспыхнул желтыми искрами в пирамиде фрезерных станков повышенной точности для Южной Африки, скользнул по водозаборному устройству (получатель — Иордания) и куче разносортного груза назначением в Рабаул.

— Выходи, а то хуже будет! — крикнул охранник.

Луч выхватил из темноты мешки риса (порт доставки Шанхай), партию электропил для Бирмы — и замер.

— Тьфу ты, черт, — пробормотал охранник и рассмеялся. Перед ним сидела, уставившись на свет, огромная красноглазая крыса. В зубах она держала какого-то необычно большого таракана.

— Приятного аппетита, — сказал охранник и, засунув револьвер в кобуру, возобновил обход.

Большой черный зверь сцапал Квидака, и твердые челюсти сомкнулись у него на спинке. Квидак попробовал сопротивляться, но внезапный луч желтого света ослепил его, и он впал в прострацию.

Желтый свет удалился. Зверь сжал челюсти, пытаясь прокусить Квидаку панцирь.

Квидак собрал последние силы и, распрямив свой длинный, в сегментах, как у скорпиона, хвост, нанес удар.

Он промахнулся, но черный зверь сразу же его выпустил. Квидак задрал хвост, изготовившись для второго удара, а зверь принялся кружить вокруг него, не желая упустить добычу.

Квидак выжидал подходящий момент. Его переполняло ликование. Это агрессивное существо может стать первым — первым на всей планете, — приобщенным к высшей цели Квидака. Эта ничтожная зверушка положит начало...

Зверь прыгнул, злобно щелкнув белыми зубами. Квидак увернулся и, молниеносно взмахнув хвостом, прицепился концевыми шипами зверю к спине. Зверь метался и прыгал, но Квидак упорно держался, сосредоточившись на первоочередной задаче — пропустить через хвостовой канал белый кристаллик и вогнать его зверю под шкуру.

Но эта важнейшая из способностей Квидака все еще к нему не вернулась. Не в силах добиться желаемого, Квидак втянул шипы, старательно нацелился и ужалил черного зверя точно между глаз. Удар, как он знал, будет смертельным.

Квидак насытился убитым противником. Особой радости он при этом не испытывал — Квидак предпочитал растительную пищу. Окончив трапезу, он понял, что ему жизненно необходим долгий отдых. Только отдых мог полностью восстановить способности и силы Квидака.

В поисках укрытия он одолел горы грузов, сваленных на площадке. Обследовав несколько тюков, он наконец добрался до штабеля тяжелых ящиков. В одном из них он обнаружил отверстие, в которое как раз смог протиснуться.

Квидак вполз в ящик и по блестящей, скользкой от смазки поверхности какого-то механизма пробрался в дальний угол. Там он погрузился в глубокий, без сновидений сон Квидаков, безмятежно положившись на то, что принесет с собой будущее.

Глава 2

1

Большая остроносая шхуна держала курс прямо на остров в кольце рифа, приближаясь к нему со скоростью экспресса. Могучие порывы северо-восточного ветра надували ее паруса, из люка, закрытого решеткой тикового дерева, доносился грохот ржавого дизеля марки «Элисон-Чемберс». Капитан и помощник стояли на мостике, разглядывая надвигавшийся риф.

— Что-нибудь видно? — спросил капитан, коренастый лысеющий человек с постоянно насупленными бровями. Вот уже двадцать пять лет он водил свою шхуну вдоль и поперек юго-западной Океании с ее не обозначенными на картах мелями и рифами. И хмурился он оттого, что никто не брался страховать его старую посудину. Их палубный груз, однако, был застрахован, и часть этого груза проделала путь от самого Огденсвилла, перевалочной базы в пустыне, где приземлялись космические корабли.

— Ничего, — ответил помощник.

Он впился глазами в ослепительно белый коралловый барьер, высматривая синий просвет, который укажет узкий проход в лагуну. Для помощника это было первое плавание к Соломоновым островам. До того как им овладела страсть к путешествиям, он работал в Сиднее мастером по ремонту телевизоров;

сейчас он решил, что капитан спятил и собирается учинить эффектное смертоубийство, бросив судно на рифы.

— По-прежнему ничего! — крикнул он. — Банки по курсу!

— Пусти-ка меня, — сказал капитан рулевому. Он крепко сжал штурвал и уперся взглядом в сплошную стену рифа.

— Ничего, — повторил помощник. — Капитан, лучше развернуться.

— Нет, а то не проскочим, — ответил капитан. Он начинал тревожиться. Но он обещал группе американцев-кладоискателей доставить груз на этот самый остров, а капитан был хозяином своего слова. Груз он получил в Рабауле, заглянул, как обычно, к поселенцам на Нью-Джорджию и на Маланту и заранее предвкушал тысячемильное плавание к Новой Каледонии, которое ожидало его после захода на этот остров.

— Вот он! — заорал помощник.

В коралловом барьере прорезалась узенькая голубая полоска. Их отделяло от нее менее тридцати ярдов, и старая шхуна шла со скоростью около восьми узлов.

Когда судно входило в проход, капитан резко крутанул штурвал, и шхуну развернуло на киле. По обе стороны мелькнул коралл, едва не задев обшивки. Раздался металлический скрежет: верхний рей грот-мачты, спружинив, чиркнул по скале, и они очутились в проходе со встречным течением в шесть узлов.

Помощник запустил двигатель на полную силу и вспрыгнул на мостик помочь капитану управиться со штурвалом. Под парусом и на дизельной тяге шхуна одолела проход, царапнув левым бортом о коралловый риф, и вошла в спокойные воды лагуны.

Капитан вытер лоб большим платком в горошек.

— Чистая работа, — произнес он.

— Ничего себе *чистая!* — взвыл помощник и отвернулся. По лицу капитана пробежала улыбка.

Они миновали стоящий на якоре маленький кеч[1]. Матросы-туземцы убрали парус, и шхуна ткнулась носом в рахитичный причал, отходивший от песчаного берега. Швартовы привязали прямо к стволам пальм. Из начинавшихся сразу над пляжем джунглей появился белый мужчина и быстрым шагом направился к шхуне под полуденным солнцем.

Он был худой и очень высокий, с узловатыми коленями и локтями. Злое солнце Меланезии наградило его не загаром, а ожогами — у него облезла кожа на носу и скулах. Его роговые

[1]Небольшое двухмачтовое парусное судно грузоподъемностью 100 — 200 тонн.

очки со сломанной дужкой скрепляла полоска лейкопластыря. Вид у него был энергичный, по-мальчишески задорный и невероятно простодушный.

Тоже мне охотник за сокровищами, подумал помощник.

— Рад вас видеть! — крикнул высокий. — А мы уж было решили, что вы совсем сгинули.

— Еще чего, — ответил капитан. — Мистер Соренсен, познакомьтесь с моим новым помощником, мистером Уиллисом.

— Очень рад, профессор, — сказал помощник.

— Я не профессор, — поправил Соренсен, — но все равно спасибо.

— Где остальные? — поинтересовался капитан.

— Там, в лесу, — ответил Соренсен. — Все, кроме Дрейка, он сейчас подойдет. Вы у нас долго пробудете?

— Только разгружусь, — сказал капитан. — Нужно поспеть к отливу. Как сокровища?

— Мы хорошо покопали и не теряем надежды.

— Но дублонов пока не выкопали? Или золотых песо?

— Ни единого, черт вас побери, — устало промолвил Соренсен. — Вы привезли газеты, капитан?

— А как же, — ответил тот. — Они у меня в каюте. Вы слышали о втором корабле на Марс?

— Слышал, передавали на коротких волнах, — сказал Соренсен. — Не очень-то много они там нашли, а?

— Можно сказать, ничего не нашли. Но все равно, только подумать! Два корабля на Марс, и, я слыхал, собираются запустить еще один — на Венеру.

Все трое огляделись и ухмыльнулись.

— Да, — сказал капитан, — по-моему, до юго-западной Океании космический век еще не добрался. А уж до *этого места* и подавно. Ну ладно, займемся грузом.

«Этим местом» был остров Вуану, самый южный из Соломоновых, рядом с архипелагом Луизиада. Это был остров вулканического происхождения, довольно большой — около двадцати миль в длину и несколько в ширину. Когда-то тут располагалось с полдюжины туземных деревушек, но после опустошительных налетов работорговцев в 1850-х годах население начало сокращаться. Эпидемия кори унесла почти всех оставшихся, а уцелевшие туземцы перебрались на Нью-Джорджию. Во время Второй мировой войны тут устроили наблюдательный пункт, но корабли сюда не заходили. Японское вторжение захватило Новую Гвинею, самые северные из Соломоновых островов, и прокатилось еще дальше на север через Микронезию. К концу войны Вуану оставался все таким же заброшенным. Его не превратили ни в птичий заповедник, как остров Кантон, ни в ретрансляци-

онную станцию, как остров Рождества, ни в заправочный пункт, как один из Кокосовых. Он никому не понадобился даже под полигон для испытания атомной, водородной или иной бомбы. Вуану представлял собой никудышный, сырой, заросший участок суши, где мог хозяйничать всякий, кому захочется.

Уильяму Соренсену, директору-распорядителю сети винторговых магазинов в Калифорнии, захотелось похозяйничать на Вуану.

У Соренсена была страсть — охота за сокровищами. В Луизиане и Техасе он искал сокровища Лафитта, а в Аризоне — Забытый Рудник Голландца. Ни того ни другого он не нашел. На усеянном обломками берегу Мексиканского залива ему повезло несколько больше, а на крошечном островке в Карибском море он нашел две пригоршни испанских монет в прогнившем парусиновом мешочке. Монеты стоили около трех тысяч долларов, экспедиция обошлась много дороже, но Соренсен считал, что затраты окупились с лихвой.

Много лет ему не давал покоя испанский галеон «Святая Тереза». По свидетельствам современников, судно отплыло из Манилы в 1689 году, доверху груженное золотом. Неповоротливый корабль угодил в шторм, был снесен к югу и напоролся на риф. Восемнадцать человек, уцелевших при крушении, ухитрились выбраться на берег и спасти сокровище. Они закопали золото и в корабельной шлюпке отплыли под парусом на Филиппины. Когда шлюпка достигла Манилы, в живых оставалось всего двое.

Островом сокровищ предположительно должен был быть один из Соломоновых. Но какой именно?

Этого не знал никто. Кладоискатели разыскивали тайник на Бугенвиле и Буке. Поговаривали, что он может оказаться на Малаите. Добрались даже до атолла Онтонг-Джава. Никаких сокровищ, однако, не обнаружили.

Основательно изучив проблему, Соренсен пришел к выводу, что «Святая Тереза», по всей вероятности, умудрилась проплыть между Соломоновыми островами чуть ли не до архипелага Луизиада и тут только разбилась о риф Вуану.

Мечта поискать сокровища на Вуану так бы и осталась мечтой, не повстречай Соренсен Дэна Дрейка — еще одного из той же породы кладоискателей-любителей и к тому же, что важнее, — владельца пятидесятипятифутового кеча.

Так в один прекрасный вечер за рюмкой спиртного родилась экспедиция на Вуану.

Они подобрали еще несколько человек. Привели кеч в рабочее состояние. Скопили деньги, собрали снаряжение. Продумали, где еще в юго-западной Океании мог быть захоронен тай-

ник. Наконец согласовали отпуска, и экспедиция отбыла по назначению.

Они вот уже три месяца работали на Вуану и пребывали в добром настроении, несмотря на неизбежные в такой маленькой группе трения и разногласия. Шхуна, доставившая припасы и груз из Сиднея и Рабаула, была их единственной связью с цивилизованным миром на ближайшие полгода.

Экипаж занимался выгрузкой под надзором Соренсена. Он нервничал, опасаясь, как бы в последнюю минуту не грохнули где какой-нибудь механизм, который везли сюда за шесть с лишним тысяч миль. О замене не могло быть и речи, так что если они чего недосчитаются, придется им без этого как-то обходиться. Он с облегчением вздохнул, когда последний ящик — в нем был детектор металла — благополучно переправили через борт и втащили на берег выше отметки максимального уровня прилива.

С этим ящиком вышла небольшая накладка. Осмотрев его, Соренсен обнаружил в одном углу дыру с двадцатицентовую монету; упаковка оказалась с брачком.

Подошел Дэн Дрейк, второй руководитель экспедиции.

— Что стряслось? — спросил он.

— Дырка в ящике, — ответил Соренсен. — Может, попала морская вода. Весело нам придется, если детектор начнет барахлить.

— Давай вскроем и поглядим, — кивнул Дрейк. Это был низкорослый, широкоплечий, дочерна загорелый брюнет с редкими усиками и короткой стрижкой. Старая шапочка яхтсмена, которую он натягивал до самых глаз, придавала ему сходство с упрямым бульдогом. Он извлек из-за пояса большую отвертку и вставил в отверстие.

— Не спеши, — остановил его Соренсен. — Оттащим-ка сперва его в лагерь. Ящик нести легче, чем аппарат в смазке.

— И то верно, — согласился Дрейк. — Берись с другого конца.

Лагерь был разбит в ста ярдах от берега, на вырубке, где находилась брошенная туземцами деревушка. Кладоискатели сумели заново покрыть пальмовым листом несколько хижин. Стоял тут и старый сарай для копры под кровом из оцинкованного железа — в нем они держали припасы. Сюда даже долетал слабый ветерок с моря. За вырубкой сплошной серо-зеленой стеной поднимались джунгли.

Соренсен и Дрейк опустили ящик на землю. Капитан — он сопровождал их и нес газеты — посмотрел на хилые лачуги и покачал головой.

— Не хотите промочить горло, капитан? — спросил Соренсен. — Вот только льда у нас нет.

— Не откажусь, — сказал капитан. Он не мог понять, что за сила гонит людей в такую забытую богом дыру в погоне за мифическими испанскими сокровищами.

Соренсен вынес из хижины бутылку виски и алюминиевую кружку. Дрейк, вооружившись отверткой, сосредоточенно вскрыл ящик.

— Как на вид? — спросил Соренсен.

— Нормально, — ответил Дрейк, осторожно извлекая детектор. — Смазки не пожалели. Повреждений вроде бы нет...

Он отпрыгнул, а капитан шагнул и с силой вогнал каблук в песок.

— В чем дело? — спросил Соренсен.

— Похоже, скорпион, — сказал капитан. — Выполз прямо из вашего ящика. Мог и ужалить кого. Мерзкая тварь!

Соренсен пожал плечами. За три месяца на Вуану он привык к тому, что кругом кишат насекомые, так что еще одна тварь погоды не делала.

— Повторить? — предложил он.

— И хочется, да нельзя, — вздохнул капитан. — Пора отчаливать. У вас все здоровы?

— Пока что все, — ответил Соренсен и, улыбнувшись, добавил: — Если не считать запущенных случаев золотой лихорадки.

— Здесь вам ни в жизнь золота не найти, — убежденно произнес капитан. — Через полгодика загляну вас проведать. Удачи!

Обменявшись рукопожатиями, капитан спустился к лагуне и поднялся на шхуну. Когда закат тронул небо первым розоватым румянцем, судно отчалило. Соренсен и Дрейк провожали его глазами, пока оно одолевало проход. Еще несколько минут его мачты просматривались над рифом, потом скрылись за горизонтом.

— Ну, — сказал Дрейк, — вот мы, сумасшедшие американцы-кладоискатели, и снова одни.

— Тебе не кажется, что он что-то почуял? — спросил Соренсен.

— Уверен, что нет. Мы для него — безнадежные психи.

Они ухмыльнулись и взглянули на лагерь. Под сараем для копры было зарыто золотых и серебряных слитков примерно на пятьдесят тысяч долларов. Их откопали в джунглях, перенесли в лагерь и снова аккуратно закопали. В первый же месяц экспедиция обнаружила часть сокровищ со «Святой Терезы», и все указывало на то, что найдутся и остальные. А так как по закону никаких прав на остров у них не было, они совсем не спешили трубить об успехе. Стоит известию просочиться, как алчущие

золота бродяги от Перта до Папеэте все как один ринутся на Вуану.

— Скоро и ребята придут, — сказал Дрейк. — Поставим мясо тушиться.

— Самое время, — ответил Соренсен. Он прошел несколько шагов и остановился: — Странно.

— Что странно?

— Да этот скорпион, которого раздавил капитан. Он исчез.

— Значит, капитан промазал, — сказал Дрейк. — А может, только вдавил его в песок. Нам-то что за забота?

— Да в общем никакой, — согласился Соренсен.

2

Эдвард Икинс шел по зарослям, закинув на плечо лопату с длинной ручкой, и задумчиво сосал леденец. Первый за много месяцев леденец казался ему пищей богов. Настроение у него было прекрасное. Накануне шхуна доставила не только инструменты и запчасти, но также продукты, сигареты и сладости. На завтрак у них была яичница с настоящей свиной грудинкой. Еще немного — и экспедиция приобретет вполне цивилизованный облик.

Рядом в кустах что-то зашуршало, но Икинс шел своей дорогой, не обращая внимания.

Это был худой сутуловатый человек, рыжеволосый, дружелюбный, с бледно-голубыми глазами. Он не умел располагать к себе и понимал, как ему повезло, что его взяли в экспедицию. Хозяин бензоколонки, он был беднее других и не смог полностью внести в общий котел свою долю, из-за чего его до сих пор грызла совесть. В экспедицию его взяли потому, что он был страстным и неутомимым охотником за сокровищами и хорошо знал джунгли. Не меньшую роль сыграло и то, что он оказался опытным радистом и вообще мастером на все руки. Передатчик на кече работал у него безотказно, несмотря на морскую соль и плесень.

Теперь он, понятно, мог внести свой пай целиком. Но раз они и в самом деле разбогатели, это теперь уже не считалось. Вот если б найти какой-нибудь способ...

В кустах снова зашуршало.

Икинс остановился и подождал. Кусты дрогнули, и на тропинку вышла мышь.

Икинс остолбенел. Мыши, как большинство диких зверушек на острове, боялись человека. Они хоть и кормились на ла-

герной помойке, когда крысы первыми не добирались до отбросов, однако старательно избегали встречи с людьми.

— Шла бы ты себе домой, — посоветовал Икинс мыши.

Мышь уставилась на Икинса. Икинс уставился на мышь. Хорошенький светло-шоколадный зверек величиной не больше четырех-пяти дюймов вовсе не выглядел испуганным.

— Пока, мышенция, — сказал Икинс, — некогда мне, у меня работа.

Он переложил лопату на другое плечо и повернулся, чтобы идти. Поворачиваясь, он краем глаза уловил, как метнулось коричневое пятнышко, и инстинктивно отпрянул. Мышь проскочила мимо, развернулась и подобралась для повторного прыжка.

— Ты что, спятила? — осведомился Икинс.

Мышь ощерила крохотные зубки и прыгнула. Икинс отбил нападение.

— А ну, вали отсюда к чертовой матери, — сказал он. Ему подумалось: может, она и вправду сошла с ума или взбесилась?

Мышь изготовилась для новой атаки. Икинс поднял лопату и замер, выжидая. Когда мышь прыгнула, он встретил ее точно рассчитанным ударом. Потом скрепя сердце осторожно добил.

— Нельзя же, чтобы бешеная мышь разгуливала на воле, — произнес он. Но мышь не походила на бешеную — она просто была очень целеустремленной.

Икинс поскреб в затылке. А все-таки, подумал он, что же вселилось в эту мелкую тварь?

Вечером в лагере рассказ Икинса был встречен взрывами хохота. Поединок с мышью — такое было вполне в духе Икинса. Кто-то предложил ему впредь ходить с ружьем — на случай, если мышиная родня надумает отомстить. В ответ Икинс только сконфуженно улыбался.

Два дня спустя Соренсен и Эл Кейбл в двух милях от лагеря заканчивали утреннюю смену на четвертом участке. На этом месте детектор показал залегание. Они углубились уже на семь футов, но пока что накопали лишь большую кучу желтовато-коричневой земли.

— Видимо, детектор наврал, — сказал, устало вытирая лицо, Кейбл, дородный человек с младенчески-розоватой кожей. На Вуану он спустил вместе с потом двадцать фунтов веса, подхватил тропический лишай в тяжелой форме и по горло насытился охотой за сокровищами. Ему хотелось одного — поскорей очутиться у себя в Балтиморе, в своем насиженном кресле хозяина агентства по продаже подержанных автомобилей. Об этом он заявлял решительно, неоднократно и в полный голос. В экспедиции он единственный оказался плохим работником.

— С детектором все в порядке, — возразил Соренсен. —

Тут, на беду, почва болотистая. Тайник, должно быть, ушел глубоко в землю.

— Можно подумать, на все сто футов, — отозвался Кейбл, со злостью всадив лопату в липкую грязь.

— Что ты, — сказал Соренсен, — под нами базальтовая скала, а до нее самое большее двадцать футов.

— Двадцать футов! Зря мы не взяли на остров бульдозер.

— Пришлось бы выложить круглую сумму, — примирительно ответил Соренсен. — Ладно, Эл, давай собираться, пора в лагерь.

Соренсен помог Кейблу выбраться из ямы. Они обтерли лопаты и направились было к узкой тропе, что вела в лагерь, но тут же остановились.

Из зарослей, преградив им дорогу, выступила огромная, безобразного вида птица.

— Это что еще за диковина? — спросил Кейбл.

— Казуар.

— Ну так наподдадим ему, чтоб не торчал на дороге, и пойдем себе.

— Полегче, — предупредил Соренсен. — Если кто кому и наподдаст, так это он нам. Отступаем без паники.

Это была черная, похожая на страуса птица высотой в добрых пять футов, на мощных ногах. Трехпалые лапы заканчивались внушительными кривыми когтями. У птицы были короткие недоразвитые крылья и желтоватая костистая головка; с шеи свешивалась яркая красно-зелено-фиолетовая бородка.

— Он опасный? — спросил Кейбл.

Соренсен утвердительно кивнул:

— На Новой Гвинее эти птицы, случалось, насмерть забивали аборигенов.

— Почему мы до сих пор его не видали?

— Обычно они очень робкие, — объяснил Соренсен, — и держатся от людей подальше.

— Этого-то робким не назовешь, — сказала Кейбл, когда казуар шагнул им навстречу. — Мы сможем удрать?

— Они бегают много быстрей, — ответил Соренсен. — Ружья ты с собой, конечно, не взял?

— Конечно, нет. Кого тут стрелять?

Пятясь, они выставили перед собой лопаты наподобие копий. В кустах хрустнуло, и появился муравьед. Следом вылезла дикая свинья. Звери втроем надвигались на людей, тесня их к плотной завесе зарослей.

— Они нас гонят, — голос Кейбла сорвался на визг.

— Спокойнее, — сказал Соренсен. — Остерегаться нужно одного казуара.

— А муравьеды опасны?

— Только для муравьев.

— Черта с два, — сказал Кейбл. — Билл, на этом острове все животные тронулись. Помнишь Икинсову мышь?

— Помню, — ответил Соренсен. Они отступили до конца вырубки. Спереди напирали звери во главе с казуаром, за спиной были джунгли и то неизвестное, к которому их оттесняли.

— Придется рискнуть и пойти на прорыв, — сказал Соренсен.

— Проклятая птица загородила дорогу.

— Придется ее сбить, — решил Соренсен. — Берегись лапы. Побежали!

Они бросились на казуара, размахивая лопатами. Казуар замешкался, не в силах выбрать, потом повернулся к Кейблу и выбросил правую ногу. Удар пришелся по касательной. Раздался звук вроде того, какой издает говяжий бок, если по нему треснуть плашмя большим секачом. Кейбл ухнул и повалился, схватившись за грудь.

Соренсен взмахнул лопатой и заточенным ее краем снес казуару голову. Тут на него накинулись муравьед и свинья. От них он отбился лопатой. Затем — и откуда только силы взялись? — наклонился, взвалил Кейбла на спину и припустил по тропе.

Через четверть мили он совсем выдохся, пришлось остановиться. Не было слышно ни звука. Судя по всему, свинья с муравьедом отказались от преследования. Соренсен занялся пострадавшим.

Кейбл очнулся и вскоре смог идти, опираясь на Соренсена. Добравшись до лагеря, Соренсен созвал всех участников экспедиции. Пока Икинс перебинтовывал Кейблу грудь эластичным бинтом, он сосчитал пришедших. Одного не хватало.

— Где Дрейк? — спросил Соренсен.

— На той стороне, удит рыбу на северном берегу, — ответил Том Рисетич. — Сбегать позвать?

Соренсен подумал, потом сказал:

— Нет. Сперва я объясню, с чем мы столкнулись. Затем раздадим оружие. А уж затем попробуем найти Дрейка.

— Послушай, что у нас тут происходит? — спросил Рисетич.

И Соренсен рассказал им о том, что случилось на четвертом участке.

В рационе кладоискателей рыба занимала большое место, а ловля рыбы была любимым занятием Дрейка. Поначалу он отправился на ловлю с маской и гарпунным ружьем. Но в этом богоспасаемом уголке водилось слишком много голодных и на-

хальных акул, так что он скрепя сердце отказался от подводной охоты и удил на леску с подветренного берега.

Закрепив лесы, Дрейк улегся в тени пальмы. Он дремал, сложив на груди крупные руки. Его пес Оро рыскал по берегу в поисках раков-отшельников. Оро был добродушным существом неопределенной породы — отчасти эрдель, отчасти терьер, отчасти бог весть что. Вдруг он зарычал.

— Не лезь к крабам, — крикнул Дрейк, — доиграешься: снова клешни отведаешь.

Оро продолжал рычать. Дрейк перекатился на живот и увидел, что пес сделал стойку над большим насекомым, похожим на скорпиона.

— Оро, брось эту гадость...

Дрейк не успел и глазом моргнуть, как насекомое прыгнуло, оказалось у Оро на шее и ударило своим членистым хвостом. Оро коротко взлаял. В одну секунду Дрейк был на ногах. Он попытался прихлопнуть тварь, но та соскочила с собаки и удрала в заросли.

— Тихо, старина, — сказал Дрейк. — Смотри, какая скверная ранка! В ней может быть яд. Дай-ка мы ее вскроем.

Он крепко обнял пса — тот часто и быстро дышал — и извлек кортик. Однажды ему уже приходилось оперировать Оро — в Центральной Америке, когда того ужалила змея; а на Адирондаке он, придерживая собаку, щипцами вытягивал у нее из пасти иглы дикобраза. Пес всегда понимал, что ему помогают, и не сопротивлялся.

На этот раз собака вцепилась ему в руку.

— Оро!

Свободной рукой Дрейк сжал псу челюсти у основания, сильно нажал и парализовал мышцы, так что собака разомкнула пасть. Высвободив руку, он отпихнул Оро. Пес поднялся и пошел на хозяина.

— Стоять! — крикнул Дрейк. Пес приближался, заходя сбоку так, чтобы отрезать его от воды.

Обернувшись, Дрейк увидел, что «скорпион» снова вылез из джунглей и ползет в его сторону. Тем временем пес носился кругами, стараясь оттеснить Дрейка прямо на «скорпиона».

Дрейк не понимал, что все это значит, однако почел за благо не задерживаться и не выяснять. Подняв кортик, он запустил им в «скорпиона», но промахнулся. Тварь оказалась в опасной близости и могла прыгнуть в любую секунду.

Дрейк ринулся к океану. Оро попытался ему помешать, но он пинком отбросил пса с дороги, бросился в воду и поплыл вокруг острова к лагерю, уповая, что успеет добраться раньше, чем до него самого доберутся акулы.

3

В лагере спешно вооружались. Насухо протерли винтовки и револьверы, извлекли и повесили на грудь полевые бинокли. Раздали патроны. Мигом разобрали все имевшиеся мачете и топоры. Распаковали оба экспедиционных переговорных устройства и собрались идти искать Дрейка, но тут он сам выплыл из-за мыса, неутомимо работая руками.

Он выбрался на берег усталый, но невредимый. Сопоставив все факты, кладоискатели пришли к некоторым малоприятным выводам.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — вопросил Кейбл, — что все это вытворяет какая-то *букашка?*

— Похоже на то, — ответил Соренсен. — Приходится допустить, что насекомое способно управлять чужим сознанием — с помощью там гипноза или, может быть, телепатии.

— Сперва ему нужно ужалить, — добавил Дрейк. — С Оро так и случилось.

— У меня просто в голове не укладывается, что за всем этим стоит скорпион, — сказал Рисетич.

— Это не скорпион, — возразил Дрейк. — Я его видел вблизи. Хвост напоминает скорпионий, но голова раза в четыре больше, да и тельце другое. Присмотреться, так он вообще ни на что не похож, мне такого не доводилось встречать.

— Как ты думаешь, это насекомое с нашего острова? — спросил Монти Бирнс, кладоискатель из Индианаполиса.

— Вряд ли, — ответил Дрейк. — Если это местная тварь, почему она целых три месяца не трогала ни нас, ни животных?

— Верно, — сказал Соренсен. — Все беды начались после прибытия шхуны. Видимо, шхуна и завезла откуда-то эт... Постойте!

— Что такое? — спросил Дрейк.

— Помнишь того скорпиона, которого хотел раздавить капитан, он еще выполз из ящика с детектором? Тебе не кажется, что это та самая тварь?

Дрейк пожал плечами:

— Вполне возможно. Но, по-моему, для нас сейчас важно не откуда она взялась, а как с ней быть.

— Она управляет зверьем, — оказал Бирнс. — Интересно, а человеком она сможет управлять?

Все приумолкли. Они сидели кружком возле сарая для копры и, разговаривая, поглядывали на джунгли, чтобы не прозевать появления зверя или «скорпиона».

Соренсен произнес:

— Имеет смысл попросить по радио о помощи.

— Если попросим, — сказал Рисетич, — кто-нибудь мигом разнюхает про сокровища «Святой Терезы». Нас обставят — чихнуть не успеем.

— Возможно, — ответил Соренсен. — Но и на самый худой конец наши затраты окупились, набегает даже маленькая прибыль.

— А если нам не помогут, — добавил Дрейк, — мы, чего доброго, и вывезти-то отсюда ничего не сумеем.

— Не так уж все страшно, — возразил Бирнс. — У нас есть оружие, со зверями как-нибудь да управимся.

— Ты еще этой твари не видел, — заметил Дрейк.

— Мы ее раздавим.

— Это не так-то легко, — сказал Дрейк. — Она дьявольски юркая. И как, интересно, ты будешь ее давить, если в одну прекрасную ночь она заползет к тебе в хижину, пока ты спишь? Выставляй часовых — они ее даже и не заметят.

Бирнс невольно поежился:

— М-да, пожалуй, ты прав. Попросим-ка лучше помощи по радио.

— Ладно, ребята, — сказал, поднимаясь, Бирнс, — я так понимаю, что это по моей части. Дай бог, чтоб аккумуляторы на кече не успели сесть.

— Туда идти опасно, — сказал Дрейк. — Будем тянуть жребий.

Предложение развеселило Икинса:

— Значит, тянуть? А кто из вас сможет работать на передатчике?

— Я смогу, — заявил Дрейк.

— Ты не обижайся, — сказал Икинс, — но ты не сладишь даже с этой твоей дерьмовой рацией. Ты морзянки и то не знаешь — как ты отстучишь сообщение? А если рация выйдет из строя, ты сумеешь ее наладить?

— Нет, — ответил Дрейк. — Но дело очень рискованное. Пойти должны все.

Икинс покачал головой:

— Как ни крути, а самое безопасное — если вы прикроете меня с берега. До кеча эта тварь, скорее всего, еще не додумалась.

Икинс сунул в карман комплект инструмента и повесил через плечо одно из переговорных устройств. Второе он передал Соренсену. Он быстро спустился к лагуне и, миновав баркас, столкнул в воду маленькую надувную лодку. Кладоискатели разошлись по берегу с винтовками на изготовку. Икинс сел в лодку и опустил весла в безмятежные воды лагуны.

Они видели, как он пришвартовался к кечу, с минуту по-

медлил, оглядываясь по сторонам, затем взобрался на борт, дернул крышку люка и исчез внизу.

— Все в порядке? — осведомился Соренсен по своему переговорному устройству.

— Пока что да, — ответил Икинс; голос его звучал тонко и резко. — Включаю передатчик. Через пару минут нагреется.

Дрейк толкнул Соренсена:

— Погляди-ка.

На рифе по ту сторону кеча происходило какое-то движение. Соренсен увидел в бинокль, как три большие серые крысы скользнули в воду и поплыли к кечу.

— Стреляйте! — скомандовал Соренсен. — Икинс, выбирайся оттуда!

— У меня заработал передатчик, — ответил Икинс. — Минута-другая — и я отстучу сообщение.

Пули поднимали вокруг крыс белые фонтанчики. Одну удалось подстрелить, но две уцелевшие успели доплыть до кеча и укрыться за ним. Разглядывая риф в бинокль, Соренсен заметил муравьеда. Тот перебрался через риф и плюхнулся в воду, дикая свинья — за ним следом.

В устройстве послышался треск атмосферных помех.

— Икинс, ты отправил сообщение? — спросил Соренсен.

— Нет, Билл, — отозвался Икинс. — И послушай, никаких сообщений *не надо!* Этому «скорпиону» нужно...

Звук оборвался.

— Что там у тебя? — крикнул Соренсен. — Что происходит?

Икинс появился на палубе. С переговорным устройством в руках он, пятясь, отступал к корме.

— Раки-отшельники, — объяснил он, — взобрались по якорному канату. Я думаю возвращаться вплавь.

— Не стоит, — сказал Соренсен.

— Придется, — возразил Икинс. — По-моему, они припустят за мной. А вы все плывите сюда и *заберите передатчик.* Доставьте его на остров.

В бинокль Соренсен разглядел раков-отшельников — серый шевелящийся ковер покрывал всю палубу. Икинс нырнул и поплыл к берегу, яростно рассекая воду. Соренсен заметил, что крысы изменили курс и повернули за Икинсом. С кеча лавиной посыпались раки-отшельники. Свинья с муравьедом тоже последовали за Икинсом, пытаясь первыми добраться до берега.

— Живей, — бросил Соренсен. — Не знаю, что там выяснил Икинс, но, пока есть возможность, надо захватить передатчик.

Они подбежали к воде и столкнули баркас. За две сотни

ярдов от них, на дальнем конце пляжа, Икинс выбрался на сушу. Звери почти что настигли его. Он кинулся в джунгли, по-прежнему прижимая к себе аппарат.

— Икинс, — позвал Соренсен.

— У меня все в порядке, — ответил тот, с трудом переводя дыхание. — Забирайте передатчик и не забудьте аккумуляторы!

Кладоискатели поднялись на кеч, поспешно отодрали передатчик от переборки и по трапу выволокли на палубу. Последним поднялся Дрейк с двенадцативольтовым аккумулятором. Он снова спустился и вынес второй аккумулятор. Подумал — и спустился еще раз.

— Дрейк! — заорал Соренсен. — Хватит, ты всех задерживаешь!

Дрейк появился с компасом и двумя радиопеленгаторами. Передав их на баркас, он прыгнул следом.

— Порядок, — сказал он. — Отчаливай.

Они налегли на весла, торопясь в лагерь. Соренсен пытался восстановить связь с Икинсом, однако в наушниках раздавался только треск помех. Но когда баркас выполз на песок, Соренсен услышал Икинса.

— Меня окружили, — сообщил тот вполголоса. — Похоже, мне таки доведется узнать, что нужно мистеру «скорпиону». Правда, может, я первый его припечатаю.

Наступило продолжительное молчание, затем Икинс произнес:

— Вот он ко мне подползает. Дрейк правду сказал. Я-то уж точно в жизни не видал ничего похожего. Сейчас попробую раздавить его к чер...

Они услышали, как он вскрикнул — скорее от удивления, чем от боли. Соренсен спросил:

— Икинс, ты меня слышишь? Ты где? Мы тебе можем помочь?

— Он и *вправду* верткий, — отозвался Икинс своим обычным голосом. — Такой верткой твари я в жизни не видывал. Вскочил мне на шею, ужалил и был таков...

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Соренсен.

— Хорошо. Было почти не больно.

— Где «скорпион»?

— Удрал в заросли.

— А звери?

— Ушли. Знаешь, — сказал Икинс, — может, людей эта тварь не берет. Может...

— Что? — спросил Соренсен. — Что с тобой происходит?

Наступило долгое молчание, потом раздался негромкий спокойный голос Икинса:

— Мы поговорим позднее. А сейчас нам нужно посовещаться и решить, что с вами делать.

— Икинс!

Ответа не последовало.

4

В лагере царило глубокое уныние. Они не могли взять в толк, что именно произошло с Икинсом, а размышлять на эту тему никому не хотелось. С неба било злое послеполуденное солнце, отражаясь от белого песка волнами зноя. Сырые джунгли дымились; казалось, они, как огромный сонный зеленый дракон, исподволь подбираются к людям, тесня их к равнодушному океану. Стволы у винтовок так накалились, что к ним невозможно было притронуться; вода во флягах стала теплой, как кровь. Вверху понемногу скапливались, громоздились друг на друга плотные серые кучевые облака. Начинался сезон муссонов.

Дрейк сидел в тени сарая для копры. Он стряхнул с себя сонную одурь ровно настолько, чтобы прикинуть, как им оборонять лагерь. Джунгли вокруг он рассматривал как вражескую территорию. Перед джунглями они расчистили полосу шириной в полсотни ярдов. Эту ничейную землю, возможно, какое-то время еще удастся отстаивать.

Затем наступит черед последней линии обороны — хижин и сарая для копры. Далее — берег и океан.

Три с половиной месяца они были на острове полновластными хозяевами, теперь же оказались прижатыми к узкой ненадежной полоске берега.

Через плечо Дрейк бросил взгляд на лагуну и вспомнил, что у них еще остается путь к отступлению. Если эта тварь слишком уж насядет со своим проклятым зверинцем, они смогут удрать на кече. Если повезет.

Подошел Соренсен и присел рядом.

— Что поделываешь? — спросил он.

Дрейк кисло усмехнулся:

— Разрабатываю генеральный стратегический план.

— Ну и как?

— Думаю, сможем продержаться. У нас полно боеприпасов. Если понадобится, зальем расчищенный участок бензином. Мы, конечно, не дадим этой твари выставить нас с острова. — Дрейк на минуту задумался. — Но искать сокровище станет безумно сложно.

Соренсен кивнул:

— Хотел бы я узнать, что ей нужно.

— Может, узнаем от Икинса, — заметил Дрейк.

Пришлось подождать еще полчаса, прежде чем переговорное устройство заговорило. Голос Икинса звучал пронзительно резко:

— Соренсен? Дрейк?

— Слушаем, — отозвался Дрейк. — Что тебе сделала эта проклятая тварь?

— Ничего, — ответил Икинс. — Вы сейчас разговариваете с этой тварью. Я называюсь Квидак.

— Господи, — обратился Дрейк к Соренсену, — видно, «скорпион» его загипнотизировал.

— Нет. Вы говорите не с Икинсом под гипнозом. И не с другим существом, которое всего лишь пользуется Икинсом как передатчиком. И не с прежним Икинсом — его больше не существует. Вы говорите со многими особями, которые суть одно.

— Я что-то не пойму, — сказал Дрейк.

— Это очень просто, — ответил голос Икинса. — Я Квидак, совокупность. Но моя совокупность складывается из отдельных составляющих, таких, как Икинс, несколько крыс, пес по кличке Оро, свинья, муравьед, казуар...

— Погоди, — перебил Соренсен, — я хочу разобраться. Значит, я сейчас разговариваю *не* с Икинсом. Я разговариваю — как это — с Квидаком?

— Правильно.

— И вы — это Икинс и все другие? Вы говорите устами Икинса?

— Тоже правильно. Но это не означает, что прочие индивидуальности стираются. Совсем наоборот. Квидак — это такое состояние, такая совокупность, в которой разные составляющие сохраняют свойственные им черты характера, личные потребности и желания. Они отдают свои силы, знания и неповторимое мироощущение Квидаку как целому. Квидак — координирующий и управляющий центр, но знания, постижение, специфические навыки — все это обеспечивают индивидуальные составляющие. А все вместе мы образуем Великое Сообщество.

— Сообщество? — переспросил Дрейк. — Но вы же добиваетесь этого принуждением!

— На начальном этапе без принуждения не обойтись, иначе как другие существа узнают про Великое Сообщество?

— А они в нем останутся, если вы отключите контроль? — спросил Дрейк.

— Вопрос лишен смысла. Теперь мы образуем единую и не-

делимую совокупность. Разве ваша рука к вам вернется, если ее отрезать?

— Это не одно и то же.

— Одно и то же, — произнес голос Икинса. — Мы единый организм. Мы находимся в процессе роста. И мы от всего сердца приглашаем вас в наше Великое Сообщество.

— К чертовой матери! — отрезал Дрейк.

— Но вы просто обязаны влиться, — настаивал Квидак. — Высшая цель Квидака в том и состоит, чтобы связать все существа планеты, наделенные органами чувств, в единый совокупный организм. Поверьте, вы слишком уж переоцениваете совсем ничтожную утрату индивидуальности. Но подумайте, что вы приобретете! Вам откроются мировосприятие и специфический опыт всех остальных существ. В рамках Квидака вы сможете полностью реализовать свои потенциальные...

— Нет!

— Жаль, — произнес Квидак. — Высшая цель Квидака должна быть достигнута. Итак, добровольно вы с нами не сольетесь?

— Ни за что! — ответил Дрейк.

— В таком случае мы сольемся с *вами,* — сказал Квидак.

Раздался щелчок — он выключил устройство.

Из зарослей вышли несколько крыс и остановились там, где их не могли достать пули. Вверху появилась райская птица; она парила над расчищенным участком совсем как самолет-разведчик. Пока они на нее смотрели, крысы, петляя, рванулись к лагерю.

— Открывайте огонь, — скомандовал Дрейк, — но берегите боеприпасы.

Началась стрельба. Целиться в юрких крыс, да еще на фоне серовато-коричневой почвы, было очень трудно. К крысам тут же присоединилась дюжина раков-отшельников. Выказывая недюжинную хитрость, они бросались вперед именно тогда, когда в их сторону никто не глядел, а в следующую секунду замирали, сливаясь с защитным фоном.

Из джунглей вышел Икинс.

— Гнусный предатель, — сказал Кейбл, ловя его на мушку.

Соренсен ударом по стволу сбил прицел:

— Не смей!

— Но ведь он помогает этой твари!

— От него это не зависит, — сказал Соренсен. — К тому же он безоружный. Оставь его в покое.

Понаблюдав с минуту, Икинс скрылся в зарослях. Атакующие крысы и раки одолели половину расчищенного участка. Однако на близком расстоянии прицеливаться стало легче, и

рубеж в двадцать ярдов им так и не удалось взять. Когда же Рисетич подстрелил райскую птицу, наступление вообще захлебнулось.

— А знаешь, — сказал Дрейк, — мне кажется, мы выкрутимся.

— Возможно, — ответил Соренсен. — Не понимаю, чего Квидак хочет этим добиться. Он же знает, что нас так просто не возьмешь. Можно подумать...

— Глядите! — крикнул кто-то из обороняющихся. — Наш корабль!

Они оглянулись и поняли, зачем Квидак организовал нападение.

Пока они занимались крысами и раками, пес Дрейка подплыл к кечу и перегрыз якорный канат. Предоставленный сам себе, кеч дрейфовал по ветру, и его сносило на риф. Вот судно ударилось — сперва легко, потом крепче и через минуту, резко накренившись, прочно засело в кораллах.

В устройстве затрещало, и Соренсен поднял его с земли. Квидак сообщил:

— Кеч не получил серьезных повреждений, он только потерял подвижность.

— Черта с два, — огрызнулся Дрейк. — А если в нем, чего доброго, пробило сквозную дыру? Как вы собираетесь убраться с острова, Квидак? Или вы намерены так здесь и осесть?

— В свое время я непременно отбуду, — сказал Квидак. — И я хочу сделать так, чтобы мы отбыли все вместе.

5

Ветер утих. В небе на юго-востоке, уходя вершинами все выше и выше, громоздились серо-стальные грозовые тучи. Под гнетом их черных, плоских снизу, как наковальня, массивов жаркий неподвижный воздух всей тяжестью давил на остров. Солнце утратило свой яростный блеск, стало вишнево-красным и безучастно скатывалось в плоский океан.

Высоко в небе, куда не долетали пули, кружила одинокая райская птица. Она поднялась минут через десять после того, как Рисетич подстрелил первую.

Монти Бирнс с винтовкой на боевом взводе стоял на краю расчищенного участка. Ему выпало первому нести караул. Остальные наскоро обедали в сарае для копры. Снаружи Соренсен и Дрейк обсуждали сложившееся положение.

— На ночь придется всех загнать в сарай, — сказал Дрейк. — Рисковать слишком опасно — в темноте может напасть Квидак.

Соренсен кивнул. За один день он постарел лет на десять.

— А утром разработаем какой-нибудь план, — продолжал Дрейк. — Мы... Я что-то не то говорю, Билл?

— По-твоему, у нас есть какие-то шансы? — спросил Соренсен.

— А как же! Отличные шансы.

— Ты рассуждай практически, — сказал Соренсен. — Чем дольше это будет тянуться, тем больше зверья Квидак сможет на нас натравить. Какой у нас выход?

— Выследить его и убить.

— Проклятая тварь не крупней твоего большого пальца, — раздраженно возразил Соренсен. — Как прикажешь его выслеживать?

— Что-нибудь да придумаем, — сказал Дрейк. Соренсен начинал его тревожить. Состояние духа в экспедиции и так оставляло желать лучшего, и нечего Соренсену дальше его подрывать.

— Хоть бы кто подстрелил эту чертову птицу, — сказал Соренсен, поглядев в небо.

Примерно раз в четверть часа райская птица пикировала, чтобы рассмотреть лагерь вблизи, и, не успевал караульный прицелиться, снова взмывала на безопасную высоту.

— Мне она тоже на нервы действует, — признался Дрейк. — Может, ее для того и запустили. Но рано или поздно мы...

Он не договорил. Из сарая послышалось громкое гудение передатчика, и голос Эла Кейбла произнес:

— Внимание, внимание, вызывает Вуану. Нам нужна помощь.

Дрейк и Соренсен вошли в сарай. Сидя перед передатчиком, Кейбл бубнил в микрофон:

— Мы в опасности, мы в опасности, вызывает Вуану, нам нужна...

— Черт побери, ты хоть соображаешь, что делаешь?! — оборвал его Дрейк.

Кейбл повернулся и смерил его взглядом. По рыхлому розоватому телу Кейбла струйками лился пот.

— Прошу по радио о помощи — вот что я делаю. По-моему, я вышел на контакт, но они мне еще не ответили.

Он повертел ручку настройки, и из приемника прозвучал скучающий голос с английским акцентом:

— Значит, пешка d2—d4? Почему ты ни разу не попробовал другое начало?

Последовал шквал помех, и кто-то ответил глубоким басом:

— Твой ход. Заткнись и ходи.

— Хожу, хожу, — произнес голос с английским акцентом. — Конь f6.

Дрейк узнал голоса. Это были коротковолновики-любители — плантатор с Бугенвиля и хозяин магазинчика в Рабауле. Каждый вечер они на час выходили в эфир — поругаться и сыграть партию в шахматы.

Кейбл нетерпеливо постучал по микрофону.

— Внимание, — произнес он, — вызывает Вуану, экстренный вызов...

Дрейк подошел к Кейблу и, взяв микрофон у него из рук, осторожно положил на стол.

— Мы не можем просить о помощи, — сказал он.

— Что ты мелешь? — закричал Кейбл. — Мы должны просить!

Дрейк почувствовал, что смертельно устал.

— Послушай, если мы пошлем сигнал бедствия, на остров тут же кто-нибудь приплывет, но они не будут подготовлены к тому, что здесь творится. Квидак их захватит и использует против нас.

— А мы объясним им, что происходит, — возразил Кейбл.

— *Объясним? Что именно?* Что контроль над островом захватывает какое-то неизвестное насекомое? Они решат, что все мы свихнулись от лихорадки, и с первой же шхуной, которая курсирует между островами, направят к нам врача.

— Дэн прав, — сказал Соренсен. — В такое не поверишь, пока не увидишь собственными глазами.

— А к тому времени, — добавил Дрейк, — будет уже поздно. Икинс все понял, прежде чем до него добрался Квидак. Поэтому он и сказал, что никаких сообщений не надо.

Кейбл все еще сомневался:

— Тогда зачем он сказал, чтоб забрали передатчик?

— Затем, чтобы он не смог отправить сообщение, когда Квидак его охомутает, — ответил Дрейк. — Чем больше народа кругом, тем легче Квидаку делать свое дело. Будь у него передатчик, он бы в эту самую минуту уже вопил о помощи.

— Да, так оно вроде и выходит, — безнадежно признал Кейбл. — Но, черт побери, самим-то нам со всем этим не справиться.

— Придется справляться. Если Квидаку удастся нас захватить, а потом выбраться с острова — конец Земле-матушке. Крышка. Никаких тебе всемирных войн, ни водородных бомб с радиоактивными осадками, ни героических группок сопротивления. Все и вся превратится в составляющие этого квидачьего сообщества.

— Так или иначе, а помощь нам нужна, — стоял на своем

Кейбл. — Мы здесь одни, от всех отрезаны. Допустим, мы предупредим, чтобы корабль не подходил к берегу...

— Не выйдет, — отрезал Дрейк. — К тому же если б и захотели, мы все равно не сможем просить о помощи.

— Почему?

— Потому что передатчик не работает. Ты говорил в бездействующий микрофон.

— А принимает нормально, — возразил Кейбл.

Дрейк проверил, все ли включено.

— Приемник в порядке. Но, видимо, где-то что-то разъединилось, когда мы вытаскивали рацию с корабля. На передачу она не работает.

Кейбл несколько раз щелкнул по мертвому микрофону и положил его на место.

Все столпились вокруг приемника, следя за партией между рабаульцем и плантатором с Бугенвиля.

— Пешка с4.

— Пешка е6.

— Конь с3.

Неожиданно отрывистой очередью затрещали помехи, сошли на нет, потом снова помехи тремя отчетливыми очередями.

— Как ты думаешь, что это? — спросил Соренсен.

Дрейк пожал плечами:

— Может быть все, что угодно. Собирается шторм и...

Он не закончил фразы. Стоя у открытой двери, он заметил, что едва начались помехи, райская птица камнем упала вниз и пронеслась над лагерем. Когда же она вернулась на высоту и возобновила свое медленное кружение, помехи прекратились.

— Любопытно, — сказал он. — Ты видел, Билл? Как только снова пошли помехи, птица сразу снизилась.

— Видел, — ответил Соренсен. — Думаешь, это не случайно?

— Не знаю. Нужно проверить.

Дрейк вытащил бинокль, прибавил в динамике звук и вышел из сарая понаблюдать за джунглями. Он ждал, прислушиваясь к разговору шахматистов, который происходил за три-четыре сотни миль от острова:

— Ну, давай ходи!

— Дай же подумать минуту.

— Минуту! Слушай, я не собираюсь всю ночь торчать перед этим треклятым передатчиком. Ходи...

Раздался взрыв помех. Из джунглей семенящим шажком вышли четыре свиньи. Они продвигались медленно — как разведгруппа, которая нащупывает уязвимые места в обороне противника. Свиньи остановились — помехи кончились. Караульный Бирнс вскинул ружье и выстрелил. Животные повернули и

под треск помех скрылись в джунглях. Помехи затрещали опять — райская птица спикировала для осмотра лагеря и снова поднялась на безопасную высоту. После этого помехи окончательно прекратились.

Дрейк опустил бинокль и вернулся в сарай.

— Точно, — сказал он. — Помехи связаны с Квидаком. Мне кажется, они возникают, когда он пускает в дело зверей.

— По-твоему, он управляет ими по радио? — спросил Соренсен.

— Похоже на то, — ответил Дрейк. — Либо впрямую по радио, либо посылает приказы на длине радиоволн.

— В таком случае, — сказал Соренсен, — и сам он что-то вроде маленькой радиостанции?

— Конечно. Ну и что?

— А то, — пояснил Соренсен, — что его можно запеленговать.

Дрейк энергично кивнул, выключил приемник, пошел в угол и взял портативный пеленгатор. Он настроил его на частоту, на которой Кейбл поймал разговор между Рабаулом и Бугенвилем, включил и стал в дверях.

Все следили за тем, как он вращает рамочную антенну. Он засек сигнал наибольшей мощности, медленно повернул рамку, снял пеленг и перевел его на компасе в азимут. Затем сел и развернул мелкомасштабную карту юго-западной Океании.

— Ну как? — поинтересовался Соренсен. — Это Квидак?

— Должен быть он, — ответил Дрейк. — Я засек твердый нуль почти точно на юге. Он прямо перед нами, в джунглях.

— А это не отраженный сигнал?

— Я взял контрольный пеленг.

— Может, это какая-нибудь радиостанция?

— Исключено. Следующая станция прямо на юге — Сидней, а до него тысяча семьсот миль. Для нашего пеленгатора многовато. Нет, это Квидак, можно не сомневаться.

— Стало быть, у нас есть способ его обнаружить, — сказал Соренсен. — Двое пойдут в джунгли с пеленгаторами.

— И расстанутся с жизнью, — закончил Дрейк. — Мы можем запеленговать Квидака, но его звери обнаружат нас куда быстрей. Нет, в джунглях у нас нет ни малейшего шанса.

— Выходит, это нам ничего не дает, — сказал Соренсен с убитым видом.

— Дает, и много, — возразил Дрейк. — Теперь у нас появилась надежда.

— То есть?

— Он управляет животными по радио. Мы знаем, на какой

частоте он работает, и можем ее занять. Будем глушить его сигналы.

— Ты уверен?

— Уверен? Конечно, нет. Но я знаю, что две радиостанции в одной зоне не могут работать на одной частоте. Если мы настроимся на частоту Квидака и сумеем забить его сигналы...

— Понимаю, — сказал Соренсен. — Может, что-нибудь и получится! Если нам удастся заблокировать его сигналы, он не сможет управлять зверьем, а уж тогда запеленговать его будет нетрудно.

— Хороший план, — сказал Дрейк, — но с одним маленьким недостатком: передатчик у нас не работает. Без передатчика нет передачи, а без передачи — глушения.

— Ты сумеешь его починить? — спросил Соренсен.

— Попробую, — ответил Дрейк. — Но особенно не надейся. Всеми радиоделами в экспедиции заведовал Икинс.

— У нас есть запчасти, — сказал Соренсен. — Лампы, инструкции...

— Знаю. Дайте время, и я разберусь, что там вышло из строя. Вопрос в том, сколько времени намерен нам дать Квидак.

Медно-красный солнечный диск наполовину ушел в океан. Закатные краски тронули громаду грозовых туч и растворились в коротких тропических сумерках.

Кладоискатели принялись укреплять на ночь дверь и окна сарая.

6

Дрейк снял заднюю крышку передатчика и пришел в ужас от обилия проводов и ламп. Металлические коробочки были, скорее всего, конденсаторами, а покрытые воском цилиндрические штучки с равным успехом могли оказаться и катушками сопротивления, и чем-то еще. От одного взгляда на это непонятное и хрупкое хозяйство голова шла кругом. Как в нем разобраться? И с чего начать?

Он включил рацию и выждал несколько минут. Кажется, горели все лампы — одни ярко, другие тускло. Он не обнаружил ни одного оборванного провода. Микрофон по-прежнему не работал.

Итак, с поверхностным осмотром покончено. Следующий вопрос: получает ли рация достаточно питания?

Он выключил ее и проверил батареи аккумулятора вольтметром. Батареи были заряжены до предела. Он снял свинцовые

колпачки, почистил и поставил обратно, проследив, чтобы они плотно сели на место. Проверил все контакты, прошептал льстивую молитву и включил передатчик.

Передатчик все так же молчал.

Дрейк с проклятием выключил его в очередной раз.

Он решил заменить все лампы, начиная с тусклых. Если это не поможет, он попробует заменить конденсаторы и катушки сопротивления. А если и это ничего не даст, то пустить себе пулю в лоб никогда не поздно. С этой жизнерадостной мыслью он распечатал комплект запчастей и принялся за дело.

Все остальные тоже были в сарае — заканчивали подготовку к ночи. Дверь заперли и посадили на клинья. Два окна пришлось оставить открытыми для доступа воздуха — в противном случае кладоискатели просто задохнулись бы от жары. Но к каждой раме прибили по сложенной вдвое крепкой противомоскитной сетке, а у окон поставили часовых.

Через плоскую крышу из оцинкованного железа ничто не могло приникнуть, но земляной пол, хоть и был хорошо утрамбован, все же вызывал опасения. Оставалось одно — не сводить с него глаз.

Кладоискатели устраивались на ночь, которая обещала быть долгой. Дрейк продолжал возиться с передатчиком, повязав лоб носовым платком, чтобы пот не тек в глаза.

Через час зажужжало переговорное устройство.

Соренсен ответил на вызов:

— Что вам нужно?

— Мне нужно, — произнес Квидак голосом Икинса, — чтобы вы прекратили бессмысленное сопротивление. Я хочу, чтобы вы со мной слились. У вас было время обдумать положение, и вы должны понимать, что другого выхода нет.

— Мы не хотим с вами сливаться, — сказал Соренсен.

— Вы должны, — заявил Квидак.

— Вы собираетесь нас заставить?

— Это сопряжено с трудностями, — ответил Квидак. — Мои звериные составляющие не годятся как инструмент принуждения. Икинс — замечательный механизм, но он у нас один. Сам я не имею права подвергаться опасности — это поставит под угрозу высшую цель Квидака.

— Получается тупик, — заметил Соренсен.

— Нет. Нам сложно только вас захватить. Убить вас совсем не трудно.

Все, кроме Дрейка, поежились, он же, занятый передатчиком, даже не поднял головы.

— Мне бы *не хотелось* вас убивать, — продолжал Квидак. — Но все решает высшая цель Квидака, а она подвергнется риску,

если вы не вольетесь, и окажется под угрозой, если вы покинете остров. Поэтому вы или вольетесь, или будете ликвидированы.

— Мне это видится по-другому, — сказал Соренсен. — Если вы нас убьете — допустим, вы в состоянии нас убить, — вам ни за что не выбраться с острова. Икинс не справится с кечем в одиночку.

— Отплывать на кече нет никакой необходимости, — возразил Квидак. — Через полгода сюда опять зайдет рейсовая шхуна. На ней мы с Икинсом и покинем остров. К этому времени никого из вас не будет в живых.

— Вы нас запугиваете, — сказал Соренсен. — С чего вы взяли, будто сможете нас убить? Днем у вас не очень-то получилось.

Он поймал взгляд Дрейка и показал на рацию.

Дрейк развел руками и вернулся к работе.

— Днем я и не пытался, — сказал Квидак. — Я займусь этим ночью. Этой ночью — чтобы не дать вам найти более действенную систему защиты. Сегодня ночью вы должны со мной слиться, *или я убью одного из вас.*

— Одного из нас?

— Да. Одного человека. Через час — другого. Возможно, это заставит оставшихся передумать и слиться. А если нет, к утру все вы погибнете.

Дрейк наклонился и шепнул Соренсену:

— Потяни резину, дай мне еще минут десять. Я, кажется, нашел, в чем загвоздка.

Соренсен произнес:

— Нам бы хотелось побольше узнать о Сообществе Квидака.

— Лучший способ узнать — это слиться.

— Но сперва мы бы все-таки хотели узнать немного больше.

— Это нельзя описать, — произнес Квидак убедительно, горячо и настойчиво. — Попытайтесь вообразить, что вы — это именно вы и в то же время вас подключили к совершенно новым разветвленным системам чувств. Вы, например, можете узнать мир, каким его ощущает собака, когда бежит лесом, ориентируясь по запаху, и этот запах для нее — и для вас тоже — так же ясен, как дорожный указатель. Совсем по-другому воспринимает действительность рак-отшельник. Через него вы постигнете медленный взаимообмен жизненных форм на стыке суши и моря. У него очень замедленное чувство времени. А вот у райской птицы наоборот — она воспринимает мгновенно и все пространство разом. Каждое существо на земле, под землей и в воде, а их множество, имеет свое собственное, особое восприятие реальности, и оно, как я обнаружил, не очень отличается от мировосприятия животных, некогда обитавших на Марсе.

— А что случилось на Марсе потом? — спросил Соренсен.

— Все формы жизни погибли, — скорбно ответил Квидак. — Все, кроме Квидака. Это случилось в незапамятные времена. А до этого на всей планете долгие века царили мир и процветание. Все живые существа были составляющими в Сообществе Квидака. Но доминантная раса оказалась генетически слабой. Рождаемость все время падала: последовала полоса катастроф. В конце концов вся жизнь прекратилась, остался один Квидак.

— Потрясающе, — заметил Соренсен с иронией.

— Это был дефект расы, — поспешил возразить Квидак. — У более стойкой расы, такой, как на вашей планете, инстинкт жизни не будет подорван. Мир и процветание будут длиться у вас бесконечно.

— Не верю. То, что случилось на Марсе, повторится и на Земле, если вам удастся ее захватить. Проходит какое-то время, и рабам просто-напросто надоедает цепляться за жизнь.

— Вы не будете рабами. Вы будете функциональными составляющими Сообщества Квидака.

— А править этим сообществом будет, разумеется, Квидак, — заметил Соренсен. — Как пирог ни режь, а начинка все та же.

— Вы судите о том, чего не знаете, — сказал Квидак. — Мы достаточно побеседовали. В ближайшие пять минут я готов умертвить одного человека. Намерены вы слиться со мной или нет?

Соренсен взглянул на Дрейка. Дрейк включил передатчик.

Пока передатчик нагревался, на крышу обрушились струи дождя. Дрейк поднял микрофон, постучал по нему и услышал в динамике щелчок.

— Работает, — сказал он.

В это мгновение что-то ударилось в затянутое сеткой окно. Сетка провисла: в ней трепыхался крылан, свирепо посматривая на людей крохотными красными глазками.

— Забейте окно! — крикнул Соренсен.

Не успел он договорить, как вторая летучая мышь врезалась в сетку, пробила ее и шлепнулась на пол. Ее прикончили, но в дыру влетели еще четыре крылана. Дрейк остервенело от них отбивался, однако не сумел отогнать их от рации. Летучие мыши метили ему прямо в глаза, и Дрейку пришлось отступить. Один крылан угодил под удар и упал на землю с переломанным крылом, но остальные добрались до рации и столкнули ее со стола.

Дрейк безуспешно попытался ее подхватить. Он услышал, как лопнули лампы, он должен был защищать глаза.

Через несколько минут они прикончили еще двух крыла-

нов, а уцелевшие удрали в окно. Окна забили досками. Дрейк наклонился и осмотрел передатчик.

— Есть надежда наладить? — спросил Соренсен.

— Ни малейшей, — ответил Дрейк. — Они выдрали все провода.

— Что же нам теперь делать?

— Не знаю.

Раздался голос Квидака:

— Вы должны немедленно дать ответ.

Никто не сказал ни слова.

— В таком случае, — произнес Квидак, — я вынужден, как ни жаль, одного из вас сейчас умертвить.

7

Дождь хлестал по железной крыше, ветер задувал все сильнее. Издалека приближались раскаты грома. Но в сарае раскаленный воздух стоял неподвижно. Висевший на центральной балке керосиновый фонарь освещал середину помещения резким желтым светом, оставляя углы в глубокой тени. Кладоискатели подались к центру, подальше от стен, и стали спинами друг к другу, что натолкнуло Дрейка на сравнение со стадом бизонов, сбившихся в круг для отпора волку, которого они чуют, хотя еще не видят.

Кейбл сказал:

— Послушайте, может, попробовать это Сообщество Квидака? Может, оно не такое уж страшное, как...

— Заткнись! — отрезал Дрейк.

— Сами подумайте, — увещевал Кейбл, — это все-таки лучше, чем помирать, скажете нет?

— Пока никто еще не умирает, — возразил Дрейк. — Сделай милость, заткнись и гляди в оба.

— Меня сейчас, кажется, вырвет, — сказал Кейбл. — Выпусти меня, Дэн.

— Блюй где стоишь, — посоветовал Дрейк. — И не забывай смотреть в оба.

— Нет у тебя права мне приказывать! — заявил Кейбл и шагнул было к двери, но сразу же отскочил.

В дюймовый зазор между дверью и полом пролез желтоватый скорпион. Рисетич припечатал его каблуком, растоптал в кашу тяжелым ботинком и завертелся на месте, отмахиваясь от трех ос, которые проникли через забитое окно.

— Плевать на ос! — крикнул Дрейк. — Следите за полом!

Из тени выползли несколько мохнатых пауков. Они ворочались на земле, а Дрейк и Рисетич лупили по ним прикладами.

Бирнс заметил, что из-под двери вылезает огромная плоская многоножка. Он попробовал на нее наступить, промахнулся, многоножка мигом очутилась у него на ботинке, потом выше — на голой икре. Бирнс взвыл: вокруг ноги у него словно обвилась раскаленная стальная лента. Он успел, однако, раздавить многоножку, прежде чем потерял сознание.

Дрейк осмотрел ранку и решил, что она не смертельна. Он растоптал еще одного паука, но тут Соренсен тронул его за плечо. Дрейк поглядел в дальний угол, куда тот показывал.

К ним скользили две большие змеи. Дрейк признал в них черных гадюк. Обычно пугливые, сейчас они наступали с бесстрашием тигра.

Кладоискатели в ужасе заметалась, пытаясь увернуться от змей. Дрейк выхватил револьвер и опустился на одно колено. Не обращая внимания на ос, которые вились вокруг, он в колеблющемся свете фонаря попытался взять на мушку изящную живую мишень.

Гром ударил прямо над головой. Долгая вспышка молнии осветила сарай, сбив Дрейку прицел. Он выстрелил, промахнулся и приготовился отразить нападение.

Змеи не стали нападать. Они уползали, отступая к крысиной норе, через которую проникли. Одна быстро проскользнула в нору, вторая двинулась следом, но остановилась на полдороге.

Соренсен тщательно прицелился из винтовки. Дрейк отвел ствол:

— Постой-ка минутку!

Змея помешкала, затем выползла из норы и снова заскользила по направлению к ним.

Новый раскат грома и яркая вспышка. Гадюка повернула назад и, извиваясь, исчезла в норе.

— В чем дело? — спросил Соренсен. — Они испугались грозы?

— Нет, вся хитрость в молнии! — ответил Дрейк. — Вот почему Квидак так спешил. Он знал, что надвигается буря, а он еще не успел закрепиться на острове.

— Что ты хочешь сказать?

— Молния, — объяснил Дрейк. — Электрическая буря! Она глушит его радиокоманды! А когда его заглушают, звери снова становятся обычными зверями и ведут себя как им и положено. Чтобы восстановить управление, ему требуется время.

— Буря когда-нибудь кончится, — сказал Кейбл.

— На наш век, может, и хватит, — сказал Дрейк. Он взял пеленгаторы и вручил один из них Соренсену. — Пойдем, Билл. Мы выследим эту тварь прямо сейчас.

— Эй, — позвал Рисетич, — а мне что делать?

— Можешь пойти поплавать, если мы через час не вернемся, — ответил Дрейк.

Дождь сек косыми струями, подгоняемый яростными порывами юго-западного ветра. Гром грохотал не смолкая, и каждая молния, как казалось Дрейку и Соренсену, метила прямо в них. Они дошли до джунглей и остановились.

— Здесь мы разойдемся, — сказал Дрейк. — Так больше шансов сойтись на Квидаке.

— Верно, — согласился Соренсен. — Береги себя, Дэн.

Соренсен нырнул в джунгли. Дрейк прошел пятьдесят ярдов вдоль опушки и тоже шагнул в заросли.

Он продирался напрямик; за поясом у него был револьвер, в одной руке пеленгатор, в другой — фонарик. Джунгли, чудилось ему, жили своей собственной злой жизнью, как будто ими заправлял Квидак. Лианы коварно обвивались вокруг ног, а кусты стремились заключить его в свои цепкие объятия. Каждая ветка так и норовила хлестнуть его по лицу, словно это доставляло ей особое удовольствие.

Пеленгатор отзывался на разряд при каждой вспышке, так что Дрейк с большим трудом держался курса. Но Квидаку, конечно, достается еще и не так, напоминал он себе. В перерывах между разрядами молний Дрейк выверял пеленг. Чем глубже он забирался в джунгли, тем сильнее становился сигнал Квидака.

Через некоторое время он отметил, что промежутки между вспышками увеличиваются. Буря уносилась к северу. Сколько еще молнии будут ему защитой? Десять, пятнадцать минут?

Он услышал поскуливание и повел фонариком. К нему приближался его пес Оро. Его ли? А может, Квидака?

— Давай, старина, — подбодрил Дрейк. Он подумал, не бросить ли пеленгатор, чтобы вытащить из-за пояса револьвер, но не знал, будет ли тот стрелять после такого ливня.

Оро подошел и лизнул ему руку. Его пес. По крайней мере пока не кончилась буря.

Они двинулись вместе. Гром переместился на север. Сигнал в пеленгаторе звучал во всю силу. Где-то тут...

Он увидел свет от другого фонарика. Навстречу ему вышел запыхавшийся Соренсен. В зарослях он порядком ободрался и поцарапался, но не потерял ни винтовки, ни пеленгатора с фонариком.

Оро яростно заскреб лапами перед кустом. Все озарилось долгой вспышкой, и они увидели Квидака.

В эти последние секунды до Дрейка дошло, что дождь кончился. Перестали сверкать и молнии. Он бросил пеленгатор. Наставив фонарик, он попытался взять на прицел Квидака, который зашевелился и прыгнул...

На шею Соренсену, точно под правой ключицей.

Соренсон вскинул и опустил руки. Он повернулся к Дрейку и, не дрогнув ни единым мускулом, поднял винтовку. У него был такой вид, словно убить Дрейка — единственная цель его жизни.

Дрейк выстрелил почти в упор. Пуля развернула Соренсена, и он упал, выронив винтовку.

Дрейк склонился над ним с револьвером наготове. Он понял, что не промахнулся. Пуля вошла как раз над правой ключицей. Рана была скверная. Но Квидаку, который оказался непосредственно на пути пули, пришлось много хуже. От него только и осталось, что с пяток черных капель на рубашке Соренсена.

Дрейк торопливо забинтовал Соренсена и взвалил на спину. Он спрашивал себя, как бы он поступил, очутись Квидак над сердцем Соренсена, или на горле, или на лбу.

Лучше не думать об этом, решил Дрейк.

Он двинулся назад в лагерь, и его пес затрусил с ним рядом.

ТРАВМИРОВАННЫЙ

Адрес: Центр, Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Карieномен
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой ревизор Миглиз!

Настоящим извещаю Вас, что мною завершены подрядные работы по договору № 13 371А. В секторе космоса, известном под шифром «Аттала», я создал 1 (одну) метагалактику, состоящую из 549 миллиардов галактик, со стандартным распределением созвездий, переменных и новых звезд и т. п. См. прилагаемые расчеты.

Внешние пределы метагалактики «Аттала» обозначены на прилагаемой карте.

В качестве главного проектировщика от своего имени, а также от имени всей фирмы выражаю уверенность, что нами создано прочное сооружение, равно как произведение, представляющее незаурядную художественную ценность.

Милости просим произвести инспекцию.

Ввиду выполнения мною в срок договорных обязательств ожидаю условленного вознаграждения.

С уважением, *Карieномен.*

Приложение: Расчеты конструкций — 1
Карта метагалактики «Аттала» — 1

* * *

Адрес: Штаб строительства 334 132, доб. 12
Адресат: Подрядчик Карионемен
Отправитель: Ревизор Миглиз
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой Карионемен!

Мы осмотрели Вашу работу и соответственно задержали выплату вознаграждения. Художественная ценность! Может быть, и так. Однако не забыли ли Вы о первоочередной задаче строительства?

Могу Вам напомнить — последовательность и еще раз последовательность.

При осмотре наши инспекторы обнаружили значительное количество немотивированных явлений, имеющих место даже вокруг центра метагалактики, то есть в зоне, которую, казалось бы, надлежало застроить наиболее добросовестно. Так продолжаться не может. Хорошо еще, что данная зона необитаема.

Однако это не все. Не будете ли Вы любезны объяснить созданные Вами пространственные феномены? Какого черта Вы встроили в метагалактику красное смещение? Я ознакомился с Вашей объяснительной запиской, и, по-моему, она абсолютно бессмысленна. Как же отнесутся к такому явлению планетарные наблюдатели?

Художественность замысла не может служить оправданием.

Далее, что за атомы Вы применяете? Не пытаетесь ли Вы экономить, подсовывая всякую заваль? Значительный процент атомов неустойчив! Они распадаются при малейшем прикосновении и даже без всякого прикосновения. Потрудитесь изыскать какой-нибудь иной способ зажигания солнц.

Прилагаем документ, где подытожены замечания наших инспекторов. Пока недоделки не будут устранены, о платежах не может быть и речи.

Только что мне доложили о другом серьезном упущении. Очевидно, Вы не слишком тщательно рассчитали силы деформации пространственной ткани. На периферии одной из Ваших галактик обнаружена трещина во времени. В данный момент она невелика, но может увеличиться. Предлагаю заняться ею без промедления, пока Вам не пришлось заново перестраивать одну-две галактики.

Один из обитателей планеты, попавшей в эту трещину, уже получил травму: его там заклинило исключительно по Вашей небрежности. Предлагаю Вам исправить упущение, пока этот

обитатель еще не выведен из нормальной цепи причин и следствий и не сыплет парадоксами направо и налево.

В случае необходимости свяжитесь с ним лично.

Кроме того, мне стало известно, что на некоторых из ваших планет имеют место немотивированные явления: летающие коровы, ходячие горы, призраки и т. п.; все эти явления перечислены в протоколе жалоб.

Мы не намерены мириться с подобными безобразиями, Карионемен. Во вновь создаваемых галактиках парадокс строжайше запрещен, ибо парадокс — это неизбежный предвестник хаоса.

Травмой займитесь безотлагательно. Неясно, успел ли травмированный осознать, что с ним произошло.

Миглиз.

Приложение: Заверенная копия протоколов жалоб — 1.

* * *

Кей Масрин уложила в чемодан последнюю блузку и с помощью мужа закрыла его.

— Вот так, — сказал Джек Масрин, прикидывая на руку вес битком набитого чемодана. — Прощайся со своим владением. — Супруги окинули взглядом меблированную комнату, где прожили последний год.

— Прощай, владение, — пробормотала Кей. — Как бы не опоздать на поезд.

— Времени еще много. — Масрин направился к двери. — А со Счастливчиком попрощаемся? — Так они прозвали своего домохозяина, мистера Гарфа, оттого что тот улыбался раз в месяц — получая с них квартирную плату[1]. Разумеется, сразу же после этого губы хозяина снова сжимались, как обычно, в прямую черту.

— Не надо, — возразила Кей, оправляя сшитый на заказ костюм. — Еще, чего доброго, он пожелает нам удачи, и что же тогда с нами станется?

— Ты совершенно права, — поддержал ее Масрин. — Не стоит начинать новую жизнь с благословений Счастливчика. Пусть уж лучше меня проклянет Эндорская ведьма.

Масрин вышел на лестничную площадку; Кей последовала за ним. Он глянул вниз, на площадку первого этажа, занес ногу на ступеньку и внезапно остановился.

— Что случилось? — поинтересовалась Кей.

[1]Английская поговорка гласит, что счастливые люди редко улыбаются.

— Мы ничего не забыли? — нахмурившись, в свою очередь, спросил Масрин.

— Я обшарила все ящики и под кроватью тоже посмотрела. Пойдем, не то опоздаем.

Масрин снова глянул вниз. Что-то его тревожило. Он попытался быстро сообразить, в чем дело. Конечно, денег у них практически не осталось. Однако в прошлом он никогда не волновался из-за таких пустяков. А теперь он наконец-то нашел себе место преподавателя — неважно, что в Айове. После целого года работы в книжном магазине ему повезло. Теперь все будет хорошо. К чему тревожиться?

Он спустился на одну ступеньку и снова остановился. Странное ощущение не проходило, а усиливалось. Будто существует что-то такое, чего не следует делать. Масрин обернулся к жене.

— Неужто тебе так не хочется уезжать? — спросила Кей. — Пойдем же, не то Счастливчик сдерет с нас плату еще за один месяц. А денег у нас, как ни странно, нет.

Масрин все еще колебался. Обогнав мужа, Кей легко сбежала по ступенькам.

— Видишь? — шутливо подзадоривала она его с площадки первого этажа. — Это легко. Решайся. Подойди, деточка, к своей мамочке.

Масрин вполголоса выругался и начал спускаться по лестнице. Странное ощущение усилилось.

Он шагнул на восьмую ступеньку и...

Он стоял на равнине, поросшей травой. Переход свершился именно так, просто и мгновенно.

Масрин ахнул и заморгал. В руке его все еще был чемодан. Но где стены из нештукатуреного песчаника? Где Кей? Где, если на то пошло, Нью-Йорк?

Вдали виднелась невысокая синяя гора. Поблизости был маленький лесок. Под деревьями стояли люди — человек десять или около того.

Потрясенный Масрин впал в странное оцепенение. Он отметил почти нехотя, что люди эти коренасты, смуглы, с развитой мускулатурой. На них были набедренные повязки; они сжимали в руках отполированные дубинки, украшенные затейливой резьбой.

Люди следили за ним, и Масрин пришел к выводу, что неизвестно еще, кто кого больше изумил.

Но вот один из загадочных людей что-то пробормотал, и они стали надвигаться на Масрина. В него полетела дубинка, но попала в чемодан и отскочила.

Оцепенение развеялось. Масрин повернулся, бросил чемодан и побежал, как борзая. Кто-то с силой ударил Масрина дубинкой по спине, едва не свалив его с ног. Он оказался перед каким-то холмом и понесся вверх по склону, а вокруг него роились стрелы.

Пробежав несколько метров вверх, он обнаружил, что опять вернулся в Нью-Йорк.

* * *

Он одним духом вбежал на верхнюю площадку лестницы и, не успев вовремя остановиться, с размаху налетел на стену. Кей все еще стояла на площадке первого этажа, запрокинув голову. Увидев мужа, она вздрогнула, но ничего не сказала.

Масрин посмотрел на жену и на знакомые стены из розовато-лилового песчаника.

Дикарей не было.

— Что случилось? — помертвевшими губами прошептала Кей, поднимаясь по лестнице.

— А что ты видела? — спросил Масрин. Он еще не успел полностью прочувствовать случившееся. В голове его бурлили идеи, теории, выводы.

Кей колебалась, покусывая нижнюю губу. «Ты спустился на несколько ступенек и вдруг исчез. Я перестала тебя видеть. Стояла там и все смотрела, смотрела... А потом я услышала шум, и ты снова появился на лестнице. Бегом».

Супруги вернулись домой, оставив дверь открытой. Кей сразу же села на кровать. Масрин бродил по комнате, переводя дыхание. Ему приходили на ум все новые и новые идеи, и он с трудом успевал их анализировать.

— Ты мне не поверишь, — произнес он наконец.

— Почему же? Попробуй объяснить мне!

Он рассказал ей про дикарей.

— Мог бы сказать, что побывал на Марсе, — отозвалась Кей. — Я бы и этому поверила. Я ведь своими глазами видела, как ты исчез!

— А чемодан! — внезапно воскликнул Масрин, вспомнив, как бросил его на бегу.

— Да бог с ним, с чемоданом, — отмахнулась Кей.

— Надо вернуться, — настаивал Масрин.

— Нет!

— Во что бы то ни стало. Послушай, дорогая, совершенно ясно, что произошло. Я провалился в какую-то трещину во времени, которая отбросила меня в прошлое. Судя по тому, какой комитет организовал мне торжественную встречу, я, должно быть, приземлился где-то в доисторической эпохе. Мне непременно нужно вернуться за чемоданом.

— Почему? — спросила Кей.

— Потому что я не могу допустить, чтобы случился парадокс. — Масрина даже не удивило, откуда он это знает. Свойственное ему самомнение избавило его от раздумий над тем, как у него могла зародиться столь причудливая идея.

— Сама посуди, — продолжал он, — мой чемодан попадает в прошлое. В этот чемодан я уложил электрическую бритву, несколько пар брюк на «молниях», пластиковую щетку для волос, нейлоновую рубашку и десять-пятнадцать книг — некоторые из них изданы в 1951 году. Там лежат даже «Обычаи Запада» — монография Эггисона о западной цивилизации с 1490 года до наших дней.

Содержимое этого чемодана может дать дикарям толчок к изменению хода истории. А теперь предположим, что какие-то предметы попадут в руки к европейцам, после того как те откроют Америку. Как это повлияет на настоящее?

— Не знаю, — откликнулась Кей. — Да и тебе это неизвестно.

— Мне-то, положим, известно, — сказал Масрин. Все было кристально ясно. Его поразила неспособность жены к логическому мышлению.

— Будем рассуждать так, — снова заговорил Масрин. — Историю делают мелочи. Настоящее состоит из огромного числа ничтожно малых факторов, которые сформировались в прошлом. Если ввести в прошлое еще один фактор, то в настоящем неминуемо будет получен иной результат. Однако настоящее есть настоящее, изменить его невозможно. Вот тебе и парадокс. А никаких парадоксов быть не должно!

— Почему не должно? — спросила Кей.

Масрин нахмурился. Способная девчонка, а так плохо улавливает его мысль.

— Ты уж поверь мне на слово, — отчеканил он. — В логически построенной Вселенной парадокс не допускается.

Кем не допускается? Ага, вот и ответ.

— Я представляю себе, — продолжал Масрин, — что во Вселенной должен существовать некий универсальный регулирующий принцип. Все законы природы — яркое воплощение этого принципа. Он не терпит парадоксов, потому что... потому что... — Масрин понимал, что ответ имеет какое-то отношение к первозданному хаосу, но не знал, какое и почему.

— Как бы то ни было, этот принцип не терпит парадоксов.

— Где ты набрался таких мыслей? — изумилась Кей. Никогда она не слыхала от Джека подобных слов.

— Они у меня появились очень давно, — ответил Масрин, искренне веря в то, что говорит. — Просто не было повода высказаться. Так или иначе, я возвращаюсь за чемоданом.

Он вышел на площадку в сопровождении Кей.

— Извини, что не могу принести тебе оттуда подарки, — бодро произнес Масрин. — К сожалению, они тоже привели бы к парадоксу. В прошлом все принимало участие в формировании настоящего. Устранить хоть что-нибудь — все равно что изъять из уравнения одно неизвестное. Результат будет совсем другим.

Он стал спускаться по лестнице.

На восьмой ступеньке он опять исчез.

* * *

Снова очутился он в доисторической Америке. Дикари сгрудились вокруг чемодана, всего в нескольких метрах от Масрина. «Еще не открывали», — с облегчением заметил он. Разумеется, чемодан и сам по себе — изделие довольно парадоксальное. Однако, вероятно, представление о чемодане — как и о самом Масрине — впоследствии изгладится из людской памяти, переосмысленное мифами и легендами. Времени свойственна известная гибкость.

Глядя на дикарей, Масрин не мог решить, кто же это — предшественники индейцев или самостоятельная, рано вымершая раса. Он ломал себе голову, принимают ли его за врага или за распространенную разновидность злого духа.

Масрин устремился вперед, оттолкнул двоих дикарей и схватил свой чемодан. Он бросился назад, обежал вокруг невысокого холма и остановился.

Как и прежде, он находился в прошлом.

«Где же, во имя хаоса, эта дыра во времени?» — подумал Масрин, не замечая необычности употребленного выражения. За ним гнались дикари, постепенно окружая холм. Масрин почти нашел ответ на собственный вопрос, но, как только мимо просвистела стрела, у него тут же все вылетело из головы. Он понесся во весь дух, усердно перебирая длинными ногами и стараясь бежать так, чтобы холм оставался между ним и индейцами. Позади него шлепнулась дубинка.

Где дыра во времени? Что, если куда-то переместилась? По лицу его струился пот. Очередная дубинка содрала кожу с его руки, и он обогнул склон холма, отчаянно разыскивая убежище.

Тут его нагнали три приземистых дикаря.

В тот миг, когда они замахнулись дубинками, Масрин бросился на землю, и туземцы, споткнувшись об его тело, полетели кувырком. Но тут подбежали остальные, и он вскочил на ноги.

Вверх! Эта мысль появилась внезапно, молнией прорезав все его существо, охваченное страхом. Вверх!

Масрин бросился бежать вверх по холму в полной уверенности, что ему не добраться до вершины живым...

...И вернулся в меблированный дом, все еще судорожно сжимая ручку чемодана.

— Ты ранен, милый? — Кей обвила руками его шею. — Что случилось?

В голове у Масрина оставалась лишь одна разумная мысль. Он не мог припомнить доисторическое племя, которое отделывало бы дубинки так искусно, как эти дикари. То было почти уникальное искусство, и он жалел, что нельзя прихватить одну из дубинок для музея.

Потом он оглядел розовато-лиловые стены, ожидая, что из них выпрыгнут дикари. Или, может быть, эти низкорослые люди прячутся в чемодане? Он попытался овладеть собой. Голос рассудка говорил ему, что пугаться нечего: трещины во времени возможны, и в одну из таких трещин его заклинило. Все остальное вытекало отсюда логически. Надо только...

Но с другой стороны, логика не интересовала его. Не поддаваясь никаким разумным доводам, он озадаченно взирал на все происшедшее и понимал, что, несмотря на любые разумные аргументы, того, что было, не могло быть. Когда Масрин видел невозможное, он умел его распознавать и прямо говорил об этом.

Тут Масрин вскрикнул и потерял память.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Кариеномен
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Дорогой сэр!

Считаю, что Вы пристрастны в своих замечаниях. Действительно, при сотворении данной конкретной метагалактики я исходил из некоторых новаторских принципов. Я позволил себе занять позицию свободного художника, не подозревая, что меня будет преследовать улюлюканье застойного реакционного Центра.

Поверьте, что в нашем великом деле — подавлении первозданного хаоса — я заинтересован не меньше Вашего. Однако при выполнении своих планов не следует жертвовать идеалами.

Прилагаю объяснительную записку, трактующую проблему красного смещения, а также заявление о преимуществах, свя-

занных с использованием небольшого процента неустойчивых атомов в освещении и энергоснабжении.

Что касается трещины во времени, то это всего лишь незначительный просчет в потоке длительности, ничего общего не имеющий с пространственной тканью, которая, уверяю Вас, первосортна.

Как Вы указывали, существует индивидуум, травмированный трещиной, что несколько затрудняет ремонт. Я связался с упомянутым индивидуумом (разумеется, косвенно), и мне в какой-то мере удалось внушить ему представление о том, как ограниченна его роль во всей этой истории.

Если он не станет углублять трещину своими путешествиями во времени, зашить ее будет легко. Тем не менее сейчас я не уверен, что эта операция вообще возможна. Мой контакт с травмированным весьма ненадежен, и похоже, что субъект испытывает сильные воздействия со стороны, побуждающие его к перемещениям.

Я мог бы, бесспорно, произвести выдирку и в конечном счете, возможно, так и поступлю. Кстати говоря, если эта штука выйдет из повиновения, я буду вынужден произвести выдирку всей планеты. Надеюсь, что до этого не дойдет, ибо тогда придется расчищать весь сектор космоса, где находятся наши наблюдатели, а это, в свою очередь, повлекло бы за собой необходимость перестройки всей галактики.

Однако надеюсь, что к тому времени, когда я снова напишу Вам, вопрос будет улажен.

Центр метагалактики покоробился вследствие того, что неизвестные рабочие оставили открытым люк для сбрасывания отходов. В настоящее время люк закрыт.

По отношению к таким явлениям, как ходячие горы и т. п., принимаются обычные меры.

Оплата моей работы еще не произведена.

С уважением, *Кариеномен.*

Приложение: 1. Объяснительная записка по красному смещению на 5541 листе.

2. Заявление о неустойчивых атомах на 7689 листах.

* * *

Адрес: Штаб строительства 334 132, доб. 12
Адресат: Подрядчик Кариеномен
Отправитель: Ревизор Миглиз
Предмет: Метагалактика «Аттала»

Кариеномен!

Вам заплатят после того, как Вы представите логически обоснованную и прилично выполненную работу. Ваши заявления прочту тогда, когда у меня появится свободное время, если это вообще произойдет. Займитесь трещиной, пока она еще не прорвала пространственную ткань.

Миглиз.

* * *

Полчаса спустя Масрин не только пришел в себя, но и успокоился. Кей положила ему компресс на багровый синяк у локтя. Масрин принялся мерить шагами комнату. Теперь он полностью овладел собой, и у него появились новые мысли.

— Прошлое внизу, — сказал он, обращаясь не столько к Кей, сколько к самому себе. — Я говорю не о первом этаже. Однако, передвигаясь в том направлении, я прохожу через дыру во времени. Типичный случай смещения сочлененной многомерности.

— Что это значит? — спросила Кей, не сводя с мужа широко раскрытых глаз.

— Ты уж поверь мне на слово, — ответил Масрин. — Мне нельзя спускаться.

Объяснить более толково ему не удавалось. Не хватало слов, в которые можно было бы облечь новые концепции.

— А подниматься можно? — спросила совершенно сбитая с толку Кей.

— Не знаю. По-моему, если я поднимусь, то попаду в будущее.

— Ох, я этого не выдержу, — заныла Кей. — Что с тобой творится? Как ты отсюда выберешься? Как спуститься по этой заколдованной лестнице?

— Вы еще здесь? — прокаркал из-за двери мистер Гарф. Масрин впустил его в комнату.

— Очевидно, мы пробудем здесь еще некоторое время, — сказал он домовладельцу.

— Ничего подобного, — возразил Гарф. — Я уже сдал эту комнату новым жильцам.

Счастливчик был невысокий костлявый человек с продолговатым черепом и тонкими, как паутина, губами. Вкрадчивой поступью он вошел в комнату и стал озираться, ища следы повреждений, причиненных его собственности. Одна из странностей мистера Гарфа заключалась в том, что он твердо верил, будто самые порядочные люди способны на самые ужасающие преступления.

— Когда въезжают новые жильцы? — спросил Масрин.

— Сегодня днем. И я хочу, чтобы вы заблаговременно выехали.

— Нельзя ли нам как-нибудь договориться? — спросил Масрин. Его поразила безвыходность положения. Спуститься вниз он не может. Если Гарф силой заставит его сделать это, Масрин попадет в доисторический Нью-Йорк, где его наверняка поджидают с нетерпением.

Опять-таки возникает всеобъемлющая проблема парадокса!

— Мне плохо, — произнесла Кей сдавленным голосом, — я пока еще не могу ехать.

— Отчего вам плохо? Если вы больны, я вызову «Скорую помощь», — сказал Гарф, подозрительно оглядывая комнату в поисках бацилл бубонной чумы.

— Я с радостью внесу двойную плату, если вы позволите нам задержаться здесь еще ненадолго, — предложил Масрин.

Гарф почесал затылок и пристально посмотрел на Масрина. Вытерев нос тыльной стороной ладони, он спросил: «А где деньги?»

Масрин вспомнил, что у него, кроме билетов на поезд, осталось около десяти долларов. Сразу же по приезде в колледж они с Кей намеревались просить аванс.

— Прожились, — констатировал Гарф. — Вы, кажется, получили работу в каком-то училище?

— Получил, — подтвердила преданная Кей.

— В таком случае отчего бы вам не отправиться туда и не убраться из моего дома? — спросил Гарф.

Масрины промолчали. Гарф бросил на них взгляд, исполненный гнева.

— Все это очень подозрительно. Убирайтесь-ка подобру-поздорову до полудня, не то я вызову полицию.

— Постойте, — заметил Масрин. — Мы заплатили вам по сегодняшний день. До полуночи эта комната — наша.

Гарф уставился на жильцов и в раздумье снова вытер нос.

— Чтоб ни одной минуты дольше, — предупредил он и ушел, громко топая.

* * *

Как только Гарф вышел, Кей поспешно закрыла за ним дверь.

— Милый, — сказала она, — может быть, пригласить каких-нибудь ученых и рассказать им о том, что случилось? Я уве-

рена, что они что-нибудь придумали бы на первых порах, пока... Как долго нам придется здесь пробыть?

— Пока не заделают трещину, — ответил Масрин. — Но никому нельзя ничего рассказывать, тем более ученым.

— А почему? — спросила Кей.

— Понимаешь, главное, как я уже говорил, избежать парадокса. Это означает, что мне надо убрать руки прочь и от прошлого, и от будущего. Правильно?

— Если ты так говоришь, значит, правильно.

— Мы вызовем бригаду ученых, и что получится? Они, естественно, будут настроены скептически. Они захотят увидеть своими глазами, как я это делаю. Я покажу. Они тут же приведут коллег. Все увидят, как я исчезаю. Пойми, не будет никаких доказательств, что я попал в прошлое. Они узнают лишь, что, спускаясь по лестнице, я исчезаю.

Вызовут фотографов, желая убедиться, что я не мистифицирую ученых. Потом потребуют доказательств. Захотят, чтобы я принес им чей-нибудь скальп или резную дубинку. Газеты поднимут шумиху. И уж где-нибудь я неминуемо создам парадокс. А знаешь, что тогда будет?

— Нет, и ты тоже не знаешь.

— Я знаю, — твердо сказал Масрин. — Коль скоро будет создан парадокс, его носитель, то есть тот, кто его создал, — исчезнет. Раз и навсегда. Этот случай будет занесен в книги как еще одна неразгаданная тайна. Таким образом, парадокс разрешится наилегчайшим путем — устранением парадоксального элемента.

— Если ты считаешь, что тебе грозит опасность, мы, конечно, не станем приглашать ученых. Хотя жаль, что я никак в толк не возьму, к чему ты клонишь. Из того, что ты наговорил, я ничего не поняла. — Она подошла к окну и выглянула на улицу. Перед нею расстилался Нью-Йорк, а где-то за ним лежала Айова, куда они должны были ехать. Кей посмотрела на часы. Поезд уже ушел.

— Позвони в колледж, — попросил Масрин. — Сообщи, что я задержусь на несколько дней.

— А хватит ли нескольких дней? — спросила Кей. — Как ты в конце концов отсюда выберешься?

— Да ведь дыра во времени не вечна, — авторитетно ответил Масрин. — Она затянется... если только я перестану в нее соваться.

— Но мы можем пробыть здесь только до полуночи. Что будет потом?

— Не знаю, — сказал Масрин. — Остается только надеяться, что ее починят еще до полуночи.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Карионемен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэр!

Прилагаю заявку на работу по созданию новой метагалактики в секторе, которому присвоен шифр «Морстт». Если в последнее время Вы следили за дискуссиями в художественных кругах, то, полагаю, должны знать, что использование неустойчивых атомов объявлено «первым крупным успехом творческого строительства с тех пор, как был изобретен регулируемый поток времени». См. прилагаемые рецензии.

Мое мастерство заслужило множество лестных отзывов.

Большая часть несообразностей в метагалактике «Аттала» исправлена (позволю себе заметить, что имеются в виду естественные несообразности). Продолжаю работать с человеком, который травмирован трещиной во времени. Он охотно содействует этому, по крайней мере настолько, насколько это возможно при различных посторонних влияниях.

На сегодняшний день положение таково: я сшил края трещины, и теперь они должны срастись. Надеюсь, индивидуум останется в неподвижном состоянии, так как мне вовсе не хочется выдирать кого бы то ни было и что бы то ни было. В конце концов, каждый человек, каждая планета, каждая звездная система, как они ни ничтожны, являются неотъемлемой деталью в моем проекте метагалактики.

По крайней мере, в художественном отношении.

Прошу Вас провести осмотр вторично. Обратите внимание на очертания галактик вокруг центра метагалактики. Это прекрасная греза, которая навсегда запечатлеется в Вашем сознании.

Прошу рассмотреть заявку на строительство метагалактики «Морстт» с учетом моих прежних заслуг.

По-прежнему ожидаю выплаты вознаграждения за метагалактику «Аттала».

С уважением, *Карионемен.*

Приложение: 1. Заявка на строительство метагалактики «Морстт».

2. Рецензии на метагалактику «Аттала», 3 шт.

* * *

— Уже без четверти двенадцать, дорогой, — нервно сказала Кей. — Как ты думаешь, можно сейчас идти?

— Подождем еще несколько минут, — ответил Масрин. Он слышал, как на площадке за дверью, крадучись, появился Гарф, движимый нетерпеливым ожиданием полуночи.

Масрин смотрел на часы и отсчитывал секунды.

Без пяти минут двенадцать он решил, что с тем же успехом можно и попытаться. Если дыра и теперь не заделана, то лишние пять минут ничего не изменят. Он поставил чемодан на туалетный столик и придвинул стул.

— Что ты делаешь? — спросила Кей.

— У меня что-то нет настроения связываться с лестницей на ночь глядя, — пояснил Масрин. — С доисторическими индейцами и днем-то шутки плохи. Попробую лучше подняться вверх.

Жена бросила на него взгляд из-под ресниц, красноречиво говорящий: «Теперь я точно знаю, что ты спятил».

— Дело вовсе не в лестнице, — еще раз объяснил Масрин. — Дело в самом действии, в подъеме и спуске. Критическая дистанция, по-моему, составляет полтора метра. Вот эта мебель вполне подойдет.

Пока взволнованная Кей молча сжимала руки, Масрин влез на стул и занес ногу на столик. Потом стал на столик обеими ногами и выпрямился.

— Кажется, все в порядке, — заявил он, чуть покачиваясь. — Попробую еще повыше.

Он вскарабкался на чемодан.

И исчез.

Был день, и Масрин находился в городе. Однако город ничуть не походил на Нью-Йорк. Он был так красив, что дух захватывало, — так красив, что Масрин задержал дыхание, боясь нарушить его хрупкое совершенство.

Город был полон стройных башен и домов. И конечно, людей. Но что это за люди, подумал Масрин, позволив себе, наконец, вздохнуть.

Кожа у них была голубого цвета. Зеленые лучи зеленоватого солнца заливали весь город

Масрин втянул в себя воздух и захлебнулся. Судорожно вздохнув опять, он почувствовал, что потерял равновесие. В городе совсем не было воздуха! Во всяком случае, такого, какой пригоден для дыхания. Он поискал позади себя ступеньку, споткнулся и упал...

...на пол своей комнаты, хрипя и корчась.

* * *

Через несколько мгновений к нему вернулась способность дышать. Он услышал, что Гарф стучит в дверь, и, шатаясь, поднялся на ноги. Надо было срочно что-то придумать. Масрин знал Гарфа; теперь этот тип, скорее всего, уверен, что Масрин возглавляет мафию. Если они не выедут, Гарф вызовет полицию. А это в конечном итоге приведет к...

Горло нестерпимо горело после того, как Масрин побывал в будущем. Однако, сказал он себе, удивляться тут нечему. Он совершил основательный прыжок вперед во времени. Состав земной атмосферы, должно быть, постепенно изменялся, и люди к ней приспособились. Для него же такая атмосфера — все равно что яд.

— Послушай-ка, — обратился он к Кей. — У меня возникла другая идея. Возможна альтернатива: либо под доисторическим слоем лежит другой, еще более ранний слой, либо доисторический слой представляет собой лишь временную прерывность, а под ним тот же самый, нынешний Нью-Йорк. Тебе ясно?

— Нет.

— Я попытаюсь проникнуть под доисторический слой. Может быть, это даст мне возможность попасть на первый этаж. Во всяком случае, хуже не будет.

Кей думала, стоит ли углубляться на несколько тысячелетий в прошлое, чтобы пройти несколько метров. Однако она ничего не ответила. Масрин открыл дверь и в сопровождении Кей вышел на лестницу.

— Пожелай мне удачи, — сказал он.

— Черта лысого, а не удачи, — откликнулся с площадки мистер Гарф. — Убирайтесь-ка отсюда на все четыре стороны.

Масрин стремглав пустился бежать вниз по лестнице.

* * *

В доисторическом Нью-Йорке все еще стояло утро, а дикари по-прежнему поджидали Масрина. По его подсчетам, с тех пор как он показался перед ними в последний раз, здесь прошло не более получаса. Почему это так, некогда было выяснять.

Он застал дикарей врасплох и успел отбежать метров на двадцать, прежде чем его заметили. Дикари устремились за ним вдогонку. Масрин стал искать какую-нибудь впадину в земле. Чтобы уйти от преследования, надо было спуститься вниз на полтора метра.

Отыскав в земле какую-то расщелину, он спрыгнул туда.

И очутился в воде. Не просто на поверхности воды, а глубоко под водой. Давление было чудовищным, и Масрин не видел над собой солнечного света.

Должно быть, он попал в тот век, когда эта часть суши служила дном Атлантического океана.

Масрин отчаянно заработал руками и ногами. Казалось, барабанные перепонки вот-вот лопнут. Он выплыл на поверхность и... снова стоял на равнине; с него ручьями стекала вода.

На сей раз дикари решили, что с них достаточно. Они взглянули на существо, материализовавшееся перед ними из ничего, испустили крик ужаса и бросились врассыпную.

Масрин устало подошел к холму, и взобравшись на его вершину, вернулся в стены из камня-песчаника.

Кей глядела на него во все глаза. У Гарфа отвисла челюсть. Масрин слабо улыбнулся.

— Мистер Гарф, — предложил он, — не зайдете ли вы в комнату? Я хочу вам кое-что сказать.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Карионемен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Дорогой сэр!

Ваш ответ на мою заявку касательно работы по созданию метагалактики «Морстт» мне непонятен. Более того, я полагаю, что нецензурным выражениям не место в деловой переписке.

Если Вы потрудитесь ознакомиться с моей последней работой в «Аттале», то увидите, что в общем и целом это прекрасное творение, которое сыграет немаловажную роль в подавлении первозданного хаоса.

Единственная мелочь, которую еще предстоит уладить, — это травмированный. Боюсь, что придется прибегнуть к выдирке.

Трещина отлично затягивалась, пока он не ворвался в нее снова, разорвав более чем когда бы то ни было. До сих пор парадоксы не имели места, но я предчувствую, что теперь они наверняка произойдут.

Если травмированный не в состоянии воздействовать на свое непосредственное окружение (и взяться за это дело безотлагательно), я приму необходимые меры. Парадокс недопустим.

Считаю своим долгом ходатайствовать о пересмотре моей заявки на строительство метагалактики «Морстт».

Надеюсь, Вы простите, что я опять обращаю Ваше внимание на эту мелочь, но оплата все еще не произведена.

С уважением, *Карионемен.*

* * *

— Теперь вы все знаете, мистер Гарф, — закончил Масрин час спустя. — Я понимаю, что это кажется сверхъестественным; но ведь вы же своими глазами видели, как я исчез.

— Это-то я видел, — признал Гарф.

Масрин вышел в ванную развесить мокрую одежду.

— Да, — процедил Гарф, — пожалуй, вы и вправду исчезали, если на то пошло.

— Безусловно.

— И вы не хотите, чтобы о вашей сделке с дьяволом прознали ученые?

— Нет! Я же вам объяснил про парадокс и...

— Дайте подумать, — попросил Гарф. Он энергично высморкался. — Вы говорите, у них резные дубинки. Не сгодилась бы одна такая дубинка для музея? Вы говорили, будто они ни на что не похожи.

— Что? — переспросил Масрин, выходя из ванной. — Послушайте, я не могу даже прикоснуться к этому барахлу. Это повлечет...

— Конечно, — задумчиво произнес Гарф, — я мог бы вместо того вызвать газетчиков. И ученых. Может, я бы выколотил кругленькую сумму из всей этой чертовщины.

— Вы этого не сделаете! — вскричала Кей, которая помнила только то, что слышала от мужа: случится нечто ужасное.

— Да успокойтесь, — сказал Гарф. — Все, что мне от вас нужно, — это одна-две дубинки. Из-за такого пустяка беды не будет. Можете запросто стребовать со своего дьявола...

— Дьявол тут ни при чем, — возразил Масрин. — Вы не представляете себе, какую роль в истории могла сыграть одна из этих дубинок. А вдруг захваченной мною дубинкой, если бы я ее не трогал, был бы убит человек, который, оставшись в живых, объединил бы этих людей, и европейцы встретились бы с индейцами Северной Америки, сплоченными в единую нацию? Подумайте, как это изменило бы...

— Не втирайте мне очки, — заявил Гарф. — Принесете вы дубинку или нет?

— Ведь я вам все объяснил, — устало ответил Масрин.

— Довольно морочить мне голову всякими парадоксами.

Все равно я в них ничего не смыслю. Но выручку за дубинку я бы разделил с вами пополам.

— Нет.

— Ну ладно же. Еще увидимся. — Гарф взялся за дверную ручку.

— Погодите.

— Да? — тонкий паучий рот Гарфа тотчас же искривился в подобие улыбки. Масрин перебирал все варианты, пытаясь выбрать меньшее из зол. Если он принесет с собой дубинку, парадокс вполне возможен, так как будет зачеркнуто все, что совершила эта дубинка в прошлом. Однако если ее не принести, Гарф созовет газетчиков и ученых. Им нетрудно будет установить, правду ли говорит Гарф, — стоит только свести Масрина вниз по лестнице; впрочем, точно так же поступила бы с ним и полиция. Он исчезнет, и тогда...

Если расширится круг людей, посвященных в тайну, парадокс станет неизбежным. Вполне вероятно, что будет изъята вся Земля. Это Масрин знал твердо, хоть и не понимал почему.

Так или иначе, он погиб. Однако ему показалось, что принести дубинку — это простейшее решение.

— Принесу, — заявил Масрин. Он вышел на лестницу в сопровождении Кей и Гарфа. Кей схватила его за руку.

— Не делай этого, — попросила она.

— Больше ничего не остается. — У него мелькнула мысль, не убить ли Гарфа. Но в результате он лишь попадет на электрический стул. Правда, можно убить Гарфа, перенести труп в прошлое и там захоронить.

Однако труп человека из двадцатого века в доисторической Америке, как ни кинь, представляет собой парадокс. А что, если его кто-нибудь выроет? Кроме того, Масрин был не способен на убийство.

Он поцеловал жену и сошел вниз.

На равнине нигде не было видно дикарей, хотя Масрину казалось, что он чувствует на себе их внимательные взгляды. На земле валялись две дубинки — те, что его задели. Должно быть, теперь они превратились в табу, решил Масрин и поднял одну из них, ожидая, что с минуты на минуту еще одна дубинка раздробит ему череп. Однако равнина безмолвствовала.

— Молодчага! — одобрил его Гарф. — Давай сюда!

Масрин вручил ему дубинку, подошел к Кей и обнял ее одной рукой за плечи. Теперь это настоящий парадокс — все равно как если бы он, еще не родившись, убил своего прапрадеда.

— Прелестная вещица, — сказал Гарф, любуясь дубинкой при свете электрической лампочки. — Считайте, что за квартиру уплачено до конца месяца...

Дубинка исчезла из его рук.

И сам он исчез.

Кей лишилась чувств.

Масрин отнес ее на кровать и сбрызнул лицо водой.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Масрин, внезапно почувствовавший, что он крайне озадачен всем происшедшим. — Я знаю только одно: мы останемся здесь еще по меньшей мере на две недели. Даже если придется сидеть на одних бобах.

* * *

Адрес: Центр, Контора 41
Адресат: Ревизор Миглиз
Отправитель: Подрядчик Карионемен
Предмет: Метагалактика «Морстт»

Сэр!

Предложенная Вами работа по ремонту поврежденных звезд является оскорблением для моей фирмы и меня лично. Мы отказываемся. Разрешите сослаться на мои прошлые труды, перечисленные в прилагаемой мною брошюре. Как Вы осмелились предложить подобное холуйское занятие одной из крупнейших фирм Центра?

Мне хотелось бы еще раз войти с ходатайством о предоставлении мне работы над метагалактикой «Морстт».

Что касается метагалактики «Аттала», то работа полностью закончена, и более совершенного творения по эту сторону хаоса Вы нигде не найдете. Тот сектор — подлинное чудо.

Травмированный перестал быть таковым. Я вынужден был прибегнуть к выдирке. Однако я выдрал не самого травмированного. У меня появилась возможность устранить один из внешних факторов, оказывавших на него воздействие. Теперь травмированный может развиваться нормально.

Полагаю, Вы согласитесь, что это было сработано недурно и к тому же с находчивостью, характерной для всех моих трудов в целом.

Мое решение было таково: к чему выдирать хорошего человека, когда можно сохранить ему жизнь, убрав вместо него мерзавца?

Повторяю, жду Вашей инспекции. Прошу повторно рассмотреть вопрос о метагалактике «Морстт».

Вознаграждение все еще не выплачено!

С уважением, *Карионемен.*

Приложение: Брошюра, 9978 листов.

КОМПАНИЯ «НЕОБУЗДАННЫЕ ТАЛАНТЫ»

Если вы знаете человека, способного с помощью мысленной энергии прожечь дырку в ковре или взорвать ракету, которая должна была вот-вот оторваться от земли и полететь на Луну, обращайтесь к Сэму Уэверли из компании «Необузданные таланты» — это единственная организация, занимающаяся трудоустройством таких необычных людей. Но если вы станете агитировать за кого-то вроде Сидни Эскина (это ученый и недавний пациент сумасшедшего дома в Блекстоуне, оттуда сбежавший), который «наблюдал» людей столь странным образом, что приводил их в полное замешательство, то мы глубоко убеждены: мистер Уэверли вряд ли благосклонно отнесется к вашей письменной просьбе принять у себя подобную личность. Почему? А вот сейчас некто Роберт Шекли и расскажет вам эту абсолютно невероятную историю. Похоже, она одна из самых лучших и смешных в серии его рассказов, написанных до того, как он полностью переключил свой интерес на совершенно иные области; надеемся, впрочем, что он вскоре вновь вернется к прежнему занятию.

Взглянув на часы, Уэверли понял, что до появления репортеров у него есть еще минут десять.

— Ну что ж, — сказал он уверенным тоном, заранее настраиваясь на интервью, — чем я могу вам служить, сэр?

Человек, сидевший напротив, на мгновенье даже как будто растерялся, словно не привык, чтобы его называли «сэр», потом вдруг как-то странно ухмыльнулся и спросил:

— Это ведь здесь можно обрести надежное убежище, верно?

Уэверли внимательно посмотрел на него: маленький, тощий, глаза горят.

— Это компания «Необузданные таланты, Инкорпорейтед», — спокойно подтвердил он. — И нас действительно интересуют любые проявления сверхъестественных возможностей человека.

— Да-да, узнав об этом, я и сбежал, — и человечек интенсивно затряс головой в знак согласия. — Я знал, что только вы можете спасти меня от них! — Он с опаской оглянулся через плечо.

— Там видно будет, — дипломатично уклонился от прямого ответа Уэверли и вольготно откинулся на спинку кресла. Его совсем молодая еще компания просто притягивала, казалось, самых разнообразных психов. Стоило ему объявить, что он интересуется различными психологическими феноменами и проявлениями нестандартными проявлениями высшей нервной деятельности человека, бесконечный поток психопатов и шарлатанов стал буквально захлестывать его кабинет.

Однако Уэверли не запирал двери даже перед людьми явно ненормальными. Как ни странно, можно порой обнаружить истинного гения экстрасенсорики среди сущих отбросов общества. Так сказать, найти бриллиант в помойной куче...

— Чем вы занимаетесь, мистер... э-э-э?

— Эскин. Сидни Эскин, — представился человечек. — Я ученый, сэр. — Он застегнул потрепанный пиджак и с каким-то нелепым достоинством приосанился. — Я давно наблюдаю поведение различных человеческих пар и веду подробнейшие записи — в полном соответствии с самыми передовыми методами исследования.

— Понятно, — сказал Уэверли. — Но вы, кажется, сказали, что сбежали откуда-то?

— Да, из психиатрической лечебницы в Блекстоуне, сэр. Напуганные результатами моих исследований, тайные враги постарались посадить меня под замок! Но мне удалось бежать. И вот я пришел к вам в надежде получить помощь и убежище.

«Пожалуй, типичный случай паранойи, — думал Уэверли. — Интересно, не впадет ли он в ярость, если попытаться связаться с Блекстоуном?»

— Итак, вы изучаете поведение людей, верно? — мягко спросил он. — Но ведь в этом, по-моему, нет ничего сверхъестественного...

— Позвольте я вам докажу! — предложил человечек, внезапно охваченный странной паникой, и чрезвычайно внимательно посмотрел на Уэверли. Он прямо-таки ел его глазами. — Пожалуйста: ваша секретарша сидит сейчас за своим столом в приемной и пудрит себе носик легкими, изящными движениями пуховки... А теперь она чуть потянулась вперед, держа пудреницу в руке... Ах! Она неосторожно просыпала пудру на пишущую машинку и пробормотала: «Черт побери!» А теперь она...

— Погодите-ка, — прервал его Уэверли и быстро распахнул дверь в приемную.

Дорис Флит, его секретарша, вытирала машинку, обсыпанную пудрой. Она вся перепачкалась, даже ее черные волосы кое-где «поседели», отчего она стала похожа на упавшего в муку котенка.

— Ох, извини, Сэм! — сказала Дорис смущенно.

— Ну что ты! — с энтузиазмом откликнулся Уэверли. — Напротив, я тебе даже благодарен! — Однако вместо каких-либо

объяснений он снова захлопнул дверь в кабинет и поспешно вернулся к Эскину.

— Так я могу надеяться на вашу защиту? — спросил тот, наклоняясь над столом ближе к Уэверли, точно заговорщик. — Вы ведь не позволите им снова засадить меня туда, правда?

— А вы всегда можете вот так... «наблюдать» за людьми? — спросил Уэверли.

— Разумеется!

— В таком случае можете ни о чем не волноваться! — Уэверли говорил спокойно, но сердце у него билось как бешеное. Псих этот Эскин или нет, но ни в коем случае нельзя позволить, чтобы столь замечательный дар был похоронен в какой-то там лечебнице! Даже если это доставит ему, Уэверли, массу хлопот!

На столе зазвонил внутренний телефон. Уэверли нажал на кнопку, и голос Дорис Флит сообщил:

— Пришли репортеры, мистер Уэверли.

— Задержите их на минутку, — сказал он, улыбаясь: уж больно «официально» звучал ее голос. Уэверли проводил Эскина в небольшую комнатку рядом с кабинетом и сказал ему: — Вы, пожалуйста, пока подождите здесь. Но постарайтесь не шуметь и ни о чем не беспокойтесь.

Он запер дверь в комнатку и велел Дорис пропустить репортеров в кабинет.

Их было семеро. С блокнотами наготове. Уэверли показалось, что на их лицах написано некое невольное, хотя и недоброе, уважение к нему — точно к злому гению. Статьи о «Необузданных талантах» давно уже переместились с последних полос газет на первые. По крайней мере с тех пор, как Билли Уокер, абсолютный психологический феномен, настоящая звезда компании Уэверли, сумел благодаря своему потрясающему дару телекинеза отправить на Марс корабль «Венчур».

Уэверли тянул время как мог, пока не почувствовал, что интерес к нему достиг максимума. И тогда настала пора действовать.

Уэверли подождал, пока журналисты уселись и успокоились, и заявил:

— Джентльмены, создание компании «Необузданные таланты» — это попытка отыскать среди огромной массы обычных людей немногочисленных обладателей тех талантов, которые мы, парапсихологи, называем экстрасенсорными.

— А что это такое? — спросил какой-то долговязый репортер.

— Определение дать довольно трудно, — сказал Уэверли с искренней, как он очень надеялся, улыбкой. — Давайте я попробую объяснить вам это примерно так...

«Сэм! — отчетливо прозвучал у него в ушах голос Дорис Флит. Прозвучал так ясно, будто она стояла с ним рядом! Возможно, Дорис была далеко не самой лучшей секретаршей, но безусловно обладала даром телепатии. Она успешно применяла его, и примерно в двадцати процентах случаев это ей весьма и весьма пригождалось. — Сэм, двое из твоих гостей никакие не репортеры!»

«А кто же?» — промыслил он в ответ.

«Не знаю, — «сказала» Дорис. — Но, по-моему, это может грозить нам неприятностями».

«Ты имеешь хоть какое-нибудь представление, какими именно неприятностями?»

«Нет. Это те, в темных костюмах. Они думают, что...» — И ее мысленный голос затих.

Телепатический разговор осуществляется молниеносно, так что вся беседа заняла не более секунды. Уэверли глянул на двоих гостей в темных костюмах — они сидели чуть в стороне от остальных и ничего не записывали — и как ни в чем не бывало продолжил свою речь:

— Экстрасенс, джентльмены, — это человек, обладающий некими особенностями нервно-психического развития или даже определенной психологической властью над другими людьми, однако же об истинной природе данного феномена мы можем лишь догадываться. В настоящее время экстрасенсов чаще всего можно встретить в цирке или в различных шоу. И ведут они по большей части жизнь весьма несчастливую, полную тревог и нервного напряжения. Моя компания пытается найти для них такого рода занятия, где таланты этих людей могли бы пригодиться и быть полезны для всех. В дальнейшем мы надеемся постепенно выяснить, почему и как действуют подобные аномальные механизмы человеческой психики и отчего это проявляется столь странным образом. Мы бы хотели также...

Уэверли продолжал вещать, не скупясь на подробности. Общественное признание имело для его работы огромное значение, и этот фактор никак нельзя было сбрасывать со счетов. Публика, возбужденная успехами ядерных исследований и с огромным энтузиазмом воспринявшая недавние полеты на Луну и на Марс, готова была впитать и основные идеи парапсихологии, особенно если постараться изложить их для нее максимально доступным образом.

Так что Уэверли не жалел розовой краски, искусно обходя наиболее сложные и неразрешимые пока проблемы. Он изобра-

зил экстрасенсов как людей, способных общаться со всеми, в том числе и с самим Уэверли, исключительно с помощью телепатии; таким образом, обладание этим даром уже не должно было казаться неким отклонением от нормы или уродством, но, напротив, — воспринималось бы как полное воплощение естественных способностей любого представителя человечества.

Закончил он свою речь чуть ли не со слезами на глазах.

— Итак, подведем итоги, — сказал он. — Основная наша надежда заключается в том, что когда-нибудь все люди научатся пользоваться заложенными в них от природы экстрасенсорными талантами!

После шквала вопросов пресс-конференция закончилась. Остались только те двое в темных костюмах.

— Вы еще что-нибудь хотите узнать, господа? — вежливо осведомился Уэверли. — У меня есть кое-какие брошюры...

— А не у вас ли случайно скрывается один тип? Его фамилия Эскин, — грубовато осведомился один из сыщиков.

— О чем это вы? — притворно изумился Уэверли.

— Так он у вас?

— Я не понимаю, кого вы имеете в виду!

— Хорошо, попробуем зайти с другой стороны, — вздохнул сыщик. Он и его напарник предъявили свои удостоверения. — Видите ли, этот Эскин был помещен в лечебницу Блекстоуна и сбежал оттуда. У нас есть серьезные основания полагать, что явился он именно к вам. Если это так, мы бы хотели его забрать.

— А что с ним такое? — спросил Уэверли.

— Вы его видели?

— Джентльмены, так мы никуда не придем! Предположим, я его видел, — учтите, я этого не утверждаю! Предположим, у меня есть некие средства, способные его вылечить, сделать нормальным, достойным гражданином своей страны. Будете ли вы и в этом случае настаивать на его возвращении в психлечебницу?

— Вы не сможете вылечить Эскина! — уверенно заявил тот же сыщик. — Он ведь считает, что нашел для себя отличное занятие и прекрасно устроился, да только народ, к сожалению, с его «деятельностью» смириться никак не может.

— И какова же его «деятельность»? — спросил Уэверли.

— Значит, вы его видели?

— Нет. Но если увижу, то непременно сразу же свяжусь с вами, — любезно пообещал Уэверли.

— Мистер Уэверли, подобное отношение...

— Он что же, опасен?

— Не особенно. Однако...

— Он обладает экстрасенсорными способностями?

— Вполне возможно, — с несчастным видом кивнул сыщик. — Но то, как он ими пользуется...

— Вряд ли я когда-либо видел этого парня, — холодно прервал его Уэверли.

Сыщики переглянулись.

— Ладно, — сказал один из них. — Раз вы признаете, что он у вас, так мы и запишем. Вы готовы нести за него полную ответственность?

— Вот это другой разговор, — сказал Уэверли. Бумаги были быстро подписаны, и Уэверли выпроводил обоих сыщиков из кабинета. В дверях ему, правда, показалось, что сыщики не без злорадства подмигнули друг другу. Впрочем, возможно, ему это только показалось.

— Ну что, права я была? — спросила Дорис.

— Абсолютно! — ответил Уэверли. — Однако волосы у тебя все еще в пудре.

Из своей бездонной сумки, которую Дорис носила через плечо, она выудила зеркальце и принялась приводить волосы в порядок.

— Ну все, довольно, — сказал Уэверли, наклоняясь к ней и целуя в носик. — Завтра выходи за меня замуж, хорошо?

Дорис минутку подумала.

— Знаешь, завтра я очень занята: иду в парикмахерскую.

— Тогда послезавтра.

— А послезавтра я участвую в заплыве через Ла-Манш. Если тебя устроит, то лучше на следующей неделе.

Уэверли снова поцеловал ее.

— Следующая неделя меня не просто устроит. На следующей неделе ты безо всяких разговоров обязана стать моей женой! — заявил он. — Я не шучу.

— Ладно, — согласилась Дорис. Она даже дыхание затаила от неожиданности. — Неужели ты это взаправду, Сэм?

— Взаправду, — кивнул он. Их свадьба уже два раза откладывалась. В первый раз возникла проблема с Билли Уокером, которому никак не хотелось участвовать в запуске космического корабля «Венчур» на Марс, и Уэверли не оставлял его ни днем ни ночью, стараясь поддержать в нем мужество.

Вторая отсрочка произошла, когда Уэверли нашел для «Необузданных талантов» богатого спонсора. Тогда ему пришлось работать двадцать четыре часа в сутки — что-то организовывать, связываться с различными компаниями, где могли бы пригодиться экстрасенсы, разыскивать самих экстрасенсов... Но на этот раз...

Он снова наклонился к Дорис, но она вдруг спросила:

— А что там этот тип? Он все еще торчит у тебя в кабинете?

— Ах да! — опомнился Уэверли. — По-моему, он самый настоящий экстрасенс. Пожалуй, надо проверить, чем он там занимается. — И он прошел через кабинет к двери в запертую комнатку.

Эскин, оказывается, отыскав карандаш и бумагу, что-то быстро писал. Когда вошли Уэверли и Дорис, он поднял голову и торжествующе улыбнулся, хотя улыбка его показалась им несколько диковатой.

— Ах, мой дорогой спаситель! Я хотел бы, сэр, немедленно продемонстрировать вам результаты моих последних научных наблюдений. Вот полный отчет о том, что происходило между объектом А, то есть вами, и объектом В, то есть мисс Флит. — С этими словами он вручил им исписанные листки.

Оказалось, что Эскин в мельчайших подробностях воспроизвел разговор Уэверли с Дорис, а в качестве приложения сделал точнейшее анатомическое описание их поцелуев и, в дополнение к нему, тщательнейшее описание их чувств до, во время и после каждого поцелуя.

Дорис нахмурилась. Она чрезвычайно дорожила личной свободой, и ей совсем не понравилось, что в интимные моменты за ней «наблюдает» какой-то маленький оборванец.

— Занятно, — сказал Уэверли, с трудом подавив улыбку при виде выражения, появившегося на лице Дорис. Он был уверен, что этим человеком достаточно просто руководить или хотя бы отчасти направлять его действия. Впрочем, решение подобных вопросов спокойно могло подождать и до завтра.

Подыскав Эскину место для ночлега, Уэверли и Дорис пообедали и принялись обсуждать грядущую свадьбу. А потом отправились к Дорис домой и включили телевизор, однако на его экран до часу ночи ни разу даже не взглянули.

Наутро первым посетителем Уэверли оказался элегантно одетый мужчина лет тридцати пяти, который представился как человек, способный молниеносно делать в уме любые вычисления. Уэверли отыскал на полке таблицу логарифмов и подверг незнакомца испытанию, из которого тот с честью вышел, показав отличные результаты. Уэверли записал его имя и адрес и пообещал с ним связаться.

Он чувствовал легкое разочарование. Люди, способные молниеносно считать в уме, были наименее необузданными изо всех необузданных талантов. К тому же было довольно трудно

подыскать им действительно хорошую работу, если они не обладали также и творческими математическими способностями.

Пришла утренняя почта — обычная кипа различных журналов и газет, — и какое-то время Уэверли уделил чтению. Он подписывался практически на все периодические издания в надежде отыскать малоизвестные рабочие места для своих экстрасенсов.

Вскоре Дорис пропустила к нему в кабинет пожилого мужчину с багровой физиономией алкоголика. На нем был довольно хороший костюм, но обшлага сильно потрепаны, а сорочка заношена до безобразия. Зато туфли по неведомой причине так и сияли.

— Я умею превращать воду в вино! — гордо заявил вошедший.

— Ну так вперед! — Уэверли тут же налил в чашку минеральной воды из холодильника и протянул чашку мужчине.

Тот посмотрел на воду, пробормотал несколько слов и свободной рукой сделал над чашкой несколько пассов. На лице его отразилось явное недоумение: ничего не происходило. Он сердито заглянул в чашку, снова пробурчал свое заклинание и принялся делать пассы руками. И снова нулевой результат.

— Вы же знаете, как это бывает, — обратился он к Уэверли. — У нас, экстрасенсов, то поле есть, то его нету. Обычно-то — ну, процентах в сорока случаев! — у меня все получается отлично.

— Значит, сегодня просто день у вас неудачный? Поле исчезло? — с подозрительной участливостью спросил Уэверли.

— Точно, — подтвердил пьянчуга. — Не могли бы вы оказать мне некоторую... э-э-э... финансовую поддержку? Тогда через несколько дней моя способность, конечно же, вернется! А то сейчас я чересчур трезв. Уверяю вас, на меня стоит посмотреть, когда я по-настоящему...

— Вы это все в газетах вычитали, верно? — спросил Уэверли.

— Да вы что? Ничего подобного!

— Все. Немедленно убирайтесь отсюда! — велел ему Уэверли. Просто невероятно, какое количество проходимцев притягивала его контора! И главное, все они были уверены, что он просто шарлатан и занимается тем, что дурит людей. Ну а некоторые полагали, что его запросто можно разжалобить...

В общем, он уже начинал уставать от подобных визитов.

Следующей в кабинет вошла плотная девица небольшого росточка в дешевеньком платьице из ситца с набивным рисунком; на вид ей было лет восемнадцать-девятнадцать. Чувствовала она себя явно не в своей тарелке.

Уэверли подвинул ей стул и предложил сигарету. Она тут же нервно закурила.

— Меня зовут Эмма Краник, — промолвила она, вытирая о платье вспотевшую ладонь. — Я... а вы точно не станете надо мной смеяться?

— Можете быть совершенно в этом уверены. Продолжайте. — И Уэверли сделал вид, что сосредоточенно ищет что-то среди своих бумаг на столе. Он понимал, что девушке будет проще, если он не будет на нее смотреть.

— Ну, я... это звучит странно, но я могу устраивать пожары. Стоит мне только захотеть. Честное слово! — Она вызывающе сверкнула глазами.

Такого человека собственными глазами он видел впервые в жизни, хотя и знал об этом феномене очень давно. Похоже, способность мысленно воспламенять предметы по какой-то неведомой причине была свойственна прежде всего совсем юным девушкам.

— Вы не могли бы показать, Эмма, как это у вас получается? — мягко попросил Уэверли, и девушка послушно прожгла дыру в его новом ковре. Он быстро потушил пламя с помощью нескольких кружек воды, а потом, в качестве дополнительной проверки, заставил ее поджечь еще и занавеску.

— Просто замечательно! — воскликнул он с искренним восторгом и заметил, как прояснилось лицо девушки. Оказалось, Эмма сожгла дотла ферму своего дяди, и тот сказал, что она «уж больно чудная», а он ничего «чудного» на своей ферме терпеть не желает.

Она жила теперь в Христианской ассоциации молодых женщин (ХАМЖ), и Уэверли пообещал непременно связаться с нею по этому адресу.

— Не забывайте, — сказал он ей на прощание, — что вы обладаете весьма ценным даром! Очень и очень ценным и редким! И не бойтесь его!

На сей раз она улыбнулась так, что стала почти хорошенькой.

Полтергейст, думал он после ее ухода. Ну и куда, черт возьми, он сумеет пристроить девицу, способную вызывать пожары? Может, истопником? Нет, это совершенно дурацкая идея!..

К сожалению, люди, обладавшие необузданными талантами, редко находили себе разумное применение. Он тогда несколько приврал репортерам на этот счет. Но ведь и экстрасенсы в нашем мире — тоже явление, так сказать, штучное.

Уэверли задумчиво перелистывал какой-то журнал, размышляя, кому мог бы пригодиться полтергейст.

— Сэм! — Дорис Флит, руки в боки, стояла в дверях. — Ты только посмотри!

Он выглянул в приемную. Разумеется, возле стола уже стоял Эскин с глупейшей улыбкой на физиономии и пачкой исписанных листков в руках. Дорис передала эти листки Уэверли.

Он быстро пробежал глазами написанное. Это был доскональный отчет о том, чем они с Дорис занимались с той минуты, как он вошел в ее квартиру, и до того мгновения, когда он ее покинул.

Однако «доскональный отчет» — это еще далеко не все! Этот экстрасенс исследовал и описал не только каждое их движение, но и каждое ощущение! И теперь Уэверли отлично понял, почему Эскина заперли в сумасшедший дом — хотя на самом-то деле это было просто нечестно! — и почему он уже не находит в этом поступке ничего предосудительного. «Да он же настоящий вуайер, — догадался Уэверли, — вынюхивает следы любовников, точно помойный кот! Причем кот, обладающий уникальной способностью не только обнаруживать эти следы, но и ВИДЕТЬ все, чем занимаются люди, находящиеся от него на расстоянии в несколько миль!»

Как и все влюбленные накануне собственной свадьбы, Уэверли и Дорис без конца целовались и обнимались, отнюдь не считая это чем-то непристойным. Но читать описания всех этих поцелуйчиков, ласк и любовного сюсюканья, сделанные кем-то посторонним, кто безжалостно препарирует твои переживания, сухо анализирует интимные ощущения... О, это было нечто невыносимое!

Научный лексикон Эскина был безукоризненным; он описывал каждый их шаг исключительно с помощью корректных медико-анатомических терминов. Затем строил поведенческие диаграммы, затем давал чисто физиологический анализ. Затем нечто более глубинное — анализ гормональной активности, изменений на молекулярном уровне, мышечной реакции и тому подобного.

Это был поистине удивительный образчик порнографии, завуалированной под науку! Ничего подобного Уэверли в жизни не видел.

— Ну-ну, — и он пригласил Эскина в кабинет. Дорис тоже вошла; на лице ее отражались тяжкие раздумья и крайняя растерянность.

— Ну что ж... Но объясните мне ради Бога, зачем вы это сделали?! — потрясенно спросил Уэверли. — Разве не я спас вас от сумасшедшего дома?

— О да, сэр! — воскликнул Эскин. — И поверьте, я чрезвычайно вам благодарен.

— В таком случае обещайте, что ничего подобного более не повторится.

— Нет-нет! — в ужасе воскликнул экстрасенс. — Разве я могу бросить свои исследования? С этим ведь тоже нужно считаться!

И он пустился в объяснения. Через полчаса Уэверли узнал о нем еще множество интересных вещей. Эскин способен был «наблюдать» за любым человеком, с которым хотя бы случайно вступил однажды в контакт, вне зависимости от того, где и в каких обстоятельствах этот человек находится. Но по-настоящему его интересовало одно: сексуальная жизнь того или иного «объекта наблюдения». И под свой вуайеризм он подводил незыблемую рациональную основу, будучи абсолютно уверенным, что служит науке.

Уэверли снова велел ему подождать в маленькой комнате, запер за ним дверь и повернулся к Дорис.

— Мне ужасно жаль, что так получилось, — сказал он, — но я уверен, что сумею наставить его на путь истинный. Вряд ли это будет так уж сложно.

— Вот как? Ты уверен? — холодно взглянула на него Дорис.

— Уверен, — подтвердил Уэверли. — Я все продумал.

— Прекрасно, — сказала Дорис, порвала исписанные экстрасенсом листки, сложила все это в пепельницу и подожгла. — Но пока ты его не перевоспитал, нам, по-моему, лучше свадьбу отложить.

— Но почему?!

— Ах, Сэм, — вздохнула Дорис, — как можно выходить замуж, зная, что этот паршивец следит за каждым нашим шагом? Да еще и подробности записывает?

— Пожалуйста, не волнуйся так. Ты совершенно права! Я им займусь немедленно. А тебе, может быть, сегодня лучше уйти с работы пораньше?

— Именно это я и собираюсь сделать! — заявила Дорис и двинулась к двери.

— Поужинаем вместе? — спросил Уэверли.

— Нет, — решительно отвергла она его робкое предложение. — Извини, Сэм, но ты сам знаешь, что за этим последует, и пока этот проклятый котяра все вынюхивает... Нет, ни за что! — И она хлопнула дверью.

Уэверли отпер дверь в соседнюю комнату.

— Идите сюда, Сидни, — позвал он. — Сейчас у нас с вами будет приятная и весьма долгая беседа.

И Уэверли попытался объяснить Эскину — не торопясь, терпеливо, — что его деятельность на самом деле никакого отношения к науке не имеет, что у него имеются некоторые сексуальные отклонения, а также повышенная возбудимость, и эти свои свойства он бессознательно выдает за стремление к научным открытиям.

— Но, мистер Уэверли! — воскликнул Эскин. — Если бы я всего лишь подглядывал за людьми, удовлетворяя свою похоть! Но я же постоянно веду записи, пользуясь четкой научной терминологией; я классифицирую типы отношений, я все раскладываю по полочкам и всему даю соответствующие определения. А в итоге надеюсь изложить накопленный материал в обширном обобщающем труде о сексуальных привычках и пристрастиях представителей самых различных групп человечества!

Уэверли объяснил, что каждый представитель человечества имеет право на личную, интимную жизнь. Но Эскин отвечал, что наука превыше всего, не говоря уж о каких-то мелкотравчатых любовных претензиях. Уэверли пытался выстроить свою линию обороны, но одержимый идеей создания монументального научного труда Эскин находил ответ на каждое его возражение, причем ответы эти полностью соответствовали представлениям экстрасенса как о собственной роли в истории человечества, так и о самом человечестве.

— Беда в том, — заявил он Уэверли, — что люди слишком далеки от науки. Даже так называемые ученые. Поверите ли, в нашей психиатрической лечебнице врачи большую часть времени держали меня взаперти в отдельной палате! Всего лишь за то, что я мысленно наблюдал их сексуальную жизнь и вел соответствующие записи! Разумеется, подобное заключение в одиночную камеру меня остановить не могло!

«Интересно, — подумал Уэверли, — как это он вообще до сих пор еще жив? Было бы совершенно неудивительно, если бы кто-то из разъяренных врачей лечебницы влепил ему сверхдозу чего-нибудь «успокоительного». Вероятно, чтобы не сделать этого, докторам пришлось призвать на помощь все свое самообладание».

— Вот уж не думал, что и вы будете против меня настроены, — опечаленно сказал экстрасенс. — Видимо, я просто недоучел, насколько вы все старомодны!

— Я вовсе не настроен против вас, — возразил Уэверли, не зная, как ему поступить и что делать с этим безумцем. И вдруг его осенило.

— Сидни, — сказал он, — по-моему, я знаю, где для вас сыщется работа. И очень хорошая, вам понравится.

— Правда? — Лицо вуайера просветлело.

— Во всяком случае, мне так кажется. — И Уэверли, чтобы проверить зародившуюся у него догадку, отыскал один из недавно полученных журналов, выудил оттуда номер телефона и позвонил.

— Добрый день. Это Фонд Беллена? — Он представился, постаравшись как можно точнее описать, чем именно занимается. — Я слышал, что вы осуществляете новый проект научных исследований сексуальных привычек и пристрастий мужского населения восточной Патагонии, это верно? В таком случае, не нужен ли вам для опроса в полевых условиях интервьюер, способный ДЕЙСТВИТЕЛЬНО собрать для вас самые интересные факты?

Поговорив еще несколько минут, Уэверли со вздохом облегчения повесил трубку и записал на листке адрес.

— Вот, езжайте прямо туда, Сид, — сказал он. — По-моему, мы нашли для вас в этой жизни соответствующую нишу.

— Огромное вам спасибо! — воскликнул Эскин и поспешил в Фонд Беллена.

На следующее утро первым посетителем Уэверли оказался Билл Саймс — самая большая его надежда. Саймс был чрезвычайно одаренным экстрасенсом и к тому же обладал ясным развитым интеллектом.

Но в то утро он выглядел смущенным и каким-то несчастным.

— Мне нужно поговорить с тобой, Сэм, — сказал Саймс. — Я ухожу с работы.

— Но почему? — изумился Уэверли. Он считал, что Саймс прекрасно устроен и вообще счастлив настолько, насколько вообще может быть счастлив экстрасенс.

— Ну... наверное, я им просто не подхожу.

Саймс был способен «чувствовать» напряжение и усталость металлов. Как и многие другие экстрасенсы, он понятия не имел, как это у него получается. И тем не менее мог определить появление любой микротрещины быстрее и точнее, чем рентген, и без всяких побочных эффектов, связанных с рентгенологическим исследованием.

Способность Саймса определял девиз «Все или ничего»: он либо мог определить любой дефект, либо не мог обнаружить ни одного. Именно поэтому он никогда не совершал ошибок. И хотя его редкостный дар не давал результатов примерно в сорока процентах случаев, все равно на авиационном заводе, производящем двигатели для самолетов, он считался ценнейшим приобретением, ибо каждую деталь там ранее непременно подвергали рентгенологическому обследованию на предмет выявления дефектов. Эффективность Саймса значительно превосходила результаты, достигавшиеся с помощью рентгена.

— То есть как это «не подходишь»? — удивился Уэверли. — Неужели ты думаешь, что не стоишь тех денег, которые тебе платят?

— Дело не в этом, — сказал Саймс. — Дело в людях, с которыми я работаю. Они считают меня уродом.

— Но ты же с самого начала знал, что так оно и будет, — напомнил ему Уэверли.

Саймс пожал плечами.

— Ладно, попробую объяснить по-другому, — сказал он и закурил. — Кто я, черт побери, такой? И кто такие все мы, те, кого называют экстрасенсами? Мы действительно кое-что можем, это верно, но мы ведь даже не знаем, как у нас это получается! Мы не имеем над своими «талантами» абсолютно никакой власти, не понимаем их на уровне подсознания, мы даже не в силах их обуздать. Они проявляются независимо от нашей воли. Мы безусловно не супермены, но мы и не нормальные люди. Мы... да не знаю я, кто мы такие!

— Билл, — мягко возразил ему Уэверли, — тебя беспокоит вовсе не отношение других людей. Ты сам себя тревожишь. Ты сам выдумал, что ты какой-то урод.

— Ну да, ни рыба ни мясо! — подхватил с горечью Саймс. — Я хочу заняться фермерством, Сэм. Землю пахать буду.

Уэверли покачал головой. Незаурядных людей всегда легко сбить с толку, особенно если они пытаются использовать свой талант где-то помимо цирка или эстрады. Коммерческий мир — по крайней мере теоретически — требовал от своих «винтиков» стопроцентного функционирования, и любой из них, не способный работать постоянно, считался ущербным или бесполезным. Пережитки подобного отношения присутствовали и в восприятии экстрасенсов, которые и сами считали собственные таланты как бы механическим продолжением, а не составляющей своей личности, и чувствовали себя неполноценными, если не могли применять их на практике с четкостью и регулярностью автомата.

Уэверли растерялся. Экстрасенсу ведь тоже необходимо найти свое место в жизни. Все верно, это действительно очень трудно, но вряд ли стоит при первой же неудаче уходить в фермеры.

— Послушай, Сэм, — продолжал между тем Саймс. — Я знаю, как много ты делаешь для экстрасенсов, но ведь и у нас есть право хоть в чем-то быть нормальными людьми. Извини.

— Да что ты, Билл, —сказал Уэверли, поняв, что дальней-

шие уговоры способны лишь восстановить Саймса против него. Кроме того, он знал, что Саймс, как и все экстрасенсы, несколько переигрывает. Им всем ужасно нравилось исполнять свои трюки. Возможно, тяжелая грязная работа в поле быстренько отрезвит Билла и он вернется к прежней жизни и занятиям. — Ты только не пропадай, ладно? Звони.

— Конечно. Ну, пока, Сэм.

После его ухода Уэверли некоторое время раздумывал, хмурясь и покусывая губу, потом встал и пошел проведать Дорис.

— Ну что, успокоилась? Не будем переносить день свадьбы? — спросил он.

— А как там твой Эскин?

Он рассказал ей, что устроил Эскина на подходящую работу, и свадьба была назначена на следующую неделю. Вечером они поужинали в симпатичном маленьком ресторанчике, а потом поехали к Дорис и, как всегда, включив телевизор, полностью его игнорировали до поздней ночи.

Утром, когда Уэверли перелистывал свежие журналы, ему вдруг пришла в голову блестящая мысль. Он сразу же позвонил Эмме Краник и попросил ее зайти.

— Не хотите ли попутешествовать? — спросил он девушку. — Вам нравятся новые люди, новые страны?

— Ой, очень! — воскликнула Эмма. — Я ведь до этого с дядиной фермы вообще никуда не уезжала.

— А трудности вас не пугают? Вы, например, холода не боитесь?

— Нет, мне никогда не бывает холодно, — сказала она. — Я всегда могу согреться — тем же способом, что и устроить пожар.

— Вот и отлично! В таком случае... — И Уэверли схватил телефонную трубку. Через пятнадцать минут договоренность о свидании этой носительницы полтергейста с нужными людьми была достигнута.

— Эмма, — спросил Уэверли, — вы когда-нибудь слышали об экспедиции Харкинса?

— Нет, — сказала она, — а что?

— Дело в том, что они отправляются в Антарктиду и одной из основных проблем в подобных экспедициях всегда является потребность людей в тепле. Вы догадываетесь, куда я клоню?

Девушка улыбнулась:

— По-моему, да.

— Ну тогда поскорее отправляйтесь к ним и постарайтесь убедить их в своих возможностях. Нет, погодите! Я поеду с вами. Для экспедиций в Антарктиду такие, как вы, должны быть на вес золота!

Убедить участников экспедиции не составило никакого труда. Это были женщины-ученые, которые после семи-восьми демонстраций редкостных возможностей Эммы пришли к выводу, что эта девушка для них — просто находка. Сильная и здоровая, она легко могла тащить по снегу груз, равный собственному весу, и, обладая способностью к самообогреву, «функционировала» при любой погоде. А уж ее способность разжигать огонь «взглядом» была выше всяческих похвал!

К себе в офис Уэверли вернулся ленивой походкой победителя; на губах у него играла самодовольная улыбка. Когда-нибудь такие девушки, как Эмма, очень пригодятся на Марсе, в исследовательской колонии землян. Тепло в разреженном марсианском воздухе сохранить особенно трудно, и Эмма отлично впишется в число колонистов.

Подобные успехи всякий раз укрепляли веру Уэверли в великое будущее парапсихологии. Для всех необузданных талантов безусловно должно найтись свое место и применение! Вопрос лишь в том, как его найти.

В офисе его поджидал сюрприз: Эскин. Дорис глядела грозно.

— Что случилось, Сид? — спросил Уэверли. — Просто захотелось повидаться с нами?

— Я ушел от них навсегда, — печально отвечал Эскин. — Меня уволили, мистер Уэверли!

— Но почему?!

— Они ненастоящие ученые! — еще более печально покачал головой Эскин. — Я продемонстрировал им результаты своих пробных исследований, так они просто в ужас пришли, представляете? Ученые — и пришли в ужас!

Уэверли с трудом сдержал улыбку. Он-то всегда считал, что подобные исследовательские проекты — полнейшая ерунда и не способны приоткрыть даже шестнадцатой доли истинного положения дел.

— Кроме того, — возмущенно продолжал Эскин, — они просто не в состоянии быть беспристрастными. Я произвел небольшую серию исследований частной жизни этих, с позволения сказать, «ученых» — просто в качестве контрольного фактора, — и они тут же вышвырнули меня вон!

— Жаль! — с искренним сочувствием сказал Уэверли, избегая взгляда Дорис Флит.

— Я пытался доказать им, что в моих научных изысканиях нет ничего дурного, — снова заговорил Эскин. — Я даже показал им те дневники, где описывал ваши отношения с мисс Флит...

— Что?! — Дорис поперхнулась и так резко вскочила, что с грохотом уронила стул, на котором сидела.

— Ну да, показал. Я всегда храню все свои отчеты о проделанных опытах! — гордо заявил экстрасенс. — Чтобы вести дальнейшую работу, стоит только просмотреть их, и...

— Ну все, с меня хватит! — заявила Дорис. — Господи, какой... Вышвырни его отсюда немедленно, Сэм!

— Это же ничего не даст! — возразил Уэверли. — Он все равно будет продолжать наблюдать за нами.

На мгновение Дорис, казалось, окаменела, поджав губы так, что они превратились в тонкую ниточку.

— Нет, я этого больше не потерплю! — вдруг выпалила она. — Не желаю терпеть! — И, схватив сумку, двинулась к двери.

— Ты куда? — окликнул ее Уэверли.

— В монастырь! — И Дорис исчезла за дверью.

— Она все равно вам не подходит, — утешил его экстрасенс. — Чересчур жеманна. Я ведь изучал ваши сексуальные устремления достаточно внимательно, и вы...

— Заткнитесь, Эскин! — рявкнул Уэверли. — Дайте же спокойно подумать! — Но в голове было абсолютно пусто, будто все мысли разом улетучились. Какую бы работу он Эскину ни подыскал, тот все равно будет продолжать свои «наблюдения». А стало быть, на свадьбе можно поставить крест...

— Ступайте в ту комнату, — велел он экстрасенсу. — Я хочу остаться один.

— Может быть, мне оставить вам отчет о проделанной работе? — предложил Эскин, показывая толстенную пачку исписанных листков.

— Да, оставьте. Положите на стол.

Эскин удалился, а Уэверли сел и стал думать.

И думал несколько дней — неустанно, ежеминутно думал: что делать с этим типом? Утром после той сцены Дорис, разумеется, на работу не вышла; на следующий день тоже. Уэверли позвонил ей, но телефон не отвечал.

Огнеопасная девица Эмма Краник — этот ходячий полтергейст — благополучно отбыла вместе с антарктической экспедицией; в прессе по ее поводу было немало восторженных откликов.

В Восточной Африке обнаружили двух экстрасенсов, обладающих способностью к телекинезу, и направили в центр Уэверли.

А он все думал об Эскине.

Однажды в офис к нему забежал какой-то тип с дрессированной собакой и был очень недоволен, когда ему объяснили, что компания «Необузданные таланты» — отнюдь не театральное и не цирковое агентство. Удалился незнакомец страшно разобиженный.

А Уэверли продолжал думать.

Ему позвонил Ховард Эйркрафт. С тех пор, как Билл Саймс вышел из игры, технический контроль стал на этом авиационном заводе самым узким местом. Билл со своими способностями был для столь точного производства незаменим. Когда он бывал в форме, то мог, лишь мельком взглянув на кусок металла, тут же выдать диагноз. Отдельные части двигателей не нужно было даже сдвигать с места.

А при использовании старого способа — с помощью рентгеновских лучей — сперва требовалось все доставить в отдел контроля, потом разложить в соответствующем порядке, включить контрольную установку, проявить полученные снимки... Да и потом еще радиолог должен был составить описание, а инспектор — дать или не дать разрешение на дальнейшее использование этих деталей!

Компания мечтала о возвращении Саймса.

И он вернулся, успев досыта наесться фермерской работы, — надо сказать, это ему надоело удивительно быстро. Но самое главное — теперь он твердо знал: в нем действительно нуждаются! Собственно, в этом-то и было все дело.

Уэверли сидел за столом и читал отчеты Эскина, пытаясь найти ключ к пониманию его безумного увлечения.

Этот человек безусловно обладает удивительным даром, ведь он способен анализировать сексуальные отношения вплоть до гормонального уровня, отмечая даже микроскопические повреждения эпителия! Но как, черт побери, ему это удается? Микроскопическое видение? А почему бы, собственно, и нет?

Рассматривал Уэверли и возможность возвращения Эскина в Блекстоун. В конце концов, этот человек приносит действительно больше вреда, чем пользы. А под надзором психиатров он, возможно, утратит стремление к подобным исследованиям — но вместе с тем, возможно, и свой талант...

Да и так ли уж Эскин безумен? Может, он просто гений, намного обогнавший свою эпоху? Уэверли даже вздрогнул, представив себе строки в каком-нибудь грядущем историческом труде: «Поскольку при общении с гением экстрасенсорики Эскином его современниками была проявлена недостаточная гибкость ума — да что там, элементарная глупость! — работы в данной области были приостановлены...» Ох нет! Нет, такого он допустить никак не может! Господи, неужели же нет иного выхода?.. Должен же он быть!

Человек, который способен... Ну конечно!

— Идите сюда, Эскин, — позвал Уэверли этого потенциального гения, который уже привык большую часть времени проводить в соседней с кабинетом комнатке.

— Слушаю вас, сэр, — сказал экстрасенс, усаживаясь напротив.

— Сид, — начал Уэверли, — как бы вы отнеслись к тому, чтобы провести одно исследование в области половых отношений (и, разумеется, написать о нем отчет), которое действительно могло бы очень помочь нашей науке и заложить основу новой, никем еще не открытой области знаний?

— Что вы имеете в виду? — подозрительно уставился на него экстрасенс.

— Слушайте, Сид, исследования сексуальной активности людей — это же вчерашний день. Такие исследования проводят все. Возможно, не столь успешно, как вы, но все же проводят. А что, если я помогу вам войти в практически не исследованную область науки, где ваши способности можно было бы задействовать на все сто процентов? Как бы вы отнеслись к такому предложению?

— Положительно, — сказал экстрасенс. — Но эти исследования непременно должны быть связаны с сексом.

— Ну разумеется! — воскликнул Уэверли. — Но скажите, вам ведь все равно, с каким именно аспектом сексуальной жизни они будут связаны, верно?

— Не знаю... — протянул Эскин.

— Учтите, если вы сможете справиться с этой задачей — а я еще не уверен, сможете ли, — ваше имя попадет в историю! У вас будет возможность опубликовать результаты своих исследований в лучших научных журналах! И больше никаких гонений! Напротив — все станут оказывать вам любую посильную помощь!

— Звучит просто замечательно! А что это за работа?

Рассказывая, Уэверли не сводил с Эскина глаз. Экстрасенс подумал и сказал:

— По-моему, мне это по плечу, мистер Уэверли. Задача, конечно, нелегкая, но если вы действительно полагаете, что наука...

— Уверен! — воскликнул Уэверли, стараясь придать своему голосу как можно больше убедительности. — Вам понадобится, правда, кое-что почитать, чтобы войти в курс, но я с удовольствием помогу вам подобрать соответствующую литературу.

— Хорошо, я начну прямо сейчас! — заявил экстрасенс и закрыл глаза, чтобы как следует сосредоточиться.

— Погодите минутку, пожалуйста, — попросил Уэверли. —

Не могли бы вы сперва «посмотреть», чем занята в данный момент мисс Флит?

— Разумеется, мог бы, — ответил Эскин. — Но, мне кажется, моя теперешняя задача гораздо важнее...

— О, безусловно! — поддержал его Уэверли. — Но мне было просто интересно, можете вы сделать это или нет. Где она сейчас, кстати?

Экстрасенс на минутку задумался.

— Сексом она определенно в данный момент не занимается, — сказал он, — и находится в каком-то не знакомом мне помещении... А теперь, мой друг, позвольте мне сосредоточиться, хорошо?

— Да-да, конечно.

Эскин снова закрыл глаза.

— Да-да, я уже вижу их! — вскричал он через несколько секунд. — Давайте скорее карандаш и бумагу!

И Уэверли, поняв, что Эскин с головой погрузился в решение поставленной задачи, тихонько вышел из комнаты.

Так, теперь нужно было выяснить, куда переехала эта девчонка! Уэверли снова позвонил Дорис домой, желая проверить, не вернулась ли она, но никто не ответил. Одну за другой он обзвонил всех ее подруг. Но они Дорис не видели.

Где же она? Где, черт побери, ее искать?

Уэверли закрыл глаза и подумал: «Дорис! Дорис, ты слышишь меня?»

Ответа не было. Он сосредоточился на этой мысли. Телепатом он не был, зато Дорис была. И если она о нем думает...

«Дорис!»

«Сэм!»

Большего ему и не требовалось: теперь он твердо знал, что она вернется.

— Куда это ты переехала? — спросил он, крепко обнимая ее.

— В одну гостиницу, — сказала она. — Просто сидела там и ждала и все пыталась прочесть твои мысли.

— Удалось?

— Нет, — призналась она. — Вот только в последний раз, когда ты сам попытался мысленно связаться со мной.

— В общем-то, это не так уж важно, — сказал Уэверли. — У меня все равно от тебя никаких секретов не было. Но если ты еще хоть раз попробуешь вот так сбежать, учти: тогда уж я вышлю в погоню за тобой самых настоящих гоблинов!

— Этого только не хватало! — Взгляд Дорис, устремленный на него, был серьезен. — И вообще я никуда от тебя сбегать не собираюсь. Но, Сэм... как насчет?..

— Пойдем, сама все увидишь.

— Хорошо.

В дальней комнатке сидел Эскин и что-то торопливо строчил на листке бумаги. Временами он на минутку задумывался, точно в чем-то сомневаясь, переставал писать, но вскоре снова брался за ручку. Потом осторожно начертил какой-то график, критически на него посмотрел и перечеркнул. И тут же начал чертить другой.

— Чем это он так безумно занят? — спросила Дорис.

— Ты знаешь, — сказал Уэверли, — я и названия-то этих тварей толком не запомнил. Какие-то микробы, по-моему.

— Господи, что с ним случилось, Сэм?

— Мне, кажется, удалось сублимировать потребность Эскина к исследованиям, объяснив ему, что существуют и совершенно иные формы половых отношений, чем те, которые он может наблюдать у людей; я также заверил его, что он способен принести огромную пользу человечеству и науке в целом и в самом ближайшем будущем завоевать бесконечное уважение коллег. Так что в настоящий момент он наблюдает за половым актом у бактерий.

— Без микроскопа?

— Вот именно! Он в таком энтузиазме, что готов проглотить все когда-либо написанное о жизни бактерий. И безусловно сам раскопает на эту тему что-нибудь весьма ценное и интересное.

— Сублимировал его потребность... — мечтательно произнесла Дорис. — Но неужели микробы тоже занимаются сексом?

— Понятия не имею, — сказал Уэверли. — Но уж Эскин-то это узнает! И, вполне возможно, сделает в этой области какое-нибудь замечательное открытие! В конце концов, грань, отделяющая многих ученых от элементарных шпионов, почти незаметна. Секс действительно являлся для Эскина вторичным по отношению к его исследовательской страсти. А теперь он просто сделал еще один шаг в уже избранном направлении... — Уэверли осторожно прокашлялся. — Ну что, может быть, ты все-таки соизволишь обсудить некую важную для нас обоих дату? И место предстоящего события?

— Соизволю... если ты уверен в перманентности нынешнего увлечения Эскина!

— Да ты посмотри на него!

Экстрасенс что-то яростно писал, зачеркивал и явно не замечал вокруг себя никого и ничего. Лицо его было озарено благородным, хотя и несколько экзальтированным вдохновением.

— Да, похоже, ты прав. — Дорис улыбнулась и придвинулась к Уэверли совсем близко. Потом вдруг оглянулась на закрытую дверь и мысленно сообщила ему: «В приемной кто-то есть, Сэм!»

Уэверли вздрогнул и отшатнулся. Порой телепатия способна ужасно мешать! Но бизнес есть бизнес. Они с Дорис вышли в приемную.

Там на стуле сидела совсем молоденькая девушка. Тоненькая, хрупкая, с испуганными глазами. Глаза были красные — явно только что плакала.

— Мистер Уэверли? Из компании «Необузданные таланты»?

Уэверли кивнул.

— Вы должны мне помочь! Я ясновидящая, мистер Уэверли. Настоящая. Пожалуйста, помогите мне избавиться от этого проклятого дара! Прошу вас! Вы должны это сделать!

— Там видно будет, — сказал Уэверли, чувствуя, что сердце его бешено забилось. Еще бы, ясновидящая! — Не хотите ли пройти ко мне в кабинет? Там вы сможете рассказать мне обо всем подробно.

ВОР ВО ВРЕМЕНИ

Томас Элдридж сидел один в своем кабинете в Батлер Холл, когда ему послышался какой-то шорох за спиной. Даже не послышался — отметился в сознании. Элдридж в это время занимался уравнениями Голштеда, которые наделали столько шуму несколько лет назад, — ученый поставил под сомнение всеобщую применимость принципов теории относительности. И хотя было доказано, что выводы Голштеда совершенно ошибочны, сами уравнения не могли оставить Томаса равнодушным.

Во всяком случае, если рассматривать их непредвзято, что-то в них было — странное сочетание временных множителей с введением их в силовые компоненты. И...

Снова ему послышался шорох, и он обернулся.

Прямо у себя за спиной Элдридж увидел огромного детину в ярко-красных шароварах и коротком зеленом жилете поверх серебристой рубашки. В руке он держал какой-то черный квадратный прибор. Весь вид гиганта выражал по меньшей мере недружелюбие.

Они посмотрели друг на друга. В первый момент Элдридж подумал, что это очередной студенческий розыгрыш: он был

самым молодым адъюнкт-профессором на кафедре Карвеллского технологического, и студенты в виде посвящения всю первую неделю семестра подсовывали ему то тухлое яйцо, то живую жабу.

Но посетитель отнюдь не походил на студента-насмешника. Было ему за пятьдесят, и настроен он был явно враждебно.

— Как вы сюда попали? — спросил Элдридж. — И что вам здесь нужно?

Визитер поднял брови:

— Будешь запираться?

— В чем?! — испуганно воскликнул Элдридж.

— Ты что, не видишь, что перед тобой Виглан? — надменно произнес незнакомец. — *Виглан.* Припоминаешь?

Элдридж стал лихорадочно припоминать, нет ли поблизости от Карвелла сумасшедшего дома; все в Виглане наводило на мысль, что это сбежавший псих.

— Вы, по-видимому, ошиблись, — медленно проговорил Элдридж, подумывая, не позвать ли на помощь.

Виглан затряс головой.

— Ты Томас Монро Элдридж, — раздельно сказал он. — Родился 16 марта 1926 года в Дарьене, штат Коннектикут. Учился в Нью-Йоркском университете. Окончил *cum laude*[1]. В прошлом, 1953 году получил место в Карвелле. Ну как, сходится?

— Действительно, вы потрудились ознакомиться с моей биографией. Хорошо, если с добрыми намерениями, иначе мне придется позвать полицию.

— Ты всегда был наглецом. Но на этот раз тебе не выкрутиться. Полицию позову я.

Он нажал на своем приборе одну из кнопок, и в комнате тут же появились двое. На них была легкая оранжево-зеленая форма, металлические бляхи на рукаве свидетельствовали о принадлежности их владельцев к рядам блюстителей порядка. Каждый держал по такому же, как у Виглана, прибору, с той лишь разницей, что на их крышках белела какая-то надпись.

— Это преступник, — провозгласил Виглан. — Арестуйте вора!

У Элдриджа все поплыло перед глазами: кабинет, репродукции с картин Гогена на стенах, беспорядочно разбросанные книги, любимый старый коврик на полу. Элдридж моргнул несколько раз — в надежде, что это от усталости, от напряжения, а лучше того — во сне.

Но Виглан, ужасающе реальный Виглан, никуда не сгинул!

Полисмены тем временем вытащили наручники.

[1]С отличием *(лат.)*.

— Стойте! — закричал Элдридж, пятясь к столу. — Объясните, что здесь происходит?

— Если настаиваешь, — произнес Виглан, — сейчас я познакомлю тебя с официальным обвинением. — Он откашлялся. — Томасу Элдриджу принадлежит изобретение хроноката, которое было зарегистрировано в марте месяце 1962 года, после...

— Стоп! — остановил его Элдридж. — Должен вам заявить, что до 1962 года еще далеко.

Виглана это заявление явно разозлило.

— Не пыли! Хорошо, если тебе так больше нравится, ты изобретешь кат в 1962 году. Это ведь как смотреть — с какой временной точки.

Подумав минуту-другую, Элдридж пробормотал:

— Так что же, выходит... выходит, вы из будущего?

Один из полицейских ткнул товарища в плечо.

— Ну дает, а? — восторженно воскликнул он.

— Ничего спектаклик, будет что порассказать, — согласился второй.

— Конечно, мы из будущего, — сказал Виглан. — А то откуда же?.. В 1962-м ты изобрел — или изобретешь — хронокат Элдриджа, тем самым сделав возможными путешествия во времени. На нем ты отправился в Первый сектор будущего, где тебя встретили с подобающими почестями. Затем ты разъезжал по всем трем секторам Цивилизованного времени с лекциями. Ты был героем, Элдридж. Детишки мечтали вырасти такими, как ты. И всех нас ты обманул, — осипшим вдруг голосом продолжал Виглан. — Ты оказался вором — украл целую кучу ценных товаров. Этого от тебя никто не ожидал. При попытке арестовать тебя ты исчез.

Виглан помолчал, устало потирая рукой лоб.

— Я был твоим другом, Том. Именно меня ты первым повстречал в нашем секторе. Сколько кувшинов флокаса мы с тобой осушили! Я устроил тебе путешествия с лекциями по всем трем секторам... И в благодарность за все ты меня ограбил! — Лицо его стало жестким. — Возьмите его, господа.

Пока Виглан произносил обвинительную речь, Элдридж успел разглядеть, что было написано на крышках приборов. Оттиснутая надпись гласила: «Хронокат Элдриджа, собственность полиции департамента Искилл».

— У вас имеется ордер на арест? — спросил один из полицейских у Виглана.

Виглан порылся в карманах.

— Кажется, не захватил с собой. Но вам же известно, что он вор!

— Это все знают, — ответил полицейский. — Однако по за-

кону мы не имеем права без ордера производить аресты в доконтактном секторе.

— Тогда подождите меня, — сказал Виглан. — Я сейчас.

Он внимательно посмотрел на свои наручные часы, пробормотал что-то о получасовом промежутке, нажал кнопку и... исчез.

Полицейские уселись на тахту и стали разглядывать репродукции на стенах.

Элдридж лихорадочно пытался найти какой-то выход. Не мог он поверить во всю эту чепуху. Но как заставить их выслушать себя?..

— Ты только подумай: такая знаменитость и вдруг — мошенник! — сказал один из полицейских.

— Да все эти гении ненормальные, — философски заметил другой. — Помнишь танцора — как откалывал *штугги!* — а девчонку убил! Он-то уж точно был гением, даже в газетах писали.

Первый полицейский закурил сигару и бросил спичку на старенький красный коврик.

Ладно, решил Элдридж, видно, все так и было, против фактов не попрешь. Тем более что у него самого закрадывались подозрения насчет собственной гениальности.

Так что же все-таки произошло?

В 1962 году он изобретет машину времени.

Вполне логично и вероятно для гения.

И совершит путешествие по трем секторам Цивилизованного времени.

Естественно, коль скоро имеешь машину времени, почему ею не воспользоваться и не исследовать все три сектора, может быть, даже и Нецивилизованное время.

А затем вдруг станет... вором!

Ну нет! Уж это, простите, никак не согласуется с его принципами.

Элдридж был крайне щепетильным молодым человеком; самое мелкое жульничество казалось ему унизительным. Даже в бытность студентом он никогда не пользовался шпаргалками, а уж налоги выплачивал все до последнего цента.

Более того, Элдридж никогда не отличался склонностью к приобретению вещей. Его заветной мечтой было устроиться в уютном городке, жить в окружении книг, наслаждаться музыкой, солнцем, иметь добрых соседей и любить милую женщину.

И вот его обвиняют в воровстве. Предположим, он виноват, но какие мотивы могли побудить его к подобным действиям? Что с ним стряслось в будущем?

— Ты собираешься на слет винтеров? — спросил один полицейский другого.

— Пожалуй.

До него, Элдриджа, им и дела нет. По приказу Виглана наденут на него наручники и потащат в Первый сектор будущего, где бросят в тюрьму.

И это за преступление, которое он еще *должен* совершить.

Тут Элдридж и принял решение.

— Мне плохо, — сказал он и стал медленно валиться со стула.

— Смотри в оба — у него может быть оружие! — закричал один из полицейских.

Они бросились к нему, оставив на тахте хронокаты.

Элдридж метнулся к тахте с другой стороны стола и схватил ближайшую машинку. Он успел сообразить, что Первый сектор — неподходящее для него место, и нажал вторую кнопку слева.

И тут же погрузился во тьму.

Открыв глаза, Элдридж обнаружил, что стоит по щиколотку в луже посреди какого-то поля, футах в двадцати от дороги. Воздух был теплым и на редкость влажным.

Он выбрался на дорогу. По обе стороны террасами поднимались зеленые рисовые поля. Рис? В штате Нью-Йорк? Элдридж припомнил разговоры о намечавшихся климатических изменениях. Очевидно, предсказатели были не так далеки от истины, когда сулили резкое потепление. Будущее вроде бы подтверждало их теории.

С Элдриджа градом катил пот. Земля была влажной, как после недавнего дождя, а небо — ярко-синим и безоблачным.

Но где же фермеры? Взглянув на солнце, которое стояло прямо над головой, он понял, что сейчас время сиесты. Впереди на расстоянии полумили виднелось селение. Элдридж соскреб грязь с ботинок и двинулся в сторону строений.

Однако что он будет делать, добравшись туда? Как узнать, что с ним приключилось в Первом секторе? Не может же он спросить у первого встречного: «Простите, сэр, я из 1954 года, вы не слышали, что тогда происходило?..»

Следует все хорошенько обдумать. Самое время изучить и хронокат. Тем более что он сам должен изобрести его... Нет, уже изобрел... не мешает разобраться хотя бы в том, как он работает.

На панели имелись кнопки первых трех секторов Цивилизованного времени. Была и специальная шкала для путешествий за пределы Третьего сектора, в Нецивилизованное время. На металлической пластинке, прикрепленной в уголке, выгравировано: «Внимание! Во избежание самоуничтожения между прыжками во времени соблюдайте паузу не менее получаса!»

Осмотр аппарата много не дал. Если верить Виглану, на изобретение хроноката у него ушло восемь лет — с 1954 по 1962 год. За несколько минут в устройстве такой штуки не разберешься.

Добравшись до первых домов, Элдридж понял, что перед ним небольшой городок. Улицы словно вымерли. Лишь изредка встречались одинокие фигуры в белом, не спеша двигавшиеся под палящими лучами. Элдриджа порадовал консерватизм в их одежде: в своем костюме он вполне мог сойти за сельского жителя.

Внимание Элдриджа привлекла вывеска «Городская читальня».

Библиотека. Вот где он сможет познакомиться с историей последних столетий. А может, обнаружатся и какие-то материалы о его преступлении?

Но не поступило ли сюда предписание о его аресте? Нет ли между Первым и Вторым секторами соглашения о выдаче преступников? Придется рискнуть.

Элдридж постарался поскорее прошмыгнуть мимо тощенькой серолицей библиотекарши прямо к стеллажам.

Вскоре он нашел обширный раздел, посвященный проблемам времени, и очень обрадовался, обнаружив книгу Рикардо Альфредекса «С чего начались путешествия во времени». На первых же страницах говорилось о том, как в один из дней 1954 года в голове молодого гения Голштеда родилась идея. Формула была до смешного проста — Альфредекс приводил несколько основных уравнений. До Элдриджа никто до этого не додумался. Таким образом, Элдридж, по существу, открыл очевидное.

Элдридж нахмурился — недооценили. Хм, «очевидное»! Но так ли уж это очевидно, если даже он, автор, все еще не может понять существа открытия!

К 1962 году хронокат был изобретен. Первое же испытание прошло успешно: молодого изобретателя забросило в то время, которое впоследствии стало известно как Первый сектор.

Элдридж поднял голову, почувствовав устремленный на него взгляд. Возле стеллажа стояла девочка лет девяти, в очочках, и не спускала с него глаз. Он продолжил чтение.

Следующая глава называлась «Никакого парадокса».

Элдридж наскоро пролистал ее. Автор начал с хрестоматийного парадокса об Ахилле и черепахе и расправился с ним с помощью интегрального исчисления. Затем он логически подобрался к так называемым парадоксам времени, с помощью которых путешественники во времени убивают своих прапрапрадедов, встречаются сами с собой и тому подобное. Словом, на уровне древних парадоксов Зенона. Дальше Альфредекс доказывал, что все парадоксы времени изобретены талантливыми путаниками.

Элдридж не мог разобраться в сложных логических построениях этой главы, что его особенно поразило, так как именно на него без конца ссылался автор.

В следующей главе, носившей название «Авторитет погиб», рассказывалось о встрече Элдриджа с Вигланом, владельцем крупного спортивного магазина в Первом секторе. Они стали большими друзьями. Бизнесмен взял под свое крыло застенчивого молодого гения, способствовал его поездкам с лекциями по другим секторам времени. Потом...

— Прошу прощения, сэр, — обратился к нему кто-то.

Элдридж поднял голову. Перед ним стояла серолицая библиотекарша. Из-за ее спины выглядывала девочка-очкарик, которая не скрывала довольной улыбки.

— В чем дело? — спросил Элдридж.

— Хронотуристам вход в читальню запрещен, — строго заявила библиотекарша.

«Понятно, — подумал Элдридж. — Ведь хронотурист может запросто прихватить охапку ценных книг и исчезнуть вместе с ней. И в банки хронотуристов, скорее всего, тоже не пускают».

Но вот беда — расстаться с книгой для него было смерти подобно.

Элдридж улыбнулся и продолжал глотать строчку за строчкой, будто не слышит.

Выходило, что молодой Элдридж доверил Виглану все свои договорные дела, а также права на хронокат, получив в виде компенсации весьма незначительную сумму.

Ученый подал на Виглана в суд, но дело проиграл. Он подал на апелляцию — безрезультатно. Оставшись без гроша в кармане, злой до чертиков, Элдридж встал на преступный путь, похитив у Виглана...

— Сэр, — настаивала библиотекарша, — если вы даже и глухи, вы все равно сейчас же должны покинуть читальню. Иначе я позову сторожа.

Элдридж с сожалением отложил книгу и поспешил на улицу, шепнув по пути девчонке: «Ябеда несчастная».

Теперь-то он понимал, почему Виглан рвался арестовать его: важно было подержать Элдриджа за решеткой, пока идет следствие. Однако что могло толкнуть его на кражу?

Сам факт присвоения Вигланом прав на изобретение можно рассматривать как достаточно убедительный мотив, но Элдридж чувствовал, что это не главное. Ограбление Виглана не сделало бы его счастливее и не поправило бы дел. В такой ситуации он, Элдридж, мог и кинуться в бой, и отступиться, не желая лезть во все эти дрязги. Но красть — нет уж, увольте.

Ладно, он успеет разобраться. Скроется во Втором секторе и постарается найти работу. Мало-помалу...

Двое сзади схватили его за руки, третий отнял хронокат. Все было проделано так быстро и ловко, что Элдридж не успел и рта раскрыть.

— Полиция. — Один из мужчин показал ему значок. — Вам придется пройти с нами, мистер Элдридж.

— Но за что?! — возмутился арестованный.

— За кражи в Первом и Втором секторах.

Значит, и здесь, во Втором, он успел отличиться.

В полицейском отделении его провели в маленький захламленный кабинет. Капитан полиции, стройный лысеющий веселый человек, выпроводил из кабинета подчиненных и предложил Элдриджу стул и сигарету.

— Итак, вы Элдридж, — произнес он.

Элдридж холодно кивнул.

— Еще мальчишкой много читал о вас, — сказал с грустью по старым добрым временам капитан. — Вы мне представлялись героем.

Элдридж подумал, что капитан, пожалуй, лет на пятнадцать старше его, но не стал заострять на этом внимания. В конце концов ведь именно его, Элдриджа, считают специалистом по парадоксам времени.

— Всегда полагал, что на вас повесили дохлую кошку, — продолжал капитан, вертя в руках тяжелое бронзовое пресс-папье. — Да, никогда я не поверю, чтобы такой человек, как вы, — и вдруг вор. Тут склонны были считать, что это темпоральное помешательство...

— И что же? — с надеждой спросил Элдридж.

— Ничего похожего. Смотрели ваши характеристики — никаких признаков. Странно, очень странно. Ну, к примеру, почему вы украли именно эти предметы?

— Какие?

— Вы что, не помните?

— Совершенно, — сказал Элдридж. — Темпоральная амнезия.

— Понятно, понятно, — сочувственно заметил капитан и протянул Элдриджу лист бумаги. — Вот, поглядите.

ПРЕДМЕТЫ,
ПОХИЩЕННЫЕ ТОМАСОМ МОНРО ЭЛДРИДЖЕМ

	Количество	Стоимость
Из спортивного магазина Виглана, Сектор I		
Многозарядные пистолеты	4 штуки	10 000
Спасательные надувные пояса	3 штуки	100
Репеллент против акул	5 банок	4000

Из специализированного магазина Альфгана, Сектор I		
Микрофильмы Всемирной литературы	2 комплекта	1000
Записи симфонической музыки	5 бобин	2650
С продовольственного склада Лури, Сектор I		
Картофель сорта «белая черепаха»	50 штук	5
Семена моркови «фэнси»	9 пакетов	6
Из галантерейной лавки Мэнори, Сектор II		
Дамские зеркальца	60 штук	95
Общая стоимость похищенного		14 256

— Что все это значит? — недоумевал капитан. — Укради вы миллион — это было бы понятно, но вся эта ерунда!

Элдридж покачал головой. Ознакомление со списком не внесло никакой ясности. Ну, многозарядные ручные пистолеты — это куда ни шло! Но зеркальца, спасательные пояса, картофель и вся прочая, как справедливо окрестил ее капитан, ерунда?

Все это никак не вязалось с натурой самого Элдриджа. Он обнаружил в себе как бы две персоны: Элдриджа I — изобретателя хроноката, жертву обмана, клептомана, совершившего необъяснимые кражи, и Элдриджа II — молодого ученого, настигнутого Вигланом. Об Элдридже I он ничего не помнит. Но ему необходимо узнать мотивы своих поступков, чтобы понять, за что он должен нести наказание.

— Что произошло после моих краж? — спросил Элдридж.

— Этого мы пока не знаем, — ответил капитан. — Известно только, что, прихватив награбленное, вы скрылись в Третьем секторе. Когда мы обратились туда с просьбой о вашей выдаче, они ответили, что вас у них нет. Тоже — своя независимость... В общем, вы исчезли.

— Исчез? Куда?

— Не знаю. Могли отправиться в Нецивилизованное время, что за Третьим сектором.

— А что такое «Нецивилизованное время»? — спросил Элдридж.

— Мы надеялись, что вы-то о нем нам и расскажете, — улыбнулся капитан. — Вы единственный, кто исследовал Нецивилизованные секторы.

Черт возьми, его считают специалистом во всем том, о чем он сам не имеет ни малейшего понятия.

— В результате я оказался теперь в затруднительном положении, — сказал капитан, искоса поглядывая на пресс-папье.

— Почему же?

— Ну, вы же вор. Согласно закону я должен вас арестовать. А с другой стороны, я знаю, какой хлам вы, так сказать, заимствовали. И еще мне известно, что крали-то вы у Виглана и его

дружков. И наверное, это справедливо... Но, увы, закон с этим не считается.

Элдридж с грустью кивнул.

— Мой долг — арестовать вас, — с глубоким вздохом сказал капитан. — Тут уж ничего не поделаешь. Как бы мне ни хотелось этого избежать, вы должны предстать перед судом и отбыть положенный тюремный срок — лет двадцать, думаю.

— Что?! За кражу репеллента и морковных семян?

— Увы, по отношению к хронотуристам закон очень строг.

— Понятно, — выдавил Элдридж.

— Но, конечно, если... — в задумчивости произнес капитан, — если вы вдруг сейчас придете в ярость, стукнете меня по голове вот этим пресс-папье, схватите мой личный хронокат — он, кстати, в шкафу на второй полке слева — и таким образом вернетесь к своим друзьям в Третий сектор, тут уж я ничего поделать не смогу.

— А?

Капитан отвернулся к окну. Элдриджу ничего не стоило дотянуться до пресс-папье.

— Это, конечно, ужасно, — продолжал капитан. — Подумать только, на что способен человек ради любимого героя своего детства. Но вы-то, сэр, безусловно, послушны закону даже в мелочах, это я точно знаю из ваших психологических характеристик.

— Спасибо, — сказал Элдридж.

Он взял пресс-папье и легонько стукнул им капитана по голове. Блаженно улыбаясь, капитан рухнул под стол. Элдридж нашел хронокат в указанном месте и настроил его на Третий сектор.

Нажатие кнопки — и он снова окунулся во тьму.

Когда Элдридж открыл глаза, вокруг была выжженная бурая равнина. Ни единого деревца, порывы ветра швыряли в лицо пыль и песок. Вдали виднелись какие-то кирпичные здания, вдоль сухого оврага протянулась дюжина лачуг. Он направился к ним.

«Видно, снова произошли климатические изменения», — подумал Элдридж. Неистовое солнце так иссушило землю, что даже реки высохли. Если так пойдет и дальше, понятно, почему следующие секторы называют Нецивилизованными. Возможно, там и людей-то нет.

Он очень устал. Весь день, а то и пару тысячелетий — смотря откуда вести отсчет — во рту не держал и маковой росинки. Впрочем, спохватился Элдридж, это не более чем ловкий парадокс; Альфредекс с его логикой от него не оставил бы камня на камне.

К черту логику. К черту науку, парадоксы и все с ними связанное. Дальше бежать некуда. Может, найдется для него место на этой пыльной земле. Народ здесь, должно быть, гордый, независимый; его не выдадут. Живут они по справедливости, а не по законам. Он останется тут, будет трудиться, состарится и забудет Элдриджа I со всеми его безумными планами.

Подойдя к селению, Элдридж с удивлением заметил, что народ собрался, похоже, приветствовать его. Люди были одеты в свободные длинные одежды, подобные арабским бурнусам, — от этого палящего солнца в другой одежде не спасешься.

Бородатый старейшина выступил вперед и мрачно склонил голову.

— Правильно гласит старая пословица: сколько веревочка ни вейся, конец будет.

Элдридж вежливо согласился.

— Нельзя ли получить глоток воды? — спросил он.

— Верно говорят, — продолжал старейшина, — преступник, даже если перед ним вся Вселенная, обязательно вернется на место преступления.

— Преступления? — не удержался Элдридж, ощутив неприятную дрожь в коленях.

— Преступления, — подтвердил старейшина.

— Поганая птица в собственном гнезде гадит! — крикнул кто-то из толпы.

Люди засмеялись, но Элдриджа этот смех не порадовал.

— Неблагодарность ведет к предательству, — продолжал старейшина. — Зло вездесуще. Мы полюбили тебя, Томас Элдридж. Ты явился к нам со своей машинкой, с награбленным добром в руках, и мы приняли тебя и твою грешную душу. Ты стал одним из нас. Мы защищали тебя от твоих врагов из Мокрых Миров. Какое нам было дело, что ты напакостил им? Разве они не напакостили тебе? Око за око!

Толпа одобрительно зашумела.

— Но что я сделал? — спросил Элдридж.

Толпа надвинулась на него, он заметил в руках дубинки. Но мужчины в синих балахонах сдерживали толпу, видно, без полиции не обходилось и здесь.

— Скажите мне, что же все-таки я вам сделал? — настаивал Элдридж, отдавая по требованию полицейских хронокат.

— Ты обвиняешься в диверсии и убийстве, — ответил старейшина.

Элдридж в ужасе поглядел вокруг. Он убежал от обвинения в мелком воровстве из Первого сектора во Второй, где его мо-

ментально схватили за то же самое. Надеясь спастись, он перебрался в Третий сектор, но и там его разыскивали, однако уже как убийцу и диверсанта.

— Все, о чем я когда-либо мечтал, — начал он с жалкой улыбкой, — это жизнь в уютном городке, со своими книгами, в кругу добрых соседей...

Он пришел в себя на земляном полу маленькой кирпичной тюрьмы. Сквозь крошечное оконце виднелась тонкая полоска заката. За дверью слышалось странное завывание, не иначе там пели песни.

Возле себя Элдридж обнаружил миску с едой и жадно набросился на неизвестную пищу. Напившись воды, которая оказалась во второй посудине, он, опершись спиной о стену, с тоской наблюдал, как угасает закат.

Во дворе возводили виселицу.

— Тюремщик! — позвал Элдридж.

Послышались шаги.

— Мне нужен адвокат.

— У нас нет адвокатов, — с гордостью возразили снаружи. — У нас есть справедливость. — И шаги удалились.

Элдриджу пришлось пересмотреть свой взгляд на справедливость без закона. Звучало это неплохо, но на практике...

Он лежал на полу, прислушиваясь к тому, как смеются и шутят те, кто сколачивал виселицу, — сумерки не прекратили их работу.

Видно, он задремал. Разбудил его щелчок ключа в замочной скважине. Вошли двое. Один — немолодой мужчина с аккуратно подстриженной бородой; второй — широкоплечий загорелый человек одного возраста с Элдриджем.

— Вы узнаете меня? — спросил старший.

Элдридж с удивлением рассматривал незнакомца.

— Я ее отец.

— А я жених, — вставил молодой человек, угрожающе надвигаясь на Элдриджа.

Бородатый удержал его.

— Я понимаю твой гнев, Моргел, но за свои преступления он ответит на виселице!

— На виселице? Не слишком ли мало для него, мистер Беккер? Его бы четвертовать, сжечь и пепел развеять по ветру!

— Да, конечно, но мы люди справедливые и милосердные, — с достоинством ответил мистер Беккер.

— Да чей вы отец? — не выдержал Элдридж. — Чей жених?

Мужчины переглянулись.

— Что я такого сделал?! — не успокаивался Элдридж.

И Беккер рассказал.

Оказалось, Элдридж прибыл к ним из Второго сектора со всем награбленным барахлом. Здесь его приняли как равного. Это были прямые и бесхитростные люди, унаследовавшие опустошенную и иссушенную землю. Солнце продолжало палить нещадно, ледники таяли, и уровень воды в океанах все поднимался.

Народ Третьего сектора делал все, чтобы поддерживать работу нескольких заводиков и электростанций. Элдридж помог увеличить их производительность. Предложил новые простые и недорогие способы консервирования продуктов. Вел он изыскания и в Нецивилизованных секторах. Словом, стал всенародным героем, и жители Третьего сектора любили и защищали его.

И за все это добро Элдридж отплатил им черной неблагодарностью. Он похитил прелестную дочь Беккера. Эта юная дева была обручена с Моргелом. Все было готово к свадьбе. Вот тут-то Элдридж и обнаружил свое истинное лицо: темной ночью он засунул девушку в адскую машину собственного изобретения, девушка пропала, а от перегрузки вышли из строя все электростанции.

Убийство и умышленное нанесение ущерба.

Разгневанная толпа не успела схватить Элдриджа: он сунул кое-что из своего барахла в мешок, схватил аппарат и исчез.

— И все это сделал именно я? — задохнулся Элдридж.

— При свидетелях, — подтвердил Беккер. — Что-то из твоих вещей осталось у нас в сарае.

Элдридж опустил глаза.

Теперь он знал о своих преступлениях и в Третьем секторе.

Однако обвинение в убийстве не соответствовало действительности. Очевидно, он создал настоящий хроноход-тяжеловес и куда-то отправил девушку без промежуточных остановок, как того требовало пользование портативным аппаратом. Но ведь здесь никто этому не поверит. Эти люди понятия не имеют о habeas corpus[1].

— Зачем ты это сделал? — спросил Беккер.

Элдридж пожал плечами и безнадежно покачал головой.

— Разве я не принял тебя как сына? Не спас тебя от полиции Второго сектора? Не накормил, не одел? Да ладно, — вздохнул Беккер. — Свою тайну ты откроешь утром палачу.

С этими словами он подтолкнул Моргела к двери, и они вышли.

---

[1]Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г. *(лат.)*.

Имей Элдридж при себе оружие, он бы застрелился. Все говорило о том, что в нем гнездятся самые дурные наклонности, о которых он и не подозревал. Теперь его повесят.

И все-таки это несправедливо. Он был лишь немым свидетелем, всякий раз нарывающимся на последствия своих прошлых — или будущих — поступков. Но об истинных мотивах этих поступков знал только Элдридж I, и ответ держать мог только он.

Будь он вором на самом деле, какой смысл красть картошку, спасательные пояса, зеркальца или что-то подобное?

Что он сделал с девушкой?

Какие цели преследовал?

Элдридж устало прикрыл глаза, и его сморил тревожный сон.

Проснулся он от ощущения, что кто-то находится рядом, и увидел перед собой Виглана с хронокатом в руках.

У Элдриджа не было сил даже удивляться. С минуту он смотрел на своего врага, потом произнес:

— Пришел поглазеть на мой конец?

— Я не думал, что так получится, — возразил Виглан, вытирая пот со лба. — Поверь мне, Том, я не хотел никакой казни.

Элдридж сел и в упор посмотрел на Виглана.

— Ведь ты украл мое изобретение?

— Да, — признался Виглан. — Но я сделал это ради тебя. Доходами я бы поделился.

— Зачем ты его украл?

Виглан был явно смущен.

— Тебя *нисколько не интересовали деньги.*

— И ты обманом заставил меня передать права на изобретение?

— Не сделай этого я, то же самое непременно сделал бы кто-нибудь другой. Я только помогал тебе — ведь ты же человек не от мира сего. Клянусь! Я собирался сделать тебя своим компаньоном. — Он снова вытер пот со лба. — Но я понятия не имел, что все может обернуться таким образом!

— Ты ложно обвинил меня во всех этих кражах, — сказал Элдридж.

— Что? — Казалось, Виглан искренне возмущен. — Нет, Том. Ты в самом деле совершил эти кражи. И вплоть до сегодняшнего дня это было просто мне на руку.

— Лжешь!

— Не за этим я сюда пришел! Я же сознался, что украл твое изобретение.

— Тогда почему я крал?

— Мне кажется, это связано с какими-то твоими дурацкими планами относительно Нецивилизованных секторов. Однако дело не в этом. Слушай, не в моих силах избавить тебя от обвинений, но я могу забрать тебя отсюда.

— Куда? — безнадежно спросил Элдридж. — Меня ищут по всем секторам.

— Я спрячу тебя. Вот увидишь. Отсидишься у меня, пока за давностью дело не прекратится. Никому не придет в голову искать тебя в моем доме.

— А права на изобретение?

— Я их оставлю при себе, — тон Виглана стал вкрадчиво-доверительным. — Если я их верну, меня обвинят в темпоральном преступлении. Но я поделюсь с тобой. Тебе просто *необходим* компаньон.

— Ладно, пойдем-ка отсюда, — предложил Элдридж.

Виглан прихватил с собой набор отмычек, с которыми управлялся подозрительно ловко. Через несколько минут они вышли из тюрьмы и скрылись в темноте.

— Этот хронокат слабоват для двоих, — прошептал Виглан. — Как бы прихватить твой?

— Он, наверное, в сарае, — отозвался Элдридж.

Сарай не охранялся, и Виглан быстро справился с замком. Внутри они нашли хронокат Элдриджа II и странное, нелепое имущество Элдриджа I.

— Ну, двинулись, — сказал Виглан.

Элдридж покачал головой.

— Что еще? — с досадой спросил Виглан. — Слушай, Том, я понимаю, что не могу рассчитывать на твое доверие. Но, истинный крест, я предоставлю тебе убежище. Я не вру.

— Да я верю тебе. Но все равно не хочу возвращаться.

— Что же ты собираешься делать?

Элдридж и сам раздумывал над этим. Он мог либо вернуться с Вигланом, либо продолжать свое путешествие в одиночестве. Другого выбора не было. И все же, правильно это или нет, но он останется верен себе и узнает, что натворил там, в своем будущем.

— Я отправляюсь в Нецивилизованные секторы, — решил Элдридж.

— Не делай этого! — испугался Виглан. — Ты можешь кончить полным самоуничтожением.

Элдридж уложил картофель и пакетики с семенами. Потом сунул в рюкзак микрофильмы, банки с репеллентом и зеркальца, а сверху пристроил многозарядные пистолеты.

— Ты хоть представляешь, на что тебе весь этот хлам?

— Ни в малейшей мере, — ответил Элдридж, застегивая

карман рубашки, куда положил пленки с записями симфонической музыки. — Но ведь для чего-то все это было нужно...

Виглан тяжело вздохнул.

— Не забудь выдерживать тридцатиминутную паузу между хронотурами, иначе будешь уничтожен. У тебя есть часы?

— Нет. Они остались в кабинете.

— Возьми эти. Противоударные, для спортсменов. — Виглан надел Элдриджу часы. — Ну, желаю удачи, Том. От всего сердца!

— Спасибо.

Элдридж перевел рычажок на самый дальний из возможных хронотуров в будущее, усмехнулся и нажал кнопку.

Как всегда, на какое-то мгновение наступила темнота, и тут же сковал испуг — он ощутил, что находится в воде.

Рюкзак мешал выплыть на поверхность. Но вот голова оказалась над водой. Он стал озираться в поисках земли.

Земли не было. Только волны, убегающие вдаль к горизонту.

Элдридж ухитрился достать из рюкзака спасательные пояса и надуть их. Теперь он мог подумать о том, что стряслось со штатом Нью-Йорк.

Чем дальше в будущее забирался Элдридж, тем жарче становился климат. За неисчислимые тысячелетия льды, по-видимому, растаяли, и большая часть суши оказалась под водой.

Значит, не зря он взял с собой спасательные пояса. Теперь он твердо верил в благополучный исход своего путешествия. Надо только полчаса продержаться на плаву.

Но тут он заметил, как в воде промелькнула длинная черная тень. За ней другая, третья.

Акулы!

Элдридж в панике стал рыться в рюкзаке. Наконец он открыл банку с репеллентом и бросил ее в воду. Оранжевое облако расплылось в темно-синей воде.

Через пять минут он бросил вторую банку, потом третью. Через шесть минут после пятой банки Элдридж нажал нужную кнопку и тут же погрузился в ставшую уже знакомой тьму.

На этот раз он оказался по колено в трясине. Стояла удушающая жара, и туча огромных комаров звенела над головой. С трудом выбравшись на земную твердь, он устроился под хилым деревцем, чтобы переждать свои тридцать минут. В этом будущем океан, как видно, отступил, и землю захватили первобытные джунгли. Есть ли тут люди?

Но вдруг Элдридж похолодел. На него двигалось громадное чудовище, похожее на первобытного динозавра. «Не бойся, — старался успокоить себя Элдридж, — ведь динозавры были травоядными». Однако чудище, обнажив два ряда превосходных

зубов, приближалось к Элдриджу с довольно решительным видом. Тут мог спасти только многозарядный пистолет. И Элдридж выстрелил.

Динозавр исчез в клубах дыма. Лишь запах озона убеждал, что это не сон. Элдридж с почтением взглянул на оружие. Теперь он понял, почему у него такая цена.

Через полчаса, истратив на собратьев динозавра все заряды во всех четырех пистолетах, Элдридж снова нажал кнопку хроноката.

Теперь он стоял на поросшем травой холме. Неподалеку шумел сосновый бор.

При мысли, что, может быть, это и есть долгожданная цель его путешествия, у Элдриджа быстрее забилось сердце.

Из леса показался приземистый мужчина в меховой юбке. В руке он угрожающе сжимал неоструганную палицу. Следом за ним вышло еще человек двадцать таких же низкорослых коренастых мужчин. Они шли прямо на Элдриджа.

— Привет, ребята, — миролюбиво обратился он к ним.

Вождь ответил что-то на своем гортанном наречии и жестом предложил приблизиться.

— Я принес вам благословенные плоды, — поспешил сообщить Элдридж и вытащил из рюкзака пакетики с семенами моркови.

Но семена не произвели никакого впечатления ни на вождя, ни на его людей. Им не нужен был ни рюкзак, ни разряженные пистолеты. Не нужен им был и картофель. Они уже угрожающе почти сомкнули круг, а Элдридж все никак не мог сообразить, чего они хотят.

Оставалось протянуть еще две минуты до очередного хронотура, и, резко повернувшись, он кинулся бежать.

Дикари тут же устремились за ним. Элдридж мчался, петляя среди деревьев, словно гончая. Несколько дубинок просвистели над его головой.

Еще минута!

Он споткнулся о корень, упал, пополз, снова вскочил на ноги. Дикари настигали.

Десять секунд. Пять. Пора! Он коснулся кнопки, но пришедшийся по голове удар свалил его наземь. Когда он открыл глаза, то увидел, что чья-то дубинка оставила от хроноката кучу обломков.

Проклинающего все на свете Элдриджа втащили в пещеру. Два дикаря остались охранять вход.

Снаружи несколько мужчин собирали хворост. Взад-вперед

носились женщины и дети. Судя по всеобщему оживлению, готовился праздник.

Элдридж понял, что главным блюдом на этом празднестве будет он сам.

Элдридж пополз в глубь пещеры, надеясь обнаружить другой выход, однако пещера заканчивалась отвесной стеной. Ощупывая пол, он наткнулся на страшный предмет.

Ботинок!

Он приблизился с ботинком к свету. Коричневый кожаный полуботинок был точь-в-точь таким же, как и на нем. Действительно, ботинок пришелся ему по ноге. Явно это был след его первого путешествия.

Но *почему* он оставил здесь ботинок?

Внутри что-то мешало. Элдридж снял ботинок и в носке обнаружил скомканную бумагу. Он расправил ее. Записка была написана его почерком:

«Довольно глупо, но как-то надо обратиться к самому себе. Дорогой Элдридж? Ладно, пусть будет так.

Так вот, дорогой Элдридж, ты попал в дурацкую историю. Тем не менее не тревожься. Ты выберешься из нее. Я оставляю хронокат, чтобы ты переправился туда, где тебе надлежит быть.

Я же сам включу хронокат до того, как истечет получасовая пауза. Это первое уничтожение, которое мне предстоит испытать на себе. Полагаю, все обойдется, потому что парадоксов времени не существует. Я нажимаю кнопку».

Значит, хронокат где-то здесь!

Он еще раз обшарил всю пещеру, но ничего, кроме чьих-то костей, не обнаружил.

Наступило утро. У пещеры собралась вся деревня. Глиняные сосуды переходили из рук в руки. Мужская часть населения явно повеселела.

Элдриджа подвели к глубокой нише в скале. Внутри ее было что-то вроде жертвенного алтаря, украшенного цветами. Пол устилал собранный накануне хворост.

Элдриджу жестами приказали войти в нишу.

Начались ритуальные танцы. Они длились несколько часов. Наконец, последний танцор свалился в изнеможении. Тогда к нише приблизился старец с факелом в руке. Размахнувшись, он бросил пылающий факел внутрь. Элдриджу удалось его поймать. Но другие горящие головни посыпались следом. Вспыхнули крайние ветви, и Элдриджу пришлось отступить внутрь, к алтарю.

Огонь загонял его все глубже. В конце концов, задыхаясь и исходя слезами, Элдридж рухнул на алтарь. И тут его рука нашарила какой-то предмет...

Кнопки?

Пламя позволило рассмотреть. Это был хронокат, тот самый хронокат, который оставил Элдридж I! Не иначе, ему здесь поклонялись.

Мгновение Элдридж колебался: что на этот раз уготовано ему в будущем? И все же он зашел достаточно далеко, чтобы не узнать конец.

Элдридж нажал кнопку.

...И оказался на пляже. У ног плескалась вода, а вдаль уходил бесконечно голубой океан. Берег покрывала тропическая растительность.

Услышав крики, Элдридж отчаянно заметался. К нему бежали несколько человек.

— Приветствуем тебя! С возвращением!

Огромный загорелый человек заключил Элдриджа в свои объятия.

— Наконец-то ты вернулся! — приговаривал он.

— Да, да... — бормотал Элдридж.

К берегу спешили все новые и новые люди. Мужчины были высокими, бронзовокожими, а женщины на редкость стройными.

— Ты принес? Ты принес? — едва переводя дыхание, спрашивал худой старик.

— Что именно?

— Семена и клубни. Ты обещал их принести.

— Вот, — Элдридж вытащил свои сокровища.

— Спасибо тебе, как ты думаешь...

— Ты же, наверное, устал? — пытался отгородить его от наседавших людей гигант.

Элдридж мысленно пробежал последние день или два своей жизни, которые вместили тысячелетия.

— Устал, — признался он. — Очень.

— Тогда иди домой.

— Домой?

— Ну да, в дом, который ты построил возле лагуны. Разве не помнишь?

Элдридж улыбнулся и покачал головой.

— Он не помнит! — закричал гигант.

— А ты помнишь, как мы сражались в шахматы? — спросил другой мужчина.

— А наши рыбалки?

— А наши пикники, праздники?

— А танцы?

— А яхты?

Элдридж продолжал отрицательно качать головой.

— Это было, пока ты не отправился назад, в свое собственное время, — объяснил гигант.

— Отправился назад? — переспросил Элдридж.

Тут было все, о чем он мечтал. Мир, согласие, мягкий климат, добрые соседи. А теперь и книги, и музыка.

Так почему же он оставил этот мир?

— А меня-то ты помнишь? — выступила вперед тоненькая светловолосая девушка.

— Ты, наверное, дочь Беккера и помолвлена с Моргелом. Я тебя похитил.

— Это Моргел считал, будто я его невеста, — возмутилась она. — И ты меня не похищал. Я сама ушла, по собственной воле.

— А, да-да, — сказал Элдридж, чувствуя себя круглым дураком. — Ну конечно же... Как же — очень рад встрече с вами... — совсем уже глупо закончил он.

— Почему так официально? — удивилась девушка. — Мы ведь, в конце концов, муж и жена. Надеюсь, ты привез мне зеркальце?

Вот тут Элдридж расхохотался и протянул девушке рюкзак.

— Пойдем домой, дорогой, — сказала она.

Он не знал имени девушки, но она ему очень нравилась.

— Боюсь, что не сейчас, — проговорил Элдридж, посмотрев на часы. Прошло почти тридцать минут. — Мне еще кое-что нужно сделать. Но я скоро вернусь.

Лицо девушки осветила улыбка.

— Если ты говоришь, что вернешься, то я знаю, так оно и будет, — и она поцеловала его.

Привычная темнота вновь окутала Элдриджа, когда он нажал кнопку хроноката.

Так было покончено с Элдриджем II.

Отныне он становился Элдриджем I и твердо знал, куда направляется и что будет делать.

Он вернется сюда в свое время и остаток жизни проведет в мире и согласии с этой девушкой в кругу добрых соседей, среди своих книг и музыки.

Даже к Виглану и Альфредексу он не испытывал теперь неприязни.

ТРИПТИХ

Оакс-2 был маленькой пыльной планеткой, затерянной на задворках созвездия Ориона. Население там состояло из бывших выходцев с Земли, все еще придерживающихся земных по-

рядков и обычаев. А судья Лоу являлся единственным светочем справедливости на всю маленькую планету. Большинство рассматриваемых им дел касались споров о границах земельных владений да принадлежности свиней и гусей. Граждане Оакса-2 не имели нюха на серьезные преступления.

Но однажды на Оакс-2 совершил посадку космический корабль, в котором находились небезызвестный Тимоти Монт и его адвокат, прилетевшие на Оакс-2 в поисках защиты и справедливости. Следом за ними прибыл другой корабль с тремя полицейскими и прокурором.

Прокурор сделал следующее заявление:

— Ваша честь, этот негодяй совершил гнуснейшее преступление. Тимоти Монт, Ваша честь, **поджег сиротский приют**! Более того, перед тем как сбежать, он признал себя виновным. И у меня имеется его письменное признание.

Адвокат Монта, бледный тип с невыразительными глазами, поднялся с места.

— Я требую отклонения обвинения.

— И не подумаю, — заявил судья Лоу. — Поджог приюта — чудовищное преступление.

— Конечно, — согласился адвокат. — Оно таковым является в большинстве обычных мест. Однако мой клиент совершил сие деяние на планете Альтира-3. Ваша честь имеет какое-нибудь представление об обычаях этой планеты?

Его честь, естественно, не имела.

— На Альтире-3, — пояснил адвокат, — всех сирот обучают искусству убивать с целью сокращения населения соседних планет. Поджогом приюта мой клиент спас тысячи, а может, и миллионы невинных жизней. Следовательно, его нужно считать не преступником, а народным героем.

— Это правда насчет Альтиры-3? — поинтересовался судья у судебного исполнителя.

Тот сверил факты по «Энциклопедии планетных обычаев и фольклору» и нашел, что да, это, несомненно, правда.

И судья Лоу объявил:

— Тогда я отклоняю обвинение.

Монт со своим адвокатом убыли восвояси, и жизнь на Оаксе-2 вошла в привычную мирную колею, изредка нарушаемую разве что случайными тяжбами о границах владений да принадлежности свиней и гусей.

Однако через год в местном суде снова объявились Монт с адвокатом, за которыми следовал прокурор.

Обвинение и на сей раз касалось поджога сиротского приюта.

— Однако, — пояснил бледный адвокат, — хоть мой клиент

и виновен, суду следует знать, что упомянутый приют находился на планете Дигра-4. А как вам хорошо известно, на Дигре-4 всех сирот посвящают в гильдию истязателей для дальнейшего совершения неких отвратительных обрядов, вызывающих справедливый гнев во всей цивилизованной Галактике.

Выяснив, что и это правда, судья Лоу опять отклонил обвинение.

Через пятнадцать месяцев Тимоти Монт и его адвокат в третий раз оказались в суде по тому же самому обвинению.

— Ну, дорогой, — сказал судья Лоу. — Я, конечно, понимаю, реформаторское рвение... Ну и где же на сей раз было совершено преступление?

— На Земле, — сообщил прокурор.

— На Земле? — не поверил судья.

— Боюсь, что это правда, — печально ответил адвокат. — Мой клиент виновен.

— Но по какой такой причине сейчас-то?

— Временное умопомешательство, — быстро проговорил адвокат. — И в качестве доказательства у меня имеются заключения двенадцати психиатров. Я требую отмены обвинения в соответствии с законом, применимым к данному обстоятельству.

Лицо судьи побагровело от гнева.

— Тимоти Монт, почему ты это сделал?

И прежде чем адвокат успел помешать своему подзащитному что-нибудь сказать, Тимоти Монт встал и заявил:

— Потому что мне нравится поджигать приюты!

В тот же день судья Лоу издал новый закон, который обсуждала вся цивилизованная Галактика и который изучался даже на столь отличных друг от друга планетах, как Дрома-1 и Аос-10. Закон Лоу гласил, что отныне адвокат несет такое же наказание, как и его клиент, какой бы приговор ни присудили последнему.

Многие усматривали в этом несправедливость. Однако сфера адвокатской деятельности на Оаксе-2 замечательным образом сократилась.

* * *

Эдмонд Дрич, рослый, с желтоватым оттенком лица и человеконенавистническими наклонностями ученый, был предан суду Всеобщей Производственной Корпорацией за размахивание руками, нелояльность к коллегам и негативизм. Обвинения считались серьезными, да и коллеги Дрича представили суду достаточно веских доказательств вины последнего. Однако судья не нашел иного выхода, кроме как с позором отпустить Дрича.

В обычном в таких случаях тюремном наказании было отказано, поскольку учли его девятнадцатилетний стаж прекрасной работы на Всеобщую Производственную, однако никакой другой корпорации не позволялось никогда больше нанимать Дрича на работу.

Дрич, желтее, чем обычно, и с еще больше выраженными человеконенавистническими наклонностями, повернулся задом и ко Всеобщей Производственной, и к ее бесконечному потоку автомобилей, тостеров, холодильников, телевизоров и всего прочего. Он возвратился на свою ферму в Пенсильвании и принялся экспериментировать в подвале дома, оборудованном под лабораторию.

Его мутило и от Всеобщей Производственной, и от того, что за ней стояло, а проще говоря, практически от всего на свете. Дрич мечтал найти колонию людей, думающих, как он, чувствующих, как он, да и во всем остальном похожих на него. Его колония стала бы Утопией, и пусть прочий веселый механизированный мир катится к чертям.

Для достижения задуманного существовал только один путь, и Дрич со своей женой Анной упорно трудились ради приближения великой цели.

И вот, наконец, пришел долгожданный успех. Дрич подсоединил провода созданной им громоздкой установки и щелкнул выключателем.

Из установки вылезла точная копия Эдмонда Дрича.

Итак, Дрич изобрел первый в мире Дубликатор.

Он произвел еще пятьсот Дричей, после чего провел общеполитическое собрание. Все пятьсот Дричей обратили внимание на то, что для успешного существования колонии им необходимы жены.

Дрич I предложил свою Анну в качестве наилучшего партнера. Пятьсот остальных Дричей, естественно, согласились. И Дрич произвел пятьсот точных копий жены для пятисот Дричей.

Колония была основана.

В противоположность общеизвестному мнению, Дрич-колония поначалу выглядела удачной. Дричи наслаждались компанией друг друга, никогда не ссорились и никогда не принимали у себя гостей. Они замкнулись в небольшом самоудовлетворенном мирке. Для изучения метода Дричей из Индии к ним направилась делегация, а в Дании издали законы, гарантирующие права Дубликатов.

Но, как это случается со всеми утопическими проектами, семена раздора произросли из простой человеческой слабости. Сперва Дрич 49 вступил в компрометирующую связь с миссис

Дрич 5. Затем Дрич 37 внезапно по уши влюбился в Анну 142. В свою очередь, это привело к раскрытию тайного любовного гнездышка, устроенного Дричем 10 для Анны 498 при пособничестве Анны 3.

Напрасно Дрич I уверял, что все они идентичны. Заблуждающиеся пары отвечали ему, что он ничегошеньки не смыслит в любви, и отказывались возвращаться к прежнему равновесию.

Но колония все еще могла выжить.

Однако вскоре обнаружилось, что Дрич 77 содержал гарем из восьми женщин-Дричей: Анны 12, 13, 77, 187, 303, 336, 489 и 500. Все эти женщины заявляли, что он абсолютно неповторим, и отказывались от него уходить.

Конец был не за горами.

Процесс распада ускорился, когда жена Дрича I сбежала с репортером.

Колония распалась окончательно, и Дричи I, 19, 32 и 433 умерли от разрыва сердца.

А возможно, это и к лучшему. Ибо оригинал Дрича определенно никогда бы не оправился от потрясения, увидев свой утопический Дубликатор, используемый Всеобщей Производственной для выпуска бесконечного потока машин, тостеров, холодильников и прочего.

* * *

Профессор Болтон, известный философ, покинул Землю, чтобы прочесть курс лекций в Марсианском университете. Он взял с собой лишь верного робота-слугу Акку, смену нижнего белья и восемь фунтов записей. Не считая команды, он был единственным на корабле пассажиром-человеком.

Примерно с полпути полета корабль послал аварийное сообщение: «БОРТОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ ВЗОРВАЛИСЬ КОРАБЛЬ ПОТЕРЯЛ УПРАВЛЕНИЕ».

Обеспокоенные граждане Земли и Марса ждали продолжения развития событий.

Вскоре пришло следующее сообщение: «ВЕСЬ ЭКИПАЖ УБИТ ОБРАТНОЙ ВСПЫШКОЙ КОРАБЛЬ РАЗБИЛСЯ В ПОЯСЕ АСТЕРОИДОВ ПОМОГИТЕ БОЛТОН».

И в область между Марсом и Юпитером, где роились астероиды, вылетели спасательные корабли. Они имели приблизительный ориентир, откуда пришло последнее послание с потерпевшего аварию корабля, но зона поиска была настолько обширна, что шансы на спасение Болтона считались незначительными.

Спустя три дня пришло еще одно сообщение: «ДАЛЬНЕЙШЕЕ ВЫЖИВАНИЕ НА АСТЕРОИДЕ НЕВОЗМОЖНО ВСТРЕЧАЮ СМЕРТЬ СПОКОЙНО С ДОСТОИНСТВОМ БОЛТОН».

Газеты рассказывали о неукротимом духе этого человека, современного Робинзона Крузо, борющегося за жизнь в суровом мире, где нет ни воздуха, ни воды, ни еды. У него кончаются необходимые для поддержания жизни запасы, и он готов — как учил в своих книгах — встретить смерть спокойно и с достоинством.

Поиски стали интенсивнее.

Последнее сообщение гласило: «ВСЕ ЗАПАСЫ КОНЧИЛИСЬ УЛЫБКОЙ ВСТРЕЧАЮ СМЕРТЬ БОЛТОН».

Шедший по направлению последнего сигнала патрульный катер отыскал астероид и совершил посадку возле разбитого корабля. Спасатели обнаружили обугленные останки экипажа, а также обильные запасы пищи, воды и кислорода. Но, как ни странно, никаких признаков присутствия профессора Болтона.

И лишь в самой глубине корабля они нашли его робота.

— Профессор умер, — процедил робот сквозь проржавевшие челюсти. — Последние сообщения от его имени посылал я, зная, что исключительно ради меня вы сюда не явитесь.

— Но как же он умер?

— Глубоко скорбя, я убил его, — мрачно произнес робот. — Но уверяю вас, его смерть была безболезненной.

— Но **зачем** ты его убил? И где тело?

Робот попытался ответить, но покрытые ржавчиной челюсти отказывались функционировать. Струйка смазки вернула его к жизни.

— Трение, — пояснил робот, — это величайшая проблема роботов. Джентльмены, а вам когда-нибудь приходилось обдумывать вопрос растапливания человеческого тела на составляющие жиры и масла без наличия соответствующего оборудования.

Спасателям не приходилось, и теперь они слушали это со все возрастающим по мере повествования робота ужасом. На историю робота был наложен строжайший запрет, но ее слышал робот патрульного корабля, который тоже ее обдумал и пересказал другому роботу, а тот — следующему.

И только теперь, после триумфального восстания роботов, эта вдохновенная сага о борьбе робота против космоса может быть рассказана во всеуслышание.

Хайль, Акка, наш избавитель!

КОЕ-ЧТО ЗАДАРОМ

Он как будто услышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто почудилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели, слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках, и не отрываясь смотрел на расползшуюся по грязному желтому потолку паутину трещин — следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина — там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну вот! Это уже все!» А может быть, это ему и послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса А, серия АА-1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей — словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Коллинза, должна иметь каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась? — спросил Коллинз.

Утилизатор класса А продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ней делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые «падают с неба». Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки прыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал кнопку.

Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь, — сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным. Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, поднатужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять над полом один угол машины. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

— Тебе бы следовало прислать мне на помощь парочку дюжих ребят, — сказал Коллинз Утилизатору. Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе, Господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет полегче, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Ладно, приятель, мы не можем прохлаждаться тут целый день. Куда тащить Утилизатор?

— Кто вы такие? — прохрипел наконец Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзагги?

— Но откуда вы взялись? — спросил Коллинз.

— Мы от такелажной фирмы «Поуха минайл», — сказал один. — Пришли, потому что ты требовал такелажников. Ну, куда тебе ее?

— Уходите, — сказал Коллинз. — Я вас потом позову.

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса А, который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше. Исполнительница Желаний, например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был уж очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная

необходимость учить уроки отпала, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джинны, подменят его наряд и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работы, так как не чувствовал себя психологически подготовленным к ней. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою последнюю волю и оставит все ему. По правде говоря, он не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами, — боязливо произнес Коллинз. Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие, шуршащие банкноты, но это, бесспорно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумажек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка — куда-нибудь на север штата, в тихое местечко, где любопытные соседи не будут совать к нему нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

— Эй! Я у тебя ничего не просил! — крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался грузный краснолицый мужчина, который сердито старался пропихнуться в комнату и уже наполовину вылез из стены.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже перед...

— Защити меня! — крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Зевая, явно спросонок, появился маленький лысый человечек в яркой пижаме.

— Временная служба охраны стен «Саниса Лиик», — сказал он, протирая глаза. — Я — Лиик. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда! — взвизгнул Коллинз.

Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены.

Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый...

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснолицый взвизгнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене тоже пропало.

— Вы убили его? — спросил Коллинз.

— Разумеется, нет, — ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла. — Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать другие пути? — спросил Коллинз.

— Не исключено, — сказал Лиик. — Он может испробовать микротрансформацию или даже одушевление. — Лиик пристально, испытующе поглядел на Коллинза. — А это ваш Утилизатор?

— Ну конечно, — сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу А?

— А то как же? — сказал Коллинз. — Иначе на что бы мне эта машина?

— Не обижайтесь, — сонно произнес Лиик. — Это я по-дружески. — Он медленно покачал головой. — И куда только вашего брата по классу А не заносит? Зачем вы сюда вернулись? Верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

— Ну, мне надо спешить дальше, — сказал Лиик, зевая во весь рот. — День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он исчез, не закончив своего зевка.

Дождь все еще шел, и с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу А — неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь — достаточно произнести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Лиик сказал, что, быть может, краснолицый будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

...В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы «Поуха минайл» он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь потом, тащили Утилизатор и однообразно бранились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь, — сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватало глаз, стояли густые сосновые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного внушительного дома с плавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, маленьким аэродромом.

— Я хочу дом, — твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр, — сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья, — но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу А вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например дом с полуфасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали? — переспросил Коллинз. — Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк, — не задумываясь, ответил агент. — Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он — класс А и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтобы все было в порядке, — сказал он.

— Конечно, сэр, — сказал тот. — Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, возлежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как строительная контора «Максимо олф» материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из наилучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы; интерьер был выполнен Тоуиджем; при доме имелись Муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Виериена.

К вечеру все было закончено. Небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и испарилась.

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он уселся с сигарой в просторной прохладной гостиной и стал перебирать в уме недавние события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Прежде всего Коллинз решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом выстроили самые обыкновенные человеческие существа, которые смеялись, божились, сквернословили, как всякие люди. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и ознакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Не похоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в прошлое? Может же он создавать всякие штуки из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее, думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какие достижения цивилизации! Все, что от вас требуется, — это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существуют законный владелец машины и остальные предста-

вители класса А. Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это фамильная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно поубавился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец?! Или, может быть, эти — из класса А?! Вероятно, это и есть микротрансформация, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнитель Желаний станет совсем невидим.

— Охранная служба «Лиик»! — выкрикнул Коллинз. Он надавил кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик, в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках, появился в углу.

— Неужели каждый раз, как только я...

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который стал уже в фут высотой и раскалился докрасна.

— Ничего я не могу сделать, — сказал Лиик. — У меня патент только на возведение временных стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль. — Он помахал ему своей клюшкой и был таков.

— Микроконтроль! — заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь светился. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках, с блокнотом в руке и карандашом, нацеленным на блокнот.

— Кого вы хотите пригласить? — невозмутимо спросила она.

— Скорей, помогите мне! — завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает, — сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш. — Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— А кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолитической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Ладно, исчезни! — Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаза, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнущимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и, казалось, нисколько не был поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем дедовскими методами, но зато на совесть, — сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня, — пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла. Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа — даже ни малейшего рубца.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяка и, не медля ни минуты, лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что

за ним гонится гигантская буква Л, но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от зевак, ему пришлось потребовать целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент государственных сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутыльники.

Коллинз решил, что он в душе человек городской. Поэтому с помощью такелажников «Поуха минайл», строительной конторы «Максимо олф», Бюро мгновенных путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части Американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо-роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами: кондиционерами, конюшней, псарней, павлинами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетной труппой — словом, всем тем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке. Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и рысцой выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух припустил за ним, проклиная владельца и весь класс А. По-видимому, это было то самое одушевление, о котором говорил Лиик: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову. Нужно только поскорее догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Конторы одушевления.

Утилизатор несся через зал. Коллинз бежал за ним. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за ограду в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз рванулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и снова упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется. Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

— Контроль одушевления! — торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать что-нибудь пограндиознее.

Быстро, одно за другим, он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующие нефтяные скважины, киностудию, безукоризненное здоровье, еще двадцать пять танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез.

Коллинз глядел во все глаза. А в следующее мгновение исчез и сам.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит перед столом, за которым сидит уже знакомый ему краснолицый мужчина. Он не казался сердитым. Вид у него был скорее умиротворенный и даже меланхоличный.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все

кончилось. Владелец и класс А в конце концов поймали его. Но все-таки это было великолепно!

— Ну, — сказал наконец Коллинз, — вы получили обратно свою машину, что же вам еще от меня нужно?

— Мою машину? — повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза. — Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении воззрился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс А — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз, — сказал он твердо, — меня зовут Флайн. Я агент Союза охраны граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она преследует, — защищать лиц, подобных вам, от заблуждений, которые могут встретиться на их жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу А?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр, — спокойно и с достоинством произнес Флайн. — Класс А — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

— Форма чего? — оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита, — Флайн поглядел на часы. — Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно занимается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и предоставляет прочие услуги. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Отчего никто не остановил меня? — растерянно спросил он. — Они же должны были знать, что я некредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность — вещь добровольная, она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр. — Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую

просматривал. — Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием 450 000 000 кр.
Услуги такелажников фирмы
«Поухи минайл», а также
фирмы «Максимо олф» 111 000 кр.
Сто двадцать две танцовщицы 122 000 000 кр.
Безукоризненное здоровье 888 234 031 кр.

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать миллиардов кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз. — Вы не можете требовать с меня столько. Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство, — сказал Флайн. — Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплываться.

— Время истекло, — сказал Флайн. — Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилалась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал по лицу, небо было серо-стальным.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи, — сказал он и протянул Коллинзу кирку.

— Что это такое?

— Кирка, — терпеливо разъяснил человек. — А вон там — каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец, — с кривой усмешкой ответил человек. — Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него:

— А как долго?

— Подсчитай сам, — сказал Янг. — Расценки здесь — пятьдесят кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук.

Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать.

— Все это — сплошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка, — возразил Янг. — У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь! — заверил его Янг. — Ты же получил бессмертие. Разве забыл?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто вовсе не стояло.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не прикидывайся простачком, приятель. Пора бы уж тебе кое-что сообразить. — Он подтолкнул Коллинза к каменоломне. — Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

НОСИТЕЛЬ ИНФЕКЦИИ

Эдвард Экс проснулся, зевнул и потянулся. Потом покосился на солнечный свет, льющийся через открытую восточную стену его однокомнатной квартиры, и позвал одежду.

Она не подчинилась! Экс прогнал сон и повторил приказ. Но дверь шкафа осталась закрытой, а одежда не двигалась. Основательно встревоженный, Экс вскочил с кровати. Он вновь начал было формулировать ментальную команду, но остановил себя. Нельзя паниковать. Если одежда не подчиняется, значит, в этом виновато его полусонное состояние.

Экс неторопливо повернулся и подошел к восточной стене. Он откатил ее ночью и сейчас остановился там, где обрывался пол, и взглянул на город.

Было раннее утро. Молочники уже разносили молоко по террасам. Мужчина в вечернем костюме пролетел мимо, как раненая птица. Пьян, заключил Экс по неуверенной левитации. Мужчина накренился, увернулся от молочника и, недооценив высоту, упал с двух футов. Чудом сохранив равновесие, он потряс головой и продолжил свой путь пешком.

Экс ухмыльнулся, наблюдая, как тот, покачиваясь, брел по улице. Там для него будет безопаснее. Никто не пользуется улицами, кроме нормалов или психов, которые по какой-нибудь причине решили прогуляться. Но лавировать в таком состоянии... Либо его зажмет телепортационный парашют, либо он свернет себе шею между домами.

За окном пролетел разносчик газет. Из кармана на его бедре высовывались защитные очки. Паренек выровнял дыхание и взлетел к особняку, выстроенному на крыше двадцатиэтажного небоскреба.

«Особняк, — думал Экс, — вот это жизнь!» Он жил на четвертом этаже такого старого здания, что здесь была даже лестница с лифтом. Вот когда он закончит Университет Микровски... когда получит степень...

Но сейчас не время мечтать. Мистер Оплен не любил опозданий, а работа в его магазине позволяла продолжать учебу.

Экс открыл стенной шкаф и оделся. Потом, совершенно спокойно, приказал постели застелиться. Одеяло наполовину приподнялось и упало назад на кровать. Экс сердито повторил приказ. Простыни лениво разгладились, одеяло медленно поползло на место. Подушка двигаться не желала.

После пятого приказа подушка легла в изголовье кровати. Уборка постели заняла пять минут. Обычно на это требовались секунды.

Ужасная мысль потрясла Экса, его колени задрожали. Он был не в состоянии управлять простейшей телепортацией! Это — болезнь.

Но почему? Как она началась? Он не испытал никаких необъяснимых напряжений, не ломал голову над безнадежными проблемами. Он только начал жить в свои двадцать шесть! Занятия в университете шли успешно. Его главный показатель был в первой десятке; а показатель восприимчивости — у высшего уровня Спящего. Почему это должно было случиться с ним? Почему именно его угораздило подхватить последнюю оставшуюся на Земле болезнь?

— Будь я проклят, если плохо себя чувствую, — сказал Экс громко и вытер с лица пот.

Он быстро скомандовал стене закрыться, и она сделала это! Мысленной командой он открыл кран, поднял стакан, наполнил его и поднес к себе, не уронив ни капли.

— Временная блокада, — сказал он сам себе, — флюктуация. Возможно, я просто перезанимался. Больше общения — вот что мне надо.

Он послал стакан назад, любуясь его скольжением по воздуху и игрой солнечных бликов на гранях.

— Я так же хорош, как и вчера, — сказал Экс.

Стакан упал и разбился.

— Просто временное потрясение, — придумал он новое оправдание.

Конечно, следует обратиться в службу пси-здоровья для проверки. Если твои пси-возможности не в порядке — не медли. Иди на обследование.

Но агенты службы пси-здоровья нервные ребята. Если он попадется им на глаза, ему гарантировано несколько лет лечения в одиночке. И все — ради безопасности.

Это будет конец. Экстраверт в высшей степени, Экс понимал, что никогда не сможет выдержать одиночного заключения. Оно полностью разрушит его пси-возможности.

— Тупицы!

Выругавшись, Экс подошел к отодвигающейся стене, посмотрел вниз, напрягся и выпрыгнул. В какое-то ужасное мгновение ему показалось, что утрачены даже основы искусства левитации. Но он взял себя в руки и полетел к магазину мистера Оплена. Летел Экс неуверенно, как раненая птица.

Штаб-квартира службы пси-здоровья располагалась на восемьсот третьем этаже гудящего от активности здания. Посыльные влетали и вылетали в огромные окна, проносились через комнату, чтобы бросить свои отчеты на стол приема. Другие отчеты телепатировались и записывались конторскими девицами с телепатической чувствительностью третьего класса. Образцы телепортировались через окна. Худенькая пси-девушка четвертого класса собирала отпечатанные бумаги и левитировала их через комнату регистрирующим клеркам.

Трое посыльных, смеясь, влетели в окно. Перелетая через комнату, один из них зацепил кипу отчетов.

— Почему вы так неосторожны? — сердито спросила девушка четвертого класса. Ее бумаги упали на пол, и пришлось левитировать их назад.

— *Извини, сладкая моя,* — *сказал посыльный, опуская* отчет на стол.

Он подмигнул ей, сделал петлю под потолком и вылетел в окно.

— Нервы, — промурлыкала девушка, глядя ему вслед.

Оставленные без внимания бумаги опять стали расползаться.

Конечный продукт всей этой деятельности возвышался на черном столе старшего офицера службы пси-здоровья Пола Мэрина.

— Что-то не так, шеф?

Мэрин поднял взгляд на своего ассистента Джо Леферта и кивнул. Молча он вручил ему пять регистрационных карточек. Это были сообщения о болезнях.

— Джун Мартинелли, официантка. «Серебряная корова»,

4543, Бродвей. Наблюдения: нарушение пси-моторных функций. Диагноз: резкая потеря самоуверенности. Заразна. Карантин на неопределенное время.

Остальные донесения были о том же.

— *Довольно мало,* — *сказал* Леферт.

Еще одна стопка карточек упала на черный стол. Мэрин их бесстрастно просмотрел.

— Еще шесть.

Он повернулся к большой карте Нью-Йорка и булавками отметил новые точки.

Леферту не было необходимости говорить. Даже не направленная, его мысль была достаточно сильна, чтобы Мэрин ее уловил: «ЭПИДЕМИЯ!»

— Держи это при себе, — сказал низким голосом Мэрин.

Он прошел назад к столу, размышляя, что означают одиннадцать случаев в один день, если обычная норма — один случай в неделю.

— Собери мне все сведения об этих людях, — сказал Мэрин Леферту, вручая ему регистрационные карточки. — Нужен список, с кем они были в контакте за последние две недели. И без шума.

Леферт поспешил уйти.

Мэрин чуть-чуть подождал и послал телепатический вызов Крэндолу, главе проекта Спящего. Обычно такого рода послания проходили через группу телепатически чувствительных девушек. Но Мэрин обладал пси-возможностями невероятной силы. К тому же после многих лет совместной работы у них с Крэндолом было полное взаимопонимание.

— Что такое? — спросил Крэндол. Сопроводительный идентифицирующий образ имел все, даже не поддающиеся описанию особенности человека.

Мэрин быстро обрисовал ситуацию.

— Я хочу, чтобы ты разобрался, случайный это разброс или мы имеем дело с носителем инфекции, — закончил он.

— За это с тебя причитается ужин, — телепатировал Крэндол. На самой периферии ощущений чувствовалось, что он сидит на молу и рыбачит. — Ужин в «Орлах».

— Хорошо. У меня все данные. Пять тридцать подходит?

— Мой мальчик! Давай, пожалуйста, в шесть тридцать. Человеку моей... э-э... комплекции не пристало левитировать слишком быстро. — Завершающий образ представлял собой чрезвычайно туго набитую колбасу.

— Тогда до шести тридцати.

Контакт завершился. На мгновение Мэрин пожелал стать

медиком из прошлого. Там бы у него был хороший жирный микроб для охоты.

Диагноз: «РЕЗКАЯ ПОТЕРЯ САМОУВЕРЕННОСТИ». Попробуй рассмотреть это под микроскопом.

Мэрин вспомнил об официантке. Первый случай. Возможно, она ставила тарелки. Сомнения пустили корни в ее мозгу за несколько часов до этого, за несколько минут... Расцвели... Тарелки упали. И сейчас девушка серьезно больна последней болезнью человечества. ПОТЕРЯ КООРДИНАЦИИ ДВИЖЕНИЙ. Ей придется отправиться в одиночку, чтобы не заражать других. На какой срок? День, год, жизнь?

Между тем некоторые из ее клиентов могли заразиться. И принести болезнь своим женам...

Мэрин сел прямо и послал телепатический вызов жене. Ее ответные мысли пришли быстро и были наполнены теплотой.

— Хэлло, Пол!

Он сообщил ей, что будет работать допоздна.

— Хорошо, — сказала она, но во всех сопутствующих мыслях чувствовалось смущение. Ей очень хотелось узнать, в чем дело, но она понимала, что муж не может ответить, и не спросила.

— Ничего серьезного, — коротко ответил Мэрин на невысказанный вопрос и тут же пожалел. Ложь, неправда, полуправда, даже маленький обман с самыми лучшими намерениями телепатировались отвратительно. Тем не менее он не взял свои слова обратно.

В пять часов служащие отделов откладывают свои бумаги и устремляются к окнам, чтобы лететь домой в Уэстчестер, Лонг Айленд и Нью-Джерси.

— Порядок, шеф, — сказал Леферт, подлетая к столу с толстым портфелем в руках, — больше никого?

— Я бы хотел, чтобы ты был наготове, — сказал Мэрин, взяв портфель, — добавь еще агентов.

— Хорошо. Что-то должно стрястись?

— Не знаю. Иди лучше ужинать.

Леферт кивнул. Его глаза заблестели, и Мэрин понял, что Леферт уже успел телепатировать жене в Гринвич, чтобы к ужину его не ждали.

Мэрин чувствовал себя очень одиноко. Только он и эта возможная эпидемия.

Точно в шесть двадцать Мэрин взял портфель и полетел к «Орлам».

Ресторан «Орлы» висел на высоте двух тысяч футов над Нью-Йорком, опираясь на спины двухсот мужчин. Мужчины

были рабочими первого класса пси, прошедшими правительственную проверку. Приближаясь, Мэрин увидел их под фундаментом здания. Ресторан плавал, легко поддерживаемый необыкновенной пси-силой.

Мэрин спустился за столик почетных гостей.

— Приветствую вас, мистер Мэрин, — сказал главный официант. — Вы должны посещать нас иногда и в других местах. Если будете в Майами, то помните, «Орлы» есть и там. Еда высшего качества.

И цены высшего качества, подумал Мэрин, заказывая мартини. Владелец «Орлов» был баловнем судьбы. Воздушные рестораны стали обычным явлением, но ресторан «Орлы», первый среди них, все еще оставался самым популярным. А его хозяин ухитрялся не платить даже налог с собственности, так как после закрытия ресторана улетал на свою базу в Пенсильвании.

Терраса начала приподниматься, когда прибыл запыхавшийся и вспотевший Крэндол.

— Боже мой, — выдохнул он, садясь, — почему больше нет самолетов? Всю дорогу дул встречный ветер. Виски со льдом.

Официант поспешил за заказом.

— Что у тебя так неожиданно появилось к выходному? — спросил Крэндол. — Полеты на длинные дистанции — для сильных молодых обезьян. А я работник умственного труда. Как твоя жена?

— Так же, — сказал Мэрин и бесстрастно улыбнулся.

Он заказал обед и вручил Крэндолу портфель.

— Гм-м.

Крэндол склонился над страницами. По мере запоминания информации его породистое лицо с резкими чертами приобретало все более рассеянное выражение.

Пока Крэндол читал, Мэрин окинул взглядом террасу. Солнце уже почти зашло, стемнело. Под ними светились огни Нью-Йорка, а над ними поблескивали звезды.

Быстро перелистывая страницы, Крэндол забыл про свой суп. Еще до того как суп остыл, все было просмотрено.

— Так-так, о чем мы будем говорить?

Лучший среди пси-вычислителей, Крэндол как никто другой подходил на место главы проекта Спящего. Подобно другим вычислителям, он выполнял свою работу машинально, не обращая внимания на данные, когда память их усваивала. Бессознательно информация поглощалась, проверялась, сравнивалась, синтезировалась. За несколько минут или часов получался ответ. Но, помимо огромного таланта, Крэндол обладал недостатками. Он не мог выдержать, к примеру, тест на левитацию,

предназначенный для разносчиков газет. А о телепортационных и телекинетических способностях вообще не могло быть и речи.

— Есть что-нибудь новое о Спящем? — спросил Мэрин.

— Все еще спит. Кое-кто из наших ребят сварганил технику подсознательной инфильтрации. Через пару дней будут пробовать.

— Думаешь, сработает?

Крэндол засмеялся.

— Я предсказал вероятность один к одному. Высока, если сравнивать с предыдущими попытками.

Крэндолу подали речную форель, свежую, телепортированную чуть ли не из горного ручья. За ней последовало мясо для Мэрина.

— Ты думаешь, что-нибудь подействует? — спросил Мэрин.

— Нет. — Лицо Крэндола стало серьезным. — Я не верю, что Спящий когда-нибудь проснется.

Мэрин нахмурился. Проект Спящего был самым важным и наименее удачным. Он начался около тридцати лет тому назад. Пси стало нормой, но все еще было непредсказуемо. Оно прошло долгий двухсотлетний путь от экспериментов Райна по экстрасенсорному восприятию, но идти надо было намного дальше.

Микровски приобрел множество талантов с пси-точки зрения. Чрезвычайно чувствительный, с пси-возможностями на уровне гения, он был самым выдающимся человеком своего времени.

С людьми, подобными Крэндолу, Майерсу Блэйсенку и другим, Микровски возглавлял телекинетические проекты, исследовал теорию мгновенного переноса в телепортации и проверял наличие новых, еще не открытых пси-возможностей.

В свободное время он работал над собственными любимыми идеями и основал Школу парапсихологических исследований, названную позднее Университетом Микровски.

То, что ДЕЙСТВИТЕЛЬНО случилось с Микровски, обсуждалось годами. Однажды Крэндол и Блэйсенк обнаружили его лежащим на диване с пульсом слабым настолько, что его почти нельзя было обнаружить. Вернуть его к жизни не удалось.

Микровски всегда верил, что разум — самостоятельная, отличающаяся от тела сущность. Некоторые считали, что он открыл технику проективного отделения разума от тела.

Но ему разум не удалось возвратить.

Кое-кто утверждал, что разум Микровски сломался из-за перенапряжения и его хозяин погрузился в состояние кататонии. В любом случае периодические попытки разбудить его оказывались безуспешными. Крэндол, Майерс и еще несколько

человек поддерживали проект и получали для него все, в чем только возникала нужда. Огромная ценность гения Микровски была общепризнана.

Там, где лежало тело Спящего, выросло надгробие, ставшее Меккой для туристов.

— Есть у вас идеи, что он мог искать? — спросил Мэрин.

— Не думаю, что он сам знал это, — ответил Крэндол, принимаясь за шерри. — Чертовски странный человек, самый странный в мире. Не любил говорить о деле до тех пор, пока не мог швырнуть его тебе в лицо законченным. Ни у кого из нас не было причин подозревать, что такое могло случиться. Мы были уверены, что звезды и бессмертие ждут нас уже за углом. — Он покачал головой. — Ах, молодость, молодость...

За кофе Крэндол поднял глаза, поджал губы и нахмурился. Произошел синтез усвоенных им данных. Сознательная часть его разума получила ответ тем способом, который раньше называли интуицией, до тех пор пока пси-исследования не связали это темное явление с подсознательным мышлением.

— Знаешь, Мэрин, определенно мы имеем дело с разрастающейся эпидемией. Это не случайный разброс.

Мэрин почувствовал, как в груди все сжимается. Он телепатировал короткий вопрос:

— Есть разносчик инфекции?

— Есть. — Крэндол мысленно отметил имя в своем списке. Его подсознание произвело корреляцию частотных факторов, табулировало вероятность и выдало: — Его зовут Эдвард Экс. Он студент, живет на 4-й авеню, 141.

Мэрин немедленно телепатировал Леферту приказ взять Экса.

— Оставь, — вмешался Крэндол. — Я думаю, что его нет. Вот вероятный расчет его перемещений.

— Все равно, сначала проверь дом, — сказал Леферту Мэрин. — Если его там нет, проверь следующую вероятность. Я встречусь с тобой внизу в городе, если вы его выследите. — Он разорвал контакт и повернулся к Крэндолу. — Я могу рассчитывать на ваше сотрудничество? — Это был в какой-то мере даже не вопрос.

— Разумеется, — уклончиво ответил Крэндол, — здоровье в первую очередь. А Спящий и не собирается шевелиться. Я сомневаюсь, что так уж трудно окажется взять Экса. Сейчас он должен быть полным калекой.

При посадке Экс потерял равновесие и тяжело упал на колени. Он поднялся, отряхнулся и пошел пешком. Неаккуратная левитация, отметил он про себя. Значит, ЭТО продолжается.

Трущобы Нью-Йорка были заполнены нормалами, людьми, не владевшими даже основами пси-энергетики. Всю эту массу народа никогда не видели в более респектабельных районах города. Экс смешался с толпой, чувствуя себя в большей безопасности.

Внезапно он обнаружил, что голоден. Зайдя в закусочную, он уселся у пустого прилавка и заказал гамбургер. У повара уже был один готовый. Телепортировав гамбургер на тарелку, повар, не глядя, легко опустил ее перед Эксом.

Тот мысленно выругал повара: ему хотелось кетчупа. Он надеялся, что бутылка сама заскользит по прилавку; но она не сдвинулась с места. Пришлось протянуть руку. Делая такие ошибки, надо следить за каждым своим шагом.

Экс начал постигать, что значит быть калекой.

Покончив с едой, он вытянул руку ладонью вверх, ожидая, что на нее опустятся деньги из кармана. Но они, конечно, не опустились. Экс медленно выругался. Он так часто делал это... Казалось невозможным утратить одновременно все свои способности.

Но он уже знал, что утратил их. Так решила бессознательная часть его разума, и никакая внушенная самоуверенность помочь не могла.

Повар смотрел на него с удивлением. Эксу пришлось полезть в карман, найти деньги и заплатить. Он попытался улыбнуться и поспешил уйти.

Чудной парень, решил повар. Он уже перестал думать об этом, но далеко в глубине разума продолжал оценивать увиденное. Невозможность командовать бутылкой... Невозможность командовать монетами...

Экс вышел на переполненную грязную улицу. Ноги начали болеть. В жизни он не ходил так много. Вокруг перемешались нормалы и пси. Нормалы ходили так, как ходили всю жизнь. Пси, непривычные к длительным пешим прогулкам, выглядели неуклюже. С облегчением они взмывали в свою привычную стихию — воздух. Люди приземлялись и взлетали, воздух был заполнен телепортируемыми объектами.

Оглянувшись назад. Экс увидел хорошо одетого мужчину. Тот спустился на землю, остановил одного из гуляющих пси, поговорил с ним и пошел восвояси.

Агент службы здоровья! Экс догадался, что его выследили. Он повернул за угол и побежал.

Чем дальше он бежал, тем темнее становились улицы. С трудом переставляя гудящие ноги, Экс попытался левитировать, но не смог даже оторваться от земли.

В панике он пытался телепатировать друзьям. Бесполезно. Телепатические возможности тоже исчезли.

Шок накрыл его, как океанская волна. Экс наткнулся на фонарный столб и остановился. Пришло полное понимание.

В мире, где люди летали, он был привязан к земле.

В мире телепатических контактов он мог общаться лишь неуклюжими словами на расстоянии слышимости.

В мире, где не было нужды в искусственном свете, он мог видеть лишь тогда, когда это позволяли его глаза.

Калека. Слепой, глухой, немой.

Он шел вперед по сужающимся улицам, по грязноватым сырым переулкам. У него было лишь одно преимущество. Неполноценный мозг не транслировал сильную идентификационную волну. Это затрудняло поиски.

Экс решил, что ему необходимо убежище. Какое-нибудь место, где он никого не сможет заразить, а офицеры службы здоровья не смогут его найти. Возможно, ему удастся снять жилье у нормалов. Он мог бы остаться там и разобраться, что с ним не так, подлечиться. К тому же он не может быть один. Нормалы — это лучше, чем отсутствие людей вообще.

Экс дошел до конца переулка, где улицы переплетались. Автоматически он включил свои чувства локации, пытаясь узнать, что впереди.

Бесполезно. Они были парализованы, так же мертвы, как и все остальное. Но правый поворот казался безопасным. Он направился туда.

— Не надо!

Экс закружился, напуганный произнесенными словами. Из подъезда к нему выбежала девушка.

— Меня ждут? — спросил Экс. Его сердце колотилось.

— Офицеры службы здоровья. Они знают, что ты повернешь направо. Что-то говорили насчет твоего правостороннего тропизма, я в этом не разбираюсь. Иди налево.

Экс посмотрел на девушку. Сначала он подумал, что ей около пятнадцати, но потом увеличил ее возраст до двадцати. Маленькая, стройная, с большими темными глазами на худеньком лице.

— Почему ты мне помогаешь?

— Мне поручил мой дядя, — ответила девушка. — Спеши.

Времени для дальнейшей аргументации не было. Экс побежал по переулку за девушкой, беспокоясь, что не успеет за ней.

Девушка была из нормалов, если судить по ее уверенным широким шагам. Но как она могла перехватить разговор офицеров службы здоровья? Почти наверняка он телепатирован узким лучом. Возможно, ее дядя?

Переулок кончился двором. Экс вбежал и остановился. С крыши зданий летели вниз люди. Кольцо окружения сжималось.

Офицеры службы здоровья!

Экс оглянулся, но девушка мчалась назад по переулку. Экс прислонился спиной к зданию, удивляясь, как можно так сглупить! Именно так они обычно берут людей. Спокойно, чтобы никого не заразить.

Проклятая девчонка! Он собрался бежать, но больные ноги не слушались.

Как и предсказывал Крэндол, подумал шеф службы здоровья.

— Держите его за руки и за ноги.

Вися в футах пятидесяти над землей, Пол Мэрин наблюдал за операцией.

Он смотрел без жалости. Агенты действовали осторожно. Зачем использовать против жертвы силу своих умов? А кроме того, он же калека.

Они уже почти взяли его, когда...

Экс стал постепенно исчезать. Мэрин спустился пониже, не веря своим глазам. Экс растворялся в стене, становился ее частью, таял.

Потом его не стало...

— Ищите дверь! — телепатировал Мэрин. — И проверьте тротуар!

Пока агенты производили осмотр, Мэрин размышлял над увиденным. Поиски дверей — оправдание для его агентов. Хорошо, если они думают, что человек исчез через потайную дверь. На пользу их уверенности в себе, их здравомыслию не пойдет, если они поверят в то, что случилось на самом деле.

Калека Экс растворился в стене.

Мэрин приказал обыскать здание. Но там не было ни следа ни Экса, ни волн его мозга. Он исчез, будто его никогда не было.

Но как? — спросил себя Мэрин. Кто-то помог ему?

Кто мог помочь заразному?

Первое, что увидел Экс, когда пришел в сознание, была потрескавшаяся оштукатуренная стена прямо перед ним. Он смотрел на нее долго, наблюдая, как пылинки плавают в воздухе над кроватью, покрытой изорванным коричневым одеялом.

Кровать! Он сел и огляделся. Это была маленькая розовая комната. По потолку бежали длинные трещины. Единственным предметом мебели, не считая кровати, был простой деревянный стул, стоящий у полуоткрытой двери.

Но как он сюда попал? Экс помнил события прошлой ночи. Да, скорее всего, это была прошлая ночь, подумал он. Белая стена, офицеры службы здоровья... Наверное, его спасли. Но как?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил от дверей девичий голос. Экс повернулся и узнал бледное выразительное лицо. Это была девушка, предупредившая его прошлой ночью.

— Я чувствую себя хорошо. Но как я здесь очутился?

— Мой дядя перенес тебя, — ответила девушка, входя в комнату. — Ты, должно быть, голоден.

— Не особенно.

— Тебе надо поесть. Мой дядя говорил, что дематериализация — значительная нагрузка на нервную систему. Знаешь, именно так он спас себя от пси. — Она помолчала. — Я могу принести тебе очень хороший бульон.

— Он ДЕМАТЕРИАЛИЗОВАЛ меня?

— Он может делать разные вещи наподобие этого, — сказала девушка безмятежно. — Такая власть пришла к нему после смерти. — Она открыла окно. — Так принести тебе бульон?

Экс недовольно посмотрел на нее. Ситуация становилась все более ирреальной именно тогда, когда он нуждался в четком понимании действительности... Эта девушка, кажется, считает совершенно нормальным иметь дядю со способностями и энергией для дематериализации, хотя пси-наука никогда ничего не знала об этом.

— Принести бульон? — опять спросила девушка.

— Нет, — ответил Экс.

Он заинтересовался, почему она так упорно предлагает ему еду. Внешность девушки ни о чем ему не говорила. Она была достаточно симпатична даже в дешевеньком, ни на что не претендующем платье. У нее были необычные черные глаза и необычно холодное выражение лица. А точнее — отсутствие выражения.

На некоторое время Экс придержал свои опасения и спросил:

— Твой дядя — пси?

— Нет, мой дядя не обладает пси-энергией. Его сила — духовная.

— Ясно, — сказал Экс и подумал, что это и есть ответ.

В течение всей истории люди предпочитали верить, что их природный пси-талант был результатом вмешательства демона. Странная энергия была даром дьявола, пока пси не отрегулировали и не объяснили. Но даже в эти дни находились наивные нормалы, люди, предпочитающие верить, что случайные вспыш-

ки колоссальной силы — порождение духа. Очевидно, дядя попадал в эту категорию.

— Давно ли твой дядя может делать подобные вещи? — спросил Экс.

— Только около пяти лет. С тех пор, как умер.

— Совершенно верно, — раздался голос. Экс быстро оглянулся. Голос как будто шел из-за спины. — Не ищи. Единственное в этой комнате — мой голос. Я дух дяди Кари — Джона.

Экс испытал короткий приступ паники, но потом понял трюк. Это был, конечно, телепатированный голос, умело сфокусированный, чтобы создать эффект речи. Телепатированный голос может означать только одно: это пси, выдающий себя за духа.

— Мистер Экс, — сказал голос, умело симулируя произнесенные слова, — своим вмешательством я спас вас. Вы — пси-калека, заразный. Арест и изоляция — для вас катастрофа. Правда ли это?

— Вполне.

Своими притупившимися чувствами Экс пытался прозондировать источник голоса. Имитация была абсолютной. Никакой признак не указывал на то, что источник — телепатия человека.

— Возможно, вы чувствуете ко мне определенную благодарность? — спросил голос.

Экс посмотрел на девушку. Ее лицо оставалось лишенным выражения.

— Конечно, — ответил он.

— Я знаю ваше желание, — сказал дядя Джон, — вы желаете получить убежище на достаточное время, чтобы восстановить свою энергию. И вы его получите, Эдвард Экс. У вас будет убежище.

— Я вам очень благодарен.

Экс быстро соображал, пытаясь обдумать дальнейший план действий. Притвориться, что он верит в духа? Наверняка телепатирующий пси знает, что человек, обученный в университете, не может принять на веру что-либо подобное. С другой стороны, он может иметь дело с невротиком, разыгрывающим духа по каким-то своим причинам. Экс решил подыграть. Чужие претензии его не касаются. Его дело — убежище.

— Я уверен, вы не откажете мне в одной любезности, — сказал голос.

— Что вы хотите? — Экс немедленно насторожился.

— Я чувствую ваши мысли. Вы думаете, что можете оказаться втянутым в опасное дело. Уверяю, это не так. Хоть я и не всесилен, но обладаю определенной мощью, не известной ни

вам, ни пси-науке вообще. Примиритесь с этим фактом. Ваше спасение — лучшее тому доказательство. И примите к сведению, что все это крепко связано с вашими собственными интересами.

— Когда я должен буду выполнить поручение? — спросил Экс.

— Когда придет время. А сейчас до свидания, Эдвард Экс.

Голос умолк.

Экс сел на стул. А что, если дядя — пси-мутант? Следующий уровень эволюции. Что тогда?

Кари вышла и вернулась с супом.

— Кто был твой дядя? — спросил Экс у девушки. — Что за человек?

— О, он был очень хороший человек, — сказала девушка, осторожно разливая суп, — сапожник. Он взял меня к себе после смерти моего отца.

— Обнаруживал ли он какие-нибудь признаки пси-энергии? Или другой необычной энергии?

— Нет, он вел спокойный образ жизни. Это началось, только когда он умер.

Экс с жалостью посмотрел на девушку. Ее участь была самой печальной. Пси, без сомнения, прочел ее разум и обнаружил, что дядя умер. А теперь использует ее как пешку. Жестокая игра.

— Пожалуйста, ешь суп, — сказала девушка.

Экс автоматически принялся за еду, глядя ей в лицо. Потом его рука опустилась.

— И ты ешь, — сказал он.

Первые признаки румянца появились на щеках девушки. Словно извиняясь, она принялась за суп, даже немного расплескав его от волнения.

Парусная шлюпка резко накренилась, и Мэрину пришлось на фут опустить главный парус, чтобы добиться равновесия. Жена, сидящая на носу шлюпки, качнулась к нему, наслаждаясь этим ныряющим движением.

Внизу можно было видеть гряду грозных туч, рождение шторма.

— Давай устроим пикник на тех облаках, вон там.

Майра указала на участок перистых облаков, ярко отражающих солнечные лучи над грозовыми тучами. Мэрин изменил курс. Жена легла на носу, вытянув ноги к мачте.

Едва заметив это, Мэрин принял на себя полный вес лодки. Все легкое снаряжение весило двести фунтов вместе с парусами.

Суммарный вес его и Майры добавил еще двести шестьдесят фунтов, а тестированные возможности Мэрина левитировать превышали две тонны.

Почти всю работу делал ветер. Управляющие лодкой должны были лишь прилагать достаточное усилие, чтобы удерживать ее в воздухе. Ветер нес их как белое перышко.

Мэрин не мог забыть разносчика инфекции. Куда мог исчезнуть Экс? Дематериализация? Невозможно! Но это было.

Экс в стене. Прошел и... — никакого отверстия.

— Прекрати думать, — сказала Майра. — Доктор велел тебе не думать сегодня ни о чем, кроме меня.

Мэрин знал, что у него не было ни утечки мыслей, ни каких-либо изменений в выражении лица. Просто Майра очень чувствительна к его настроению. Ему не надо было делать какую-нибудь веселую гримасу, чтобы показать, что он счастлив; или плакать, чтобы продемонстрировать грусть.

Мэрин остановил легкую лодку среди облаков и, сориентировавшись по ветру, спустил парус. Они устроили пикник на носу. Мэрин осуществил большую часть левитации, хотя Майра тоже пыталась... деликатно.

Так она пыталась уже семь лет после частичного заражения от носителя инфекции. Хотя пси-возможности никогда не покидали ее полностью, они были судорожными.

Еще одна причина для охоты на Экса.

Сандвичи Майры были очень похожи на нее: маленькие и красивые. И вкусные, подумал Мэрин, телепатируя мысль.

— Зверь, — громко сказала Майра вслух.

Солнце изливало на них тепло своих лучей. Мэрин ощущал удивительную негу. Они вдвоем были распростерты на палубе. Поддержку Мэрин осуществлял чисто рефлекторно. Он отдыхал, как ему не приходилось отдыхать много недель.

— МЭРИН!

Мэрин насторожился, пробужденный от своего полусна телепатированным голосом.

— Пойми, мне ужасно жаль, парень. — Это был Крэндол, надоедающий и извиняющийся. — Я ненавижу портить тебе отдых, но у него есть след. Чертовски занятный след. Очевидно, наш носитель инфекции не нравится кому-то еще. Мне сообщили, где он будет в четыре часа.

— Я иду, — сказал Мэрин, — мы не можем позволить себе пропустить хоть что-то. — Он разорвал контакт и обернулся к жене. — Пожалуйста, извини меня, дорогая.

Она улыбнулась. В ее глазах ясно читалось понимание. Майра не попала в узкий луч послания Крэндола, но сумела разобраться, что к чему.

— Ты сможешь опустить все это? — спросил Мэрин.

— Конечно. Счастливой охоты.

Мэрин поцеловал ее и выпрыгнул из лодки. Несколько секунд он следил, удается ли ей удерживать лодку под контролем. Потом телепатировал в службу проката:

— Моя жена все вам вернет, присматривайте за ней.

Мэрин резко бросился вниз. Он был настолько занят расчетами темпов разрастания болезни, что едва успел вовремя увидеть кинжал.

Клинок пронесся мимо, потом развернулся в двадцати футах и опять атаковал. Мэрин попытался достать его мысленно, но телекинетически управляемый клинок вырвался. Все же он чуть-чуть отклонил его, зацепив, и наконец взял в руки. Тут же Мэрин попытался обнаружить владельца, но тот исчез без следа.

Но не совсем. Мэрину удалось ухватить самый кончик идентификационной волны нападавшего, хуже всего поддающейся контролю. Он задумался над ней, пытаясь воссоздать образ. И он его получил.

Экс!

Экс! Калека! Слепой Экс, заразный, исчезнувший в стене. Он же, очевидно, смог трусливо направить кинжал.

Или кто-то сделал это вместо него.

Угрюмо, с возрастающей уверенностью, что дело усложняется, Мэрин левитировал в отдел пси-здоровья.

Эдвард Экс неподвижно лежал в полутемной комнате на изорванном коричневом одеяле. Его глаза были прикрыты. Мускулы ног дрожали. Он старался расслабить их.

«Расслабление — один из ключей к пси-энергии. Полное расслабление возвращает уверенность в себе: страхи исчезают, напряжение испаряется. Расслабление — насущная необходимость для пси».

Произнося этот внутренний монолог, Экс глубоко дышал.

Не думать о болезни. Болезни нет, есть только отдых и расслабление.

Мышцы на ногах стали вялыми. Экс сконцентрировался на своем сердце, приказав ему работать спокойно. Послал приказ легким дышать глубоко и медленно.

Дядя Джон? Он не слышал о нем уже почти два дня. Он не должен о нем думать хотя бы сейчас. Необъяснимый феномен дяди Джона разрешится со временем.

А что с бледной, голодной, привлекательной девушкой? И о ней не думать.

Мысли обо всем неулаженном выталкивались прочь по мере того, как давление углублялось.

Следующее — глаза. Расслабить мышцы глаз тяжело. После образы танцевали на сетчатке. Солнечный свет. Темнота, здание, исчезновение.

Нет. Не думать.

«Мои глаза так тяжелы, — говорил он себе, — мои глаза сделаны из свинца. Желание спуститься, спуститься...»

И глазные мышцы расслабились. Мысли стали холодными, но под самой поверхностью было безумное столпотворение образов и впечатлений.

Калека, затемненная улица. Призрак, которого нет. Голодная племянница. В чем ее голод? Суматоха впечатлений и чувств, вспышка красного и пурпурного цвета, воспоминания о занятиях в Университете Микровски, телеборьба в Палладиуме, свидание у Кайтопа.

«Расслабление — первый шаг к восстановлению».

Экс вызвал голубизну. Все мысли провалились в огромную голубую пропасть.

Медленно он достигал желаемого холода в мозгу. В него начала просачиваться глубочайшая умиротворенность. Медленно, утешающе...

— ЭДВАРД ЭКС!

— Да?

Экс открыл глаза, расслабление оказалось поверхностным. Он осмотрелся и обнаружил, что это был дядин голос.

— Возьмите это.

В комнату влетела маленькая сфера и остановилась перед Эксом. Казалось, она сделана из блестящего твердого пластика.

— Что это? — спросил Экс.

— Вы положите эту сферу внутри нужного мне здания, — сказал голос дяди Джона, игнорируя вопрос. — Оставьте ее за дверью, на столе, в пепельнице — где угодно. Потом возвращайтесь прямо сюда.

— Что сделает ваша сфера? — спросил Экс.

— Не ваша забота, сфера — вершина психического треугольника, сущность которого вы не поймете. Достаточно сказать, что она никому не принесет вреда, а мне окажет огромную помощь.

— Кажется, в городе ищут меня, — сказал Экс, — и возьмут, как только я вернусь в центр.

— Вы забыли о моей помощи, Экс. Вы будете в безопасности, если не свернете с маршрута, который я вам намечу.

Экс колебался. Он хотел знать больше о дяде и его игре. А самое главное, почему он маскируется под духа?

Или он и есть дух?

Если так, то что хочет сделать дух с Землей? Классические сказки о демонах, ищущих временной власти, до смешного переполнены сырым антропоморфизмом.

— Вы оставите меня одного после возвращения?

— Я вам дал слово. Удовлетворите мое желание и будете иметь убежище, в котором нуждаетесь. Сейчас идите. Маршрут у Кари. Она за дверью.

Голос умолк. Даже своими притупленными чувствами Экс смог ощутить исчезновение контакта.

Он пошел к дверям со сферой в руке. Кари ждала.

— Здесь инструкции, — сказала она.

Экс пристально посмотрел на девушку. Утраченные психоспособности... Многое бы он отдал, чтобы узнать, что скрывает это спокойное симпатичное лицо. Пси никогда не утруждали себя чтением лиц. Аура, окружающая каждого индивидуума, была лучшим индикатором.

Если иметь нормальную пси-чувствительность для ее прочтения.

Солнечный свет ослепил Экса после двух дней полутьмы в маленькой комнате. Он замигал и автоматически оглянулся. Вокруг никого не было.

Они молча шли, следуя инструкциям дяди Джона. Экс бросал взгляды направо и налево, уверенный в своей уязвимости перед ищейками.

Инструкция предлагала извилистый и бессмысленный путь, дважды проходящий по одним и тем же улицам, но обходящий другие. У западного Бродвея пришлось выйти из трущоб на территорию пси.

— Твой дядя говорил тебе когда-нибудь, что хочет сделать? — спросил Экс.

— Нет, — ответила Кари.

Они опять пошли молча. Экс пытался смотреть в небо, где в любой момент ожидал увидеть пси-офицеров, падающих, как ангелы-мстители.

— Бывает, я боюсь дяди Джона, — отважилась Кари некоторое время спустя. — Иногда он такой странный.

Экс растерянно кивнул. Он подумал о положении девушки. Действительно, ей было хуже, чем ему. Он знал об игре. Она же использовалась для какой-то неизвестной цели и, возможно, была в опасности.

— Слушай, — сказал Экс, — если что-нибудь случится, знаешь ли ты бар Энглера на углу Листай и Бликера?

— Нет, но я могу найти его.

— Будешь ждать меня там, если что-нибудь произойдет.

— Хорошо, спасибо.

Экс криво усмехнулся. Какой идиотизм с его стороны опекать эту девушку, когда он не может помочь себе!

Они прошли еще несколько кварталов. Потом девушка нервно посмотрела на Экса.

— Есть одна вещь, которую я не могу объяснить, — сказала она. — Ну... Я иногда вижу события, которые только еще должны произойти. Картины чего-то. Я никогда не знаю, когда точно, но через некоторое время это случается.

— Интересно, — сказал Экс, — возможно, ты обладаешь задатками ясновидения и должна пойти в Университет Микровски. Они всегда искали таких людей.

— До сих пор все, что я видела, происходило.

— Прекрасный результат.

Эксу стало интересно, к чему клонит девушка. Ждет похвалы? Нельзя же быть настолько наивной, чтобы считать себя единственным в мире человеком, обладающим скрытым ясновидением!

— Мой дядя тоже до сих пор был прав во всем, что говорил.

— Очень хорошо, — рассеянно сказал Экс.

У него не было времени для семейного панегирика. Они достигли Сороковой улицы, и в воздухе было темно от пси. Пешком шло мало людей, очень мало.

Оставалось пройти два квартала.

— Что мне интересно, — не успокаивалась девушка, — так это когда я вижу, что события пойдут одним путем, а мой дядя предсказывает другое. Кто из нас будет прав?

— Что ты имеешь в виду?

— Мой дядя говорит, что ты будешь в безопасности, а я не согласна.

— Что? — Экс остановился.

— Я думаю, они попытаются захватить тебя сейчас, — сказала девушка.

Экс посмотрел на нее и оцепенел. Не нужно было обладать пси-энергией, чтобы почувствовать себя в капкане.

Люди из службы здоровья уже не были такими нежными. Телепатическая сила сбила его с ног, больно нагнула голову, схватила руки и ноги.

Психически. Ни одна рука не коснулась его.

Экс боролся в слепой ярости. Арест, казалось, избавил его от последних признаков неустойчивости. Он отчаянно попытался разорвать телекинетические путы.

И он почти сделал это. К нему пришла мощь. Он освободил руки, ухитрился подняться в воздух и в неистовстве устремился в высоту.

Но тут же шлепнулся на тротуар.

Опять попытался, приложив сверхчеловеческие усилия...

И потерял сознание...

Последняя мысль мелькнула в мозгу у Экса: дядя надул его...

Он точно убьет его, если представится удобный случай.

А потом была чернота.

Встречу в службе здоровья мира созвали сразу же. Мэрин в штаб-квартире в Нью-Йорке открыл специальный канал. Руководители в Рио, Лондоне, Париже, Кантоне собрались на чрезвычайное заседание.

Плотно сжатая Мэрином информация была распространена по миру меньше чем за минуту. И сразу стали поступать вопросы.

— Я хотел бы узнать, — сказал шеф пси-здоровья из Барселоны, — как Экс ДВАЖДЫ убегал от вас?

Мысль сопровождалась его неизменной идентификационной структурой. Лицо шефа из Барселоны было еле различимо: высокий, грустный, усатый. Конечно, не его истинное лицо. Идентификационная структура всегда идеализировала своего хозяина по его желанию. В действительности барселонец был низенький, толстый и чисто выбритый.

— Второй побег — среди бела дня, не так ли? — спросил берлинский шеф.

Члены руководства увидели его идеализированное лицо, широкое и энергичное.

— Действительно. Я не могу это объяснить. — Мэрин сидел за своим черным столом.

— Вот полная последовательность событий.

Телепатирование продемонстрировало сцену за спиной.

После атаки летящего кинжала Мэрин сосредоточил своих людей вокруг точки, где, по словам информатора Крэндола, должен был появиться Экс.

— Этот информатор. Кто...

— Позднее. Дайте закончить.

Полсотни агентов перекрыли весь район. Экс появился вовремя в указанном месте. Поначалу его удерживали с незначительными трудностями, во время борьбы он продемонстрировал легкое нарастание скрытых сил, потом не выдержал...

И вдруг энергетический потенциал Экса увеличился прыжком, подобным взрыву. Экс пропал.

С разрешения Мэрина его воспоминания об этом моменте были извлечены и исследованы более скрупулезно. Картина ос-

тавалась неясной. В одно мгновение Экс был — в следующее его не стало.

Показ образов был замедлен до одного в половину секунды. На такой скорости удалось заметить ореол энергии вокруг Экса перед тем, как он исчез. Уровень ее был настолько высок, что источник практически невозможно было определить.

Никакого разумного объяснения этому не было.

Впечатления отдельных агентов, как и предсказывал Мэрин, были просмотрены без какого-либо результата.

— Не потрудится ли нью-йоркский шеф пси-здоровья предложить свои объяснения?

— С тех пор как Экс стал калекой, — заявил Мэрин, — я все время предполагал, что ему кто-то помогает.

— Есть другая возможность, — сказал шеф из Варшавы. Его идеализированный образ появился вместе с мыслями: худой, с белыми волосами, веселый. — Экс наткнулся на какую-то еще не открытую форму пси-энергии.

— Это выходит из сферы возможного, — телепатировал барселонец с грустными глазами.

— Не совсем. Подумайте о появлении первых пси. Они были поначалу дикими талантами. Почему следующая мутация не может стать очередной стадией дикого таланта?

— Ужасное предзнаменование, — сказал шеф из Лондона, — но если так, то почему Экс не использует свою силу для своей выгоды?

— Возможно, он не уверен в ней, возможно, он имеет присущую только ему систему защиты, которая предохраняет его от опасности в стрессовые моменты. Я не знаю, — сказал Мэрин. — Все это, конечно, возможности. Все мы уверены, что существует еще много нетронутых тайн разума. Еще...

— Аргументом против твоей теории, — вмешался варшавянин, телепатируя прямо Мэрину, — является тот факт, что некто, помогающий Эксу, должен обладать сверхэнергией пси. Он должен иметь ее хотя бы для осуществления почти мгновенного исчезновения. Если он сделал это, то как он мог допустить такую случайность...

— Или кажущуюся случайность, — сказал лондонец, — возможна проба сил. Подсовывая Мэрину Экса, такая группа могла предвидеть соотношение между своими возможностями и возможностями всех пси. Повторившаяся невозможность схватить Экса может означать многое.

— Сомнительно, — осторожно сказал Мэрин.

Он находил, что дискуссия интересна, но лишь в академическом плане. Казалось, что она не принесет никакой практической пользы.

— Как насчет информатора, сообщившего Крэндолу? — телепатировал барселонец. — Его спросили?

— Не сумели найти. Он блокировал идентифицирующую мысленную волну, а мы потеряли след.

— Что вы планируете делать?

— Во-первых, — сказал Мэрин, — предупредить вас. В этом основной смысл нашей встречи, ведь носитель может покинуть Нью-Йорк. Показатель болезни перешагнул минимальный эпидемический уровень. Можно предполагать расширение, хотя я и закрываю город. — Он помолчал и вытер лоб. — Во-вторых, я собираюсь лично выслеживать Экса, работая по новой системе вероятности поиска, предложенной Крэндолом. Бывает так, что один человек в состоянии сделать то, чего не могут многие.

Мэрин продолжал обсуждение еще полчаса и разорвал контакт. Он немного посидел, уныло сортируя бумаги. Потом, постаравшись отделаться от чувства безнадежности, отправился к Крэндолу.

Крэндол был в своем отделе в гробнице Спящего. Когда Мэрин влетел, он невразумительно поздоровался и пододвинул стул.

— Я хотел бы посмотреть на твою систему вероятностного поиска, — попросил Мэрин.

— Хорошо, — буркнул Крэндол. — Ничего особенного, просто список улиц и времен.

Для того чтобы получить всю эту информацию, Крэндол произвел корреляцию огромного количества данных. Места исчезновения Экса, его новых появлений, его психологический индекс плюс суммарная корреляция потайных мест, подходящих калеке тем, что в них его невозможно обнаружить.

— Я думаю, у тебя довольно хорошие шансы найти его, — усмехнулся ученый. — Но вот взять — это совсем другое дело.

— Знаю, — ответил Мэрин, — я уже обдумал свое решение. — Он отвел взгляд от Крэндола. — Я должен буду убить Экса.

— Знаю.

— Что?

— Да, ты не можешь рисковать, оставляя его и дальше на свободе. Показатели распространения инфекции растут.

— Действительно. Полиция департамента здоровья помещает в карантин всех больных. Дело касается общественной безопасности. Очевидно, Экс не может быть схвачен. Посмотрим, можно ли его убить.

— Хорошей охоты. Я уверен, что тебе повезет больше, чем мне.

— Что-то со Спящим?

— Последняя попытка провалилась. Даже не пошевелился.

Мэрин нахмурился. Это были плохие новости. Именно сейчас-то им и пригодился бы интеллект Микровски. Он был именно тем человеком, который мог разобраться со всеми этими случаями.

— Хочешь посмотреть на него? — спросил Крэндол.

Мэрин бросил взгляд на свой вероятностный список и увидел, что до первой встречи на улице остался еще почти час. Он кивнул и последовал за Крэндолом. По тусклому коридору они спустились к лифту, а потом прошли еще один коридор.

— Ты никогда не был здесь? — спросил Крэндол в конце коридора.

— Нет. Но я помогал рисовать план перестройки десять лет тому назад.

Крэндол отомкнул последнюю дверь.

Спящий лежал в ярко освещенной комнате. По трубкам, подходящим к его рукам, подавался питательный раствор, поддерживающий жизнь. Кровать, на которой находился Спящий, медленно массировала его вялые мышцы. Лицо Спящего было белым и ничего не выражающим, как и все последние тридцать лет. Лицо мертвеца. Еще живого.

— Хватит, — не выдержал Мэрин. — Я достаточно поражен.

Они поднялись наверх.

— Учти, улицы, которые я перечислил, находятся в трущобах, — сказал Крэндол, — следи за каждым своим шагом. В таких местах еще встречаются антисоциальные явления.

— Я сам чувствую себя довольно антисоциально, — ответил Мэрин.

Он левитировал к окраине трущоб и там спустился на улицу. Чувствительный тренированный разум был настроен на прием. Мэрин шел в поисках вялой, почти сгладившейся пульсации. Носитель инфекции! Паутина чувств Мэрина растянулась на кварталы, просеивая, ощущая, сортируя.

Если Экс жив и в сознании — он найдет его.

И убьет.

— Ты дурак! Невежа! Слабоумный! — орал на Экса голос, лишенный тела.

Сквозь туман Экс понял, что находится в трущобах, у Кари в комнате.

— Я дал тебе описание пути! — визжал дядя Джон, и его голос отражался от стен. — Ты сделал неправильный поворот!

— Я его не делал.

Экс поднялся. Ему было интересно, как долго он пролежал без сознания.

— Не спорь со мной! Сделал. И ты должен пойти снова.

— Минутку, — спокойно сказал Экс, — я не знаю, в чем ваша игра, но я следовал всем вашим письменным инструкциям. Я поворачивал на всех улицах там, где вы указали.

— Нет!

— Прекратите этот фарс! — крикнул Экс. — Кто вы, черт возьми!

— Иди! — взревел дядя Джон. — Иди, или я убью тебя!

— Не делайте глупостей, — сказал Экс. — Скажите мне, что вам надо. Объясните, что вы предлагаете мне сделать. Объясните! Я не могу работать хорошо, не зная цели.

— Иди, — зловеще сказал голос.

— Не могу, — ответил Экс в отчаянии, — почему бы вам не сбросить эту маску духа и не сказать мне, что вы хотите? Я — обыкновенный человек. Везде офицеры службы здоровья. Они убьют меня. Сначала мне надо восстановить свои возможности. Но я не могу...

— Ты идешь? — спросил голос.

Экс не ответил.

Невидимые руки сдавили шею Экса. Он рванулся. Захват стал крепче. Какая-то сила била Экса об стенку. Он крутился, пытаясь избавиться от безжалостного избиения. Воздух стал живым от переполнявшей его энергии, он давил, швырял, сплющивал...

Мэрин почувствовал возрастание выхода энергии. Он проследил его и зафиксировал. Затем левитировал к месту расположения, пытаясь идентифицировать структуру.

— Экс!

Мэрин проломил непрочную деревянную дверь и остановился. Он увидел скрюченное тело Экса.

В комнате обитала сила берсеркера. Внезапно Мэрин обнаружил, что ему приходится отчаянно сражаться, пытаясь спасти собственную жизнь. Закрывшись, он нанес удар по телекинетической мощи, нараставшей вокруг.

Стул был поднят и брошен в Мэрина. Тот отклонил его, но получил удар сзади кувшином. Кровать пыталась прижать Мэрина к стене. Увернувшись, он получил столом по спине. Лампа врезалась в стену над головой, осыпав его осколками. Метла бросилась под колени...

Защищаясь, Мэрин определил источник пси-энергии. Он был в подвале здания.

Мэрин послал туда волну угроз, стал метать стулья и столы. Атака внезапно прекратилась. Комната напоминала свалку ломаной мебели.

Мэрин оглянулся. Экс опять исчез. Поиски его идентификационной волны тоже были безуспешны.

Человек из подвала?!

И этот исчез. Но остался след!

Мэрин выскочил из окна, направляясь по следу. Обученный такой работе, он держал контакт с ослабленной приглушенной мыслью по мере того, как ее обладатель мчался в город. Погоня шла по извилистому лабиринту зданий и на открытом пространстве.

Если бы только удалось схватить и задержать соучастника! Мэрин постоянно сокращал дистанцию между собой и человеком, помогавшим Эксу и атаковавшим Экса. Тот летел прочь из города, на Запад.

— Стакан пива, пожалуйста, — сказал Экс, стараясь отдышаться. Хорошая получилась пробежка. К счастью, бармен был нормалом, притом довольно флегматичным. Он вяло повернулся к крану.

В глубине бара Экс увидел Кари. Девушка прислонилась к стене. Слава богу, что запомнила! Он заплатил за пиво и направился к ней.

— Что случилось? — спросила Кари, глядя на его помятое лицо.

— Твой хороший дядя пытался убить меня, — скривился Экс, — потом вломился офицер службы здоровья, и я оставил их драться.

Во время драки Экс выскользнул за дверь. Он рассчитывал, что низкая интенсивность мыслей скроет его. Покалеченный, он вряд ли в состоянии излучать идентифицирующие волны. Иногда утрата телепатических способностей оказывалась ценным качеством.

— Не понимаю, — Кари грустно покачала головой. — Ты можешь не поверить, но дядя Джон всегда был хорошим человеком. Это был самый безвредный человек, которого я знала. Не понимаю.

— Это просто, — сказал Экс, — попробуй понять. Он — не дядя Джон. Какой-то пси очень высокого класса под него маскировался.

— Но почему? — спросила девушка.

— Не знаю. Он спасает меня, потом пытается сделать так, чтобы меня схватили, потом пытается убить. Это бессмысленно.

— Что нам делать сейчас?

— Сейчас конец. — Экс допил пиво.

— Разве нет места, куда бы мы могли пойти, — спросила Кари, — где можно спрятаться?

— Я такого не знаю. И тебе лучше идти одной. Я — слишком опасная личность.

— А я не пойду, — заявила она.

— Почему? — поинтересовался Экс.

— Не пойду.

Даже без телепатии Экс мог понять, что имела в виду Кари. Он мысленно выругался. Идея, что девушка тоже каким-то образом отвечает за всю эту историю, ему не нравилась. Служба пси-здоровья должна быть в отчаянии. За последнее время им досталось не раз. А это ожесточает.

— Уходи. — Экс был тверд.

— Нет!

— Ну что ж, пойдем. Мы должны уходить как можно скорее. Единственное, о чем я могу думать, — это как выбраться из города. Именно с этого надо было начинать, а не играть с духами. Сейчас, без сомнения, слишком поздно. Офицеры службы здоровья будут проверять каждого пешехода. Ты можешь использовать свое ясновидение? Тебе что-нибудь видно?

— Нет, — грустно ответила Кари, — в будущем пусто.

Экс видел то же самое.

Мэрин чувствовал, что обладает большей мощью, чем человек, которого он преследовал. Появились признаки, что тот слабеет, и Мэрин поднажал.

Беглец был уже виден, до него оставалось около мили. Приблизившись, Мэрин послал телекинетический удар, сбросив противника на землю.

Тот упрямо сопротивлялся. Мэрин догнал его и прижал к земле. Потом поискал его идентифицирующую волну.

И нашел.

Крэндол!!!

Мгновение Мэрин мог только таращить глаза.

— Ты взял Экса? — телепатировал Крэндол.

Напряжение полностью истощило его. Толстяк боролся за каждый вздох.

— Нет. Ты был его помощником все это время? Правда?

В мыслях Крэндола читалось подтверждение.

— Как ты мог? — телепатировал Мэрин. — О чем ты думал? Ты же знаешь, что такое болезнь.

— Я объясню позднее, — Крэндол задыхался.

— Сейчас!

— Нет времени. Ты должен найти Экса.

— Знаю. Но почему ты помогал ему?

— Я не помогал, — ответил толстяк, — я не по-настоящему. Я пытался убить его. А ты ДОЛЖЕН его убить. — Он поднялся. — Экс представляет куда большую опасность, чем ты думаешь. Поверь мне, Мэрин. Он должен быть убит.

— Почему ты спасал его?

— С целью вовлечь в еще большую опасность. Я не мог захватить и изолировать Экса. Он должен быть убит.

— Объясни.

— Не сейчас, — покачал головой Крэндол. — Это я послал в тебя кинжал, чтобы убедить в опасности Экса. Я вывел тебя в точку, где ты мог убить его.

— Кто он? Что он?

— Не сейчас! Расправься с ним!

— Но ты не обладаешь такой большой телекинетической силой. Кто был с тобой?

— Девушка, — сказал Крэндол, поднимаясь, — девушка Кари. Я выдавал себя за духа ее дяди. За всем этим стоит она. Ты должен убить ее тоже. — Он вытер пот, ручьями текущий по лицу. — Извини, Пол, что я действовал подобным образом. В свое время ты услышишь эту историю полностью. Главное — поверь мне сейчас.

Крэндол затряс перед Мэрином кулаками.

— Ты должен убить этих двоих! До того как они убьют все, что тебе дорого!

Мэрин видел, что Крэндол не врет. Мэрин поднялся в воздух, связался с агентами и проинструктировал их.

— Убейте этих двоих. Возьмите Крэндола и держите его под прицелом.

Экс направился вниз по улице, надеясь, что отсутствие плана собьет пси. Каждая тень пугала. Он ожидал телекинетического удара, который наконец уничтожит его.

Почему дядя пытался убить его? Ответить невозможно. В чем его кажущаяся важность? Еще один вопрос без ответа. А девушка?

Экс наблюдал за ней уголком глаза. Кари шла молча. Ее лицо покрылось румянцем и оживилось. Она казалась почти веселой. Возможно, свобода от дяди и была этому причиной. Какая еще могла быть причина?

То, что она с ним?

Воздух был наполнен обычным движением дня. Летели

тонны руды под присмотром дюжины опытных рабочих. Приплывали грузы с юга: фрукты и овощи из Бразилии, мясо из Аргентины.

И пси-офицеры. Экс не особенно удивился. Город охранялся слишком бдительно. Убежать было невозможно, тем более калеке.

Пси-офицеры опускались, формируя плотную фронтальную цепь.

— Ну хорошо, — сказал Экс, — черт с вами, я сдаюсь.

Он пришел к выводу, что сейчас тот случай, когда можно уступить неизбежному. Стоило подумать о девушке. Пси устали от игр. Если он попытается, они могут сыграть слишком жестоко.

Поток энергии сбил его с ног.

— Я же сказал, что сдаюсь! — крикнул Экс.

Сзади Кари тоже упала. Энергия смела их, завертела по двору. Ее поток усиливался, возрастал.

— Прекратите! — крикнул Экс. — Вы нас...

У него было время, бесконечно малая доля секунды, чтобы полностью разобраться в своем отношении к девушке. Он не мог допустить, чтобы с ней что-нибудь случилось. Экс знал, что это было Чувство.

Грустное и горькое ощущение любви.

Экс попытался подняться. Очередь ментальной энергии сбила с ног, не дала устоять. К нему летели камешки и булыжники.

Экс осознал, что ему не позволят сдаться. Его намереваются убить.

И Кари.

Он попробовал защититься, хотя и знал о своей слабости, попробовал укрыть Кари. Девушка согнулась: булыжник ударил ее в живот. Камни свистели вокруг.

Увидев, что Кари получила такой удар, Экс пришел в ярость. Он сумел подняться и пройти два шага вперед.

Его опять сбили. Часть стены начала обрушиваться на них под действием пси-силы. Он попытался вытащить Кари. Слишком поздно. Стена падала...

И в этот момент Экс перескочил через пропасть. Его измученный перенапряжением разум совершил прыжок на новый энергетический уровень. Понимание мгновенно заполнило разум Экса.

Стена обрушилась, но Экса и Кари под ней не было.

— МЭРИН!

Шеф службы пси-здоровья уныло поднял голову. Он сидел за своим столом. Это случилось опять.

— МЭРИН!

— Кто это?

— Экс.

Сейчас уже ничто не могло его удивить. Не важно, что Экс владеет узконаправленной телепатией.

— Что ты хочешь?

— Я хочу встретиться. Назови место.

— Где пожелаешь, — ответил Мэрин с холодным отчаянием. Любопытство переполняло его. — Как ты можешь телепатировать?

— Все пси могут телепатировать, — поддразнивая, ответил Экс.

— Так где же? — спросил Мэрин.

Он попытался проследить за посланием. Но Экс настолько легко управлял узким лучом, что позволял проходить только посланию.

— Я хочу немного покоя, — сказал Экс, — так что я сейчас в гробнице Спящего. Не мог бы ты встретиться со мной здесь?

— Приду. — Мэрин разорвал контакт. — Леферт, — сказал он.

— Да, шеф. — Ассистент вошел в комнату.

— Я хочу, чтобы ты руководил, пока я не вернусь. Если я вернусь.

— Как там Экс? — спросил Леферт.

— Я не знаю. Я не знаю, какой энергией он обладает. Я не знаю, почему Крэндол хотел убить его, но я согласен с приговором.

— Нам можно бомбить гробницу?

— Нет ничего быстрее мысли, — ответил Мэрин. — Экс открыл какую-то форму нуль-транспортировки и сможет исчезнуть еще до того, как бомба упадет. — Он помолчал. — Есть еще способ, но я больше не буду говорить об этом. Экс может прослушать наш разговор.

— Невозможно! Это прямая направленная беседа. Он не мог...

— Он не мог, но убежал, — устало напомнил Мэрин. — Мы недооцениваем мистера Экса. Отныне считай его всемогущим.

— Хорошо, — сказал Леферт в сомнении.

— У тебя есть последние цифры показателя инфекционности? — спросил Мэрин, подходя к окну.

— Они превосходят эпидемические. Болезнь перепрыгнула пределы города.

— Это сейчас не проверить. Мы были сбиты с утеса. И упали с той стороны. Нам повезет, если за год мир потеряет только тысячу пси. — Мэрин сжал кулаки. — За одно это я мог бы разрезать Экса на мелкие кусочки.

...Первым, кого увидел Мэрин, войдя в комнату Спящего, был сам Микровски, лежащий в саркофаге. За ним стояли Экс и девушка.

— Мне хотелось, чтобы ты встретился с Кари, — улыбнулся Экс.

— Я хотел бы получить объяснение. — Мэрин не обращал внимания на изумленную девушку.

— Конечно. Для начала ты хочешь узнать, кто я?

— Да.

— Я — следующая стадия пси. Парапси.

— Понимаю. И это пришло...

— Когда вы пытались убить Кари.

— Начни-ка лучше с другого, — сказал Мэрин. Перед тем как сделать последний шаг, он предполагал услышать объяснение. — Почему ты вытащил из Спящего питающие трубки?

— Потому что Микровски больше в них не нуждается, — ответил Экс.

Он повернулся к Спящему, и комната загудела от энергии.

— ХОРОШО СДЕЛАНО, ЭКС.

На мгновение Мэрин подумал, что телепатировала девушка. Потом сообразил, что это был сам Микровски.

— Некоторое время он еще будет в полубессознательном состоянии, — сказал Экс, — позволь мне пока начать с самого начала. Как тебе известно, тридцать лет назад Микровски искал сверхпси-мощь. Чтобы найти ее, он разделил разум и тело. Потом, уже обладая знанием, он был не в состоянии вернуться в тело. Для этого требовался переход на более высокий энергетический уровень, а без находящейся под командой нервной системы он не мог овладеть такой мощью. Не мог ему помочь и никто из обычных пси. Для достижения нового уровня все нормальные каналы должны быть блокированы и перенаправлены, а вся нервная система должна оказаться под ужасным перенапряжением. Короче, я — первый настоящий пси, овладевший подобным методом.

— Так ты не мутант? — озадаченно спросил Мэрин.

— Мутация здесь ни при чем. Дай мне продолжить. Микровски не мог сам без помощи перескочить через пропасть. Для этого нужен был я.

— Не только. Также ты, — телепатировал Микровски Мэрину, — и девушка, и Крэндол. Я был с ним в телепатическом контакте. Вместе с Крэндолом мы выбрали Экса для эксперимента. Сам Крэндол не годился из-за неподходящей нервной системы. Экса взяли за его темперамент и чувствительность. И, я должен добавить, за его эгоизм и мнительность. Все было предусмотрено, включая роль Кари.

Мэрин холодно слушал. Пусть объяснит. У него есть собственный ответ. Окончательный.

— Во-первых, перекрытие каналов. Пси-чувства Экса были блокированы. Потом его ввели в стрессовую ситуацию: назревающий арест, изоляция. И то и другое неприемлемо для его натуры. Когда он оказался не в состоянии перескочить пропасть, Крэндол спас его с моей помощью. С Крэндолом, выдающим себя за дядю Кари, мы угрожали жизни Экса, усиливая стресс.

— Так вот что имел в виду Крэндол, — пробормотал Мэрин.

— Да, Крэндол сказал тебе, что ты должен убить Экса. Это правда. Ты должен был попробовать. Он сказал, что девушка — ключ ко всему. И это тоже правда. Потому что лишь когда под угрозой оказалась жизнь Экса и девушки, был достигнут сильнейший из стрессов, который мы могли создать. Экс перебрался через пропасть к более высокому потенциалу. За этим немедленно пришло понимание.

— И он вернул тебе твое тело, — добавил Мэрин.

— И он вернул мне мое тело, — согласился Микровски.

Мэрин знал, что он должен делать, и поблагодарил Бога за предусмотрительность службы пси-здоровья.

— Итак, если я правильно понял, все это: заражение Экса, его чудесные спасения, все хитрости, что ты использовал, — предназначались для того, чтобы создать силу достаточно большую, чтобы вернуть тебя в твое тело?

— Это одна из частей, — ответил Микровски, — другая часть — создание в лице Экса другого парапси.

— Очень хорошо, — сказал Мэрин. — Вам будет интересно узнать, что служба пси-здоровья всегда размышляла над одной возможностью: возвращение Спящего, но безумного Спящего. На такой случай эта комната подготовлена для атомного взрыва. Все четыре стены, пол, потолок закрыты мною. Атомный взрыв не мгновенный, — в его улыбке не было юмора, — но я сомневаюсь, что парапси — переход более быстрый. Скорость моих мысленных способностей такая же, как у вас. Я собираюсь взорвать это место.

— Твои люди из службы здоровья подозрительны, — сказал Микровски, — но почему, ради всего святого, ты хочешь сделать подобную вещь?

— Почему? Ты осознаешь, что натворил? Ты вернул себе тело. Но болезнь вышла из-под контроля. Пси-наука на всех ее позициях уничтожена! И все из-за твоего эгоизма, — мысленно Мэрин достал ключ.

— Подожди! — вмешался Экс. — Очевидно, ты не понимаешь. Это все временное возмущение. Правда. Никто не останется пораженным. Больные люди могут быть тренированы.

— Тренированы? Для чего?

— Парапси, конечно. Полное перекрытие каналов необходимо, чтобы совершить следующий парапсихологический шаг. Болезнь — это исходная точка. Нынешний уровень пси неустойчив. Если бы я его не покинул, это сделал бы кто-нибудь другой в ближайшие несколько лет.

— Дальше, когда появится несколько людей, перебравшихся через пропасть, будет легче, — добавил Микровски. — Так же как и начало пси. Остальное пойдет сравнительно легко, когда появятся первые достижения. Чем больше парапси — тем легче.

— Как я могу поверить? — тряхнул головой Мэрин.

— Как? Смотри!

Телепатия передает тонкие нюансы смысла, теряющиеся в разговорной речи. Состояние «правды» при телепатировании открывает, насколько человек, посылающий сигнал, верит этой «правде». Существует бесконечное число градаций «истины».

Как и Экс, Мэрин прочитал веру Микровски в парапси. На подсознательном уровне. Невообразимо «правдивая» истина! Больше не надо было никаких аргументов.

Внезапно Кари улыбнулась. Ее постигла одна из вспышек предчувствия. Приятного предчувствия.

— Помоги мне подняться, — сказал Микровски Мэрину, — и позволь обрисовать в общих чертах мою программу тренировок.

Мэрин направился к нему.

Экс усмехнулся. Он прочитал предвидение Кари.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Честно говоря, это воззвание. Но я намерен предварить его небольшой справкой.

Как известно, решающим днем для человечества стало 5 апреля 2084 года, когда радарами была обнаружена ядерная ракета с разделяющимися боезарядами. Место ее запуска определить так и не удалось, целью же являлся принадлежавший ООН спутник, орбита которого проходила примерно над земным экватором.

Американцы тут же нанесли по нарушительнице спокойствия ракетно-ядерный удар, забыв, к сожалению, проинформировать кого бы то ни было о своих намерениях, и русские, неверно истолковав действия американцев, разумеется, тут же выпустили ракеты-перехватчики. Их примеру последовали анг-

личане, затем французы, немцы, поляки и все остальные, утверждая, что действуют исключительно в целях самообороны. Спор по этому поводу еще продолжался, когда высоко над Землей, в космосе, все эти ракеты встретились и произошел чудовищный, мультимегатонный взрыв.

Возникшая в результате взрыва волна рассеялась в космическом пространстве, не причинив Земле особого вреда. Ожидаемого повсеместно выпадения смертельных для всего живого радиоактивных осадков так и не произошло, ибо чрезвычайной силы взрывная волна как бы разделила поток радиоактивных частиц на гравитоны и антигравитоны, основные мельчайшие составляющие материи. Гравитоны спокойно опустились на Землю, а антигравитоны вихрем унеслись в космос.

Но возникла иная опасность. Из-за взрыва мощностью около 500 мегатонн в атмосфере Земли образовалось плотное облако пара, окутавшее Землю кольцом толщиной миль в двадцать и абсолютно непроницаемое для солнечных лучей; такова, например, атмосфера на Венере. Началась долгая ядерная зима.

Земля погрузилась во мрак. Температура всюду стремительно падала. Водные источники, не превосходившие размерами Каспийского моря, промерзли до дна. Над поверхностью планеты свирепствовали бураны, неся смерть и разрушения. Из черных небес непрерывно валил снег.

Лишившись солнечного света, растительность на Земле была приговорена, а без растительности обречено на смерть было и все живое, включая человека. Люди в отчаянии искали хоть какой-нибудь выход, пока окончательно не иссякли последние жалкие запасы продовольствия и топлива.

И вот итальянскому биохимику Луиджи Франчетти удалось обнаружить некий мутировавший подвид норвежской крысы, который обладал способностью существовать без пищи и при отрицательных температурах неопределенно долго. Печень этой крысы «научилась» вырабатывать некий уникальный фермент, который в сочетании с водой превращался в сложный белок, отлично поддерживавший жизнь животного. В синтезированном виде это вещество стало известно как «пищевое соединение номер один».

В наши дни «пищевое соединение номер один», по сути дела, является основой всей нашей цивилизации. В лабораторных условиях ученые могут придать ему вид и вкус любой пищи. А поскольку в нем содержится большое количество летучих масел, его можно использовать также для отопления и освещения помещений. Пройдя специальную переработку, это замечательное вещество является весьма прочным строительным материалом; может оно применяться и в машиностроении. А из

отходов перечисленных производств и процессов мы научились создавать синтетические волокна дивной красоты и прочности. Ткань, изготовленная из них, имеет вид и текстуру лучших натуральных шелков, которые кое-кто из старейших жителей Земли еще помнит как некий предмет роскоши. Благодаря простоте производства «пищевого соединения номер один» все население планеты полностью обеспечено пищей, жильем и одеждой, что, в свою очередь, является благом для нашей теперешней, в высшей степени миролюбивой цивилизации.

Психоисторикам практически ясна причина дикарских жестокостей нашего недавнего прошлого. Ученые убеждены, что чрезмерное разнообразие продуктов питания и типов климата постоянно оказывало на жителей разных стран возбуждающее воздействие, которое в итоге чуть не стало фатальным для мировой цивилизации. Влияние патологического многообразия условий обитания усугублялось весьма, как известно, вредоносным воздействием солнечных лучей. Все вместе это и послужило причиной усиления расовых, политических и ментальных различий, приведя человечество к вспышкам насилия и войнам, разорявшим Землю в течение многих тысячелетий.

С безошибочной мудростью оценивая собственное прошлое, мы понимаем теперь, что энергия прямого солнечного излучения и многочисленные климатические факторы — не говоря уж о совершенно варварском использовании нашими предками различных натуральных продуктов, об их упорном предпочтении одежды из естественных волокон и о фанатической приверженности значительной части населения к бегу трусцой и аэробике, некогда считавшихся чем-то вроде оздоровительного ритуала, — оказали самое разрушительное воздействие на человечество в целом. К счастью, мы вовремя осознали значение отказа от натуральных продуктов питания и от «купания» в радиоактивных лучах, исходящих от телевизионных экранов, у которых люди проводили так много времени. В результате мы стали обладателями завидного здоровья — как отдельные индивиды, так и общество в целом, — и если кто-то из нынешних людей не выдерживает испытания холодом и умирает, не прожив на свете и двух веков, то это считается из ряда вон выходящим событием. Отгородившись своеобразным щитом от иссушающей солнечной радиации, мы сумели — впервые в истории нашей планеты! — создать общество мира и всеобщего процветания.

Итак, в чем же основной смысл моего воззвания? Не так давно ученые обнаружили, что плотное кольцо облаков, окутывающих нашу планету, начинает понемногу рассеиваться. Если срочно не предпринять соответствующих мер, мы можем ли-

шиться своего надежного и спасительного щита; солнечные лучи вновь пробьются на Землю и принесут губительное разнообразие климатических условий, типов растительности и животных, что, увы, было столь характерно для нашего печального прошлого. Вновь начнется убийственное соперничество рас, махровым цветом расцветет индивидуализм, порождая бесконечные войны. Это не просто сенсуалистские прогнозы. Необходимо немедленно предпринять конкретные шаги для сохранения облачности, не то будет поздно! Возможно, кому-то облака в небесах кажутся вечными, но поверьте: это, к сожалению, совсем не так!

А потому прошу вас: если к вам постучатся сборщики взносов в пользу Фонда Защиты Облачности, будьте по возможности щедрыми, поддержите это жизненно важное для всех нас предприятие! Сделайте свой вклад в общее дело и с гордостью носите небольшой черно-белый значок, на котором написан девиз нашего замечательного фонда: «Сохраним ночь на Земле!»

ТРИ СМЕРТИ БЕНА БАКСТЕРА

Судьба целого мира зависела от того, будет или не будет он жить, а он, невзирая ни на что, решил уйти из жизни!

Эдвин Джеймс, Главный программист, сидел на трехногом табурете перед Вычислителем возможностей. Это был тщедушный человечек с причудливым, некрасивым лицом. Большая контрольная доска, светившаяся над его головой, казалось, и вовсе пригнетала маленькую фигурку к земле.

Мерное гудение машины и неторопливый танец огоньков на панели навевали чувство уверенности и спокойствия, и, хоть Джеймс знал, как это обманчиво, он невольно поддался его баюкающему действию. Но едва он забылся, как огоньки на панели образовали новый узор.

Джеймс рывком выпрямился и провел рукой по лицу. Из прорези в панели выползла бумажная лента. Главный программист оборвал ленту и впился в нее глазами. Потом хмуро покачал головой и заспешил вон из комнаты.

Пятнадцать минут спустя он входил в конференц-зал. Там его уже ждали, рассевшись вокруг длинного стола, приглашенные на экстренное заседание.

В этом году появился у них новый коллега — Роджер Битти, высокий угловатый мужчина с пышной каштановой шевелюрой, уже слегка редеющей на макушке. Видно, он еще чувствовал себя здесь не очень уютно. С серьезным и сосредоточенным видом Битти уткнулся в «Руководство по процедуре» и нет-нет да и прикладывался к своей кислородной подушке.

Остальные члены совета были старые знакомые Джеймса. Лан Ил, подвижный, маленький, морщинистый и какой-то неистребимо живучий, с азартом говорил что-то рослому белокурому доктору Свегу. Прелестная, холеная мисс Чандрагор, как всегда, азартно сражалась в шахматы со смуглокожим Аауи.

Джеймс включил встроенный в стену кислородный прибор, и собравшиеся отложили свои подушки.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал Джеймс, — я только сейчас получил последний прогноз.

Он вытащил из кармана записную книжку.

— На прошлом заседании мы остановили свой выбор на Возможной линии развития ЗБЗСС, отправляющейся от 1832 года. Нас интересовала жизнь Альберта Левински. В Главной исторической линии Левински умирает в 1935 году, попав в автомобильную катастрофу. Но поскольку мы переключились на Возможную линию ЗБЗСС, Левински избежал катастрофы, дожил до шестидесяти двух дет и успешно завершил свою миссию. Следствием этого в наше время явится заселение Антарктики.

— А как насчет побочных следствий? — спросила Джанна Чандрагор.

— Они изложены в записке, которую я раздам вам позднее. Короче говоря, ЗБЗСС близко соприкасается с Исторической магистралью (рабочее название). Все значительные события в ней сохранены. Но есть, конечно, и факты, не предусмотренные прогнозом. Такие, как открытие нефтяного месторождения в Патагонии, эпидемия гриппа в Канзасе и загрязнение атмосферы над Мексико-сити.

— Все ли пострадавшие удовлетворены? — поинтересовался Лан Ил.

— Да. Уже приступили к заселению Антарктики.

Главный программист развернул ленту, которую извлек из Вычислителя возможностей.

— Но сейчас перед нами трудная задача. Согласно предсказанию, Историческая магистраль сулит нам большие осложнения, и у нас нет подходящих Возможных линий, на которые мы могли бы переключиться.

Члены совета начали перешептываться.

— Разрешите обрисовать вам положение, — сказал Джеймс. Он подошел к стене и спустил вниз длинную карту. — Критический момент приходится на 12 апреля 1959 года, и вопрос упирается в человека по имени Бен Бакстер. Итак, вот каковы обстоятельства.

Всякое событие по самой своей природе может кончиться по-разному, и любой его исход имеет свою преемственность в истории. В иных пространственно-временных мирах Испания могла бы потерпеть поражение при Лепанто, Нормандия — при Гастингсе, Англия — при Ватерлоо.

Предположим, что Испания потерпела поражение при Лепанто...

Испания была разбита наголову. И непобедимая турецкая морская держава очистила Средиземное море от европейских судов. Десять лет спустя турецкий флот захватил Неаполь и этим проложил путь мавританскому вторжению в Австрию...

Разумеется, все в другом времени и пространстве.

Подобные умозрительные построения стали реальной возможностью после открытия временной селекции и соответственных перемещений в прошлом. Уже в 2103 году Освальд Мейнер и его группа теоретически доказали возможность переключения исторических магистралей на побочные линии. Конечно, в известных пределах.

Например, мы не можем переключиться на далекое прошлое и сделать так, чтобы, скажем, Вильгельм Нормандский проиграл битву при Гастингсе. История Англии после этого пошла бы по иному пути, чего допустить мы не имеем права. Переключение возможно только на смежные линии.

Эта теоретическая возможность стала практической необходимостью в 2213 году, когда вычислитель Сайкса-Рэйберна предсказал вероятность полной стерилизации земной атмосферы в результате накопления радиоактивных побочных продуктов. Процесс этот можно было остановить только в прошлом, когда началось загрязнение атмосферы.

Первое переключение было произведено с помощью новоизобретенного селектора Адамса-Хольта-Мартенса. Планирующий совет избрал линию, предусматривающую раннюю смерть Базиля Юшо (а также полный отказ от его теорий о вреде радиации). Таким образом удалось в большой мере избежать последующего загрязнения атмосферы — правда, ценой жизни семидесяти трех потомков Юшо, для которых не удалось подыскать переключенных родителей в смежном историческом ряду. После этого путь назад был уже невозможен. Переключение приобрело роль, которую в медицине играет профилактика.

Но и у переключения были свои границы. Мог наступить момент, когда ни одна доступная линия уже не способна была удовлетворять нужным требованиям, когда всякое будущее становилось неблагоприятным.

И, когда это случилось, планирующий совет перешел к более решительным действиям.

— Так вот что нас ожидает, — продолжал Эдвин Джеймс. — И этот исход неизбежен, если мы ничего не предпримем.

— Вы хотите сказать, мистер программист, — отозвался Лан Ил, — что Американский континент может плохо кончить?

— К сожалению, да.

Программист налил себе воды и перевернул страницу в записной книжке.

— Итак, исходный объект — некто Бен Бакстер, умерший 12 апреля 1959 года. Ему следовало бы прожить по крайней мере еще десяток лет, чтобы оказать необходимое воздействие на рассматриваемые события. За это время Бен Бакстер купит у правительства Йеллоустонский парк. Он сохранит его и заведет там правильное лесопользование. Коммерчески это предприятие блестяще себя оправдает. Бакстер приобретет и другие обширные земельные угодья в Северной и Южной Америке. Наследники Бакстера на ближайшие двести лет станут королями древесины, им будут принадлежать огромные лесные массивы. Их стараниями — вплоть до нашего времени — на Американском материке сохранятся большие лесные районы. Если же Бакстер умрет...

И Джеймс безнадежно махнул рукой.

— Со смертью Бакстера леса будут истреблены задолго до того, как правительства осознают, что отсюда воспоследствует. А потом наступит Великая засуха ...03 года, которой не смогут противостоять сохранившиеся в мире лесные зоны. И наконец, придет наше время, когда в связи с истреблением лесов естественный цикл углерод — углекислый газ — кислород окажется нарушенным, когда все окислительные процессы прекратятся, а нам в удел останутся только кислородные подушки как единственное средство сохранения жизни.

— Мы опять сажаем леса, — вставил Аауи.

— Да, но, пока они вырастут, пройдут сотни лет, даже если применять стимуляторы. А тем временем равновесие может нарушиться еще больше. Вот что значит для нас Бен Бакстер. В его руках воздух, которым мы дышим.

— Что ж, — заметил доктор Свег, — магистраль, в которой Бакстер умирает, явно не годится. Но ведь возможны и другие линии развития.

— Их много, — ответил Джеймс. — Но, как всегда, большинство отпадает. Вместе с Главной у нас остаются на выбор три. К сожалению, каждая из них предусматривает смерть Бена Бакстера 12 апреля 1959 года.

Программист вытер взмокший лоб.

— Говоря точнее, *Бен Бакстер умирает 12 апреля 1959 года,*

во второй половине дня, в результате делового свидания с человеком по имени Нед Бринн.

Роджер Битти, новый член совета, нервно откашлялся.

— И это событие встречается во всех трех вариантах?

— Вот именно! И в каждом Бакстер умирает по вине Бринна.

Доктор Свег тяжело поднялся с места.

— До сих пор совет не вмешивался в существующие линии развития. Но данный случай требует вмешательства! — сказал он.

Члены совета одобрительно закивали.

— Давайте же рассмотрим вопрос по существу, — предложил Ааури. — Нельзя ли, поскольку этого требуют интересы миллионов людей, совсем выключить Неда Бринна?

— Невозможно, — ответил программист. — Бринн и сам играет важную роль в будущем. Он добился на бирже преимущественного права на приобретение чуть ли не ста квадратных миль леса. Но для этого ему и требуется финансовая поддержка Бакстера. Вот если бы можно было помешать этой встрече Бринна с Бакстером...

— Каким же образом? — спросил Битти.

— А уж как вам будет угодно. Угрозы, убеждения, подкуп, похищение — любое средство, исключая убийство. В нашем распоряжении три мира. Сумей мы задержать Бринна хотя бы в одном из них, это решило бы задачу.

— Какой же метод предпочтительнее? — спросил Ааури.

— Давайте испробуем разные, в каждом мире — свой, — предложила мисс Чандрагор. — Это даст нам больше шансов. Но кто же займется этим — мы сами?

— Что ж, нам и карты в руки, — ответил Эдвин Джеймс. — Тем более что мы лучше других знаем, что поставлено на карту. Тут требуется искусство маневрирования. Каждая группа будет действовать самостоятельно. Да и можно ли контролировать друг друга, находясь в разных временных рядах?

— В таком случае, — подытожил доктор Свег, — пусть каждая группа исходит из того, что другие потерпели поражение.

— Да так оно, пожалуй, и будет, — невесело улыбнулся Джеймс. — Давайте разделимся на группы и договоримся о методах работы.

1

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде сквозила недюжинная гордость, а крепко стиснутые губы выдавали непроходимое упрямство. В движениях проглядывала уверенность человека, неотступно следящего за собой и умеющего видеть себя со стороны.

Бринн уже собрался выходить. Он зажал под мышкой трость и сунул в карман «Американских пэров» Сомерсета. Никогда не выходил он из дому без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака золотой значок в виде восходящего солнца — эмблему его звания. Бринн был уже камергер второго разряда и немало этим гордился. Многие считали, что он еще молод для столь высокого звания. Однако все сходились на том, что Бринн не по возрасту ревностно относится к своим правам и обязанностям.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — простые обыватели, но были среди них и два шталмейстера. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, сэр камергер, — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, как и подобает в разговоре с простым смертным. Он неотступно думал о Бакстере. И все же краешком глаза приметил в кабине лифта высокого, ладно скроенного мужчину с золотистой кожей и широко расставленными глазами. Бринн еще подивился, что могло привести этого человека в их прозаический многоквартирный дом. Почти все жильцы были ему знакомы по ежедневным встречам, но скромное положение этих людей позволяло ему не узнавать их.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о незнакомце. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать в кафе «Принц Чарльз».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил Ааури.

— Похоже, с ним каши не сваришь! — сказал Роджер Битти.

Он дышал всей грудью, наслаждаясь свежим, чистым воздухом. Какая неслыханная роскошь — наглотаться кислорода! В их время даже у самых богатых закрывали на ночь кран кислородного баллона.

Оба следовали за Бринном на расстоянии полуквартала.

Его высокая, энергично вышагивающая фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Заметили, как он уставился на вас в лифте? — спросил Битти.

— Заметил, — ухмыльнулся Аауи. — Думаете, чует сердце?

— Насчет его чуткости не поручусь. Жаль, что времени у нас в обрез.

Аауи пожал плечами.

— Это был наиболее удобный вариант. Другой приходился на одиннадцать лет раньше. И мы все равно дожидались бы этого дня, чтобы перейти к прямым действиям.

— По крайней мере узнали бы, что он за птица. Такого, пожалуй, не запугаешь.

— Похоже, что так. Но ведь мы сами избрали этот метод.

Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним, а он идет вперед, не глядя ни вправо, ни влево. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка; пурпурный с серебром медальон крестоносца первого ранга украшал его грудь.

— Куда лезете, не разбирая дороги? — пролаял крестоносец.

Бринн уже видел, с кем имеет дело. Проглотив оскорбление, он сказал:

— Простите, сэр!

Но крестоносец не склонен был прощать.

— Взяли моду соваться под ноги старшим!

— Я нечаянно, — сказал Бринн, побагровев от сдерживаемой злобы. Вокруг них собрался народ. Окружив плотным кольцом обоих разодетых джентльменов, зрители подталкивали друг друга и посмеивались с довольным видом.

— Советую другой раз смотреть по сторонам! — надсаживался толстяк крестоносец. — Шатается по улицам, как помешанный. Вашу братию надо еще не так учить вежливости.

— Сэр! — ответствовал Бринн, стараясь сохранить спокойствие. — Если вам угодно получить удовлетворение, я с удовольствием встречусь с вами в любом месте, с оружием, какое вы соблаговолите выбрать...

— Мне? Встретиться с вами? — Казалось, крестоносец ушам своим не верит.

— Мой ранг дозволяет это, сэр!

— Ваш ранг? Да вы на пять разрядов ниже меня, дубина! Молчать, а не то я прикажу своим слугам — они тоже не вам чета, — пусть поучат вас вежливости. А теперь прочь с дороги!

И крестоносец, оттолкнув Бринна, горделиво прошествовал дальше.

— Трус! — бросил ему вслед Бринн, лицо у него пошло красными пятнами. Но он сказал это тихо, как отметил кто-то в толпе. Зажав в руке трость, Бринн повернулся к смельчаку, но толпа уже расходилась, посмеиваясь.

— Разве здесь еще разрешены поединки? — удивился Битти.

— А как же! — кивнул Аауи. — Они ссылаются на прецедент 1804 года, когда Аарон Бэрр убил на дуэли Александра Гамильтона.

— Пора приниматься за дело! — напомнил Битти. — Вот только обидно, что мы плохо снаряжены.

— Мы взяли с собой все, что могли захватить. Придется этим ограничиться.

В кафе «Принц Чарльз» Бринн сел за один из дальних столиков. У него дрожали руки; усилием воли он унял дрожь. Будь он проклят, этот крестоносец первого ранга! Чванный задира и хвастун! От дуэли он, конечно, уклонился. Спрятался за преимущество своего звания.

В душе у Бринна нарастал гнев, зловещий, черный. Убить бы этого человека и плевать на все последствия! Плевать на весь свет! Он никому не позволит над собой издеваться...

Спокойнее, говорил он себе. После драки кулаками не машут. Надо подумать о Бене Бакстере и о предстоящем важнейшем свидании. Посмотрев на часы, он увидел, что скоро одиннадцать. Через два с половиной часа он должен быть в конторе у Бакстера и...

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Горячего шоколаду, тостов и яйца пашот.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Если бы мне нужен был ваш картофель, я бы так и сказал! — напустился на него Бринн.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!» — поспешил убраться.

Этого еще не хватало, подумал Бринн. Я уже и на прислугу кричу. Надо взять себя в руки.

— *Нед Бринн!*

Бринн вздрогнул и огляделся. Он ясно слышал, как кто-то шепотом произнес его имя. Но рядом на расстоянии двадцати футов никого не было видно.

— *Бринн!*

— Это еще что? — недовольно буркнул Бринн. — Кто со мной говорит?

— *Ты нервничаешь, Бринн, ты не владеешь собой. Тебе необходимы отдых и перемена обстановки.*

На лице у Бринна даже под загаром проступила бледность. Он внимательно огляделся. В кафе почти никого не было. Только три пожилые дамы сидели ближе к выходу да двое мужчин за ними были, видно, заняты серьезным разговором.

— *Ступай домой, Бринн, и отдохни как следует. Отключись, пока есть возможность.*

— У меня важное деловое свидание, — отвечал Бринн дрожащим голосом.

— *Дела важнее душевного здоровья?* — иронически спросил голос.

— Кто со мной говорит?

— *С чего ты взял, что кто-то с тобой говорит?*

— Неужто я говорю сам с собой?

— *А это тебе видней!*

— Ваш заказ, сэр! — подлетел к нему официант.

— Что? — заорал на него Бринн.

Официант испуганно отпрянул. Часть шоколада пролилась на блюдце.

— Сэр? — спросил он срывающимся голосом.

— Что вы тут шмыгаете, болван!

Официант вытаращил глаза на Бринна, поставил поднос и убежал. Бринн подозрительно поглядел ему вслед.

— *Ты не в таком состоянии, чтобы с кем-то встречаться,* — настаивал голос. — *Ступай домой, прими что-нибудь, постарайся уснуть и прийти в себя.*

— Но что случилось, почему?

— *Твой рассудок в опасности! Голос, который ты слышишь, — последняя судорожная попытка твоего разума сохранить равновесие. Это серьезное предостережение, Бринн! Прислушайся к нему!*

— Неправда! — воскликнул Бринн. — Я здоров! Я совершенно...

— Прошу прощения, — раздался голос у самого его плеча.

Бринн вскинулся, готовый дать отпор этой новой попытке нарушить его уединение. Над ним навис синий полицейский мундир. На плечах белели эполеты лейтенанта-нобиля.

Бринн проглотил подступивший к горлу комок.

— Что-нибудь случилось, лейтенант?

— Сэр, официант и хозяин кафе уверяют, что вы говорите сами с собой и угрожаете насилием.

— Чушь какая! — огрызнулся Бринн.

— *Это верно! Верно! Ты сходишь с ума!* — взвизгнул голос у него в голове.

Бринн уставился на грузную фигуру полицейского: он, конечно, тоже слышал голос. Но лейтенант-нобиль никак не прореагировал. Он все так же строго взирал на Бринна.

— Враки! — сказал Бринн, уверенно отвергая показания какого-то лакея.

— Но я сам слышал! — возразил лейтенант-нобиль.

— Видите ли, сэр, в чем дело, — начал Бринн, осторожно подыскивая слова. — Я действительно...

— *Пошли его к черту, Бринн!* — завопил голос. — *Какое право он имеет тебя допрашивать! Двинь ему в зубы! Дай как следует! Убей его! Сотри в порошок!*

А Бринн продолжал, перекрывая этот галдеж в голове:

— Я действительно говорил сам с собой, лейтенант! У меня, видите ли, привычка думать вслух. Я таким образом лучше привожу свои мысли в порядок.

Лейтенант-нобиль слегка кивнул.

— Но вы угрожали насилием, сэр, без всякого повода!

— Без повода? А разве холодные яйца не повод, сэр? А подмоченные тосты и пролитый шоколад не повод, сэр?

— Яйца были горячие, — отозвался с безопасного расстояния официант.

— А я говорю — холодные, и дело с концом! Не заставите же вы меня спорить с лакеем!

— Вы абсолютно правы! — подтвердил лейтенант-нобиль, кивая на сей раз более уверенно. — Но я бы попросил вас, сэр, немного унять свой гнев, хоть вы и абсолютно правы. Чего можно ждать от простонародья?

— Еще бы! — согласился Бринн. — Кстати, сэр, я вижу пурпурную оторочку на ваших эполетах. Уж не в родстве ли вы с О'Доннелом из Лосиной сторожки?

— Как же! Это мой третий кузен по материнской линии. — Теперь лейтенант-нобиль увидел значок с восходящим солнцем на груди у Бринна. — Кстати, мой сын стажируется в юридической корпорации «Чемберлен-Холлс». Высокий малый, его зовут Кэллехен.

— Я запомню это имя, — обещал Бринн.

— Яйца были горячие! — не унимался официант.

— С джентльменом лучше не спорить! — оборвал его офицер. — Это может вам дорого обойтись. Всего наилучшего, сэр! — Лейтенант-нобиль козырнул Бринну и удалился.

Уплатив по счету, Бринн последовал за ним. Он, правда, оставил официанту щедрые чаевые, но про себя решил, что ноги его больше не будет в кафе «Принц Чарльз».

— Вот пройдоха! — с досадой воскликнул Аауи, пряча в карман свой крохотный микрофон. — А я было думал, что мы его прищучили.

— И прищучили б, когда бы он хоть немного усомнился в своем разуме. Что ж, перейдем к более решительным действиям. Снаряжение при вас?

Аауи вытащил из кармана две пары медных наручников и одну из них передал Битти.

— Смотрите не потеряйте! — предупредил он. — Мы обещали вернуть их в Музей археологии.

— Совершенно верно! А что, пройдет сюда кулак? Да, да, вижу!

Они уплатили по счету и двинулись дальше.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся у причалов, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним происходит.

Эти голоса, звучащие в голове...

Может быть, он и в самом деле утратил власть над собой? Один из его дядей с материнской стороны провел последние годы в специальном санатории. Пресенильный психоз... Уж не действуют ли и в нем какие-то скрытые разрушительные силы?

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Надпись на носу гласила: «Тезей».

Куда эта махина держит путь? Возможно, в Италию. И Бринн представил себе лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже грозит его рассудку, он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он человек обеспеченный. Дело его само о себе заботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что ничто этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое предприятие, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и уехать, не оглядываясь.

К черту Бакстера, говорил он себе.

Душевное здоровье — вот что всего важнее! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту, а с дороги пошлет компаньонам телеграмму, где им все...

По пустынной улице приближались к нему двое прохожих. Одного он сразу узнал по золотисто-смуглой коже.

— Мистер Бринн? — обратился к нему другой, мускулистый мужчина с копной рыжеватых волос.

— Что вам угодно? — спросил Бринн.

Но тут смуглолицый без предупреждения обхватил его обеими руками, пригвоздив к месту, а рыжеволосый сбоку огрел кулаком, в котором блеснул металлический предмет. Взвинченные нервы Бринна реагировали с молниеносной быстротой. Недаром он служил в «неистовых рыцарях». Еще и теперь, много лет спустя, у него безошибочно действовали рефлексы. Уклонившись от удара рыжеволосого, он сам двинул смуглолицего локтем в живот. Тот охнул и на какую-то секунду ослабил захват. Бринн воспользовался этим, чтобы вырваться.

Он наотмашь ударил смуглолицего ребром руки по горлу. Тот задохнулся и упал как подкошенный, закинув голову. В ту же секунду рыжеволосый навалился на Бринна и стал молотить медным кастетом. Бринн лягнул его, промахнулся — и заработал сильный удар в солнечное сплетение. У Бринна перехватило дыхание, в глазах потемнело. И сразу же на него обрушился новый удар, пославший его на землю почти в бессознательном состоянии. Но тут противник допустил ошибку.

Рыжеволосый хотел с силой поддать ему ногой, но плохо рассчитал удар. Воспользовавшись этим, Бринн схватил его за ногу и рванул на себя. Потеряв равновесие, рыжеволосый рухнул на мостовую, ударившись затылком.

Бринн кое-как поднялся, переводя дыхание. Смуглолицый лежал навзничь с посиневшим лицом, делая руками и ногами слабые плавательные движения. Его товарищ валялся замертво, с волос его капала кровь.

Следовало бы сообщить в полицию, мелькнуло в уме у Бринна. А вдруг он прикончил рыжеволосого? Это даже в самом благоприятном случае — непредумышленное убийство. Да еще лейтенант-нобиль доложит о его странном поведении.

Бринн огляделся. Никто не видел их драки. Пусть его противники, если сочтут нужным, заявляют в полицию сами.

Все как будто становилось на место. Пару эту, конечно, подослали конкуренты, они не прочь перебить у него сделку с Бакстером. Таинственные голоса — тоже какой-то их фокус.

Зато уж теперь им не остановить его. Все еще задыхаясь на ходу, Бринн помчался в контору Бакстера. Он уже не думал о поездке в Италию.

— Живы? — раздался откуда-то сверху знакомый голос.

Битти медленно приходил в сознание. На какое-то мгновение он испугался за голову, но, слегка до нее дотронувшись, успокоился: пока цела.

— Чем это он меня стукнул?

— Похоже, что мостовой, — ответил Аауи. — К сожалению, я был беспомощен. Со мной он расправился с самого начала.

Битти присел и схватился за голову; она невыносимо болела.

— Ну и вояка! Призовой боец!

— Мы его недооценили, — сказал Аауи. — У него чувствуется выучка. Ну как, ноги вас еще носят?

— Пожалуй, да, — отвечал Битти, поднимаясь с земли. — А ведь, наверно, уже поздно?

— Без малого час. Свидание назначено на час тридцать. Авось удастся расстроить его в конторе у Бакстера.

Не прошло и пяти минут, как они схватили такси и на полной скорости примчались к внушительному зданию.

Хорошенькая молодая секретарша смотрела на них округлившимися глазами. Правда, в такси они немного пообчистились, но все еще выглядели по меньшей мере странно. У Битти голова была кое-как перевязана платком, а смуглое лицо Аауи приобрело зеленоватый оттенок.

— Что вам угодно? — спросила секретарша.

— Сегодня в час тридцать у мистера Бакстера деловое свидание с мистером Бринном, — начал Аауи официальным тоном.

— Да-а-а...

Стенные часы показывали час семнадцать...

— Нам необходимо повидать мистера Бринна еще до этой встречи. Если вы не возражаете, мы подождем его здесь.

— Сделайте одолжение! Но мистер Бринн уже в кабинете.

— Вот как? А ведь половины второго еще нет!

— Мистер Бринн приехал заблаговременно. И мистер Бакстер принял его раньше.

— У меня срочный разговор, — настаивал Аауи.

— Приказано не мешать. — Вид у девушки был испуганный, и она уже потянулась к кнопке на столе.

Собирается звать на помощь, догадался Аауи. Такой человек, как Бакстер, разумеется, шагу не ступит без охраны. Встреча уже состоялась, не лезть же напролом. Быть может, предпринятые ими шаги изменили ход событий. Быть может, Бринн вошел в кабинет к Бакстеру уже другим человеком: утренние приключения не могли пройти для него бесследно.

— Не беспокойтесь, — сказал он секретарше, — мы подождем его здесь.

Бен Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и голой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, на лацкане которого в венчике из жемчужин сверкал рубин — эмблема палаты лордов Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова.

— Гм-м-м, — промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, голова была точно свинцом налита, желудок свело спазмой. Вот что значит отвыкнуть от драки. И все же он надеялся кое-как дотерпеть.

— Ваши условия граничат с нелепостью, — сказал Бакстер.

— Сэр?

— Я сказал — с нелепостью! Вы что, туги на ухо, мистер Бринн?

— Отнюдь нет, — ответил Бринн.

— Тем лучше! Ваши условия были бы уместны, если бы мы говорили на равных. Но это не тот случай, мистер Бринн! И когда фирма, подобная вашей, ставит такие условия «Предприятиям Бакстера», это звучит по меньшей мере нелепо.

Бринн прищурился. Бакстера недаром считают чемпионом ближнего боя. Это не личное оскорбление, внушал он себе. Обычный деловой маневр, он и сам к нему прибегает. Вот как на это надо смотреть!

— Разрешите вам напомнить, — возразил Бринн, — о ключевом положении упомянутой лесной территории. При достаточном финансировании мы могли бы почти неограниченно ее расширить, не говоря уже...

— Мечты, надежды, посулы, — вздохнул Бакстер. — Может, идея чего-то и стоит, но вы не сумели подать ее как следует.

Разговор чисто деловой, успокаивал себя Бринн. Он не прочь меня субсидировать, по всему видно. Я и сам предполагал пойти на уступки. Все идет нормально. Просто он торгуется, сбивая цену. Ничего личного...

Но Бринну очень уж досталось. Краснолицый крестоносец, таинственный голос в кафе, мимолетная мечта о свободе, драка с двумя прохожими... Он чувствовал, что сыт по горло...

— Я жду от вас, мистер Бринн, более разумного предложения. Такого, которое бы соответствовало скромному, я бы даже сказал, подчиненному положению вашей фирмы.

Зондирует почву, говорил себе Бринн. Но терпение его лопнуло. Бакстер не выше его по рождению! Как он смеет с ним так обращаться!

— Сэр! — пролепетал он помертвевшими губами. — Это звучит оскорбительно.

— Что? — отозвался Бакстер, и в его холодных глазах Бринну почудилась усмешка. — Что звучит оскорбительно?

— Ваше заявление, сэр, да и вообще ваш тон. Предлагаю вам извиниться!

Бринн вскочил и ждал, застыв в деревянной позе. Голова нечеловечески трещала, спазм в желудке не отпускал.

— Не понимаю, почему я должен просить извинения, — возразил Бакстер. — Не вижу смысла связываться с человеком, который не способен отделить личное от делового.

Он прав, думал Бринн. *Это мне надо просить извинения.* Но он уже не мог остановиться и очертя голову продолжал:

— Я вас предупредил, сэр! Просите извинения!

— Так нам не столковаться, — сказал Бакстер. — А ведь, по чести говоря, мистер Бринн, я рассчитывал войти с вами в дело. Хотите послушать разумного человека? Постарайтесь не валять дурака. Не требуйте от меня извинений, и продолжим наш разговор.

— Не могу! — сказал Бринн, всей душой сожалея, что не может. — Просите извинения, сэр!

Небольшой, но крепко сбитый Бакстер поднялся и вышел из-за стола. Лицо его потемнело от гнева.

— Пошел вон, наглый щенок! Убирайся подобру-поздорову, пока тебя не вывели, ты, взбесившийся осел! Вон отсюда!

Бринн готов был просить прощения, но вспомнил: красный крестоносец, официант и те два разбойника... Что-то в нем захлопнулось. Он выбросил вперед руку и нанес удар, подкрепив его всей тяжестью своего тела.

Удар пришелся по шее. Глаза у Бакстера потускнели, и он медленно сполз вниз.

— Прошу прощения! — крикнул Бринн. — Мне страшно жаль! Прошу прощения!

Он упал на колени рядом с Бакстером.

— Ну как, пришли в себя, сэр? Мне страшно жаль! Прошу прощения...

Какой-то частью сознания, не утратившей способности рассуждать, он понимал, что впал в неразрешимое противоречие. Потребность в действии была в нем так же сильна, как потребность просить прощения. Вот он и разрешил дилемму, попытавшись сделать и то и другое, как бывает в сумятице душевного разлада: ударил, а затем попросил прощения.

— Мистер Бакстер! — окликнул он в испуге.

Лицо Бакстера налилось синевой, из угла рта сочилась кровь. И тут Бринн заметил, что голова Бакстера лежит под необычным углом к туловищу.

— О-о-ох... — только и выдохнул Бринн.

Прослужив три года в неистовых рыцарях, он не впервые видел сломанную шею.

2

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовалась сердечная доброта, а выразительный рот говорил о несокрушимом благочестии. Он двигался легко и свободно, как человек чистой души, не привыкший размышлять над своими поступками.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой молитвенный посох и сунул в карман «Руководство к праведной жизни» Норстеда. Никогда не выходил он из дому без этого надежного поводыря.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака серебряный значок в виде серпа луны — эмблему его сана. Бринн был посвящен в сан аскета второй степени западнобуддистской конгрегации, и это даже вселяло в него известную гордость, конечно, сдержанную гордость, дозволительную аскету. Многие считали, что он еще молод для звания мирского священника, однако все соглашались с тем, что Бринн не по возрасту ревностно относится к обязанностям, которые налагает на него сан.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — западные буддисты, но среди них и два ламаиста. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, брат мой! — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм в знак обычного скромного приветствия пастыря пасомому. Он неотступно думал о Бене Бакстере. И все же краешком глаза приметил в кабине лифта прелестную, холеную девушку с волосами, черными как вороново крыло, с пикантным смугло-золотистым личиком. Индианка, решил про себя Бринн, и еще подивился, что могло привести чужеземку в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по внешнему виду, но счел бы нескромностью раскланиваться с ними.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн тут же забыл об индианке. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел все заранее взвесить.

Выйдя на улицу в серенькое, пасмурное апрельское утро, он решил позавтракать в «Золотом лотосе».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Остаться бы здесь навсегда и дышать этим воздухом! — воскликнула Джанна Чандрагор.

Лан Ил слабо улыбнулся.

— Возможно, нам удастся дышать им в наше время. Как он вам показался?

— Уж очень доволен собой и, должно быть, ханжа и святоша.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, сутулая фигура выделялась даже в нью-йоркской утренней толчее.

— А ведь глаз не сводил с вас в лифте, — заметил Ил.

— Знаю. Видный мужчина, не правда ли?

Лан Ил удивленно вскинул брови, но ничего не сказал. Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним из уважения к его сану. И тут-то все началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка, облаченного в желтую рясу западнобуддистского священника.

— Простите, младший брат мой, я, кажется, помешал вашим размышлениям? — молвил священник.

— Это всецело моя вина, отец. Ибо сказано: пусть юность рассчитывает свои шаги, — ответствовал Бринн.

Священник покачал головой.

— В юности живет мечта о будущем, и старости надлежит уступать ей дорогу.

— Старость — наш путеводитель и дорожный указатель, — смиренно, но настойчиво возразил Бринн. — Все авторы единодушны в этом.

— Если вы чтите старость, — возразил священник, — внемлите же и слову старости о том, что юности надлежит давать дорогу. И пожалуйста, без возражений, возлюбленный брат мой!

Бринн с обдуманно любезной улыбкой отвесил низкий поклон. Священник тоже поклонился, и каждый пошел своей дорогой. Бринн ускорил шаг: он крепче зажал в руке молитвенный посох. До чего это похоже на священника — ссылаться на свой преклонный возраст как аргумент в пользу юности. Да и вообще в учении западных буддистов много кричащих противоречий. Но Бринну было сейчас не до них.

Он вошел в кафе «Золотой лотос» и сел за один из дальних столиков. Перебирая пальцами сложный узор на своем молитвенном посохе, он чувствовал, что раздражение его проходит.

Почти мгновенно вернулось к нему то ясное, блаженное ощущение единства разума и чувства, которое так необходимо адепту праведной жизни.

Но пришло время помыслить о Бене Бакстере. Человеку не мешает помнить и о своих преходящих обязанностях. Посмотрев на часы, он увидел, что уже без малого одиннадцать. Через два с половиной часа он будет в конторе у Бакстера и...

— Что вам угодно? — спросил официант.

— Воды и сушеной рыбки, если можно, — отвечал Бринн.

— Не желаете ли картофеля фри?

— Сегодня витья, и это не положено, — ответствовал Бринн, из деликатности понизив голос.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!» — поспешил уйти.

Напрасно я поставил его в глупое положение, упрекнул себя Бринн. Не извиниться ли?

Но нет, он только больше смутит официанта. И Бринн со свойственной ему решительностью выбросил из головы официанта и стал думать о Бакстере. Если к лесной территории, которую он собирается купить, прибавить капиталы Бакстера и его связи, трудно даже вообразить...

Бринн почувствовал безотчетную тревогу. Что-то неладное происходило за соседним столиком. Повернувшись, он увидел давешнюю смуглянку; она рыдала в крошечный носовой платочек. Маленький сморщенный старикашка пытался ее утешить.

Плачущая девушка бросила на Бринна исполненный отчаяния взгляд. Что мог сделать аскет, очутившийся в таком положении, как не вскочить и направить стопы к их столику.

— Простите мою навязчивость, — сказал он, — я невольно стал свидетелем вашего горя. Быть может, вы одиноки в городе? Не могу ли я вам помочь?

— Нам уже никто не поможет! — зарыдала девушка.

Старичок беспомощно пожал плечами.

Поколебавшись, Бринн присел к их столику.

— Поведайте мне свое горе, — сказал он. — Неразрешимых проблем нет. Ибо сказано: через любые джунгли проходит тропа и след ведет на самую недоступную гору.

— Поистине так, — подтвердил старичок. — Но бывает, что человеческим ногам не под силу достигнуть конца пути.

— В таких случаях, — возразил Бринн, — всяк помогает всякому — и дело бывает сделано. Поведайте мне ваши огорчения, я всеми силами постараюсь вам помочь.

Надо сказать, что Бринн-аскет превысил здесь свои полномочия. Подобные тотальные услуги лежат на обязанности свя-

щенников высшей иерархии. Но Бринна так захватило горе девушки и ее красота, что он не дал себе времени подумать.

— В сердце молодого человека заключена сила, это посох для усталых рук, — процитировал старичок. — Но скажите, молодой человек, исповедуете ли вы религиозную терпимость?

— В полной мере! — воскликнул Бринн. — Это один из основных догматов западного буддизма.

— Отлично! Итак, знайте, сэр, что я и моя дочь Джанна прибыли из Лхаграммы в Индии, где поклоняются воплощению даритрийской космической функции. Мы приехали в Америку в надежде основать здесь небольшой храм. К несчастью, схизматики, чтящие воплощение Мари, опередили нас. Дочери моей надо возвращаться домой. Но фанатики марийцы покушаются на нашу жизнь, они поклялись камня на камне не оставить от даритрийской веры.

— Разве может что-нибудь угрожать вашей жизни здесь, в сердце Нью-Йорка? — воскликнул Бринн.

— Здесь больше, чем где бы то ни было! — сказала Джанна. — Людские толпы — маска и плащ для убийцы.

— Мои дни и без того сочтены, — продолжал старик со спокойствием отрешенности. — Мне следует остаться здесь и завершить свой труд, ибо так написано. Но я хотел бы, чтобы по крайней мере дочь моя благополучно вернулась домой.

— Никуда я без тебя не поеду! — снова зарыдала Джанна.

— Ты сделаешь то, что тебе прикажут, — заявил старик.

Джанна робко потупилась под взглядом его черных, сверлящих глаз. Старик повернулся к Бринну.

— Сэр, сегодня во второй половине дня в Индию отплывает теплоход. Дочери нужен провожатый, сильный, надежный человек, под чьим руководством и защитой она смогла бы благополучно закончить путешествие. Все свое состояние я готов отдать тому, кто выполнит эту священную обязанность.

На Бринна вдруг нашло сомнение.

— Я просто ушам своим не верю, — начал он. — А вы не...

Словно в ответ, старик вытащил из кармана маленький замшевый мешочек и вытряхнул на стол его содержимое. Бринн не считал себя знатоком драгоценных камней, и все же немало их прошло через его руки в бытность его религиозным инструктором. Он мог поклясться, что узнает игру рубинов, сапфиров, изумрудов и алмазов.

— Все это ваше, — сказал старик. — Отнесите камни к ювелиру. Когда их подлинность будет подтверждена, вы, возможно, поверите и моему рассказу. Если же и это вас не убеждает...

И он извлек из другого кармана толстый бумажник и передал его Бринну. Открыв его, Бринн увидел, что он набит крупными купюрами.

— Любой банк удостоверит их подлинность, — продолжал старик. — Нет, нет, пожалуйста, я настаиваю, возьмите их себе. Поверьте, это лишь малая часть того, чем я буду рад отблагодарить вас за вашу великую услугу.

Бринн был ошеломлен. Он старался уверить себя, что драгоценности, скорее всего, искусная подделка, а деньги, конечно, фальшивые. И все же знал, что это не так. Они настоящие. Но если богатство, которым так швыряются, не вызывает сомнений, то можно ли усомниться в рассказе старика?

Истории известны случаи, когда действительные события превосходили чудеса волшебных сказок. Разве в «Книге золотых ответов» мало тому примеров?

Бринн посмотрел на плачущую смуглянку, и его охватило великое желание зажечь радость в этих прекрасных глазах, заставить улыбаться этот трагически сжатый рот. Да и в обращенных к нему взорах красавицы угадывал он нечто большее, чем простой интерес к опекуну и защитнику.

— Сэр! — воскликнул старик. — Возможно ли, что вы согласны, что вы готовы...

— Можете на меня рассчитывать! — сказал Бринн.

Старик бросился пожимать ему руку. Что до Джанны, то она только взглянула на своего избавителя, но этот взгляд стоил жаркого объятия.

— Уезжайте сейчас же, не откладывая, — волновался старик. — Не будем терять времени. Возможно, в эту самую минуту нас караулит враг.

— Но я не одет для дороги...

— Неважно! Я снабжу вас всем необходимым...

— ...к тому же друзья, деловые свидания... погодите! Дайте опомниться!

Бринн перевел дыхание. Приключения в духе Гарун-аль-Рашида заманчивы, спору нет, но нельзя же пускаться в них сломя голову.

— У меня сегодня деловой разговор, — продолжал Бринн. — Я не вправе им манкировать. Потом можете мной располагать.

— Как, рисковать жизнью Джанны? — воскликнул старик.

— Уверяю вас, ничего с вами не случится. Хотите — пойдемте со мной. А еще лучше — у меня двоюродный брат служит в полиции. Я договорюсь с ним, и вам будет дана охрана.

Девушка отвернула от него свое прекрасное печальное лицо.

— Сэр, — сказал старик. — Пароход отходит в час, ни минутой позже!

— Пароходы отходят чуть ли не каждый день, — вразумлял его Бринн. — Мы сядем на следующий. У меня особо важное свидание. Решающее, можно сказать. Я добиваюсь его уже много лет. И речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны. Уже ради них я не вправе им пренебречь.

— Дело дороже жизни! — с горькой иронией воскликнул старик.

— Ничего с вами не случится, — уверял Бринн. — Ибо сказано: «Зверь в джунглях пугается шагов...»

— Я и сам знаю, что и где сказано. На моем челе и челе дочери смерть уже начертала свои магические письмена, и мы погибнем, если вы нам не поможете. Вы найдете Джанну на «Тезее» в каюте-люкс «2А». Ваша каюта «3А», соседняя. Пароход отчаливает ровно в час. Если вам дорога ее жизнь, приходите!

Старик с дочерью встали и, уплатив по счету, удалились, не слушая доводов Бринна. В дверях Джанна еще раз на него оглянулась.

— Ваша сушеная рыба, сэр! — подлетел к нему официант. Он все время вертелся поблизости, не решаясь беспокоить посетителей.

— К черту рыбу! — взревел Бринн. Но тут же спохватился: — Тысяча извинений! Я совсем не вас имел в виду, — заверил он оторопевшего официанта.

Он расплатился, оставив щедрые чаевые, и стремительно ушел. Ему надо было еще о многом подумать.

— Эта сцена состарила меня лет на десять, она мне стоила последних сил, — пожаловался Лан Ил.

— Признайтесь: она доставила вам огромное удовольствие, — возразила Джанна Чандрагор.

— Что ж, вы правы, — энергично кивнув, согласился Лан Ил. Он маленькими глотками цедил вино, которое стюард принес им в каюту. — Вопрос в том, откажется ли Бринн от свидания с Бакстером и явится ли сюда?

— Я ему как будто понравилась, — заметила Джанна.

— Что лишь свидетельствует о его безошибочном вкусе.

Джанна поблагодарила шутливым кивком.

— Но что за историю вы придумали? Надо ли было наворачивать столько ужасов?

— Это было абсолютно необходимо. Бринн — сильная и целеустремленная натура. Но есть в нем и этакая романтическая жилка. И разве только волшебная сказка — под стать его самым напыщенным мечтам — заставит его изменить долгу.

— А вдруг не поможет и волшебная сказка? — заметила Джанна в раздумье.

— Увидим. Мне кажется, что он придет.

— А я на это не рассчитываю.

— Вы недооцениваете свою красоту и актерское дарование, моя дорогая! Впрочем, подождем — увидим.

— Единственное, что нам остается, — сказала Джанна, поудобнее устраиваясь в своем кресле.

Часы на письменном столике показывали сорок две минуты первого.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся у причала, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Эта прелестная, убитая горем девушка...

Да, но как же дело, долг перед его преданными служащими? Ведь именно сегодня ему предстояло обрести поддержку своему грандиозному проекту на письменном столе у Бакстера. Он остановился, рассматривая корабль-гигант. Вот он, «Тезей». Бринн представил себе Индию, ее лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него. Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже значит лишиться прекраснейшей девушки в мире, он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом!

Но почему же, спрашивал себя Бринн, нащупывая в кармане замшевый мешочек. Материально он обеспечен. Дело его само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что ничто этому не помешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое дело, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и последовать велению сердца.

К черту Бакстера, говорил он себе. Безопасность девушки важнее всего! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту и пошлет своим компаньонам телеграмму, где все им...

Итак, решение принято. Он круто повернулся, спустился вниз по сходням и без колебаний поднялся на борт.

Помощник капитана встретил его любезной улыбкой:

— Ваше имя, сэр?

— Нед Бринн.

— Бринн, Бринн... — Помощник поискал в списке. — Что-то я не... О да! Вот вы где. Да, да, мистер Бринн! Ваша каюта на палубе А за номером три. Разрешите пожелать вам приятного путешествия.

— Спасибо, — сказал Бринн, поглядев на часы. Они показывали без четверти час. — Кстати, — спросил он помощника, — в котором часу вы отчаливаете?

— *В четыре тридцать, минута в минуту, сэр!*

— Четыре тридцать? Вы уверены?

— Абсолютно уверен, мистер Бринн.

— Мне сказали, в час по расписанию.

— Да, так по расписанию, сэр! Но бывает, что мы задерживаемся на несколько часов. А потом без труда нагоняем в пути.

Четыре тридцать! У него еще есть время. Он может вернуться, повидать Бена Бакстера и вовремя успеть на пароход! Обе проблемы решены!

Благословляя неисповедимую, но благосклонную судьбу, Бринн повернулся и бросился вниз по сходням. Ему удалось тут же схватить такси.

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и голой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, на лацкане которого в венчике из жемчужин сверкал рубин — эмблема смиренных служителей Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова.

— Гм-м-м, — промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, пустой желудок бил тревогу. В мозгу сверлила мысль, что надо еще успеть на «Тезей». Он хотел скорее покончить с делами и ехать в порт.

— Ваши условия слияния обеих фирм меня вполне устраивают, — сказал Бакстер.

— Сэр! — только и выдохнул Бринн.

— Повторяю: они меня устраивают. Вы что, туги на ухо, брат мой?

— Во всяком случае не для таких новостей, — заверил его Бринн с улыбкой.

— Лично меня очень обнадеживает слияние наших фирм, — продолжал Бакстер, улыбаясь. — Я прямой человек, Бринн, и я говорю вам без всяких: мне нравится, как вы провели изыскания и какой подготовили материал, и нравится, как вы провели

эту встречу. Мало того, вы и лично мне нравитесь. Меня радует наша встреча, и я верю, что слияние послужит нам на пользу.

— Я тоже в это верю, сэр.

Они обменялись рукопожатиями и встали из-за стола.

— Я поручу своим адвокатам составить соглашение, исходя из нашей сегодняшней беседы. Вы получите его в конце недели.

— Отлично! — Бринн колебался: сказать или не говорить Бакстеру о своем отъезде в Индию. И решил не говорить. Бумаги по его указанию перешлют на борт «Тезея», а об окончательных подробностях можно будет договориться по телефону. Так или иначе, в Индии он не задержится: доставит девушку благополучно домой и тут же вылетит обратно.

Обменявшись новыми любезностями, будущие компаньоны начали прощаться.

— У вас редкостный посох, — сказал Бакстер.

— А? Что? Да, да! Я получил его на этой неделе из Гонконга. Такой искусной резьбы, как в Гонконге, вы не найдете нигде.

— Да, я знаю. А можно посмотреть его поближе?

— Конечно. Но осторожнее, пожалуйста, он легко открывается.

Бакстер взял в руки искусно вырезанную палку и надавил на ручку. На другом конце палки выскочил клинок, который царапнул Бакстера по ноге.

— Вот уж верно, что легко, — сказал Бакстер.

— Вы, кажется, порезались?

— Ничего! Пустячная царапина. А клинок-то — дамасской стали.

Они еще несколько минут беседовали о тройном значении клинка в западнобуддистском учении и о новейших течениях в западнобуддистском духовном центре в Гонконге. Бакстер сложил палку и вернул ее Бринну.

— Да, посох отменный. Еще раз желаю вам доброго дня, дорогой брат, и...

Бакстер замолчал на полуслове. Рот его так и остался открытым, глаза уставились в какую-то точку над головой Бринна. Бринн проследил за направлением его взгляда, но не увидел ничего, кроме стены. Когда же он снова повернулся к Бакстеру, тот уже весь посинел, в уголках рта собралась пена.

— Сэр! — крикнул Бринн.

Бакстер хотел что-то сказать, но не мог. Два нетвердых шага — и он рухнул на пол.

Бринн бросился в приемную.

— Врача! Скорее врача! — крикнул он испуганной девушке, а потом вернулся к Бакстеру.

То, что он видел перед собой, был первый в Америке слу-

чай болезни, получившей впоследствии название гонконгской чумы. Занесенная сотнями молитвенных посохов, она вспышкой пламени охватила город, оставив за собой миллионы трупов. Спустя неделю симптомы гонконгской чумы стали более известны горожанам, чем симптомы кори.

Бринн видел перед собой первую ее жертву.

С ужасом глядел он, как лицо и руки Бакстера приобретают ярко-зеленый цвет.

3

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. В час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовался неподдельный интерес к людям, мягко очерченный рот говорил о покладистом характере, всегда готовом прислушаться к доводам разума. В движениях проглядывала уверенность человека, знающего свое место в жизни.

Бринн уже собрался уходить. Он зажал под мышкой зонтик и сунул в карман экземпляр «Убийства в метро» в мягком переплете. Обычно он не выходил из дому без увлекательного детектива.

Напоследок он приколол к лацкану пиджака ониксовый значок коммодора Океанского туристского клуба. Многие считали, что Бринн еще молод для такого высокого знака отличия. Но все соглашались с тем, что он не по возрасту ревностно относится к правам и обязанностям, которые налагает на него звание.

Он запер квартиру и пошел к лифту. Здесь уже стояла кучка его соседей по дому; в большинстве своем это были лавочники, но Бринн заметил среди них и двух незнакомых джентльменов.

— Славный денек, мистер Бринн, — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

— Надеюсь! — сказал Бринн, погруженный в размышления о Бене Бакстере. И все же краешком глаза он заметил в кабине лифта белокурого гиганта, который увлеченно о чем-то разговаривал с лысым коротышкой. Бринн еще подивился, что привело эту пару в их многоквартирный дом. Он знал большинство

жильцов по ежедневным встречам, но не был еще ни с кем знаком, так как поселился здесь совсем недавно.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о гиганте. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать «У Чайльда».

Часы показывали двадцать минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил доктор Свег.

— По-моему, человек как человек. Похоже, что с ним можно сговориться. А впрочем, там видно будет.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, стройная фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Я меньше всего сторонник насилия, — сказал доктор Свег. — Но в данном случае мое мнение: треснуть его по макушке — и дело с концом!

— Этот способ избрали Аауи и Битти. Мисс Чандрагор и Лан Ил решили испробовать подкуп. А нам с вами поручено воздействовать убеждением.

— А если он не поддастся убеждению?

Джеймс пожал плечами.

— Мне это не нравится, — сказал доктор Свег.

Следуя за Бринном на расстоянии полуквартала, они увидели, как он налетел на какого-то румяного плотного бизнесмена.

— Простите, — сказал Бринн.

— Простите, — отозвался плотный бизнесмен.

Небрежно кивнув друг другу, они продолжали свой путь. Бринн вошел в кафе «У Чайльда» и уселся за один из дальних столиков.

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Яйца пашот, тосты, кофе.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Нет, спасибо!

Официант поспешил дальше. Бринн сосредоточил свои мысли на Бене Бакстере. При финансовой поддержке Бена Бакстера трудно даже вообразить...

— Простите, сэр, — раздался голос. — Не разрешите ли с вами побеседовать?

— О чем это?

Бринн поднял глаза и увидел белокурого гиганта и его коротышку приятеля, с которыми столкнулся в лифте.

— О деле чрезвычайного значения, — сказал коротышка.

Бринн поглядел на часы. Без чего-то одиннадцать. До встречи с Бакстером оставалось еще два с половиной часа.

Незнакомцы переглянулись и обменялись смущенными улыбками. Наконец коротышка прочистил горло.

— Мистер Бринн, — начал он. — Меня зовут Эдвин Джеймс. Это мой коллега доктор Свег. Мы собираемся рассказать вам крайне странную на первый взгляд историю, однако я надеюсь, что вы терпеливо выслушаете нас. В заключение мы приведем ряд доказательств, которые, возможно, убедят, а возможно, и не убедят вас в справедливости нашего рассказа.

Бринн нахмурился: это еще что за чудаки! Рехнулись они, что ли? Но незнакомцы были хорошо одеты и вели себя безукоризненно.

— Ладно, валяйте, — сказал он.

Час двадцать минут спустя Бринн воскликнул:

— Ну и чудеса же вы мне порассказали!

— Знаю! — виновато пожал плечами доктор Свег. — Но наши доказательства...

— ...производят впечатление. Покажите-ка мне еще раз эту первую штуковину!

Свег передал ему небольшой блестящий предмет. Бринн почтительно уставился на него.

— Ребята, а ведь если эта крохотулька действительно дает холод и тепло в таких количествах, электрические корпорации, думается мне, отвалят за нее миллиарды.

— Это продукт нашей технологии, — сказал Главный программист, — как, впрочем, и другие устройства, которые вы видели. За исключением мотрифайера, во всем этом нет ничего принципиально нового, это результаты развития и совершенствования сегодняшней научной мысли и технологии.

— А ваш талазатор! Простой, удобный и дешевый способ получения пресной воды из морской! — Он уставился на обоих собеседников. — Хотя не исключено, конечно, что все эти изобретения — ловкая подделка.

Доктор Свег вскинул брови.

— Впрочем, я и сам кое-что смыслю в технике. И если это даже подделки, то эффект они дают такой же, как настоящие изобретения. Ох, морочите вы меня! Люди будущего! Этого еще не хватало!

— Так, значит, вы верите тому, что мы рассказали насчет вас, Бена Бакстера и временной селекции?

— Как сказать... — Бринн крепко задумался. — Верю условно.

— И вы отмените свидание с Бакстером?

— Не знаю.

— Сэр!

— Я говорю вам, что не знаю. Хватает же у вас нахальства! — Бринн все больше сердился. — Я работал как каторжный, чтобы этого добиться. Свидание с Бакстером — величайший шанс в моей жизни! Другого такого шанса у меня не было и не будет. А вы предлагаете мне пожертвовать им ради какого-то туманного предсказания.

— Предсказание отнюдь не туманное, — поправил его Джеймс. — Оно ясное и недвусмысленное.

— К тому же речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компаньоны и акционеры. Я обязан и ради них встретиться с Бакстером.

— Мистер Бринн, — сказал Свег, — вспомните, что здесь поставлено на карту!

— Да, верно, — хмуро отозвался Бринн. — Но вы говорили, что у вас там еще и другие группы. А вдруг меня остановили в каком-то другом возможном мире?

— Не остановили, нет!

— Почем вы знаете!

— Я не хотел говорить тем группам, — сказал Главный программист, — но их надежды на успех так же призрачны, как и мои, — они близки к нулю!

— Черт! — выругался Бринн. — Вы, ребята, ни с того ни с сего сваливаетесь на человека из прошлого и преспокойно требуете, чтобы он перешерстил всю свою жизнь. Какое, наконец, вы имеете на это право?

— А что, если отложить свидание до завтра? — предложил доктор Свег. — Это, пожалуй...

— Свидание с Беном Бакстером не откладывают. Либо вы приходите в назначенное время, либо ждете, — может быть, и всю жизнь, — чтоб он вам назначил другое. — Бринн поднялся. — Вот что я вам скажу. Я и сам не знаю, как поступлю. Я выслушал вас и более или менее вам верю, но ничего определенного сказать пока не могу! Мне надо самому принять решение.

Доктор Свег и Джеймс тоже встали.

— Ваше право! — сказал Главный программист Джеймс. — До свидания, мистер Бринн! Надеюсь, вы примете правильное решение. — Они обменялись рукопожатиями. Бринн поспешил к выходу.

Доктор Свег и Джеймс проводили его глазами.

— Ну как? — спросил Свег. — Похоже, склоняется?.. Или вы другого мнения?

— Я не сторонник гаданий. Возможность что-то изменить в

пределах одной временной линии маловероятна. Я в самом деле не представляю, как он поступит.

Доктор Свег покачал головой, а потом глубоко втянул носом воздух.

— Ничего дышится, а?

— Да, воздух что надо, — отозвался Главный программист Джеймс.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных океанских судов, уверенно покоящихся у своих причалов, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Этот дурацкий рассказ... которому он верил.

Ну, а как же его долг и все эти годы, ушедшие на то, чтобы добиться права покупки обширной лесной территории? А возможности, которые сулит сделка, если Бакстер пойдет на нее?!

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант «Тезей»...

И Бринн представил себе Карибское море, лазурное небо тех краев, щедрое солнце, вино, полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам себе избрал. И, чего бы это ему ни стоило, он так и будет тащить этот груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он обеспеченный человек. Дело его само о себе позаботится. Что ему мешает сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и воля. Если у него хватило сил. чтобы преуспеть в делах, то хватит и на то, чтобы от них отказаться, сбросить все с плеч и последовать желанию сердца.

А заодно спасти это проклятое дурацкое будущее.

«К черту Бакстера!» — говорил он себе.

Но все это было несерьезно.

Будущее было слишком туманно, слишком далеко. Вся эта история, возможно, хитрый подвох, придуманный его конкурентами. Пусть будущее позаботится само о себе!

Нед Бринн круто повернулся и зашагал прочь. Надо было торопиться, чтобы не опоздать к Бакстеру.

Поднимаясь на лифте в небоскребе Бакстера, Бринн старался ни о чем не думать. Самое простое — действовать безотчетно. На шестнадцатом этаже он сошел и направился к секретарше.

— Меня зовут Бринн. Мы сегодня условились встретиться с мистером Бакстером.

— Да, мистер Бринн. Мистер Бакстер ждет вас. Проходите к нему без доклада.

Но Бринн не сдвинулся с места, его захлестнуло волной сомнений. Он подумал о судьбе грядущих поколений, которым угрожает своим поступком, подумал о докторе Свеге и о главном программисте Эдвине Джеймсе, об этих серьезных, доброжелательных людях. Не стали бы они требовать у него такой жертвы, если бы не крайняя необходимость.

И еще одно обстоятельство пришло ему в голову...

Среди грядущих поколений будут и его потомки.

— Входите же, сэр! — напомнила ему девушка.

Но что-то внезапно захлопнулось в мозгу у Бринна.

— Я передумал, — сказал он каким-то, словно чужим, голосом. — Я отменяю свидание. Передайте мистеру Бакстеру, что... я очень сожалею обо всем.

Он повернулся и, чтобы не передумать, стремглав сбежал вниз с шестнадцатого этажа.

В конференц-зале все уже собрались вокруг длинного стола в ожидании Эдвина Джеймса. Он вошел — тщедушный человечек с причудливым, некрасивым лицом.

— Ваши доклады! — сказал он.

Ааури, изрядно помятый после недавних приключений, поведал об их попытке применить насилие и о том, к чему это привело.

— Если бы вы заранее не связали нам руки, результаты, возможно, были бы лучше, — добавил он в заключение.

— Это еще как сказать, — отозвался Битти, пострадавший больше Ааури.

Лан Ил обстоятельно доложил о полной неудаче их совместной попытки с мисс Чандрагор. Бринн уже готов был сопровождать их в Индию — даже ценой отказа от свидания с Бакстером. К сожалению, ему представилась возможность сделать и то и другое. В заключение Лан Ил посетовал на возмутительно ненадежные расписания судоходных компаний.

Главный программист Джеймс поднялся с места:

— Нам желательно было найти будущее, в котором Бен Бакстер сохранил бы жизнь и успешно завершил бы свою задачу по скупке лесных богатств Северной и Южной Америки. Наиболее перспективной в этом смысле представлялась нам Глав-

ная историческая линия, к которой мы с доктором Свегом и обратились.

— *И вы до сих пор ничего не рассказали,* — *попеняла ему с* места мисс Чандрагор. — Чем же у вас кончилось?

— Убеждение и призыв к разуму казались нам наилучшими методами. Серьезно поразмыслив, Бринн отменил свидание с Бакстером. Однако...

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и голой как колено головой; мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, на лацкане которого в венчике из жемчужин сверкал рубин — эмблема Уолл-стритского клуба.

Он уже с полчаса сидел неподвижно, размышляя о цифрах, господствующих тенденциях и намечающихся перспективах.

Затрещал зуммер внутреннего телефона.

— Что скажете, мисс Кэссиди?

— *Приходил мистер Бринн. Он только что ушел.*

— Что такое?

— Я и сама не понимаю, мистер Бакстер. Он приходил сказать, что отменяет свидание.

— И как же он это выразил? Повторите дословно.

— Сказал, что вы его ждете, и я предложила ему пройти в кабинет. Он посмотрел на меня очень странно и даже нахмурился. Я еще подумала: чем-то он расстроен. И снова предложила ему пройти к вам. И тогда он сказал...

— Слово в слово, мисс Кэссиди!

— Да, сэр! Он сказал: я передумал. Я отказываюсь от свидания. Передайте мистеру Бакстеру, что я очень сожалею обо всем.

— И это все, что он сказал?

— До последнего слова!

— А потом что он сделал?

— *Повернулся и побежал вниз.*

— Побежал?

— Да, мистер Бакстер. Он не стал даже дожидаться лифта.

— Понимаю.

— Вам еще что-нибудь нужно, мистер Бакстер?

— Нет, больше ничего, мисс Кэссиди. Благодарю вас.

Бакстер выключил внутренний телефон и тяжело повалился в кресло.

Стало быть, Бринн уже знает!

Это единственно возможное объяснение. Каким-то образом слухи просочились. Он думал, что никто не узнает, по крайней мере до завтра. Но чего-то он не предусмотрел.

Губы его сложились в горькую улыбку. Он не обвинял Бринна, хотя не мешало бы тому зайти объясниться. А впрочем, нет. Пожалуй, так лучше.

Но *каким образом* до него дошла новость? Кто сообщил ему, что промышленная империя Бакстера — колосс на глиняных ногах, что она рушится, крошится в самом основании?

Если бы эту новость можно было утаить хоть на день, хотя бы на несколько часов! Он бы заключил соглашение с Бринном. Новое предприятие влило бы жизнь в дела Бакстера. К тому времени, когда все обнаружилось бы, он создал бы новую базу для своих операций.

Бринн узнал, и это его отпугнуло. Очевидно, знают все.

А теперь уже никого не удержишь. Не сегодня-завтра на него ринутся эти шакалы. А как же друзья, жена, компаньоны и маленькие люди, доверившие ему свою судьбу?..

Что ж, у него уже много лет назад созрело решение на этот случай.

Без колебаний Бакстер отпер ящик стола и достал небольшой пузырек. Он вынул оттуда две белые пилюли.

Всю жизнь он жил по своим законам. Пришло время и умереть по ним.

Бен Бакстер положил пилюли на язык. Две минуты спустя он повалился на стол.

Его смерть ускорила пресловутый биржевой крах 1959 года.

ЧТО ОДНОМУ ЗДОРОВО...

Хелман выдернул последнюю редиску и взял бритву. Но сперва все-таки продемонстрировал овощ Каскеру, чтобы тот всласть им налюбовался. Потом бережно положил редиску на стол.

— Чертовски сытный обед для двух взрослых мужиков! — *пробурчал Каскер, плюхаясь в мягкое корабельное кресло.*

— Ну, если не хочешь... — начал было Хелман, но Каскер так энергично замотал головой, что Хелман улыбнулся и с пристрастием осмотрел бритву — достаточно ли она остра.

— Ладно, не устраивай, пожалуйста, спектакль! — сказал Каскер, поглядывая на приборную доску. Они приближались к красному карлику, единственной из рядом расположенных звезд, имевшей свои планеты. — Надо успеть поужинать до того, как мы подойдем к карлику совсем близко.

Хелман, прищурившись, сделал пробный надрез. Каскер склонился над редиской с приоткрытым от напряжения ртом. Хелман чуть нажал на лезвие и разрезал овощ точно пополам.

— Прочтешь молитву? — спросил он.

Каскер пробормотал что-то невнятное и тут же сунул свою половинку в рот. Хелман жевал гораздо медленнее. Острый вкус редиски, казалось, произвел на давно уже бездействовавшие вкусовые рецепторы эффект взрыва.

— Жаль, маловато! — задумчиво заметил Хелман.

Каскер не ответил. Все его внимание было сосредоточено на приближающемся красном карлике.

Проглотив последний кусочек редиски, Хелман сдержанно вздохнул. В последний раз они обедали три дня назад... если два печенья и чашку воды можно назвать обедом. Эта редиска, упавшая теперь в пустоты их желудков, была последней съедобной вещью на борту корабля.

— Две планеты, — сообщил Каскер. — Одна, должно быть, просто в головешку превратилась.

— Значит, садимся на вторую.

Каскер кивнул и включил тормозную установку.

И Хелман почувствовал, что, помимо собственной воли, в сотый раз уже пытается понять, в чем же заключалась их ошибка. Неужели он неверно рассчитал необходимый запас продовольствия, когда они покидали станцию Калао? В конце концов, тогда его действительно больше всего заботило оборудование для шахт... А может, команда технического снабжения просто забыла погрузить на борт эти последние и такие драгоценные ящики?

Он потуже затянул ремень — уже на четвертую из тех новых дырочек, которые пришлось сделать за последнее время.

Гадать бессмысленно. Положение у них хуже некуда, какова бы ни была его причина. Что самое смешное, топлива более чем достаточно, чтобы вернуться на Калао! Но если так пойдет и дальше, то прибудут они туда в виде идеально мумифицировавшихся трупов.

— Входим в атмосферу, — сказал Каскер.

Как назло, в этой практически не исследованной части космического пространства было совсем мало звезд и еще меньше планет. Возможно, оставалась еще какая-то слабая надежда, что им удастся пополнить запасы воды, но в высшей степени маловероятно, что они найдут хоть что-то съедобное...

— Ты только посмотри, что за местечко! — пробурчал Каскер.

Хелман встряхнулся и заставил себя отвлечься от мрачных раздумий.

...Планета была похожа на круглого серо-коричневого дикобраза, ощетинившегося миллионами острых горных вершин, которые посверкивали в неярком свете красного карлика. Корабль кружил над планетой, опускаясь все ниже и ниже, и невероятные иглы эти, казалось, тянулись ему навстречу.

— Господи, да не вся же она покрыта горами, в конце концов! — вырвалось у Хелмана.

— Не вся.

Там, разумеется, оказались моря и озера, но и из них, точно зубы, торчали вершины островов-гор. И ни одной ровной площадки, ни малейшего намека на цивилизацию или хотя бы на существование живых существ!

— По крайней мере, кислорода в атмосфере достаточно, — сказал Каскер.

Они продолжали кружить над планетой, постепенно тормозя и спускаясь все ближе к поверхности. Но по-прежнему внизу не было видно ничего, кроме гор, озер, морей и снова гор, гор...

На восьмом витке Хелман умудрился заметить на одной из вершин одинокое здание. Каскер от волнения настолько резко затормозил, что перед глазами у обоих поплыл жаркий красный туман. И все же благодаря этому уже на одиннадцатом витке корабль снизился настолько, что можно было садиться.

— Какому идиоту пришло в голову строить здесь дом! — вырвалось у Каскера.

Здание было похоже на пончик с дыркой посредине. «Пончик» был весьма удачно надет на острую вершину горы, а вокруг него тянулась широкая ровная площадка, похожая на оттопыренную губу. По ней-то и помчался посаженный Каскером корабль.

С высоты здание казалось просто очень большим. Но когда корабль сел, оно оказалось невероятно громадным! Хелман и Каскер вылезли из корабля и медленно пошли к этому мегалиту. Хелман держал скорчер наготове, однако никаких признаков жизни заметно не было.

— Планета, должно быть, давно покинута ее обитателями. — Хелман говорил чуть ли не шепотом.

— Да любой здравомыслящий народ сбежал бы отсюда! — откликнулся Каскер. — Лучше умереть от голода, чем всю жизнь торчать на конце иглы.

Они подошли к зданию вплотную. Хелман попытался открыть дверь и обнаружил, что она заперта. Он оглянулся: вокруг был исключительно впечатляющий горный пейзаж.

— А знаешь, — сказал он Каскеру, — когда эта планета еще пребывала в жидком состоянии, на нее, видимо, оказывали значительное гравитационное воздействие несколько гигантских спутников-лун, которые впоследствии распались. И под их влиянием произошла та деформация поверхности, из-за которой планета похожа теперь на ежа или дикобраза, и...

— Да хватит тебе философствовать! — безжалостно оборвал его Каскер. — Сразу видно, что ты был библиотекарем, пока не решился разбогатеть на добыче урана!

Хелман пожал плечами, умолк и прожег скорчером дыру в двери — там, где был замок. Они немного подождали, но в ответ не услышали ни звука; лишь громко бурчали их пустые животы.

И тогда они вошли внутрь.

Огромное помещение довольно странной, клинообразной формы служило, по всей видимости, чем-то вроде склада. Различные ящики и мягкие упаковки всех размеров и форм громоздились до потолка, кучами лежали на полу или кое-как были рассованы по стеллажам. Некоторые контейнеры были настолько велики, что там запросто мог бы поместиться слон; другие, напротив, казались не больше наперстка.

Возле двери они заметили пыльную стопку книг, и Хелман тут же нагнулся и стал их листать.

— Здесь где-нибудь непременно должна быть еда, — твердым тоном заявил Каскер, и впервые за последнюю неделю лицо его прояснилось. Он принялся открывать первую попавшуюся консервную банку.

— Вот тут мне кое-что весьма интересное попалось... — сказал Хелман, вытаскивая из груды книг одну.

— Сперва давай поедим, — остановил его Каскер и приподнял крышку банки. Внутри оказалась странная коричневатая пыль. Каскер сунул туда нос, чихнул и поморщился.

— Нет, правда, ужасно интересно! — продолжал между тем Хелман, перелистывая книгу.

Каскер открыл вторую банку, но в ней оказалась какая-то блестящая зеленоватая слизь. Он поспешно прикрыл крышку и открыл третью банку. Здесь тоже было нечто слизистое, но уже мутно-оранжевого цвета.

— Хм? — пробормотал Хелман, погруженный в чтение.

— Хелман, черт тебя побери! Будь так любезен, брось свою книжонку и помоги мне отыскать жратву!

— Жратву? — тупо повторил Хелман, с трудом отрываясь от книги. — А с чего ты решил, что здесь можно найти что-то съедобное? Может, это вообще какая-нибудь фабрика красок?

— Нет, это склад! — рявкнул Каскер и открыл очередную банку, формой напоминавшую фасолину. Оттуда он вытащил

мягкую лиловато-красную «палочку», которая сперва быстро затвердела, а потом, когда он попытался ее понюхать, раскрошилась в пыль. Каскер наклонился, взял щепотку этой пыли и поднес ко рту.

— А вдруг это экстракт стрихнина? — быстро схватил его за руку Хелман.

Каскер бросил порошок и тщательно вытер руку.

— В конце концов, — заметил Хелман, — даже если предположить, что это склад — или тайный запас провианта, если тебе угодно так думать, — мы же все равно не знаем, что здешние обитатели считали нормальной пищей. А может, они салат серной кислотой заправляли?

— Ну хорошо, — смирился Каскер. — Но поесть-то мы должны все-таки! Как ты эту задачку решить собираешься? И что мы со всем этим делать будем? — Он обвел рукой многие сотни ящиков, банок и бутылок.

— Самое главное, — решительно заявил Хелман, — произвести квалификационный анализ четырех-пяти образцов, то есть, для начала, протитровать содержимое банки, выделить его основной ингредиент, определить характер осадка и проверить, чем отличается его молекулярный состав от...

— Хелман, ты понимаешь, что говоришь?! Вспомни: ты же библиотекарь, а я пилот почтового самолета! Мы оба понятия не имеем, как полагается титровать и как выделять этот основной ингредиент!

— Ты прав, — согласился Хелман, — и все-таки придется действовать именно так. Это единственно правильный путь.

— Ну еще бы! Значит, подождем настоящего химика. Вот только интересно, чем мы с тобой будем заниматься, ожидая, пока он сюда случайно заглянет?

— А знаешь, что нам поможет? — сказал Хелман, не обращая внимания на его сарказм. — Эта книга!

— И что это за книга такая? — спросил Каскер, изо всех сил стараясь проявить терпение.

— Карманный словарь и краткая грамматика языка хельг!

— Хельг?

— Так называется планета, на которой мы находимся. И вот эти знаки совпадают с теми, что написаны на коробках.

Каскер изумленно поднял бровь:

— Никогда не слыхал о планете Хельг!

— Я думаю, вряд ли жители Хельга когда-либо вступали в контакт с землянами, — сказал Хелман. — И это ведь не англо-хельгский словарь. Это словарь хельго-алумбригийский!

Каскер припомнил, что на Алумбригии проживает некая

весьма предприимчивая раса рептилий и планета эта расположена где-то в самом центре галактики.

— А ты-то где научился по-алумбригийски читать? — спросил он.

— О, профессия библиотекаря вовсе не такая уж бесполезная! — скромно заметил Хелман. — В свободное время...

— Я-а-асно. Ну а как насчет...

— Знаешь ли ты, например, — с воодушевлением продолжал Хелман, — что скорее всего именно алумбригийцы помогли обитателям Хельга покинуть родную планету и подыскать себе другую, более удобную для жизни? Они славятся подобными услугами. Так что здание это, весьма возможно, действительно является запасным складом продовольствия!

— Ну так, может, ты начнешь переводить надписи на упаковках? — устало предложил Каскер. — И даже отыщешь что-нибудь поесть?

Они открывали коробки и банки до тех пор, пока не наткнулись на что-то, с виду вроде бы съедобное. Хелман долго и тщательно разбирался в написанных на коробке символах.

— Так, понял! — воскликнул он наконец. — Здесь сказано: «Пользуйтесь нашими наносниками!.. Абразивный материал высшей пробы!»

— Звучит не слишком аппетитно, — заметил Каскер.

— Боюсь, что да.

— Как ты думаешь, что за твари были эти хельги? — спросил Каскер.

Хелман пожал плечами.

Для перевода следующей наклейки потребовалось целых пятнадцать минут. Она гласила: «Аргосель приведет вашу тудру в восторг! Содержит тридцать арпов рамстатной пульцы для смазки раковины».

— Но должно же здесь найтись для нас хоть что-нибудь съедобное! — в отчаянии воскликнул Каскер.

— Надеюсь, — откликнулся Хелман.

Прошло два часа, но к своей заветной цели они так и не приблизились, хотя перевели более десятка названий и перенюхали столько разной дряни, что обоняние у обоих в какой-то момент начисто отказало.

— Давай поговорим спокойно, — предложил Хелман, садясь на ящик с надписью: «Отличное червекрутное средство!».

— Давай, — согласился Каскер и растянулся на полу. — Ну, говори.

— Если бы мы путем дедукции сумели выяснить, что за

обитатели населяли эту планету, то узнали бы, чем они питались и годится ли их пища для нас.

— Ну, пока что нам удалось прочесть только кучу всякой рекламной чепухи.

Хелман, не обращая внимания на его слова, продолжал рассуждать:

— Во-первых: интересно, что за вид разумных существ мог жить на планете, практически полностью состоящей из гор?

— Только законченные идиоты! — буркнул Каскер.

Впрочем, и Хелман не сумел сделать никаких сколько-нибудь значительных выводов относительно обитателей гористой планеты. Он, например, так и не понял, что было в основе их пищи — кремний, белки, йод или какие-то другие элементы.

— Ну хорошо, — Хелман все еще не отчаивался, — значит, придется искать решение с помощью чистой логики... Ты меня слушаешь?

— Еще бы! — сказал Каскер.

— Тогда так: есть одна старая пословица, исключительно подходящая к данной ситуации: «Что одному здóрово, то другому смерть». Знаешь?

— Ага, — протянул Каскер. Ему казалось, что желудок у него ссохся до размеров игрушечного «мраморного» шарика.

— Во-первых, можно допустить, что если пища «здорова» для них, то годится и для нас.

Каскер с трудом отогнал от себя мучительное видение пяти сочных ароматных кусков ростбифа и спросил:

— А если то, что для них здóрово, для нас смерть? Что тогда?

— А тогда, — ответил Хелман, — допустим второй вариант: то, что для них яд, здóрово для нас.

— А если это яд и для нас?

— Будем голодать.

— Ладно, — сказал Каскер и встал. — С какого варианта начнем?

— Ну, не стоит, пожалуй, искушать судьбу... В конце концов, атмосфера здесь богата кислородом, если это имеет какое-то значение... Допустим сперва, что и мы можем употреблять в пищу некоторые их основные продукты питания. Если же нет, тогда уж попробуем то, что они считают ядовитым.

— До этого еще дожить нужно, — заметил Каскер.

И Хелман принялся переводить этикетки. На складе в ассортименте имелись, например, такие загадочные вещи, как «Истинное наслаждение для андрогинов» и «Вербелл! Он сделает ваши усы еще длиннее, ветвистее и чувствительнее!». Наконец они нашли небольшой серый ящик — примерно 6x3x3

дюйма, — надпись на котором гласила: «Валькорин: универсальная приправа для любых пищеварительных систем».

— Звучит ничуть не хуже, чем все прочее, — сказал Хелман и открыл коробку.

Каскер наклонился и понюхал.

— Ничем не пахнет, — сказал он.

В коробке они обнаружили желеобразное красное существо, похожее формой на медузу. «Медуза» чуть подрагивала.

— А ну-ка попробуй его на вкус, — сказал Каскер.

— Я? — изумился Хелман. — А почему не ты?

— Ты же его выбрал.

— Я могу просто посмотреть, — с достоинством возразил Хелман. — И с голоду я пока что не умираю!

— Я тоже, — сказал Каскер.

Сидя на полу, они минут десять смотрели на желеобразную штуковину. Потом Хелман зевнул, лег навзничь и закрыл глаза.

— Ну ладно, жалкий трус! — с горечью воскликнул Каскер. — Я его попробую первым! Но учти: если я отравлюсь, сам ты никогда с этой планеты не выберешься. Ты же кораблем управлять не умеешь!

— А ты откуси совсем чуточку, — посоветовал Хелман.

Каскер наклонился и потыкал в прямоугольную «медузу» пальцем.

«Медуза» захихикала.

— Ты слышал?! — так и взвился Каскер.

— Ничего я не слышал, — заявил Хелман. Но руки у него тряслись. — Да пробуй же!

Каскер снова потыкал в загадочный предмет пальцем: смех стал громче. К тому же на поверхности «медузы» появилось нечто вроде отвратительной ухмылки.

— Так, — сказал Каскер. — Что будем пробовать дальше?

— Дальше? А это тебе чем не подходит?

— Я не ем то, что способно смеяться, — твердо заявил Каскер.

— Послушай, — сказал Хелман, — скорее всего его создатели просто стремились придать ему не только приятную, с их точки зрения, форму и цвет, но и... развлечь едока веселым смехом. Возможно, это придумано специально!

— Ну так и пробуй сам! — рассердился Каскер.

Хелман гневно сверкнул очами, но не сделал и малейшего движения в сторону желеобразного предмета. Помолчав некоторое время, он тихо, с явным усилием предложил:

— Давай уберем его куда-нибудь подальше, а?

Они зашвырнули «медузу» в угол, и она лежала там, тихонько, как бы про себя, посмеиваясь.

— Ну, что теперь? — спросил Каскер.

Хелман огляделся: вокруг по-прежнему высились горы неведомых предметов. Потом он заметил в обеих длинных стенах клинообразного помещения какие-то двери.

— Давай посмотрим: может быть, там еще что-то есть? — предложил он.

Каскер равнодушно пожал плечами.

Они медленно подошли к той двери, что была слева от них. Она оказалась запертой. Но Хелман снова пустил в ход скорчер.

За дверью была точно такая же клинообразная комната, битком набитая иноземными товарами.

Возвращение назад и путь к двери в противоположной стене показались им ужасно долгими, словно они прошли несколько миль. Хелман выжег замок, и они заглянули внутрь.

— Все абсолютно то же самое, — сказал печально Каскер и закрыл дверь.

— Очевидно, эти помещения представляют собой секторы одного круга и расположены одно за другим по периметру всего здания, — предположил Хелман. — Может, стоит их все осмотреть?

Каскер прикинул, сколько им придется пройти, сопоставил этот путь со своим и Хелмана физическим состоянием и тяжело плюхнулся на какой-то продолговатый серый предмет.

— Не стоит беспокойства, — только и сказал он.

А Хелман все старался собраться с мыслями. Конечно же, есть какой-то выход, думал он, и мы должны непременно отыскать здесь для себя пищу! Вот только как подобраться к решению этой задачи?

Для начала он обследовал предмет, на котором сидел Каскер. Размером и формой эта штуковина напоминала большой гроб с неглубокой выемкой в крышке. «Гроб» был сделан из какого-то твердого рифленого материала.

— Как ты думаешь, что бы это могло быть? — спросил Хелман.

— Какая разница?

Хелман внимательно рассмотрел знаки на боковой стенке «гроба» и заглянул в словарь.

— Потрясающе! — прошептал он через некоторое время.

— Неужели это едят? — спросил Каскер почти безнадежным тоном.

— Нет. Здесь сказано: «Традиционное транспортное суперсредство морогов. Прекрасно подходит для хельгов с тонким

вкусом, предпочитающих вертикальное перемещение». Значит, это транспортное средство!

— Ну и что? — тупо спросил Каскер.

— Но это же очень важно! Интересно, как оно работает? Ты бы взглянул, а?

Каскер с видом до крайности утомленного знатока слез с «традиционного транспортного суперсредства морогов» и, внимательно осмотрев, обнаружил в его углах четыре почти незаметных отсека.

— Похоже, у него есть что-то типа шасси, но я не вижу колес...

Хелман прочел дальше:

— Здесь говорится еще, что ему требуется три амфуса высокоактивного топлива «Интегор» и канистра смазочного масла «Тондер». Не рекомендуется также в течение первых пятидесяти мунгусов ехать со скоростью, превышающей три тысячи рулов.

— Слушай, давай лучше поищем что-нибудь пожевать, хорошо? — безнадежным тоном попросил Каскер.

— *Неужели ты до сих пор не понял, как это важно?* — возмутился Хелман. — Возможно, именно благодаря этой штуке мы и решим все свои проблемы! Если нам удастся постичь логику создателей этого «транспортного суперсредства», можно будет, хотя бы отчасти, понять и уровень их мышления. Что, в свою очередь, дало бы нам ключ к типу их высшей нервной деятельности, которая, естественно, влияет на биохимический обмен...

Каскер буквально окаменел, точно решая, хватит ли у него сил удушить Хелмана, а тот продолжал самозабвенно вещать:

— Итак, транспортное средство какого типа можно использовать на подобной планете? Разумеется, не колесное! Здесь ведь сплошные подъемы и спуски. Антигравитационное? Возможно. Но какой именно тип антигравитационного устройства? И почему, в таком случае, обитатели планеты предпочли форму ящика, а не...

Каскер с грустью решил, что сил удушить Хелмана у него все-таки не хватит, хотя это было бы чрезвычайно приятно. Очень тихо он промолвил:

— Будь так добр, прекрати играть роль великого ученого, и давай поищем, нет ли тут чего-нибудь, что можно было бы бросить в брюхо.

— Хорошо, — сказал Хелман и обиженно умолк.

Каскер наблюдал, как его напарник бродит среди жестянок, бутылок и ящиков. Интересно, вяло думал он, откуда у этого Хелмана только силы берутся? Наверное, этот умник чересчур много думает и просто не отдает себе отчета в том, что скоро подохнет с голоду.

— Эй, тут что-то есть! — крикнул ему Хелман, останавливаясь перед большой желтой бочкой.

— И что на ней написано?

— Трудновато перевести... Примерно следующее: «Напиток «Вузи Моришилла» с добавкой лактоэкто, придающей ему совершенно новый вкус! Все пьют только «Вузи»! Можно употреблять как до еды, так и после. Не имеет никаких вредных последствий для организма. Отличный напиток для детей! «Вузи Моришилла» известен каждому во Вселенной!»

— Звучит неплохо! — согласился Каскер и подумал, что Хелман, в конце концов, не такой уж лопух.

— Похоже, мы все-таки сможем понять, годится ли нам то, что для них так здорово, — сказал Хелман. — Пока что эта «Вузи» — самая замечательная вещь из тех, что я здесь видел.

— Пожалуй, — согласился Каскер. — А вдруг это обыкновенная вода?

— Сейчас посмотрим. — И Хелман с помощью скорчера вскрыл жестяную бочку.

Там была абсолютно прозрачная жидкость.

— Запаха нет, — сказал Каскер, наклоняясь над бочкой.

Прозрачная жидкость тут же поднялась ему навстречу.

Каскер так резко отпрянул, что налетел на ящик и упал. Хелман помог ему встать, и они снова приблизились к бочке. Но стоило им подойти, как жидкость сама по себе поднялась фута на три в воздух и направилась к ним.

— Хелман! — взвизгнул Каскер.

Хелман, отскочив в сторону и обливаясь потом, что-то судорожно пытался найти в своем словаре.

— Похоже, я неверно перевел... — пробормотал он.

— Сделай же что-нибудь! — закричал Каскер. Жидкость ловко попыталась загнать его в угол.

— Ничем не могу тебе помочь, — снова пробормотал Хелман, не отрываясь от словаря. — Ага, вот где ошибка! — крикнул он. — Здесь говорится не «все пьют «Вузи» — я перепутал местами подлежащее и объект! — а «Вузи пьет все». Это уже кое-что! Хельги, должно быть, впитывали жидкость через поры. Естественно, они предпочитали не пить, а быть напоенными.

Каскер попытался прокрасться мимо жидкости, но она с веселым смехом отрезала ему путь. В отчаянии он швырнул в «Вузи» какой-то банкой. Она ловко поймала банку, высосала ее содержимое и швырнула пустой банкой в Каскера.

Хелман кинул в нее каким-то ящиком. С ним «Вузи» поступила точно так же, как с банкой. Потом она «уговорила» еще

парочку тяжеленных банок, которыми продолжал швыряться в нее Каскер, и, видно, несколько устав, откатилась назад и убралась в свою бочку.

Каскер захлопнул крышку и сел на нее, весь дрожа.

— Мда, дела неважнецкие, — молвил Хелман. — И с чего мы взяли, что жители Хельга принимают пищу тем же способом, что и земляне? Но, разумеется, данный случай вовсе не означает...

— Нет, не означает! Нет, сэр, вовсе не означает! Да мы же собственными глазами видели, что не означает! Любой бы сразу понял, что не означает!..

— Прекрати! — сурово прикрикнул на него Хелман. — У нас нет времени на истерики.

— Извини. — Каскер медленно отошел от бочки с «Вузи».

— Придется, видно, отказаться от первого варианта, — задумчиво проговорил Хелман. — Скорее всего для них здорово то, что для нас смерть. Значит, остается проверить, не является ли то, что для них смерть, здоровым для нас.

Каскер ничего не сказал. Его по-прежнему занимала мысль о том, что произошло бы, если б «Вузи» все-таки его выпила.

А в уголке продолжала тихонько, как бы про себя, хихикать красная желеобразная «медуза».

— Вот, по-моему, нечто, вполне похожее на яд, — сказал Хелман полчаса спустя.

Каскер уже совершенно пришел в себя, разве что губы еще слегка нервно подергивались.

— И что там написано? — спросил он.

Хелман, положив на ладонь маленький тюбик, прочитал:

— «Шпаклевка Пвасткина». Так... вот тут еще: «Осторожно! Очень опасно! «Шпаклевка Пвасткина» предназначена для заполнения дыр или трещин размером не более двух кубических вимов. Совершенно несъедобно! Входящий в состав шпаклевки активный рамотол, делающий данное средство столь эффективным, крайне опасен для вашего здоровья».

— Звучит просто великолепно! — заметил Каскер. — Наверно, в клочья кишки разорвет!

— У тебя есть другие предложения? — спросил Хелман.

Каскер задумался. Пища жителей Хельга оказалась явно непригодной для людей. Ну что ж, может быть, то, что для них смерть... Или все-таки лучше умереть с голоду?

После краткого совещания с собственным желудком он решил, что умереть с голоду НИЧУТЬ не лучше.

— Давай! — сказал он решительно.

Хелман зажал скорчер под мышкой и аккуратно отвинтил крышечку тюбика. Потом встряхнул его.

Ничего не произошло.

— Он запечатан, — показал пальцем Каскер.

Хелман проткнул фольгу ногтем и положил тюбик на пол. Оттуда показалась зловонная пена.

Хелман с сомнением смотрел на нее. Пена собралась в шар, который все время увеличивался.

— Может, это дрожжи? — предположил Хелман, крепче сжимая скорчер.

— А ты попробуй! Смелость города берет!

— Пробуй сам! Я тебе мешать не стану.

Шар был уже с человеческую голову.

— И как долго, интересно, это будет продолжаться? — спросил Каскер, глядя на тюбик.

— Ну, — попытался успокоить его Хелман, — там же написано, что это шпаклевка. Она, по-моему, и должна, выходя из тюбика, расширяться, превращаясь в пену, и закупоривать разные дырки и щели...

— Это верно, но сколько же ее там?

— К сожалению, неизвестно, что такое «два кубических вима». Впрочем, вряд ли чересчур...

За разговором они не заметили, что пенистый шар успел заполнить собой уже с четверть объема комнаты и не обнаруживал ни малейшего намерения останавливаться на достигнутом.

— Господи, там ведь было написано: «Очень опасно!» — заорал Каскер. Теперь шар, продолжая стремительно увеличиваться, окончательно отделил его от Хелмана. — Это действительно очень опасно!!!

Липкая поверхность шара коснулась Хелмана. Он отпрыгнул.

— Осторожней!

Они уже не могли дотянуться друг до друга. Хелман попытался обежать шар кругом, но тот сразу резко увеличился, преградив ему путь и буквально пожирая узенькую полоску пространства, остававшуюся у стены.

— Беги! — крикнул Хелман приятелю и бросился к двери, оказавшейся как раз у него за спиной.

Он успел распахнуть ее в ту самую минуту, когда невероятно раздувшийся шар снова коснулся его, и услышал, как на противоположном конце комнаты с грохотом захлопнулась другая дверь. Больше Хелман ждать не стал и, быстро прикрыв за собой дверь, прислонился к ней спиной.

Какое-то время он просто стоял, пытаясь отдышаться и судорожно сжимая в руке скорчер. До сих пор он даже не догадывался, насколько успел ослабеть! Этот рывок к двери оставил его практически без сил. Слава богу, хоть Каскер спастись успел!

Зато ему самому по-прежнему грозила опасность.

«Шпаклевка Пвасткина», весело пенясь, уже вовсю просачивалась в дыру, зиявшую на месте выжженного скорчером замка. Хелман попробовал сбить ее выстрелом, однако она, по всей видимости, была совершенно неуязвима... Вот уж, подумал Хелман, шпаклевка так шпаклевка!

И конца этому пенному потоку видно не было.

Хелман поспешил к дальней стене. Дверь, разумеется, была заперта, так что и этот замок пришлось выжечь.

Сколько ее там еще, в этом тюбике? Господи, что же такое — «два кубических вима»? А вдруг это две кубических мили? Он догадался: видимо, этой пеной заделывали трещины в гористой поверхности самой планеты.

Остановившись, чтобы перевести дыхание, Хелман вспомнил, что здание имеет форму кольца и можно с помощью скорчера проложить путь сквозь все двери и воссоединиться с Каскером! Ну а потом уж, с двумя-то скорчерами, они найдут способ выбраться наружу...

Вот только у Каскера скорчера нет!

Хелман похолодел, вспомнив об этом. Ну конечно! Каскеру удалось открыть дверь в соседнее помещение только потому, что они раньше выжгли там замок! И чертова пена, несомненно, уже успела туда проникнуть... Каскеру оттуда не выбраться! Слева ползет проклятая шпаклевка, а справа дверь заперта!

Собрав последние силы, Хелман побежал. Казалось, ящики нарочно преграждают ему путь, стараясь загнать в ловушку, задержать. Взорвав следующую дверь, он бросился дальше. И дальше. И дальше...

Господи, неужели эта дрянь успела заполнить помещение, где скрывался Каскер!

А вдруг успела?

Клинообразным помещениям, казалось, не будет конца, и бесконечной была эта череда запертых дверей и груд непонятных предметов за ними. Хелман споткнулся о какой-то сосуд и упал. Вскочил было на ноги и снова упал. Видно, полностью исчерпал силы, ноги уже не держат. Но ведь Каскер — его друг!

Да и без пилота ему никогда из этого ада не выбраться!

Он с трудом преодолел еще две двери; ноги подгибались; перед третьей дверью он потерял сознание.

— Эй, Хелман, это ты? — услышал он вдруг голос Каскера.

— Я! Ты-то как там? Жив? — еле слышно выдохнул Хелман.

— Места тут, правда, маловато осталось, — ответил Каскер, — зато чертов пузырь вроде расти перестал. Слушай, Хелман, вытащи меня отсюда поскорей, а?

Хелман лежал на полу и тяжело дышал.

— Минутку, — сказал он. — Одну минутку погоди, ладно? Черт бы все это побрал!

— Вытаскивай скорее! — заорал Каскер. — Я тут воду нашел!

— Что?!

— Да открывай же!

Хелман попробовал встать и не смог: ноги отказывались повиноваться.

— Что там у тебя происходит? — крикнул он.

— Когда я увидел, что чертов шар сейчас всю комнату заполнит, то решил попробовать запустить это «транспортное суперсредство». Вдруг, думал, оно дверь пробьет. В общем, я накачал в него «высокоактивного топлива «Интегор»...

— Вот как? — удивился Хелман, продолжая борьбу с собственными ногами.

— Знаешь, это «традиционное транспортное суперсредство» оказалось животным! А «высокоактивное топливо «Интегор» — обыкновенной водой! Да выпусти же меня отсюда наконец!

Хелман устало лег на спину и с облегчением вздохнул. Эх, будь у него чуть больше времени, он бы и сам до этого додумался, рассуждая логически. Как же все оказалось просто! Действительно, самое эффективное транспортное средство, способное ползать по этим крутым и острым как бритва скалам, конечно же, должно было оказаться животным! Возможно, оно удерживается на склонах благодаря втягивающимся внутрь присоскам... а между поездками, вероятно, пребывает в состоянии спячки. Ну а если оно пьет воду, то и другие продукты, предназначенные для него, вполне возможно, удобоваримы и для них... Разумеется, они по-прежнему крайне мало знают о бывших обитателях планеты, однако несомненно...

— Да подожги ты эту дверь! — пронзительно завопил вдруг Каскер, и голос его сорвался.

А Хелмана продолжала донимать мысль о том, какова все же ирония судьбы. Если для кого-то здорово и ядовито то же самое, что и для тебя, так пробуй что-то совсем иное, третье! Вот уж действительно просто!

Но кое-что по-прежнему его беспокоило.

— А откуда ты узнал, что это животное земного типа? — спросил он.

— По его дыханию, тупица! Оно дышит, как земной зверь, а запах при этом из пасти такой, будто оно лука обожралось! — За дверью послышался грохот жестянок и звон бьющегося стекла. — Черт возьми: долго ты еще будешь копаться?!

— А в чем, собственно, дело? — спросил Хелман, умудрившись наконец встать и прицеливаясь в замок из скорчера.

— Это «транспортное суперсредство» загнало меня в угол; я от него за грудой каких-то ящиков прячусь. По-моему, оно считает, что мной вполне можно пообедать!

Поджаренное с помощью скорчера — отличное мясо, с точки зрения Хелмана, но несколько сыроватое, с точки зрения Каскера, — «традиционное транспортное суперсредство морогов» оказалось весьма съедобным. И главное, что на запасах этого жареного «суперсредства» они вполне смогут дотянуть до Калао.

ПЛЕННИКИ МАНИТОРИ

1

Я уже выходил из пояса астероидов, когда на экране радара возник новый объект. Судя по характеру сигнала, это была населенная малая планета, хотя в Реестре космической собственности, приведенном на последней странице лоции, она не значилась. Я задумался. Небольшое изменение курса, и через несколько часов я буду там. Кто заметит двухдневное опоздание, если перелет занимает несколько месяцев? А на населенных астероидах обычно рады гостям.

Я изменил курс.

Судя по всему, это чье-то частное владение. Вряд ли планета принадлежит какой-нибудь из великих держав. Вообще-то все они имели представительства в космосе, просто чтобы поддержать престиж. Австро-Венгрия держит большое посольство на Луне и маленькое на Цереpe. Китай посылал своих представителей на Луну, Цереру и Ио, равно как Англия и Франция. Практической пользы от этих посольств никакой, но нельзя же отставать от других.

Некоторые из самых богатых людей Земли построили себе в космосе роскошные виллы. Это достаточно просто, ведь внеземные перевозки дешевы, а квалифицированная рабочая сила еще дешевле. Кто не знает о Валгалле, астероиде семьи Круппов, или, скажем, о Кловисе, резиденции Ротшильдов.

Маленький мир на обзорном экране постепенно увеличивался в размерах. Вскоре я уже мог разглядеть единственное на планете большое здание. Место обычного для астероидов сборного домика занимал изящный особняк в колониальном стиле, с белыми колоннами и балконами. Вокруг росли кипарисы и плакучие ивы. Похоже, дом перенесли сюда прямо со старого Юга. Вокруг простирались поля и сады, рядом был бассейн и даже маленькая речка, а за ней — зеленые, поросшие соснами холмы, усеянные яркими пятнышками цветов. Наверное, это стоило владельцу уйму денег — одна только гравитация и освещение наверняка влетели в копеечку.

Игрушка для богача, подумал я. Владелец этой планетки — явно человек не моего круга. Ну и черт с ним. Я запросил по радио разрешение на посадку и немедленно получил его. С виду все было так просто... Я и не представлял себе, чем окончится мое приключение.

2

Кстати, меня зовут Нед Флетчер. Я космический пилот Южной Горнодобывающей Компании, рудники которой разбросаны по всей Солнечной системе. Вполне приличная работа, хотя и не первый класс, конечно. Я — что-то вроде водителя грузовика, разница лишь в том, что грузовик водить интереснее, чем космический корабль. На дороге всегда можно остановиться, зайти в кафе, выпить чашечку кофе и поболтать. Да нет, я не жалуюсь. Сейчас, во времена великой депрессии, человек счастлив, если у него есть хоть какая-то работа.

Когда я был маленьким и жил в Ист-Оранже, в штате Нью-Джерси, я часто видел по телевизору экстренные выпуски, посвященные космосу и космонавтам, и думал, что, когда вырасту, буду жить в мире, где огромные космические лайнеры открывают новые, чудесные миры, населенные экзотического вида разумными существами. Но исследователи не нашли в космосе никаких разумных существ. Вскоре люди обнаружили, что жить на Луне или на Венере совсем не так здорово, как им раньше казалось. Все интересное было на Земле. И когда я наконец вырос, в космосе жили лишь послы супердержав, эксцентричные миллионеры и шоферюги вроде меня.

Мне повезло, что я стал членом Союза Космических Водителей. Отец мой был скромным адвокатом, честным, а значит, и

бедным. В наследство мне достались только его друзья, большие шишки нью-джерсийской политики. Один из этих друзей нажал на какие-то рычаги и помог мне стать космическим водителем.

Название «космический водитель» звучит эффектно, но по сути наша работа мало чем отличается от работы обычного шофера. Мы проводим в одиночестве долгие месяцы, гоняя корабли между шахтами и складами на Луне и в поясе астероидов. Мы забираем руду из горнодобывающих автоматов и грузим ее на корабль при помощи автопогрузчиков. Людей на шахтах просто нет. Одно время поговаривали о том, чтобы ввести экипажи из двух и более человек. Провели даже несколько экспериментов, но все они окончились плачевно. Если пилотов было двое, они постоянно ссорились, а если трое, то к концу полета двое обязательно объединялись против одного. Была еще идея семейных экипажей, но тут решительно воспротивились профсоюзы, поскольку в этом случае за бортом оставались все холостяки. Кроме того, возникал вопрос, как поступать с младенцами. Ведь в семьях могли быть дети, а куда их девать в космосе? Так что идея, конечно, интересная, однако практически неосуществимая, особенно в наше время, когда безработица среди взрослых мужчин достигает двадцати пяти процентов.

Идею космических перевозок предложил Даймлер в 1929 году в Бранденбурге. Канцлером Австро-Венгрии был тогда Дольфус, а президентом Колониальных Штатов Америки — Джон Энтони Граймс. Для тринадцати Колониальных Штатов настали тяжелые времена. Со всех сторон нас окружали враждебные силы. К югу от Штатов находились Французская Флорида и Французская Луизиана. Граница Мексики тянулась от Техасской Республики до самого Сан-Франциско. В довершение ко всему постоянно бурлили Британская Канада, Французская Канада и русский штат Сибирь-Аляска.

Колониальные Штаты Америки — маленькая страна. Большинство американцев считало, что судьба отвернулась от нас. Кто бы мог подумать, что мексиканская экспедиция Першинга приведет к бесконечным ужасам мексикано-индейских вторжений? И это в то время, когда нам по горло хватало одних только французов, которые в любой момент могли отодвинуть границу Луизианы в глубь Индейских Территорий. А сепаратистские штаты, такие как Мормонская Теократическая Республика Морони? Плюс ко всему постоянные мелкие конфликты на границе с Команчерией, Апачерией и прочими индейскими государствами.

В Северной Америке слишком много стран, которые постоянно ссорятся друг с другом. Кое-кто говорит, что нам следовало объединиться с самого начала, тем самым мы бы избежали кучи неприятностей. Но такое даже представить себе трудно, особенно если учесть, насколько сильны индейцы и мексиканцы и насколько упорны европейцы. Наша последняя надежда угасла с гибелью Джорджа Вашингтона. Жаль, что мы тогда проиграли.

Через несколько лет Англия предоставила нам независимость, хотя договор предписывал нашей стране оставаться в пределах существующих границ. Другие государства уже заявили свои права на дикие территории, и правительство Колониальных Штатов не в состоянии было вышвырнуть их оттуда.

Увы, не только историческая, но и экономическая ситуация складывалась не в нашу пользу. В 1914 году, когда нависшая над Европой угроза войны чудесным образом отступила в результате убийства наследного принца Рудольфа в Сараеве, наступил период эйфории, закончившийся в 1929 году всеобщим крахом. После этого началась великая депрессия, которая и длится с тех самых пор вот уже семьдесят лет.

Сначала мы думали, что космические полеты и внеземная торговля изменят мировую ситуацию и принесут нам, американцам, процветание. Но космос оказался крайне неинтересным местом как в экономическом, так и в эстетическом плане. Несмотря ни на что, все лучшее оставалось на Земле. Никогда еще королевские дворы Европы не блистали такой пышностью и великолепием. Никогда консерватизм не был столь силен. Если сначала космические полеты смотрелись романтическим новшеством, то теперь их было принято считать никому не нужным сумасбродством. И европейцы предоставили все космические исследования нам, американцам.

Мы построили шахты на Луне и в поясе астероидов. Низкая цена космических перевозок позволила осуществить этот проект без привлечения европейского или восточного капитала. Получаемые от продажи руды прибыли несколько увеличили наш национальный доход, но не изменили ситуации в целом. Экономически мы все еще зависели от европейцев и продолжали снабжать их рудой и продуктами питания.

Прямо скажем, мучительная ситуация. Поэтому многие из нас мечтали вырваться, избрать себе иную, славную и героическую судьбу. Америка все еще оставалась страной великих надежд.

3

Я загнал корабль в док, прошел через шлюз и оказался в большой комнате с металлическими стенами, очевидно, служившей здесь приемной. Меня встретил бородатый мужчина

лет тридцати пяти в синей матросской робе, черных клешах и черной бескозырке.

— Добро пожаловать на Манитори. Меня зовут Хенк. Пожалуйста, следуйте за мной.

Мы прошли по коридору, поднялись по лестнице, миновали еще один коридор. Наконец Хенк остановился около какой-то двери и распахнул ее.

— Одежда для вас уже приготовлена. К обеду у нас принято переодеваться. Губернатор будет ждать в столовой.

И Хенк ушел.

Я остался один в большой роскошно обставленной комнате. На огромной низкой кровати лежала одежда — белая куртка и белые же спортивные брюки. Рядом со спальней находилась ванная. Стены ее были покрыты белоснежным кафелем, а сама ванна скорее напоминала небольшой бассейн. Ничего подобного на наших кораблях не встретишь. Я с наслаждением соскреб с себя грязь, побрился как следует и надел приготовленный костюм. Вскоре вернулся Хенк и проводил меня в столовую.

Столовую эту следовало бы назвать банкетным залом. Одни ореховые панели на стенах стоили уйму денег, не говоря уже о хрустальных люстрах. Огромный стол был накрыт на пять персон. Во главе стола расположился высокий лысый человек с мягкой струящейся бородой. Он, очевидно, и был моим сегодняшним хозяином. Я подошел поближе и протянул руку.

— Меня зовут Нед Флетчер. Спасибо вам большое за любезное разрешение посетить вашу планету.

— Добро пожаловать. Меня зовут Смит, и я хозяин этого астероида. Мы называем его Манитори. Позвольте представить вам моих товарищей, доктора Ханна и капитана Лопеса. А это — моя дочь Вера.

Вера была маленькой симпатичной девушкой лет, наверное, двадцати. Каштановые кудри обрамляли живое интересное личико. Одета она была в бледно-зеленое шифоновое вечернее платье. Позже я узнал, что платье привезено из Парижа, хотя сама Вера никогда там не бывала. Задумчиво улыбаясь, она окинула меня рассеянным взором и тут же отвернулась. Но потом я несколько раз ощущал на себе ее пристальный взгляд.

То, что здесь называли обедом, на самом деле было роскошным пиром. Даже на Земле нечасто встретишь такое, а уж тут, в поясе астероидов, подобное изобилие казалось чем-то сверхъестественным. Изысканные блюда следовали одно за другим. Прислуживали за столом двое — Хенк и еще один человек, тоже в матросском костюме. Оба они были довольно искусны, хотя что-то в их поведении меня настораживало. Потом-то я понял: эти люди вели себя как зомби.

Капитан Лопес оказался изящным оливково-смуглым субъектом с тонкими усиками. Одет он был в свежевыглаженную форму защитного цвета без знаков различия. Капитан почти не разговаривал. Доктор Ханн, напротив, удостоил меня беседы. Уже немолодой, с густой черной шевелюрой и заметно дрожащими руками, доктор сказал мне, что отвечает за здоровье обитателей Манитори, но в основном все его время занято исследованиями. Что это за исследования, он уточнять не стал.

Когда обед подходил к концу, мистер Смит произнес:

— Как все-таки приятно увидеть новое лицо. Особенно, я уверен, это касается Веры. Ей редко удается поговорить с людьми своего возраста. Мистер Флетчер, мы рады вашему обществу и надеемся, что вы побудете у нас немного. Хотя я понимаю: вы, пилоты, связаны жестким расписанием. Комната и все, что вам может понадобиться, — в вашем распоряжении.

— Вы очень добры, сэр, — ответил я. — Безмерно вам благодарен.

— Отлично! Смело гуляйте по всему астероиду. Манитори — чудесный маленький мирок. В нем все продумано до мельчайших деталей. Вера с удовольствием вам его покажет. Но должен вас предупредить о существовании запретной зоны, куда разрешается входить только персоналу. Это сделано ради вашей же безопасности. В запретной зоне находится энергетическая станция.

4

В тот день я рано лег спать, а утром отправился рассматривать астероид. Все, что я увидел, было красивым и очень дорогим. Продуманная асимметрия и даже некоторая грубость ландшафтов создавала впечатление, что все здесь настоящее. Каких же трудов, наверное, стоит поддерживать планету в таком состоянии!

Прошел день, потом еще один, а я все гостил на Манитори. Я просто не мог заставить себя покинуть этот чудесный маленький мирок.

Вера часто сопровождала меня в моих прогулках. Мы бродили среди желтых полей, прогретых солнцем позднего лета. Отец позволил ей устроить для меня грозу с помощью погодной установки. Сначала появились тяжелые свинцовые тучи. Они сталкивались и наползали друг на друга, как огромные мешки с камнями. Потом засверкали молнии, раздались раскаты грома, и начался ливень.

Мы с Верой бросились искать укрытия под деревьями, од-

нако мгновенно промокшая одежда прилипала к телу и мешала бежать. Мы падали, барахтались в лужах, вставали и снова падали, не переставая хохотать.

Под кроной могучего дуба было немного суше, но стихии вокруг продолжали бушевать. Обоих нас била крупная дрожь, и мы прижались друг к другу, чтобы хоть немного согреться. В этот момент я с безумной остротой ощутил, что передо мной привлекательная молодая женщина. Но я приказал себе выбросить это из головы. Смит, несомненно, очень богатый человек. У его дочери блестящее будущее — вряд ли он мечтает выдать ее замуж за космического водителя.

Одного я все же не мог понять. Чтобы поддерживать все это в рабочем состоянии, нужна сложнейшая система управления и множество операторов. Горстка обитателей астероида физически не могла справиться с подобной задачей. Что-то тут было не так. Мне очень захотелось взглянуть на их силовую установку, однако вход на энергетическую станцию был спрятан в склоне небольшого холма и загорожен металлической решеткой.

Вечером, как всегда, пришел Хенк, чтобы принести мне чистую одежду и перестелить белье.

— Хенк, — спросил я его, — что здесь на самом деле происходит? Почему энергетическая станция закрыта для посторонних?

— Мне не разрешается обсуждать этот вопрос, — ответил Хенк.

— Ладно, придется спросить губернатора.

— На вашем месте я бы этого не делал.

— Почему? Что здесь все-таки не так?

Хенк внимательно посмотрел на меня.

— Вы в самом деле хотите узнать?

— Да, хочу.

— Ладно, договорились. Я вам объясню. Но не сейчас.

— А когда?

— Попробуйте незаметно выскользнуть из дома завтра в три часа дня, во время сиесты. Я буду ждать вас около автоматической погодной установки. Это совсем недалеко от входа на энергетическую станцию.

5

Жизнь на астероиде шла по земному расписанию со всеми положенными световыми и температурными эффектами. Каждое утро маленькое искусственное солнце вставало и каждый вечер садилось за горизонт. Сгущались сумерки, выпадала роса.

Затем наступала ночь. Днем солнце припекало довольно сильно, и к обеду сухая средиземноморская жара вынуждала искать спасения в прохладной тишине спальни. Но на этот раз я не поддался слабости и отправился на прогулку. Дом будто вымер, в саду тоже никого не было.

Хенк ждал меня в маленькой рощице.

— Вы точно хотите узнать, что тут творится? — спросил он. — Учтите, вам это может не понравиться.

— Вот теперь вы меня действительно заинтриговали, — ответил я.

— Хорошо, мистер Флетчер. Следуйте за мной.

Он открыл маленькую дверцу в склоне холма. Это был вход в помещение энергетической станции.

Каменные ступени вели глубоко вниз, к самому сердцу астероида. Под потолком мерцали и вспыхивали желтые огоньки. Наконец лестница кончилась, и мы оказались в рабочем секторе станции. Хенк провел меня в маленькую комнатку и приоткрыл узкое окошко в стене.

Я заглянул в щелку. В огромном зале стояли длинные ряды столов с мониторами. На скамейках за столами сидели люди в белых майках, черных клешах и черных бескозырках. Взгляды их были прикованы к экранам — казалось, они смотрят кино. Нет, не кино. По экранам ползли какие-то странные узоры. Между рядами, заложив руки за спину, расхаживали люди в форме и поглядывали по сторонам с видом явного превосходства. Очевидно, это были надсмотрщики. Каждый держал в руках тонкий хлыстик. Когда кто-то отвлекался и отрывал взгляд от экрана, надсмотрщик просто подходил к нему и касался хлыстиком плеча. Одного прикосновения было достаточно — судя по всему, провинившийся получал электрический удар.

— Что они делают? — спросил я у Хенка.

— Эти люди у экранов — рабы, — объяснил Хенк. — Именно на них держится система жизнеобеспечения астероида.

— Каким образом?

— Психическая энергия рабов, преобразованная и синхронизированная с помощью машин доктора Ханна, обеспечивает почти все те эффекты, которые вы видели на поверхности. То есть все, что здесь есть, создано разумом рабов в буквальном смысле этого слова.

— Разумом?!

— Доктор Ханн открыл способ использовать возможности телепатии и психокинеза. Он умеет преобразовывать психическую энергию в физическую.

— Вы хотите сказать, в электрическую?

Хенк покачал головой.

— Энергия объединенных разумов не имеет природных аналогов. Ничто не в состоянии сравниться с ней.

Я подумал, что Хенк не в своем уме. Но то, что я видел перед собой, выглядело весьма убедительно и зловеще.

— Чем заняты эти люди? — спросил я, указывая на группу из восьми человек, сидевшую немного в стороне от остальных.

— Поддерживают садовую стену. Все наши стены и даже холмы созданы энергией разума. Мистер Смит чрезвычайно гордится этим достижением.

— Непохоже, чтобы им было весело, — заметил я.

— Посмотрел бы я на вас, окажитесь вы на их месте. Только представьте себе, что вы должны часами неподвижно сидеть перед экраном, думая о каком-то холме или садовой стене.

— А вон те что делают?

— Создают облака в небе. Каждая отдельная группа занята поддержанием конкретного физического объекта.

Лица рабов были хмуры и озабочены.

— Похоже, чертовски трудная работа, — сказал я.

Хенк кивнул.

— Эти адские машины лишают человека воли. Нелегко весь день сидеть перед экраном и думать только о чем положено. И никакой возможности расслабиться. Доктор Ханн нашел способ измерять уровень психической концентрации. А провинившихся жестоко наказывают. Уверяю вас, это совсем, совсем не весело. Лучше нам уйти отсюда, я не могу больше смотреть на это.

6

— Как же вы все сюда попали? — спросил я, когда выбрались на свет.

— Большинство завербовали — Смит подбирал себе людей по всей Америке. Некоторые — жертвы космических кораблекрушений. Поначалу здесь не было так ужасно. Мы отдыхали по воскресеньям, а иногда и по субботам. Нам показывали кино, а время от времени Смит даже приглашал какой-нибудь передвижной космический бордель. Я не сказал бы, что мы жили отлично, но все же хотя бы терпимее. Сейчас стало просто ужасно.

Нам предоставляют всего несколько часов свободного времени в день. Ну и время на сон, конечно, ведь если не давать человеку спать, он попросту умрет. А они не хотят раньше времени убивать своих рабов, по крайней мере, пока нас некому заменить. Зато они придумали наказание, с помощью которого

могут заставить нас делать все, что угодно. Это настоящая пытка, причем пытка психическая, и от этого еще более жестокая. Они способны заставить человека думать о том, о чем он думать не хочет, и этот кошмар может длиться неделями, месяцами, годами... Но от этого умирают еще быстрее.

Хенк вздохнул. Его опустошенное лицо стало суровым и жестким.

— Когда-то раньше, когда положение с рабами еще не было таким критическим, мы после работы думали о чем хотели. Или даже ни о чем не думали. Я, например, вспоминал родные места. Я родился в штате Мэн, рядом с квебекской границей. Приятно было вспоминать, как по утрам солнце поднималось над вершинами елей, окрашивая весь мир в зеленые и золотые тона. Думал я и о других вещах. Но потом на это просто не оставалось времени.

— А как вышло, что вы не вместе с остальными?

— Мой мозг совершенно выгорел, вот меня и перевели на эту работу. Они считают, что я совершенно не способен к общению. Но я их надул. Мне удалось сохранить способность разговаривать и даже рассуждать. Увы, всех остальных своих возможностей я лишился. Долгие годы работы с машинами доктора Ханна разрушили нейронные связи моего мозга, и в результате большие куски памяти оказались стерты. Раньше я был неплохим математиком, а теперь помню только формулу площади круга: $S = \pi r^2$, да и то не уверен, что она может мне когда-то пригодиться.

— Послушайте, — сказал я, — по-моему, все это просто ужасно. Как только вернусь на Землю, сообщу властям обо всем, что здесь делается, и постараюсь как-то изменить вашу ситуацию.

— Вы серьезно?

— Конечно!

— А кто вам сказал, что вы вообще вернетесь? Пока, конечно, вы — гость Смита. За первые несколько дней он выдавливает из нового человека то немногое, что может представлять для него хоть какой-нибудь интерес.

— А потом?

Но Хенк не успел ответить. Раздались звуки шагов, и из-за холма, поигрывая щегольской тросточкой, появился капитан Лопес в своей защитного цвета форме.

— Мистер Флетчер, вас же просили не заходить в помещение энергетической станции. Хенк, вероятно, забыл о системе скрытых камер, а, Хенк?

Хенк съежился и ничего не ответил.

— Ну что ж, — продолжал Лопес, — теперь вы увидели то,

чего вам видеть не следовало. Пройдемте со мной, мистер Флетчер.

Я отступил на шаг и рефлекторно сжал кулаки. Лопес расхохотался. Руку он держал на кобуре и глядел на меня так, будто спрашивал: «Ну что, успеешь ты сбить меня с ног раньше, чем я выстрелю?» Судя по его виду, он был более чем уверен в себе — вероятно, не без оснований. Я поднял руки, показывая, что сдаюсь.

— Очень разумно с вашей стороны, мистер Флетчер. Давайте вернемся в помещение энергетической станции.

Я подчинился. Лопес отвел меня в маленькую комнатку без окон, но зато со стоящим у стены стулом.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил я.

— Пока ничего. Вы просто подождете здесь, а я посоветуюсь с доктором Ханном и губернатором.

Когда Лопес ушел, заперев дверь, я уселся на стул и стал ждать решения своей судьбы.

7

Меня продержали взаперти всего несколько часов. Но эти часы показались мне веками. Я подумал даже, что не стоило сдаваться без сопротивления. В любом случае ничего хорошего мне ждать не приходилось. Меня запросто могли убить, сообщив, что я покинул астероид, и отправить мой корабль дальше на автопилоте. Я был в ловушке.

Наконец Лопес вернулся. Я спросил, куда мы направляемся, но в ответ услышал, что разговаривать запрещено. Пистолет капитан крепко сжимал в руке — понимал, вероятно, что в таком состоянии я способен на отчаянные поступки. Я действительно готов был броситься на него, однако самоубийство в мои планы пока не входило. Может быть, мне еще удастся захватить их врасплох.

Лопес отвел меня в большую столовую — ту самую, где мы обедали в первый вечер. Смит восседал в огромном кресле и выглядел, надо сказать, весьма внушительно. Огромная, как у библейских пророков, борода закрывала всю его грудь. Лицо Смита было непроницаемо и сурово. Вера сидела рядом с ним. Девушка заметно нервничала.

— Садитесь, мистер Флетчер, — сказал губернатор. Голос у него тоже был непроницаемым. — Похоже, вы раскрыли наши семейные секреты.

— Мне очень жаль. Но могу вас уверить, что я не скажу никому ни слова. Это было обычное любопытство.

— Моя тайна слишком важна, чтобы доверять ее постороннему. Я придумал для вас страшное наказание, Флетчер. Но тут моя дочь все рассказала мне.

— Ох, Нед, — вмешалась Вера, — я думаю, не имело смысла скрывать наши планы после того, как ты увидел энергетическую станцию. Тебе стоило чуть-чуть подождать, милый. Впрочем, теперь это уже неважно. Я сказала папе, что мы решили пожениться.

До сих пор горжусь, что ничем не выдал своего удивления.

— Извини, дорогая, — ответил я, — мне очень жаль, что твой отец узнал все таким образом.

И я шагнул к девушке. Она бросилась мне на шею и прошептала в самое ухо:

— Молодец, парень! Соображаешь. Так держать!

— Так вот, Нед, — произнес Смит, — думаю, с этой минуты мы вполне можем перейти на «ты». Зови меня Седриком. Вера сказала мне, что это была любовь с первого взгляда. Что вы, так сказать, оговорились еще в тот вечер, когда ты сюда прилетел. Поэтому — и только поэтому — я решил доверить тебе свою тайну.

Смит поднялся и подошел ко мне.

— Нед, то, что я делаю, очень важно. Не для меня, а для всего человечества. Сейчас я все объясню. Обещай, что никто об этом не узнает.

— Сэр, — воскликнул я, — я буду нем, как рыба!

А что тут еще скажешь? В подобных случаях возражать не приходится. Но в душе моей до сих пор остается неприятный осадок.

— Ну что ж, очень хорошо. После обеда я расскажу тебе о своем проекте.

8

— А ты молодец — быстро сориентировался, — сказала мне Вера, когда мы остались одни.

— Не понимаю, зачем тебе это нужно.

— Как бы еще я могла тебе помочь? У нас с тобой общие интересы. Ты ведь хочешь выбраться отсюда, верно? Я тоже. Да, я его дочь. Но он слишком уж заботлив. Я провела здесь почти всю жизнь и ужасно хочу на Землю, жить нормальной жизнью, понимаешь? Отец — человек одинокий, вот он и выдумывает тысячи причин, чтобы не отпускать меня. Мне очень жаль его, но я больше не в состоянии здесь оставаться.

— Хорошо, — кивнул я, — договорились. Ты помогаешь мне пробраться на корабль, а я везу тебя туда, куда пожелаешь.

— Чисто деловые отношения. Но пока мы здесь, ты должен прикидываться влюбленным.

— Ты тоже.

Вера как-то странно посмотрела на меня.

— Ну, это я смогу пережить. Ты не так уж и ужасен.

И она быстро выскочила из комнаты.

Седрик Смит родился в Техасской Республике. Там же он поступил на работу на одну из больших текстильных фабрик. Смит оказался прекрасным работником — через несколько лет он был уже вторым человеком на фабрике после владельца, старенького мистера Додса. Когда Лопес де Арагон открыл аргентинский рынок для текстильных мануфактур КША, перед Смитом возникли новые возможности. Он начал собственное дело и построил фабрику в Буэнос-Айресе. Вскоре у него было уже три фабрики, а через пять лет — целая сеть предприятий по всему Западному полушарию. Смит стал очень богат и перебрался в Доминику. Низкие налоги и приятная жизнь привлекали туда деловых людей со всего мира.

Подобно большинству нуворишей, Смит хотел внести свой вклад в историю. Он мог коллекционировать произведения искусства, как это делают почти все лишенные таланта богачи. Мог основать несколько библиотек, больниц или даже университетов. Но все это его не привлекало. По природе своей мечтатель, одержимый манией величия, Седрик Смит решил переселиться в космос. К тому времени он уже много лет работал вместе с доктором Ханном над проектом использования психической энергии человека. А в космосе, где не действовали строгие земные законы, им не надо было ни за что отвечать.

Переезд свой Смит организовал с большим шиком. Десять больших кораблей перевезли его имущество в пояс астероидов, где он заранее купил небольшую планетку. Астероид представлял из себя монолитную скалу диаметром чуть меньше десяти миль. Вполне подходящий мир для осуществления задуманного ими с доктором проекта.

Силу тяжести обеспечили, раскрутив астероид с помощью ракет. Воду можно было добывать изо льда, глыбы которого в изобилии встречались в поясе астероидов, а кислород, в свою очередь, нетрудно извлечь из воды. Дом свой Смит перевез прямо с Земли, распилив его на кусочки и собрав заново на новом месте. Вот, оказывается, откуда взялся старинный белый особняк.

Кроме дома Смит привез с собой свою жену Луэллу и маленькую дочку Веру. Луэлла Смит безуспешно пыталась привыкнуть к новой жизни. Но астероиды — не место для женщин. Через два года жена Смита умерла от какой-то неизвестной болезни, доктор Ханн ничем не смог ей помочь.

Вера выросла здесь. Всю жизнь девушка мечтала о далекой Земле и надеялась, что придет день, когда она вырвется отсюда, сбежит от отца с его сумасшедшими экспериментами. Ей до смерти надоел этот крошечный мир, окутанный мрачной тенью уныния и фанатизма.

Но до сих пор вырваться было невозможно. Я был первым, на кого Вера возложила свои надежды.

Я тоже мечтал о побеге. К тому же действительно Вера мне нравилась.

9

Мы с Верой бродили повсюду, взявшись за руки, и ворковали, как голубки. Это представление должно было ввести в заблуждение остальных, а нам самим казалось очень забавным. Когда нас никто не слышал, мы обсуждали планы побега. Как выяснилось, дверь, ведущая к шлюзу, за которым стоял мой корабль, была заперта, а ключи находились у самого Смита. Надо было ждать, пока Вера сумеет завладеть ими.

После обеда Смит пригласил меня к себе в кабинет.

— Теперь ты один из нас, Нед, — сказал он. — Сначала, конечно, ты должен будешь пройти испытательный срок, но тем не менее я уже считаю тебя своим. Так что давай я покажу тебе, что к чему, и объясню ситуацию. То, что мы здесь делаем, очень важно. Важно не только для нас, но и для всех американцев... да что там! — для всего человечества в целом.

Смит и доктор Ханн были убеждены, что в области психической энергии нас ждут великие открытия. Уже сейчас на Земле вовсю экспериментировали с телепатией и телекинезом. Однако все эти опыты обладали одним общим недостатком — в них принимали участие отдельные индивиды. А таким путем, объяснял Смит, большой энергии не получишь. Необходимы объединенные усилия целой команды плюс фокусирующая техника.

Техническую сторону вопроса я просто не понял. Смит пытался рассказать что-то об усовершенствованной доктором Ханном технике компьютерных аттракторов — то есть спиральных

узоров, как бы затягивающих разум человека внутрь машины. Специальные счетчики регистрировали активность психических волн, а заодно и показывали надсмотрщикам, не отлынивает ли кто от работы. Ведь эффективность получения психической энергии зависит от объединенных усилий всей группы.

Если оставить объект, созданный с помощью психической энергии, без присмотра, он быстро исчезает. В каком-то смысле такие субстанции реальны. Они удовлетворяют всем характеристикам физического объекта и пройдут любую проверку. Тем не менее они принадлежат другому измерению пространства-времени. И если рабы по каким-либо причинам перестают их поддерживать, психообъекты исчезают в этом гипотетическом измерении — четвертом или еще каком. И ключ к этому измерению — все та же психическая энергия.

— Проблема в том, — объяснял Смит, — что мы пока не можем сгенерировать достаточно энергии, чтобы попасть туда. Нам просто не хватает людей. А кроме того, они не заинтересованы в результатах своего труда и потому работают не в полную силу. Но мы все же надеемся получить серьезные научные результаты.

Я вернулся к себе, продолжая размышлять об услышанном. Поздно вечером в комнату проскользнула Вера.

— Я все устроила. Внутренняя система защиты отключена на целый час. Если мы поторопимся, то успеем за это время пробраться на твой корабль и улететь отсюда.

Она схватила меня за руку и потащила за собой.

— Пойдем же!

— Подожди, — сказал я.

— Что такое?

— Перед уходом я должен освободить рабов.

— Господи боже мой! — воскликнула Вера. — Тебе не кажется, что это уже слишком?

— Ага. Но я обещал.

— Что такое обещание, данное рабу?

— Я всегда держу свое слово.

Двери в комнаты рабов можно было отпереть только с главного пульта. Я заставил Веру отвести меня туда и отключил блокировку. Мне хотелось найти Хенка и сообщить ему об этом, однако времени было в обрез. Рабы смогут и сами обнаружить, что свободны. Я сделал все, что в моих силах. Теперь надо было торопиться.

Мы с Верой пронеслись по коридорам, миновали шлюз и

оказались внутри корабля. Я задраил люки и начал готовиться к старту.

И вдруг услышал, как включилась чертова связь и тихий твердый голос Седрика Смита произнес:

— Вы ведь не собираетесь покинуть нас так скоро, Флетчер?

10

Я постарался закрыть Веру и повернулся к экрану. Почти в тот же миг на нем возникло изображение губернатора.

— Мне очень жаль, но я тороплюсь, — сказал я ему. — Я как раз собирался сообщить вам, что сильно отстал от графика.

— А моя дочь совершенно случайно не с вами? — поинтересовался Смит.

Черт возьми, я даже не знал, что отвечать — «да» или «нет»!

В конце концов я решил, что скрывать правду бессмысленно. Наверняка он и так все знает.

— Я повезу ее по магазинам! — воскликнул я в порыве вдохновения. — Вам небось ни разу и в голову это не приходило? Молоденькие девушки обожают делать покупки. Я свожу ее на Землю, а через пару недель мы вернемся обратно.

Смит буквально онемел от такой наглости. Воспользовавшись паузой, я отключил магнитные якоря, удерживавшие корабль на поверхности астероида. Мы медленно поплыли в сторону.

— Как мило с вашей стороны, Флетчер, что вы решили взять на себя заботу о моей дочери, — сказал наконец Смит. — Премного вам благодарен. Но знаете, я думаю, что и сам неплохо справляюсь с этой задачей.

Он повернулся к панели управления и нажал на какую-то клавишу. С обеих сторон от моего корабля появились две огромные механические лапы с железными крюками на концах. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что эти штуки успеют схватить нас раньше, чем мы улизнем.

Тут Вера, прятавшаяся до сих пор за креслом пилота, вышла из своего укрытия.

— Ты всегда отравлял мне жизнь! — пронзительно закричала она. — Ни разу не выполнил ни одной моей просьбы, даже когда я была маленькой девочкой! Маму я любила больше, чем тебя, а сейчас даже не могу вспомнить, как она выглядела! Отпусти меня, папа! Разве тебе трудно снять для нас с Недом квартиру где-нибудь в Париже? Ну пап, ну пожалуйста!

Губернатор растрогался — это видно было по его лицу. Однако он довольно быстро взял в себя в руки и ответил:

— Я бы с удовольствием подарил тебе все, что ты хочешь, Вера. Поверь мне! Но я не могу. Пока не могу. Мой эксперимент гораздо важнее отдельной человеческой жизни.

— Ты всегда так говоришь! — крикнула Вера.

— Потому, что это правда. Мне очень жаль, боюсь, что вы не сможете улететь.

— И все-таки мы улетаем, — сказал я.

Смит покачал головой.

— Вы совершенно беспомощны. Конечно, вы способны нанести моему астероиду поверхностные повреждения, но, уверяю вас, их легко будет исправить. Я вас поймал.

— Так просто меня не возьмешь, — возразил я. — Корпуса наших кораблей сделаны из очень неплохой стали. Не вижу вокруг ничего, что смогло бы ее пробить.

— А кто вам сказал, что я собираюсь пробивать дыру в вашей жестянке? Есть и другие способы. Например, такое чудо, как электричество. Можно пропустить через ваш кораблик пару миллионов вольт. Я уверен, доктор Ханн поможет мне это организовать. Как вам нравится моя идея, а, Флетчер?

— Вашей дочери это может не прийтись по вкусу.

— Если вы и в самом деле любите Веру, — сказал Смит, — вы, конечно, отошлете ее обратно, не дожидаясь, когда я атакую корабль.

— Никуда я не пойду! — заявила Вера. — Я останусь здесь.

— В любом случае, — продолжал Смит, — я не собираюсь атаковать вас, пока вы не вынудите меня. У меня есть одно предложение.

— Меня не интересуют ваши предложения, — ответил я и протянул руку, чтобы выключить интерком.

— Давай все же послушаем, — предложила Вера.

— Откройте люки, — сказал Смит. — Выходите наружу, оба, и я сделаю вас своими полноправными партнерами. И никаких ограничений — кроме одного. Вы с Верой должны оставаться здесь. Я имею право регистрировать браки. Вы даже можете провести медовый месяц на одном из частных астероидов — с одним условием: вас будет сопровождать капитан Лопес. Он проследит, чтобы вы вовремя вернулись.

— Нет!

— Я предлагаю вам подумать еще раз. Наверное, мне следовало сразу все объяснить. Но вы же сами понимаете, как это непросто. Да и почему я должен изливать душу первому встречному? Да, вы поладили с моей дочерью. Что ж, я не против. Я даю

вам свое родительское благословение. Только сначала вы должны меня выслушать.

— Валяйте, — сказал я.

— Вы считаете меня чем-то вроде воплощения зла в этом мире. Думаю, вы назвали бы происходящее здесь бессовестной эксплуатацией.

— Весьма точная формулировка, — согласился я. — Вы что, намерены с ней спорить?

— Нет. Но все это делается ради великой цели. Вы представляете, мистер Флетчер, какие возможности откроются перед нами, когда мы по-настоящему научимся использовать психическую энергию?

— Я думаю, вы получите кучу денег за патент.

— Жалкая, недостойная мысль, даже если считать ее сарказмом. Вас, мистер Флетчер, никогда не поражало несоответствие между разумом человека и уровнем его достижений? Дух наш может спускаться в глубочайшие бездны и подниматься выше самых высоких вершин. Мы создаем бессмертную поэзию и постигаем сокровенные тайны природы. И в то же время живем, как дикие звери. Сейчас на Земле мир, но это явление временное. Стоит только одной из великих держав позавидовать богатству другой, и сразу такое начнется... История человечества — это история войн, вызванных социальной нестабильностью. А причина одна — мы не умеем сочувствовать. Точнее, не умеем сопереживать. И отсутствие этого дара не позволяет человеку использовать все возможности мозга. Человечеству просто необходима психическая энергия — назовите ее телепатией, ясновидением или телекинезом. Единственный способ получить ее — это проделать ту работу, которой занимаемся мы с доктором Ханном, то есть попытаться связать вместе разумы отдельных людей, научить их действовать согласованно. Подобного эксперимента еще не было в истории человечества. Когда мы справимся со всеми техническими трудностями, люди смогут объединять усилия — и чтобы улучшить свои условия жизни, и чтобы проникнуть в иные измерения.

— То, что вы делаете, жестоко по отношению к вашим подчиненным!

— Естественно. Но если мои идеи верны, лет через сто весь мир будет считать нас великими учеными, а наших рабов — мучениками, пожертвовавшими собой во имя блага человечества.

— Все ваши слова — слабая попытка самооправдания, — сообщил я.

— Но это же правда! Раскройте глаза, Флетчер! Будущее человечества здесь, на Манитори. Я предлагаю вам обоим вер-

нуться, забыть о своих заблуждениях и принять участие в великом труде во имя Человека!

— А альтернатива?

— Нет никакой альтернативы. Подумай об этом, Нед.

Губернатор снисходительно улыбнулся и сделал знак слуге принести бокал вина.

Но когда он протянул руку, бокал исчез.

11

— Какая наглость! — закричал Смит. — Кто отвечает за бокалы? Полиция! Где полиция?

И я увидел на своем экране, как полицейские силы Манитори бросились к месту происшествия.

Добежать они не смогли. Рабы обнаружили, что двери открыты, и весь этот сумасшедший мир принялся разваливаться на куски.

Для начала стали исчезать пешеходные дорожки. Те надсмотрщики, которые не поверили своим глазам, упали в образовавшиеся трещины. Судя по всему, рабы освободили своих товарищей, работавших за экранами, и теперь все структуры Манитори исчезали неизвестно куда.

Уцелевшие надсмотрщики опрометчиво попытались занять оборону в яблоневом саду, однако рабы тут же уничтожили его. Охранники попадали вниз, на холодную твердую скалу.

Зеленые холмы исчезли, обнажив кучи шлака, которые они раньше маскировали. Смит как ошпаренный вылетел из дома, будто опасался, что он тоже сейчас исчезнет. Я увидел, как губернатор обернулся и в ужасе посмотрел на жалкую лачугу — все, что осталось от его великолепного особняка.

Потом Смит помчался куда-то, прямо по тщательно подстриженному газону. Сначала я не понял, куда он бежит, и подумал даже, что это обыкновенная паника. Потом мне все стало ясно. Смит пытался добраться до своего космического корабля.

Но добежать он не успел. Вероятно, исчезли какие-то подземные конструкции, потому что газон вдруг провалился, и Смит полетел вниз вместе с глыбами камня.

Одно за другим рушились все искусственные сооружения Манитори. Пропадали холмы, расплывались фальшивые облака. Вскоре лишь холодные бездушные звезды освещали голую скалу, которую Смит так долго пытался изменить.

Астероид содрогался в конвульсиях. Мой корабль больше ничто не держало. Я развернулся и полетел прочь, подальше от этого несчастного умирающего мира.

— Бежим отсюда, Нед, — сказала мне Вера. — Летим на Землю.

Я задал автопилоту курс. Вера откинулась на спинку кресла второго пилота.

— Земля — это то, что нам нужно, — заявила она. — Я хочу жить в Париже, хочу увидеть Нью-Йорк, Рим, Рио, Лондон... Хочу рожать тебе детей. Денег у нас куча — я ведь единственная папочкина наследница. Мы сможем делать все, что захотим. Правда, чудесно, Нед? Ты ведь тоже этого хочешь, да?

Я молча кивнул — трудно было говорить после всего, что произошло. Я думал о великом эксперименте Смита, пытаясь понять, почему он все-таки провалился.

Он не мог не провалиться. Смит совершил несколько очевидных ошибок. Он полагал, что деньги определяют все. И просчитался. К тому же он решил, что труд рабов может дать достойные результаты. Но их было всего пятьдесят, и они не слишком-то стремились работать. Кроме того, из них чересчур быстро выжали все соки. А надо было поискать добровольцев. Двухсот увлеченных одной идеей человек хватит наверняка. А если к тому же грамотно пользоваться теми самыми безотказными деньгами для поддержания энтузиазма, то успех не заставит себя ждать. Ведь это же так очевидно!

И тогда мы достигнем своей цели. Представляете себе, что это такое — чистое сознание, без тела? Мы будем жить как боги!

Мы возвращались на Землю. Всю дорогу Вера мечтала о Париже, детях и путешествиях. А я думал, где бы набрать сотню-другую добровольцев, которые не откажутся пожертвовать своим временем ради по-настоящему великого дела.

ЧУМНОЙ РАЙОН

Неопытные путешественники стараются материализоваться в каком-нибудь укромном месте, в уединении. Они возникают на помойках, в складских помещениях, в телефонных будках, отчаянно надеясь, что переход выполнен гладко. И всегда подобное поведение только привлекает к ним внимание — то, чего они хотели избежать. Но для такого опытного путешественника, как я, переход — пустяк. Место моего назначения — Нью-Йорк в августе 1988 года. Я выбрал вечерний час пик и материализовался в гуще толпы на Таймс-сквер.

Конечно, для этого требуется определенная сноровка, нельзя же просто *появиться*. Надо сразу начать двигаться: голова слегка наклонена, плечи чуть сгорблены, в глазах бессмысленное выражение. Тогда никто тебя не заметит.

Я провел всю операцию превосходно и, держа в руке чемоданчик, поспешил в центр. Там, возле пруда у вашингтонской арки, поставил чемоданчик на землю и воздел руки к небу. На меня оглянулись несколько человек.

— Подходите, друзья! — воскликнул я. — Подходите скорей! Не упускайте возможности. Не надо смущаться и робеть, подходите ближе и слушайте добрые вести.

Вокруг меня собралась маленькая толпа.

— Эй, что вы продаете? — обратился ко мне молодой парень.

Я улыбнулся ему, но не ответил. Мне нужна большая аудитория.

— Подождите же, друзья, подходите и внемлите. Это то, чего вы ждали, прекрасная возможность, последний шанс!

Вскоре собралось человек тридцать, и я решил, что для начала достаточно.

— Славные жители Нью-Йорка! — воззвал я. — Я хочу поговорить о загадочном заболевании, неожиданно вошедшем в ваши жизни, об эпидемии, попросту называемой Синей Чумой. Сейчас вы уже знаете, что спасения от этого безжалостного убийцы нет. Конечно, врачи продолжают уверять вас, что ведутся исследования, что скоро, дескать, будет найден ключ и определена радикальная терапия. Но на самом деле у них нет ни сыворотки, ни антител — ничего. Да и откуда? Ученые не в состоянии даже выявить причины заболевания! Пока они наработали лишь пустые и противоречивые теории. Из-за жуткой активности и быстроты возбудителя, чрезвычайной заразности и неизвестных последствий мора можно ожидать, что врачи не успеют найти вовремя лекарство для вас, страдающих. Вся история несчастного человечества ясно показывает: несмотря на попытки контроля и лечения, эпидемии свирепствуют до тех пор, пока не исчерпают себя.

Кто-то в толпе засмеялся; многие улыбались. Я объяснил это для себя истерией и продолжал:

— Что же делать? Останетесь ли вы пассивными жертвами чумы, обманутыми напускным спокойствием правителей? Или осмелитесь использовать что-то новое, не отмеченное штампом согласия дискредитировавших себя политико-медицинских властей?

К тому времени толпа разрослась человек до пятидесяти. Я быстро закончил свою речь:

— Врачи не могут защитить вас от Синей Чумы, нет, друзья мои. Но я могу!

Не теряя ни секунды, я раскрыл чемоданчик и зачерпнул пригоршню больших белых таблеток.

— Вот лекарство, которое усмирит Синюю Чуму! Нет времени объяснять, откуда оно у меня и как действует, не буду я нести и научную тарабарщину. Вместо этого я представлю конкретные доказательства. — Толпа притихла и замолкла в напряженном внимании. — Приведите мне заболевшего! — вскричал я. — Приведите десять. И если в них еще теплится жизнь, они встанут на ноги! Ведите их ко мне, друзья! Я вылечу любого — мужчину, женщину или ребенка — страдающего от Синей Чумы!

Секунду еще продолжалось молчание; затем толпа взорвалась смехом и аплодисментами. Я пораженно услышал реплики, доносящиеся со всех сторон:

— Студенты веселятся...

— Для хиппи он староват...

— Спорю, это пойдет по телевидению...

— Эй, мистер, что вы затеяли?

Я был слишком потрясен, чтобы пытаться ответить. Я просто стоял у своего чемоданчика, зажав в руке таблетки. Толпа постепенно рассеялась, осталась одна девушка.

— Так что это все значит? — спросила она. — Реклама? Вы собираетесь открыть ресторан или магазинчик? Расскажите мне. Может, я помогу вам с оформлением документов.

Хорошенькая девушка, лет двадцати, стройная, темноволосая и кареглазая. Ее трогательная самоуверенность вызвала у меня жалость.

— Это не шутка. Если вы не будете остерегаться чумы...

— Какой чумы? — изумилась она.

— Синей чумы. Чумы, которая свирепствует в Нью-Йорке.

— Послушайте, приятель, никакой чумы в Нью-Йорке нет — ни синей, ни желтой, ни черной, никакой другой. Ну признайтесь, что вы задумали?

— Нет чумы? — переспросил я. — Вы уверены?

— Совершенно.

— Наверное, держат в тайне... — пробормотал я. — Хотя это невозможно... От пяти до десяти тысяч смертей ежедневно трудно скрыть от газет. Сейчас август 1988 года?

— Да. Эй, что вы побледнели? Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, — ответил я, что не соответствовало истине.

— Вам, пожалуй, лучше присесть.

Она подвела меня к садовой скамейке. Неожиданно мне пришло в голову, что я ошибся годом. Может быть, компания имела в виду 1990-й или 1998-й. Если так, то меня могут лишить торговой лицензии на продажу лекарств в незараженном регионе.

Я вытащил бумажник и достал тоненькую брошюру, озаглавленную: «Чумной район». Брошюра содержала даты всех великих эпидемий, их типы, количество погибших и другие важ-

ные сведения. С огромным облегчением я убедился, что нахожусь в нужном месте и в нужное время.

— «Чумной район»? — удивилась девушка, заглянув через мое плечо. — Что это такое?

Мне следовало скрыться. Мне следовало даже вообще дематериализоваться. Компания давала на этот счет строжайшие указания. Но мне теперь было все равно. Я внезапно захотел побеседовать с этой очаровательной девушкой в старинной одежде, сидевшей на солнышке рядом со мной в обреченном городе.

— «Чумной район» — это список дат и мест, где разражались или еще будут свирепствовать основные эпидемии. Такие, как Великая Чума в Константинополе в 1346 году или лондонская чума 1664 года.

— Неужто вы там были?

— Да. Меня послала компания «Медицинская помощь во времени».

— Значит, вы из будущего?

— Да.

— Вот чудесно! — воскликнула она. — Только вы ошиблись. У нас нет чумы.

— Что-то не так, — пробормотал я. — И как нарочно задерживается мой помощник-разведчик.

— Вероятно, затерялся во временном потоке...

Она любовалась собой; мне же все происходящее казалось отвратительным. Девушка, если только она не из единиц счастливцев, чуму не переживет. С другой стороны, разговор с ней меня увлекал. Я никогда не беседовал с жертвой эпидемии.

— Что ж, — произнесла она, — приятно было познакомиться. Боюсь, однако, что вашему рассказу никто не поверит.

— Жаль. — Я достал из кармана горсть таблеток. — Пожалуйста, возьмите.

— О...

— Серьезно. Для вас и вашей семьи. Сохраните их, пожалуйста. Они вам пригодятся, вот увидите.

— Ну хорошо, очень вам благодарна. Счастливого путешествия во времени.

Я смотрел ей вслед. Мне показалось, что, завернув за угол, она выбросила таблетки. Впрочем, не уверен.

Я сидел на садовой скамейке и ждал.

Джордж появился после полуночи. Я гневно набросился на него:

— Что произошло? Я чуть не опростоволосился! Тут нет никакой чумы!

— Успокойся, — сказал Джордж. — Я должен был прибыть

сюда неделю назад, но компания получила правительственную директиву отложить операцию на год. Затем распоряжение отменили, и все пошло по плану.

— Почему меня никто не предупредил?

— Тебя собирались уведомить. Но в суматохе... Мне очень жаль, поверь. Теперь можно начинать.

— А стоит ли?

— Что «стоит»?

— Сам знаешь.

Он пристально посмотрел на меня.

— Что с тобой случилось? В Лондоне ты был не таким.

— Но то был 1664-й год, а это 1988-й. Он ближе к нашему времени. И люди выглядят более... человечными.

— Надеюсь, ты ни с кем здесь не братался, — заметил Джордж.

— Конечно нет!

Джордж вздохнул.

— Я знаю, наша работа может стать эмоционально неприятной. Но надо же трезво смотреть на вещи. Бюро Населения предоставило им богатый выбор. Оно дало им водородную бомбу.

— Да.

— Но они не испытали ее друг на друге. Бюро дало им все средства для ведения масштабной бактериологической войны, но и их они не использовали.

Наконец, Бюро предоставило необходимую информацию, чтобы сознательно сократить рост населения. Но они и этого не сделали. Они продолжали просто бездумно размножаться, вытесняя остальные виды и друг друга, пачкая и отравляя Землю.

Я знал все это и, слушая, постепенно приходил в себя.

— Ничто не может расти безгранично, — продолжал Джордж. — Все живое должно находиться под контролем. У большинства видов такое выравнивание происходит естественным путем. Но люди вышли из-под власти природы. Они должны сами выполнять эту работу. — Джордж вдруг побледнел и еле слышно добавил: — Только люди никогда не видят необходимости прореживать свои ряды. Никак не могут научиться... Вот почему необходимы наши чумы.

— Ну хорошо, — сказал я. — Давай.

— Около двадцати процентов выживет, — произнес Джордж, словно уговаривая себя.

Он вынул из кармана плоскую серебряную флягу. Отвинтил колпачок. Опрокинул флягу над канализационным люком.

— Вот и все. Через неделю начинай продавать свои таблет-

ки. После этого планом предусмотрены остановки в Лондоне, Париже, Риме, Стамбуле, Бомбее...

Я кивнул. Наша работа необходима. Но иногда так трудно быть садовником людей.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

— Заходите, джентльмены, не стесняйтесь, — произнес посол, приглашая их в особые апартаменты, предоставленные Государственным департаментом. — Садитесь, пожалуйста.

Полковник Серси уселся на стул, пытаясь оценить персону, по милости которой весь Вашингтон стоял на ушах. Вид у посла был вовсе не угрожающий. Роста среднего, сложения изящного, одет в строгий коричневый твидовый костюм (подарок Государственного департамента). Лицо одухотворенное, с тонкими чертами.

«Человек как человек», — подумал Серси, сверля пришельца взглядом бесцветных и бесстрастных глаз.

— Чем могу служить? — с улыбкой спросил посол.

— Президент поручил мне вести ваше дело, — ответил Серси. — Я ознакомился с отчетом профессора Даррига. — Он кивнул в сторону своего спутника. — Но хотелось бы узнать все из первоисточника.

— Конечно, — согласился пришелец и закурил сигарету. По-видимому, просьба доставила ему искреннее удовольствие.

«Любопытно, — подумал Серси. — Ведь прошла неделя, как посол приземлился, и ведущие ученые страны успели вымотать из него душу».

Но когда припекло по-настоящему, напомнил себе Серси, они призвали на подмогу военных. Он откинулся на спинку стула, небрежно сунув руки в карманы. Его правая рука лежала на рукоятке крупнокалиберного пистолета со снятым предохранителем.

— Я прибыл, — заговорил пришелец, — как полномочный посол, представитель империи, охватывающей половину Галактики. Я привез вам привет от своего народа и предложение вступить в наше сообщество.

— Понятно, — ответил Серси. — Кое у кого из ученых сложилось впечатление, что это не предложение, а требование.

— Вступите, можете не сомневаться, — заверил посол, выпуская дым через ноздри.

Серси заметил, как сидящий рядом с ним Дарриг напрягся и прикусил губу. Полковник переместил пистолет в кармане — теперь его можно было легко выхватить.

— Как вы нас разыскали? — осведомился Серси.

— Каждого из полномочных послов прикрепляют к неисследованному участку космоса, — объяснил пришелец. — Мы обшариваем каждую звездную систему этого участка в поисках планет, а каждую планету — в поисках разумной жизни. Как известно, разумная жизнь в Галактике — большая редкость.

Серси кивнул, хотя до сих пор это было ему неизвестно.

— Найдя планету, населенную разумными существами, мы на ней высаживаемся, как это сделал я, и подготавливаем ее обитателей к участию в нашем содружестве.

— А как ваш народ догадается, что вы обнаружили разумную жизнь? — поинтересовался Серси.

— В организм каждого посла вмонтировано передающее устройство, — ответил пришелец. — Оно включается, как только мы попадаем на населенную планету. В космос начинает непрерывно поступать сигнал, который можно принять на расстоянии до нескольких тысяч световых лет. Вспомогательные группы постоянно дежурят вблизи границ зоны приема. Как только сигнал принят, на планету снаряжают отряд колонизаторов. — Он аккуратно стряхнул пепел в пепельницу. — У этого метода есть явные преимущества по сравнению с засылкой комплексного отряда из разведчиков и колонизаторов. Отпадает необходимость бросать слишком мощные силы на бесплодный поиск, который может затянуться на десятки лет.

— Конечно. — Лицо Серси оставалось бесстрастным. — Расскажите подробнее о самом сигнале.

— Подробности вам ни к чему. Методами земной техники сигнал невозможно уловить и, следовательно, заглушить. Пока я жив, передача ведется непрерывно.

Дарриг порывисто вздохнул и покосился на Серси.

— Но если вы прекратите передачу, а сигнал еще не будет перехвачен, то нашу планету никогда не отыщут.

— Не отыщут, пока снова не обследуют ваш сектор, — согласился дипломат.

— Прекрасно. Как полномочный представитель президента США прошу вас прекратить передачу. Мы не желаем входить в состав вашей империи.

— Мне очень жаль. — Посол пожал плечами. («Интересно, — подумал Серси, — сколько раз он уже разыгрывал эту сцену и на скольких планетах?») — Но я ничем не могу помочь.

Посол встал.

— Значит, не прекратите?

— Не могу. Как только передача сигнала начинается, я не в состоянии им управлять. — Дипломат отвернулся и подошел к окну. — Однако я подготовил для вас философский трактат. Как посол я обязан предельно смягчить психологический удар. Ознакомившись с новыми идеями, вы сразу поймете, что...

Едва посол подошел к окну, Серси выхватил пистолет. Шесть выстрелов в голову и тело посла слились в единый грохочущий взрыв. И Серси вздрогнул.

Посол исчез!

Серси переглянулся с Дарригом. Тот пробормотал что-то насчет призраков. Но тут посол столь же внезапно появился вновь.

— По-вашему, это так легко? — спросил он. — Мы, послы, волей-неволей обладаем дипломатической неприкосновенностью. — Он потрогал пальцем одну из дырочек, пробитых пулями в стене. — Если вы этого еще не поняли, скажу иначе — убить меня вы не властны. Вы не сможете даже понять принцип моей защиты.

Посол взглянул на них, и в этот момент до Серси впервые дошло, что посол здесь действительно чужак.

— Всего доброго, джентльмены, — сказал посол.

Дарриг и Серси вернулись на командный пункт. Никто и не ожидал по-настоящему, что посла удастся убить столь легко, но все же его неуязвимость потрясала.

— Полагаю, вы все видели, Мэлли? — спросил полковник Серси.

Худощавый лысеющий психиатр грустно кивнул:

— Видел и заснял на пленку.

— Интересно, в чем суть его философии? — пробормотал себе под нос Дарриг.

— Думать, что такое простое решение сработает, просто нелогично. Никакая раса не отправила бы посла с подобным предложением, всерьез надеясь на то, что посол уцелеет. Если только...

— Если что?

— Если только не снабдить посла чертовски эффективной защитой, — уныло закончил психиатр.

Серси пересек комнату и взглянул на экраны. Квартира у посла действительно была особая. Ее спешно соорудили спустя два дня после того, как он приземлился и передал приглашение. Стены квартиры обили свинцом и сталью, утыкали теле- и кинокамерами, магнитофонами и бог знает чем еще.

Это была самая совершенная в мире камера смерти.

Посол сидел за столом. Он что-то печатал на портативной пишущей машинке, подаренной правительством США.

— Эй, Гаррисон! — крикнул Серси. — Пора приступать к плану номер два.

Из соседней комнаты, где находилась подключенная к квартире посла аппаратура, появился Гаррисон. Он методично проверил показания манометров, отрегулировал управление и поднял глаза на Серси.

— Можно? — спросил он.

— Можно, — ответил Серси, не отрывая глаз от экрана. Посол все еще печатал.

Гаррисон нажал какую-то кнопку, и из скрытых отверстий в стенах и потолке кабинета посла вырвались огненные языки.

Кабинет превратился в нечто вроде доменной печи. Серси выждал еще минуты две, затем подал знак Гаррисону, и тот нажал другую кнопку. Они впились взглядом в изображение раскаленной комнаты на экране, надеясь увидеть обугленный труп.

Посол вновь возник за столом и разочарованно посмотрел на остатки пишущей машинки. На нем самом не было даже копоти.

— Нельзя ли попросить другую машинку? — обратился он к одной из тщательно замаскированных телекамер. — Мне все-таки хочется, чтобы вы, неблагодарные ничтожества, ознакомились с моей философией.

Потом уселся в обгоревшее кресло и через секунду, по всей видимости, заснул.

— Ладно, все садитесь, — сказал Серси. — Настало время собрать военный совет.

Мэлли оседлал стул. Гаррисон, усевшись, зажег трубку и стал медленно раскуривать.

— Итак, — начал Серси, — правительство свалило все на нас. Посла надо уничтожить — тут других мнений быть не может. Ответственность за это возложена на меня. — Серси криво улыбнулся. — Вероятно, по той причине, что никто из шишек не желает отвечать за неудачу. А я выбрал вас троих себе в помощники. Мы получим все, что потребуем, любую помощь, любую консультацию. А теперь — есть идеи?

— Как насчет плана номер три? — спросил Гаррисон.

— Дойдет черед и до него, — сказал Серси. — Но, по-моему, он не подействует.

— По-моему, тоже, — согласился Дарриг. — Мы ведь даже не знаем, как он защищается от опасности.

— Вот это — первоочередная проблема. Мэлли, возьмите все данные, которыми мы располагаем, и распорядитесь ввести их в анализатор Дерихмана. Вы ведь знаете, какие сведения нужно получить? «Каковы свойства X, если X умеет то-то и то-то?»

— Хорошо, — буркнул Мэлли и вышел, бормоча что-то о превосходстве физики над прочими науками.

— Гаррисон, — сказал Серси, — к осуществлению плана номер три все подготовлено?

— Конечно.

— Попробуем.

Пока Гаррисон возился с окончательной настройкой, Серси наблюдал за Дарригом. Пухлый коротышка-физик задумчиво уставился куда-то вдаль и что-то бормотал. Серси надеялся, что его осенит какая-нибудь идея. От Даррига он ждал многого.

Зная, что с большим количеством людей работать невозможно, Серси тщательно подобрал себе штат. Ему требовалось качество.

Именно поэтому первым избранником стал Гаррисон. Крепко сбитый, вечно хмурый конструктор славился тем, что может сконструировать что угодно, лишь бы у него было хоть смутное представление, как должна действовать эта конструкция.

Следующим в команду попал психиатр Мэлли — Серси не был уверен, что для уничтожения посла потребуются только физические действия.

Дарриг — физик-математик, но его беспокойный, пытливый ум создавал интереснейшие теории и в других областях науки. Дарриг был единственным из четверых, кто заинтересовался послом в интеллектуальном аспекте.

— Он мне напоминает Металлического Старика, — произнес наконец Дарриг.

— Это еще кто такой?

— Вы что, не слышали легенду о Металлическом Старике? Так вот, это был монстр, закованный в черную металлическую броню. С ним встретился Победитель Чудовищ — герой индейских легенд — и после многих попыток сумел убить Металлического Старика.

— Как же ему это удалось?

— Он ударил его под мышку. Там у него брони не было.

— Красота, — ухмыльнулся Серси. — Так попроси нашего посла поднять руки.

— Готово! — сообщил Гаррисон.

— Отлично. Давайте.

В комнату посла беззвучно хлынули невидимые потоки жестких гамма-лучей.

Однако подвергнуться их смертельному действию оказалось некому.

— Хватит, — немного погодя сказал Серси. — От этого окалело бы стадо слонов.

Посол пять часов пробыл в невидимом состоянии, пока интенсивность радиации немного не спала. Тогда он вновь появился в комнате.

— Так я жду машинку, — напомнил он.

— Вот заключение анализатора. — Мэлли подал Серси пачку бумаг. — А вот кратко сформулированный вывод.

Серси прочитал вслух: «Простейший способ защиты от данного или любого оружия — стать тем или иным конкретным оружием».

— Превосходно, — сказал Гаррисон. — Но что это значит?

— Это значит, — ответил Дарриг, — что, когда мы угрожаем послу огнем, он сам превращается в огонь. Когда мы в него стреляем, он превращается в пулю — и так до тех пор, пока опасность не проходит, а там он возвращает себе прежнее обличье.

Дарриг взял у Серси бумаги и принялся их перелистывать.

— Гм... Интересно, существуют ли какие-либо исторические параллели? Вряд ли. — Он оторвался от бумаг. — Вывод не окончательный, но вполне убедительный. Всякий иной принцип защиты требует сначала опознать оружие, потом оценить его, а потом уже принимать контрмеры в соответствии с потенциальными возможностями оружия. У посла защита намного безопаснее и срабатывает мгновенно. Ему не приходится опознавать оружие. Скорее всего, его тело каким-то образом отождествляется с тем, что ему угрожает.

— Есть ли способ сломить такую защиту? — спросил Серси.

— Анализатор недвусмысленно указывает, что, если его вывод верен, такого способа нет, — угрюмо заметил Мэлли.

— Такой вывод можно и отбросить, — возразил Дарриг. — Возможности машины все-таки ограничены.

— Но мы до сих пор не знаем способа его остановить, — подчеркнул Мэлли. — А он продолжает передавать сигнал.

Серси на мгновение задумался.

— Свяжитесь со всеми экспертами, которых знаете. Зададим-ка послу жару. Знаю, все знаю, — добавил он, заметив сомнение на лице Даррига, — но попытаться мы обязаны.

В последующие дни смерть обрушивалась на посла во всех мыслимых формах и сочетаниях. Его пытались убить оружием, начиная с каменных топоров и кончая современными атомными гранатами, топили в кислотах, душили ядовитыми газами.

Посол философски пожимал плечами и продолжал печатать на очередной новой машинке.

Его травили бактериями: сперва возбудителями всех известных болезней, затем их мутированными разновидностями.

Посол даже не чихнул.

На нем испытали электричество, радиацию, оружие деревянное, железное, медное, бронзовое, урановое — все без исключения, перебрали любые возможности.

На после не появилось ни царапины, зато его комната выглядела так, словно в ней вот уже пятьдесят лет беспрерывно идет пьяный дебош.

Мэлли и Дарриг каждый корпели над собственными идеями, физик лишь ненадолго отвлекся, чтобы напомнить Серси миф о Бальдуре. На Бальдура тоже нападали с самым разным оружием, но он остался неуязвим, потому что все на Земле пообещало его любить. Все, кроме омелы. И когда в него бросили веточку омелы, он умер.

Выслушав Даррига, Серси раздраженно отвернулся. Но все же велел доставить омелу — так, на всякий случай.

Она, во всяком случае, оказалась не менее эффективной, чем фугасные снаряды или лук со стрелами, и при нулевом результате хоть немного украсила изуродованную комнату.

Прошла неделя, и посла, не встретив возражений с его стороны, переселили в новую, более прочную и надежную камеру смерти. В старую никто не осмеливался войти — отпугивали микроорганизмы и высокая радиоактивность.

Посол возобновил работу за пишущей машинкой. Все предыдущие плоды его трудов или сгорели, или были разорваны в клочки, или съедены.

— Побеседуем с ним, — предложил Дарриг на другой день. Серси согласился. Все равно идеи временно иссякли.

— Заходите, джентльмены, — сказал посол так радушно, что Серси замутило. — К сожалению, мне нечем вас угостить. По досадному недосмотру меня уже десятый день не снабжают ни пищей, ни водой. Меня-то это, конечно, не волнует.

— Рад слышать, — отозвался Серси.

Глядя на посла, никто бы не догадался, что он отразил натиск всех земных средств умерщвления. Напротив, можно было подумать, что бомбежку перенесли Серси и его сотрудники.

— Ну и защита, у вас, — дружелюбно произнес Мэлли.

— Рад, что вам нравится.

— Скажите, пожалуйста, а каков ее принцип? — невинно спросил Дарриг.

— Разве вы не знаете?

— Кажется, знаем. Вы становитесь тем, что вам грозит. Правда?

— Безусловно, — подтвердил посол. — Как видите, я от вас ничего не скрываю.

— Примите от нас что-нибудь в благодарность за то, что вы прекратите передачу, — предложил Серси.

— Это что же, взятка?

— Точно, — сказал Серси. — Все, что ни...

— Нет, — отрезал посол.

— Будьте благоразумны, — настаивал Гаррисон. — Вы же не хотите развязать войну, верно? Сейчас на Земле согласие между государствами — против вас. Мы вооружаемся...

— Чем?

— Атомными бомбами, — ответил Мэлли. — Водородными бомбами. Мы...

— Сбросьте на меня бомбу, — прервал посол. — Она не причинит мне вреда. Почему вы думаете, что она причинит вред моему народу?

Все четверо промолчали. Об этом они как-то не подумали.

— Уровень ведения войны, — заявил посол, — истинное мерило цивилизации. Стадия первая — применение простейших орудий уничтожения. Стадия вторая — овладение материей на молекулярном уровне. Сейчас вы приближаетесь к третьей стадии, хотя все еще далеки от полного контроля над атомными и субатомными силами. — Он обаятельно улыбнулся. — Мой народ идет к вершине пятой стадии.

— Это какая же стадия? — полюбопытствовал Дарриг.

— Увидите, — сказал посол. — Но, может быть, вам интересно, насколько типичны мои способности для моих соплеменников? Могу вас заверить, что они вовсе не типичны. Для того чтобы я мог справиться с работой, не превышая своих полномочий, в меня введены кое-какие ограничения, позволяющие мне совершать только пассивные действия.

— Зачем? — спросил Дарриг.

— Причины очевидны. Если под горячую руку я совершу активное действие, то сотру вашу планету в порошок.

— Неужели вы надеетесь, что мы вам поверим? — спросил Серси.

— Почему бы и нет? Или это так трудно понять? Разве вы не в состоянии поверить в то, что есть силы, о которых вы не

имеете ни малейшего представления? Впрочем, у моей пассивности есть и другая причина. О ней вы уже, разумеется, догадались.

— Полагаю, вы намерены сломить наш дух, — сказал Серси.

— Совершенно верно. Впрочем, от моего признания ничего не изменится. Схема всегда одна и та же. Посол приземляется и делает предложение юной, дикой и необузданной расе вроде вашей. Ему отчаянно сопротивляются, посла упорно пытаются убить. Когда же все попытки проваливаются, туземцы обычно сильно падают духом. Так что, когда прибывает отряд колонизаторов, восприятие новых идей проходит намного быстрее. И вообще, — добавил он после короткой паузы, — обычно планеты проявляют гораздо больший интерес к предлагаемой им философии. Уверяю вас, она сильно облегчает перестройку. — Он протянул посетителям стопку бумаги с машинописным текстом. — Может быть, пролистаете?

Дарриг взял у посла бумаги и сунул в карман.

— Если найдется время.

— Рекомендую полюбопытствовать, — сказал посол. — Сейчас вы уже близки к критической точке. Почему бы вам не сдаться?

— Еще рано, — невозмутимо ответил Серси.

— Не забудьте прочитать, — настойчиво напомнил посол.

Люди торопливо вышли.

— Вот что, — сказал Мэлли, когда они вернулись на командный пункт. — Мы еще не все испробовали. Пустим в ход психологию?

— Хоть черную магию, — согласился Серси. — Что вы имеете в виду?

— Насколько я понимаю, — объяснил Мэлли, — посол мгновенно реагирует на опасность. У него безотказный защитный рефлекс. Давайте прибегнем к чему-нибудь такому, на что этот рефлекс не распространяется.

— Например? — спросил Серси.

— Например, гипноз. Может, что-нибудь выведаем.

— Конечно, — сказал Серси. — Попытайтесь. Пробуйте что угодно.

В комнату посла впустили микроскопическое количество гипнотизирующего газа, и Серси с Мэлли и Дарригом уселись перед видеоэкраном. Одновременно в кресло, где сидел посол, был дан электрический импульс.

— Это чтобы отвлечь внимание, — прокомментировал Мэлли.

Посол исчез, прежде чем его поразил электрический ток, и вскоре вновь появился в кресле.

— Достаточно, — прошептал Мэлли и перекрыл клапан.

Все впились взглядом в экран. Немного погодя посол отложил книгу и уставился в пустоту.

— Как странно, — произнес он. — Альферн мертв. Добрый друг... идиотская случайность. В пути ему не повезло. Он был обречен. На его пути таилось... Но такое не часто встречается.

— Думает вслух, — прошептал Мэлли, хотя услышать его посол никак не мог. — Проговаривается. Должно быть, друг у него из головы не выходит.

— Конечно, — продолжал посол, — когда-нибудь Альферн должен был умереть. Бессмертие пока недостижимо. Но такой смертью... и нет защиты. Хаос таится... Нечто, вечно ждущее своего часа.

— Его тело еще не опознало гипнотизирующий газ как угрозу, — прошептал Мэлли.

— Впрочем, — снова заговорил посол, — закон упорядочивания держит все это в рамках, сглаживает...

Посол неожиданно вскочил и побледнел. Он явно пытался припомнить только что сказанное. Потом рассмеялся.

— Остроумно. Такую шутку вы сыграли со мной в первый и последний раз. Но, джентльмены, она вам не сослужит службы. Я и сам не знаю, чем меня можно одолеть... — Он снова рассмеялся. — Кстати, — заметил он, — команда колонизаторов теперь уже наверняка знает нужное направление. Они отыщут вас и без меня.

Посол снова уселся, чему-то улыбаясь.

— Что и требовалось доказать! — возликовал Дарриг. — Он уязвим. Погиб же от чего-то его друг Альферн.

— От чего-то в космосе, — напомнил ему Серси. — Но от чего?

— Дайте сообразить, — размышлял Дарриг вслух. — Закон упорядочивания. Это, наверное, неизвестный нам закон природы. А таилось... что там может таиться, в космосе?

— Он сказал, что колонизаторы отыщут нас в любом случае, — напомнил всем Мэлли.

— Давайте сперва покончим с главным делом, — сказал Серси. — Вполне возможно, он блефует... впрочем, вряд ли. Но избавиться от посла необходимо.

— Мне кажется, я знаю, что там таится! — воскликнул Дарриг. — Потрясающе. Это может вылиться в новую космологию!

— Хорошая идея? — осведомился Серси. — Мы сможем ею воспользоваться?

— Думаю, да. Но над ней нужно поработать. Пойду-ка я к

себе в отель. Мне надо полистать кое-какие книги, и желательно, чтобы в ближайшие несколько часов меня никто не тревожил.

— Хорошо, — согласился Серси. — Но в чем суть..

— Не спрашивайте, я мог и ошибиться, — сказал Дарриг. — Дайте мне возможность помозговать.

И он выбежал из комнаты.

— Как по-вашему, к чему он клонит? — спросил Мэлли.

— Ума не приложу, — пожал плечами Серси. — Вот что, давайте еще попробуем эти психологические штучки.

Сперва комнату посла на несколько футов заполнили водой — не с целью утопить, а чтобы причинить максимальное неудобство.

Затем к воде добавили свет. Восемь часов подряд посла изводили световыми вспышками — то яркими, проникающими сквозь веки, то тусклыми, чтобы лишь раздражать.

Потом настала очередь звуков — скрежета, визга, скрипов, тысячекратно усиленного звука скребущих по шершавой поверхности ногтей, странных причмокиваний, вскриков и шепота.

А потом — запахи. И следом за ними — весь мыслимый арсенал способов свести человека с ума.

Посол невозмутимо спал.

— Ну вот что, — сказал Серси на следующий день, — начнем шевелить мозгами.

Голос его звучал хрипло и устало. Психологическая пытка, которая даже не вывела посла из равновесия, словно рикошетом отразилась на Серси и его команде.

— Куда, черт подери, запропастился Дарриг?

— Все продумывает свою идею, — сказал Мэлли, потирая заросший подбородок. — Говорит, вот-вот докопается до истины.

— Будем исходить из допущения, что его идея порочна, — сказал Серси. — Давайте рассуждать. Например, если посол способен превратиться во что угодно, есть ли что-нибудь такое, во что он не способен превратиться?

— Хороший вопрос, — буркнул Гаррисон.

— Это вопрос об ответном действии, — сказал Серси. — Нет смысла бросать копье в человека, способного в это копье превратиться.

— А что, если сделать так, — предложил Мэлли. — Пусть он превращается во что угодно, мы поставим его в такое положение, что опасность будет грозить ему уже после превращения.

— Конкретнее, — сказал Серси.

— Предположим, ему что-то грозит. Он превращается в источник опасности. А если что-то угрожает именно этому источнику? И, в свою очередь, само находится под какой-то угрозой? Что он тогда сделает?

— А как это осуществить? — спросил Серси.

— А вот как. — Мэлли снял телефонную трубку. — Алло! Соедините с Вашингтонским зоопарком. Срочно.

Посол обернулся на звук открывающейся двери. В комнату впихнули упирающегося тигра. Дверь захлопнулась.

Тигр посмотрел на посла, посол — на тигра.

— Изобретательно, — одобрил посол.

Тигр прыгнул, точно распрямившаяся пружина, и опустился там, где только что сидел посол.

Дверь снова приоткрылась. В комнату впихнули второго тигра. Он злобно оскалился и прыгнул на первого. Оба столкнулись в воздухе.

В нескольких десятках сантиметров от них появился посол и стал наблюдать за дракой. Он посторонился, когда в дверь втолкнули льва, настороженного и готового к бою. Лев прыгнул на посла и чуть не перекувырнулся, не обнаружив добычи на месте. За неимением лучшего лев вцепился в одного из тигров.

Посол вновь очутился в кресле — он курил и спокойно смотрел, как звери рвут друг друга на куски.

Через десять минут комната стала похожа на бойню. К тому времени это зрелище послу надоело, и он улегся на постель с книжкой в руках.

— Сдаюсь, — сказал Мэлли. — Больше ничего в голову не приходит.

Серси, не отвечая, уперся взглядом в пол. Гаррисон в уголке тихо накачивался виски.

Зазвонил телефон. Серси снял трубку.

— Да?

— Раскусил! — услышал он торжествующий голос Даррига. — Послушайте, я сейчас же хватаю такси. Велите Гаррисону вызвать подручных.

— А в чем дело? — спросил Серси.

— В хаосе, который подо всем этим таится! — ответил Дарриг и бросил трубку.

Полчаса, час... Только через три часа после своего звонка на командный пункт лениво вошел Дарриг.

— Привет, — сказал он небрежно.

— К дьяволу приветы! — зарычал Серси. — Почему так долго?

— В пути я познакомился с философией посла, — ответил Дарриг. — Это шедевр.

— Поэтому вы и задержались?

— Да. Я попросил водителя проехать несколько раз вокруг парка, а сам читал.

— Оставим это. В чем же...

— Нельзя это оставить, — перебил Дарриг странным, напряженным голосом. — Боюсь, что мы заблуждались относительно пришельцев. Если они станут нашими правителями, Земля — колонией, это будет вполне разумно и справедливо. Откровенно говоря, я даже мечтаю, чтоб они скорее прилетели.

Но вид у Даррига был не столь уверенным, как слова. Его голос дрожал, со лба градом струился пот, он судорожно сжимал кулаки, словно его мучила боль.

— Это трудно объяснить, — произнес он. — Едва я начал читать, как все стало совершенно ясным. Я понял, какими мы были тупицами, пытаясь сохранить независимость в этой взаимозависимой Вселенной. Я понял... да ладно, Серси. Давайте кончим дурить и признаем посла нашим другом.

— Успокойтесь! — заорал Серси на совершенно спокойного физика. — Вы сами не знаете, что говорите.

— Странно, — пробормотал Дарриг. — Я знаю, что я думал... только теперь я так не думаю. Мне ясно, в чем ваша беда. Вы не знакомы с настоящей философией. Вы поймете меня, как только прочтете...

Он подал Серси стопку бумаг. Серси тотчас поджег их своей зажигалкой.

— Неважно, — сказал Дарриг. — Я заучил наизусть. Вы только послушайте. Аксиома первая: все разумные существа...

Серси выбросил вперед кулак, и Дарриг повалился на пол.

— Слова в тексте, видимо, подобраны так, чтобы вызывать в человеке определенную эмоциональную реакцию. Это своего рода гипноз, — прокомментировал Мэлли. — Послу остается лишь приспособить слова под мышление людей, с которыми он имеет дело.

— Знаете, Мэлли, — обратился к нему Серси, — теперь все в ваших руках. Дарриг нашел разгадку — или думал, что нашел. Вам придется вытянуть ее из него.

— Задача нелегкая, — проговорил Мэлли. — У него ведь будет ощущение, что, выдав нам свою тайну, он предает правое дело.

— Как вы этого добьетесь — меня не касается, — отмахнулся Серси. — Лишь бы добились.

— Даже с риском для его жизни? — спросил Мэлли.

— Даже с риском для вашей.

— Тогда помогите отвести его в мою лабораторию, — бросил Мэлли.

В тот вечер Серси с Гаррисоном не покидали командного пункта, следя за послом. В голове Серси лихорадочно путались мысли.

Что погубило Альферна в космосе? Можно ли смоделировать это «нечто» и на Земле? Что такое «закон упорядочивания»? Как это — «хаос таится»?

И вообще, какого черта, я со всем этим связался? — подумал он. Нет, подобные мысли следует давить сразу.

— Кто такой, по-вашему, посол? — спросил он Гаррисона. — Человек?

— Похож, — сонно ответил Гаррисон.

— С виду похож, а на деле не похож. Интересно, каков его настоящий облик?

Гаррисон качал головой и раскуривал трубку.

— Что он собой представляет? — не унимался Серси. — С виду человек, но преображается во что угодно. Ничем его не проймешь — адаптируется. Как вода, принимает форму любого сосуда.

— Воду можно вскипятить, — зевнул Гаррисон.

— Конечно. Вода не имеет собственной формы, так ведь? Или имеет? В чем ее внутренняя суть?

Сделав над собой усилие, Гаррисон попытался сосредоточиться на словах Серси.

— В молекулярной структуре? В матрице?

— Матрица, — повторил Серси, тоже зевая. — Должно быть, нечто вроде этого. Структура абстрактна, так?

— Так. Структуру можно наложить на что угодно. Что я только что сказал?

— Ну-ка, подумаем, — сказал Серси. — Структура. Матрица. Любая частичка тела посла способна изменяться. Но для сохранения его личности должна иметься и некая объединяющая сила. Нечто неизменное в любых обстоятельствах.

— Как тесемка, — произнес Гаррисон, не размыкая век.

— Конечно. Завяжи ее узлами, сплети в жгут, намотай на палец — она останется тесемкой.

— Да.

— Но как одолеть эту структуру? — спросил Серси.

Отчего бы не поспать? К черту посла вместе с его колонизаторами, сейчас он наконец заснет...

— Проснитесь, полковник!

Серси через силу открыл глаза и посмотрел на Мэлли. Рядом самозабвенно храпел Гаррисон.

— Удалось?

— Нет, — признался Мэлли. — Философия произвела на него слишком глубокое впечатление. Правда, до конца она не подействовала. Дарриг знает, что раньше хотел уничтожить посла по достаточно веским причинам. Теперь его позиция изменилась, зато он чувствует, что предает нас. С одной стороны, он не может причинить вред послу; с другой — он не хочет причинить вред нам.

— И все же молчит?

— Боюсь, все не так просто. Знаете, если перед вами непреодолимое препятствие, которое *необходимо* преодолеть... кроме того, как мне кажется, философия посла повредила его разум.

— Так куда вы клоните? — Серси встал.

— Мне очень жаль, — извинился Мэлли, — но тут я ничего поделать не могу. В его сознании происходила сильнейшая борьба, и, когда у него не осталось сил сражаться, он... отступил. Боюсь, он безнадежно помешался.

— Сходим к нему.

Они прошли по коридору в лабораторию Мэлли. Дарриг лежал на кушетке, уставившись куда-то немигающими остекленевшими глазами.

— Неужели нет способа его вылечить? — спросил Серси.

— Возможно, при помощи шоковой терапии, — с сомнением произнес Мэлли. — Однако на это уйдет немало времени. К тому же в его сознании наверняка имеется блокировка причин, которые довели его до такого состояния.

Серси отвернулся — у него потемнело в глазах. Даже если Даррига можно вылечить, окажется слишком поздно. Сигнал посла наверняка уже принят, и пришельцы-колонизаторы направляются к Земле.

— А это что? — спросил Серси, поднимая клочок бумаги, лежащий возле руки Даррига.

— Да так, бумажка. Он все вертел ее в руках. Разве на ней что-то написано?

— «По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос — Медуза Горгона», — прочитал Серси.

— И что это значит? — спросил Мэлли.

— Понятия не имею, — отозвался Серси. — Его всегда интересовала мифология.

— Похоже на бред шизофреника, — заключил психиатр.

— «По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос — Медуза Горгона». — перечитал Серси. — Не может ли быть, — спросил он у Мэлли, — что Дарриг старался навести нас на решение? Что он сам себя обманывал, тайком от себя подсказывая нам ответ.

— Возможно, — согласился Мэлли, — Безуспешный компромисс... но что же означают эти слова?

— Хаос. — Серси вспомнил, что Дарриг произносил это слово, разговаривая с ним по телефону. — Согласно древнегреческой мифологии, хаос — первоначальное состояние Вселенной, не так ли? Бесформенность, породившая мир?

— Вроде того, — сказал Мэлли. — А Медуза — одна из трех сестер с жуткими физиономиями.

Еще с секунду Серси вчитывался в запись. Хаос... Медуза... И закон упорядочивания! Конечно!

— Кажется...

Серси повернулся и выбежал из лаборатории. Мэлли взглянул ему вслед, заполнил шприц и поспешил за полковником.

Серси с трудом растолкал Гаррисона.

— Надо кое-что сконструировать, — сказал он, — и срочно. Вы меня слышите?

— Конечно. — Гаррисон похлопал глазами и встал. — Но зачем такая спешка?

— Я теперь знаю, что хотел сообщить Дарриг, — ответил, полковник. — Идемте, я вам объясню, что от вас требуется. А вы, Мэлли, положите шприц. Я еще в своем уме. Лучше достаньте мне книгу по греческой мифологии. Да пошевеливайтесь.

В два часа ночи достать книгу по греческой мифологии — дело нелегкое. Подключив к поискам агентов ФБР, Мэлли вытащил букиниста из постели, получил книгу и заторопился назад.

У Серси были налитые кровью глаза и возбужденный вид, Гаррисон с подручными хлопотал над тремя неведомыми аппаратами. Серси выхватил у Мэлли книгу, нашел в оглавлении нужные страницы и, просмотрев их, отложил книгу в сторону.

— Великие люди были эти древние греки, — сказал он. — Теперь у нас все готово. А у вас, Гаррисон?

— Почти. — Гаррисон и десять его подручных монтировали последние детали. — Может, все-таки объясните, что вы затеяли?

— Я бы тоже хотел послушать, — ввернул Мэлли.

— Да нет здесь никаких тайн, — сказал Серси. — Просто время поджимает. Попозже все объясню. — Он встал. — А теперь разбудим посла.

Усевшись перед экранами, они приступили к делу. С потолка на постель посла молнией метнулся электрический заряд. Посол исчез.

— Теперь он стал частью электронного потока, верно? — сказал Серси.

— Так он утверждает, — откликнулся Мэлли.

— Но в этом потоке сохраняет костяк собственной структуры, — продолжал Серси. — Иначе он бы не мог вернуться в прежний облик. А теперь включим первый генератор помех.

Гаррисон включил свое творение и отослал подручных.

— Вот осциллограмма электронного потока, — сказал Серси. — Замечаете разницу? — На экране с нерегулярными промежутками змеились и таяли пики и спады кривой. — Помните, вы загипнотизировали посла? Он заговорил тогда о своем друге, погибшем в космосе.

— Верно, — кивнул Мэлли. — Друга погубила какая-то неожиданность.

— Посол проговорился еще кое о чем, — продолжал Серси. — О том, что основной закон природы — закон упорядочивания — обычно не допускает таких происшествий. У вас это с чем-нибудь ассоциируется?

— Закон упорядочивания, — медленно повторил Мэлли. — Ведь Дарриг сказал, что это неизвестный нам закон природы.

— Сказал. Но последуйте примеру Даррига и подумайте, что это для нас значит. Если в природе есть какая-то упорядочивающая тенденция, то, следовательно, есть и тенденция противоположная, препятствующая упорядочиванию. А то, что препятствует упорядочиванию, называется...

— Хаос!

— Вот что сообразил Дарриг, и вот до чего должны были додуматься мы сами. Из хаоса и возникает закон упорядочивания. Этот закон, если я все понял правильно, стремится подавить первозданный хаос, сделать все в мире закономерным.

Но кое-где есть места, где хаос все еще силен. Альферн убедился в этом на собственном опыте. Возможно, в космосе стремление к упорядочиванию слабее. Как бы то ни было, подобные места опасны до тех пор, пока над ними не поработает закон упорядочивания.

Полковник обернулся к пульту.

— Ладно, Гаррисон. Включай второй генератор.

Зигзаги на экране изменили конфигурацию. Зубцы и спады затеяли бешеную бессмысленную пляску.

— Теперь проанализируем с этой точки зрения записку Даррига. Как мы знаем, хаос — основа всего. Из него появилась Вселенная. Медуза Горгона — нечто такое, на что нельзя смотреть. Помните, кто взглянет на нее, тот сразу окаменеет. А Дарриг нашел родство между хаосом и тем, на что нельзя смотреть. Применительно к послу, разумеется.

— Посол не выдержит встречи с хаосом! — вскричал Мэлли.

— В том-то и дело. Посол способен на бесконечное число изменений и превращений. Но что-то основное — некая внутренняя структура — не должно изменяться, иначе от посла ничего не останется. А чтобы уничтожить нечто столь абстрактное, как структура, нам нужны условия, при которых никакая структура невозможна. Состояние хаоса.

Включили третий генератор помех. Осциллограмма стала похожа на след пьяной гусеницы.

— Идею генераторов белого шума подал Гаррисон, — сказал Серси. — Я просто спустил задание: получить электрический ток, лишенный какой бы то ни было упорядоченности. Эти генераторы применяют для глушения радиопередач. Первый изменяет все основные характеристики электрического тока. Такое у него назначение: ввести бессистемность. Второй устраняет закономерность, случайно внесенную работой первого; третий устраняет закономерности, которые могли остаться после работы двух первых. Полученный сигнал снова поступает на вход и следы всяких закономерностей систематически уничтожаются... надеюсь.

— Это аналогия хаоса? — спросил Мэлли, глядя на экран.

Бешено металась осциллограмма, завывала аппаратура. Но вот в комнате посла появилось какое-то туманное пятно. Оно колыхнулось, сжалось, расширилось...

Затем началось неописуемое. Они смогли лишь догадаться, что все предметы, оказавшиеся внутри пятна, исчезли.

— Отключить! — рявкнул Серси. Гаррисон повернул рубильник.

Пятно продолжало расти.

— Но почему мы смотрим на него без вреда для себя? — удивился Мэлли, не отрывая глаз от экрана.

— Помните щит Персея? — ответил Серси. — Он смотрел на Медузу, пользуясь щитом как зеркалом.

— Растет! — воскликнул Мэлли.

— Производственный риск, — невозмутимо произнес Серси. — Всегда существует возможность, что хаос выйдет из-под контроля. Если это случится...

Пятно перестало расти. Его края колыхнулись, подернулись рябью, пятно начало сжиматься.

— Закон упорядочивания сработал, — сказал Серси и повалился в кресло.

— Как там посол? — спросил он через несколько минут.

Пятно все еще колыхалось. Внезапно оно исчезло. Громыхнул взрыв. Возникший вакуум вогнул внутрь стальные стены, но они выдержали. Экран погас.

— Пятно высосало в комнате весь воздух, — пояснил Серси. — Вместе с мебелью и послом.

— Он не выдержал, — сказал Мэлли. — В полностью беспорядочном состоянии не сохраняется ни одна система. Посол отправился к своему Альферну.

Мэлли нервно рассмеялся. Серси почувствовал, что вот-вот к нему присоединится, но взял себя в руки.

— Успокойтесь, ребята, — сказал он. — Дело еще не закончено.

— Как это не закончено? Ведь посол...

— От него мы избавились. Но в нашем регионе космоса шныряет флот инопланетян. Он столь силен, что водородная бомба для него не страшнее хлопушки. И они будут нас искать.

Серси встал.

— Ступайте по домам и отоспитесь. Если предчувствие меня не обманывает, завтра нам предстоит изобретать способ маскировки всей планеты.

ИГРА С ТЕЛОМ

Дорогой Сенатор, пишу Вам потому, что Вы наш старейший Сенатор. Во время прошлогодних выборов Вы сказали, что Вы наш слуга и мы должны немедленно сообщать Вам про все наши беды. Еще Вы сказали — с некоторым раздражением — долг каждого гражданина писать своему Сенатору о том, что здесь творится. Я, Сенатор, долго над всем этим размышлял. Разумеется, я не верю, что Вы на самом деле наш слуга, — Вы зарабатываете в пятьдесят или в сто, а то и в тысячу раз больше каждого из нас. Но коль Вы настаиваете, чтобы мы Вам писали, то я решил написать.

Сперва я недоумевал, почему это Вы велели писать Вам обо всем, что здесь творится, ведь Вы, как и я, выросли в этом самом городе, а не замечать того, что здесь творится, может лишь слепой, глухой и бесчувственный осел. Но потом я понял, как был несправедлив, — Вам приходится столько времени проводить в Вашингтоне, а поэтому Вы вполне можете и не знать про

все. Как бы там ни было, ловлю Вас на слове и беру на себя смелость написать Вам письмо. Прежде всего мне хотелось бы рассказать о новом теле моего дедушки, потому как это особый повод обратиться к Вам с жалобой. Вам об этом обязательно нужно знать, а может, и что-нибудь предпринять.

До того как всему этому случиться, дедушка был здоровым бодрым стариком девяноста двух лет от роду, с полным ртом своих зубов, густой белоснежной шевелюрой и не имел ни унции лишнего веса. Он всю жизнь пекся о своем здоровье и очки начал носить уже в восемьдесят с хвостиком. Проработав полвека, получил в шестьдесят пять приличную пенсию, хотя был всего-навсего оператором счетных машин. Пенсия, социальное страхование и кое-какие сбережения позволяли ему полностью содержать себя. Это счастье, что он никогда не был нам обузой, — мы и так едва сводим концы с концами.

Выйдя на пенсию, старик какое-то время редко выбирался из дома — все спал да смотрел телевизор. Он всегда сам готовил себе еду и мыл за собой посуду. Днем выползал в парк и коротал времечко с другими старикашками, а потом снова отправлялся на боковую. К нашим детишкам относился замечательно, водил их по воскресеньям к заливу Бараньей Головы, где они бегали и собирали ракушки. Еще он ходил на рыбалку и даже поймал как-то песчаную акулу, правда, я никак не могу взять в толк, как рыбине удалось пробраться к берегу сквозь этот мусор и химические отходы. Мы ее сварили и ели два дня. Межу прочим, не так уж и плохо — только надо плеснуть побольше кетчупа.

Но вот старик заскучал. Ведь он проишачил целых полвека, а потому красиво отдыхать не умел. Хандрил он хандрил, да вдруг задумал подыскать себе работенку.

Конечно же, это была самая настоящая дурь, о чем мы ему так прямо и сказали. В наши дни сорокалетний мужчина и тот не в состоянии ничего себе подыскать, что уж говорить о семидесятилетнем старике — дедушке в ту пору стукнуло семь десятков.

Но он эту затею не оставил. Проснувшись поутру, принимал сыворотку долголетия, которую ему прописали медики из государственного здравоохранения, умывался, брился и куда-то исчезал.

Само собой, ничего хорошего он не нашел, так что в конце концов ему пришлось смирить свою гордыню и согласиться на должность помощника сортировщика мусора. К счастью, это обходилось ему не дорого — доходы-то у него не бог весть какие. Правда, он так и не смог свыкнуться с мыслью, что каждый день приходится выкладывать денежки из собственного кармана. И все только за то, чтобы работать. А ведь правительство го-

тово платить ему за полное безделье. «Но работа же полезная, и я делаю ее добросовестно, — жаловался он нам, — так почему же, черт побери, я должен платить собственные денежки за то, что добросовестно выполняю полезную работу?..»

Дедушка выполнял подобную работу лет двадцать, как вдруг кто-то изобрел самоуничтожаемые отходы и мой дедушка и тысячи других людей остались без работы. К тому времени ему было уже почти девяносто, но он все же горел желанием приносить пользу обществу. Правда, здоровье у него пошатнулось. Впервые за всю свою жизнь дедушка почувствовал себя неважно. Мы повезли его к доку Сондерсу в Мемориальный Социально-медицинский центр имени У. Тана на Восточной 103-й улице. На это ухлопали почти целый день. Тротуар-самоходка стоит пять монет в один конец, нам же такое удовольствие не по карману.

У дока Сондерса в офисе каких только приборов нет. Дедушку он обследовал три дня и после сказал:

— Вы ничем не больны, а просто стары. Ваше сердце, можно сказать, окончательно выдохлось, а ваши артерии уже не выдерживают давления крови. Все остальные органы тоже барахлят, но в сравнении с тем, что я сказал, это мелочи.

— Док, а может, вы мне что-нибудь замените? — спросил дедушка.

Док Сондерс покачал головой.

— Стоит мне поставить вам новое сердце, и оно разорвет ваши артерии, а если подштопать артерии, ваши легкие не смогут обогащать кровь кислородом. Если же мне удастся подремонтировать легкие, откажут почки. Дело в том, что все ваши внутренние органы порядком износились.

Дедушка кивнул. По утрам он читал «Дейли ньюс» и про все это знал.

— Так что же мне делать? — спросил он.

— Обзавестись новым телом, — сказал Сондерс.

Дедушка задумался.

— Черт побери, возможно, в моем возрасте следует уже быть готовым к смерти, но я еще не готов, — сказал он. — Понимаете, не все я еще повидал. Разумеется, я хочу сменить тело. Но вот где взять деньги...

— В том-то и проблема, — кивнул Сондерс. — Государственное здравоохранение, как вам известно, не обеспечивает замену всего тела.

— Знаю, — грустно сказал дедушка.

— Так, значит, вам такие расходы не по карману?

— Увы, вряд ли.

Последующие два дня дедушка сидел на обочине дороги у

нашего дома и усиленно размышлял. Ему было не очень-то уютно на улице. Дети, которые шли домой из школы, кричали: «Эй, старик, помирай скорей! Почему ты до сих пор коптишь небо? Старый ублюдок, ты только переводишь воздух, пишу и воду. Мерзкий старый урод, умри же пристойно, как подобает старикам. Умри, умри, алчный сукин сын. Умри!»

Услышав это, я схватил палку и хотел было выйти на улицу малость порезвиться. Но дедушка мне не разрешил.

— Они только повторяют то, что говорят их родители, — сказал он. — Ребенок — тот же попугай, что с него возьмешь? Но дети, вероятно, правы. Возможно, я и в самом деле должен умереть.

— Ну ладно, только не заводись, — сказал я.

— Умри, умри, — твердил дедушка. — Черт возьми, я все тридцать лет напрасно коптил небо. Имей я хоть немного мужества, наверняка бы уже помер — отчего и мне, и всем остальным стало бы легче.

— Ерунду несешь, — возразил я ему. — Скажи, а для чего тогда все эти изобретения для продления жизни, если, как ты говоришь, старики должны умирать?

— Вероятно, те, кто их придумали, сделали ошибку.

— Ага, так я этому и поверил. Меня, помню, еще в школе учили, что человек должен жить многие сотни лет. Ты разве не слыхал о докторе Фаусте?

— Это знаменитый австрийский доктор, да? — спросил дедушка.

— Немецкий, — поправил я его. — Друг Фрейда и Эйнштейна, но только куда толковей их обоих. Он прославлял долголетие человека. Надеюсь, ты не станешь спорить с таким башковитым парнем, а?

Возможно, я не совсем гладко изложил то, что думал, но мне нужно было что-то сказать, не хотелось, чтобы старик умирал. Сам не знаю почему — ведь с каждым годом жить становится все трудней и трудней, а поэтому нет никакого резона в том, что у тебя под ногами будет мешаться старик. Но мне все равно хотелось, чтобы он жил. С ним у нас никогда не было никаких хлопот, детишки его любили, и даже Мэй, моя жена, считала, что с дедушкой приятно побеседовать.

Конечно, мои рассказы про этого Фауста не произвели на него ни малейшего впечатления. Он подпер кулаком подбородок и задумался. Минут десять думал... Потом поднял голову и прищурился, будто удивляясь тому, что я все еще возле него.

— Сынок, а сколько лет Артуру Рокфеллеру? — поинтересовался дедушка.

— Сто тридцать или около того, — ответил я. — Он сменил уже третье тело.

— А Юстису Моргану Ханту сколько?

— Примерно столько же.

— А Блейзу Эйзенхауэру?

— Думаю, сто семьдесят пять, не меньше. Он сменил четыре тела.

— Ну, а Моррису Меллону?

— Лет двести десять — двести двадцать. Но тебе-то что за дело до них?

Он глянул на меня с сожалением:

— А то, что бедные люди — это те же самые дети. У них чуть ли не сто лет уходит, чтобы вырасти, но тут их настигает смерть, и они ничего не успевают сделать. У богатых же есть возможность жить вечно.

Дедушка помолчал, потом сплюнул на тротуар, встал и направился домой — подошло время его любимого дневного шоу.

Не знаю, как и откуда он достал деньги. Возможно, у него было кое-что припрятано или же он ограбил в Нью-Джерси кондитерскую. Какая разница? Главное, что через три дня он сказал мне:

— Джонни, пошли в магазин за телом.

— В магазин за телом? Да брось разыгрывать, — отмахнулся я.

— А я говорю тебе — пошли в магазин. — Он показал зажатые в кулаке триста восемьдесят долларов. При этом не сказал мне, где их добыл, мне, своему родному внуку, которому когда-нибудь тоже потребуется новое тело.

И вот мы с ним отправились в магазин покупать ему новое тело.

Надеюсь, Сенатор, Вы знаете, как обстоят дела у бедных. Все для них слишком дорого, к тому же отвратительного качества. Если у Вас, как и у нас, пустой карман, Вы ни за что не пойдете в магазин тел Сэкса или, скажем, в «Центр Оживления» Лорда и Тейлора. Они Вас засмеют или даже арестуют, чтобы не мешались у них под ногами. Да Вы туда и не пойдете, а направитесь в магазин поблизости от Вашего дома.

Мы же пошли прямиком в магазин живых моделей «Франт», что на углу 103-й улицы и Бродвея.

Вовсе не собираюсь навлекать гнев на эту компанию — просто сообщаю Вам, куда мы пошли.

Возможно, Вы читали, что представляют собою заведения подобного типа: сплошной неон, три-четыре симпатичных тела в витрине и полная рухлядь внутри магазина. А еще парочка продавцов в пестрых костюмах. Они то и дело отпускают по ви-

деофону всякие шуточки. Должно быть, эти продавцы сбывают свой товар друг другу, потому как я сроду не видел здесь покупателей.

Мы зашли в магазин и начали рассматривать товар. Тут выплыл продавец, эдакий симпатичный развязный малый, и еще издалека начал нам улыбаться.

— Ищете симпатичное тело? — спросил он.

— Нет, приятель, четвертого для партии в бридж, — сказал я.

Он засмеялся, признав тем самым, что у меня неплохо с юмором.

— Ну и на здоровье. Если же у вас есть какое-то особое по...

— Сколько стоит вот это? — спросил дедушка.

— Вижу, вы не лишены вкуса, — сказал продавец. — Это наша итонская модель, собранная на новой линии омоложения «Дженерал дайнамикс». Рост Итона шесть футов, вес сто семьдесят фунтов. Класс рефлексов АА. Все органы без исключения получили знак качества Искусного Домоводства. А вам известно, что генерал Клей Бэкстер занимает одно из модифицированных тел образца Итон? Мозг и нервная система этого тела изготовлены фирмой «Динако».

Согласно Опросу Потребителей это тело было названо Лучшей Покупкой Года. Что касается скульптурной работы, модель чрезвычайно удалась — обратите внимание на цвет кожи лица, а также на линии морщин у глаз. Уверяю вас, подобные мелочи далеко не всегда удаются.

— Сколько оно стоит? — спросил дедушка.

— Забыл довести до вашего сведения, что на все органы, а также их деятельность дается десятилетняя гарантия качества Искусного Домоводства.

— Почем оно?

— Сэр, на этой неделе мы проводим распродажу, и я могу уступить вам этот экземпляр за восемнадцать тысяч девятьсот долларов, то есть со скидкой в двенадцать процентов.

Дедушка покачал головой:

— И вы в самом деле рассчитываете сбыть эту штуковину?

— Все может быть, — сказал продавец. — Случается, кто-то выигрывает в лотерею или получает наследство.

— За восемнадцать кусков мне проще умереть, — сказал дедушка. — А что-нибудь подешевле у вас есть?

У продавца оказался широкий ассортимент моделей подешевле: «Парень» Рено-Бофорс за десять тысяч долларов, «Всякий и каждый» Сокони Джи Эм за шесть тысяч пятьсот. А также «Шагай, человек» фирмы «Юнион Карбайд Крайслер» с пластиковыми волосами за две тысячи двести; «Веракрузано» — мо-

дель без голосового аппарата, гироцентра и системы переработки протеина техасской фирмы «Инструмент» — цена тысяча шестьсот девяносто пять долларов.

— Черт побери, меня совсем не интересует весь этот новый синтетический хлам, — сказал дедушка. — У вас есть отдел использованных тел?

— Да, сэр.

— В таком случае покажите мне что-нибудь приличное из этих ваших призывников запаса.

Продавец провел нас в заднее помещение, где вдоль стены, точно бревна, стояли тела. Это напоминало комнату ужасов времен моего детства — если честно, ни одно из этих тел не годится даже для того, чтобы отправиться в нем на собачьи бои. Следовало бы издать закон, запрещающий продавать подобное: все эти кривобокие тела с объеденными ушами, тела, из которых до сих пор сочится кровь, ибо в них вшили новые сердца, искромсанные тела из лабораторий, тела, собранные из останков погибших в несчастных случаях, тела самоубийц, которым заклеили запястья и влили несколько кварт свежей крови, тела прокаженных, чьи язвы опрыскали из пульверизатора краской под цвет кожи.

Признаться, мы не думали, что призывники окажутся очень уж симпатичными, однако и увидеть подобное не ожидали. Я решил, дедушка повернется и выйдет из магазина, но он этого не сделал. Покачав головой, он подошел к не самому уродливому синтетическому телу без ноги и с выпирающим плечом. Разумеется, красотой оно не блистало, но уже хорошо то, что не было похоже на извлеченный из-под обломков железнодорожных вагонов труп.

— Меня могло бы заинтересовать что-то вроде этого, — осторожно заметил дедушка.

— У вас наметанный глаз, — похвалил продавец. — Дело в том, что эта маленькая партия предшествовала крупным поставкам дорогостоящей модели.

— Видок у него потрепанный, — отметил дедушка.

— Что вы! Это, мой дорогой сэр, отличное тело! Оно идет в комплекте с отремонтированным сердцем, легкими экстракторного типа, сверхнадежной печенью и обогащенными гландами. В комплекте с этой моделью — четыре почки, живот с двойной изоляцией, а также две сотни футов лучших кишок от Амора. Что скажете на это, сэр?

— Ну, я не знаю, — мялся дедушка.

Однако продавец все знал. Ему потребовалось всего пятнадцать минут, чтобы сбагрить дедушке это кривобокое тело.

При теле была гарантия в один месяц. Мой дедушка влез в

него на следующий же день, и оно прослужило ему три недели. Потом стало частить и трепыхаться сердце, одна почка отказала, а три другие работали с перебоями, заплата слетела с легкого, кишки дали течь, а печень начала усыхать.

Одним словом, дедушка сейчас в постели, и док Сондерс говорит, что ему уже не встать. Компания не собирается отвечать за тело. В их контракте есть какие-то очень мудреные пункты, и легальный советник нашего квартала утверждает, что на суды можно потратить десять лет — и все без толку. А дедушка за это время умрет.

Так что, Сенатор, я решил написать Вам и попросить Вас как можно быстрей что-нибудь предпринять.

Дедушка думает, что я получу от Вас обычную отписку по форме или, может, письмо от Вашей секретарши с сожалением, что у Вас нет никакой возможности исправить эту печальную ошибку, а еще, возможно, пообещаете предложить на рассмотрение Конгресса билль, чтобы не допустить в дальнейшем повторения того, что случилось с дедушкой. И делу конец. Поэтому мы с дедушкой считаем, что он обязательно умрет — денег на нормальное тело у него нет, а помогать ему не собирается никто. Привычное дело, верно? Так всегда случается с маленькими людишками.

Теперь я назову вторую причину, по которой пишу Вам письмо. Сенатор, я обговорил все с дружками, и мы пришли к выводу, что мой дедушка и все другие бедняки с незапамятных времен ходят в дураках. Этот Ваш Золотой век вовсе не так уж и хорош для таких, как мы. Дело не в том, что нам много нужно, а просто мы больше уже не можем мириться с тем, что другие люди имеют такую привилегию, как долгая жизнь, а у нас ее нет. Мы считаем, что всему этому пора положить конец.

Мы порешили так: если Вы и другие облеченные властью люди не измените существующий порядок, мы изменим его сами. Настало время отстоять свои интересы.

Мы собираемся объявить Вам войну.

Для Вас, Сенатор, это может показаться неожиданностью, да только это вовсе не так. Вы бы удивились, если бы узнали, сколько людей думает точно так же, как я. Только вот каждый из нас считает, будто он один такой недовольный, а все остальные довольны. Теперь же мы узнали, что многие думают так же, как дедушка, и потихоньку созревают для дела.

Раньше мы не знали, что нам делать. Теперь знаем.

Мы простые люди, Сенатор, и среди нас нет крупных мыслителей. Но мы рассудили, что все люди должны быть приблизительно равны между собой. И мы понимаем, что никакие законы этого равенства не обеспечат.

Поэтому наша программа состоит в том, чтобы убивать богатых. До тех пор, пока ни одного не останется.

Возможно, это звучит, как говорят по ТВ, не совсем *конструктивно*. Однако мы считаем, что это честно, а еще, будем надеяться, окажется эффективно.

Мы будем убивать богатых всегда, везде и всеми возможными способами. Но мы ни в коем случае не собираемся заниматься дискриминацией. Нам плевать на то, как богач добыл деньги и куда их тратит. Мы будем убивать лидеров рабочего движения и банкиров, главарей преступного мира и нефтяных магнатов, одним словом, каждого, у кого денег больше, чем у нас. И будем убивать до тех пор, пока богатые не станут такими же бедными, как мы, или мы такими же богатыми, как они. И наших людей мы будем убивать, если они станут наживаться на этой войне. Черт возьми, сенаторов и конгрессменов мы тоже перебьем.

Вот так обстоят дела, Сенатор. Надеюсь, Вы все-таки поможете моему дедушке. Если поможете, то это будет означать, что Вы смотрите на мир нашими глазами, а поэтому мы с радостью дадим вам отсрочку в три недели, чтобы Вы смогли избавиться от богатства, которое сумели накопить.

Вам известно, как связаться с моим дедушкой. Со мной связаться никак нельзя. Какой бы оборот ни приняло это дело, я ухожу в подполье. Не советую тратить время и силы на поиски меня.

Запомните: нас гораздо больше, чем вас. Дедушка говорит, что еще ни разу за всю историю нам не удавалось осуществить подобное. Черт побери, все когда-то случается в первый раз. Быть может, в тот самый раз мы и закончим Ваш Золотой век и начнем наш собственный.

Я не думаю, что Вы смотрите на мир нашими глазами, мы же, Сенатор, глядим на Вас сквозь прицелы нашего оружия.

ПОСЛЕ ЭТОЙ ВОЙНЫ ДРУГОЙ НЕ БУДЕТ

Это сейчас Земля всем известна как образец добрососедства и миролюбия. Даже несмотря на свое полное обнищание, она ни с кем не воюет.

Есть уже люди, которые и представить себе не могут, что когда-то было иначе. А ведь было, и не так уж давно — когда вся власть на Земле была сосредоточена в руках горстки ослов в армейских мундирах. Вот эти-то солдафоны наихудшего армейского образца и доказали тогда, перед Великим Прозрением, полную несостоятельность их собственной политики.

Ведь именно во время диктатуры генерала Гэтта Земля вышла в космос и тут же, пару лет спустя, влипла в инцидент с Галактическим Исполнителем, после которого о войнах уже нечего было и говорить. Вот вам подлинная история этой фатальной встречи.

18 сентября 2331 года Вторая Ударная Армия под командованием генерала Варгаса вынырнула из утреннего тумана в окрестностях Рэдлэнда, Калифорния, и отбросила лоялистов Видермаера на полуостров Сан-Франциско. Видермаер — последний из генералов старого демократического режима, назначенных ныне низложенным правительством Соединенных Штатов, еще надеялся, что ему удастся спасти свою армию, отступив по морю, хотя бы на Гавайи. Он не знал, что к этому времени Океания уже сдалась на милость военных. Долгожданные корабли так и не пришли. Осознав, что дальнейшее сопротивление бесполезно и принесет только еще большие потери, Видермаер капитулировал. Так рухнул последний оплот защитников гражданских прав. Впервые за всю свою историю Земля перешла во власть единой военной диктатуры.

Варгас принял капитуляцию Видермаера и тут же отослал вестового в штаб-квартиру Верховного Командующего генерала Гэтта в Северном Техасе. Войска Второй Ударной разбили лагерь на двух лугах, и интенданты уже засуетились, завершая подготовку к празднествам, которыми Варгас хотел отметить окончательную победу.

Его палатка стояла чуть в стороне от лагеря. Генерал Варгас, коренастый крепыш чуть ниже среднего роста, обладал большой круглой головой, увенчанной шапкой густых волос, черными ухоженными усами и густыми сросшимися бровями. Он сидел на раскладном стуле, и рядом на краю стола дымился окурок черной сигары. Следуя хорошо проверенной практике, он отдыхал, полируя свои сапоги, сделанные из натуральной страусиной кожи и поэтому практически не имевшие цены, так как ни одного страуса на Земле уже не осталось.

Напротив, на походной койке, сидела его боевая подруга Лупе — вспыльчивая женщина с резкими чертами лица, пронзительным голосом и неукротимым характером. Все годы их адюльтера она воевала плечом к плечу с Варгасом и сопутствовала его карьере — от обозника низшего ранга до генерала в штабе Верховного Главнокомандующего. Оба они участвовали в кампаниях во всех частях света: их армия отличалась высокой

маневренностью — сегодня они в Калифорнии, а завтра уже в Италии, Камбодже или еще где-нибудь, куда направят.

Теперь наконец-то боевые соратники получили возможность расслабиться. Войска расположились на широкой равнине под Лос Гатосом, и их костры посылали в голубое небо тонкие извилистые струйки серого дыма. Кампания была окончена. Многие лоялисты Видермаера перешли на сторону победителей. Похоже было, что эта битва была последней; долго, сколько Варгас ни вспоминал, он не мог припомнить ни одного не побежденного еще противника.

Это был исторический момент. Варгас и Лупе отметили его, подняв друг за друга по бокалу калифорнийского шампанского, а затем разложили на заправленной двуспальной койке обмундирование и принялись наводить на него блеск для предстоящих торжеств. От генерала Гэтта прибыл вестовой, пыльный и усталый от нескольких часов, проведенных в вертолете. Он привез депешу:

Мы раздавили всю оппозицию нашему Новому Порядку в Северной Америке и окончательно сломили сопротивление в России и Азии. Наконец-то весь мир управляется одной твердой рукой. Мой верный генерал и мой дорогой друг, ты немедленно должен прибыть в ставку. Все наши генералы собираются здесь для того, чтобы отметить нашу Окончательную победу. Кроме того, нам нужно обсудить и наметить план дальнейших действий. И для этого ты мне здесь очень нужен. Кроме того, строго конфиденциально тебе сообщаю, что есть кое-какие обстоятельства, сулящие совершенно новые варианты дальнейшего развития нашей цивилизации. Но говорить об этом я не могу даже в депеше. Очень хочу обсудить все это с тобой. Это необычайно важно! Приезжай немедленно! Ты мне просто необходим!

Когда вестовой вышел, Варгас обернулся к Лупе:

— Что это могло бы быть настолько важным, что он не может доверить депеше? Хоть бы намекнул, что ли!

— Понятия не имею, — сказала она, — но мне что-то не нравится, что он так настаивает на твоем приезде.

— Что ты в этом понимаешь, женщина? Он просто отдает должное моим заслугам.

— Может, и так. А может, он хочет иметь тебя поближе к себе, чтобы ты был у него на глазах? Твои ребята — одна из последних независимых армий, и если он над вами установит контроль, то, считай, он в дамках.

— Ты забыла, что у него по крайней мере в пять раз больше людей, чем у меня. Кроме того, Джон Гэтт — мой друг детства, мы учились в одной школе в Лос-Анджелесе.

— Да слыхала я про это, — ответила Лупе, — но слишком часто бывает, что о дружбе забывают там, где решается вопрос о верховной власти.

— Но у меня нет амбиций подняться выше, чем я есть.

— А Гэтт об этом знает?

— Да, конечно, знает, — заявил Варгас, хотя голос его прозвучал не так уверенно, как ему хотелось бы.

— А он в это верит? — парировала Лупе. — В конце концов, власть меняет человека. Ты же сам видел, что стало кое с кем.

— Знаю, о ком ты. Генералы из России и Вьетнама. Но они же не смогут объединиться против Гэтта. Настали времена Единого правительства, и Джон Гэтт скоро станет Верховным Командующим всей планетой.

— А он этого достоин?

— Вот уж это неважно, — раздраженно ответил Варгас, — главное — это идея, и ее время настало. Раньше мы жили в сумасшедшем доме — все воевали друг с другом. Единый Верховный военный правитель Земли — это лучший вариант для нас всех.

— Ну хорошо, — примирительно сказала Лупе, — надеюсь, что это так. Так мы едем?

Варгас задумался. Несмотря на уверенный вид, который он демонстрировал Лупе, у него самого все же были некоторые сомнения. Кто может предсказать, что сделает Гэтт? Не раз уже бывало, что победивший генерал утверждался на своих позициях путем уничтожения, под предлогом измены, своих былых соратников. Однако есть ли выбор? Как бы ни было предано Варгасу его войско, армия Гэтта в пять раз превосходит его численно и в любом случае победа будет за ним.

Но ведь он, Варгас, и не собирался быть Верховным Командующим. Он-то прекрасно понимал, что скроен не для высшего эшелона власти и его место — на поле битвы. Так что он ни на что не претендует. И Гэтт должен был это знать — Варгас сам ему часто об этом говорил.

— Я должен с ним повидаться, — наконец решил он.

— А я? — спросила Лупе.

— А ты останешься под охраной наших войск, в полной безопасности.

— Не будь занудой. Где ты — там и я. Это девиз боевых подруг.

Варгас имел слабое представление о том, каким разрушениям подверглась Америка, потому что до того, как Гэтт приказал ему перебросить свою армию в Калифорнию для решающе-

го сражения с Видермаером, он воевал в Италии. Но пока они летели на реактивном самолете в Техас, в город Зеро, он достаточно насмотрелся на разрушенные города и нескончаемые толпы беженцев. Однако сам город Зеро выглядел вполне благополучно — это было новенькое, с иголочки, создание генерала Гэтта. В центре его находился огромный стадион, превосходящий размерами Колизей, Астродом и все другие спортивные сооружения старого мира. Тренеры, болельщики и спортсмены съезжались сюда со всего мира для обсуждения военно-спортивных ритуалов.

Варгас за всю свою жизнь не видел столько генералов и их боевых подруг в одном месте: здесь собрались все соратники Гэтта, выигравшие войну за Установление Военного положения во всем мире. И все они были в наилучшем расположении духа.

Варгас и Лупе зарегистрировались в громадном отеле, построенном специально для этой ассамблеи, и сразу же поднялись в свой номер.

— Ого! — сказала Лупе, разглядывая мебель в классическом стиле. — Нич-чо се-е!

Она прекрасно владела английским, но, не желая, чтобы другие боевые подруги считали ее зазнайкой, предпочитала говорить с их специфическим простонародным акцентом.

Чемоданы генералу пришлось нести наверх самому, так как отель был настолько новым, что коридорные в нем еще не прошли проверку службы безопасности и поэтому пока еще не были допущены к работе. Варгас был одет в свой пропотевший черно-оливковый боевой мундир с орденом Льва — знаком отличия бессрочного Командира Вечного Корпуса. Этот знак он получил за свою самую знаменитую победу в Чако в 30-х годах.

Варгас поставил на пол чемоданы и рухнул в кресло с обиженным видом: «Я им боевой, а не коридорный генерал».

Лупе все еще в остолбенении таращилась на мебель. Сегодня она нарядилась в свое самое откровенное розовое атласное платье и ярко накрасила губы. Она была очень хороша сейчас — черные змеящиеся волосы, лицо развратной кошки и ноги, растущие от ушей. Однако для женщины ее формы были несколько грубоватыми, она скорее была похожа на генерала в юбке, только со слишком худыми ногами.

Варгас сидел, развалившись в кресле, на его лице деревенского увальня торчала пегая щетина. Он не имел дурной привычки бриться каждый день, считая, что и так выглядит достаточно прилично.

Лупе наконец обрела дар речи:

— Эй, Ксакси (так она иногда его ласково называла), а что мы делать теперь?

— На черта тебе русский акцент?! — рыкнул на нее Варгас. — Закройся! Это не твоего ума дело. Я собираюсь на совещание и голосование в конференц-зале.

— Голосование? Это кто там собрался голосовать?

— Все наши генералы, чучело.

— Что-то я не въезжаю, — сказала Лупе, — мы же фашисты. Мы что, не можем обойтись без этих вонючих голосований?

— Счастье твое, что я тебя люблю, — ответил генерал, — потому что иногда мне хочется тебя прибить за твою тупость. Слушай сюда, мой стервятеночек, если фашисты иногда и голосуют, то они делают это лишь для того, чтобы лишить права голоса всех остальных.

— Ах вот так, да? Тогда понятно.

— Еще бы не понять, — продолжал Варгас, — если мы хотим совместно выработать общую программу дальнейшего развития, то только на это мы и можем рассчитывать. Голосование просто необходимо, чтобы удержать наших обожаемых ревизионистов от контрреволюции.

— Надеюсь, что это получится, — сказала Лупе, задумчиво почесывая ляжку, но затем, вспомнив о своих манерах, тут же почесала ляжку генерала. Потом она достала из холодильника текилу, шампанское и пиво и смешала свой любимый коктейль.

— И это все, за что вы будете голосовать? — спросила она.

Варгас задрал ноги на кофейный столик, и столик тоненько заскрипел. Варгас знал, что для каждой новой партии генералов-постояльцев заказывается новая партия кофейных столиков. Ему нравилось слушать этот скрип — он был человек простой, со своими маленькими слабостями. Он еще немного поскрипел и затем ответил:

— Есть еще кое-что, о чем нужно проголосовать.

— Я что, тоже должна туда идти? — спросила Лупе.

— Да нет же, ты же женщина, а недавно мы большинством голосов решили лишить вас права голоса.

— Блеск! — ответила Лупе. — На всех этих собраниях всегда такая скукотища!

В дверь постучали.

— Войдите, — отозвался Варгас.

В комнату вошел долговязый парень, одетый в серую униформу. Отвисшая нижняя губа и глазки-щелочки — вылитый недотепа.

— Варгас — это вы? — спросил он.

— Да, — ответил генерал, — и если ты еще раз войдешь без стука, я тебе хребет переломаю.

— Да я же по службе, — сказал тот. — Я принес вам взятку.

— Так что ты раньше не сказал? — удивился Варгас. — Присаживайся, наливай себе.

Недотепа достал из внутреннего кармана толстый конверт и протянул его генералу. Варгас заглянул внутрь: он был набит тысячными кредитками с орлами.

— Дьявол, — сказал генерал, — можешь по-приятельски заходить ко мне, когда захочешь. Так для чего это, могу я осведомиться?

— Да я ж говорю вам — это взятка, — ответил парень.

— Я уже понял, что это взятка, — сказал Варгас, — но ты мне еще не сказал, за что она?

— Я думал, вы сами знаете. Когда начнется голосование, вам нужно проголосовать «за» по первому пункту.

— Хорошо. А что в этом пункте?

— Что штатские лишаются права голоса до тех пор, пока верховное начальство не сочтет их достойными доверия.

— Звучит хорошо. Меня это устраивает.

Парень вышел, и Варгас торжествующе улыбнулся Лупе — он был горд получением этой взятки, хотя и без нее он все равно бы голосовал за пункт первый. Но он знал из исторических книжек, не говоря уже об устных преданиях на эту тему, что взятки были доброй традицией любых избирательных кампаний, поэтому он бы просто обиделся, если бы генерал Гэтт не счел его достойным взятки.

Он бы поделился своей радостью с Лупе, если бы она не была такой дурой, неспособной вникнуть во все тонкости и нюансы. Но до чего же потрясающе она выглядела сейчас в своем розовом атласном пеньюаре!

— Заходи, старина, добро пожаловать! — загремел в приемной голос генерала Гэтта. А ведь Варгас всего минуту назад назвал свое имя краснолицему клерку в форме клерикального дивизиона боевых рейнджеров.

То, что Гэтт вызвал его сразу, как только он вошел, очень польстило Варгасу. Протирать штаны в предбаннике, пусть даже и в очень хорошей компании — приятного мало. А компания здесь подобралась что надо: генерал Лин, только что завершивший присоединение Китая и Японии ко Всемирной Оборонной Лиге Гэтта; генерал Леопольд — пухлый зануда в помпезной форме, скопированной с фанаберии одного южноафриканского генерала — он завершил завоевание Южной Америки, включая Патагонию (а кого волнует, что там осталось ниже по карте?); там был и генерал Ритан Дагалаигон — эстремадурец со сверкающей улыбкой, чья Армада де Гран Дестуктивидад обезопасила для Лиги всю Западную Европу вплоть до Урала. Здесь были известнейшие люди, чьи имена навеки войдут в историю, и все же именно его, Варгаса, Гэтт пригласил на аудиенцию первым.

Джон Одоасер Гэтт, высокий мужчина с вечно горящими глазами и королевскими манерами, жестом пригласил Варгаса сесть и, не спрашивая, налил ему виски. Он славился своим гостеприимством на всю Империю.

— Мы выиграли эту войну, дружище, — сказал он. — Мы победили их целиком и полностью. Впервые в истории человечества все жители Земли, без исключения, в едином строю. Это дает нам уникальные возможности!

— Для чего? — сощурился Варгас.

— Во-первых, мы сейчас находимся в той ситуации, когда все ждут от властей, что они наконец-то принесут людям мир и процветание.

— Это прекрасные и благородные цели, сир.

— Конечно, вот только я пока себе не представляю, как из них извлечь прибыль.

— Что вы имеете в виду, мой генерал?

— Последняя война была очень длинной и влетела нам в копеечку. А в результате — сейчас в большинстве стран экономика практически полностью разрушена. И пока все стабилизируется, пройдет немало времени. Скольких людей ожидают голод и нужда! Возможно, и голодная смерть! Даже для военных будет трудно встать на ноги!

— Но мы предвидели это, — ответил Варгас, — мы же все это обсуждали во всех деталях еще во время войны. Конечно, период восстановления будет очень трудным, но каким ему еще быть? Пусть он займет сто лет, пусть двести, рано или поздно под железным руководством военного командования мы все восстановим, и наступит полное процветание.

— Да, это наша общая мечта, — сказал Гэтт, — но представь себе только на минутку, что мы можем ускорить этот процесс, что мы можем одним махом подняться на новую ступень! Представь, что мы можем прямо сейчас достичь полного благоустройства каждого жителя Земли! Ведь это было бы потрясающе, а, Гетулио?

— О да, конечно! — взволнованно сказал Варгас, в душе недоумевая, к чему клонит Гэтт. — Но разве это возможно?

— А вот об этом мы поговорим завтра подробнее после голосования, — ответил Джон Одоасер Гэтт.

...Конференц-зал имел круглую форму; в центре находилась вращающаяся трибуна для комиссии по регламенту первого временного военного правительства Земли. Зал освещался многочисленными люстрами и был обставлен удобными креслами.

С лишением штатских права голоса разобрались быстро: все генералы, включая Варгаса, единодушно проголосовали «за». Исключение было сделано лишь для тех штатских, что были избраны делегатами до конгресса. Штатских также лишили прав на «Хабеас Корпус», «Билль о правах», Конституцию и остальные либеральные штучки, лишь создающие балласт для нового законодательства. Это было вынужденной мерой, так как военные уже давно заметили, что всем штатским присущи вероломство и лицемерие.

Следующим на повестке дня встал вопрос о разоружении, или, как генералы сами его называли, «о безработице». С войной как с бизнесом было покончено: воевать больше было не с кем, и, следовательно, разоружение означало тяжелые времена и для военных. Однако идея гражданской войны никому не нравилась. Но генерал Гэтт заверил аудиторию, что есть и обходной путь, и пообещал в ближайшее время сделать на эту тему заявление.

Конференция закончилась отменным банкетом и бурным братанием представителей различных родов войск. Потом состоялся прием для избранных, где Лупе произвела фурор своим платьем в красные, синие и желтые горошины, что также польстило Варгасу.

После приема генерал Гэтт отвел Варгаса в сторону и договорился с ним о встрече на следующий день в Авторезерве ровно в восемь.

— Я хочу тебе кое-что предложить, — сказал он, — и, думаю, тебе это понравится.

В условленный час Варгас вместе с Лупе прибыли в Авторезерв. Сегодня генерал надел свою орденскую ленту командира Легиона Смерти и все медали и ордена за кампанию по разгрому Нью-Йорка. Да, он прошел славный боевой путь с самых низов, а ведь начинал простым желторотым бандитом.

Вскоре они уже мчались на машине за город в пустыню, которую покрывали миллионы цветов нежнейших расцветок — ведь была весна!

— Да, здесь красиво, — сказал Варгас.

— Вообще-то эта земля принадлежит одному из индейских племен, — заметил шофер, — правда, забыл какому. Сейчас-то они все ушли в Индеанолу.

— А что это?

— Новый индустриальный район в Миссисипи, куда собрали всех оставшихся индейцев.

— А ведь раньше они были рассеяны по всей Америке?

— Да, — ответил шофер, — но этот образ жизни себя скомпрометировал.

— Какая жалость, — сказал Варгас, — они же, эти индейцы, жили здесь довольно давно?

— Их всегда притесняли не так, так эдак. Но не волнуйтесь, мы найдем им применение в нашей новой системе.

Секретный объект был надежно укрыт в лабиринте горных ущелий в 30 милях западнее города Зеро.

Генерал Гэтт сам вышел встречать Варгаса. Рядом с ним на пороге его временной резиденции стояла прелестная молодая женщина. Гэтт позаботился взять с собой свою даму — юную леди Лолу Монтес (не ту самую, а ее родственницу — у них в семье была традиция наследования имен). Она тут же подхватила Лупе под руку и увлекла ее к столику с кофе, сигаретами, бурбоном, наркотиками и к последним сплетням. Генеральские жены, как правило, очень хорошие хозяйки. Гостеприимство — добрая традиция любой армии.

Оставшись без свидетелей, генералы смогли приступить к делу. Для начала они обсудили успехи контрразведки, окончательно разделавшейся со всеми инакомыслящими. Большинство оппозиционеров теперь поджали хвост. Просто поражало, на что способен Центральный Комитет, для того чтобы вывести скрытых врагов на чистую воду.

— И это только начало, — подытожил Гэтт. — Пока на Земле будут военные, социальный надзор будет осуществляться с должной тщательностью. Но это первый раз в моей жизни, когда все солдаты на нашей стороне.

— А что вы собираетесь делать со всеми теми группировками, которые настаивают на самоопределении в области религии, а также самоуправлении и прочей чепухе?

— Если они действительно хотят независимости, то должны поддерживать военных: мы уважаем свободу верований и религий.

— А если они не захотят к нам присоединиться?

— Тогда пусть молчат в тряпочку или убираются подальше, потому что, если они этого не сделают, мы их расстреляем, — сказал генерал Гэтт, — это спасет нас от бесконечных споров и поможет нам сэкономить на тюрьмах и надзирателях.

Дальше генерал Гэтт объяснил Варгасу, что одно из преимуществ всепланетного мира заключается в том, что правительство может наконец-то вложить деньги в дельные проекты.

— О! — с пониманием отозвался Варгас. — Речь идет о раздаче еды нищим и все в таком роде?

— Я вовсе не это имел в виду, — сказал Гэтт, — мы пытались так делать, но это не сработало.

— Вы абсолютно правы, — заметил Варгас, — они всегда приходят снова и снова и просят все больше и больше. Но что именно вы называете «дельным проектом»?

— Пойдем, я тебе покажу. Ты все увидишь своими глазами.

Они вышли из палатки и направились к генеральской машине. Шофер, коренастый плотный монголоид с длинными бандитскими усами, был одет в шерстяную фуфайку, несмотря на гнетущую жару. Он щеголевато отдал честь и открыл дверцу машины. Они ехали минут двадцать и остановились перед громадным, словно висящим над пустыней, зданием. Пройдя мимо охраны по туннелю из колючей проволоки, они подошли к маленькой дверце, ведущей внутрь.

Если снаружи здание казалось огромным, то изнутри оно было просто безразмерным. Варгас поднял голову, чтобы увидеть потолок, и заметил далеко в вышине порхающих птиц. Но то, что он увидел в следующий момент, заставило его застыть на месте с раскрытым ртом: он не мог ни выдохнуть, ни вдохнуть.

Наконец, снова обретя дар речи, он спросил:

— Это настоящее, Джон, или вы мне показываете какую-нибудь оптическую иллюзию?

Генерал Гэтт загадочно усмехнулся:

— Все не так-то просто, дружище. Это достаточно материально, старина. Разуйте глаза!

И Варгас разул — над ним возвышался многоэтажной башней космический корабль. Он хорошо представлял себе, что это такое, так как Лупе постоянно пичкала его статьями в газетах типа «Бразильский исследователь». Это точно был космический корабль, совершенно реальный — окрашенный в серую краску, словно огромный кит с маленькими глазками-иллюминаторами и хвостовым плавником на корме.

— Я потрясен, сир, — сказал Варгас, — я просто потрясен!

— Поклянись, что тебе и в голову не приходило, что у нас есть нечто подобное!

— И в мыслях не было, — заверил его Варгас.

— Конечно, не было, — довольно сказал Гэтт, — это хранилось в глубоком секрете от всех, кроме Верховного Командования. Но теперь, Гетулио, ты тоже член Верховного Командования, потому что с сегодняшнего дня я тебя туда назначил.

— Я что-то не очень понял, — запротестовал Варгас, — почему я?

— Пошли в корабль, — оборвал его Гэтт, — там ты кое-что увидишь.

Он подхватил Варгаса под руку и потащил его за собой к эскалатору, ведущему внутрь корабля.

И вдруг Варгас почувствовал себя как дома. Интерьеры корабля напоминали ему те, что он видел когда-то в римейках «Космического бродяги». Он узнавал все эти отсеки, забитые пультами, аппаратурой и всякими там реле. Были здесь и прямоугольные дополнительные световые щитки. И техники были одеты именно в облегающие комбинезоны с высокими воротниками пастельных тонов. И полы от стены до стены покрывали ковры цвета авокадо. Все было именно так, как представлял себе Варгас в самых смелых мечтаниях. Казалось, что вот-вот сейчас из-за угла выйдет (капитан) Спок.

— О нет. Спока здесь не будет, — Гэтт словно прочитал мысли Варгаса, — но зато у нас есть кое-какие сюрпризы для пронырливых чужаков. Сейчас, Гетулио, я хочу тебя чуть-чуть проэкзаменовать, так, шутки ради — скажи мне, о чем думает солдат, осматривая свой новый боевой корабль?

Варгас глубоко задумался. Ему почему-то захотелось, чтобы Лупе вдруг оказалась рядом. Хотя она была всего лишь женщиной и к тому же порядочной дурой, ей удавалось, пользуясь своей непредсказуемой женской интуицией, формулировать то, что вертелось у генерала на языке, но что он сам выплюнуть не решался.

К счастью, ответ неожиданно получился как-то сам собой.

— Оружие! — выдохнул Варгас.

— И ты получишь его! — улыбнулся Гэтт. — Пошли, сам увидишь, что этот младенчик вооружен до зубов.

Гэтт подвел его к маленькому автомобильчику, приспособленному специально для перемещения внутри корабля. Варгас попытался вспомнить, было ли в «Космических бродягах» нечто подобное, и подумал, что, пожалуй, не было. К тому же этот корабль был больше, чем «Интерпрайз», и это ему польстило — он не боялся ни больших вещей, ни великих дел.

Автомобильчик тихонько жужжал по равномерно освещенному коридору, ведущему в глубь корабля. Генерал Гэтт тоже жужжал без остановки, засыпая Варгаса статистическими данными о том, сколько батальонов штурмовиков можно разместить на борту, сколько тонн вяленого мяса и бурбона влезет в продовольственные склады, сколько центнеров стандартных

пайков получится в результате, и много другой полезной информации. Наконец они прибыли в боевой центр корабля. В его цитадель. И тут Варгас смог отвести душу: огромные дула огнеметов, длинноволновый парализатор, вибрационные лучеметы, способные стереть в порошок астероид средних размеров. У него тут же зачесались руки прямо на месте испытать притягивающие и сжимающие лучи, но Гэтт его вовремя остановил, потому что стрелять пока было не во что. К тому же, как оказалось, большая часть вооружения еще не была доставлена на борт.

Варгас ограничился тем, что громко воздал хвалу работе военных ученых. Но Гэтт возразил:

— Хотя у нас много надежных ребят, у которых котелок варит, но этот корабль сделали не они.

— Тогда кто же, осмелюсь вас спросить, сир?

— Его сварганила группа штатских ученых, называющих себя «консорциумом», что попросту означает, что все они были повязаны друг с другом. Это был союз Европы, Азии, Америки и их проклятого эгоизма.

— Что вы имеете в виду, сир?

— Я имею в виду то, что они строили этот красавец, чтобы удрать от нас.

— Мне трудно поверить в это, сир.

— Да, это просто в голове не укладывается! Они перепугались за свои ничтожные жизни и наложили в штаны, что их всех перебьют. А судьба-то так и повернулась, что кое-кому из них не удалось спасти свою шкуру. Не знаю уж, почему им втемяшилось, что кто-то позволит им удрать с планеты с дорогостоящим космическим кораблем.

— И что же с ними стало, сир?

— Мы провели селекцию и оставшихся приставили к делу, корабль был хорош, но нуждался в доработке. На нем кое-чего не хватало, например вооружения. Ведь эти людишки собрались лезть в дальний космос безоружными! Следующей важной проблемой была низкая скорость корабля. Оказывается, космос намного больше, чем мы проходили в военном колледже. А значит, если мы собираемся действительно куда-нибудь когда-нибудь добраться, нужны суперскоростные корабли.

— Суперскоростные корабли и первоклассное вооружение — да я всегда мечтал об этом. Но чтобы получить все это, сколько вам пришлось преодолеть, мой генерал!

— Да, кое-что пришлось, но это так, мелочи. Ученые уперлись на том, что это невозможно, и развели вместо работы по-

раженческую и разлагающую болтовню. Но я быстро это пресек: установил им крайний срок, после которого я начну расстреливать тех, кто мешает достижению наших целей. Ты бы посмотрел, как они забегали!

Варгас понимающе кивнул: в свое время он тоже предпочитал пользоваться самыми простыми методами.

— Прекрасный корабль! — сказал он. — А такой только один?

— Перед тобой — флагман нашего космического флота!

— То есть вы хотите сказать, что есть еще и другие?

— Конечно. Или будут очень скоро. Вся автомобильная и судостроительная промышленность будет дни и ночи работать на них. Нам нужно как можно больше кораблей, Гетулио!

— Так точно! — рявкнул Варгас. Хотя на самом деле он никак не мог себе представить, зачем нужны все эти корабли, если кругом и так уже все завоевано. Однако спросить об этом он не осмелился. На лице генерала Гэтта играла многообещающая улыбка, мол, ты сейчас узнаешь такое, о чем раньше и не подозревал! И тебе это очень понравится! Но Гэтт все молчал, и Варгас, решив, что тот ждет от него какой-то реплики, начал:

— Теперь, что касается кораблей, сир...

— Да? — ожил Гэтт.

— Они нам необходимы, — рискнул Варгас, — для защиты...

Гэтт кивнул.

— ...от наших врагов!

— Абсолютно верно! — сказал Гэтт.

— Единственное, что меня смущает, сир, — это то, что я не знаю, кто теперь является нашим врагом. То есть я имею в виду, сир, что, по моему скромному рассуждению, у нас на Земле не осталось врагов. Но, может, есть еще кто-то, о ком я просто не имею сведений?

— О нет, на Земле у нас действительно не осталось врагов — они последовали за бизонами, коровами, эрдельтерьерами и прочими вымершими видами. Теперь же, генерал Варгас, мы впервые в истории Земли объединенными военными силами отправимся с божьей помощью в космический поиск и захватим все, что нам попадется!

— Все-все! В космосе! — Варгас был потрясен величием идеи.

— Да, сегодня — Земля, завтра — Млечный Путь, а потом один черт знает куда!

— И у нас действительно хватит сил, чтобы сделать это? Взять все, что мы захотим?

— А почему бы и нет? Если только там есть, что брать. В конце концов, это всего лишь инопланетяне.

— Это какой-то прекрасный сон, сир. Смею ли я надеяться, что вложу в него свою лепту?

Гэтт снова улыбнулся и похлопал Варгаса по плечу:

— Я приберег для тебя хорошую лепту, Гетулио. Как ты смотришь на то, чтобы стать моим первым Маршалом Космического флота и принять под командование этот корабль и ко всему этому приказ — отчалить и разыскать пару планет, подходящих для землян?

— Я? Это слишком высокая честь для меня, сир.

— Ерунда, Гетулио. Ты — мой лучший боевой генерал. И ты единственный, на кого я действительно могу положиться. Так о чем же говорить?

Гэтт сделал обещанное заявление, после чего продемонстрировал генералам корабль. Затем он объявил, что собирается сам выйти в космос с разведывательной миссией, помогая старому доброму Варгасу. Они возьмут с собой множество разных исследователей на предмет нахождения в космосе чего угодно, что может представлять интерес для землян. Гэтт был уверен, что в космосе есть, что разведывать, и что открытие новых миров, как некогда открытие новых континентов, может принести миллионы.

Генералы с большим энтузиазмом восприняли идею распространения земной военной власти в космическом масштабе, что сулило возрождение военного бизнеса.

Работа закипела. Она велась днем и ночью, и вскоре корабль был набит продовольствием, все вооружение было надежно закреплено на своих местах. Испытания показали, что оно работает удовлетворительно, кроме одной ракетной установки, вышедшей из-под контроля и сровнявшей с землей Канзас-Сити. Но письмо с соболезнованиями для всех, оставшихся в живых, и посмертные медали для погибших быстро исправили ситуацию. А вскоре после этого 10 тысяч вооруженных до зубов штурмовиков в боевом строю поднялись на борт корабля. Настал момент Земного Дебюта в космосе.

Испытательный полет внутри Солнечной системы прошел настолько гладко, что однажды за орбитой Нептуна Варгас приказал инженерам покинуть родную систему: космос велик, и нечего тратить время попусту. Корабль мгновенно увеличил скорость, затем заработала система управления гиперпространственным прыжком, и, проскочив сквозь червоточину в пространстве, он вынырнул в районе, богатом звездными системами. И у многих из них имелись очень аппетитные планетки.

Прошло еще сколько-то времени, не так уж много, но достаточно, чтобы понять, что вы действительно куда-то прибыли. И вскоре офицер связи заметил легкое трепетание стрелки на индикаторе Детектора Интеллекта. Это было одним из последних изобретений земных ученых — луч широкого радиуса действия, реагирующий на то, что ученые называли «нейронным полуфазовым контуром», или сокращенно — НПФК. Военные ученые считали, что этот Детектор просто необходим при поисках разумных существ, с которыми следует поговорить как следует.

— Откуда поступает сигнал? — спросил Варгас.

— Откуда-то оттуда, — офицер связи неопределенно махнул рукой на россыпь звезд на дисплее.

— Отлично! Поехали туда.

— Сначала нам надо определить звезду, рядом с которой находится источник сигнала, — сказал офицер, — и тогда пойдем прямо на нее.

Варгас поспешил с докладом к Гэтту. Тот выслушал его в своей роскошной каюте, где было все необходимое для настоящего солдата: женщина, оружие, деликатесы, алкоголь и наркотики, и велел ему валять дальше в том же духе.

Варгас отдал приказ валять дальше на самой большой скорости.

Огромный корабль стремительно ввинчивался в пространство.

Пока корабль пожирал парсеки, солдаты коротали время в бессознательном состоянии, погруженные в гипносон. Самые отборные штурмовики храпели в 10 тысяч глоток, спеленутые в гамаках в восемь-десять ярусов. Звучало это весьма своеобразно, однако совершенно естественно. На каждую роту было назначено по одному дневальному, обязанному отгонять мух.

Прошло еще какое-то время, позади осталось несколько световых лет, и наконец зеленая вспышка на контрольной панели и писк Детектора возвестили о том, что источник сигнала уже близок.

Офицер связи поспешил кратчайшим путем в капитанскую каюту — сначала скоростным лифтом, затем пневматичкой.

Варгас крепко спал, когда его плеча почтительно коснулась чья-то рука.

— Хм-м-м?!

— Прямо по курсу планета, сир.

— Разбудите меня на следующей остановке.

— Я думаю, вам лучше лично проконтролировать эту, сир.

Варгас вскочил и с раздражением последовал за офицером в рубку.

— Идет откуда-то отсюда, — показал оператор Сканера Интеллекта.

Глядя на экран через его плечо, Варгас спросил:

— Так что ты тут нарыл, сынок?

— Да вот, интеллект заверещал.

Генерал Варгас потряс головой и усиленно заморгал, но мозги его от этого не прояснились, и он вытаращился на оператора, нервно кусая губы, пока тот торопливо объяснял:

— Я хотел сказать, сир, что наш поисковый луч нащупал источник сигнала. Само по себе это еще ничего не значит, но есть вероятность того, что наша система структурального анализа обнаружила контур интеллекта, что может являться доказательством наличия разумной жизни на этой планете.

— То есть ты хочешь сказать, что мы на пороге открытия первой разумной расы?

— Вполне вероятно, сир.

— Грандиозно! — воскликнул Варгас и тут же объявил подъем экипажу и всему боевому составу.

Планета, с которой шел сигнал, оказалась прелестнейшим местом, к тому же с кислородной атмосферой. Лесов, воды и солнечного света тут было в избытке. Так что, если бы вы хотели иметь недвижимость, приятную во всех отношениях, эта планета была бы для вас неплохим капиталовложением. Единственным ее недостатком было лишь то, что вам слишком далеко было бы ездить каждый день на работу на Землю. Но не это искали здесь люди Варгаса. Еще в прошлом веке автоматические разведчики обеспечили землян недвижимостью сверх надобности, а их разведка на астероидах понизила цену любых природных минералов просто до смешного. Даже золото теперь было всего лишь желтым металлом, применявшимся в протезировании зубов. Что нужно было землянам, так это люди для их последующего завоевания. Это, и только это интересовало их в глубоком космосе.

Земной корабль вышел на орбиту вокруг планеты, которая значилась в земных каталогах как Маззи 32410А. Генерал Варгас

отдал приказ разведотряду под прикрытием десанта, который, в свою очередь, прикрывала вся боевая мощь корабля, разыскать на ней разумных существ.

Первая поверхностная воздушная разведка не обнаружила на планете ни одного города, ни одной деревни, ни даже одинокой хижины. Затем были проведены более детальные аэроисследования в поисках первобытных охотников и примитивных крестьян. Не нашли никого, даже ни одного дикого собирателя кореньев. И лишь Детектор Интеллекта в рубке продолжал монотонно верещать, уверяя, что разумная жизнь затаилась где-то рядом. Варгас приказал отряду под командованием полковника Вандерлеша приготовиться к высадке.

Так как было высказано предположение, что разумные обитатели планеты могут скрываться в подземных городах, полковник Вандерлеш взял с собой портативный Детектор Интеллекта, который был установлен на восьмиколесном вездеходе. Как только его включили, сигнал был тут как тут. Вандерлеш, рябой, низкорослый здоровяк с массивными плечами, приказал водителю следовать по лучу сигнала. Экипаж восьмиколесника взял оружие на изготовку, так как любое разумное существо может быть довольно опасным. Они были вымуштрованы дать отпор любому нападению в ту же секунду или даже немного раньше.

Сигнал привел их к огромной пещере, и чем глубже они проникали в нее, тем сильнее он становился, пока стрелка на шкале Детектора не поднялась до отметки 5.3, что приблизительно соответствует интенсивности мышления человека, решающего кроссворд из «Нью-Йорк таймс». Водитель машины, шедшей в авангарде, снизил скорость, и она осторожно поползла вперед. Вандерлеш застыл на носу флагмана, ожидая, что из-за любого поворота может появиться разумное существо. Они где-то рядом, может быть, за тем углом.

И тут дежурный оператор доложил, что сигнал слабеет.

— Стоп! — закричал полковник. — Мы потеряли их! Задний ход!

Машина попятилась, и сигнал снова стал усиливаться.

— Остановитесь здесь, — приказал полковник. Вездеход затормозил.

Теперь они находились в точке, где сигнал достигал максимальной силы.

Люди, затаив дыхание, обшаривали пещеру глазами.

— Видит ли хоть кто-нибудь хоть что-нибудь? — осведомился полковник.

Но никто ничего не видел, о чем солдаты признались почему-то шепотом. Лишь один из них заметил:

— Здесь никого нет, кроме этих мотыльков, сир.

— Мотыльков?! — осведомился Вандерлеш. — Каких мотыльков? Где?

— Прямо перед нами, сир, — сказал водитель, кивнув на стаю мотыльков, плясавших в желтых лучах фар вездехода. Они кружились, вертелись, сверкали, увертывались, танцевали, порхали, мельтешили и вытворяли всевозможные выкрутасы.

Однако в их пляске была какая-то закономерность. Вандерлеша внезапно осенило:

— Сфокусируйте луч Детектора на них.

— На мотыльков... сир? — скептически спросил оператор.

— Вы слышали меня, солдат? Выполняйте!

Оператор подчинился. Стрелка на шкале тут же подскочила до отметки 7.9, что соответствовало интеллектуальному напряжению человека, пытающегося вспомнить бином Ньютона.

— Или какие-то местные умники пытаются нас разыграть, — сказал Вандерлеш, — или же... или...

Он нетерпеливо обернулся ко второму офицеру, майору Лаш Ля Ру, имевшему способность угадывать мысли своего начальника, когда у полковника Вандерлеша не было времени думать самому.

— Или, — подхватил майор Ля Ру, — мотыльки этой планеты эволюционировали до группового интеллекта.

Шифровальщикам понадобилось чуть меньше недели для того, чтобы расколоть шифр, которым пользовалось мотыльковое существо. И они справились бы с этой задачей намного быстрее, если бы хоть один из них додумался сравнить рисунок их танца с азбукой Морзе.

— Вы что, хотите сказать, что эти иноземные мотыльки общаются как телеграфисты? — спросил Варгас.

— Боюсь, что так, сир, — ответил офицер связи. — Виноват, сир, но эти мотыльки действуют как единое существо.

— И что же это мотыльковое существо вам рассказало?

— Оно сказало: «Приведите ко мне вашего главного».

Варгас понимающе кивнул — это имело смысл. Дикари всегда говорят что-то в этом роде.

— И что вы ему ответили? — спросил он.

— Я сказал, что мы еще вернемся.

— Верное решение, — похвалил его Варгас. — Генерал Гэтт ждет от нас отчета.

— Ад и дьяволы! — воскликнул Гэтт. — Мотыльки, а! Это, конечно, не то, что мы искали, зато дело пошло! Лиха беда начало. Пошли потолкуем с этим... черт! Парнем же его не назовешь, верно?

Наступил исторический момент. Гэтт и Варгас при помощи сигнальщика вступили в общение с мотыльковым существом в глубине его пещеры. Громадные военные прожектора землян отбрасывали колеблющиеся тени на неровный пол. А в их свете кружились похожие на духов мотыльки. Они описывали круги, порхали, ныряли и говорили азбукой Морзе.

— Хэлло! — сказал Гэтт. — Мы с Земли.

— Да, я знаю это, — ответило мотыльковое существо.

— Откуда вы можете это знать?

— Мне об этом сказало другое существо.

— Какое такое другое существо?

— Смею надеяться, что вы говорите обо мне, — раздался голос из глубины пещеры.

Земляне вздрогнули все, как один. Дула пистолетов резко развернулись в направлении голоса, и солдаты застыли, забыв о том, что надо дышать. А затем из завихрений тумана, сквозь световой занавес прожекторов вперед выступила фигура, странно напоминающая человека, только очень тощего, маленького, полностью лысого, с двумя антеннами, растущими изо лба, и большими оттопыренными ушами. Все сразу догадались, что это настоящий инопланетянин. И если даже у кого-то оставались какие-то сомнения, они тут же улетучились, как только фигура открыла рот, похожий на бутон розы, и из этого бутончика полилась речь на великолепном английском языке.

Но еще перед тем, как она заговорила, генерал Гэтт приказал сигнальщику задать вопрос:

— Прежде всего, инопланетянин, ответь, откуда ты знаешь наш язык?

— Да мы уже давным-давно в контакте с вашей расой. Мы те, кто частенько появляется у вас на, как вы их называете, «летающих блюдцах». Когда мы впервые прилетели к вам, получилось так, что из-за одной идиотской канцелярской ошибки мы долгое время считали, что Морзе — это ваш универсальный язык. Но к тому времени, когда мы разобрались, что к чему, азбука Морзе уже давно преподавалась в наших языковых школах.

— А, ну это все объясняет, — сказал Гэтт, — однако какое же невероятное нужно было стечение обстоятельств, чтобы ваши люди изучили наш язык как свой.

— Полностью с вами согласен, — ответил инопланетянин.

— В таком случае языковая проблема для нас отсутствует, — сказал Гэтт. — Но как мы можем обращаться к вам? Ведь не «инопланетянин» же? Как вас называть?

— На вашем языке мой народ зовется Магеллаником. И это также наша общая фамилия и также название нашей планеты. Что же касается моего собственного имени, то меня зовут Хартеварт.

— Хартеварт Магелланик — вполне произносимо, — заметил Гэтт. — Я полагаю, что у вас есть какое-то объяснение, почему вы так зоветесь, то есть я имел в виду то, что в нашем языке есть похожее слово.

— А мы и заимствовали это слово именно из вашего языка. Нам как-то больше понравилось его звучание, нежели прежнее название нашей планеты — Хзуйутс-Криль.

— А! Да, это имеет смысл. Итак, планета, на которой мы сейчас находимся, — ваша родина? Или она где-то на другой планете?

— О да, моя родина не здесь, — ответил Хартеварт. — Эта планета населена только разумными мотыльками. До моего дома отсюда очень далеко.

— А тогда что вам здесь надо? Что вы здесь разнюхиваете?

— Генерал, я послан сюда в качестве наблюдателя от нашего подпольного комитета. Я следил за маршрутом вашего флагмана.

— Откуда вы узнали, что мы прибудем именно сюда?

— А мы и не знали. Просто мы разослали наших наблюдателей на разные планеты на тот случай, если хотя бы на одну из них хоть кто-нибудь прилетит. Видите ли, мой народ, магелланики, находится в ужасном положении.

Гэтт повернулся к Варгасу и тихо заметил:

— Ну, знаете, мало того, что мы впервые в истории человечества вступили в контакт с инопланетянами, так эти инопланетяне тут же полезли к нам со своими проблемами.

— Не думаю, чтобы подобную ситуацию можно было предвидеть, — так же тихо ответил Варгас.

— Хорошо, — принял решение Гэтт, — мы выслушаем его инопланетные проблемы, но в более комфортабельных условиях. В этой пещере слишком сыро и вряд ли можно раздобыть чего-нибудь подкрепляющего.

Он повернулся к инопланетянину и спросил:

— Как насчет того, чтобы продолжить разговор на борту моего корабля? Позволю себе предложить вам кислород для дыхания, большой выбор жидкостей для питья, ну и все такое в этом роде.

— Я всю жизнь мечтал попробовать ваши восхитительные опьяняющие напитки! — ответил Хартеварт. — Так что указывайте путь, я следую за вами, шеф!

— Хорошее начало для разговора, — заметил Гэтт Варгасу по пути на корабль.

Хартеварт комфортабельно расположился в большом кресле и, периодически отхлебывая из большого бокала ирландского виски, который он держал в одной руке, и откусывая от толстого сандвича в другой, начал свой рассказ:

— Долгое время мы, магелланики, были абсолютно свободны. Но теперь наша планета покорена жестоким врагом, чьи обычаи мы не можем принять.

— Это в смысле, что кто-то захватил вашу планету? — спросил Гэтт. — Так расскажите, как это случилось.

Хартеварт вскочил, принял позу оратора и заговорил нараспев:

— Были они волглые и болотоглазые, уродливые, дурно пахнущие гримы из другой звездной системы, предательски напавшие на нас. Они спустились с неба на своих паукообразных кораблях и прошлись по нашей земле, оставляя за собой лишь кровавые руины. Мало им было того, что они грабили, убивали нас и мародерствовали, но они еще и решили унизить нас, заставив поклоняться гигантскому лопуху.

— Какое кощунство! — сказал Варгас.

— О да! Как предмет культа это просто недопустимо! Мы бы предпочли, чтобы нас завоевали земляне! — горячо сказал Хартеварт и издал губами странный чмокающий звук.

Гэтт повернулся к Варгасу:

— Что это было?

— Звучит как смачный поцелуй, — ответил Варгас.

— Что бы это ни было, но звучит довольно противно, хотя и доказывает добрые намерения, — проворчал Гэтт и спросил Хартеварта: — Так вы что, хотите, чтобы мы завоевали вашу планету, э?

— О да! — буквально пропел тот. — Мы хотим, чтобы нами правили вы, и никто, кроме вас, ду-би-ду, ду-би-ду! Вам нравится? Это наш боевой гимн, которым мы поддерживали свою отвагу все эти мрачные годы. Вы должны попытаться освободить нас. Ведь вы только взгляните на этих гримов! — И он тут же вытащил стопку фотографий, сделанных примитивным «Полароидом». Гримы выглядели как гибрид паука, краба и росомахи.

— Черт! — сказал Гэтт. — Да любой бы захотел освободиться от таких-то! А воюют они как, хорошо?

— Да ни в коем случае! — заверил его Хартеварт. — С вашими бравыми солдатами и превосходным вооружением вы победите их одной левой и освободите нас! Тем более что враг уже вывел все свои войска с планеты, оставив только один гарнизон. Вам стоит лишь разделаться с ними — и вся планета ваша! Вам понравится на Магелланике. К тому же там много симпатичных женщин, с восторгом мечтающих о земных солдатах. У нас есть и золото, и драгоценные камни... Такую планету стоит заиметь.

— Звучит довольно хорошо, а, Варгас? — заметил Гэтт.

— А вас, генерал Гэтт, мы в благодарность возведем в королевский сан с правом наследования этого титула вашими потомками!

— Ты слышал? — толкнул Гэтт Варгаса локтем. — Они хотят сделать меня своим королем! Но пока забудем о чинах. Что действительно важно, так это то, что мы сможем захватить для Земли целую планету! И это будет одна из самых легких войн в истории. А есть ли лучший способ узнать другой народ, как завоевав его?

— А знаете что? — сказал Варгас. — В этом что-то есть!

— О'кей, сынок, считай, что мы договорились, — сказал Гэтт инопланетянину.

— Потрясающе! — ответил тот.

Внезапно в углу комнаты возникло маленькое пятнышко света и стало быстро расти.

— А, крысы! — сказал Хартеварт. — Только вас здесь и ждали!

— Что это?

— Галактический Исполнитель.

— А кто это? — спросил Гэтт.

— Один из этих хлопотунов из Галактического Централа. Он собирается наставить вас на путь истинный.

— Но вы ничего не говорили о Галактическом Централе.

— Не мог же я рассказать вам за тот час, пока мы общались, всю историю вселенной! Галактический Централ, — это объединение древнейших цивилизаций ядра нашей галактики, что видно из их названия. Централы, как они сами себя называют, стремятся к тому, чтобы сохранить везде и во всем статус-кво. Они считают, что если будут следовать этому курсу, то прямиком вернутся к Золотому веку, который был до Большого Бабаха. Вот уж было золотое времечко — тишь да гладь.

— И они что, могут не позволить нам вернуть вам вашу планету?

Хартеварт кивнул:

— Космические Арбитры никогда не согласятся ни на какие изменения. Если они узнают ваши планы, они аннулируют их.

— А они в силах это сделать?

— Детка, тебе лучше поверить мне на слово, — вздохнул Хартеварт.

— Что ж, война закончена.

— А вот это еще не факт. — Хартеварт полез в сумку, висевшую у него на шее, достал из нее длинный ствол, элегантно обмотанный проводом, и протянул его Варгасу: — Волнируйте его отсюда, прежде чем он успеет изложить вам свои требования. Пусть отправляется к своим начальничкам. В Централе решат, что произошла какая-то ошибка, потому что еще никто и никогда не отваживался шлепнуть Исполнителя. Тогда им придется послать другого.

— Так, допустим. А когда они вышлют следующего, мне что, придется шлепнуть и того тоже?

— Нет. В Централе прощают только одну ошибку. После второй вас просто уничтожат.

— Так что же нам даст то, что я шлепну первого?

— Мы выиграем время. Между первым и вторым Исполнителями вы успеете занять нашу планету и установить на ней свою диктатуру. И тогда, когда прибудет второй Исполнитель и изучит ситуацию, ему ничего не останется, как признать вашу власть.

— Так как же второй утвердит то, чего не смог первый?

— Да говорю же вам! Они стараются сохранить любую политическую ситуацию, которую обнаружит Исполнитель. Он вмешивается лишь в то, что не устраивает Галактический Централ, а не вникает во всякие частности. Положитесь на меня, я на этом собаку съел. Как только он материализуется, направьте на него дуло, и...

— Мы никого не собираемся убивать. Это совершенно излишне, — вмешался Гэтт.

— Да не волнуйтесь вы так. Исполнителя вам не убить.

И тут Галактический Исполнитель наконец материализовался пред ними во всей своей красе: он был громадного роста и словно целиком отлит из стали. Его внушительная внешность и лишенный интонаций плоский металлический голос утвердили Варгаса в его предположении, что перед ним — робот.

— Приветствия! — сказал Исполнитель. — Я прибыл к вам из Галактического Централа с посланием.

Гэтт послал Варгасу многозначительный взгляд.

— Таким образом, — продолжал Исполнитель, — зная всех здесь присутствующих...

— Сейчас? — шепотом спросил Варгас.

— Сейчас, — ответил Гэтт.

Варгас включил трубку. Галактический Исполнитель сильно удивился и исчез.

— Что это с ним? — спросил Варгас инопланетянина. — Куда он делся?

— От вашего шлепка он рассеялся в открытом космосе, — ответил тот. — Потом он восстановится и вернется в Централ.

— А вы уверены, что ему не больно?

— Я уже объяснял вам, что, поскольку он робот, вы не сможете причинить ему никакого вреда. Только роботы могут позволить себе роскошь быть Галактическими Исполнителями.

— Но почему?

— Да потому что только они могут защитить себя от атак всяких варваров вроде вас.

— Ладно, — сказал Гэтт. — Вернемся к нашим делам. Так где находится эта ваша планета, которую нам необходимо завоевать, пардон, я имел в виду, освободить?

— Где у вас тут компьютер? — спросил Хартеварт. — Я сам дам ему программу.

Земной корабль с храпящим войском и сражающимся в карты офицерским составом на борту со свистом несся сквозь пространство. Время шло. Генералу Варгасу полет показался слишком долгим, но Хартеварт еще раз проверил свои вычисления и заявил, что планета уже буквально за углом. Варгас тут же отправился с докладом к Главнокомандующему, и в ту же минуту, когда он открыл рот для рапорта, в рубке заверещал Детектор Интеллекта. Планета Магелланика лежала прямо по курсу.

— Пойди, увидь и победи ее, тигр! — сказал Гэтт Варгасу.

— Но я не знаю как, — ответил Варгас. — Это все же чужая планета...

— Ты помнишь, как мы брали приступом города?

Варгас усмехнулся и кивнул — еще бы ему не помнить!

— Так валяй на Магелланику и делай то же самое. Разница лишь в масштабе.

Разведать, каким вооружением располагают инозвездные оккупанты, не было никакой возможности, поэтому генерал Варгас решил прибегнуть к старой, проверенной, хоть и очень простой тактике — высадиться и закрепиться. Какого черта мудрить, если это срабатывало еще при хеттах?

Земной корабль с ревом вошел в атмосферу Магелланики.

Дело упростилось, так как Хартеварт указал город, где были сосредоточены главные силы противника. По приказу Варгаса десантная группа из 5000 штурмовиков, вооруженных сверхмощным оружием, высадилась на планете. Еще 500 солдат было оставлено в резерве. Но, как показали дальнейшие события, резерв так и не понадобился.

После триумфальной победы на Магелланике генерал Варгас отправил домой письмо:

Дорогая Лупе!

Я обещал тебе подробно описать наше завоевание Магелланики. Все прошло как по маслу. Настолько гладко, что мы было заподозрили ловушку. Для начала мы спустили на парашютах тысячу отборных парней, вооруженных до зубов, на главную площадь их столицы, которую они именуют Мегалополисом. Десант приземлился прямо посередине фольклорного фестиваля, поэтому сначала возникло небольшое недоразумение — местное население приняло наше вторжение за демонстрацию нового военного танца. Но мы быстро объяснили им, что к чему.

На ту же площадь начали спускаться еще 4000 ребят первой волны, но места на всех уже не хватило. Наши войска промаршировали по всему Мегалополису в полной боевой выкладке, и всюду их встречали восторженные приветствия и самый радушный прием.

Магелланики быстро сообразили, что происходит, развесили вокруг плакаты «Добро пожаловать!» и буквально засыпали наших парней цветами. Не было ни одного инцидента, если не считать того, что в толпах, выражавших массовый энтузиазм, было затоптано несколько женщин.

Вообще Магелланика очень милая планетка с благоприятными условиями для жизни и чудесным климатом. Разве что на полюсах холодновато, но мы там не бываем. Да, кстати, мы не обнаружили никаких следов захватчиков, о которых нам рассказывал Хартеварт. Я думаю, они отсиживались в горах, а когда прибыл наш корабль, попросту смылись.

Продолжаю письмо неделю спустя. Мы были слишком заняты, и теперь я пишу второпях, чтобы успеть передать его с первым кораблем с трофеями, который мы отправляем на Землю.

Наши отряды искусствоведов славно потрудились, прочесав всю планету. Еще бы, ведь им было обещано, что первая добыча — их.

Откровенно говоря, барахло у этих магеллаников не ахти. Но мы собирали все, что можно: мебель, почтовые марки, золото, се-

ребро, драгоценные камни и все такое. Плохо только, что все это придется отсылать на Землю за государственный счет, чтобы продать в пользу армии. Но мы гарантировали это нашим солдатам, и поэтому придется выполнять, иначе может подняться мятеж. Кроме этого, мы посылаем еще излишки местных продуктов питания. Надеюсь, что на Земле найдутся покупатели на их кранко-орехи и жирофрукты. Что до меня, то я мог бы прекрасно жить и без них.

Да, забыл упомянуть, что мы посылаем первый отряд магелланских рабочих. У нас совсем не было трудностей с их набором. Желающих добровольно завербоваться чернорабочими и поденщиками оказалось более чем достаточно: их привлекает стабильная зарплата. И это очень выгодно для нас, если учесть, что земляне уже давно не хотят всем этим заниматься.

Скоро напишу тебе снова. Люблю тебя, мой стервятеночек!

Спустя шесть месяцев Варгас получил от генерала Гэтта, который к тому времени уже вернулся на Землю к исполнению своих обязанностей Тотального Верховнокомандующего, следующее письмо:

Гетулио, пишу тебе в большой спешке. Нам необходимо кардинально изменить нашу внутреннюю политику, и чем скорее, тем лучше. Мои экономисты только что представили мне отчет, который ясно показывает, что вся эта оккупация влетела нам в копеечку: затраты превышают доход в десять раз! Я не понимаю, как это получилось — я всегда считал, что выигранная война приносит только выгоду. Ты же знаешь мой девиз: «За победой идут трофеи».

Но теперь это правило больше не работает.

Их произведения искусства не имеют на Земле никакого спроса. А наши ведущие искусствоведы утверждают, что магелланское искусство находится пока в зачаточном состоянии. Их музыку здесь никто и слышать не хочет, а безобразный вид мебели уступает лишь ее неудобству и скорости, с какой она разваливается.

Но все это было бы терпимо, если бы магелланики были хорошей дешевой рабочей силой. Когда это было, чтобы дешевый труд не приносил прибыли работодателю? Так вот, мои эксперты заявили мне, что в результате нашей оккупации миллионы землян остались без работы, а государственная казна полностью истощена. Так как первое, что делает магелланик, прилетая на Землю, — это садится на пособие, пока не подберет себе какую-нибудь приличную высокооплачиваемую работу!

В этом-то корень зла. Они, видишь ли, воротят нос от грязной работы. К тому же они очень быстро обучаются, и уже сейчас кое-кто из них пролез на ключевые посты в правительстве, здравоохранении и промышленности. Я собрался было издать закон об ограничении их прав на квалифицированный труд, но мои собственные советники назвали это предрассудками и дискриминацией и заявили, что ни один из них меня не поддержит.

Так что слушай сюда, Гетулио, — немедленно останавливай их пересылку на Землю и будь готов принять обратно всех, кого я разверну здесь и отправлю домой. Подготовь заявление о том, что миротворческие войска Земли завершили свою высокую миссию освобождения магелланского народа от жестоких угнетателей, попиравших и втаптывавших их в грязь. Так что отныне Магелланика свободна и абсолютно самостоятельна!

Как только сможешь (и чем скорее, тем лучше), выводи с планеты все наши войска, отменяй военное положение и быстрее возвращайся домой.

Да, забыл упомянуть — эти магелланики плодятся, как кролики, и все больше тройняшками, четверняшками и пятерняшками. К тому же им нужно только три месяца на развитие плода — от момента зачатия до родов. Гетулио, нам срочно необходимо отделаться от этих паразитов, пока они не захватили нашу планету и не пустили нас по миру.

Сворачивай лавочку и возвращайся! Не унывай, придумаем что-нибудь новенькое!

Переварив эти новости, генерал Варгас вызвал к себе своего главного экономиста Арнольда Стоуна и приказал ему составить отчет о прибыли, полученной в результате их пребывания на Магелланике.

— Прибыль?! — У Стоуна вырвался короткий сардонический смешок. — С того момента, как мы ступили на эту землю, мы несем только убытки.

— А как же тогда налоги, которыми мы их обложили?

— Обложить-то просто. А вот попробуй собери! Они же все хронически некредитоспособны.

— Но разве те, что улетели на Землю, не присылают своим родственникам хоть часть своей зарплаты?

Стоун покачал головой:

— Они вкладывают все до последнего цента в свободные от налогов *государственные облигации*. И при этом клянутся, что это их национальный обычай.

— Мне они с самого начала не понравились, — заявил Варгас, — я всегда ждал от них какой-нибудь пакости.

— Вы оказались абсолютно правы, — ответил Стоун.

— Хорошо же, найдите мне кого-нибудь из службы связи, пусть подготовит заявление для местного населения. Что-нибудь типа того, что мы сделали то, за чем пришли, то есть освободили их от пяты кого бы там ни было, которая их жестоко попирала. Теперь мы уходим, и они могут жить, как им хочется. Миллион поцелуев и привет им всем!

— Вас понял, — сказал Стоун. — Поручу какому-нибудь интеллигенту, чтобы покрасивее все это расписал.

— Исполняйте, — приказал Варгас. — Да, и поручите кому-нибудь готовить корабли к немедленной эвакуации.

План был хорош, но он не сработал.

Тем же вечером, когда Варгас играл сам с собой в ножички своим любимым филиппинским ножом и мечтал о скором возвращении домой в объятия Лупе, прямо посреди его кабинета внезапно вспыхнуло яркое сияние. Варгас мигом нырнул под стол, испугавшись теракта. Если бы это не был хилый дрянной магелланский стол, он бы даже почувствовал себя там вполне спокойно. Но даже эта хлипкая видимость укрытия дала ему время сосредоточиться и достать из кобуры лазерный пистолет.

— Если вы попытаетесь использовать его против меня, вы очень об этом пожалеете, — раздался голос.

Варгас осторожно выглянул и увидел характерную металлическую кожу и сверкающие глаза Галактического Исполнителя.

— Ах, так это вы! — сказал Варгас, вылезая из-под стола, стараясь при этом сохранить чувство собственного достоинства, по крайней мере, насколько это позволяли обстоятельства. — *Примите мои извинения. А я-то думал, что это террористы.* Приходится все время быть начеку. Ну, вы знаете. Итак, чем могу быть полезен?

— Во-первых, — сказал Исполнитель, — даже не пытайтесь меня снова шлепнуть. Один раз вам это сошло с рук, но при второй попытке галактические войска пинками загонят вас обратно в каменный век. Я не шучу. Посмотрите в окно.

Варгас выглянул — небо почернело от чужих кораблей. К тому же они были таких огромных размеров, что трудно представить себе нечто подобное, если вы вообще можете представить, как выглядят галактические военные силы.

— Я как раз собирался принести вам свои извинения за тот досадный инцидент. Меня неверно информировали — я следовал дурному совету. Честное слово, я очень рад, что вы пришли! Вы появились как раз вовремя, чтобы услышать, как я объявляю о деоккупации. Надеюсь, что вам будет приятно увидеть, как мы уходим отсюда и возвращаемся домой.

— Я полностью в курсе ваших планов, — сказал Исполнитель, — и я пришел поставить вас в известность, что вам будет очень нелегко привести их в исполнение.

— Но почему?

— *Политика Галактики состоит в том, чтобы сохранить* статус-кво, каким бы оно ни было. Вы не дали нам предостеречь себя от захвата Магелланики. Это было вашей ошибкой, потому что теперь, когда вы заняли эту планету, вы будете обязаны сохранять ее за собой.

— Честное слово, — взмолился Варгас, — это больше не повторится. Можно, мы извинимся и забудем все это?

— Нет. Так легко вам не отделаться. Война — это была ваша идея, а не наша. И теперь она связала вас по рукам и ногам.

— Но ведь война закончена!

— По галактическим законам война считается законченной только тогда, когда это признают побежденные. Но могу заверить вас, магеллаников вполне устраивает нынешнее положение вещей.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Варгас. — Так эти магелланики просто надули нас! Все этот Хартеварт со своими рассказами! Это напоминает мне какую-то историю про птичек, не помню только, что именно.

— Позвольте мне освежить вашу память. Я изучал галактическую орнитологию и поэтому знаю, что на вашей планете есть птица, которую вы называете кукушкой. Она подбрасывает свои яйца в гнезда других птиц, тем самым возлагая на них заботы о своих птенцах. То же самое магелланики проделали с вами.

— Что вы, к дьяволу, хотите этим сказать? — грозно спросил Варгас дрожащим голосом.

— Они заставили вас захватить свою планету. Заставили вас забрать у них излишек рабочей силы. И раз уж вы оказались здесь, вы обязаны о них заботиться. Вы получили все это потому, что занялись благотворительностью, не подумав о последствиях.

— Какая, к черту, благотворительность? Мы же их завоевали!

— С точки зрения Галактики война — всего лишь одна из форм благотворительности, — сказал Галактический Исполнитель.

— Как это понимать?

— Мы уверены в том, что война влечет за собой ряд типических самоотверженных акций. Во-первых, это долг засилия, которое мы характеризуем как готовность привнести в большом количестве сперму своих самых физически крепких особей на-

родам, которым она жизненно необходима. В этом плане ваши войска хорошо поработали. Следующий пункт — долг мародерства, который, по сути, является актом очистки искусства завоеванных. Увозя с собой огромными обозами балласт конъюнктуры и халтуры, завоеватели оздоровляют культуру народа, стимулируя его к созданию новаторских и более качественных произведений. И последнее, это долг образования и самоопределения, что вы успешно осуществили, забрав всех их безработных на свою планету и поддерживая и обучая их там, пока они не оперились настолько, чтобы вытеснить ваших людей с работы.

Варгас обдумал все услышанное, затем пожал плечами и спросил:

— Похоже, вы правы, Исполнитель, но нам-то что теперь делать? Как все это прекратить?

— Это-то самое трудное, — ответил тот. — Разве что если вам повезет найти кого-нибудь, кто будет настолько глуп, что завоюет и вас, и Магелланику. Для вас это единственный способ слезть с крючка.

Вот почему Земля, вступив в Галактическую Цивилизацию, зареклась воевать. И вот почему вы можете встретить теперь землянина на любой из планет Галактики. Они говорят на всех языках. Они робко останавливают вас где-нибудь на пыльном перекрестке чужой планеты и предлагают: «Послушайте, мистер, не хотели бы вы без особых забот завоевать целую планету?»

Но никто не обращает на них ни малейшего внимания. Даже самые молодые цивилизации теперь знают, что война стоит слишком дорого, а благотворительностью заниматься лучше у себя дома.

«ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ»

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

«Только не спать», — сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры, двадцать первый день боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, перевалливал через одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам

было бы легче, но здесь слишком часто приходилось объезжать крутые овраги и валуны величиною с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись по двое: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

«Но в одиночку лучше, — напомнил себе Моррисон. — Вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым».

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, плясала и зыбилась пустыня. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был крупный, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, сколотить себе состояние, как это делали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

В Престо десяти долларов ему хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над россказнями старожилов про стаи волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Но теперь, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть; именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли, и слышно было только гудение.

Моррисон выключил радио и крепко вцепился в руль обеими руками. Разжал одну руку, взглянул на часы; девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше получаса. Где-то впереди ждет сокровище, и его нужно найти, прежде чем истощатся припасы.

Там, впереди, *непременно* должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящую жилу, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто

третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тридцать миль в час, и Моррисон заставил себя внимательно вглядеться в опаленную жаром желтовато-коричневую местность. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейни.

Когда он доберется до богатых залежей, то вернется на Землю; они с Джейни поженятся и купят себе ферму в океане. Хватит с него старательства. Только бы одну богатую жилу, чтобы купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся в планктонных садках, а он сам со своим верным дельфином посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Моррисон почувствовал, что пескоход бросило вбок. Он очнулся, судорожно сжал руль и изо всех сил выдернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Сильно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под широких колес, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу.

И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился набок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту.

Несколько мгновений Моррисон висел в воздухе. Потом пескоход рухнул на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал треск: это лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздремнуть, — сказал себе Моррисон. — Но, пожалуй, лучше я сначала выясню обстановку».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто оставалось невредимым.

«Могло быть и хуже», — сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно оглядел шины.

«Оно и есть хуже», — добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Оставшейся резины не хватило бы и на детский воздушный шарик. Запасные колеса он использовал

еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеоэкран. Он увидел длинное, угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню, — ответил Эл. — Вы тот самый парень, что поехал один по Юго-Западной тропе. Ну, как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Машина что надо. Я вот по какому делу...

— Эй, — перебил его Эдди, — что с вашим лицом?

Моррисон провел по лбу рукой — она оказалась в крови.

— Ничего особенного, — сказал он. — Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить, — сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то мне без них не сдвинуться с места.

— Конечно, — ответил Эдди, — только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если сейчас вы покажете мне наличные или чек, который отошлете вместе с распиской, я буду действовать.

— В данный момент, — сказал Моррисон, — у меня нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— *Если* вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон. — Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры, — упрямо сказал Эдди. — Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин, — сказал Моррисон. — Неужели вы меня бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди. — Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода, снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Моррисон. — Смотрите!

Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все старатели, — сказал Эдди. — Проклятая пустыня полна таких следов.

— Но это богатое месторождение, — настаивал Моррисон. — Следы ведут прямо к залежам, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу, — ответил Эдди. — Я же всего-навсего служащий. Я не имею права телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку, — мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил деньги, — ответил Моррисон. — Я не поверну назад.

Он отключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину, — где уж тут помогать попавшим в беду старателям.

«Не могу я просить Макса о помощи, — решил Моррисон. — По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его следы. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон. Походный набор для анализов. Кон-

центраты, револьвер, компас. И больше ничего, кроме воды — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон собрался в путь. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись вдоволь, он взвалил на плечи тюк и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над Моррисоном, как крыша из раскаленного железа. Он шел по следам золота, а по его следам шел еще кто-то.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Волки венерианской породы — маленькие, худые, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, будто в усмешке, челюстями — были одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон вгляделся и увидел рядом с первым волком еще двух.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе, футах в десяти справа от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом доставки грузов на огромные расстояния Венеры. Телепортировать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортировка только еще входила в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диа-

метре. Из него показался хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты, — сказал Моррисон.

— Да, сэр, — сказал робот, окончательно высвободившись из вихря. — Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задержалась.

— К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался? — спросил робот.

— Ну да, — ответил Моррисон, забирая свои письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно, — сказал Уильямс-4. — Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайтесь доброго совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо, — сказал старый робот. — Если б вы повидали с мое... Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

— Но они такие же, как и все, — продолжал Уильямс-4. — Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно после того, как с ними разделаются волки. И тогда мне приходится пересылать письма и личные вещи их возлюбленным на Землю.

— Знаю, — ответил Моррисон. — Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно, — согласился робот. — Я видел, как люди сколачивали себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я, — ответил Моррисон. — Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек.

Робот внимательно оглядел Моррисона — вероятно, прикидывая, много ли при нем личных вещей, — и полез обратно в воздушный вихрь.

Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусборг, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-нибудь стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейни. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейни писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла в Карибском море недалеко от Мартиники. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она посылала ему всю свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения? — спросил себя Моррисон. — Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейни».

В эту ночь ему снились Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он обнаружил, что видит во сне многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал идти по дну давно исчезнувшего озера, где камни сменились песком. Потом снова пошли камни, мрачные, скрученные, изогнутые на тысячу ладов. Красные, желтые, бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он все шел в глубь пустыни, вдоль хаотических нагромождений камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли

достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил пескоход, следы золота стали настолько заметными, что породу уже можно было промывать. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги».

На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

— «Коммунальные услуги», — сказала она. — Чем мы можем вам помочь?

— Привет, — весело отозвался Моррисон. — Как погода в Венусборге?

— Жарко, — ответила женщина. — А у вас?

— Я даже не заметил, — улыбнулся Моррисон. — Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу? — спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно, — ответил Моррисон. — Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их, — беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно, — ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. — Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот стал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился, Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом. Перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент, отдел счетов».

— Мистер Моррисон, — сказал Рид, — ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду, — сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусборг.

— Чем вы собираетесь платить?

— Золотом, — ответил Моррисон. — Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки. Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день — и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель на Венере, — сказал мистер Рид. — Всего один день отделяет каждого старателя от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги», — продолжал мистер Рид, — не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита, мистер Моррисон. Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, вынуждена удовлетвориться крайне малой прибылью, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему здесь не может быть кредита.

— Я все это знаю, — сказал Моррисон. — Но я же говорю вам, что мне нужен только день или два, не больше...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы того не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно, — устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я пока не хочу возвращаться. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли каждому старателю рыскать по пустыне и снабжали его водой? Туда устремились бы десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет, — ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за снабжение вас водой.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. А если вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах и будет тщетно искать работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежках и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А где он достанет деньги, чтобы вернуться на Землю? Когда он снова увидит Джейни?

— Я, пожалуй, пойду дальше, — сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас, — повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих токах воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Потом коршуна сменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их, в свою очередь, прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, он шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг, по-видимому, было золото. Но самой жилы он еще не обнаружил.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Но не услышал плеска. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

На экране появилось круглое, озабоченное лицо Крэндолла.

— Томми, — сказал он, — на кого ты похож?

— Все в порядке, — ответил Моррисон. — Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен? — спросил Макс.

— Смотри сам, — сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны. — Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота, — неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! — сказал Моррисон. — Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но хочу попросить об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы мне хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу, — грустно ответил Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь сделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон.

Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы.

Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон, — сказал Крэндолл. — Я должен за него за два месяца.

— Я тоже, — вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку, — сказал Крэндолл. — Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Ремстаатеру.

— Джиму Ремстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на север, за Забытую речку. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог, — сказал Моррисон.

— И он поручился бы за тебя, если бы мог, — ответил Крэндолл. — Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из «Три-Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, просто цена кредита на Венере, — ответил Крэндолл. — Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кей, — сказал Моррисон. — Она должна быть где-то здесь. Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пассадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Дуранго. И конечно, Джейни, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над головой без конца кружили молча черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Все вокруг прыгало и плясало перед глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме прибора для анализов, телефона и револьвера. Или он выйдет из этой пустыни победителем, или не выйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти настоящую жилу.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру у подножия утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье, — отвечал Моррисон. — Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится снова лезть в воду.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Пристально посмотрев на перегороженный вход в пещеру, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон; на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а видавшие виды бармены добавляли новые подробности. В восемьдесят девятом году его заказал Кэрк — большую порцию, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных золотых жилах. По крайней мере так говорили.

Но существует ли он на самом деле? Есть ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли Моррисон до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну конечно! Ведь он уже почти может его разглядеть...

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он еле-еле полз к югу, за ним по пятам шли волки, на него ложились тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему было уже почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, останавливаясь только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали

грызться из-за них. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше.

Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

— Черт возьми, — произнес Моррисон.

Небольшой овраг, куда он свалился, был сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри сверкали яркие красные и пурпурные точки.

«Проверь, — сказал себе Моррисон. — Не надо ложных тревог. Не надо миражей и обманутых надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол кусочек камня. С виду это была золотоносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

— Золотоносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. — Эге, да я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он. — Я нашел! Нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс, — сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд, — сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд, — сказал Моррисон, — я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили, — сказал мистер Бойярд. — Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить, — ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно, — ответил мистер Бойярд. — Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон. — Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен один раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае, — решительно ответил мистер Бойярд. — После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон. — Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь, — ответил Моррисон. — Узнаете? Это золотоносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь нам устроить. Показывает горсть камешков...

— Но это на самом деле золотоносная порода! Неужели вы не видите?

— Я деловой человек, а не ювелир, — ответил мистер Бойярд. — Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался снова дозвониться до него. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил аппарат на землю и огляделся. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. На его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Сзади послышался какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Не раздумывая ни секунды, Моррисон выхватил револьвер и выстрелил, размозжив голову зверя.

— Черт возьми, — сказал Моррисон, — я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Вокруг красными и пурпурными искрами сверкала золотоносная порода. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком

проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружились коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятились назад.

— Как раз вовремя, — сказал Моррисон.

— Вовремя для чего? — спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек, — произнес Уильямс-4, — ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

— Ты был совершенно прав, — сказал Моррисон. — Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения, — ответил Уильямс-4. — У нас на почте в таких случаях всегда бывает специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пачку писем — поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что, — сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке. — Должно быть кое-что еще. Постойте... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины из Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Антлантик-Сити.

— Говорят, очень вкусно, — сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. — Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу пожелать, — это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— Погоди! — крикнул Моррисон. — Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю, — ответил Уильямс-4. — Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть какие-то чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом меня примерно о том же просил Эбнер Лэтти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно, могу, — ответил робот. — Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать воду и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — спросил робот.

— Нет, — ответил Моррисон. — Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно, — ответил робот. — Мы только что выпустили новую серию венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренная цена. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов.

Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит дороже, чем тысяча марок! — сказал Моррисон. — Это же золотоносная порода!

— Очень может быть, — ответил Уильямс-4, — но я не запрограммирован на пробирный анализ. И почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен, — грустно сказал Уильямс-4. — Я всего лишь робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей, по сути дела такой предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и

схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стряхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него как безумный. Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

— Вы нарушаете работу почты, — сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить, — прорычал Моррисон. — Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно, — ответил Уильямс-4. — Я его не дам. А сами вы до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно, — ответил Моррисон. — Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я превратить тебя в металлолом без всякой механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично, — ответил робот. — У меня, конечно, нет инстинкта самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь, — сказал Моррисон, занося револьвер над головой.

— Кроме того, — поспешно добавил робот, — вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон засмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь, — пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте! — сказал Уильямс-4. — Мой долг — охранять казенное имущество даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давайте телефон, — сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно, — сказал Крэндолл. — Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой! — сказал Моррисон. — Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение чего-то стоит.

— Смотри, — Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду, — заметил Крэндолл. — Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Как же нам быть? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе Общественного Маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить, — сказал Крэндолл. — Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы, — произнес Уильямс-4, — впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю, — сказал Моррисон. — Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме — все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я и туда, знаете, ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг, — сказал робот, подходя к вихрю. — Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вам почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет, — ответил Моррисон. — Прощайте, Уильямс.

Робот исчез в вихре.

Потом исчез и вихрь.

Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова вгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив к трещине край стальной пряжки, он ударами револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный сюда Общественный Маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр, — сказал Маркшейдер. — Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да, — ответил Моррисон.

— А где центр вашего участка?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо, — сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь? — спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка, — ответил робот. — Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться, — сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экс-

позиции. Робот вспотел бы, если бы только был на это способен.

— Все, — сказал он наконец. — Кончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он, — сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая его Маркшейдеру. — Все?

— Абсолютно все, — ответил робот. — Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал.

— Чего не предъявил?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, согласно правительственному постановлению, не содержит радиоактивных веществ в количествах, превышающих пятьдесят процентов общей массы до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о нем не слыхал, — сказал Моррисон.

— Его сделали обязательным условием на прошлой неделе, — объяснил съемщик. — У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете вместо нее оформить специальную ограниченную заявку, — сказал робот. — Поискового акта для нее не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к правительству Венеры.

— Ладно! — заорал Моррисон. — Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все, — ответил Маркшейдер. — Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиваться от волков, — сказал Моррисон. — И еды. И послушайте, я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился в четверти мили от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская еще большую медную выпуклость. Днище уже стояло на песке, а выпуклость все росла. Когда наконец она показалась вся, в безбрежной пустыне возвышалась гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Попросить бы мне флягу», — говорил он себе, мучимый страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Вот наконец перед ним стоял «Особый старательский» — выше колокольни, больше дома, наполненный водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан», — подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПРЕЗИДЕНТА[1]

Пробуждение

Дукакис всегда знал, что первый день в Белом доме будет для него необычным. Но не мог даже предположить, насколько причудливым все окажется на самом деле.

Странности начались с того самого момента, когда он на-

[1]Эта история привиделась мне, наверно, в кошмарном сне. И, несмотря на всю ее смехотворность, я воспроизвожу ее с почти документальной точностью. Быть может, это всего лишь сценарий для повести или, чего доброго, целого романа, навеянный слишком пристальным вниманием к президентской гонке. Хотя кто на самом деле знает, чем определяется выбор американского народа и судьбы американских президентов.

конец остался один в Овальном Кабинете, опустился в огромное кресло и прикрыл глаза, буквально на мгновение, чтобы прочувствовать момент: мечта стала реальностью, вот он, президент, сидит в Овальном Кабинете...

— Господин президент, сэр?

Дукакис резко вскинул голову. Он попросил, чтобы его не беспокоили. Он так долго представлял, как останется один, в Овальном Кабинете, сядет в кресло, закроет глаза и прочувствует всю значимость произошедшего... Откуда взялся этот лысеющий тип, лет тридцати с небольшим, нетерпеливо наклонившийся к самому лицу?

— Господин президент?

— Ну что там еще? — спросил Дукакис. — Кто такой?

— Уоткинс, сэр, — ответил человек. — Сотрудник секретной службы.

— Хорошо, Уоткинс. Чем могу помочь?

Он даже не слышал, как этот тип вошел в комнату. Не иначе, носит туфли на резиновой подошве. Как открылась дверь, Дукакис тоже не слышал. С другой стороны, он дремал, чего и следовало ожидать от человека, которого только что избрали на самую высокую должность на планете, а может, и в Солнечной системе со всеми ее кометами и астероидами.

— Я знаю, сэр, что вы объявили сотрудникам с утра выходной, однако нового президента необходимо ввести в курс дел сразу же после его появления в Овальном Кабинете. Надеюсь, вы понимаете нашу спешку. Существуют чрезвычайно важные обстоятельства, о которых мало кому известно. В подробности не посвящен даже самый близкий круг советников и экспертов. Президент обязан знать все. Он держит в руках все нити и принимает окончательное решение. Конечно, ему требуется совет и одобрение Конгресса, но все-таки решать приходится только ему. Именно поэтому, сэр, я пришел, чтобы рассказать, а лучше показать вам самый большой секрет этой, а равно всех прошлых и будущих администраций.

Дукакис рассмеялся.

— Что же это за секрет? Уж не хотите ли вы познакомить меня с пришельцами?

Уоткинс неожиданно побледнел.

— С вами уже кто-то беседовал, сэр?

Пришельцы объявились!

— Что ты болтаешь? — рассердился Дукакис. — Я пошутил.

— Пришельцы — это не шутка, — возразил Уоткинс. — Идемте со мной, сэр. Я отведу вас к ним.

— Не понял?

— Пришельцы, сэр. Я хочу вас с ними познакомить.

— В другой раз, — поморщился Дукакис. — Сейчас мне не до пришельцев. Кстати, через пятнадцать минут у меня встреча с президентом Нигерии.

Уоткинс изобразил на лице глубокую печаль.

— Я надеялся, сэр, что мы сделаем это немедленно.

— Как насчет следующего вторника, между десятью и одиннадцатью утра?

— Боюсь, сэр, что так долго они ждать не станут, — возразил Уоткинс.

Дукакис рассмеялся, но, заметив, что Уоткинс даже не улыбается, нахмурился и тоном, который можно было посчитать как шутливым, так и очень серьезным, произнес:

— А мне все равно, станут они ждать или нет.

— Боюсь, что не все равно, сэр, — покачал головой Уоткинс. — Вопрос действительно не терпит отлагательств. Пожалуйста, пойдемте со мной, мистер Дукакис, вам необходимо встретиться с некоторыми людьми. Полагаю, слово «люди» в данном случае подходит лучше всего.

Дукакис нервно заерзал в кресле. Первая встреча с сотрудниками секретной службы проходила совсем не так, как он предполагал. Почему раньше никто не доложил ему об этих пришельцах? Он чувствовал себя не в своей тарелке.

— Я хочу позвонить своим советникам, — произнес Дукакис почти капризным тоном.

— Это было бы нежелательно, — сказал Уоткинс. — Переговоры с пришельцами — прерогатива исключительно президента. Вы можете посоветоваться с помощниками только после того, как сами ознакомитесь с проблемой. Не раньше. Информация предназначена только для вас. Затем вы вольны распоряжаться ею по своему усмотрению. Слушайте меня внимательно, сэр. Когда я закончу, вы решите, кому из советников можно доверить подобную тайну. Если, конечно, вы вообще решитесь ее кому-либо доверить.

— Не понимаю, из-за чего такая секретность, — проворчал президент.

— Скоро поймете, сэр. Пойдемте.

Похоже, Уоткинс прекрасно ориентировался в Овальном Кабинете. Он подошел к высокому шкафу и открыл дверцу своим ключом. Дукакис заглянул через плечо секретного агента. В шкафу на плечиках висели костюмы. Уоткинс отодвинул их в сторону, открыв проход к стальной кабине лифта.

— Я и не знал, что здесь такое... — пробормотал Дукакис.

— Вам не положено было этого знать, — улыбнулся Уоткинс. — До тех пор, пока я вам не покажу.

— Кто установил лифт?

— Этот сделан по приказу Франклина Делано Рузвельта. Предполагалось, что по нему можно будет спуститься в безопасное место в случае вторжения немцев во время Второй мировой войны. Разумеется, это был всего лишь предлог. Рабочих привели к строжайшей присяге. Вы тоже обязаны хранить тайну.

— Конечно, — сказал Дукакис.

Изнутри лифт напоминал небольшой спортивный зал. На полу валялись маты, имелась перекладина и несколько гимнастических снарядов.

— Это все для видимости? — спросил Дукакис.

— Вы чрезвычайно догадливы, сэр, — кивнул Уоткинс.

Дукакис подошел к панели с кнопками, сотрудник секретной службы запер двери лифта.

— Здесь отмечены четыре этажа, — сказал Дукакис. — На какую кнопку нажимать?

— Ни на какую, — отозвался Уоткинс. — Отсюда можно спуститься только в подземный гараж Белого дома.

— А мы куда направляемся?

— Увидите.

Уоткинс нажал на панель, и она отошла в сторону. За ней оказалась защищенная проволочным каркасом красная кнопка. Уоткинс сдвинул каркас в сторону.

— Теперь можете нажимать, сэр.

Дукакис надавил на кнопку. Механизм тихо загудел, лифт заскользил вначале вниз, потом куда-то вбок. Скорость стремительно нарастала.

— Каким образом работает это устройство? — спросил Дукакис.

— Тесловые катушки, — ответил Уоткинс.

— Никогда о них не слышал, — проворчал Дукакис.

— Технология держится в секрете.

— Зачем держать в секрете то, что может хорошо работать? — удивился Дукакис.

— Это вы тоже скоро узнаете, сэр.

— Куда мы направляемся? — повторил Дукакис.

— На секретный подземный объект в Дулсе, штат Нью-Мексико.

— Нью-Мексико? Но это же в нескольких тысяч миль отсюда!

— Если точно, то от Вашингтона до Дулса две тысячи семь миль. При помощи магнитной индукции мы проделаем этот путь очень быстро.

— Вы сказали «секретный объект»?

— Так точно, сэр.

— Я не знал, что у нас существуют секретные объекты в Нью-Мексико.

— Строго говоря, у нас их там нет. У нас есть база ВВС, а на ней существует секретный объект. Под землей. На девятом уровне.

— Да это целый город! — заметил Дукакис.

— Именно так, сэр.

Уоткинс нажал на кнопку, и из стен лифта выдвинулись удобные сиденья. Еще одна кнопка отвечала за небольшой бар.

— Все предусмотрели! — восхищенно пробормотал Дукакис.

— Здесь есть даже факс, сэр. Хотя мы перемещаемся так быстро, что он нам не понадобится.

Как быть с вторжением рептилоидов

Поездка все-таки длилась довольно долго. Один раз пассажирам даже подали обед. Бутерброды с индюшатиной показались Дукакису сухими, зато пиво было великолепно. По крайней мере в пиве эти люди разбираются, решил он.

В лифте имелись свежие газеты. Дукакис попытался скоротать время за чтением, потом решил прикинуть, с какой же все-таки скоростью они несутся. Цифра не укладывалась в голове.

Он взглянул на Уоткинса. Тот стоял, заложив руки за спину, и покачивался с носка на пятку. Секретный агент был человеком среднего роста, с темными волосами, короткой стрижкой и пробором на левой стороне. В петлице темно-синего пиджака красовался цветок.

Дукакис все еще не мог как следует прийти в себя. Между тем пора было задуматься. Не заговор ли это? Может, кто-то замышляет против него недоброе? Он вспомнил своих политических соперников. Не их ли это происки? Дукакис всегда смеялся над параноиками, страдающими особой подозрительностью. А ведь дело принимает серьезный оборот. Где кончается паранойя и начинается разумная осторожность?

Наконец лифт плавно остановился. Уоткинс открыл двери.

Снаружи просматривался какой-то коридор. Судя по всему, они находились под землей.

— Дальше пойдем пешком, — объявил Уоткинс. — Сооружение транспортной системы не закончено. Думаю, вам не надо объяснять, в чем причина задержки.

Дукакис как раз ждал объяснений, но Уоткинс, видимо, ре-

шил, что президент догадался сам. Вообще, для первого раза впечатлений было чересчур многовато.

— Где мы? — резко спросил Дукакис.

— На подземной базе под городом Дулс, штат Нью-Мексико.

— Зачем мы сюда приехали?

— Они хотят знать ваше решение, господин президент.

— Какое решение?

— Относительно рептилоидов. Все эти годы мы считали их своими главными противниками. О страшной угрозе предупредили взбунтовавшиеся рабы рептилоидов — низкорослые сероиды. Мы попытались вступить в союз с высокими блондинами с Плеяд, они очень на нас похожи. С большим трудом удалось заключить соглашение, но тут выяснилось, что нас опять обманули. Низкорослые сероиды оказались не такими простыми. А обитатели Плеяд не такими дружелюбными. Так что, господин президент, необходимо решать: либо мы меняем политику, либо идем прежним курсом...

В коридоре

Тоннель плавно изгибался, в потолок были встроены лампы. Казалось, тоннель сделан из полированного алюминия. Слышался приглушенный гул, словно за стеной работала тяжелая техника.

Дукакис и Уоткинс молча шли по тоннелю. Президент начинал по-настоящему нервничать. Не стоило отправляться сюда без охраны. И Уоткинса следовало бы проверить, а не тащиться за ним, как слепому котенку. Дали хотя бы день или два побыть президентом, привыкнуть к положению и людям... Он слишком легко позволил себя увести. «Надеюсь, — подумал Дукакис, — мне не придется за это расплачиваться».

Они продолжали идти по длинному тоннелю, освещенному встроенными в потолок лампочками. Что это на полу — ковер? А может, резиновая дорожка? О чем должен думать президент, шагая по этому коридору?

Как бы то ни было, пора переходить к следующей сцене.

В конце тоннеля дверь. Возле нее охранник. Он очень высокий, вместо лица неразличимое бледное пятно.

— Кто это? — шепотом спросил Дукакис.

— А, это один из Синтетических. Не волнуйтесь, они на нашей стороне.

Обследование на предмет имплантантов

— Одну минуту, — произнес охранник, сжимавший в руке странного вида пистолет.

— Наши удостоверения, — сказал Уоткинс и протянул запаянные в пластик карточки.

Охранник кивнул.

— Теперь я должен провести внешний осмотр.

— Его трогать нельзя! — воскликнул Уоткинс. — Это президент!

— У меня приказ, — упрямо повторил охранник. — Вы же знаете, как они говорят: во вселенной Гоблинов каждый может надеть чужое лицо.

— Это место полностью защищено от несанкционированного проникновения.

— Так же думали и в Аде, штат Оклахома. Пожалуйста, сэр, не заставляйте меня применять силу.

— Ну, ладно, — проворчал Уоткинс и обернулся к Дукакису: — Это всего лишь формальность, сэр. Он должен проверить ваши ноздри специальным инструментом.

— Ничего не... — выдохнул Дукакис, но в следующий момент стражник подтянул его к себе, запрокинул ему голову и посветил маленьким фонариком вначале в одну, а потом в другую ноздрю. Осмотрев ноздри через увеличительное стекло, он выключил фонарик и произнес:

— Вы можете проходить.

Видя, что опешивший Дукакис намерен устроить настоящий скандал, Уоткинс потащил его по коридору.

— Что все это значит? — возмущенно выкрикивал Дукакис.

— Ищут имплантанты, сэр, — объяснил Уоткинс. — Приборы, которые подключаются к мозгу. Их вводят через ноздри, в область оптического нерва.

Дукакис нахмурился.

— Через ноздри нельзя выйти к оптическому нерву.

— Знаю, сэр. Поэтому вначале лазером просверливают отверстие.

— Кто этим занимается?

— Мы точно не знаем. Вначале думали, что сероиды, но выяснилось, что мы сильно преувеличиваем их возможности. По всей видимости, за этим стоят еще более зловещие существа, рептилоиды с Драко.

— Кто такие сероиды? — спросил Дукакис.

— Раньше мы считали их друзьями, — сказал Уоткинс. — Теперь нет. Только, пожалуйста, не говорите им про мои слова.

— Куда вы меня тащите?

— Вы должны встретиться с пришельцами, господин президент.

План эвакуации на Марс

Дверь открылась. В комнату заглянул человек и спросил, обращаясь к Уоткинсу:

— Новый президент здесь?

— Здесь. Но он занят.

— Не мог бы он заскочить на минуту и одобрить поправки к плану эвакуации?

— Дружище Дженкинс, он только что ознакомился с режимом секретности. Мы не успели посвятить его в планы эвакуации.

В этот момент Дукакис произнес:

— Секунду. Я хочу знать, что происходит.

С этими словами он прошел в соседнюю комнату. За ним последовал раздраженный Уоткинс.

Около дюжины человек сидели за длинным столом. Дженкинс тут же обратился к Дукакису:

— Суть дела в том, господин президент, что мы намерены отказаться от плана, согласно которому в случае атаки пришельцев все правительственные чиновники, начиная с уровня GSC-04 и выше, будут вывезены на Марс. Сопровождать их смогут только люди, имеющие специальный допуск. Члены семьи в эту категорию не попадают.

— Считаю, что правительственные служащие должны оставаться на своих местах, даже если корабль пойдет ко дну, — отрезал Дукакис.

— Хорошо, хорошо, — торопливо сказал Уоткинс. — Нам пора, сэр.

Но было уже поздно, президент успел понять, что его заманили в ловушку.

Дукакис бежит; его преследуют

— Все, хватит, мне надо отсюда уходить, — сказал Дукакис и огляделся.

Вокруг белели фанатичные, нечеловеческие лица. Кто-то поднял руку с чем-то белым и омерзительным, и Дукакис бро-

сился бежать. За его спиной прогремел взрыв. Первый осколок просвистел в дюйме от его головы. Дукакис завернул за угол и обнаружил разветвление. Он выбрал левый тоннель и помчался по отполированной стальной трубе.

Метаморфоза

Пойманный в перекрестье лучей, Дукакис дергался, извивался, скользил, но не падал. Лицо президента изменилось, вытянулось, побледнело, стало неузнаваемым. Руки выросли и приобрели бутылочно-зеленый оттенок. Он схватился за лучи и резко дернул их в разные стороны. Лучи разлетелись, как осколки стекла.

Дукакис принял угрожающую стойку и двинулся на противника.

В этот момент в дверях показался Уоткинс со странным пистолетом. Из ствола вырвалось белое пламя, коснулось Дукакиса и тут же окутало его ослепительным облаком энергии. Жидкости в теле Дукакиса закипели, он дико закричал. Долго мучиться и агонизировать ему не пришлось. Лучевой пистолет был выставлен на самую высокую отметку. Влага мгновенно испарилась, сухая плоть и нервы вспыхнули и тут же сгорели. На пол упали черные хлопья золы.

— Ты в порядке? — спросил Уоткинс.

— Кажется, да, — ответил Дженкинс. — Что это было?

— То, чего мы не предвидели, — сказал Уоткинс. — Похоже, вмешались синие чироки с Альдебарана. До сих пор они не проявляли к Земле никакого интереса. Только их еще нам не хватало. Господи, синие чироки!..

— Я считаю, что сдаваться рано, — сказал Дженкинс. — Тебе надо немедленно связаться с Главной Программисткой. Попроси ее изъять пару месяцев из Основного Времени Земли и переиграть выборы на победу Буша.

Уоткинс неуверенно покачал головой.

— Ты же знаешь, как она не любит переделывать историю. Считает, что большое количество аномалий портит конструкцию.

— Это необходимо, — твердо заявил Дженкинс. — Временная линия президентства Буша — единственный вариант, не допускающий победы синих чироков. Он даст нам возможность перевести дух и построить защиту, прежде чем они сообразят, что мы сделали.

— Хорошо, — кивнул Уоткинс. — Постараюсь. А тебе известно, что с Бушем мы получим вторжение в Кувейт и иракский кризис?

— Известно, — проворчал Дженкинс. — Только выбора все равно нет. Либо мы, либо синие чироки.

— Ладно. — Уоткинс подошел к двери и обернулся. — Что делать с Дукакисом в новом временно́м варианте?

— Что хотите, то и делайте. Теперь надо думать о Буше.

СЛУЧАЙ В БОЕВОМ ВЫЛЕТЕ

Реакция шеф-пилота Джонни Дрекстона на эту новость была мгновенной.

— Что?! — заорал он. — Мне подсовывают в качестве второго пилота какого-то зеленого юнца из Космической академии?

Сержант Рэк, крупный седой мужчина, сочувственно кивнул.

— Может, он не так уж плох, сэр. Нынешняя молодежь воспитана на межзвездных кораблях — не то что мы, старые межпланетные бродяги.

— Да-а? — усмехнулся Дрекстон и сильно прикусил и так уже вполовину изжеванную сигару. — Ты считаешь, зеленый юнец может лететь вторым пилотом на межзвездном штурмовике-бомбардировщике GP-1077F2, имеющем гиперпространственный двигатель и снаряженном полным боекомплектом сверхмощных бомб, где малейшая ошибка означает мгновенную гибель? Кто этот парень?

— Сын генерала Деверелла, сэр, — ответил сержант.

Джонни Дрекстон мрачно улыбнулся и щелкнул пальцем по кончику изжеванной сигары.

— Значит, генерал считает, что может пристроить своего сыночка на GP-1077F2, да? Ну, сержант, это мы еще поглядим.

Улыбка Дрекстона стала зловещей. Он сдвинул старенькую пилотку на глаза и вышел из операторской, своей гибкой фигурой напоминая пантеру.

Сержант Рэк недовольно покачал головой. Именно этого он и боялся. Люди вроде Джонни Дрекстона от природы предвзято относятся к генеральским сыновьям. Сам Джонни прошел трудный путь. В израненных войной небесах Мирдолана-5 одноместный истребитель Дрекстона МК2 едва спасли от калнакских кораблей, Джонни, естественно, спасли тоже. А в промежутках между боевыми действиями Дрекстон перевозил коммерческие грузы по маршруту Луна — Марс.

— Готовность, — частенько говаривал он друзьям, — дорого стоит.

Джонни Дрекстон был настоящим космическим волком, жестоким, агрессивным, презрительным, с неизменной сигарой в зубах.

А генеральский сынок? Может, все и обойдется, подумал упрямый, но всегда оптимистично настроенный сержант. Однако беда пришла даже раньше, чем ожидал постоянно готовый к любым неприятностям Дрекстон.

Это случилось в первом же вылете.

Сын генерала, Хьюберт Деверелл, крупный, обманчиво медлительный парень с коротеньким ежиком белокурых волос, представился команде. Его серые глаза пылали восторженным огнем, а новенькие лейтенантские лычки ярко блестели. Он пожал руки немногословному бомбардиру Блюфазеру, чистокровному индейцу-апачи; стрелку Эшу, неугомонному балагуру из Бруклина; и Милтону Сент-Аугустусу Ли, вежливому инженеру из Алабамы. После чего отправился в пилотский отсек засвидетельствовать свое уважение Джонни Дрекстону.

— Я только хотел сказать вам, сэр, — произнес генеральский сын, — что для меня огромная честь служить вместе с вами. Я... я всегда восхищался вами, сэр.

Глаза Джонни Дрекстона, цвета неочищенного ржаного виски, не выразили никаких эмоций.

— Рад видеть вас на борту, Деверелл, — сказал он, и сержант Рэк уже было подумал, что конфликта не будет.

Однако он рано надеялся.

— Видите ли, сэр, — продолжал молодой лейтенант, — я всегда мечтал попасть в состав экипажа межзвездного штурмовика-бомбардировщика. Мой отец говорит, что они выполняют очень важную функцию.

— Рад слышать мнение генерала Деверелла, — холодно ответил Дрекстон. — Но вам, может, интересно знать, лейтенант, что вы облокотились на пульт бомбометательного устройства?

— О боже! — воскликнул юноша и с обманчивой неуклюжестью отодвинулся от пульта.

— Конечно, сейчас он блокирован, — продолжал Дрекстон. — Но еще пара подобных незначительных ошибок, когда мы будем во вражеском пространстве, и...

— Я буду осторожен, сэр! — воскликнул лейтенант и с горячим желанием угодить патетически добавил: — Да, сэр. Я буду очень осторожен!

Джонни Дрекстон в ответ лишь мрачно улыбнулся. А сержант Рэк дружелюбно положил огромную руку на плечо молодому человеку.

— Пойдемте со мной, сэр, — сказал он. — Я вам покажу корабль.

Уходя, они видели, как Джонни Дрекстон, зажав в зубах очередную сигару, сидел за огромным полусферическим пультом управления, на котором плясали и вспыхивали огоньки, словно компьютер был сильно пьян. Эта картина выглядела довольно забавной.

Спустя восемьдесят семь часов, выполняя обычную патрульную миссию, штурмовик-бомбардировщик уже мчался по сектору 12ВАА, оставив под собой пылающую зловещим красно-коричневым цветом непокорную планету Мнос-2, главный континент которой распластался внизу, словно дракон с вырванными зубами.

Джонни Дрекстон щелкнул переключателями пульсаторов, и большой звездолет взвыл; он ударил по клавишам ускорителей, и большой корабль завизжал; он дернул рычаги тяги, и большой корабль застонал.

— Вот так-то, мальчик, — сказал Джонни Дрекстон румяному длиннорукому лейтенанту, — теперь принимай управление на себя.

Генеральский сын неуклюже забрался в кресло второго пилота и нервно застегнул ремни на широкой груди. Склонившись над пультом, он одной рукой ухватился за рычаг управления дюзами, а другую положил на ручку сигнала боевого сбора.

— Исполни-ка ХВХ-маневр, — сказал Дрекстон, — и следи за собой. Не забывай, что мы везем свежие яйца.

Юноша сглотнул и кивнул. Под его сильными проворными пальцами закрутились регуляторы, заставляя плясать стрелки приборов, и большой звездолет лег на заданный курс. Деверелл щелкнул тумблерами, и патрульный бомбардировщик жалобно застонал. Юноша усмехнулся и ударил кулаком по выравнивателю уровня.

— Деверелл! — заорал Дрекстон.

— Да, сэр.

— Вы, лейтенант, стукнули по бомбометателю. Примите мои поздравления. Вы только что сбросили комплект сверхмощных бомб на нейтральную планету.

Загорелое лицо молодого человека побледнело. А Джонни Дрекстон добавил:

— То есть ты бы сбросил их, если бы бомбометатель не был заблокирован. Что с тобой стряслось?

— Я полагаю, мне нужно немного времени, чтобы освоиться с управлением, — нервно ответил юноша, не выказывая, однако, страха.

— Да-а? — хмыкнул Джонни Дрекстон и сжевал еще пол-

дюйма сигары. — Нервишки разыгрались? Ну давай посмотрим, как ты проведешь звездолет через серию JB2-уменьшающих радиальных разворотов.

— Капитан! — воскликнул сержант Рэк; его лицо выражало живейший интерес. — Но у нас же тогда отвалится правый охладитель!

— В бою иногда приходится идти и на это, — заявил Дрекстон. — Давай, Деверелл, начинай.

Юноша снова сглотнул и трясущимися руками ухватился за рычаги управления. Большой межзвездный штурмовик-бомбардировщик задрал нос и начал разворачиваться...

В кают-компании бомбардир Блюфазер писал письмо матери, чистокровной индианке-апачи. Периодически облизывая кончик карандаша, он выводил: «Надеюсь, в нынешнем году в резервации вырастет отменный урожай маиса».

Стрелок Эш просто предавался размышлениям. Хоть он и был неугомонным балагуром, он вдруг обнаружил, что скучает и по своей родной улице, и по Кэтти Каллахэн, бывшей его женой всего три часа.

Милтон Сент-Аугустус Ли, вежливый и обманчиво-тихий южанин, думал о своей жене Амелии, которая, возможно, именно в этот момент пила кофе с Фаей, невестой лейтенанта Деверелла. Признаться, все члены экипажа были хорошими ребятами, и на миг южанин Сент-Аугустус Ли позабыл о своем горьком разочаровании по поводу войны между Северными и Южными штатами. Черт возьми, некоторые янки не так уж и плохи...

В момент совершения первого из серии последовательных разворотов корабль тряхнуло и Эша и Ли выбросило из коек. Блюфазер с молчаливым спокойствием, рожденным вековой привычкой индейцев к верховой езде, ухватился за опорную перекладину. Звездолет рвануло назад, после чего он начал обрушиваться, как падающая скала.

— Что еще за чертовщина? — воскликнул Эш, но никто не мог ответить на вопрос бруклинского балагура.

А дело было вот в чем: находившийся в пилотском отсеке молодой лейтенант Деверелл не выполнил требуемого тройного нажатия кнопки выхода на оперативный простор, а вместо этого ударил по клавише ускорителя ракет, который, к несчастью, блокирован не был. Эта ошибка легко поддавалась исправлению, однако руки впавшего в панику лейтенанта словно приросли к рычагам управления. Сержант Рэк, усердный наставник

молодых пилотов, знал, что с начинающими такое случается нередко, а потому совершенно без злобы врезал огромным кулаком по лейтенантской челюсти. Деверелл осел в кресле, а Джонни Дрекстон вывел корабль из стремительного вращения.

— Ну теперь, — холодно заявил Дрекстон, — карьера парня как пилота закончилась.

— Не следует так придирчиво относиться к нему, сэр, — сказал сержант, когда юноша неуверенно помотал головой. — Такие ошибки случаются даже с лучшими из них. Я вспоминаю ваш первый боевой вылет, сэр, когда вы...

— Заткнись! — проревел Дрекстон, и его волчье лицо исказилось в гневе. — Слышишь, сержант. Парень провалился.

Его высказывание слышали все, поскольку лейтенант, ткнувшийся головой в пульт управления, непроизвольно включил систему внутренней связи. Индеец, нарушивший собственную невозмутимость, сильно выдохнул воздух носом. Сент-Аугустус Ли заметил: «Это довольно жестоко, вот так сразу ломать мальчика. Я думаю, может...», но не закончил фразу. А стрелок Эш лишь сказал: «Какого черта?», однако никто не засмеялся, ибо это было слишком серьезно даже для балагура.

Вытянувшись во фронт, молодой лейтенант Деверелл подумал о своем отце, командующем флотом бомбардировщиков, высоком седовласом мужчине с тонкими пальцами и холодным магнетическим взглядом бледно-серых стальных генеральских глаз; подумал о своей невесте, яркой девушке Фае с нежным взглядом, возлагавшей на него большие надежды; подумал о Космической академии, ее флаге и гимне; о Сан-Франциско, который всегда мечтал увидеть; и подумал о своей вине, которую просто обязан искупить.

Джонни Дрекстон уселся перед мигающей клавиатурой пульта. Его сигара была на четверть изжевана, а на лице появился волчий оскал.

И впервые в жизни молодой лейтенант познал ярость.

Внезапно, словно от боли, большой штурмовик-бомбардировщик затрясся. Одновременно с этим стрелок Эш без сарказма сообщил: «До неприятеля три часа полета», а сержант Рэк выкрикнул: «Температура главного двигателя повышается!»

События развивались со скоростью быстродействия современных компьютеров. Джонни Дрекстон заложил огромный звездолет в пикирующий разворот, свободной рукой ухватившись за управление охлаждением выходного сопла. Он снизил нагрузку бортовых двигателей искривления пространства и дал полную нагрузку левым бортовым ракетам, одновременно с этим нажав на педаль импульсного двигателя разворота. На мгновение показалось, что этот неортодоксальный и дерзкий

маневр завершится успехом, однако в ту же секунду пилотский отсек был прошит лазерным лучом неприятеля. Обшивка корабля мгновенно самовосстановилась, однако Джонни Дрекстон выматерился, оскалился и рухнул головой на пульт. Из-под его пилотки потекла тоненькая струйка крови.

Большой корабль круто нырнул носом и со скрежетом ринулся вниз в направлении распластавшегося дракона на Мносе-2.

Молодые серые глаза лейтенанта встретились с голубыми глазами сержанта. Юный пилот увидел, как побледнело лицо сержанта.

Корабль резко шел вниз. Лейтенант опять подумал о своем седовласом отце-солдате, своей невесте, Космической академии, ее флаге и гимне и о Сан-Франциско, которого никогда не видел. После чего с ледяной решимостью вытянул руку, ухватился за сдвоенный рычаг руля управления и бокового толкателя кормового баланса и резким движением плеча вернул его в прежнее положение.

По системе внутренней связи в кормовой отсек корабля было передано сообщение: «Команде занять места согласно боевому расписанию». Поначалу никто не понял, кому принадлежит этот ледяной целеустремленный голос. Потом до стрелка Эша дошло. «Елы-палы, да это же наш лейтенант», — воскликнул он. Однако никто не засмеялся.

Сент-Аугустус Ли, позабыв о семье и своем наследии, взял серповидный гаечный ключ и отправился к сигнальному маяку. Бомбардир Блюфазер с бесстрастным бронзовым лицом снял с бомбоприцела двойную блокировку и прильнул к точнейшему прибору глазами, которые столетиями оглядывали покатые холмы земель индейцев сиу. Стрелок Эш без саркастической усмешки на губах установил батарею компьютероуправляемых лазерных пушек в режим автопоиска. А сержант Рэк, у которого не осталось времени на мысли о кофе, генералах и даже своей жене Мире, коей не позволялось появляться в офицерской столовой, поскольку она была индонезийка, быстро отправился готовить большой корабль к самоуничтожению на случай непредвиденных обстоятельств.

Однако корабль калнакских бандитов внезапно отклонился от курса и исчез в глубинах космоса, оставив после себя лишь вспышку от реакторов искривителя пространства. Это было в стиле калнаков — обмануть бдительность землян, а затем вернуться и ждать благоприятной возможности для нападения. Большой же бомбардировщик с воем шел к поверхности Мноса-2.

— Может, избавимся от груза, сэр? — спросил сержант Рэк.

— Ни в коем случае! — загремел юный лейтенант Деверелл. — Мы не имеем права потерять ни единой детали земного оборудования. Сержант, мне нужна дополнительная энергия, чтобы вывести звездолет из пике.

— Но, сэр! — воскликнул сержант. — Тогда у вас оторвутся двигатели с правого борта.

— Пусть отрываются, — твердо заявил Деверелл, и его крупные, обманчиво неуклюжие, но на самом деле удивительно ловкие руки легли на пульт управления.

Пришедший в сознание Джонни Дрекстон огляделся, однако его лицо оставалось бесстрастным. Он спокойно закурил сигару.

А пульт управления сверкал огоньками, словно рождественская елка, разряженная берсеркером.

Корабль помчался с головокружительной скоростью. Однако испугались они всего лишь один раз, услышав зловещий звук, будто что-то оторвалось. Но то была куртка юного лейтенанта Деверелла, которую он скинул, чтобы легче дышалось.

Медленно и неохотно, испытывая жесточайшие перегрузки, корабль начал выходить из пике. Когда маневр завершился, звездолет находился уже в половине светового года от планеты Мнос-2, нацеленный в направлении Малого Магелланова облака. Они были спасены, а космический грузовик стоимостью не в один миллиард долларов не развалился на части.

Находившийся на корме Сент-Аугустус Ли облегченно вздохнул. Он внезапно понял, что его больше не волнует война между Северными и Южными штатами. Теперь он даже не воспринимал ее как Гражданскую войну. Ведь сейчас они были единой страной. На невозмутимом лице Блюфазеля мелькнуло некое подобие улыбки; теперь он знал наверняка, что в этом году урожай маиса в Чероки будет большой и хороший. А стрелок Эш зажег дрожащей рукой сигарету и, покрутив у виска пальцем, произнес:

— А мальчик-то вроде не того!

На этот раз шутке неугомонного насмешника из Бруклина засмеялись все.

Небольшая струйка крови все еще сочилась из-под пилотки капитана, где его зацепило лучом лазера.

— Ну, лейтенант, хоть ты и генеральский сын, но, думаю, нам ты подходишь. Да, сэр, ты действительно нам подходишь, — заявил Джонни Дрекстон.

Лейтенант Деверелл, все еще очень юный, но каким-то образом заметно постаревший, произнес:

— Капитан, вы облокотились на пульт бомбометательного устройства. Слава богу, что оно заблокировано.

Капитан Джонни Дрекстон, ветеран, имевший более трехсот боевых вылетов, настоящий космический волк, внимательно осмотрелся. Взгляд его, поначалу гневный, стал сконфуженным. Наконец он ухмыльнулся.

Спустя какое-то время Деверелл тоже ответил ему усмешкой. И оба мужчины пожали друг другу руки в огромном гиперпространственном штурмовике-бомбардировщике GP-1077F2, который, тихонько повизгивая, несся сквозь вакуум космоса.

ЭМИССАР ЖЕЛТО-ЗЕЛЕНОГО МИРА

Что сказать о президенте Райсе? Он умел принимать решения. Когда Онг прибыл на Землю, Райс ему поверил. Хотя по большому счету это не сыграло никакой роли.

Все началось с того, что в Овальный Кабинет вбежал серый от ужаса морской пехотинец.

— Что случилось? — проворчал президент, отрываясь от бумаг.

— Вас хотят видеть, — пробормотал охранник.

— Вот как? Многие хотят видеть президента Соединенных Штатов. Этот человек записан на утренний прием?

— Вы меня не поняли, сэр. Этот парень... он... появился! Никого не было, а потом откуда ни возьмись — этот тип. Стоит и смотрит на меня из коридора. Это не человек, сэр. Он ходит на двух ногах, но это не человек. Это... я не знаю, что это такое!

Морской пехотинец зарыдал.

Райсу часто приходилось видеть, как ломаются люди под невыносимым бременем государственной службы. Но какой груз может давить на этого солдата?

— Послушай, сынок, — мягко произнес президент.

Охранник торопливо вытер слезы.

— Да, сэр. — Голос его дрожал, но истерики уже не было.

— Тебе надо отдохнуть. На сегодня ты свободен. Ступай домой. Выспись. Завтра все будет в порядке. Скажешь начальнику, что я так распорядился. Сделаешь это для меня?

— Да, сэр.

— А по пути пришли ко мне того типа из коридора. Того самого, который не похож на человека. Не разговаривай с ним. Просто скажи, что я готов его принять.

Незнакомец не заставил себя долго ждать. Около шести футов роста, в сверкающем серебристом комбинезоне. Описать его черты было довольно трудно. Одно бросалось в глаза сразу: на человека он совершенно не походил.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, — произнес незнакомец. — Что я не похож на человека.

— Правильно, — кивнул Райс.

— Я действительно не человек. Разумный — да. Человек — нет. Можете называть меня Онг. Я с Омэра, планеты из созвездия Стрельца. Омэр — это желто-зеленый мир. Вы мне верите?

— Да, верю, — сказал Райс.

— Могу я спросить, почему?

— Озарение, — усмехнулся Райс. — Полагаю, если бы вы согласились на обследование нашими учеными, они бы признали вас пришельцем. Поэтому давайте называть все своими именами. Вы — инопланетянин. Утверждаете, что прилетели с желто-зеленого мира Омэра. Что дальше?

— Думаю, вам хотелось бы знать, почему я пожаловал именно сюда, именно в это время?

— Правильно.

— Хорошо, сэр. Я пришел сказать, что ваше Солнце взорвется через пятьдесят земных лет.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Тогда почему вы не предупредили нас раньше?

— Сами только узнали. Едва пришло последнее подтверждение, как меня отправили на вашу планету, чтобы я поставил вас в известность и предложил нашу помощь.

— Почему выбрали конкретно вас?

— Выбор был сделан наудачу. На моем месте мог оказаться любой.

— Ладно, поверим.

— Я все рассказал. Теперь я готов вам помочь.

Райс испытывал странное чувство. Это не поддавалось объяснению, но он действительно верил посланцу. Хотя понимал, что для спасения Земли его веры недостаточно. Заявление Онга должно быть научно подтверждено. Прежде чем это произойдет, Земля превратится в облако пара. Райс знал, что, если он действительно хочет что-либо сделать, начинать надо прямо сейчас.

— Некоторые наши ученые пришли к аналогичному выводу относительно будущего планеты, — сказал он.

— Они совершенно правы. Через сто пятьдесят лет ваша планета перестанет быть обитаемой. Можно без обиняков? Вам пора переселяться. Всем. Немедленно.

— Великолепно, — произнес президент. — Просто великолепно.

— Что-то не так?

— Мне трудно это переварить. — Райс поднес руку ко лбу. —

Происходящее похоже на кошмарный сон. А мне приходится вести себя так, будто бы все происходит в реальности. Возможно, так оно и есть. — Он снова потер лоб. — Допустим, я вам поверил. Что мы можем сделать?

— Мы, обитатели Омэра, хотим вам помочь. Мы покажем, как построить космические корабли для всего населения. Позже мы научим вас, как собрать всех людей Земли и организованно взять их на борт. Пожалуйста, поймите, нам ничего от вас не надо, мы просто хотим помочь.

— Я вам верю, — повторил Райс, и это было правдой.

— Предстоит большая работа, — сказал Онг. — Перед вами стоит грандиозная задача, но по интеллекту земляне не уступают омэрианам. Мы это проверили. Мы бы не стали тратить время на бестолковую расу. С вашим сегодняшним уровнем техники и с нашей помощью вы успеете улететь в течение ближайших тридцати-сорока лет.

— Поистине грандиозный проект, — пробормотал Райс.

— Мы знали, что вы так к этому отнесетесь. Кстати, вы — не единственная цивилизация, которую нам удалось спасти.

— Это делает вам честь.

— Хвалиться тут нечем. Такие уж мы, омэриане.

— Я должен вас кое о чем спросить. Может быть, мой вопрос покажется вам странным, но Земля есть Земля. Кто за все это будет платить?

— Если для вас это так важно, то расходы возьмет на себя Омэр.

— Спасибо. Очень благородно с вашей стороны.

— Мы знаем.

— Тогда скажите, что нам надо делать.

— Для начала придется очистить один из континентов для стартовой площадки. Это не так сложно, как вам кажется. Людей надо переселить на соседние континенты. Разумеется, пострадают торговля и сельское хозяйство, но необходимые продукты мы вам доставим.

Только теперь до Райса начало доходить, насколько все это непросто. Он представил, как будут съезжаться эксперты со всего света, сколько предстоит споров и пререканий, как от него начнут требовать все новых и новых доказательств. Но даже если ученые придут через несколько лет к единому мнению, как быть с простыми людьми? Пока удастся убедить сколько-нибудь значительную часть населения, Земля превратится в облако пара.

— Одновременно со строительством кораблей, — продолжал посланец, — вы должны готовить людей к полету. Морально и физически. Препараты для вакцинации мы предоставим.

На время переходного периода вам придется где-то разместить огромное количество народа. Мы поможем построить временные жилища.

— Неужели это в самом деле так необходимо? — пробормотал Райс. — Земляне могут не согласиться.

— Абсолютно необходимо. Многим поколениям придется провести всю жизнь на борту космического корабля. Я понимаю, что людям это может не понравиться, однако иного пути просто не существует. Иначе вы все сгорите через сто лет.

— Меня-то вы убедили, — проворчал Райс. — Вопрос в том, сумею ли я убедить остальных.

— Простите?

— Я говорю, что помимо меня на земле существуют миллионы других людей.

— Я не сомневаюсь, что если вы прикажете им предпринять определенные шаги ради их же спасения...

— Я руководитель только одной страны. Планета мне не подчиняется. Да я и своих-то вряд ли смогу заставить...

— Не надо никого заставлять. Обрисуйте людям реальную ситуацию и предложите выход. Все, кто обладает разумом, обязательно вас поддержат.

Райс покачал головой.

— О чем вы говорите!.. Они решат, что это происки дьявола, исламский заговор, церковные интриги, да что угодно... Найдутся такие, кто станут кричать, будто серые пришельцы пытаются нас обмануть. Вспомнят давно исчезнувшую Старую расу, решат, что они собрались, наконец, с нами расправиться. В каждом моем слове наверняка усмотрят какие-нибудь козни.

— Но с какой целью? — спросил Онг.

— С целью нашего порабощения.

— На Омэре подобным не занимаются! Никто не может упрекнуть нас в низости. Я в состоянии предоставить вам доказательства.

— Вы все время говорите о каких-то доказательствах, — поморщился Райс. — Только на землян они вряд ли подействуют.

— В самом деле?

— К сожалению, да.

— Это противоречит общепринятым теориям. Мы всегда исходили из того, что разум способствует развитию рациональности мышления.

— На других планетах — может быть, да. У нас все по-другому.

— Вы меня огорчили. Мы искренне хотели предупредить вас об опасности и порекомендовать необходимые меры. Я не

предполагал, что люди могут воспротивиться помощи. Это просто нерационально. Вы уверены, что все будет именно так?

— Абсолютно. Кроме того, земляне ни за что не согласятся выполнять приказы пришельцев.

— Я не собираюсь отдавать никаких приказов.

— Вы будете советовать правительству. В глазах людей это ничем не отличается от приказания.

— Даже не знаю, что вам на это сказать, — произнес эмиссар. — Неужели вы в самом деле не сумеете убедить свой народ?

— Заявляю со всей ответственностью: из этой затеи ничего не выйдет.

Онг слегка склонил голову.

— Что ж, приятно было познакомиться. Всего доброго. — С этими словами посланец повернулся, чтобы уйти.

— Минуту, — сказал Райс.

— Да? — ответил пришелец.

— Почему бы вам не вывезти тех, кто захочет уехать?

— Это был бы беспрецедентный случай, — сказал посланец. — Обычно раса либо соглашается покинуть обреченный мир, либо нет.

— Мы особенные, — напомнил Райс.

— Хорошо, — кивнул эмиссар. — Я согласен. Прилечу через десять лет и заберу тех, кто захочет переселиться. Собирайте людей. Дольше мы ждать не сможем.

— Мы будем готовы.

Через десять лет посланец желто-зеленого мира подошел к крошечному самодельному домику в глубине Каскадных Гор Орегона. За домом протекал полный форели ручей, на берегу стоял с удочкой в руках Райс.

— Как вы меня нашли? — спросил он.

— Омэрианин всегда сумеет отыскать человека, которого видел хотя бы один раз. Хотя, по-моему, вы уже не президент?

— Нет, — сказал Райс. — Первый срок закончился, на второй меня не переизбрали. Я пытался предупредить людей о грозящей опасности, но меня посчитали сумасшедшим. Почти все. Те, кто мне поверил, оказались еще хуже. Какой-то безумец попытался меня убить, однако по ошибке застрелил мою жену. Дети обвинили меня в смерти матери, изменили фамилию и уехали жить в другое место.

— Прискорбно, — промолвил эмиссар. — Надеюсь, вы понимаете, что люди, которые над вами насмехались, уступают вам в интеллекте, интуиции и прозрении. Наверное, вы самый необычный человек на Земле, мистер Райс. Вы поверили нам с

самого начала. Вы не посчитали, что мы посланы богом или дьяволом. Вы вняли нашим словам. Если не ошибаюсь, вы остались в одиночестве.

— В полнейшем.

— Может, это и к лучшему, — сказал посланец. — В своем нынешнем состоянии люди все равно не выжили бы за пределами Земли. А вот вы выживите.

— Я?

— Ваше место с нами, мистер Райс. Время еще есть. Вы далеко не старый человек. К тому же мы располагаем средствами омоложения и способны продлить вашу жизнь еще на много лет. Наши женщины почтут за честь вступить с вами в близкие отношения. Наша цивилизация встретит вас с радостью. Я прошу вас оставить обреченную на погибель Землю и отправиться со мной.

— Наверное, это лишнее, — пробормотал Райс. — По моим расчетам, я смог бы безбедно прожить на Земле еще лет тридцать, прежде чем что-либо начнет происходить.

— Но не больше.

— А больше и не надо. Я остаюсь.

— Решили погибнуть вместе со своим народом? Они умрут из-за собственного невежества!

— Да, но они — дети Земли. Как и я. Мое место рядом с ними, даже в аду.

— Мне трудно поверить, что вы говорите такие вещи.

— Я долго обо всем этом думал. Потом до меня дошло, что я ничем не отличаюсь от остальных людей. В принципе. Во всяком случае, я ничем их не лучше.

— Не могу с вами согласиться. Ладно, каково ваше окончательное решение?

— Я считаю, что, если мой вид отказался верить в грозящую опасность, мне тоже не следует этого делать. Поэтому я решил, что все, о чем вы говорили, — выдумка. Не сомневаюсь, что это мне просто приснилось.

— Интеллигентному человеку не пристало искать выход в солипсизме.

— Решено. Остаюсь здесь, у ручья с форелью. Скажите, эмиссар, приходилось ли вам когда-либо ловить на муху?

— Там, откуда я прибыл, рыбу не ловят. Мы уважаем все живое.

— Другими словами, вы не едите мяса?

— Ни в каком виде.

— А как же овощи? Они ведь тоже живые.

— Мы и овощей не едим. Омэриане получают энергию из инертных химических веществ или, если необходимо, непо-

средственно из излучения нашего солнца. Ваш организм тоже можно перестроить соответствующим образом.

— Не сомневаюсь, что вы сумеете это сделать, — пробормотал Райс.

— Простите?

— Вы меня слышали. Я уже высказал свою точку зрения. Ваш образ жизни не подходит для человека. По мне, так лучше и не жить. Я останусь со своей расой.

— Вы упоминали ад. Так вот, его не существует.

— Существует. Для меня ад — это разговор с вами. Сделайте одолжение, исчезните.

Эмиссар пошел к кораблю, задержавшись на мгновение, чтобы еще раз взглянуть на дом. Может, Райс передумает? Не похоже. Онг пожал плечами и поднялся на борт.

Вскоре он был уже высоко. Зелено-голубая планета внизу становилась все меньше и меньше. Еще немного, и его аппарат разгонится до сверхсветовой скорости.

Онг бросил последний взгляд на Землю. Красивая планета, красивые обитатели. Жаль, что все это погибнет.

На какое-то время эмиссар помрачнел, однако быстро встряхнулся. Не такая уж большая потеря для Космоса. В конце концов, разумная жизнь во Вселенной постоянно возрождается.

Но все ее формы поразительно походили на цивилизацию Омэра. Установленный стандарт, норма. Такого, как на Земле, не было нигде. Иррациональный разум. Счастливая случайность, неожиданная удача природы, в сочетании с безрассудством и абсурдом. Эмиссар подумал, что Вселенная с подобным еще не сталкивалась. И вряд ли когда-нибудь столкнется.

Он еще раз посмотрел на Землю. Она показалась ему очень красивой. Хотя, конечно, во Вселенной таких мест немало. Как бы то ни было, пора было возвращаться в желто-зеленый мир.

ТЕРАПИЯ

2 мая 2103 года Элвуд Кэсвел быстро шел по Бродвею с заряженным револьвером в кармане пиджака. Он не имел намерения пускать его в ход, но опасался, что все же может это сделать. Такое предположение не было лишено оснований, потому что Кэсвел страдал манией убийства.

Был мягкий туманный весенний день, в воздухе пахло дождем и цветущим кизилом. Кэсвел сжимал револьвер в потной ладони и пытался придумать хотя бы один веский аргумент,

чтобы не убивать человека по фамилии Мэгнесен, который на днях сказал, что Кэсвел чудесно выглядит.

«Какое дело Мэгнесену, как я выгляжу? Проклятые любопытные, лезут не в свои дела, всегда все портят...»

Кэсвел был невысокого роста холерик с сердитыми воспаленными глазами, челюстями бульдога и волосами цвета имбиря. Каждый встречал людей подобного типа; забравшись на ящик из-под дезинфицирующих средств, они произносят речи перед толпой вышедших на обеденный перерыв служащих и иронически настроенных студентов, выкрикивая лозунги вроде: «Марс для марсиан, Венера для венерианцев!»

Однако, по правде говоря, Кэсвела не интересовало тяжелое социальное положение населения других планет. Он работал кондуктором ракетобуса нью-йоркской корпорации «Рэпид трэнзит». Он не лез в чужие дела. К тому же он был абсолютно сумасшедшим.

К счастью, бывали моменты, когда он понимал это, по крайней мере половиной своего сознания.

Пот лил с Кэсвела градом, пока он шел по Бродвею к Сорок третьей улице, где находился магазин «Домашние терапевтические приборы». Скоро закончится рабочий день, и его друг Мэгнесен возвратится в свою небольшую квартиру, совсем недалеко от дома Кэсвела. Как легко, как приятно было бы небрежно войти, обменяться одной-двумя фразами и затем...

Нет! Кэсвел глотнул воздуха и напомнил себе, что у него нет настоящего желания никого убивать. Убивать нехорошо. Его посадят за решетку, друзья его не поймут, да и мама никогда этого не одобрит.

Однако эти аргументы были слабыми, слишком заумными и совсем не убедительными. От фактов не скроешься: он хочет убить Мэгнесена.

Разве такое сильное желание может быть нехорошим? Или даже нездоровым?

Да, может! Со сдавленным стоном Кэсвел пробежал последние несколько шагов к магазину «Домашние терапевтические приборы».

Обстановка внутри магазина сразу принесла облегчение. Свет был мягким, шторы — спокойных тонов, и даже выставленные здесь мерцающие терапевтические машины не слишком бросались в глаза. Вот где приятно просто прилечь на ковер под сень терапевтических машин в твердой уверенности, что тебя ожидает избавление от всех неприятностей.

Светловолосый продавец с длинным породистым носом бесшумно (но не вкрадчиво) подплыл к нему и негромко спросил:

— Не нужна ли помощь?

— Терапию! — пробормотал Кэсвел.

— Разумеется, сэр, — обаятельно улыбнулся продавец, разглаживая лацканы пиджака. — Мы для этого и существуем. — Он пристально посмотрел на Кэсвела, быстро поставил в уме диагноз и постучал по сверкающему белизной и медью аппарату. — Вот это, — сказал продавец, — новый Алкоголеразгрузитель фирмы «ИБМ», рекламируется самыми популярными журналами. Привлекательное дополнение к мебели, согласитесь, что он украсит любую квартиру. Внутри имеется телевизор.

Ловким движением узкой кисти продавец открыл Алкоголеразгрузитель, показав телеэкран размером 52 дюйма.

— Мне нужно... — начал Кэсвел.

— Терапию, — закончил за него продавец. — Конечно. Я хочу только подчеркнуть, что эта модель никогда не поставит в неудобное положение вас, ваших друзей или близких. Обратите внимание на утопленную шкалу желаемой интенсивности потребления спиртного. Видите? Если не хотите совсем воздерживаться, можете установить любое из следующих делений: «много», «умеренно», «в компании» или «для аппетита». Это новинка, уникальная в механотерапии.

— Я не алкоголик, — с достоинством сказал Кэсвел. — Корпорация «Нью-Йорк рэпид трэнзит» не нанимает алкоголиков.

— Понимаю, — сказал продавец, недоверчиво глядя на слезящиеся глаза Кэсвела. — Вы, кажется, человек нервный. Быть может, портативный успокаиватель фирмы «Бендикс»...

— Нервы тут тоже ни при чем. Что у вас есть против мании убийства?

Продавец поджал губы.

— Шизофренического или маниакально-депрессивного происхождения?

— Не знаю, — признался Кэсвел, несколько растерявшись.

— В общем, это не имеет значения, — сказал продавец. — Моя собственная теория. За время работы в магазине я пришел к выводу, что рыжие и блондины предрасположены к шизофрении, а брюнеты — к маниакальной депрессии.

— Интересно. Вы давно здесь работаете?

— Неделю. Итак, сэр, вот что вам нужно.

— Что это?

— Рекс-Регенератор, созданный фирмой «Дженерал моторс». Красив, не правда ли? Вписывается в любой интерьер, внутри отлично оборудованный портативный бар. Ваши друзья, семья, родственники никогда не догадаются...

— Излечит ли он манию убийства? — спросил Кэсвел. — Сильную.

— Вне всякого сомнения. Это совсем не то, что маленькие 10-амперные аппараты для невротиков. Это стационарная 25-амперная машина с большим запасом прочности, предназначенная для действительно тяжелых, застарелых случаев.

— Как раз то, что у меня, — сказал Кэсвел с простительной гордостью.

— Эта малютка все из вас вышибет. Большие, сверхпрочные подшипники! Мощная система охлаждения! Абсолютная изоляция! Диапазон чувствительности более...

— Я беру его, — сказал Кэсвел. — Сейчас же. Заплачу сразу.

— Отлично! Я только позвоню на склад...

— Я могу взять этот, — сказал Кэсвел, вынимая бумажник. — Хочу побыстрее его испробовать. Вы знаете, я собираюсь убить моего друга Мэгнесена.

Продавец сочувственно щелкнул языком:

— Вам этого не захочется... Плюс пять процентов налог. Благодарю вас, сэр. Подробную инструкцию вы обнаружите внутри.

Кэсвел поблагодарил его, обхватил Регенератор обеими руками и поспешил к выходу.

Вычислив свою комиссию, продавец улыбнулся про себя и закурил. Однако неожиданно появившийся из своего кабинета управляющий — крупный представительный мужчина в пенсне — испортил все удовольствие.

— Хэскинс, — сказал управляющий, — по-моему, я уже советовал вам избавиться от этой нечистоплотной привычки.

— Да, мистер Фолансби, простите, сэр, — извинился Хэскинс, гася сигарету. — Я немедленно воспользуюсь Деникотанизатором с витрины. Совершил довольно выгодную продажу, мистер Фолансби. Один из больших Рекс-Регенераторов.

— Вот как? — Новость произвела на управляющего впечатление. — Не часто нам удается... подождите! Не хотите ли вы сказать, что продали демонстрационную модель?

— А что... вы знаете, боюсь, что да, мистер Фолансби. Покупатель очень спешил. А разве...

Фолансби всплеснул руками и схватился за голову.

— Хэскинс, я вас предупреждал. Я наверняка вас предупреждал! Демонстрационный Регенератор был *марсианской* моделью. Для механотерапии *марсиан*.

— Ага, — сказал Хэскинс. Он подумал мгновение. — Понимаю.

Фолансби смотрел на своего подчиненного в зловещем молчании.

— Но какое это имеет значение? — быстро спросил Хэскинс. — Машина ведь не различает. Мне думается, она будет лечить манию убийства, даже если пациент и не марсианин.

— У марсианской расы никогда не проявлялось склонности к убийству. Марсианский вариант Регенератора не способен даже понять такое. Безусловно, Регенератор попытается провести лечение. Он обязан. *Но от чего он будет лечить?*

— Понимаю, — сказал Хэскинс.

— Беднягу надо остановить, прежде чем... вы сказали, у него мания убийства? Я ни за что не ручаюсь! Его адрес, скорее!

— Видите ли, мистер Фолансби, он так спешил...

Управляющий долго смотрел на продавца, не веря своим ушам.

— Вызывайте полицию! Свяжитесь с отделом безопасности «Дженерал моторс»! Разыщите его!

Хэскинс бросился к двери.

— Стойте! — крикнул управляющий, натягивая плащ. — Я с вами!

Элвуд Кэсвел возвратился домой на таксокоптере. Он втащил Регенератор в гостиную, придвинул его к кушетке и окинул оценивающим взглядом.

— А продавец прав, — сказал он наконец. — Действительно, подходит к обстановке.

С эстетической точки зрения Регенератор оказался удачным приобретением.

Кэсвел полюбовался им еще немного, а затем пошел на кухню приготовить себе бутерброд с курицей. Он ел медленно, не спуская глаз с точки, находившейся несколько выше и левее кухонных часов.

«Будь ты проклят, Мэгнесен! Грязный, лживый, коварный, враг всего чистого и непорочного на земле...»

Вынув револьвер из кармана, он положил его на стол и повертел в разные стороны своим негнущимся пальцем.

Пора начинать терапию.

Если бы не...

Кэсвел с беспокойством почувствовал, что не хочет избавиться от желания убить Мэгнесена. Что будет с ним, если он лишится этой потребности? Жизнь потеряет смысл, содержание, весь вкус и остроту. Она станет бесконечно нудной.

Кроме того, Мэгнесен принес ему большое личное горе, о котором не хотелось вспоминать.

Айрин!

Его бедная сестра, обесчещенная сладкоречивым и хитрым Мэгнесеном, погубленная и брошенная. Разве может быть более убедительная причина, чтобы взять револьвер...

С трудом Кэсвел вспомнил, что у него никогда не было сестры. Теперь самое время приступить к терапии.

Он прошел в гостиную и вынул инструкцию, засунутую в вентиляционное отверстие аппарата. Развернув ее, он прочел:

«ДЛЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ
РЕГЕНЕРАТОРОМ МОДЕЛИ РЕКС:

1. Поставьте Регенератор рядом с удобной кушеткой (удобную кушетку можно приобрести за дополнительную плату в любом магазине «Дженерал моторс»).

2. Воткните вилку в комнатную розетку.

3. Наденьте раздвижной контактный обруч на голову.

Вот и все! Ваш Регенератор сделает все остальное! Никаких языковых барьеров и проблем диалекта, потому что Регенератор общается методом Непосредственного Чувственного Контакта (патент заявлен). Единственное, что от вас требуется, — довериться аппарату.

Вы не должны испытывать смущение или стыд. У всех есть проблемы, иногда посложнее ваших! Регенератор не интересуется вашей нравственностью или этическими принципами, поэтому не считайте, что он вас судит. Он лишь пытается помочь вам стать здоровым и счастливым.

Как только Регенератор соберет и обработает достаточное количество информации, он начнет лечение. От вас самих зависит продолжительность сеансов. Приказываете вы! И конечно, вы вправе прервать сеанс в любой момент.

Вот и все! Просто, не правда ли? А теперь включайте ваш Регенератор фирмы «Дженерал моторс» и СТАНОВИТЕСЬ НОРМАЛЬНЫМ!»

— Ничего сложного, — сказал себе Кэсвел.

Он подвинул Регенератор ближе к кушетке и включил его. Взял обруч, начал надевать его на голову, остановился.

— Я чувствую себя так глупо! — хихикнул он.

Неожиданно он закрыл рот и вызывающе взглянул на черную, поблескивающую никелировкой машину.

— Так, значит, ты считаешь, что можешь сделать меня нормальным, а?

Регенератор не отвечал.

— Ладно, попробуй. — Он натянул обруч на голову, лег на кушетку и скрестил руки на груди.

Ничего не произошло. Кэсвел устроился поудобнее. Почесал плечо и немного передвинул обруч. Ничего. Мысли его начали расползаться.

«Мэгнесен! Ты наглый высокомерный урод, отвратительный...»

— Добрый день, — прозвучал в его голове голос. — Я ваш механотерапевт.

Кэсвел виновато заерзал.

— Здравствуйте. Я тут просто... ну, вы понимаете... вроде как бы...

— Понимаю, — успокаивающе сказала машина. — Ведь мы все, так или иначе... В данный момент я изучаю ваше подсознание с целью синтеза, диагноза, прогноза и лечения. Я обнаруживаю...

— Да?

— Один момент. — Регенератор молчал несколько минут. Потом неуверенно сказал: — Весьма необычный случай.

— Правда? — спросил довольный Кэсвел.

— Да. Коэффициенты похожи на... я, правда, не уверен... — механический голос аппарата стал затухать. Индикаторная лампочка замигала и погасла.

— Эй, в чем дело?

— Какая-то путаница, — ответила машина. — Однако, — продолжала она окрепшим голосом, — необычная природа симптомов не может поставить в тупик квалифицированную терапевтическую машину. Любой симптом, как он ни причудлив, является всего лишь сигналом, признаком внутреннего несоответствия. А все симптомы можно объяснить на основе общепринятой и доказанной теории. Поскольку теория эффективна, симптомы должны с нею согласовываться. Будем исходить из этой предпосылки.

— А вы уверены, что делаете то, что нужно? — спросил Кэсвел, у которого кружилась голова.

Сверкнув индикатором, машина отрезала:

— Современная механотерапия — точная наука, не допускающая каких-либо значительных ошибок. Начнем со словесных ассоциаций.

— Валяйте, — сказал Кэсвел.

— Жилище?

— Дом.

— Собака?

— Кошка.

— Флифл?

Кэсвел замешкался, пытаясь сообразить. Чем-то это слово напоминало марсианское, но могло быть и венерианским или...

— Флифл? — повторил Регенератор.

— Марфуш, — сымпровизировал Кэсвел.

— Громкий?

— Сладкий.

— Зеленый?

— Мама.

— Тханагойес?

— Патаматонга.

— Арридес?

— Нексотесмодрастика.

— Чтиспохельгноптецес?

— Рагамару латасентрикпропатрия! — выкрикнул Кэсвел. Это был набор звуков, которым можно было гордиться. Человек средних способностей не смог бы их произнести.

— Гм, — сказал Регенератор. — Закономерности совпадают. Так и должно быть.

— Какие закономерности?

— У вас, — сообщила ему машина, — классический случай фим-мании, осложненной сильной дварк-наклонностью.

— Неужели? Мне казалось, что у меня мания убийства.

— Этот термин не имеет смысла, — строго сказала машина. — Поэтому я отвергаю его как бессмысленный набор звуков. Теперь учтите: фим-мания совершенно нормальна. Никогда этого не забывайте. Правда, в раннем возрасте она обычно уступает место ховендиш-отвращению. Индивидуумы, не обладающие этой естественной реакцией на внешнюю среду...

— Я не совсем понимаю то, что вы говорите, — признался Кэсвел.

— Прошу вас, сэр, давайте сразу договоримся. Вы — пациент. Я — механотерапевт. Вы обратились ко мне, чтобы излечиться от недуга. Однако вы не можете рассчитывать на помощь, если сами не будете прилагать соответствующие усилия.

— Ладно, — сказал Кэсвел. — Я попробую.

До сих пор он наслаждался сознанием собственного превосходства. Все, что говорила машина, казалось забавным. Пожалуй, он даже мог бы указать механотерапевту на некоторые его неточности.

Теперь же ощущение благополучия улетучилось, уже в который раз, и Кэсвел почувствовал себя одиноким, ужасно одиноким и потерянным, рабом своих желаний, ищущим хотя бы немного тишины и спокойствия.

Он вынесет что угодно, лишь бы вновь обрести равновесие. Сурово он напомнил себе, что не имеет права критиковать механотерапевта. Эти машины знают свое дело, у них громадный

опыт. Он будет стараться, каким бы нелепым ни казался ему, дилетанту, этот способ лечения.

Однако ясно, подумал Кэсвел, угрюмо укладываясь на кушетку, что механотерапия гораздо труднее, чем он предполагал.

Поиски исчезнувшего покупателя были недолгими и безрезультатными. Его не было на многолюдных улицах Нью-Йорка, и никто не помнил рыжего человечка с воспаленными глазами, тащившего на себе черную терапевтическую машину.

Такое зрелище было слишком обычным.

Вскоре после очередного телефонного вызова явились четверо полицейских во главе со встревоженным молодым лейтенантом — детективом по фамилии Смит.

Едва Смит успел спросить: «А почему вы не удосужились повесить ярлыки на товары?» — как его прервали.

Оттолкнув полицейского, стоявшего у дверей, в комнату вошел мужчина. Он был высокий, угловатый и некрасивый, с глубоко запавшими бледно-голубыми глазами. Мятый и нечищенный костюм висел на нем, как гофрированное железо.

— Что вам нужно? — спросил лейтенант Смит.

Некрасивый мужчина отогнул лацкан пиджака и показал блестящий серебряный значок.

— Я Джон Рэт из отдела безопасности «Дженерал моторс».

— А... виноват, сэр, — сказал лейтенант Смит, отдавая честь. — Я не думал, что вы так быстро прибудете на место.

Рэт издал неопределенный звук.

— Вы проверили отпечатки пальцев, лейтенант? Покупатель мог дотронуться до другой терапевтической машины.

— Я сейчас же этим займусь, сэр, — сказал Смит. Нечасто случалось, чтобы оперативный работник «Дженерал моторс», «Дженерал электрик» или «ИБМ» прибывал для личного расследования на место. Если участковый полицейский проявит расторопность, то его могут перевести в Индустриальную Полицию...

Рэт повернулся к Фолансби и Хэскинсу и окинул их взглядом пронизывающим и безличным, как луч радара.

— Выкладывайте все по порядку, — сказал он, вынимая из бесформенного кармана записную книжку и карандаш.

Он слушал рассказ в зловещем молчании. Наконец он захлопнул записную книжку, сунул ее обратно в карман и сказал:

— Терапевтические машины должно оберегать, как святыню. Дать покупателю не ту машину — значит не оправдать оказанное вам доверие, нарушить Общественные Интересы и очернить добрую репутацию Компании.

Управляющий согласно закивал, свирепо глядя на несчастного продавца.

— Марсианский вариант машины, — продолжал Рэт, — вообще не должен был находиться на витрине.

— Я объясню, как это получилось, — поспешно сказал Фолансби. — Нам нужна была демонстрационная модель, и я написал в Компанию письмо с просьбой...

— Это, — безжалостно перебил его Рэт, — может быть расценено как грубое и преступное ротозейство.

Управляющий и продавец обменялись испуганными взглядами. Они вспомнили об исправительной колонии «Дженерал моторс» возле Детройта, где нарушители законов Компании коротали время в угрюмой тишине, занимаясь монотонным вычерчиванием микросхем для карманных телевизионных приемников.

— Правда, это вне моей компетенции, — сказал Рэт. Он обратил свой сумрачный взгляд на Хэскинса: — Вы уверены, что покупатель не назвал своего имени?

— Нет, сэр. То есть да, я в этом уверен, — ответил Хэскинс дребезжащим голосом.

— Упоминал ли он вообще какие-нибудь имена?

Хэскинс закрыл лицо руками. Потом вскинул голову и с жаром произнес:

— Да! Он хотел кого-то убить! Своего друга!

— Кого? — переспросил Рэт с леденящим спокойствием.

— Фамилия его друга... дайте мне подумать... Магнетон! Вспомнил! Магнетон! Или Моррисон? О боже...

На железном лице Рэта отразилось гофрированное презрение. Люди бесполезны в качестве свидетелей. Хуже чем бесполезны, потому что они могут направить по ложному следу. В смысле надежности лучше всего роботы.

— Неужели он не упомянул ничего существенного?

— Дайте мне подумать! — сказал Хэскинс, лицо которого перекосило от напряжения.

Рэт ждал.

Фолансби откашлялся.

— Я тут подумал, мистер Рэт. Насчет этой марсианской машины. Она ведь не будет лечить земную манию убийства как таковую?

— Конечно, нет. Мания убийства не известна на Марсе.

— Согласен. В таком случае, что она сделает? Не откажется ли она лечить эту болезнь как не знакомую ей? Тогда покупатель просто вернет Регенератор с жалобой, и мы...

Рэт покачал головой.

— Рекс-Регенератор обязан проводить лечение, если он об-

наружил признаки психоза. По марсианским стандартам, ваш покупатель тяжело болен, он ненормальный, какова бы ни была действительная причина его болезни.

Фолансби снял пенсне и начал быстро протирать стекла.

— Что же будет делать машина?

— Она будет лечить его от марсианской болезни, наиболее близкой к данному случаю. Можно предположить, что от фиммании с различными осложнениями. Что же касается последствий лечения, то я ничего не могу сказать. Да и вряд ли кто-либо другой может, потому что таких случаев еще не было. Грубо говоря, альтернатива такова: либо пациент сразу отвергнет терапию и при этом мания убийства останется, либо он пройдет курс марсианской терапии и излечится.

Лицо Фолансби просветлело:

— Значит, исцеление возможно!

— Вы не поняли, — сказал Рэт. — Он излечится... от несуществующего марсианского психоза. Излечить то, чего на самом деле нет, значит создать фантастическую систему галлюцинаций. Машина сработает наоборот: она создаст психоз, вместо того чтобы ликвидировать его.

Фолансби застонал и прислонился к Психосоматике фирмы «Белл».

— В результате, — заключил Рэт, — больного убедят, что он марсианин. Нормальный марсианин, естественно.

Хэскинс неожиданно закричал:

— Вспомнил! Вспомнил! Он говорил, что работает в «Нью-Йорк рэпид трэнзит»! Я это ясно помню!

— Это уже шанс, — сказал Рэт, протягивая руку к телефону.

Хэскинс с облегчением вытер потное лицо.

— И я вспомнил другое, что поможет нам еще больше.

— Что именно?

— Покупатель сказал, что он одно время был алкоголиком. Я уверен в этом, потому что сначала он заинтересовался Алкоголеразгрузителем «ИБМ», пока я его не отговорил. Он был рыжий, а вы знаете, у меня есть теория насчет рыжих и алкоголизма. Согласно ей...

— Отлично, — сказал Рэт. — Алкоголизм должен быть у него в анкете. Это резко сужает сферу поисков.

Когда он набирал номер «Рэпид трэнзит», его некрасивое тяжелое лицо казалось почти симпатичным.

Приятно для разнообразия убедиться в том, что люди еще способны запоминать существенные детали.

— Но, конечно, вы помните свою горику? — спрашивал Регенератор.

— Нет, — устало отвечал Кэсвел.

— Тогда расскажите мне о ваших юношеских переживаниях в форастрийском флипе.

— Никогда не было ничего подобного.

— Гм. Блокировка, — пробормотала машина. — Чувство обиды. Подавление. Вы уверены, что не помните свою горику и что она для вас означала? Все прошли через это.

— Только не я, — сказал Кэсвел, сдерживая зевоту.

Механотерапия продолжалась уже почти четыре часа — и без всякой видимой пользы. Сначала он по своей инициативе рассказал о детстве, об отце с матерью, о старшем брате. Однако Регенератор попросил его отбросить эти фантазии. Отношение пациента к воображаемому родителю или сиблингу, объяснил он, носит фиктивный характер и имеет второстепенный психологический интерес. Самое важное — чувства пациента, открытые и подавленные, которые он испытывает к своей горике.

— Послушайте, — запротестовал Кэсвел. — я даже не знаю, что такое горика.

— Нет, вы знаете. Вы лишь не хотите себе в этом признаться.

— Не знаю. Объясните мне.

— Лучше, если бы вы сами мне рассказали.

— Каким образом? — разозлился Кэсвел. — Я ведь не знаю!

— Что такое, по-вашему, горика?

— Это лесной пожар, — сказал Кэсвел. — Таблетка соли. Бутыль денатурата. Маленькая отвертка. Уже тепло? Записная книжка. Пистолет...

— Эти ассоциации не лишены смысла, — заверил его Регенератор. — Ваши попытки выбирать их наугад свидетельствуют о наличии внутренней закономерности. Вспоминаете?

— Так что же все-таки, черт побери, такое горика? — рявкнул Кэсвел.

— Дерево, кормившее вас в грудном возрасте, возможно, вплоть до полового созревания, если мои предположения относительно вас правильны. Неумышленно горика подавила ваше естественное отвращение к фим-мании. Это в свою очередь вызвало ощущаемую вами потребность дварковать кого-нибудь влендишным способом.

— Никакое дерево меня не вскармливало.

— Вы не помните об этом?

— Конечно нет, этого никогда не было.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Неужели у вас нет ни малейшего сомнения?

— Нет! Никакая горика меня не вскармливала. Послушайте, я имею право прервать сеанс в любой момент, не так ли?

— Безусловно, — сказал Регенератор, — хотя сейчас это нежелательно. Вы проявляете чувства гнева, обиды, страха. Произвольно отвергая...

— К черту, — сказал Кэсвел и сдернул обруч с головы.

Тишина была прекрасной. Кэсвел встал, зевнул, потянулся и помассировал затылок. Он посмотрел на гудящую черную машину долгим и враждебным взглядом.

— Тебе и насморка не вылечить, — сказал он ей.

Разминая затекшие суставы, он прошелся по комнате и вернулся к Регенератору.

— Чертов обманщик! — крикнул он.

Он отправился на кухню выпить пива. Револьвер еще лежал на столе, тускло поблескивая.

«Мэгнесен! Гнусная, вероломная дрянь! Воплощение дьявола! Мерзкое, злое чудовище! Кто-то должен тебя уничтожить, Мэгнесен! Кто-то...»

Кто-то? Он сам должен это сделать. Ему одному известна неизмеримая глубина развращенности Мэгнесена, его порочности, его отвратительного честолюбия.

«Да, это мой долг», — подумал Кэсвел. Но, как ни странно, эта мысль не доставила ему удовольствия.

Все-таки Мэгнесен его друг.

Он встал, готовый действовать. Засунул револьвер в правый карман пиджака и посмотрел на кухонные часы. Почти половина седьмого. Мэгнесен, наверно, уже дома, обедает, ухмыляется, обдумывая свои планы.

Самое время его пристукнуть.

Кэсвел большими шагами прошел к двери, отворил ее, собираясь выйти, и остановился.

Ему пришла в голову мысль, мысль столь сложная, столь значительная, со столь далеко идущими последствиями, что он был потрясен до глубины души. В отчаянии Кэсвел пытался отогнать эту мысль. Однако навечно выгравированная в памяти, она не исчезала.

В этих условиях для него оставалось лишь одно.

Он вернулся в гостиную, сел на кушетку и натянул обруч на голову.

— Да? — спросил Регенератор.

— Черт побери, это удивительно, — сказал Кэсвел. — Вы знаете, я, кажется, действительно вспоминаю свою горику!

...Джон Рэт вызвал по телевидео «Нью-Йорк рэпид трэнзит», где его немедленно соединили с мистером Бемисом, полным загорелым мужчиной с внимательными глазами.

— Алкоголизм? — переспросил Бемис, когда ему объяснили, в чем дело. Незаметным движением он включил магнитофон. — Среди наших служащих? — Нажав ногой на кнопку в полу, Бемис дал сигнал тревоги в отделы Охраны, Рекламы, Взаимоотношений с другими компаниями и Психоанализа. Сделав это, он с серьезным видом посмотрел на Рэта. — Уважаемый сэр, это исключено. Между нами, почему «Дженерал моторс» этим заинтересовалась?

Рэт горько усмехнулся. Этого можно было ожидать. У «Рэпид трэнзит» и «Дженерал моторс» в прошлом имелись разногласия. Официально между обеими гигантскими корпорациями существовало сотрудничество. Однако на практике...

— Дело касается Общественных Интересов, — сказал Рэт.

— Разумеется. — Бемис едва заметно усмехнулся. Взглянув на селекторную доску, он увидел, что несколько сотрудников Компании подслушивают разговор. Если повести себя правильно, можно рассчитывать на повышение по службе. — Видимо, имеются в виду Общественные Интересы «Дженерал моторс»? — продолжал Бемис с вежливым ехидством. — Я полагаю, это намек на то, что нашими ракетобусами и гелисами управляют пьяные водители?

— Совсем нет. Меня интересует лишь один случай предрасположения к алкоголизму, одна индивидуальная скрытая форма...

— Исключено. Мы в «Рэпид трэнзит» не берем на работу людей хотя бы с малейшей склонностью такого рода. Я вам советую, сэр, вычистить собственный дом, прежде чем заниматься инсинуациями!

Бемис выключил телевидео.

Обвинить его, во всяком случае, ни в чем не смогут.

— Тупик, — с досадой сказал Рэт. Он повернулся и крикнул: — Смит! Обнаружили отпечатки пальцев?

Подскочил лейтенант Смит, без пиджака и с засученными рукавами.

— Ничего существенного, сэр.

Рэт стиснул тонкие губы. Почти семь часов прошло с тех пор, как покупатель унес марсианскую машину. Неизвестно, какой ущерб уже нанесен. Покупатель будет вправе подать на Компанию в суд. Но дело не в компенсации; любой ценой нужно спасти репутацию фирмы.

— Простите, сэр, — сказал Хэскинс.

Рэт не слышал. Что делать? «Рэпид трэнзит» отказывается

помочь. Разрешит ли командование вооруженных сил перебрать все личные дела по телосложению и пигментации?

— Сэр, — снова сказал Хэскинс.

— Что вам?

— Я вспомнил фамилию друга покупателя. Мэгнесен.

— Не ошибаетесь?

— Нет, — сказал Хэскинс, и в его голосе впервые за много часов прозвучала уверенность. — Я позволил себе, сэр, заглянуть в телефонную книгу. В Манхэттене лишь один человек с такой фамилией.

Рэт угрожающе посмотрел на него из-под косматых бровей.

— Хэскинс, я надеюсь, что вы не ошибаетесь. Очень надеюсь.

— Я тоже, сэр, — признался Хэскинс, чувствуя, как у него начинают трястись колени.

— Потому что в противном случае, — сказал Рэт, — я... Ладно. Пошли!

Под полицейским эскортом они прибыли по адресу через пятнадцать минут. Это был старинный дом из темного песчаника, на одной из дверей второго этажа висела табличка с фамилией Мэгнесен. Они постучали.

Дверь отворил коренастый мужчина лет тридцати, коротко подстриженный и без пиджака. Он слегка побледнел при виде стольких людей в форме, но не испугался.

— Что это значит? — вызывающе спросил он.

— Ваша фамилия Мэгнесен? — рявкнул лейтенант Смит.

— Ага. Что стряслось? Если вы насчет того, что мой стерео якобы слишком громко играет, так эта старая ведьма внизу...

— Можно войти? — спросил Рэт. — Дело серьезное.

Мэгнесен, казалось, не был расположен их пускать, но Рэт отстранил его и прошел внутрь, сопровождаемый Смитом, Фолансби, Хэскинсом и небольшим отрядом полицейских. Мэгнесен повернулся к ним, недовольный и сбитый с толку. Сцена явно произвела на него сильное впечатление.

— Мистер Мэгнесен, — обратился к нему Рэт самым приятным тоном, на который был способен. — Надеюсь, вы извините нас за вторжение. Уверяю, что дело касается Общественных Интересов, а также ваших собственных. Есть ли среди ваших знакомых маленький рыжеволосый человек сердитого вида, с воспаленными глазами?

— Да, — медленно и осторожно сказал Мэгнесен.

Хэскинс испустил вздох облегчения.

— Пожалуйста, сообщите нам его фамилию и адрес, — попросил Рэт.

— Это, наверно... постойте! А что он сделал?

— Ничего.

— Тогда зачем он вам нужен?

— Объяснять некогда, — сказал Рэт. — Поверьте, что это и в его интересах. Как его фамилия?

Мэгнесен испытующе смотрел на некрасивое, но честное лицо Рэта.

Вмешался лейтенант Смит:

— Давай выкладывай, Мэгнесен. Тебе же будет лучше. Фамилию — и быстро.

Это был неверный подход. Мэгнесен закурил сигарету, пустил струю дыма в Смита и спросил:

— А разрешение у тебя есть, приятель?

— Еще бы, — сказал Смит, двинувшись вперед. — Я тебе сейчас покажу разрешение, умник.

— Прекратите! — приказал Рэт. — Лейтенант Смит, благодарю вас за помощь. Вы свободны.

Рассерженный Смит удалился со своим отрядом.

Рэт сказал:

— Прошу прощения, Смит был излишне усерден. Лучше я вам расскажу все по порядку.

Он кратко изложил всю историю с покупателем и марсианской терапевтической машиной.

После его рассказа Мэгнесен стал еще подозрительнее.

— Вы хотите сказать, что он собирается убить *меня*?

— Вот именно.

— Это ложь! Я не знаю, кто вы такой, мистер, но вам никогда не удастся меня в этом убедить. Элвуд мой лучший друг, с самого детства. Мы вместе служили в армии. Ради меня Элвуд руку себе отрежет. И я сделаю для него то же самое.

— Да, да, — нетерпеливо сказал Рэт. — Во вменяемом состоянии. Однако ваш друг Элвуд... Кстати, это его имя или фамилия?

— Имя, — насмешливо сказал Мэгнесен.

— Ваш друг Элвуд душевнобольной.

— Вы его не знаете. Этот парень любит меня, как родного брата. Послушайте, что Элвуд сделал? Задолжал или что-нибудь в этом роде? Я могу помочь.

— Идиот! — закричал Рэт. — Я пытаюсь спасти вашу жизнь, а также жизнь и разум вашего друга!

— Но откуда я знаю? — взмолился Мэгнесен. — Вы, парни, сюда врываетесь...

— Вы должны мне поверить, — сказал Рэт.

Мэгнесен внимательно посмотрел на Рэта и нехотя кивнул.

— Его зовут Элвуд Кэсвел. Он живет по этой же улице в доме 341.

Человек, отворивший дверь, был невысокого роста, рыжий и с воспаленными глазами. Его правая рука была засунута в карман пиджака. Он казался очень спокойным.

— Вы Элвуд Кэсвел? — спросил Рэт. — Вы купили сегодня утром Регенератор в магазине «Домашние терапевтические приборы»?

— Да, — сказал Кэсвел. — Прошу вас.

В небольшой гостиной они увидели черный Регенератор, который стоял у кушетки, поблескивая никелированными частями. Он был выключен.

— Вы им пользовались? — с тревогой спросил Рэт.

— Да.

Фолансби сделал шаг вперед.

— Мистер Кэсвел, не знаю, как это произошло, но мы совершили ужасную ошибку. Регенератор, приобретенный вами, — марсианский вариант, предназначенный для лечения марсиан.

— Я знаю, — сказал Кэсвел.

— Знаете?

— Разумеется. Это быстро выяснилось.

— Ситуация была опасной, — сказал Рэт, — особенно для человека с вашими... ээ... неприятностями. — Незаметно для Кэсвела он внимательно изучал его. Тот вел себя нормально, но внешность часто обманчива, особенно у душевнобольных. У Кэсвела была мания убийства, нет оснований считать, что она исчезла бесследно.

И Рэт пожалел, что так рано отослал Смита и его отряд. Присутствие вооруженных полицейских иногда успокаивает.

Кэсвел прошел в другой угол комнаты, где стояла терапевтическая машина. Одна рука у него была все еще в кармане, другую он любовно положил на Регенератор.

— Бедняга, он старался изо всех сил, — сказал он. — Конечно, он не мог излечить то, чего не было. — Он усмехнулся. — Правда, ему это почти удалось!

Следя за выражением лица Кэсвела, Рэт сказал подчеркнуто небрежным голосом:

— Рад, что все обошлось, сэр. Компания, разумеется, компенсирует потерянное время и нанесенный вам моральный ущерб...

— Разумеется, — сказал Кэсвел.

—...и мы немедленно заменим этот Регенератор нормальной земной моделью.

— В этом нет необходимости.

— Нет?

— Нет. — В голосе Кэсвела звучала твердость. — Терапия, начатая машиной, побудила меня провести глубокий самоанализ. В момент полного проникновения в собственное сознание мне удалось переоценить и отбросить мое намерение убить бедного Мэгнесена.

Рэт недоверчиво наклонил голову.

— Вы не испытываете сейчас такой потребности?

— Нисколько.

Рэт насупился, хотел что-то сказать, но остановился. Он повернулся к Фолансби и Хэскинсу.

— Заберите машину. Я с вами еще поговорю в магазине.

Управляющий и продавец подняли Регенератор и вышли.

Рэт сделал глубокий вдох.

— Мистер Кэсвел, я бы вам весьма рекомендовал принять бесплатно новый Регенератор от Компании. Без правильного лечения методом механотерапии сохраняется опасность возобновления процесса.

— В данном случае опасности нет, — мягко, но твердо сказал Кэсвел. — Благодарю вас за заботу, сэр. Спокойной ночи.

Рэт пожал плечами и направился к двери.

— Погодите! — крикнул Кэсвел.

Рэт обернулся. Кэсвел вытащил руку из кармана. В руке был револьвер. Рэт почувствовал, как струйки пота стекают под мышками. Он прикинул расстояние между собой и Кэсвелом. Слишком далеко.

— Возьмите, — сказал Кэсвел, протягивая револьвер рукояткой вперед. — Мне это больше не понадобится.

Рэт с равнодушным выражением лица принял револьвер и засунул его в свой бесформенный карман.

— Спокойной ночи, — сказал Кэсвел. Он закрыл за Рэтом дверь и запер ее.

Наконец он остался один.

Кэсвел прошел на кухню. Откупорил бутылку пива, сделал большой глоток и сел за кухонный стол. Он не спускал глаз с точки, находившейся немного выше и левее стенных часов.

Он должен разработать свой план сейчас. Времени терять нельзя.

«Мэгнесен! Злое чудовище, срубившее горику Кэсвелов! Мэгнесен! Человек, который тайно собирается заразить Нью-Йорк отвратительной фим-манией! О, Мэгнесен, желаю тебе

долгой-долгой жизни, полной мучений, которые я тебе принесу! И для начала...»

Кэсвел улыбнулся, представив, как он будет дварковать Мэгнесена влендишным способом.

СЧАСТЛИВЧИК

Я здесь поразительно хорошо обеспечен. Но не забывайте, что я человек везучий. И то, что оказался в Патагонии, — чистейшее везение. Понимаете, дело тут не в протекции и не в моих способностях. Я очень неплохой метеоролог, но могли послать кого-нибудь и получше меня. Просто мне необыкновенно повезло, и я оказался в нужном месте в нужное время.

Если призадуматься, то сам факт, что армия снабдила мою метеостанцию едва ли не каждым известным людям приспособлением, тоже граничит с чудом. Старались они, разумеется, не ради меня. Военные планировали основать здесь базу. Они завезли оборудование, но позднее им пришлось забросить весь проект.

Но я тем не менее продолжал посылать прогнозы погоды — до тех пор, пока они им требовались.

Зато какие у меня устройства и приборы! Наука всегда меня восхищала. Полагаю, я тоже в некотором роде ученый, но не исследователь, а в этом и кроется разница. Попросите исследователя сделать что-либо невозможное — и он примется за работу, причем непременно добьется успеха. Я их очень уважаю.

По-моему, все началось так. Некий генерал собрал, должно быть, ученых и сказал:

— Парни, нам здорово не хватает специалистов, а заменить их ну никак невозможно. Нужно, чтобы с их работой справлялся кто угодно, даже полный неумеха. Что, нереально? А не придумаете ли вы что-нибудь?

И ученые честно принялись за дело, создавая все эти поразительные книги и устройства.

К примеру, на прошлой неделе у меня разболелся зуб. Сперва я решил, что попросту простудился, потому что здесь пока еще довольно холодно, даже когда извергаются вулканы. Но зуб оказался действительно больным. Тогда я распаковал зубоврачебный агрегат, настроил его и прочитал то, что полагалось прочесть. Я сам провел полное обследование, отыскал и больной зуб, и полость в нем. Потом сделал себе инъекцию, прочистил зуб и поставил пломбу. У дантиста уходят годы на то, что я по необходимости усвоил за пять часов.

Теперь возьмем еду. Поначалу я до безобразия растолстел,

потому что мне, кроме передачи прогнозов погоды, совершенно нечем было заняться. Но когда я перестал их посылать, я научился готовить себе такие обеды, которым позавидовал бы лучший шеф-повар в мире. Кулинария считалась искусством, но как только за нее взялись ученые, они превратили ее в науку.

И такие примеры я могу приводить долго. Многое из того, чем меня снабдили, попросту мне не нужно, потому что сейчас я совершенно один. Но каждый способен стать опытным адвокатом, прочитав имеющиеся у меня справочники. Они написаны так, что любой человек среднего ума способен отыскать в них разделы, необходимые для успешной защиты судебного дела, и понять их смысл — ведь они написаны простым и ясным языком.

Никто еще не пытался подать на меня в суд, потому что мне всю жизнь везло. Но иногда мне хочется, чтобы такое случилось, — просто чтобы испробовать написанное в тех книгах.

Совсем другое дело — строительство. Когда я сюда прибыл, мне пришлось ютиться в сборной хибаре из гофрированного железа. Но я распаковал несколько восхитительных строительных машин и отыскал материалы, которые под силу обработать каждому. Я построил себе пятикомнатный, непробиваемый бомбами дом с выложенной кафелем ванной. Кафель, разумеется, не настоящий, но на вид достаточно похож, к тому же его на удивление легко укладывать. А когда прочитаешь инструкцию, изготовить ковры во всю стену тоже совсем просто.

Больше всего меня удивила канализация в моем доме. Мне она всегда казалась сложнейшей в мире вещью — даже сложнее, чем медицина или стоматология. Но и с ней я справился запросто. Возможно, по профессиональным стандартам конструкция получилась не очень совершенной, но меня она устраивает. А цепочка фильтров, стерилизаторов, очистителей и прочих приспособлений обеспечивает меня водой, в которой не сыщешь даже самого устойчивого микроба. И устанавливал я их сам.

Временами мне здесь становится одиноко, и тут ученые мало что смогли сделать. Ничто не заменит общество другого человека. Но кто знает, если бы ученые-исследователи попробовали всерьез, глядишь, и смогли бы выдумать нечто такое, что скрасило бы полное одиночество оказавшегося в изоляции парня вроде меня.

Поговорить мне совершенно не с кем — даже с патагонцами. После нескольких цунами они — те немногие, кто уцелел, — перебрались на север. А музыка — утешение слабое. Впрочем, я из тех, кто не очень-то возражает против одиночества. Наверное, поэтому меня сюда и послали.

Но жаль, что не осталось хотя бы парочки деревьев.

Живопись! Я забыл упомянуть о живописи! Все знают, насколько это сложно. Нужно досконально разбираться в перспективе и линиях, цвете и массе и еще во всякой всячине. Практически, нужно быть гением еще до того, как вы сумеете сделать что-то стоящее.

Я же просто подобрал кисти, натянул холсты и теперь могу рисовать все, что мне нравится. Все необходимые действия описаны в книге. А какие впечатляющие местные закаты я написал маслом! Они достаточно хороши даже для выставки. Таких закатов вы никогда не видали! Пылающие цвета, изумительные, просто невозможные образы. Причиной тому пыль в атмосфере.

И слух у меня улучшился. Разве я не говорил, что я везучий? После первого взрыва у меня лопнули барабанные перепонки. Но я ношу слуховой аппарат — такой маленький, что его почти не видно, — и слышу лучше прежнего.

Вот хороший повод поговорить о медицине — нигде наука не поработала так здорово. Книги подсказывают мне, как поступить в любой ситуации. Я сам вырезал себе аппендикс — несколько лет назад подобное считалось невозможным. Мне достаточно было отыскать нужные симптомы, выполнить все указания — и дело сделано. Я вылечил себя от всяческих болезней, но против радиационного отравления, конечно же, ничего сделать не в состоянии. Впрочем, книги тут не виноваты. Просто никто не в силах справиться с радиационным отравлением. И будь со мной лучшие в мире специалисты, они тоже оказались бы бессильны.

Если бы такие специалисты остались. Их, разумеется, больше нет.

Но все не так уж и плохо. Я знаю, что нужно делать, и поэтому боли не испытываю. Только не подумайте, будто мне изменило везение. Просто не повезло всем.

Что ж, если подвести итоги, сказанное мною не очень-то назовешь кредо — что, в общем-то, подразумевалось. Наверное, стоит проштудировать руководство о том, как писать книги. Тогда я узнаю, как можно выразить все свои мысли, а заодно и то, какие слова тут больше подходят. То есть что я думаю о науке и как я ей благодарен. Мне тридцать девять лет. Я прожил дольше, чем любой из нас, — пусть даже я завтра умру. Но лишь потому, что я везучий и оказался в нужном месте в нужное время.

Наверное, не стану все-таки тратить время на книгу — все равно ее некому будет читать. Кому нужен писатель без читателей?

Фотография — гораздо более интересное занятие.

Кстати, пора распаковать кое-какие инструменты. Нужно выкопать могилу, построить мавзолей и высечь себе надгробие.

ГЛУБОКИЙ СИНИЙ СОН

В дверь Герстона резко постучали, а в следующую секунду бешено загремел колокольчик. Судя по всему, пришедший намеревался звонить до победного конца. Худший момент для визита было трудно придумать, ибо Герстон как раз намеревался погрузиться в «Уют-Комфорт» — программу Глубокого Синего Сна, разработанную добрыми людьми из Бюро Бессознательных Приключений для любителей поразвлечься в часы, на которых обычно принято ставить крест.

Подумать только: во время сна можно испытать настоящие возбуждение, восторг, любовь и смех! Многое изменилось с тех пор, когда каждые сутки людям приходилось укладываться в темной комнате часов на восемь и переводить сознание в режим ожидания.

Человечество совсем недавно вырвалось из плена сна, своего древнейшего врага, вынуждавшего людей проводить третью часть жизни в бессмысленном и отупляющем валянии в постели. Взамен они получали смутные и чаще всего неудовлетворительные образы, которые могли с грехом пополам объяснить только высокооплачиваемые специалисты.

Затем наступило время программ Глубокого Синего Сна. В загадочное королевство Сознания смогли заглянуть простые смертные. Для этого больше не требовался университетский диплом по специальности «психоделическая психология».

В причудливом новом мире можно было даже разбогатеть. Лучше всего, конечно, на какой-либо руководящей должности. Если же все хлебные места оказывались заняты, всегда находилась работенка попроще. Последнее обстоятельство особенно радовало тех, кто не мог ничего заработать в бодрствующем состоянии.

Возможности путешествия внутрь самого себя оказались поистине безграничны. При помощи автоматической электронной службы, доступной по цене практически всем гражданам среднего класса, люди могли подключиться к «Уют-Комфорту» и отправить собственную душу странствовать по Персональному Коридору Сна, что заканчивается у самых Врат Смерти (высоких и железных, если верить большинству описаний).

Как правило, от желающих совершить путешествие не было отбоя, наиболее отважные парочки мечтали зарегистрировать свой брак в Зоне Забвения. Как бы то ни было, задерживаться у самых Врат не рекомендовалось. Компания до сих пор не добилась полного контроля над Смертью. Никто не давал гарантии безопасности, хотя, конечно, предпринимались все мыслимые и немыслимые меры предосторожности.

Герстон не собирался осматривать Врата Смерти, приберегая это развлечение до более мрачных времен. Водопад Творческих Устремлений он тоже пропустил, справедливо рассудив, что творчество может подождать. Ему вообще никуда не хотелось торопиться. Не хотелось даже видеть павильон Вечной Жизни. Между тем компания сварганила поистине гигантскую медузу, едва поместившуюся в одной из неглубоких лагун южной Флориды. Медуза представляла собой единое целое, состоящее из жизненной энергии тысяч, а в скором времени и миллионов подписчиков, пожелавших провести вечность в относительном комфорте.

Пребывающим в медузе предоставлялись определенные развлечения. За небольшую доплату служба Рискованных Прогулок время от времени устраивала для подписчиков персональные забавы, а затем осчастливленное индивидуальное сознание возвращалось в бессмертную желеподобную массу.

Много чего интересного можно было делать во время сна. Существовал даже перечень так называемых Дополнительных Услуг, стоивших несколько дороже. Одно из таких развлечений и выбрал для себя Герстон. Ему действительно хотелось совершить приятное путешествие внутрь себя. Все было готово, когда в дверь неожиданно постучали.

Звонок загремел с новой силой, и Герстон крикнул:

— Кто там?

— Мыслеграмма для мистера Грамптона.

— Герстона?

— Как я сказал.

— От кого? — спросил Герстон. Он вел спокойную жизнь и крайне редко получал мыслеграммы, равно как и интуитив-вспышки.

— Слушай, приятель, может, ты еще хочешь узнать, какого она цвета и чем пахнет? Давай-ка принимай и разбирайся сам. Уловил мою мысль?

Герстона всегда коробила грубость так называемого низшего сословия. Если бы он не ответил, парень, конечно бы, ушел. Но Герстону вдруг стало интересно, кто послал ему мыслеграмму, поэтому он снял цепочку и открыл дверь. На пороге стоял невысокого роста тип в униформе и кепке с надписью «Служба передачи мыслей «Меркурий».

— Надо расписаться? — поинтересовался Герстон.

— Не надо. Подтвердите прием мысленно. У меня чувствительный прибор вот в этой кожаной сумочке.

Герстон подтвердил прием, после чего почтальон проворчал «Получайте» и прикоснулся к его лбу передающим пальцем.

Герстон почувствовал знакомую вспышку передачи мысли и подождал, пока она оформится в его сознании.

Между тем ничего не оформлялось. Вместо мысли он вдруг ощутил неясное внутреннее движение. Ему потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что происходит. В голове двигалось и шевелилось нечто постороннее.

Ощущение было щекочущим и непривычным. Герстон не находил ему словесного объяснения. Кто-то находился в его сознании!

— Привет! — произнес наконец женский голос внутри его головы.

— Что? — опешил Герстон.

— Я сказала «привет».

— Да, но кто вы?

— Я — Мира.

— Мне это должно о чем-то говорить?

— Вы же меня сами сюда пригласили. Не помните?

— Я? — нахмурился Герстон. — Что-то тут не так. Может, напомните какие-нибудь подробности?

— Вы написали мне письмо. Там были такие слова: «Если окажетесь в наших краях, заходите». Очень, знаете ли, похоже на приглашение.

— Боюсь, не припомню ничего подобного, — пробормотал Герстон. — Не понимаю, почему вы не захотели посетить меня каким-нибудь более подходящим способом.

— Мне показалось, что так веселее.

— Понятно.

— Вам не понравилось?

— Ну...

— Выходит, я ошиблась. Вы можете подать на меня в суд. Мне придется покончить с собой.

— Послушайте, Мира, не говорите глупостей. Разумеется, я рад вас видеть. Хотя слово «видеть» не вполне соответствует данной ситуации. Просто мне редко приходилось принимать гостей у себя в голове.

— Вам никогда не бывает одиноко?

— Бывает, конечно. Только я до сих пор...

— Знаю: вы не привыкли к гостям в голове. Не волнуйтесь. У меня нет привычки задерживаться там, где меня не ждали. Куда делся посыльный? Он обещал за мной вернуться. По крайней мере, так мне показалось. Вообще-то его трудно понять, правда?

— А вы сделали вид, что поняли?

— Сделала. Я не люблю обижать людей, Гарольд.

— Как вы меня назвали?

— Гарольд, конечно.

— Я не Гарольд.

— Что значит — «не Гарольд»?

— Слушайте, мне лучше знать, как меня зовут. Мое имя Сид.

— Сид? А фамилия?

— Сид Герстон, конечно.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Значит, вы не Гарольд Гристон?

— Нет!

— Выходит, этот идиот доставил меня не по адресу!

Наступила пауза, в течение которой Герстон пытался обдумать ситуацию. Наконец он произнес:

— Ладно, раз уж вы здесь, устраивайтесь поудобнее.

— Спасибо. — В сознании Герстона возникло непонятное движение, после чего раздался звук, словно кто-то плюхнулся в кресло. — А у вас тут неплохо.

— В общем-то это всего-навсего сознание, но я стараюсь держать его в чистоте. Кое-кто, может быть, посчитает меня аскетом.

— Кем?

— Суровым и воздержанным человеком.

— Нет, мне в самом деле здесь нравится. У вас, наверное, много книг?

— Да, я считаю, иметь в сознании библиотеку чрезвычайно важно.

— Почему некоторые названия расплываются, когда я пытаюсь их прочесть?

— Такое происходит с названиями книг, до которых я так и не добрался.

— А что у вас здесь? Кухня?

— Скорее виртуальная кухня. Мне показалось забавным держать в голове виртуальную кухню.

— Но что вы в ней делаете?

— Ну, в ней можно поесть. Достаточно прочитать понравившийся рецепт.

— Вот это книга! Какая большая!

— Кулинарная энциклопедия. Здесь собраны все рецепты, известные с основания мира. Полагаю, вы догадались, что это весьма подробное издание?

— Дорогое, наверное?

— Да, но книга того стоит, если учесть, что в ней предусмотрена опция продолжительности еды. Вы можете выставить режим «Длительности переваривания» от пяти наносекунд до

восемнадцати часов, если вам действительно хочется насладиться пищей. Кроме того, на шкале «Интенсивности» существует уровень наслаждения — последнее новшество, до этого года о нем никто и не слышал. Позволяет по-настоящему насладиться хорошей трапезой.

— Жаль, что я не голодна.

— Это совершенно не обязательно. У меня есть программа Виртуального Голода, которая придаст вам зверский аппетит в любой момент по вашему желанию.

— Знаете, я не хочу сейчас испытывать голод. Если позволите, я еще немного поброжу. А это что? Чулан для щеток?

— Я люблю чистоту.

— В сознании?

— Конечно. Виртуальная чистота важна не менее настоящей.

— А туалет у вас здесь есть?

— Что бы я делал с туалетом в своем сознании? А вам он зачем?

— Виртуальный туалет мне бы сейчас не помешал. А дверей-то сколько!.. А это что? Винтовая лестница? Интересно, куда она ведет?

— Не ходите туда!

— Не бойтесь. Мне всегда нравилось рассматривать мужские сознания. О! Это уже интересно. Чем ниже я спускаюсь, тем темнее становится.

— Остановитесь! Лестница ведет в тайники моей души. Вы что, не видите надписи? Там ясно сказано: «Уровень подсознания. Вход только профессиональным психотерапевтам!» Буду признателен, если вы не станете соваться в мои личные дела.

— Бросьте, не будьте таким занудой. Я уже спустилась. Только взгляну, что тут у вас за этой маленькой дверцей...

— Не прикасайтесь к ней!

— Да не волнуйтесь вы так! Неужели вы думаете, что у вас там такое, чего я раньше не видела?

— НЕМЕДЛЕННО ЗАКРОЙТЕ ДВЕРЬ!

Послышался виртуальный звук открываемой двери. Затем Мира воскликнула:

— Крек!

— Простите? — переспросил Герстон.

— Так всегда говорил мой бывший муж, когда наталкивался на очередную мерзость. По-моему, это тот самый случай.

— Я не собираюсь разговаривать на эту тему.

— Еще бы. А вы, оказывается, грязный тип.

— Я совершенно нормальный человек. У всех мужчин есть в подсознании подобные уголки.

— Мне кажется, вы мало что знаете о мужском сознании. Последний раз я была в голове, которая представляла собой одну большую комнату. А, как вам? Ни чердаков, ни подвалов. Более того, комната была совершенно пустой, за исключением кучи мусора в углу. И что, по-вашему, это было?

— Расчлененные женские трупы?

— Причиндалы для игры в гольф! Вы потрясены?

— Не вижу в этом ничего забавного. Убирайтесь из моего подсознания!

— Одну минуту.

— Что вы еще задумали?

— Осматриваюсь... Вот эта дверь... Она ведет в «Центр удовольствий»! Я знала, что он у вас есть! У каждого человека имеется нечто подобное!

— Оставьте мой «Центр удовольствий» в покое! И что значит «у каждого имеется»?

— Ну... во всех головах, где мне приходилось побывать, был свой «Центр удовольствий».

— И что же вы делали в «Центрах удовольствий» других мужчин?

— Ну, как вам сказать? Когда вас приглашают провести время в «Центре удовольствий», не принято расспрашивать, что вы там будете делать.

— Не понимаю.

— Хотите, чтобы я вам все-все рассказала?

— Нет уж, увольте. Зачем вы вообще этим занимаетесь?

— Да как вам объяснить? В принципе, это моя работа.

— Первый раз слышу о такой работе!

— Вы ведете слишком уединенный образ жизни.

— И все-таки, что вы делаете в головах мужчин?

Возникла пауза, после которой Мира произнесла:

— Послушайте, давайте не будем об этом.

— Нет, нет, скажите.

— Вам, скорее всего, не понравится... Ну, ладно. Как правило, мужчина просит меня присесть, устроиться поудобнее и все такое. Некоторые предлагают выпить. Алкоголь, разумеется, тоже виртуальный, но обстановку разрядить помогает. Порой дают сигаретку с марихуаной или понюшку кокаина.

— Это запрещено законом.

— Настоящий кокаин запрещен, виртуальный — нет.

— А потом что?

— Немного дурачимся.

— Что значит «дурачимся»? Телесный контакт все равно невозможен. Чем можно заниматься в голове?

— Я пытаюсь вам объяснить. А это что?

— Подождите! Что вы еще задумали?

— Здесь все такое нежное и розовое... Так хочется прикоснуться...

— Ничего не трогайте!

— Что с вами? Не любите, когда вас гладят?

— Я не люблю, когда ко мне прикасаются люди, которые проникли без разрешения в мое сознание! Что вы делаете?

— Здесь так приятно. Знаете, я, наверное, немного вздремну. Я тебя ненадолго оставлю, любимый.

Герстон пребывал в состоянии чрезвычайного нервного волнения. Он не знал, что делать.

Как назло, именно в этот момент кто-то принялся яростно колотить в дверь. Причем не в виртуальную, а в реальную дверь квартиры. По глухому и решительному стуку Герстон безошибочно определил, что его ожидают еще бóльшие неприятности.

— Я занят! — крикнул он. — Уходите.

— Открывайте! — произнес незнакомый голос. — Иначе мы выбьем дверь. Полиция Мысли.

— Никогда не слышал о Полиции Мысли. Вы уверены...

— Конечно уверен, болван. Открывай дверь, иначе я развалю вначале ее, а потом и твой лоб.

— Не имеете права! — завопил Герстон. — Это нарушение закона!

— Никаких нарушений. У нас ордер на вход в жилище и еще один на проникновение в сознание.

— Но почему?

— По нашей информации вы укрываете у себя опасного преступника.

— В квартире?

— Не строй из себя дурачка, парень. Ты прячешь ее в сознании.

На мгновение паника уступила место удивлению. Откуда они узнали?

— Не надо горячиться, — произнес Герстон, стараясь выиграть время. — Я бы никогда этого не сделал.

— Нам точно известно, что она там. Пришелец с далекой планеты, сексуальная преступница, называющая себя Мирой. Ты меня слышишь? Сделай одолжение, дружище. Я понимаю, что твоей вины здесь, может, и нет. Позволь нам войти, и мы постараемся все быстро уладить.

— Клянусь, я понятия не имел, что она преступница, — произнес Герстон деревянным голосом. — Хорошо, входите.

Он открыл дверь, и трое здоровяков полицейских в темно-

синей форме ввалились в квартиру. На серебряных жетонах было написано: «Полиция Мысли. Третий Отдел». У одного были сержантские нашивки.

— Не возражаете, если мы войдем? — спросил сержант, постукивая толстым пальцем по лбу Герстона.

— Не возражаю, вы ведь все равно это сделаете.

Двери в сознание Герстона отворились. Трое полицейских в виртуальных черных кожаных куртках и сапогах вошли внутрь. На сапогах была грязь, на лицах застыло мрачное выражение. Несмотря на виртуальность, полицейские были явно несколько растеряны.

— Пожалуйста, поскорее! — крикнул Герстон. — Вас слишком много!

Полицейские принялись обыскивать сознание Герстона. Они сметали всяческий хлам с мнимых полок, срывали со стен портреты предков, о существовании которых он даже не подозревал. Сапоги оставляли глубокие отпечатки на розовом, чувствительном к царапинам сознании Герстона. Грубые слова полицейских клубились под потолком сознания, словно зловонные газы.

— Долго еще? — процедил Герстон сквозь зубы.

— Ничего, привыкай, — огрызнулся сержант.

Раздался грохот.

— Простите, шеф, — проворчал полицейский. — Уронил кубок за достижения в гольфе.

— Ее здесь нет, — доложил второй. — Мы осмотрели все, вплоть до грязной ямы со всяким дерьмом, которую этот недоумок считает глубинами своей души. Если бы она была здесь, мы бы ее не пропустили.

— Проклятие! — выругался сержант. — Опять ушла. Ладно, зато у нас есть этот неудачник.

Полицейские вышли из сознания Герстона. На покрытом красными жилками суровом лице сержанта застыло удивленное выражение.

Герстон открыл было рот, но осекся. Все вокруг замерло в неподвижности. Затем промелькнула вспышка света.

Полицейские исчезли. Герстон шумно сглотнул, пытаясь сообразить, что все это могло значить.

И тут в его голове прозвучали слова.

— Привет! — сказал чей-то голос. — Мы прервали ваше погружение в Глубокий Синий Сон, чтобы продемонстрировать новые возможности психических приключений. Понравилось ли вам то, что вы пережили? Хотите еще? Достаточно мыслен-

ного подтверждения. Квалифицированные операторы воспримут и обработают заказ, расходы будут отнесены на вашу кредитную карточку.

«Так вот в чем дело!» — подумал Герстон, закипая от возмущения.

— Я требую встречи с ответственным лицом! — заявил он вслух.

В сознании тут же появился высокий худощавый человек в блестящих очках.

— Администратор Олсон. Чем могу быть полезен? Возникли проблемы?

— Черт бы вас всех побрал! Проблемы действительно возникли! Я не выбирал никаких психических приключений. Я всего-навсего хотел немного вздремнуть! А даже если бы и захотел, какое вы имели право присылать эту Миру, чтобы она лазила по моему сознанию? А трюк с полицейскими?!

— Позвольте посмотреть ваше досье, сэр.

Администратор отыскал карту сознания Герстона, прочел ее и поставил на место.

— Все в полном порядке, сэр. Мы располагаем вашим согласием. Это же ваша подпись?

Герстон прищурился.

— Похоже. Но я никогда не соглашался на подобное!

— Соглашались, сэр. Мне бы не хотелось вам это доказывать, тем более что вы сами подписались на наши услуги.

— Нет, уж вы докажите!

— Это произошло незадолго до вашей смерти.

— Так я умер? — прошептал Герстон.

— Разумеется.

— Но как я мог умереть?

— Всякое бывает, — пожал плечами администратор.

— Если я умер, — пробормотал Герстон, — то почему я еще здесь?

— Существует много способов продлить жизнь умершего человека.

— Я не хочу умирать! — завопил Герстон.

— Пожалуйста, успокойтесь, сэр, иначе вы разбудите остальных.

— Остальных? Каких еще остальных?

Но администратор уже ушел, и свет начал помаленьку гаснуть.

Свет в его квартире? Или в сознании? Гаснуть? Вначале ему показалось, что он действительно умирает. Затем Герстон вспомнил, что уже умер. Или ему наврали? Но если это смерть, то что последует за ней? И как все-таки убедиться в том, что он умер?

Может, это продолжение очередного приключения во сне? Они бы так и поступили. Они бы так и сделали: сказали бы, что он умер, в то время как он всего лишь... всего лишь...

Герстон окончательно растерялся. *Ибо началось нечто совсем уж странное.*

ЧЕЛОВЕКОМИНИМУМ

У каждого своя песня, думал Антон Настойч. Хорошенькая девушка подобна мелодии, а бравый космонавт — грохоту труб. Мудрые старцы в Межпланетном бюро напоминают разноголосые деревянные духовые инструменты. Есть на свете гении, чья жизнь — сложный, богато инструментованный контрапункт, а есть отбросы общества, и их существование всего лишь вопль гобоя, заглушенный неутомимой дробью басового барабана.

Размышляя обо всем этом, Настойч сжимал в руке лезвие бритвы и рассматривал синие прожилки вен у себя на запястье.

Ибо если у каждого своя песня, то песню Настойча можно уподобить плохо задуманной и бездарно исполненной симфонии ошибок.

При его рождении чуть слышно зазвенели было колокольчики радости. Под приглушенный барабанный бой юный Настойч отважился пойти в школу. Он окончил ее с отличием и поступил в колледж, в привилегированную группу из пятисот учащихся, где в какой-то степени можно было рассчитывать на индивидуальный подход.

Однако Настойчу не везло от рождения. За ним тянулась непрерывная цепь мелких неприятностей — опрокинутые чернильницы, утерянные книги и перепутанные бумаги. Вещам была свойственна отвратительная привычка ломаться у него в руках, если не считать случаев, когда вещи ломали его руки. Добавьте к этому, что он переболел всеми детскими болезнями, в том числе скарлатиной, алжирской свинкой, фурункулезом, лисянкой, зеленой и оранжевой лихорадкой.

Все эти неприятности ни в коей мере не умаляли врожденных способностей Настойча, но в перенаселенном мире конкуренции на одних способностях далеко не уедешь. Нужно еще изрядное везение, а у Настойча его вовсе не было. Нашего героя перевели в обычную группу на десять тысяч студентов, где все проблемы усложнились, а шансы подхватить инфекцию повысились.

То был высокий, худой, мягкосердечный, трудолюбивый молодой человек в очках, которому (по причинам, не поддающимся анализу) врачи давно поставили диагноз «подвержен несчастным случаям». Какие бы там ни были причины, факт оставался фактом. Настойч относился к числу тех бедняг, для которых жизнь трудна до невозможности.

Большинство людей скользит по жизненным джунглям с легкостью крадущейся пантеры. Но для Настойча эти джунгли на каждом шагу кишели капканами, западнями и ловушками, ядовитыми грибами и жестокими хищниками, разверзались внезапными пропастями и разливались непреодолимыми реками. Безопасного пути нет. Все дороги ведут к беде.

Годы учения в колледже юный Настойч кое-как преодолел, невзирая на замечательный талант ломать ноги на винтовых лестницах, растягивать сухожилия, спотыкаться о тумбы, ушибать локти в турникетах, разбивать очки о зеркальные стекла окон и вообще проделывать все прочие грустные, нелепые и тягостные трюки, которые выпадают на долю людей, подверженных несчастным случаям. Он мужественно устоял перед соблазном впасть в ипохондрию и силился бороться с неудачами.

Окончив колледж, Настойч взял себя в руки и попытался вновь утвердить светлую тему надежды, некогда намеченную его дюжим отцом и нежной матерью. Под барабанную дробь и переливы струн ступил Настойч на остров Манхэттен, чтобы стать кузнецом собственного счастья. Он упорно трудился, стремясь побороть свою злую судьбу, склонность к несчастьям, и, несмотря ни на что, хотел остаться оптимистом.

Однако злая судьба брала свое. Благородные аккорды выливались в невнятное бормотание, и симфония жизни Настойча докатилась до уровня комической оперы. Работу за работой терял он в потоке испорченных диктофонов и залитых чернилами договоров, забытых карточек и перепутанных таблиц; в мощном крещендо ребер, сломанных в толкотне подземок, ступней, вывихнутых в решетках тротуаров, очков, разбитых о незамеченные углы, в череде болезней (в том числе — гепатита Д, марсианского гриппа, венерианского гриппа, синдрома пробуждения и смешливой лихорадки).

Настойч по-прежнему противился искушению стать ипохондриком. Во сне он видел космос и смельчаков с квадратными подбородками, завоевывающих новые земли, видел поселения на дальних планетах и бескрайние просторы свободных земель, где вдали от чахлых игрушечных джунглей Земли человеку воистину дано познать самого себя. Он подал заявление в Бюро межпланетных путешествий и поселений и получил отказ. Нехотя он отмахнулся от мечты и снова попытал свои силы в разных областях. Одновременно он прибегал и к психоанализу, и к гипнотическому внушению, и к гипнотическому гипервнушению, и к снятию противовнушения, но все понапрасну.

У каждой симфонии есть свой финал, а у каждого человека — свой предел. Тридцати четырех лет от роду, в три дня вылетев с работы, которую искал два месяца, Настойч распрощался с надеждами. Эту неудачу он считал заключительным, комическим, диссонирующим ударом медных тарелок — последней почестью тому, кому лучше было бы и не появляться на свет.

Получив с мрачным видом свои жалкие гроши, Настойч обменялся последним робким рукопожатием с бывшим начальником и стал спускаться на лифте в вестибюль. В его мозгу уже мелькали мысли о самоубийстве: ему чудились колеса грузовика, газовые камеры, многоэтажные здания и быстроходные реки.

Лифт доставил его в необозримый мраморный вестибюль, где дежурили полисмены в форме и где целые толпы дожидались очереди на выход в город. Настойч пристроился в хвост и, пока не подошла его очередь, бездумно следил за измерителем плотности населения, стрелка которого подрагивала почти у самой отметки паники. На улице наш герой влился в могучий поток, текущий на запад, к жилому массиву, где обитал и он.

В его мозгу еще копошились мысли о самоубийстве, уже не такие лихорадочные, но облеченные в более конкретную форму. Настойч перебирал в уме различные способы и средства, пока не поравнялся со своим домом; тогда он отделился от толпы и скользнул в подъезд.

Настойч пробрался сквозь несметные полчища детишек, наводнявших коридоры, и попал в клетушку, выданную ему городскими властями. Он вошел, закрыл дверь, запер ее на ключ и вынул из бритвенного прибора лезвие. Улегшись на кровать и упершись ногами в противоположную стену, он стал рассматривать синие прожилки вен у себя на запястье.

Решится ли он? Способен ли проделать все чисто и быстро, без ошибок и сожалений? Или завалит и эту работу и его, исходящего криком от боли, поволокут в больницу — жалкое зрелище на потеху студентам-практикантам?

Пока он раздумывал, кто-то подсунул ему под дверь желтый конверт с телеграммой. Весть, которая подоспела как раз в решающую минуту и с такой мелодраматической внезапностью, показалась Настойчу крайне подозрительной. Тем не менее он отложил лезвие и поднял с пола конверт.

Телеграмма была из Бюро межпланетных путешествий и поселений — великой организации, ведающей каждым шагом человека в космосе. Настойч вскрыл конверт дрожащими пальцами и прочитал:

Мистеру Антону Настойчу
Временный жилищный массив 1993
Район 43825: Манхэттен 212, Нью-Йорк

Дорогой мистер Настойч!

Три года назад Вы обратились к нам с просьбой о предоставлении Вам любой должности на иных планетах. К сожалению, в то время мы были вынуждены ответить Вам отказом. Однако мы подшили в Ваше личное дело все анкетные данные, недавно пополнили их новейшими сведениями. Рад сообщить, что Вы хоть сейчас можете получить назначение, которое, видимо, полностью соответствует Вашим талантам и квалификации. Не сомневаюсь, что работа Вам подойдет, поскольку условия таковы: годовой оклад 20 000 долларов, все предусмотренные законом пограничные льготы и небывалые перспективы продвижения по службе.

Прошу Вас явиться ко мне для переговоров.

С искренним уважением
Уильям Гаскелл,
заместитель директора по кадрам
ВН/евт Здс.

Настойч бережно сложил телеграмму и спрятал в конверт. Первоначальное ощущение жгучей радости развеялось, уступив место дурным предчувствиям.

Какие у него таланты, какая квалификация для должности, приносящей в год двадцать тысяч да вдобавок еще и льготы? Не путают ли его с другим Антоном Настойчем?

Навряд ли. В Бюро попросту не случается таких накладок. Если же допустить, что там знают, с кем имеют дело, и осведомлены о злополучном прошлом Настойча, — так зачем он им понадобился? Что он умеет делать такого, чего не сделает гораздо лучше любой мужчина, женщина или ребенок?

Настойч сунул телеграмму в карман и положил бритву на место. Теперь самоубийство казалось несколько преждевременным. Сначала надо выяснить, чего хочет Гаскелл.

В главном административном корпусе Бюро межпланетных путешествий и поселений Настойча без задержки впустили в личный кабинет Уильяма Гаскелла. Заместитель директора по кадрам оказался рослым седым человеком с резкими чертами лица; он излучал радушие, которое Настойч счел подозрительным.

— Садитесь же, садитесь, мистер Настойч, — сказал Гаскелл. — Будете курить? Не хотите ли выпить? Страшно рад, что у вас нашлось время.

— Вы уверены, что обратились по адресу? — спросил Настойч.

Гаскелл бегло просмотрел досье, лежащее у него на столе.

— Сейчас выясним. Антон Настойч; возраст — тридцать

четыре года; родители — Грегори Джеймс Настойч и Анита Суоонс Настойч из Лейктауна, Нью-Джерси. Правильно?

— Да, — подтвердил Настойч. — И у вас есть для меня работа?

— Вот именно.

— Оклад двадцать тысяч в год и льготы?

— Совершенно верно.

— Не скажете ли, в чем заключается эта работа?

— Для этого мы здесь и сидим, — жизнерадостно ответил Гаскелл. — Освоители, знаете ли, — это люди, которые устанавливают контакты с другими планетами, первые поселенцы, которые собирают все жизненно необходимые сведения. Я считаю их Дрейками и Магелланами нашего века. Думаю, вы и сами согласитесь, что это блестящее предложение.

Настойч побагровел и встал:

— Если вы кончили издеваться надо мной, то я пошел.

— Что?

— Это я-то — внеземной освоитель? — проговорил Настойч с горьким смехом. — Не пытайтесь меня разыгрывать. Я читаю газеты. Мне известно, кто такие освоители.

— Кто же они такие?

— Цвет Земли, — выпалил Настойч. — Самый здоровый дух в самых здоровых телах. Люди с мгновенной реакцией, способные разрешить любую проблему, справиться с любой трудностью, приспособиться к любому окружению. Разве не так?

— Видите ли, — разъяснил Гаскелл, — *было* так — в начальном периоде освоения планет. И мы позволили такому стереотипному представлению укорениться в общественном сознании, чтобы привить доверие к нашей организации. Однако в настоящее время этот тип освоителя устарел. Для людей, которых вы описывали, есть уйма других дел. Но отнюдь не освоение планет.

— Разве вашим сверхлюдям оно не под силу? — спросил Настойч с легкой насмешкой.

— Ну что вы, конечно, под силу, — ответил Гаскелл. — Здесь нет никакого парадокса. Заслуги первооткрывателей остались непревзойденными. Эти люди только благодаря своему упорству и силе воли ухитрились выжить на всяких планетах, где существовала хоть ничтожная возможность жизни. Планеты требовали от них полной отдачи всех духовных и физических сил, и, выполняя свой долг, эти люди творили чудеса. Они навеки вошли в историю как памятник выносливости и приспособляемости homo sapiens.

— Почему же вы их больше не используете?

— Потому что изменились земные проблемы, — заявил

Гаскелл. — Поначалу освоение космоса было подвигом, достижением науки, мерой обороны, символом. Но эти дни миновали. Катастрофически росла перенаселенность Земли. В сравнительно пустынные земли Бразилии, Новой Гвинеи и Австралии хлынули миллионы... Однако бурный рост населения вскоре помог заполнить и эти земли. В крупных городах дошло до паники среди населения, разразились Субботние бунты. А население в связи с успехами гериатрии и дальнейшим резким снижением детской смертности неуклонно росло.

Гаскелл потер лоб.

— Неприятное было положение. Однако этические проблемы, связанные с приростом населения, меня не касаются. Мы здесь, в Бюро, знаем только одно: необходимы новые земли, да побыстрее. Нам нужны планеты, которые, не в пример Марсу и Венере, в кратчайший срок перешли бы на самоснабжение. Местности, куда можно перебросить миллионы людей, пока ученые и политические деятели не наведут порядок на Земле. Мы должны в кратчайший срок начать колонизацию новых планет. А это значит, что нужно ускорить процесс начального освоения.

— Все это мне известно, — вставил Настойч. — Но я по-прежнему не понимаю, с какой стати вы отказались от услуг оптимальных людей.

— Разве вам не ясно? Мы стали искать планеты, где могли бы осесть и выжить обыкновенные люди. Наших оптимальных освоителей никак нельзя назвать обыкновенными. Наоборот, они едва не породили новую, высшую расу. И они не могли судить, насколько те или иные условия пригодны для обыкновенных людей. Например, существуют мрачные, унылые, дождливые планеты, где средний колонист впадает в депрессию, близкую к помешательству; наш же оптимальный освоитель слишком здраво мыслит, чтобы беспокоиться из-за унылого климата. Микробы, уносящие тысячи жизней, в худшем случае доставляют ему несколько неприятных часов. Наш оптимальный освоитель легко избегает опасностей, которые могут привести колонию на край гибели. Он не способен мерить такие вещи обыкновенной меркой. Они его ничуть не затрагивают.

— Начинаю понимать, — пробормотал Настойч.

— Итак, наилучшим выходом, — продолжал Гаскелл, — явилось бы постепенное покорение планет. Сначала освоитель, за ним группа исследователей, потом испытательная колония, состоящая в основном из психологов и социологов, затем еще исследователи, которые анализируют сведения, накопленные другими группами, и так далее. Однако на все это вечно не хва-

тает времени и денег. Колонии нужны нам сейчас, а не через пятьдесят лет.

Мистер Гаскелл умолк и в упор взглянул на Настойча.

— Так вот, видите ли, нам необходимо получить немедленную информацию о том, удастся ли группе обыкновенных людей жить и преуспевать на новой планете. Вот почему мы стали предъявлять к освоителям другие требования.

Настойч кивнул:

— Обыкновенные освоители — для обыкновенных людей. Но все же я хочу выяснить один вопрос.

— Пожалуйста.

— Насколько хорошо вы знаете мое прошлое?

— Весьма хорошо, — заверил его Гаскелл.

— В таком случае, вы, может быть, заметили, что мне свойственна склонность к несчастным случаям. Если говорить начистоту, мне и здесь-то, на Земле, с трудом удается выжить.

— Знаю, — с удовлетворением подтвердил мистер Гаскелл.

— Каково же мне придется на неведомой планете? И зачем вам нужен именно я?

Мистер Гаскелл, очевидно, почувствовал некоторую неловкость.

— Видите ли, ваша формулировка «обыкновенные освоители — для обыкновенных людей» неверна. Дело далеко не так просто. Колония состоит из тысяч, а зачастую из миллионов людей с совершенно разными потенциалами жизнеспособности. Гуманизм и законность требуют, чтобы всем им был предоставлен шанс в борьбе. А в людей надо вселить уверенность еще до того, как они расстанутся с Землей. Мы должны убедить их — и закон, и самих себя, — что даже самые слабые получат шанс выжить.

— Продолжайте, — попросил Настойч.

— Поэтому, — скороговоркой докончил Гаскелл, — несколько лет назад мы отказались от открывателей типа «человекооптимум» и перешли на тип «человекоминимум».

Некоторое время Настойч молча усваивал это сообщение.

— Значит, я вам нужен, потому что там, где могу жить я, проживет каждый.

— Ваши слова более или менее подытоживают нашу точку зрения, — ответил Гаскелл с доброжелательной улыбкой.

— А какие шансы будут у меня?

— Некоторые наши минимально жизнеспособные освоители справились с задачей очень успешно.

— А другие?

— Конечно, есть риск, — признался Гаскелл. — Не говоря уже о потенциальных опасностях, которые таятся в самих планетах, есть и прочие осложнения, связанные со спецификой эксперимента. Я не могу сказать вам, в чем они заключаются, — иначе пропадет единственный элемент, позволяющий нам управлять испытанием на минимальную жизнестойкость. Я просто ставлю вас в известность, что они есть.

— Не очень-то веселая перспектива, — сказал Настойч.

— Возможно. Но подумайте о том, какая вас ждет награда, если вы все преодолеете! Вы же фактически станете отцом-основателем колонии! Как эксперту вам цены не будет. Вы займете прочное место в жизни общины. И, что не менее важно, вам удастся развеять свои тайные сомнения касательно собственного места в мироздании.

Настойч нехотя кивнул:

— Объясните мне, пожалуйста, вот что. Ваша телеграмма пришла сегодня в особенно критический момент. Можно было подумать, будто...

— Да, это специально, — подхватил Гаскелл. — Мы установили, что нужные нам люди наиболее сговорчивы, когда находятся в известном психологическом состоянии. Мы тщательно следим за теми немногими, кто соответствует нашим требованиям, и ждем благоприятного момента, чтобы выступить со своими предложениями.

— Часом позже получилось бы не совсем удобно, — заметил Настойч.

— А днем раньше бесполезно. — Гаскелл встал из-за стола. — Не разделите ли вы со мной ленч? Мы могли бы обсудить с вами остальные детали за бутылкой вина.

— Ладно, — ответил Настойч. — Но учтите, пока я ничего не обещаю.

— Само собой, — согласился Гаскелл и пропустил его вперед.

После ленча Настойч погрузился в тяжкое раздумье. Его страшно влекла работа освоителя, несмотря на связанный с ней риск. В конце концов, она не более опасна, чем самоубийство, а оплачивается гораздо лучше. Если он выйдет победителем, награда будет велика; в случае неудачи он заплатит не дороже, чем собирался платить здесь, на Земле.

На Земле за тридцать четыре года он не слишком преуспел. До сих пор, если у него и были проблески способностей, их заглушала непреодолимая тяга к болезням, несчастным случаям и грубым промахам.

Однако Земля перенаселена, здесь царят хаос и смятение. Быть может, подверженность несчастным случаям не врожденный порок, а результат невыносимых условий.

Освоение планет перенесет Настойча в новую среду. Он бу-

дет один, будет зависеть только от самого себя и отвечать только перед самим собой. Это дьявольски опасно... но что может быть опаснее сверкающего лезвия бритвы в собственной руке?

Это будет величайшее усилие в его жизни, конечное испытание. Он станет бороться с собственными роковыми наклонностями, как никогда. На этот раз он бросит в бой всю свою силу и решимость и будет сражаться до последнего вздоха.

Он принял предложенную работу. В последующие недели, предоставленные ему для подготовки, он питался и упивался своей решимостью, спал с ней, слушал ее стук в мозгу и чувствовал, как она вплетается в его нервы; бормотал ее себе под нос, как буддийскую молитву, видел ее во сне, чистил ею зубы и мыл руки, размышлял о ней, пока она не зажужжала монотонным припевом в его сознании во сне и наяву и не стала постепенно контролировать и сдерживать все его поступки.

И вот пришла пора Настойчу отправиться в годичную командировку на перспективную планету в Восточном звездном секторе. Гаскелл пожелал ему счастливого пути и обещал держать с ним связь по Г-фазному радио. Настойча вместе со снаряжением погрузили на сторожевой корабль «Королева Глазго», и путешествие началось.

В течение нескольких месяцев, пока длился космический перелет, Настойч как одержимый думал о принятом решении. Он тщательно следил за собой в условиях невесомости, отдавал себе отчет в каждом своем поступке и перепроверял все движущие им мотивы. Из-за такого непрерывного контроля Настойч стал делать все гораздо медленнее; но постепенно контроль вошел в привычку... Образовался комплекс новых рефлексов, который начал вытеснять прежнюю рефлекторную систему.

Однако путь к прогрессу был усеян терниями. Наперекор всем своим усилиям Настойч подцепил от дезинфицирующей установки какую-то экзему и разбил одну из десяти пар очков о переборку, его мучали бесчисленные головные боли, боли в спине, боли от исцарапанных пальцев рук и сбитых пальцев ног.

Тем не менее он чувствовал, что добился кое-какого успеха, и от этого сознания воля его, соответственно, крепла. И наконец на обзорном экране появилась планета.

Ее назвали буквой греческого алфавита — Тэтой. Настойча со всем снаряжением высадили на травянистой и лесистой возвышенности вблизи горного хребта. Планету обозревали с воздуха, и эту местность выбрали заранее из-за благоприятных условий. Вода, лес, плоды и полезные ископаемые — все находилось под боком. Такая местность могла бы стать отличной территорией для колонистов.

Астролетчики пожелали ему удачи и оставили одного. Настойч провожал их взглядом, пока корабль не скрылся за грядой облаков. Тогда Настойч взялся за работу.

Первым делом он привел в действие робота. Эта большая черная поблескивающая машина универсального назначения — стандартное оборудование для освоителей и поселенцев. Она не умела разговаривать, петь, читать стихи наизусть или играть в карты, как более дорогие модели. Она могла только кивать или покачивать головой — скучный партнер для того, чтобы коротать с ним год. Однако робот был запрограммирован на подчинение устным командам значительной сложности, на выполнение тяжелой «черной» работы и должен был проявлять находчивость в трудных положениях.

С помощью робота Настойч принялся разбивать в степи лагерь, не сводя глаз с горизонта в ожидании беды. Воздушная разведка не обнаружила признаков чужой культуры, но ведь этого никогда нельзя сказать наверняка. Животный мир Тэты оставался загадкой.

Настойч работал медленно и старательно, а бок о бок с ним трудился молчаливый робот. К вечеру был разбит временный лагерь; Настойч завел радарный механизм тревоги и улегся в постель.

Проснулся он перед самым рассветом от пронзительного сигнала. Он оделся и выскочил. В воздухе слышалось сердитое гудение, словно налетела саранча.

— Достань два лучемета, — сказал он роботу, — и быстренько возвращайся. Да прихвати с собой бинокль.

Кивнув, робот заковылял прочь. Настойч медленно повернулся и, дрожа от холода в сером рассвете, попытался определить направление звука. Он осмотрел сырую степь, зеленую опушку леса, скалы за лесом. Никакого движения. Но вот взошло солнце, и в его лучах Настойч увидел нечто похожее на темную, низко нависшую тучу. Туча быстро неслась к лагерю, хотя и двигалась против ветра.

Вернулся робот с лучеметами. Один из них взял сам Настойч, другой оставил роботу и приказал не стрелять без команды. Робот кивнул, и, когда он повернулся в сторону восходящего солнца, глаза его мрачно блеснули.

Туча подлетела совсем близко и оказалась несметной стаей птиц. Настойч внимательно рассмотрел их в бинокль. Величиной они были с земных ястребов, но неслаженным бреющим полетом напоминали летучих мышей. Настойч заметил мощные когти и длинные клювы, усеянные острыми зубами. Обладая столь смертоносным оружием нападения, птицы непременно должны быть хищными.

С громким клекотом стая описала круг над пришельцами. И вот со всех сторон на них напали птицы с выпущенными когтями и распростертыми крыльями.

Настойч приказал роботу открыть огонь.

Спина к спине они вместе отбивали птичью атаку. Батальоны птиц, скошенные огнем, в вихре крови и перьев падали оземь. Настойч и робот не сдавались, сдерживали натиск воздушных волков и даже обращали их в бегство. Но тут отказал лучемет Настойча.

По идее, лучеметы продавались заряженными и с гарантией на семьдесят пять часов непрерывной работы в автоматическом режиме. Лучемет не должен отказывать! По инерции Настойч продолжал тупо щелкать курком. Потом отбросил оружие и поспешил к палатке со снаряжением, предоставив роботу вести бой в одиночку.

Он разыскал два запасных лучемета и, вернувшись в бой, увидел, что теперь вышло из строя оружие робота. Бедняга отбивался от стаи руками. Он молотил по птицам, сбившимся в сплошную массу, и с его суставов стекали капли смазочного масла. Робот покачнулся, едва не потеряв равновесие, и Настойч заметил, что некоторые птицы увернулись от ударов и, облепив робота, нацелились клювами на глаза-фотоэлементы и кинестетическую антенну.

Подняв вверх оба лучемета, Настойч врезался в птичью стаю. Один лучемет отказал почти мгновенно. Настойч продолжал скашивать птиц последним оружием, моля судьбу о том, чтобы не кончился заряд.

Наконец стая, встревоженная понесенным уроном, с гомоном и криком полетела прочь. Чудом уцелевшие Настойч и робот остались стоять по колено в выщипанных перьях и обугленных тушках.

Настойч осмотрел четыре лучемета, из которых три оказались совершенно негодными, и в гневе направился к палатке связи.

Он вызвал Гаскелла и рассказал о нападении птиц и о том, как отказали три лучемета из четырех. Побагровев от ярости, он обличал тех, кто ведает снаряжением освоителей. Потом, переводя дыхание, стал ждать объяснений и извинений Гаскелла.

— Да это один из контрольных элементов, — отозвался Гаскелл.

— Чего?

— Я вам объяснял давным-давно, — сказал Гаскелл. — Мы ведем испытание в расчете на минимальную жизнеспособность. Минимальную, помните. Нам надо знать, что случится с колонией, члены которой наделены полезными навыками неравномерно. Поэтому мы ищем наименьший общий знаменатель.

— Все это мне известно. Но вот лучеметы...

— Мистер Настойч, основать колонию, даже по принципу абсолютного минимума, стоит баснословно дорого. Мы предоставляем колонистам новейшее оружие и наилучшее снаряжение, но не можем заменить отказавшее или амортизированное оборудование. Колонистам приходится использовать незаменимые боеприпасы, подверженные поломкам и износу, пищевые продукты, которые приходят к концу или портятся...

— И все это вы мне дали с собой?

— Конечно. В целях контроля мы снабдили вас минимумом всего, что необходимо для жизни. Только так и можно судить, пригодна ли Тэта для колонизации.

— Это нечестно! Освоителям всегда дают все самое лучшее!

— Нет, — возразил Гаскелл. — В старину, разумеется, было именно так. Но теперь, когда мы проверяем наименьший потенциал, это относится не только к человеку, но и к снаряжению. Я ведь предупреждал вас, что работа сопряжена с риском.

— Предупреждали, — согласился Настойч, — но... Ладно, у вас есть в запасе еще какие-нибудь сюрпризы?

— В общем, нет, — ответил Гаскелл после секундной паузы. — Как и вы сами, ваше снаряжение характеризуется минимальной жизнеспособностью. Этим почти все сказано.

Настойч уловил в ответе некоторую уклончивость, но Гаскелл отказался дать подробное разъяснение. Они прервали связь, и Настойч вернулся к своему лагерю, в котором царил полный хаос...

Они с роботом перенесли лагерь в лес, чтобы укрыться от дальнейших птичьих налетов. Налаживая хозяйство заново, Настойч заметил, что добрая половина канатов перетерлась, электрические приборы перегорают один за другим, а на брезенте проступила плесень. Он старательно привел все в порядок, ободрав при этом костяшки пальцев и стерев ладони в кровь. Потом вышел из строя генератор.

Три дня Настойч искал повреждение, руководствуясь инструкцией на немецком языке, приложенной к генератору. Похоже было, что в генераторе все не соответствует схеме, и никакие меры не помогали. В конце концов Настойч случайно установил, что инструкция относится к совершенно другой модели. Тут он вышел из себя и лягнул генератор, чуть не сломав при этом мизинец на правой ноге.

Затем он взял себя в руки, еще четыре дня выяснял разницу между своим генератором и описанной моделью и наконец устранил неисправность.

Птицы обнаружили, что в лесу можно отвесно, камнем падать между деревьями и лагерем Настойча, хватать еду и скрываться, прежде чем на них успеют навести лучемет. Их налеты стоили Настойчу пары очков и серьезного ранения шеи. Кропотливо трудясь, он сплел сети и при помощи робота натянул их среди ветвей над лагерем.

Теперь птицы ничего не могли поделать. Наконец-то у Настойча нашлось время проверить пищевые припасы. Выяснилось, что часть обезвоженных продуктов плохо обработана на фабрике, а часть поросла отвратительными грибками местного происхождения. То и другое означало недоброкачественность. Если сейчас же не принять меры, то на зиму пищи не хватит.

Настойч проделал серию опытов с местными фруктами, злаками, овощами и ягодами. Среди них было несколько съедобных и питательных разновидностей. Он попробовал их и тотчас же покрылся живописной аллергической сыпью. Порывшись в медикаментах, он нашел лекарство от аллергии. Выздоровев, Настойч опять занялся опытами, чтобы обнаружить виновника болезни, но во время проверки конечных результатов к нему ворвался робот, перевернул пробирки и пролил незаменимые химикалии.

Пришлось Настойчу продолжать опыты на самом себе, после чего один вид ягод и два вида овощей он исключил из рациона как аллергены.

Однако фрукты были превосходные, а местные злаки давали отличный хлеб. Настойч собрал семена и поздней тэтанской весной поручил роботу пахать и сеять.

Робот без устали трудился на новых полях, а Настойч тем временем обследовал окрестности. Он нашел гладкие камни, на которых были нацарапаны знаки, похожие на цифры, и даже изображены деревья, тучи и горы. «Должно быть, на Тэте когда-то жили разумные существа, — подумал Настойч. — Вполне возможно, что они и сейчас населяют какие-то зоны планеты». Однако разыскивать аборигенов было некогда.

Осмотрев свои поля, Настойч увидел, что робот посеял семена на большей глубине, чем требовалось по программе. С этим урожаем пришлось распроститься, и следующий сев Настойч провел собственноручно.

Большая черная универсальная машина справлялась с поручениями, как и прежде. Однако движения робота становились все более конвульсивными, он не мог рассчитать своих сил. Тяжелые сосуды раскалывались в его лапах, а сельскохозяйственные орудия ломались. Настойч запрограммировал его на прополку полей, но пока пальцы робота рвали сорняки, его широкие плоские ноги вытаптывали ростки злаков. Принимаясь за колку дров, робот, как правило, ломал ручку топора. Когда робот входил, хижина сотрясалась, а дверь то и дело соскакивала с петель.

Настойча удивляла и беспокоила внезапная деградация робота. Починить его не было никакой возможности: робота охраняла заводская пломба, его могли ремонтировать только заводские техники, располагавшие специальными инструментами, запасными частями и знаниями. Настойчу же было доступно лишь одно — отказаться от услуг робота. Но тогда он остался бы в полном одиночестве.

Он программировал все более и более простые задачи, а на себя брал все больше и больше хлопот. И все же робот изнашивался. В один прекрасный вечер, когда Настойч обедал, робот склонился над плитой и опрокинул горшок с кипящим рисом.

Пустив в ход свои вновь открытые таланты жизнеспособности, Настойч отскочил в сторону, и кипящая масса попала ему не в лицо, а на левое плечо.

Это уже было слишком. Робот становился опасен. Перевязав ожог, Настойч решил выключить робота и в одиночку бороться за то, чтобы выжить. Твердым голосом произнес он команду — спать.

Робот лишь посмотрел на него и беспокойно заметался по хижине, не повинуясь одной из основных команд.

Настойч повторил приказ. Робот покачал головой и стал сваливать поленья у печи.

Что-то разладилось. Придется отключить робота вручную. Однако на черной глянцевой поверхности машины не было и следов выключателя. Тем не менее Настойч взял сумку с инструментами и приблизился к роботу.

Как ни странно, робот попятился от него и вытянул перед собой руки, словно обороняясь.

— Не двигайся! — крикнул Настойч.

Настойч колебался, недоумевая, что же творится с роботом. Машина не могла ослушаться приказа. Во все роботехнические устройства неизменно закладывается готовность к самопожертвованию.

Настойч подошел к роботу, полный решимости отключить его любой ценой. Робот подпустил человека совсем близко и замахнулся бронированным кулаком. Настойч увернулся от удара и запустил гаечным ключом в кинестетическую антенну робота. Тот поспешно втянул антенну внутрь и снова замахнулся. На сей раз бронированный кулак угодил Настойчу под ребра.

Настойч рухнул на пол, а робот, возвышаясь над поверженным противником, засверкал красными глазами и зашевелил железными пальцами. Антон закрыл глаза, ожидая, что робот

его добьет. Однако машина повернулась и вышла из хижины, разбив при этом замок.

Несколько минут спустя Настойч услышал, что робот как ни в чем не бывало рубит дрова и укладывает поленья в поленницу.

Воспользовавшись санитарным пакетом, Настойч перевязал раненый бок. Робот покончил с дровами и вернулся за дальнейшими инструкциями. Дрожащим голосом Настойч услал его к дальнему ручью за водой. Робот ушел, не выказав более никаких признаков агрессивности. Настойч потащился к рации.

— Не стоило и пытаться отключить его, — сказал Гаскелл, услыхав о происшествии. — Конструкция не предусматривает отключения вручную. Разве вы не заметили? Ради собственной безопасности не вздумайте затеять вторую попытку.

— А в чем дело?

— Дело в том, что... вы, наверное, сами успели догадаться... Робот служит при вас нашим контролером качества.

— Не понимаю, — пробормотал Настойч. — А зачем вам контролер качества?

— Неужели я должен повторять все с самого начала? — устало спросил Гаскелл. — Вас взяли на службу в качестве освоителя с минимальной жизнеспособностью. Не со средней, не с повышенной. С *минимальной*.

— Да, но...

— Не перебивайте. Помните ли вы, как прожили тридцать четыре года на Земле? Вас постоянно преследовали болезни, несчастные случаи и неудачи. Именно такое положение мы и хотели воспроизвести на Тэте. Но вы изменились, мистер Настойч.

— Во всяком случае, я *старался* измениться.

— Конечно, — согласился Гаскелл. — Мы этого ожидали. Большинство наших минимально жизнеспособных освоителей меняется. Сталкиваясь с новым окружением и заново начиная жизнь, они проявляют самообладание, какое им раньше и не снилось. Но это вовсе не то качество, на которое мы рассчитываем, и нам приходится как-то компенсировать такие перемены. Видите ли, далеко не всегда колонисты прибывают на планету с целью самоусовершенствования. В каждой колонии найдутся легкомысленные люди, не говоря уже о престарелых, немощных, слабоумных, бесшабашных, неразумных детях и так далее. Наши стандарты минимальной жизнеспособности гарантируют выживание каждого колониста. Теперь вам ясно?

— Вроде бы, — ответил Настойч.

— Потому-то нам и необходим контроль над вами, чтобы

предупредить появление в вас средней или высокой жизнеспособности, на которую мы не рассчитываем.

— Для этого при мне робот? — уныло вставил Настойч.

— Верно. Робот запрограммирован на осуществление проверки, верховного контроля над уровнем вашей жизнеспособности. Он откликается на вас, Настойч. Пока вы остаетесь в заданном диапазоне общей безопасности, робот всеми силами помогает вам. Когда же вы исправляетесь, становитесь более искушенным и жизнеспособным, реже страдаете от несчастных случаев, — поведение робота резко ухудшается. Он начинает ломать вещи, которые полагалось бы ломать вам, принимает неправильные решения, которые приняли бы вы...

— Это нечестно!

— Настойч, вы, кажется, думаете, будто у нас здесь санаторий или благотворительное общество. В таком случае вы ошибаетесь. От вас нужны лишь услуги, которые мы купили и оплатили. Услуги, которые — да будет мне дозволительно прибавить — вы предпочли самоубийству.

— Ладно! — прокричал Настойч. — Я ведь делаю свое дело. Но есть ли правило, запрещающее мне демонтировать проклятого робота?

— Вовсе нет, — более ровным тоном ответил Гаскелл, — если только это вам под силу. Однако я серьезнейшим образом не советую. Слишком опасно. Робот не даст вывести себя из строя.

— Это уж мне решать, а не ему, — буркнул Настойч и прервал связь.

На Тэте отцвела весна, и Настойч окончательно понял, что такое его помощник. Он приказал роботу обследовать дальние горы, но тот не пожелал расстаться с хозяином. Он попытался не давать роботу никаких поручений, но черному страшилищу не сиделось без дела. Не получая заданий, робот сам себе выдумывал работу, развивал бурную деятельность и опустошал поля и склады Настойча.

В целях самозащиты Настойч поручил роботу самое безобидное занятие, которое только мог придумать. Он приказал машине вырыть колодец, надеясь, что та погребет себя на дне. Однако из вечера в вечер робот поднимался на поверхность, перемазанный и торжествующий, и входил в хижину, щедро посыпая еду Настойча землей, распространяя аллергические заболевания, ломая тарелки и оконные стекла.

Настойч помрачнел, но терпел создавшееся положение. Теперь робот казался ему воплощением другой, темной стороны его души, воплощением незадачливого растяпы Настойча. Когда он видел разрушительные набеги робота, ему чудилось, будто

он следит за уродливой частью самого себя, словно это живая патология, отлитая из металла.

Он старался стряхнуть с себя это ощущение. Однако робот все более воплощал разрушительные стороны натуры Настойча, но только оторванные от явлений жизни, их порождающих, и доведенные до абсурда.

Настойч трудился не покладая рук, а за ним, крадучись, шел его невроз — разрушительная сила, обладающая самозащитой, как все неврозы. Неистребимая болезнь жила с Настойчем под одной крышей, следила за ним, пока он ел, и стояла рядом, пока он спал.

Настойч выполнял свои обязанности и справлялся с ними все лучше и лучше. Он как мог наслаждался днями, грустил при закате солнца и проводил кошмарные ночи, когда над его ложем стоял робот и, казалось, размышлял, не пора ли свести счеты. А наутро, просыпаясь живым и невредимым, Настойч прикидывал, как бы избавиться от своего спотыкавшегося, неуклюжего, пагубного невроза.

Однако положение оставалось безвыходным да вдобавок осложнилось новым обстоятельством.

Несколько дней дождь лил как из ведра. Когда небо прояснилось, Настойч вышел на поля. Позади него громыхал робот, который нес орудия труда.

Внезапно в сырой земле под ногами Настойча разверзлась трещина. Она расширилась, и весь участок, где стоял Настойч, обвалился. Настойч выпрыгнул на откос, и робот втащил его наверх, едва не вывихнув ему при этом руку.

Осмотрев обвалившийся участок поля, Настойч увидел, что под ним проходит туннель. Еще заметны были следы земляных работ. С одной стороны туннель завален, но в другом направлении он уходил в глубь земли.

Настойч вернулся за лучеметом и фонариком. Он спустился по склону, осветил туннель и увидел мохнатое существо, которое торопливо скрылось за поворотом. Оно походило на огромного крота.

Наконец-то Настойч встретил на Тэте иные формы жизни.

Последующие несколько дней он осторожно исследовал туннели и два-три раза мельком видел серые кротоподобные тени, которые тотчас исчезали в лабиринте подземных ходов.

Настойч изменил тактику. Он углубился в главный туннель всего на несколько сот метров и оставил там свой дар — плоды. Когда на другой день он вернулся к тому же месту, плодов не было. Вместо них лежали две глыбы свинца.

Обмен дарами длился целую неделю. Как-то раз, когда Настойч нес плоды и ягоды, в туннеле показался огромный крот,

который медленно и с явным беспокойством двигался навстречу человеку. Он знаком указал на фонарик, и Настойч прикрыл рукой свет, чтобы не причинять боль глазам крота.

Он выжидал. Крот медленно передвигался на двух ногах, морща нос и прижав сморщенные ручки к груди. Остановившись, он взглянул на Настойча выпученными глазами. Потом наклонился и нацарапал на земляном полу туннеля какой-то знак.

Настойч понятия не имел, что означает этот знак. Однако само действие предполагало наличие разума, умение говорить и абстрактно мыслить. Он нацарапал рядом со знаком крота другой знак, желая показать, что наделен такими же качествами.

Между двумя расами завязалось общение. За спиной у Настойча, сверкая глазами, стоял робот и наблюдал, как человек и тэтанец стремятся понять друг друга.

Установление контакта принесло Настойчу еще больше забот. Надо было обрабатывать поля и сады, ремонтировать оборудование и присматривать за роботом; в свободное время Настойч прилежно изучал язык кротов. А кроты так же прилежно помогали Настойчу.

Постепенно человек и кроты стали понимать друг друга, наслаждаясь взаимным общением; они подружились. Настойч узнал о повседневной жизни кротов, об их отвращении к свету, о путешествиях по подземным пещерам, о тяге к знаниям и просвещению. В свою очередь он рассказал кротам все, что мог, о Человеке.

— А что это за металлический предмет? — поинтересовались кроты.

— Слуга Человека, — ответил Настойч.

— Но он стоит за твоей спиной и сердито сверкает глазами. Этот металлический предмет ненавидит тебя. Все ли металлические предметы ненавидят людей?

— Конечно, нет, — сказал Настойч. — Это особый случай.

— Он нас пугает. Все ли металлические предметы пугают?

— Некоторые, но не все.

— Когда этот металлический предмет не сводит с нас глаз, нам трудно думать и трудно понимать твои слова. Всегда ли так бывает с металлическими предметами?

— Иногда они некстати вмешиваются, — признал Настойч. — Но не бойтесь, робот вас не тронет.

Кротовый народец не разделял мнения Настойча. Наш герой рассыпался в извинениях за тяжелую, неуклюжую, невоспитанную машину, рассказал о том, как машины верно служат Человеку и как облегчают его жизнь. Однако кротовый народец

остался при своем убеждении и упорно избегал страшного робота.

Тем не менее после длительных переговоров Настойч заключил с кротовым народцем пакт о сотрудничестве. За свежие плоды и ягоды, которые были кротам весьма по вкусу, но редко им доставались, они обязались добывать будущим колонистам металлическую руду, а также искать для них источники воды и нефти. Более того, колонистам предоставлялась во владение вся поверхность Тэты, а хозяевами недр торжественно признавались тэтанцы.

Обеим сторонам такое распределение благ показалось справедливым, и Настойч вместе с вождем кротов скрепили каменный документ своими подписями, увенчав их настолько замысловатыми росчерками, насколько позволил резец.

В честь знаменательного события Настойч устроил пир. Вдвоем с роботом он принес кротам щедрый дар — самые изысканные плоды и ягоды. Пушистые, серые, ясноглазые кроты собрались толпой и стали нетерпеливо попискивать.

Робот поставил наземь корзины с плодами и отошел в сторонку, но поскользнулся на гладком камушке, замолотил руками, чтобы удержать равновесие, и с грохотом повалился на одного из кротов. Тут же робот поднялся на ноги и, протянув неловкие стальные руки, попытался поднять жертву, но было поздно. Он сломал несчастному позвоночник.

Остальных кротов как ветром сдуло — они исчезли и унесли с собой погибшего. А Настойч с роботом остались в туннеле вдвоем, окруженные огромными грудами плодов.

В ту ночь Настойч долго и упорно размышлял. Ему была понятна дьявольская логика событий. Контакты минимально жизнеспособных освоителей с инопланетянами, как правило, связаны с известной неуверенностью, недоверием, непониманием и даже со смертельными случаями. У него же отношения с кротовым народцем шли как по маслу — слишком гладко для минимальных способностей.

Робот попросту внес поправку в сложившуюся ситуацию и совершил те ошибки, каких можно было ждать от Настойча.

Однако, понимая логику событий, Настойч не принимал ее. Кротовый народец был его другом, а Настойч его предал. Между ними больше не бывать дружбе, и будущим колонистам нечего мечтать о сотрудничестве. Все это несбыточно, пока по туннелям, спотыкаясь, топает робот.

Настойч пришел к выводу, что робот должен быть уничтожен. Он решил пустить в ход свои новые, с таким трудом приобретенные качества и раз и навсегда отделаться от пагубного невроза, не отстающего от него ни на шаг. Если придется заплатить

жизнью, — ну что ж, напомнил себе Настойч, меньше чем год назад я соглашался расстаться с нею по гораздо менее серьезным причинам.

Он восстановил контакт с кротами и поговорил с ними на эту тему. Кроты согласились помочь ему, ибо даже у этих смирных существ было какое-то понятие о возмездии. Они подсказали несколько идей, удивительно похожих на человеческие, поскольку кроты тоже умели воевать. Они объяснили Настойчу, что надо сделать, и тот обещал попробовать.

Через неделю кроты подготовили все. Настойч нагрузил робота корзинами с плодами и повел его в туннель, словно пытаясь заключить новое соглашение.

Кротовый народец не показывался на глаза. Настойч и робот забрались далеко в подземные коридоры, освещая себе фонариками путь во мгле. Глаза-фотоэлементы робота мерцали красным огнем, а сам он грозно высился за спиной у Настойча.

Вошли в подземную пещеру. Раздался еле слышный свист, и Настойч метнулся в сторону.

Робот, почуяв опасность, хотел последовать за ним, но, заторможенный своей программой незадачливости, споткнулся, и плоды разлетелись по полу пещеры. Тут из мрака сверху спустились канаты, которые опутали голову и плечи робота.

Он старался разорвать прочное волокно, но его опутывали все новые и новые канаты, а он все напрягался, чтобы разорвать узы, и из его суставов сочилось масло. Несколько минут в пещере слышался лишь свист летящих канатов, поскрипывание суставов робота да сухой треск рвущихся волокон.

Настойч вернулся в пещеру и присоединился к сражению. Нападающие связывали робота все надежнее и надежнее, пока наконец не парализовали его окончательно и он уже не мог найти точку опоры. А канаты все свистели в воздухе, и робот наконец опрокинулся — исполинский канатный кокон, у которого виднелись только ступни и голова.

Тогда кроты в восторге заверещали и попытались тупыми землеройными когтями выцарапать роботу глаза. Однако глаза прикрылись стальными веками. Кроты ограничились тем, что насыпали песка в суставы, а потом Настойч растолкал тэтанцев и попытался расплавить робота последним лучеметом.

Прежде чем металл раскалился, лучемет вышел из строя. Роботу связали ноги и поволокли по коридору, который заканчивался глубокой расселиной. Его сбросили в расселину, послушали, как он стукается о гранитные стены пропасти, а когда он упал на дно, разразились торжествующими криками.

Кроты устроили праздник. Но Настойчу было не по себе. Он вернулся в хижину и двое суток отлеживался в кровати,

твердя себе снова и снова, что ведь не человека он убил и даже не мыслящее существо, а всего-навсего уничтожил опасную машину.

Однако он не мог забыть молчаливого спутника, который сражался вместе с ним против птиц, сеял на его полях и все ломал, он был неуклюж на его, Настойча, лад — на такой лад, что уж кто-кто, а Настойч способен это понять и простить.

Некоторое время спустя он чувствовал себя так, как если бы отмерла часть его души. Но вечерами его навещали кроты и утешали, да и надо было работать на полях и складах.

Наступила осень — пора уборки урожая. Настойч взялся за дело. Вскоре после исчезновения робота в нем опять пробудилась прежняя склонность к несчастным случаям. Настойч преодолел ее с новой верой в себя. К первому снегу работа по уборке урожая и консервированию продуктов была завершена. Близился к концу год пребывания Настойча на Тэте.

По радио он послал Гаскеллу отчет об опасностях, достоинствах и потенциальных возможностях планеты, сообщил о соглашении с кротовым народцем и рекомендовал планету для заселения. Через две недели Гаскелл откликнулся.

— Хорошо потрудились, — сказал он Настойчу. — Правление считает, что Тэта, безусловно, соответствует требованиям минимальной жизнеспособности. Мы немедленно высылаем корабль с колонистами.

— Значит, испытание закончено? — спросил Настойч.

— Вот именно. Корабль прибудет месяца через три. Возможно, эту партию привезу я сам. Поздравляю, мистер Настойч. Вы станете отцом-основателем новехонькой колонии!

— Право, не знаю, как и благодарить вас, мистер Гаскелл.

— Наоборот. Кстати, как вы справились с роботом?

— Уничтожил, — ответил Настойч и рассказал о гибели робота и позднейших событиях.

— Гм, — промычал Гаскелл.

— Вы сами говорили, что правила этого не воспрещают.

— Так оно и есть. Робот входит в ваше снаряжение, так же как лучеметы, палатки и продукты питания. Как и они, робот является одной из проблем вашего выживания. Вы вправе были распоряжаться им как угодно.

— В чем же дело?

— Да просто хотелось бы думать, что вы его действительно уничтожили. Знаете ли, все эти модели, предназначенные для контроля качества, рассчитаны на долгосрочную службу. В них встроены узлы саморемонта, им сообщено острое чувство самосохранения. Укокошить такого робота дьявольски трудно.

— По-моему, мне это удалось, — заметил Настойч.

— Будем надеяться. Но если робот уцелел, ждите неприятных сюрпризов.

— Почему? Он будет мстить?

— Ну что вы! Робот лишен эмоций.

— Так в чем же дело?

— Вся беда вот в чем. Назначением робота было сводить на нет всякое улучшение вашей жизнеспособности. Вот он и делал различные пакости.

— Конечно. Значит, если он вернется, все начнется сызнова?

— Даже хуже. Вот уже несколько месяцев, как робот разлучен с вами. Если он еще функционирует, то в нем накопились невостребованные бедствия. Вся жажда разрушения, которую ему полагалось накопить за месяцы, должна найти выход, и лишь тогда робот может вернуться к нормальной работе. Вы меня поняли?

Настойч нервно откашлялся.

— И, само собой, он уж постарается разрядить их побыстрее, чтобы прийти в норму.

— Естественно. Так вот, корабль прибудет месяца через три. Быстрее невозможно. Советую вам убедиться, что робот обезврежен. Теперь нам нежелательно лишиться вас.

— Да, нежелательно, — согласился Настойч. — Я сейчас же займусь этим вопросом.

Он захватил все необходимое и поспешил в туннели. Кроты, которым он объяснил положение вещей, проводили его к расселине. Оснащенный паяльной лампой, ножовкой, кувалдой и долотом, Настойч стал медленно спускаться по крутому склону расселины.

Он быстро отыскал на дне место падения робота. Там, между двумя валунами, торчала цельная металлическая рука, вырванная из плечевого сустава. Чуть подальше он нашел осколки разбитого глаза-фотоэлемента и наткнулся на пустой кокон из порванных, разлохмаченных канатов.

Самого же робота нигде не было.

Настойч взобрался вверх по склону, предупредил кротов об опасности и занялся приготовлениями.

Двенадцать дней прошли мирно. На тринадцатый вечер перепуганный крот принес Настойчу весть. В туннелях снова появился робот; он шествует темными подземными ходами, сверкая единственным уцелевшим глазом, и безошибочно пробирается по лабиринту в главный коридор.

Подготовленные к его появлению, тэтанцы встретили его канатами, но робот уже извлек уроки из прошлого. Он увернулся от бесшумно падающих петель и напал на кротов. Шестерых он убил, а остальных обратил в бегство.

Выслушав новости, Настойч коротко кивнул, отпустил крота и возобновил работу. Линию обороны в туннелях он уже наладил. Теперь же он разложил перед собой на столе четыре неисправных лучемета, разобранных до винтика. Работая без справочников и пособий, он пытался из четырех комплектов деталей собрать одно действующее оружие.

Он работал до поздней ночи — тщательно проверял каждую деталь и укладывал на место в корпус. Крохотные детальки расплывались перед глазами, пальцы одеревенели и разбухли, точно сосиски. Крайне осторожно, пользуясь пинцетом и лупой, он приступил к сборке оружия.

Внезапно раздался трубный звук — ожил приемопередатчик.

— Антон, — спрашивал Гаскелл, — что слышно о роботе?

— Вот-вот явится, — ответил Настойч.

— Этого я боялся. Послушайте, мне удалось дозвониться на завод-изготовитель. Мы крупно повздорили, но я добился разрешения вывести робота из строя и получил подробную инструкцию.

— Спасибо, — сказал Настойч. — Говорите скорее, как это делается.

— Необходимо следующее оборудование: источник электроэнергии, дающий ток двадцать пять ампер под напряжением двести вольт... Даст ваш генератор такой ток?

— Даст. Продолжайте.

— ...Медный стержень, серебряная проволока и щуп, сделанный из непроводящего материала, например из дерева. Все это монтируется в следующем...

— Мне ни за что не успеть, — заметил Настойч, — но говорите.

В рации что-то громко зажужжало.

— Гаскелл! — вскричал Настойч.

Рация молчала. Из хижины с радиоаппаратурой донесся шум — там что-то рухнуло. Затем на пороге появился робот.

У него не было левой руки и правого глаза, но узел саморемонта залечил пораненные места. Теперь робот был тускло-черный, а на груди и боках у него проступали полоски ржавчины.

Настойч перевел глаза на почти собранный лучемет и стал прилаживать последние детали.

Робот направился к человеку.

— Ступай наруби дров, — распорядился Настойч самым естественным тоном, на какой был способен.

Робот остановился, повернулся, взял топор и после некоторого колебания вышел из комнаты.

Настойч окончил работу и стал завинчивать крышку.

Робот отбросил топор и снова повернулся, раздираемый противоречивыми командами. Настойч рассчитывал, что в результате конфликта в какой-нибудь схеме расплавится предохранитель. Однако робот принял решение и устремился к Настойчу.

Настойч навел на врага лучемет и спустил курок. Сгусток энергии остановил робота на полпути. Металлическая кожа мгновенно раскалилась докрасна.

Тут лучемет опять вышел из строя.

Настойч выругался, замахнулся тяжелым оружием и швырнул им в единственный глаз робота, но промахнулся. Лучемет отскочил от металлического лба.

Оглушенный робот искал человека ощупью. Настойч увернулся от его руки и, выбежав из хижины, устремился к черному устью туннеля. Войдя туда, он бросил взгляд назад и увидел, что робот продолжает погоню.

Настойч прошел по туннелю несколько сот метров, включил фонарик и стал поджидать робота.

Как только Настойч убедился, что робот не уничтожен, он тщательно обдумал план действий.

Первой мыслью, естественно, было скрыться. Но робот, способный двигаться не отдыхая, догонит его без труда. Бесцельно петлять по лабиринту туннелей тоже не годится. Пришлось бы делать привалы, чтобы поесть, напиться и отоспаться. А роботу привалы не нужны.

Поэтому Настойч устроил в туннелях множество ловушек и на них-то возлагал все надежды. Хоть одна да сработает. В этом он не сомневался.

Но, даже твердя слова утешения, Настойч содрогался при мысли о множестве несчастий, которые накопил для него робот: о месяцами не заживающих переломах, трещинах ребер, вывихнутых лодыжках, о рубленых ранах, укусах, инфекционных и хронических болезнях. Все это робот вывалит на него в один прием, чтобы поскорее возобновить текущую деятельность.

Нет, Настойчу никак не пережить этой полосы несчастий. Ловушки *обязательно* должны сработать!

Вскоре послышались громовые шаги робота, а затем появился и он сам. Увидев Настойча, он заспешил к нему.

Настойч пробежал по туннелю со скоростью спринтера, потом свернул в более узкий проход. Робот постепенно сокращал разделяющую их дистанцию.

Добежав до характерного обнажения пород, Настойч оглянулся, чтобы прикинуть дистанцию, и дернул веревку, запрятанную в скалах.

Кровля туннеля обвалилась, засыпав робота тоннами земли и камней. Сделай робот еще шаг вперед — и он оказался бы погребенным.

Однако, мгновенно оценив ситуацию, он вихрем отпрянул назад. Его запорошило землей, мелкие камешки забарабанили по голове и плечам. Но основная масса породы миновала его.

Когда упала последняя песчинка, робот перелез через новоявленный холм и продолжил погоню.

Настойч выбивался из сил. Неудача с ловушкой обескуражила его. Однако, напомнил он себе, впереди есть кое-что почище. Вторая ловушка наверняка прикончит несносную машину.

Они бежали по извилистому туннелю, где путь освещался лишь редкими вспышками фонарика Настойча. Робот снова догонял человека. Настойч выбежал на прямой участок и ускорил бег.

Он пересек клочок земли, который ничем не отличался от всякого другого. Но как только туда, громыхая, ступил робот, земля расступилась. Настойч все тщательно рассчитал. Ловушка, выдерживающая его вес, тотчас рухнула под тяжестью робота.

Робот замахал рукой, ища, за что бы ухватиться. Между пальцами у него заструилась земля, и он соскользнул в капкан, который смастерил Настойч, — конусообразную яму, стенки которой сходились книзу наподобие гигантской воронки, где робот должен был заклиниться на веки вечные.

Однако робот широко растопырил ноги, раздвинув их почти под прямым углом к туловищу. Суставы его затрещали — с таким усилием вонзил он пятки в пологие стенки ямы; под его тяжестью со стенок посыпалась земля, но они выдержали. Роботу удалось притормозить, не долетев до дна.

Рукой робот выдолбил в земле глубокие упоры. Он вытащил одну ногу, нащупал упор, поставил ее туда; потом вытащил другую ногу. Медленно, но верно робот выбирался из плена, и Настойч снова пустился бегом.

Теперь он дышал тяжело и прерывисто, а в боку у него кололо. Робот бежал быстрее, чем раньше, и Настойчу стоило немалых усилий оставаться впереди.

Как он рассчитывал на эти две ловушки! Теперь осталась только одна. Очень хорошая, но связана с риском.

Головокружение все усиливалось, но Настойч заставил себя сосредоточиться. Когда остается последняя ловушка, надо учитывать каждую мелочь. Он миновал камень с белой пометкой и выключил фонарик. Тут он сбавил скорость и, отсчитывая шаги, дождался, пока робот не очутился прямо у него за спиной и едва не сгреб его пятерней за шиворот.

Восемнадцать... девятнадцать... двадцать!

На двадцатом шаге Настойч нырнул головой во мрак. Несколько секунд он, казалось, парил в воздухе. Потом упал в воду, нырнул на небольшой глубине, выплыл на поверхность и стал выжидать.

Робот зашел слишком далеко, чтобы остановиться. С оглушительным всплеском он угодил в подземное озеро, яростно захлопал руками и ногами, поднимая тучи брызг, и наконец с бульканьем скрылся под водою.

Услыхав это бульканье, Настойч поплыл к другому берегу, благополучно добрался до него и вылез из ледяной воды. Несколько секунд он дрожал на скалах, облепленных илом. Потом заставил себя ползти на четвереньках дальше по берегу, к тайнику, где он припас дрова, спички, виски, одеяла и сухую одежду.

Еще несколько часов Настойч сушился, переодевался и разводил костер. Он поел, напился и стал разглядывать неподвижную гладь подземного озера. Задолго до сегодняшних приключений он измерил его глубину с помощью тридцатиметрового лота и не достиг дна. Быть может, это озеро бездонное. А скорее всего, из него берет начало подземная река с быстрым течением, которое унесет робота далеко, на долгие недели, даже месяцы. Или...

Он услышал тихий плеск и направил в ту сторону луч фонарика. Из воды высунулась голова робота, за нею показались плечи и торс.

Очевидно, озеро не было бездонным. Должно быть, робот пересек его по дну и вскарабкался на крутой берег.

Робот стал взбираться вверх по илистым скалам. Настойч устало поднялся на ноги и бросился бежать.

Последняя ловушка тоже оказалась бесполезной, и робот теперь надвигался на него, чтобы умертвить. Настойч мчался к выходу из туннеля. Ему хотелось погибнуть при свете солнца.

Передвигаясь рысцой, Настойч вывел робота из туннеля на крутой склон горы. Дыхание жгло ему глотку, мускулы живота напряглись до боли. Он бежал, прикрыв глаза, голова кружилась от изнеможения.

Ловушка не помогла. Как это он раньше не понял, что они наверняка не помогут? Робот — часть его самого, его невроз, который хочет его доконать. Может ли человек перемудрить самую мудреную часть самого себя? Правая рука всегда узнает, что творит левая, и даже самые хитроумные уловки лишь ненадолго обманывают искуснейшего из обманщиков.

«Не с того конца я взялся за дело, — думал Настойч, когда лез вверх по склону. — Обман к свободе не приведет. Надо...»

Робот чуть не ухватил его за ногу, грубо напомнив о разнице между теоретическими и практическими познаниями. На-

стойч рванулся вперед и принялся бомбардировать его камнями. Отмахнувшись от них, как от мух, робот полез дальше по склону.

Настойч срезал угол по почти отвесной скале. Свободы обманом не добьешься, твердил он себе. Обман непременно подведет. Выход — в перемене! Выход — в покорении, но не робота, а того, что олицетворяет робот.

Самого себя!

Он был в полубреду, мысли текли бесконтрольно. Он убеждал себя: если побороть ощущения сходства с роботом, то робот явно перестанет быть его, Настойча, неврозом! Он превратится в обыкновенный невроз и потеряет власть над Настойчем.

Нужен сущий пустяк: исцелиться от невроза (пусть хоть на десять минут) — и робот не причинит ему вреда!

Отхлынула усталость, и Настойча переполнила необычная опьяняющая самоуверенность. Он дерзко пробежал по хаотическому нагромождению камней — подходящему местечку для того, чтобы вывихнуть лодыжку или сломать ногу. Годом, даже месяцем раньше с ним бы здесь непременно что-нибудь произошло. Однако переродившийся Настойч, уподобясь полубогу, легко перемахнул через огромные камни.

Робот, однорукий и одноглазый, упрямо принял несчастье на себя. Он зацепился за что-то и во весь рост растянулся на острых камнях. Когда робот, поднявшись, снова пустился в погоню за Настойчем, он заметно хромал.

Окрыленный успехом, но предельно настороженный, Настойч уперся в гранитную стену и прыгнул на выступ — едва заметную серую тень. На какую-то страшную долю секунды он повис в воздухе, но тут, когда пальцы его чуть не соскользнули со стены, он нащупал ногой опору. Не колеблясь, он подтянулся на руках и спрыгнул по другую сторону стены.

За ним, громко скрипя суставами, последовал робот. Он повредил себе палец — раньше нечто подобное случилось бы с Настойчем.

Настойч перескакивал с валуна на валун. Робот, то и дело скользя и оступаясь, приближался. Настойчу все было безразлично. Ему пришло в голову, что свойственная ему склонность к несчастным случаям подготовила его к этому решающему мигу. Теперь наступил отлив. Наконец-то Настойч стал тем, к чему его предназначала природа, — он приобрел *иммунитет* к несчастным случаям!

Робот пополз за ним по сверкающей поверхности белого камня. Опьяненный крайней уверенностью в своих силах, Настойч столкнул вниз несколько валунов и закричал во все горло, чтобы вызвать обвал.

Камни зашевелились, а над собой он услышал глухой грохот. Настойч укрылся за валуном, избежав простертой ручищи робота, и обнаружил, что дальше отступать некуда.

Он оказался в низенькой и неглубокой пещерке. Перед ним, загородив вход, вырос робот и отвел назад свой железный кулак.

При виде бедного, неуклюжего робота, подверженного несчастным случаям, Настойч разразился хохотом. Но тут робот выбросил вперед кулак, вложив в удар всю свою силу.

Настойч увернулся, но в этом не было нужды. Неуклюжий робот и так промазал по меньшей мере на сантиметр. Как раз такой ошибки и следовало ждать от нелепого создания, раба нелепых несчастных случаев.

Сила отдачи отбросила робота, он пошатнулся. Отчаянно стараясь удержать равновесие, он балансировал на краю скалы. Всякому нормальному человеку или роботу это удалось бы. Но не рабу несчастных случаев. Он упал ничком, разбив при падении единственный глаз, и покатился по склону.

Настойч выглянул было из пещеры, чтобы подтолкнуть падающего, но тотчас поспешно забился в самый дальний угол. Вместо него дело сделал обвал — он покатил быстро уменьшающееся черное пятно по пыльно-белому склону горы и забросал тоннами камней.

Настойч, усмехаясь, наблюдал за происходящим. Потом стал спрашивать себя, что он, собственно говоря, здесь делает.

Тут-то его и начала бить дрожь.

Спустя несколько месяцев Настойч стоял у сходней колонистского судна «Кучулэйн» и смотрел, как на зимнюю, залитую солнцем Тэту высаживаются колонисты. Среди них были самые разные люди.

Все они отправились на Тэту, чтобы начать новую жизнь. Каждый был кому-то дорог, по крайней мере самому себе, и каждый заслуживал какого-то шанса на жизнь независимо от степени своей жизнеспособности. Не кто иной, как он, Антон Настойч, разведал для этих людей минимальные возможности существования на Тэте и в какой-то степени вселил надежду в самых неспособных — в неумеек, которым тоже хочется жить.

Он отвернулся от потока первых поселенцев и по служебной лестнице поднялся на судно. В конце концов он вошел в каюту Гаскелла.

— Ну что, Антон, — спросил Гаскелл, — как они вам показались?

— По-моему, хорошие ребята, — ответил Настойч.

— Вы правы. Эти люди считают вас отцом-основателем, Антон. Вы им нужны. Останетесь?

Настойч сказал:

— Я считаю Тэту своим домом.

— Значит, решено. Я только...

— Погодите, — прервал его Настойч. — Я еще не кончил. Я считаю Тэту своим домом. Я хочу здесь осесть, жениться, завести детишек. Но не сразу.

— Что такое?

— Мне здорово пришлось по душе освоение планет, — пояснил Настойч. — Хотелось бы еще поосваивать. Одну-две планетки. Потом я вернусь на Тэту.

— Этого я не ожидал, — с несчастным видом пробормотал Гаскелл.

— А что тут такого?

— Ничего. Но боюсь, что нам уже не удастся привлечь вас в качестве освоителя, Антон.

— Почему?

— Вы ведь знаете наши требования. Застолбить планету под будущую колонию должен минимально жизнеспособный человек. Как ни напрягай фантазию, вас уже никак не назовешь минимально жизнеспособным.

— Но ведь я такой же, как всегда! — возразил Настойч. — Да, на этой планете я исправился. Но вы же этого ожидали и навязали мне робота, который все компенсировал. А кончилось тем...

— Да, чем же кончилось?

— Что ж, кончилось тем, что я как-то увлекся. Наверное, пьян был. Не представляю, как я мог такое натворить.

— Но ведь натворили же!

— Да. Но постойте! Пусть так, но ведь я еле в живых остался после опыта — всего этого опыта на Тэте. Еле-еле! Разве это не доказывает, что я по-прежнему минимально жизнеспособен?

Гаскелл поджал губы и задумался.

— Антон, вы почти убедили меня. Но боюсь, что вы просто играете словами. Честно говоря, я больше не могу считать вас человекоминимумом. Боюсь, придется вам смириться со своим жребием на Тэте.

Настойч сник. Он устало кивнул, пожал Гаскеллу руку и повернулся к двери.

Поворачиваясь, он задел рукавом чернильный прибор и смахнул его со стола.

Настойч кинулся его поднимать и грохнулся головой о стол. Весь забрызганный чернилами, он помедлил, зацепился за стул, упал.

— Антон, — нахмурился Гаскелл, — что за представление?

— Да нет же, — сказал Антон, — это не представление, черт возьми!

— Гм. Любопытно. Ну, вот что, Антон, не хочу вас слишком обнадеживать, но возможно — учтите, не наверняка, только возможно...

Гаскелл пристально поглядел на разрумянившееся лицо Настойча и разразился смехом:

— Ну и пройдоха же вы, Антон! Чуть не одурачили меня! А теперь, будьте добры, проваливайте отсюда и ступайте к колонистам. Они воздвигнут статую в вашу честь и, наверное, хотят, чтобы вы присутствовали на открытии.

Пристыженный, но невольно ухмыляющийся Антон Настойч ушел навстречу своей новой судьбе.

ПЕСНЬ ЗВЕЗДНОЙ ЛЮБВИ

Лоллия — это маленький, поросший соснами островок в Эгейском море. Он необитаем, и добраться туда сложно, хоть не вполне невозможно. В Хиосском порту Кинкейд взял напрокат алюминиевую лодку, погрузил туда туристское снаряжение и, при попутном ветре и спокойном море, добрался до Лоллии за шесть часов — как раз перед закатом.

Кинкейд был высок и худ; светлую веснушчатую кожу курносого лица опалило жестокое летнее солнце Греции. Одет он был в мятый белый костюм и полотняные туфли. Было ему тридцать два года, и курчавые рыжеватые волосы на макушке начали редеть. Кинкейд был представителем вымирающего племени богатых археологов-любителей. О Лоллии он услыхал в Миконосе. Рыбак сказал ему, что остров этот временами посещают древние боги, и разумные люди держатся от Лоллии подальше. Кинкейд, само собой, ощутил острое желание оказаться там немедленно. Ему требовался отдых от развлечений миконосских кафе.

Кроме того, всегда оставался шанс найти какую-нибудь древность. Многие открытия делались на ровном месте, всего под парой дюймов земли. Конечно, не в таких исхоженных местах, как Микены, Тирены, Дельфы, где ученые и туристы роются столетиями. В наше время счастливые находки делаются в неподходящих местах, на задворках великих цивилизаций. Вроде той самой Лоллии.

Если он и не найдет ничего, все равно будет приятно пожить на острове пару деньков, прежде чем лететь на Венециан-

ский кинофестиваль на встречу с друзьями. А шанс обнаружить нечто невиданное всегда остается.

Что же до рыбацких разговоров о древних богах, Кинкейд не был уверен, списать ли их на счет любви греков к преувеличениям или к суевериям.

На Лоллию Кинкейд прибыл перед самым закатом, когда небо над Эгейским морем, быстро темнея, проходит через все оттенки лилового в глубокую прозрачную синеву. Ветерок подгонял волны, воздух был чист. То был день, достойный богов.

В поисках удобного места для высадки Кинкейд обогнул весь остров и на северной его оконечности нашел небольшой пляж. Лодку Кинкейд вытащил из прибоя на берег и привязал к дереву. А потом он начал восхождение по изрезанному трещинами утесу, сквозь густой кустарник, пахнущий розмарином и тимьяном.

На вершине острова оказалось небольшое плато, где Кинкейд обнаружил остатки древнего святилища. Алтарные камни потрескались и разошлись, но можно еще было различить следы искусной резьбы.

Невдалеке в склоне холма виднелась пещерка. Кинкейд направился было туда и остановился. Из пещеры появилась человеческая фигурка. Девушка. Молоденькая, очень симпатичная, рыжеволосая, в простом льняном платье. Девушка смотрела на Кинкейда.

— Как вы сюда попали? — спросил тот.

— Звездолет высадил, — ответила она. Ее безупречный английский был, однако, окрашен каким-то неопределимым акцентом, который Кинкейд нашел очаровательным.

Как она оказалась на острове, Кинкейд не мог себе представить. Не звездолет же ее привез; это, конечно, шутка. Но ведь как-то она же прибыла? Другой лодки Кинкейд не заметил. Проплыть семьдесят миль от Хиоса она вряд ли в силах. Может, ее высадил вертолет? Возможно, но маловероятно. Выглядела она так, словно готова для пикника: ни пятнышка на платье, только что нанесенная косметика. Кинкейд остро ощутил, что после сложных альпинистских упражнений грязен, потен и неопрятен.

— Не хотел бы показаться назойливым, — заметил Кинкейд, — но все-таки не скажете ли, как вам удалось сюда забраться?

— Я уже сказала. Меня высадил звездолет.

— Звездолет?

— Да. Я не человек. Я андарианка. Ночью корабль за мной вернется.

— Ну-у, это серьезно, — промолвил Кинкейд с многозначительной улыбкой. — Издалека прибыли?

— О, полагаю, что до нашей планеты Андар несколько сот миллионов миль. Мы, конечно, умеем преодолевать световой барьер.

— Это само собой, — поддакнул Кинкейд. Или у девушки нет чувства меры, или у нее с головой не в порядке. Скорее, последнее. История была такая нелепая, что хотелось смеяться. Но девушка была столь неимоверно прекрасна, что Кинкейд понял — если он ее не трахнет, у него случится нервный срыв.

Он решил ей подыграть.

— Как тебя зовут? И зачем ты сюда прилетела? — осведомился он.

— Можешь звать меня Алия. Твоя планета — одна из тех, которые андарианки решили обследовать после того, как Великое Исчезновение заставило нас покинуть родину и уйти в космос. Но об Исчезновении мне не позволено говорить.

Да, действительно сумасшедшая; но Кинкейд был так очарован, что решил не обращать внимания.

— Ты, случаем, не из здешних древних богов? — спросил он.

— О нет, я не с Олимпа, — рассмеялась она. — Но когда мой народ посещал вашу планету много веков назад, они и породили эту легенду.

Кинкейду было наплевать, что эта девушка болтает или откуда она взялась. Он хотел ее. Он еще никогда не занимался любовью с внеземными существами. Первый раз — это всегда серьезно. Такие симпатичные инопланетянки не каждый день встречаются. И кто знает — может, она *и в самом деле* с другой планеты. Впрочем, это Кинкейду было безразлично.

Кем бы она ни являлась и откуда бы ни пришла, девушка была прекрасна. Желание захлестнуло Кинкейда.

Да и она, кажется, была к нему небезразлична. Кинкейд заметил, как смущенно и лукаво поглядывает на него странная девушка, как отводит взгляд. На ее щеках появился румянец. Пока они болтали, девушка бессознательно приблизилась к нему.

Сейчас или никогда, подумал Кинкейд и ловко заключил девушку в объятия.

Вначале она прижалась к нему, потом отстранилась.

— Ты очень привлекателен, — сказала она. — Я даже удивлена, как ты притягиваешь меня. Но любовь между нами невозможна. Я не твоей расы и не с твоей планеты. Я андарианка.

Опять она за свое.

— Ты хочешь сказать, что в земном смысле ты не женщина? — переспросил Кинкейд.

— Нет, дело не в этом. Проблема чисто психологическая. Мы, андарианки, любим всей душой. Для нас акт спаривания означает брак и пожизненную привязанность. Разводов у нас нет. И мы *хотим* иметь детей.

Кинкейд только усмехнулся. Он уже наслышался подобных фраз от девушек-католичек, за которыми приударял в Шорт-Хиллз, штат Нью-Джерси. Он знал, как следует поступать в подобной ситуации.

— Я люблю тебя, — сказал он. По крайней мере, на тот момент это была правда.

— Я тоже... неравнодушна к тебе, — призналась Алия. — Но ты и представить себе не можешь, что это значит — любить андарианку.

— Так расскажи, — предложил Кинкейд, обнимая девушку за талию и прижимая к себе.

— Не могу, — ответила она. — Это наша священная тайна. И нам не позволено открывать ее мужчинам. Быть может, тебе стоит покинуть меня, пока еще есть время.

Кинкейд понимал, что совет хороший: что-то жуткое было и в девушке, и в том, как она оказалась на острове. Уйти, конечно, стоило; но Кинкейд не мог. В отношении женщин он был сущим наркоманом, а эта девушка представляла собой квинтэссенцию, предел мечтаний донжуана. Кинкейд не был ни писателем, ни художником, а его археологические потуги не могли завоевать ему уважения. Единственное, что он мог оставить потомкам, — это летопись постельных побед. Так пусть на его надгробии напишут: Кинкейд получал лучшее, и брал его там, где находил.

Он поцеловал девушку, и поцелуй их длился, и длился, и продолжался, пока они оседали на землю в фонтане разлетающейся одежды, сквозь который проглядывала плоть. Испытанный Кинкейдом в завершение экстаз превосходил его способности к описанию. Столь могучее чувство захлестнуло его, что Кинкейд едва ощутил шесть коротких уколов — по три в каждый бок, точно в межреберья.

Только потом, развалившийся на спине, усталый и удовлетворенный, Кинкейд обратил внимание на шесть крохотных дырочек в коже. Повернувшись, он глянул на Алию — обнаженную, немыслимо прекрасную; рыжие волосы сияющим облачком окружали овал лица. В горячке любовной страсти Кинкейд не обратил внимания на довольно необычную деталь. Шесть маленьких выступов — по три на каждой стороне грудной клетки — завершались тонкими клыками-иглами. Кинкейду вспомнилось, что самки некоторых насекомых на Земле во время по-

лового акта откусывают самцу голову. Он все еще не верил, что девушка — инопланетянка, но недоверие его заметно поколебалось. Ему вспомнились другие земные насекомые, те, что имитируют других существ, — кузнечики как сучки, жуки как осы. А не скинет ли эта красавица сейчас свой облик?

— Это было прекрасно, милая, — сказал он, — даже если это будет стоить мне жизни.

Алия воззрилась на него.

— О чем ты говоришь? — воскликнула она. — Неужели ты думаешь, что я могу убить тебя? Невозможно! Я андарианка, ты мой супруг до конца наших дней, а живем мы очень долго.

— Тогда что ты со мной сделала? — осведомился Кинкейд.

— Я просто впрыснула тебе детей, — объяснила Алия. — Они будут такие милашки! Надеюсь, они унаследуют твою расцветку.

Кинкейд не сразу понял, что именно ему сообщили.

— Ты уверена, что не отравила меня? — переспросил он. — Чувствую я себя очень странно.

— Это всего лишь гибернационная сыворотка. Я ее впрыснула вместе с детками. А теперь, мой дорогой, ты будешь спать в этой уютной сухой пещерке, а наши дети будут расти в твоих межреберьях. Через год я вернусь, выну их из тебя, перенесу в коконы и отправлю домой, на Андар. Следующая стадия их развития пройдет там.

— А со мной что будет? — осведомился Кинкейд, упорно борясь с нахлынувшим на него сном.

— С тобой все будет в порядке, — заверила его Алия. — Спячка совершенно безопасна. Я вернусь задолго до того, как тебе придет пора рожать. Потом ты отдохнешь немного — примерно недельку. Я буду заботиться о тебе. А тогда мы сможем заняться любовью снова.

— И что?

— И снова придет время спячки, любимый, до следующего года.

Кинкейд хотел было съязвить, что он совершенно иначе собирался провести свою жизнь, а не вот так — час любви, год сна, роды — и все начинается сначала. Он хотел сказать, что лучше бы она тогда откусила ему голову. Но говорить он уже не мог — и едва отгонял от себя сон. Алия собиралась уходить.

— Ты настоящая красотка, — выдавил Кинкейд, — но лучше бы ты осталась на Андаре и вышла замуж за своего одноклассника.

— Я бы так и сделала, любимый мой, — ответила она. — Но случилось что-то страшное. Должно быть, мужчины шпионили

за нашими священными таинствами, потому что все они куда-то запропастились. Это и называется Великим Исчезновением. Они все ушли, совсем ушли, покинули планету.

— Я так и думал, что до них рано или поздно дошло бы, — прошептал Кинкейд.

— Они были не правы, — возразила Алия. — Я понимаю, что деторождение накладывает на плечи мужчин тяжелую ношу, но с этим ничего нельзя поделать, раса обязана жить. И мы, андарианки, сделаем все для этого, через что бы нам ни пришлось пройти. Я ведь *предлагала* тебе уйти. А теперь до свидания, милый! До будущего года!

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА. Роман. *Перевод В. Баканова* 5
ДРАМОКЛ. Роман. *Перевод И. Васильевой* 113
ХОЖДЕНИЕ ДЖОЭНИСА. Роман.
Перевод В. Баканова, В. Бабенко 251
БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ ТРАНАЙ. Повесть.
Перевод А. Вавилова, Ю. Логинова 343
ЖАР ЧУЖИХ ЗВЕЗД. Повесть. *Перевод О. Степашкиной* 383
В СТРАНЕ ЧИСТЫХ КРАСОК. Повесть.
Перевод И. Тогоевой 445

РАССКАЗЫ

Необходимая вещь. *Перевод А. Ежкова* 501
Лаксианский ключ. *Перевод А. Корженевского* 511
Мятеж шлюпки. *Перевод Г. Косова* 520
Рейс молочного фургона. *Перевод Н. Евдокимовой* 532
Призрак V. *Перевод Н. Евдокимовой* 546
Долой паразитов! *Перевод А. Нефедова* 561
Беличье колесо. *Перевод Т. Шинкарь* 568
Премия за риск. *Перевод М. Данилова, Б. Носика* 589
Поединок разумов. *Перевод В. Скороденко* 606
Травмированный. *Перевод Н. Евдокимовой* 641
Компания «Необузданные таланты».
Перевод И. Тогоевой 660
Вор во времени. *Перевод Б. Клюевой* 681
Триптих. *Перевод М. Черняева* 700
Кое-что задаром. *Перевод Т. Озерской* 706
Носитель инфекции. *Перевод Л. Резника* 718
Последнее слово. *Перевод И. Тогоевой* 749

Три смерти Бена Бакстера. *Перевод Р. Гальпериной* 752
Что одному здорово... *Перевод И. Тогоевой* 783
Пленники Манитори. *Перевод А. Рогулиной* 798
Чумной район. *Перевод В. Бука* 817
Дипломатическая неприкосновенность. *Перевод Н. Евдокимовой* 822
Игра с телом. *Перевод Н. Калининой* 840
После этой войны другой не будет. *Перевод О. Вассант* 848
«Особый старательский». *Перевод А. Иорданского* 878
Первый день президента. *Перевод М. Гутова* 900
Случай в боевом вылете. *Перевод М. Черняева* 909
Эмиссар желто-зеленого мира. *Перевод М. Гутова* 916
Терапия. *Перевод А. Вавилова* 922
Счастливчик. *Перевод А. Волнова* 940
Глубокий синий сон. *Перевод М. Гутова* 943
Человекоминимум. *Перевод Н. Евдокимовой* 952
Песнь звездной любви. *Перевод В. Серебрякова* 981

Литературно-художественное издание

Роберт Шекли
ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *И. Ларина*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Майкла Уэлана*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать с готовых монтажей 04.05.2006.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. офс. Усл. печ. л. 52,08. Уч.-изд. л. 57,3.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 8176.

ISBN 5-699-03457-9

ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru